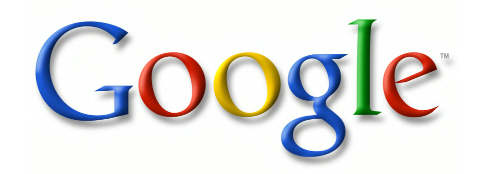
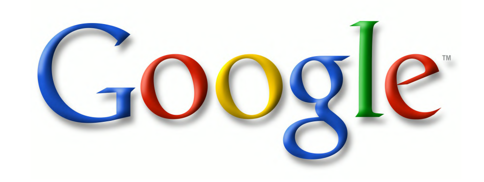
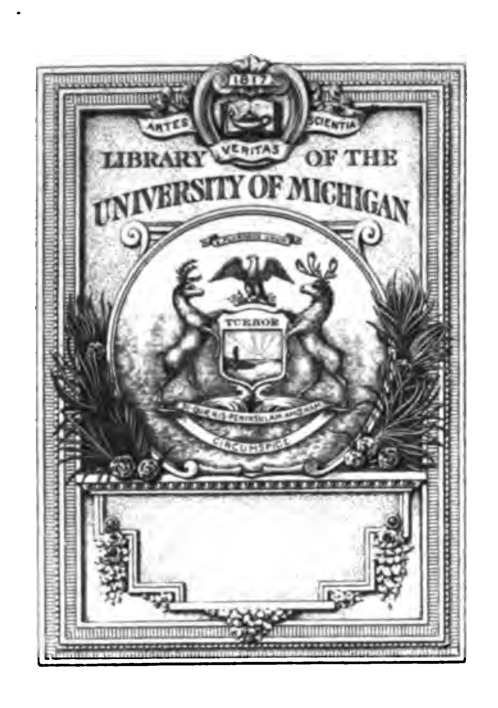

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
CIRCUMSPICE

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1881

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ члена Совѣта **Я. К. Грота** и секретаря Общества **Г. Ѳ. Штендмана.**

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 л. № 12.)

Когда я въ 1877 году приступалъ къ изданію писемъ Екатерины II къ Гримму, составившихъ XXIII томъ *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, другой половины этой переписки, т. е. писемъ Гримма къ Императрицѣ, еще не было въ виду. Часть ихъ только позднѣе отыскалась въ Государственномъ архивѣ. Куда дѣвались остальныя, было неизвѣстно. Впослѣдствіи нѣкоторое число писемъ, при содѣйствіи П. И. Бартенева, передано княземъ Семеномъ Михайловичемъ въ Императорское Русское Историческое Общество. Такимъ образомъ изъ двухъ поименованныхъ источниковъ составилось то довольно значительное собраніе писемъ Гримма къ великой Государынѣ, которое, съ соизволенія Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, является въ началѣ настоящаго тома. При всей неполнотѣ своей, это собраніе должно быть признано весьма важнымъ дополненіемъ къ напечатаннымъ мною прежде письмамъ Императрицы къ Гримму,— дополненіемъ тѣмъ болѣе цѣннымъ, что оно во многомъ существенно поясняетъ первыя и что безъ него нельзябыло бы вполнѣ понять самаго характера всей переписки.

Чтобы въ немногихъ словахъ очертить этотъ характеръ, я позволю себѣ выписать здѣсь отрывокъ изъ академической рѣчи [1]), въ которой я, на основаніи этихъ писемъ, разсмотрѣлъ заботы и занятія Екатерины II по введенію въ Россіи народнаго образованія.

---

[1]) См. *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*, т. XX.

„Всѣ ея письма къ Гримму", сказано тамъ, „запечатлѣны особеннымъ характеромъ искренности и откровенности. Хотя конечно Императрица не могла не имѣть въ виду обширныхъ связей Гримма и въ литературномъ и въ политическомъ мірѣ, его близкихъ отношеній почти ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, но съ другой стороны, ея неограниченное довѣріе къ личному характеру и чистосердечной преданности этого человѣка, ея потребность высказывать ему все, что у нея было на душѣ, и привычка писать къ нему прямо начисто, свободно предаваясь удовольствію непринужденной бесѣды, — все это заставляетъ насъ видѣть въ письмахъ Екатерины къ Гримму вполнѣ правдивое отраженіе ея мыслей и впечатлѣній. Мало такихъ сторонъ въ ея жизни, такихъ отношеній и взглядовъ, которыхъ бы она здѣсь не касалась; о нѣкоторыхъ она конечно выражается только намеками, но, насколько намъ извѣстны ея думы, воззрѣнія и планы, мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ полной искренности того, чтó содержится въ этихъ бесѣдахъ, и если исключить ея частныя письма къ Потемкину, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что нѣтъ другого источника, въ которомъ личность этой монархини выражалась бы такъ полно и вѣрно, какъ въ перепискѣ ея съ Гриммомъ.

„Въ высшей степени задушевный, — можно даже сказать, фамильярный, тонъ переписки ея съ этимъ человѣкомъ заставляетъ всякаго читателя задумываться надъ загадочнымъ явленіемъ такого полнаго сочувстія и неизмѣнной привязанности государыни къ иностранному корреспонденту. Она сама въ своихъ письмахъ къ нему нерѣдко упоминаетъ объ исключительномъ характерѣ этой переписки и отношеній своихъ къ Гримму. Нельзя не согласиться, что онъ дѣйствительно имѣлъ для Екатерины особенное значеніе: благодаря его посредству, она постоянно оставалась близка къ движенію западно-европейской науки и искуства, чрезъ него получала лучшія произведенія иностранныхъ писателей и художниковъ, вызывала въ Россію архитекторовъ, дѣлала заказы разнаго рода, наконецъ имѣла въ немъ самаго ревностнаго провозвѣстника и защитника своей славы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ заслуга Гримма

передъ Екатериною II велика и несомнѣнна; онъ былъ въ полномъ смыслѣ, не по одному имени, которое она усвоила ему, — ея souffre-douleur: въ своихъ письмахъ къ ней онъ неоднократно разсказываетъ, какъ его безпрерывно осаждаютъ и не даютъ ему покоя люди, желающіе обратить на себя ея вниманіе или сдѣлаться участниками ея милостей. Нельзя также не признать заслуги Гримма передъ русской исторіей, въ томъ смыслѣ, что ему, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, на опасность, угрожавшую его бумагамъ во время революціи, удалось спасти отъ утраты и уничтоженія драгоцѣнныя письма своей благодѣтельницы. Онъ зналъ всю ихъ цѣну и принялъ надежнѣйшія мѣры, чтобы свято сберечь ихъ для потомства.

„Вотъ еще нѣсколько чертъ къ характеристикѣ этой единственной въ своемъ родѣ переписки. Оба корреспондента представляютъ необыкновенныя особенности: оба — ли́ца германскаго происхожденія, выражающіяся самой изящной французской рѣчью, въ которую они, не безъ нѣкоторой ироніи, вставляютъ исподволь тяжелыя нѣмецкія фразы. Съ одной стороны передъ нами — германскій ученый, переселившійся во Францію и сдѣлавшійся тамъ публицистомъ, свѣтскимъ человѣкомъ и дипломатомъ; съ другой — германская принцесса, занявшая тронъ исполинской славянской державы, ставшая по религіи и симпатіямъ Русскою, владѣющая столь же искусно перомъ, какъ и скипетромъ. Съ одной стороны передъ нами литераторъ, состоящій въ сношеніяхъ чуть не со всѣми коронованными главами Европы; съ другой — монархиня, не гнушающаяся общенія со всѣми лучшими представителями умственнаго міра. Такимъ образомъ эти двѣ разнородныя личности какъ бы дополняли другъ друга. Екатерина сознавала, что никто не могъ понимать ее лучше Гримма: „вы, говорила она ему, угадываете и объясняете всѣ мои движенія лучше меня самой“. Но всего болѣе конечно связывало ихъ то, что они были нужны другъ другу. Оба корреспондента не безкорыстны: для Гримма эта переписка — источникъ радости, счастья, почетнаго положенія; для императрицы это — орудіе множества умственныхъ наслажденій, звено цѣлой

цѣпи полезныхъ и интересныхъ связей. Гриммъ дорогъ Екатеринѣ какъ чрезвычайно умный и искусный комиссіонеръ: это человѣкъ практическій, смышленый, свѣдущій, представляющій рѣдкое соединеніе самаго изящнаго француза съ глубокомысленнымъ нѣмцемъ, довѣренный наперсникъ всѣхъ нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, пламенный ревнитель всѣхъ интересовъ Русской Императрицы. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ, посреди самыхъ разнообразныхъ повидимому интересовъ, постоянно занимаетъ ее однакожъ только однимъ, всегда надъ всѣмъ господствующимъ, ни на минуту не сходящимъ со сцены предметомъ, именно ею самою, въ лучезарномъ сіяніи генія, могущества и славы, тою Великою и Безсмертною, какъ онъ безпрестанно ее называетъ, которой каждое письмо возноситъ его на верхъ блаженства и надолго повергаетъ въ несказанное волненіе. Наконецъ, почти безпрерывно шуточный и вмѣстѣ сентиментальный тонъ Гримма, его игривое остроуміе и соль въ самой лести, его иногда оригинально-смѣлыя выходки, все это должно было придавать его письмамъ особенный интересъ въ глазахъ Императрицы. Судя по нимъ, мы вправѣ предполагать, что въ самой личности Гримма, въ его живомъ юмористическомъ умѣ и вкрадчивомъ характерѣ было какое-то неотразимое обаяніе, объясняющее тайну его господства надъ мощнымъ духомъ этой необыкновенной женщины".

Я. Гротъ.

Іюль 1880 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

тридцать третьяго тома.

стр.

Предисловіе (Préface) .... I—IV

I. Письма барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. (Lettres de Grimm à l'Impératrice Catherine II.)

1764 г., 26 января 1
1776 г., 24 ноября 5
1777 г., 13 (24) ноября 5
1779 г., 6 (17) іюля 6
1780 г., 19 (30) іюня 13
— 10 (21) іюля 18
— 10 (21) августа 28
— 18 (29) августа 31
— 6 (17) сентября 51
— 18 (29) сентября 72
— 15 (26) октября 83
1781 г., 1 (12) января 89
— 27 февраля (10 марта) 107
— 1 (12) марта 121
— 27 марта (7 апрѣля) 126
— до 21 мая (1 іюня) 136
— 21 мая (1 іюня) 159

		стр.
1781 г.,	25 мая (6 іюня)	169
—	6 (17) іюня	180
—	15 (26) іюня	206
—	8 (19) августа	214
—	12 (23) августа	229
1785 г.,	8 (19) февраля	234
1785 г.,	9 (20) февраля	238
1786 г.,	10 (21) сентября	239
1790 г.,	1 (12) августа	244
—	3 (14) августа	249
—	4 (15) августа	251
—	7 (18) октября, изъ Франкфурта	257
—	8 (19) октября	261
—	9 (20) октября	264
—	1 (12) ноября, изъ Франкфурта	270
—	14 (25) ноября	272
—	24 ноября (5 декабря)	277
—	1 (12) декабря	284
—	20 (31) декабря	290
1791 г.,	10 (21) января	297
—	20 (31) января	300
—	22 февраля (5 марта)	308
	(При семъ три посланія Шомберга къ бар. Гримму)	320
—	15 (26) марта	328
—	20 (31) марта	329
—	22 марта (2 апрѣля)	330
—	29 марта (9 апрѣля)	336
—	30 марта (10 апрѣля)	344
—	19 (30) апрѣля	351
—	21 апрѣля (2 мая)	365
—	30 апрѣля (11 мая)	370
	(при семъ: инструкція г. маркиза де Булье г. Гейману. Выписки изъ Рейнсбергской корреспонденціи принца прусскаго Генриха къ барону Мельхіору Гримму. Продолженіе отрывковъ изъ Рейнсбергской корреспонденціи принца Генриха и т. д.)	
1791 г.,	1 (12) мая, счетъ	414

стр.

1796 г., 17 (28) ноября, изъ Гота 415
— 19 (30) ноября, изъ Гота 422

II. Приложенія къ письмамъ барона Мельхіора Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. (Annexes.)

1780 г., 18 (29) августа, postscriptum 423
— 18 (29) августа, приписка 423
— Мысли г. Шадена 425
— Филантропъ учрежденный въ Дессау 432

Письма барона Гримма къ князю Потемкину-Таврическому (Lettres de Grimm au prince Potemkine):

1790 г., 9 сентября 434
— 3 (14) іюля 436
1791 г., 12 февраля ....

Письмо барона Гримма къ К. Я. Бюлеру (Lettres de Grimm au Baron Buhler):

— 20 (31) декабря 439

III. Письма барона Мельхіора Гримма къ вице-канцлеру, князю А. Н. Голицыну. (Lettres de Grimm au prince Galitzine.)

1764 г., 26 января 2
1765 г., 4 апрѣля 3

IV. Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику Герману Кейзерлингу. (Lettres de Ernest-Jean Biron à l'ambassadeur Herrmann Keyserlingk.)

Предисловіе 441
1734 г., 16 апрѣля 445
— 1 іюня 447
— между 24 и 30 іюня 448
— » » » » 451
— » » » » 453
1736 г., 6 января 455
— 5 апрѣля 461
— въ маѣ 469
— 31 августа 474
— 11 сентября 486
1737 г., 30 апрѣля 490
— 26 іюля 492
— 29 декабря 499

стр.

V. Письма Дидро къ императрицѣ Екатеринѣ II. (Lettres de Diderot à l'Impératrice Catherine II.)

1774 г., 11 (22) февраля 503
— 8 апрѣля 508
— 13 сентября 514
— 17 октября 521
1775 г., 6 октября 526
1779 г., 29 іюня 531
1781 г., 25 августа 532

VI. Примѣчанія къ письмамъ Дидро 535

VII. Указатель личныхъ именъ 537

LETTRES DE GRIMM À L'IMPÉRATRICE CATHERINE II.

1.

A Paris, ce 26 janvier 1764.

Madame. Depuis les bontés, dont Votre Majesté Impériale a comblé un des plus célèbres philosophes de la France, tous ceux qui cultivent les lettres et qui pensent, quelque lieu de l'Europe qu'ils habitent, se sont regardés comme vos sujets. Les plus obscurs comme les plus illustres d'entre eux ont osé se persuader d'avoir une part immédiate à la protection de Votre Majesté Impériale, et la grâce que Votre Majesté vient de m'accorder, leur doit prouver en effet que vos bontés ne connaissent ni exceptions, ni bornes.

C'est donc avec une entière confiance que je porte mes hommages aux pieds de Votre Majesté Impériale. Si les devoirs pénibles de la souverai-

---

ПИСЬМА ГРИММА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II.

1.

Парижъ, 26 января 1764 г.

Государыня. Съ тѣхъ поръ, какъ Ваше Императорское Величество осыпали щедротами одного изъ знаменитѣйшихъ философовъ Франціи, всѣ занимающіеся литературой и мыслящіе люди, въ какой бы части Европы они ни жили, начали считать себя Вашими подданными. Самые темные изъ нихъ, какъ и самые извѣстные, осмѣлились увѣриться, что и они прямые участники въ покровительствѣ Вашего Императорскаго Величества, и милость, которую Ваше Величество благоволили оказать мнѣ, должна въ самомъ дѣлѣ убѣдить ихъ, что щедроты Ваши не знаютъ ни исключеній, ни предѣловъ.

Итакъ я съ полнымъ довѣріемъ повергаю свои благоговѣйныя чувства къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Если многотрудныя царственныя обязан-

neté vous permettent, Madame, de satisfaire la passion que toutes les grandes âmes ont montrée pour les lettres dans tous les siècles; si vous daignez jeter un regard favorable sur ces feuilles, Votre Majesté Impériale voudra bien considérer que la rapidité et la régularité d'un travail périodique ne sauraient comporter une certaine correction, et que la liberté et le secret qu'il exige ne peuvent être que le fruit de la plus grande indulgence.

Je suis avec le plus profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur

Grimm.

2.

Lettre de Grimm au vice-chancelier prince Galitsine[1]).

A Paris, ce 26 janvier 1764.

Monseigneur. Je prends la liberté d'adresser à Votre Excellence la correspondance littéraire dont Sa Majesté Impériale veut bien agréer l'hommage. Il faut être bien hardi pour oser paraître devant une princesse qui porte dans les lettres ce même esprit supérieur qui règle la destinée d'un grand Empire; mais je paraîtrai aux yeux de Sa Majesté Impériale

---

ности позволятъ Вамъ, Государыня, удовлетворять страсть, которую высокія души всѣхъ вѣковъ питали къ литературѣ; если Вы удостоите эти листки благосклоннаго взгляда, Ваше Императорское Величество конечно примете во вниманіе, что быстрота и срочность періодической работы не допускаютъ правильности, и что свобода и тайна, которыхъ она требуетъ, возможны только при величайшей снисходительности. Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепокорный и всепреданный слуга

Гриммъ.

2.

Письмо Гримма къ вице-канцлеру князю А. Н. Голицыну.

Парижъ, 26 января 1764.

Беру смѣлость адресовать на имя вашего сіятельства литературную корреспонденцію, поднесеніе которой Ея Императорское Величество соизволила принять. Нужна большая смѣлость, чтобы дерзнуть предстать предъ Государынею, обнаруживающей въ литературныхъ занятіяхъ тотъ же высокій умъ, съ какимъ она правитъ судьбами ве-

---

[1]) На верху письма по-русски приписано: «Получено 13-го февраля 1764 г.» На первой страницѣ письма внизу по-русски же: «Возвращено изъ дворца 26-го февраля 1764 г.»

sous la protection de Votre Excellence, et cette circonstance seule peut me rassurer.

La crainte qui me reste, Monseigneur, c'est que M. le prince Galitsine, ministre plénipotentiaire de l'Impératrice à la cour de France, par un excès de bonté pour moi n'ait inspiré à Votre Excellence des idées trop favorables de mes faibles talents. Qu'il me soit permis de remplacer ce qui me manque de ce côté-là, par les efforts que je ferai pour soutenir les regards de Sa Majesté Impériale. Après la reconnaissance que je dois à Votre Excellence d'avoir fait agréer cette correspondance à Sa Majesté, qu'il me soit permis, Monseigneur, de compter en tous les temps sur votre protection et sur votre indulgence.

Je profiterai de la permission que M. le prince Galitsine m'a donnée d'adresser mes paquets régulièrement tous les quinze jours à Votre Excellence. Je suis avec un profond respect, Monseigneur, de Votre Exellence le très humble et très obéissant serviteur Grimm.

3.

Au même.

A Paris, ce 4 avril 1765.

Monseigneur. J'ai reçu la lettre dont Votre Excellence m'a honoré,

---

ликой Имперіи; но я являюсь предъ очами Ея Величества подъ покровительствомъ вашего сіятельства и только это обстоятельство меня успокоиваетъ.

У меня остается одно опасеніе, милостивый государь, — что князь Голицынъ, полномочный министръ Императрицы при французскомъ дворѣ[1]), по избытку расположенія ко мнѣ внушилъ вашему сіятельству слишкомъ благопріятное мнѣніе о моихъ слабыхъ дарованіяхъ. Да будетъ мнѣ позволено вознаградить то, чего недостаетъ мнѣ съ этой стороны, усиліями стать достойнымъ вниманія Ея Императорскаго Величества. При той признательности, какою я обязанъ вашему сіятельству за поднесеніе этой корреспонденціи Ея Величеству, да будетъ мнѣ позволено, милостивый государь, надѣяться во всякое время на ваше покровительство и вашу снисходительность.

Я воспользуюсь разрѣшеніемъ князя Голицына регулярно чрезъ каждыя двѣ недѣли адресовать свои пакеты вашему сіятельству. Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга

Гриммъ.

3.

Къ тому же лицу.

Въ Парижѣ, 4 апрѣля 1765.

Письмо, которымъ ваше сіятельство почтили меня, я получилъ вмѣстѣ съ бла-

---

[1]) Дмитрій Алексѣевичъ, впослѣдствіи посланникъ въ Гагѣ.

avec les bienfaits dont Sa Majesté Impériale a daigné récompenser mon travail. Le plus précieux de ces bienfaits est l'indulgence et la bonté avec lesquelles cette grande et auguste princesse veut bien le recevoir.

Rien ne manquerait à mon bonheur si, en guidant mon zèle et le fixant sur les objets de préférence et sur les goûts particuliers de Sa Majesté Impériale, quelqu'un voulait m'enseigner les moyens de rendre ce travail moins indigne de ses augustes regards; mais ce n'est pas d'un ministre chargé du fardeau des affaires publiques que j'ose attendre cette grace.

Ce que j'ose vous demander, Monseigneur, c'est de me continuer vos bontés, de me permettre de porter, sous les auspices de Votre Excellence, mes hommages aux pieds de Sa Majesté Impériale, et d'agréer le profond respect et la vive reconnaissance avec lesquels je suis, Monseigneur, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

Grimm.

4.

Madame. Votre Majesté Impériale est si souverainement bonne que je me ferais conscience de ne pas la tracasser aussi un peu de mes folies. J'ignore encore si j'aurai le courage de remettre ce paquet à Votre Majesté,

---

годѣяніями, которыми Ея Императорское Величество удостоила вознаградить трудъ мой. Самое драгоцѣнное изъ этихъ благодѣяній есть снисходительность и благость, съ какими Августѣйшая Государыня благоволила принять его.

Одного недостаетъ къ моему счастію, — чтобъ кто-нибудь взялъ на себя трудъ руководить моимъ рвеніемъ и наводить меня на тѣ предметы предпочтенія, на тѣ особенные вкусы Ея Императорскаго Величества, которые дали бы мнѣ возможность сдѣлать эту работу менѣе недостойною Ея Августѣйшаго взора; но конечно я не смѣю ждать такой милости отъ министра, обремененнаго дѣлами общественными.

Смѣю только просить объ одномъ, милостивый государь, — чтобъ вы и впредь сохраняли мнѣ свое благоволеніе и приняли на себя трудъ повергнуть мои благоговѣйныя чувства къ стопамъ Ея Императорскаго Величества. Примите выраженія глубокаго уваженія и живѣйшей признательности, съ какими имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Гриммъ.

4.

Государыня. Ваше Императорское Величество такъ несказанно милостивы, что мнѣ совѣстно было бы также не потревожить Васъ немножко своими дурачествами. Я еще не знаю буду ли имѣть духъ передать этотъ пакетъ Вашему Величеству, но

mais si cela m'arrive, j'exige que Votre Majesté le garde sans l'ouvrir jusqu'à la première matinée où elle n'aura rien à faire pendant son déjeuner. J'exige encore que Votre Majesté ne me fasse pas ressentir les effets de sa colère si ce radotage l'excède et lui déplaît, parce qu'on n'est pas coupable pour avoir le transport au cerveau.

J'exige enfin que, m'ayant accordé tant de bonté et de grâces sans aucun motif, Votre Majesté me les conserve jusqu'à mon dernier instant et que je puisse mourir, avec le plus profond respect comme avec la reconnaissance la plus légitime, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur Grimm.

Ce jour salutifère de sainte Catherine, 24 novembre 1776.

5.

Post-scriptum au № 10, qui arrivera vraisemblablement un peu plus tard.

A Paris, le 13 (24) novembre 1777.

Comme j'ai eu l'honneur d'écrire ce jour d'hui une pancarte peut-être plus longue que ma discrétion, le courage et la longanimité de Sa Majesté Impériale ne comportent, il n'est pas possible que je me permette de recommencer. Mais je ne saurais me dispenser d'ajouter à tous les bienfaits

---

если это случится со мною, я требую, чтобъ Ваше Величество сохранили его, не распечатывая, до перваго утра, когда Вамъ нечего будетъ дѣлать во время завтрака. Я еще требую, чтобъ Ваше Величество не прогнѣвались на меня, если это вранье утомитъ Васъ или не понравится Вамъ, потому что мы не виноваты, когда насъ поражаетъ приливъ къ мозгу. Я требую наконецъ, чтобы, осыпавъ меня столькими милостями и щедротами безъ всякаго повода, Ваше Величество сохранили мнѣ ихъ до послѣдняго моего издыханія и чтобъ я могъ умереть, съ глубочайшимъ почтеніемъ и самою справедливою признательностью, Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою Гриммъ.

Благодатный день св: Екатерины, 24 ноября 1776 г.

5.

Приписка къ № 10, который прiйдетъ вѣроятно позднѣе.

Въ Парижѣ, 13 (24) ноября 1777 г.

Такъ какъ я сегодня имѣлъ честь написать грамоту длиннѣе, чѣмъ позволяла бы моя скромность и вмѣстѣ храбрость и долготерпѣніе Вашего Величества, то я не смѣю начать вновь. Но по необходимости долженъ прибавить ко всѣмъ благодѣяніямъ,

dont j'ai accablé Sa Majesté par mon gouverneur Thier, le petit écrit ci-joint à la mémoire de Madame Geoffrin. On le dit de M. Thomas, non de cet illustre Sir Thomas dont une main auguste et immortelle a tracé l'épitaphe, tandis que lui-même travaille encore dans cette vie à ajouter de nouveaux traits à son caractère incomparable; mais de ce célèbre Thomas, panégyriste en prose de beaucoup d'illustres morts, et qui veut chanter Pierre-le-Grand en vers français sans avoir été en Russie. On dit que nous aurons encore deux autres éloges de Madame Geoffrin. On dit que quand on a besoin de moi, on va me chercher aux pieds de sa Majesté Impériale, et qu'on m'y trouve. Ce dernier point est constaté.

6 (№ 8).

Allerunterthänigster und höchst betrübter Vortrag.

A Paris, ce 6 (17) juillet 1779.

Madame. Je suppose à Votre Majesté Impériale si peu d'engouement pour mes Vortrag, qu'il ne leur manquait, je crois, pour les achever de perdre, que d'être porteurs de mauvaises nouvelles. C'est pourtant à quoi le sort me réduit.

которыми я осыпалъ Ваше Величество черезъ посредство моегó гувернера Тира, маленькую здѣсь прилагаемую статейку въ память г-жи Жоффрень. Говорятъ, что ее написалъ нѣкто г. Томá, но только не тотъ знаменитый Серъ Томасъ, которому Августѣйшая и безсмертная рука начертала эпитафію, пока онъ еще трудится въ этой жизни, прибавляя новыя черты къ своему несравненному характеру. Здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ Томá, писавшемъ въ прозѣ похвальныя слова многимъ знаменитымъ покойникамъ и собирающемся воспѣть французскими стихами Петра Великаго, не бывавъ никогда въ Россіи. Говорятъ, что будутъ еще два похвальныя слова г-жѣ Жоффрень. Говорятъ, что когда во мнѣ имѣютъ нужду, то ищутъ меня у ногъ Вашего Императорскаго Величества и всегда тамъ находятъ. Этотъ послѣдній пунктъ вполнѣ доказанъ.

6.

Всеподданнѣйшій и наиприскорбнѣйшій докладъ.

6 (17) іюля 1779. Парижъ.

Государыня. Я предполагаю, что Ваше Императорское Величество весьма мало восхищены моими докладами; для окончательнаго ихъ паденія недоставало только, чтобъ они сдѣлались дурными вѣстниками. Вотъ однако къ чему судьба меня приговорила.

J'allais gratifier Votre Majesté de deux pancartes du divin Reiffenstein, dont la seconde est énorme, et je me disais: Tant mieux, notre Impératrice aime le style du divin; plus ses lettres sont longues, plus il y a à méditer et à commenter. Pendant que je me dis cela, arrive la troisième et change mes tant mieux en tant pis. Mengs n'est plus, et quoique les lettres du divin Reiffenstein m'aient préparé depuis longtemps à cette catastrophe, et qu'il m'ait même alarmé sur la santé de ce grand artiste à proportion qu'il espérait de me rassurer, je ne saurais exprimer à Votre Majesté à quel point cette nouvelle m'a frappé. C'est que lorsque les hommes vraiment uniques dans leur sphère viennent à manquer, ils laissent après eux de longues ténèbres, dont le premier aspect saisit l'âme d'effroi et de douleur. La seule consolation qui s'offre en ce moment-ci à mon esprit, c'est d'espérer que Votre Majesté apprendra cette triste nouvelle par les papiers publics et les avis directs de Rome, et que ce ne sera pas moi qui la lui apprendrai le premier. Il ne paraît que trop certain, Madame, que tout ce que les lettres et les arts ont produit d'illustre dans ce siècle est déstiné à périr avant l'année 1780. Nous sommes, grâces aux coups redoublés du sort, si appauvris qu'au moins nous n'avons plus à nous inquiéter, parce qu'il ne nous reste plus rien à perdre. Que cette dizaine de 70 à 80 a été funeste! Je désespère de démêler dans mon coeur quel sentiment il lui garde; en me procurant l'avantage inestimable d'approcher Votre Majesté,

---

Я собирался наградить Ваше Величество двумя грамотами божественнаго Рейфенштейна, изъ которыхъ вторая огромна, и я говорилъ самъ въ себѣ: тѣмъ лучше, наша Императрица любитъ слогъ божественнаго; чѣмъ длиннѣе его письма, тѣмъ болѣе матерьяла для размышленія и объясненія. Пока я это говорилъ, пришло третье посланіе и измѣнило мои тѣмъ лучше въ тѣмъ хуже. Менгсъ скончался, и хотя письма божественнаго Рейфенштейна давно приготовили меня къ этой катастрофѣ, и онъ даже пугалъ меня на счетъ здоровья великаго артиста всякій разъ какъ хотѣлъ успокоить, я не умѣю выразить Вашему Величеству, до чего это извѣстіе поразило меня. Когда люди въ самомъ дѣлѣ единственные въ своей сферѣ исчезаютъ, то они оставляютъ по себѣ продолжительную тьму, которая въ первую минуту обхватываетъ душу испугомъ и болью. Единственнымъ утѣшеніемъ въ эту минуту является надежда, что Ваше Величество узнáете это горестное извѣстіе изъ газетъ или прямыхъ донесеній изъ Рима, и что не я первый сообщу ее. Слишкомъ очевидно, Государыня, что все, чтó литература и искусство произвели знаменитаго въ этомъ вѣкѣ, осуждено погибнуть до 1780 года. Благодаря неустаннымъ ударамъ судьбы, мы такъ обѣднѣли, что по крайней мѣрѣ намъ уже нечего тревожиться, потому что нечего терять. До чего это десятилѣтіе отъ 70 до 80 года было бѣдственно! Я отчаяваюсь въ распознаніи тѣхъ чувствъ, которыя мое сердце къ нему сохраняетъ; оно доставило мнѣ неоцѣненное благо приблизиться къ Вашему Величеству, и вы рѣшили

elle a fait le bonheur et le malheur de ma vie; elle a changé ma vie en rêves, dont les uns sont ravissants et les autres douloureux et pénibles: or les rêves sont un baume au printemps de la vie, mais ils dessèchent quand on touche à la saison de l'hiver.

Votre Majesté Impériale remarquera que le brave Reiffenstein, qui n'est pas seulement divin, mais surtout fort honnête et plein de zèle pour tout ce qui intéresse le service de notre grande et immortelle Impératrice, a porté sa première pensée, ainsi que moi, sur les deux mille scudi avancés à Mengs. Moi j'y ai pensé pour remercier le sort de ce que cette somme a été payée par le fait de M. le grand chambellan et non par le mien, car quoique je puisse faire, je n'ai pas encore réussi à oublier ce que j'ai depensé à Votre Majesté pour certaine fatale écritoire en sus du premier prix convenu! Au reste j'ai mandé à Reiffenstein tout de suite que puisque l'ambassadeur d'Espagne devait s'en mêler, nous, pour faire aussi notre devoir, étions dans le cas de faire opposition entre ses mains pour les 2000 scudi de Votre Majesté Impériale jusqu'à ce que nous sachions Ses intentions; et j'ai écrit en même temps au cardinal de Bernis pour le prier de favoriser le divin Reiffenstein auprès de l'ambassadeur d'Espagne et de lui permettre d'avoir recours à son Eminence en cas de besoin. Après ces précautions prises nous attendrons l'ordre de notre auguste Souveraine pour savoir ce qu'il nous reste à demander à l'égard de ces 2000 scudi.

счастіе и несчастіе моей жизни. Вы превратили эту жизнь въ мечтанія, изъ которыхъ нѣкоторыя восхитительны, а другія болѣзненны и тяжки: притомъ мечтанія — это бальзамъ на веснѣ жизни, но онѣ изсушаютъ, когда мы приближаемся къ зимней порѣ.

Ваше И. Величество замѣтите, что славный Рейфенштейнъ не только божественный, но особливо чрезвычайно честный и исполненный усердія ко всему касающемуся службы нашей великой и безсмертной Императрицы, прежде всего подумалъ, какъ и я, о двухъ тысячахъ скуди, данныхъ Менгсу впередъ. Я поблагодарилъ судьбу, что эта сумма была уплачена черезъ посредство оберъ-камергера, а не черезъ мое, такъ какъ, что бы я ни дѣлалъ, мнѣ не удалось еще забыть, сколько я истратилъ на счетъ Вашего Величества за извѣстную, злополучную чернильницу сверхъ первой условленной цѣны. Впрочемъ, я тотчасъ сообщилъ Рейфенштейну, что такъ какъ въ это дѣло вмѣшается испанскій посланникъ, мы, для исполненія своего долга, должны отстаивать въ рукахъ его 2000 скуди Вашего Императорскаго Величества, пока узнаемъ намѣренія Ваши, и въ то же время я написалъ кардиналу де Берни, чтобъ просить его поддержать божественнаго Рейфенштейна у испанскаго посла, и дозволить ему прибѣгнуть къ его преосвященству въ случаѣ надобности. Послѣ принятія этихъ предосторожностей мы будемъ ожидать приказаній нашей Августѣйшей Монархини, чтобъ знать, чего намъ требовать относительно этихъ 2000 скуди.

Votre Majesté daignera remarquer en second lieu, que j'ai jugé à propos de demander au divin Reiffenstein une confession sincère sur sa propre situation, afin de pouvoir lui être utile si l'occasion s'en présentait, et qu'il m'a fait cette confession philosophique dans la longue lettre qui précède celle de la mort de Mengs. J'avoue que je lui ai demandé ce détail dans la vue de le mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale, mais non seulement je lui ai caché mon dessein, mais je l'en ai même dérouté. Sa dernière maladie me l'avait fait naître. J'ai jugé que tant qu'il vivrait, il serait toujours plus ou moins employé au service de notre Impératrice, qui ne cesserait jamais d'avoir des affaires à Rome, quoiqu'il n'y en ait point entre le chef de l'église orthodoxe grecque et celui de l'église schismatique romaine. J'ai jugé encore que les courses qu'il était obligé de faire avec les étrangers et dont le produit faisait le plus clair de son revenu annuel devaient commencer à devenir pour lui très fatigantes et menacer sa santé de ruine, et je ne me suis pas trompé. J'ai donc pensé que si Votre Majesté jugeait à propos de l'attacher à son service et de s'en emparer entièrement, non seulement cela ne serait pas fort cher, vu la simplicité et la modération du divin homme dans sa vie ordinaire, mais que notre Impératrice en aurait fait l'homme le plus heureux de la terre, parce que dans cette supposition il n'aurait plus qu'à penser jour et nuit comment il exercerait son zèle

---

Ваше Величество соблаговолите замѣтить во вторыхъ, что я счелъ кстати выспросить у божественнаго Рейфенштейна искреннюю исповѣдь объ его собственномъ положеніи, чтобъ быть ему полезнымъ, если къ тому представится случай, и что онъ мнѣ высказалъ эту философскую исповѣдь въ длинномъ письмѣ, предшествовавшемъ смерти Менгса. Признаюсь, что я спросилъ у него эту подробность въ томъ расчетѣ, чтобъ повергнуть ее на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, но не только скрылъ отъ него это намѣреніе, а даже совершенно отвелъ его отъ этой мысли. Послѣдняя его болѣзнь дала мнѣ поводъ къ этому. Я подумалъ, что пока онъ живъ, онъ всегда болѣе или менѣе будетъ находиться на службѣ нашей Императрицы, у которой всегда будутъ дѣла въ Римѣ, хотя не можетъ ихъ быть между главою православной церкви восточной и главою схизматической римской церкви. Я расчелъ также, что прогулки, которыя онъ долженъ совершать съ иностранцами, и которыя доставляютъ ему главную часть его годоваго дохода, будутъ становиться для него весьма утомительны и будутъ гибельно дѣйствовать на его здоровье, и я не ошибся. Итакъ я полагалъ, что если Ваше Величество сочтете нужнымъ взять его къ себѣ на службу, и совсѣмъ овладѣть имъ, не только это не будетъ дорого, по причинѣ простоты и умѣренности божественнаго человѣка въ его образѣ жизни, но еще сдѣлаетъ его счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ, потому что въ такомъ случаѣ ему оставалось бы только думать денно и нощно, какъ устремить свое усердіе къ пользѣ

pour le service de votre auguste souveraine, pensée dans laquelle il est déjà entièrement absorbé. Je vois que cinq mille livres de France ou six mille au plus font le sort annuel qu'il se procure avec tant de fatigues. Si l'Impératrice ordonne à son Académie des beaux-arts de lui assurer pour toujours les cent zecchins ou environ mille à onze cents livres de France qu'il a touchés jusqu'à présent. Si elle daigne y ajouter une pension de mille ou douze cents roubles avec un titre de conseiller et d'agent, Sa Majesté Impériale aurait, comme je l'ai déjà dit, fait la fortune la plus splendide d'un brave et honnête homme, et aurait en même temps un agent zélé et actif pour toute l'Italie, à qui elle pourrait adresser tous ses ordres avec la plus entière confiance, bien entendu que le pauvre souffre-douleur n'y perdrait rien et resterait toujours l'entremetteur. Si Votre Majesté préférait plutôt de lui donner une somme d'argent une fois payée dont il pût se faire un sort, je dirais que ce ne sont pas mes affaires.

Il pourrait alors être tenté de mettre cette somme sur sa tête en rente viagère, et s'il choisissait la France pour la placer parce qu'on y regarde cet emploi comme le plus sacré, attendu que le roi de France a un grand intérêt de se ménager cette ressource pour emprunter et que la mort le libère peu à peu de ses créanciers sans qu'il ait besoin de leur faire banqueroute, dans ce cas, dis-je, moyennant une modique augmentation du capital,

---

нашей Августѣйшей Монархини — мысль, въ которую онъ уже и теперь погруженъ вполнѣ. Я вижу, что пять тысячъ французскихъ ливровъ или много шесть составляютъ весь годовой доходъ, зарабатываемый имъ съ такимъ утомленіемъ. Если Императрица захочетъ, то повелитъ своей Академіи художествъ навсегда обезпечить его ста цехинами (или около тысячи или тысячи ста французскими ливрами), которые онъ получалъ до сихъ поръ. Если же она удостоитъ прибавить къ этому пенсію въ тысячу или тысячу двѣсти рублей съ титломъ совѣтника и агента, Ея Императорское Величество, какъ я уже сказалъ, великолѣпно устроитъ судьбу достойнаго и честнаго человѣка, и будетъ имѣть въ то же время ревностнаго и дѣятельнаго коммиссіонера на всю Италію, которому она будетъ давать свои приказанія съ полнымъ довѣріемъ. Само собой разумѣется, что бѣдный многострадальный отъ этого ничего не потеряетъ и все-таки останется посредникомъ. Еслибъ Вашему Величеству угодно было предпочесть этому сумму денегъ разъ выплаченную и которая устроила бы судьбу его, я бы сказалъ что это не мое дѣло. Онъ можетъ-быть тогда соблазнился бы обращеніемъ этой суммы въ пожизненный личный доходъ и выбралъ бы Францію, чтобъ помѣстить ее, потому что тамъ всего болѣе такой вкладъ считается священнымъ. Французскій король имѣетъ особенный интересъ беречь этотъ источникъ для наймовъ, такъ какъ смерть мало по малу избавляетъ его отъ кредиторовъ, и ему не нужно объявлять себя банкротомъ. Въ такомъ случаѣ, говорю я, съ помощью маленькой прибавки къ капиталу, можно бы помѣстить его на два лица вмѣсто одного и

on pourrait placer sur deux têtes au lieu d'une, et Votre Majesté ferait le bonheur de deux personnes au lieu d'une, dont la seconde serait à son choix et jouirait après M. Reiffenstein. Il va sans dire qu'il faudrait qu'elle fût beaucoup plus jeune que lui, et même enfant pour en jouir d'autant plus longtemps. Enfin, si, sans l'attacher entièrement à son service, Votre Majesté juge plus convenable de ne lui accorder que deux ou trois cents zecchins par an en y faisant comprendre ou non les cent zecchins de l'Académie Impériale des beaux-arts, pour le récompenser de tous les soins qu'il se donnera pour l'exécution de ses ordres, il en résultera toujours ce grand bien qu'ayant la moitié ou les deux tiers de son revenu annuel assuré, il pourra se débarasser des deux tiers des fatigues qu'il est obligé de prendre pour subsister. Si enfin, et pour dernier enfin, mon auguste amabilississississississime souveraine me demande d'où me vient ce radotage et si elle m'a chargé de lui donner mon avis là-dessus, je reprends mon radotage et mon avis, mais sans lever avec moins de confiance mes yeux sur son front auguste, et l'y fixant tant qu'il me plaît, denn wir Leute von Riga haben für unsere Kaiserin eine kindliche Furcht, aber keine knechtische.

Je finis, Madame, par où j'aurais dû commencer, en parlant à V. M. des deux architectes italiens que notre Impératrice est menacée de voir à ses pieds avant la fin de l'année. J'ose me flatter que V. M. approu-

---

Ваше Величество осчастливили бы двоихъ, второе же лицо было бы избрано Вами и замѣнило бы г. Рейфенштейна. Конечно надо бы, чтобъ это лицо было гораздо моложе его, даже ребенкомъ, чтобъ воспользоваться этимъ подолѣе. Наконецъ, если, не привязавъ его окончательно къ службѣ Вашего Величества, Вы сочтете приличнѣе давать ему только двѣсти или триста цехиновъ въ годъ, включивъ или не включивъ въ нихъ сто цехиновъ Императорской Академіи художествъ, чтобъ вознаградить его за всѣ хлопоты по исполненію Вашихъ повелѣній, изъ этого все-таки выйдетъ та великая польза, что имѣя половину или двѣ трети своего годового дохода обезпеченнымъ, онъ будетъ въ состояніи избавиться отъ двухъ третей утомительныхъ трудовъ, которые онъ несетъ для своего пропитанія. Если же наконецъ, въ послѣдній разъ наконецъ, моя Августѣйшая и наилюбезнѣйшая Императрица спроситъ меня откуда я взялъ эту болтовню, и получилъ ли я дозволеніе давать ей совѣты по этому предмету, я беру назадъ свою болтовню и свое мнѣніе, но поднявъ не съ меньшимъ довѣріемъ взоръ мой на Ея Августѣйшее чело, и пристально смотря на Нее сколько мнѣ заблагоразсудится, ибо мы люди изъ Риги имѣемъ передъ нашей Императрицей дѣтскій страхъ, но не рабскій.

Кончаю, Государыня, тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало начать, бесѣдой съ Вашимъ Величествомъ о двухъ итальянскихъ архитекторахъ, которые угрожаютъ появиться у ногъ нашей Императрицы ранѣе конца года. Смѣю надѣяться, что Ваше Величество

vera les procédés du divin Reiffenstein, ensemble les précautions qu'il me paraît avoir prises avec toute la prudence requise et qu'elle daignera ratifier les engagements qu'il a pris suivant ses ordres précis en son nom auguste: bien entendu que s'il y a dans tout cela quelque chose qui déplaise à notre auguste souveraine, elle nous fasse la grâce de nous le reprocher durement, afin que le divin homme de Rome et le céleste homme de Paris apprennent à se corriger, puisqu'ils sont heureusement encore dans l'âge. Je munirai chacun de ces deux architectes d'une lettre pour M. d'Eck, que Votre Majesté me permettra peut-être de qualifier de conseiller d'état, sans me chicaner, et j'adresserai dès à présent mes voeux ardents au ciel pour que mon Trombara et mon Quarenghi soient gens suivant le coeur de l'Impératrice, honnêtes et raisonnables, ni têtes de buse, ni têtes de Falconet, ni rampant à terre, ni se perdant dans les airs, et qu'ils deviennent à son service de plus en plus parfaits, sans faire ni les vieux, ni les jeunes, ni les escargots, ni les papillons, ni les épais, ni les éventés, ni les grands seigneurs, ni les mirliflores, enfin que rien de trop ne se glisse parmi les atomes qui les composent. Quand je les aurai adressés à mon bienfaiteur M. d'Eck, chevalier et conseiller d'état, permis à lui de les adresser à M. le comte de Bruce, à M. Besborodka, à qui Votre Majesté l'ordonnera hormis au diable et à sa grand'mère. J'ai bien glosé sur ces deux architectes. J'ai dit: Me

---

одобрите распоряженіе Рейфенштейна, вмѣстѣ съ предосторожностями, принятыми имъ, какъ кажется, со всею требуемою осмотрительностью, и удостоите своего утвержденія условія, имъ заключенныя по точному приказанію Вашему и отъ Вашего Августѣйшаго имени. Разумѣется, что если, во всемъ этомъ что нибудь не понравилось бы нашей Августѣйшей Государынѣ, Она сдѣлала бы намъ милость покрѣпче пожурить насъ, чтобъ божественный человѣкъ изъ Рима и небесный человѣкъ изъ Парижа научились исправляться, такъ какъ къ счастію они еще въ возрастѣ исправленія. Я снабжу каждаго изъ этихъ двухъ архитекторовъ письмомъ къ г. Эку, котораго Ваше Величество можетъ-быть позволите мнѣ величать статскимъ совѣтникомъ, не придираясь ко мнѣ, и я съ этой минуты стану возсылать пламенныя молитвы къ Небу, чтобъ мой Тромбара и мой Кваренги были люди по сердцу Императрицѣ, честные и разумные, ни соколиныя головы, ни фалконетовы, ни пресмыкающіеся долу, ни потерянные въ облакахъ, и чтобъ они сдѣлались на службѣ ея болѣе и болѣе совершенными, не представляя изъ себя ни старыхъ, ни молодыхъ, ни жуковъ, ни бабочекъ, ни тяжелыхъ, ни легкомысленныхъ, ни лѣнивыхъ, ни дѣловыхъ, ни важныхъ баръ, ни пустыхъ щеголей, наконецъ, чтобъ ничто излишнее не вкралось въ атомы, ихъ составляющіе. Когда я ихъ адресую къ благодѣтелю моему г. Эку, кавалеру и статскому совѣтнику, то пусть онъ ихъ обратитъ къ графу Брюсу, къ г. Безбородкѣ, къ кому только Ваше Величество прикажете, кромѣ сатаны и его бабушки. Я довольно поболталъ объ этихъ двухъ архитекторахъ. Я сказалъ: мнѣ кажется всего бы

semble qu'il serait bien mieux avoir un Italien et un Français, le premier pour la pureté du style, le second pour l'intelligence et l'agrément de la distribution intérieure. Mais, j'ai dit en finissant, c'est à sa tête qu'il faut faire et non à la mienne. Ses ordres sont précis et pressants; ne faut lui faire perdre temps et patience avec mes remontrances; c'est celles-là qu'il faut adresser au diable et à sa grand'mère, après quoi le divin Reiffenstein a fait le reste. Nun der Himmel schütze seine Gesalbte, Deutschlands Ruhm, Rußlands Freude und Europens Wunder! Amen.

7 (№ 19).

Allerunterthänigster eilfertiger Vortrag.

à Paris, 19 (30) juin 1780.

Madame. Après avoir celébré avec toute la pompe requise l'anniversaire de l'avénement au trône de ma très glorieuse Souveraine et le commencement de la dix-neuvième année de son règne immortel, je me hâte de dire à Votre Majesté Impériale qu'enfin mes yeux ont vu Andromède, et qu'Andromède est actuellement en chemin pour se rendre par Francfort sur-le-Mein à Lübeck, où elle attendra chez Messieurs Pauli les ordres de notre

---

лучше имѣть итальянца и француза; перваго для чистоты стиля и для разумнаго соблюденія внѣшней стройности, второго для искуснаго и удобнаго расположенія внутренняго. Но я сказалъ въ заключеніе: надо все дѣлать по Ея мысли, а не по моей. Ея приказанія точны и настойчивы; не надо терять времени и терпѣнія съ моими выговорами, ихъ то надо обратить къ сатанѣ и его бабушкѣ, послѣ чего божественный сдѣлалъ остальное. Ну да сохранитъ Небо свою помазанницу, славу Германіи, радость Россіи и чудо Европы! Аминь.

7.

Всеподданнѣйшій поспѣшный докладъ.

19 (30) іюня 1780. Парижъ.

Государыня. Отпраздновавъ со всею должною пышностью годовщину восшествія на престолъ моей славной Монархини и начало девятнадцатаго года Ея безсмертнаго царствованія, спѣшу сказать Вашему Императорскому Величеству, что наконецъ я видѣлъ своими глазами Андромеду, и что Андромеда въ настоящую минуту въ дорогѣ, чтобъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ отправиться въ Любекъ, гдѣ она будетъ у

très gracieuse et sississississime Impératrice, pour parler le langage de Païsiello, des gens de Riga, de Narva et de Grimma. Votre Majesté a trop d'humanité pour la laisser longtemps entre les mains des gens de Lübeck, elle ne sera à sa place que lorsqu'elle sera dans le palais de notre auguste et immortelle protectrice. Son sort est vraiment digne de compassion. A peine détachée du rocher, elle est retombée entre les mains des corsaires; mais à quelque chose malheur est bon, si son étoile la conduit enfin sans accident aux pieds de Votre Majesté Impériale. Au reste, le courage de Persée l'a délivrée du monstre, et la persévérance de M. de Vergennes l'a retirée de sa captivité par plus de quinze mois de soins obstinés. Actuellement il n'y a que moi qui reste dans l'embarras. Dès l'instant où j'ai formé le projet de tirer ce tableau d'entre les mains des corsaires, j'ai senti que sans la protection de M. de Vergennes je n'en viendrais jamais à bout. En m'adressant à lui, je lui dis que je m'engageais à en payer le même prix que l'auteur en avait touché à Rome. Je me disais: le pis-aller c'est que l'Impératrice désapprouve cet arrangement; dans ce cas je lui fais généreusement présent du tableau, et lui rends une partie de ses bienfaits par les miens. On m'avait assuré alors que ce tableau avait été payé six cents sequins à Mengs. Depuis, le maréchal Duc de Noailles m'a assuré positivement que l'Impératrice de Russie l'avait fait faire par Mengs et l'avait payé trente-six mille livres, et que c'était le plus beau tableau qui existe, et que

---

гг. Паули ожидать приказаній нашей милостивѣйшей и sississississime Императрицы, говоря языкомъ Паизіелло, людей изъ Риги, Нарвы и Гриммы. Ваше Величество слишкомъ человѣколюбивы, чтобъ долго ее оставить въ рукахъ жителей Любека; она будетъ на своемъ мѣстѣ только во дворцѣ нашей Августѣйшей и безсмертной Покровительницы. Ея судьба въ самомъ дѣлѣ достойна сострраданія. Только что снятая со скалы, она попала въ руки корсаровъ; но на что-нибудь и несчастіе пригодно, если звѣзда ея приведетъ ее наконецъ безъ приключеній къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества. Впрочемъ, храбрость Персея избавила ее отъ чудовища, а упорство г. де Верженна избавило ее отъ плѣна, благодаря болѣе чѣмъ пятнадцати-мѣсячнымъ неусыпнымъ стараніямъ его. Въ настоящее время только я одинъ остаюсь въ затрудненіи. Съ той минуты, какъ я рѣшился исторгнуть эту картину изъ рукъ корсаровъ, я почувствовалъ, что безъ покровительства г. де Верженна я никогда въ томъ не успѣю. Обратившись къ нему, я сказалъ, что обязуюсь уплатить ту же сумму, которую художникъ ее написавшій получилъ въ Римѣ. Я сказалъ себѣ: всего хуже то, что Императрица не одобритъ этого распоряженія; въ такомъ случаѣ я Ей великодушно подарю картину, и отплачу Ей за часть Ея благодѣяній — своими. Меня тогда увѣрили, что за эту картину было заплочено шестьсотъ цехиновъ Менгсу. Послѣ того маршалъ де Ноайль положительно увѣрялъ меня, что Императрица заказала эту картину Менгсу и дала за нее тридцать шесть тысячъ ливровъ, что это лучшая изъ

tout cela était sûr, attendu que sa fille, la comtesse de Tessé, arrivait de Rome, et qu'elle y avait vu peindre ce tableau, ce qui lui donnait le plus grand désir de le voir à son passage par Versailles. Me voilà déjà monté de six cents à trois mille six cents sequins. Mais que Votre Majesté juge de mon embarras, lorsque M. le comte de Vergennes, en me remettant le tableau, m'a demandé la somme de 24 copeicks, y compris les frais de commission, d'emballage. J'ai beau eu lui rappeler mon premier engagement, je n'ai jamais pu le tirer de ses 24 copeicks; et pour achever de me confondre, il m'a dit ces mots sacramentaux auxquels je ne change pas un iota: Ne mêlons pas le Roi de France ni l'Impératrice de Russie dans nos démêlés; c'est M. de Vergennes qui donne ce tableau à M. de Grimm moyennant la somme de 24 copeicks une fois payée en espèces sonnantes. Moi, Madame, j'aurais été très content au contraire de voir cette tracasserie entre l'Impératrice et le Roi Très Chrétien, parce que j'aurais dit sagement: à eux la balle. In großer Leute Händel mische ich mich gar nicht, und so ziehe ich meine Stecknadel gar schön aus dem Spiel. Maintenant tout le fardeau me reste sur le dos. Quelque bon Russe que je sois bis in dem innersten der Seele, je n'ai pas un seul vrai copeick en ma possession et il faudra bien que Votre Majesté vienne à mon secours, en m'envoyant par le premier courrier ou par la première escadre, denn in Rußland bewegen sich diese so geschwind als wie

---

существующихъ картинъ, и что это вѣрно, такъ какъ дочь его графиня де Тессе пріѣхала изъ Рима и видѣла какъ эта картина рисовалась, а это внушаетъ ему большое желаніе увидѣть ее, когда она проѣдетъ черезъ Версаль. Вотъ я уже поднялъ цѣну съ шести сотъ до трехъ тысячъ шести сотъ цехиновъ. Но Ваше Величество можете судить о моемъ смущеніи, когда г. графъ де Верженнъ, передавая мнѣ картину, потребовалъ у меня сумму въ 24 копейки, включая въ это число расходы комиссіи, укладку и проч. Какъ я ни старался напомнить ему мое первое условіе, я не могъ его отвести отъ его 24 копеекъ, и чтобъ окончательно сконфузить меня, онъ сказалъ мнѣ слѣдующія таинственныя слова, въ которыхъ я не измѣняю ни іоты: не станемъ вмѣшивать ни короля французскаго, ни Императрицу Россійскую въ наши переговоры; г. де Верженнъ отдаетъ эту картину г. Гримму за сумму 24 копеекъ, оплаченныхъ звонкой монетой. Я, Государыня былъ бы напротивъ очень радъ этой перебранкѣ между Императрицей и христіаннѣйшимъ королемъ, потому что очень мудро сказалъ бы: пусть они перебрасываются мячикомъ. Въ дѣла великихъ міра сего я вовсе не вмѣшиваюсь, и такимъ образомъ выдергиваю свою булавку изъ игры. Теперь вся тяжесть остается на моихъ плечахъ. Какимъ бы я добрымъ русскимъ ни былъ въ глубинѣ своей души, у меня нѣтъ ни одной настоящей копейки въ моемъ обладаніи, и надо чтобъ Ваше Величество пришли мнѣ на помощь, приславъ мнѣ съ первымъ курьеромъ или съ первою эскадрой (ибо въ Россіи послѣднія двигаются такъ

die ersten, un rouleau de 24 copeicks bien frappés, pour me tirer de presse: car pour les valets de chambre de M. de Vergennes, il me sera aisé de leur faire une petite galanterie en argent de France.

J'ai un peu menti, Madame, en disant à Votre Majesté que j'ai vu ce tableau: à peine l'ai-je entrevu. Je commençais à avoir beaucoup de célébrité à Paris et à Versailles, même avant son arrivée; je ne m'en souciais point du tout. M. de Vergennes voulait le faire raccommoder par quelque peintre habile, je ne m'en souciais pas davantage, et je lui fis remarquer que cela nous prendrait beaucoup de temps, que la saison était déjà fort avancée, et que si nous retardions l'expédition du tableau, il ne pourrait plus être rendu à Pétersbourg cette année. Cette considération a déterminé le ministre, il l'a fait emballer sur le champ et me l'a fait porter à Paris; mais aussi je ne l'ai plus revu, et la première fois il ne m'a été permis que d'y jeter un coup d'oeil très rapide de quelques secondes, le tableau étant à moitié déroulé à terre: malgré cela, Andromède m'a paru une figure céleste, Persée de la famille d'Apollon qu'on grave actuellement pour Votre Majesté, et l'Amour de la famille des Jésus de Raphaël. Non seulement le bras droit de Persée, mais tout le côté droit du corps me paraît avoir souffert par l'infame négligence des emballeurs de Malaga. M. de Vergennes m'a remis l'instruction ci-jointe pour guider celui qui déballera et déroulera le tableau; je la recommande très particulièrement à ses soins.

же быстро какъ и первые) свертокъ съ хорошо отчеканенными 24 копейками, чтобъ вывести меня изъ затрудненія: ибо что касается лакеевъ г. де Верженна, мнѣ будетъ очень легко сдѣлать имъ маленькую любезность французскими деньгами.

Я немножко солгалъ, Государыня, сказавъ Вашему Величеству, что видѣлъ эту картину: я едва видѣлъ ее мелькомъ. Она пріобрѣла въ Парижѣ и Версали большую извѣстность, еще до своего пріѣзда; я этимъ вовсе не дорожилъ. Г. де Верженнъ хотѣлъ велѣть исправить ее какому нибудь искусному живописцу, я и этимъ также не дорожилъ, и замѣтилъ ему, что это отниметъ у насъ много времени, что приближается осень и что если мы запоздаемъ съ отправкой картины, она не доѣдетъ до Петербурга въ этомъ году. Это соображеніе заставило министра рѣшиться, онъ тотчасъ велѣлъ ее уложить и отослалъ со мною въ Парижъ; но за то я ее и не увидѣлъ, а въ первый разъ мнѣ едва дали взглянуть на нее нѣсколько секундъ, когда картина была раскатана на полу до половины: не смотря на это Андромеда показалась мнѣ лицомъ небеснымъ, Персей- изъ семейства Аполлона, какихъ теперь гравируютъ для Вашего Величества, и Амуръ- изъ семейства Іисусовъ Рафаеля. Не только правая рука Персея, но вся правая сторона его тѣла кажется мнѣ пострадавшею, благодаря злодѣйской небрежности укладчиковъ въ Малагѣ. Г. де Верженнъ передалъ мнѣ прилагаемую инструкцію, чтобъ руководить того, кто будетъ распаковывать и раскатывать картину; я ее особенно поручаю его вниманію.

Et afin de rendre le repos à son souffre-douleur, je supplie Votre Majesté Impériale très humblement de faire donner ses ordres sur le champ à Messieurs Pauli à Lübeck sur la manière dont elle juge à propos que ce tableau aille de Lübeck à Pétersbourg. Les enfants de Clérisseau y sont depuis le commencement de ce mois, et attendent de pareils ordres. Je suis persuadé que dès que tout cela sera arrivé à bon port au séjour de l'immortalité, Votre Majesté voudra que j'aie la consolation de le savoir, afin de dormir tranquillement. Et maintenant il ne s'agit plus d'ajouter une seule ligne si je ne veux pas manquer la poste. Heureusement je suis las et rendu pour avoir couru après ma très auguste Souveraine depuis le jour de son départ de Tsarsko-Sélo jusqu'à son retour. Ce voyage m'a harassé, car c'était partout un train, une affluence, une foule, que j'ai eu toute la peine du monde à ne pas perdre de vue l'objet de mon orgueil et de celui de tout l'empire. Ne voilà-t-il pas aussi les gens de Pétersbourg qui, tout fiers de leur nouveau gouvernement dont la capitale a accouché en l'absence de son génie tutélaire, se mettent aussi à faire du train comme les gens de Riga et de Narva! Et moi, imbécile que je suis, qui ai célébré avant-hier l'avénement suivant le nouveau style! Eh bien, tant mieux. C'est le retour de l'Impératrice que j'ai célébré, son heureux retour à Tsarsko-Sélo; et dans neuf jours j'en célébrerai l'avénement. C'est du profit tout clair, et je chanterai à tue-tête: God save our Emperor of all the Russias! Si M. le comte de

---

И наконецъ, чтобъ доставить спокойствіе Вашему многострадальному, смиренно умоляю Ваше Величество тотчасъ дать Свои приказанія гг. Паули въ Любекѣ, какимъ способомъ Вы заблагоразсудите перевезти эту картину изъ Любека въ Петербургъ. Дѣти Клериссо уже находятся тамъ съ начала этого мѣсяца и тоже ожидаютъ приказаній. Я увѣренъ, что какъ скоро все это благополучно прибудетъ къ пристани въ жилище безсмертія, Ваше Величество захотите утѣшить меня извѣщеніемъ объ этомъ, чтобъ я могъ спать спокойно. А теперь нельзя прибавить болѣе ни строчки, если я не хочу пропустить почту. Къ счастію, я утомленъ и уничтоженъ тѣмъ, что бѣгалъ за моей Августѣйшей Монархиней со дня отъѣзда Ея изъ Царскаго Села до Ея возвращенія. Въ этомъ путешествіи я выбился изъ силъ, отъ того что вездѣ былъ такой шумъ, такое стеченіе народа, такая толпа, что мнѣ было очень трудно не потерять изъ виду предмета гордости моей и всей Имперіи. Вотъ теперь и петербуржцы, кичась своимъ новымъ управленіемъ, которымъ столица разрѣшилась въ отсутствіи своего генія-хранителя, тоже начинаютъ шумѣть какъ люди изъ Риги и Нарвы! А я, безумецъ, третьяго дня отпраздновалъ восшествіе по новому стилю. Ну, тѣмъ лучше! Я отпраздновалъ возвращеніе Государыни, Ея счастливое возвращеніе въ Царское Село, а черезъ девять дней я отпраздную восшествіе. Это явная выгода, и я запою во все горло: Боже храни нашего Императора всероссійскаго! Если г. графъ

Falkenstein veut me faire l'honneur d'assister à ma fête après l'illumination de Péterhof, il en est le maître.

à Paris, ce 19 (30) Juin 1780.

8 (№ 21).

Höchst eilfertiger allerunterthänigster Vortrag.

A Paris, 10 (21) juillet 1780.

Madame. Pour le coup le prince Bariatinski me prend sans vert. Un courrier de Votre Majesté Impériale nous tombe sur les bras de Lisbonne. Ce n'est pas moi qui arrêterai sa marche. Le prince me fait demander si je veux profiter de son passage, et en prenant la plume j'attends à chaque minute l'arrêt fatal: Fermez vite et remettez votre paquet. Cette attente menaçante m'ôte même le recueillement nécessaire pour dire à Votre Majesté Impériale avec quels transports de reconnaissance, de confusion et d'attendrissement j'ai reçu la pancarte inestimable, cette olla potrida impériale, mise au four à Plesco le 14 mai et confiée aux Post-Commissarien le 29 à Mogilof, veille du départ de notre auguste Impératrice dans un coche à six places ayant à côté d'elle M. le comte de Falkenstein. Faut-il, ô ciel! que j'étouffe tous les sentiments d'un coeur tiré à la fois en mille

---

Фалькенштейнъ хочетъ сдѣлать мнѣ честь присутствовать на моемъ праздникѣ послѣ петергофской иллюминаціи, это въ его власти!

Въ Парижѣ, сего 19 (30) іюня 1780 г.

8.

Наипоспѣшнѣйшій всеподданнѣйшій докладъ.

Парижъ, 10 (21) іюля 1780 г.

Государыня. На этотъ разъ князь Барятинскій захватываетъ меня въ расплохъ. Курьеръ Вашего Императорскаго Величества изъ Лиссабона падаетъ намъ на голову. Но не я остановлю его шествіе. Князь спрашиваетъ у меня, хочу ли я воспользоваться его проѣздомъ и, взявъ перо, я каждую минуту жду роковаго приговора: скорѣе запечатывайте и передайте вашъ пакетъ. Это грозное ожиданіе отнимаетъ у меня даже должное сосредоточеніе, чтобъ сказать Вашему Величеству, съ какими выраженіями восторга, смущенія и умиленія я получилъ неоцѣненную грамоту — эту императорскую оллапотриду, посаженную въ печь во Псковѣ 14 мая и порученную почтовымъ коммиссарамъ 29 мая въ Могилевѣ, наканунѣ отъѣзда нашей Августѣйшей Императрицы въ шестимѣстной каретѣ, съ графомъ Фалькенштейномъ возлѣ себя. Надо ли, о Небо! чтобъ я подавилъ всѣ чувства сердца, вдругъ разрываемаго

sens divers! Faut-il qu'au lieu de m'élancer aux pieds de mon immortelle Souveraine, d'embrasser ses genoux et de les arroser de larmes de joie et de reconnaissance, je prenne froidement la plume, me tienne droit devant mon bureau et parle tristement d'affaires au lieu de me laisser aller à mes transports! Allons, souffre-douleur, ne fais pas l'enfant, renferme ta fourmilière; il n'est pas juste qu'elle donne au diable un courrier qui fatigue déjà assez, en se logeant dans sa poche, et fais en sorte qu'il puisse faire son trajet à Pétersbourg sans aucune importunité de ta part.

Pour le bon ordre, il faut que Votre Majesté sache que le major Campe parti depuis une vingtaine de jours a emporté quatre paquets, savoir: 1. un cahier du Voyage pittoresque de la Grèce. 2. Un exemplaire de la description des pierres gravées du cabinet de M. le duc d'Orléans. 3. Un Vortrag avec ses paperasses. 4. Un fragment de la nouvelle édition de l'Histoire des deux Indes, par l'abbé Raynal, concernant l'Amérique septentrionale. Je crains que ce fragment humblement présenté par M. de Miatlef et qui ne sera pas public encore de quelques mois, ne fournisse à Votre Majesté une nouvelle preuve combien les têtes sages sont rares en ce pays-ci. Ce n'est pas là la manière de Robertson.

Je suis très fâché de ce que Votre Majesté me dit du Voyage pittoresque de la Grèce. Si je l'avais su, je me serais dispensé de l'envoyer;

во всѣхъ направленіяхъ! И вмѣсто того, чтобъ броситься къ ногамъ моей безсмертной Монархини и обнять ея колѣна, обливая ихъ слезами радости и признательности, надо ли мнѣ холодно взять перо въ руки, прямо сѣсть къ своему бюро и печально разговаривать о дѣлахъ, вмѣсто того, чтобъ предаться своимъ восторгамъ! Ну, многострадальный, не ребячься же, запри свой муравейникъ; не хорошо будетъ, если Она отошлетъ къ дьяволу почту, которая довольно уже обременитъ Ее, помѣстившись въ Ея карманѣ; устрой такъ, чтобъ она проѣхала до Петербурга, не испытавъ ни малѣйшей докуки съ твоей стороны.

Для соблюденія порядка нужно, чтобъ Ваше Величество знали, что майоръ Кампе, уѣхавшій около двадцати дней тому назадъ, повезъ четыре пакета, именно: 1) тетрадь Живописнаго путешествія въ Грецію, 2) экземпляръ описанія рѣзныхъ камней кабинета герцога Орлеанскаго, 3) докладъ съ приложеніями, 4) отрывокъ изъ новаго изданія Исторіи обѣихъ Индій, аббата Рейналя, касательно Сѣверной Америки. Я боюсь, чтобъ этотъ отрывокъ, смиренно подносимый господиномъ Мятлевымъ и который не появится въ печати еще нѣсколько мѣсяцевъ, не доставилъ Вашему Величеству новаго доказательства того, насколько рѣдки умныя головы въ этой странѣ. Это не Робертсоновскіе пріемы.

Мнѣ очень прискорбно то, что Ваше Величество говорите мнѣ о Живописномъ путешествіи въ Грецію. Еслибъ я это зналъ, то избавилъ бы себя отъ труда посылать

mais reduit à griffoner et à produire, je n'ai pas une demi-heure par jour à donner à la lecture, et cette demi-heure il faut la donner aux gazettes du nord, pour savoir ce qui se passe à Polotsk et à Mogilof. L'auteur est un jeune homme, et il est connu qu'en France on est plus longtemps enfant qu'ailleurs. Il n'a pas su peut-être que sous Louis XVI nous avons changé tout cela, et que ce n'est plus la mode de dire du mal de la Russie. Il aura été tout étonné de trouver à son retour Paris rempli d'enseignes à l'Impératrice de Russie, de cafés de Russie, de Grand hôtel de Russie garni, et jusqu'à de marchandes de mode à l'enseigne du Russe galant. Je crois que le duc de Choiseul, en homme d'esprit qu'il est, se mord bien le pouce d'avoir si prodigieusement pris à gauche du côté du nord. Une vanité mal entendue ne lui a jamais permis de se redresser et de changer d'allure, et il a aujourd'hui la mortification de voir qu'un homme sage qu'il a regardé comme une tête subalterne, et qui tout en travaillant sous ses ordres contre les intérêts de Votre Majesté Impériale n'a cessé de lui prédire ce qui en résulterait, que cet homme, dis-je, a non seulement rendu à la France sa consistance naturelle et politique si sensiblement altérée par les grands génies ses prédécesseurs; mais, ce qui est bien plus sensible, que sans bruit et sans vacarme il a battu en brèche leur réputation ministérielle, à ne s'en jamais relever.

его; но, вынужденный царапать и производить, я не имѣю получаса въ день на чтеніе, и эти полчаса надо ихъ отдать сѣвернымъ газетамъ, чтобы знать, что̀ происходитъ въ Полоцкѣ и Могилевѣ. Авторъ молодой человѣкъ, а извѣстно, что во Франціи долѣе остаются дѣтьми, чѣмъ гдѣ-либо. Онъ можетъ-быть не зналъ, что при Людовикѣ XVI мы все у себя измѣнили, и что теперь ужъ не въ модѣ худо говорить о Россіи. Онъ, я думаю, очень удивился, когда по возвращеніи своемъ нашелъ Парижъ наполненнымъ вывѣсками съ именемъ «Императрицы всероссійской», русскими кофейнями, большими отелями подъ названіемъ Россія, и даже модистками съ вывѣсками: Русскій щеголь. Я полагаю, что герцогъ Шуазель, какъ умный человѣкъ, покусываетъ себѣ большой палецъ, что отшатнулся такъ влѣво отъ сѣвера. Худо понятое самолюбіе никогда не позволяло ему выпрямиться и перемѣнить направленіе, и теперь онъ чувствуетъ себя униженнымъ, видя, что мудрый человѣкъ, на котораго онъ глядѣлъ какъ на голову недальнюю и который, работая подъ его начальствомъ противъ интересовъ Вашего Императорскаго Величества, не переставалъ ему предсказывать что̀ изъ этого выйдетъ, что этотъ человѣкъ, говорю я, не только возвратилъ Франціи ея естественные и политическіе предѣлы, такъ чувствительно измѣненные великими геніями — его предшественниками, но, что̀ всего чувствительнѣе, безъ шума и грома опрокинулъ ихъ министерскую репутацію, такъ что она никогда болѣе не возстановится.

Votre Majesté Impériale trouvera ci-joint deux pancartes de notre divin Reiffenstein, justement surnommé divin, puisque ses pancartes inspirent à notre Impératrice des commentaires qui, suivant l'avis de la Faculté, mettent à tout moment la vie du souffre-douleur en danger par le trop fréquent et trop fort épanouissement de sa rate. Par ces pancartes Votre Majesté sera assurée que le susdit divin ne pense jour et nuit qu'à l'exécution de ses ordres gracieux. Ce qui m'a determiné à user de la permission de notre bienfaitrice souveraine, et à autoriser le divin homme de prendre chez Santini cinq cents sequins pour sa pension de l'année 1779, acceptant néanmoins M. de Bezborodka pour caution de sa pension de même somme pour l'année courante et payable dans six mois. Comme le divin n'a cessé d'être occupé pour notre auguste Souveraine depuis trois ou quatre ans, et que ses occupations ont surtout doublé et triplé depuis deux ans, il m'a paru entièrement conforme à Sa bienfaisance, que la pension de cinq cents sequins, accordée en octobre 1779 et non encore payée, regarde l'année 1779, et que M de Bezborodka reste notre caution pour l'année 1780, et s'occupe de ce paiement à la fin de cette année ou au commencement de l'autre. Mais j'ai besoin de l'approbation impériale pour ma tranquillité sur cet arrangement.

Votre Majesté approuve donc fort ce que j'ai fait à l'égard des oeuvres de Metastasio? Moi aussi je m'approuvais, mais je ne m'approuve plus, par

---

Ваше Императорское Величество найдете при этомъ двѣ грамоты божественнаго Рейфенштейна, по справедливости именуемаго божественнымъ, такъ какъ эти грамоты внушаютъ нашей Императрицѣ комментаріи, подвергающіе, по мнѣнію факультета, жизнь многострадальнаго опасности, слишкомъ часто и сильно возбуждая его къ расширенію селезенки. Изъ этихъ грамотъ Ваше Величество изволите удостовѣриться, что вышеупомянутый божественный помышляетъ день и ночь только объ исполненіи Вашихъ милостивыхъ повелѣній. Это побудило меня рѣшиться употребить въ дѣло дозволеніе нашей благодѣтельной Монархини и уполномочить божественнаго взять у Сантини пятьсотъ цехиновъ въ счетъ его пенсіи за 1779, принимая однако поручительство г. Безбородки на такую же сумму за текущій годъ, съ уплатою черезъ шесть мѣсяцевъ. Такъ какъ божественный постоянно былъ занятъ для нашей Августѣйшей Государыни уже три или четыре года, и занятія эти удвоились или утроились въ послѣдніе два года, то мнѣ показалось вполнѣ совмѣстнымъ съ Ея благотворительностью, чтобъ пенсія въ пятьсотъ цехиновъ, дарованная въ октябрѣ 1779, относилась къ 1779 году и г. Безбородка оставался бы нашимъ порукою на 1780 годъ и занялся этой уплатою въ концѣ нынѣшнаго года или въ началѣ будущаго. Но я нуждаюсь въ одобреніи Императрицы для своего спокойствія по этому распоряженію.

Итакъ Ваше Величество очень одобряете то, что я сдѣлалъ по поводу твореній Метастазіо? Я тоже похвалялъ себя, но теперь не хвалю болѣе, помня вѣчную истину,

la raison de la vérité éternelle que le mieux est l'ennemi du bien. L'Impératrice, par une erreur à la vérité très naturelle, ayant souscrit à Vienne, il fallait y envoyer les 40 exemplaires de Sa Majesté, malgré le ridicule de ce détour énorme. J'ai voulu faire pour le mieux, je me suis mêlé de ce qui ne me regardait plus, et voici ce qui en est arrivé.

Suivant le compte rendu à Votre Majesté, j'ai dit au commissionnaire de Paris: Ecrivez à votre correspondant de Vienne que l'Impératrice n'a donné ses ordres à Vienne que parce qu'elle a supposé que c'était le lieu de l'impression; qu'il serait très déplacé de faire faire un si grand détour à ses exemplaires; que cette considération vous a engagé à me les remettre pour être envoyés directement à leur destination. Moi de mon côté j'écrivis à M. le prince de Galitsine à Vienne bientôt après, pour lui expliquer les motifs de cet arrangement et pour le prier de révoquer sa commission à Vienne, et de dire au commissionnaire que puisque l'édition se faisait à Paris, il y avait donné ses ordres pour qu'on envoyât directement les 40 exemplaires à Votre Majesté. Cette lettre ou est arrivée trop tard à Vienne, ou n'y est point arrivée, quoique je ne croie pas aux lettres perdues. Le fait est qu'elle resta sans réponse et que M. Polética donna au commissionnaire de Vienne une sommation par écrit de lui livrer les 40 exemplaires pour lesquels il avait souscrit au nom de Votre Majesté. Cette sommation fut envoyée au commissionnaire de Paris, à qui l'on dit qu'on ne se mê-

---

что отъ добра добра не ищутъ. Императрица, по весьма естественному заблужденію, подписалась въ Вѣнѣ, и поэтому надо было послать туда 40 экземпляровъ Ея Величества, несмотря на этотъ смѣшной огромный крюкъ. Я хотѣлъ сдѣлать какъ можно лучше, я вмѣшался въ то, что меня болѣе не касалось, и вотъ что изъ этого вышло. Согласно съ отчетомъ, отданнымъ Вашему Величеству, я сказалъ парижскому комисcіонеру: напишите вашему вѣнскому корреспонденту, что Императрица сдѣлала свои распоряженія въ Вѣнѣ только потому, что она вообразила, что книга тамъ напечатана, и было бы весьма неумѣстно пересылать Ея экземпляры такимъ дальнимъ путемъ, что это соображеніе заставило васъ передать ихъ мнѣ, чтобъ они прямо были посланы по своему назначенію. Съ своей стороны я написалъ къ князю Голицыну въ Вѣну вскорѣ за этимъ, чтобъ объяснить ему причины этого распоряженія, и попросить его отказаться отъ своей комиссіи въ Вѣнѣ, сообщивъ комиссіонеру, что такъ какъ изданіе выходитъ въ Парижѣ, то онъ распорядился бы отослать прямо 40 экземпляровъ Вашему Величеству. Или это письмо слишкомъ поздно пришло въ Вѣну, или не дошло вовсе, хотя я не вѣрю потеряннымъ письмамъ; но дѣло въ томъ, что оно осталось безъ отвѣта и что г. Полетика сообщилъ вѣнскому комиссіонеру письменное требованіе выдать ему тѣ 40 экземпляровъ, на которые онъ подписался именемъ Вашего Величества. Это требованіе было послано парижскому комиссіонеру

lait pas de ce que je pouvais dire ou faire et qu'on lui demandait les 40 exemplaires de l'Impératrice de Russie sans délai à Vienne. Jusqu'ici il n'y a pas grand mal; j'aurais appris un peu à mes dépens de vouloir faire pour le mieux et cette leçon doit être payée. Mais que fait mon commissionnaire de Paris, en petit fripon subalterne italien qu'il est? Je lui avais bien payé ses quarante exemplaires en les recevant; il voit dans l'ordre réitéré de Vienne un moyen de placer quatre-vingts exemplaires au lieu de quarante. Il envoie donc aussi les 40 exemplaires à Vienne, et au lieu de me faire part de l'ordre de Vienne tout aussitôt après son arrivée, il ne vient que plus de six semaines après, pour me le notifier et pour dire qu'il ne lui a pas été possible de désobéir à l'ordre de Vienne. Cette combinaison était très adroite, et s'il ne m'était pas venu le scrupule d'attendre les ordres précis de Votre Majesté avant d'envoyer toute la cargaison, elle était infaillible; mon fripon fut un peu déconcerté, lorsqu'après lui avoir témoigné mon étonnement de ce qu'il a fait son envoi à Vienne, sans m'en prévenir, je lui dis: Eh bien, vous l'avez jugé convenable, n'en parlons plus; voilà les 40 exemplaires de l'Impératrice en route pour Vienne. Demain vous m'apporterez l'argent que je vous ai payé il y a deux mois, et vous reprendrez les 40 exemplaires que vous m'avez livrés. Il les croyait bien loin; il resta confondu, il me demanda huit jours, je lui en accordai quinze. Il voulut ensuite revenir par lettre sur cet engagement, et me faire entendre

---

съ прибавленіемъ, что не хотятъ знать, что̀ я говорю и дѣлаю, а просятъ его немедленно прислать 40 экземпляровъ, назначенныхъ для Россійской Императрицы, въ Вѣну. До сихъ поръ все еще сносно: я только научился бы на собственномъ опытѣ, что̀ значитъ желать сдѣлать лучше, и за этотъ урокъ я долженъ заплатить. Но что же сдѣлалъ мой парижскій комиссіонеръ - итальянецъ, какъ истый мелкій плутъ низшаго разбора? Я ему заплатилъ сполна за его 40 экземпляровъ, принимая ихъ; онъ увидѣлъ изъ двукратнаго вѣнскаго требованія средство помѣстить 80 экземпляровъ вмѣсто 40. Онъ посылаетъ такимъ образомъ еще 40 экземпляровъ въ Вѣну, и вмѣсто того, чтобъ тотчасъ же извѣстить меня о вѣнскомъ требованіи, онъ является спустя шесть недѣль, чтобъ представить мнѣ счетъ и сказать мнѣ, что ему невозможно было ослушаться приказа изъ Вѣны. Это соображеніе было весьма ловко, и еслибъ мнѣ не пришло въ голову сомнѣніе, не подождать ли точныхъ приказаній Вашего Величества прежде чѣмъ послать весь грузъ, расчетъ былъ бы безошибоченъ. Мой плутъ былъ нѣсколько сконфуженъ, когда, выразивъ ему мое удивленіе, что онъ отправилъ свою посылку въ Вѣну не предупредивъ меня, я сказалъ ему: Ну, если вы сочли это умѣстнымъ, то не станемъ болѣе говорить объ этомъ; вотъ 40 экземпляровъ Императрицы на дорогѣ въ Вѣну. Завтра вы принесете мнѣ деньги, уплаченныя мною тому назадъ два мѣсяца, и возьмете обратно доставленные мнѣ 40 экземпляровъ. Онъ былъ пораженъ и просилъ подождать недѣлю, я ему далъ двѣ. Онъ хотѣлъ тогда

que Votre Majesté par un de ces traits de générosité qui lui sont familiers, avait peut-être voulu souscrire pour 80 exemplaires; je me transportai de fureur. Bref, après une correspondance de huit jours, il me signa un billet qu'il me rendrait mon argent à la publication de la seconde livraison, et qu'il reprendrait ses 40 exemplaires. Voilà où j'en suis et tout serait bien, je me serais même bien gardé d'affubler mon auguste Souveraine de tous ces détails ennuyeux, si j'avais les 40 exemplaires en ma possession. Mais j'en ai envoyé 12 à Votre Majesté avec les portefeuilles de Clérisseau, et je m'en mords bien les doigts. S'il était possible de me les renvoyer d'ici à l'autre publication, j'en payerais volontiers le port par pénitence. Si cela ne l'est point, il se trouvera toujours pour le fripon un profit de 12 exemplaires, et au lieu de 40 exemplaires Votre Majesté aura souscrit 52, savoir 12 par mes beaux arrangements et 40 par le canal du prince de Galitsine. Je ne puis souffrir que les spéculations des fripons prospèrent, et s'il y a possibilité, je demande en grâce à Votre Majesté de me faire revenir ici ces 12 exemplaires avant la publication; il y a maintenant tant de courriers en l'air, que chacun se chargeant d'une pacotille, la totalité me serait bientôt rendue. Je n'ai pas dit à mon homme que je me sois dessaisi d'un seul exemplaire. Je veux qu'il m'apporte la totalité de mon argent avant que je m'explique sur les 12 exemplaires. Je demande aussi en grâce à Votre Majesté de ne rien imputer de tout ce tripotage à l'illustre

---

письменно отказаться отъ этого обязательства, и далъ мнѣ почувствовать, что Ваше Величество, по внушенію великодушія Вамъ свойственнаго, можетъ-быть хотѣли подписаться на 80 экземпляровъ; я пришелъ въ бѣшенство. Короче, послѣ восьмидневной переписки, онъ далъ мнѣ обязательство, что возвратитъ мнѣ деньги при второмъ выпускѣ, и возьметъ обратно свои 40 экземпляровъ. Вотъ при чемъ я и остался и все было бы хорошо. Я даже остерегся бы отъ сообщенія моей Августѣйшей Монархинѣ всѣхъ этихъ скучныхъ подробностей, еслибъ имѣлъ всѣ 40 экземпляровъ въ рукахъ. Но я послалъ изъ нихъ 12 Вашему Величеству съ портфелями Клериссо, и теперь кусаю себѣ пальцы. Еслибъ можно было мнѣ ихъ отослать прежде второй публикаціи, я охотно заплатилъ бы за ихъ пересылку, чтобъ наказать себя. Если это невозможно, то плутъ все же будетъ въ барышахъ на 12 экземпляровъ, и вмѣсто 40 экземпляровъ выйдетъ, что Ваше Величество подписались на 52, то есть на 12 по моему распоряженію и на 40 черезъ князя Голицына. Я терпѣть не могу, чтобъ спекуляціи плутовъ удавались, и если возможно, умоляю Ваше Величество прислать мнѣ обратно эти 12 экземпляровъ до публикаціи; теперь столько курьеровъ въ движеніи, что если каждому поручить по посылочкѣ, скоро все было бы мнѣ возвращено сполна. Я не сказалъ своему пріятелю, что сбылъ хоть одинъ экземпляръ. Я хочу, чтобъ онъ принесъ мнѣ всѣ деньги мои сполна, прежде чѣмъ объяснюсь о 12 экземплярахъ. Умоляю также Ваше Величество ничего изъ этихъ дрязговъ не ставить въ вину знаменитому

Metastasio, qui ne s'en doute seulement pas, et puis de n'en rien dire à l'Impératrice, afin qu'ayant déjà eu le tort de vouloir faire pour le mieux sans vocation, son ministre à Vienne ne m'impute encore cet autre tort impardonnable d'avoir voulu lui faire une tracasserie avec notre auguste souveraine. Dieu m'est témoin si j'ai jamais eu le projet de nuire au dernier de ses sujets dans son esprit; je ne commencerais pas par ses ministres; et si je n'avais pas rendu mon compte à Votre Majesté sur cette affaire dans un Vortrag précédent, je me serais mis l'esprit à la torture pour trouver quelque moyen de me dispenser de la mettre sous ses yeux.

J'ai touché ces jours passés, par ordre de M. le procureur-général, près de 40 mille livres, ainsi qu'il en constera en temps et lieu par mes décomptes.

Puisque Votre Majesté donne tête baissée dans les miniatures, on est venu me montrer un très beau tableau en émail représentant en petit la mort de Germanicus, superbe tableau du Poussin, dont l'original est à Rome. Je crois qu'un particulier aurait cela pour 25 ou 30 louis d'or; mais comme on sait que j'achète pour l'Impératrice, on m'en a demandé 40; peut-être pourrais-je l'avoir pour quelque chose de moins. J'ai dit qu'il me fallait un ordre exprès de Votre Majesté, et je l'attends. J'ai déjà écrit au divin sur l'affaire de Chigi le défunt: ainsi que Votre Majesté ne s'en embarrasse pas davantage ni M. le grand-chambellan. Je ne me sens pas d'humeur à faire

---

Метастазію, который всего этого и не подозрѣваетъ, и также не сказывать объ этомъ Императрицѣ, для того, чтобъ провинившись уже самовольнымъ желаніемъ поступить какъ можно лучше, я не навлекъ на себя упрека отъ Ея вѣнскаго министра въ другой непростительной винѣ: въ желаніи сдѣлать ему непріятность по отношенію къ нашей Августѣйшей Государынѣ. Богъ свидѣтель, что я никогда не имѣлъ намѣренія вредить послѣднему изъ Ея подданныхъ въ глазахъ Ея; не начну же я этого съ Ея министровъ; и еслибъ я не отдалъ Вашему Величеству отчета въ предыдущемъ докладѣ, я бы подвергъ свой умъ пыткѣ, чтобъ изобрѣсти какое-нибудь средство избавиться отъ этого доклада.

Я на этихъ дняхъ получилъ, по приказанію генералъ-прокурора, около 40 тысячъ ливровъ, которымъ въ свое время будетъ веденъ приходъ и расходъ.

Такъ какъ Ваше Величество бросаетесь очертя голову на миніатюры, мнѣ принесли показать прекрасную картину изъ эмали, представляющую въ маломъ видѣ смерть Германика, съ превосходной картины Пуссеня, которой оригиналъ въ Римѣ. Я думаю, что частному лицу ее отдали бы за 25 или 30 луидоровъ; но такъ какъ знаютъ, что я покупаю для Императрицы, то съ меня просятъ 40; можетъ-быть я пріобрѣту ее нѣсколько дешевле. Я сказалъ, что мнѣ нужно особое приказаніе Вашего Величества и жду его. Я уже писалъ божественному о дѣлѣ покойнаго Киджи: итакъ Вашему Величеству и г. оберъ-камергеру нечего болѣе объ этомъ безпокоиться. Я не расположенъ

payer à l'Impératrice les dettes du défunt; je n'y vois aucun m[illegible] tice; mais j'ai mandé qu'un petit bienfait de Sa Majesté Impér[illegible] servir à faire tirer et publier la carte dont le produit s'employer[illegible] les dettes.

J'ose recommander aux bontés de Votre Majesté cette lettre recommandée pour le chevalier de la Teissonière; si j'avais trouv[illegible] leur canal, je l'aurais pris.

Pourvu que l'engouement de l'Impératrice pour les Epoques [illegible] ture ne m'attire pas une nouvelle querelle d'allemand. Cet engo[illegible] engendré des questions Impériales. Etait-ce à moi d'y répond[illegible] j'avais le coupable sous ma main? J'ai donc tout communiqué à M[illegible] fon, questions et autres chefs d'accusation. Il en est résulté une dont j'ai l'honneur de joindre ici l'original, avec la copie de la lett[illegible] elle était accompagnée pour moi. Mais ce n'est pas tout. Le coup[illegible] Montbard s'est cru autorisé de faire hommage de tout ses ouvrage[illegible] nerve l'engouée des Epoques. Il me les a envoyés dans une grosse [illegible] Pouvais-je la lui rendre? Point du tout. Je l'ai fait embarquer sur l[illegible] munie d'un passe-port du prince Bariatinski sur le vaisseau hollanda[illegible] pédition, actuellement en charge à Rouen. C'est le même qui empo[illegible] tableaux du comte Stroganof. On respectera bien autant une caisse [illegible] ment adressée à Votre Majesté Impériale que les effets d'un de se[illegible]

заставить Императрицу платить долги покойнаго; не вижу въ этомъ никако[illegible] бованія справедливости; но я упомянулъ, что маленькое благодѣяніе Ея Имп[illegible] скаго Величества можетъ послужить къ тому, чтобъ отпечатать и издать [illegible] выручка отъ нея можетъ быть употреблена на уплату его долговъ.

Смѣю поручить милости Вашего Величества прилагаемое письмо, [illegible] для доставленія кавалеру де ла Тейссоньеру. Еслибъ я нашелъ лу[illegible] пользовался бы имъ.

Опасаюсь, чтобъ восхищеніе Ея Императорскаго Величества [illegible] не навлекло на меня новой нѣмецкой ссоры. Это восхищеніе [illegible] вопросы. Мнѣ ли было отвѣчать на нихъ, когда виноватый [illegible] все сообщалъ г. Бюффону, вопросы и другіе главные [illegible] ступилъ отвѣтъ, который имѣю честь приложит[illegible] піей письма, ко мнѣ при немъ присланнаго. [illegible] счелъ себя уполномоченнымъ поднести в[illegible] Эпохами. Онъ прислалъ мнѣ ихъ въ б[illegible] Совсѣмъ нѣтъ. Я тотчасъ велѣлъ от[illegible] скаго, на голландскій корабль «Экс[illegible] Это тотъ самый, который везетъ ка[illegible] уваженъ ящикъ, прямо адресован[illegible]

teurs. Votre Majesté aura la bonté d'ordonner qu'on retire cette caisse à son arrivée suivant le connaissement ci-joint dont j'envoie le double à messieurs Robert et Jean Hay, afin qu'ils y veillent. Quant aux tracasseries qui en résulteront entre Minerve l'engouée et l'historiographe de la nature, ce sont choses qui ne regardent pas le souffre-douleur, et je tire mon épingle du jeu.

Depuis l'arrivée du courrier on dit que la soeur très fidèle ne veut avoir rien à tracasser avec Votre Majesté au sujet de la neutralité armée. Je m'y attendais et je me doutais bien qu'il ne pouvait pas y avoir une idée commune entre Catherine badaude à la messe catholique de Mogilof et Marie chargée de reliques; heureusement cela n'y fera ni froid, ni chaud. Est-il vrai, Madame, que le sénat veut que nous appellions notre Impératrice Catherine-la-Grande. Pourquoi donc cette transposition? Tout le monde est accoutumé à dire la grande Catherine, et Voltaire disait la divine Catau, ce qui est tout contre *Diva* que les Romains donnaient aux Impératrices. Enfin, comme ils voudront, et je dirai avec Don Japhet d'Arménie:

car il n'importe guère
Que Blaise soit devant ou Blaise par derrière.

Tandis que Votre Majesté Impériale fixait les yeux de l'Europe sur Mogilof, Londres a pensé éprouver une catastrophe, et je parie que le Paß-

---

одного изъ Вашихъ сенаторовъ. Ваше Величество благоволите приказать, чтобъ приняли этотъ ящикъ по пріѣздѣ его по прилагаемому коносаменту, котораго копію посылаю гг. Роберту и Жану Гаю, чтобъ они за этимъ имѣли наблюденіе. Что касается до перебранокъ, которыя изъ этого воспослѣдуютъ между очарованной Минервой и исторіографомъ природы, это дѣла, не касающіеся многострадальнаго, и я вынимаю свою булавку изъ игры.

Съ пріѣзда курьера говорятъ, что правовѣрная сестрица не хочетъ имѣть никакихъ хлопотъ съ Вашимъ Величествомъ по вооруженному нейтралитету. Я ожидалъ этого и подозрѣвалъ уже, что не можетъ быть ничего общаго между Екатериной, зѣвавшей во время католической мессы въ Могилевѣ, и Маріей, навьюченной мощами: къ счастію отъ этого ни тепло, ни холодно. Правда ли, Государыня, что сенатъ желаетъ, чтобъ мы звали нашу Императрицу Екатериной Великой? Зачѣмъ же такая перестановка? Всѣ привыкли говорить Великая Екатерина, а Вольтеръ говорилъ божественная Като (Catau), что соотвѣтствуетъ *Дивѣ*, слову, которое римляне прилагали къ императрицамъ. Наконецъ, какъ имъ угодно, и я скажу съ Дономъ Іафетомъ Армянскимъ:

Вовсе не важно,
Чтобы Блезъ былъ впереди или Блезъ назади.

Пока Ваше Величество приковывали взоры Европы къ Могилеву, Лондонъ чуть не испыталъ катастрофы; и я бьюсь объ закладъ, что пройдоха (Passgänger) не знаетъ

gänger ne sait pas encore que tout cela n'est pas l'ouvrage de ce fou de George Gordon, mais bien celui du meilleur citoyen que Dieu créa en ce siècle. Les Paßgänger anglais sont plus sots que d'autres.

Le courrier ne m'accorde plus que l'instant de me jeter aux pieds de Votre Majesté Impériale et d'y déposer l'hommage du plus profond respect et de mon éternel attachement.

9 (№ 22).

Allerunterthänigster höchst eilfertiger Vortrag.

A Paris, 10 (21) août 1780.

Madame. Voilà le courrier de Votre Majesté Impériale M. Olaus qui arrive tout droit de chez le comte de Nesselrode de Lisbonne, qui entre chez moi, qui me dit qu'il lui faut mes paquets pour notre Impératrice immortelle dans la minute. O le mortel déplaisir de n'avoir qu'une minute, lorsqu'il me faudrait des siècles pour vider mon sac, tant il est plein, et lorsque le sort se plaît à m'accabler de contrariétés, afin de préserver Votre Majesté de l'ennui de mes pancartes. Mais il n'en sera pas toujours ainsi: il

---

что все это не есть дѣло сумасшедшаго Гордона, но лучшаго изъ гражданъ, какого сотворилъ Господь въ этомъ вѣкѣ. Англійскіе пройдохи глупѣе другихъ.

Курьеръ едва даетъ мнѣ время броситься къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества и повергнуть къ нимъ благоговѣйныя чувства глубочайшаго уваженія и вѣчной моей преданности.

9.

Всеподданнѣйшій и наипоспѣшнѣйшій докладъ.

Парижъ, 10 (21) августа 1780.

Государыня. Вотъ курьеръ Вашего Императорскаго Величества г. Олаусъ, прямо пріѣхавшій отъ графа Нессельроде изъ Лиссабона, входитъ ко мнѣ и объявляетъ, что ему сію же минуту надобно получить мои пакеты къ нашей безсмертной Императрицѣ. О! смертельная непріятность располагать только минутой, когда мнѣ бы нужны были вѣка, чтобъ опростать свою сумку, такъ она переполнена, а между тѣмъ судьбѣ угодно опутывать меня помѣхами, чтобъ избавить Ваше Величество отъ моихъ скучныхъ грамотъ. Но не всегда же будетъ такъ: мнѣ остается окончить одно трудное

me reste une queue à écorcher, elle est dure, j'en conviens; mais aussi vers le mois de novembre Dieu seul peut savoir à quel flux de paroles, à quel déluge Son ointe sera exposée de la part du souffre-douleur impérial. En attendant, pour que M. Olaus ne m'ait pas fait sa visite en vain, il emporte:

1. Le Carmen Saeculare de Philidor, partition en deux volumes, que notre immortelle Impératrice a acheté pour cinq mille livres, afin de grossir la liste de ses bienfaits innombrables. Ici tout le monde a été attendri que le séjour tumultueux et brillant de Mogilof ait valu un bienfait à un artiste, distingué à Londres, loué et oublié dans sa patrie. J'attends de l'abbé Galiani le programme pour ce spectacle que je réserve toujours pour l'année séculaire de 1782. Philidor, aussi surpris que confus, d'une grâce si peu attendue, est resté chez moi anéanti comme un fondeur de cloches; mais quand il a pu reprendre ses esprits et s'en aller, il est sorti fort gaillard. Il a depuis reçu les compliments en forme du Café de la Régence sur la place du Palais-Royal, lieu unique en Europe, où tous les plus fameux professeurs et joueurs d'échecs sont assemblés toute l'année sans interruption pour ne s'occuper que de cet important objet, et où Philidor est révéré comme l'oracle d'Apollon à Delphes. Il ose espérer que Votre Majesté Impériale ajoutera à son bienfait si inattendu la grâce de ne point permettre que sa partition soit prise ou copiée à Pétersbourg, parce qu'il voudrait se ménager

---

дѣло; тяжелъ этотъ конецъ, сознаюсь въ томъ; но за то около ноября мѣсяца одинъ Богъ знаетъ какой потокъ или, вѣрнѣе, потопъ словъ грозитъ Его помазанницѣ со стороны императорскаго многострадальнаго. А покамѣстъ, чтобъ г. Олаусъ не напрасно сдѣлалъ мнѣ свой визитъ, онъ увозитъ:

1) Carmen Saeculare Филидора, партитуру въ двухъ томахъ, которую наша безсмертная Императрица купила за пять тысячъ ливровъ, чтобъ увеличить списокъ своихъ безчисленныхъ благотвореній. Здѣсь всѣ были растроганы, что шумное и блестящее пребываніе въ Могилевѣ привлекло благодѣяніе на артиста, отличившагося въ Лондонѣ, похваленнаго, но забытаго въ своемъ отечествѣ. Я ожидаю отъ аббата Галіани программу къ тому представленію, которое я все задумываю къ столѣтнему юбилею 1782 г. Филидоръ былъ столько же удивленъ какъ и смущенъ такою неожиданною милостью и остался у меня ошеломленный какъ колокольный литейщикъ, но опомнившись, онъ вышелъ отъ меня весьма бойко. Съ тѣхъ поръ онъ получилъ поздравленія отъ кофейни «Регентства» на площади Пале-Рояля, единственнаго мѣста Европы, гдѣ собираются непрерывно круглый годъ всѣ профессора и игроки въ шахматы, занимающіеся только этимъ важнымъ предметомъ, и гдѣ Филидоръ почтенъ какъ оракулъ Аполлона въ Дельфахъ. Онъ надѣется, что Ваше Величество прибавите къ своему столь неожиданному благодѣянію милость не дозволять, чтобъ съ его партитуры снимали копіи въ Петербургѣ, такъ какъ онъ желаетъ, чтобъ ему предоста-

l'avantage de la publier sous les auspices de son auguste bienfaitrice, lorsqu'elle lui aura procuré les honneurs de la représentation et de l'exécution.

2. Un planisphère avec des cartes et des livres y relatifs par le révérend père Chrysologue, capucin de la rue Saint-Honoré, proche voisin de feu Madame Geoffrin. Votre Majesté m'a bien ordonné de la laisser tranquille avec les capucins; mais je ne me suis engagé a rien, parce que les capucins ne m'ont pas promis de me laisser tranquille. Ils disent: Puisque l'Impératrice grecque va entendre la messe latine chez les feus Jésuites, elle doit avoir une oreille pour leurs valets, les capucins. Au reste le planisphère de mon père Chrysologue n'est pas destiné a l'Impératrice, mais bien à Monsieur Alexandre. Mon capucin veut que cet auguste morveux y étudie le ciel avec le même succès que sa célèbre maîtresse d'école lui fera connaître la terre, et voilà pourquoi le planisphère est adapté à la latitude de Pétersbourg, et voilà pourquoi je n'ai pas pu rejeter l'hommage du capucin, suite naturelle des succès des coquins de Polotsk et de Mogilof durant le voyage à jamais mémorable de Catherine, qui ne veut pas qu'on l'appelle la Grande, apparemment parce qu'il ne faut pas parler de corde dans la maison d'un pendu. Au reste, si l'auguste maîtresse d'école de Monsieur Alexandre me permet de faire en son nom une aumône de cinq ou six cents livres au révérend père Chrysologue, le gazetier de Cologne en fera autant de bruit

---

влена была выгода напечатать ее подъ покровительствомъ своей Августѣйшей благодѣтельницы, когда она доставитъ ему честь представленія и исполненія.

2) Планисфера съ картами и относящимися къ тому книгами достопочтеннаго отца Хризолога, капуцина улицы Сентъ-Оноре, близкаго сосѣда покойной госпожи Жоффренъ. Ваше Величество изволили приказать мнѣ оставить Васъ въ покоѣ съ капуцинами; но я ни къ чему не обязывался, потому что капуцины не обѣщали мнѣ оставлять меня въ покоѣ. Они говорятъ: такъ какъ Императрица греческая ѣздитъ слушать латинскую мессу у покойныхъ іезуитовъ, она должна имѣть слухъ и для ихъ лакеевъ-капуциновъ. Впрочемъ, планисфера моего отца Хризолога назначена не для Императрицы, а для г. Александра. Мой капуцинъ хочетъ, чтобъ этотъ Августѣйшій молокососъ изучалъ по ней небо съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ его знаменитая школьная учительница знакомитъ его съ землею; вотъ почему планисфера приспособлена къ широтѣ петербургской, и вотъ почему я не могъ отвергнуть приношенія капуцина, — естественное послѣдствіе успѣховъ плутовъ Полоцка и Могилева во время приснопамятнаго путешествія Екатерины, не желающей, чтобъ Ее называли великой, вѣроятно потому что не слѣдуетъ говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Впрочемъ, еслибъ Августѣйшая учительница г. Александра позволила мнѣ подать ея именемъ милостыню въ пять или шестьсотъ ливровъ преподобному отцу Хризологу, кельнскій газетчикъ столько же нашумѣлъ бы объ этомъ, сколько о по-

que du noviciat de Polotsk, et les trois couvents des capucins de Paris chanteront un Te Deum.

Mais M. Olaus fait claquer son fouet. Il faut donc que je réserve tout le reste au prince Bariatinski, qui part enfin à la fin de cette semaine et qui emportera, outre les diamants que je lui ai toujours réservés, le fameux camée de Persée et Andromède qui vient de m'arriver de Rome dans l'instant avec la tête de l'Apollon du Belveder ordonnée par Votre Majesté Impériale. J'espère que le Persée de Mengs est délivré à Lübeck, ainsi que le trésor Clérisseau, et il me tarde d'apprendre que tous ces trésors sont heureusement parvenus à leur glorieuse destination. God save your Emperor of all the Russias, et ses escadres qui voguent dans nos mers sous le plus glorieux des pavillons.

10 (№ 23).

Allerunterthänigster Vortrag.

A Paris, 18 (29) août 1780.

Madame. Avant de me livrer aux effusions de mon pauvre coeur si cruellement comprimé et depuis si longtemps, il faut me débarrasser d'une foule

---

лоцкомъ новиціатѣ и три монастыря парижскихъ капуциновъ отслужили бы молебенъ.

Но г. Олаусъ хлопаетъ бичемъ. И такъ я долженъ предоставить все остальное князю Барятинскому, ѣдущему наконецъ въ исходѣ этой недѣли. Онъ увозитъ, кромѣ бриллiантовъ, которые я все приберегалъ для него, знаменитый камей Персея и Андромеды, сію минуту прибывшій изъ Рима съ головою Аполлона Бельведерскаго, заказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Я надѣюсь, что Персей Менгса выгрузился въ Любекѣ, такъ же какъ и сокровище Клериссо, и я съ нетерпѣніемъ желаю узнать, достигли ли всѣ эти сокровища своего славнаго назначенія. Боже храни нашего Императора всея Россіи, и Его эскадры, плавающія въ нашихъ моряхъ подъ славнѣйшимъ изъ флаговъ.

10.

Всеподданнѣйшій докладъ.

18 (29) августа 1780. Парижъ.

Государыня. Прежде чѣмъ буду предаваться изліяніямъ моего бѣднаго сердца, такъ жестоко и такъ долго подавленнаго, я долженъ избавиться отъ множества малень-

de petites affaires qui regardent le service de mon auguste Souveraine. Depuis que les bontés de Votre Majesté Impériale m'ont rendu un homme illustre, Dieu seul sait tout ce que j'ai à souffrir pour l'amour d'elle. C'est-à-dire que tous les oisifs et tous les importuns de l'Europe se croient en droit de m'assaillir et de me voler mon temps, le plus précieux de mes biens, toujours pour me parler d'elle. C'est bien me prendre par mon faible; mais que je regrette cette époque de ma vie où, jouissant des mêmes bontés de Votre Majesté Impériale dans mon heureuse obscurité, je lui disais son fait toutes les fois que la fantaisie m'en prenait. Je n'avais pas encore le public pour confident de mon bonheur. La bibliothèque du patriarche m'a perdu. Nommé dans une lettre de Votre Majesté devenue publique, ma gloire a été portée à son comble, mais mon temps et mon repos sont tombés au pouvoir d'autrui. Mais il s'agit bien de se lamenter au moment où la Souveraine selon mon coeur remplit l'univers de la gloire de son nom immortel, et lorsqu'elle daigne jeter un regard de bonté sur moi dans l'instant même où tous les yeux de l'Europe sont fixés sur elle. Fais ton devoir, souffre-douleur, rends-lui compte des affaires commises à tes soins; après quoi tu bavarderas si le temps te le permet, car tout ceci doit voyager avec le prince Bariatinski.

Le courrier de Votre Majesté, M. Olaus, parti ces jours passés, a em-

---

кихъ дѣлишекъ, касающихся службы моей Августѣйшей Монархини. Съ тѣхъ поръ какъ щедроты Вашего Императорскаго Величества сдѣлали меня знаменитымъ человѣкомъ, одинъ Господь знаетъ сколько мнѣ приходится терпѣть изъ любви къ Вамъ. Это значитъ, что всѣ праздные и докучные люди Европы считаютъ себя въ правѣ атаковать меня и красть мое время, самое драгоцѣнное мое благо, и все для того, чтобъ говорить мнѣ о Васъ. Правда, что это значитъ пользоваться моей слабостью; но какъ я сожалѣю о той эпохѣ моей жизни, когда, пользуясь тѣми же милостями Вашего Императорскаго Величества въ счастливой моей неизвѣстности, я говорилъ съ Вами прямо всякій разъ, какъ приходила мнѣ къ тому охота. Публика еще не была посвящена въ тайну моего счастія. Библіотека патріарха сгубила меня. Названный въ письмѣ Вашего Императорскаго Величества, преданномъ гласности, я достигъ высшей славы, но время мое и покой попали во власть другихъ. Но какъ смѣть жаловаться въ ту минуту, какъ Монархиня по сердцу моему наполняетъ весь міръ славой своего безсмертнаго имени и удостоиваетъ бросить благосклонный взоръ на меня въ то самое время, какъ взоры цѣлой Европы обращены на Нее. Исполняй долгъ твой, многострадальный, отдавай Ей отчетъ въ дѣлахъ, порученныхъ твоей заботливости; послѣ чего можешь болтать, коли время тебѣ это позволитъ, потому что все это должно поѣхать съ княземъ Барятинскимъ.

Курьеръ Вашего Величества Олаусъ, уѣхавшій на дняхъ, повезъ кромѣ поспѣш-

porté, outre un Vortrag en miniature précipitée, la partition du Carmen Séculaire si généreusement acquise par Votre Majesté, ce qui range le premier joueur d'échecs du monde connu et le seul musicien français que les étrangers peuvent écouter, au nombre des protégés de notre auguste Souveraine. Deux autres paquets sont du père Chrysologue, capucin astronome, qui veut absolument contribuer à l'instruction de M. Alexandre.

Ceci est une récapitulation pour le bon ordre.

Le prince Bariatinski étant un courrier d'une autre importance, et jouissant, après mon gouverneur Thier, de toute ma confiance, je le charge aussi de plusieurs articles capitaux.

1r article, non capital. C'est un cahier du Voyage pittoresque de la Grèce, qui vient de paraître et qui doit compléter l'exemplaire de Votre Majesté. J'y ai fourré sous la couverture de ce cahier en papier blanc une petite estampe bien indécente, bien libidineuse, bien infâme, mais sa qualité de copiée d'après l'antique couvre tous ses péchés, et comme elle appartient, au bout du compte, à la collection des pierres gravées de M. le duc d'Orléans, dont j'ai envoyé un exemplaire, et qu'on la vend à cause de cela aux amateurs pour complément, je n'ai pas cru devoir en priver l'exemplaire impérial. Votre Majesté trouvera avec l'estampe l'avertissement de l'artiste à ce sujet, et m'ordonnera s'il faudra compléter cette collection ou non.

наго доклада въ миніатюрѣ, партитуру Carmen Saeculare, столь великодушно пріобрѣтеннаго Вашимъ Величествомъ, что́ ставитъ перваго извѣстнаго шахматнаго игрока въ мірѣ и единственнаго французскаго музыканта, котораго могутъ слушать иностранцы, въ число покровительствуемыхъ нашей Августѣйшей Государыней. Два другіе пакета — отъ отца Хризолога, капуцина-астронома, который непремѣнно хочетъ содѣйствовать образованію г. Александра. Это краткій перечень для бо́льшаго порядка.

Князю Барятинскому, какъ курьеру иного значенія, пользующемуся послѣ моего гувернера Тира всею моей довѣренностью, поручаются по этой причинѣ нѣсколько предметовъ первостепенной важности.

1) Предметъ не важный. Тетрадь Живописнаго путешествія по Греціи, которая только что вышла и должна дополнить экземпляръ Вашего Величества. Я всунулъ въ обертку этой тетради изъ бѣлой бумаги маленькую картинку весьма неприличную, весьма сладострастную, весьма гнусную, но достоинство ея, какъ снимка съ древности, покрываетъ всѣ эти грѣхи, и такъ какъ она принадлежитъ въ концѣ концовъ къ коллекціи камеевъ г. герцога Орлеанскаго, котораго экземпляръ я послалъ, и такъ какъ ее по этой причинѣ продаютъ любителямъ въ прибавокъ, я счелъ себя не въ правѣ вынуть ее изъ императорскаго экземпляра. Ваше Величество найдете при картинкѣ объявленіе о томъ художника и отдадите мнѣ приказаніе, дополнять ли эту коллекцію или нѣтъ.

Puisque j'ai eu occasion de parler de la Description des pierres gravées du cabinet de M. le duc d'Orléans, je vais mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale une lettre que les éditeurs de mon ouvrage m'ont écrite ces jours passés, pour proposer à Votre Majesté les dessins originaux d'après lesquels on a gravé les estampes de ce recueil. J'attends les ordres de mon auguste Souveraine à cet égard.

2. Le fameux camée de Persée et Andromède acheté par Votre Majesté Impériale parmi les effets de la succession de Mengs, m'arrive à point nommé de Rome, pour être emporté par le prince Bariatinski. Il est accompagné par cet Apollon que Votre Majesté m'a fait la grâce de m'ordonner de faire exécuter à Rome pour figurer sur une tabatière. Il me sera doux d'entendre que le divin a parfaitement saisi l'esprit de cette commission que je lui ai transmise telle que je l'ai reçue de notre auguste Souveraine. Car lui aussi il se donne les airs et il a le droit de parler ainsi, depuis que la munificence Impériale l'a agrégé au nombre de ses serviteurs. J'ai eu l'honneur de prévenir Votre Majesté sur la manière dont, d'après ses ordres, je me propose d'arranger les affaires de ce brave et digne homme. Je l'ai exécuté de point en point, comme Votre Majesté verra par la lettre du divin ci-jointe, et j'ose croire qu'en cette occasion j'ai servi mon Impératrice selon le voeu de son grand coeur inépuisable en bonté. J'accepte maintenant M. de Bezbo-

---

Такъ какъ мнѣ представился случай говорить объ описаніи рѣзныхъ камней герцога Орлеанскаго, я повергну на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества письмо, которое издатели этого сочиненія мнѣ написали на дняхъ, чтобъ предложить Вашему Величеству оригиналы, по которымъ они награвировали эстампы этой коллекціи. Жду приказаній моей Августѣйшей Государыни на этотъ счетъ.

2. Знаменитый камей Персея и Андромеды, купленный Вашимъ Величествомъ съ вещами наслѣдства Менгса, прибылъ какъ разъ во-время изъ Рима, чтобъ быть отправленнымъ съ княземъ Барятинскимъ. Его сопровождаетъ тотъ Аполлонъ, который Ваше Величество милостиво изволили мнѣ приказать исполнить въ Римѣ, чтобъ украсить табакерку. Мнѣ пріятно будетъ услышать, что божественный превосходно схватилъ смыслъ этого заказа, который я передалъ ему такъ, какъ я получилъ его отъ нашей Августѣйшей Государыни, потому что и онъ также важничаетъ и имѣетъ право на такую рѣчь, съ тѣхъ поръ какъ императорская щедрость присоединила его къ числу своихъ слугъ. Я имѣлъ честь предупредить Ваше Величество о способѣ, какимъ, по Вашему приказанію, предполагалъ устроить дѣла этого честнаго и достойнаго человѣка. Я исполнилъ это въ точности, какъ Ваше Величество увидите изъ приложеннаго здѣсь письма божественнаго, и смѣю думать, что въ этомъ случаѣ я послужилъ своей Императрицѣ по желанію ея великаго сердца, неисчерпаемаго въ благости. Я теперь принимаю г. Безбородко поручителемъ въ продолженіи этой импе-

rodko pour caution de la continuation de cette grâce impériale, dont la première remise de cinq cents sequins doit avoir lieu à la fin de cette année.

Votre Majesté a fait le bonheur d'un brave homme qui depuis le commencement de l'année 1778 s'est presque entièrement voué à son service avec un zèle aussi infatigable que les bontés de notre Impératrice sont inépuisables: ainsi qu'il appert par l'infatigable correspondance du divin, qui exige de mon côté assez de temps; mais elle me prend mon temps agréablement, au lieu que les importuns qui m'accablent de propositions à faire à l'Impératrice que je ne lui ferai jamais, m'assassinent au pied de la lettre sans aucun profit pour eux ni pour moi. Si Votre Majesté veut rendre le bonheur du divin parfait, elle lui accordera le titre de son agent ou de son conseiller, afin qu'il puisse dire à la face de l'univers: notre auguste Souveraine. Je prendrai encore à cet égard M. de Bezborodko pour caution. Il peut m'envoyer ce brevet quand il voudra, tout comme j'attends de lui, par le premier courrier impérial qui passera par Paris, la patente de l'Académie Impériale des beaux-arts et celle de premier architecte de Sa Majesté Impériale pour le brave et presque divin Clérisseau.

Pour revenir au camée, Madame, Votre Majesté n'attend pas de moi une phrase après l'historique du divin. Je mande seulement à celui-ci que je le trouve cher. En revanche je trouve l'Apollon bon marché. Je me ré-

---

раторской милости, которая въ первый разъ должна проявить себя платежемъ пятисотъ цехиновъ въ концѣ этого года.

Ваше Величество устроили счастіе прекраснаго человѣка, который съ начала 1778 года почти совершенно посвятилъ себя Вашей службѣ съ усердіемъ столь же неутомимымъ, какъ неисчерпаемы милости нашей Императрицы: это явствуетъ изъ нескончаемой переписки божественнаго, которая съ моей стороны поглощаетъ довольно времени: но это наполняетъ мое время пріятно, тогда какъ докучные люди, осаждающіе меня предложеніями Императрицѣ, которыхъ я никогда не передамъ Ей, убиваютъ меня въ подлинномъ смыслѣ слова, безъ всякой пользы и для нихъ и для меня. Если Вашему Величеству угодно довершить счастье божественнаго, Вы пожалуете ему титулъ своего агента или своего совѣтника для того, чтобъ онъ могъ говорить передъ лицомъ всего міра: наша Августѣйшая Монархиня. Я и тутъ возьму въ поручители г. Безбородко. Онъ можетъ послать мнѣ этотъ дипломъ когда захочетъ, точно такъ же какъ я поджидаю отъ него съ первымъ императорскимъ курьеромъ, который проѣдетъ черезъ Парижъ, патента Императорской Академіи художествъ на званіе перваго архитектора Ея Императорскаго Величества для достойнаго и почти божественнаго Клериссо.

Но возвратимся къ камею. Государыня, Ваше Величество не ожидаете отъ меня фразы послѣ исторической записки о божественномъ. Я только отписываю послѣднему, что нахожу его дорогимъ. Напротивъ того, Аполлона я нахожу дешевымъ. Я

jouis infiniment de pouvoir faire passer ces pièces sans aucun délai à leur glorieuse destination: car tant que j'en suis gardien, je ne dors pas d'inquiétude. Cette même tourmente m'empêche de le montrer beaucoup, de peur qu'on me le laisse tomber. Le peu de personnes qui l'ont vu, m'ont tourmenté pour le faire monter ici, croyant qu'on ne fera pas aussi bien à Pétersbourg qu'à Paris; d'autres ont voulu m'engager de le faire copier par un homme qui imite en peinture ce genre d'ouvrage supérieurement. A toutes ces propositions je suis resté roc inébranlable et j'ai dit: Si l'Impératrice le veut ainsi, elle aura bien l'esprit de me l'ordonner.

Tandis que j'écris, j'apprends de Lübeck que l'évangéliste St. Marc y est venu enlever le trésor Clérisseau, et l'Andromede de Mengs et les miniatures de Teresina de Maron et mes tristes douze exemplaires de Metastasio que je voudrais bien ravoir ici. Me voilà toujours avec un fardeau de moins sur les épaules, car j'ai une confiance étonnante dans l'évangéliste et son gouverneur Slitzof; mais pour être parfaitement tranquille, il faut que je le sache arrivé à Pétersbourg. Le 16 il était encore retenu pour le vent contraire.

3. Les deux diamants si généreusement achetés par notre bienfaisante Impératrice et depuis si longtemps prisonniers chez moi, trouvent enfin aussi dans le prince Bariatinski un porteur à qui je les confie avec une entière

---

безконечно радуюсь, что могу направить эти вещи немедленно къ ихъ славному назначенію: такъ какъ, пока я состою ихъ хранителемъ, я не сплю отъ безпокойства. Эти же опасенія мѣшаютъ мнѣ много его показывать, изъ страха чтобъ его не уронили. Немногія лица, видѣвшія камей, приставали, чтобъ я здѣсь отдалъ его отдѣлать, полагая, что въ Петербургѣ работаютъ не такъ хорошо какъ въ Парижѣ. Другіе хотѣли уговорить меня дать скопировать его человѣку, который превосходно подражаетъ, посредствомъ живописи, работамъ этого рода. На всѣ эти предложенія я остался непоколебимъ какъ скала и сказалъ себѣ: Если Императрица этого захочетъ, она сумѣетъ мнѣ и приказать это.

Пока я пишу, я узнаю изъ Любека, что евангелистъ св. Маркъ пріѣхалъ туда взять сокровища Клериссо, Андромеду Менгса и миніатюры Терезины Маронъ и мои печальные двѣнадцать экземпляровъ Метастазіо, которые я такъ хотѣлъ бы получить обратно. Вотъ у меня одной обузой меньше на плечахъ, такъ какъ я имѣю удивительное довѣріе къ евангелисту и его гувернеру Слитцову; но чтобъ быть вполнѣ спокойнымъ, надо чтобъ я узналъ о прибытіи его въ Петербургъ. 16-го онъ былъ еще задержанъ противнымъ вѣтромъ.

3) Два брильянта, такъ великодушно купленные нашей благотворительной Императрицей и такъ давно лежавшіе у меня въ заключеніи, находятъ наконецъ также въ князѣ Барятинскомъ доставителя, которому я ихъ поручаю съ полнымъ довѣріемъ.

sécurité. Mon emballeur M. Delorme qui, par parenthèse, a gagné bien de l'argent avec notre Impératrice depuis qu'il emballe pour elle, m'a fait un grand plaisir sans s'en douter; il s'est ecrié: Ah, qu'ils, sont beaux! Je lui ai demandé combien il les estimait au premier coup d'oeil. Il m'a répondu qu'ils pourraient bien valoir 25 à 30 mille livres. C'est bien dommage que M. Delorme ne soit pas jouailler. Si son autorité était de quelque poids, j'aurais sauté de joie comme un cabri d'avoir fait faire un bon marché à Votre Majesté, en lui faisant exercer un acte de générosité, conformément au voeu de son grand coeur, qu'aucun coeur palpitant sur ce globe n'approcha jamais sont être soulagé. Il est aisé à notre Impératrice magnanime de dire: Voilà bien du bruit pour une omelette au lard. Il faut que Votre Majesté sache que de ma vie je n'ai fait un plus grand effort qu'en lui proposant ces diamants. Une voix secrète me disait toujours: Pourquoi faut-il que l'Impératrice achète des diamants dont elle n'a que faire, parce que celle qui les possède est dans l'infortune? Cette voix secrète me reprochait sans cesse mon injustice. Mais cette femme infortunée était madame d'Epinay. On n'aime pas toujours à faire parade de sa détresse; et si elle avait passé par les mains des jouaillers, elle aurait vraisemblablement perdu un tiers de sa valeur. Il est des destinées bien malheureuses dans ce monde. Cette femme est depuis sept ou huit ans dans un état de santé et de souffrance déplorable, je l'ai vue à l'agonie deux ou trois fois: malgré cela la

---

Мой укладчикъ г. Делормъ, между прочимъ заработавшій много денегъ у нашей Императрицы съ тѣхъ поръ какъ онъ для нея укладываетъ, очень утѣшилъ меня, самъ того не подозрѣвая, восклицаніемъ: Ахъ, какъ они превосходны! Я спросилъ его во сколько онъ цѣнитъ ихъ на первый взглядъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что они могли бы стòить отъ 25 до 30 тысячъ ливровъ. Очень жаль, что г. Делормъ не золотыхъ дѣлъ мастеръ. Еслибъ его авторитетъ имѣлъ какой-нибудь вѣсъ, я вспрыгнулъ бы какъ козленокъ отъ радости, что доставилъ Вашему Величеству дешевую покупку и вмѣстѣ далъ случай сдѣлать доброе дѣло, согласное съ стремленіями Вашей великой души, къ которой ни одно взволнованное сердце на земномъ шарѣ не приближалось еще, чтобъ не получить облегченія. Не трудно нашей щедрой Императрицѣ сказать: вотъ напрасный шумъ изъ пустяковъ. Но да будетъ извѣстно Вашему Величеству, что я въ жизни моей не сдѣлалъ ни разу такого усилія надъ собой, какъ предложивъ Вамъ эти брильянты. Тайный голосъ все говорилъ мнѣ: зачѣмъ Императрицѣ покупать брильянты, совершенно для нея ненужные, оттого только, что ихъ обладательница въ несчастіи? Этотъ тайный голосъ безпрестанно упрекалъ меня въ моей несправедливости. Но несчастная женщина была госпожа д'Эпинэ. Не всегда пріятно выставлять на показъ свою нужду, и еслибъ ей пришлось пройти черезъ руки золотыхъ дѣлъ мастеровъ, она вѣроятно потеряла бы треть цѣнности. Есть люди, которыхъ судьба особенно злополучна на этомъ свѣтѣ. Эта женщина уже семь или восемь лѣтъ въ самомъ плачевномъ состояніи здоровья и въ страданіяхъ; я видѣлъ ее два или три раза при

force de son esprit la soutient avec une vigueur étonnante, et elle m'a convaincu de la vérité de l'axiome de M. de Buffon, qu'on ne meurt que parce qu'on y consent. Elle jouissait d'un petit revenu sur les fermes générales depuis qu'elle existe. Ses enfants en avaient une portion plus forte. Sa fille, mariée à un homme de qualité qui a bien servi et dont le frère estimé comme bon général est mort gouverneur de St. Domingue, a trois charmants enfants dont deux vont être sous-lieutenants de dragons et leur soeur est cette petite Emilie à qui les Conversations ont fait une réputation. Eh bien! c'est dans ce moment d'infirmité et de souffrance d'un côté, de besoin pour l'éducation d'aimables enfants de l'autre, que M. Necker par un arrangement général supprime tous les bénéfices sur les fermes, et voilà toute cette famille réduite à la misère. On ne peut pas blâmer l'opération de M. Necker. Il connaît madame d'Epinay, il s'intéresse à sa situation, il a plaidé sa cause dans le temps du bienheureux Louis XV, où madame du Barry et l'abbé Terray voulurent s'emparer de cette portion. Il lui conserva alors ce qu'il lui ôte aujourd'hui. Il est vrai que le Roi, en supprimant tous les bénéfices, dit qu'il aura égard aux situations particulières, et qu'il n'y en a pas qui mérite autant cet égard que celle de madame d'Epinay; mais comme il y a trop de ces situations particulières, et que ses longues infirmités lui ont fait perdre ses protections, on ne fera rien pour elle, parce

---

послѣднемъ издыханіи: несмотря на то, сила ума ея поддерживается въ удивительной бодрости, и она удостовѣряетъ меня въ истинѣ аксіомы г. Бюффона, что умираютъ только когда на это согласны. Она пользовалась, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ, маленькимъ доходомъ съ государственныхъ откуповъ. Дѣти ея имѣли еще болѣе значительную часть. Дочь ея, находившаяся въ замужствѣ за человѣкомъ хорошаго происхожденія и честно служившимъ, котораго братъ, уважаемый и дѣльный генералъ, умеръ губернаторомъ въ С. Доминго, имѣетъ трехъ милыхъ дѣтей, изъ которыхъ двое будутъ скоро произведены въ подпоручики драгунъ, а сестра ихъ есть та маленькая Эмилія, которая пріобрѣла извѣстность благодаря «Разговорамъ». Ну вотъ въ эту минуту болѣзни и страданій ея съ одной стороны и необходимости воспитать милыхъ дѣтей съ другой, г. Неккеръ общимъ распоряженіемъ уничтожаетъ всѣ выдачи съ откуповъ, и вся эта семья обречена на нищету. Нельзя порицать операцію г. Неккера. Онъ знаетъ г-жу д'Эпинэ, онъ интересуется ея положеніемъ, онъ защищалъ ея дѣло во времена блаженнаго Людовика XV, когда г-жа Дюбарри и аббатъ Террей захотѣли овладѣть ея достояніемъ. Онъ тогда сохранилъ то, что отнимаетъ нынче. Правда что король, сокращая всѣ раздачи, говоритъ, что будетъ имѣть вниманіе къ особеннымъ положеніямъ, и что одно изъ наиболѣе заслуживающихъ участія — есть положеніе г-жи д'Эпинэ; но такъ какъ этихъ особенныхъ положеній много, а продолжительные недуги ея лишили её покровителей, то для нея ничего не сдѣлаютъ, потому что надо будетъ сдѣлать то же для весьма многихъ, поль-

qu'il faudrait faire pour trop de personnes protégées qui se trouvent dans son cas, quoique perdant comme elle, ils ne perdent pas le nécessaire comme elle. Tout cela est inintelligible pour notre Impératrice, parce qu'elle ne concevra jamais, comment un souverain reprend ce qu'il a accordé et ne le remplace par rien, lorsqu'on n'a pas démérité auprès de lui, et qu'il s'agit d'une pension de quinze cents roubles; mais c'est que Votre Majesté ne peut pas avoir une idée nette de ce que c'est qu'un gouvernement endetté, et par conséquent toujours gueux et toujours aux éxpédients pour trouver de l'argent. Quand avec cela ayant une grande supériorité de moyens on ne sait pas pousser la guerre avec plus de nerf et de vigueur, on réduit le ministre qui doit fournir les fonds, à la necessité de tondre sur un oeuf, et on ne rend pas la besogne du ministre qui doit procurer la paix aisée. Je plains M. de Necker et M. de Vergennes, je ne reproche pas au premier d'enlever, en sa qualité d'homme public, à madame d'Epinay ce qu'il lui conserva autrefois comme particulier, contre la rapacité de l'abbé Terray; mais j'avais besoin de le dire à mon incomparable et irremplaçable Souveraine, afin de me justifier devant sa personne sacrée, et plus encore devant moi-même, des diamants que je lui ai fait acheter au grand tourment de ma conscience.

J'espère dans quelques mois, quand la nouvelle édition des Conversations sera publique, et qu'on aura trouvé dans leur augmentation un des meilleurs ouvrages sur l'éducation, Votre Majesté ne regrettera pas son acte de bonté

зующихся протекціей и находящихся въ томъ же положеніи, хотя послѣдніе, теряя какъ она, не теряютъ однако, подобно ей, всего необходимаго. Все это покажется темно нашей Императрицѣ, потому что она никогда не постигнетъ, какимъ образомъ государь беретъ назадъ то, что разъ пожаловалъ, не замѣняя это ничѣмъ, когда передъ нимъ ничѣмъ не провинились, и рѣчь идетъ о пенсіи въ полторы тысячи рублей. Но Ваше Величество не можете составить себѣ яснаго понятія, чтó такое обремененное долгами правительство, поэтому самому всегда скаредное и всегда отыскивающее способы гдѣ найти денегъ. Когда при этомъ, имѣя значительныя силы, не умѣешь вести войну съ бóльшей быстротой и энергіей, то приводишь министра, доставляющаго денежныя средства, въ необходимость стричь яйцо и не облегчаешь задачу министра, долженствующаго доставить миръ. Я сожалѣю о гг. Неккерѣ и Верженнѣ, я не упрекаю перваго въ томъ, что онъ похищаетъ въ качествѣ государственнаго человѣка у г-жи д'Эпинэ то, что нѣкогда уберегъ ей какъ частный человѣкъ отъ алчности аббата Террея. Но я чувствовалъ потребность сказать это моей несравненной и незамѣнимой Монархинѣ, чтобъ оправдаться передъ ея священной особой и еще болѣе передъ самимъ собою въ томъ, что заставилъ ее купить брильянты къ великому мученію своей совѣсти. Я надѣюсь, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда новое изданіе «Разговоровъ» будетъ выпущено, и когда найдутъ въ дополненіяхъ одно изъ лучшихъ сочиненій по воспитанію, Ваше Величество не будете сожалѣть о добромъ дѣлѣ, хотя бы оно не

quoiqu'exercé sans aucun motif valable, et M. Necker regrettera la rigueur à laquelle les tristes devoirs de sa place l'ont condamné, supposé qu'il ait le temps de s'en apercevoir. Je ne sais pourquoi en griffonnant ceci, il me vient dans la tête un trait de notre Impératrice, et dans les yeux des larmes que son souvenir me coûte à tout instant. Un jour à Péterhof à table il était question du feu comte Razoumofski et de toutes les concessions que l'Impératrice Elisabeth lui avait faites, mais dont il n'existait à sa mort aucun titre légal: seulement Ecatherine savait à peu près que telle avait été l'intention d'Elisabeth, et confirma toutes ces concessions sans titre; et dit alors, à l'occasion de ce qu'on avait rappelé ces faits: Qu'il serait bien triste de supposer assez de lâcheté dans le coeur d'un souverain pour ne pas remplir avec une exactitude religieuse ce qu'il savait avoir été la ferme intention de son prédécesseur. Et moi, à qui ce propos troubla la digestion et serra le coeur, je dis entre mes dents: Nun das merk du, junger Herr Secondat, und begreif daß, wenn man kaiserlich regieren will, so muß man ein kaiserlich Herz haben. Warum und wie aber dieses kaiserliche Wort sich in meinem Sinne erwacht hat, das weiß der Himmel.

4. Puisque j'ai parlé de concessions et de bienfaits, il est juste que celle qui jouit de ma plus constante bienveillance en reçoive un à l'occasion du départ de son ministre. Votre Majesté trouvera dans la boîte aux diamants

---

было вызвано никакимъ уважительнымъ поводомъ, а г. Неккеръ пожалѣетъ о суровости, на какую осудили его печальныя обязанности его мѣста, если только предположить, что ему будетъ время замѣтить это. Не знаю почему, царапая это, мнѣ приходитъ въ голову одна черта нашей Императрицы, а на глаза навертываются слезы, постоянно вызываемыя воспоминаніемъ о ней. Разъ въ Петербургѣ, за столомъ, зашла рѣчь о покойномъ графѣ Разумовскомъ и о всѣхъ милостяхъ, которыя Императрица Елисавета ему оказала, но на которыя при смерти ея не осталось никакихъ законныхъ документовъ. Только Екатерина отчасти знала, что такова была воля Елисаветы, и утвердила всѣ эти милости безъ документовъ, сказавъ, когда напомнили ей объ этихъ фактахъ: что очень печально было бы предположить довольно низости въ сердцѣ государя, чтобъ не исполнить съ добросовѣстнѣйшей точностью то, что по его свѣдѣніямъ было твердымъ намѣреніемъ его предшественника А я, которому это сужденіе возмутило пищевареніе и сжало сердце, я сказалъ сквозь зубы: ну замѣть это ты, молодой господинъ преемникъ (Secondat), и пойми, что когда хочешь царствовать по-царски, то надо имѣть и сердце царское. А зачѣмъ и почему это императорское слово пробудилось въ умѣ моемъ, это знаетъ только Небо.

4) Такъ какъ я говорилъ о пожалованіяхъ и благодѣяніяхъ, то справедливо, чтобъ та, которая пользуется моимъ постояннымъ благоволеніемъ, получила тоже что-нибудь по случаю отъѣзда ея министра. Ваше Величество найдете въ коробкѣ

à l'autre bout un petit profil en plâtre. C'est celui de cette Olympe dont je me rappelle que le portrait en prose a fixé son attention. Je désire que Votre Majesté trouve assez d'accord entre les deux portraits, pour dire qu'ils se ressemblent.

Le bonhomme Gillet est venu pleurer chez moi, quand je lui ai dit que l'Impératrice m'avait promis de m'envoyer six mille livres pour lui. Cela lui a mis du baume sur la blessure qu'une étourderie de sa part lui a faite. J'ignore par quel hazard l'Académie Impériale lui a fait payer ici sa pension deux fois par deux banquiers différents à peu de mois de distance. Le bonhomme a signé les deux reçus que les banquiers lui ont présentés, sans regarder, et a touché, supposant qu'on lui payait deux années au lieu d'une. Quand ces deux reçus sont arrivés à Pétersbourg, on s'est aperçu qu'il a touché deux fois pour le même sujet, on a jeté feu et flamme, et l'on a supprimé sa pension, pour lui apprendre à tromper. Mais s'il avait eu l'intention de tromper, il aurait précisément par sa double signature fourni les preuves de conviction de sa tromperie, et cette double signature prouve au contraire manifestement sa bonne foi. Ce qui est plus difficile à expliquer, c'est comment on a pu faire double remise du même objet par deux banquiers différents. Au reste le bonhomme fait actuellement plaider sa cause auprès de M. de Betski, et espère de sa justice qu'il lui rétablira sa pension sans délai. Il ne faut pas même que l'Impératrice sache rien de

---

съ брильянтами, на противоположномъ концѣ, маленькій профиль изъ гипса. Это профиль той Олимпіи, на которую я помню, что портретъ ея въ прозѣ привлекъ Ваше вниманіе. Желаю, чтобъ Ваше Величество нашли довольно сходства между двумя портретами, чтобъ сказать: они другъ на друга походятъ.

Добродушный Жилле приходилъ ко мнѣ поплакать, когда я ему сказалъ, что Императрица обѣщала мнѣ прислать шесть тысячъ ливровъ для него. Это пролило бальзамъ на рану, сдѣланную собственной его вѣтреностью. Я не знаю, по какому случаю Императорская Академія распорядилась уплатить ему здѣсь пенсію два раза, черезъ двухъ различныхъ банкировъ, на разстояніи немногихъ мѣсяцевъ. Добрякъ подписалъ обѣ расписки, поданныя ему банкирами, не поглядѣвъ ихъ, и принялъ деньги, полагая, что ему платятъ за два года вмѣсто одного. Когда эти двѣ расписки прибыли въ Петербургъ, замѣтили, что онъ получилъ два раза за тотъ же годъ, разгнѣвались, вспыхнули и отняли у него пенсію, чтобъ научить его впредь не обманывать. Но еслибъ онъ имѣлъ намѣреніе обманывать, то своею дважды повторенною подписью, онъ самъ доставилъ бы доказательство своего обмана, и эта двукратная подпись напротивъ очевидно доказываетъ его невинность. Гораздо труднѣе объясняется, какимъ образомъ могли ему сдѣлать двойной платежъ по тому же предмету, черезъ двухъ различныхъ банкировъ. Впрочемъ, бѣднякъ нашелъ теперь ходатаевъ за себя у г. Бецкаго и ожидаетъ отъ его правосудія, что онъ возвратитъ ему пенсію немедленно. Не надо даже, чтобъ Импера-

tout cela, ni qu'elle s'en mêle, à moins qu'on ne voulût lui déférer Gillet comme un fripon prenant de deux mains. Je ne lui avais guère laissé d'espérance sur les six mille livres qu'il m'a fait solliciter. Sa joie et sa reconnaissance en ont été d'autant plus vives, qu'outre la tracasserié du double reçu, un banquier à qui il avait confié la moitié de son bien, le lui avait emporté en faisant banqueroute. Combien Votre Majesté fait couler de larmes de reconnaissance dans tous les coins de la terre! Celles du brave Wagnière ne sont pas les moins douces. Sans son auguste bienfaitrice, il se trouverait bien à plaindre. M. Duvivier devenu mari de madame Denis l'a absolument brouillé avec la nièce de M. de Voltaire, afin de lui supprimer sa pension.

Dès que le prince Bariatinski sera parti, je me mettrai à entamer l'affaire du cabinet des pierres gravées du bailli de Breteuil qui ne fait que revenir des eaux. Je ne crois pas M. le procureur général ou M. Olsoufief fort éloigné d'acheter un petit bouquet à l'Impératrice pour le jour de sa fête. Elle mérite bien quelque petit cadeau par-ci par-là, et ce n'est pas le cas de dire: Je n'ai point d'argent; mais il faut auparavant savoir si le cadeau vaut l'argent.

Comme je mérite aussi quelquefois un petit cadeau, j'espère que Votre Majesté Impériale ne me refusera pas celui de l'a b c des maximes morales fait pour M. Alexandre par notre immortelle Normal-Schulmeisterin.

трица знала объ этомъ, ни чтобъ она въ это вмѣшивалась, развѣ захотятъ ей представить Жиллэ плутомъ, который беретъ обѣими руками. Я вовсе не оставилъ ему надежды на счетъ шести тысячъ ливровъ, о которыхъ онъ черезъ меня ходатайствовалъ. Его радость и признательность тѣмъ болѣе были велики, что кромѣ непріятностей по двойной распискѣ, банкиръ, которому онъ повѣрилъ половину своего состоянія, обанкрутился. Сколько Ваше Величество заставляете проливать слезъ благодарности во всѣхъ уголкахъ земли! Слезы Ваньера не менѣе сладки. Безъ Августѣйшей благодѣтельницы своей онъ былъ бы очень жалокъ. Г. Дювивье, сдѣлавшись мужемъ г-жи Дени, совершенно поссорилъ его съ племянницей г. Вольтера, чтобъ не давать ему пенсіи.

Какъ только князь Барятинскій уѣдетъ, я примусь за переговоры о кабинетѣ рѣзныхъ камней бальи де Бретэля, который только что возвратился съ водъ. Я полагаю, что генералъ-прокуроръ или г. Олсуфьевъ не прочь купить маленькій букетъ Императрицѣ ко дню ея имянинъ. Она заслуживаетъ хоть время отъ времени маленькаго подарочка и при этомъ нельзя сказать: у меня нѣтъ денегъ; а надо знать сначала, стòитъ ли подарокъ тѣхъ денегъ.

Такъ какъ и я заслуживаю иногда маленькаго подарочка, я надѣюсь, что Ваше Императорское Величество не откажете мнѣ въ азбукѣ нравственныхъ поученій, написанной для г. Александра нашею безсмертной учительницей нормальныхъ школъ.

Il me faut ce cadeau, il me le faut. Le souffre-douleur n'entendrait pas raison sur ce refus. Le premier courrier peut me l'apporter, il me le faut. M. le comte de Falkenstein en a-t-il tâté? S'est-il un peu instruit dans la Normal-Schule de Pétersbourg? Ou bien a-t-il plus parlé qu'écouté? Il a sur ses camarades l'avantage unique d'avoir beaucoup vu, beaucoup voyagé. Je ne suis pas inquiet qu'il ne sache beaucoup; mais cela est-il un peu classé, oder ist in seinem Kopfe alles unter einander comme dans les guinguettes de Paris? Je regrette à tous les instants de ma vie mon bonheur évanoui comme un rêve; mais combien j'aurais donné pour être aux pieds de mon auguste Souveraine, pour lui dire tout ce qu'elle pense de M. de Falkenstein! Il faut qu'en effet la revue du monde entier ait été bien complète à Mogilef, puisque le pauvre souffre-douleur y a aussi passé; mais je parie que Votre Majesté n'a pas dit à son comte de Falkenstein qu'en 1777, lorsque l'Impératrice était si empêtrée de l'arrivée de M. le comte de Gothland, je lui ai prédit précisément qu'un beau matin elle aurait le dégoût de voir arriver chez elle M. le comte de Falkenstein, qui se trouvait pour lors en France. Il ne tenait qu'à Votre Majesté de me faire honneur de cette prédiction à la barbe du chef du Saint-Empire Romain. Il ne sait sûrement pas non plus que si j'ai le malheur d'être le souffre-douleur du chef du Saint-Empire Grec, j'ai la consolation d'être l'enfant gâté du prince de Kaunitz. J'avais un peu

---

Мнѣ нуженъ этотъ подарокъ, мнѣ онъ очень нуженъ. Многострадальный слышать не хочетъ объ отказѣ въ этомъ. Первый курьеръ можетъ мнѣ привезти эту азбуку. Я желалъ бы имѣть ее по-нѣмецки, чтобъ перевести на французскій языкъ. Если я получу ее на французскомъ, то переведу на нѣмецкій языкъ; но мнѣ она нужна. Графъ Фалькенштейнъ пощупалъ ли ее? Просвѣтился ли онъ въ петербургской нормальной школѣ или онъ болѣе говорилъ нежели слушалъ? Онъ имѣетъ передъ своими товарищами то преимущество, что много видѣлъ, много путешествовалъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ много знаетъ; но приведено ли это сколько-нибудь въ систему, или въ головѣ его все перемѣшано, какъ въ парижскихъ кабачкахъ? Я во всѣ минуты своей жизни оплакиваю свое счастіе, исчезнувшее какъ мечта; но чего бы я не далъ, чтобъ быть у ногъ моей Августѣйшей Монархини, чтобъ сказать ей все, что она думаетъ о графѣ Фалькенштейнѣ! Должно быть въ самомъ дѣлѣ, переборка всего на свѣтѣ въ Могилевѣ была очень полна, если бѣдный многострадальный прошелъ черезъ нее; но бьюсь объ закладъ, что Ваше Величество не сказали своему графу Фалькенштейну, что въ 1777 г., когда Императрица была такъ поглощена пріѣздомъ графа Готландскаго, я положительно предсказалъ ей, что ее ожидаетъ скука посѣщенія графа Фалькенштейна, который тогда находился во Франціи. Отъ Вашего Величества зависѣло воздать мнѣ честь за это предсказаніе подъ носомъ главы Священной Римской имперіи. Онъ конечно не знаетъ также, что если я терплю несчастіе быть многострадальнымъ у главы Священной Греческой Имперіи, зато имѣю утѣшеніе

négligé ce mien protecteur pendant les jeux de gobelets, parce que je sais me taire, mais je ne sais pas dire, pour rien au monde, le contraire de ma pensée. Il m'a fait faire de tendres reproches, ce qui m'a engagé à donner une lettre pour lui au prince Prozorofski. Cette lettre m'a attiré une réponse pleine de tendresse, écrite dans le temps que M. le comte de Falkenstein parlait du beau temps et de la pluie à Mogilef. Dans cette réponse je lis en propres termes:

«Aimez toujours bien fort votre Impératrice de Russie, que j'honore et que j'aime bien aussi, parce qu'elle m'en paraît digne à tous égards. Aimez aussi le roi de Prusse, je le veux bien; mais ne nous haïssez pas pour cela, ainsi que bien injustement il se plaît à faire. Vous pouvez très bien l'un sans l'autre, ce me semble.

J'ai riposté et j'ai dit que je remerciais d'autant plus fortement pour la permission d'aimer mon Impératrice, que quand je ne l'aurais pas, cette permission, il n'en serait ni plus, ni moins, et qu'il ne dépend pas de moi de ne pas l'aimer jusqu'au jour de mon trépas inclusivement. Que quant au Roi de Prusse, j'étais pareillement obligé de l'aimer pour les bontés qu'il m'avait toujours témoignées; que je connaissais par les tripotages du cabinet; que je n'en faisais aucun cas; qu'à l'école de mon Impératrice j'avais fait provision de lieux communs et de dictons qui ont l'air un peu trivial, comme:

быть балованнымъ чадомъ князя Кауница. Я немного пренебрегъ этимъ моимъ покровителемъ во время фокусовъ, потому что умѣю молчать, но не умѣю ни за что говорить противное тому, что думаю. Онъ велѣлъ нѣжно пожурить меня, чтó заставило меня дать князю Прозоровскому письмо къ нему. Это письмо привлекло мнѣ отвѣтъ полный нѣжности, писанный въ то время какъ графъ Фалькенштейнъ разговаривалъ о дождѣ и хорошей погодѣ въ Могилевѣ. Въ этомъ отвѣтѣ я читаю подлинныя слова:

«Любите всегда крѣпко вашу Россійскую Императрицу, которую я чту и также весьма люблю, потому что она мнѣ кажется достойной этого во всѣхъ отношеніяхъ. Любите также прусскаго короля, я согласенъ на это; но за то не ненавидьте насъ, такъ какъ ему угодно несправедливо ненавидѣть насъ. Вы можете обходиться очень хорошо другъ безъ друга, какъ кажется мнѣ».

Я возражалъ и сказалъ, что я тѣмъ болѣе благодаренъ за позволеніе любить мою Императрицу, что когда не буду имѣть этого позволенія, ничто не измѣнится, и что не отъ меня зависитъ любить ее до дня моей смерти включительно. Но что касается до прусскаго короля, я также былъ вынужденъ любить его за доброту, которую онъ всегда мнѣ оказывалъ; что мнѣ неизвѣстны дрязги кабинетовъ, что я не придаю имъ никакого значенія; что въ школѣ моей Императрицы я пріобрѣлъ запасъ общихъ мѣстъ и поговорокъ, которыя кажутся немного пошлыми, какъ напримѣръ:

Man muß leben und leben laßen. Qu'à titre de ma nullité j'avais trouvé de la protection et de la bonté dans tous les camps, etc., etc., etc.

Ici tout le monde me demande comment Ninette à la cour s'est tirée d'affaires, et personne n'attend ma réponse, parce que personne n'a voulu avoir peur pour elle. Le prince de Lobkowitz qui nous a quittés, qui s'est trouvé dans la bagarre de Londres, et qui a été depuis se plonger dans les boues de Saint Amand pour la guérison de son pied, s'est bien mordu le pouce, quand il a appris ici le voyage de son auguste maître vers Mogilef. S'il avait été à Vienne, il lui aurait demandé pour toute grâce d'être du voyage comme palefrenier pour avoir encore un fois le bonheur de voir mon Impératrice. C'est l'histoire du genre humain: quand on ne l'a pas vue, on veut la voir, et quand on l'a vue, on veut la revoir, et l'on meurt de regrets loin d'elle. Je crois, Dieu me pardonne, que j'ai aussi pris à son école du goût pour les gaucheries: car il est incroyable combien j'ai expliqué gauchement certains passages de sa lettre sur M. le comte de Falkenstein. Je ferais bien rire Votre Majesté, si je pouvais lui dire tous les commentaires que j'ai faits in petto sur cette divine pancarte. Je serais toujours bien fâché si tout le monde entier ayant passé en revue, le baron de Dalberg n'a pas eu son tour et l'attache de notre Impératrice.

A M. le comte de Falkenstein succède M. le marquis de Brandebourg, soi-disant M. le prince de Prusse. En sa qualité de prince d'Allemagne et

---

надо жить и давать жить другимъ, что по причинѣ моего ничтожества я нашелъ покровительство во всѣхъ лагеряхъ, и проч. и проч.

Здѣсь всѣ спрашиваютъ меня, какъ Нинета при Дворѣ выпуталась изъ бѣды, и никто не ждетъ моего отвѣта, потому что никто не хотѣлъ за нее бояться. Князь Лобковичъ, который насъ покинулъ и очутился въ лондонской свалкѣ и который съ тѣхъ поръ ѣздилъ погружаться въ грязи С. Аманда для излѣченія своей ноги, очень кусалъ себѣ пальцы, когда узналъ здѣсь о путешествіи своего августѣйшаго владыки въ Могилевъ. Еслибъ онъ былъ въ Вѣнѣ, онъ просилъ бы у него милости принять участіе въ путешествіи въ качествѣ конюха, чтобъ имѣть еще разъ счастіе увидѣть нашу Императрицу. Вотъ исторія рода человѣческаго: когда кто не видалъ ее, то хочетъ Ее видѣть, а когда увидѣлъ, то хочетъ видѣть опять и умираетъ отъ тоски по ней. Мнѣ сдается, прости Боже! что и я въ ея школѣ полюбилъ неловкости, потому что я до невѣроятности неловко объяснилъ нѣкоторыя мѣста ея писемъ о графѣ Фалькенштейнѣ. Я очень насмѣшилъ бы Ваше Величество, еслибъ могъ сообщить Вамъ всѣ комментаріи, которыя дѣлалъ in petto на эту божественную грамоту. Я очень буду однако сожалѣть, если, при переборкѣ всѣхъ на свѣтѣ, очередь не дошла и до Дальберга и онъ не привлекъ вниманія нашей Императрицы.

Графа Фалькенштейна смѣняетъ г. маркизъ Бранденбургскій, иначе сказать, г. принцъ Прусскій. По званію принца германскаго и по личнымъ своимъ качествамъ

en ses qualités personnelles c'est mon protégé déclaré: ainsi Votre Majesté n'a qu'à prendre bien garde à ce qu'elle me dira sur son compte, et que je ne sois pas tenté de prendre à gauche. Le ministre à la glace a la plus belle occasion du monde pour se dégeler; s'il n'en profite pas, je regarderai son état comme désespéré.

Milord George Gordon m'a écrit de la tour de Londres, pour me demander s'il est vrai que l'Impératrice des Grecs a commis l'abomination d'assister à une messe latine. J'ai été très embarrassé, j'ai répondu à sa Lordship, qu'elle n'y a été qu'en sa qualité de badaude; c'est une défaite dont sa Lordship ne se contente pas. Je suis sûr que Votre Majesté a redoublé d'admiration pour les bons citoyens et leur allure gauche, quand elle a su tout ce qui se passait à Londres, tandis que l'Impératrice des Grecs était à la messe latine ou à l'opera buffa de Mogilef avec M. de Falkenstein. Je commence à croire que j'ai gagné un peu l'esprit de prophétie à force d'approcher du trépied sacré de Pétersbourg. Quand j'ai vu toucher avec tant de sagesse à ces vieilles lois contre les catholiques, que la révolution des moeurs avait bien mieux abolies qu'aucune législation ne pouvait jamais faire, j'ai pris mon chapeau de Quaker, et j'ai dit: ami George, c'est un excellent moyen de faire faire à ton peuple un pas de cent cinquante ans en arrière: il t'en cuira, c'est moi qui te le dis. Et c'est milord George

---

онъ состоитъ, какъ извѣстно, подъ моимъ покровительствомъ: итакъ Ваше Величество должны говорить о немъ со мною осторожно, чтобъ я не подвергся искушенію поворотить влѣво. Ледяной министръ имѣетъ прекраснѣйшій въ мірѣ случай оттаять; если онъ этимъ не воспользуется, я буду считать его положеніе отчаяннымъ.

Милордъ Георгъ Гордонъ писалъ мнѣ изъ Лондонской башни, чтобъ спросить у меня, правда ли что Императрица Греческая осквернила себя присутствованіемъ при католической обѣднѣ. Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и отвѣчалъ его лордству, что она была тамъ только въ качествѣ зѣваки. Эту отговорку его лордство не принимаетъ. Я увѣренъ, что Ваше Величество вдвойнѣ дивитесь добрымъ гражданамъ и ихъ неловкой поступи, узнавъ обо всемъ, что происходило въ Лондонѣ, пока Греческая Императрица была у латинской обѣдни или въ оперѣ буффъ въ Могилевѣ съ графомъ Фалькенштейномъ. Я начинаю думать, что я немножко усвоилъ себѣ духъ пророчества, такъ часто приближаясь къ священному петербургскому треножнику. Когда я увидѣлъ съ какою мудростью прикасались къ этимъ старымъ законамъ противъ католиковъ, гораздо вѣрнѣе упраздненнымъ измѣненіемъ нравовъ, нежели бы это могло быть произведено какимъ-либо законодательствомъ, я взялъ свою квакерскую шляпу и сказалъ: другъ Георгъ, вотъ прекрасное средство заставить народъ твой ступить шагъ на полтораста лѣтъ назадъ; тебѣ не поздоровится отъ этого, я тебѣ говорю. И вотъ милордъ Георгъ Гордонъ архибезумецъ взялся

Gordon, archifou, qui s'est chargé de l'exécution de ma prophétie. Mais l'ami George n'a jamais bien compris la différence entre l'esprit gauche, tel qu'il a été donné à l'élève de Mademoiselle Cardel, et l'allure gauche d'un Paßgänger qui marcherait encore trente ans de même, qu'il ne se remettrait jamais en mesure. Il est bien heureux pour ces gauchers de n'avoir rien à démêler avec certains esprits gauches échappés de la tourtière de Mademoiselle Cardel: ceux-ci leur auraient fait voir de pays; mais heureusement ils ont affaire à des esprits pleins de droiture, avec qui ils ne risquent que la façon de leurs propres sottises: ces esprits droits m'ont l'air de vouloir absolument que tous les malheurs des gauchers soient leur propre et unique ouvrage, et ne les aident par conséquent en rien pour les pousser dans les margouillis où ils se sont si spirituellement campés. Dieu bénisse les esprits droits et les gauchers; ils m'ennuient tant qu'ils sont. Je m'en tiens à mon lot, an meine Normal-Schulmeisterin. Cela vous fait toujours honneur et plaisir, et ne vous donne jamais du chagrin. Votre Majesté remarquera que je ne dis plus Elle, comme j'en ai été une fois injustement accusé en pleine table, mais Cela. Quand je vois les maîtres du monde empressés autour de son école; quand je vois son pavillon flotter sur les mers et annoncer à cet élément couvert de pirates, que le règne de la justice est arrivé; quand je vois ce nom auguste et sacré que je n'entendis jamais prononcer sans émo-

---

за исполненіе моего пророчества. Но другъ мой Георгъ никогда хорошенько не понималъ разницы между неловкимъ умомъ, какой былъ данъ ученицѣ г-жи Кардель и неловкой поступью иноходца, который тридцать лѣтъ будетъ выступать одинаково и никогда не войдетъ въ тактъ. Весьма большое счастіе для этихъ неловкихъ, что имъ нечего дѣлить съ нѣкоторыми неловкими умами, выскочившими изъ кухни госпожи Кардель: ужъ эти послѣдніе дали бы имъ знать; но по счастью они имѣютъ дѣло съ умами самыми прямыми, съ которыми они рискуютъ только покроемъ собственныхъ глупостей: эти прямые умы, какъ мнѣ кажется, желаютъ во что бы ни стало, чтобъ всѣ бѣдствія неловкихъ были единственно ихъ собственнымъ твореніемъ, и стало быть ни въ чемъ имъ не помогаютъ, чтобъ толкнуть ихъ въ трясину, куда они такъ остроумно сами забрались. Да благословитъ Богъ и прямыхъ и неловкихъ умомъ; они надоѣли мнѣ всѣ, сколько ихъ ни есть. Я довольствуюсь своимъ жребіемъ — своею нормальной школьной учительницей. Это всегда доставляетъ вамъ честь и удовольствіе, и никогда васъ не огорчаетъ. Ваше Величество замѣтите, что я не говорю болѣе: Она, какъ разъ несправедливо обвинили меня за столомъ, — но говорю: Это. Когда я вижу властелиновъ міра, суетящихся около ея школы; когда я вижу флагъ ея развѣвающимся на моряхъ, чтобъ заявить этой стихіи, покрытой морскими разбойниками, что настало царство правосудія; когда я вижу это августѣйшее и священное имя, никогда не произносимое при мнѣ безъ

tion, révéré et respecté de toutes les nations à l'envi; quand je vois ses anciens détracteurs ou réduits à chanter publiquement la palinodie, ou abaissés à un honteux et mortifiant silence, c'est alors que mon coeur s'épanouit, et qu'il est prêt à se briser de joie en mille morceaux. Mais ce qui fait mon orgueil, ce n'est pas de voir céla environné de gloire et d'un éclat qu'aucune tête couronnée n'assembla jamais autour d'elle, — c'est de l'avoir dévinée telle qu'elle s'est montrée depuis, en 1762, neuf jours après son avénement au trône, lorsqu'elle fit proposer aux éditeurs de l'Encyclopédie de venir l'achever dans son empire. Alors je pris aussi mon bonnet de Quaker et je dis: Ah, ah! C'est là ton allure, neuf jours après le 28 juin? C'est de ce bois que tu te chauffes, quand tu as tant de têtes à ranger sous un bonnet. Beau masque, je te connais à présent.

Mais voici encore une pancarte du divin Reiffenstein qui vient très à propos pour grossir ce paquet, et le prince Bariatinski retarde son départ de deux fois vingt-quatre heures, pour attendre la fille de Caton, Portia, avec ses charbons ardents, et la conduire dans l'asile que Votre Majesté Impériale lui réserve. Le prince voyageur se charge donc encore de cette Portia qu'Emilie de Belsunce a baisée, quand elle a su qu'elle allait à Pétersbourg, en la priant sans façon de rendre son baiser à l'Impératrice; et puis le dessin de la colonne Trajane. La pancarte du chevalier de Müller

---

особеннаго чувства, уважаемымъ и чтимымъ наперерывъ всѣми націями; когда я вижу прежнихъ ея хулителей или вынужденными публично отрекаться, или униженными до постыднаго молчанія, тогда сердце мое наполняется счастіемъ и отъ радости готово разорваться на тысячу кусковъ. Но я горжусь не тѣмъ, что вижу ее окруженной славою и блескомъ, какихъ не разливала вокругъ себя ни одна коронованная глава; но тѣмъ, что я угадалъ ее такою, каковою она себя показала послѣ, уже въ 1762 году, черезъ девять дней по восшествіи своемъ на престолъ, когда она предложила издателямъ Энциклопедіи пріѣхать кончать ее въ Ея имперіи. Тогда я точно такъ же взялъ свою квакерскую шляпу и сказалъ: Ахъ, ахъ! вотъ какова твоя поступь девять дней послѣ 28 іюня? Этими-то дровами ты себя отапливаешь, когда ты столько головъ должна поставить подъ одну шапку. Прекрасная маска, теперь я тебя знаю.

Но вотъ еще грамота божественнаго Рейфенштейна, являющаяся весьма кстати, чтобъ увеличить этотъ пакетъ. А князь Барятинскій отлагаетъ отъѣздъ свой на двое сутокъ, чтобъ дождаться дочери Катона, Порціи, съ ея горящими угольями, и отвезти ее въ убѣжище, которое Ваше Императорское Величество назначаете ей. Князь путешественникъ берется доставить эту Порцію, которую Эмилія Бельзэнсъ поцѣловала, узнавъ, что она ѣдетъ въ Петербургъ, прося ее безъ церемоніи передать поцѣлуй Императрицѣ; потомъ идетъ рисунокъ колонны Траяновой. Грамота кавалера Мюллера и графа Сантини послѣдуютъ по почтѣ. Я кладу въ этотъ пакетъ

et le comte de Santini suivront par la poste. Je mets dans ce paquet la petite facture de tous les effets commis au prince voyageur que je vois partir avec peine pour plus d'une raison. J'espère que l'Impératrice des Grecs ne refusera pas son approbation à la prudence qui a inspiré le divin pendant toute l'audience que l'Antechrist lui a donnée. Mais j'oublie qu'il n'est plus permis chez Votre Majesté de nommer les gens par leurs noms; et que tandis que nous autres braves Luthériens nous sommes obligés de garder le diable, sous prétexte qu'il a été reçu légalement avec nous, nous ne pouvons plus donner à sa sainteté, le Pape, les noms dont nous l'avons de tout temps décoré. Cela s'appelle, mit *einem Worte*, avoir deux poids et deux mesures. J'espère que Votre Majesté approuvera l'appaisement des mânes de l'abbé Chigi en vertu de ses ordres, et pardonnera le prolongement de la méridienne du divin outre mesure en faveur de l'excessive chaleur.

Je crois, Dieu me pardonne, n'avoir pas encore fait mention de la somme de près de 40 mille livres que M. le procureur général m'a fait toucher pendant que Votre Majesté Impériale répandait la vie et ses bienfaits innombrables dans plusieurs provinces de son empire. J'emploierai cet argent suivant ses ordres, ainsi qu'il sera clair par mon décompte. Houdon ne se sent pas de joie de la glorieuse destination de sa statue, non pas pour la nouvelle Jérusalem, mais pour le nouveau Ferney. Maître Sedaine reparaîtra incessament sur l'horizon de Minerve l'hyperboréenne avec une nou-

---

маленькій списочекъ всѣмъ вещамъ, порученнымъ князю-путешественнику, объ отъѣздѣ котораго жалѣю по многимъ причинамъ. Надѣюсь, что Греческая Императрица не откажетъ въ своемъ одобреніи той осторожности, которую проявилъ божественный во все время аудіенціи, данной ему антихристомъ. Но я забываю, что Ваше Величество не позволяете называть людей по ихъ имени; и въ то время, какъ мы, добрые лютеране, должны сохранять у себя дьявола, подъ предлогомъ, что онъ законно принятъ между нами, мы не можемъ давать его святѣйшеству, папѣ, такія имена, которыми мы давно его окрестили. Это называется однимъ словомъ: имѣть два вѣса и двѣ мѣры. Надѣюсь, что Ваше Величество одобрите успокоеніе праха аббата Киджи, сдѣланное вслѣдствіе Вашихъ приказаній, и простите продолжительный послѣобѣденный отдыхъ божественнаго, вызванный необыкновеннымъ зноемъ.

Я думаю, прости Боже, что еще не упомянулъ о суммѣ почти въ 40 тысячъ ливровъ, которую г. генералъ-прокуроръ отпустилъ мнѣ, пока Ваше Императорское Величество разливали жизнь и свои безчисленныя благодѣянія въ нѣсколькихъ провинціяхъ Вашей имперіи. Я употреблю эти деньги сообразно съ Вашими приказаніями, какъ будетъ видно изъ моихъ отчетовъ. Гудонъ не помнитъ себя отъ радости, узнавъ о славномъ назначеніи своей статуи, не для новаго Іерусалима, а для новаго Фернея. Седэнъ появится вскорѣ на горизонтѣ Минервы Гиперборейской съ новой

velle pièce. Mademoiselle d'Audet, après que l'Impératrice l'eut comblée de bontés, a mandé à un de ses amis: Je me sentais d'autant plus loin d'elle que je m'en voyais plus près. Votre Majesté a pris en pitié ma fureur musicale et m'a impérialement gratifié de deux opéras. Comme je suis un homme insatiable, j'espère de cette même compassion impériale qu'elle ordonnera qu'on m'envoie successivement *Amore e Psiche* fait par Traetta pour le mariage de Monseigneur le grand-duc en 1773 et puis la *Didone abbandonnata* de Galuppi, et puis tout ce que fait et fera Vesuvio Païsiello, auquel j'impose le devoir de l'amitié de revoir avec soin toutes les copies dont je serai gratifié par la munificence de notre grande et sississississime Souveraine; car l'Antigona et Demetrio me sont arrivés avec tant de fautes que je désespère d'avoir assez de temps et de science pour les accommoder.

En remettant ce paquet au prince Bariatinski, j'imprimerai mes regards sur son front de toute la force de mon âme, afin que Votre Majesté en trouve encore la trace la première fois qu'il aura le bonheur de l'approcher. Qu'il est heureux! Si son bonheur ne lui fait pas oublier mes interêts, il déposera aux pieds de Votre Majesté Impériale l'hommage du plus profond respect, et, pourquoi ne le dirai-je pas, du plus inaltérable comme du plus tendre attachement qui lient mon âme à la destinée la plus glorieuse de l'Europe.

пьесой. Госпожа д'Одэ, послѣ того, какъ Императрица осыпала ее милостями, написала одному изъ своихъ друзей: «Я чувствовала себя тѣмъ далѣе отъ нея, что видѣла себя къ ней ближе». Ваше Величество сжалились надъ моей музыкальной яростью и по-императорски наградили меня двумя операми. Такъ какъ я человѣкъ ненасытный, я ожидаю отъ этого самаго императорскаго состраданія, что Она велитъ прислать мнѣ постепенно: Амура и Психею, написанную Траэттою къ свадьбѣ Его Высочества Великаго Князя въ 1773 г., потомъ: Покинутую Дидону Галуппи, и наконецъ все, что пишетъ и еще напишетъ Везувій Паизіелло, на коего я возлагаю обязанность дружбы просмотрѣть тщательно всѣ копіи, которыми я буду облагодѣтельствованъ щедростью нашей Великой и sississississime Государыни, потому что Антигона и Деметріо пріѣхали ко мнѣ съ такими ошибками, что я отчаяваюсь имѣть довольно времени и умѣнья для ихъ починки.

Передавая этотъ пакетъ князю Барятинскому, я напечатлѣю взоры мои на челѣ его со всею силою души моей, чтобъ Ваше Величество нашли еще слѣды ихъ въ первый разъ какъ онъ будетъ имѣть счастіе къ Вамъ приблизиться. Какъ онъ счастливъ! Если его счастіе не заставитъ его забыть мои интересы, онъ повергнетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества выраженія глубочайшаго благоговѣнія, и зачѣмъ же не сказать самой неизмѣнной какъ и нѣжнѣйшей привержености, которая связываетъ мою душу съ славнѣйшей изъ судебъ Европы.

11.

A Paris, ce 6 (17) septembre 1780.

Madame. Si mon petit charmant abbé napolitain se confond et s'extasie, s'il pense perdre la tête et la raison, parce que j'ai pu lui mander avec vérité que l'Impératrice de tous les coeurs comme de toutes les Russies (NB. que je crois les coeurs guère plus communs que les Russies et que ce n'est pas par la quantité, mais par la qualité que nous brillons) a parlé de lui à M. le comte de Falkenstein au milieu du fracas de Mogilef, que ne doit-il pas advenir à un souffre-douleur, à un Ouen-Ouang, à un dévot à Ecatherine, qui tient nuit et jour les genoux de sa divinité tutélaire embrassés, lorsqu'il a non seulement la même attitude, mais qu'il peut se vanter qu'à Pétersbourg comme à Mogilef il a été pendant quelques instants l'objet de la conversation de deux personnes les plus augustes du siècle, dont la réunion fixait en ce moment les regards de l'Europe entière? Ah, il faut que je sois bien gâté, puisque j'existe encore sans être crevé de vanité ni anéanti de reconnaissance! Mais aussi qui aurait le droit d'être gâté, si je ne l'étais pas, moi, qui né dans l'obscurité suis devenu un personnage illustre par la pure volonté de celle qui a rempli l'univers de l'éclat de son nom, de celle

---

11.

6 (17) сентября 1780.

Государыня. Если мой маленькій прелестный неаполитанскій аббатикъ удивляется и восторгается, если онъ теряетъ голову оттого, что я ему правдиво сообщилъ, что Императрица всѣхъ сердецъ, какъ и всея Россіи (NB я не считаю, чтобъ и сердца были болѣе обыкновенны нежели Россія, ибо мы блестимъ не количествомъ, а качествомъ), говорила о немъ съ графомъ Фалькенштейномъ среди могилевскаго шума, то что же должно статься оттого съ многострадальнымъ? Что долженъ чувствовать Уанъ-Уангъ, поклонникъ Екатерины, обнимающій денно и нощно колѣна своего покровительствующаго божества, когда онъ не только сохраняетъ это положеніе, но можетъ похвалиться. что въ Петербургѣ, какъ и въ Могилевѣ, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ былъ предметомъ разговора двухъ августѣйшихъ особъ этого вѣка, которыхъ свиданіе привлекало въ эти минуты взоры цѣлой Европы? Ахъ, я долженъ быть весьма избалованъ, если я еще существую и не лопнулъ отъ тщеславія, или не уничтоженъ признательностью. Но кто же, впрочемъ, и имѣетъ право быть баловнемъ, если не я, рожденный въ неизвѣстности и сдѣлавшійся лицемъ знаменитымъ, единственно по волѣ той, которая наполнила вселенную блескомъ своего имени, той, которая заслу-

qui a mérité le titre de bienfaitrice non seulement de ses sujets, mais de tous les peuples de la terre à qui le sort a permis d'avoir avec elle les rapports même les plus éloignés, moi qui ne peux plus faire un pas sans être désigné sous le nom de celui qu'elle honore depuis longtemps d'une constante bienveillance, sans être protégé et environné d'un rayon de sa gloire, qui suffit pour rendre un objet comme sacré et digne de l'attention de son siècle? Ma gloire ne dépend donc plus de personne. Le seul nombre des lettres que je possède de mon auguste Souveraine, par sa pure grâce et bonté, et quelles lettres encore! suffirait à l'immortalité de vingt ou trente de mes pareils. Aussi, lorsqu'il a plu à Votre Majesté Impériale de me mander de Mogilef: Nous avons parlé du monde entier, et par conséquent aussi de vous, j'ai dit: Je le crois bien: de qui parlerait-on, si ce n'est de ceux qui marquent le plus si ce n'est par leur mérite, du moins par leur étoile? Et lorsque Votre Majesté me fait la grâce de me dire qu'il avait encore été question de moi à Pétersbourg, et que M. le comte de Falkenstein lui a dit qu'il avait entendu dire mille biens de moi, j'ai dit: De qui en dirait-on si ce n'est de ceux que Catherine a distingués dans la poussière, et sur qui elle a fixé les regards du public par le sien? Votre Majesté l'a prié de croire qu'il n'était point trompé sur mon compte; mais n'était-il pas mieux, plus simple et plus vrai de dire avec Saint-Paul, qui aimait les comparaisons

---

жила имя благодѣтельницы не только своихъ подданныхъ, но и всѣхъ народовъ земли, допущенныхъ судьбою имѣть съ ней хотя бы самыя отдаленныя сношенія. Кто же и заслужилъ это, если не я, который не могу сдѣлать ни одного шага, чтобъ не указывали на меня, какъ на человѣка, давно отличеннаго ея постояннымъ благоволеніемъ, чтобъ я не былъ подъ ея покровительствомъ и осѣненъ лучемъ ея славы, способной сдѣлать всякаго какъ бы лицомъ священнымъ, достойнымъ вниманія своего вѣка. Слава моя стало-быть ни отъ кого не зависитъ. Одного множества писемъ отъ моей Августѣйшей Государыни, находящихся въ моемъ обладаніи по ея великой милости и благости, и какихъ еще писемъ! достаточно было бы для безсмертія двадцати или тридцати подобныхъ мнѣ. За то, когда Вашему Величеству угодно было написать мнѣ изъ Могилева: «мы говорили обо всемъ на свѣтѣ, стало-быть и о васъ», я сказалъ: «я повѣрю этому: о комъ стали бы говорить, какъ не о тѣхъ, которые всего болѣе выдаются, если не достоинствами своими, по крайней мѣрѣ счастливой звѣздою?» А когда Ваше Величество милостиво сообщили мнѣ, что еще и въ Петербургѣ рѣчь шла обо мнѣ, и графъ Фалькенштейнъ говорилъ Вамъ, что онъ слышалъ обо мнѣ много добраго, я сказалъ: «о комъ же стали бы говорить хорошо, какъ не о тѣхъ, кого Екатерина подняла изъ праха и на кого она своимъ взоромъ привлекла вниманіе общества». Ваше Величество просили его вѣрить, что его на мой счетъ не обманули; но не лучше ли, не проще ли и правдивѣе было бы сказать со св. Павломъ, который любилъ благородныя сравненія: о, что касается до этого,

nobles: oh, pour celui-là, j'en dispose comme le potier dispose de son argile; si je n'en fais rien, ce n'est pas sa faute, mais c'est que ce n'est que de l'argile. Quelle impression ce seul mot aurait fait sur l'esprit de M. de Falkenstein! Comme il m'aurait rendu intéressant et grand à ses yeux! Car il a assez vécu pour savoir combien il est difficile à ses pareils de trouver un attachement pur, désintéressé et passionné sans grimace et sans étalage, dans ceux qui ont le bonheur de les approcher; et s'il n'a pas démêlé pendant son voyage que l'Impératrice des Grecs, entre autres dons magiques dont la nature l'a douée, possède celui de se faire adorer non comme souveraine, mais abstraction faite du rang suprême, pour sa seule personne, je dirai moi, que je ne donnerais pas deux sous pour sa pénétration et perspicacité. Mais je n'en peux douter après l'éloge que Minerve fait de sa tête et de son esprit; et, à dire la vérité, le seul voyage projeté et exécuté par lui cette année, suffit pour justifier cet éloge. Car il n'appartient pas à une tête commune de former et de réaliser de tels projets. Dans son rang une tête commune aurait justement redouté d'être éblouie par l'éclat qui environne le trône le plus glorieux et le plus brillant de l'Europe et cette sotte humiliation aurait suffi pour l'en écarter. Puisque, malgré son rang, il a osé en approcher, c'est qu'il s'est senti en état de soutenir cette entrevue: et cette noble confiance, ainsi que le prix qu'il a attaché

я имъ распоряжаюсь какъ горшечникъ своей глиной; если я изъ него ничего не сдѣлала, онъ въ томъ не виноватъ, но вѣдь это только одна глина! Какое впечатлѣніе одно это слово произвело быиа уже графа Фалькенштейна! Какъ бы оно возвысило меня, какой бы интересъ придало мнѣ въ глазахъ его! Вѣдь онъ прожилъ довольно долго, чтобъ знать какъ трудно подобнымъ ему найти привязанность чистую, безкорыстную и страстную безъ гримасъ и выставки среди тѣхъ, кто имѣетъ счастіе окружать ихъ; и если онъ не постигъ во время своего путешествія, что Греческая Императрица между другими магическими свойствами, которыми одарила ее природа, обладаетъ способностью заставить обожать себя не какъ государыня, но независимо отъ своего высокаго сана, лично своею особою, если онъ не постигъ этого, я не дамъ двухъ копѣекъ за его наблюдательность и проницательность. Но я не могу усомниться въ этомъ послѣ похвалъ, выраженныхъ Минервою его головѣ и уму; и по правдѣ сказать, одно это путешествіе, предпринятое и выполненное имъ нынѣшній годъ, достаточно, чтобъ подтвердить похвалу эту. Дюжинная голова неспособна задумать и исполнить такое предпріятіе. Въ его положеніи дюжинная голова именно побоялась бы, что её затмитъ блескъ, окружающій славнѣйшій изъ престоловъ Европы, и это глупое чувство уничиженія было бы достаточно, чтобъ удалить его. И если, несмотря на санъ свой, онъ осмѣлился къ нему приблизиться, то значитъ онъ чувствовалъ себя въ состояніи поддержать это свиданіе; такое благородное довѣріе, такъ же какъ и значеніе, какое онъ

à cette entrevue, n'entra jamais dans une âme commune. Il ne tenait qu'à Votre Majesté de dire à M. le comte de Falkenstein: Mon souffre-douleur m'avait bien dit en 1777, tandis que vous voyagiez en France et que j'avais chez moi M. le comte de Gothland, que j'aurais incessamment le dégoût de vous voir arriver chez moi: mais c'est que Votre Majesté ne se soucie pas qu'il soit rendu justice à mes dons prophétiques. On pourrait cependant ne pas m'envier cette petite gloriole; il ne fallait pas assurément être grand sorcier pour prévoir cela. Votre Majesté peut se rappeler aussi qui je voulais envoyer encore à l'école unserer gekrönten Normal-Schulmeisterinn. Ce n'était pas une prophétie, mais un désir bien violent d'un grand bien. Celui-là ne serait pas arrivé instruit comme M. le comte de Falkenstein, qui a eu par sa position cet avantage unique d'entre ses pareils de voyager et de connaître toute l'Europe dans un âge où l'esprit a acquis toute sa mâturité; mais mon voyageur aurait porté des oreilles, il serait venu enfant, et serait peut être reparti homme. Ce qu'il y a de sûr, c'est qu'il faudrait à Pétersbourg tout près de l'Hermitage une auberge à l'enseigne des Trois Rois et une fondation en vertu de laquelle il y en aurait toujours un, deux ou trois, non de l'orient, mais de l'occident. Après un mois de séjour il serait convenu qu'on serait relayé, car celui dont les oreilles auraient été dressées un mois sans succès, pourrait s'en retourner en toute sûreté avec un brevet

---

придавалъ этому свиданію, никогда не могли быть принадлежностью души обыкновенной. Отъ Вашего Величества зависѣло сказать графу Фалькенштейну: «мой многострадальный говорилъ же мнѣ въ 1777 г., пока вы путешествовали во Франціи и у меня находился графъ Готландскій, что я буду имѣть непріятность видѣть васъ когда-нибудь у себя»; но Ваше Величество не дорожите, чтобъ была отдана справедливость моему дару пророчества. Можно было бы однако не завидовать этой маленькой моей славѣ; небольшимъ надо было показать себя волшебникомъ, чтобъ предвидѣть это. Ваше Величество могли бы также вспомнить, кого я хотѣлъ еще прислать въ школу нашей коронованной учительницы нормальныхъ школъ. Это было не пророчество, а весьма сильное желаніе великаго блага. Этотъ пріѣхалъ бы не столь свѣдущимъ, какъ графъ Фалькенштейнъ, который по своему положенію имѣлъ такое единственное преимущество между себѣ подобными — путешествовать и узнать всю Европу въ такомъ возрастѣ, когда умъ достигъ уже полной зрѣлости; но мой путешественникъ прислушивался бы и, пріѣхавъ ребенкомъ, можетъ-быть уѣхалъ бы мужемъ. Вѣрно однако то, что надо бы имѣть въ Петербургѣ, вблизи Эрмитажа, гостиницу съ вывѣской «Трехъ королей» и учрежденіе, по которому всегда было бы ихъ двое или трое не съ востока, а съ запада. Послѣ мѣсячнаго пребыванія была бы устроена смѣна, потому что тотъ, чьи уши цѣлый мѣсяцъ слушали безуспѣшно, могъ бы преспокойно возвратиться съ дипломомъ нечувствительнаго слуховаго барабана; тотъ же, кто не оказался таковымъ, собралъ бы достаточный

de tympan inaccessible, et celui qui ne serait pas dans ce cas-là aurait ramassé assez de provisions pour faire valoir pendant longtemps le bien qui lui est confié; et tous les peuples de l'occident lèveraient au ciel des mains reconnaissantes et béniraient l'auberge des Trois Rois proche l'Hermitage, et Votre Majesté, pour me récompenser de l'idée de cet établissement, m'accorderait la place de Waiter ou d'Oberkellner dans cette auberge: Est-il possible que les plus beaux établissements restent toujours dans la tête des hommes, et ne se réalisent jamais pour le bonheur du genre humain? Que j'aurais été heureux, Madame, de faire le Kellner dans cette occasion unique et d'avoir encore ce bouton à ma redingote d'immortalité! J'aurais dit à mon auguste Gasthalterin tout ce qu'elle pense von ihrem vornehmen Gast; mais avant de m'embarquer dans cette confession périlleuse, j'aurais risqué quelques questions préliminaires, comme par exemple: Entend-il le langage du trépied? Comprend-il la vertu d'un grand vent ou d'un grand mal de tête? und so andere Kleinigkeiten, die ich bemerke ehe ich mich über einen Menschen herauslaße. Après ces préliminaires j'aurais dégoisé, et j'aurais développé tout ce que l'Impératrice a gardé par devers elle dans son coeur impérial über die Aussicht in künftige Zeiten und wieder solche Kleinigkeiten: car ce que notre Impératrice marque dans ses tablettes, y est profondément tracé, und das kann nur ein blinder Kerl, wie ich, mit seiner Nase herausnipfeln; aber das kann der Blinde nur in Gegenwart seiner Kaiserin thun. Loin d'elle

---

запасъ, чтобъ долго пускать въ оборотъ добро, ему ввѣренное; и всѣ народы запада воздѣвали бы къ небу признательныя руки и благословляли бы гостинницу Трехъ Королей, близкую къ Эрмитажу; а Ваше Величество, чтобъ наградить меня за мысль такого учрежденія, даровали бы мнѣ мѣсто кельнера или оберъ-кельнера въ этой гостинницѣ. Возможно ли, чтобъ самыя лучшія учрежденія всегда оставались въ головахъ людей, и никогда не осуществлялись ко благу рода человѣческаго! Какъ бы я былъ счастливъ, Государыня, еслибъ могъ быть кельнеромъ въ этомъ единственномъ случаѣ, и прибавить еще и эту пуговку къ сюртучку моего безсмертія. Я бы сказалъ моей Августѣйшей хозяйкѣ гостинницы все, что она думаетъ о своемъ знатномъ гостѣ; но прежде чѣмъ пуститься въ эту опасную исповѣдь, я рискнулъ бы сдѣлать нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ: понимаетъ ли онъ языкъ треножника? Сознаетъ ли благодѣтельное вліяніе сильнаго вѣтра или сильной головной боли? и много такихъ бездѣлицъ, которыя я наблюдаю, прежде чѣмъ выскажусь о человѣкѣ. Послѣ этихъ предисловій я бы высказался и развилъ бы все то, что Императрица удержала про себя въ своемъ императорскомъ сердцѣ о намѣреніяхъ своихъ въ будущемъ и тому подобныхъ мелочахъ: такъ какъ все, что Императрица отмѣчаетъ на своихъ табличкахъ, глубоко на нихъ начертано и только такой слѣпой человѣкъ, какъ я, можетъ пронюхать это своимъ носомъ; но слѣпому это возможно только въ присутствіи своей Императрицы. Далеко отъ нея талантъ его про-

son talent se perd et l'abandonne. Malheur à l'aveugle, s'il est depuis trois ans banni de sa présence auguste! Le prince de Lobkowitz, qui aurait donné tout au monde pour se trouver dans la suite de M. le comte de Falkenstein, ne fût-ce que comme palefrenier, vient de m'interrompre au milieu de mon beau dire par une lettre qu'il m'écrit de Bruxelles. Il me dit:

«Vous devez avoir reçu d'amples détails sur l'apparition que mon maître «a faite en Russie. Je ne sais s'il y a réussi, mais je sais bien en revanche «qu'il est enchanté de ce pays-là et enthousiasmé de la véritablement grande «Catherine».

Il faudra bien lui dire ce que la véritablement grande Catherine dit de M. le comte de Falkenstein. Bien des commis des postes l'auront vu et noté avant lui et moi ohne einen Zug von ihrer Tobakspfeife zu verlieren.

Aber warum denn, um tausend Gottes Willen! haben Ihre Kaiserliche Majestät unsern wackeren und rechtschaffnen Feldmarschall Galitzin nebst dem Senat und übrigen neuen Gouvernementsräthen mit der großen Catharina so schlecht abgewiesen? Tout le monde s'en prend à moi, und sagt mir unter die Nase: Nun das ist zuweilen, Gott weiß! ein wunderlicher Kopf. De quoi se fâche-t-elle? On ne lui dit pas plus haut que son nom. Et moi qui ai prévu tout ce qui est arrivé à ce brave maréchal Galitsine et à ses pauvres arcs de triomphe, je réponds à cela: Que voulez-vous faire? La voilà comme elle est! Wir müssen nun schon mit ihr vorlieb nehmen. Umschmelzen oder Verbesse-

---

падаетъ и покидаетъ его. Горе слѣпому, если онъ три года изгнанъ изъ ея Августѣйшаго присутствія! Князь Лобковичъ, тотъ, который далъ бы все на свѣтѣ, чтобъ находиться въ свитѣ графа Фалькенштейна, хотя бы въ качествѣ конюха, только что прервалъ меня въ моемъ краснорѣчіи письмомъ изъ Брюсселя. Онъ говоритъ мнѣ:

«Вы должны были получить подробныя свѣдѣнія о появленіи моего государя въ Россіи. Не знаю, имѣлъ ли онъ успѣхъ, но за то знаю, что онъ въ восхищеніи отъ этой страны, и очарованъ истинно великой Екатериной».

Надо будетъ сказать ему, что́ истинно великая Екатерина говоритъ о графѣ Фалькенштейнѣ. Многіе почтовые чиновники уже видѣли и записали это ранѣе его и меня, не потерявъ ни одной затяжки изъ своей трубки табаку.

Но тысячу разъ зачѣмъ же, ради Бога, Ваше Императорское Величество такъ рѣзко отпотчевали нашего храбраго и честнаго фельдмаршала Голицына, сенатъ и прочихъ новыхъ губернскихъ депутатовъ съ титломъ великой Екатерины? Всѣ ко мнѣ пристаютъ съ этимъ и говорятъ мнѣ прямо въ лицо: ну, иногда она Богъ знаетъ какая странная голова. За что она сердится. Ей не предлагаютъ ничего иного, кромѣ ея настоящаго имени. А я такъ предвидѣлъ, что случится съ этимъ добрымъ фельдмаршаломъ Голицынымъ и его бѣдными тріумфальными арками, и отвѣчалъ на это: Чего же вы хотите? Вотъ какова она въ самомъ дѣлѣ! Мы должны ужъ примиряться съ этимъ. Перелить её или исправить невозможно и нечего на это надѣяться.

rung ist gar nicht zu hoffen. Nachaffen ist auch ihr Werk nicht. Je me suis bien douté qu'elle ne voudrait pas partager les honneurs et les frais d'un service pour le repos de l'âme du patriarche, et que son haut allié serait obligé de le faire chanter en faux bourdon à ses dépens exclusivement, qui suivant un décompte exact qui m'a été envoyé ont monté à 42 écus 8 gros. C'est sans doute la plus belle de toutes les excuses, de dire : je crois son âme très en repos; mais si chacun à part soi prenait cette bonne opinion de ses amis, de ses parents, de ses proches qui partent pour l'autre monde, les coquins de Sa Majesté à Polotzk et à Mogilef et beaucoup d'autres marchands qui vivent du même commerce d'orviétan, seraient fort embarrassés de meubler leurs boutiques comme il faut, lorsqu'ils ont à recevoir et à complimenter leur souveraine. Au reste le haut allié n'a pas raffolé de cette idée. Il s'y est prêté un peu à regret, fatigué par les instances de certain vieil enfant; le même qui autrefois voulut délivrer chez Votre Majesté ses étourdis de compatriotes qui avaient été pris parmi la canaille confédérée en Pologne. Voilà pourquoi la dépense du service s'est bornée au faux bourdon, tandis que Votre Majesté pouvait désarmer je ne sais qui par une superbe messe de morts composée par Païsiello et exécutée par toute la chapelle impériale théatrale transportée à Mogilef. Quand je dis: je ne sais qui, c'est que je ne sais véritablement pas et, en ma qualité d'orthodoxe Luthérien, ne

---

Обезьянничать тоже не въ ея вкусахъ. Я отгадывалъ также, что Она не захочетъ раздѣлять честь и расходы службы за упокоеніе души патріарха [1]), и что ея высокій союзникъ будетъ вынужденъ отпѣть ее фальцетомъ исключительно на свой счетъ, что́, по точному исчисленію мнѣ присланному, стоило 42 экю и 8 грошей. Конечно самая прекрасная уловка—сказать: я вѣрю въ полный покой его души; но если каждый про себя возымѣлъ бы такое хорошее мнѣніе о своихъ друзьяхъ, родныхъ и близкихъ, отправляющихся на тотъ свѣтъ, плуты Ея Величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ и множество другихъ купцовъ, живущихъ тою же продажей извѣстнаго противоядія, очень затруднились бы убрать свои лавочки какъ слѣдуетъ, въ то время какъ они должны принимать и привѣтствовать свою Государыню. Впрочемъ, высокій союзникъ вовсе не былъ такъ безумно восхищенъ этой идеей. Онъ подчинился ей немножко нехотя, по настояніямъ нѣкотораго стараго дитяти [2]), того самаго, который хотѣлъ освободить у Вашего Величества своихъ вѣтряныхъ соотечественниковъ, взятыхъ между канальей — польскими конфедератами. Вотъ почему расходъ службы ограничился фальцетомъ, тогда какъ Ваше Величество могли обезоружить всякаго чудеснѣйшей панихидой, сочиненной Паизіелло и исполненной всей императорской театральной капеллой, привезенной въ Могилевъ. Когда я говорю: всякаго, это потому что я навѣрно не знаю, и въ качествѣ православнаго лютеранина не обязанъ знать,

---

[1]) Вольтера.

[2]) Д'Аламбера. См. *Сборн. Истор. Общ.* XIII, 279.

suis pas obligé de savoir par qui le purgatoire est desservi, si c'est par des diables ou par des anges. J'espère qu'un des coquins de la Russie Blanche voudra bien me dire au juste comment ce service est fait. Tout coquins qu'ils sont, je parie qu'ils ne se doutent point à quel degré leur auguste et souveraine protectrice possède le talent de peindre. D'un seul coup de pinceau elle me montre une infinité de visages sur des cous patelins et retors en présence de celle dont la majesté et la bonté forment les traits augustes, qui ne sont pas déparés par un léger sourire que ses réflexions secrètes impriment sur ses lèvres, et que les coquins ont la vanité de prendre pour un sourire de satisfaction d'être si bien complimentée; et voilà le tableau fait.

Tout enfant gâté que je suis, je ne suis pas aussi sot qu'eux. Si je trouve tout simple que M. le comte de Falkenstein ait parlé de moi à l'Impératrice, je n'ai garde de m'en vanter à qui que ce soit. Il y aurait certainement des gens bornés qui diraient dans leur simplicité: Grand Dieu, à quelle extrémité as-tu réduit deux têtes couronnées, dont l'une a vu la plupart des choses créées, et l'autre en crée, tant que la journée dure, par son génie! Elles ont si entièrement épuisé tout sujet possible de conversation qu'elles ont été à la fin réduites à parler d'un pauvre diable de souffre-douleur, d'Ouen Ouang, d'un on ne sait ce que c'est. Or si je puis éviter à mon siècle de dire de pareilles absurdités, je ne dois pas y manquer.

кто прислуживаетъ въ чистилищѣ: дьяволы, или ангелы. Надѣюсь, что одинъ изъ этихъ бѣлорусскихъ плутовъ захочетъ сказать мнѣ въ точности, какъ совершается эта служба. Какіе бы они ни были плуты, бьюсь объ закладъ, что они и не подозрѣваютъ, до какой степени ихъ Августѣйшая и Царственная покровительница обладаетъ даромъ описанія. Однимъ ударомъ кисти она показываетъ мнѣ безчисленное множество лицъ на гибкихъ и кривыхъ шеяхъ въ присутствіи той, чьи Августѣйшія черты созданы величіемъ и благостью, и вовсе не искажены легкой улыбкой, вызванной на устахъ ея тайными размышленіями, улыбкой, которую тщеславные плуты принимаютъ за улыбку удовольствія отъ ихъ прекрасныхъ привѣтствій. И вотъ картина нарисована.

Какой бы я ни былъ баловень, я не такъ глупъ какъ они. Если я нахожу естественнымъ, что графъ Фалькенштейнъ говорилъ обо мнѣ Императрицѣ, я не думаю хвастать этимъ передъ кѣмъ бы то ни было. Конечно нашлись бы люди ограниченные, которые сказали бы въ своей простотѣ: Великій Боже, до какой крайности Ты довелъ двѣ коронованныя головы, изъ которыхъ одна видѣла большую часть сотвореннаго, а другая творитъ въ продолженіи всего дня своимъ геніемъ! Они такъ окончательно исчерпали всѣ предметы разговора, что вынуждены были наконецъ бесѣдовать о бѣднягѣ многострадальномъ, объ Уанъ-Уангѣ, о какомъ-то «ни то, ни се». Итакъ, если я могу избавить свой вѣкъ отъ распространенія подобныхъ нелѣпостей, я не долженъ пренебречь этимъ.

Mais, Madame, si je sais me rendre justice en présence de M. le comte de Falkenstein, mon cöeur n'a pas pu soutenir une autre épreuve à laquelle il n'était pas préparé. Lorsque j'ai vu une lettre de Votre Majesté Impériale de douze pages, commencée à Pleskof, continuée à Polotzk et terminée a Mogilef la veille du départ, mes yeux se sont transformés en deux sources jaillissantes et j'ai fondu en larmes. J'ai mille fois baisé ces caractères sacrés, tracés par cette main auguste sur laquelle je voudrais expirer prosterné d'attendrissement et de reconnaissance. Il suffit d'un de ces traits pour faire la destinée de ma vie, et lorsque par son absence de la capitale je me croyais menacé d'une longue et cruelle disette, lorsque je me soumettais à cette dure nécessité avec toute la résignation dont je pouvais être capable, je me trouve tout à coup en possession d'un paquet de douze pages! Jamais je n'ai été plus perplexe ni moins certain si je rêvais ou si j'étais éveillé. Ah, les voyages de Votre Majesté Impériale m'ont toujours tourné à compte! Je n'ai tremblé à ces époques que pour être d'autant plus transporté de joie et de satisfaction. Mais jamais mon coeur ne s'est trouvé en presse comme à la réception de cette lettre divine qui, tant qu'elle ne sera pas connue, laissera toujours l'histoire de ce voyage à jamais mémorable imcomplète. Que Votre Majesté est injuste envers elle-même en me réduisant au silence à la face de l'Europe! La postérité, qui connaîtra un

---

Но, Государыня, если я умѣю отдавать себѣ справедливость передъ графомъ Фалькенштейномъ, сердце мое не могло выдержать другого испытанія, къ которому оно не было приготовлено. Когда я увидѣлъ письмо Вашего Императорскаго Величества въ двѣнадцать страницъ, начатое во Псковѣ, продолжавшееся въ Полоцкѣ и оконченное въ Могилевѣ наканунѣ отъѣзда, глаза мои превратились въ два обильные источника и я залился слезами. Я тысячу разъ цѣловалъ эти священныя буквы, начертанныя той Августѣйшей рукою, на которой я желалъ бы умереть припавъ къ ней съ чувствами умиленія и признательности. Достаточно одной черточки руки Ея, чтобъ рѣшить судьбу моего существованія. Когда же отсутствіемъ ея изъ столицы я считалъ себя осужденнымъ на долгія и жестокія лишенія, когда я уже подчинялъ себя этой неумолимой необходимости со всею покорностью, на которую я былъ способенъ, я вдругъ очутился обладателемъ пакета въ двѣнадцать страницъ. Никогда я не былъ такъ смущенъ и такъ неувѣренъ, сплю ли я или бодрствую. Ахъ, путешествія Вашего Императорскаго Величества всегда обращались мнѣ на пользу! Я дрожалъ въ это время и тѣмъ болѣе былъ упоенъ радостью и удовольствіемъ. Но никогда мое сердце не было такъ стѣснено, какъ при полученіи этого божественнаго письма, которое, пока не будетъ извѣстно, всегда оставитъ исторію этого приснопамятнаго путешествія неполною. Какъ Ваше Величество несправедливы къ самой себѣ, заставляя меня молчать въ виду цѣлой Европы! Потомство когда-нибудь узнаетъ это письмо, и

jour cette lettre et qui se rappellera que chaque pas de notre immortelle Impératrice à été marqué par des bienfaits et des encouragements de tous les objets publics et utiles, cette postérité verra avec attendrissement que tant de bienfaits semés sous ses pas ne suffisaiênt pas encore à cette âme généreuse et sublime; qu'il lui fallait encore pour délassement prendre la plume de station en station, et en la laissant aller à toute sa gaieté et sa verve ordinaires, marquer chaque page par autant de bienfaits envers le mérite de tous les pays et de toutes les classes. La postérité verra cette pièce unique, qui seule mettra le sceau au voyage de Mogilef; mais moi je n'y serai plus; mais moi je la possède, et ne puis faire jouir mon siècle, ô bizarrerie fatale! tandis que si elle était adressée à un autre, je me ferais un devoir de la lui dérober par tous les moyens permis ou non permis, et de la publier pour l'admiration et la consolation de l'humanité! Du moins, Madame, il ne s'est pas passé un jour encore que je ne l'aie portée dans ma poche, et par un effet bien naturel partout où je vais, muni de ce monument de bonté et de gloire, je me sens élevé au-dessus de tout ce qui m'approche et m'entoure. Je pourrais crier: Son esprit est avec moi!

Votre Majesté peut penser après cela si j'ai envie qu'on fasse aussi plaisir à ma Souveraine, qu'on aille au devant de ses désirs, qu'on lise dans ses yeux, et qu'on y démêle ce qui peut lui plaire. Je ne suis nullement inquiet que M. Olsoufief et M. le procureur général ne pensent comme moi

---

помня, что каждый шагъ нашей безсмертной Государыни былъ отмѣченъ благодѣяніями и поощреніемъ всѣхъ полезныхъ общественныхъ дѣлъ, это потомство увидитъ съ умиленіемъ, что столько благотвореній, разсыпанныхъ по слѣдамъ ея, были еще недостаточны для этой щедрой и высокой души: что ей надобно было еще въ минуты отдыха при каждой остановкѣ брать перо, и давая волю его обычной игривости и веселости, отмѣчать каждую страницу столькими милостями, дарованными достоинству всѣхъ странъ и всѣхъ слоевъ общества. Потомство увидитъ это единственное произведеніе, которое одно запечатлѣетъ память могилевскаго путешествія; но меня уже не будетъ! А я имъ обладаю, и не могу дать насладиться имъ моему вѣку. О роковая странность! Будь же оно адресовано къ другому, я счелъ бы себя обязаннымъ похитить его всѣми правдами и неправдами и напечатать его на удивленіе и утѣху человѣчества! По крайней мѣрѣ, Государыня, не прошло еще ни одного дня, чтобъ я не носилъ его въ карманѣ, и по весьма естественному дѣйствію, всюду, куда я ни приду обладателемъ этого памятника благости и славы, я чувствую себя возвышеннымъ надъ всѣмъ приближающимся ко мнѣ, и могъ бы кричать: духъ Ея со мною!

Ваше Величество послѣ того можете представить себѣ, желаю ли я, чтобъ сдѣлали удовольствіе моей Государынѣ, чтобъ шли на встрѣчу ея желаніямъ, чтобъ читали въ глазахъ ея и открывали въ нихъ все, что можетъ ей нравиться. Я совершенно покоенъ, что г. Олсуфьевъ и г. генералъ-прокуроръ настроены такъ же какъ

et ne soient très disposés à donner à l'Impératrice avec son argent tous les cadeaux qu'elle mérite. Maintenant je puis parler avec connaissance de cause du cabinet de pierres gravées du bailli de Breteuil, et affirmer que c'est une collection digne d'appartenir à Votre Majesté Impériale. Je me suis adressé, pour la faire examiner, au plus grand antiquaire de ce pays-ci et à un des plus savants connaisseurs de l'Europe. C'est un M. d'Ennery, connaisseur passionné et d'autant plus sûr que, contre l'usage de ce pays-ci, il fait plus de besogne que de bruit, qu'il n'ambitionne aucune célébrité et que, jouissant d'une fortune honnête, il ne connaît d'autre bonheur que de cultiver les arts et d'employer son bien à satisfaire ses goûts. C'est donc un homme dont le Mercure de France et les trois cents feuilles hebdomadaires ne parlent jamais, mais que tous les vrais amateurs respectent comme leur oracle. Quand il a su quel service je venais lui demander pour l'Impératrice de Russie, il s'est transporté de joie. Celui-là n'aime pas Votre Majesté en Sa qualité de législomaniaque, ou der gekrönter Häupter Normal Schulmeisterin, ou de dictatrice du code maritime, ou de pacificatrice de l'Allemagne, ou de Souveraine, l'amour et la gloire du genre humain, mais uniquement pour la passion qu'elle a pour les arts, ce qui lui paraît, comme de raison, de toutes les affaires de ce monde la plus importante. Voilà comme les originaux de toute espèce, de toute physionomie, de toute croyance trouvent toujours dans notre Impératrice quelque coin où ils peuvent placer

---

и я, и весьма расположены поднести Императрицѣ на ея деньги подарки, ею заслуженные. Теперь я могу съ знаніемъ дѣла говорить о кабинетѣ Бальи-де-Бретэля, и утверждать, что эта коллекція достойна принадлежать Вашему Императорскому Величеству. Я обратился для разсмотрѣнія ея къ первѣйшему антикварію этой страны и одному изъ ученѣйшихъ знатоковъ Европы. Это г. д'Эннери, страстный знатокъ и тѣмъ благонадежнѣе, что, противъ обычаевъ этой страны, онъ болѣе дѣйствуетъ чѣмъ шумитъ, вовсе не гоняется за извѣстностью, и имѣя хорошее состояніе, не знаетъ другого счастія, какъ заниматься художествами, и употребляетъ свои средства на удовлетвореніе этихъ вкусовъ. Итакъ, это человѣкъ, о которомъ французскій Меркурій и триста еженедѣльныхъ листковъ никогда не говорятъ, но котораго всѣ истинные любители уважаютъ какъ свой оракулъ. Когда онъ узналъ, какой услуги я явился просить у него для Императрицы Россійской, онъ пришелъ въ восторгъ. Этотъ человѣкъ любитъ Ваше Величество не въ качествѣ легисломанки, или нормальной школьной учительницы коронованныхъ головъ, или диктатбрши морского устава, или умиротворительницы Германіи, или властительницы любви и славы рода человѣческаго, но единственно за страстную Ея любовь къ искуствамъ, что̀ кажется ему какъ и должно быть, изо всѣхъ дѣлъ этого міра самымъ важнымъ. Вотъ какъ оригиналы всякаго рода и вида, всякаго вѣрованія всегда отыскиваютъ въ нашей Императрицѣ какой-нибудь уголокъ, гдѣ они могутъ воздвигнуть свой жертвен-

leur hôtel et l'encens qu'ils lui brûlent. M. d'Ennery n'a mis que deux conditions au service que je lui demandais, la première de ne pas connaître la personne à qui appartenait le cabinet; la seconde, de n'en être pas connu. Ces deux conditions ne l'ont laissé qu'en présence de Votre Majesté et de la vérité, et il ne voulait pas d'autre compagnie. Je lui ai remis, du consentement du bailli de Breteuil, le cabinet tout entier pendant quinze jours. Il ne l'a pas seulement examiné superficiellement, il l'a examiné pierre par pierre, il en a fait un catalogue raisonné qui sera une pièce très précieuse, si Votre Majesté fait l'acquisition de ce cabinet, mais qui ne sera que pour Votre Majesté, et dont le bailli de Breteuil ne doit pas tâter: car les amateurs véritables sont jaloux de leurs découvertes comme les coquettes de leurs charmes et ont toujours un peu le goût exclusif. Le mien dit qu'il ne doit rien au possesseur qu'il ne connaît point, qu'il gardera par conséquent ses connaissances par devers lui et pour l'Impératrice qu'il aime comme ses deux yeux. Son examen a été très favorable à la collection. Il l'a trouvée de toute façon digne de devenir impériale. Il dit bien que tout n'est pas du même prix, ni digne de rester dans la même armoire; mais à cela le bailli répond qu'il sait cela très bien, et qu'à Rome il faut souvent acheter neuf pierres médiocres pour en avoir une dixième superbe, parce que les brocanteurs ne veulent pas les séparer. On a attrapé la belle, mais on

---

никъ, чтобъ воскурять ей фиміамъ. Г. д'Эннери поставилъ только два условія за услугу, которой я отъ него потребовалъ: во-первыхъ, не знать того лица, которому принадлежитъ кабинетъ; во-вторыхъ, чтобъ о немъ не знали. Эти два условія оставляютъ его только въ присутствіи Вашего Величества и истины, и онъ не желалъ другаго общества. Я ему передалъ съ согласія Бальи-де-Бретёля весь кабинетъ въ продолженіе двухъ недѣль. Онъ разсматривалъ его не поверхностно только, а въ подробности каждый камень по порядку; онъ имъ составилъ толковый каталогъ, который будетъ очень драгоцѣннымъ документомъ, если Ваше Величество пріобрѣтете этотъ кабинетъ, но который будетъ только для Вашего Величества, а бальи-де-Бретэль не долженъ и узнать о немъ: потому что настоящіе любители ревнивы къ своимъ открытіямъ, какъ кокетки къ своимъ прелестямъ, и всегда имѣютъ вкусы нѣсколько исключительные. Мой смыслъ говоритъ мнѣ, что онъ ничѣмъ не обязанъ владѣтелю, ему неизвѣстному, что стало-быть онъ прибережетъ свои знанія про себя и для Императрицы, которую любитъ какъ свои очи. Его осмотръ былъ очень благопріятенъ для коллекціи. Онъ нашелъ ее во всѣхъ отношеніяхъ достойною сдѣлаться императорской. Онъ говоритъ, что конечно не все одинаково цѣнно и достойно оставаться въ томъ же шкафу; но на это бальи отвѣчаетъ, что онъ очень хорошо знаетъ это и говоритъ, что въ Римѣ часто надо купить девять посредственныхъ камней, чтобъ имѣть десятый превосходный, потому что старьевщики не хотятъ ихъ раздѣлять. Поймавъ превосходный, нельзя отбросить посредственные, сопровождаю-

ne jette pas les médiocres qui l'accompagnent. Ce qui m'a encore prouvé, à ma satisfaction, que le bailli m'a dit vrai en m'assurant qu'il n'avait mis à chaque pierre que le prix qu'il en avait payé, c'est que M. d'Ennery m'en a montré plusieurs que les amateurs payeraient bien vite le quadruple du prix marqué; mais c'est que le bailli, pendant un séjour à Rome de plus de vingt ans, a eu des occasions uniques qu'un voyageur ne peut espérer de trouver. Au fait mon examinateur et juge suprême voudrait que je payasse quatre mille livres moins que le bailli ne demande, non qu'il trouve le prix demandé exorbitant, mais parce qu'il voudrait que l'Impératrice aît toutes les belles choses qui existent pour la moitié de leur prix, toujours pour l'amour qu'il lui porte à cause de son amour pour les arts. Le bailli dit qu'il ne peut pas varier sur le prix de cent six mille livres tournois qu'il a demandé, parceque c'est l'argent qu'il y a mis, à l'exception de deux mille quatre cents livres qu'il employera à faire monter les pierres qui ne le sont pas. Or si le marché se fait, nous pourrions bien défalquer cette dernière somme, et nous réserver la monture sous les auspices de M. d'Ennery, qui y veillerait avec la dernière exactitude, choisirait les pierres lui-même, rejetterait celles qui ne méritent pas les honneurs de la monture, et nous ferait par conséquent peut-être une petite épargne sur cet objet. Sur tout cela j'attends le dernier mot de M. Olsoufief ou de M. le procureur général.

щіе его. Доказательствомъ, что бальи сказалъ мнѣ правду, увѣряя меня, что онъ выставилъ на каждомъ камнѣ только ту цѣну, которую самъ за него заплатилъ, можетъ служить то, что г. д'Эннери мнѣ показывалъ нѣкоторые изъ нихъ, за которые любители весьма охотно заплатили бы вчетверо дороже назначенной цѣны; но это оттого, что Бальи во время двадцатилѣтняго пребыванія въ Римѣ имѣлъ единственные случаи, которые путешественникъ не можетъ надѣяться встрѣтить. На дѣлѣ мой экзаминаторъ и верховный судья хотѣлъ бы, чтобъ я заплатилъ четыре тысячи ливровъ менѣе, чѣмъ просилъ съ меня бальи, не потому что онъ находитъ запрошенную цѣну чрезмѣрною, но потому что ему хотѣлось бы, чтобъ Императрица получала всѣ превосходнѣйшія вещи на свѣтѣ за полцѣны, все-таки по любви, какую питаетъ къ ней за ея любовь къ искусствамъ. Бальи говоритъ, что онъ не можетъ измѣнить цѣны въ сто шесть тысячъ турнуа, которые запросилъ, потому что это деньги, положенныя имъ на это, за исключеніемъ двухъ тысячъ четырехсотъ ливровъ, которыя онъ употребилъ на обдѣлку камней, еще не обдѣланныхъ. И если торгъ состоится, мы бы могли вычесть эту послѣднюю сумму, и предоставить себѣ обдѣлку подъ надзоромъ г. д'Эннери, который наблюдалъ бы за этимъ съ крайней точностью, самъ выбиралъ бы камни, отбрасывая тѣ, которые не заслуживаютъ чести быть обдѣланными, и потому сдѣлалъ бы намъ можетъ быть маленькую экономію на этотъ предметъ. На все это я ожидаю послѣдняго слова г. Олсуфьева или

Je leur observe que la fête de grande Catherine n'est pas fort loin; mais quant à moi, ce n'est ni mon désir, ni mon devoir de les induire en dépense. Je sais que je suis un homme assez cher pour eux, et que mon voyage de Rome et mon séjour à Paris reparaissent souvent dans leurs régistres. Incessamment Votre Majesté pourra les gratifier d'un nouveau décompte qui leur apprendra comment je me suis défait de leur argent, à moi remis personellement, depuis le dernier compte que j'en ai rendu.

J'attends avec impatience la nouvelle de l'heureuse arrivée de l'évangéliste S. Marc dans la sacristie du palais de Pétersbourg. Si au lieu du 16 auguste il avait été le 16 juillet à la rade de Lübeck, il m'aurait fait plaisir; mais c'est qu'en sa qualité d'historien il aura voulu écouter aux portes de Mogilef, de Tsarsko-Sélo, de Péterhof, pendant que M. le comte de Falkenstein y était... Tant y a que je l'aime mieux voiturier par mer qu'historien, et que je ne verrai son gâchis sur Mogilef avec plaisir que quand je saurai mes Clérisseau et mon Mengs si miraculeusement sauvés des mains des corsaires, non sans quelque égratignure, heuresement arrivés dans l'asile de leur auguste protectrice.

Depuis le départ du prince Bariatinski, que je supplie Votre Majesté de nous renvoyer subito, afin de me débarrasser d'une infinité de visites qui redoublent chez moi et dont j'ai toute ma suffisance quand il y est, j'ai

---

г. генералъ-прокурора. Я имъ заявляю, что тезоименитство великой Екатерины не очень далеко; но что до меня касается, то я не имѣю ни желанія, ни обязанности вводить ихъ въ расходъ. Я знаю, что я для нихъ человѣкъ довольно дорого стоящій, и что мое путешествіе въ Римъ и пребываніе въ Парижѣ часто появляются въ ихъ реестрахъ. Вскорѣ Вашему Величеству можно будетъ наградить ихъ новымъ счетомъ, который покажетъ имъ, какъ я раздѣлался съ ихъ деньгами, лично врученными мнѣ послѣ поданнаго имъ послѣдняго счета.

Я съ нетерпѣніемъ жду извѣстія о счастливомъ прибытіи евангелиста св. Марка въ святилище петербургскаго дворца. Еслибъ онъ вмѣсто 16-го августа прибылъ 16-го іюля въ гавань Любека, онъ сдѣлалъ бы мнѣ удовольствіе; но въ качествѣ историка онъ вѣрно захотѣлъ подслушивать у дверей Могилева, Царскаго Села, Петергофа, пока графъ Фалькенштейнъ находился тамъ. Дѣло въ томъ, что я болѣе люблю его перевозчикомъ на морѣ, нежели исторіографомъ, и что я съ удовольствіемъ увижу его смѣсь о Могилевѣ только тогда, когда узнаю, что мои Клериссо и Менгсы, такъ чудесно исторгнутые изъ рукъ корсаровъ не безъ нѣкоторыхъ царапинъ, благополучно прибыли въ убѣжище ихъ Августѣйшей покровительницы.

Съ отъѣзда князя Барятинскаго, котораго я прошу Ваше Величество возвратить намъ тотчасъ же, чтобъ избавить меня отъ безконечныхъ визитовъ, удвоившихся у меня и которыхъ бываетъ уже весьма достаточно когда онъ и здѣсь, я получилъ, между

aussi reçu celle de M. Auguste, orfèvre du Roi. Celui-ci aime l'Impératrice pour les vaisselles qu'elle fait faire. Outre qu'il est très habile artiste et le premier de sa classe, il m'a l'air d'un bon Flamand qu'il est. Il ne se vante pas d'avoir perdu avec l'Impératrice depuis qu'il a le bonheur de travailler pour elle, mais il assure que l'honneur l'a encore plus guidé que le profit. Le prince Bariatinski lui a insinué que Votre Majesté pourrait bien avoir le dessein de faire faire une vaisselle d'or massif, et a demandé d'emporter avec lui des dessins de M. Auguste relatifs à cette idée. La confiance de toute la terre dans notre Impératrice est si grande que M. Auguste n'a pas hésité un moment de travailler et de confier ses dessins au prince. Il est simplement venu m'observer que ces dessins sont la propriété la plus précieuse d'un artiste, qu'en s'en dépouillant il se sépare, pour ainsi dire, de sa fortune; qu'à la vérité un autre exécuterait mal d'après les dessins qui ne seraient pas les siens, mais que cela suffirait pour que lui il ne pût plus les employer. Que l'exécution d'un tel service était une chose si capitale et si unique que si Votre Majesté daignait la lui confier, il quitterait et fermerait son atelier, se vouerait entièrement à un ouvrage de cette importance, ferait en cas de besoin le voyage de Russie et croirait avoir à jamais assuré sa réputation et sa fortune en se tirant avec succès et à la satisfaction de Votre Majesté Impériale de cette entreprise. Je lui ai promis de faire parvenir cette profession de foi au pied du trône.

прочимъ, посѣщеніе г. Огюста, золотыхъ дѣлъ мастера при королѣ. Этотъ любитъ Императрицу за посуду, которую она заказываетъ. Кромѣ того, что онъ искусный художникъ и первый въ своемъ родѣ, онъ кажется мнѣ добрымъ фламандцемъ, каковъ онъ и есть. Онъ не хвастаетъ, что терпитъ убытки отъ Императрицы съ тѣхъ поръ, какъ имѣетъ счастіе на нее работать; но увѣряетъ, что честь еще болѣе руководитъ имъ, нежели выгода. Князь Барятинскій ему внушилъ, что Ваше Величество, можетъ быть, имѣете намѣреніе заказать сервизъ изъ массивнаго золота, и просилъ позволенія взять съ собою рисунки г. Огюста, касающіеся этой идеи. Довѣріе всего міра къ нашей Императрицѣ такъ велико, что г. Огюстъ ни на минуту не задумался работать и поручить свои рисунки князю. Онъ просто пришелъ мнѣ заявить, что эти рисунки самая драгоцѣнная собственность художника, и что, разставшись съ ними, онъ, такъ сказать, разстался съ своей фортуной; что конечно и другой кое-какъ выполнилъ бы свое дѣло по чужимъ рисункамъ, но этого было бы достаточно, чтобъ ужъ нельзя было ихъ болѣе употребить. Онъ говоритъ, что исполненіе такого сервиза — вещь столь капитальная и единственная, что еслибъ Ваше Величество удостоили ее поручить ему, онъ покинулъ и заперъ бы свою мастерскую, совершенно посвятивъ себя столь важной работѣ, сдѣлалъ бы въ случаѣ надобности путешествіе въ Россію, и полагаетъ, что навсегда устроилъ бы свою репутацію и фортуну, выполнивъ это предпріятіе съ успѣхомъ и къ удовольствію Вашего Императорскаго Величества. Я обѣщалъ ему доставить это заявленіе къ подножію престола.

Votre Majesté se permet, soit dit sans reproche, un peu d'irrévérence envers mes pancartes américaines. Ne voilà-t-il pas un homme bien payé de la peine qu'il prend par pure gloriole de faire quelque chose à l'autre hémisphère, moyennant un peu d'encre et de papier, qui puisse s'attirer les regards de Minerve la visitée! Puisque cela est ainsi, Minerve l'obstinée n'aura plus rien, ni le journal du siège de Charlestown, ni d'autre belles choses dont elle aurait pu faire sa délectation. Il est vrai que Charlestown a été pris, et que le journal du siège vient comme la moutarde après dîner; mais la chère mère patrie ne me paraît pas plus avancée avec ses filles revêches. Au milieu des 365 mille mensonges qui se débitent en Europe et en Amérique il y a dans la tête du souffre-douleur quelques vérités éternelles dont il ne démontera pas. Par exemple: le procès entre la maman et les filles revêches est irraccommodable, et la maman l'a bien mérité par sa rare et merveilleuse sottise. S'il lui restait un grain de sagesse, elle dirait: Mes enfants, nous ne devons plus demeurer ensemble. Votre mère a été frappée d'aveuglement et a de quoi pleurer le reste de sa vie; mais oubliez le passé, et voyons si après avoir rompu notre ménage avec un scandale exécrable, nous ne pouvons pas voisiner ensemble en bonne intelligence. Autre vérité du dit souffre-douleur: C'est que la pacification en Europe n'aura pas lieu, sans que la très puissante et très sérénissime bewaffnete

---

Ваше Величество, не въ укоръ будь сказано, позволяете себѣ нѣсколько неуважительное отношеніе къ моимъ американскимъ грамотамъ. Вотъ благодарность человѣку за то, что онъ изъ одной чести желаетъ сдѣлать въ другомъ полушаріи, употребивъ немножко чернилъ и перо, что-нибудь могущее привлечь взоры Минервы посѣщаемой! Если такъ, то Минерва упрямая не получитъ ничего, ни журнала осады Чарлстоуна, ни другихъ прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ могла бы извлечь наслажденіе. Правда, Чарлстоунъ былъ взятъ, и журналъ осады является горчицей послѣ ужина, но дорогая мать родина [1]), кажется, нисколько не подвинулась впередъ съ своими непокорными дочерьми. Среди 365 тысячъ лживыхъ слуховъ, распространяемыхъ въ Европѣ и Америкѣ, у многострадальнаго въ головѣ есть нѣсколько вѣчныхъ истинъ, которымъ онъ не измѣнитъ. Напримѣръ: процессъ между маменькой и непокорными дочерьми непоправимъ, и маменька вполнѣ заслужила его своей рѣдкой и удивительной глупостью. Еслибъ у нея оставалась хоть одна крошка мудрости, она сказала бы: Дѣти мои, мы не должны жить вмѣстѣ. Ваша мать поражена была ослѣпленіемъ и ей есть что оплакивать всю остальную жизнь свою; но забудьте прошедшее, и посмотримъ, не можемъ ли мы — послѣ того, что разстроили свое хозяйство съ отвратительнымъ скандаломъ — быть сосѣдями и жить согласно. Другая истина того же многострадальнаго: что умиротвореніе Европы невозможно безъ приглашенія всемогущей и пресвѣтлѣйшей профессорши вооруженнаго нейтралитета

---

[1]) Англія.

Neutralitäts-Professorin ne soit priée de s'y trouver avec son code maritime sous le bras, de l'ouvrir, de feuilleter et de dire un peu sur quel pied elle juge que les droits du genre humain doivent être respectés par la suite. Mais à propos, voilà donc un vaisseau marchand russe arrêté et pris par la marine anglaise, et par conséquent la neutralité armée anéantie. Si elle renaît, ce ne sera pas de ses cendres, car on m'assure que le vaisseau russe est déjà rendu. Es ist wahr, unsere Kaiserin, sagen die Leute von Riga und von Narva, ist die allerhöflichste Frau von der ganzen Welt. Elle a un doigt qui tricote pour l'église, mais qui n'a jamais menacé personne. Il est vrai qu'il est toujours là droit devant son nez Je crois pour faire une bonne fin dans ce monde, il faut avoir son doigt droit et son esprit gauche. Was hält der Herr Graf von Falkenstein davon? Je ne suis pas aussi réjoui de l'incendie des chanvres que du vaisseau arrêté. Cette nouvelle qui m'arrive très promptement par Amsterdam me met de très méchante humeur. J'espère qu'on aura doublé le dommage, comme il arrive dans les premiers avis. J'ai la très glorieuse ressemblance avec ma très auguste Souveraine de n'avoir presque aucun instant à donner à la lecture. A un certain âge il faut lire dans sa tête, et si l'on n'y trouve rien, il faut fermer la boutique et végéter. Et puis, quand on a eu le bonheur de lire dans de certaines têtes, on est terriblement gâté sur les lectures, et l'on range certaines déclamations philosophiques au nombre des capucinades les plus fastidieuses. Depuis que j'ai

---

явиться со своимъ морскимъ уставомъ подъ мышкой, открыть его, перелистовать и указать, какимъ способомъ, по ея мнѣнію, могутъ быть впослѣдствіи ограждены права рода человѣческаго. Но, кстати, вотъ русское купеческое судно задержано и взято англійскимъ флотомъ, и стало-быть вооруженный нейтралитетъ уничтоженъ. Если онъ воскреснетъ, то не изъ своего пепла, потому что меня увѣряютъ, что русскій корабль уже возвращенъ. Правда, наша Императрица, говорятъ люди изъ Риги и изъ Нарвы, самая учтивая женщина на свѣтѣ. Она пальцемъ своимъ вяжетъ для церкви, но никогда никому не грозитъ. Правда, онъ всегда постоянно у Нея прямо подъ носомъ. Я думаю,— чтобъ хорошо кончить на этомъ свѣтѣ, надо держать палецъ прямо, а умъ вкось. Что думаетъ объ этомъ графъ Фалькенштейнъ? Я вовсе не такъ радуюсь пожару пеньки, какъ задержанному кораблю. Эта вѣсть, пришедшая ко мнѣ очень скоро изъ Амстердама, приводитъ меня въ весьма дурное расположеніе духа. Надѣюсь, что убытокъ преувеличили вдвое, какъ всегда случается при первомъ извѣстіи. Я имѣю то весьма славное сходство съ моей Августѣйшей Монархиней, что ни одной минуты не могу посвятить чтенію. Въ извѣстномъ возрастѣ надо читать въ своей головѣ и если ничего въ ней не находишь, надо закрыть лавочку и прозябать. И притомъ, тотъ кто имѣлъ счастіе читать въ извѣстныхъ головахъ, ужасно избалованъ насчетъ чтеній, и относитъ иныя философскія мудрствованія къ числу наискучнѣйшихъ капуцинадъ. Съ тѣхъ поръ какъ я читалъ въ головѣ нашей высочайшей

lu dans la tête unserer allerhöchsten Neutralitäts-Professorin et que Voltaire n'écrit plus, j'ai été atteint d'un dégoût universel pour toute lecture de livres nouveaux.

Le baron de Dalberg n'a pas attendu ma question sur les écoles normales de Vienne. Quand il a su que cet objet avait été traité à Mogilef, il m'a répondu: c'est tout juste à former des Normal-Schulmeister que tendait le plan que j'avais osé envoyer à la divine Normal-Schulmeisterin. Lorsqu'il aura reçu mon réquisitoire, il y répondra plus directement. J'ai pensé m'arracher les cheveux quand j'ai vu que ma requête touchant cet homme d'un mérite vraiment rare n'est arrivée aux pieds de ma Souveraine qu'après le départ de M. le comte de Falkenstein, et puis je me suis consolé en me rappelant que mon gouverneur Thier m'a dit plus d'une fois: Unsere Kaiserin ist gar eine gescheidte Frau, qui dans l'occasion a plus d'une corde à son arc. Or l'occasion de faire du bien est son occasion favorite. Ce qu'il y a de sûr, c'est que dans le projet que j'ai formé, je ne trouverai jamais d'obstacle que par l'extrême mérite du sujet que j'ai en vue. Votre Majesté me dira que cet obstacle est très grand, et je le sais bien; ce n'est pas pour des prunes que j'ai voulu le mettre sous le palladium de Minerve. Il a été, lui, le premier et le véritable promoteur des écoles normales en Allemagne, lui et un autre prélat silésien, et puis cela a gagné Vienne, et puis cela a gagné Münster; et moi je me donnais les airs de

---

профессорши нейтралитета, и съ тѣхъ поръ какъ Вольтеръ не пишетъ, на меня напало полнѣйшее отвращеніе ко всякому чтенію новыхъ книгъ.

Баронъ Дальбергъ не ждалъ моего запроса о вѣнскихъ нормальныхъ школахъ. Когда онъ узналъ, что объ этомъ предметѣ бесѣдовали въ Могилевѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: именно къ образованію нормальныхъ школьныхъ учителей былъ направленъ проектъ, который я осмѣлился послать божественной нормальной школьной учительницѣ. Когда онъ получитъ мой допросъ, онъ будетъ отвѣчать на него прямѣе. Я чуть не рвалъ на себѣ волосы, когда увидѣлъ, что просьба моя, касающаяся этого человѣка столь рѣдкихъ достоинствъ, прибыла къ стопамъ моей Государыни лишь по отъѣздѣ графа Фалькенштейна, и потомъ я утѣшился, вспомнивъ, что мой гувернеръ Тиръ говорилъ мнѣ нѣсколько разъ: Наша Императрица очень толковая женщина, которая при случаѣ имѣетъ всегда запасныя тетивы на своемъ лукѣ. А случай дѣлать добро — это ея любимый случай. Вѣрно то, что въ составленномъ мною проектѣ не найдется никогда препятствія, развѣ по необыкновенному достоинству того лица, которое я имѣю въ виду. Ваше Величество скажете мнѣ, что это препятствіе очень велико, и я это хорошо знаю; не для пустяковъ же хотѣлъ я поставить его подъ палладіумъ Минервы. Онъ былъ первый и настоящій основатель нормальныхъ школъ въ Германіи, онъ и другой силезскій прелатъ, а потомъ это перешло въ Вѣну, потомъ въ Мюнстеръ, а я осмѣлился говорить моей Императрицѣ въ 1777 году, что ея

dire à mon Impératrice en 1777 que son auguste soeur, Marie Thérèse, ne savait pas ce qui en arriverait; mais M. le comte de Falkenstein le sait peut-être mieux. Au reste c'est un grand bien qui en arrivera, les peuples seront plus instruits, plus sensés, plus raisonnables; il n'y a que de grands nigauds, ou de vils coquis qui aient peur de ces peuples-là; ceux qui sont nés pour commander, aiment mieux commander à des hommes qu'à des brutes. Was sagt der Herr Graf von Falkenstein dazu?

Je savais très bien que cet illustre voyageur était atteint à peu près de la même maladie que moi et qui s'appelle fureur musicale; je savais aussi qu'il aimait particulièrement les compositions de notre Vesuvio Païsiello, qui a pu lui dire que nous avons la plus sississississime souveraine du monde. M. le Marquis de Brandebourg, soi-disant Principe di Prussia, qui est venu relayer M. le comte de Falkenstein aux Trois Rois, est aussi un malade du même hôpital; ainsi Païsiello trouvera encore à qui parler. Il n'y a que moi qui ne peux plus lorgner dans la gueule de la signora Buonafini ni de la divine Gabrielli, et qui vis au milieu des païens qui n'ont jamais su et ne sauront jamais ce que c'est que la musique, encore moins le chant, ce don céleste accordé à toute la terre, hors la France, pour charmer les maux de la vie. Je suis bien fâché que mon Carmen saeculare si magnifiquement payé par mon Impératrice n'ait pas été à temps en Russie pour être exécuté à Mogilef en présence de M. le comte de Falkenstein. Les coquins de

---

Августѣйшая сестра Марія Терезія не знаетъ, что изъ этого выйдетъ; но графъ Фалькенштейнъ можетъ-быть знаетъ это лучше. Впрочемъ, изъ этого выйдетъ великое благо: народы станутъ образованнѣе, смышленѣе, разумнѣе; только большіе негодяи или презрѣнные плуты боятся такихъ народовъ; тѣ же, кто рожденъ повелѣвать, предпочитаютъ повелѣвать людямъ, а не звѣрямъ. Что скажетъ объ этомъ графъ Фалькенштейнъ?

Я очень хорошо зналъ, что этотъ знаменитый путешественникъ страдалъ почти той же болѣзнью какъ и я, которая называется музыкальнымъ бѣшенствомъ; я знаю также, что онъ особенно любилъ сочиненія нашего Везувія Паизіелло, который могъ сказать ему, что у насъ самая sississississime Монархиня на свѣтѣ. Г. маркизъ Бранденбургскій, мнимый принцъ прусскій, который пріѣхалъ смѣнить графа Фалькенштейна въ гостиницѣ Трехъ Королей, больной изъ того же лазарета; итакъ Паизіелло опять найдетъ съ кѣмъ бесѣдовать. Только я одинъ не могу заглядывать въ ротъ синіоры Буонафини, ни божественной Габріелли, и живу среди язычниковъ, которые никогда не знали и не будутъ знать, что такое музыка, а еще менѣе пѣніе, этотъ даръ небесный, данный всему человѣчеству, кромѣ Франціи, для услажденія житейскихъ страданій. Я очень сожалѣю, что мой Carmen Saeculare, столь великолѣпно оплаченный моей Императрицей, не поспѣлъ въ Россію, чтобъ быть исполненнымъ въ Могилевѣ въ присутствіи графа Фалькенштейна. Плуты Ея Императорскаго

Sa Majesté Impériale à Polotzk et à Mogilef auraient été exellents pour présider à cette fête théâtrale et pour la diriger. Personne ne se connaît en cérémonies religieuses comme eux, et tout ce qui est pompe de spectacle est bien de leur ressort. Il faut convenir qu'ils étaient des gens d'esprit, c'est dommage qu'ils fussent si ambitieux: en fait d'ambition démesurée les gens d'esprit se cassent plus souvent le cou que les gens bornés, parce qu'ils forcent tous les ressorts.

Quant à M. de Brandebourg, sa qualité de mon ancien protégé lui donne des droits à ma constante faveur, et je suis très curieux d'apprendre s'il a fait honneur à ma recommandation. Au reste, l'homme à la glace, qui a succédé l'année dernière à un bon Israélite dans le poste de dragoman du haut allié, a présentement la plus belle occasion de dégeler, et s'il n'en profite pas, il ne saura de sa vie sur quel pied danser.

Je ne trouve pas bon que Votre Majesté appelle ma tête de Minerve celle que les badauds de Paris ont trouvée ressemblante à ma Minerve, car les badauds de Paris et moi nous sommes deux, et quand je parle en leur nom, je ne parle pas au mien. Das kann ich aber Ihro Kaiserlichen Majestät nicht verhalten daß in höchst Deroselben letztem allergnädigsten Schreiben die Dinte gar sehr stark durchgeschlagen. Ist es die Schuld der Dinte oder des Papieres? Ich kann niemand bey meiner Kaiserin verklagen. Das ist aber gewiß daß wenn

---

Величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ весьма годились бы, чтобъ предсѣдательствовать на этомъ театральномъ праздникѣ и руководить имъ. Никто такъ не смыслитъ въ религіозныхъ церемоніяхъ, какъ они; это мастера на всякое театральное представленіе. Надо сознаться, что они были очень умны; жаль, что они такъ честолюбивы: въ отношеніи къ безграничному честолюбію умные люди ломаютъ себѣ шею чаще, чѣмъ люди ограниченные, потому что они слишкомъ натягиваютъ пружины.

Что касается до Бранденбургскаго господина, то въ качествѣ моего стариннаго протеже, онъ имѣетъ право на мою постоянную милость, и мнѣ очень любопытно знать, сдѣлалъ ли онъ честь моей рекомендаціи. Впрочемъ, для леданаго человѣка, заступившаго прошлаго года мѣсто добраго израильтянина въ должности драгомана высокаго союзника, открывается теперь прекрасный случай оттаять, и если онъ этимъ не воспользуется, то во всю жизнь не будетъ знать на какой ногѣ плясать.

Я нахожу, что Ваше Величество несправедливо называете *моею* ту голову Минервы, которую парижскіе зѣваки нашли сходною съ моею Минервою, потому что парижскіе зѣваки и я—различныя существа, и когда я говорю отъ ихъ имени, то говорю не отъ себя. Но я не могу скрыть отъ Вашего Величества, что въ Вашемъ послѣднемъ милостивѣйшемъ писаніи чернила очень сильно протекли насквозь. Вина ли это чернилъ или бумаги? Я никого не могу обвинять передъ своею Императрицей. Но достовѣрно

unsere Kaiserin spricht oder schreibt, so bringt das tief genug ins Herz und hat nicht nöthig das Papier anzugreifen.

J'ai vu ces jours M. le marquis de Castries de retour de sa tournée militaire. S'étant trouvé près de Spa, il y a fait une course pour y voir une femme de ses amies. Je lui ai demandé des nouvelles du prince Orlof, que je savais y être et que je me flatte de voir ici; et quand je le verrai, je me mettrai à pleurer de joie comme un veau, parce que je me croirai aussi rapproché de mon auguste et immortelle Souveraine que s'il n'y avait, comme à Polotzk, que la Dwina entre elle et moi; et à mesure que cette illusion enchanteresse se dissipera, le veau pleurera toujours, mais au lieu de joie, il sanglotera de regret. Ce qu'il y a de sûr, c'est que je n'aurai pas eu un aussi doux moment depuis que j'ai quitté la Russie, que celui où je reverrai le prince Orlof. Dem kann ich nun ganz natürlich sagen daß ich unsere Kaiserin im Innigsten meiner Seele lieb habe, und daß das nun mit mir sterben muß, denn heraus kann ich sie nicht bringen. Und das war denn nun schon so, ehe Sie ihre große Normal-Schule zu Wasser und zu Land eröffnet, denn ich weiß seit langer Zeit was in ihr steckt. On dira peut-être: voilà un plaisant maroufle qui croit la deviner. Non, il ne prétend pas la deviner, et il sait peut-être mieux qu'un autre que Cela ne se devine pas; mais son souffre-douleur la défie de faire quelque chose qui puisse le surprendre de

---

однако, что когда наша Императрица говоритъ или пишетъ, то это настолько глубоко проникаетъ въ сердце, что не имѣетъ нужды крѣпко отпечатываться на бумагѣ.

Я видѣлъ на дняхъ г. маркиза де-Кастри, вернувшагося съ своего военнаго объѣзда. Находясь вблизи Спа, онъ съѣздилъ туда, чтобъ видѣться съ одной дамой изъ друзей его. Я спрашивалъ у нея о князѣ Орловѣ, о которомъ я зналъ, что онъ тамъ, и котораго ласкаю себя надеждой увидѣть здѣсь; и когда я увижу его, то примусь плакать какъ теленокъ, потому что буду считать себя столь же близкимъ къ моей Августѣйшей и безсмертной Монархинѣ, какъ еслибъ между мною и ею была только Двина какъ въ Полоцкѣ; и по мѣрѣ того какъ эта восхитительная мечта разсѣется, теленокъ все будетъ плакать, но вмѣсто радости будетъ рыдать уже отъ сожалѣнія. Но навѣрно самое сладкое мгновенье, съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ Россію, будетъ для меня минута свиданія съ княземъ Орловымъ. Ему я могу сказать очень естественно, что я въ глубинѣ души моей люблю нашу Императрицу, и что это должно умереть со мною, ибо исторгнуть Ее изъ сердца я не могу. И это было такъ еще гораздо прежде, чѣмъ она открыла свою большую нормальную школу на водѣ и на сушѣ, потому что я съ давняго времени знаю, что̀ въ ней сидитъ. Скажутъ, можетъ-быть: вотъ чудакъ, который воображаетъ, что онъ угадалъ ее? Нѣтъ, онъ не имѣетъ самонадѣянности угадывать ее и знаетъ можетъ-быть лучше другого, что она не разгадывается; но ея многострадальный ручается, что она не можетъ ничего сдѣлать

sa part et lui faire dire: Nun das hätte ich doch in meinem Leben nicht geglaubt!

On dit que M. le comte de Haga a gagné de l'argent à Spa au trente et quarante. Je crois que ce feu M. le comte de Gothland a eu quelque désir de faire une excursion jusqu'à Paris et à Versailles, qu'il en a été question, mais que cela ne s'est pas arrangé, et qu'il s'en retournera tout naturellement par la Hollande.

God save our Emperor, et lui donne la patience nécessaire pour lire cet énorme fatras jusqu'au bout, et la magnanimité de pardonner ce fatras au barbouilleur et de lui conserver sa bonté et faveur impériales jusqu'au dernier instant de sa vie inutile.

Je suis avec le plus profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur Grimm.

A Paris, ce 6 (17) septembre 1780. Anniversaire de ma première entrée dans la capitale de la gloire et de l'immortalité.

12.

Allerunterthänigster Parisischer und Römischer Rechnungs-Vortrag.

du 18 (29) septembre 1780.

Madame. Il plaît au souffre-douleur, caissier, trésorier et aumônier de

---

такого, что бы его удивило съ ея стороны и на что онъ сказалъ бы: Ну ужъ этому я въ жизни никогда не повѣрю!

Говорятъ, что г. графъ де Гага выигралъ деньги въ Спа въ «trente et quarante». Я полагаю, что этотъ покойный графъ Готландскій желалъ сдѣлать экскурсію до Парижа и Версаля, что объ этомъ была рѣчь, но это не устроилось, и что онъ естественно вернется черезъ Голландію.

Боже храни нашего Императора и даруй ему терпѣніе, необходимое чтобъ прочесть этотъ громадный хламъ до конца, и великодушіе простить этотъ хламъ бумагомарателю и сохранить ему милость и благоволеніе императорскія до послѣдняго мгновенія его безполезной жизни. Остаюсь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій и всепреданнѣйшій слуга

Гриммъ.

Въ Парижѣ, сего 6 (17) сентября 1780 г.
Годовщина моего перваго въѣзда въ столицу славы и безсмертія.

12.

Всеподданнѣйшій парижскій и римскій отчетъ отъ 18 (29) сентября 1780 г.

Государыня. Многострадальному, кассиру, казначею и подателю щедротъ Ва-

Votre Majesté Impériale dans les Gaules et autres pays citra et ultra-montains, de mettre sous les yeux de son auguste souveraine une partie de ses comptes, afin d'être toujours débarrassé d'autant du fardeau de sa comptabilité. Votre Majesté trouvera donc ci-joint l'état actuel de Sa caisse de Paris. Ce n'est pas que je n'en aie déjà dépensé une bonne partie, mais je ne veux rendre compte d'un objet que lorsqu'il est entièrement consommé, afin que la plus grande clarté subsiste toujours dans ces décomptes, et que la dépense pour le même objet ne se trouve jamais morcelée en plusieurs articles. Entre autres objets je laisse en arrière la souscription de la nouvelle édition de Metastasio, parce que je persiste à me faire restituer, à la seconde livraison, ce que j'ai payé pour la première, ne prévoyant pas alors que le prince Galitsine persisterait à se faire envoyer les 40 exemplaires de Votre Majesté à Vienne malgré mon humble remontrance, encore moins que le commissionnaire me cacherait cette résolution du prince, après avoir reçu mon argent, afin de placer 80 exemplaires au lieu de 40. Je n'ai regret qu'aux 12 exemplaires envoyés avec les trésors Clérisseautiques, qu'il faudra bien que je paie en sus des 40 que le prince Galitsine a absolument voulu payer et palper, à moins que Votre Majesté ne trouve moyen de me les renvoyer: ce que j'aimerais infiniment et sur quoi j'attends une très gracieuse décision de mon auguste Souveraine. J'apprends dans l'instant que l'évangéliste St. Marc a mouillé dans le port de Pétersbourg, le premier

---

шего Величества въ Галліи и другихъ странахъ по сю и по ту сторону горъ, угодно повергнуть на воззрѣніе своей Августѣйшей Монархини часть своихъ счетовъ, чтобъ хоть сколько-нибудь облегчить бремя тяготѣющей надъ нимъ отчетности. Такимъ образомъ Ваше Величество найдете здѣсь отчетъ о теперешнемъ состояніи парижской казны. Добрую часть ея я уже и истратилъ, но не хочу отдавать отчетъ о предметѣ прежде нежели онъ совершенно оконченъ, для того чтобъ въ этихъ счетахъ всегда существовала величайшая ясность, и чтобъ расходъ на тотъ же предметъ никогда не былъ разорванъ на нѣсколько статей. Въ числѣ другихъ предметовъ я оставляю назади подписку на новое изданіе Метастазіо, потому что настаиваю на возвращеніи мнѣ, при выходѣ второй части, того, что я переплатилъ за первую, не предвидя тогда, что князь Голицынъ будетъ упорствовать въ присылкѣ къ нему 40 экземпляровъ Вашего Величества въ Вѣну, не взирая на мое смиренное заявленіе, еще менѣе предвидя, что комиссіонеръ скроетъ отъ меня это рѣшеніе князя, получивъ мои деньги, чтобъ помѣстить 80 экземпляровъ вмѣсто 40. Я жалѣю только, что долженъ буду заплатить за 12 экземпляровъ, отосланныхъ съ сокровищами Клериссо, сверхъ тѣхъ 40, которые князь Голицынъ хотѣлъ оплатить и ощупать, развѣ Ваше Величество найдете средство мнѣ отослать ихъ: чему я безконечно обрадовался бы и о чемъ ожидаю милостиваго рѣшенія моей Августѣйшей Государыни. Я сію минуту узналъ, что евангелистъ св. Маркъ прибылъ въ петербургскую гавань 1-го сентября

septembre nouveau style. Comme je ne sais cela que par les lettres de commerce, je ne sais que le fait positif. Le reste me viendra par les lettres vivifiantes de celle dont le regard tout-puissant anime tout ce qui se trouve à douze ou quinze mille verstes à la ronde autour d'elle. Voilà toujours mon Clérisseau, mon Mengs, avec les miniatures de Teresina de Maron et les 12 exemplaires de Metastasio en sûreté dans l'asile glorieux qui les attend. Ces lettres de commerce me confirment l'incendie des chanvres, qui me met toujours de très méchante humeur. Je suis comme Dumarsais qui à chaque accident malheureux disait: Je voudrais bien savoir à quoi servent ces tristes anges-gardiens!

Le dernier païement de 39546 livres tournois qu'il a plu à Votre Majesté Impériale de me faire faire pendant le glorieux et immortel voyage de Mogilef, et que j'ai porté en recette dans mon compte, m'a été fait en trois sommes distinctes, savoir:

Première somme de cent louis de France	2400
Seconde somme de 2850 florins courants de Hollande.	6146
Troisième somme pure et simple	31000
Faisant un total de	39546.

D'où j'ai conclu, en consultant la pancarte impériale, valant plus que tous

---

новаго стиля. Такъ какъ я знаю это только по коммерческимъ письмамъ, то мнѣ извѣстенъ лишь одинъ положительный фактъ. Остальное узна́ю я изъ живительныхъ писемъ Той, которой могущественный взглядъ одушевляетъ все, что существуетъ за двѣнадцать или пятнадцать тысячъ верстъ въ окружности. Вотъ все-таки мой Клериссо, мой Менгсъ, съ миніатюрами Терезины Марронъ и 12-ю экземплярами Метастазіо, въ безопасности, въ славномъ убѣжищѣ ихъ ожидающемъ. Эти коммерческія письма подтверждаютъ мнѣ пожаръ пеньки, который меня приводитъ всегда въ весьма злое расположеніе духа. Я похожъ на Дюмарсэ, который при всякомъ несчастномъ случаѣ говорилъ: Я хотѣлъ бы однако знать, къ чему служатъ эти печальные ангелы-хранители!

Послѣдняя уплата въ 39,546 ливровъ турнуа, которые Вашему Величеству угодно было повелѣть выдать мнѣ во время славнаго и безсмертнаго могилевскаго путешествія, и которые я внесъ въ приходъ въ моемъ счетѣ, была мнѣ передана въ трехъ отдѣльныхъ суммахъ:

Первая сумма въ сто французскихъ луидоровъ..........	2,400
Вторая сумма въ 2,850 голландскихъ ходячихъ флориновъ . .	6,146
Третья сумма простая и круглая	31,000
Итого	39,546

Изъ чего я заключилъ, посовѣтовавшись съ Императорской грамотой, стоящей

les millions de la terre, expédiée au souffre-douleur de Mogilef, que la première somme de cent louis était destinée à payer à Houdon le petit Voltaire en bronze doré; que la seconde évaluée dans les ordres donnés en florins de Hollande devait représenter les 1500 roubles que la munificence impériale destinait à M. Tronchin des Délices, qui notabene n'est pas médecin; qu'enfin la somme restante de 31000 livres, 20000, suivant les ordres de Votre Majesté, devaient servir au paiement de la statue en marbre de Voltaire assis qu'Houdon est transporté de consacrer à l'immortelle protectrice des arts; que les 11000 livres restantes devaient être partagées entre Philidor et le bon Gillet, dont le premier devait en avoir 5000 et le second 6000. Le cas de ce bonhomme est d'autant plus graciable qu'entre les deux paiements ordonnés par l'Académie Impériale pour le même objet à deux banquiers différents, il y a eu une distance de plus de cinq mois, et que lui ne lisant pas ce que le banquier lui présenta à signer tout dressé, a cru de bonne foi que l'Académie, profitant d'une occasion favorable pour le change, lui payait l'année courante, à l'échéance de laquelle il ne manquait plus que deux mois et demi lorsqu'il a signé cette fatale quittance qu'on lui a imputée à crime. A la fin de ce mois il lui sera dû une année de cette pension de 400 roubles, accordée après vingt années de résidence, et maintenant supprimée. Mais Gillet se confie dans les supplications de son ami Martinelli, et nous

---

болѣе всѣхъ милліоновъ въ свѣтѣ и посланной многострадальному изъ Могилева, что первая сумма въ сто луидоровъ была назначена для уплаты Гудону за маленькаго Вольтера изъ золоченой бронзы; что вторая, оцѣненная въ данныхъ приказаніяхъ голландскими флоринами, должна была представить тѣ 1,500 флориновъ, которые императорская щедрость назначала г. Троншену, тому, что жилъ въ Delices, а не медику; наконецъ, что изъ остальной суммы въ 31,000 ливровъ—20,000, по приказанію Вашего Величества должны были послужить къ уплатѣ мраморной статуи сидящаго Вольтера, которую Гудонъ съ восторгомъ посвящаетъ безсмертной покровительницѣ художествъ; что остальные 11,000 ливровъ должны быть раздѣлены между Филидоромъ и добрымъ Жилло, изъ которыхъ первый долженъ получить 5000, а второй 6000. Случай съ этимъ бѣднягой тѣмъ болѣе простителенъ, что между двумя уплатами, сдѣланными вслѣдствіе распоряженія Императорской Академіи по тому же предмету двумя различными банкирами, протекло болѣе пяти мѣсяцевъ времени, и что онъ, не прочитавъ то, что банкиръ готовое далъ ему подписать, подумалъ простосердечно, что Академія, воспользовавшись благопріятнымъ для размѣна случаемъ, уплачиваетъ ему за текущій годъ, до окончанія котораго недоставало только двухъ мѣсяцевъ съ половиной, когда онъ подписалъ эту роковую квитанцію, вмѣненную ему въ преступленіе. Въ концѣ этого мѣсяца ему должны будутъ за годъ этой пенсіи въ 400 рублей, данныхъ послѣ двадцатилѣтней службы, и теперь отнятыхъ. Но Жилло возлагаетъ надежду на ходатайство своего друга Мартинелли, и мы на-

espérons fléchir les dieux courroucés, sans que l'Impératrice s'en mêle. Le plus court et le mieux serait que l'Académie lui donnât une somme une fois payée, suffisante pour lui faire 400 roubles de rente viagère. Elle n'en entendrait plus parler, et le bonhomme n'aurait plus à faire aux banquiers. Ce qui m'a intéressé à sa cause, c'est sa douceur et sa résignation.

Il a essuyé une banqueroute de douze mille livres ici, lorsque l'arrêt foudroyant de l'Académie impériale a été lancé. Il n'a été sensible qu'à l'imputation gratuite qu'on lui faisait de bassesse et de mauvaise foi. Il ne s'est plaint de son malheur qu'à Clérisseau et à moi. S'il ne peut pas se louer des procédés de l'Académie, il ne s'en plaint du moins à personne; il pleure quelquefois sur son infortune en silence, mais toutes les fois qu'il parle de l'Impératrice, il pleure d'attendrissement et de reconnaissance: car quoiqu'accoutumé à la dureté du marbre, il connaît et adore son coeur magnanime. Lorsque je lui annonçai le don de 6000 livres, il me dit: Et bien, la voilà, comme elle est; se mit à pleurer et s'en alla.

Si Votre Majesté Impériale approuve l'emploi des sommes de Sa caisse de Paris, tel que je l'ai conçu, il en résulte que j'ai encore à recevoir 22,200 livres pour payer les tableaux Robinet que Votre Majesté a marqués dans le catalogue du dit seigneur, et puis la somme qu'il faudra pour le cabinet Zuckmantel; mais pour cette dernière remise, je n'en aurai besoin que pour le mois de mars, temps vers lequel il faudra embarquer cette col-

---

дѣемся смягчить разгнѣванныхъ боговъ безъ вмѣшательства Императрицы. Короче и лучше всего было бы для Академіи разъ выплатить ему сумму, достаточную чтобъ обезпечить ему 400 руб. пожизненнаго дохода. Тогда она болѣе не слыхала бы о немъ, и бѣднякъ не имѣлъ бы болѣе дѣла съ банкирами. Меня заинтересовала въ этомъ дѣлѣ его кротость и покорность. Онъ потерпѣлъ здѣсь отъ банкротства на двѣнадцать тысячъ ливровъ, когда громовый приговоръ Академіи состоялся. Но его огорчило только напрасное обвиненіе въ низости и безчестности, которыя ему приписывали. Онъ жаловался на свое несчастіе только Клериссо и мнѣ. Если онъ не можетъ хвалиться поступками Академіи, то по крайней мѣрѣ никому не жалуется; онъ оплакиваетъ иногда свое горе въ тишинѣ, но всякій разъ какъ онъ говоритъ объ Императрицѣ, онъ плачетъ отъ умиленія и признательности: ибо хотя онъ и привыкъ къ жесткости мрамора, но знаетъ и обожаетъ Ея великодушное сердце. Когда я ему сообщилъ о пожалованіи ему 6000, онъ сказалъ: ну вотъ какова Она, заплакалъ и вышелъ.

Если Ваше Величество одобрите употребленіе суммъ Вашей парижской казны, какъ я его понялъ, то мнѣ слѣдуетъ получить еще 22,000 ливровъ, чтобъ заплатить за картины Робинэ, которыя Ваше Величество отмѣтили въ каталогѣ вышеупомянутаго господина, и потомъ нужную сумму на кабинетъ Цукмантеля; но для этой послѣдней уплаты они мнѣ понадобятся не ранѣе какъ около марта мѣсяца, — времени, когда

lection sur le Rhin à Strasbourg pour la Hollande, d'où elle se rendra dans le gouffre impérial.

Pour ne pas quitter trop brusquement le brave M. Tronchin des Délices, qui n'est pas médecin, j'observerai que je n'ai pas pu lire, sans sourire un peu fortement, le jugement que Votre Majesté a porté de ses Récréations dramatiques ou de ses corrections faites à Corneille. Ce jugement était écrit en caractères si menus et si contrastants avec le caractère mâle et ferme de l'Impératrice, qu'il m'a fallu dresser les oreilles le plus que j'ai pu, pour l'entendre. C'est une nouvelle manière très expressive de parler bas à quelqu'un à la distance de quatorze ou quinze cents verstes, que de diminuer le caractère de sa main ou le calibre de son écriture à proportion de l'importance du secret. Cette invention pittoresque est due à notre Impératrice. Notre art d'imprimer est encore au berceau. Je suis persuadé qu'on parviendrait à noter la déclamation d'un livre pour les yeux avec la même certitude que la musique pour les oreilles, en grossissant ou diminuant, en élargissant ou rétrécissant les caractères de son écriture. Cela serait d'une utilité manifeste dans les ouvrages dramatiques. Tous les aparté d'une comédie seraient par exemple imprimés de la manière dont Votre Majesté a bien voulu me confier son secret sur ces pauvres Récréations dramatiques, à qui l'on ne peut réprocher dans leur innocence que de s'être laissé imprimer. Heureusement l'Impératrice ne s'est pas récréée avec ces pauvres

---

надо будетъ отправить эту коллекцію изъ Страсбурга на Рейнѣ, черезъ Голландію, откуда она пойдетъ въ императорскую бездну.

Чтобъ не покинуть слишкомъ внезапно г. Троншена — того, что жилъ въ Délices и не медикъ, я замѣчу, что не могъ прочесть, не улыбнувшись сильно, сужденіе, которое Ваше Величество произнесли объ его «Драматическихъ досугахъ» или объ его поправкахъ Корнеля. Это сужденіе было написано такими маленькими буквами, до того противоположными мужественному и твердому почерку Императрицы, что мнѣ надо было навострить уши, какъ только я могъ, чтобъ слышать ее. Это новый, весьма выразительный способъ говорить шопотомъ съ человѣкомъ, находящимся на разстояніи тысячи четырехъ или пяти сотъ верстъ, уменьшивъ буквы или калиберъ своего писанья сообразно съ важностью тайны. Этимъ живописнымъ изобрѣтеніемъ мы обязаны нашей Императрицѣ. Наше искуство печатанія еще въ пеленкахъ. Я увѣренъ, что наконецъ достигнутъ означенія для глазъ декламаціи книги съ тою же точностью какъ музыки для ушей, увеличивая или уменьшая, расширяя или суживая буквы письма. Это было бы явнымъ пріобрѣтеніемъ для драматическихъ сочиненій. Всѣ рѣчи въ сторону въ комедіяхъ печатались бы напримѣръ такимъ образомъ, какъ Вашему Величеству угодно было мнѣ повѣрить свою тайну объ этихъ бѣдныхъ Драматическихъ досугахъ, которые можно упрекнуть по ихъ невинности только въ одномъ: что они попали въ печать. Къ счастію, Императрица этими Досугами не усладила своего

Récréations, ni moi non plus. Ce brave Tronchin vendit jadis à Votre Majesté un très joli cabinet de tableaux. Il se disait guéri de la manie des tableaux; mais il y a des maladies dont le redoublement vous prend, quand vous y pensez le moins. Aussi Tronchin, qui n'est pas médecin et qui n'est que malade, a-t-il aujourdhui un cabinet plus nombreux et tout aussi précieux que le premier: tant qu'il vivra, il achètera des tableaux. Il s'est occupé à faire un catalogue raisonné de son cabinet, qu'il a fait imprimer. Voilà une récréation permise. Il vient de m'en envoyer deux exemplaires, d'où je juge qu'il y en a un que je dois porter aux pieds de Votre Majesté Impériale, ce qui sera fait à la première occasion qui se présentera.

Maintenant, ayant pris une plume neuve, je passe au compte del signor Gasparo Santini de Rome, qui n'a pas besoin de mon commentaire, tout en étant amplement commenté et clarifié par les lettres du divin dont il se trouve escorté. Votre Majesté trouvera d'abord ce compte en italien, tel qu'il m'a été envoyé de Rome, et puis la traduction que j'en ai faite pour la plus grande commodité de mon auguste Souveraine. Il en résulte que sur les articles y détaillés Santini est en avance de 3017 scudi 60 bajocchi, sans compter ce qu'il a déjà avancé et ce qu'il est dans le cas d'avancer journellement pour la continuation des Loges de Raphaël. Votre Majesté trouvera dans la plus fraîche des lettres du divin Reiffenstein toutes les ré-

---

досуга, такъ же какъ и я. Этотъ добрый Троншенъ нѣкогда продалъ Вашему Величеству очень хорошенькую коллекцію картинъ. Онъ говорилъ, что исправился отъ страсти къ картинамъ; но есть болѣзни, которыхъ возвратъ постигаетъ васъ, когда всего менѣе о томъ думаешь. Вотъ и Троншенъ, не медикъ а больной, имѣетъ теперь коллекцію болѣе многочисленную и столько же драгоцѣнную, какъ и первая: пока онъ живъ, онъ все будетъ покупать картины. Онъ занялся составленіемъ толковаго каталога своего кабинета, который велѣлъ напечатать. Вотъ позволительное развлеченіе. Онъ только что прислалъ мнѣ два экземпляра, изъ чего я заключаю, что одинъ изъ нихъ долженъ быть повергнутъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, что́ будетъ сдѣлано при первомъ же случаѣ.

Теперь, взявъ новое перо, я перехожу къ счету синьйора Гаспара Сантини изъ Рима, который не нуждается въ моемъ комментаріи, будучи пространно объясненъ и истолкованъ письмами божественнаго, его сопровождающими. Ваше Величество найдете здѣсь прежде всего этотъ счетъ по-итальянски, какъ онъ былъ присланъ мнѣ изъ Рима, и потомъ переводъ, сдѣланный мною для бо́льшаго удобства моей Августѣйшей Государыни. Изъ этого слѣдуетъ, что на исчисленные въ немъ предметы Сантини далъ впередъ 3,017 скуди 60 байоковъ, не считая того, что онъ уже выдалъ и выдаетъ ежедневно за продолженіе Ложъ Рафаэля. Ваше Величество найдете въ послѣднемъ изъ писемъ божественнаго всѣ разумныя размышленія, которыя можно сдѣ-

flexions judicieuses qu'on peut faire à ce sujet, et j'attends là-dessus Ses ordres. Si, au lieu de faire établir en Hollande ce crédit que le divin propose, soit en son nom, soit au nom de Santini, Votre Majesté juge à propos de le faire établir pour moi, nous serons trois surveillants à l'argent de l'Impératrice au lieu de deux. Alors toutes les fois que Santini aura une traite à faire sur la maison en Hollande, où mon crédit sera établi par ordre de Votre Majesté, il m'enverra cette traite avec un certificat du divin Reiffenstein, comme quoi elle est due pour le service de Votre Majesté, et moi je la ferai passer à la maison de Hollande, en lui mandant de l'acquitter sur mon crédit établi. Je me ferai en même temps toujours envoyer de Rome les comptes sur l'argent tiré de Hollande, pour les mettre à fur et à mesure sous les yeux de Votre Majesté, qui y trouvera toujours la balance de l'argent déboursé avec les traites. Cette méthode me paraît la plus simple, la plus claire et la plus courte, pour que le service de Votre Majesté se fasse sans interruption, et que Santini ne soit pas en avance à son détriment.

Mais je tiens toujours grandement à l'idée du susdit Santini pour l'établissement d'un commerce direct entre la Russie et l'Italie sur le plan proposé par lui, ce qui nous ferait faire une économie considérable dans les traites occasionnées par la gloutonnerie de notre auguste Souveraine en fait de beaux-arts. Je sens à merveille que ce n'est pas l'affaire de Votre Ma-

---

лать по этому предмету, и я жду приказаній на этотъ счетъ. Еслибъ, вмѣсто того, чтобъ установить предлагаемый имъ кредитъ на его имя или на имя Сантини, Ваше Величество нашли кстати установить его для меня, насъ было бы трое контролирующихъ суммы Императрицы вмѣсто двухъ. Тогда всякій разъ какъ Сантини возьметъ вексель на голландскій домъ, гдѣ будетъ установленъ мой кредитъ по приказанію Вашего Величества, онъ пришлетъ мнѣ этотъ вексель съ засвидѣтельствованіемъ божественнаго Рейфенштейна, что онъ нуженъ на издержки Вашего Величества, а я перешлю его голландскому дому, извѣщая его, чтобъ онъ выплатилъ его по моему установленному кредиту. Я въ то же время буду всегда требовать изъ Рима счетъ денегъ, взятыхъ изъ Голландіи, чтобъ постепенно повергать ихъ на воззрѣніе Вашего Величества, а Вы всегда найдете въ нихъ балансъ денегъ, выданныхъ по векселямъ. Этотъ способъ кажется мнѣ самымъ простымъ, самымъ яснымъ и короткимъ, чтобъ служба Вашему Величеству исполнялась безъ перерыва, и чтобъ Сантини не выдавалъ впередъ, себѣ въ убытокъ:

Но я все-таки сильно поддерживаю мысль упомянутаго Сантини къ установленію прямыхъ торговыхъ сообщеній между Россіей и Италіей по плану, имъ предложенному, чтó дало бы намъ возможность сдѣлать значительную экономію въ векселяхъ, вызываемыхъ алчностью нашей Августѣйшей Монархини по части художествъ. Я прекрасно чувствую, что это не понравится Вашему Величеству. Слово: мы не имѣ-

jesté. Le mot Wir haben keine Zeit für große Kleinigkeiten, das ist ein großes normal-schulmeisterisches Wort, und ich hoffe, der Herr Graf von Falkenstein werde es gehört und beherziget haben. Mais nous, les humbles serviteurs et instruments de notre Impératrice, nous devons avoir le temps nécessaire aux grandes minuties. En conséquence je condamne Votre Majesté de mettre le projet de Santini, tel qu'il m'a été développé par le divin Reiffenstein, sous les yeux de M. le président du commerce, et je condamne mon dit sieur président à le considérer, mâcher, remâcher et exécuter par quelque maison de commerce établie à Pétersbourg. Il y en a tant qui doivent leur fortune aux affaires de Votre Majesté Impériale, que ce n'est pas un grand effort de leur part que d'essayer de gagner encore d'une autre manière en s'associant avec un homme intelligent à Rome pour l'établissement d'un commerce direct entre la Russie et l'Italie. L'objet est grand et vaut la peine, indépendamment de l'épargne que nous ferons à l'Impératrice sur les traites d'argent et sur le change; il peut avec le temps concourir à l'agrandissement du commerce par la mer Noire. Il n'y a qu'à aller doucement dans les commencements. Un petit essai qui réussit en fait essayer d'autres, et voilà comme le monde a été créé.

Messieurs Hay me mandent qu'ils ne sont plus chargés des ordres du cabinet impérial. Votre Majesté voudra donc bien faire savoir à son souffre-douleur, par qui Santini doit être remboursé de ses avances et recevoir

---

емъ времени на великія бездѣлицы, это — великое слово нормальной школьной учительницы, и я надѣюсь, что г. графъ Фалькенштейнъ слышалъ и одобрилъ его. Но мы, смиренные служители и орудія нашей Императрицы, мы должны имѣть время на великія мелочи. Вслѣдствіе того я осуждаю Ваше Величество за передачу проекта Сантини, какъ онъ мнѣ былъ развитъ божественнымъ Рейфенштейномъ, на разсмотрѣніе г. президента коммерціи, и я осуждаю упомянутаго г. президента, что онъ далъ его обдумывать, разжевывать, пережевывать и исполнить какому-нибудь торговому дому, поселившемуся въ Петербургѣ. Столькіе изъ нихъ обязаны своимъ обогащеніемъ дѣламъ Вашего Императорскаго Величества, что небольшаго усилія съ ихъ стороны стóитъ попытаться наживать деньги еще другимъ образомъ, войдя въ компанію съ какимъ-нибудь умнымъ человѣкомъ въ Римѣ, чтобъ установить прямую торговлю между Россіей и Италіей. Предметъ обширенъ и стóитъ вниманія, независимо отъ сбереженій, которыя мы сдѣлаемъ Императрицѣ на векселя и размѣнъ; это можетъ со временемъ способствовать расширенію торговли на Черномъ морѣ. Стóитъ только въ началѣ итти потихоньку. Маленькій удачный опытъ вызываетъ другихъ на то же, и вотъ какъ былъ созданъ міръ.

Господа Гай сообщаютъ мнѣ, что они уже не исполняютъ приказаній Императорскаго Кабинета. Итакъ Ваше Величество соизвольте извѣстить многострадальнаго, кто долженъ уплатить Сантини суммы, имъ впередъ выданныя и къ кому переходитъ

le crédit dont nous avons besoin en Hollande. Il y a un autre article que je comptais éclaircir par messieurs Hay, et qui ne les regarde plus. Je crois que les 360 roubles pour l'année 1779 de la Correspondance littéraire sont dûs, mais je n'en suis pas sûr. Dépuis l'année 1773 cet article m'a toujours été payé en Russie, et M. Meister, qui était mon homme d'affaires à Paris pendant mon absence, se remboursait sur mes fonds ici. Je ne sais si j'ai reçu l'année 1779 ou non. Ordinairement on payait au mois d'avril l'année précédente; cette année il ne m'est rien venu pour l'année 1779. Il serait aisé de faire au cabinet un relevé de cet article depuis 1773, et de voir par ce relevé si l'année 1779 a été peut-être payée d'avance ou non: car pour tout au monde je ne voudrais tomber dans le péché du bon Gillet. Si elle est due, on me l'enverra par je ne sais qui, puisque Messieurs Hay ont l'esprit de n'être plus mêlés dans les affaires du cabinet.

Je verrai venir M. le chevalier de Miller avec ses rouets, quand il sera débarrassé de cette vilaine fièvre qui a insulté la moitié de Rome, pour parler italien avec le divin.

J'allais finir. On m'apporte une lettre du haut allié de Votre Majesté, qui me dit: le code maritime dont vous me parlez, est le chef d'oeuvre du génie et de la politique, et tel qu'on devait l'attendre de votre grande Impératrice, qui met à tout ce qu'elle fait le sceau de l'immortalité. Et puis

---

кредитъ, въ которомъ мы нуждаемся въ Голландіи. Есть еще другая статья, которую я надѣялся объяснить черезъ господъ Гай, и которая болѣе до нихъ не касается. Мнѣ кажется, что 360 р. за 1779 годъ не выплачены, но я въ томъ не увѣренъ. Съ 1773 года эта статья всегда была мнѣ выплачиваема изъ Россіи, и г. Мейстеръ, который въ моемъ отсутствіи завѣдывалъ моими дѣлами въ Парижѣ, бралъ вознагражденіе изъ моихъ здѣшнихъ суммъ. Я не знаю, получилъ ли я за 1779 годъ, или нѣтъ. Обыкновенно платили въ апрѣлѣ за предыдущій годъ; этотъ годъ мнѣ ничего не прислали за 1779. Кабинету не трудно было бы сдѣлать повѣрку съ 1773 года и узнать по этой повѣркѣ, не былъ ли можетъ-быть уплаченъ 1779 годъ заранѣе: потому что я не желалъ бы ни за что въ мірѣ впасть въ грѣхъ добраго г. Жиллэ. Если эту сумму мнѣ еще должны, пусть мнѣ пришлютъ ее съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ гг. Гай настолько умны, что не желаютъ быть болѣе замѣшаны въ дѣла Кабинета.

Я поджидаю кавалера Миллера съ его прялками, когда онъ избавится отъ гадкой лихорадки, которая оскорбила половину Рима по итальянскому выраженію божественнаго.

Я собирался кончить. Мнѣ приносятъ письмо высокаго союзника Вашего Величества, и онъ говоритъ мнѣ: морской уставъ, о которомъ вы мнѣ сообщаете, есть великое твореніе генія и политики; онъ таковъ, какъ можно было ожидать его отъ вашей великой Императрицы, которая на все, что ни дѣлаетъ, кладетъ печать без-

il espère que M. le colonel (qui est moi) voudra bien, quand il ira en Russie, en passant ici (à Potsdam) s'y arrêter pour voir un vieux lieutenant colonel russe qui le recevra avec plaisir. Et moi je me prosterne devant ma grande et, qui pis est, charmante Impératrice (ce qui se dit rarement des souverains) et baise la trace de ses pieds sacrés.

Après avoir fermé mon paquet, je le rouvre pour dire à mon auguste Souveraine en toute humilité et vérité, qu'il m'arrive une lettre de commerce de Lisbonne, qui m'apprend que l'amiral Borissof y a relâché le 8 septembre avec sa division de cinq vaisseaux et deux frégates, et que le chevalier Polibine est allé croiser avec la sienne vers les Canaries. God save the flag of all the Russias.

Il serait peut-être possible de me renvoyer les douze exemplaires de Metastasio par les chariots de poste d'Allemagne, en les adressant à quelque maison de commerce à Francfort sur le Mein, avec ordre de me faire tenir le ballot par la diligence; alors il n'en coûterait à Votre Majesté Impériale que les 40 exemplaires retenus et payés par le prince Galitzine de Vienne, et j'aurais ici satisfaction complète de celui qui a voulu m'attraper.

смертія. И потомъ онъ надѣется, что г. полковникъ (это я), когда поѣдетъ въ Россію, не откажетъ при проѣздѣ здѣсь (въ Потсдамѣ) остановиться, чтобъ повидаться съ старымъ подполковникомъ русскимъ, который приметъ его съ удовольствіемъ. А я повергаюсь передъ моей великой и, что всего хуже, прелестной Императрицей (чтó рѣдко говорится о государяхъ) и цѣлую священные ея слѣды.

Закрывъ свой пакетъ, я опять его раскрываю, чтобъ сказать своей Августѣйшей Государынѣ смиренно и правдиво, что я получилъ коммерческое письмо изъ Лиссабона, извѣщающее меня, что адмиралъ Борисовъ бросилъ тамъ якорь 8 сентября съ своей дивизіей изъ пяти кораблей и двухъ фрегатовъ, и что кавалеръ Полибинъ поѣхалъ крейсеровать со своими къ Канарскимъ островамъ. Боже храни всероссійскій флагъ!

Не было ли бы возможно возвратить мнѣ 12 экземпляровъ Метастазіо черезъ посредство почтовыхъ германскихъ фуръ, адресуя ихъ на имя какого-нибудь торговаго дома во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, съ приказаніемъ переслать мнѣ тюкъ съ дилижансомъ; тогда Вашему Величеству пришлось бы заплатить только за 40 экземпляровъ, удержанныхъ и оплаченныхъ княземъ Голицынымъ въ Вѣнѣ, а я здѣсь получилъ бы полное удовлетвореніе насчетъ того, кто хотѣлъ поймать меня.

13.

Allerunterthänigster höchst eilfertiger Vortrag.

A Paris, le 15 (26) octobre 1780.

Madame Entre autres insignes calamités dont il plaît au Dieu de miséricorde d'éprouver ma vie, je compte les courriers, voyageurs, passe-volants et autres, qui viennent vous annoncer qu'ils sont prêts de se charger d'un paquet pour Ecatherine l'immortelle, mais qu'ils partent sous vingt-quatre heures. Da wird nun ein grausamer Lärm im ganzen Hause. Herz und Geist fangen an zu beben, zu brennen und zu lodern; on ne sait par où commencer, ni par où finir, und zuletzt kömmt gar nichts heraus. Un sujet livonien de Votre Majesté Impériale, M. le baron de Bock vient de me jouer ce tour-là. Après avoir été à Spa, il vient passer trois fois vingt-quatre heures à Paris. La veille de son départ il m'offre de se charger d'un paquet pour notre auguste Souveraine et de le porter d'un trait de Paris à Pétersbourg. Cela est bien tentant; mais il me prend sans vert. Que peut-on ramasser du soir au lendemain? J'ai envie de m'emballer moi-même, et qu'il me roule aux pieds de celle qui tient ma destinée entre ses mains. Mais il ne voudra pas peut-être se charger d'un fardeau si lourd. Allons, j'enverrai demain de grand matin dans la rue des Lombards. Si les pâtes d'Auvergne sont arri-

---

13.

Всеподданнѣйшій наипоспѣшнѣйшій докладъ.

Парижъ, 15 (26) октября 1780.

Государыня. Между прочими несомнѣнными бѣдствіями, которыми Господу угодно испытывать жизнь мою, я считаю и курьеровъ, путешественниковъ, проѣзжихъ и другихъ, являющихся возвѣстить вамъ, что они готовы взять на себя доставку пакета Екатеринѣ безсмертной; но что они уже черезъ двадцать четыре часа ѣдутъ. Тогда подымается во всемъ домѣ великій шумъ. Сердце и духъ начинаютъ трепетать, горѣть и пламенѣть, не знаешь съ чего начать и чѣмъ кончить, и наконецъ изъ этого ничего не выходитъ.

Ливонскій подданный Вашего Императорскаго Величества, г. баронъ Бокъ, только что сыгралъ со мною эту штуку. Послѣ пребыванія въ Спа онъ пріѣзжаетъ на трое сутокъ въ Парижъ. Наканунѣ своего отъѣзда онъ предлагаетъ мнѣ взять посылочку къ нашей Августѣйшей Государынѣ и въ одинъ переѣздъ доставить ее изъ Парижа въ Петербургъ. Это очень соблазнительно; но онъ захватываетъ меня врасплохъ. Что можно собрать отъ вечера до утра? Мнѣ хочется уложить себя самого, чтобъ онъ прикатилъ меня къ стопамъ Той, которая держитъ судьбу мою въ своихъ рукахъ. Но онъ можетъ-быть не захочетъ взять такую значительную тяжесть. Ну ужъ пошлю завтра пораньше въ улицу Ломбардскую. Если Оверская

vées, il faudra que Votre Majesté en mange avec Monsieur Alexandre, sans oublier le Sieur Constantin au regard spirituel, à mon honneur et gloire. Mais peut-être mes dits Sieurs sont-ils plus accoutumés au mets favori et délicat de l'Impératrice, la tranche de boeuf à la mode, qu'aux pâtes d'abricots? En ce cas il se trouvera toujours quelque négrillon, quelque page, qui voudra bien s'en accommoder.

Après cela, pour renforcer le paquet, j'y mettrai le catalogue que M. Tronchin, qui n'est pas médecin, vient d'imprimer de ses tableaux, et dont il désire de mettre un exemplaire aux pieds de Votre Majesté Impériale, dans l'espérance que si jamais le catalogue de la Galerie impériale est publié par l'impression, Votre Majesté daignera ordonner qu'on lui en envoie un exemplaire. Ce que je lui promets in petto, c'est que notre auguste Souveraine jettera plutôt les yeux sur son catalogue, qui est bien fait, que sur ses Récréations dramatiques, et qu'elle ne sera pas obligée de diminuer le caractère mâle et ferme de Son écriture pour m'en parler. Quant aux 1500 roubles que Votre Majesté m'a ordonné d'employer à une marque de sa bienveillance impériale pour le susdit, l'un des 40 Tronchins, j'ai pris le parti de lui faire faire ici quelques jolies pièces de vaisselle, avec lesquelles il pourra figurer au château des Délices et montrer aux curieux qu'on ne perd pas son temps quand on emballe pour l'Impératrice.

пастила пришла, надо чтобъ Ваше Величество покушали ее мнѣ въ честь и славу съ господиномъ Александромъ, не забывъ притомъ и г. Константина съ умнымъ взглядомъ. Но можетъ-быть реченные господа болѣе привыкли къ любимому и деликатному кушанью Императрицы, ломтику boeuf à la mode, нежели къ абрикосовой пастилѣ? Въ такомъ случаѣ всегда найдется какой-нибудь маленькій негръ, какой-нибудь пажъ, который охотно съ нею расправится.

Затѣмъ, чтобъ увеличить посылку, я помѣщу въ нее каталогъ картинъ г. Троншена (не доктора), который только что отпечаталъ его и желаетъ повергнуть одинъ экземпляръ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, въ надеждѣ, что если когда-либо каталогъ императорской галлереи будетъ напечатанъ, Ваше Величество благоволите приказать, чтобъ ему прислали тоже экземпляръ этого каталога. Я же обѣщаю ему, in petto, что наша Августѣйшая Монархиня скорѣе броситъ взглядъ на его каталогъ, который хорошо составленъ, нежели на его Драматическіе досуги, и что она не будетъ вынуждена измѣнить свой твердый, мужественный почеркъ, когда будетъ упоминать о немъ. Что касается до 1,500 рублей, которые Ваше Величество приказали мнѣ употребить на какой-нибудь знакъ Вашего монаршаго благоволенія вышеупомянутому одному изъ 40 Троншеновъ, то я рѣшился заказать ему здѣсь нѣсколько хорошенькихъ вещей изъ посуды, которыми онъ можетъ щеголять въ зáмкѣ «les Délices», показывая ихъ любопытнымъ, какъ доказательство, что не даромъ тратитъ время тотъ, кто исполняетъ порученія Императрицы.

Votre Majesté me doit un compliment. Le marquis de Castries, dont j'ai osé lui parler quelquefois, vient d'être nommé par le Roi Très-Chrétien ministre de la marine. C'est le quatrième choix sublime de ce jeune monarque: Maurepas, Vergennes, Necker, Castries. Quand on a mis la main sur quatre hommes de cette trempe, on a le droit de se faire pardonner quelques choix moins heureux. Je connais le marquis de Castries depuis 30 ans. Je lui dois infiniment, il ne m'a jamais perdu de vue. Je l'ai vu dans bien des situations différentes, et j'ai toujours vu le même homme. Il s'est si bien toujours ressemblé à lui-même, qu'il n'a pas même perdu à l'âge de 53 ans l'air de la jeunesse et les avantages de la figure. C'est un homme d'une probité à toute épreuve, d'une grande élévation, d'un grand caractère et de beaucoup de sagesse. Quand j'ose solliciter un compliment, c'est un compliment de condoléance: car lorsque mes amis parviennent aux premières places, ils sont perdus pour moi, et je prends congé d'eux. Mon inutilité garantit de toute relation d'affaires, et cette inutilité a été rendue immuable par Votre Majesté: car puisque j'ai été condamné à l'inutilité pour le service de ma bienfaitrice, il n'y a point de puissance sur la terre qui puisse me rendre une activité utile.

Le Roi de Suède ou M. le comte de Gothland, voisin, cousin et fraterlet de Votre Majesté Impériale, a été à Spa, et par conséquent bien près de

---

Ваше Величество должны меня поздравить. Маркизъ Кастри, о которомъ я осмѣливался иногда упоминать Вамъ, только что назначенъ всехристіаннѣйшимъ королемъ къ морскіе министры. Это уже четвертый превосходный выборъ этого монарха: Морепа, Верженнъ, Неккеръ, Кастри. Тому, кто могъ наложить руку на четырехъ людей подобнаго закала, можно простить нѣсколько менѣе счастливыхъ выборовъ. Я знаю маркиза де Кастри уже тридцать лѣтъ. Я ему безконечно обязанъ, онъ никогда не терялъ меня изъ виду. Я видѣлъ его во множествѣ различныхъ положеній, и всегда находилъ въ немъ того же человѣка. Онъ такъ былъ всегда вѣренъ самому себѣ, что въ 53 года не потерялъ даже своей моложавости и красоты лица. Это человѣкъ непоколебимой честности, возвышеннаго образа мыслей, великаго характера и большой мудрости. Когда я заявляю желаніе получить привѣтствіе, то это привѣтствіе должно выражать соболѣзнованіе, потому что какъ скоро друзья мои достигаютъ первыхъ мѣстъ, они для меня потеряны, и я съ ними прощаюсь; моя ненужность избавляетъ меня отъ всякихъ дѣловыхъ отношеній и эта ненужность моя утверждена неизмѣнно Вашимъ Величествомъ: ибо разъ, когда я сознаю свою безполезность на службѣ у своей благодѣтельницы, нѣтъ такого могущества на землѣ, которое могло бы создать мнѣ полезную дѣятельность.

Король шведскій или графъ Готландскій, сосѣдъ, кузенъ и братецъ Вашего Императорскаго Величества, былъ въ Спа, стало-быть очень близко отъ насъ. Увѣряютъ,

nous. On prétend qu'il a même marqué le désir de faire un tour ici, mais que cette ouverture a été déclinée avec politesse. Il a donc pris le chemin de la Hollande. Je lui avais écrit pour lui dire que je ne me donnais pas les airs, malgré le voisinage, de lui aller faire ma cour, parce qu'il ne me convenait pas de me donner un air de fatuité et d'importance. Il m'a répondu d'Amsterdam avec beaucoup de bonté que j'ai mal fait; que malgré le brouhaha de Spa il aurait fort bien su trouver les moyens de s'entretenir avec moi et que certainement l'Impératrice de Russie n'eût point été oubliée. Quand j'ai lu ces paroles royales, je me suis écrié: plût à Dieu que je pusse l'oublier ou ne m'en souvenir qu'à bon loisir! Ma vie en serait bien plus tranquille, et il n'y aurait plus ces hauts et ces bas qui me font rire et pleurer alternativement. Voilà ce que dit le souffre-douleur, et voici ce que dit le Roi par continuation. Il faut avouer que l'Impératrice joue un bien beau rôle dans tout ceci, et que ce moment est un des plus brillants de sa vie. Voilà ce que dit le Roi, et voici ce qu'ajoute le souffre-douleur. On croit toujours que le dernier est le plus brillant, mais comme elle est magicienne, elle vous attrape, et il vient toujours quelque chose après de plus brillant à laquelle on ne s'attendait pas, parce qu'elle a plus d'un oeuf dans son panier. Le roi, pour faire taire le souffre-douleur, lui fait ensuite l'énumération de tous les seigneurs russes qui ont été à Spa, et ajoute qu'il a été

будто онъ изъявилъ желаніе завернуть сюда, но что это заявленіе было вѣжливо отклонено. Итакъ онъ направился въ Голландію. Я писалъ ему, изъясняя, что несмотря на сосѣдство, не рѣшился ѣхать засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, потому что мнѣ показалось неприличнымъ брать на себя видъ нахальства и важности. Онъ отвѣчалъ мнѣ очень благосклонно изъ Амстердама, что я поступилъ нехорошо; что, не смотря на суматоху въ Спа, онъ очень легко нашелъ бы средство побесѣдовать со мною и что конечно Императрица Всероссійская не была бы забыта. Когда я прочелъ эту королевскую рѣчь, я воскликнулъ: О, не лучше ли было бы, еслибъ я по милости Божьей могъ забыть ее или вспоминать о ней только въ свободныя минуты! Жизнь моя тогда была бы гораздо спокойнѣе, и не было бы этого подъема и упадка духа, которые заставляютъ меня то смѣяться, то плакать. Вотъ что говоритъ вашъ многострадальный, а вотъ что говоритъ въ продолженіи письма король: надо сознаться, что Императрица играетъ во всемъ этомъ прекрасную роль, и что это одна изъ самыхъ блестящихъ минутъ ея жизни. Это сказалъ король, а вотъ что прибавляетъ многострадальный. Всегда кажется, что послѣдняя минута самая блестящая; но такъ какъ она волшебница, то она поддѣваетъ васъ и послѣ является что-нибудь гораздо болѣе блестящее, совершенно неожиданное, ибо у нея болѣе одного яичка въ корзинкѣ. Король, чтобъ заставить молчать многострадальнаго, перечисляетъ ему потомъ всѣхъ русскихъ вельможъ, бывшихъ въ Спа, и прибавляетъ, что онъ

comme l'ambassadeur de Russie pour le prince et la princesse Orlof, qu'il leur a fait faire connaissance avec nos dames de Paris, etc.

Moi, Madame, je suis fort mécontent de tout ce qui me revient du prince Orlof. On dit qu'il s'est mis entre les mains d'un médecin anglais établi à Bruxelles, charlatan que personne ne connaît. Cet homme lui donne des remèdes propres à tuer un cheval. Il s'en sert, s'en trouve toujours plus mal, et continue. A quoi sert donc d'avoir été à l'école de Catherine II, si l'on n'y a pas appris que la médecine, après la théologie, est la plus vaine des sciences, et qu'il faut être fou pour abandonner son corps aux expériences d'un charlatan? On le dit véritablement fort changé, et j'en suis en peine. Je supplie Votre Majesté de lui ordonner de venir au plus vite me rendre ses devoirs à Paris, afin que je le gronde et que je le mette entre les mains de Tronchin, qui ne le guérira peut-être pas, mais qui à coup sûr ne le tuera pas. Le marquis de Castries avait passé quatre ou cinq jours à Spa, et en était de retour depuis quinze jours lorsqu'il a été fait ministre. Une tournée militaire pour inspecter des régiments sur la frontière l'avait conduit dans le voisinage de Spa, et comme il s'y trouvait des femmes de sa connaissance, il leur avait fait visite. A son retour il m'a beaucoup parlé du prince Orlof, parce que mes amis savent que quand on veut me rendre heureux et me faire sa cour, il faut me parler de la Russie. J'ai su aussi que M. le comte de Gothland, aujourd'hui Haga, avait célébré l'anniversaire

---

служилъ какъ будто русскимъ посланникомъ при князѣ и княгинѣ Орловыхъ, что онъ познакомилъ ихъ съ нашими парижскими дамами, и проч.

Я, Государыня, очень недоволенъ всѣмъ, что узнаю о князѣ Орловѣ. Говорятъ, что онъ отдался въ руки англійскаго доктора, живущаго въ Брюсселѣ, шарлатана, никому неизвѣстнаго. Этотъ человѣкъ даетъ ему лѣкарства, способныя умертвить лошадь. Онъ ихъ употребляетъ, чувствуетъ себя отъ нихъ все хуже и продолжаетъ. Къ чему же послужило ему пройти школу Екатерины II, если онъ въ ней не научился, что медицина послѣ теологіи самая безполезная изъ наукъ, и что надо быть безумнымъ, чтобъ отдать свое тѣло на шарлатанскіе опыты? Говорятъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ очень измѣнился, и я о томъ сожалѣю. Умоляю Ваше Величество приказать ему какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ на поклонъ въ Парижъ, чтобъ я могъ побранить его и передать его на руки Троншена, который можетъ-быть и не вылѣчитъ, но навѣрное не уморитъ его. Маркизъ де Кастри провелъ четыре или пять дней въ Спа, и только двѣ недѣли какъ вернулся оттуда, когда сдѣланъ былъ министромъ. Военный объѣздъ для осмотра полковъ, стоящихъ на границѣ, привелъ его въ Спа, и такъ какъ тамъ были знакомыя ему дамы, то онъ посѣтилъ ихъ. По возвращеніи онъ много говорилъ со мною о князѣ Орловѣ, такъ какъ друзья мои знаютъ, что меня ничѣмъ нельзя такъ осчастливить и обласкать какъ разговоромъ о Россіи. Я узналъ также, что графъ Готландскій, ныньче Гага, праздновалъ день ордена

de l'ordre de Saint-Alexandre Nevski avec les chevaliers et les dames russes qui étaient à Spa. Quand je veux faire l'éloge du marquis de Castries, d'un mot je dis: il eût été digne de servir Catherine II, tout court et pas grande. Que ne ferait pas un ministre de sa trempe sous les ordres d'une souveraine de la trempe de la nôtre? Je suis sûr que tôt ou tard (car le moment dépendra de la folie ou de la sagesse des autres) notre auguste Souveraine rendra la paix à l'Europe et à l'Amérique: car depuis quelques années, comme qui dirait depuis qu'elle règne, il ne se fait plus rien de bien, de sensé, de grand dans ce monde sans elle et son heureuse influence. Il est vrai que mes amis les marchands de riz et d'indigo se sont encore laissés battre dans la Caroline, et je crains que cela ne fortifie les bons et loyaux citoyens de Windsor et de Westminster dans le projet insensé de subjuguer des gens qui ne restent soumis que tant qu'on leur tient le couteau sur la gorge, et qui se soulèvent dès que le tranchant du couteau ne chatouille plus la peau; mais s'il y a un moment de sagesse au milieu de tant de folies d'un côté et de beaucoup de fautes de l'autre, l'oracle de Minerve, la Normal-Schulmeisterinn de Monsieur Alexandre et autres quidams porteurs de couronnes présentes ou à venir, se fera entendre et sera respecté.

J'ajoute, Madame, à mes bienfaits en pâtes d'Auvergne et au catalogue Tronchinique quelques exemplaires du Carmen Saeculare adopté par les bienfaits de notre grande Impératrice. . . . je voulais dire von unserer Kai-

---

Александра Невскаго съ русскими кавалерами и дамами, бывшими въ Спа. Когда я хочу похвалить маркиза де Кастри однимъ словомъ, я говорю: онъ былъ бы достоинъ служить Екатеринѣ II, коротко, но не Великой. Чего не сдѣлалъ бы министръ подобныхъ качествъ подъ начальствомъ государыни такого закала какъ наша? Я увѣренъ, что рано или поздно (потому что минута рѣшится безуміемъ или мудростью другихъ) наша Августѣйшая Государыня дастъ миръ Европѣ и Америкѣ, такъ какъ въ послѣдніе годы, можно сказать съ тѣхъ поръ какъ она царствуетъ, ничего прекраснаго, мудраго, великаго въ этомъ мірѣ не дѣлается безъ нея и ея счастливаго вліянія. Правда, что друзья мои, торговцы рисомъ и индиго, еще разъ дали побить себя въ Каролинѣ, а я боюсь, чтобъ это не утвердило добрыхъ и честныхъ гражданъ Виндзора и Вестминстера въ безумномъ предпріятіи поработить людей, которые смирны только пока имъ держатъ ножъ у горла, и возмущаются какъ только остріе ножа перестаетъ щекотать кожу; но если есть капля мудрости среди столькаго безумія съ одной стороны, столькихъ ошибокъ съ другой, то раздастся оракулъ Минервы, учительницы нормальныхъ школъ, г. Александра и прочихъ quidams, носителей коронъ въ настоящемъ и будущемъ, и заставитъ уважать себя.

Присоединяю, Государыня, къ благодѣяніямъ моимъ въ видѣ оверньской пастилы и каталога Троншена нѣсколько экземпляровъ юбилейной пѣсни, принятой благодѣтельною нашей Императрицей средняго роста, такъ какъ ея конекъ не быть великой.

ferin von mittelmässiger Statur, car Sa marotte est de ne vouloir pas être grande. J'envoie ces exemplaires dans le cas où Votre Majesté aurait la fantaisie d'entendre ce Carmen en concert. La traduction du père Sanadon est bien maussade. . . . C'était pourtant un jésuite! On en avait fait une beaucoup meilleure; mais malheureusement Philidor n'en a plus et ne peut mettre que ces restes aux pieds de son auguste bienfaitrice. Je me prosterne à ces pieds avec tout le feu qui me dévore et me consume inutilement pour le service et la gloire de mon immortelle Souveraine, et puisque M. le baron de Bock ne me permet pas de griffonner plus longtemps, je lui souhaite des ailes pour arriver avec mes pâtes dans le sanctuaire de l'immortalité. God save our Emperor of all the Russias! Amen.

14.

A Paris, ce 1 (12) janvier 1781.

Madame. Il ne faut pas que l'année grecque commence sans que je porte aux pieds de mon auguste et immortelle Souveraine le tribut de ma reconnaissance avec mes voeux et l'hommage du plus profond respect, je pourrais ajouter du plus tendre, et toutes les épithètes que ce mot peut comporter sous tous les rapports possibles, attendu que les dieux acceptent tout cela

---

Посылаю эти экземпляры на случай, если Ваше Величество вздумали бы послушать эту пѣснь въ концертѣ. Переводъ отца Санадона изъ рукъ вонъ плохъ. Это былъ однако іезуитъ! Написанъ былъ гораздо лучшій; но къ несчастью Филидоръ его болѣе не имѣетъ и можетъ повергнуть только эти остатки къ ногамъ своей Августѣйшей благодѣтельницы. Я повергаюсь къ этимъ стопамъ со всѣмъ жаромъ, снѣдающимъ меня безполезно для службы и славы моей безсмертной Монархини, и такъ какъ баронъ Бокъ не позволяетъ мнѣ царапать долѣе, то я желаю, чтобъ онъ имѣлъ крылья, дабы перелетѣть съ моею пастилой въ святилище безсмертія. Да хранитъ Богъ нашего Императора всея Россіи! Аминь.

14.

Парижъ, 1 (12) января 1781.

Государыня, Не надо, чтобъ греческій годъ начался безъ принесенія мною къ стопамъ моей Августѣйшей и безсмертной Монархини дани признательности съ пожеланіями моими и выраженіемъ глубочайшаго, я могъ бы прибавить нѣжнѣйшаго уваженія, и со всѣми тѣми эпитетами, которые удобно во всѣхъ возможныхъ значеніяхъ присоединить къ этому слову; ибо боги принимаютъ всѣ подобныя приношенія и вся-

pour offrande, et que toute dévotion fervente consiste en feu concentré et en tendresse. S'il se trouve quelqu'un, je ne dis pas dans l'empire de Votre Majesté Impériale, mais dans le monde entier, qui prétende me surpasser en attachement pour notre Impératrice, qu'il se montre, et je lui soutiendrai qu'il en a menti, et, qui pis est, je le lui prouverai, fût-il de Riga ou de Narva. Le plus court est qu'on ne m'échauffe pas la tête, car le coeur l'est suffisamment.

Il faut à présent que je rende compte à Votre Majesté de ma vie pendant les six derniers mois de l'année qui vient de finir. Après la réception de cette pancarte impériale, commencée à Plesko, continuée à Polotzk et achevée à Mogilef, die ich nicht anders als prächtig, göttlich und unvergeßlich nennen kann, j'ai été sans doute atteint de trop d'orgueil, d'ivresse et de vanité; le Dieu des miséricordes ne veut pas que ses enfants nagent dans la joie. Au milieu des tribulations journalières dont Sa bonté céleste prend soin d'assaisonner ma vie, j'ai accablé mon auguste et sississime bienfaitrice de nombre de pancartes, Vortrag et autres fadaises. Ne voyant pas arriver de réponse à mes fadaises, j'ai d'abord vécu sur tout ce que j'avais dans mon escarcelle de provision en philosophie. J'ai dit: après la saison de l'abondance vient la saison de la disette; cela est tout simple; il faut la supporter avec résignation et courage, jusqu'à ce qu'il plaise à la providence impériale de te ranimer par un regard bienfaisant; elle sait bien qu'elle

---

кое истинное благоговѣніе заключаетъ въ себѣ сосредоточенный огонь и нѣжность. Если найдется, не говорю во всей Вашей Имперіи, но въ цѣломъ мірѣ кто-нибудь возъимѣвшій претензію превзойти меня въ привязанности къ нашей Императрицѣ, пусть онъ покажется, и я выскажу ему, что онъ солгалъ, а что̀ всего хуже, докажу ему это, будь онъ даже изъ Риги или Нарвы. Короче, пусть мнѣ не горячатъ голову, потому что сердце достаточно горячо.

Надо теперь отдать отчетъ Вашему Величеству въ томъ, какъ я прожилъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ истекшаго года. По полученіи той императорской грамоты, которая начата была во Псковѣ, продолжалась въ Полоцкѣ и окончена была въ Могилевѣ, и которую я опять таки не иначе могу назвать какъ прелестной, небесной и незабвенной, я конечно исполнился слишкомъ большой гордости, блаженства и тщеславія. Милосердый Богъ не хочетъ, чтобъ дѣти его плавали въ благополучіи. Среди вседневныхъ огорченій, которыми Небесная благость заботливо приправляетъ жизнь мою, я обременилъ свою Августѣйшую благодѣтельницу множествомъ посланій, докладовъ и другихъ пустяковъ. Не видя отвѣта на свои пошлости, я сначала жилъ всѣмъ запасомъ философіи, который имѣлъ въ своей сумкѣ. Я сказалъ себѣ: послѣ урожайнаго года наступаетъ голодный годъ; это очень просто; надо переносить это съ покорностью и мужествомъ, пока Императорскому провидѣнію угодно будетъ оживить тебя благодѣтельнымъ взглядомъ. Она хорошо знаетъ, что можетъ располагать

peut disposer à son gré de la vie ou de la mort de son souffre-douleur. J'étais loin de penser alors, que l'Impératrice s'occupait presque tous les jours à m'écrire une page ou deux, et que sa bienfaisance me préparait une autre unvergeßliche pancarte, ouvrage immortel de plus de six semaines, qu'un de ses courriers devait m'apporter. Ne pouvant ni prévoir ni supposer une chose si incroyable, je vécus sur ma provision de philosophie que je sentis de jour de poste en jour de poste s'épuiser sensiblement. Lorsque je fus à sec, je me dis: du, armes Blümlein, mußt nun verwelken, denn deine himmliche Gärtnerin hat deiner vergeßen. La fièvre me prit, je me couchai, et j'espérais de finir en la bénissant. Mon ancien gouverneur Thier pensa me donner le coup d'assommoir. Il se présenta chez moi à l'improviste. Je n'étais pas assez bien alors pour recevoir quelqu'un, et mes gens le renvoyèrent sans m'en prévenir. Lorsque je l'appris, je fis courir après lui. Son nom m'avait ranimé. Je me dis: voilà la rosée céleste qui vient vivifier une fleur mourante; la main de l'Impératrice est avec lui. . . . Point du tout: mon gouverneur Thier venait de Stuttgart et de Montbéliard, où M. le comte de Panine l'avait envoyé pour une commission particulière, et il n'avait ni rosée céleste, ni main impériale. Alors je laissai retomber ma tête, et je me dis: nun du mußt verwelken. Mais celle dont le génie bienfaisant entretient et propage la vie du plus vaste empire qui existe, dit alors: nun,

---

по волѣ своей жизнью и смертью своего многострадальнаго. Я былъ тогда далекъ отъ мысли, что Императрица почти каждый день занимается тѣмъ, что пишетъ ко мнѣ страничку или двѣ, и что ея благотворительность изготовляетъ мнѣ новую незабвенную грамоту, безсмертное произведеніе, обнимающее болѣе чѣмъ шесть недѣль, и которое одинъ изъ курьеровъ долженъ былъ привезти мнѣ. Не будучи въ состояніи ни предвидѣть, ни предположить такую невѣроятную вещь, я все жилъ своимъ запасомъ философіи, который отъ одного почтоваго дня до другого замѣтно истощался. Когда я остался ни при чемъ, я сказалъ себѣ: ты бѣдный цвѣточекъ долженъ теперь увянуть, потому что твоя небесная Садовница тебя забыла. Ко мнѣ привязалась лихорадка, я слегъ и надѣялся окончить свое поприще, благословляя ее. Мой старый гувернеръ Тиръ чуть не доконалъ меня. Онъ предсталъ предо мною неожиданно. Я тогда еще недостаточно поправился, чтобъ кого-нибудь принимать, и люди мои отослали его, не предупредивъ меня. Когда я узналъ это, я велѣлъ бѣжать за нимъ, вернуть его. Имя его меня оживило. Я сказалъ себѣ: вотъ роса небесная, сошедшая освѣжить увядающій цвѣтокъ; рука Императрицы съ нимъ... Ничуть не бывало: мой гувернеръ Тиръ пріѣхалъ изъ Штутгарда и Монбеліара, куда графъ Панинъ послалъ его по особому порученію, и съ нимъ не было ни небесной росы, ни императорской руки. Тогда я опять склонилъ голову и сказалъ себѣ: ну теперь ты долженъ увянуть. Но та, которой благодѣтельный геній поддерживаетъ и пробуждаетъ жизнь величайшаго изъ существующихъ государствъ, сказала тогда: ну нѣтъ, ты не

du sollst nicht verwelken. Et son ange céleste et impérial, appelé Principati (car ange veut dire Botschafter), entra chez moi, et à la vue d'une pancarte impériale d'une épaisseur énorme, je me sentis rendu à la vie. Ce qu'il y a de moins surprenant, c'est que le jardinier Tronchin crut avoir fait ce miracle, en me faisant saigner du pied brusquement au milieu de la nuit, lui qui est le plus anti-saigneur que je connaisse. Je n'ai pas voulu le tirer de cette douce illusion, ni lui confier que si l'ange Principati ne m'eût apparu le lendemain et ne m'eût ranimé en montrant à mes yeux défaillants les caractères de cette main auguste sur laquelle je me prosterne vingt fois par jour, le miracle du jardinier Tronchin eût manqué absolument son effet.

Tout cela s'est passé, Madame, tandis que Marie Thérèse terminait sa carrière à Vienne, et que la cour de Votre Majesté Impériale se préparait à célébrer la fête de grande Catherine. Mais j'étais déjà échappé au danger et considérablement mieux, au moment où l'on publiait à Pétersbourg après la messe cette grande promotion dont la gazette m'a apporté la liste. Actuellement je n'ai plus qu'à me ménager, c'est-à-dire à m'ennuyer pour me préserver d'une rechute. Votre Majesté, soit dit sans reproche, m'a rendu le sang si inflammable que je ne sais plus comment le gouverner. Voilà ce que c'est que d'avoir été trop près du trépied impérial; la combustion vous gagne, et quand vous n'avez pas une étoffe assez forte pour résister à l'em-

---

увянешь. И ея небесный и императорскій ангелъ по имени Принчипати (потому что ангелъ значитъ вѣстникъ) вошелъ ко мнѣ, и при видѣ грамоты непомѣрной толщины я былъ возвращенъ къ жизни. Всего менѣе удивительно то, что садовникъ Троншенъ приписывалъ себѣ это чудо, сдѣлавъ мнѣ внезапно, ночью, кровопусканіе изъ ноги, хотя онъ величайшій противникъ кровопусканій, какого я когда-либо зналъ. Я не хотѣлъ вывести его изъ этого пріятнаго заблужденія, ни сообщить ему, что еслибъ вѣстникъ Принчипати не появился предо мною на другой день и не оживилъ меня, показавъ моему слабѣющему взору буквы августѣйшаго письма, передъ которымъ я простираюсь двадцать разъ въ день, чудо садовника Троншена никакъ не достигло бы своей цѣли.

Все это происходило, Государыня, пока Марія Терезія оканчивала свое поприще въ Вѣнѣ, а дворъ Вашего Императорскаго Величества готовился праздновать тезоименитство великой Екатерины. Но я уже былъ внѣ опасности и значительно поправился въ ту минуту, какъ въ Петербургѣ обнародованы послѣ обѣдни тѣ многочисленныя производства, которыхъ списокъ я прочелъ въ газетахъ. Теперь мнѣ остается только беречься, то есть скучать, чтобъ избавить себя отъ возврата моего недуга. Ваше Величество, не въ укоръ будь сказано, привели мою кровь въ такое воспаленное состояніе, что я не знаю какъ съ нею справиться. Вотъ что значитъ побывать вблизи императорскаго треножника: пламя переходитъ на васъ, и если вы сотканы изъ ткани не довольно плотной, чтобъ быть несгараемымъ, вы и ткань ваша сгорите во мгновеніе

brasement, vous êtes consumé, vous et votre étoffe, en un clin d'oeil. C'est mon cas, Madame, et plût à Dieu que je fusse embrasé et consumé par la gloire dont les rayons environnent la tête auguste et sacrée de ma Souveraine; ma mort serait trop glorieuse; mais ne pouvoir presque pas m'occuper ni écrire sans me sentir le sang allumé, sans m'exposer à des insomnies, c'est là un de ces tours infernaux du malin qui crève dans sa vilaine peau rissolée de ce que l'ange Principati est venu m'apporter une pancarte impériale à nulle autre pareille, et de ce qu'il prévoit qu'il ne pourra plus jamais me persuader que l'Impératrice puisse ou veuille jamais oublier et abandonner son souffre-douleur, qui est bien le meilleur diable du monde.

Le malin a raison d'enrager, pour peu qu'il soit envieux. Une pancarte pareille à celle que je dois à l'ange Principati est un trésor unique qui n'existe nulle part que dans le portefeuille du souffre-douleur; c'est un monument de génie, de verve et de profondeur, qui n'a pas hâté le retour des forces après ma maladie, parce qu'il a mis de nouveau le feu aux étoupes que le jardinier Tronchin a eu tant de peine à éteindre. Il m'a aussi fait connaître un autre malheur qui a immédiatement succédé à la disette; c'est l'impatience de griffonner seulement deux cent cinquante pages de suite, pour me décharger de la deux cent-cinquantième partie environ de ce que j'ai sur le coeur et besoin de dire à Votre Majesté. L'impossibilité de satisfaire

---

ока. Я въ этомъ положеніи, Государыня, и хорошо еслибъ я милостью Божіею загорѣлся и сгорѣлъ отъ лучей славы, сіяющихъ вокругъ августѣйшаго и священнаго чела моей Монархини; тогда смерть моя была бы слишкомъ славною. Но не быть въ состояніи заниматься, ни писать безъ воспламененія крови, безъ риска подвергаться безсонницамъ,—вотъ одно изъ демонскихъ наважденій нечистаго, который издыхаетъ въ своей скверной морщинистой кожѣ, оттого что ангелъ Принчипати принесъ мнѣ императорскую грамоту, съ которой ничто сравниться не можетъ. Вслѣдствіе того ему уже никогда не удастся увѣрить меня, что Императрица въ состояніи или захотѣла бы когда-нибудь забыть или покинуть своего многострадальнаго—въ самомъ дѣлѣ добраго малаго.

Нечистый въ правѣ бѣситься, если онъ хоть мало-мальски завистливъ. Грамота, которою я обязанъ ангелу Принчипати, есть единственное сокровище, нигдѣ не существующее, какъ только въ портфелѣ многострадальнаго; это памятникъ геніальности, живости и глубины, который не ускорилъ возвращеніе силъ послѣ моей болѣзни, потому что онъ вновь зажегъ огонь въ моей паклѣ, съ такимъ трудомъ погашенный садовникомъ Троншеномъ. При этомъ я испыталъ еще новое бѣдствіе, которое смѣнило неурожай: это нетерпѣніе нацарапать двѣсти пятьдесятъ страницъ сряду, чтобъ облегчить себя отъ двухсотъ пятидесятой доли того, что я имѣю на сердцѣ и чувствую потребность высказать Вашему Величеству. Невозможность удовлетворить это пламен-

à ce besoin impétueux de mon coeur a sensiblement retardé ma convalescence. La seule, mais grande consolation que j'ai ressentie au milieu de ces cruelles contradictions, je la dois à la remarque que la pancarte sans pareille m'a fait faire, que, Dieu merci, la gaîté et la verve impériales ne font que croître et embellir d'année en année, und so kann ich wirklich mit dem heiligen Apostel Paulus ernsthaft fragen: was wird denn nun einmal daraus werden? Il faut convenir qu'on la baille belle à Votre Majesté, et que le génie de Catherine peut chanter en toute sûreté tout le long de l'année: de moi je suis assez content: refrain qui a besoin d'être réhabilité dans une occasion auguste, depuis que le grand et malin Voltaire l'a rendu ridicule dans la bouche de Pompignan. L'année qui vient de finir a été l'année de la visitation. L'année qui avait précédé celle-là, devint à Teschen l'année de la pacification. Cette année-ci, si Dieu n'y met ordre, deviendra l'année de l'admiration et de la bénédiction universelles: car, puisque cette guerre, au dire de Votre Majesté et au sentiment de beaucoup d'hônnetes gens, est la plus sotte du monde, l'Impératrice ordonnera aux mers de calmer leur courroux, aux pirates de finir leur brigandage, ou, pour parler sans figure, elle fera cesser la guerre maritime, comme elle a fait finir la guerre germanique. Ceci ne sera pourtant pas l'ouvrage seul de Votre Majesté, et cependant la gloire lui en restera uniquement, tandis que son bon frère George devrait avoir sa part à ce gâteau, vu qu'il vient de mettre l'Impératrice

---

ное желаніе моего сердца чувствительно задержало мое выздоровленіе. Единственное великое утѣшеніе, которое я почувствовалъ среди этихъ жестокихъ противорѣчій, было заключеніе, выведенное изъ несравненной грамоты, что слава Богу императорская веселость и живость только растутъ и хорошѣютъ съ года на годъ, такъ что я въ самомъ дѣлѣ могу серьезно спросить вмѣстѣ со св. апостоломъ Павломъ: «что же наконецъ изо всего этого будетъ?» Надо сознаться, что эти блага щедро отпускаются Вашему Величеству, и что геній Екатерины можетъ смѣло пѣть въ теченіе всего года: «собою я изрядно доволенъ»; припѣвъ, требующій оправданія при торжественномъ случаѣ, съ тѣхъ поръ какъ великій и злостный Вольтеръ сдѣлалъ его смѣшнымъ въ устахъ Помпиньяна. Годъ, только что окончившійся, есть годъ посѣщенія. Предшествовавшій ему годъ сдѣлался въ Тешенѣ годомъ замиренія. Этотъ годъ, если Господь не приведетъ его въ порядокъ, будетъ годомъ удивленія и всеобщихъ благословеній: такъ какъ эта война, по словамъ Вашего Величества и по мнѣнію многихъ честныхъ людей, самая глупая въ мірѣ, то Императрица повелитъ морямъ успокоить свою ярость, морскимъ разбойникамъ прекратить свои разбои, или, говоря безъ фигуръ, она остановитъ морскую войну, какъ остановила германскую войну. Это, впрочемъ, будетъ дѣломъ не одного Вашего Величества, хотя однако слава этого подвига будетъ приписана Вамъ однѣмъ, тогда какъ Вашему доброму братцу Георгу слѣдовало бы получить свою частичку этого пирога; вѣдь онъ поставилъ Императрицу въ исключи-

exclusivement dans la nécessité de pacifier les mers d'une manière infaillible. Cette rupture brusque et hautaine avec les Bataves est certes un coup de génie qui n'a d'autre but que de prier l'Impératrice poliment de se montrer le printemps prochain à la tête de cinquante ou soixante vaisseaux de la neutralité armée dans La Manche. Comme elle a à faire à des sourds, il est vrai qu'elle sera obligée de leur parler un peu de près; mais c'est aussi toute la peine qu'elle aura; du reste tout se passera avec la plus grande cordialité et politesse du monde. Après avoir couvert les Bataves de son égide, elle dira aux Gallicans et Anglicans: Messieurs, combien de temps comptez-vous encore faire les fous? Les uns lui répondront: Madame, en vérité nous ne sommes pas endurcis dans nos folies. Qu'on ne nous traite pas comme des polissons, parce que sous le puissant Louis XV, dans le temps que nous étions gouvernés par de grands génies, on nous a rossés sur mer et sur terre: voilà le terme de notre ambition aujourd'hui qu'on ne nous rosse pas, et que nous ne sommes gouvernés que par des gens sensés. Au fond, Madame, nous ne demandons que ce que vous demandez vous-même, la liberté légitime de tout le monde. Nous ne demandons pas la mort du pécheur. S'il s'est rendu malade, ce n'est pas notre faute. Il s'est amusé fort longtemps à se couper bras et jambes, et puis il a crié: Est-ce nous qui en sommes cause? Au reste, nous voyons à la force de sa voix que malgré les bras qu'il s'est déchiquetés, c'est un drôle encore bien vivace et qui ira encore loin

---

тельную необходимость успокоить моря надежнѣйшимъ образомъ. Этотъ внезапный и надменный разрывъ съ Батавами конечно есть геніальная выходка, не имѣющая другой цѣли, какъ вызвать учтиво Императрицу показаться будущую же весною въ Ла-Маншѣ во главѣ пятидесяти или шестидесяти кораблей вооруженнаго нейтралитета. Такъ какъ она имѣетъ дѣло съ глухими, то правда, что она принуждена будетъ разговаривать съ ними нѣсколько вблизи; но это и будетъ единственное для нея усиліе; впрочемъ, все обойдется съ величайшею въ свѣтѣ любезностью и вѣжливостью. Прикрывъ Батавовъ своимъ заступничествомъ, она скажетъ Галламъ и Англиканамъ: Господа, долго ли вы будете еще безумствовать? Одни отвѣтятъ ей: Государыня, право мы вовсе не закоренѣли въ своихъ глупостяхъ. Пусть насъ не трактуютъ какъ шалуновъ за то, что мы при могущественномъ Людовикѣ XV, управляемые великими геніями, были биты и на морѣ и на сушѣ: предѣлъ нашихъ нынѣшнихъ желаній, чтобъ насъ болѣе не били, ибо мы теперь управляемся людьми разумными. Въ сущности же, Государыня, мы требуемъ того же, чего вы и сами требуете — законной свободы для всѣхъ. Мы не требуемъ смерти грѣшника. Если же онъ навлекъ на себя болѣзнь, мы въ томъ не виноваты. Онъ очень долго забавлялся тѣмъ, что отсѣкалъ себѣ руки и ноги, а потомъ сталъ кричать: мы ли тому причиной? Впрочемъ, мы видимъ по силѣ его голоса, что несмотря на отрубленныя руки, этотъ шутъ еще очень живучъ и еще далеко пойдетъ, не взирая на свои глупости, только по-

en dépit de ses folies, le tout parce que ses ancêtres ont été une fois bien sages. . . . Voilà donc les choses déjà arrangées du côté gallican. De l'autre côté on répondra: Madame, dès que vous le prenez sur ce ton-là, prenez que je n'aie rien dit, ni aux Bataves ni encore moins à vous, qui avec l'air de la mère des amours êtes coriace comme Junon aux yeux de boeuf, quand vous vous y mettez et que le diable ne peut pas faire démordre des idées qui sont entrées dans sa tête. Je n'ai pas encore la fièvre chaude au point de ne vouloir absolument conserver aucun ami sur la terre. Au fond j'ai fait l'ivrogne qui se débat avec succès entre les pattes de gens plus vigoureux que lui, mais qui tomberait enfin d'épuisement, si vous n'aviez pas la bonté de me prendre par la main et de me conduire dans mon lit où j'ai grand besoin de me reposer après toutes les folies que j'ai faites. Quant au bras que je me suis coupé avec tant de dextérité, je sens bien, Madame, que toute magicienne que vous êtes, vous ne pourrez pas le recoudre à mon épaule; ainsi n'en parlons plus. Sauvez-moi seulement le vilain mot d'indépendance. Faites-moi faire avec les épiciers d'Amérique une trêve où ils ne seront ni chair ni poisson, ni dépendants ni indépendants, ou, pour parler plus clairement, où ils seront indépendants sans en avoir le titre, et je tâcherai de m'accoutumer peu à peu aux suites inévitables de ma superbe sottise. A cela l'Impératrice dira: Messieurs de part et d'autre, puisque le bon sens vous revient, ce qui vaut mieux tard que jamais; allons, embrassez-

---

тому что предки его нѣкогда были очень мудры... Вотъ стало быть дѣлá со стороны Галловъ устроены. Съ другой стороны отвѣтятъ: Государыня, какъ скоро вы на этотъ тонъ берете, примите, что мы ничего не сказали ни Батавамъ, ни еще менѣе вамъ, такъ какъ вы, обладая наружностью матери амуровъ, на дѣлѣ жестки какъ Юнона съ воловьими глазами, которую самъ дьяволъ не отведетъ отъ мыслей, забравшихся разъ въ ея голову. Я еще не нахожусь въ такомъ горячечномъ состоянiи, чтобъ не захотѣть сохранить ни одного друга на землѣ, Въ сущности я уподобился пьяницѣ, который съ успѣхомъ отбивается отъ рукъ людей посильнѣе его, но наконецъ упалъ бы отъ изнеможенiя, еслибъ вы не были столь добры и не взяли бы меня за руку, чтобъ отвести въ постель, гдѣ мнѣ необходимо отдохнуть ото всѣхъ безумствъ, которыя я натворилъ. Что же касается до руки, отрубленной мною у себя съ такой ловкостью, я чувствую, Государыня, что хотя вы и волшебница, вамъ никакъ не пришить ее къ моему плечу; итакъ не будемъ объ этомъ говорить. Избавьте меня только отъ скврнаго слова «независимость». Дайте мнѣ заключить съ москотильными торговцами Америки перемирiе, по которому они очутились бы ни рыба ни мясо, ни зависимые, ни независимые, или, говоря яснѣе, по которому они станутъ независимы, но безъ этого титула, а я постараюсь привыкнуть мало по малу къ неизбѣжнымъ послѣдствiямъ своей превосходной глупости. На это Государыня скажетъ: господа той и другой стороны, такъ какъ вы возвращаетесь къ здравому смыслу, что лучше

vous, que vos sottises soient finies et que je n'entende plus parler de vous; mais vous, Monsieur le buveur de punch, ne croyez pas que le dernier excès de votre folie vous soit remis sans pénitence: puisque vous avez cassé les pots des Bataves pacifiques et neutres, vous les payerez, morbleu, depuis le premier jusqu'au dernier, et avant que je m'en retourne: car je veux que justice soit faite. Et afin que pareille vilenie n'arrive plus davantage par la suite, il faut, s'il vous plaît, vous remettre un peu à l'a b c, et je veux vous faire répéter votre catéchisme en présence de tout le monde, pour voir si vous ne l'avez pas oublié. Sur quoi l'Impératrice tire de sa poche le catéchisme marin, le fait répéter à haute et intelligible voix, article par article, par tous les écoliers, de quelque nation qu'ils soient. Chacun le souscrit et promet de ne le plus oublier. On fait relier ce catéchisme, doré sur tranche et portant sur le dos: das unsterbliche Catharinische Meer-symbolum mit allen seinen rechten und seligmachenden Glaubenspuncten, et l'Impératrice s'en retourne de La Manche in den finnländischen Meerbusen, au milieu des acclamations et des bénédictions des nations. Voilà, Madame, comme j'ai rêvé la chose mot pour mot cette nuit du jour de l'an grec, et quand je dis que c'est elle que j'ai vu arriver dans La Manche, ce n'est pas son corps que je déplace, mais son esprit, qui se répand et fait sentir sa puissante influence sur toute la terre connue, pour le bonheur de l'humanité. Wie ich nun in

---

поздно чѣмъ никогда, такъ поцѣлуйтесь же, пусть ваши дурачества кончатся и я болѣе о васъ никогда не хочу слышать; но вы, господинъ потребитель пунша, не думайте, что послѣдній припадокъ вашего безумія пройдетъ вамъ безнаказанно: такъ какъ вы перебили горшки мирныхъ и нейтральныхъ Батавовъ, вы за нихъ заплатите, и за всѣ отъ перваго до послѣдняго, и до моего ухода: потому что я хочу, чтобъ правосудіе было оказано. И чтобъ подобныя низкія дѣла не совершались впредь, не угодно ли вамъ будетъ присѣсть немножко за азбуку; я хочу заставить васъ повторить при всѣхъ свой катехизисъ, чтобъ узнать не забыли ли вы его. На это Императрица вынетъ изъ кармана свой морской катехизисъ, заставитъ повторить его громкимъ и внятнымъ голосомъ, статью за статьей, всѣми учениками, какой бы они ни были націи. Всякій подпишется подъ нимъ и обѣщаетъ болѣе не забывать его. Этотъ катихизисъ отдадутъ въ переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, съ надписью на корешкѣ: морской символъ безсмертной Екатерины, со всѣми его правами и дарующими блаженство догматами вѣры. Тогда Императрица возвратится изъ Ла-Манша въ Финскій заливъ, среди благословеній и одобрительныхъ восклицаній народовъ. Вотъ, Государыня, какой я видѣлъ сонъ эту ночь наканунѣ греческаго новаго года. Когда я говорю, что видѣлъ ея пріѣздъ въ Ла-Маншъ, я не тѣлесно перемѣщаю ее, а разумѣю ея духъ, который разливается и распространяетъ свое могущественное вліяніе во всѣхъ извѣстныхъ концахъ земли для счастія человѣчества. Когда я вычиталъ съ большимъ бла-

den letzten Zeitungen mit großer Erbaulichkeit erblicket, was unserer Kaiserin Herr Bruder George und dessen Frau Ehegattin für christliche wackere Leute sind, mit was für beklemmten Herzen und naßen Augen sie ihren zweiten Knaben, den Pastor von Osnabrück, in die Fremde und auf die Wanderschaft geschickt: so habe ich gesagt: nun, so ein redlicher Biedermann und Hausvater findet sich in der ganzen City von London nicht. Wer könnte sich denn einbilden daß dieses der nämliche ist, welcher Seeräuberbriefe und Plünderungsbefehle unterzeichnet um seine friedfertigen Nachbarn zu bestehlen? Das Ding, das man die menschliche Natur nennt, ist doch so etwas recht curioses.

Aber, um tausend Gotteswillen, was ist denn mit meinem protégé vorgegangen, daß derselbe sogar mit einer dindonischen Reputation zurückgegangen ist? Pour le coup, je me suis écrié, en m'adressant tout droit à lui: Je le vois!

Ton génie étonné tremblait devant le sien;
Et jamais tu n'as pu te remettre en contenance ni d'aplomb.

Das ist nun freylich keine Kleinigkeit, zumalen wenn die natürliche Mechanik etwas schwer und steif eingerichtet ist, und die Räder nicht geschmiert sind um leicht und flüchtig zu gehen. Diese dindonische mésaventure m'a rappelé ce que l'oncle m'a conté, que lorsqu'il avait été conduit la première fois en présence de l'Imperatrice, il avait été obligé de se piéter de toutes ces forces pour ne pas perdre contenance. Eh bien, le neveu l'a perdue, et je vois

---

говѣніемъ въ послѣднихъ газетахъ, какіе ревностные христіане братецъ нашей Императрицы Георгъ и его супруга и съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ и заплаканными глазами они отправляли своего второго сына, пастора Оснабрюкскаго, на чужбину на богомолье, то я сказалъ: ну, этакаго честнаго гражданина и отца семейства не отыщется во всей лондонской Сити. Кто же могъ вообразить себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который даетъ предписанія морского разбоя и подписываетъ приказы грабежа, чтобъ обкрадывать своихъ мирныхъ сосѣдей? То, что именуется человѣческой природой, весьма загадочная вещь.

Но тысячу разъ ради Бога, что же наконецъ случилось съ моимъ протеже, что онъ удалился и даже пріобрѣлъ репутацію индѣйки? На этотъ разъ я воскликнулъ, обращаясь прямо къ нему: Вижу!

Твой удивленный геній дрожалъ передъ ея геніемъ;
И никогда ты не могъ стать твердо и увѣренно.

Это конечно не бездѣлица, особливо когда въ то же время естественная механика устроена тяжеловѣсно и не гибко, и колеса не смазаны, чтобъ двигаться легко и свободно. Эта невзгода индѣйки напоминаетъ мнѣ разсказъ его дяди, что когда онъ въ первый разъ былъ приведенъ въ присутствіе Государыни, онъ вынужденъ былъ упереться ногами изо всей силы, чтобъ устоять. И вотъ однако племянникъ таки не

avec douleur qu'il ne l'a pas retrouvée ni reprise. Est-il vrai que l'Impératrice ira cet été se guérir aux eaux de Tsaritsina du rhumatisme que la seccatura automnale lui a causé au bras? Le souffre-douleur dit: si cela est, tant mieux; car à nous autres, gens de Riga, Narva et Grimma, les voyages de notre Impératrice ont toujours grandement tourné à compte.

Lorsque M. le comte de Falkenstein se trouvait des heures entières en tête-à-tête avec notre auguste Normal- und See-Schulmeisterin, il ne se doutait pas, je crois, de la promotion qui l'attendait à son retour, et que nous verrions sitôt de son eau dans un coquemar. Actuellement tout ce qu'il a dit à l'oreille impériale, et que Votre Majesté m'a si durement refusé de me répéter, tout cela va s'ébruiter, et avant la fin de l'année qui commence, j'en saurai aussi long sur tout cela que si j'avais été greffier de Mogilef et tenu la plume pendant les conférences impériales gréco-romaines. Je veux bien, Madame, qu'on ne fasse plus de bruit sur les bénéfices escamotés par cadet, pourvu toutefois que cela ne tire pas à conséquence, et qu'on ne retourne plus à la chasse de ce gibier ni pour cadets ni pour neveux. Je suis de l'église orthodoxe grecque; nous n'aimons pas les princes prêtres; c'est un accoutrement qui ne leur va point; notre Impératrice ne fera pas de son Constantin un prestolet. Il manque à la constitution germanique une loi fondamentale qui empêche les princes d'entrer dans les chapitres et qui réserve

---

устоялъ и я вижу съ соболѣзнованіемъ, что онъ не удержался и не сталъ опять на ноги. Правда ли, что нынѣшнимъ лѣтомъ Императрица поѣдетъ на Царицынскія воды лѣчиться отъ ревматизма въ рукѣ, пріобрѣтеннаго въ осеннюю засуху. Многострадальный говоритъ: если это правда, тѣмъ лучше, потому что для насъ—людей Риги, Нарвы и Гриммы [1]), путешествія Государыни всегда обращались въ великую пользу.

Когда графъ Фалькенштейнъ находился цѣлые часы съ глазу на глазъ съ нашей Августѣйшей нормальной и морской школьной учительницей, онъ вѣроятно не предполагалъ, какое повышеніе ожидаетъ его по возвращеніи и что мы такъ скоро увидимъ и его водицу въ котлѣ. Въ настоящую минуту все, что онъ говорилъ на ухо Императрицѣ, и что Ваше Величество съ такою жесткостью отказались повторить мнѣ, все это распространится и, прежде окончанія этого начинающагося года, я столько же узнаю обо всемъ этомъ, какъ будто бы я былъ регистраторомъ въ Могилевѣ и держалъ перо во время императорскихъ греко-римскихъ совѣщаній. Я охотно согласенъ, Государыня, чтобъ не шумѣли болѣе о благодѣяніяхъ исторгнутыхъ младшимъ, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ этому не придавали важности и не ходили бы болѣе на охоту за этой дичью ни для младшаго, ни для племянниковъ. Я принадлежу къ греческой православной церкви; мы не любимъ государей-поповъ; эта одежда имъ не пристала; наша Императрица не сдѣлаетъ своего Константина поповичемъ. Германской конституціи недостаетъ основного закона, который запрещалъ бы государямъ

---

[1]) Городъ въ Саксоніи.

à la noblesse la possession des états écclésiastiques, jusqu'à ce qu'il plaise au Dieu des miséricordes de séculariser une bonne fois tous les évêchés et toutes les abbayes, en anéantissant la religion catholique, apostolique et romaine. Au reste, si je suis instruit, le ci-devant comte de Falkenstein s'annonce très bien et très pacifiquement, et s'il suit die Lehrsätze von Mogilef, Hermitage et Tsarsko-Sélo, comme cela en a l'air, il doublera, en moins de dix ans, sa puissance, sans verser une goutte de sang.

Nous avons possédé pendant une quinzaine de jours le prince Orlof, qui est allé passer l'hiver dans les provinces méridionales. Il n'a fait, suivant son usage et devoir, que deux visites, la première à Diderot, la seconde à moi. Il vint chez moi le jour même de l'apparition de l'ange Principati; j'étais encore bien malade, mais la pancarte impériale était dans ma poche. Je lui donnai par écrit le passage où il était question de sa tabatière, et j'étais tout fier d'avoir à m'acquitter d'un ordre de mon auguste Souveraine auprès du prince grand-maître de l'artillerie. J'ai trouvé sa santé meilleure que je n'espérais; en revanche, la princesse se dit fort malade, sans en avoir l'air. Je crois, s'ils voulaient, l'un et l'autre, renoncer aux remèdes et aux charlatans, ils se porteraient bien tous deux; mais la princesse croit qu'à force de drogues on la fera accoucher d'un petit prince Orlof. Le prince m'a promis de repasser l'été prochain, après avoir vu le paysan médecin de la

---

вступать въ капитулы и предоставлялъ бы дворянству право пріобрѣтать церковныя владѣнія, пока милосердому Богу не будетъ угодно въ одинъ прекрасный день секуляризовать всѣ епископства и всѣ аббатства, упразднивъ католическую апостольскую римскую церковь. Впрочемъ, если я вѣрно понимаю дѣло, бывшій графъ Фалькенштейнъ заявляетъ себя очень хорошо и миролюбиво, и если онъ будетъ слѣдовать ученіямъ Могилева, Эрмитажа и Царскаго Села, какъ оно кажется, то онъ менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ удвоитъ свое могущество, не проливъ ни капли крови.

У насъ нѣсколько дней гостилъ здѣсь князь Орловъ, который поѣхалъ провести лѣто въ южныя провинціи. Онъ по обычаю и обязанности сдѣлалъ только два визита: первый Дидероту, второй мнѣ. Онъ былъ у меня въ самый день появленія ангела Принчипати; я былъ еще очень боленъ, но императорская грамота находилась въ моемъ карманѣ. Я далъ ему выписку того мѣста, которое касалось его табакерки, и очень возгордился тѣмъ, что исполнилъ приказаніе Августѣйшей моей покровительницы относительно князя генералъ-фельдцейхмейстера. Я нашелъ, что здоровье его лучше, чѣмъ я полагалъ; напротивъ, княгиня жалуется, что очень больна, хотя этого и не замѣтно. Я думаю, что еслибъ они оба захотѣли отказаться отъ лѣкарствъ и шарлатановъ, то были бы здоровы; но княгиня воображаетъ, что лѣкарства помогутъ ей произвести на свѣтъ маленькаго князя Орлова. Князь обѣщалъ мнѣ пріѣхать опять будущимъ лѣтомъ, повидавшись съ лѣкаремъ-крестьяниномъ, швейцарцемъ Мише-

Suisse, appelé Michel. Je lui ai demandé s'il n'était pas honteux de voyager de charlatan en charlatan.

A propos de tabatière, il faut que j'aie l'honneur de dire à Votre Majesté Impériale que cette pancarte sera portée aux pieds de mon immortelle bienfaitrice par l'ange Principati, qui est de retour de Madrid et va retourner à Pétersbourg dans le séjour de la gloire. Qu'il emporte aussi dans une boîte, à l'adresse de l'Impératrice, le tableau en émail de la mort de Germanicus d'après le Poussin. Que j'ai payé ce tableau 30 louis: que tout le monde me jette la pierre, et dit que je ne l'ai pas payé assez, qu'il faudrait au moins en donner 10 louis en sus, parce que le peintre est vieux et pauvre comme un rat d'église; et qu'à moins que Votre Majesté ne me l'ordonne expressément, je n'en ferai rien, parce que je crois qu'on paie bien quand on donne le prix qu'on demande. Qu'à ce tableau j'ai ajouté une tabatière représentant le tombeau de Voltaire à Ferney, que j'envoie à mon Impératrice pour ses étrennes en signe de ma constante bienveillance. Qu'au mois d'octobre passé, avant de tomber malade, un baron de Bock, sujet livonien de Votre Majesté, allant droit d'ici à Pétersbourg et m'offrant ses services, je lui ai confié un Vortrag avec des pâtes d'Auvergne toujours en pur don pour mon Impératrice.

Votre Majesté a excité un beau vacarme dans le ménage de M. et de

---

лемъ. Я спросилъ его, какъ не стыдно путешествовать отъ шарлатана къ шарлатану.

Кстати о табакеркѣ: имѣю честь доложить Вашему Императорскому Величеству: что эта грамота будетъ отвезена къ стопамъ моей безсмертной благодѣтельницы ангеломъ Принчипати, который прибылъ изъ Мадрида и возвратится въ Петербургъ въ жилище славы, что онъ везетъ въ ящичкѣ, адресованномъ Императрицѣ, эмалевую картину Германика, копію съ Пуссена, что я заплатилъ за эту картину 30 луидоровъ — и всякій бросаетъ въ меня камнемъ, находя, что я не довольно дорого за нее заплатилъ, и надо бы по крайней мѣрѣ дать 10-ю луидорами болѣе, потому что живописецъ старъ и бѣденъ какъ церковная крыса. Но если Ваше Величество не отдадите мнѣ приказанія на этотъ счетъ, я этого не сдѣлаю, полагая, что уже хорошо заплачено, когда дана цѣна, какую запросили; что къ этой картинѣ я присоединилъ табакёрку, изображающую могилу Вольтера въ Фернеѣ, которую и посылаю моей Императрицѣ въ подарокъ, въ знакъ моего неизмѣннаго благоволенія; что въ прошедшемъ октябрѣ, еще до моей болѣзни, одинъ баронъ г. Бокъ, ливонскій подданный Вашего Величества, ѣхавшій прямо отсюда въ Петербургъ, предложилъ мнѣ свои услуги, и я поручилъ ему посланіе при Оверской пастилѣ, подносимой опять таки какъ безмездный даръ моей Императрицѣ.

Ваше Величество произвели славны гвалтъ въ хозяйствѣ г-на и г-жи Верженъ,

Madame de Vergennes, qui était auparavant si paisible. Le mari a cru que j'avais eu l'esprit d'inventer cette tournure, comme Votre Majesté verra par la lettre ci-jointe. Quand je lui eus prouvé, papier à la main, qu'un souffre-douleur impérial ne mettait rien de son crû dans les ordres de l'Impératrice, il s'est fâché contre sa femme: «Vous perdez donc l'esprit, Madame, d'envoyer vos fourrures prendre l'air à Pétersbourg?»—Elle a nié. Je lui ai montré le corps du délit et lui ai donné copie du procès verbal. Elle m'a soutenu que jamais elle n'avait ni eu ni vu une aussi belle fourrure. Pour le coup, le mari a été de son avis. Je lui ai répondu: vous ne savez donc pas qu'on revient toujours plus beau de Pétersbourg qu'on n'y est allé? Vous devez l'avoir vu dans vos dépêches, sans me compter. Il a été obligé de se rendre. Ont-ils reconnu leur fourrure, ne l'ont-ils pas reconnue, je n'en sais rien. Tout ce que je sais, c'est que le Roi de France a été instruit de cette querelle de ménage, que madame de Vergennes est bien fâchée que le deuil que nous portons pour Marie Thérèse, l'empêche de mettre en évidence sa belle fourrure heureusement de retour, et qu'elle m'a fait les plus grandes instances pour la mettre aux pieds de Votre Majesté Impériale avec l'hommage de son profond respect et de sa reconnaissance. A cet égard je ne me suis engagé à rien; j'ai dit que, comme charité bien ordonnée commençait par elle-même, je comptais m'y mettre d'abord, et que s'il restait de la place, je ne manquerais pas de la lui donner,

---

которое до сихъ поръ было такъ безмятежно. Мужъ вообразилъ, что это я остроумно придумалъ такой оборотъ, какъ Ваше Величество усмотрите изъ прилагаемаго здѣсь письма. Когда же я ему доказалъ съ письмомъ въ рукахъ, что императорскій многострадальный ничего отъ себя не прибавляетъ къ повелѣніямъ Императрицы, онъ разсердился на свою жену: «Вы, сударыня, съ ума сходите, что посылаете свои мѣха провѣтриваться въ Петербургъ?» — Она отреклась. Я ей показалъ обвинительный актъ и далъ ей копію съ протокола. Она увѣряла меня, что никогда не видала такого великолѣпнаго мѣха. На этотъ разъ и мужъ былъ на ея сторонѣ. Я отвѣчалъ ему: Вы не знаете, что изъ Петербурга всегда возвращаешься красивѣе, чѣмъ былъ до отъѣзда туда? Вы должны были бы знать это и безъ меня изъ вашихъ депешъ. Онъ вынужденъ былъ сдаться. Узнали ли они свой мѣхъ, или не узнали, объ этомъ я остался въ невѣдѣніи. Знаю только, что король французскій былъ извѣщенъ объ этой домашней ссорѣ, а г-жа Верженъ очень сожалѣетъ, что трауръ по Маріи Терезіи мѣшаетъ ей вы ставить на показъ свой чудный мѣхъ, такъ счастливо возвратившійся, и она просила меня повергнуть ее вмѣстѣ съ привѣтствіями и благодарностью къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Но тутъ я не обязался ни къ чему; я отвѣчалъ, что такъ какъ своя сорочка къ тѣлу ближе, то я прежде подумаю о себѣ самомъ, а если останется мѣсто, то непремѣнно его предоставлю

mais que je devais l'avertir d'avance que bien du monde était à ces pieds-là.

Votre Majesté Impériale trouvera à côté de la lettre de M. de Vergennes une lettre que M. de Haller m'a écrite au moment où je suis tombé malade. C'est le fils du grand Haller, honoré en son vivant de la bienveillance de l'Impératrice des Grecs. Il a lui-même beaucoup de talent, de mérite et de caractère. Il est à la tête de la première maison de banque de ce pays-ci; mais comme il est jeune et né sans fortune, je crois bien qu'il a besoin des fonds qu'il réclame. Je suis malheureusement obligé de convenir que tous les faits sont exactement vrais, et je l'abandonne ainsi que moi, suivant son conseil, à la clémence impériale.

C'est diabolique que cet empire de Russie soit au rebours de tous les autres pays. Dans la plupart des autres grandes monarchies tout se fait et se passe à l'insu du souverain, qui ne se mêle ordinairement ni des grandes ni des petites affaires; en Russie, au contraire, on ne peut réussir dans la plus petite bagatelle sans y mêler l'Impératrice. Cela vous désole un souffre-douleur. J'avais cru que l'équité et la justice suffiraient pour faire rendre sa pension à ce pauvre Gillet, qui bénit tous les jours l'Impératrice, les larmes aux yeux, des six mille livres que sa munificence lui a accordées; je me suis trompé: il ne lui reste aucune espérance à cet égard, excepté dans la protection immédiate de Votre Majesté Impériale. Je suis bien sûr

---

ей, предупреждая ее однако заранѣе, что у ногъ этихъ находятся уже весьма многіе.

Ваше Величество найдете возлѣ письма г. Верженна письмо, написанное ко мнѣ г. Галлеромъ въ ту минуту, какъ я заболѣлъ. Это сынъ великаго Галлера, удостоеннаго при жизни благоволенія Греческой Императрицы. Онъ самъ имѣетъ много талантовъ, достоинствъ и характера. Онъ во главѣ перваго изъ здѣшнихъ банкирскихъ домовъ; но такъ какъ онъ молодъ и по рожденію своему не богатъ, я понимаю, что ему нуженъ капиталъ, котораго онъ требуетъ. Я къ несчастію долженъ сознаться, что всѣ эти факты вполнѣ справедливы, и предаю его вмѣстѣ съ самимъ собою, по его совѣту, милосердію Государыни.

Какое дьявольское наважденіе, что въ этой Россіи все совершенно навыворотъ противъ другихъ странъ. Въ большей части другихъ великихъ державъ все происходитъ безъ вѣдома самихъ государей, которые обыкновенно не вмѣшиваются ни въ большія, ни въ малыя дѣла. Въ Россіи же нельзя успѣть ни въ малѣйшей бездѣлицѣ, не вмѣшавъ въ нее Императрицу. Это приводитъ въ отчаяніе многострадальнаго. Я полагалъ, что безпристрастія и справедливости достаточно, чтобъ возвратить пенсію этому несчастному Жиллэ, который ежедневно благословлялъ Императрицу за шесть тысячъ ливровъ, дарованныхъ ему ея щедростію; я ошибся: ему не остается на этотъ счетъ ни малѣйшей надежды, развѣ на непосредственное покровительство

que notre Impératrice ne souffrira jamais qu'un pauvre artiste qui a passé vingt ans de sa vie à son service, soit privé, sous les prétextes les plus frivoles et les plus mal fondés, d'une pension qui lui a été accordée en vertu des règlements de l'Académie, confirmés par la signature auguste de la souveraine. Lui ôter sa pension, c'est le condamner dans sa vieillesse à mourir de faim avec sa famille. Il espère que l'Impératrice, au milieu des soins de son empire, daignera jeter les yeux sur sa lettre, qui expose les faits. Il a été surtout sensible au reproche de malversation qui s'est glissé bien indiscrètement dans la lettre du secrétaire de l'Académie, tandis que Gillet n'a jamais eu ni voulu avoir aucun maniement de deniers et que l'Académie lui a donné à son départ la pancarte la plus honorable. Il m'est bien dur d'importuner l'Impératrice de ces ennuyeux détails; mais est-ce ma faute, si l'on ne peut réussir en rien sans l'avoir dans sa manche, si l'on ne peut ni conserver une pension de cinq cents roubles, ni faire une paix en Allemagne, ni rédiger un code maritime sans elle? Qu'elle s'en fâche donc contre qui il appartient; moi je n'y peux rien.

Mais il faut enrayer ici mes 250 pages, et économiser mes forces qui en ont ridiculement besoin. Pour ennuyer mon auguste Souveraine plus souvent et pendant encore plus d'une année, il faut l'ennuyer à chaque séance moins longtemps, jusqu'à ce que mon sang porté à l'inflammation se montre

---

Вашего Императорскаго Величества. Я очень увѣренъ, что наша Императрица не потерпитъ никогда, чтобъ бѣдный художникъ, который провелъ у нея двадцать лѣтъ на службѣ, былъ лишенъ подъ самыми пустыми и неосновательными предлогами пенсіи, дарованной ему по уставамъ Академіи, утвержденнымъ Августѣйшей подписью Государыни. Отнять у него пенсію значитъ осудить его въ старости умереть съ голоду со всѣмъ семействомъ. Онъ надѣется, что Императрица и среди заботъ о своей Имперіи удостоитъ бросить взглядъ на его письмо, излагающее факты. Ему особенно показался чувствительнымъ упрекъ въ недобросовѣстности, который нескромно вкрался въ письмо секретаря Академіи, тогда какъ Жиллэ никогда не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть никакого участія въ распоряженіяхъ суммами, и Академія при отъѣздѣ его дала ему самый лестный аттестатъ. Мнѣ очень тяжело безпокоить Императрицу этими скучными подробностями; но моя ли вина, если нельзя успѣть ни въ чемъ, не имѣя ее въ своемъ рукавѣ, если нельзя ни сохранить пенсіона въ пятьсотъ рублей, ни заключить мира въ Германіи, ни написать морского устава безъ нея? Пусть она сердится за это на кого слѣдуетъ, я тутъ ни при чемъ.

Но надо здѣсь затормозить мои 250 страницъ и поберечь свои силы, которыя смѣшнымъ образомъ въ томъ нуждаются. Чтобъ надоѣдать моей Августѣйшей Монархинѣ почаще и еще болѣе одного года, надо за одинъ присѣстъ надоѣдать ей поменѣе, до тѣхъ поръ пока кровь моя, расположенная къ воспаленіямъ, не сдѣлается

plus traitable. Mon ange Principati est venu chez moi; en arrivant, chargé comme un mulet, il m'a pourtant assuré qu'il était expédié comme reitender Courier. Or je le défie d'avoir apporté à cheval tout ce qu'il avait pour moi. Je suis bien fâché de le laisser retourner au séjour de la gloire sans l'accabler de plus grands fardeaux. Il y a sur ma table beaucoup de pancartes du divin Reiffenstein. Je vais les expédier peu à peu par la poste, et ce sera l'affaire de quelques Vortrag. En attendant je vais ajouter ici la dernière de ses pancartes arrivée aujourdhui, à cause du Corrège dont il y est question; mais je lui manderai aussi de ne plus parler de tableaux: car personne n'approuve plus que moi l'héroïque résolution prise par notre auguste Souveraine de n'en plus acheter; personne n'est plus fâché que moi de lui dépenser tant d'argent tout le long de l'année. Par la lettre de Votre Majesté qui a suivi de près la divine pancarte, le pauvre souffre-douleur s'est trouvé de nouveau entre le marteau impérial et l'enclume du cyclope Clérisseau. Das ist ein schwerer Stand. Cette lettre a rendu Clérisseau fou au moins pour la moitié, et comme il l'était déjà à moitié depuis que Minerve, en s'emparant de son trésor, l'a couvert de l'égide de sa gloire, Dieu seul peut prévoir de quelles portes triomphales, façades de palais et autres mièvreries il accouchera au milieu du vacarme, excité dans sa tête par la lettre de son auguste bienfaitrice.

спокойнѣе. Мой ангелъ Принчипати былъ у меня по пріѣздѣ, навьюченный какъ мулъ, и однако увѣрялъ меня, что былъ отправленъ верховымъ курьеромъ. А я такъ не вѣрю, чтобъ онъ могъ привезти верхомъ все, что было прислано ко мнѣ. Я очень сожалѣю, что дамъ ему возвратиться въ обитель славы, не навьючивъ его самыми тяжелыми ношами. На столѣ моемъ множество посланій божественнаго Рейфенштейна. Я перешлю ихъ понемножку по почтѣ, и это будетъ дѣломъ нѣсколькихъ докладовъ. Покамѣстъ я здѣсь помѣщу послѣднее изъ его посланій, сегодня прибывшее, по поводу Корреджіо, о которомъ тутъ говорится; но я скажу ему, чтобъ болѣе не упоминалъ о картинахъ, потому что никто болѣе меня не одобряетъ геройской рѣшимости нашей Августѣйшей Государыни перестать покупать ихъ; никто болѣе меня не сожалѣетъ о столькихъ истраченныхъ мною въ теченіе года деньгахъ ея. По письму Вашего Величества, послѣдовавшему вскорѣ за божественной грамотой, бѣднякъ многострадальный опять очутился между императорскимъ молоткомъ и наковальней циклопа Клериссо. Это—трудное положеніе. Это письмо сдѣлало Клериссо безумнымъ по крайней мѣрѣ въ половину, а такъ какъ онъ уже на половину спятилъ съ ума съ тѣхъ поръ какъ Минерва, овладѣвъ его сокровищемъ, покрыла его щитомъ своей славы, то одному Богу извѣстно, какими тріумфальными воротами, фасадами дворцовъ и другими затѣями онъ разрѣшится среди шума, произведеннаго въ его головѣ письмомъ его Августѣйшей благодѣтельницы.

On assure ici que le prince Bariatinski ne doit pas revenir. Tous mes collègues me le demandent deux fois par semaine. Je dis que je n'en sais rien, et que si nous le perdons, ce ne peut être que pour son bien. Si cela était, j'oserais demander à Votre Majesté à genoux le comte Nicolas Romanzof pour son successeur. Je croirai pouvoir engager ma vie qu'il se rendrait digne de cette grace impériale, et moi je jouirais de la plus grande félicité dont je suis susceptible dans l'exil où je suis condamné de vivre loin de celle dont un regard peut disposer de ma destinée. Nun, der Herr gebe ihr ein glückselig freudenreiches Jahr. Er sey mit Seiner Gesalbten, und gebe mir die Gnade zu ersterben, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur Grimm.

A Paris, ce 1 (12) janvier 1781.

Mis aux pieds de Sa Majesté Impériale par son très humble, très obéissant et très fidèle souffre-douleur invalide, qui venait de sa cendre dont il a été couvert une partie de cet hiver, et qui va reprendre la plume incessamment pour écrire à Sa Majesté le plus pressé, c'est-à-dire, ce dont son coeur est le plus oppressé. Il espère que cela n'ira pas d'abord au delà de 240 ou 260 pages. Mais, mort ou vif, griffonnant ou non griffonnant, il tient l'autel de la divinité tutélaire de l'empire de Russie embrassé. Si cette

---

Здѣсь увѣряютъ, что князь Барятинскій не возвратится. Всѣ мои собратья спрашиваютъ меня объ этомъ по два раза въ недѣлю. Я говорю, что ничего о томъ не знаю, и что если мы его потеряемъ, то конечно только для его блага. Еслибъ это было, я осмѣлился бы на колѣняхъ просить у Вашего Величества графа Николая Румянцова ему въ преемники. Я готовъ прозакладовать жизнь мою, что онъ будетъ достоинъ этой императорской милости, а я буду наслаждаться величайшимъ блаженствомъ, на какое способенъ я какъ изгнанникъ, осужденный жить вдалекѣ отъ той, которой одинъ взглядъ можетъ располагать моею судьбою. Ну, да ниспошлетъ ей Господь благополучный и обильный радостями годъ. Да хранитъ онъ помазанницу, и да окажетъ мнѣ милость умереть, Государыня, Вашего Величества покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою Гриммъ.

Въ Парижѣ, 1 (12) января 1781 г.

Повергнуто къ стопамъ Ея Императорскаго Величества покорнѣйшимъ, послушнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ многострадальнымъ инвалидомъ, вышедшимъ изъ пепла, покрывавшаго его часть этой зимы, и который вскорѣ возьметъ опять перо, чтобъ написать Императрицѣ все самое спѣшное, то-есть все, чѣмъ сердце его наиболѣе преисполнено. Онъ надѣется, что это не пойдетъ далѣе 240 или 260 страницъ. Но, мертвый или живой, царапающій или не царапающій, онъ стоитъ, обнявши жертвенникъ

divinité est adorée aujourd'hui dans toute l'Europe, son premier autel est dans mon coeur, et c'est là qu'elle est honorée avec le plus de ferveur, de zèle et de connaissance de cause.

Je mets aussi au pied de cet autel le billet que M. Necker m'a écrit en m'envoyant le livre.

A Paris, 8 (19) février 1781.

J'espère que mon ange Principati a déposé au pied de cet autel mon énorme pancarte confiée à ses soins.

15 (№ 26).

A Paris, 27 fevrier (10 mars) 1781.

Allerunterthänigster Vortrag, welcher vermuthlich sehr buntfarbig ausfallen wird, doch dieses ist dem allmächtigen Gott allein bewußt.

Ihm und unserer großen Kaiserin sey Ehre, Ruhm und Preis in Ewigkeit! Amen!

J'espère que mon ange Principati, parti d'ici au commencement de l'année russo-grecque, sera heureusement parvenu aux pieds de Votre Ma-

---

хранительнаго божества Россійской Имперіи. Если это божество нынѣ боготворится во всей Европѣ, главный жертвенникъ его въ моемъ сердцѣ, и тамъ всего болѣе оно чтится съ жаромъ, ревностью и сознаніемъ.

Я повергаю также къ подножію этого жертвенника записку, которую г. Неккеръ написалъ мнѣ при посылкѣ книги.

Въ Парижѣ, 8 (19) февраля 1781 г.

Я надѣюсь, что мой ангелъ Принчипати положилъ у подножія этого жертвенника мою огромную грамоту, порученную его заботливости.

15.

Парижъ, 27 февраля (10 марта) 1781.

Всеподданнѣйшій докладъ, который вѣроятно покажется очень пестрымъ, но это во власти одного только Господа Бога.

Ему и нашей великой Императрицѣ слава, честь и поклоненіе вовѣки. Аминь!

Надѣюсь, что мой ангелъ Принчипати, выѣхавшій отсюда въ началѣ русско греческаго года, благополучно прибылъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и

jesté Impériale, et qu 'il y aura déposé ma pancarte № 51, avec une superbe et magnifique tabatière en écaille, dont j'ai gratifié notre Impératrice pour ses étrennes, de même que le tableau en émail de la mort de Germanicus que j'ai acheté par ses ordres. Il y a plus. Au mois d'octobre dernier j'ai confié un Vortrag et des pâtes d'Auvergne à un baron de Bock, sujet livonien de Votre Majesté, parce qu'il m'a dit qu'il allait d'ici à Pétersbourg comme un trait. J'ai besoin de savoir, pour la conservation de ma pauvre vie, que tout ce qui émane de mon coeur pour glorifier, exalter, quelquefois aussi ennuyer et impatienter notre grande Impératrice, parvient droit au pied de son trône, sans trouble ni empêchement quelconque, sans négligence ni infidelité de la part des porteurs.

Après le départ de mon ange Principati, que je nomme ainsi à juste titre, puisqu'il m'a sauvé la vie en m'apportant à point nommé une pancarte impériale salutifère, je comptais pouvoir immédiatement ennuyer mon auguste Souveraine, moyennant nombre de Vortrag romains et parisiens; mais Dieu en a autrement ordonné. Quoique, grâce à la clémence impériale, j'eusse gagné le grand procès contre ma santé au mois de novembre dernier, j'ai encore eu tant de petits démêlés avec elle et plus insupportables que les gros différends, qu'il n'y a qu'une quinzaine de jours que je puis me regarder comme absolument délivré de toute chicane et reconduit par Esculape en personne au pied de l'autel de Minerve l'hyperboréenne, qui

---

повергъ къ нимъ мою грамоту № 51 съ чудной и великолѣпной черепаховой табакеркой, которую я пожаловалъ въ подарокъ Императрицѣ, вмѣстѣ съ эмалевой картиной смерти Германика, купленной по ея приказанію. Болѣе того. Въ минувшемъ октябрѣ я поручилъ грамоту и овернскую пастилу барону фонъ-Боку, ливонскому подданному Вашего Величества, потому что онъ сказалъ мнѣ, что отправляется стрѣлою отсюда въ Петербургъ. Для сохраненія собственной жизни я нуждаюсь въ увѣренности что все исходящее изъ сердца моего, чтобъ прославлять, возвышать нашу великую Императрицу, а иногда и надоѣдать ей и выводить ее изъ терпѣнія, доходитъ прямо до престола ея безмятежно и безпрепятственно, и безъ всякой небрежности и невѣрности со стороны посланныхъ.

По отъѣздѣ моего ангела Принчипати, котораго я не напрасно такъ называю, ибо онъ мнѣ спасъ жизнь, привезя мнѣ въ самую нужную минуту императорскую спасительную грамоту, я разсчитывалъ вскорѣ надоѣсть моей Государынѣ нѣсколькими докладами римскими и парижскими; но Богъ повелѣлъ иначе. Хотя благодаря императорскому милосердію я выигралъ главный процессъ въ отношеніи къ моему здоровью въ ноябрѣ, я еще имѣлъ съ нимъ столько маленькихъ споровъ, болѣе несносныхъ нежели большая ссора, что только двѣ недѣли какъ могу считать себя освобожденнымъ отъ всякой непріятности и приведеннымъ самимъ Эскулапомъ къ подножію жертвенника сѣверной Минервы, которая одна держитъ въ рукахъ судьбы мои.

seule tient dans sa main la destinée de ma vie. Aussi Dieu sait comme je vais user de mon privilége de lui écrire, après tout ce que j'ai été obligé de garder sur mon pauvre coeur depuis tant de mois!

Mais il ne s'agit pas ici de se laisser aller aux mouvements de son coeur, ni de se laisser entraîner par le torrent des sentiments, avant d'avoir remédié à la stagnation que ma mauvaise conduite du mois de novembre et ses suites ont occasionnée dans les affaires de Votre Majesté Impériale. Si cette stagnation n'a pas été préjudiciable aux intérêts de mon auguste Souveraine, elle a été du moins très contrariante pour mon zèle, qui est naturélement si gonflé de vanité, que lorsqu'il est retardé dans sa marche, il voudrait me persuader que tout l'empire de Russie va en pâtir: ce qui prouve que Votre Majesté peut en toute sûreté me faire expédier un brevet de mouche du coche impérial.

Ce qu'il y a de plus pressé pour le moment, ce sont, Madame, les pancartes du divin Reiffenstein, si longtemps et si involontairement retardées par le souffre-douleur. Il faut les mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale.

Il paraît par la divine pancarte impériale que j'ai reçue sur mon grabat et qui m'a rendu à la vie, que l'Impératrice ne se souvient plus trop de ce qu'une autre divine pancarte impériale, écrite pendant ce voyage immortel de l'année dernière, m'a ordonné au sujet des rouets à filer de M. de Miller.

Поэтому Богъ знаетъ, какъ я еще воспользуюсь преимуществомъ писать ей послѣ всего, что должно было накопиться въ моемъ бѣдномъ сердцѣ за цѣлые мѣсяцы!

Но теперь не о томъ идетъ рѣчь, чтобъ предаваться движеніямъ своего сердца, не о томъ, чтобъ увлекаться потокомъ чувствъ: надо прежде поправить тотъ застой въ дѣлахъ Вашего Императорскаго Величества, который причиненъ моимъ дурнымъ поведеніемъ въ ноябрѣ и его послѣдствіями. Если этотъ застой и не былъ предосудителенъ для интересовъ моей Августѣйшей Монархини, онъ былъ однако очень досаденъ для моего усердія. Оно, весьма естественно, надуто такимъ тщеславіемъ, что когда встрѣчаетъ на пути своемъ препятствія, то ему хочется увѣрить меня, что вся Россійская Имперія пострадаетъ отъ этого, доказательство, что Ваше Величество смѣло можете прислать мнѣ дипломъ мухи при императорской каретѣ.

Всего болѣе спѣшны въ эту минуту посланія божественнаго Рейфенштейна, такъ долго и такъ невольно задержанныя многострадальнымъ. Надо представить ихъ взорамъ Вашего Императорскаго Величества.

Кажется, судя по божественному императорскому посланію, полученному мною на одрѣ болѣзни и возвратившему меня къ жизни, что Императрица уже не очень помнитъ о другомъ божественномъ императорскомъ посланіи, писанномъ во время безсмертнаго путешествія послѣдняго года, гдѣ отдано мнѣ было приказаніе по по-

Il faut donc, avant de supplier Votre Majesté de jeter les yeux sur les pancartes du divin qui y sont relatives, ainsi que sur les lettres de M. de Miller lui-même, que je copie ici, mot pour mot, le passage de la pancarte impériale, tel qu'il a été tracé à Plesko, le 16 mai dernier, par cette main auguste et sacrée qui tient entre ses doigts: 1° la déstinee de toutes les Russies, 2° celle de l'Europe, 3° celle du souffre-douler impérial. Voici ce passage:

«Vous me demandez un brevet de marchand fripier; cela vient très à «propos, car cette ville manque d'industrie; située au milieu du lin, ils ne se «sont pas avisés jusqu' à présent, de mettre ce lin en oeuvre. Venez donc, «ou inoculez à quelqu' un votre talent du développement, et envoyez-le ici; «il y développera peut-être l'industrie. Le divin Reiffenstein ferait très «bien d'envoyer quelques apprentis de son client Miller à Pétersbourg, «d'où, après avoir fait des sous-apprentis, nous les emploierions ici ou ail«leurs selon l'utilité. Qu'il nous envoie du moins les modèles des rouets «qui filent et tordent à la fois.»

Cet ordre est venu en réponse à la notification du divin que le roi de Sardaigne se trouvait très bien des élèves que le chevalier de Miller lui avait envoyés, lesquels élèves un ministre de Votre Majesté avait voulu engager à son service à son passage à Bologne. Je n'ai pu ni dû me dis-

---

воду прялокъ г. Миллера. Итакъ, прежде чѣмъ Ваше Величество благоволите бросить взглядъ на относящіяся къ этому предмету посланія божественнаго, такъ же какъ и на письма самого г. Миллера, которыя я здѣсь переписываю слово въ слово, надо будетъ напомнить это мѣсто императорскаго посланія, начертаннаго во Псковѣ 16 прошедшаго мая Августѣйшею и священною рукою, держащею между перстами своими: 1) судьбы всей Россіи, 2) судьбы Европы и 3) судьбу императорскаго многострадальнаго. Вотъ это мѣсто:

«Вы просите у меня диплома старьевщика; это очень кстати, потому что городу недостаетъ промысловъ; существуя среди льна, здѣсь до сихъ поръ не догадались этотъ ленъ пустить въ дѣло. Итакъ пріѣзжайте или привейте кому-нибудь вашъ талантъ развитія и пошлите его сюда; онъ можетъ-быть и разовьетъ здѣсь промышленность. Божественный Рейфенштейнъ очень бы хорошо сдѣлалъ, когда бы послалъ нѣсколькихъ учениковъ своего кліента Миллера въ Петербургъ, откуда мы, подготовивъ подучениковъ, употребили бы ихъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, смотря по надобности. Пусть онъ по крайней мѣрѣ пришлетъ образцы прялокъ, которыя прядутъ и сучатъ въ то же время».

Этотъ приказъ пришелъ въ отвѣтъ на замѣчаніе божественнаго, что король сардинскій очень доволенъ учениками, посланными ему кавалеромъ Миллеромъ, и что этихъ учениковъ одинъ министръ Вашего Величества хотѣлъ взять къ себѣ на службу при проѣздѣ своемъ чрезъ Болонью. Я не могъ и не долженъ былъ медлить пере-

penser de communiquer au divin cet ordre au plus vite, et voilà, depuis cet instant, et le divin et son chevalier Miller et même papa Braschi, qui aime Votre Majesté comme ses boyaux, tous trois conjurés pour développer l'industrie à filer et tordre à Plesko. Par l'étude sérieuse que Votre Majesté aura la bonté de faire de ces pancartes, elle apprendra:

1° que les machines et rouets qui ne savent que filer et tordre, comme d'autres machines ne savent que tordre et avaler, sont déjà à bord de l'escadre de l'amiral Borissof.

2° que trois élèves sont dressés et n'attendent que l'ordre de notre auguste Souveraine pour se rendre à Pétersbourg.

3° qu'il y a un quatrième sujet bien plus distingué et qui ne serait pas seulement propre à présider à cet établissement, mais encore à d'autres entreprises considérables, qui offre pareillement ses services à Votre Majesté. Les échantillons dont il s'agit sont entre mes mains, et j'espère pouvoir les joindre à ce très humble et très ennuyeux Vortrag.

Si Votre Majesté m'autorise à faire partir les trois sujets dressés pour Pétersbourg, où les rouets seront, à ce que j'espère, avant eux, elle daignera sans doute me dire à qui il faudra les adresser. Si le seigneur Huttin doit aussi marcher, pareil ordre m'est nécessaire par rapport à lui.

Comme je sais par coeur tout ce qui tient à la magnanimité impériale,

---

дать это приказаніе божественному, и вотъ съ тѣхъ поръ и божественный и его кавалеръ Миллеръ и папа Браски, который любитъ Ваше Величество какъ собственное нутро, всѣ они трое клятвенно соединились, чтобъ развить искуство прясть и сучить во Псковѣ. Изъ серьезнаго изученія этихъ грамотъ Ваше Величество узнáете:

1) Что машины и прялки, которыя умѣютъ только прясть и сучить, какъ другія машины умѣютъ только сучить и глотать, уже находятся на судахъ эскадры адмирала Борисова.

2) Что три ученика, уже выученные, ждутъ приказанія нашей Августѣйшей Монархини, чтобы отбыть въ Петербургъ.

3) Что есть еще четвертое лицо гораздо болѣе замѣчательное, годное не только для того, чтобъ руководить этимъ заведеніемъ, но способное еще и на другія болѣе значительныя предпріятія, которое также предлагаетъ свои услуги Вашему Величеству. Образцы, о которыхъ идетъ рѣчь, — въ моихъ рукахъ и я надѣюсь ихъ присоединить къ этому весьма смиренному и весьма скучному докладу.

Если Ваше Величество уполномочите меня отправить трехъ учениковъ въ Петербургъ, гдѣ прялки будутъ, какъ я надѣюсь, ранѣе ихъ, вы благоволите сказать мнѣ къ кому мнѣ ихъ направить. Если г. Гуттенъ тоже долженъ будетъ двинуться, точно такое же приказаніе надобно мнѣ и въ отношеніи къ нему.

Зная наизусть все, касающееся императорскаго великодушія, я счелъ долгомъ

j'ai cru de mon devoir de sonder le terrain d'avance auprès du divin, afin de n'être pas pris au dépourvu, quand l'Impératrice me demandera ce qu'il faut donner à M. de Miller pour ses rouets. Je vois qu'il ambitionne d'abord un titre, je ne me mêle pas de cela. Conseiller privé est un grand titre en Russie; en Allemagne aussi: mais quand en Allemagne on y ajoute quelque chose comme conseiller privé des finances ou conseiller privé de commerce, cela baisse le titre de conseiller privé de plusieurs crans. Je ne crois pas que ces sortes de conseillers privés mitigés existent en Russie. En général, quand on ajoute en Allemagne l'épithète de privé à un titre, c'est une preuve que la personne à qui on l'accorde est de la noblesse, voilà tout. Le chevalier de Miller a été ministre d'état en Toscane, où on lui a suscité des tracasseries; il a quitté la partie et s'est retiré à Rome, où papa Braschi le traite fort bien, surtout quand il va à son audience pour lui parler de viscere sue, de ses boyaux, c'est-à-dire de l'Impératrice des Grecs.

Il plaira à Votre Majesté Impériale de remarquer, en étudiant la lettre du divin du 27 septembre, qu'il me faut une décision sur les armes impériales avec ou sans chiffre à substituer dans les Loges de Raphaël, et qu'il faut surtout m'envoyer les armes impériales avec le chiffre E^II bien coloriées dans toute leur étendue.

Il faut pareillement une décision au divin pour savoir s'il doit acheter

---

заранѣе навѣдаться у божественнаго, чтобъ не быть застигнутымъ врасплохъ, когда Императрица спроситъ меня, чтó надо дать г. Миллеру за его прялки. Вижу, что онъ прежде всего претендуетъ на титулъ, въ это я не вмѣшиваюсь. Тайный совѣтникъ большой чинъ въ Россіи, въ Германіи тоже: но когда въ Германіи прибавляютъ къ этому тайный совѣтникъ финансовъ или тайный совѣтникъ торговли, это спускаетъ титулъ тайнаго совѣтника на нѣсколько градусовъ ниже. Не думаю, чтобъ такіе смягченные тайные совѣтники существовали въ Россіи. Вообще, когда въ Германіи эпитетъ *тайнаго* прибавленъ къ какому-либо титлу, это доказываетъ что та особа, которой титло дается, изъ благороднаго званія, вотъ и все. Кавалеръ Миллеръ былъ государственнымъ министромъ въ Тосканѣ, гдѣ съ нимъ повздорили; онъ покинулъ партію и удалился въ Римъ, гдѣ папа Браски относится къ нему очень хорошо, особливо когда онъ приходитъ къ нему на аудіенцію, чтобъ говорить съ нимъ о viscere sue, объ его кишкахъ, то есть о Греческой Императрицѣ.

Ваше Императорское Величество соблаговолите замѣтить, изучая письмо божественнаго отъ 27 сентября, что мнѣ необходимо рѣшеніе на счетъ императорскаго герба съ вензелемъ или безъ него, который надо помѣстить взамѣнъ другого въ Ложахъ Рафаэля, а особенно что мнѣ надо прислать императорскій гербъ съ вензелемъ E^II, хорошо раскрашенный во всѣхъ частяхъ.

Нужно также дать божественному резолюцію, чтобъ онъ зналъ, купить ли ему,

ou non chez Jenkins ce portefeuille des dessins de Mengs dont il est question dans la même lettre du 27 septembre, de même que le tableau représentant l'étude appliquée, pour les ajouter aux emplettes de Mengs. Le portefeuille est un objet de mille sequins et le tableau de deux cents.

Après cela vient la proposition de Filippo Hackert sur deux objets, chacun de 360 sequins.

Je n'ennuierai certainement pas Votre Majesté Impériale de la correspondance très urgente que j'ai eu à soutenir pendant plus de deux mois avec Gaspard Santini, autre client du divin; elle était devenue très pressante au moment où une méchante fièvre me retenait dans mon lit. Des banquiers d'Amsterdam avaient payé plusieurs sommes à Santini pour le service de Votre Majesté; c'étaient ceux chez qui le feu baron amplissime avait établi le crédit de Santini. Tout-à-coup ces messieurs, sans prévenir Santini, tirent sur lui pour répéter ces sommes avec intérêts, apparemment parce que messieurs Hott leur avaient mandé qu'ils n'étaient plus chargés des ordres de la cour. Ils ont joué là un fort vilain jeu qui pouvait faire sauter Santini net; heureusement pour lui, son correspondant à Livourne accepta les lettres et fit honneur à la traite. Santini s'adressa à moi avec beaucoup d'anxiété pour savoir ce que cela signifiait. Jamais je ne fus si mal disposé pour remédier à une tracasserie imprévue. Cependant je fis

---

или нѣтъ, у Женкинса тотъ портфель рисунковъ Менгса, о которомъ идетъ рѣчь въ томъ же письмѣ отъ 27 сентября, такъ же какъ и картину, изображающую прилежное ученье, чтобъ присоединить ихъ къ покупкамъ Менгса. Портфель стòитъ тысячу цехиновъ, а картина — двѣсти.

Послѣ того слѣдуетъ предложеніе Филиппа Гакерта на счетъ двухъ предметовъ, каждый въ 360 цехиновъ.

Я конечно не буду докучать Вашему Величеству очень спѣшной перепиской, которую долженъ былъ болѣе двухъ мѣсяцевъ поддерживать съ Гаспаромъ Сантини, другимъ кліентомъ божественнаго. Она сдѣлалась очень горячею въ то время, какъ злая лихорадка удерживала меня въ постели. Амстердамскіе банкиры выплатили Сантини нѣкоторыя суммы на расходы Вашего Величества; это тѣ самые люди, у которыхъ дороднѣйшій покойный баронъ утвердилъ кредитъ Сантини. Вдругъ эти господа, не предупредивъ Сантини, даютъ на него вексель, требуя этихъ суммъ обратно съ процентами, вѣроятно потому, что г. Хотъ имъ сообщили, что они болѣе не получаютъ порученій отъ двора. Они при этомъ сыграли очень скверную игру, которая могла разорить Сантини въ конецъ; къ счастію для него, его корреспондентъ въ Ливорно принялъ письма и уплатилъ вексель. Сантини адресовался ко мнѣ въ большой тревогѣ, чтобъ узнать, чтó это значитъ. Никогда я не былъ такъ дурно расположенъ пособить непредвидѣнной непріятности. Однако я развелся съ своей лихорадкой, и обезпечилъ себѣ

divorce avec ma fièvre, je m'assurai des moyens de tirer Santini immédiatement de peine. Je n'ai jamais un écu, mais aussi je ne dois jamais une obole, et l'on se fie à ma parole. Je n'avais donc qu' à proférer le nom de Votre Majesté pour m'assurer, sur ma simple parole, des fonds dont j'avais besoin, et je fus en état de me remettre au lit, en écrivant à Santini: «tirez sur moi sans autre façon.» Huit jours après m'arriva avec la divine pancarte impériale une lettre de M. Bezborodka avec un crédit en Hollande de 50 mille florins, et je n'eus plus besoin des ressources que je m'étais ménagées ici; mais je suis rancunier, et comme je crois que les procédés de la maison d'Amsterdam n'ont pas été réguliers, je désire qu'il lui soit défendu de s'immiscer dorénavant dans les affaires de Votre Majesté Impériale. Cette maison s'appelle Pye, Rich et Wilkieson, et je vois avec plaisir que le nouveau banquier de Votre Majesté, M. Southerland, tire sur messieurs Raymond et Théodore de Smeth d'Amsterdam. C'est dans cette maison que mon crédit est établi. Santini en a déjà disposé pour plus de 16 mille florins. Je lui ai ordonné de rendre directement compte de ses opérations à M. le général de Bezborodka, ce qui ne le dispensera pas de me tenir au courant, pour mettre des comptes sous les yeux de Votre Majesté. Pour le dire ici en passant, j'ai été aussi obligé de toucher ici sur ce crédit la somme de six mille livres tournois, pour payer les travaux du modèle auquel Clérisseau travaille avec un zèle sans relâche. Ce modèle

---

средства вывести тотчасъ изъ затрудненія Сантини. У меня нѣтъ никогда ни одного экю, но за то я и не имѣю ни полушки долга, и моему слову довѣряютъ. Мнѣ стоило только выговорить имя Вашего Величества, чтобъ повѣрили мнѣ на слово суммы, въ которыхъ я имѣлъ надобность, и я былъ въ состояніи лечь въ постель, написавъ Сантини: «дайте на меня вексель безъ церемоніи». Черезъ недѣлю послѣ того мнѣ пришло, при божественной императорской грамотѣ письмо г. Безбородки съ кредитомъ въ Голландіи въ 50 тысячъ флориновъ, и мнѣ болѣе не понадобились тѣ средства, которыя я здѣсь себѣ приготовилъ; но я злопамятенъ, и такъ какъ я полагаю, что поступки амстердамскаго дома не были правильны, то желалъ бы, чтобъ ему было впредь запрещено вмѣшиваться въ дѣла Вашего Императорскаго Величества. Этотъ домъ называется Пай, Ричъ и Вилькисонъ, и я вижу съ удовольствіемъ, что новый банкиръ Вашего Величества, г. Сутерландъ, пишетъ векселя на имя гг. Раймонда и Теодора Смета въ Амстердамѣ. Въ этомъ домѣ помѣщенъ мой кредитъ. Сантини уже распорядился имъ болѣе чѣмъ на 16 тысячъ флориновъ. Я приказалъ ему отдать отчетъ въ своихъ операціяхъ прямо г. генералу Безбородкѣ, что́ не избавитъ его однако отъ необходимости сообщаться и со мною, чтобъ я могъ представить счеты Вашему Величеству. Скажу здѣсь вскользь, я былъ вынужденъ на тотъ же кредитъ взять здѣсь сумму въ шесть тысячъ малыхъ ливровъ, чтобъ заплатить за работы по исполненію модели, надъ которою съ неустаннымъ рвеніемъ трудится Клериссо. Эта мо-

de la porte de Pétersbourg à Moscou sera en état d'être expédié ce printemps pour le temple de la gloire, mais mon Rechnungs-Vortrag sera expédié encore plus tôt, afin que Votre Majesté connaisse l'état de ses fonds. Il doit me revenir pour le mois prochain une remise de 30 mille livres pour finir l'affaire du cabinet Zuckmantel. Des gens en qui j'ai confiance, m'assurent que ce cabinet est donné pour rien, et que l'Impératrice n'a jamais fait un aussi bon marché. Tant mieux. J'ai été assez cher pour elle, depuis qu'en ma qualité de souffre-douleur je lui dépense son argent de droite et de gauche.

Le divin et mon bras droit, Santini, mes sous-dépensiers, prétendent qu'il leur faut encore à peu près 30 mille scudi romani, non à la fois, mais successivement, pour liquider et les emplettes de Votre Majesté et l'entreprise entière des loges de Raphaël. Le plus court serait, si Votre Majesté n'a point de défiance de mon zèle et de ma probité, de me laisser dans la maison de messieurs de Smeth à Amsterdam un crédit toujours subsistant de 50 mille florins, de sorte qu'après chaque traite reconnue légitime, le crédit resterait toujours le même. Moyennant cette précaution je pourrais diriger les dépenses de Rome de façon à prévenir tous les retards et faux frais.

Mais après avoir si longtemps parlé d'argent, il faut que je dise à Votre Majesté que j'ai lu avec transport dans la divine pancarte impériale:

дель воротъ изъ Петербурга въ Москву будетъ готова и отправлена нынѣшнею весной въ храмъ славы; но мой счетный докладъ поѣдетъ еще ранѣе, для того чтобъ Ваше Величество узнали положеніе своихъ капиталовъ. Я въ будущемъ мѣсяцѣ долженъ получить выдачу въ 30 тысячъ ливровъ, чтобъ окончить дѣло кабинета Цукмантеля. Люди, которымъ я довѣряю, убѣждаютъ меня, что этотъ кабинетъ уступленъ за безцѣнокъ, и что Императрица никогда еще ничего не пріобрѣтала такъ дешево. Тѣмъ лучше. Я довольно дорого стòю ей съ тѣхъ поръ какъ по своему званію многострадальнаго расточаю ея деньги направо и налѣво.

Божественный вмѣстѣ съ правой рукою моей, Сантини, мои помощники въ растратахъ, увѣряютъ, что имъ нужно еще около 30 тысячъ римскихъ скуди не вдругъ, а постепенно, чтобы покрыть и расходы по порученіямъ Вашего Величества и все предпріятіе Рафаэлевыхъ Ложъ. Всего короче было бы, если Ваше Величество не имѣете недовѣрія къ моему усердію и честности, оставить мнѣ въ домѣ господъ Сметовъ въ Амстердамѣ постоянный кредитъ въ 50 тысячъ флориновъ, такъ чтобъ послѣ каждаго векселя, признаннаго законнымъ, кредитъ оставался все тотъ же. Посредствомъ этой предосторожности я могъ бы направлять расходы въ Римѣ такъ, чтобъ предупреждать всякія запаздыванія и напрасныя издержки.

Но, проговоривъ такъ долго о деньгахъ, я долженъ сказать Вашему Величеству, что я съ восторгомъ прочелъ въ божественной императорской грамотѣ: «Послѣ кар-

«après les tableaux achetés chez Mengs et Jenkins je n'achèterai plus rien»; et je n'ai eu rien de plus pressé que d'en faire l'intimation au divin Reiffenstein. Je n'ai pas la conscience tranquille quand je pense à tout l'argent que j'ai fait sortir de la cassette impériale. Ce qui ajoute encore à mes remords, c'est l'état actuel du change. Je sais bien que ce ne sont ni les emplettes de Votre Majesté, ni peut-être le grand nombre de voyageurs russes qui influent éssentiellement sur l'état du change; c'est cette ridicule et détestable guerre qui, ruinant également presque toutes les marines marchandes de l'Europe, les oblige à rétrécir où à suspendre leurs spéculations jusqu'à la paix. Que le diable emporte les guerroyeurs! Votre Majesté ne trompe pas du moins mes espérances. Sa démarche est toujours noble, sage, assurée et méthodique. Voilà la médiation offerte aux Bataves et Bretons. Offert et accepté me paraît synonyme dans cette occasion: car je pense bien que ces derniers voudront se désenivrer aussi une fois, et quand ils auront rendu justice aux Bataves, pourquoi ne travaillerait-on pas, sous la même médiation auguste, à la réconciliation générale? Il faudra bien y venir tôt ou tard. On dit que les Anglais ont employé en dernier lieu feu M. de Falkenstein à cette besogne. Je le veux bien encore. Qu'il se concerte avec la grande Normal-Schulmeisterin, que tous les deux donnent la paix à l'Europe et à l'Amerique, et Joseph de Falkenstein aura prouvé que ce qu'il a dit à l'oreille de Catherine de Wundberg méritait de lui être

---

тинъ, купленныхъ у Менгса и Женкинса, я болѣе ничего не покупаю»; и я съ поспѣшностью передалъ это сообщеніе божественному Рейфенштейну. У меня совѣсть не спокойна. когда я думаю обо всѣхъ деньгахъ, которыя извлекъ изъ императорской шкатулки. Еще болѣе увеличиваетъ во мнѣ угрызенія совѣсти настоящее положеніе курса. Я знаю, что конечно не покупки Вашего Величества, можетъ-быть и не огромное количество русскихъ путешественниковъ вліяютъ на положеніе курса; во всемъ виною эта смѣшная и гадкая война, разоряя купеческое мореходство почти всѣхъ странъ Европы и вынуждая ихъ сокращать или вовсе прекращать свои обороты до заключенія мира. Чортъ побери воинствующихъ! Ваше Величество по крайней мѣрѣ не обманываете надеждъ моихъ. Ваша поступь всегда благородна, мудра, увѣренна и послѣдовательна. Вотъ посредничество, предложенное Батавамъ и Бретонцамъ. Предложено и принято кажется мнѣ синонимами въ этомъ случаѣ: ибо я полагаю, что послѣдніе навѣрно захотятъ наконецъ спустить съ себя хмель, а когда отдадутъ справедливость Батавамъ, почему не поработать бы, при томъ же августѣйшемъ посредничествѣ, за всеобщее замиреніе? Рано или поздно надо же будетъ притти къ тому. Говорятъ, что Англичане послѣдній разъ употребили на это покойнаго г. Фалькенштейна. Пусть такъ. Пусть онъ сговорится съ великой учительницей нормальныхъ школъ, и оба они доставятъ миръ Европѣ и Америкѣ, и Іосифъ Фалькенштейнъ докажетъ, что все, что онъ говорилъ на ухо Екатеринѣ Вундбергъ, заслуживало быть ей сооб-

confié: en secondant la politique éclairée et magnanime de son auguste amie, il aura guéri une partie de l'Europe de ses appréhensions sans doute injustes, et posé la première pierre à l'édifice de sa propre gloire.

Mais en attendant que cet ouvrage salutaire s'accomplisse, le souffre-douleur rêve dans son taudis aux moyens de relever le change sans attendre la paix. J'ai déjà vu avec satisfaction que Votre Majesté avait permis la sortie de la potasse: plus on ouvrira de sources d'exportation, plus on approchera du remède; le comte de Schouvalof prétend que l'exportation du cuivre, sans avoir aucun inconvénient, aurait de grands avantages. Comme l'épidémie de doubler en cuivre est devenue générale dans les marines royales et guerrières, il est certain que cette branche de commerce doit éprouver une consommation considérable. Moi, en ma qualité de mouche du coche impérial, je voudrais faire des emprunts en Hollande et peut-être à Gênes, sans autre vue que de prévenir la baisse du change; et comme à la paix ce change haussera indubitablement dans la proportion de sa baisse, je prendrais ce moment pour le remboursement des capitaux. L'Impératrice me dira peut-être: «Souffre-douleur, qui t'a prié de déraisonner sur le change, et de m'ennuyer de tes déraisonnements?» Qui me l'a permis, Madame? Suis-je donc Collegienrath pour rien, et n'est-il pas de l'essence d'un conseiller de dire son avis à tort et à travers?

En cette même mienne qualité je n'ai pas perdu un instant pour faire

---

щеннымъ: содѣйствуя просвѣщенной и великодушной политикѣ своего августѣйшаго друга, онъ излѣчитъ часть Европы отъ ея вполнѣ несправедливыхъ опасеній, и поставитъ первый камень къ зданію собственной славы.

Но пока осуществится это благое дѣло, многострадальный мечтаетъ въ своей мурьѣ о способахъ поднять курсъ, не дожидаясь мира. Я уже видѣлъ съ удовольствіемъ, что Ваше Величество дозволили вывозъ поташу: чѣмъ болѣе откроется источниковъ вывоза, тѣмъ ближе будутъ къ лѣкарству. Графъ Шуваловъ утверждаетъ, что вывозъ мѣди не представитъ никакого неудобства, а напротивъ, большія выгоды. Такъ какъ повѣтріе подбивать суда мѣдью сдѣлалось общимъ въ королевскихъ и военныхъ флотахъ, то навѣрное эта отрасль торговли должна имѣть значительное примѣненіе. Я въ качествѣ мухи императорской кареты, желалъ бы сдѣлать заемъ въ Голландіи и можетъ-быть въ Генуѣ, не имѣя другой цѣли, какъ предупредить паденіе курса; а такъ какъ при заключеніи мира этотъ курсъ непремѣнно возвысится пропорціонально своему паденію, я выбралъ бы эту минуту для возвращенія капиталовъ. Императрица можетъбыть скажетъ мнѣ: «Многострадальный, кто просилъ тебя нести вздоръ о курсѣ и надоѣдать мнѣ твоимъ вздоромъ»? Кто мнѣ это позволилъ, Государыня? Раздѣ я даромъ коллежскій совѣтникъ, и не въ самомъ ли существѣ совѣтника давать совѣты вкривь и вкось?

Въ этомъ самомъ моемъ качествѣ я не потерялъ ни минуты, чтобъ переслать

passer à Votre Majesté le compte rendu par M. Necker au roi de France sur l'état de ses finances. C'est un exemplaire que l'auteur m'a donné pour être offert à Votre Majesté. Cet ouvrage a fait ici une prodigieuse sensation; mais comme j'ai constamment observé que le public de ce pays-ci se vengeait tôt ou tard de l'enthousiasme et de l'engouement qu'on lui avait inspirés, je n'ai jamais eu autant de peur pour M. Necker qu'au moment où je le vois porté à son pinacle. Son ouvrage fera sûrement sensation dans toute l'Europe. J'ignore si Votre Majesté aura le temps de le lire, et si le dédale de la finance française qu'il faut parcourir, ne La rebutera pas. Une chose qui a frappé sur l'homme, quoique tout le monde ait pu le remarquer comme lui, c'est l'affirmation qu'il fait qu'il s'est constamment privé de la douce satisfaction de rien faire en faveur de l'amitié. Cela n'est pas consolant pour ceux auxquels il prend intérêt. Sans doute un ministre est d'abord homme public et ensuite ami, et M. Necker, étranger et protestant, avait besoin de plus de sévérité sur ce point qu'un autre. Mais l'amitié doit-elle être un titre d'exclusion, et quand une opération publique a fait du mal à quelqu' un auquel on prend intérêt, doit-on craindre de le réparer, de peur qu'on ne soit accusé d'avoir accordé quelque chose à la faveur et à l'amitié? Voilà une question de casuiste difficile à décider. Ce qu'il y a de sûr et ce qu'on a observé, c'est que pour son intérêt il vaut mieux être l'ennemi de M. Necker et avoir eu des torts avec lui, que d'être

---

Вашему Величеству отчетъ, представленный г. Неккеромъ королю французскому о состоянiи его финансовъ. Этотъ экземпляръ далъ мнѣ авторъ для поднесенiя Вашему Величеству. Это сочиненiе произвело здѣсь сильное впечатлѣнiе; но такъ какъ я постоянно замѣчалъ, что здѣшняя публика рано или поздно мститъ за восторгъ и увлеченiе, которыя внушены ей, то я никогда такъ не боялся за г. Неккера, какъ въ эти минуты, когда вижу его превознесеннымъ наверхъ славы. Его произведенiе конечно во всей Европѣ надѣлаетъ шуму. Я не знаю, будете ли Ваше Величество имѣть время прочесть его и не оттолкнетъ ли Васъ лабиринтъ французскихъ финансовъ, черезъ который надо пройти. Особенно характерно въ человѣкѣ, хотя всѣ могли замѣтить это такъ же какъ и онъ самъ, его собственное завѣренiе, что онъ постоянно лишаетъ себя наслажденiя что-либо дѣлать во имя дружбы. Это неутѣшительно для тѣхъ, въ комъ онъ принимаетъ участiе. Конечно министръ прежде всего общественный человѣкъ, а потомъ уже другъ, а г. Неккеръ, иностранецъ и протестантъ, долженъ быть строже въ этомъ отношенiи, чѣмъ другой. Но дружба должна ли быть поводомъ къ исключенiю, и когда общественное мѣропрiятiе причинило вредъ кому-нибудь, въ комъ принимаешь участiе, надо ли бояться исправить это изъ опасенiя, что насъ обвинятъ въ услугѣ, оказанной дружбѣ? Вотъ казуистическiй вопросъ трудно разрѣшимый. Но вѣрно, и всѣми замѣчено, что выгоднѣе быть врагомъ г. Неккера и считаться передъ нимъ виноватымъ,

son ami: car jamais il n'a rien pris ni retranché à ceux dont il avait à se plaindre, de peur qu'on ne le soupçonnât d'être guidé par la passion et par la vengeance, et jamais il n'a voulu réparer le mal que ses opérations ont fait à ses amis, de peur qu'on ne le crût partial en leur faveur. Cela est peut-être d'un grand caractère, mais que je ne me sens pas le courage d'envier.

Le brave Wagnière est venu me faire une visite de quinze jours, parce qu'il ne m'avait pas revu depuis son voyage au temple de la gloire. Il a été ici de maison en maison pour notifier que s'il n'était pas réduit à mourir de faim, lui et sa famille, c'est aux bienfaits de Votre Majesté qu'il en était redevable. Son voyage n'a pas eu d'autre objet que de faire cette notification générale. Il dit que son maître n'a aucun tort avec lui, mais que ses héritiers en ont eu de bien grands. Il m'a fait lire un précis qu'il a fait du dernier et fatal voyage de M. de Voltaire à Paris, qui m'a fait saigner le coeur. Il est écrit avec une vérité frappante et prouve à quel excès de misère le plus grand homme peut être exposé dans ses derniers moments. J'ai demandé à Wagnière s'il se ferait une peine de déposer cet écrit dans la bibliothèque de son maître à Pétersbourg. Il m'a promis de me l'envoyer de Ferney, et dès que je l'aurai, je le ferai passer à Votre Majesté Impériale par une voie sûre.

нежели быть его другомъ: потому что онъ никогда не сокращалъ и не бралъ ничего у тѣхъ, на кого онъ могъ жаловаться, чтобъ не заподозрѣли его въ увлеченіи страстью и мщеніемъ, и никогда онъ не хотѣлъ поправить зло, причиненное друзьямъ его распоряженіями, изъ опасенія, чтобъ его не сочли пристрастнымъ къ нимъ. Это можетъ-быть доказываетъ великій характеръ; но я не имѣю духу этому завидовать.

Честный Ваньеръ сдѣлалъ мнѣ двухнедѣльное посѣщеніе, потому что не видалъ меня съ самаго путешествія въ храмъ славы. Онъ здѣсь ходилъ изъ дома въ домъ, чтобъ заявить, что если онъ не осужденъ умереть съ голоду со всѣмъ своимъ семействомъ, то обязанъ этимъ единственно благодѣяніямъ Вашего Величества. Его путешествіе не имѣло другой цѣли, какъ сдѣлать это заявленіе общеизвѣстнымъ. Онъ говоритъ, что его патронъ не былъ ни въ чемъ виноватъ передъ нимъ, но что наслѣдники его очень виноваты. Онъ заставилъ меня прочесть разсказъ о послѣднемъ роковомъ путешествіи Вольтера въ Парижъ, отъ котораго сердце мое обливалось кровью. Оно написано съ поразительной правдивостью и доказываетъ, до какой нужды самый великій человѣкъ можетъ быть доведенъ въ послѣднія минуты своей жизни. Я спросилъ у Ваньера, не рѣшился ли бы онъ помѣстить это описаніе въ библіотеку своего патрона въ Петербургѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ прислать его изъ Фернея, и какъ только я получу его, то перешлю къ Вашему Императорскому Величеству черезъ вѣрныя руки.

Votre Majesté ayant reçu de ma part de belles étrennes, soit dit sans reproche, croira peut-être qu'il est convenable de me donner aussi les miennes? Cela n'est plus nécessaire; j'y ai pourvu, et je me suis donné mes étrennes de la part de mon auguste Souveraine. Ainsi je n'ai plus qu'à la remercier de ses bontés pour être parfaitement en règle. Voici le fait. Quand j'ai reçu l'ordre de faire exécuter par Weder une tête de Minerve de Tsarsko-Sélo pour servir de pendant à celle de l'Apollon de Belvedère faite par le même artiste, j'ai dit: pourquoi pas deux? Il y en aura une pour celui que l'Impératrice en jugera digne, et une autre pour le souffre-douleur. En conséquence Votre Majesté verra par la lettre du divin du 21 février que Weder en fait deux et que je ne tarderai pas à les recevoir toutes deux. Was wird aber unsere Kaiserin dazu sagen? Sie sagt: ja, nun mein guter Schmerzleider, du bist ein unverschämter Schurke. Was ist aber zu thun? Weil es nun schon so einmal ist, so sey's dir gegönnt: hierauf wirft sich der Schmerzdulder der Kaiserin zu Füßen, küßt Ihr die Hand und sagt: dank sey der großen Catharina für diese neue, große und unaussprechliche Wohlthat! Mais comme l'impudence, quelque forte qu'elle soit, n'étouffe pourtant pas tout sentiment de justice, Votre Majesté est bien persuadée, à ce que j'espère, que la plus belle de ces têtes ira droit à Pétersbourg, et que le souffre-douleur se trouvera encore trop heureux de posséder la moins belle. Il se met, avec tous ses portraits, profils, bustes et commémorations, sous la

---

Ваше Величество, получивъ отъ меня прекрасные подарки, не въ попрекъ будь сказано, найдете можетъ-быть приличнымъ и мнѣ поднести такіе же? Этого не нужно болѣе; я уже подумалъ о томъ и поднесъ себѣ подарокъ отъ имени моей Августѣйшей Монархини. Итакъ мнѣ остается только благодарить ее за милость, чтобъ не быть въ долгу. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда я получилъ приказаніе заказать Ведеру голову царскосельской Минервы, чтобъ она служила соотвѣтствіемъ головѣ Аполлона Бельведерскаго того же художника, я сказалъ: «А почему бы не двѣ? Одна будетъ для того, кого Императрица найдетъ достойнымъ, а другая для многострадальнаго. Вслѣдствіе того Ваше Величество усмотрите изъ письма божественнаго отъ 21 февраля, что Ведеръ дѣлаетъ ихъ двѣ, и что я не замедлю получить обѣ. Что-то наша Императрица на это скажетъ? Она отвѣтитъ: да, мой добрый страстотерпецъ, ты безсовѣстный плутъ. Но что же дѣлать? Ужъ если оно такъ: то да будетъ тебѣ это даровано: на это страстотерпецъ бросается къ ногамъ Императрицы, цѣлуетъ ей руку и говоритъ: благодарность великой Екатеринѣ за это новое большое и невыразимое благодѣяніе! Но такъ какъ безстыдство, какъ бы велико оно ни было, не заглушаетъ однако вполнѣ чувства справедливости, то Ваше Величество должны быть увѣрены, какъ я надѣюсь, что самая красивая изъ этихъ головъ пойдетъ въ Петербургъ, и что многострадальный будетъ еще слишкомъ счастливъ, получивъ ту, которая похуже. Онъ поручаетъ себя, со всѣми своими портретами, профилями, бю-

sauve-garde de son auguste et immortelle Souveraine, en déposant à ses pieds l'hommage du plus profond respect.

16 (№ 27).

Allerunterthänigster eilfertiger Vortrag.

A Paris, ce 1 (12) mars 1781.

Madame, M. de Moulofski, capitaine de vaisseau de Votre Majesté Impériale, est allé comme un trait de Pétersbourg à Livourne, est venu comme un éclair de Livourne à Paris, et repart encore ce soir pour Pétersbourg. Son grand objet était de bien voir le port de Brest. A ma réquisition M. le marquis de Castries lui a donné une lettre de recommandation très forte pour le commandant du port du Brest, et ce commandant, pour faire honneur à la recommandation du ministre, a eu les plus grandes attentions pour le capitaine de vaisseau de Votre Majesté. M. de Moulofski me paraît infiniment satisfait de sa course. J'espérais qu'il s'arrêterait quelques jours à Paris; mais il repart encore ce soir pour Pétersbourg. Dans vingt jours il aura le bonheur de voir l'Impératrice, comme je vois cette feuille de papier que je lui confie. Qu'ils sont heureux celui-là et celle-là!

стами и напоминаніями, защитѣ своей Августѣйшей и безсмертной Государыни, повергая къ стопамъ ея выраженіе глубочайшаго почтенія.

Въ Парижѣ, 27 февраля (10 марта) 1781.

16.

Всеподданнѣйшій поспѣшный докладъ.

Парижъ, 1 (12) марта 1781.

Государыня, г. Муловскій, капитанъ корабля Вашего Императорскаго Величества, стрѣлою прискакалъ изъ Петербурга въ Ливорно, какъ молнія явился оттуда въ Парижъ и опять сегодня вечеромъ ѣдетъ въ Петербургъ. Его главною цѣлью было хорошенько осмотрѣть Брестскій портъ. По моему ходатайству маркизъ де-Кастри далъ ему очень вѣское рекомендательное письмо къ коменданту Брестскаго порта, а этотъ комендантъ, чтобъ почтить рекомендацію министра, оказалъ величайшее вниманіе капитану корабля Вашего Величества. Г. Муловскій, какъ мнѣ кажется, очень доволенъ своей поѣздкой. Я надѣялся, что онъ остановится на нѣсколько дней въ Парижѣ, но онъ уже сегодня вечеромъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Черезъ двадцать дней онъ будетъ имѣть счастіе видѣть Императрицу, какъ я вижу этотъ листокъ бумаги, который ему поручаю. Счастливые они оба!

Je profite du départ de M. de Moulofski pour faire passer à Votre Majesté Impériale d'abord toutes les pancartes et épitres de Rome, et puis bien des petites choses dont j'ai l'honneur de joindre ici la facture.

Les deux cuillères et le couteau d'argent sont une restitution qui vient de m'être faite par le marquis de Juigné. Il a découvert ces restes de sa vaisselle d'ambassade, à son grand étonnement, parmi sa vaisselle de Paris, et il s'est empressé de me les apporter comme des pièces qui ne lui appartiennent plus, depuis que l'Impératrice a acheté sa vaisselle d'ambassade. C'est un bon et loyal homme que ce marquis de Juigné, un peu citoyen peut-être, mais n'importe: il a conservé un grand fonds d'attachement pour Votre Majesté. Il regarde toujours comme un de ses devoirs les plus agréables de faire les honneurs de Paris à la nation Russe, et sa maison leur est toujours ouverte. Il est vrai que personne ne sait mieux que moi qu'on n'oublie plus l'Impératrice quand on a eu le bonheur de la voir. Le nombre de ses passionnés augmente ici de semaine en semaine, de jour en jour. Ceux qui l'ont vue, en parlent avec transport; ceux qui ne l'ont pas vue, projettent de la voir. Les pauvres gens viennent me conter leurs doléances, et osent comparer leur passion à la mienne. Ils ne savent pas ce que c'est qu'un feu concentré, et qu'une seule étincelle échappée du mien les consumerait eux et leurs passions, quelques égards que je fusse disposé à leur accorder. Parmi ces passionnés mon conseiller d'état broche toujours sur

---

Я пользуюсь отъѣздомъ г. Муловскаго, чтобъ переслать Вашему Величеству сначала всѣ грамоты и посланія изъ Рима, а потомъ множество бездѣлицъ, которымъ прилагаю здѣсь счетъ.

Двѣ ложки и серебряный ножъ только что возвращены мнѣ маркизомъ де Жюинье. Онъ открылъ, къ своему великому удивленію, эти остатки своей посланнической посуды между предметами посуды парижской, и онъ поспѣшилъ принести ихъ ко мнѣ, какъ вещи ему не принадлежащія съ тѣхъ поръ, какъ Императрица купила его посланническую посуду. Этотъ маркизъ де Жюинье добрый и честный человѣкъ, немножко гражданинъ, можетъ-быть, но это все равно; онъ сохранилъ глубокую привязанность къ Вашему Величеству. Онъ считаетъ всегда одною изъ пріятнѣйшихъ своихъ обязанностей принимать съ почетомъ въ Парижѣ Русскихъ и домъ его всегда открытъ для нихъ. Правда, никто лучше меня не знаетъ, что нельзя забыть Императрицу тому, кто имѣлъ счастіе лицезрѣть ее. Число ея страстныхъ поклонниковъ растетъ здѣсь съ каждой недѣлей, съ каждымъ днемъ. Видѣвшіе ее говорятъ о ней съ восторгомъ, не видѣвшіе мечтаютъ о томъ, чтобъ ее увидѣть. Бѣдные эти люди приходятъ сообщать мнѣ свои сѣтованія и осмѣливаются сравнивать свою страсть съ моею. Они не знаютъ, что̀ значитъ сосредоточенный огонь, котораго одна упавшая искра сожгла бы ихъ вмѣстѣ съ ихъ страстью, какое бы уваженіе я ни питалъ къ нимъ. Среди этихъ пламенѣющихъ мой статскій совѣтникъ выдается надо всѣми

le tout. Il a été obligé de renoncer à ses projets de course septentrionale, parce que M. le comte d'Artois l'a nommé l'année dernière son chancelier-garde des sceaux; mais il n'est pas guéri pour cela de sa maladie: il espère toujours qu'il pourra avoir un congé de six mois de son prince pour faire sa course. Parmi les autres malades, le maréchal de Noailles est un des plus attaqués. Pour le vicomte de la Herrera, que nous avons ici en passant depuis plusieurs mois, sa maladie est malheureusement très invétérée. Partout où il me trouve, je suis sûr qu'il ne me quittera plus et qu'il sera parlé de l'Impératrice jusqu'à extinction de forces naturelles. Il passe du poste de la Haie à celui de ministre d'Espagne près du figliolo de Naples; mais il m'a juré vingt fois que, quelque besoin qu'il ait d'un climat doux et du soleil de Naples, il repartirait avec transport pour la Russie si son maître voulait l'y renvoyer. Mais ce bonheur ne lui arrivera pas. Le marquis della Torre, qui doit remplacer le comte de Lascy, vient d'arriver ici et va continuer sa route sous peu de jours. Gott weiß wie viel ich armer Mann von allen diesen leidenden und kranken Seelen auszustehen habe!

Pour revenir à mon paquet de toile cirée, Votre Majesté y trouvera la comédie de maître Sedaine, à la réception de laquelle j'ai eu l'honneur de La préparer depuis bien longtemps. Je suivrai ma méthode, et ne dirai sûrement pas à Votre Majesté ce que j'en pense. Ce que je sais, c'est que

---

остальными. Онъ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ поѣздки на Сѣверъ, потому что графъ д'Артуа назначилъ его въ прошедшемъ году своимъ канцлеромъ хранителемъ печати; но онъ при этомъ не исцѣлился отъ своего недуга: онъ все надѣется получить отъ своего князя шестимѣсячный отпускъ на эту поѣздку. Въ числѣ другихъ больныхъ, маршалъ де Ноаль одинъ изъ самыхъ страждущихъ. Что касается до виконта де-ла-Герера, который живетъ здѣсь проѣздомъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, то, къ несчастью, его болѣзнь очень застарѣла. Гдѣ бы онъ меня ни встрѣтилъ, я увѣренъ, что онъ не отойдетъ отъ меня, и что разговоръ объ Императрицѣ доведетъ насъ до истощенія физическихъ силъ. Онъ переходитъ съ своего поста въ Гагѣ на мѣсто посланника въ Испаніи къ сынку неаполитанскому; но онъ мнѣ двадцать разъ клялся, что какъ бы ни нуженъ былъ ему теплый климатъ и неаполитанское солнце, онъ съ восторгомъ уѣхалъ бы въ Россію, еслибъ его государь захотѣлъ опять туда послать его. Но это счастіе не осуществится для него. Маркизъ де ла Торре, который долженъ замѣнить графа де Ласи, только что пріѣхалъ сюда и будетъ продолжать свой путь черезъ нѣсколько дней. Богу извѣстно, сколько я, бѣдный человѣкъ, осужденъ претерпѣвать отъ всѣхъ этихъ страждущихъ и болѣющихъ душъ!

Но возвратимся къ моей клеенчатой посылкѣ: Ваше Величество изволите найти тамъ комедію г. Седэна, къ полученію которой я имѣлъ честь уже очень давно приготовлять Васъ. Я послѣдую своему обычаю, и конечно не скажу Вашему Вели-

si celle-ci n'est pas jouée sur le théâtre de Pétersbourg, ce ne sera pas par la raison qui a privé la pièce précédente des honneurs de la représentation. Maître Sedaine serait bien tenté de faire hommage à son auguste bienfaitrice d'une copie de sa tragédie en prose: Paris sauvé. Celle-là n'a pas été faite pour l'Impératrice; il y a plus de douze ans qu'une suite de cabales non interrompue l'empêche d'être jouée. Lorsque le roi de Suède vint en France, il y a dix ans, il en entendit la lecture, et lorsqu'il devint roi, il demanda à l'auteur une copie. L'auteur en offre une à notre auguste Souveraine, et moi j'attends Son agrément pour l'accepter: si ces pièces sont jamais imprimées, elle ne pourra jamais échapper à l'épître dédicatoire que l'auteur lui destine.

Un autre hommage qui se trouve dans le paquet en toile cirée, c'est la nouvelle édition des Conversations d'Emilie en deux tomes, que l'auteur ose mettre aux pieds de Votre Majesté Impériale. Si la premiere édition de cet ouvrage a pu s'attirer un regard favorable, l'auteur s'en est fait un titre pour réclamer l'indulgence de Votre Majesté. Elle était bien tentée de mettre le nom sacré et immortel de Catherine II à la tête de son livre, mais une pareille liberté ne peut se prendre sans une permission expresse; mais si jamais cette permission est accordée, il est à présumer que l'épitre dédicatoire ne se fera pas attendre, car je la crois faite, elle n'a besoin que

---

честву своего мнѣнія о ней. Знаю только, что если эта пьеса не будетъ играна на петербургскомъ театрѣ, то не по той причинѣ, которая лишила предыдущую пьесу чести быть представленной. Г. Седэнъ чувствуетъ сильное искушеніе поднести своей Августѣйшей благодѣтельницѣ списокъ своей трагедіи въ прозѣ: Спасенный Парижъ. Эта пьеса не для Императрицы была писана; болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ безпрерывный рядъ интригъ мѣшалъ ей быть сыгранной. Когда шведскій король пріѣхалъ во Францію, тому десять лѣтъ, онъ слышалъ ее въ чтеніи, а когда сдѣлался королемъ, то просилъ у автора копіи ея. Авторъ подноситъ такой списокъ нашей Августѣйшей Государынѣ, а я жду ея разрѣшенія, чтобъ принять его: если эти пьесы когда-либо будутъ напечатаны, то она никакъ не избѣгнетъ посвященія, которое авторъ ей готовитъ.

Еще приношеніе заключается въ клеенчатой посылкѣ: новое изданіе «Разговоровъ Эмиліи» въ двухъ частяхъ, которое авторъ осмѣливается повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Если первое изданіе этого труда могло привлечь къ себѣ благосклонный взглядъ, то авторъ опирается на это право, чтобъ просить снисхожденія Вашего Величества. Она испытывала большое искушеніе поставить священное и безсмертное имя Екатерины II въ заглавіи своей книги, но подобную смѣлость нельзя себѣ позволить безъ особаго разрѣшенія; но если когда-нибудь это разрѣшеніе будетъ дано, надо надѣяться, что посвященіе не заставитъ себя ждать, такъ

d'être imprimée. Tout le monde ne verra pas peut-être que cet ouvrage est plutôt une instruction pour les mères que pour les filles, et qu'il apprend aux premières le secret de faire accoucher les enfants de leurs idées, en quoi consiste peut-être tout le secret de l'éducation. Au reste, si l'Impératrice, à qui il reste si peu de temps et, comme de raison, si peu d'envie de lire, daigne jeter les yeux sur ce livre en sa qualité de Normal-Schulmeisterin qui connaît le prix d'un livre élémentaire, Emilie de Belsunce dit que son Impératrice n'ayant pas le temps de tout lire, doit passer les quatre premières Conversations ainsi que la sixième et septième, qui sont à peu près restées ce qu'elles étaient. On pourrait donc commencer par la cinquième et continuer par la huitième et suivantes. Cet ouvrage est un phénomène en ce qu'il a été composé au milieu des souffrances les plus cruelles et de malheurs et chagrins de toute espèce, et qu'il ne manque pas cependant de serénité, ni même de gaîté quelquefois. Quant à Emilie de Belsunce, qui a peut-être plus fait de ce livre que la mère, je ne sais si elle est élevée dans la crainte du Seigneur, mais elle est sûrement élevée dans l'amour de l'Impératrice. Nous célébrons toutes Ses fêtes. Tout le bien qui lui arrive, tous les petits agréments, tous les amusements même nous les devons toujours a l'Impératrice.

Il y a eu un bal superbe à l'hôtel du souffre-douleur: c'était le bal de l'Impératrice. Aussi toute la jeunesse russe y a brillé. Les Schouvalofs,

---

какъ, я полагаю, оно написано; его стоитъ только напечатать. Не всякій пойметъ можетъ-быть, что это сочиненіе есть болѣе наставленіе для матерей, чѣмъ для дочерей, и что оно научаетъ первыхъ секрету прививать къ дѣтямъ свои мысли, въ чемъ и заключается можетъ-быть вся тайна воспитанія. Впрочемъ, если Императрица, у которой такъ мало времени и конечно такъ мало охоты читать, удостоитъ бросить взглядъ на эту книгу въ качествѣ нормальной школьной учительницы, знающей цѣну элементарной книги, то Эмилія Бельзэнсъ говоритъ, что Императрица, не имѣя времени всего прочитать, должна пропустить четыре первые разговора; такъ же какъ шестой и седьмой, которые остались почти по-старому. Можно стало-быть начать съ пятаго и продолжать восьмой и далѣе. Это сочиненіе необыкновенно тѣмъ, что оно было писано среди самыхъ жестокихъ страданій, несчастій и огорченій всякаго рода, и однако въ немъ нѣтъ недостатка въ ясности духа, а иногда даже и въ веселости. Что касается до Эмиліи Бельзэнсъ, которая можетъ-быть болѣе участвовала въ этой книгѣ нежели мать ея, не знаю воспитана ли она въ страхѣ Господнемъ, но конечно она воспитана въ любви къ Государынѣ. Мы празднуемъ всѣ ея праздники. Все пріятное съ нею случающееся, всѣ маленькія удовольствія, даже всѣ забавы относимъ мы къ Императрицѣ. Былъ прелестный балъ въ домѣ многострадальнаго. И вся русская молодежь блистала на немъ. Шуваловы, Строгоновы, Салтыковы, Черны-

Stroganof, Soltikof, Tchernichef, et vers la fin du bal la princesse Dachkof s'est montrée escortée de son fils et de sa fille. Toute cette profanation continuelle du nom sacré de l'Impératrice prouve manifestement qu'il y a parmi nous quelqu' un de bien malade d'un attachement épanché, à ce que disent les médecins: je meurs de peur que ce ne soit le souffre-douleur.

17 (№ 25).

A Paris, ce 27 mars (7 avril) 1781.

Madame. Au milieu d'une pancarte que je griffonne depuis deux jours, pour qu'elle se trouve à point nommé aux pieds de Votre Majesté Impériale le 21 avril, ce qui veut dire pour les gens vulgaires à qui il ne faut pas toujours pot à part, le 2 mai, je reçois un monitoire de M. le comte de Vergennes, qui me prévient que si je veux profiter d'un courrier qu'il va dépêcher pour Pétersbourg, je n'ai pas un moment à perdre pour lui envoyer mon paquet. Da ist nun meine Seelenruh schon verloren, car quand on me presse l'épée dans les reins, tout est dit et le sens commun va au fin fond de l'eau. Je n'ai donc garde de gâter ma pancarte; je la laisse là pour la finir à mon aise. Le plus grand de mes bonheurs, la plus grande de mes jouissances, c'est d'écrire de la bonne encre à mon auguste Souve-

---

шевы, а къ концу бала явилась княгиня Дашкова въ сопровожденіи своего сына и дочери. Все это безпрерывное злоупотребленіе священнымъ именемъ Императрицы ясно доказываетъ, что есть между нами кто-то, весьма страдающій разлитіемъ привязанности, какъ выражаются медики; я смертельно боюсь, чтобъ это не былъ многострадальный.

17.

Государыня, На серединѣ посланія, которое я царапаю уже два дня, чтобъ оно во-время очутилось у ногъ Вашего Императорскаго Величества 21-го апрѣля (что значитъ для обыкновенныхъ смертныхъ, не требующихъ на все особаго горшка, 2-го мая), получаю я увѣщательное посланіе отъ графа де Верженна. Онъ предупреждаетъ меня, что если я хочу воспользоваться курьеромъ, котораго онъ посылаетъ въ Петербургъ, то не медля ни минуты прислалъ бы ему свой пакетъ. Вотъ тутъ мое душевное спокойствіе уже потеряно, такъ какъ когда мнѣ нажимаютъ ножъ на горло, все кончено, здравый смыслъ утопаетъ. Итакъ я не хочу портить своего посланія, и оставляю его въ сторонѣ, чтобъ окончить не спѣша. Величайшее для меня счастіе величайшее наслажденіе написать добрыми чернилами моей Августѣйшей Госуда-

raine, das muß nicht durch die Eile verdorben werden. Il vaut mieux que ma pancarte trotte par la voie ordinaire et arrive un peu plus tard à sa glorieuse destination, et que je la finisse avec le recueillement convenable à la faveur et à la dévotion qui m'enflamment au saint, doux et grand nom d'Ecatherine. Mais il ne faut pas non plus que le courrier de M. de Vergennes paraisse les mains vides dans des lieux remplis de Son génie et de Sa gloire. En conséquence Votre Majesté trouvera dans ce paquet:

1°. La continuation de l'Hospice de charité, par Madame Necker, ou le résultat de ses comptes de la dernière année.

2°. La tragédie de Zulime, par M. de Voltaire, manuscrit corrigé de la main de l'auteur, et qui doit par conséquent reposer dans sa bibliothèque. Il plaira à Votre Majesté Impériale de se rappeler que ce manuscrit m'a été offert pour le gouffre impérial par un avocat de Chartres, et que Votre Majesté m'a autorisé à le prendre et à donner en retour une médaille d'or qui était restée entre mes mains. Or le souffre-douleur n'a pas voulu lâcher la médaille sans être sûr que ce gage de la bienveillance impériale remplissait parfaitement l'ambition de l'avocat: car, tant qu'il dépendra de lui, le souffre-douleur ne placera jamais le plus léger bienfait de son Impératrice, sans s'être assuré d'avance de la plus profonde et la plus respectueuse reconnaissance, denn Perlen muß man nicht vor die Säue werfen, sagt das heilige Evangelium. Cette considération a engagé une correspondance méta-

---

рынѣ, и не надо этого портить спѣхомъ. Надо лучше, чтобъ посланіе мое поѣхало обыкновеннымъ путемъ и доѣхало немного позже до своего славнаго назначенія, и чтобъ я окончилъ его съ настроеніемъ, отвѣчающимъ усердію и благоговѣнію, которые воспламеняютъ меня при сладостномъ и великомъ имени Екатерины. Но не надо также, чтобъ курьеръ г. де Верженa явился съ пустыми руками въ мѣстахъ, исполненныхъ ея генія и славы. Вслѣдствіе того Ваше Величество найдете въ этомъ пакетѣ:

1) Продолженіе Богадѣльни г-жи Неккеръ, или ея отчетъ за послѣдній годъ.

2) Трагедію Зулима г. Вольтера, манускриптъ, исправленный рукою автора, и который стало-быть долженъ находиться въ его библіотекѣ. Вашему Величеству благоугодно будетъ вспомнить, что эта рукопись была мнѣ поднесена для всепоглощающей Императрицы адвокатомъ изъ Шартра, и что Ваше Величество разрѣшили мнѣ принять ее и отдать за нее золотую медаль, оставшуюся у меня въ рукахъ. Но многострадальный не хотѣлъ выпустить изъ рукъ медали, не удостовѣрившись, что этотъ залогъ императорскаго благоволенія вполнѣ удовлетворитъ честолюбію адвоката: ибо насколько отъ него зависитъ, многострадальный не помѣститъ ни малѣйшаго благодѣянія, не увѣрившись заранѣе въ глубочайшей и почтительнѣйшей признательности, такъ какъ не надо метать бисера передъ свиньями, сказано въ Евангеліи. Это соображеніе завязало метафизическую переписку между многострадальнымъ и адво-

physique entre le souffre-douleur et l'avocat, qui n'a duré qu'environ dix-huit mois, parce que d'un côté les occupations et la maladie du souffre-douleur, de l'autre la mort du père de l'avocat survenue au moment le plus chaud de la correspondance, ont mis de terribles entraves à la conclusion de l'affaire. Mais la preuve qu'elle a été terminée à la satisfaction réciproque des correspondants métaphysiques, gît dans la lettre ci-jointe: car l'avocat ne traiterait pas le souffre-douleur de Monseigneur, s'il n'était pas au comble de ses voeux et de sa gloire: pour l'Excellence, c'est une autre affaire, denn eine Art von Excellenz bin ich freylich, und die kleine Excellenz kann man mir nicht absprechen. Maintenant j'attends les extases de Salomon Gessner sur ses deux énormes médailles d'or; les extases de l'abbé Galiani sur sa médaille en bronze sont déjà arrivées et suivront avec la pancarte entamée. Tant y a que toutes mes médailles impériales sont placées suivant les ordres et l'intention de mon auguste Souveraine, et qu'il n'en reste pas trace chez moi.

3°. M. de Montyon, conseiller d'etat et chancelier de M. le comte d'Artois, est un de ces hommes grièvement attaqué par cette terrible maladie qu'on appelle vulgairement die Catharinen-Sucht, oder, nach Andern, die Nords-Minerven-Krankheit. Ich, als sein Leibmedicus, habe einen harten Stand mit ihm. Ce pauvre malade avait autrefois sous ses ordres un M. Moheau qui a fait un ouvrage très estimé sur la population de France, et voilà qui

---

катомъ, которая продолжалась около восемнадцати мѣсяцевъ, ибо съ одной стороны занятія и болѣзнь многострадальнаго, съ другой—смерть отца адвоката, случившаяся въ самое горячее время переписки, воздвигли великія препятствія къ заключенію дѣла. Но доказательство, что оно было окончено къ взаимному удовольствію метафизиковъ-корреспондентовъ, заключается въ прилагаемомъ письмѣ: ибо адвокатъ не сталъ бы величать многострадальнаго монсиньйоромъ, еслибъ не чувствовалъ себя наверху своихъ желаній и славы: что касается до превосходительства, то это другое дѣло, ибо я въ нѣкоторомъ родѣ превосходительство, и въ маленькомъ превосходительствѣ мнѣ нельзя отказать. Теперь я ожидаю восторговъ Соломона Геснера насчетъ его двухъ огромныхъ золотыхъ медалей; восторги аббата Галліани уже пріѣхали и будутъ сопровождать начатую грамоту. Поэтому выходитъ, что всѣ мои императорскія медали пристроены согласно приказанію и намѣреніямъ моей Августѣйшей Государыни, и у меня не остается отъ нихъ ни слѣда.

3) Г. Монтіонъ, статскій совѣтникъ и канцлеръ г. графа д'Артуа, принадлежитъ къ числу людей, всего сильнѣе страдающихъ той ужасной болѣзнію, которую въ просторѣчіи называютъ тоской по Екатеринѣ или, по другому выраженію, болью по сѣверной Минервѣ. Я, какъ его лейбъ-медикъ, испытываю съ нимъ великія затрудненія. Этотъ бѣдный больной нѣкогда имѣлъ подъ своимъ начальствомъ одного г. Мохо (Moheau), написавшаго весьма хорошее сочиненіе о народонаселеніи во Франціи, и

s'avise de mettre dans la tête de ce M. Moheau, aujourd'hui placé dans les bureaux de la guerre à Versailles, qu'il faut qu'il fasse hommage de son livre à la dominatrice de toutes les Russies, qui doit se connaître, dit-il, en population. Moi j'accepte l'hommage de M. Moheau, et mets son livre et la lettre dont il l'a accompagné, aux pieds de cette fière, mais juste dominatrice dont le trident, non content de dominer sur la mer Caspienne, sur le pont Euxin et sur la Baltique, va dicter le code de l'équité et de la justice aux mers humiliées et outragées par la barbarie et les pirateries des requins de toute espèce.

J'ignore, Madame, si l'allié terrestre de Votre Majesté, en sa qualité d'académicien de Pétersbourg, a envoyé à notre auguste Protectrice une brochure de sa composition sur la littérature allemande. Comme je suis, par la grâce et iniquité spéciale de Votre Majesté, le confrère académique de cet auguste écrivain, il n'a pas manqué de m'envoyer son ouvrage, et je n'ai pu lui en faire mes remercîments sans entrer un peu dans la controverse. Ce livre a excité un grand scandale dans le Saint-Empire; un grand théologien et un grand médecin, l'un à Brunswick, l'autre à Breslau, l'ont déjà réfuté avec tout le respect dû à la tête grise et couronnée de l'auteur. La gazette littéraire de Göttingen en a aussi dit son avis. Nun ist freylich nicht zu läugnen daß der erlauchte Herr Verfasser seiner Materie nicht gewachsen

---

вотъ онъ осмѣлился дать мысль этому г. Мохо, нынѣ служащему въ военной канцеляріи въ Версали, поднести его книгу повелительницѣ всея Россіи, которая, говорятъ, должна знать толкъ въ народонаселеніи. Я принялъ приношеніе г. Мохо, и повергаю его вмѣстѣ съ письмомъ его сопровождающимъ къ стопамъ этой гордой, но правосудной повелительницы, которой трезубецъ, не довольствуясь владычествомъ на Каспійскомъ морѣ, Понтѣ Эвксинскомъ и Балтикѣ, провозглашаетъ уставъ безпристрастія и справедливости морямъ, униженнымъ и оскорбленнымъ варварствомъ и разбоями акулъ всякаго рода.

Мнѣ неизвѣстно, Государыня, послалъ ли земной союзникъ Вашего Величества, въ качествѣ петербургскаго академика, нашей Августѣйшей покровительницѣ брошюру своего сочиненія о нѣмецкой литературѣ. Такъ какъ я, по милости и благодаря спеціальному беззаконію Вашего Величества, собратъ по Академіи этого августѣйшаго писателя, то онъ не преминулъ прислать мнѣ свое произведеніе, и я не могъ выразить ему за то своей благодарности, не войдя нѣсколько въ полемику. Эта книга возбудила большой соблазнъ въ Священной Имперіи; великій богословъ и великій медикъ—одинъ въ Брауншвейгѣ, другой въ Бреславлѣ, уже опровергли её со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ сѣдой и коронованной головѣ автора. Гётингенская литературная газета также произнесла о ней свое мнѣніе. Ну, конечно нельзя отрицать, что царственный авторъ недостаточно знакомъ со своимъ предметомъ и судитъ о нѣмецкомъ

ist, und von der deutschen Sprache ohngefähr wie ein Blinder von den Farben urtheilt. Cela est bien moral pour ceux qui réfléchissent, de voir un grand prince et, qui pis est, une grande tête qui donne tous les jours un temps considérable à la lecture, vivre au milieu de sa patrie, dont la capitale possède plusieurs écrivains de la première force, sans en rien savoir, sans se douter que sa langue maternelle n'est plus celle qu'on parlait et écrivait il y a soixante ou quatre-vingts ans; et qui, de la meilleure foi du monde, ignore tout ce qu'on a écrit depuis quarante ans tout autour de lui, et la révolution qui est arrivée et dans la langue et dans les têtes allemandes, et qui par conséquent ne peut entrevoir que la plupart des écrits de sa patrie valent mieux que toutes ces brochures insipides qu'on voit paraître à Paris et où les idées de quelques grandes têtes sont répétées, délayées et défigurées en mille manières diverses.

Mais le courrier de M. de Vergennes fait claquer son fouet: il faut, si non plier bagage, du moins plier et fermer cette pancarte improprement dite. J'avais cependant encore de bien belles choses à dire; je vais retourner à ma pancarte commencée quand j'aurai porté ce paquet à Versailles.

Il faut que Votre Majesté Impériale sache que je compte fermement que le modèle de la porte de Pétersbourg à Moscou sera terminé avant la fin de ce mois, et que, sans attendre des ordres ultérieurs, comme dit le divin, je ferai partir ce modèle par terre pour Lübeck, où il plaira à Votre

---

языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно для людей размышляющихъ видѣть великаго государя (и, что еще хуже, великую по уму голову), посвящающаго значительное время чтенію, и который, живя среди своего отечества, въ столицѣ, обладающей нѣсколькими писателями первой силы, не знаетъ этого, не подозрѣваетъ, что его родной языкъ уже не тотъ, какимъ говорили и писали вокругъ него шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И совершенно искренно онъ остается въ невѣдѣніи насчетъ всего, что́ писалось вокругъ него въ продолженіе сорока лѣтъ насчетъ того, какой переворотъ произошелъ въ языкѣ и головахъ германскихъ, и стало-быть онъ не можетъ постичь, что многія литературныя произведенія его страны гораздо выше тѣхъ скучныхъ брошюръ, которыя появляются въ Парижѣ и гдѣ мысли нѣкоторыхъ великихъ умовъ повторяются, разбавляются и уродуются на тысячу различныхъ ладовъ.

Но курьеръ г. Верженa хлопаетъ своимъ бичемъ: надо, если не сложить свою поклажу, то по крайней мѣрѣ сложить и запечатать эту грамоту, не по справедливости такъ именуемую. Я могъ бы однако сказать еще очень много хорошаго; я возвращусь къ своей начатой грамотѣ, какъ только доставлю этотъ пакетъ въ Версаль.

Надо, чтобъ Ваше Величество знали, что я твердо надѣюсь, что модель воротъ изъ Петербурга въ Москву будетъ окончена прежде конца этого мѣсяца, и что не ожидая предварительныхъ приказаній, какъ выражается божественный, я отправлю

Majesté de le faire chercher; j'en marquerai le départ précis. Les tableaux Zuckmantel pourront descendre le Rhin jusqu' à Wesel et se rendre de là par terre à Lübeck à peu de frais, dès que j'aurai reçu les 30 mille livres qu'il me faut pour cet objet. Mais pour les tableaux Robinet et pour la statue du patriarche, deux objets qui sont payés par Sa Majesté, c'est une autre affaire. Je ne sais pas absolument comment, par quelle route et avec quelles précautions je dois les envoyer à Pétersbourg au milieu du gâchis maritime qui subsiste, et j'attends sur cela une instruction impériale très précise.

J'ai vu avec satisfaction par les papiers publics qu'il a plu à Votre Majesté de se conformer à mes idées avant de les connaître, en ouvrant un emprunt en Hollande. Je veux absolument que le change remonte, que le gâchis maritime finisse, et que ce soit le trident de Catherine qui mette le holà. Mais on dirait que les Bataves attendent que tout le monde se batte pour eux avant qu'ils s'éveillent. Si cela est comme cela, je leur dirai comme le barbier de Séville: «que Dieu vous bénisse, et allez vous coucher, puisque vous ne savez vous lever.» Je suis de près den Kaiserlichen Normalschüler, Joseph de Falkenstein, et jusqu' à présent je suis fort content de ce qu'il a dit à l'oreille de Votre Majesté, et de ce que l'Impératrice a renfermé l'année dernière dans son coeur impérial. S'il continue, s'il entend

---

эту модель сухимъ путемъ въ Любекъ, куда Ваше Величество изволите за ней прислать; я увѣдомлю въ точности объ ея отправкѣ. Картины Цукмантеля могутъ плыть по Рейну до Везеля и оттуда отправиться сухимъ путемъ въ Любекъ, и дешевымъ способомъ, какъ только я получу 30 тысячъ ливровъ, нужныхъ мнѣ на этотъ предметъ. Что касается до картинъ Робинэ и статуи патріарха, двухъ предметовъ оплаченныхъ Вашимъ Величествомъ, это другое дѣло. Я рѣшительно не знаю какъ, какимъ путемъ и съ какими предосторожностями я долженъ ихъ отправить въ Петербургъ среди настоящей морской суматохи, и ожидаю на этотъ счетъ весьма точной императорской инструкціи.

Я увидѣлъ съ удовольствіемъ изъ газетъ, что Вашему Величеству благоугодно было, соображаясь съ моими мыслями, прежде чѣмъ Вы ихъ узнали, открыть заемъ въ Голландіи. Я непремѣнно хочу, чтобъ курсъ поднялся, чтобъ морская безурядица кончилась и чтобъ трезубецъ Екатерины остановилъ все это. Но подумаешь, что Батавы поджидаютъ, чтобъ всѣ передрались за нихъ, прежде чѣмъ они проснутся. Если это такъ, то я имъ скажу какъ севильскій цирюльникъ: «Богъ съ вами, идите спать, если вы не умѣете вставать». Я слѣжу бдительно за императорскимъ нормальнымъ ученикомъ Іосифомъ Фалькенштейномъ, и до сихъ поръ я очень доволенъ тѣмъ, что онъ говорилъ на ухо Вашему Величеству, и что Императрица въ прошедшемъ году замкнула въ своемъ императорскомъ сердцѣ. Если онъ будетъ такъ продолжать, если онъ понимаетъ свои выгоды, если онъ будетъ мудръ какъ Минерва волшебница,

ses intérêts, s'il est sage comme Minerve la magicienne, il pourra doubler sa puissance sans qu'il en coûte une goutte de sang à personne.

J'envoie à Votre Majesté un prospectus de Beaumarchais sur l'édition de Voltaire qui sera incessament suivi d'un ennuyeux Vortrag du souffre-douleur. Pendant que le brave Wagnière était ici, sa fille Catherine, et en cette qualité filleule de Votre Majesté, m'a écrit une belle lettre. Je lui ai répondu: preise Gott und die Kaiserin, car dans l'église orthodoxe luthérienne c'est un article de foi que les saints ou souffre-douleur sont sans crédit. Nun muß ich schließen mit dem 40 Psalm: wie der Hirsch schreyet nach frischem Wasser, so schreyet meine Seele, o wohlthätige Selbstherrscherin, nach einer göttlichen Zeile von dir. Und meine Seele ist und bleibt avec le plus profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur Grimm.

18.

Allerunterthänigster abgenöthigter Nachtrag zu № 53.

Ja, da macht nun unsere huldreichste Kaiserin gar ein verzweifelt Gesicht, und sagt: Wenn der Kerl auch so gar wieder mit Nachträgen aufgezogen kommt:

онъ можетъ удвоить свое могущество такъ, чтобъ это не стóило никому капли крови.

Посылаю Вашему Величеству программу Бомарше на изданіе Вольтера, за которымъ немедленно послѣдуетъ скучная грамота многострадальнаго. Покамѣстъ честный Ваньеръ былъ здѣсь, дочь его Екатерина и въ этомъ смыслѣ крестница Вашего Величества, написала мнѣ прекрасное письмо. Я отвѣчалъ ей: хвали Бога и Императрицу, потому что въ православной лютеранской церкви есть догматъ, что святые и многострадальные не имѣютъ значенія. Ну теперь я долженъ заключить 40-мъ псалмомъ: какъ лань жаждетъ источниковъ воды, такъ жаждетъ душа моя, о благодѣтельная Самодержица, нѣсколькихъ строчекъ отъ тебя. И душа эта есть и пребудетъ съ глубочайшимъ почтеніемъ, Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепреданный и всепокорный слуга Гриммъ.

Въ Парижѣ, сего 27 марта (7 апрѣля) 1781 г.

18.

Всеподданнѣйшее вынужденное дополненіе къ грамотѣ № 53.

Да, при этомъ наша всемилостивѣйшая Императрица дѣлаетъ отчаяннѣйшее лице и говоритъ: Если этотъ человѣкъ опять по-прежнему станетъ являться ко мнѣ съ

so muß ich ihn ohne Barmherzigkeit auf lebenlang mit seinen Scharteken aus meinem Reiche verbannen lassen, denn seit dem Teschner Frieden kommen mir die Nachträge wie Coloquinthen vor. Je sens, Madame, tout ce que je risque en prenant cette forme proscrite: cependant, quand on a jugé téméraireinent ses amis en présence de leur auguste protectrice, on doit courir après ses paroles, comme un basque, dès qu'on reconnaît leur injustice. A peine j'avais livré mon énorme paquet à M. le comte de Vergennes, que j'ai appris, à n'en pouvoir douter, que les Bataves ne méritaient point mes reproches, que pour procéder un peu à la sournoise dans leurs préparatifs, ils n'y allaient pas moins bon jeu bon argent, et que lorsque le moment des préparatifs serait passé, ceux qui les ont provoqués auraient peut-être à se repentir de cette extravagante témérité. On m'assure que leur projet est de sortir tous à la fois comme un essaim de sa ruche et de tomber de tous côtés sur les dépouilles de leur anciens alliés, qui les ont si grièvement turlupinés. Ce qu'il y a de sûr, c'est que les Bataves ont peut-être le meilleur port de La Manche, c'est celui de Flessingue; toutes les forces de la neutralité armée, y compris les vaisseaux les plus considérables, pourront y mouiller fort à leur aise et partager le canal britannique en deux; mais je crois que les géographes russes connaissent la position de Flessingue et la bonté de son port aussi bien que moi.

Il me semble que les Brittishmen n'ont pas reçu de nouvelles conso-

---

дополненіями, то я буду вынуждена безжалостно и на всю жизнь изгнать его съ бумажнымъ его хламомъ изъ моего государства, потому что съ самаго Тешенскаго мира дополненія кажутся мнѣ хуже горькой рѣдьки. Я чувствую, Государыня, чему я подвергаюсь, прибѣгая къ этой запрещенной формѣ: однакоже, когда намъ случилось смѣло осудить друзей въ глазахъ ихъ Августѣйшей покровительницы, то слѣдуетъ погнаться во всю прыть за своими словами, сознавши разъ ихъ несправедливость. Едва я передалъ мой огромный пакетъ г. графу де Вержену, какъ я несомнѣнно узналъ, что Батавы не заслуживаютъ моихъ упрековъ, и что хотя они дѣйствуютъ изподтишка въ своихъ приготовленіяхъ, но тѣмъ не менѣе подвигаются въ этомъ дѣятельно и не жалѣя денегъ, и что когда время приготовленій минуетъ, тѣ, кто вызывалъ ихъ, можетъ-быть будутъ раскаиваться въ этой безумной дерзости. Меня увѣряютъ, что они намѣреваются выйти всѣ вдругъ какъ рой изъ улья и напасть со всѣхъ сторонъ на добычу, оставленную имъ прежними ихъ союзниками, которые такъ чувствительно подшутили надъ ними. Вѣрно то, что Батавы обладаютъ можетъ-быть лучшей гаванью въ Ламаншѣ, именно Флессингенскою; всѣ силы вооруженнаго нейтралитета, включая и самые огромные корабли, могутъ свободно стоять тамъ на якорѣ и раздѣлить Британскій каналъ на двое; но я думаю, что русскіе географы знаютъ положеніе Флессингена и достоинство его гавани такъ же хорошо какъ и я.

Мнѣ кажется, что Британцы получили не очень утѣшительныя вѣсти изъ

lantes de l'Asie, et que celles d'Amérique ne sont pas meilleures. Mes épiciers Caroliniens se soutiennent très bien. Ils apprennent tout excepté à faire de l'or, parce qu'il ne convient pas aux chrétiens d'être sorciers; mais si on leur avait fourni honnêtement d'argent, je crois qu'il y a beau temps qu'ils auraient convaincu les drapiers qu'il faut les laisser tranquilles. C'est une étrange manie à papa George de croire qu'il pourra rentrer dans la maison de ses enfans après l'avoir incendiée six ans de suite. Nun das ist ja eine pure Unmöglichkeit, sagt unsere huldreiche Kaiserin, und der Bürgermeister von Darmstadt schnipst seine zween Finger auf seine silberne Tobaksdose und sagt: „das wird wohl ein wenig schwer halten, wenn auch unser gnädigster Landgraf sein Bataillon dazu hergebe."

J'apprends que les Français ont pris beaucoup de dépêches de la cour de Londres au général Clinton à bord d'un paquebot qui devait se rendre à Newyork. On y a trouvé aussi une lettre d'un banquier fort connu de Londres, qui rend compte à ce loyal Arnold dont l'acquisition au service britannique a coûté la vie à ce malheureux André généralement regretté. Par ce compte on voit que le coquin d'Arnold vient de placer cinq mille livres sterling dans les fonds d'Angleterre; c'est le prix du sang d'André. A la bonne heure, qu'on paie les trahisons, qu'on encourage et récompense les traîtres; c'est sans doute un mal nécessaire, mais qu'on accorde au traître l'habit d'honneur, l'uniforme militaire; qu'on le mette à la tête d'une

---

Азіи, а полученныя изъ Америки не лучше. Мои каролинскіе москотильщики держатся очень хорошо: они всему научаются кромѣ дѣланія золота, потому что христіанамъ нейдетъ быть колдунами; но еслибъ имъ предложили порядочную сумму, я думаю, они давно убѣдили бы суконщиковъ, что ихъ надо оставить въ покоѣ. Большая странность со стороны папаши Жоржа полагать, что онъ можетъ возвратиться въ домъ своихъ дѣтей послѣ того какъ онъ шесть лѣтъ сряду жегъ его. Ну, вѣдь это же совершенная невозможность, говоритъ наша милостивая Императрица, а дармштадтскій бургомистръ ударяетъ своими двумя пальцами по серебряной табакеркѣ и говоритъ: «Это будетъ трудновато, даже когда нашъ милостивѣйшій ландграфъ дастъ на то свой батальйонъ».

Я слышу, что Французы захватили множество депешъ отъ Лондонскаго двора къ генералу Клинтону на пакетботѣ, который долженъ былъ отправиться въ Нью-Йоркъ. Тамъ нашли также письмо очень извѣстнаго въ Лондонѣ банкира, отдающаго отчетъ тому благородному Арнольду, котораго поступленіе на англійскую службу стоило жизни этому несчастному Андре, возбудившему всеобщее сожалѣніе. По этому отчету видно, что этотъ негодяй Арнольдъ только что помѣстилъ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ англійскій банкъ; это цѣна крови Андре. Пусть платятъ за измѣну, пусть поощряютъ и награждаютъ измѣнниковъ; это конечно необходимое зло: но чтобъ измѣннику давали почетную одежду, военный мундиръ, чтобъ его ставили во главѣ

expédition et que des officiers britanniques consentent à servir sous ses ordres, cela est nouveau dans les fastes de l'histoire. Je voudrais aussi savoir si l'Impératrice approuverait le chef de ses forces navales ou de terre, qui après la conquête d'une île ennemie y laisserait flotter le pavillon ennemi pour attraper tous ceux qui par ignorance tombent dans la gueule. C'est sûrement un tour de gens avisés; mais y a-t-il de quoi s'en vanter publiquement dans une depêche publiée d'office?

Nun, sagt unsere allergnädigste Kaiserin, ist aus dem souffre-douleur gar ein Zeitungsschreiber geworden. Je quitte ce métier et la plume. Votre Majesté Impériale ne doit pas ignorer que M. de Hennin, chef de bureau des affaires étrangères, comme on dirait en Angleterre, sous-secrétaire d'état, a prêté jadis à M. de Voltaire un volume des oeuvres mêlées de Plutarque. Ce livre, qui a coûté quinze francs, a passé avec la bibliothèque du patriarche en Russie. M. de Hennin, dans le poste délicat où il se trouve, ne peut accepter aucun présent venant de l'étranger; mais il voudrait avoir en échange de son livre un autre livre imprimé en Russie, n'importe en quelle langue, de la valeur de quinze francs. Nun mein Abendgebet: Du, barmherziger Gott, erhalte Deine Gesalbte, die Selbsthalterin aller Reußen und aller Herzen!

A Paris, toujours le 7 avril 1781.

экспедиціи и чтобъ британскіе офицеры соглашались служить подъ его начальствомъ, это ново въ лѣтописяхъ исторіи. Я хотѣлъ бы также знать, одобрила бы Императрица начальника своихъ морскихъ или сухопутныхъ силъ, который послѣ завоеванія непріятельскаго острова позволилъ бы тамъ развѣваться непріятельскому флагу, чтобъ заманивать всѣхъ тѣхъ, кто по незнанію попадетъ въ ловушку. Это конечно хитрость ловкихъ людей; но есть ли тутъ чѣмъ хвастаться въ депешѣ, оффиціально напечатанной?

Ну, скажетъ наша всемилостивѣйшая Государыня, вотъ теперь многострадальный преобразился въ газетчика. Я покидаю это ремесло и перо. Ваше Императорское Величество не должны быть въ невѣдѣніи, что г. Геннэнъ, начальникъ бюро иностранныхъ дѣлъ, или, какъ сказали бы въ Англіи, подсекретарь государственный, далъ нѣкогда г. Вольтеру одинъ томъ смѣшанныхъ твореній Плутарха. Эта книга, которая стóила 15 франковъ, перешла съ библіотекой патріарха въ Россію. Г. де Геннэнъ, находясь на деликатномъ постѣ, не можетъ принимать никакихъ подарковъ, предлагаемыхъ иностранцами; но онъ желалъ бы имѣть въ обмѣнъ на свою книгу другую книгу, напечатанную въ Россіи, на какомъ бы то ни было языкѣ, цѣною въ пятнадцать франковъ. Теперь вотъ моя вечерняя молитва: Милосердый Боже, сохрани Свою помазанницу, Самодержицу всея Россіи и всѣхъ сердецъ!

Въ Парижѣ, все еще 7 апрѣля 1781.

19.

A Paris, ce 23 avril (4 mai) 1781.

Madame. Ce n'est pas la première fois que, n'étant rien moins que sorcier, j'ai pourtant su faire arriver à point nommé une pancarte aux pieds de mon auguste et immortelle bienfaitrice: tant le dieu des messagers se croit obligé d'avoir égard aux prières des justes. Je vais donc l'invoquer avec un redoublement de ferveur, pour qu'il remette mon paquet dans la plus belle et la plus redoutable main de l'univers connu, au jour préfix du 2 mai que les Grecs célèbrent obstinément le 21 avril, jour cabalistique qui pensa mettre le feu à la ville de Stettin, wie denn ich, kaiserlicher Schmerzdulder, das Brandmal noch vor drey Jahren mit meinen sterblichen Augen gesehen, welches aber doch nicht so tief in den Boden eingebrannt hat, als mein armes Herz ist gebrandmarkt worden, pour avoir envisagé de trop près et trop longtemps celle qui naquit ce jour, pour être Deutschlands Stolz, Rußlands Glück und Ruhm, für die Weisen in den übrigen drey Welttheilen ein Wunder, und für die Gekrönten und Ungekrönten ein Räthsel; nun sey Gott ihnen und meinem armen Herzen gnädig und barmherzig! Was es aber mit mir für ein Ende nehmen wird, das weiß Er, der Allwissende, alleine.

Si donc cette pancarte arrive à point nommé, elle rappellera à Votre

---

19.

Государыня, Уже не первый разъ какъ я, не будучи волшебникомъ, сумѣлъ однако въ должную минуту доставить грамоту къ стопамъ своей Августѣйшей и безсмертной благодѣтельницы: до того богъ посланцевъ пріемлетъ во вниманіе молитвы праведныхъ. Итакъ я стану молиться ему съ удвоеннымъ усердіемъ, чтобъ онъ доставилъ мой пакетъ въ прекраснѣйшую, но и сильнѣйшую во вселенной руку, въ предопредѣленный день 2-го мая, упорно празднуемый Греками 21-го апрѣля, день кабалистическій, который едва не зажегъ городъ Штетинъ, гдѣ императорскій многострадальный еще три года тому назадъ видѣлъ пожарище своими собственными смертными глазами. Но не такъ глубоко выжжена была земля на этомъ мѣстѣ, какъ заклеймено мое бѣдное сердце за то, что я видѣлъ слишкомъ вблизи и слишкомъ долго ту, которая родилась въ этотъ день, чтобъ быть гордостью Германіи, счастьемъ и славою Россіи, чудомъ для мудрецовъ въ остальныхъ трехъ частяхъ свѣта, а для коронованныхъ и некоронованныхъ лицъ загадкой. Но да будетъ Господь благъ и милосердъ къ нимъ и къ моему бѣдному сердцу! Каковъ же будетъ мой конецъ, то знаетъ одинъ Онъ Всевѣдущій.

Итакъ если эта грамота придетъ въ должную минуту, она напомнитъ Вашему

Majesté Impériale qu'au même instant où les voèux de la Russie retentissent dans les rues, dans les airs, au palais impérial, le taudis du souffre-douleur est sens dessus-dessous; toutes les morveuses sont en l'air à cause de la solennité du jour. Toutes ces morveuses deviennent d'année en année moins morveuses: elles se marient l'une après l'autre à la barbe du souffre-douleur, mais cela ne leur ôte pas le goût de célébrer celle dont le nom est révéré depuis les bords de la Newa jusqu'au delà du fleuve des Amazones: cela les met seulement dans l'obligation de produire d'autres morveuses pour transmettre l'usage de célébrer le 2 mai de génération en génération. Avec tout le train qu'elles feront chez moi, j'aimerais mieux me trouver ce jour-là à huit cents lieues d'ici, comme par exemple à Pétersbourg, dans la suite de monsieur Alexandre, en qualité de son portemanteau oder Schweifträger, lorsqu'il ira en gala rendre ses respects à l'Impératrice. Voilà un pis-aller dont je m'accommoderais prodigieusement; mais monsieur Alexandre dit qu'il ira bien chez l'Impératrice sans portemanteau, et me renvoie à garder les manteaux de mes morveuses.

Si Votre Majesté, qui aime à répandre le bonheur tout autour d'elle à onze ou douze mille verstes à la ronde, avait à coeur d'ajouter à mon bonheur ce jour-là, je doute qu'elle en vînt à bout, car ce jour est un mercredi, et à moins d'un courrier extraordinaire, rien n'arrive de Russie ce jour-là; mais le lendemain est le jour de poste ordinaire de Pétersbourg,

---

Императорскому Величеству, что въ то время, когда пожеланія цѣлой Россіи раздаются на улицахъ, въ воздухѣ, въ императорскомъ дворцѣ, лачуга многострадальнаго вся перевернута вверхъ дномъ; всѣ дѣвчонки засуетились по поводу торжественнаго дня. Всѣ эти дѣвчонки съ каждымъ годомъ понемножку перестаютъ быть дѣвчонками; онѣ выходятъ замужъ одна за другой подъ носомъ многострадальнаго; но это не отнимаетъ у нихъ охоту чествовать ту, имя которой чтится отъ береговъ Невы за предѣлы теченія рѣки Амазонской: это только налагаетъ на нихъ долгъ произвести другихъ дѣвчонокъ, чтобъ передать имъ обычай праздновать 2-ое мая изъ рода въ родъ. Зная, какой шумъ онѣ произведутъ у меня, я желалъ бы очутиться за восемьсотъ льё отсюда, какъ напримѣръ въ Петербургѣ въ свитѣ г. Александра, въ качествѣ носителя его верхняго платья, или носителя *шлейфа*, когда онъ въ парадной формѣ пойдетъ привѣтствовать Императрицу. Вотъ съ чѣмъ я на худой конецъ весьма охотно бы примирился; но г. Александръ говоритъ, что онъ пойдетъ къ Императрицѣ и безъ носителя верхняго платья, и отсылаетъ меня стеречь верхнее платье моихъ дѣвчонокъ.

Еслибъ Ваше Величество, любя разливать счастье вокругъ себя на одиннадцать или двѣнадцать тысячъ верстъ во всѣ стороны, приняли къ сердцу увеличить мое счастіе въ этотъ день, я сомнѣваюсь, чтобъ вы въ этомъ успѣли: вѣдь этотъ день середа и ничего не приходитъ изъ Россіи, развѣ съ экстреннымъ курьеромъ. Но въ слѣдующій день

et comme il n'y a point de bonne fête sans lendemain, so würden ja alle böse Geister jämmerlich kräuschen und zappeln, wenn just an diesem Tag aus purer Kaiserlichen Huld und Großmuth ein kleines Kaiserliches Pankärtchen an den armen Schmerzdulder einliefe. Wie würde der arme Tropf sich aufblähen, da er schon so lange Zeit hungert und durstet, und seit dem hohen Catharinenfeste des vorigen Jahres, wo er eben im Begriff war nach der andern Welt abzusegeln, und wo ihn noch zu rechter Zeit ein kaiserlicher huldreicher Blick zurück berufen, nichts von dem göttlichen Manna genossen, welches doch der es einmal genossen, nimmer mehr entbehren kann. Mais si l'on ne peut s'en passer, on a encore moins le droit de le solliciter; il faut l'attendre avec confiance et résignation, et s'il ne vient plus, nun so bist du ja, Kerl, alt genug, und kannst nun vor Kummer und Gram verzagen. En l'attendant, je cherche comme une âme en peine, à droite et à gauche, celui qui pourra me dire des nouvelles de celle dont un regard peut faire ma destinée, et j'ai la consolation d'entendre de tous côtés: l'Impératrice se porte parfaitement bien; elle travaille avec plus d'application et d'ardeur que jamais; rien ne peut ni arrêter ni ralentir cette ardeur inextinguible pour la gloire et la prospérité de l'empire; ja nun, das kömmt mir auch ganz glaublich vor, denn als einen hartnäckigen Kopf habe ich sie allezeit gekannt, und wo sie anbeißt, da setzt sie durch.

J'ignore, Madame, encore à l'heure qu'il est, le sort de mes paquets

---

отходитъ обыкновенная почта изъ Петербурга, а такъ какъ не бываетъ настоящаго праздника безъ завтрашняго дня, то вѣдь всѣ злые духи будутъ жалобно визжать и трястись, если именно въ этотъ день изъ чисто императорскаго благоволенія и великодушія маленькая императорская грамотка дойдетъ до бѣднаго многострадальца. Какъ тогда бѣдный дурень раздулся бы, ибо онъ уже давно голодаетъ и жаждетъ, не вкушая болѣе той небесной манны, безъ которой разъ ее вкусившій не можетъ болѣе существовать. Онъ не вкушаетъ ея со времени высокаго Екатерининскаго праздника прошедшаго года, когда онъ совсѣмъ уже собрался отплыть на тотъ свѣтъ и еще во-время былъ удержанъ императорскимъ милостивѣйшимъ взоромъ. Но если кто не можетъ обходиться безъ этой пищи, тѣмъ менѣе онъ въ правѣ ее вымаливать; надо ожидать ее съ довѣріемъ и безропотно, а если она болѣе не придетъ, такъ ты, сударь мой, ужъ довольно старъ и можешь изныть отъ печали. А покамѣстъ я съ тоскующей душой обращаюсь направо и налѣво и ищу кого-нибудь, кто бы могъ дать мнѣ вѣсточку о той, которой одинъ взглядъ можетъ осчастливить судьбу мою, и я съ утѣшеніемъ слышу отовсюду: Императрица въ превосходномъ здравіи; она работаетъ съ бóльшимъ прилежаніемъ и рвеніемъ, чѣмъ когда-либо, ничто не можетъ ни остановить, ни замедлить эту неистощимую ревность къ славѣ и благоденствію Имперіи. Да, это мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, потому что я всегда зналъ ее за упрямую голову, и гдѣ она разъ закуситъ, тамъ ужъ и поставитъ на своемъ.

Я до сихъ поръ нахожусь въ неизвѣстности, Государыня, о судьбѣ моихъ пакетовъ,

expédiés en octobre par le baron de Bock, en janvier par mon ange et sauveur Principati, en mars par M. Moulofski. Ce dernier a emporté, entre autres choses, une nouvelle comédie de maître Sedaine, qui s'estimera bien heureux, si elle obtient les honneurs de la représentation, et les Conversations d'Emilie, sur lesquelles le grand Huber de Genève m'a écrit une lettre originale comme lui, et qu'il faut que je dépose dans mes archives de Pétersbourg, c'est-à-dire dans la cheminée impériale.

D'original à original, à quelque distance qu'ils se trouvent, que ce soit Genève ou Naples ou Pétersbourg, il n'y a jamais bien loin, ainsi donc le grand Huber me conduit tout naturellement à Naples chez le charmant petit abbé, et celui-ci me mène droit, avec mes pancartes très injurieuses pour moi, aux pieds de mon auguste Souveraine. J'ai été un peu furieux contre Votre Majesté, en remarquant dans la dernière pancarte divine et salutifère cet excès de délicatesse qui lui fait tout de suite enfermer la partition du Carmen Saeculare de Philidor sous la clef et hermétiquement, parce que j'ai osé la supplier de ne point permettre qu'on en tire des copies, dans la vue de faire imprimer ou graver cette musique. Cela ne s'appelle-t-il pas renverser la charrette de l'autre côté? Si l'Impératrice a si magnifiquement et si impérialement payé une copie de cette musique, simplement pour l'avoir sous clef, il est évident que j'aurais pu du moins lui en épargner le port de Paris à Pétersbourg: car, en la tenant ici sous ma clef

---

посланныхъ въ октябрѣ съ барономъ Бокомъ, въ январѣ съ ангеломъ моимъ Принчипати, въ мартѣ съ г. Муловскимъ. Этотъ послѣдній между прочими предметами увезъ новую комедію мастера Седэна, который сочтетъ себя особенно счастливымъ, если она удостоится чести представленія, и Разговоры Эмиліи, о которыхъ великій Гюберъ изъ Женевы написалъ мнѣ письмо оригинальное какъ онъ самъ; это письмо я долженъ положить въ мои петербургскіе архивы, то есть въ императорскій каминъ.

Переходя отъ оригинала къ оригиналу, на какомъ бы разстояніи они ни находились, будь то въ Женевѣ, Петербургѣ или Неаполѣ, все это близко одно отъ другого, я такимъ образомъ великимъ Гюберомъ приведенъ весьма естественно въ Неаполь къ милѣйшему маленькому аббату, а это прямо препровождаетъ меня съ моими грамотами, очень для меня оскорбительными, къ стопамъ моей Августѣйшей Государыни. Я былъ немножко разбѣшенъ Вашимъ Величествомъ, замѣтивъ въ послѣдней божественной и благодатной грамотѣ тотъ избытокъ деликатности, который тотчасъ заставляетъ Васъ крѣпко запереть партитуру Carmen Saeculare Филидора подъ ключъ, потому что я осмѣлился умолять Васъ не дозволять снимать съ нея копіи, дабы не вздумали напечатать или награвировать эту музыку. Развѣ это не значитъ опрокинуть возъ въ другую сторону? Если же Императрица такъ великолѣпно и по-царски заплатила за копію этой музыки, только чтобъ имѣть ее подъ ключемъ, то ясно, что я по крайней мѣрѣ могъ бы избавить ее отъ платы за провозъ отъ Парижа до Петербур-

en ma qualité de Kaiserlicher Musikverwahrer, elle eût été tout aussi bien gardée. Je connais des caractères violents qui disent: de quoi se mêle donc cette Impératrice de mettre dans le commerce de la vie privée, dans les plus petites choses, autant d'égards, de discrétion, de réserve, de délicatesse als unser einer? De quel droit empiète-t-elle sur les vertus des particuliers, tandis qu'aucun particulier ne peut empiéter sur aucune de ses qualités impériales? Il faut que j'avale tous ces propos, et que je reste court. Votre Majesté me fera plaisir de me mander ce que je puis répondre à cela, denn es thut mir leid so große Beschwerden auf meine Kaiserin kommen zu laßen. Je leur dis quelquefois: vous vous fâchez là pour des babioles; c'est bien pis quand on la voit de près: denn in ihrem ganzen Handthieren ist sie gar eine wunderliche oder wunderbare Frau. Croiriez-vous, messieurs, que la première fois que je me suis trouvé dans ce Tsarsko-Sélo où la création a établi sa boutique avec tous ses outils de sorcellerie, elle a voulu savoir si j'étais bien logé, bien fermé, bien chauffé, et parce qu'elle a imaginé que je n'étais pas assez près du poêle, elle a fait un vacarme de l'autre monde?—Qui? l'Impératrice?—Elle même. — Allons, souffre-douleur, vous êtes fou. — Demandez-lui plutôt, et si j'ai dit un mot qui ne soit pas exact, je ne veux plus de ma vie recevoir une seule ligne tracée par sa main sacrée. Et quand j'ai voulu lui dire son fait, quand je lui ai demandé de quoi elle se mêlait, elle m'a demandé

га, ибо, оставивъ ее здѣсь подъ своимъ ключемъ въ качествѣ императорскаго хранителя музыки, я сберегъ бы ее точно такъ же хорошо. Знаю, что нѣкоторые горячіе характеры говорятъ: какимъ же образомъ эта Императрица примѣшиваетъ къ отношеніямъ частной жизни и къ малѣйшимъ мелочамъ столько вниманія, скромности, сдержанности, деликатности, какъ и нашъ братъ? По какому праву присвоиваетъ она себѣ добродѣтели частныхъ людей, тогда какъ ни одинъ частный человѣкъ не можетъ себѣ присвоить ни одной изъ ея царскихъ добродѣтелей? Я вынужденъ проглотить всѣ эти разсужденія и становлюсь въ тупикъ. Ваше Величество сдѣлаете мнѣ удовольствіе, сообщивъ чтó я могу отвѣчать на это; ибо мнѣ жаль, что на мою Императрицу возводятъ такія тяжкія обвиненія. Я иногда говорю имъ: вы сердитесь за вздоръ; гораздо хуже еще, когда ее видишь вблизи, такъ какъ она во всемъ своемъ образѣ дѣйствій чуднáя или чудесная женщина. Повѣрите ли вы, господа, что въ первый разъ, какъ я находился въ этомъ Царскомъ Селѣ, гдѣ творчество устроило свою лавочку со всѣми своими орудіями колдовства, она захотѣла знать, хорошо ли я помѣщенъ, защищéнъ ли отъ холода, и обогрѣтъ ли, и когда ей показалось, что я не довольно близокъ къ печкѣ, она произвела великій шумъ? — Кто — Императрица? — Да, она сама. — Ну, многострадальный, въ своемъ ли ты умѣ? — Спросите тогда у нея самой, и если я сказалъ хоть слово несогласное съ истиной, то во всю жизнь не хочу получать ни строчки, начертанной ея священною рукою. А когда я хотѣлъ обличить ее въ этомъ, когда я спросилъ ее, зачѣмъ она въ это вмѣшивается, она спро-

à son tour si une maîtresse de maison ne devait pas savoir si les gens qu'elle avait invités étaient bien logés chez elle; just eben so als wenn sie eine gnädige Frau auf einem kurländischen Adelsitz wäre. Et tout cela ne l'empêche pas de mener sa petite barque, Slava Rossii genannt, comme si de rien n'était, et de se mêler encore à droite et à gauche de bien de petites choses dont le genre humain se souviendra. Wenn ich nun solche Sachen zu erzählen gezwungen bin, so vergißt man des großen Philiodor Partiture, man sieht mich mit starren oder schielen neidischen Augen an und ruft aus: nun so muß schwer und hart bey ihr zu leben seyn. Alors le souffre-douleur se met à fondre en larmes, und sagt: das weiß der lebendige Gott! Il faudra pourtant qu'il plaise à Votre Majesté de tirer cette partition de Philidor de sa prison et de voir ce qu'elle en voudra faire. Le petit charmant abbé, tout en disant qu'il lui est impossible de faire un programme pour l'hymne séculaire d'Horace, m'a envoyé l'esquisse ou le projet d'une fête magnifique. Je garde cette esquisse parce qu'elle est en italien. J'ai ordonné à la fille de Diderot d'en faire la traduction que je mets sous les yeux de mon auguste Souveraine; c'est une grande faveur que j'ai accordée à cette ex-morveuse, en la choisissant de préférence pour traductrice. Votre Majesté sait que je suis un esprit très borné; ainsi je n'avais pas encore compris jusqu'à présent, à quoi bon cette peste dont il a plu au Seigneur dans sa miséricorde de visiter la ville de

---

сила меня въ свою очередь, не должна ли хозяйка дома знать, хорошо ли помѣщены люди, которыхъ она приглашаетъ къ себѣ, какъ будто бы она была какая-нибудь курляндская барыня въ своемъ дворянскомъ помѣстьи. И все это не мѣшаетъ ей направлять свою маленькую ладью, именуемую «Слава Россіи», какъ ни въ чемъ не бывало, да еще вмѣшиваться направо и налѣво въ разныя мелкія дѣлишки, которыя будетъ помнить человѣчество. Когда я вынужденъ разсказывать о подобныхъ вещахъ, то нетрудно забыть партитуру Филидора; на меня смотрятъ выпуча глаза, или, косясь отъ зависти, восклицаютъ: ну такъ житье у нея должно быть трудновато и жестко. Тогда многострадальный, залившись слезами, отвѣчаетъ: это извѣстно Богу живому! Однакожъ, Вашему Величеству не благоугодно ли будетъ освободить партитуру Филидора изъ заключенія и рѣшить, какъ Вамъ заблагоразсудится употребить ее. Маленькій милѣйшій аббатъ, отказавшись написать програму къ столѣтнему гимну Горація, прислалъ мнѣ набросокъ или проектъ великолѣпнаго праздника. Я оставилъ этотъ набросокъ у себя, потому что онъ написанъ по-итальянски. Я велѣлъ дочери Дидеро перевести его и повергаю на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества; я сдѣлалъ великую честь этой эксъ-дѣвчонкѣ, выбравъ ее предпочтительно въ переводчицы. Вашему Величеству извѣстно, что я обладаю умомъ весьма ограниченнымъ; поэтому я до сихъ поръ еще не постигъ, на что была нужна эта чума, которою Господь, въ своемъ милосердіи, посѣтилъ городъ Москву въ царство-

Moscou sous le règne de Catherine II. L'hymne séculaire m'en a donné la clef. C'est pour procurer à l'empire russe une ressemblance de plus avec l'empire romain; c'est pour offrir à l'Impératrice des Grecs une occasion toute pareille à celle que saisit l'Imperator des Romains pour célébrer des jeux séculaires. Il exerçait, parmi ses dignités, celle de pontife souverain, comme elle compte parmi les siennes celle de chef de son église; il était le maître du monde par la force des armes; elle en est devenue l'arbitre par une séduction diabolique étayée sur trois pierres plus dures que celle sur laquelle le divin Sauveur a fondé son église; ces trois pierres s'appellent de leur nom de baptême, justice, modération, fermeté. J'espère que Votre Majesté voudra bien me faire savoir si elle daigne accorder sa protection à ce projet, et s'il doit avoir lieu cette année ou l'année prochaine. Le jour de l'avénement au trône paraît plus particulièrement appartenir à cette solennité. Si les jeux séculaires doivent se célébrer cette année, ce sera pour commencer sous leurs auspices la vingtième année der Zauber-Regierung; si on les renvoie à l'année prochaine, se sera après l'accomplissement de cette vingtième année; de quelque manière qu'on les célèbre, cela ne sera pas une fête sans caractère et sans physionomie. Daß aber die Kaiserinn glücklich und glorreich zwanzig Jahre durchregiert hat, sans s'être ennuyée un quart d'heure pendant ces vingt ans, welches doch eine der allergewöhnlichsten Thronkrankheiten ist, und daß sie deswegen der göttlichen Fürsehung kein Freudenfest

---

ваніе Екатерины II. Столѣтній гимнъ даетъ мнѣ къ тому ключъ. Это нужно было для того, чтобъ доставить Россійской имперіи еще большее сходство съ Римской имперіей; это нужно было для того, чтобъ доставить Императрицѣ Греческой точно такой случай, по какому императоръ Римскій праздновалъ столѣтнія игры. Онъ въ числѣ многихъ своихъ титуловъ носилъ санъ государя первосвященника, такъ же какъ и Она носитъ санъ главы своей церкви. Онъ былъ властелиномъ міра силою своего оружія; Она сдѣлалась рѣшительницею его судебъ какимъ-то сатанинскимъ обольщеніемъ, утвержденнымъ на трехъ камняхъ болѣе твердыхъ чѣмъ тотъ, на которомъ Спаситель основалъ свою церковь: эти три камня окрещены именами: правосудіе, умѣренность, твердость. Надѣюсь, что Вашему Величеству благоугодно будетъ дать мнѣ знать, окажете ли Вы свое покровительстве этому проекту, и будетъ ли празднество нынѣшній годъ или будущій. День восшествія на престолъ, канъ кажется, особенно удобенъ для этого торжества. Если столѣтнія игры будутъ праздноваться нынѣшній годъ, онѣ ознаменуютъ двадцатый годъ волшебнаго царствованія; если онѣ будутъ отложены до будущаго года, ими будетъ заключенъ этотъ двадцатый годъ; какимъ бы образомъ ихъ ни праздновали, это будетъ празднество не безъ значенія и характера. И если Императрица счастливо и славно процарствовала два десятилѣтія, не почувствовавъ даже на четверть часа скуки въ эти двадцать лѣтъ (что однако есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ царственныхъ болѣзней), неужели она не за-

anstellen wolle, das kann ich nicht glauben, denn das wäre eine grausame Undankbarkeit gegen den Himmel. Le pauvre Philidor, qui pour être le premier homme du monde in einem großen und unentbehrlichen Fach, nämlich im Schachspiel, n'en est pas plus riche, et qui se trouve plus chargé d'enfants que d'écus, ne désespère pas que Votre Majesté, après l'avoir si magnifiquement, si généreusement, si gratuitement récompensé, ne permette encore qu'il fasse graver et publier sa partition pour en tirer quelque profit encore et pour satisfaire les amateurs en Angleterre et en France; mais si cette musique doit véritablement servir à célébrer les jeux séculaires de la Russie, il se garderait bien de la publier avant qu'elle ait rempli cette glorieuse destination. Bien plus: si Votre Majesté Impériale était décidée de donner, pour l'exécution de cette musique, une fête à peu près dans le goût du programme de l'abbé Galiani, Philidor formerait un projet bien plus ambitieux: il s'associerait ici avec Cochin, qui ferait une demi-douzaine de dessins représentant les cérémonies réligieuses qui auraient eu lieu à la cour de Votre Majesté pour l'exécution du Carmen Saeculare d'Horace; ces dessins seraient gravés en même temps que la partition et associés à la musique pour faire un monument durable de l'honneur qu'Horace et Philidor auraient reçu en Russie sous le règne de Catherine II. Un mot de Votre Majesté nous guidera dans ce que nous devons entreprendre ou laisser.

хочетъ устроить праздника Божественному Провидѣнію? Нѣтъ, я этому не повѣрю, потому что это была бы жестокая неблагодарность передъ Небомъ. Бѣдный Филидоръ, хотя и первенствуетъ въ мірѣ по одной великой и необходимой отрасли, именно по части шахматной игры, но отъ того не разбогатѣлъ и богаче дѣтьми, чѣмъ деньгами. Онъ не отчаивается въ томъ, что Ваше Величество, наградивъ его такъ великолѣпно, такъ щедро, такъ незаслуженно, дозволите ему еще награвировать и выпустить въ свѣтъ свою партитуру, чтобъ извлечь изъ нея еще нѣкоторую пользу и удовлетворить любителей въ Англіи и Франціи; но еслибъ эта музыка должна была въ самомъ дѣлѣ служить на юбилейныхъ празднествахъ Россіи, то онъ конечно не посмѣлъ бы издать ее, пока она не исполнила бы этого славнаго назначенія. Болѣе того: еслибъ Ваше Величество рѣшились дать, для исполненія этой музыки, праздникъ нѣсколько во вкусѣ аббата Галіани, Филидоръ составилъ бы проектъ гораздо болѣе честолюбивый; онъ соединился бы здѣсь съ Кошеномъ, который набросалъ бы съ полдюжины рисунковъ, представляющихъ религіозныя церемоніи, долженствующія имѣть мѣсто при дворѣ Вашего Величества для исполненія Carmen Saeculare Горація; эти рисунки должны быть гравированы въ то же время какъ и партитура и приложены къ музыкѣ, чтобъ составить прочный памятникъ той чести, которой удостоились Горацій и Филидоръ въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Слово Вашего Величества будетъ служить намъ руководствомъ въ томъ, что мы должны пред-

Quand le programme dit que ces fêtes doivent durer trois jours, il a tort. Elles duraient trois jours à Rome, parce que c'étaient des fêtes religieuses où il s'agissait de remplir différents devoirs envers les dieux, comme nous fêtons trois jours de Noël ou de Pâques; mais en Russie, où l'imitation et le renouvellement de cette fête n'est au fond qu'une représentation théâtrale, je ne dis pas que les jeux séculaires ne doivent durer plusieurs jours pour l'heureuse continuation du règne de Catherine II; mais tout ce qui est renfermé dans le programme et tout ce qui a trait au poëme séculaire d'Horace doit être exécuté en une seule fois et dans le même jour, sauf à répéter ensuite cette fête, en cas de succès, en petit sur le théâtre de la cour, en commémoration de cette époque solennelle, autant de fois que son succès le comportera.

Puisque me voilà embourbé dans mon bourbier favori, la musique, je ne doute pas un instant que Votre Majesté n'ordonne très gracieusement qu'on m'expédie par le premier courrier la partition ou lo Spartito d'Alcide al bivio del nostro Païsiello, bien entendu qu'avant que ce bienfait impérial me soit expédié, le grand Païsiello en fasse une revision très soignée lui-même, car l'Antigona de Traetta que je possède, grâces aux bontés de mon auguste Souveraine, m'est arrivée si défigurée par le copiste, si chargée de fautes, qu'à moins de l'envoyer à Traetta dans l'autre monde

---

принять, или оставить. Программа неправильно говоритъ, что эти праздники должны продолжаться три дня. Они продолжались три дня въ Римѣ, потому что это были празднества религіозныя, на которыхъ рѣчь шла о томъ, чтобъ исполнить разныя обязанности въ отношеніи къ богамъ, какъ мы празднуемъ три дня Рождества и Святой недѣли; но въ Россіи, гдѣ подражаніе или возобновленіе этого праздника въ сущности только театральное представленіе, хотя я не противъ того, чтобъ юбилейныя торжества совершались нѣсколько дней на счастливое продолженіе царствованія Екатерины II, но все, что включено въ программу, и все, что имѣетъ связь съ юбилейнымъ стихотвореніемъ Горація, должно быть исполнено за разъ и въ одинъ день, хотя бы и пришлось послѣ повторить этотъ праздникъ, въ случаѣ успѣха, въ маломъ видѣ на придворномъ театрѣ, въ память этой торжественной эпохи, и повторить столько разъ, сколько позволитъ этотъ успѣхъ.

Такъ какъ я погрузился въ любимую свою трясину, — въ музыку, то не сомнѣваюсь ни минуты, что Ваше Величество милостиво повелите послать мнѣ съ первымъ курьеромъ партитуру Алкида al bivio нашего Паизіелло, съ тѣмъ конечно, чтобъ прежде отправки мнѣ этого императорскаго благодѣянія великій Паизіелло самъ тщательно просмотрѣлъ его, потому что Антигона Траетты, которую я имѣю благодаря милостямъ моей Августѣйшей Государыни, пріѣхала ко мнѣ до того изуродованная переписчикомъ, до того наполненная ошибками, что развѣ только отославъ ее къ Траеттѣ на тотъ свѣтъ для исправленія, я могу надѣяться получить ее въ первобыт-

pour me la faire corriger, je dois désespérer de la posséder dans toute sa pureté virginale. C'est dommage que Votre Majesté Impériale se soit toujours mêlée de régner depuis qu'elle est sur le trône. Ces petites occupations la détournent d'autres soins importants, comme celui de rafraîchir la bibliothèque musicale de son souffre-douleur, de lui envoyer successivement tous les opéras qui ont été joués depuis que Catherine II occupe le trône de toutes les Russies. Voilà comme les petites affaires absorbent les grandes, et qu'il y aura plus tôt vingt-deux gouvernements créés, institués, établis, revus et corrigés que je ne me trouverai en possession des trésors de génie jadis renfermés sous la clef de M. le franc-maçon Yélaguine, aujourd'hui sous celle de M. de Bibikof. Quand une fois les jérémiades commencent, on ne doit pas les abréger; à Rome elles durent trois jours, et dureront peut-être avec le temps tout le long de l'année. Il y a bien trois ans que le petit portrait de l'Impératrice à cheval en uniforme des gardes, que j'ai reluqué à Copenhague chez Ericson, m'a été à peu près promis par mon auguste Souveraine. J'ai beau chercher de tous les côtés dans mon taudis, je ne puis le découvrir, je n'y trouve que la place qui l'attend depuis trois ans. Il serait cependant en pays de connaissance, et novissimé j'ai acquis le petit buste de porcelaine qu'on a fait à la manufacture de Sèvres, pour le faire briller sur ma cheminée comme il brille sur le service du prince Potemkine. Si les dix-neuf portraits de l'Impératrice dont je suis jusqu'à pré-

---

ной чистотѣ. Какъ жаль, что Ваше Императорское Величество постоянно мѣшались въ управленіе государствомъ съ тѣхъ поръ какъ сидите на престолѣ. Эти мелкія занятія отвлекали Васъ отъ другихъ болѣе важныхъ дѣлъ, каково напримѣръ обновленіе музыкальной библіотеки вашего многострадальнаго, постепенное доставленіе ему всѣхъ оперъ игранныхъ съ того времени какъ Екатерина II занимаетъ престолъ всероссійскій. Вотъ какъ малыя дѣла поглощаютъ великія, и вотъ какъ двадцать двѣ губерніи будутъ созданы, учреждены, устроены, пересмотрѣны и исправлены, прежде нежели я сдѣлаюсь обладателемъ сокровищъ генія, нѣкогда запертыхъ подъ ключемъ у г. франмасона Елагина, а нынѣ у г. Бибикова. Когда разъ начались іеремiады, не надо ихъ сокращать; въ Римѣ онѣ продолжаются три дня, а со временемъ быть можетъ не будутъ прекращаться и во весь годъ. Вотъ уже по крайней мѣрѣ три года, какъ маленькій портретъ Императрицы верхомъ въ гвардейскомъ мундирѣ, который я высмотрѣлъ въ Копенгагенѣ у Эриксона, былъ мнѣ почти обѣщанъ моей Августѣйшей Монархиней. Но какъ я ни ищу его вездѣ въ своей лачугѣ, не могу его открыть и нахожу только мѣсто его ожидающее вотъ уже три года. Онъ однако находился бы въ знакомомъ кружкѣ, и я вновь пріобрѣлъ маленькій фарфоровый бюстъ, сдѣланный на Севрскомъ заводѣ, чтобъ онъ блисталъ на моемъ каминѣ, какъ блистаетъ на сервизѣ князя Потемкина. Если тѣ девятнадцать портретовъ Императрицы, которыми я до сихъ поръ

sent en possession, ne me suffisent pas, c'est qu'un sacristain qui est digne de son emploi doit avoir sa divinité sous tous les rapports possibles. Qui diable! s'imaginerait que jusque dans le faubourg de Péra à Constantinople il se trouverait des gens capables d'importuner le sacristain dans sa petite chapelle borgne, au milieu de ses dix-neuf images minerviques? Le chevalier de Saint-Priest écrit à son ami, M. de la Reinière, à Paris: «Procurez moi, à quelque prix que ce soit, un portrait bien ressemblant de l'Impératrice de Russie; vous le ferez copier à mes dépens par un habile peintre, et je vous manderai comment vous me le ferez parvenir ici». N'ayez pas peur que M. de la Reinière s'adresse à M. Roslin; c'est au sacristain qu'il a recours, c'est chez lui qu'il veut faire copier. En cela je ne veux pas tout à fait le désapprouver; mais comme le sacristain, au milieu de ses dix-neuf portraits, n'en a pas un seul dont il soit content; comme il voit toujours dans sa tête un portrait de l'Impératrice tel qu'il ne l'a encore vu sur aucune toile, on peut aisément s'imaginer dans quelle perplexité le mettent les demandes des ambassadeurs auprès de la sublime Porte. Enfin le peintre parisien doit essayer à composer un portrait sous ma direction, en prenant dans deux ou trois des miens, sous ma dictée, ce qu'il faut pour en créer un parfait, cela deviendra ou sublime ou détestable. S'il réussit, il en fera aussi une copie pour moi; ce sera mon № 20, et si le petit Ericson ne se dépêche pas, il ne pourra obtenir que le № 21.

владѣю, для меня недостаточны, то потому что пономарь достойный своего званія долженъ имѣть свое божество во всѣхъ возможныхъ видахъ. Кто бы подумалъ, что даже въ предмѣстьи Перы въ Константинополѣ обрѣтаются люди, способные безпокоить пономаря въ его маленькой кривой часовнѣ съ 19-ю портретами Минервы? Кавалеръ Сенъ-При пишетъ своему другу Реньеру въ Парижъ: «Достаньте мнѣ за какую бы то ни было цѣну очень похожій портретъ Императрицы Російской; вы велите скопировать его на мой счетъ искусному живописцу, и я вамъ сообщу какъ мнѣ его доставить сюда». Не бойтесь, г. Реньеръ не обратится къ г. Росслену; онъ прибѣгнетъ къ пономарю, и у него велитъ снять копію. Въ этомъ я не совсѣмъ хулю его, но такъ какъ пономарь среди своихъ девятнадцати портретовъ не имѣетъ ни одного, которымъ былъ бы доволенъ; такъ какъ онъ всегда видитъ въ воображеніи своемъ такой портретъ Императрицы, какого еще никогда не видалъ ни на какомъ полотнѣ, легко можно себѣ представить въ какое затруднительное положеніе ставятъ его требованія Высокой Порты. Наконецъ парижскій живописецъ долженъ попробовать написать портретъ подъ моимъ руководствомъ. выбирая подъ мою диктовку изъ двухъ, трехъ моихъ портретовъ то, что нужно для созданія одного превосходнаго. Это будетъ или великолѣпно, или скверно. Если онъ будетъ имѣть успѣхъ, то сдѣлаетъ копію и для меня; это будетъ мой № 20 и если маленькій Эриксонъ не поспѣшитъ, то займетъ только № 21.

J'en étais là le 7 avril de notre style dédaigné en Russie, lorsqu'un billet de M. de Vergennes m'avertit que je n'ai pas un instant à perdre, si je veux profiter d'un courrier qu'il va dépêcher pour Pétersbourg. Aussitôt je laisse là mon griffonage, je me mets à barbouiller une nouvelle pancarte № 53, je l'enferme dans un gros paquet composé d'un livre sur la population, qui attendait chez moi depuis quelque temps une occasion, et d'une ancienne tragédie manuscrite du grand Voltaire, pour laquelle un avocat de Chartres a reçu de la munificence impériale une médaille d'or, ce qui l'a rendu plus fier qu'un Artaban; et je dis à ma pancarte № 53, à peu près comme dans les Tristes d'Ovide: «bon voyage, chère pancarte, bon voyage. Tu seras peut-être assez heureuse pour traîner sur la table de l'Impératrice à côté du tricot impérial; elle jettera sur toi un regard plein de bonté, tandis que ton griffonneur, loin de son regard auguste». . . . Ovide écrivait à peu près ainsi à Rome des rives du Pont-Euxin environ deux mille ans avant que l'aigle de l'Impératrice Catherine dominât sur ces rives; et moi qui ne vis pas dans le pays des Gètes, j'envie sa solitude, dont il s'ennuyait si fort. Jamais je n'aimais le tourbillon de Paris, mais il me devient de jour en jour plus insupportable; et si je suis obligé d'y achever ma vie, si je ne puis m'enfermer dans quelque retraite champêtre pour y digérer le passé, j'achèverai ma vie dans les regrets et dans l'amertume. Après

---

Я дошелъ до 7-го апрѣля нашего стиля, презираемаго въ Россіи, когда записочка г. Вержена извѣстила меня, что я не долженъ терять ни минуты, если хочу воспользоваться курьеромъ, котораго онъ пошлетъ въ Петербургъ. И тотчасъ я покидаю свое царапанье, и начинаю марать другую грамоту № 53, вкладываю ее въ толстый пакетъ, заключающій въ себѣ книгу «О народонаселеніи», которая ждала у меня нѣкоторое время оказіи, и старую трагедію — рукопись великаго Вольтера, за которую шартрскій адвокатъ получилъ отъ щедротъ императорскихъ золотую медаль, отчего онъ возгордился болѣе Артабана. Тутъ я сказалъ своей грамотѣ словами Тристій Овидія: «счастливаго пути, любезная грамота, счастливаго пути. Ты можетъ-быть будешь имѣть счастье валяться на столѣ Императрицы возлѣ императорскаго вязанья; она броситъ на тебя взоръ исполненный доброты, тогда какъ твой бумагомаратель далеко отъ ея Августѣйшаго взгляда»....... Овидій почти такъ писалъ въ Римъ съ береговъ Понта Евксинскаго, около двухъ тысячъ лѣтъ ранѣе, нежели орелъ Императрицы Екатерины вступилъ во владычество на этихъ берегахъ; а я, который не живу въ странѣ Гетовъ, я завидую его уединенію, которое ему наводило такую сильную скуку. Никогда я не любилъ парижскаго вихря, но теперь онъ становится для меня со дня на день невыносимѣе, и если я буду принужденъ кончить здѣсь свою жизнь, если я не буду мочь удалиться въ какое-нибудь сельское уединеніе чтобъ тамъ переработать прошедшее, то кончу свой вѣкъ въ сожалѣніяхъ

avoir remis à M. de Vergennes mon № 53, j'étais pressé de reprendre celui-ci, pour le faire courir après son successeur. Ah, je t'en souhaite! Un mois s'est presque écoulé avant que j'aie pu continuer ma pauvre pancarte. Un mois entier! tandis que je ne respire que pour griffonner et déposer le griffonnage sur le trépied sacré de la Pythonisse couronnée! Avant-hier son anniversaire auguste a été célébré avec la plus grande pompe par toutes les morveuses, ex-morveuses et morveuses postulantes dans le taudis du souffre-douleur. Hier il n'y a pas eu de lendemain, car la poste de Pétersbourg est bien arrivée, mais sans aucun Labsal für diesen armen Tropfen: l'Impératrice n'a plus d'encre dans son écritoire um diesen bedrängten Mann in seinen Drangsalen zu erquicken. Aujourd'hui il faut que ce № traîneur détale, coûte que coûte, vers sa glorieuse destination. Qui peut donc être assez barbare pour empêcher ce pauvre Ouen-Ouang de griffonner tout à son aise, surtout dans ce temps einer anhaltenden Dürre, où la rosée bienfaisante de son Impératrice s'est entièrement retirée de lui? Qui? L'Impératrice toute seule. Aussi je veux lui chanter cet air terrible, dès que Païsiello m'en aura fait et envoyé la musique:

Tu mi da me dividi,
Barbara, tu m' uccidi:
Tutto il tormento mio
Tutto mi vien da te.

и горечи. Передавъ г. Вержену мой № 53, я спѣшилъ взять назадъ этотъ послѣдній, чтобъ онъ догналъ своего преемника. Ахъ, тщетное желаніе! Цѣлый мѣсяцъ почти прошелъ прежде, чѣмъ я могъ продолжать свою бѣдную грамоту. Цѣлый мѣсяцъ! А я вѣдь дышу только для того, чтобъ царапать и повергать царапанье на священный треножникъ вѣнчанной Пиѳіи. Третьяго дня, день ея Августѣйшаго рожденія, былъ отпразднованъ съ величайшей пышностью всѣми дѣвчонками, эксъ-дѣвчонками и претендующими на титло дѣвчонокъ въ лачугѣ многострадальнаго. Вчерашній день не былъ его продолженіемъ, потому что петербургская почта пришла, но безо всякаго усладительнаго питья для этого жалкаго дурня: у Императрицы нѣтъ болѣе чернилъ въ чернильницѣ, чтобъ утолить жажду этого угнетеннаго мужа въ его тяготѣ. Сегодня надобно, чтобъ этотъ запоздалый номеръ во что бы то ни стало пустился къ своему славному назначенію. Кто же можетъ быть довольно жестокосердъ, чтобъ помѣшать этому бѣдному Уэнъ-Уангу царапать сколько ему угодно, особенно во время такой упорной засухи, когда благодѣтельная роса его Императрицы перестала нисходить на него? Кто? Императрица Сама. Такъ вотъ я хочу спѣть ей эту ужасную арію, какъ только Паизіелло напишетъ и пришлетъ на нее музыку:

Ты меня разлучаешь со мною самимъ,
Жестокая, ты меня умерщвляешь:
Все мое мученье
Происходитъ отъ тебя одной.

Que Païsiello me fasse un air sublime, et je le chanterai avec une bravura qui partira du coeur. Tu mi da me dividi est surtout frappant. Jamais homme a-t-il été plus cruellement partagé en deux que moi? La moitié, les trois quarts à Pétersbourg, le reste végétant ici; ce qui me confond, c'est que cela ait pu durer jusqu'à présent. Votre Majesté me dira peut-être qu'elle ne pense pas seulement à moi, et que par conséquent il n'y a sûrement pas de sa faute si je ne lui écris pas tout mon soûl et tout à mon aise. Voilà comme sont les souverains: tout le mal qu'ils ne font pas avec leurs dix doigts, ils s'en lavent les mains; mais ils n'en sont pas plus innocents. Je suis un des hommes les plus tourmentés qu'il y ait sur la terre. Et pourquoi? Toujours à cause de l'Impératrice. Il ne se passe pas un jour qu'on ne vienne m'accabler de visites, de lettres, de propositions de toute espèce. Je passe ma vie en audiences inutiles, à écouter, à lire des lettres, à y répondre, à refuser, au lieu de me recueillir, de vivre au pied de l'autel où l'immortalité réside, à côté de l'objet de mon culte, d'y vivre jour et nuit. O distraction funeste et déplorable! Votre Majesté me dira: tu es bien fou d'écouter tous ces gens-là; que ne les envoies-tu promener? pourquoi perds-tu ton temps à répondre? Cela est bientôt dit, mais quand on ne veut pas se faire une foule d'ennemis, il faut au moins refuser poliment, il faut répéter sans fin et sans cesse que les bontés de l'Impératrice ne me don-

---

Пусть Паизіелло напишетъ мнѣ дивную арію, и я буду пѣть ее съ оживленіемъ, исходящимъ изъ сердца. «Ты меня разлучаешь со мною самимъ» особливо поразительно. Когда же какой человѣкъ былъ такъ жестоко раздѣленъ на двое, какъ я? Половина, три четверти—въ Петербургѣ, остальное прозябаетъ здѣсь! Меня приводитъ въ изумленіе, что это могло продолжаться до сегодня. Ваше Величество скажете мнѣ, можетъ-быть, что Вы думаете не обо мнѣ одномъ, и потому нисколько не виноваты, что я Вамъ не пишу до-сыта, ничѣмъ не стѣсняясь. Вотъ каковы государи; если они не дѣлаютъ зло собственными десятью пальцами, они умываютъ себѣ въ томъ руки; но они оттого не менѣе виновны. Я одинъ изъ самыхъ замученныхъ людей на землѣ. А изъ-за чего? Все изъ-за Императрицы. Не проходитъ дня, чтобъ меня не заваливали письмами, посѣщеніями, предложеніями всякаго рода. Я провожу всю жизнь свою въ безполезныхъ аудіенціяхъ, выслушивая, прочитывая письма, отвѣчая на нихъ, отказывая, вмѣсто того, чтобъ вести созерцательную жизнь у подножія алтаря, гдѣ пребываетъ безсмертіе, рядомъ съ предметомъ моего поклоненія, вмѣсто того, чтобъ жить тамъ день и ночь. О несчастное и плачевное развлеченіе! Ваше Величество скажете мнѣ: ты глупо дѣлаешь, что выслушиваешь всѣхъ этихъ людей. Зачѣмъ ты не отсылаешь ихъ прочь? Зачѣмъ теряешь время на отвѣты? Это легко сказать. Но когда не хочешь нажить себѣ множество враговъ, надо по крайней мѣрѣ отказывать учтиво, надо повторять до безконечности и безпрерывно, что щедроты Государыни

nent aucun droit d'en abuser, en me chargeant, sans qualité et sans permission, de toute espèce de propositions. La plupart du temps tous ces proposants se font étayer de protections considérables, auxquelles il faut aussi motiver son refus; et des semaines, des mois s'écoulent, sans que je puisse satisfaire le besoin le plus impérieux de mon coeur. O détestable emploi de la vie! Je regrette le temps où le culte de Minerve l'hyperboréenne n'était pas reçu en ce pays-ci. Je l'adorais en silence, et l'on ne m'empêchait pas de lui parler, à force de me parler d'elle. Il ne faut cependant rien outrer. Si je l'accuse de tout le mal qui m'arrive, c'est bien entendu que tout le bien me vient aussi de cette source inépuisable. Nous avons ici, depuis le commencement de l'hiver dernier, une jeune polonaise, Godska de son nom, divorcée d'un prince Sangusko et qui a épousé l'année passée un prince de Nassau établi en France et qui n'est pas reconnu en Allemagne. J'avais vu cette jeune princesse, au moment de son premier mariage, à Varsovie, elle m'a recherché ici avec un empressement extrême; j'ai fait le cruel pendant quelques mois, et puis elle a fini par me subjuger. C'est un plaisir de l'entendre parler de l'Impératrice, et faire taire tout ce bourdonnement de hannetons qui se permettent par exemple de parler des affaires de Pologne sans en avoir les premières notions. Il faut voir avec quelle facilité elle dissipe, déconcerte et anéantit tous ces hableurs. Je sais

---

еще не даютъ мнѣ никакого права злоупотреблять ими, принимая на себя безъ разбора и безъ ея разрѣшенія всякаго рода предложенія. Всего чаще эти искатели выставляютъ значительныя протекціи, которымъ надо тоже объяснять причины своего отказа; и недѣли, мѣсяцы проходятъ, а я не могу удовлетворить самому неотступному требованію своего сердца. О несносное употребленіе времени! Я сожалѣю о тѣхъ годахъ, когда поклоненіе гиперборейской Минервѣ не было въ модѣ въ этой странѣ. Я обожалъ ее втиши, и мнѣ не мѣшали говорить съ ней, разговаривая о ней со мною. Не надо однако ничего преувеличивать. Если я буду обвинять ее во всѣхъ бѣдахъ, случающихся со мною, то долженъ помнить, что и всякое добро приходитъ ко мнѣ изъ этого же неисчерпаемаго источника. Мы имѣемъ здѣсь съ начала послѣдней зимы молодую Польку, Годскую по-имени, разведенную съ княземъ Сангушко, и которая вышла замужъ въ прошедшемъ году за князя Нассаускаго, поселившагося во Франціи и не признаваемаго въ Германіи. Я видѣлъ эту молодую принцессу въ эпоху ея перваго брака, въ Варшавѣ. Она здѣсь заискивала во мнѣ съ необыкновеннымъ стараніемъ. Я нѣсколько мѣсяцевъ разыгрывалъ жестокаго, и наконецъ она меня таки покорила. Пріятно слышать, какъ она говоритъ объ Императрицѣ, и заставляетъ умолкнуть жужжанье жуковъ, которые позволяютъ себѣ толковать напримѣръ о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ самыхъ первоначальныхъ понятій. Надо видѣть съ какой легкостью она разгоняетъ, смущаетъ и уничтожаетъ всѣхъ этихъ вралей. Я

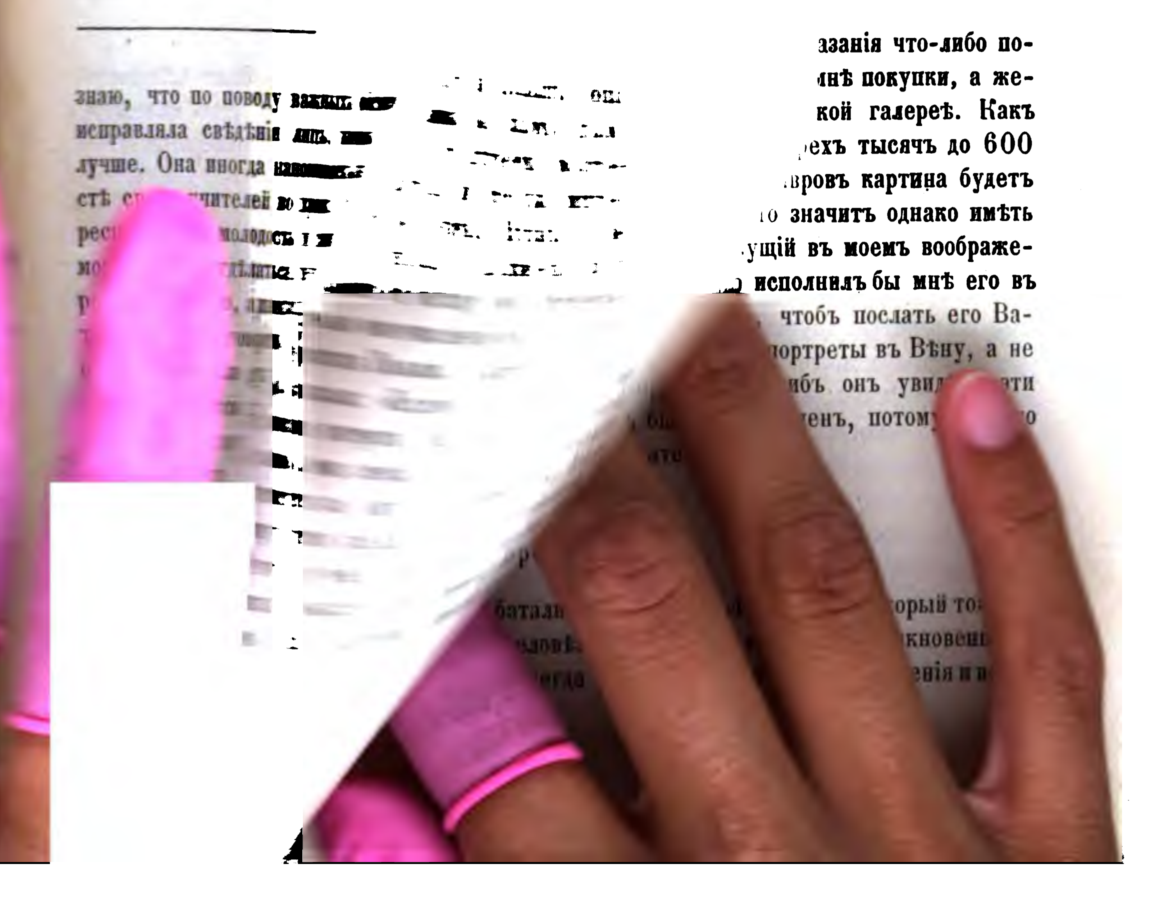
que sur des circonstances essentielles de quelques …
Pologne elle a recueilli les notions de gens qui …
être bien instruits. Elle me paraît quelquefois …
assis à … au milieu des docteurs …
bien … de son Sauveur; mais …
intéressant de voir la jeunesse et les grâces …
et des instructions aux gens barbus. Je n'ai …
elle a fait ma conquête et malgré l'austérité …
j'aille une fois la semaine, quelquefois deux …
trice et lui en parler. Elle caractérisa, …
nombreux l'esprit de gouvernement dans les …
Après avoir remarqué que le sol de la Russie …
des trois partages, elle dit: «Si j'avais des …
je m'estimerais heureuse d'en perdre la …
dans la Russie Blanche, et si j'en avais …
féliciterais d'en perdre les trois quarts …
Blanche». Elle nous détailla ensuite …
duation avec autant de netteté que …
prêchait un converti. Qui sait mieux …
il est doux de vivre sous la domination …
verte, petite ou grande, de quelque …

… er, cet homme … à son tableau … reste, je sais … res d'un pareil … ent payé, et la … st pourtant que … ois dans ma tête. … tapisserie, et je … oyer à Votre Ma… … nne, et point dans … portraits arrivés … t wahr, über diesen

… on, qui n'est pas, … pas commencé sa … génie et toujours … ine eut-il atteint

---

знаю, что по поводу важных … исправляла свѣдѣнія … лучше. Она иногда … стѣ … чителей … рес… молодость … мо…

… азанія что-либо по… … нѣ покупки, а же… … кой галереѣ. Какъ … ехъ тысячъ до 600 … вровъ картина будетъ … о значить однако имѣть … ущій въ моемъ воображе… … исполнилъ бы мнѣ его въ … чтобъ послать его Ва… … портреты въ Вѣну, а не … ибъ онъ увид… эти … енъ, потому … о

… батал… … орый то… … кновен… … енія и …

Il n'est pourtant ni juste ni possible, Madame, que Votre Majesté Impériale échappe à toutes les tribulations auxquelles son fidèle serviteur est ici en proie. Je n'en veux servir que deux petites pour entremets sur la table de l'Impératrice.

Premier plat d'entremets.

Il y a ici M. Cozette, directeur général de la manufacture royale des gobelins; c'est un artiste d'un mérite supérieur, et peut-être unique en son genre; il copie les plus beaux tableaux, tapisserie, façon des gobelins, d'une manière à s'y tromper; il faut avoir le nez sur le tableau pour s'apercevoir que c'est de la tapisserie. Il a fait entre autres le portrait de l'Empereur pendant son séjour en France, que la reine a, je crois, envoyé ensuite à son frère. Cet artiste est possédé de la fureur de faire un tableau pour l'Impératrice des Grecs, et il y a plus de dix-huit mois qu'il me tourmente; l'année dernière il m'apporta un superbe Rembrandt copié d'après un tableau de la collection du Palais-Royal. Je crus m'être tiré d'affaire en lui disant, contre ma conscience, que l'Impératrice n'aimait pas les tableaux de ce maître. Point du tout. Cette année il est revenu à la charge, m'apportant une superbe Sybille copiée d'après un tableau du Palais-Royal del Dominichino et me disant: «Voilà un tableau dans le style que l'Impératrice aime». Je demande ce que l'Impératrice ferait à la place de son souffre-

---

Однакоже и несправедливо и невозможно, Государыня, чтобъ Ваше Величество ускользнули ото всѣхъ терзаній, какимъ вѣрный слуга Вашъ отданъ здѣсь на жертву. Я поднесу только два маленькія изъ нихъ, какъ entremets на столъ Императрицѣ.

Первое блюдо.

Здѣсь есть г. Козетъ, главный директоръ королевской гобеленевой фабрики; это артистъ высокаго достоинства, и можетъ-быть единственный въ своемъ родѣ; онъ списываетъ лучшія картины на обои во вкусѣ гобеленей такъ хорошо, что вводитъ въ обманъ; надо положить носъ на картину, чтобъ замѣтить что это обои. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ портретъ Императора во время его пребыванія во Франціи, который былъ посланъ королевою ея брату. Этотъ артистъ одержимъ страстью сдѣлать картину для Греческой Императрицы, и онъ уже болѣе восемнадцати мѣсяцевъ пристаетъ ко мнѣ. Прошлаго года онъ принесъ мнѣ великолѣпнаго Рембранда, скопированнаго съ картины изъ королевскаго дворца. Я полагалъ, что выпутался изъ затрудненія, сказавъ ему противъ совѣсти, что Императрица не любитъ картинъ этого мастера. Ничуть не бывало. Этотъ годъ онъ возобновилъ аттаку, принеся мнѣ прелестную Сивиллу, скопированную въ Палэ-Роялѣ съ картины Доминикино, говоря: «Вотъ картина во вкусѣ Императрицы». Спрашиваю, что́ сдѣлала бы Императрица на мѣстѣ

douleur? J'ai beau dire que je n'ai aucun ordre de rien acheter, cet homme me répond qu'il ne me propose pas d'acheter, mais d'obtenir à son tableau une place dans la galerie impériale. Que faut-il faire? Au reste, je sais que des particuliers paient depuis trois mille jusqu'à 600 livres d'un pareil tableau; ainsi, en donnant 4 mille livres, il serait parfaitement payé, et la gloire de l'artiste serait à son comble. Voilà ce que c'est pourtant que d'avoir vingt portraits sans en avoir un seul tel que je le vois dans ma tête. Si j'en avais, un M. Cozette me l'exécuterait bien vite en tapisserie, et je crois que j'aurais le courage de m'en détacher pour l'envoyer à Votre Majesté. Mais l'Impératrice envoie ses beaux portraits à Vienne, et point dans le taudis de son souffre-douleur. Au reste s'il voyait ces portraits arrivés à Vienne, peut-être n'en serait-il pas content, denn das ist wahr, über diesen Punct ist er ein gar krittlicher Mensch.

Second plat d'entremets.

Nous avons ici un peintre de batailles nommé Le Paon, qui n'est pas, certes, non plus un homme médiocre. Cet homme n'a pas commencé sa carrière d'une manière commune. Tourmenté par son génie et toujours porté à peindre les combats et les scènes militaires, à peine eut-il atteint

---

своего многострадальнаго? Напрасно я говорю, что не имѣю приказанія что-либо покупать; тотъ человѣкъ отвѣчаетъ мнѣ, что онъ не предлагаетъ мнѣ покупки, а желаетъ, чтобъ картина его удостоилась помѣщенія въ императорской галереѣ. Какъ же быть? Впрочемъ я знаю, что частные люди платятъ отъ трехъ тысячъ до 600 ливровъ за подобную картину; итакъ четырьмя тысячами ливровъ картина будетъ очень хорошо заплачена, а артистъ на верху славы. Вотъ что значитъ однако имѣть двадцать портретовъ, не имѣя ни одного такого, какъ живущій въ моемъ воображеніи. Еслибъ у меня былъ подобный, г. Козетъ очень скоро исполнилъ бы мнѣ его въ ткани и я думаю, что я имѣлъ бы духъ разстаться съ нимъ, чтобъ послать его Вашему Величеству. Но Императрица посылаетъ свои хорошіе портреты въ Вѣну, а не посылаетъ ихъ въ лачугу многострадальнаго. Впрочемъ, еслибъ онъ увидѣлъ эти портреты въ Вѣнѣ, можетъ-быть онъ не былъ бы ими доволенъ, потому что, по правдѣ сказать, на этотъ пунктъ онъ очень взыскателенъ.

Второе блюдо.

Здѣсь у насъ есть живописецъ-баталистъ по имени Ле Паонъ, который тоже не совсѣмъ дюжинный художникъ. Этотъ человѣкъ началъ свою карьеру необыкновеннымъ образомъ. Мучимый своимъ геніемъ и всегда расположенный писать сраженія и воен-

l'adolescence, qu'il s'engagea comme dragon. Dans cette qualité il fit toute la dernière guerre, se trouva à tous les combats, dans toutes les escarmouches, et toujours avec le projet d'observer des effets pittoresques et de faire des études relatives à son art, d'après nature. A la fin de la guerre il quitta l'épée pour le pinceau, et le succès de ses tableaux prouva bien qu'il avait bien choisi son école. Cet artiste s'est aussi mis au nombre de mes persécuteurs, et il s'est présenté avec les plus fortes recommandations de la part de personnes très considérables, dont il a d'autant moins besoin que son talent le recommande assez. Le maréchal de Broglie, sous lequel il a servi, le protège particulièrement. Ce n'est pas un peintre qui soit dans le besoin; tant s'en faut, il gagne constamment 18 à 20 mille livres par an avec ses tableaux; mais il me dit: «Je me sens appelé au grand, et voilà presque dix ans de passés, sans que j'aie pu traiter un seul grand sujet. Le goût du grand diminue d'année en année en ce pays-ci, et le fier est obligé de faire place au gentil. Je suis condamné à m'enrichir en faisant de petits tableaux; l'Impératrice de Russie seule peut m'en faire faire de grands, tels que j'en ai fait deux ou trois pour le prince de Condé après la guerre finie en 1762, et que je n'en fais plus depuis ce temps. Sa guerre contre les Turcs a fourni les grands sujets, et si elle m'ordonne de les exécuter, elle m'aura donné l'immortalité qu'aucun autre souverain n'est en état de

---

ныя сцены, онъ, едва достигнувъ юношескаго возраста, записался въ драгуны. Въ этомъ качествѣ онъ служилъ во всю послѣднюю войну, былъ во всѣхъ сраженіяхъ, во всѣхъ стычкахъ, и всегда съ намѣреніемъ наблюдать живописные эффекты и дѣлать съ натуры этюды, относящіеся къ его искуству. Въ концѣ войны онъ покинулъ шпагу для кисти и успѣхъ его картинъ доказалъ вполнѣ, что онъ хорошо выбралъ свою школу. Этотъ артистъ явился тоже въ числѣ моихъ преслѣдователей, и онъ представился съ большими рекомендаціями отъ особъ весьма значительныхъ, въ которыхъ онъ однако мало нуждается, такъ какъ его талантъ уже достаточно его рекомендуетъ. Маршалъ Броліо, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, особенно ему покровительствуетъ. Это не такой живописецъ, который бы нуждался. Нѣтъ, онъ далекъ отъ этого, онъ постоянно зарабатываетъ отъ 18 до 20 тысячъ въ годъ своими картинами; но онъ говоритъ мнѣ: «Я чувствую себя призваннымъ къ великому, и вотъ прошло почти десять лѣтъ, и я не могъ изобразить ни одного великаго сюжета. Вкусъ къ великому уменьшается годъ отъ году въ этой странѣ, и гордое вынуждено уступать мѣсто миловидному. Я осужденъ обогащаться, рисуя маленькія картинки; только Императрица Россійская можетъ заставить меня произвести большія, подобныя тѣмъ, которыхъ двѣ-три я сдѣлалъ для князя Кондэ послѣ войны, оконченной въ 1762 году, и какихъ я болѣе не писалъ съ тѣхъ поръ. Ея война съ Турками доставила великіе сюжеты, и если она велитъ мнѣ ихъ исполнить, то даруетъ мнѣ безсмертіе, котораго никакой другой государь не можетъ доставить мнѣ».

me procurer». Je demande à Votre Majesté Impériale ce qu'elle veut faire de cet homme-là. Il est tout prêt à abandonner ici tout son établissement, tout son gain annuel, à se transporter en Russie avec femme, pinceau, palette et bagage, pourvu que l'Impératrice lui permette d'exécuter pour elle en grand toute la suite de ses victoires contre les infidèles; après avoir rempli cette tâche glorieuse, il reviendra s'amuser à la bagatelle dans sa patrie. Ou bien, si Votre Majesté ne veut pas de cette translation avec armes et bagages, il ira simplement de sa personne faire les études nécessaires à ses tableaux, sous la direction des généraux acteurs dans ces scènes de carnage et de gloire, et ses portefeuilles remplis d'études, il reviendra en France exécuter ces grands tableaux. Moyennant ce dernier arrangement, l'académie de France et le public de Paris et les voyageurs en auraient ici la vue pour rien. Il plaira à Votre Majesté de me dire comment il faudra faire pour me débarrasser de cet énergumène, qui est, comme tous les gens marqués, simple et bon enfant dans tout ce qui ne tient pas à son ver coquin particulier.

Je pourrais servir un troisième plat d'entremets, en parlant d'un troisième énergumène, Clérisseau; mais comme je me flatte d'expédier son modèle entre le 15 et le 20. de ce mois pour Lübeck, je me réserve d'en griffonner alors tout à mon aise, et il me suffit de prévenir Votre Majesté Impériale qu'à vue de pays ce modèle pourra être rendu à Lübeck dans les

---

Спрашиваю Ваше Императорское Величество, что дѣлать съ такимъ человѣкомъ. Онъ готовъ покинуть здѣсь все свое устройство, весь свой годовой заработокъ, переѣхать въ Россію съ женой, кистями, палитрою и пожитками, только бы Императрица дозволила ему написать для нея въ большомъ видѣ всю цѣпь ея побѣдъ надъ невѣрными; выполнивъ эту славную задачу, онъ возвратится въ отечество забавляться бездѣлицами. Или, если Вашему Величеству неугоденъ этотъ переѣздъ съ оружіемъ и обозомъ, онъ просто поѣдетъ единолично сдѣлать нужные для его картинъ этюды, подъ руководствомъ генераловъ — дѣйствующихъ лицъ въ этихъ сценахъ истребленія и славы, и, наполнивъ портфели этюдами, онъ возвратится во Францію писать эти великія картины. При этомъ послѣднемъ планѣ французская академія и парижская публика и путешественники могли бы видѣть ихъ даромъ. Не благоудно ли будетъ Вашему Величеству сказать мнѣ какъ мнѣ поступить, чтобъ избавиться отъ этого изступленномъ, который, какъ всѣ люди отмѣченные талантомъ, простъ и добродушенъ во всемъ, что не относится къ гложущему его червю.

Я бы могъ поднести еще третье блюдо, заведя рѣчь о третьемъ бѣсноватомъ, Клериссо; но такъ какъ льщу себя надеждой, что вышлю его модель между 15 и 20 этого мѣсяца въ Любекъ, то предоставляю себѣ нацарапать тогда о немъ вдоволь, и достаточно будетъ предупредить Ваше Величество, что въ свое время эту модель можно будетъ отослать въ Любекъ въ первыхъ числахъ іюля, и что надо будетъ

premiers jours de juillet, et qu'il faudra y donner des ordres à la maison de Pauli sur la manière dont ils doivent l'expédier pour Pétersbourg. Il me serait bien aisé d'y faire aller à peu de frais les tableaux de M. de Zuckmantel; mais il me manque un fonds de 30 mille livres pour terminer cette affaire; tout le monde m'assure que Votre Majesté aura ces tableaux à très bon compte.

Il a fallu fournir à l'énergumène Clérisseau les plus mémorables époques du règne dont la Russie est affligée depuis dix-neuf ans, pour lui fournir des sujets de bas-reliefs. Je l'ai donc fait comme je l'ai pu dans le feuillet ci-joint. Votre Majesté verra ce qu'il en a pris. Je suis fâché d'avoir oublié la peste, depuis que je sais qu'il en faut une aux règnes mémorables. M. de Mélissino, curateur de l'université de Moscou, que nous avons possédé ici, s'est senti aussi échauffé par son zèle patriotique quand il a entendu parler de notre modèle; il a eu la bonté de faire pour moi en allemand cette esquisse d'emblêmes et d'inscriptions; mais Clérisseau a voulu s'en tenir aux faits historiques.

Mon Rechnungs-Vortrag suivra de près. En attendant, Votre Majesté apprendra sans doute par la pancarte de Salomon Gessner de Zürich, qu'il est en possession des deux médailles impériales, et qu'il en a la tête pour le moins aussi tournée que l'avocat de Chartres de la sienne.

Il est temps de finir et de débarrasser mon auguste Souveraine de l'insigne

---

отдать приказанія дому Паули о способахъ ихъ доставки въ Петербургъ. Мнѣ легко было бы при этомъ дешево отправить картины г. Цукмантеля; но мнѣ недостаетъ капитала въ 30 тысячъ, чтобъ окончить это дѣло; всѣ увѣряютъ меня, что Ваше Величество получите картины очень дешево.

Надо было доставить этому бѣсноватому Клериссо свѣдѣнія о самыхъ замѣчательныхъ событіяхъ того царствованія, отъ котораго Россія бѣдствуетъ девятнадцать лѣтъ, чтобъ дать ему сюжеты для барельефовъ. Я сдѣлалъ это какъ умѣлъ на прилагаемомъ листкѣ. Ваше Величество увидите, что онъ изъ этого заимствовалъ. Я жалѣю, что забылъ чуму, съ тѣхъ поръ какъ знаю, что она необходима для достопамятныхъ царствованій. Г. Мелиссино, кураторъ Московскаго Университета, который здѣсь посѣтилъ насъ, тоже почувствовалъ себя возбужденнымъ въ своемъ патріотическомъ усердіи, услышавъ о нашей модели; онъ былъ такъ добръ, что сдѣлалъ для меня по-нѣмецки этотъ очеркъ эмблемъ и надписей; но Клериссо пожелалъ держаться историческихъ фактовъ.

Мой докладъ со счетомъ послѣдуетъ вскорѣ. Покамѣстъ Ваше Величество узнаете конечно изъ грамоты Саломона Геснера изъ Цюриха, что онъ получилъ посланныя ему двѣ императорскія медали, и что у него по меньшей мѣрѣ голова такъ же перевернута какъ у адвоката шартрскаго отъ полученія своей медали.

Пора кончить и избавить Августѣйшую мою Государыню отъ необыкновеннаго

calamité de lire cette pancarte, si je ne veux pas encore manquer la poste. Aber um tausend Gottes Willen, was nimmt denn der vorjährige Normalschüler Joseph für Sachen mit seinem lieben papa Braschi vor? Und was sagen denn die Herren coquins von Mogilef und Plotzko dazu? Ist denn der jüngste Tag wirklich vor der Thür, und soll die babylonische Hure absolute triumphiren? Diese Sachen kränken mich gar sehr, und ich sage mit einem viel kümmerlichern Blick als ein Bürgermeister von Darmstadt: ja, wo will es denn hinaus? Wenn sich die griechische Kaiserin nicht meiner und des papa Braschi erbarmt, und ihr mütterliches Vorwort für uns spricht, so kann der Gräuel der Verwüstung daraus entstehen, denn der Herr Joseph hat doch noch nicht alles laut gesagt, was er seiner göttlichen Normal-Schulmeisterin in die Ohren zu Mogilef geflüstert. Nun Gott steh uns bei.

J'ignore si le prince de Ligne a envoyé ses préjugés et fantaisies militaires à Votre Majesté Impériale. Je crains qu'il n'ait pas assez gobé l'athmosphère de l'école normale de Pétersbourg. On dit qu'il y a de bien grandes incongruités et même platitudes dans cet ouvrage. Je suis bien content de ne rien lire de ce qui paraît; je suis bien charmé aussi que tous les fous ne soient pas toujours en France; ce privilége exclusif me chagrinerait un peu. Nous avons assez de cette graine pour n'être pas jaloux de la voir prospérer chez nos voisins. J'ai entendu lire quelques passages de la

---

бѣдствія прочесть эту грамоту, если я не хочу еще пропустить почту. Но тысячу разъ Бога ради, что же за дѣла предпринимаетъ прошлогодній нормальный ученикъ Іосифъ съ милымъ своимъ папашей Браски? И что же говорятъ на это господа могилевскіе и полоцкіе плуты? Развѣ день страшнаго суда въ самомъ дѣлѣ у дверей, и развѣ Вавилонская блудница должна рѣшительно восторжествовать? Эти обстоятельства меня крайне огорчаютъ, и я говорю съ гораздо болѣе печальнымъ взглядомъ, нежели дармштадтскій бургомистръ: да къ чему же это все клонится? Если Греческая Императрица не сжалится надо мной и надъ папашей Браски, и не замолвитъ за насъ своего материнскаго словечка, то изъ этого можетъ выйти мерзость запустѣнія, потому что г. Іосифъ еще не высказалъ громко всего, что онъ шепталъ на ухо своей божественной нормальной школьной учительницѣ въ Могилевѣ. Ну да поможетъ намъ Богъ.

Я не знаю, послалъ ли князь де Линь свои военные предразсудки и фантазіи Вашему Императорскому Величеству. Боюсь, что онъ не довольно наглотался атмосферы нормальной школы въ Петербургѣ. Говорятъ, что въ этомъ сочиненіи есть большія несообразности и даже плоскости. Я очень радъ, что ничего не читаю изъ появляющагося; я тоже доволенъ, что не всѣ безумцы въ одной Франціи; эта исключительная привилегія меня нѣсколько огорчила бы. У насъ довольно этого сѣмячка, чтобъ не завидовать когда оно процвѣтаетъ у сосѣдей. Я слышалъ чтеніе нѣкоторыхъ

production du prince de Ligne, qui me tranquillisent sur le reste. Par exemple, il apprend à ses lecteurs, et j'ignore si c'est un préjugé ou une fantaisie, que l'empereur seul a une armée nationale, avec laquelle il pourra marcher, quand il lui plaira, droit à Constantinople ou à Pétersbourg ou à . . . . . vraisemblablement Paris. C'est une découverte dont je fais mon compliment à l'auteur. J'avais été assez bête jusqu'à présent, pour croire que s'il y a une armée nationale au monde, c'est l'armée russe. Point du tout. J'ai aussi fait connaissance avec une infinité de nations qui vivent sous la domination de l'empereur à mon insu. J'ai à la vérité quelque soupçon que la plupart de ces nations, dont la nomenclature est si imposante, est composée de cinq ou six gueux répandus dans quelques masures qu'on nomme un village, et qu'une seule des nombreuses nations qui vivent sous le sceptre de l'Impératrice des Grecs avalerait d'un seul trait toutes ces nations de la création du prince de Ligne; et j'ai encore dans la tête que si Joseph porte avec le temps la population de la Hongrie au degré dont elle est susceptible, il aura plus de monde et moins de nations. Et puis, il faut dire avec le roi Salomon que les hommes sont bien fous, mais que toutes les folies ne sont pas amusantes.

Et en finissant tout de bon, il faut que je fasse trois présents à Votre Majesté; ils m'arrivent dans l'instant: savoir, deux Voltaire et un roi d'Angleterre, tous trois parlants. Les petits présents entretiennent l'amitié,

---

отрывковъ произведенія князя де Линя, которые успокоиваютъ меня въ остальномъ. Напримѣръ онъ поучаетъ своихъ читателей, и я не знаю предразсудокъ ли это или фантазія, что одинъ Императоръ имѣетъ народную армію, съ которою ему можно будетъ идти, когда вздумается въ Константинополь или въ Петербургъ, или въ . . . . . вѣроятно въ Парижъ. Это открытіе, съ которымъ я поздравляю автора. Я былъ до сихъ поръ довольно глупъ, чтобъ думать, что если есть въ мірѣ народная армія, такъ это русская армія. Совсѣмъ нѣтъ. Я также познакомился со множествомъ національностей, подвластныхъ Императору безъ моего вѣдома. Я, правда, подозрѣваю, что бо̀льшая часть этихъ націй, перечисленіе которыхъ такъ великолѣпно, состоитъ изъ пяти-шести бѣдняковъ, разсѣянныхъ въ нѣсколькихъ хатахъ, именуемыхъ селами, и что одна изъ многочисленныхъ націй, обитающихъ подъ скипетромъ Греческой Императрицы, сразу проглотила бы всѣ эти націи, созданныя княземъ де Линемъ; и мнѣ еще сдается, что если Іосифъ современемъ доведетъ населеніе Венгріи до степени, на которую оно способно, у него будетъ болѣе подданныхъ и менѣе націй. И потомъ надо прибавить съ царемъ Соломономъ, что люди большіе дураки, но что не всѣ дурачества забавны.

И оканчивая на самомъ дѣлѣ я долженъ сдѣлать три подарка Императрицѣ; они явились ко мнѣ тотчасъ: именно два Вольтера и одинъ Король Англійскій, всѣ три говорящіе. Маленькіе подарки поддерживаютъ дружбу, и по чести, то знаетъ Богъ,

et d'honneur ou Gott weiß, j'ai besoin de conserver l'amitié de Votre Majesté, non parce que c'est l'Impératrice de toutes les Russies, mais parce que c'est l'Impératrice de tous les coeurs, und weil mein armes Herz, zu meinem größten Schmerz und Leidwesen, auf eine unglaubliche Art an der Kaiserin hängt. God save the Kaiserin. Je suis avec le plus profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant et très fidèle serviteur. Grimm.

20 (№ 28).

Allerunterthänigster römischer Vortrag.

A Paris, ce 21 mai (1 juin) 1781.

Madame, Ma place de Briefträger entre l'immortelle de Tsarsko-Sélo et le divin de Rome m'oblige de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale les deux lettres de Rome que je joins ici.

Il appert par ces deux lettres que je suis en possession des deux camées représentant la tête de l'immortelle de Tsarsko-Sélo. Votre Majesté se rappellera sans doute qu'il ma été ordonné d'en faire exécuter une par

---

мнѣ надо сохранить дружбу Вашего Величества, не потому что Вы Императрица Всероссійская, а потому что Вы Владычица всѣхъ сердецъ, и потому что мое бѣдное сердце, къ великой моей печали и сожалѣнію, невѣроятнымъ образомъ привязано къ Ней. Боже храни Императрицу. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть, Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепокорный и всепослушнѣйшій и вѣрный слуга Гриммъ.

20 (№ 28).

Всеподданнѣйшій римскій докладъ.

Парижъ, 21 мая (1 іюня) 1781.

Государыня. Моя должность почтальйона между Безсмертной Царскаго Села и божественнымъ города Рима обязываетъ меня повергнуть на благоусмотрѣніе Вашего Величества два письма изъ Рима, которыя при семъ прилагаю.

Изъ этихъ двухъ писемъ явствуетъ, что я получилъ два камея, изображающіе голову Безсмертной Царскаго Села. Ваше Величество конечно изволите припомнить, что мнѣ велѣно было заказать одинъ изъ нихъ тому самому ху-

le même artiste qui a fait l'année dernière la tête d'Apollon, et que moi, souffre-douleur, j'ai eu l'insolence d'en commander deux, parce que j'étais persuadé que l'intention de mon auguste bienfaitrice était de m'en donner une pour mes étrennes. Cette supposition était sans conredit très impertinente; malheureusement, je ne suis pas encore aussi endurci que je suis insolent. Je n'ai pas sitôt vu les deux camées en ma possession, que le remords cuisant s'est fait sentir. Je me suis dit: souffre-douleur, tu as fait là une espièglerie très repréhensible. Et si l'Impératrice trouvait mauvais par hasard que tu te fasses des présents de sa part sans son agrément? A ce premier reproche s'est joint un autre embarras. Quoique l'un de ces camées soit très supérieur à l'autre tant pour la matière que, suivant le divin et compagnie, pour le travail, je ne pourrais pas m'emparer de celui qui est inférïeur, au moins quant à la pierre, sans compromettre ma tranquillité. Vaut mieux, mon cher souffre-douleur, n'avoir que dix-neuf portraits de l'Impératrice et conserver la paix de l'âme, d'autant que ces dix-neuf portraits je les possède ou de sa munificence, ou sans qu'elle puisse y trouver à redire; ainsi c'est une jouissance pure et sans tache. D'après cette réflexion je suis décidé, Madame, d'envoyer à Votre Majesté les deux camées, bien sûr que l'Impératrice, suivant ses accès journaliers de clémence, me renverra tout de suite celui qu'elle aura décidé l'inférieur, en me disant: «Tiens, prends cela pour toi». Mais comment faire pour les envoyer à Votre

---

дожнику, который въ прошедшемъ году сдѣлалъ голову Аполлона, и что я, многострадальный, имѣлъ дерзость заказать два, будучи увѣренъ, что моя Августѣйшая благодѣтельница намѣревалась подарить мнѣ одинъ изъ нихъ. Это предположеніе было, безъ сомнѣнія, очень дерзко; къ несчастію, я еще не настолько закоренѣлъ, насколько я дерзокъ. Только что я увидѣлъ себя обладателемъ обоихъ камеевъ, какъ почувствовалъ горькое раскаяніе. Я сказалъ себѣ: многострадальный, ты сдѣлалъ теперь очень предосудительную шалость. Ну если вдругъ Императрица будетъ недовольна, что ты дѣлаешь себѣ подарки отъ ея имени безъ ея согласія? Къ этому первому упреку присоединилось другое затрудненіе. Хотя одинъ изъ этихъ камеевъ несравненно выше другого не только по матеріалу, но, какъ утверждаетъ божественный съ компаніей, и по работѣ, однако я не могу овладѣть и худшимъ изъ нихъ по добротѣ камня, не подвергая свое спокойствіе опасности. Лучше гораздо, мой любезный многострадалецъ, имѣть только девятнадцать портретовъ Императрицы и сохранить спокойствіе души, тѣмъ болѣе, что я эти девятнадцать портретовъ получилъ или отъ щедротъ ея, или по крайней мѣрѣ не возбудивъ ея неудовольствія. Итакъ это наслажденіе чистое, незапятнанное. По этому размышленію я рѣшился, Государыня, послать Вашему Величеству оба камея, вполнѣ увѣренный, что Императрица, подъ вліяніемъ своихъ ежедневныхъ припадковъ милости, тотчасъ отошлетъ ко мнѣ тотъ, который, по мнѣнію ея, будетъ худшій, говоря: «На, вотъ возьми это себѣ». Но какъ

Majesté Impériale? Depuis longtemps il n'a pas paru d'uniforme vert sur l'horizon de Paris, depuis longtemps mon coeur n'a pas tressailli à l'aspect de cet uniforme. Je me flattais toujours qu'un de ces courriers qui ont passé ici pour se rendre à Lisbonne, repasserait ici pour retourner à Pétersbourg. Vaine espérance jusqu'à ce jour! Il n'est cependant pas trop proposable d'expédier un courrier tout exprès, pour chercher deux petites boîtes renfermant chacune un profil d'une des plus magnifiques caboches qu'il ait réussi au Tourneur tout-puissant de faire sortir de son atelier depuis qu'il se mêle de tourner des caboches à tort et à travers. Aussi prétend-on, soit dit en passant, que lorsqu'il entrevit ce qu'il venait de faire, il prit tout de suite l'air imposant d'un bourgmaître de Darmstadt, frappa sur sa tabatière de cuir bouilli, prit une prise de tabac mit einer sich selbst gefälligen, naseweisen Miene, et dit en toussotant: „Ja, ja, aus dieser caboche werden seltsame Sachen herauskommen während des achtzehnten saeculi nach der Geburt Christi". Quelque beau que soit ce soliloque, il ne me donne point de porteur de camées ou de caboches de Paris à Pétersbourg. Puisse le Tourneur éternel m'en procurer un! Si je l'attrape, il ne partira pas sans mes deux petites boîtes.

Je ne doute pas que le récit de la maladie del signor Gasparo Santini ne cause à Votre Majesté la même émotion qu'il m'a fait éprouver. Au

---

переслать ихъ Вашему Императорскому Величеству? Давно не являлось зеленаго мундира на парижскомъ горизонтѣ, давно сердце мое не дрожало при видѣ этого мундира. Я все надѣялся, что одинъ изъ курьеровъ, проѣхавшихъ здѣсь, направляясь въ Лиссабонъ, проѣдетъ опять, возвращаясь въ Петербургъ. Напрасная надежда до сегодня! И однакоже нельзя предложить послать нарочнаго курьера за двумя маленькими коробочками, заключающими въ себѣ, каждая, профиль одной изъ великолѣпнѣйшихъ головокъ, какія удалось всемогущему Токарю выпустить изъ своей мастерской, съ тѣхъ поръ какъ онъ занимается выдѣлкой головъ вкривь и вкось. Оттого увѣряютъ, скажу мимоходомъ, что когда онъ увидѣлъ свое произведеніе, онъ тотчасъ принялъ важный видъ бургомистра дармштадтскаго, щелкнулъ по своей табакеркѣ изъ вареной кожи, взялъ щепотку табаку съ самодовольной и самоувѣренной миной, и сказалъ покашливая: «да, да, изъ этой головки выйдутъ чудесныя дѣла въ продолженіе восемнадцатаго столѣтія по Р. Х.»[1]). Какъ ни прекрасенъ этотъ монологъ, онъ не дастъ мнѣ гонца для доставленія камеевъ или головокъ изъ Парижа въ Петербургъ. Да ниспошлетъ же мнѣ его вѣчный Токарь! Если я поймаю курьера, онъ не уѣдетъ безъ моихъ двухъ коробочекъ.

Я не сомнѣваюсь, что разсказъ о болѣзни синьйора Гаспара Сантини произведетъ на Ваше Величество такое же сильное впечатлѣніе, какъ и на меня. Въ сущности я чув-

---

[1]) Слѣдуя общему правилу, соблюдаемому въ изданіяхъ нашего Историческаго Общества, оставлять текстъ документовъ по возможности неприкосновеннымъ, мы не сочли себя въ правѣ измѣнить и эту не совсѣмъ умѣстную шутку.

fond, je me sens du faible pour ceux qui sont consumés par le zèle pour l'empire des Grecs, lors même que ce zèle reste inutile. Celui de Santini le sera tant que son projet d'établir un commerce direct, et par conséquent des traites directes entre la Russie et l'Italie, ne sera point effectué; mais nous avons beau nous égosiller sur ce projet, est-ce qu'on nous écoute à Pétersbourg? En attendant le susdit Santini a déjà épuisé plus de la moitié de mon crédit de 50 mille florins établi au mois de novembre dernier à Amsterdam par M. le prince de Viazemskoï. Je suppose qu'à mesure qu'il fait ses traites, que je suis obligé d'autoriser, il en envoie les notes avec les quittances du divin à M. le général de Bezborodka ou à M. Richard Southerland, et que ces messieurs trouvent un accord parfait entre ces notes et quittances, et les traites dont messieurs de Smeth d'Amsterdam leur font part. Je ne recevrai moi que le compte général, pareil à celui que j'ai eu l'honneur de mettre l'année dernière sous les yeux de Votre Majesté et qui en sera la continuation. Dès que je l'aurai, je le mettrai aux pieds de mon auguste Souveraine, pour le coudre au premier, afin qu'elle puisse voir d'un seul coup d'oeil quel effroyable argent nous lui avons dépensé à Rome.

Quant au titre de consul ou de banquier de Sa Majesté Impériale que le divin sollicite pour récompense du zèle de Gasparo Santini, c'est un article que je conseille au divin de traiter à fond avec l'Immortelle, sans que

---

ствую слабость къ тѣмъ, кто сгараетъ ревностью къ Греческой Имперіи, даже когда ревность эта остается безъ пользы. Ревность Сантини будетъ такова до тѣхъ поръ, пока не осуществится его проектъ установить прямыя торговыя сношенія, стало-быть прямые трактаты между Россіей и Италіей, но какъ мы ни надрываемся, крича объ этомъ проектѣ, развѣ въ Петербургѣ насъ слушаютъ? Покамѣстъ поименованный Сантини уже истощилъ болѣе половины моего кредита въ 50 тысячъ флориновъ, отпущеннаго мнѣ княземъ Вяземскимъ въ прошедшемъ ноябрѣ въ Амстердамѣ. Я полагаю, что, изготовляя свои векселя, которыя я вынужденъ разрѣшать, онъ посылаетъ имъ счетъ съ квитанціями божественнаго г. генералу Безбородкѣ или г. Ричарду Сутерланду, и эти господа находятъ полное согласіе между его счетами и квитанціями и векселями, которые сообщаютъ имъ гг. Сметъ изъ Амстердама. Я получу только общій счетъ, подобный тому, который я повергъ на усмотрѣніе Вашего Величества въ прошедшемъ году и который будетъ его продолженіемъ. Какъ только буду имѣть его, повергну къ стопамъ моей Августѣйшей Государыни, чтобъ онъ былъ пришитъ къ первому, и она могла бы обозрѣть сразу, какія страшныя деньги мы истратили для нея въ Римѣ.

Что касается титула консула или банкира Ея Императорскаго Величества, испрашиваемаго божественнымъ для Гаспара Сантини за его усердіе, это статья, которую я посовѣтую божественному обговорить основательно съ безсмертной, безъ моего вмѣ-

je m'en mêle. Je n'ai pas été heureux avec mes propositions consulaires, et je n'ai jamais eu le crédit d'obtenir une seule patente de consul, quoique ma protection n'agisse jamais qu'en faveur d'Archisantinis, c'est-à-dire de gens dévorés de zèle pour le service de notre auguste Souveraine. L'hiver dernier un de mes compatriotes établi à Lorient, appelé Puchelberg et très avantageusement connu dans le commerce, m'a tourmenté pour avoir une patente de consul impérial dans ce port, et m'a assuré qu'il pouvait être utile en plus d'une occasion au ministre de Votre Majesté résidant en France, par des nouvelles de mer et autres services loyaux. J'en ai écrit au prince Ivan Bariatinski, pour lui recommander ce négociant et le prier d'obtenir cette patente pendant son séjour à Pétersbourg dans les bureaux de M. le comte de Panine ou de tel autre ministre de Votre Majesté qui était dans le cas de disposer de ces places. Il ne m'a pas répondu. Nos politiques, après avoir soutenu pendant huit mois que le prince Bariatinski ne reviendrait plus reprendre son poste en cette cour, et après en avoir disposé en faveur de cinq ou six personnes différentes, vraisemblablement sans avoir consulté Votre Majesté, disent aujourd'hui que le prince sera de retour à son poste au mois de septembre prochain. J'en suis vraiment charmé, et je m'y prends dès à présent pour faire sentir à l'Impératrice quelle belle occasion elle aura là pour accabler son souffre-douleur de bienfaits en musique, en portraits d'Ericson, en manuscrits, sur lesquels on lui a fait si

---

шательства. Я не былъ счастливъ съ моими консульскими предложеніями, и я никогда не имѣлъ достаточно кредита, чтобъ исходатайствовать хоть одинъ консульскій патентъ, хотя мое покровительство дѣйствуетъ только въ пользу архи-Сантини, то есть людей, снѣдаемыхъ усердіемъ къ службѣ нашей Августѣйшей Государыни. Прошедшую зиму одинъ изъ моихъ соотечественниковъ, живущій въ Лоріантѣ, по имени Пухельбергъ, извѣстный съ весьма хорошей стороны въ коммерціи, мучилъ меня, чтобъ получить патентъ императорскаго консула той гавани, и увѣрялъ, что можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ министру-резиденту Вашего Величества во Франціи, сообщеніемъ морскихъ извѣстій и другими честными услугами. Я писалъ объ этомъ князю Ивану Барятинскому, рекомендуя ему этого ходатая и прося его выхлопотать такой патентъ въ бытность свою въ Петербургѣ въ канцеляріи гр. Панина, или какого другого министра Вашего Величества, располагающаго этими мѣстами. Онъ не отвѣчалъ мнѣ. Наши политики, увѣрявшіе въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, что князь Барятинскій не вернется болѣе на свой постъ при здѣшнемъ дворѣ, и назначавшіе на его мѣсто пять-шесть различныхъ лицъ, вѣроятно не посовѣтовавшись съ Вашимъ Величествомъ, говорятъ нынче, что князь возвратится къ своему посту въ будущемъ сентябрѣ. Я право въ восхищеніи отъ этого, и теперь же озабоченъ тѣмъ, чтобъ внушить Императрицѣ, какой представляется ей превосходный случай осыпать многострадальнаго своими музыкальными благодѣяніями, портретами

souvent venir l'eau à la bouche sans apaiser sa soif. Je ne défends pas pour cela aux courriers qui pourront être expédiés avant lui vers nos contrées, de se charger de toutes et aucunes de ces choses, notamment du petit catéchisme de Monsieur Alexandre selon le bon plaisir de son auguste gouvernante ou Aja, comme disent les Italiens supérieurement bien, car cela signifie Aide, et un gouverneur ne doit être que cela, ou, en français, un accoucheur.

Il faut, à propos d'italien, revenir encore sur ce Metastasio dont je ne croyais pas les oeuvres capables de me donner de l'humeur. Puisque le prince Galitsine de Vienne a fait aller, suivant ce qu'il me mande, tous ses quarante exemplaires à Pétersbourg, ne serait-il pas possible que Votre Majesté m'en renvoyât douze, savoir six in-4⁰ et six in-8⁰ pour remplacer les douze que j'ai envoyés de mon côté? Je les rendrais à l'éditeur, et je n'aurais pas causé de dommage à l'Impératrice pour avoir voulu faire pour le mieux. Si cela ne se peut pas, il faut que je paie à cet éditeur, à mon grand chagrin, les volumes à mesure qu'ils sortiront de presse, pour compléter ces douze exemplaires, et que je les envoie à Pétersbourg courir après leurs frères aînés, puisque ceux-ci ne veulent pas revenir ici à la maison paternelle, et il en coûtera à mon auguste Souveraine douze exemplaires en-sus des quarante qui ont pris leur route par Vienne, et cela parce que le souffre-douleur, à force de génie, avait trouvé une spéculation suivant

---

Эриксона, рукописями, которыми такъ часто манили его вкусъ, не утоляя жажды. Я впрочемъ не запрещаю курьерамъ, посланнымъ можетъ-быть прежде него, захватить съ собою всѣ или нѣкоторыя изъ этихъ вещей, именно катихизисъ г. Александра, если этого благоугодно будетъ его Августѣйшей воспитательницѣ или Aja, какъ превосходно выражаютъ Итальянцы, ибо это значитъ помощница, а воспитывающій только этимъ и долженъ быть или по-французски акушеромъ.

Надо по поводу итальянскаго языка возвратиться къ этому Метастазіо, не предполагавъ никакъ, чтобъ его творенія могли разсердить меня. Такъ какъ князь Голицынъ изъ Вѣны сообщаетъ мнѣ, что послалъ всѣ сорокъ экземпляровъ въ Петербургъ, не возможно ли будетъ Вашему Величеству возвратить мнѣ изъ нихъ двѣнадцать — именно шесть in-4⁰ и шесть in-8⁰, чтобъ замѣнить тѣ двѣнадцать, которыя я послалъ съ своей стороны? Я отдамъ ихъ издателю и не причиню убытка Императрицѣ своимъ усердіемъ сдѣлать какъ можно лучше. Еслижъ это невозможно, я долженъ буду, къ великому огорченію, уплачивать издателю по мѣрѣ выхода книжекъ изъ печати, чтобъ дополнить эти двѣнадцать экземпляровъ и выслать ихъ въ Петербургъ въ догонку за своими старшими братьями, если эти послѣдніе не захотятъ возвратиться въ домъ родительскій. Августѣйшей же моей Монархинѣ будетъ предстоять расходъ двѣнадцати экземпляровъ сверхъ сорока, направленныхъ въ Вѣну, и все это оттого, что многострадальный помощью своего генія изобрѣлъ спекуляцію, посред-

laquelle sa généreuse bienfaitrice devait retrouver à la fin de la souscription les trois quarts des frais avancés avec tant de munificence. Je supplie Votre Majesté de me faire savoir définitivement si je dois revoir ces douze exemplaires ou non, afin de prendre mon parti en conséquence. Il faut que je m'accuse auprès de Votre Majesté d'un vilain tour que j'ai joué au divin, et dont je me repens très sincèrement. Après M. le procureur-général, et peut-être avant lui, je suis l'homme de la terre qui a le plus de regret à la dépense éffroyable dont nous sommes, lui et moi, les confidents. Comme les dépenses de Rome me pèsent sur l'estomac plus que toute autre, parce qu'elles sont d'un lourd assommant, je me suis avisé, par une suggestion de Lucifer que nous autres pauvres Luthériens avons été obligés de conserver dans notre liturgie par un ordre exprès de l'Impératrice, notre suprême évangile, je me suis avisé, dis-je, de mander au divin que, m'étant trouvé il y a quelque temps dans une compagnie où l'on ne se doutait point de l'intérêt que j'y devais prendre, un voyageur s'étendit beaucoup sur les immenses emplettes que l'Impératrice de Russie faisait à Rome, mais en ajoutant qu'elle payait tout horriblement cher et que les Romains eux-mêmes étaient étonnés des prix énormes qu'elle donnait. Il n'y avait pas le moindre fondement à cet impudent mensonge, mais je me suis toujours dit: à bon compte souffre-douleur, faut mentir; cela ne peut pas nuir. Voyons toujours ce que dira le divin. Il est vrai que j'ai ajouté tout de suite que je

---

ствомъ которой его великодушная благодѣтельница должна была въ концѣ подписки получить обратно три четверти суммы, данной ею впередъ съ такою щедростью. Умоляю Ваше Величество сказать мнѣ окончательно, увижу ли я еще эти двѣнадцать экземпляровъ или нѣтъ, чтобъ въ надлежащемъ смыслѣ рѣшить дѣло. Я долженъ признаться Вашему Величеству въ дурномъ поступкѣ моемъ съ божественнымъ, въ которомъ я сильно раскаиваюсь. Послѣ г. генералъ-прокурора, а можетъ-быть и прежде его — я — человѣкъ, въ цѣломъ мірѣ всего болѣе соболѣзнующій объ ужасныхъ издержкахъ, въ которыхъ онъ и я единственные повѣренные. Такъ какъ расходы въ Римѣ болѣе чѣмъ какіе-либо другіе обременяютъ мой желудокъ, будучи убійственно тяжелы, вотъ я вздумалъ, по внушенію Люцифера, котораго мы — бѣдные Лютеране, должны были сохранить въ своей литургіи по нарочному приказанію Императрицы,—нашего высшаго Евангелія, я вздумалъ, говорю я, написать божественному слѣдующее: недавно въ одномъ обществѣ, гдѣ не подозрѣвали что это дѣло меня интересуетъ, одинъ путешественникъ много распространялся на счетъ огромныхъ покупокъ Императрицы Россійской въ Римѣ, прибавляя къ этому, что Императрица покупаетъ все очень дорого и что сами Римляне дивятся, какія цѣны она платитъ. Не было ни малѣйшаго основанія для такой наглой лжи, но я всегда говорилъ себѣ: безъ шутокъ, многострадальный, надо солгать, это не можетъ повредить. Посмотримъ все-таки, что скажетъ божественный. Правда, я тотчасъ же прибавилъ, что не вѣрю этимъ розсказ-

ne croyais pas ces propos, que je connaissais son zèle, mais que j'éprouvais moi-même tous les jours l'inconvénient d'être chargé des ordres de Votre Majesté, parce que tout le monde était plus ou moins tenté d'abuser de sa générosité et de sa munificence. Voilà, Madame, la clef de cette apologie que le pauvre divin s'est cru obligé de faire de sa conduite, que j'ai toujours regardée comme irréprochable et pure comme de l'or. J'ai été obligé de verser une ample provision de baume de consolation sur les égratignures que je lui ai faites de gaîté de coeur; j'espère que sa premiere lettre m'apprendra qu'il est entièrement rassuré et tranquille. Moi je le suis davantage depuis l'infamie que je me suis permise. J'y ai même gagné l'expédient qu'il propose pour éviter que le nom de l'Impératrice ne renchérisse les objets. Il est constant que si Votre Majesté persiste dans ses appétits gloutons, il serait beaucoup plus convenable de dire au divin: «Tiens, je te permets de dépenser cette année deux mille, trois mille, quatre mille roubles en tableaux ou autre curiosités; s'il t'en tombe sous la main de vrâiment dignes du cabinet de l'Impératrice, tu les prendras sans demander de nouveaux ordres, jusqu'à la concurrence de la somme fixée; si au contraire tu ne trouves rien de digne de moi, l'argent restera dans mes coffres jusqu'à ce que l'occasion s'en présente». Ce serait certainement le seul moyen pour que l'Impératrice achète sans être connue et sans craindre que son nom auguste ne renchérisse considérablement tous les objets dont sa gloutonnerie

---

нимъ, что я знаю его усердіе и самъ ежедневно испытываю неудобства отъ порученій и приказаній Вашего Величества, потому что каждый чувствуетъ болѣе или менѣе искушеніе злоупотребить Вашимъ великодушіемъ и щедростью. Вотъ, Государыня, ключъ къ той апологіи своего поведенія, которую бѣдный божественный счелъ себя обязаннымъ написать, поведенія всегда бывшаго въ глазахъ моихъ безукоризненнымъ и чистымъ, какъ золото. Я вынужденъ былъ пролить богатый запасъ цѣлебнаго бальзама на царапины, такъ хладнокровно ему сдѣланныя мною; надѣюсь, что первое же письмо его скажетъ мнѣ, что онъ окончательно утѣшился и успокоился. Я же покойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ позволилъ себѣ эту гадость. Я даже при этомъ пріобрѣлъ средство, придуманное имъ, чтобъ имя Императрицы не возвышало цѣны предметовъ. И справедливо, что если Ваше Величество будете упорствовать въ своемъ прихотничествѣ, то лучше будетъ сказать божественному: «вотъ я позволяю тебѣ истратить въ этмоъ году двѣ, три, четыре тысячи рублей на картины и другія рѣдкости; если тебѣ попадутся подъ руку вещи достойныя императорскаго кабинета, ты возьмешь ихъ, не спрашивая новыхъ разрѣшеній, до истощенія назначенной суммы; если же, напротивъ, ты не найдешь ничего достойнаго меня, деньги останутся въ моихъ сундукахъ, пока не представится случая». Это конечно единственное средство, чтобъ Императрица покупала оставаясь неизвѣстною, и не опасаясь, что ея Августѣйшее имя значительно возвыситъ плату за всѣ предметы, которые ея прихотливый вкусъ пожелаетъ

a envie. Das überlasse ich der allerhöchsten Beherzigung unserer liebenswürdigsten Monarchin, nach dem Ausspruch des großen Païsiello.

Il faut finir si je ne veux pas manquer la poste, mais en finissant je me crois obligé de représenter unmaaßgeblich an unsere liebenswürdigste Monarchin qu'elle ne pourra pas se dispenser de me dire un mot au sujet du présent considérable què M. de Buffon lui a fait et qu'il compte même compléter à fur et mesure; je crois même qu'elle ne pourra guère se dispenser de lui envoyer quelque marque de sa bienveillance. M. de Buffon est le seul homme de lettres gâté de ce pays-ci; il a éte toujours traité avec une distinction particulière à la cour. Je peux présumer, sans être sorcier, qu'il suppose qu'après les agaceries que Minerve lui a faites, qu'après l'offrande qu'elle lui a permis de déposer sur son autel l'année passée, il pourra se vanter d'une distinction que toute la terre ambitionne, distinction venant de Catherine. L'Impératrice me dira: «Souffre-douleur, que faut-il que je lui donne?» Or c'est une question qui m'est antipathique: du moins, je n'y suis pour rien cette fois-ci, et cela ne m'arrive pas souvent. C'est Votre Majesté qui m'a tourmenté avec ces Epoques: il a bien fallu renvoyer la balle à l'auteur. Pour rien au monde je n'aurais parlé à Votre Majesté de ces Epoques le premier; je sais combien il est dangereux de mettre le feu aux étoupes. Il en est résulté un présent d'un ballot tout entier avec je ne sais combien de gravures enluminées. Est-ce ma faute? Peut-être

---

имѣть. Представляю это на высочайшее обсужденіе нашей наилюбезнѣйшей Монархини, по выраженію великаго Паизіелло.

Надо кончить, чтобъ не пропустить почту; но, кончая, я долженъ еще, по своему крайнему разумѣнію, представить нашей наилюбезнѣйшей Монархинѣ, что она не можетъ избѣгнуть необходимости сказать мнѣ слово по случаю значительнаго подарка, сдѣланнаго г. Бюффономъ, и который онъ думаетъ постепенно пополнять; я полагаю даже, что ей нельзя не послать ему какой-нибудь знакъ своего благоволенія. Г. Бюффонъ— единственный избалованный литераторъ въ этой странѣ; онъ пользовался всегда особеннымъ отличіемъ при дворѣ. Я могу предполагать, не будучи волшебникомъ, что послѣ заискиванья въ немъ Минервы и послѣ приношенія, которое она дозволила ему возложить на свой жертвенникъ въ прошедшемъ году, онъ расчитываетъ что ему можно будетъ похвастать отличіемъ, котораго домогаются по всей землѣ — именно отличія, исходящаго отъ Екатерины. Императрица скажетъ мнѣ: «Многострадальный, что же мнѣ дать ему»? О, это вопросъ мнѣ антипатичный; по крайней мѣрѣ на этотъ разъ я тутъ ни при чемъ, а это со мною не часто случается. Ваше Величество сами же мучили меня этими Эпохами: итакъ слѣдовало возвратить мячъ тому, кто его бросилъ. Ни за что къ мірѣ я первый не заговорилъ бы съ Вашимъ Величествомъ объ этихъ Эпохахъ. Я знаю какъ опасно подкладывать огонь подъ паклю. Изъ этого вышелъ подарокъ въ цѣлый тюкъ со множествомъ раскрашенныхъ гравюръ. Моя ли это вина? Можетъ-

une suite de médailles en or frappées sous le règne de Catherine II et à l'occasion des principaux événements de ce règne serait une suite aussi toute naturelle de la magnificence de ses dons. Warum hat sie die Saiten so hoch gestimmt? das ist meine Schuld auch nicht. Mais, parbleu! j'ai bien besoin de m'épuiser en inventions, quand personne au monde ne sait comme elle ce qu'il faut mettre dans la casserole et la manière dont il faut l'assaisonner.

Il est trois heures du matin; je tombe de sommeil; il faut fermer boutique et se coucher; demain ou plutôt aujourd'hui à huit heures il faut que ce paquet soit à la poste. Nun so weiß ich denn, daß in der ganzen Welt kein Mensch unserer huldreichen und liebenswürdigsten Monarchin eine so sanfte und süße Nachtruhe wünsche als wie ich, obgleich die Wünsche von allen Seiten für ihr allerhöchstes Wohlsein auflodern. Que je m'endorme ou que je m'éveille, son nom sacré est toujours le premier et le dernier que l'attachement et la reconnaissance portent sur mes lèvres, et le souvenir de ses bontés ne permet pas à mon coeur de palpiter une seule fois sans qu'il lui échappe un voeu pour sa conservation, sa prospérité et sa gloire.

быть собраніе золотыхъ медалей, выбитыхъ въ царствованіе Екатерины II и по случаю важнѣйшихъ событій этого царствованія, было бы естественнымъ послѣдствіемъ великости ея благодѣяній. Зачѣмъ она настроила струны такъ высоко? И это не моя вина. Но, тьфу пропасть! Очень нужно мнѣ истощаться въ изобрѣтеніяхъ, когда никто въ мірѣ не знаетъ лучше ея, чтó надо положить въ кострюлю и какимъ образомъ приправить кушанье.

Теперь три часа утра; я изнемогаю отъ дремоты; надо запереть лавочку и ложиться; завтра или, лучше сказать, сегодня въ восемь часовъ, надо чтобъ этотъ пакетъ былъ на почтѣ. И я вполнѣ увѣренъ, что во всемъ мірѣ ни одинъ человѣкъ не желаетъ нашей милостивѣйшей и наилюбезнѣйшей Монархинѣ такого тихаго и пріятнаго сна какъ я, хотя пожеланія ей здравія раздаются со всѣхъ сторонъ. Засыпаю ли я, или пробуждаюсь, ея священное имя—первое и послѣднее, которое привязанность и благодарность приводятъ на уста мои, а память объ ея милостяхъ заставляетъ меня съ каждымъ біеніемъ сердца повторять молитву за ея сохраненіе, счастіе и славу.

21 (№ 29).

Allerunterthänigster Expeditions-Vortrag.

A Paris, ce 25 mai (6 juin) 1781.

Madame. C'est une vérité bien consolante pour le juste, comme moi par exemple, que ses prières montent droit au ciel comme la fumée quand le vent ne la rabat point, si bien que toutes les fois que l'air est calme, le juste devrait se mettre en prières. A peine avais-je fini la mienne, que M. de Lohmann, de retour de Lisbonne, est entré chez moi et m'a offert la plus belle occasion pour faire passer les deux camées aux pieds de mon auguste bienfaitrice. Il a bien voulu faire pis. Me voyant occupé de l'emballage et de l'expédition du modèle de la porte de Clérisseau, il s'est presque mis à mes genoux pour obtenir de moi la permission de s'emparer de ce modèle et de le porter à Pétersbourg. Aber das war eine pure Unmöglichkeit. Sans compter que la caisse de ce modèle a plus de six pieds de long, et qu'il aurait fallu faire une voiture exprès pour la transporter avec un courrier, le modèle exposé au cahotement continuel et précipité de la poste, n'y aurait jamais résisté, et je n'ai pu par conséquent me rendre à ses instances. Il faut que ce modèle chemine d'ici doucement et uniformément à Lübeck. Tout ce que je puis faire pour M. de Lohmann, qui désire avec tant de

---

21 (№ 29).

Всеподданнѣйшій исполнительный докладъ.

Парижъ, 25 мая (6 іюня) 1781.

Государыня. Очень утѣшительна, для такого праведника, какъ я напримѣръ, [illegible] что молитвы его восходятъ прямо къ небу подобно дыму, когда вѣтеръ не [illegible] внизъ, такъ что всякій разъ какъ воздухъ чистъ, праведникъ долженъ бы [illegible] новиться на молитву. Только что я пересталъ молиться, какъ г. [illegible] [illegible] изъ Лиссабона, явился ко мнѣ и предложилъ наилучшій способъ [illegible] къ стопамъ моей Августѣйшей благодѣтельницы. Онъ захотѣлъ [illegible]. Видя меня занятымъ укладкой и отправкой модели воротъ Клериссо, [illegible] колѣняхъ умолялъ меня дать ему позволеніе, овладѣвъ этой [illegible] въ Петербургъ. Но это была чистѣйшая невозможность. Не [illegible] что ящикъ этой модели имѣетъ болѣе шести футовъ длины, и [illegible] карету, чтобъ перевезти его съ курьеромъ, модель, [illegible] почтовой трескѣ, никакъ не выдержала бы этого, такъ что я не [illegible] его просьбы. Надо чтобъ эта модель поѣхала отсюда [illegible] гомъ въ Любекъ. Одно только могу я сдѣлать для г. [illegible], который такъ

passion de multiplier les occasions de servir notre auguste Souveraine, c'est de joindre mes supplications aux siennes pour qu'il plaise à Votre Majesté Impériale de lui ordonner d'aller chercher ce modèle à Lübeck, où je compte qu'il sera rendu entre le 15 et 20 juillet, nouveau style. Cet officier, que je n'avais jamais vu, sait parfaitement le chemin de mon coeur. Il m'a montré tant d'attachement für unsere Kaiserin, il m'a conté avec tant de satisfaction le bonheur qu'il a eu de servir sur le yacht qui a possédé pendant quatre heures l'Impératrice et M. de Falkenstein et Leurs Altesses Impériales, que je me suis presque trouvé sur le yacht à côté de lui, et il n'a pas oublié tout ce que cette promenade a valu aux officiers et à l'équipage, car partout où l'Impératrice met les pieds, il faut qu'elle laisse des traces de sa bonté et de sa magnificence.

Je ne parlerai pas aujourd'hui du modèle de Clérisseau. Laissons-le cheminer tranquillement vers Lübeck, et ma pancarte qui le concerne aura tout le temps d'arriver à Pétersbourg avant lui. Bornons-nous à parler de ce que nous confions aux soins de M. Lohmann.

1. Les deux camées faits par Weder. Les voilà donc tous les deux, puisque ma conscience ne me permet pas de garder sans façon celui que Votre Majesté décidera sûrement le moins beau. Au moment de notre séparation, je sens mon coeur qui se gonfle; mais une voix intérieure me rassure et me dit: «fie-toi à ta Souveraine; elle ne permettra pas que cette

---

желаетъ умноженія случаевъ угодить нашей Августѣйшей Государынѣ: это — присоединить къ его мольбамъ свои, чтобъ Вашему Величеству благоугодно было велѣть ему ѣхать за моделью въ Любекъ, куда я надѣюсь она прибудетъ между 15 и 20 іюля новаго стиля. Онъ выказалъ предо мною столько привязанности къ *нашей Императрицѣ*, онъ съ такимъ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о счастіи своемъ, когда онъ служилъ на яхтѣ, въ продолженіе четырехъ часовъ обладавшей Императрицею, г. Фалькенштейномъ и Ихъ Императорскими Высочествами, что я почти самъ присутствовалъ на яхтѣ возлѣ него; при этомъ онъ не забылъ упомянуть и о томъ, что̀ эта прогулка доставила офицерамъ и экипажу, потому что всюду, куда только Императрица поставитъ ногу, она обыкновенно оставляетъ слѣды своей благости и щедротъ.

Я не стану говорить сегодня о модели Клериссо. Пусть она спокойно направляется въ Любекъ, а моя грамота, до нея касающаяся, успѣетъ пріѣхать въ Петербургъ прежде нея. Ограничимся упоминаніемъ о томъ, что̀ мы поручаемъ заботамъ г. Ломана.

1) Оба камея, сдѣланные Ведеромъ. Вотъ они оба, такъ какъ совѣсть не позволяетъ мнѣ удержать безъ церемоніи тотъ, который по рѣшенію Вашего Величества будетъ признанъ худшимъ. Въ минуту нашей разлуки я чувствую тягость на сердцѣ; но внутреннее чувство успокоиваетъ меня и говоритъ: «довѣрься своей Государынѣ;

séparation soit éternelle ni même longue, et tu possèderas en pleine sécurité comme un don de sa main auguste, ce que tu n'aurais pu garder sans avoir l'âme bourrelée. Puisque j'ai parlé l'autre jour de M. de Buffon, je ne cache pas à Votre Majesté Impériale qu'un camée comme celui qui me reviendra sûrement de Pétersbourg, placé sur une belle tabatière, ferait vraisemblablement un furieux effet sur l'âme du Pline français. On est si accoutumé aux magnificences de Votre Majesté, que les hommes de la première trempe ne se regardent pas comme sûrs de leur fait, c'est-à-dire d'avoir du génie, tant qu'ils n'ont pas reçu quelque signe visible de la bienveillance de Minerve protectrice, et dès qu'ils l'ont reçu, ils en font un vacarme par toute l'Europe. Est-ce ma faute ou celle de Minerve Tsarko-Sélienne? Je m'en rapporte à la décision de la cour d'équité de Pétersbourg. Mais pour faire ce vacarme, il ne faut pas seulement être un Voltaire recevant des fourrures et une boîte tournée par la main qui, comme celle du Potier éternel, tourne plus d'une destinée comme il lui plaît, et comme elle veut, ou bien un Buffon, si Votre Majesté juge à propos de le ranger parmi les têtes tournées de sa façon; il n'y a pas jusqu'à l'avocat de Chartres qui n'ait voulu mettre le public dans la confidence de sa médaille d'or et qui ne m'ait fourré dans ses caquets sans m'en demander la permission, comme Votre Majesté verra par la feuille du Journal de Paris. Ce qui est d'autant plus désastreux pour moi que cela m'attire une foule innombrable d'importuns

---

она не позволитъ, чтобъ разлука эта сдѣлалась вѣчною или даже долгою, и ты будешь въ полномъ спокойствіи владѣть даромъ Ея Августѣйшей руки, которымъ ты не могъ бы обладать безъ угрызеній совѣсти. Такъ какъ я намедни говорилъ о г. Бюффонѣ, то не скрою отъ Вашего Императорскаго Величества, что камей, подобный тому, который возвратится ко мнѣ изъ Петербурга, вдѣланный въ богатую табакерку, вѣроятно произвелъ бы могучее впечатлѣніе на душу французскаго Плинія. Всѣ такъ привыкли къ щедротамъ Вашего Величества, что люди высшаго закала не увѣрены въ себѣ, т. е. въ своемъ геніи, пока они не получили какого-нибудь видимаго знака благоволенія Минервы-покровительницы, а какъ только они его получатъ, они шумятъ о томъ по цѣлой Европѣ. Моя ли это вина, или виновата царскосельская Минерва? Я отдаюсь на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Петербургѣ. Но для того, чтобъ надѣлать столько шума, не надо быть только Вольтеромъ, получающимъ мѣха и табакерку, выточенныя той рукою, которая подобно рукѣ Всевѣчнаго Горшечника направляетъ судьбы многихъ какъ ей угодно и какъ ей нравится: надо быть Бюффономъ, если Ваше Величество заблагоразсудите поставить его въ ряду головъ, выточенныхъ по Вашей мысли. Даже какой-нибудь адвокатъ изъ Шартра захотѣлъ сдѣлать публику участницей въ своей золотой медали, и замѣшалъ меня въ свои сплетни, не испросивъ на то моего позволенія, какъ Ваше Величество изволите увидѣть изъ листка газеты Journal de Paris. Всего несчастнѣе для меня то, что это привлекаетъ ко

qui sont loin d'être des Plines, des Sophocles et des Homères français, et qui voudraient tous impatienter l'Impératrice par leurs hommages. Ils n'y réussiront pas par mon canal, et je serai le seul impatienté. Au reste, Votre Majesté remarquera, dans la lettre de l'avocat de Chartres, le passage que le censeur n'a pas voulu passer. J'étais curieux de savoir ce qu'on avait pu supprimer de la lettre de l'avocat; je l'ai fait demander aux auteurs du journal, et ils m'ont rétabli le passage supprimé, à la main. C'est une chose remarquable qu'on soit toujours disposé à regarder la liberté de penser comme contrebande, et qu'on ne veuille pas qu'elle se vante de l'indigénat dont elle jouit en Russie. Quant à M. de Buffon, qui a trouvé le secret de se faire tolérer par la Sorbonne malgré toutes ses hérésies, je préviens Votre Majesté qu'il a un fils unique, officier aux gardes, que le père fera plutôt voyager vers le nord que vers le midi, dès qu'il sera un peu moins jeune, le tout pour avoir par lui des nouvelles directes d'un certain phénomène brillant qu'on observe constamment sous le soixantième degré depuis une vingtaine d'années.

2°. Avec les camées marcheront les commentaires sur la vie de M. de Voltaire enrichis des cahiers manuscrits du fidèle Wagnière. Si la lecture de ces cahiers fait à Votre Majesté autant de mal qu'à moi, j'aurai commis une grande imprudence de les lui envoyer. J'y ai ajouté un recueil de lettres de ce grand homme à un abbé janséniste, son trésorier, pendant qu'il était

---

мнѣ безчисленную толпу надоѣдалъ, которые далеко не Плиніи, не Софоклы и не Гомеры французскіе. а всѣ хотѣли бы докучать Императрицѣ своими приношеніями. Но черезъ мое посредство имъ это не удастся, и они будутъ надоѣдать одному мнѣ. Впрочемъ, Ваше Величество замѣтите въ письмѣ адвоката изъ Шартра мѣсто не пропущенное цензоромъ. Мнѣ было любопытно узнать, что было исключено изъ письма адвоката; я велѣлъ спросить о томъ у издателей журнала, и они мнѣ возстановили на письмѣ это сокращенное мѣсто. Замѣчательно, что всегда расположены смотрѣть на свободу мысли какъ на контрабанду и не хотятъ, чтобъ она хвалилась своимъ водвореніемъ въ Россіи. Что касается до г. Бюффона, который нашелъ средство быть терпимымъ Сорбонной, не взирая на всѣ свои ереси, я предупреждаю Ваше Величество, что у него есть единственный сынъ,—офицеръ гвардіи, котораго отецъ заставитъ скорѣе путешествовать на сѣверъ нежели на югъ, какъ только онъ будетъ постарше, и все это затѣмъ, чтобъ получить черезъ него прямыя извѣстія о нѣкоемъ блестящемъ свѣтилѣ, постоянно видимомъ подъ шестидесятымъ градусомъ, вотъ уже лѣтъ двадцать.

2) Съ камеями пойдутъ объясненія на жизнь г. Вольтера, обогащенныя рукописными тетрадями вѣрнаго Ваньера. Если чтеніе этихъ тетрадей огорчитъ Ваше Величество столько же сколько меня, то я сдѣлалъ большую неосторожность, пославъ ихъ къ Вамъ. Я прибавилъ къ этому собраніе писемъ великаго человѣка къ одному

en Lorraine avec madame du Châtelet. Ces lettres ne sont pas assurément importantes par le sujet, tant s'en faut; mais telle était la magie de cet homme étonnant, qu'on aime mieux lire ces détails mesquins sous sa plume que les sujets graves sous la plume des autres. Ce recueil ne paraît que depuis deux jours.

Il faut pourtant, puisque je suis sur le chapitre de cet homme irremplaçable, que j'envoie à Votre Majesté un prospectus de l'édition à laquelle préside Figaro Beaumarchais. Cet homme, qui court plus d'un lièvre, est venu chez moi pour me dire que l'Impératrice ayant souscrit dans l'origine pour cent exemplaires, il me priait d'en réaliser la promesse. Je lui ai répondu qu'à la vérité Votre Majesté avait eu dès le commencement cette généreuse intention, et qu'elle s'était même décidée à souscrire pour quatre cents exemplaires, tant elle avait à coeur de favoriser le libraire, mais que l'entreprise ayant passé entre les mains d'un capitaliste, qui fait tout pour la gloire de Voltaire, le cas n'était plus le même, et qu'il me fallait nécessairement de nouveaux ordres pour la souscription d'un certain nombre d'exemplaires. Figaro me dit à cette occasion les plus belles choses pour l'Impératrice, qu'il voulait mettre sur le frontispice de son édition: *imprimé au palais de Tsarsko-Sélo*, qu'il ferait tirer un exemplaire sur du vélin qui seul vaudrait un capital et qui serait pour l'auguste Souveraine qui possède

---

аббату янсенисту, его казначею, пока онъ жилъ въ Лотарингіи съ г-жею дю Шателэ. Эти письма конечно не важны по содержанію, далеко до того; но такова была волшебная сила этого удивительнаго человѣка, что охотнѣе прочтешь мелочныя подробности подъ перомъ его, нежели важные предметы подъ перомъ другихъ. Этотъ сборникъ появился только два дня тому назадъ.

Надо однако, заговоривъ разъ объ этомъ незамѣнимомъ человѣкѣ, переслать Вашему Величеству проектъ изданія, находящагося подъ вѣдѣніемъ Фигаро Бомарше. Этотъ человѣкъ, который гонится не за однимъ зайцемъ, былъ у меня и обявилъ, что такъ какъ Императрица подписалась въ началѣ на сто экземпляровъ, то онъ и проситъ меня уплатить по обязательству. Я отвѣчалъ ему, что по правдѣ Ваше Величество съ самаго начала имѣли это великодушное намѣреніе и даже рѣшались подписаться на четыреста экземпляровъ, такъ желали Вы отъ всего сердца споспѣшествовать книгопродавцу, но что предпріятіе перешло въ руки капиталиста, дѣлающаго все для славы Вольтера, и потому обстоятельства уже не тѣ и мнѣ необходимы новыя инструкціи для подписки на извѣстное количество экземпляровъ. Фигаро высказалъ мнѣ по этому поводу наилучшія привѣтствія Императрицѣ, объвнивъ, что онъ хочетъ поставить во главѣ своего изданія: *напечатано въ царскосельскомъ дворцѣ* и велитъ оттиснуть одинъ экземпляръ на веленевой бумагѣ, который самъ по себѣ составитъ капиталъ и предназначенъ будетъ Августѣйшей Монархинѣ, обладательницѣ

la bibliothèque de Voltaire. Je lui répondis qu'il n'avait qu'à m'écrire tout cela, que je le mettrais sous les yeux de Votre Majesté et que l'Impératrice aimait beaucoup le Barbier de Séville. Il y a à peu près un an à cette visite; je devais avoir sa lettre huit jours après, et elle est encore à venir. Je ne courrai sûrement pas après, et je commence à croire que cette édition ne se fera pas de longtemps. Il n'y a pas longtemps que j'ai recontré Figaro et qu'il me dit que la souscription ne se remplissait pas; c'est qu'on n'a point de confiance dans Figaro et que sa loterie, sur laquelle il comptait beaucoup et à laquelle personne n'a rien compris, a inspiré de la méfiance à tout le monde.

En revanche l'entreprise du graveur Moreau, le même qui a fait le dessin et l'estampe du sacre du roi, est fort intelligible. C'est un artiste estimé et exact dans ses engagements. Il a été dans sa jeunesse en Russie et attaché à l'Académie des beaux-arts; mais il compte plus sur le nom de M. de Voltaire que sur le sien, pour engager l'Impératrice à souscrire pour un certain nombre d'exemplaires. Ce ne sont pas mes affaires, je ne m'en mêle qu'en ma qualité de plastron. C'est à l'Impératrice à décider; moi je reviens à mes moutons.

3°. Mon troisième mouton confié à M. de Lohmann est le neuvième cahier du Voyage pittoresque de la Grece, et mon quatrième est une estampe que j'envoie à Votre Majesté Impériale en pur don. C'est le portrait d'un de

---

библіотеки Вольтера. Я отвѣчалъ, что ему слѣдуетъ только *написать* мнѣ все это, что я это представлю на возрѣніе Вашего Величества и что Императрица очень любитъ Севильскаго цирюльника. Вотъ уже почти годъ этому визиту, я долженъ былъ получить его письмо черезъ недѣлю, а оно еще не получено. Конечно, я за нимъ не побѣгу и начинаю думать, что это изданіе очень долго не появится. Недавно я встрѣтилъ Фигаро и онъ мнѣ сказалъ, что подписка не наполняется; это оттого, что не довѣряютъ Фигаро и что его лотерея, для всѣхъ непонятная, внушила всѣмъ недовѣріе.

Напротивъ того, предпріятіе гравера Моро, того самаго, который сдѣлалъ рисунокъ и эстампъ коронованія короля очень постижимо. Это уважаемый артистъ весьма акуратный въ своихъ обязательствахъ. Онъ въ молодости былъ въ Россіи и состоялъ при Академіи художествъ; но онъ болѣе разсчитываетъ на имя Вольтера, чѣмъ на свое собственное, чтобъ упросить Императрицу подписаться на нѣкоторое число экземпляровъ. Это не мое дѣло, я въ него вмѣшиваюсь только въ качествѣ шута. Пусть Императрица рѣшаетъ; я возвращаюсь къ своимъ баранамъ.

3) Мой третій баранъ, порученный г. Ломану, есть девятая тетрадь иллюстрированнаго путешествія по Греціи, а четвертый есть эстампъ, который я посылаю Вашему Императорскому Величеству въ даръ. Это портретъ одного изъ вашихъ друзей,

ses amis ou de ses partisans ou de ses engoués, qui n'y a pas mis son nom; mais aussi je prétends que l'Impératrice doit le reconnaître tout de suite. Il a pris pour devise le vers connu:

Qui mores hominum multorum vidit et urbes.

Et moi j'aurais ajouté *et Catharinam:* Celui qui a vu bien des pays, bien des moeurs, bien des usages, bien de l'hommerie, et Catherine: car encore faut-il finir par le trait, par le coup de foudre, et comme disait Jésus-Christ: Marthe, Marthe, porro unum est necessarium, *eines allein ist nothwendig,* c'est d'avoir vu Catherine.

4°. Le dernier mouton qui se présente sous les auspices de M. de Lohmann, c'est M. le comte de Girecourt avec son Histoire de la maison d'Autriche en six volumes. Ce M. de Girecourt est un homme de condition de Lorraine, fort à son aise, ce qui ne donne pas toujours le talent d'écrire, mais aussi ne l'ôte pas. Je ne dirai pas si son ouvrage est bon, car je ne le lirai pas, si Dieu me prête vie; mais aussi je ne prétends pas que Votre Majesté le lise. Le comte de Girecourt se sent seulement le besoin de porter son histoire avec son hommage aux pieds de l'immortelle Catherine, et de quel droit en empêcherais-je le pauvre homme? Il n'aspire ni à médaille d'or ni à tabatière; son ambition se borne à recevoir en réponse deux lignes signées du nom auguste de Catherine. Feu Marie Thérèse, de pieuse mé-

---

или сторонниковъ, или поклонниковъ, который не поставилъ своего имени; но я претендую, чтобъ Императрица его тотчасъ угадала. Онъ принялъ девизомъ извѣстный стихъ:

Qui mores hominum multorum vidit et urbes.

А я прибавилъ бы *и Екатерину*: кто видѣлъ много странъ, много нравовъ и обычаевъ человѣческихъ и Екатерину: потому что опять таки надо кончить послѣднимъ штрихомъ, громовымъ ударомъ, и какъ сказалъ Іисусъ Христосъ: Маѳа, Маѳа, *только одно потребно*, это — увидѣть Екатерину.

4) Послѣдній баранъ, представляющійся подъ покровительствомъ г. Ломана, г. де Жиркуръ съ своей «Исторіей Австрійскаго дома» въ 6-ти томахъ. Этотъ г. де Жиркуръ родомъ изъ Лотарингіи, человѣкъ очень богатый, что не всегда сообщаетъ талантъ писателя, но и не отнимаетъ его. Я не скажу хорошо ли его сочиненіе, потому что не стану читать его, если Господь дастъ мнѣ жизни; но я и не требую, чтобъ Ваше Величество его прочли.. Графъ де Жиркуръ чувствуетъ только потребность повергнуть свою Исторію вмѣстѣ съ благоговѣніемъ своимъ къ стопамъ безсмертной Екатерины, и по какому праву я помѣшаю въ томъ бѣдному человѣку? Онъ не претендуетъ ни на золотую медаль, ни на табакерку; его честолюбіе ограничивается тѣмъ, чтобы получить въ отвѣтъ двѣ строчки, подписанныя Августѣйшимъ именемъ Екатерины.

moire, et plusieurs têtes couronnées lui ont fait cet honneur, et le terme de son ambition serait d'avoir une lettre de Votre Majesté dans son portefeuille; il ne serait pas à craindre avec lui que cette lettre passât dans les journaux et papiers publics. A cela l'Impératrice me répond: «Tu deviens fou, mon pauvre souffre-douleur. Comment veux-tu que je perde mon temps à écrire à un gentilhomme de Lorraine à qui il passe par la tête de m'envoyer son barbouillage?»... — Ah, c'est où j'attendais Votre Majesté. Non, certes, je ne veux pas que l'Impératrice perde son temps. Elle n'a qu'à signer la lettre que j'ai faite en son nom et que je joins ici, et me la renvoyer signée, et tout sera dit. Suis-je donc ein Collegien-Rath oder ein Kaiserlicher Concipist pour des prunes? Ou si je n'ai pas bien fait, il sera fort aisé au général Bezborodka d'en faire une meilleure, de la faire signer par l'Impératrice et de me l'envoyer. Gekrönte Häupter müßen Sekretarien und phrasiers um sich haben. Aber das ist denn nun unserer Kaiserin Sache gar nicht. Sie will immer ihr Handwerk ganz allein treiben, und sich nicht nach dem Schlendrian ihrer Herren Brüder und Brüderlein, Frauen Schwestern und Schwesterlein richten. So ist es denn leider mit ihr so weit gekommen daß sie die couverts zu ihren Briefen selber schneiden muß, und muß sie zusiegeln, und noch oben darauf die Adreße proprio pugno darauf setzen. Nun solche erbärmliche Sachen kommen heraus wenn man sich immer in seinen principiis von der gekrönten Confrérie absondern will.

Покойная Марія Терезія, благочестивой памяти, и нѣсколько коронованныхъ главъ сдѣлали ему эту честь и предѣломъ его честолюбія было бы имѣть въ своемъ портфелѣ письмо Вашего Величества; отъ него нельзя опасаться, чтобъ это письмо перешло въ газеты и печать. На это Императрица мнѣ отвѣтитъ: «ты съ ума сходишь, мой бѣдный многострадальный. Какъ же ты хочешь, чтобъ я теряла время на писаніе лотарингскому дворянину, которому вошло въ голову прислать мнѣ свое маранье?... А, вотъ этого-то я и ждалъ отъ Вашего Величества. Нѣтъ, конечно я не хочу, чтобъ Императрица теряла время. Ей надо только подписать письмо, которое я приготовилъ отъ ея имени и тутъ прилагаю, и переслать его подписаннымъ: вотъ и все. Не даромъ же я коллежскій совѣтникъ или императорскій редакторъ. Или если мое письмо не хорошо, весьма легко будетъ генералу Безбородкѣ написать лучше, дать его подписать Императрицѣ и прислать ко мнѣ. Коронованныя главы должны имѣть около себя секретарей и фразеровъ. Но этого вовсе не любитъ наша Императрица. Она всегда хочетъ совершенно одна вести свое ремесло, и не хочетъ слѣдовать рутинѣ своихъ господъ братьевъ и братцевъ, госпожъ сестеръ и сестрицъ. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, это зашло такъ далеко, что она должна сама выкраивать конверты для своихъ писемъ, должна ихъ печатать и даже собственною рукою надписывать на нихъ адресъ. И вотъ какія жалкія вещи выходятъ когда хочется въ своихъ правилахъ всегда отдѣляться отъ своей коронованной собратіи.

Voilà, Madame, le précis et le contenu de trois paquets en toile cirée que je confie à M. de Lohmann; mais puisque le ciel et sa divine providence m'ont mis dans la triste nécessité d'ennuyer l'Impératrice de toutes les manières possibles, il faut encore que j'ajoute quelques articles assommants à ce pitoyable Vortrag. Une belle dame de la cour me tourmente depuis plus de six mois pour que je mette le mémoire del signor de Montemurli sous les yeux de Votre Majesté Impériale. J'ai beau lui prouver qu'elle exige de moi de commettre la plus grande indiscrétion possible. Elle en convient, elle se rend à toutes mes preuves, et quand je crois l'avoir persuadée et convertie, elle recommence ses persécutions comme si de rien n'était. Je ne sais si Votre Majesté a remarqué que les belles dames sont comme les enfants; personne ne sent mieux qu'elles la force d'un argument, mais au lieu de s'y soumettre, elles n'ont qu'un mot; c'est toujours le même: «mais je veux cela; je vous en prie, faites ce que je veux». Il faut donc, bon gré mal gré, que j'ennuie mon auguste Souveraine de l'affaire Montemurlienne. Il est vrai que ce signor de Montemurli me paraît un brave homme. Il m'assure qu'il a été sur le point de fonder une colonie en Russie sur les bords de la Mer Noire, mais les Arabes du mont Atlas l'en ont détourné. Quand il parle de ces Arabes, il vous fait venir l'eau à la bouche, et l'on sent combien on est malheureux de ne pas vivre avec eux de miel et de sauterelles sous des tentes et d'être enfermé dans des villes. Quand ces

---

Вотъ, Государыня, списокъ и содержаніе трехъ пакетовъ въ клеенкѣ, которые я поручаю г. Ломану; но такъ какъ Небо и его божественное Провидѣніе поставили меня въ грустную необходимость надоѣдать Императрицѣ всѣми возможными способами, надо еще прибавить нѣсколько убійственныхъ пунктовъ къ этой жалкой грамотѣ. Прекрасная придворная дама мучитъ меня болѣе шести мѣсяцевъ, чтобъ я представилъ Вашему Императорскому Величеству записку синьйора де Монтемурли. Напрасно я доказываю ей, что она требуетъ отъ меня величайшей нескромности. Она соглашается съ этимъ, сдается на всѣ мои доводы, а когда мнѣ кажется, что я ее убѣдилъ и обратилъ, она снова начинаетъ свои преслѣдованія, какъ ни въ чемъ не бывало. Не знаю, замѣтили ли Ваше Величество, что прекрасныя дамы сущія дѣти; никто лучше ихъ не чувствуетъ силы довода; но вмѣсто того, чтобъ подчиниться ему, у нихъ одно только слово, и всегда то же самое: «но я этого хочу, пожалуйста сдѣлайте что̀ я хочу». Итакъ волей-неволей я долженъ докучать Августѣйшей Государынѣ дѣломъ Монтемурли. Правда, что этотъ синьйоръ Монтемурли кажется мнѣ хорошимъ человѣкомъ. Онъ увѣряетъ меня, что сбирался основать въ Россіи колонію, на берегахъ Чернаго моря; но Арабы горъ Атласа ему помѣшали. Когда онъ разсказываетъ объ этихъ Арабахъ, у васъ текутъ слюнки, и чувствуешь себя несчастнымъ, что не можешь жить съ ними въ палаткахъ, питаясь медомъ и саранчей, а вынужденъ сидѣть въ городѣ взаперти. Когда эти Арабы довольны

Arabes sont contents d'un étranger, ils disent: «Ce chrétien mériterait d'être arabe», comme on dit dans la Gaule: «Voilà un étranger qui mériterait d'être français»: tant les sottises de la zone torride et de la zone tempérée se ressemblent.

Après la belle dame vient un ancien ministre d'état, M. Bertin, qui propose une immense collection de manuscrits, toutes les dépêches des ambassadeurs de Louis XIV et autre fatras. Il sera fort aisé à l'Impératrice de dire: «Je n'en veux point». M. Bertin a fait l'année dernière connaissance avec le prince Orlof à Spa, et à cause de cela moi souffre-douleur il faut que je devienne brocanteur de plusieurs centaines de volumes manuscrits.

J'allais finir par un acte de contrition et me recommander à la miséricorde impériale; mais ne voilà-t-il pas qu'il m'arrive une pancarte américaine, et encore de fraîche date, car il n'y a que sept mois tout au plus qu'elle est en chemin. Oh, pour le coup Votre Majesté ne l'échappera pas. Ce correspondant de Philadelphie, que je dois uniquement à mon auguste Souveraine, m'accable à tout instant de gros paquets renfermant les journaux du Congrès et de tout ce qui arrive dans ce pays-là, sans compter un fatras de gazettes américaines. J'avale tout cela, paquet par paquet, sans en dire un seul mot à Votre Majesté; mais ceci passe la raillerie: ce n'est pas un bulletin, ce n'est pas une gazette, c'est une pancarte. Oh, l'Impératrice en

---

иностранцемъ, они говорятъ: «Этотъ христіанинъ достоинъ быть арабомъ», какъ говорятъ въ Галліи: «вотъ иностранецъ достойный быть французомъ»: до того сходна глупость жаркаго пояса и глупость пояса умѣреннаго.

Послѣ прекрасной дамы является бывшій государственный министръ, г. Бертенъ, который предлагаетъ огромную коллекцію рукописей, всѣ депеши посланниковъ Людовика XIV и всякій хламъ. Очень легко будетъ Императрицѣ сказать: Я не желаю этого. Г. Бертенъ познакомился прошлаго года съ княземъ Орловымъ въ Спа, и по этому случаю надо, чтобъ я, многострадальный, сдѣлался букинистомъ-продавцомъ нѣсколькихъ сотъ томовъ рукописей.

Я хотѣлъ закончить подвигомъ покаянія и поручить себя Императорскому милосердію; но вотъ вдругъ приходитъ посланіе изъ Америки, и еще вполнѣ свѣжее, такъ какъ всего только мѣсяцевъ семь, какъ оно въ дорогѣ. О, на этотъ разъ Ваше Величество не ускользнете отъ него. Этотъ филадельфійскій корреспондентъ, которымъ я обязанъ единственно своей Августѣйшей Государынѣ, каждую минуту душитъ меня толстыми пакетами, заключающими журналы конгресса и всего, что случается въ этой странѣ, не считая кучи американскихъ газетъ. Я глотаю все это, пакетъ за пакетомъ, не говоря о томъ ни одного слова Вашему Величеству; но послѣднее выходитъ изъ границъ смѣха; это не бюллетень, не газета, это грамота. О, Императрица пусть попробуетъ

tâtera, ne fût-ce que pour lui accorder une place dans sa cheminée, — mes archives. C'est pourtant une chose bien plaisante qu'un homme qui n'espère jamais être connu de Votre Majesté, et à qui je n'écris jamais dans l'espérance de le dégoûter, ne trouve pas de plus grand bonheur à Philadelphie que celui d'instruire l'Impératrice des affaires américaines, qui à son tour n'en sait rien. Et n'est-il pas singulier que les amazones d'Amérique, dans leurs accès de patriotisme, après avoir cité la bible, parlent, pour s'échauffer, entre elles de Thalestris, d'Elisabeth et de Catherine?

Notabéné que si Votre Majesté daigne signer la lettre pour le comte de Girecourt, il faut y faire mettre une enveloppe et la faire cacheter. J'aurais dû envoyer aussi du papier pour cela; mais je suis trop avare. Autre notabéné, c'est que M. Moreau, qui veut faire de sa collection d'estampes une entreprise très distincte de l'édition de Beaumarchais et très indépendante de ce que celui-ci tiendra ou ne tiendra pas, voudrait sur toutes choses obtenir la permission de dédier ce recueil à Votre Majesté Impériale.

Maintenant je lève des mains innocentes et pures vers le ciel, non seulement pour obtenir à M. de Lohmann un heureux et prompt voyage, un temps prospère et de bons chemins; mais principalement pour fléchir le Tout-puissant, afin qu'il incline le coeur de son ointe à la clémence envers son souffre-douleur, qu'elle n'écoute que les mouvements de son coeur géné-

---

этого, хотя только для того, чтобъ дать ему мѣсто въ каминѣ — моемъ архивѣ. Однако это весьма забавная вещь — встрѣтить человѣка не надѣющагося никогда сдѣлаться извѣстнымъ Вашему Величеству и которому я никогда не пишу, думая тѣмъ отвратить его, а между тѣмъ онъ не находитъ бóльшаго счастія въ Филадельфіи какъ извѣщать Императрицу объ американскихъ дѣлахъ, о которыхъ она, въ свою очередь, ничего не знаетъ. И не странно ли, что американскія амазонки въ порывѣ патріотизма, сославшись на библію, чтобъ подогрѣть себя, говорятъ между собою о Ѳалестрисѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ?

Нотабене, если Ваше Величество удостоите подписью письмо къ графу де Жиркуру, надо вложить его въ конвертъ и велѣть запечатать. Я бы долженъ былъ прислать для этого и бумагу, но я слишкомъ скупъ. Другое нотабене, что г. Моро, желающій сдѣлать изъ своей коллекціи эстамповъ предпріятіе совершенно отдѣльное отъ изданія Бомаршэ и весьма независимое ото всего, что тотъ исполнитъ или не исполнитъ, болѣе всего хотѣлъ бы получить позволеніе посвятить этотъ сборникъ Вашему Императорскому Величеству.

Теперь я воздѣваю невинныя и чистыя руки къ Небу, не только чтобъ испросить г. Ломану счастливаго и скораго пути, хорошей погоды и дороги; но главное, чтобъ умолить Всемогущаго склонить на милосердіе къ своему многострадальному сердце Своей Помазанницы, чтобъ она выслушала только движенія своего возвы-

reux et magnanime, et lui pardonne tous les ennuis qu'il lui cause tout le long de l'année, à condition cependant qu'un repentir sincère du dit souffre-douleur prouve à son auguste Souveraine que sa prochaine conversion le rendra digne de cette grâce impériale. Nun, der allmächtige Gott begleite unsere große Kaiserin auf allen ihren Wegen und Fußsteigen, ohne sich zu viel in ihr Handwerk zu mischen, und nach meines Herrn Hofmeisters des Obrist-lieutenant Thiers Aussage, ist die Kaiserin gescheidt genug um ihr Handwerk selber zu treiben. Dem souffre-douleur aber gebe Er Kräfte seiner unsterblichen Monarchin nach zu hinken. Amen.

P. S. Quand mon camée sera de retour de Pétersbourg, je ne manquerai pas d'en faire part à Votre Majesté Impériale.

22.

A Paris, ce 6 (17) juin 1781.

Madame, A peine mon paquet préparé pour M. de Lohmann était-il fermé et remis à ce zélé serviteur de notre auguste Souveraine, que m'étant couché un peu tard suivant ma mauvaise coutume, j'ai été reveillé d'assez bonne heure par un autre courrier de Votre Majesté Impériale, M. Brosine.

шеннаго и великодушнаго сердца и простила ему всю докучливость, съ какою онъ къ ней обращается въ теченіе круглаго года, и однако съ условіемъ, чтобъ она приняла искреннее раскаяніе многострадальнаго за доказательство, что его будущее исправленіе сдѣлаетъ его достойнымъ этой императорской милости. Итакъ всемогущій Богъ да сопровождаетъ нашу великую Императрицу на всѣхъ путяхъ ея, не вступаясь слишкомъ въ ея ремесло, такъ какъ по сказанію моего гувернера, г. подполковника Тира, Императрица довольно искусна, чтобъ самой вести свое дѣло. Многострадальному же да пошлетъ Онъ силу прихрамывая плестись за своей безсмертной Монархиней. Аминь.

P. S. Когда мой камей вернется изъ Петербурга, я не премину увѣдомить о томъ Ваше Императорское Величество.

22.

Парижъ, 6 (17) іюня 1781 г.

Государыня. Едва пакетъ мой, приготовленный для г. Ломана, былъ запечатанъ и переданъ усердному служителю нашей Августѣйшей Императрицы, какъ несмотря на то, что я легъ опять поздно по дурной своей привычкѣ, я былъ довольно рано разбуженъ другимъ курьеромъ Вашего Императорскаго Величества г. Брозинымъ. Когда

Quand celui-ci m'a dit qu'il était dépêché vers moi par le général Bezborodka, fac-totum, das ist fac-optimum impérial, car le fais-tout de l'Impératrice est certainement le fais-le mieux en toute occurrence; quand il a voulu me soutenir qu'il venait pour moi tout exprès, j'ai un peu souri. Cependant j'ai pris le paquet, j'ai collé mes lèvres sur le caractère sacré de mon auguste et amabilissisime Souveraine, j'ai arrosé son paquet de larmes délicieuses, et j'ai dit: Voyons, l'Impératrice est sujette à des maladies subites et terribles. Peut-être s'agit-il encore de lui sauver la vie. Elle me la doit, de son propre aveu, déjà deux ou trois fois, car que serait-elle devenue, si je lui avais refusé les loges de Raphaël copiées par Unterberger, ou bien la porte de Clérisseau, ou seulement cette tête d'Apollon copiée par Weder? Il est vrai que je suis un médecin un peu cher, et si M. le prince Wiazemskoï et M. le factotum Bezborodka sont d'aussi zélés serviteurs de notre Impératrice que moi, mes mémoires d'apothicaire doivent souvent leur faire faire la grimace, attendu la cherté des emplâtres de Rome et des vésicatoires de Paris. C'est diabolique, soit dit en passant, que cette princesse qui au bout du compte ne peut pas nier d'être née au dix-huitième siècle, puisque j'en ai vu les vestiges à Stettin, ne veuille pas avoir les goûts de son siècle. Le colifichet règne sur toute la terre, et par je ne sais quel caprice, elle ne veut pas le laisser approcher d'elle. Il est pourtant bien sûr que le colifichet ne peut pas ruiner une Impératrice de Russie, et qu'un

---

послѣдній сказалъ, что присланъ ко мнѣ генераломъ Безбородко — фактотумомъ, то есть факоптимумомъ императорскимъ, — ибо кто дѣлаетъ все для Императрицы, тотъ конечно дѣлаетъ это и наилучшимъ образомъ; когда онъ вздумалъ увѣрять меня, что присланъ нарочно ко мнѣ, я слегка улыбнулся. Однако я взялъ пакетъ, я прижалъ къ губамъ своимъ священныя письмена Августѣйшей и наилюбезнѣйшей изъ Монархинь, я облилъ сладкими слезами ея конвертъ и сказалъ: посмотримъ, вѣдь Императрица подвержена внезапнымъ и ужаснымъ недугамъ. Можетъ-быть опять рѣчь идетъ о томъ, чтобъ спасти ей жизнь. Она мнѣ уже ею обязана по собственному признанію два или три раза: въ самомъ дѣлѣ что бы сталось съ нею, еслибъ я отказалъ ей въ ложахъ Рафаэля, списанныхъ Унтербергеромъ, или въ воротахъ Клериссо, или хотя бы въ головѣ Аполлона, скопированной Ведеромъ? Правда, я врачъ нѣсколько дорогой и если князь Вяземскій и г. фактотумъ Безбородко такіе же усердные слуги Императрицы какъ я, то мои аптекарскіе счеты должны часто заставлять ихъ дѣлать гримасу, по причинѣ дороговизны римскихъ пластырей и парижскихъ шпанскихъ мушекъ. Дьявольски худо то, скажу мимоходомъ, что эта Государыня, которая въ концѣ концовъ не можетъ отрицать, что родилась въ восемнадцатомъ вѣкѣ, такъ какъ я самъ видѣлъ тому слѣды въ Штетинѣ, — не желаетъ имѣть вкусовъ своего вѣка. Бездѣлушки царствуютъ на землѣ, и неизвѣстно по какому капризу она ихъ у себя не допускаетъ. А однако извѣстно, что бездѣлушки не могутъ

mémoire de mademoiselle Bertin, quand elle aurait donné la plus grande carrière à son esprit créateur, n'approcherait pas encore de la cherté d'un mémoire du souffre-douleur. Aber, ja, ja, so, so, nu, nu, sagt man in Dresden. Und wenn der lebendige Gott unsere große Kaiserin wiederum mit einem schweren Anfall von „Antiquitäten-Fieber, oder Raphaels-Sucht oder „Bau-Ruhr oder andern dergleichen Umständen heimgesucht hat: so ist es ihr ja nicht zu verdenken, wenn sie einen Courier schickt um schleunige Hülfe gegen solche gefährliche Anfälle zu haben.

Après ce soliloque, Madame, j'ai prié mon courrier avec instance et tendresse de s'aller reposer, j'ai dévoré la pancarte divine dont je lui avais l'obligation; cependant, à quelques broutilles de commissions près, qui se trouvent vers la fin et qui, à parler vrai, ont les symptômes inquiétants de cette maladie redoutable, je n'ai pu rien découvrir qui exige de ma part une assistance immédiate, ni par conséquent l'envoi d'un courrier. En revanche j'ai trouvé, à chaque page, à chaque ligne, les traces de cette bonté inépuisable par laquelle les dieux ou leurs ayant-cause ont voulu distinguer l'âme de Catherine d'entre celles de tous les souverains de la terre: car si la bonté avait jamais entièrement disparu sur la terre, c'est au fond du coeur de notre Impératrice que nous serions sûrs de la retrouver: et c'est au fond du mien que Votre Majesté retrouvera la reconnaissance si par malheur on est obligé de la chercher parmi les hommes. Mais comment pourrais-je, Madame,

---

разорить Императрицу Россійскую и одинъ счетъ M-lle Bertin, хотя бы она вполнѣ дала волю своему творческому воображенію, все таки не приблизится дороговизною къ счету многострадальнаго. Но да, да, такъ, такъ, ну, ну, говорятъ въ Дрезденѣ. И еслибъ Господу Богу опять угодно было посѣтить нашу великую Императрицу тяжелымъ пароксизмомъ антикварной лихорадки, или изнурительнымъ недугомъ Рафаэлизма или строительной горячкой или другими подобными обстоятельствами, то нельзя ей ставить въ вину, что она посылаетъ курьера, чтобъ получить скорую помощь отъ такихъ опасныхъ припадковъ.

Послѣ этого монолога, Государыня, я неотступно и нѣжно попросилъ своего курьера идти отдохнуть, я поглотилъ божественную грамоту, которою былъ ему обязанъ; однако, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ комиссій, находящихся въ концѣ ея и которыя, сказать по правдѣ, имѣютъ тревожные симптомы этой ужасной болѣзни, я не открылъ ничего, что требовало бы безотлагательной помощи, стало быть и посылки курьера. За то я нашелъ на каждой страницѣ, на каждой строчкѣ слѣды той безпредѣльной благости, которою боги или ихъ посланники захотѣли отличить душу Екатерины посреди всѣхъ царей земныхъ: ибо еслибъ доброта когда-нибудь совершенно исчезла съ лица земли, мы нашли бы ее всего вѣрнѣе въ глубинѣ души нашей Императрицы: а въ глубинѣ моего сердца Ваше Величество найдете признательность, еслибъ, къ несчастію, надо было искать ее посреди людей. Но какъ могъ бы я, Государыня,

vous donner une idée du fond de ce coeur qui vous apartient à tant de titres? Comment montrer à Votre Majesté ce qui s'y passe, lorsque l'Impératrice, par un effet de cette bonté que j'adore, daigne employer le don de persuasion qui réside sur ses lèvres, pour me rassurer sur son silence? Quelqu'inestimables que soient pour mon coeur les lettres de Votre Majesté Impériale, je n'ai pas encore pensé que les bienfaits passés soient un titre aux bienfaits à venir, ni encore moins que les bontés de Votre Majesté dépendent de la fréquence de ces gages précieux de sa faveur impériale. Quand Votre Majesté cesserait entièrement de m'écrire, j'y perdrais sans doute le plus grand agrément, la plus grande douceur de ma vie, mais jamais on ne me persuaderait que j'ai perdu les bontés de mon auguste Souveraine. Pourquoi les perdrais-je? A-t-elle jamais repris ce qu'elle a une fois accordé, ce qu'elle a gratuitement accordé? N'est-elle pas toujours la même? Ne le suis-je pas aussi? J'en suis même un peu moins indigne qu'autrefois, puisque depuis près de huit ans que cela dure, il s'est établi de la part de Votre Majesté une chaîne de bienfaits, et de ma part un redoublement journalier d'attachement, de fidélité et de passion pour mon immortelle bienfaitrice, redoublement à la vérité bien inutile pour son service, mais dont je n'éprouve pas moins la puissance à tous les instants du jour. Ainsi quand il serait possible que Votre Majesté me retirât ses bontés, il ne serait pas possible de me le persuader, et je mourrais sans le croire et par con-

---

дать Вамъ понятіе о чувствахъ этого сердца, которое принадлежитъ вамъ по столькимъ причинамъ? Какъ показать Вашему Величеству, чтó въ этомъ сердцѣ происходитъ, когда я вижу, что Императрица, по внушенію той доброты, которую я боготворю, употребляетъ даръ убѣжденія свойственный устамъ ея, чтобъ успокоить меня на счетъ ея молчанія? Какъ бы ни драгоцѣнны были для сердца моего письма Вашего Императорскаго Величества, я еще не полагаю, что прошедшія благодѣянія давали бы право на будущія, и еще менѣе, чтобъ доброта Вашего Величества зависѣла отъ частаго повторенія драгоцѣнныхъ залоговъ Императорскаго благоволенія. Еслибъ Ваше Величество совершенно перестали писать мнѣ, я конечно потерялъ бы тогда величайшее наслажденіе, величайшую отраду своей жизни, но никогда бы не увѣрили меня, что я потерялъ милость моей Августѣйшей Монархини. Отчего бы я ее потерялъ? Развѣ она когда-нибудь брала назадъ то, что разъ даровала и что даровала добровольно? Не всегда ли она одинакова? Не таковъ же ли и я? Я даже сталъ немножко менѣе недостоинъ этого чѣмъ прежде, такъ какъ въ эти восемь лѣтъ сношеній со стороны Вашего Величества ниспослана была на меня цѣлая цѣпь благодѣяній, а съ моей стороны ежедневно удвоивалась привязанность, вѣрность и страсть къ безсмертной моей благодѣтельницѣ, удвоивалась, правда, безполезно для служенія ей, но силу эту я тѣмъ не менѣе чувствую во всѣ минуты дня. Итакъ, когда было бы возможно, чтобъ Ваше Величество лишили меня своихъ милостей, невозможно было бы меня

séquent sans le savoir. Mais l'Impératrice ne peut pas plus m'oublier que je ne puis me détacher d'elle: entre elle et moi c'est pour la vie et pour la mort, et je nourris toujours cette espérance secrète que lorsque j'aurai accompli ma destinée, elle ne regrettera pas la petite dépense de faire venir mes cendres pour leur accorder un coin dans la tombe de sir Thomas Anderson. Voilà, Madame, ma profession de foi. Il est bien vrai que ma maladie de l'année dernière s'est manifestée à la suite d'un long silence de Votre Majesté; mais la faculté n'osa décider alors que ce silence en ait été la cause; ce qu'elle remarqua, c'est qu'une pancarte divine de mon adorable Souveraine arrivant juste au moment de la crise, hâta ma convalescence d'une manière surprenante, et il n'y a rien d'extraodinaire à cela. Je ne me consolerais pas de penser que Votre Majesté par un excès inoui de sa bonté se crût obligée à une correspondance régulière, je ne dis pas quand les soins de l'empire et les détails des détails disposent de ses moments, mais lors même que les soins de son délassement la portent de préférence à d'autres objets d'amusement. Je viens, Madame, de faire mes preuves, le silence de Votre Majesté a duré six mois entiers, sans pouvoir me donner la plus légère inquiétude, ni m'inspirer la plus petite crainte d'aucun affaiblissement de la faveur impériale. J'ai vécu sur mon bien acquis. Elle m'a assez enrichi, me suis-je dit; ouvrons notre trésor; j'y trouverai de la nourriture pour le reste de ma vie, et quand je la passerais à lire et à relire, je mourrais sans

---

въ томъ убѣдить, и я умеръ бы не вѣря тому, а слѣдовательно и не зная того. Но Императрица такъ же точно не можетъ меня забыть, какъ я не могу измѣнить своей привязанности къ ней: чувство это между ей и мною на всю жизнь и до смерти, и я всегда питаю тайную надежду, что когда я достигну своего предѣла, она не пожалѣетъ маленькаго расхода, чтобъ перевезти прахъ мой и дать ему уголокъ въ гробницѣ сэра Томаса Андерсона. Вотъ, Государыня, моя исповѣдь. Правда, что моя прошлогодняя болѣзнь обнаружилась вслѣдствіе долгаго молчанія Вашего Величества; но факультетъ не смѣлъ рѣшить, что это молчаніе было причиной ея; онъ только замѣтилъ, что божественная грамота моей обожаемой Монархини, прибывъ именно во время перелома болѣзни, ускорила мое выздоровленіе удивительнымъ образомъ, и въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Я бы не утѣшился, еслибъ могъ думать, что Ваше Величество по неслыханному избытку доброты, считаете себя обязанною переписываться регулярно, не говоря уже когда заботы государственныя и подробности подробностей занимаютъ Ваши минуты, но даже когда въ часы отдыха Васъ влечетъ предпочтительно къ другимъ удовольствіямъ. Я только что Государыня выдержалъ свое испытаніе: молчаніе Вашего Величества длилось цѣлые шесть мѣсяцевъ, не давъ мнѣ ни малѣйшаго безпокойства, ни малѣйшаго опасенія, чтобъ Императорское благоволеніе ко мнѣ ослабѣло. Я жилъ пріобрѣтеннымъ достояніемъ. Она довольно уже обогатила меня, сказалъ я себѣ; откроемъ свою сокровищницу; я найду въ ней пищу на остальную жизнь, и когда бы я провелъ ее въ чтеніи и перечитываніи, я все-таки умеръ бы не увидѣвъ всего,

avoir vu tout ce qui y est. Il me suffit d'être sûr que, soit en écrivant, soit en se taisant, elle est toujours la même, auxilium, spes et salus nostra, das ist, meine Hülfe, mein Trost und mein Heil.

En travaillant ainsi à rassurer la plus grande princesse de ce siècle et de beaucoup d'autres, sur la peine qu'elle se reproche quasi de m'avoir faite par son silence, je ne puis me défendre de penser combien la postérité serait étonnée, si un chiffon comme celui-ci pouvait échapper à l'oubli pour lequel il est né, et parvenir jusqu'à elle. Elle croirait lire un éclaircissement entre deux amis dont l'un craint de n'avoir pas assez d'attention, et l'autre d'abuser d'un excès de complaisance; mais elle resterait à coup sûr confondue en apprenant que cette discussion a eu lieu entre l'Impératrice de toutes les Russies et un particulier obscur qui n'a aucun autre titre à l'illustration que le plus beau de tous, celui d'avoir été honoré des bontés de cette grande et immortelle Souveraine; mais aussi c'est alors que la postérité se formerait une idée juste de cette bonté dont j'ai la présomption de croire que j'entrevois seul la limite incommensurable. Au reste, je suis loin de plaindre Votre Majesté d'être ainsi organisée; je plains plutôt les souverains ses confrères d'être étrangers à cette organisation et assez malheureux pour ne pas sentir à quel point cette bonté les élèverait au-dessus du reste des mortels. Je peux dire, Madame, qu'à quelque chose malheur est bon; le silence de Votre Majesté m'a préservé de l'inquiétude que m'aurait

---

что̀ тамъ заключается. Мнѣ достаточно быть увѣреннымъ, что въ писаніи или въ молчаніи она все та же, aulixium, spes et salus nostra, то есть, моя помощь, мое утѣшеніе и мое спасеніе.

Стараясь такимъ образомъ успокоить величайшую Государыню этого вѣка и многихъ другихъ, на счетъ огорченія будто бы причиненнаго мнѣ ея молчаніемъ, въ которомъ она себя укоряетъ, я не могу не подумать невольно, какъ удивлено было бы потомство, еслибъ лоскутокъ, подобный этому, могъ избѣгнуть забвенія, для котораго онъ рожденъ, и дойти до него. Оно подумало бы, что читаетъ объясненіе между друзьями, изъ которыхъ одинъ боится быть не довольно внимательнымъ, а другой — злоупотребить чрезмѣрной снисходительностью; но оно навѣрное осталось бы въ смущеніи, узнавъ, что эта бесѣда шла между Императрицею всероссійскою и темнымъ частнымъ лицомъ, лишеннымъ всякаго права на извѣстность, и имѣющихъ только высшее счастье — быть взысканнымъ милостями этой великой и безсмертной Государыни; но только тогда потомство составило бы себѣ вѣрное понятіе объ этой благости, которой, смѣю думать, я одинъ постигаю всю безпредѣльность. Впрочемъ, я далеко не сожалѣю, что Ваше Величество такимъ образомъ созданы; я скорѣе сожалѣю о государяхъ — вашихъ собратьяхъ, что они чужды такой организаціи и довольно несчастливы, чтобъ не понимать, какъ такая благость возвысила бы ихъ надъ остальными смертными. Могу сказать, Государыня, что нѣтъ худа безъ добра: молчаніе Вашего

donnée son bras gauche. J'ai bien su que l'Impératrice avait eu une légère incommodité de rhumatisme, mais on m'avait assuré en même temps qu'elle avait été peu de chose; c'était la version de la colonie Russe résidant à Paris. J'espère que le retour de la belle saison aura fait disparaître jusqu' aux ressentiments de douleur, et puisque Votre Majesté renonce à l'usage des eaux, j'ai le droit d'en conclure que le besoin ne s'en fait plus sentir. On dit que nous allons avoir ici bientôt un comte Cagliostro, charlatan, qui fait beaucoup de bruit à Strasbourg depuis six mois. Il a fait des miracles comme tous ses pareils, mais ce qui le distingue de ses camarades, c'est que pour rien au monde on ne lui ferait accepter de l'argent; on ne peut être guéri que pour rien par cet homme merveilleux. Votre Majesté ignore peut-être que M. le comte Cagliostro a été très lié avec l'auguste Impératrice des Grecs, ainsi je pourrai lui demander ce qu'elle doit faire pour dissiper ce reste de rhumatisme. Il se loue beaucoup de ses bontés, mais il prétend que ses premiers médecins n'en ont pas eu autant pour lui que leur Souveraine. Ils ont eu le malheur d'être jaloux de sa science (pauvre M. Rogerson!) et l'Impératrice a été obligée, pour préserver M. le comte des piéges de ses médecins, de lui donner une escorte jusqu'à la frontière. Cet honneur n'est pas accordé à tout le monde, et je n'ose dire qu'il a été reconduit comme on chasse les autres. S'il vient ici, il sera dans son véritable élément, car pour les charlatans de toute espèce il n'y a que Paris et Londres; plus ils

---

Величества избавило меня отъ безпокойства, которое доставила бы мнѣ Ваша лѣвая рука. Я очень зналъ, что Императрица имѣла легкую ревматическую простуду, но въ то же время меня увѣряли, что это бездѣлица; таковы были рѣчи русской колоніи пребывающей въ Парижѣ. Надѣюсь, что хорошее время года уничтожитъ всѣ слѣды болѣзни, и такъ какъ Ваше Величество отказываетесь отъ питья водъ, я вправѣ заключить изъ этого, что нѣтъ болѣе въ этомъ нужды. Говорятъ, что у насъ здѣсь скоро будетъ графъ Каліостро, шарлатанъ, который производитъ много шуму въ Страсбургѣ, вотъ уже шесть мѣсяцевъ. Онъ творилъ чудеса какъ всѣ ему подобные; и однако отличается отъ своихъ товарищей тѣмъ, что ни за что въ мірѣ его не заставишь принять денегъ; можно быть вылеченнымъ только да́ромъ этимъ чудеснымъ человѣкомъ. Ваше Величество можетъ-быть не знаете, что графъ Каліостро былъ очень друженъ съ Августѣйшей Греческой Императрицей, и такъ я могу спросить его, что ей дѣлать, чтобъ истребить остатокъ своего ревматизма. Онъ очень хвалится ея милостями, но утверждаетъ, что первые доктора ея не были къ нему такъ добры, какъ ихъ Государыня. Они имѣли несчастіе завидовать его наукѣ (бѣдный г. Рожерсонъ!) и Императрица вынуждена была, чтобы предохранить графа отъ козней своихъ докторовъ, дать ему конвой до границы. Эта честь не всякому дается, и я только не смѣю сказать, что его провожали, какъ другихъ выпроваживаютъ. Если онъ пріѣдетъ сюда, то будетъ въ своей настоящей сферѣ, потому что для шарлатановъ всякаго рода

sont sots, plus ils sont sûrs de trouver des admirateurs dans ces deux égouts de la sottise humaine.

Si le prince Orlof n'a pas connu le comte Cagliostro en Russie, j'oserais presque me flatter de le voir arriver à Paris à la piste du comte en sa qualité de chasseur de charlatans infatigable. Jusqu'à présent, autant que j'en sais, le prince ou plutôt la princesse court après la santé et la fécondité en Suisse, et dans ce siècle d'incrédulité, la lie des siècles, ce n'est plus par la foi dans des mystères sacrés ou profanes qu'on obtient de la lignée, cela vient ordinairement quand on n'y pense pas, et ce n'est pas le moyen de faire venir cela, que d'y penser sans cesse. Je crois, Madame, que je vais aussi courir après la santé. Le prince Henri vient à Spa, il m'a mandé qu'il m'a arrêté un appartement dans sa maison. M. Tronchin prétend que cette course me fera du bien, et moi je le prétends encore plus que lui. Ma santé n'a pas été merveilleuse depuis quelque temps, le sang me porte beaucoup à la tête, et la vie sédentaire à laquelle je suis condamné est funeste. Je compte plus sur le mouvement que sur les eaux de ce Tsaritsino qui n'est pas celui de la Russie. Au reste les affaires de Votre Majesté Impériale ne souffriront rien de cette course. La correspondance romaine avec le divin ira son train, et avant que la Providence m'accorde une pancarte divine de Tsarsko-Sélo en réponse à celle-ci, je serai de retour dans mon taudis. J'ai d'ailleurs tout balayé ici. Le modèle de la porte de Pétersbourg

---

существуютъ только Парижъ и Лондонъ; чѣмъ болѣе они глупы, тѣмъ болѣе могутъ быть увѣрены найти поклонниковъ въ этихъ двухъ клоакахъ глупости человѣческой.

Если князь Орловъ не зналъ графа Каліостро въ Россіи, я смѣлъ бы почти льститься надеждою видѣть его въ Парижѣ въ погонѣ за графомъ, въ качествѣ неутомимаго охотника на шарлатановъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, князь или лучше княгиня бѣгаютъ за здоровьемъ и плодородіемъ по Швейцаріи и въ этомъ вѣкѣ безвѣрія, — отребьи всѣхъ вѣковъ, — уже не вѣрою въ разныя священныя и мірскія чудеса пріобрѣтается потомство; это обыкновенно случается, когда о томъ не думаютъ, и безпрестанно объ этомъ думать есть весьма худое средство достигнуть того. Я полагаю, Государыня, что я тоже пущусь бѣгать за здоровьемъ. Принцъ Генрихъ пріѣдетъ въ Спа, онъ сообщилъ мнѣ, что отвелъ для меня комнату въ своемъ домѣ. Г. Троншенъ увѣряетъ, что эта поѣздка будетъ мнѣ полезна, а я увѣренъ въ этомъ еще болѣе нежели онъ. Здоровье мое было не особенно хорошо съ нѣкоторыхъ поръ, кровь приливаетъ сильно въ голову, и сидячая жизнь, на которую я осужденъ, мнѣ пагубна. Я болѣе разсчитываю на движеніе, чѣмъ на эти царицынскія воды, которыя не то что русскія. Впрочемъ, дѣла Вашего Императорскаго Величества нисколько не пострадаютъ отъ этой поѣздки. Римская переписка съ божественнымъ пойдетъ своимъ чередомъ, и прежде чѣмъ Провидѣніе даруетъ мнѣ грамоту изъ Царскаго Села въ отвѣтъ на эту, я уже возвращусь въ свою лачугу. Я впрочемъ все очистилъ здѣсь.

chemine vers Lübeck. L'ordre de Votre Majesté de garder ici les Robinet est arrivé trop tard. Comme ces tableaux ne sont qu'au nombre de six et que leur port d'ici à Lübeck n'est pas un objet de cent écus, je les ai fait partir avec le modèle, avant d'avoir reçu cet ordre impérial; en revanche la statue du Patriarche attendra ici la paix.

Je n'ai point reçu des fonds expressément pour le cabinet Zuckmantel, mais comme M. le procureur général m'a établi un nouveau crédit de 50 mille florins, il n'a pas eu besoin de me faire une remise exprès pour cela, et ce cabinet est également payé et va partir de Strasbourg pour Lübeck où je compte qu'avant la fin de juillet le modèle, les Robinet et ce cabinet Zuckmantel seront arrivés en bon état pour être remis par messieurs Pauli de Lübeck à celui que Votre Majesté chargera de les voiturer par mer à Pétersbourg. Mes principes en fait de finances se trouvent absolument d'accord d'avec ceux de M. le procureur général. Le nouveau crédit de 50 mille florins n'est pas encore entamé. Sur le premier de pareille somme je n'ai touché moi qu'au mois de février six mille livres pour le modèle, et puis au commencement de juin encore cinq mille livres pour le même objet, car ce modèle a emporté au delà de dix mille livres, et cependant Clérisseau et Gillet ne se sont remboursés que de leurs avances; et puis, j'ai touché le 20 juin 34 mille livres; tout le reste du premier crédit de 50 mille florins est allé à Rome; cependant ce crédit n'est pas encore entièrement

---

Модель петербургскихъ воротъ направляется въ Любекъ. Приказаніе Вашего Величества оставить картины Робинэ здѣсь пришло слишкомъ поздно. Такъ какъ этихъ картинъ всего только шесть и ихъ перевозка отсюда въ Любекъ даже не стоитъ ста экю, то я отправилъ ихъ съ моделью, не получивъ еще этого императорскаго приказанія; за то статуя патріарха дождется здѣсь мира.

Я не получилъ особенныхъ суммъ на кабинетъ Цукмантеля; но такъ какъ генералъ-прокуроръ открылъ мнѣ новый кредитъ въ 50 тысячъ флориновъ, ему не нужно было присылать мнѣ на это денегъ, и этотъ кабинетъ также заплаченъ и поѣдетъ изъ Страсбурга въ Любекъ, куда я надѣюсь, что прежде конца іюля модель, Робинеты и этотъ кабинетъ Цукмантеля пріѣдутъ въ сохранности, чтобъ быть переданы господами Паули изъ Любека тому, кому Ваше Величество поручитъ перевезти ихъ моремъ въ Петербургъ. Мои финансовыя начала совершенно согласны съ правилами генералъ-прокурора. Новый кредитъ въ 50 тысячъ флориновъ еще не початъ. На первый же кредитъ въ эту сумму я взялъ только въ февралѣ мѣсяцѣ шесть тысячъ на модель, и потомъ въ началѣ іюня еще пять тысячъ ливровъ на тотъ же предметъ, потому что эта модель унесла болѣе десяти тысячъ ливровъ, и однако Клериссо и Жиллэ получили уплату только изъ выданной имъ впередъ суммы, а потомъ я получилъ 20 іюня 34.000 ливровъ; весь остатокъ отъ первыхъ 50.000 флориновъ ушелъ въ Римъ, однако этотъ кредитъ еще не совсѣмъ истощился. Изъ 34.000 ливровъ

épuisé. Pour les 34 mille livres j'en ai employé 30 mille à payer le cabinet Zuckmantel, et j'en réserve 4 mille pour les frais d'emballage. Tout cela sera clair quand je pourrai rendre mon compte à Votre Majesté Impériale; il me manque encore une pièce probante: si elle m'arrive avant mon départ, mon compte sera expédié tout de suite. J'ai fait partir d'ici un homme exprès pour Strasbourg afin d'être sûr de l'emballage; j'ai mieux aimé faire cette dépense de plus que de risquer que les tableaux soient mal emballés.

Je me réjouis du fond de mon coeur, avec tous les bons et fidèles serviteurs de Votre Majesté, de la résolution courageuse que l'Impératrice a prise de ne plus rien acheter. Quand je l'ai vue refuser un Corrège, j'ai dit: oh, pour le coup c'est tout de bon; incontinent je me suis mis à genoux pour remercier le ciel, j'ai fait trois fois le signe de la croix, et je me suis écrié: Seigneur, maintiens ton ointe dans ces sentimens chrétiens et édifiants, et cela te fera bien de l'honneur. Il est vrai que j'ai été un peu confus de remarquer entre les premières et dernières feuilles de la pancarte divine, c'est-à-dire, en moins d'un mois, une grande différence, car après avoir dit courageusement: Je n'achèterai plus rien, on est un peu surpris de lire: Il faut que le divin envoie vite et tôt et ceci et cela et une kyrielle qui ne finit point. Et je me suis encore prosterné, et j'ai dit: Seigneur, il souvient Robin de ses flûtes; on dirait que les bonnes résolutions de ton ointe sont chancelantes, et cela ne te fera pas beaucoup d'honneur. Moi, pauvre diable, je n'ai que le

---

я употребилъ 30.000, чтобъ заплатить за кабинетъ Цукмантеля; и я изъ нихъ берегу 4.000 на расходы укладки. Все это будетъ ясно, когда мнѣ можно будетъ представить счетъ Вашему Императорскому Величеству; мнѣ не достаетъ еще одного документа: если онъ придетъ прежде моего отъѣзда, отчетъ мой будетъ отправленъ тотчасъ. Я отсюда послалъ нарочнаго въ Страсбургъ, чтобъ быть покойнымъ въ отношеніи къ укладкѣ: я рѣшился сдѣлать этотъ лишній расходъ, не желая рисковать, что картины будутъ худо уложены.

Со всѣми добрыми и вѣрными слугами Вашего Величества радуюсь отъ глубины души мужественной рѣшимости, принятой Императрицею болѣе ничего не покупать. Когда я увидѣлъ, что она отказывается отъ Корреджіо, я сказалъ: о, на этотъ разъ это ужъ вѣрно; немедленно я сталъ на колѣни, чтобъ благодарить Небо, я три раза перекрестился и воскликнулъ: Боже, поддержи Свою помазанницу въ этихъ назидательныхъ, христіанскихъ чувствахъ и это сдѣлаетъ Тебѣ великую честь. Правда, что я былъ немножко сконфуженъ, замѣтивъ между первыми и послѣдними листками божественной грамоты, то-есть менѣе нежели въ мѣсяцъ, большую разницу, потому что, послѣ рѣшительныхъ словъ: Я болѣе ничего не покупаю, съ нѣкоторымъ удивленіемъ читаешь: Надо, чтобъ божественный скорѣе прислалъ то и другое, и затѣмъ слѣдуетъ нескончаемый списокъ. И я еще простерся и сказалъ: Господи, Робинъ помнитъ свою дудку; подумаешь, что рѣшенія Твоей помазанницы шатки, и это не

parti de l'obéissance. Si je n'écris pas sur-le-champ au divin, si celui-ci ne se dépêche pas de venir au secours de ton ointe, elle me reprochera d'avoir mis ses jours en péril, de n'avoir pas voulu lui sauver la vie, et par la résistance la plus sage je deviendrai en moins de rien la bête noire de tout mon siècle. Ma foi, Seigneur, la façon en est trop chère. Tu te vantes tout le long de l'année d'avoir le coeur des rois et des impératrices dans ta main; c'est ton affaire, tire-t-en comme tu peux, moi, je m'en lave les mains. Après cette dévote et fervente prière, je dirai à Votre Majesté qu'il est inutile, quand on a pris une bonne et ferme résolution, de crier à tue tête: je n'achèterai plus rien. Cela ressemble trop aux poltrons qui chantent la nuit dans les rues pour prouver qu'ils n'ont pas peur, ou plutôt de peur d'avoir peur. Il n'y a qu'à dire posément et naturellement: Souffre-douleur, le goût des emplettes m'a passé; je ne m'amuse plus qu'à régner, qu'à rendre mes peuples heureux qu'à leur élever aussi un petit Alexandre à la brochette pour le même but; ainsi je n'ai plus besoin de rien. Et moi je réponds à cela: or c'est là précisément le cas de faire des propositions à l'Impératrice, car elle s'y refusera rondement, nous aurons remporté la victoire, M. le procureur général, la sagesse et moi, et l'Impératrice nous en saura un gré infini: car après la victoire elle dira: c'est pourtant moi qui ai résisté à la tentation; je ne suis pas seulement héroïne quand j'ai la couronne impériale

---

сдѣлаетъ Тебѣ большой чести. Что до меня, бѣдняка, мое дѣло только повиноваться. Если я не напишу тотчасъ божественному, если онъ не поспѣшитъ придти на помощь къ Твоей помазанницѣ, она будетъ упрекать меня, что я подвергъ опасности дни ея, что я не захотѣлъ спасти ей жизнь, и разумное мое противодѣйствіе сдѣлаетъ меня пугаломъ для всего моего вѣка. Да, Господи, это слишкомъ дорого обойдется. Ты хвалишься круглый годъ, что держишь сердцà королей и императрицъ въ рукѣ Своей; это Твое дѣло, выпутывайся изъ этого какъ Тебѣ угодно; я умываю себѣ въ томъ руки [1]). Послѣ этой набожной и усердной молитвы, я скажу Вашему Величеству, что безполезно, взявъ доброе и твердое намѣреніе, кричать во всю мочь: я болѣе ничего не покупаю. Это слишкомъ похоже на трусовъ, которые поютъ ночью на улицахъ, чтобъ доказать, что они не боятся, или лучше изъ боязни, что струсятъ. Слѣдуетъ только сказать положительно и искренно: многострадальный, охота покупать у меня прошла; я забавляюсь только тѣмъ, что царствую, дѣлаю свои народы счастливыми и воспитываю имъ маленькаго Александра въ хлопочкахъ для той же цѣли; итакъ мнѣ ничего не нужно. А я на это отвѣчаю: вотъ тутъ-то лучшая минута, чтобъ дѣлать предложенія Императрицѣ, потому что она наотрѣзъ откажется и мы одержимъ побѣду: г. генералъ-прокуроръ, мудрость и я, и Императрица будетъ намъ за то безконечно благодарна, потому что послѣ побѣды она скажетъ: однако я сама не поддалась искушенію; я героиня, не только когда ношу императорскую корону на

[1]) Читатель долженъ помнить, что эта легкомысленная шутка выходитъ изъ устъ энциклопедиста XVIII вѣка.

sur la tête, je le suis encore en robe de chambre et c'est bien gracieux; et celui qui a dit qu'il n'y avait point de héros pour son valet de chambre, en a menti. En conséquence, pour procurer à Votre Majesté ce contentement perpétuel d'elle-même, et pour lui assurer la gloire de me refuser, je lui ferai toujours quelque petite proposition. Aujourd'hui je me bornerai à deux.

La première sera bien aisée à refuser. Le comte de Baudouin a envoyé son catalogue l'année dernière et les estampes de ceux de ses tableaux qui sont gravés. Son cabinet, un des plus beaux de Paris, est bien connu de tous les seigneurs russes qui ont voyagé en ce pays-ci. Je lui ai dit l'année dernière que nous tous, fidèles serviteurs de l'Impératrice, ne voulions pas qu'elle achète, tant que la sotte guerre tiendrait le change dans l'état où il est. Il est revenu à la charge cette année, laissant Votre Majesté maîtresse des conditions, du temps, de tout, comme la lettre ci-jointe en fait preuve. Il sera fort aisé à Votre Majesté de dire avec la politesse qui lui est particulière: monsieur le comte, je n'ai plus de place pour vos tableaux au moins de dix ans.

L'autre tentation est un peu plus difficile à vainore, mais puisque je me suis laissé tourmenter une année entière avant d'en parler à Votre Majesté, il lui sera bien plus aisé d'y résister un quart d'heure. Un peintre de l'académie appelé Houel a passé quatre ans de sa vie en Sicile à parcourir et à

головѣ, я остаюсь такова и въ шлафрокѣ и это очень граціозно; и тотъ кто сказалъ, что никто не герой для своего камердинера, солгалъ. Стало быть, чтобъ доставить Вашему Величеству такое постоянное довольство собою и славу мнѣ отказывать, я всегда буду дѣлать Вамъ кой-какія маленькія предложенія. Сегодня я довольствуюсь двумя.

Отъ перваго легко будетъ отказаться. Графъ Бодуэнь прислалъ прошлаго года свой каталогъ и эстампы тѣхъ изъ своихъ картинъ, которыя гравированы. Его кабинетъ, одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ, очень извѣстенъ всѣмъ русскимъ вельможамъ, путешествовавшимъ въ этой странѣ. Я сказалъ ему прошлаго года, что мы всѣ, вѣрные слуги Императрицы, не хотѣли, чтобъ она покупала до тѣхъ поръ, пока глупая война будетъ держать курсъ въ томъ положеніи, какъ онъ стоитъ теперь. Графъ повторилъ предложеніе въ нынѣшнемъ году, предоставляя Вашему Величеству располагать условіями; временемъ и проч., какъ свидѣтельствуетъ о томъ прилагаемое письмо. Весьма легко будетъ Вашему Величеству сказать съ учтивостью Вамъ свойственною: Графъ, у меня нѣтъ болѣе мѣста для вашихъ картинъ, по крайней мѣрѣ еще на десять лѣтъ.

Другой соблазнъ труднѣе побѣдить; но такъ какъ я промучился цѣлый годъ прежде чѣмъ рѣшился доложить о томъ Вашему Величеству, то Вамъ гораздо легче будетъ устоять четверть часа противъ искушенія. Академическій живописецъ по имени Гуэль

peindre tous ces lieux célèbres, tous ces sites enchanteurs; il en a rapporté plus de quatre cents tableaux, je crois. Cette collection est certainement précieuse et intéressante, d'autant qu'elle joint la vérité historique au charme de l'illusion pittoresque. L'année dernière l'auteur me l'offrit pour l'Impératrice pour 70 mille livres. Cette année il se fit un scrupule de proposer au public la gravure de ces tableaux avant de savoir la détermination de Votre Majesté. Je lui dis qu'il pouvait aller en avant, que l'Impératrice n'avait point le goût exclusif, et je gagnai à cette occassion 30 mille livres. car il me laissa pour 40 mille livres ce qu'il m'avait offert l'année dernière pour 70 mille. Votre Majesté aura un peu plus de mérite et par conséquent plus de gloire à refuser ce marché: or la gloire est une belle chose, l'Impératrice sait cela mieux que moi. Plût à Dieu qu'elle eût connu cette sainte résistance il y a deux ans, lorsque ma mauvaise étoile me força à lui proposer des Robinet. Au lieu de refuser courageusement, elle marqua les six tableaux qui lui coûtent plus de 22 mille livres, et moi ayant tenu le bec dans l'eau à ce Robinet pendant deux ans, je fus obligé à la fin d'exécuter les ordres de ma Souveraine qui dans un autre temps se serait volontiers passée des Robinet. Or c'eût été 22 mille livres à compte du cabinet Houel, et il n'aurait plus fallu que 18 mille pour achever cette emplette.

прожилъ четыре года въ Сициліи, посѣщая и изображая весь этотъ знаменитый край, всѣ эти восхитительныя по положенію мѣстности; онъ привезъ оттуда, кажется, четыреста картинъ. Эта коллекція конечно драгоцѣнна и интересна, тѣмъ болѣе, что она соединяетъ историческую истину съ прелестью живописной иллюзіи. Прошедшій годъ авторъ предлагалъ мнѣ её для Императрицы за 70 тысячъ ливровъ. Въ этомъ году онъ не захотѣлъ предложить публикѣ гравюры со своихъ картинъ, прежде чѣмъ узнáетъ рѣшеніе Вашего Величества. Я говорю ему, что онъ можетъ не стѣсняться, что Императрица не имѣетъ исключительныхъ вкусовъ, и выигралъ на этомъ 30 тысячъ ливровъ, потому что онъ мнѣ уступилъ за 40 тысячъ ливровъ то, что предлагалъ мнѣ прошедшій годъ за 70 тысячъ. Ваше Величество пріобрѣтете большую заслугу, а стало-быть и большую славу, если откажетесь отъ этой покупки: а слава превосходная вещь, Императрица знаетъ это лучше меня. Какъ жаль, что Богу неугодно было, чтобъ она имѣла эту святую силу противодѣйствія два года тому назадъ, когда моя несчастная звѣзда вынудила меня предложить ей картины Робинэ. Вмѣсто того, чтобъ мужественно отказаться, она отмѣтила шесть картинъ, которыя стóятъ ей болѣе 22 тысячъ ливровъ, а я, который два года заставлялъ этого Робинэ томиться въ ожиданіи, я вынужденъ былъ наконецъ исполнить приказанія моей Государыни, которая въ другое время охотно обошлась бы безъ Робинэ. Вотъ уже было бы 22 тысячи въ пользу кабинета Гуэля, и нужно бы еще только 18 тысячъ, чтобъ заключить эту покупку.

Je n'ai pu m'empêcher de rire quand j'ai vu avec quel courage Votre Majesté refusait le cabinet de ce Tronchin, qui n'est pas médecin. Mais, Madame, ce Tronchin, qui n'est pas médecin, n'offrait pas son cabinet à Votre Majesté. Puisqu'il a été assez fou pour en acheter un second, après avoir vendu le premier, il est au moins assez sage pour sentir qu'il ne faut pas qu'il vende le second, parcequ'il aurait la peine d'en former un troisième, et un jeune homme de 75 ans y pense à trois fois. Mon Tronchin non-médecin n'a voulu autre chose que faire hommage de son catalogue raisonné à l'auguste Impératrice de Russie qui l'année dernière encore l'a comblé de bienfaits; si elle l'a oublié, lui il n'a pas la mémoire si courte. Si Votre Majesté n'exerce sa vertu de résistance que contre les choses qu'on ne lui offre pas, les anges du ciel ne riront pas aux anges de sa conversion; il leur faut d'autres prouesses.

Je joins à cette pancarte le catalogue des tableaux du brave et loyal baron de Zuckmantel, tels qu'ils doivent se trouver au déballage. Je crois que le petit catalogue d'une feuille est la liste des tableaux qu'on a retranchés de l'envoi, par ce qu'ils n'étaient pas dignes d'être exposés aux regards de Votre Majesté Impériale et ne valaient pas les frais de transport de Strasbourg à Pétersbourg. Il en reste encore cent-vingt, je crois, et tout le monde me soutient que c'est le meilleur marché que l'Impératrice ait fait.

Я не могъ не посмѣяться, когда увидѣлъ съ какою храбростью Ваше Величество отказываетесь отъ этого кабинета Троншеня, не доктора. Но, Государыня, этотъ Троншень, не докторъ, не предлагалъ своего кабинета Вашему Величеству. Такъ какъ онъ былъ довольно безуменъ, чтобъ купить второй, послѣ продажи перваго, онъ по крайней мѣрѣ довольно уменъ, чтобъ чувствовать, что не надо продавать второго; иначе ему предстоялъ бы трудъ составить третій, а молодой человѣкъ 75 лѣтъ долженъ объ этомъ подумать три раза. Мой Троншень, не докторъ, не хотѣлъ ничего другого, какъ поднести свой толковый каталогъ Августѣйшей Императрицѣ всей Россіи, которая еще въ прошломъ году осыпала его своими милостями; если она это забыла, у него не такъ коротка память. Если Ваше Величество будете упражнять свою силу сопротивленія только противъ вещей, которыя Вамъ не предлагаютъ, ангелы небесные не будутъ улыбаться Вашимъ ангеламъ-исправителямъ; имъ надо иныхъ подвиговъ.

Присоединяю къ этой грамотѣ каталогъ картинъ добраго Цукмантеля, какъ онѣ должны находиться при выгрузкѣ. Предполагаю, что маленькій каталогъ въ листикъ есть списокъ картинъ, исключенныхъ изъ отправки, потому что онѣ не были достойны предстать предъ взоры Вашего Императорскаго Величества и не заслуживали издержекъ отправки изъ Страсбурга въ Петербургъ. Ихъ остается еще сто двадцать, кажется, и всѣ увѣряютъ меня, что это самая дешевая покупка изъ всѣхъ сдѣлан-

Tant mieux, il me consolera un peu des Robinet, et ma conscience reste encore assez chargée de tout l'argent que j'ai dépensé à mon auguste Souveraine à Paris et à Rome. Mais aussi, Dieu merci, cela va finir, je n'aurai plus rien à acheter, ni par conséquent à l'ennuyer de comptes rendus. Au reste, s'il faut absolument tapisser Monseigneur le Grand-Duc en tableaux, je compte que les Robinet et les Zuckmantel rempliront bravement cet objet; c'était leur première destination.

Puisque j'ai prononcé ce mot fatal de compte rendu, je dois dire à Votre Majesté Impériale que M. Necker a été bien vivement touché du suffrage dont son compte rendu a été honoré par Minerve l'hyperboréenne. Il se proposait de m'écrire un petit mot à ce sujet, mais il est tombé malade, et suivant le billet de sa femme que je joins ici, il est tourmenté au milieu de sa fièvre de l'idée de ne m'avoir pas parlé de sa reconnaissance et de sa vénération pour l'Impératrice des Grecs. Votre Majesté a appris en son temps la retraite de cet homme célèbre. Cet événement a dû surprendre dans l'éloignement, et c'est peut-être l'événement le plus décisif de la sotte guerre qui donne tant d'humeur à Votre Majesté; mais ceux qui ont vu les choses de près ont vu approcher ce malheur à pas lents depuis plusieurs mois, et l'ont jugé inévitable longtemps avant qu'il ait éclaté. Aussi j'ai eu une humeur diabolique contre ce diable d'homme pendant tout l'hiver; il m'a prouvé que lorsque les têtes s'échauffent, plus on a d'esprit, plus on

---

ныхъ Императрицей. Тѣмъ лучше, это меня нѣсколько утѣшитъ въ покупкѣ Робинэ, а совѣсть моя еще довольно остается отягощенною всѣми деньгами, которыя я истратилъ для моей Августѣйшей Государыни въ Парижѣ и Римѣ. Но за то, слава Богу, это скоро кончится, мнѣ нечего будетъ покупать, ни стало-быть надоѣдать ей отчетами. Впрочемъ, если непремѣнно нужно увѣшать стѣны Государя Великаго Князя картинами, я считаю, что Робинэ и Цукмантели честно достигнутъ этой цѣли; это было ихъ первое назначеніе.

Такъ какъ я произнесъ роковое слово отчетъ, я долженъ сказать Вашему Императорскому Величеству, что г. Неккеръ былъ очень тронутъ одобреніемъ, котораго удостоился его отчетъ со стороны Минервы гиперборейской. Онъ собирался написать мнѣ словечко объ этомъ, но заболѣлъ, и по запискѣ жены его, которую я здѣсь прилагаю, онъ въ лихорадочномъ состояніи тревожится мыслію, что не говорилъ со мною о своей признательности и глубокомъ уваженіи къ Императрицѣ Греческой. Ваше Величество узнали въ свое время объ отставкѣ этого замѣчательнаго человѣка. Такое событіе должно-было удивить издали и это можетъ быть единственное рѣшительное событіе глупой войны, которая такъ сердитъ Ваше Величество; но тѣ, кто видѣлъ дѣла вблизи, видѣли также приближеніе этого несчастія тихими шагами, и считали его неизбѣжнымъ задолго до его совершенія. Зато я дьявольски сердился на этого дьявола человѣка всю эту зиму; онъ доказалъ мнѣ, что когда головы разгорячатся,

fait de lourdes bévues. Vivent les bêtes pour se conduire supérieurement! C'est une vérité dont je suis pénétré depuis très longtemps. Ils ne faut pas leur confier la conduite des autres, mais pour la leur propre, elles sont parfaites. M. Necker conduisait à merveille les finances du royaume; mais pour avoir voulu aller trop vite, marcher avec trop d'éclat, et peut-être ne pas laisser marcher à côté de lui des gens qui ne cherchaient pas à lui enlever sa gloire, son unique idole, il s'est cassé le cou. En marchant plus doucement, il ne pouvait manquer d'arriver au terme de ses voeux, mais, tandis que personne n'osait songer à le déplacer, il a voulu courir à sa perte, et il y aura peut-être entraîné la France. Je le tiens pour un homme mort, il ne résistera pas à cette catastrophe; il est né pour les grandes affaires; il ne se portait bien que depuis qu'il était en place, et à moins qu'il n'ait un empire à gouverner, je ne vois point de salut pour lui. Votre Majesté me dira: eh bien, il aimait un peu à tapisser sur la rue, à faire un grand éclat devant sa boutique, à attirer tous les yeux, à les détourner peut-être de tous les autres, pour jouir exclusivement du frou frou de la réputation, quel mal y a-t-il à cela? Tant mieux, si l'on trouve des gens sous sa main qui mettent toute leur existence et bornent toute leur récompense à ces hochets. Votre Majesté parle comme une seconde Catherine ou comme une Catherine seconde. Sous elle, Necker eût été à l'immortalité avec tout le fracas qu'il

---

то чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ дѣлаетъ болѣе тяжелыя неловкости. Да здравствуютъ дураки, умѣющіе вести себя превосходно! Это истина, которою я проникнутъ давно. Имъ не надо поручать поведенія другихъ, но въ своемъ собственномъ они безукоризненны. Г. Неккеръ прекрасно управлялъ финансами королевства; но за то, что онъ хотѣлъ идти слишкомъ быстро, идти съ большимъ шумомъ, и можетъ-быть не терпѣлъ возлѣ себя людей, не искавшихъ исторгнуть у него славы,—единственнаго его идола, — онъ сломалъ себѣ шею. Еслибъ онъ шелъ потише, то непремѣнно достигъ бы цѣли своихъ стремленій; но между тѣмъ какъ никто не смѣлъ думать о томъ, чтобъ смѣстить его, онъ самъ спѣшилъ къ своей погибели и можетъ-быть увлекъ туда же Францію. Я считаю его человѣкомъ умершимъ, онъ не перенесетъ эту катастрофу; онъ рожденъ для великихъ дѣлъ, онъ только и былъ здоровъ съ тѣхъ поръ какъ былъ при мѣстѣ, и развѣ ему представится случай управлять государствомъ, я не вижу для его спасенія. Ваше Величество скажете мнѣ: ну, онъ немножко любилъ продавать товаръ лицомъ, громко зазывать въ свою лавку, привлекать всѣ взоры и можетъ-быть отводить ихъ ото всѣхъ другихъ, чтобъ исключительно наслаждаться шумомъ своей репутаціи, какая же въ томъ бѣда? Тѣмъ лучше, если находишь людей подъ рукою, которые полагаютъ все свое существованіе и видятъ всю награду въ этихъ игрушкахъ. Ваше Величество говорите какъ вторая Екатерина, или какъ Екатерина вторая. При ней Неккеръ пришелъ бы къ безсмертію со всѣмъ громомъ, ко-

eût désiré, et l'Impératrice aurait dit en souriant: Mon Dieu, que les hommes sont de grands enfants! Mais lorsque dans un ministère où l'on ne peut manquer de se faire des nuées d'ennemis, on a encore la maladresse de blesser l'orgueil, peut-être le sentiment de ceux qu'on devrait ménager, que peut faire alors un jeune roi au milieu du choc des passions qui se font la guerre autour de lui? Il est réduit à choisir entre plusieurs maux celui qu'on lui fait envisager comme inévitable. Un homme d'état a dit qu'il faut que la France soit bien robuste pour résister à tout cela, surtout si l'on continue à faire la guerre avec le nerf des années précédentes. Ce qu'il y a à craindre encore, c'est que tout ne rentre bientôt dans l'ordre accoutumé, c'est-à-dire dans le désordre, et que tous les abus à peine étouffés ne renaissent insensiblement. Alors M. Necker aura la douleur d'avoir vu passer son ministère comme un de ces météores lumineux qui éblouissent un instant par leur éclat, mais dont le passage est trop rapide pour laisser un souvenir et une impression durables. Votre Majesté a bien raison, son ouvrage n'était pas l'affaire d'une année; c'est au bout de dix ou de vingt ans qu'il en pouvait subsister une trace ineffaçable consacrée par les bénédictions des peuples.

L'auteur des Conversations d'Emilie est aussi pénétrée que moi des bontés de Votre Majesté Impériale, et si la protection auguste dont Votre Majesté veut bien l'honorer a de quoi l'enorgueillir, la prudence lui prescrit de supplier sa Protectrice magnanime de modérer l'excès de ses bontés.

тораго онъ желалъ, а Императрица сказала бы съ улыбкой: Боже мой, до чего люди —большія дѣти! Но когда при исполненіи должности, въ которой нельзя не нажить себѣ цѣлаго сонма враговъ, имѣешь еще неловкость оскорблять гордость, можетъ-быть даже чувства тѣхъ, кого слѣдовало бы беречь, что̀ можетъ тогда сдѣлать юный король среди столкновенія страстей, воюющихъ вокругъ него? Онъ вынужденъ избрать изъ нѣсколькихъ золъ то, которое ему представляютъ неизбѣжнымъ. Государственный человѣкъ сказалъ: Франція должна быть очень крѣпка, чтобъ выдержать все это, особливо если будутъ продолжать войну съ энергіей предшествовавшихъ годовъ. Всего болѣе можно опасаться, что все войдетъ въ обычный порядокъ, то-есть въ безпорядокъ, и что едва подавленныя злоупотребленія всѣ незамѣтно возобновятся. Тогда г. Неккеръ увидитъ со скорбію, что его министерство прошло какъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ метеоровъ, которые на минуту ослѣпляютъ своимъ блескомъ, но которыхъ полётъ слишкомъ быстръ, чтобъ оставить прочное воспоминаніе и впечатлѣніе. Ваше Величество совершенно правы, его трудъ не могъ быть дѣломъ одного года; только черезъ десять или двадцать лѣтъ могли обнаружиться неизгладимые слѣды его, освященные благословеніями народовъ.

Сочинительница Разговоровъ Эмиліи, такъ же какъ и я, тронута милостями Вашего Императорскаго Величества, и если Августѣйшее покровительство, котораго Ваше Величество ее удостоиваете, можетъ внушить ей нѣкоторую гордость, то осторожность пред-

Tout le monde dans ce monde n'a pas l'âme aussi généreuse, aussi grande que notre Impératrice, et il se pourrait qu'on trouvât étrange que Votre Majesté fût instruite des malheurs de cette personne, et qu'on lui en fît un tort qui éloignerait davantage le remède. Quelquefois la nécessité ordonne non seulement de souffrir, mais aussi de souffrir sans s'en plaindre, du moins au loin, de peur d'aggraver les maux. M. Necker avait certainement ce tic singulier que pour obtenir justice et même faveur de lui, il valait mieux avoir des torts avec lui que d'être de ses amis, parce que dans ce dernier cas il ne voulait jamais être soupçonné d'avoir cédé à l'amitié, et dans le premier il voulait avoir l'air d'écraser son ennemi à force de générosité. Ce sentiment me paraît manquer de justice. La générosité consiste à ne pas se venger de son ennemi quand on le pourrait facilement, à ne pas lui refuser justice, mais aussi à ne pas faire de l'amitié un titre d'exclusion. Si Votre Majesté trouve le loisir de jeter les yeux sur les Conversations, j'espère qu'elle trouvera qu'il y a bien des choses dans cet ouvrage, quoiqu'il n'ait jamais le ton emphatique, et qu'il ne paraît pas tous les mois des livres de cette espèce en France.

Maître Sedaine a eu bien de la peine à se persuader que sa pièce ait été jouée avec succès. Comme il n'en avait pas entendu parler depuis quatre mois, il la croyait tombée sans ressource, et le benêt imaginait que je n'osais lui annoncer ce désastre. Enfin mon petit courrier M. Brosine, c'est-à-dire

---

писываетъ ей умолять свою великодушную Покровительницу, чтобъ она умѣрила изліянія своей благости. Не всѣ въ этомъ мірѣ имѣютъ душу столь милосердую, столь высокую, какъ наша Императрица, и можетъ-быть найдутъ страннымъ, что Вашему Величеству извѣстны несчастія этой особы и поставятъ ей это въ вину, что еще удалитъ исцѣленіе. Иногда необходимость велитъ не только страдать, но даже страдать, не жалуясь, по крайней мѣрѣ дальнимъ, чтобъ не увеличить страданій. Г. Неккеръ имѣлъ конечно ту особенность, что для полученія отъ него правосудія или даже милости, лучше было не ладить съ нимъ, нежели быть изъ друзей его, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ никогда не желалъ, чтобъ его заподозрѣли въ уступкахъ дружбѣ, а въ первомъ—онъ всегда хотѣлъ подавать видъ, что уничтожаетъ врага своимъ великодушіемъ. Это чувство кажется мнѣ несправедливымъ. Великодушіе заключается въ томъ, чтобъ не истить врагу, когда легко можешь это сдѣлать, не отказывать ему въ справедливости, но также и не давать дружбѣ исключительныхъ правъ. Если Ваше Величество удосужитесь бросить взглядъ на Разговоры, надѣюсь, вы найдете, что въ этомъ сочиненіи много дѣльнаго, хотя оно никогда не впадаетъ въ напыщенный тонъ, и что не каждый мѣсяцъ выходятъ во Франціи книги этого рода.

Седэнъ съ трудомъ повѣрилъ, что его пьеса была играна съ успѣхомъ. Такъ какъ онъ о ней ничего не слышалъ цѣлыхъ четыре мѣсяца, онъ полагалъ, что она упала безнадежно, и простакъ думалъ, что я не смѣю ему возвѣстить это несчастіе.

le moins grand de ceux qui sont venus depuis gentil courrier d'heureuse mémoire, est chargé de la tragédie en prose: «Paris sauvé», à qui Votre Majesté daigne aussi promettre les honneurs du théâtre impérial. Je crois que j'aurai aussi, avant de fermer, l'épitre dédicatoire avec quelques dessins représentant les principales figures de cette pièce. J'y joins quelques boîtes de confitures à croquer pendant la représentation. Je suis assez déconfit du mauvais état des confitures précédentes qu'on m'a promenées par la Suède et je ne sais où, pendant quatre mois de suite. Ce n'est pas moi qui ai couru après le baron livonien, c'est lui qui est venu me dire qu'il allait comme un trait en Russie et qui m'a tant prié de le charger de quelque paperasse. Hélas, il m'est bien aisé de succomber à cette tentation; mais les barons livoniens ne m'y rattraperont plus. Votre Majesté a si magnifiquement récompensé M. Sedaine d'une pièce à qui elle n'a pu accorder les honneurs de la représentation, qu'il est manifeste que la seconde pièce jouée avec succès doit être beaucoup moins magnifiquement payée. Si Votre Majesté permet l'impression de ces pièces et qu'on mette son nom auguste à la tête de «Paris sauvé», j'attendrai des ordres pour savoir ce qu'il faudra donner à un homme qui a eu la gloire de travailler par son exprès commandement.

M. de Buffon est en Bourgogne, où je lui enverrai ce bracelet qui est peut être de la même date que les ossements des éléphants qu'on trouve aussi,

---

Наконецъ моему маленькому курьеру г. Брозину, то-есть самому маленькому изъ тѣхъ, которые пріѣзжали послѣ счастливой памяти миленькаго курьера, поручена трагедія въ прозѣ «Спасенный Парижъ», которой Ваше Величество изволите также обѣщать честь представленія на императорскомъ театрѣ. Я полагаю, что получу, прежде чѣмъ запечатаю письмо, посвятительное посланіе съ нѣсколькими рисунками, представляющими главныхъ лицъ этой пьесы. Присоединяю къ этому нѣсколько коробокъ конфетъ, чтобъ полакомиться во время представленія. Я довольно сконфуженъ дурнымъ видомъ предыдущихъ конфетъ, которыя возили по Швеціи и еще неизвѣстно гдѣ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Не я бѣгалъ за лифляндскимъ барономъ; онъ пріѣхалъ объявить мнѣ, что какъ стрѣла полетитъ въ Россію и очень просилъ меня поручить ему какія-нибудь бумаги. Увы, мнѣ очень легко поддасть такому соблазну; но лифляндскіе бароны меня болѣе не поддѣнутъ. Ваше Величество такъ щедро наградили г. Седэна за пьесу, которая не была удостоена чести представленія, что ясно, что вторая пьеса, игранная съ успѣхомъ, должна быть менѣе великолѣпно оплачена. Если Ваше Величество дозволите напечатать эти пьесы и если поставятъ Ваше Августѣйшее имя въ заглавіи «Спасеннаго Парижа»; я буду ждать Вашихъ приказаній, чтобъ знать сколько дать человѣку, который удостоился славы работать по Вашему нарочному заказу.

Г. Бюффонъ въ Бургони, куда я ему пошлю этотъ браслетъ, который можетъ

je crois, sur les bords de l'Irtisch. Je me suis tourmenté pour inventer pour lui une marque de la munificence impériale; il y en aurait une très impériale, c'est l'envoi d'une belle fourrure dont je pense que le dit seigneur comte de Buffon resterait très orgueilleusement ébahi.

Sedaine entre et m'apporte ses dessins et son épitre. Il m'enjoint très expressément de le mettre aux pieds de son immortelle bienfaitrice (combien de personnes, dit-il, ne lui doivent pas ce nom!), après lui sa femme, ses enfants, ses pièces, tout veut être à ces pieds. Et il dit comme cela, que si l'Impératrice désire de garder ces pièces quelque temps dans son portefeuille, sans qu'elles soient imprimées, elle n'a qu'à dire un mot, et elle sera obéïe; il n'est pas pressé d'imprimer. Je suis charmé de voir Votre Majesté s'enfoncer de temps à autre dans l'histoire sacrée et exercer l'érudition de M. le grand chambellan et son talent pour les interprétations. Je me trouve bien coupable, Madame, d'avoir renouvelé les regrets de Votre Majesté sur une perte à jamais irréparable par l'envoi d'une méchante boîte. Je suis d'autant plus coupable que je ressens à tous les instants du jour cette perte cruelle et certes aussi vivement que mon incomparable Souveraine. Il me semble que depuis cet instant un vaste silence couvre la nature, tel à peu près que l'extinction totale de quelques espèces parlantes ou chantantes produirait sur la terre; et l'on est tenté de dire que ce n'est

---

быть одной эпохи съ костями слоновъ, находимыхъ, кажется, на берегахъ Иртыша. Я мучился, чтобъ придумать для него знакъ императорской щедрости; есть одинъ весьма императорскій — это присылка дорогого мѣха, которымъ гордость реченнаго графа Бюффона была бы знатно польщена.

Седэнъ вошелъ и принесъ мнѣ свои рисунки и посланіе. Онъ поручаетъ мнѣ очень настойчиво повергнуть его къ стопамъ его безсмертной благодѣтельницы (сколько лицъ, говоритъ онъ, могутъ назвать ее этимъ именемъ!), а за нимъ его жену, дѣтей, его пьесы: все должно быть у этихъ ногъ. И онъ говоритъ при этомъ, что если Императрица желаетъ удержать нѣсколько времени эти пьесы въ своемъ портфелѣ не напечатанными, пусть она только скажетъ слово, и онъ будетъ повиноваться, онъ не спѣшитъ печатаніемъ. Я чрезвычайно радъ, что Ваше Величество иногда углубляетесь въ священную исторію и упражняете ученость г. оберъ-камергера и его талантъ къ изъясненіямъ. Сознаю себя очень виноватымъ, Государыня, что возобновилъ вашу горесть о незамѣнимой навсегда потерѣ [1]) присылкой дрянной коробки. Я тѣмъ болѣе виноватъ, что во всѣ минуты дня чувствую эту жестокую потерю и конечно такъ же живо какъ моя несравненная Монархиня. Мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ глубокая тишина объемлетъ всю природу, какъ еслибъ совершенно вымерли на землѣ живыя существа, говорящія

---

[1]) Рѣчь идетъ о Вольтерѣ.

plus la peine de faire de grandes et belles actions, puisque celui qui pouvait s'élever à leur niveau pour les célébrer n'est plus.

Ce maréchal de Noailles qui s'est fait inscrire chez moi parmi les chalands de Votre Majesté n'est sans doute autre que ce ci-devant duc d'Ayen célèbre par ses bons mots, dont il n'a pas perdu le goût en changeant de nom. De qui donc Votre Majesté prétend-elle faire la conquête? Des bêtes? Il faudra, Madame, s'il vous plaît, rayer cela des almanachs de l'Impératrice grecque; jamais elle ne tâtera ni de leur suffrage ni de leur admiration; ce sont des morceaux de friandise qui ne sont pas pour son bec. Cela est fâcheux, mais cela est comme cela, et moi souffre-douleur je dois la vérité toute crue à mon auguste Souveraine. J'ai fait un heureux, en communiquant au marquis de Juigné ce que Votre Majesté a eu la bonté de me dire à son sujet. J'en ai fait un autre, en disant à M. Olivadès que son sort a vivement occupé cette Souveraine dont le nom n'est jamais prononcé avec indifférence. J'ai vu l'effet visible que ce mot a fait sur lui. Cet illustre martyr de l'inquisition se trouve à Paris depuis peu de temps; il voudrait bien, je crois, s'y établir, reste à savoir si madame sa maman, l'inquisition, y consentira. Je crains qu'échappé de ses tendres griffes, il ne soit obligé de pousser plus loin et de vivre en pays hérétique. Je vois Votre Majesté presque aussi disposée à se scandaliser de la sainte inquisition que du roi-boeuf; à force de se scandaliser de tout, on peut tomber dans de terribles écarts. Appeler les saints

---

и поющія; и кажется, что болѣе не стóитъ совершать великихъ и прекрасныхъ дѣлъ, такъ какъ нѣтъ того, кто могъ возвышаться до нихъ и прославлять ихъ.

Этотъ маршалъ де Ноаль, который записался у меня въ числѣ поклонниковъ Вашего Величества, конечно не кто иной какъ бывшій герцогъ д'Аянъ, извѣстный своими остротами и не потерявшій къ нимъ охоты, перемѣнивъ имя. Кого же Ваше Величество думаете побѣдить? Глупцовъ? Надо будетъ, Государыня, вычеркнуть это изъ календарей греческой Императрицы; никогда она не отвѣдаетъ ни ихъ похвалъ ни ихъ удивленія; это лакомые кусочки, которые вовсе не для ея клюва. Это жаль, но это такъ, и я, многострадальный, обязанъ высказать эту истину моей августѣйшей Государынѣ. Я сдѣлалъ счастливца, сообщивъ маркизу Жюинье то, что Ваше Величество удостоили сказать мнѣ о немъ. Я осчастливилъ еще другого, сказавъ г. Оливадесу, что судьба его живо интересовала ту Монархиню, которой имя никогда не произносится равнодушно. Я увидѣлъ, какое явное впечатлѣніе это слово произвело на него. Этотъ знаменитый мученикъ инквизиціи съ нѣкоторыхъ поръ въ Парижѣ; ему, кажется, очень хочется тамъ поселиться; остается узнать, согласится ли на это маменька его — инквизиція. Я боюсь чтобъ вырвавшись изъ ея мягкихъ когтей, онъ не былъ вынужденъ бѣжать далѣе и жить въ странѣ еретиковъ. Я вижу, что Ваше Величество почти такъ же расположены смущаться по поводу священной инквизиціи, какъ и по поводу короля-быка; смущаясь всѣмъ, можно впасть въ ужасныя заблуж-

inquisiteurs des belîtres! Juste Dieu, dans quel siècle vivons nous? Si Don Joseph Solano avait fait sauter ces saints hommes par dessus son bord, ces chiens d'Anglais n'auraient pas voulu les repêcher peut-être, et adieu la foi et toutes ses richesses. Je suis persuadé que c'est la sainte inquisition qui trace aux Espagnols tous ces beaux projets de campagne qui se font tant admirer des connaisseurs, et dont on a dit que le secret était si parfaitement gardé que même après l'exécution personne ne le devinait. Le vicomte de la Herreira est un troisième heureux que j'ai fait. Nun, das weiß Gott, die Catharinensucht ist eine schwere und grausame Krankeit. Wenn die einmal einreißt, so ist es aus mit dem Patienten. Combien de fois il m'a parlé de ce voyage sur le Volga et de ce diner à l'ail! Il m'a embrassé de joie quand il a vu que l'Impératrice s'en souvenait. Il vient de se faire opérer avec succès de la cataracte, et partira vers l'automne pour Naples, afin d'y parler de l'Impératrice avec l'abbé Galiani. Quel livre envoyer à M. de Hennin pour lui remplacer le sien? Le voyage de Gmelin en allemand, et le faire remettre à M. de Vérac, pour le lui faire tenir. Il est étonnant comme les souverains sont enclins à la calomnie. Je me rappelle très bien que j'ai dit à Votre Majesté que je trouvais très injuste que Votre Majesté contribuât à rebâtir les villes incendiées du Saint-Empire, parce que toutes les villes de l'Empire de Russie brûleraient, que le Saint-Empire Romain ne donnerait pas une obole pour leur reconstruction; et à cause de cela on me dit: vous voulez que je

---

денія. Назвать святыхъ инквизиторовъ бездѣльниками! Правый Боже, въ какомъ вѣкѣ мы живемъ? Еслибъ донъ Іосифъ Солано заставилъ этихъ святыхъ мужей перепрыгнуть черезъ бортъ своего корабля, эти собаки Англичане не захотѣли бы, можетъ, вытащить ихъ, и прощай вѣра со всѣми ея богатствами. Я увѣренъ, что сама святая инквизиція начертываетъ Испанцамъ всѣ эти прекрасные планы походовъ, столь удивляющіе знатоковъ, и о которыхъ говорятъ, что тайна ихъ такъ хорошо сохраняется, что даже послѣ ихъ исполненія никто её не угадываетъ. Виконтъ де ла Герейра—третій мною осчастливленный. Ну, то знаетъ Господь, какая тяжкая и жестокая болѣзнь — любовь къ Екатеринѣ. Когда она разъ укоренится, то паціентъ погибъ. Сколько разъ онъ мнѣ говорилъ о поѣздкѣ по Волгѣ и объ обѣдѣ приправленномъ чеснокомъ! Онъ расцѣловалъ меня отъ радости, когда узналъ, что Императрица о томъ помнитъ. Онъ успѣшно сдѣлалъ себѣ операцію катаракта, и осенью поѣдетъ въ Неаполь, чтобъ тамъ бесѣдовать объ Императрицѣ съ аббатомъ Галіани. Какую книгу послать г. Геннину въ замѣнъ его книги? Путешествіе Гмелина по-нѣмецки, и передать его г. де Вераку, чтобъ онъ ему доставилъ его. Удивительно какъ Государи склонны къ клеветѣ. Я очень хорошо помню, что сказалъ Вашему Величеству какъ несправедливо способствовать отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ городовъ Священной Имперіи, потому что еслибъ всѣ города Россійской Имперіи сгорѣли, Священная Римская Имперія не дала бы ни полушки на ихъ отстройку; а мнѣ

contribue à rebâtir les villes brûleés d'Allemagne, tandis que je veux tout juste le contraire. O de tous les fondateurs l'archifondatrice! o Hundert und drey Stadtbauerin! où est la justice? Autre hérésie: je ne dois point empiéter sur le terrain de mon très cher frère Joseph II. Nous autres, Empire Russe, nous sommes le terrain de notre très chère Souveraine Catherine II; mais nous autres, Empire Romain, nous ne sommes pas terrain de notre très cher chef Joseph II; notre terrain brûlé ou non brûlé ne lui appartient pas. Das ist nun ein großer Unterschied, welchen der gerechte Joseph ganz gut in acht nehmen wird; ich verhoffe es. Notre Impératrice des Grecs fait toujours à rebours de tout le monde. Les autres font plus de bruit que de besogne; elle veut, à cause de cela, faire plus de besogne que de bruit. Son bruit dit qu'il sera bien difficile de faire rendre à mon ami Haller ce qu'il a prêté, et sa besogne est de le faire payer, ce qui a été fait: tandis que je parlais à mon ami Haller des difficultés, il m'a appris qu'il était payé; et j'ai dit avec Gillet: eh bien, la voilà comme elle est. Je suis bien sûr que l'Impératrice viendra aussi à son honneur et à faire payer ce pauvre Gillet de sa pension. La persuasion réside sur ses lèvres augustes, la justice et la générosité dans sons grand coeur: ainsi son factotum chamailleur réussira avec M. le président et M. le secrétaire de l'Académie. Il y aura au mois de septembre prochain deux ans que le pauvre Gillet n'a rien touché.

за это говорятъ: вы хотите чтобъ я способствовала къ отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ въ Германіи городовъ, тогда какъ я хочу совершенно противоположнаго. О, изо всѣхъ строителей архистроительница! О, построительница ста трехъ городовъ! Гдѣ же справедливость? Другая ересь: «я не должна несправедливо вступать на почву моего милаго брата Іосифа II». Мы, принадлежащіе къ Россійской Имперіи, мы составляемъ почву нашей драгоцѣнной Монархини Екатерины II; но мы, принадлежащіе къ Римской Имперіи, мы вовсе не собственность нашего дорогого главы Іосифа II; наша собственность, сгорѣвшая или не сгорѣвшая, ему не принадлежитъ. И это большая разница, которую правосудный Іосифъ приметъ конечно въ расчетъ; я на это надѣюсь. Наша греческая Императрица все дѣлаетъ на выворотъ противъ другихъ. Другіе болѣе шумятъ, чѣмъ дѣлаютъ дѣло; она напротивъ хочетъ дѣйствовать болѣе чѣмъ шумѣть. На словахъ она полагаетъ, что очень трудно будетъ заплатить моему другу Галлеру то, что онъ далъ взаймы, а на дѣлѣ заставляетъ уплатить ему, чтó и было сдѣлано: пока я говорилъ моему другу Галлеру о затрудненіяхъ, онъ сообщилъ мнѣ, что ему ужъ заплатили; и я сказалъ съ Жиллэ: ну вотъ, какова она Я очень увѣренъ, что Императрица къ чести своей велитъ заплатить этому бѣдному Жиллэ его пенсію. Даръ убѣжденія—на Августѣйшихъ устахъ ея, правосудіе и великодушіе въ ея великомъ сердцѣ, и такъ ея сварливый фактотумъ будетъ имѣть успѣхъ у гг. президента и секретаря Академіи. Въ будущемъ сентябрѣ мѣсяцѣ будетъ два года что Жиллэ ничего не получалъ.

Votre Majesté aura entendu parler de l'incendie de notre salle d'Opéra. On dirait que nous n'avons du feu à Paris que pour fournir à nos folliculaires et journalistes l'occasion de s'épuiser en éloges pompeux des pompiers. C'est, à les entendre, une troupe de héros, qui donne des preuves prodigieuses d'activité, d'intelligence, d'intrépidité; mais c'est quand tout est brûlé. Dans nos villes impériales d'Allemagne nous n'avons ni héros ni panégyristes, nous n'avons que des ordonances qu'on observe, et les incendies finissent avant qu'on ait eu le temps d'en parler. Voilà donc l'Opéra à bas et les plus sublimes talents en danse, une divine Heinel, la gloire de l'Allemagne, une Théodore plus légere qu'un oiseau, un Dauberval, un Nivelon, sans fonctions, au moins pour plusieurs mois. Il dio de la danse Vestris et son fils Auguste faisaient pendant ce temps les beaux jours de Londres.

Je pâlis, Madame, en considérant la longueur de cette pancarte. Dieu me préserve d'en compter les pages; je n'aurais jamais le courage de l'envoyer. Que Votre Majesté me pardonne pour la dernière fois, et je promets à Dieu et à son ointe de n'en plus jamais écrire de cette longueur effrayante. Je me tourmente toujours dans mon cabinet à faire hausser le change, et mes tourments n'y font ni froid ni chaud. Le comte de Schouvalof dit que Votre Majesté pourrait et devrait envoyer une partie du cuivre de sa banque en Hollande. Je ne conçois pas bien cela, parce que je ne l'entends pas, ou

---

Ваше Величество вѣроятно слышали о пожарѣ нашей оперной залы. Подумаешь, что у насъ затѣмъ пожары въ Парижѣ, чтобъ доставить нашимъ вѣстовщикамъ и газетчикамъ случай разсыпаться въ пышныхъ похвалахъ пожарной командѣ. Послушаешь ихъ—такъ это сонмъ героевъ, которые даютъ изумительныя доказательства дѣятельности, сообразительности, храбрости, но тогда уже, когда все сгорѣло. Въ нашихъ имперскихъ городахъ Германіи у насъ нѣтъ ни героевъ, ни панегиристовъ, у насъ есть только предписанія, которыя исполняются, и пожары оканчиваются прежде чѣмъ успѣютъ о нихъ заговорить. И такъ вотъ опера уничтожена и самые дивные таланты въ танцовальномъ искусствѣ,—божественная Гейнель, слава Германіи, Теодоръ легкая какъ птичка, Доберваль, Нивелонъ — всѣ безъ занятій, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Богъ танцевъ — Вестрисъ и сынъ его Августъ въ это время приводили Лондонъ въ восторгъ.

Я блѣднѣю, Государыня, видя обширность этой грамоты. Сохрани меня Богъ сосчитать ея страницы; у меня никогда не станетъ духу отослать её. Да проститъ меня Ея Величество въ послѣдній разъ: даю обѣтъ Богу и Его помазанницѣ никогда не писать такихъ длинныхъ писемъ. Я все мучусь въ своемъ кабинетѣ какъ бы поднять курсъ, но мои мученія на него нисколько не дѣйствуютъ. Графъ Шуваловъ говоритъ, что Ваше Величество могли бы и должны бы послать часть мѣди изъ Вашего банка въ Голландію. Я этого хорошенько не разумѣю, потому что не понимаю,

... ne l'entends pas bien, parce que je ne le conçois pas. Mais je vou... qui ne vois pas plus loin que mon nez dans ces matières, que ... eût une caisse et un trésorier de fondation à Amsterdam. ... que le change de Russie serait sur un bon pied, le trésorier ferait ... les fonds de la caisse en bon papier qui produirait, mais dès que le ... ferait la mine de vouloir baisser, il réaliserait son papier et se ... sur la brèche pour empêcher la baisse. Je crois qu'un homme ... argent et au fait du tripotage de l'argent préviendrait par cette ma... toute variation sensible et préjudiciable, et procurerait aux autres mesures que la sagesse de Votre Majesté Impériale peut prendre, le temps nécessaire pour faire leur effet. Cette caisse pourrait d'abord se former ... emprunts ouverts, car Dieu, merci, nous avons plus de crédit que de besoins: voila la décision d'un aveugle jugeant des couleurs. J'ai appris aussi, il n'y a pas longtemps, que la France était en état de fournir à la Russie les piastres à meilleur marché que la Hollande.

Dieu, qui veille sur ses enfants, m'a bien vengé de celui qui a tremblé que je ne gardasse le plus beau des deux camées, en m'inspirant de les envoyer tous deux, afin de tenir de la main de mon auguste bienfaitrice celui que je me suis appliqué dans un accès d'impertinence. Actuellement c'est d'elle-même que je le tiendrai, et personne n'aura plus à trembler que moi de joie et de reconnaissance quand je le recevrai. Païsiello m'écrit

---

или не понимаю хорошенько, потому что не разумѣю. Но я, который не вижу да-лѣе своего носа въ этихъ дѣлахъ, желалъ бы, чтобъ Императрица имѣла кассу и кассира въ Амстердамѣ. Пока размѣнъ въ Россіи былъ бы въ хорошемъ состояніи, кассиръ размѣнивалъ бы капиталы своей кассы на хорошія бумаги, которыя давали бы проценты; но только что курсъ вздумалъ бы опуститься, онъ продалъ бы свои бумаги и сталъ бы на стражѣ, чтобъ помѣшать паденію. Я полагаю, что чело-вѣкъ умный и свѣдущій въ денежной стряпнѣ предотвратилъ бы этимъ способомъ всякое чувствительное и невыгодное измѣненіе курса, и доставилъ бы другимъ мѣ-рамъ, къ которымъ бы мудрость Вашего Величества прибѣгла — время, необходи-мое, чтобъ произвести свое дѣйствіе. Эта касса могла бы составиться сначала изъ открытыхъ займовъ, потому что, слава Богу, мы имѣемъ болѣе кредита, чѣмъ нуждъ: вотъ рѣшеніе слѣпого, судящаго о цвѣтахъ. Я тоже узналъ недавно, что Франція въ состояніи доставить Россіи піастры дешевле чѣмъ Голландія.

Богъ, который бодрствуетъ надъ дѣтьми своими, отомстилъ за меня тому, кто дрожалъ, чтобъ я не оставилъ себѣ лучшаго изъ камеевъ, внушивъ мнѣ послать оба, чтобъ получить отъ руки моей Августѣйшей Благодѣтельницы тотъ, который я себѣ назначилъ въ припадкѣ дерзости. Теперь я отъ Нея самой получу его, и никто кромѣ мя не будетъ дрожать отъ радости и благодарности, когда онъ мнѣ достанется. Паизі-

quatre pages de sississi sur notre sississime Souveraine, qui veut bien le garder encore quatre autres années; je lui répondrai par six pages de sississi, et le prierai d'engager notre sississime Souveraine de m'envoyer son Alcide al bivio et autres trésors avec ce camée qui vaut seul un trésor. Il pourra expliquer à Votre Majesté ce que le Pape veut dire quand il appelle l'Impératrice des Grecs ses entrailles: *viscere mie*, qu'il ne faut pas prononcer à la française. Sa correspondance avec l'Impératrice des Grecs devrait bien lui prouver qu'il ne faut jamais s'entendre quand on veut rester d'accord. Ce n'est que depuis que ses enfants l'ont un peu compris, qu'il n'y a plus de paix dans la maison. Gott weiß was der Joseph mit seinem alten Papa vornehmen will. Je crois que Papa Braschi fera bien d'écrire à Votre Majesté dans toutes les langues qu'elle n'entend pas, pour se recommander à sa puissante médiation auprès de ce Joseph qui veut casser les vitres à son vieux Papa. Le nom sacré de mon auguste Souveraine sera le mot de ralliement entre le prince Henri et moi. Je plains Votre Majesté, les oreilles lui tinteront à faire pitié; cet inconvénient est sans remède. Après cela si je trouve beaucoup d'éloignement entre les deux frères, je prêcherai la paix, la soumission sans bassesse, le rapprochement. Maintenant je ne sens que l'extrême besoin que j'ai de l'indulgence impériale pour me faire pardonner cet intolérable bavardage. Je me jette aux pieds de Votre Majesté et je les embrasse pour obtenir mon pardon, et je promets sérieusement

---

елло пишетъ мнѣ четыре страницы sississi о нашей sississime Государынѣ, которая хочетъ удержать его еще четыре года; я отвѣчу ему шестью страницами sississi, и попрошу его уговорить нашу sississime Государыню прислать мнѣ его Алкида на распутіи и другія сокровища съ этимъ камеемъ, который одинъ стóитъ цѣлый казны. Онъ можетъ объяснить Вашему Величеству, чтó папа хочетъ сказать, когда называетъ Греческую Императрицу: *viscere mie*, мое нутро, чего не надо произносить на французскій манеръ. Его переписка съ Греческой Императрицей должна бы доказать ему, что никогда не надо понимать другъ друга, когда хочешь оставаться въ согласіи. Только съ тѣхъ поръ какъ его дѣти поняли его, нѣтъ мира въ домѣ. Богъ знаетъ что Іосифъ хочетъ предпринять съ своимъ старымъ папенькой. Я думаю, что папа Браски хорошо сдѣлалъ бы, написавъ вамъ на всѣхъ языкахъ, которыхъ Вы не понимаете, чтобъ отдаться Вашему могущественному посредничеству передъ этимъ Іосифомъ, который хочетъ разбить окна у своего стараго папаши. Священное имя моей Августѣйшей Монархини будетъ лозунгомъ между принцемъ Генрихомъ и мною. Я жалѣю о Вашемъ Величествѣ, у Васъ будетъ несносно звенѣть въ ушахъ; это неудобство непоправимо. А если послѣ того я найду охлажденіе между братьями, я буду проповѣдывать миръ, покорность безъ униженія, сближеніе. Теперь я чувствую что только нуждаюсь въ Императорскомъ снисхожденіи, чтобъ была прощена мнѣ эта несносная болтовня. Я припадаю къ ногамъ Вашего Величества и обнимаю ихъ,

de me corriger; et, en me relevant pardonné, j'y dépose l'hommage du plus profond respect avec lequel je serai toute ma vie, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur

Grimm.

23 (№ 30).

Allerunterthänigster Pforten-Vortrag.

A Paris, ce 15 (26) juin 1781.

Madame, J'ai pris sur moi de retarder de huit jours le départ de mon délicieux Brosine, afin de pouvoir le charger de tous les papiers dont Votre Majesté Impériale doit se trouver munie à l'arrivée du modèle de la fameuse porte de Pétersbourg à Moscou, lequel modèle il plaira à Votre Majesté de faire prendre à Lübeck chez Messieurs Pauli et Compagnie avec les tableaux Robinet et le cabinet Zuckmantel. Or ça, je compte très fort que Votre Majesté ne s'avisera pas de me faire une querelle d'allemand au sujet de cette porte-modèle, ni de me dire: «je crains qu'elle ne soit trop belle», et d'autres propos piquants. Car je serais capable de faire un esclandre, de faire

---

чтобъ получить прощеніе, и серьёзно обѣщаю исправиться; и, вставъ прощеннымъ, повергаю выраженіе моего глубочайшаго уваженія, съ которымъ остаюсь на всю жизнь, Государыня, Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга

Гриммъ.

23 (№ 30).

Всеподданнѣйшій докладъ о воротахъ.

Парижъ, 15 (26) іюня 1781.

Государыня, Я осмѣлился отложить на восемь дней отъѣздъ моего прелестнаго Брозина, для того, чтобы мнѣ было можно препоручить ему всѣ бумаги, которыми Ваше Величество должны обладать къ прибытію модели знаменитыхъ воротъ изъ Петербурга въ Москву, модели, которую Ваше Величество благоволите велѣть взять въ Любекѣ у гг. Паули и К° вмѣстѣ съ картинами Робинэ и кабинетомъ Цукмантеля. А вотъ, кстати, я крѣпко надѣюсь, что Ваше Величество не вздумаете со мною ссориться по-нѣмецки по поводу этой модели воротъ и не скажете мнѣ: «я боюсь, что ворота будутъ слишкомъ великолѣпны» или другія подобныя колкости. Вы знаете,

imprimer la lettre impériale, et de dire à l'univers et autres: voyez et jugez, petits et grands. Or une telle publication (je devrais écrire ceci en petits caractères à l'exemple de Votre Majesté, attendu que je le dis tout bas) une telle publication ferait beaucoup de tort à l'Impératrice, parce que l'univers s'apercevrait qu'il y a quelquefois de tels vacarmes dans l'intérieur de Sa Majesté qu'on ne sait à qui entendre, que les idées se coudoient, se heurtent, se culbutent les unes sur les autres, de sorte qu'il faut tout le flegme allemand d'un souffre-douleur pour n'en être pas renversé les quatre fers en l'air, lorsqu'il plaît à Sa Majesté d'ouvrir la porte et d'en lâcher la meute sur ce pauvre homme. Votre Majesté doit sentir qu'on ne peut pas trop garder le titre d'Autocratrice, das ist, Selbstherrscherin, quand on souffre bon gré mal gré un tapage aussi continuel dans son intérieur: sous une autocratrice tout doit être tranquille, paisible, en repos, comme dans l'âme germanique d'un souffre-douleur; point de choc, point de bruit, point il me faut ceci, point il me faut cela. Or, comme Votre Majesté est loin de cet état de perfection, il faut donc me ménager, pour que je ne parle pas, et que son triste état ne perce pas dans le monde. Il était certes fort inutile d'enflammer cet autre brasier de Clérisseau, en disant qu'il ne se gêne pas, nous avons du granit, nous avons du marbre; et puis (voilà le pis de l'affaire) c'est moi qui passe de temps en temps par cette porte. O mot fatal, quel

---

что я способенъ нанести Вамъ позоръ, напечатавъ Императорское письмо и заявивъ всему міру: смотрите, судите, большіе и малые. Но такое оглашеніе (я долженъ бы написать это мелкимъ почеркомъ по примѣру Вашего Величества, такъ какъ говорю объ этомъ шопотомъ), такое оглашеніе повредило бы Императрицѣ: оно открыло бы вселенной, какой гвалтъ происходитъ иногда въ головѣ Ея Величества, такъ что не знаешь чего слушать: мысли встрѣчаются, сталкиваются, опрокидываютъ другъ друга, и надобна вся нѣмецкая флегматичность многострадальнаго, чтобы не быть ими сброшену съ ногъ всѣми четырьмя копытами вверхъ, когда Ея Величеству угодно бываетъ отворить дверь и выпустить всю стаю на этого бѣднаго человѣка. Ваше Величество должны чувствовать, что нельзя вполнѣ сохранять титулъ Самодержицы, когда противъ воли испытываешь внутри себя почти безпрерывный шумъ. Подъ вліяніемъ Самодержавія все должно быть спокойно, мирно, тихо, какъ въ германской душѣ многострадальнаго, безъ толчковъ, безъ стукотни, безъ: «я хочу этого, хочу того.» Но такъ какъ Вашему Величеству далеко до этого совершенства, то надо меня беречь, для того, чтобы я не разглашалъ ничего и чтобы Ваше плачевное состояніе не сдѣлалось всѣмъ извѣстно. Точно такъ же было совершенно безполезно воспламенять этотъ другой горящій уголь—Клериссо, говоря ему, чтобы онъ не стѣснялся; у насъ есть гранитъ, у насъ есть мраморъ, а затѣмъ (что всего хуже) въ эти ворота время отъ времени прохожу вѣдь я. О роковое слово! Какое опустошеніе ты

ravage n'as-tu pas causé chez ce fou de Clérisseau! J'aurais donné de l'argent pour lui ôter cette ideé de la tête!

Au reste, je dois dire à Votre Majesté qu'il n'y a eu qu'une voix sur cette porte, et que tous ceux qui l'ont vue ont été frappés de la noblesse, de la grandeur et de la simplicité imposante. L'Europe l'a vue par les yeux de ses ambassadeurs. Quand elle sera sous les yeux de mon auguste Souveraine, je lui en dirai mon avis et celui du bailli de Breteuil fondus ensemble, mais pas plus tôt. Aujourd'hui je me borne à mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale:

1°. Un état dressé par le fameux M. Delorme concernant les caisses qui renferment toute la pacotille Clérisseau et les tableaux Robinet partis de compagnie. Item le mémoire des frais d'emballage qui seront acquittés à Lübeck avec le port. Item une note de ce qu'il faut observer en ouvrant et déballant le modèle. Nota: cette pièce est essentielle, et Dieu préserve Votre Majesté de l'égarer.

2°. Des observations sur ce modèle faites par l'original Clérisseau. Moi j'observe que certainement il n'a pas perdu son temps, en imaginant, composant, essayant, exécutant tout cela en cinq mois. J'avais à coeur que Votre Majesté ne perdît pas une année, ce qui serait arrivé si le modèle

---

произвело у этого безумнаго Клериссо! Я дорого далъ бы, чтобѣ выгнать эту мысль у него изъ головы.

Впрочемъ, я долженъ сказать Вашему Величеству, что на счетъ этихъ воротъ существуетъ только одинъ голосъ, и всѣ видѣвшіе ихъ были поражены ихъ благородствомъ и величественной простотой. Европа видѣла ихъ глазами своихъ посланниковъ. Когда они явятся передъ очами моей Августѣйшей Государыни, я ей сообщу свое мнѣніе вмѣстѣ съ мнѣніемъ бальи де Бретёля, соединенныя воедино; но не ранѣе этого. Сегодня же ограничусь тѣмъ, что повергну на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества:

1-е. Отчетъ, составленный извѣстнымъ г. Делормомъ, касательно ящиковъ, содержащихъ въ себѣ весь тюкъ съ товаромъ Клериссо и съ картинами Робине, отправленными вмѣстѣ: Также счетъ всѣхъ расходовъ укладки, который будетъ уплаченъ въ Любекѣ вмѣстѣ съ стоимостью перевозки. Также записка всего того, что надо соблюсти при открытіи и раскладкѣ модели. Примѣчаніе: этотъ документъ необходимъ и сохрани Боже если Ваше Величество его потеряете.

2-е. Поясненія на счетъ этой модели, сдѣланныя оригиналомъ Клериссо. Я прибавлю, что конечно онъ не потерялъ времени, изобрѣтая, составляя, пробуя, исполняя все это въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ. У меня лежало на сердцѣ, чтобы Ваше Величество не потеряли цѣлаго года, что̀ случилось бы непремѣнно еслибъ модель не

n'eût été achevé qu'en auguste ou septembre; j'eusse été dans la nécessité de le garder tout l'hiver.

3°. Une lettre de l'original Clérisseau à moi adressée, que j'invite Votre Majesté d'étudier avec autant d'application qu'une épitre de S. Paul aux Corinthiens, ou que les épitres du divin de Rome commentées par l'Impératrice de toutes les Russies, excepté celle des sots, supposé qu'il y ait une Russie pour les sots, comme il y a un paradis pour les pauvres d'esprit, ce dont je doute. Votre Majesté y verra mes querelles avec ce Clérisseau, et puis on finit, quand on a bien crié, par se raccommoder.

Depuis que son cabinet est parti d'ici, jusqu'au moment où les ordres de faire le modèle sont arrivés, il s'est occupé à faire les huit tableaux que je n'ai jamais pu l'empêcher de joindre à son modèle. Un Suisse en voulut emporter deux l'hiver passé, il lui offrit de les payer ce qu'il demanderait. Pas pour un diable: ces tableaux sont à ma Protectrice; si j'ai encore des yeux l'année prochaine, je Vous en ferai. Il ne m'a donc pas été possible, Madame, de débarasser Votre Majesté de ces tableaux. Les particuliers les paient à Clérisseau quatre cents livres pièce; mais je suppose toujours que Votre Majesté les comprendra dans la récompense générale à accorder à Charles Clérisseau, ou plutôt qu'elle jugera à propos, suivant sa munificence ordinaire, d'ajouter une somme quelconque à celle de 60 mille livres

---

была окончена въ августѣ или сентябрѣ; тогда я былъ бы въ необходимости сохранять её у себя всю зиму.

3-е. Письмо оригинала Клериссо, адресованное ко мнѣ, которое я приглашаю Ваше Величество изучить такъ же прилежно какъ и посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ, или посланія божественнаго изъ Рима, съ примѣчаніями Императрицы всея Россіи, выключая глупцовъ, предполагая, что есть Россія для глупцовъ, какъ есть и рай для нищихъ духомъ, въ чемъ я сомнѣваюсь. Ваше Величество увидите изъ этого письма мои ссоры съ этимъ Клериссо; но покричавши вдоволь, обыкновенно оканчиваютъ миромъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ его кабинетъ отсюда уѣхалъ, до того времени какъ прибылъ приказъ дѣлать модель, онъ занимался писаньемъ восьми картинъ, которыя я никакъ не могъ помѣшать ему присоединить къ модели. Одинъ Швейцарецъ прошлую зиму хотѣлъ изъ нихъ взять двѣ, предлагая ему такую цѣну, какую онъ пожелаетъ. «Не уступлю и самому чорту: эти картины для моей Покровительницы; если я не потеряю зрѣнія до будущаго года, то я вамъ сдѣлаю другія. Итакъ мнѣ оказалось невозможнымъ, Государыня, освободить Ваше Величество отъ этихъ картинъ. Частные люди платятъ Клериссо по четыреста ливровъ за каждую; но я предполагаю всетаки, что Ваше Величество включите ихъ въ общую награду, какая будетъ пожалована Карлу Клериссо, или скорѣй найдете нелишнимъ, по своей обыкновенной щедрости, прибавить что-нибудь къ суммѣ 60 тысячъ ливровъ, посредствомъ кото-

avec laquelle le sort de cet artiste a été fait par son auguste bienfaitrice; moyennant quoi tout se trouvera soldé à la fois. Pour le brevet de premier architecte impérial que j'attends toujours, il ne peut plus lui être refusé, puisqu'il en a fait les fonctions. Gillet a aussi travaillé depuis cinq mois sans relâche, et je ne me suis pas cru en droit de le récompenser, sans avoir l'attache de notre commune bienfaitrice. Lorsque tous les gens de l'art de Pétersbourg, y compris la Bibiena couronné, auront prononcé sur ce monument, je dirai aussi mon mot.

Maintenant je veux bien, par pure compassion, sauver encore une fois la vie à Votre Majesté, en mettant vite et tôt le divin en campagne pour toutes les gloutonneries imaginables dont la liste seule me donne le cauchemar; mais je déclare à la face du ciel et de M. le procureur général, que c'est pour la dernière fois, et que je deviendrai dur comme une pierre et inexorable par la suite. C'est bien assez pour m'affliger, que d'avoir eu un rhumatisme; quant au Raphaëlisme, c'en est trop; et si je me laissais aller à mon bon naturel, notre Souveraine sississime se trouverait criblée de tous les ismes possibles. Je délivrerai Votre Majesté de Beaumarchais et ses loteries, mais je veux aussi que l'Impératrice mène une vie chrétienne et paisible, qu'elle laisse le Père éternel dans sa niche, et qu'elle ne le force pas à son âge de faire de si énormes voyages. C'est bientôt dit et demandé

рой устроилась судьба этого художника, благодаря его Августѣйшей покровительницѣ; такимъ образомъ все будетъ уплачено сразу. Что касается до диплома перваго императорскаго архитектора, который я постоянно ожидаю, теперь ужъ невозможно отказать въ немъ, такъ какъ онъ исправлялъ эту должность. Жиллэ также работаетъ, вотъ уже 5-ть мѣсяцевъ, безъ устали, но я не счелъ себя въ правѣ награждать его, не имѣя полномочія нашей общей благодѣтельницы. Когда всѣ знатоки Петербурга, не исключая между ними и коронованной Бибіены, скажутъ свое мнѣніе объ этомъ памятникѣ, тогда и я скажу свое слово.

Теперь я желаю, единственно изъ состраданія, еще разъ спасти жизнь Вашего Величества, поспѣшивъ какъ можно скорѣе отрядить въ походъ божественнаго для всевозможныхъ воображаемыхъ лакомствъ, которыхъ одинъ списокъ уже производитъ во мнѣ кошмаръ; но я объявляю передъ лицомъ неба и г. генералъ-прокурора, что это въ послѣдній разъ и что я въ будущемъ сдѣлаюсь твердъ какъ камень и неумолимъ. Уже достаточно было для моего огорченія, когда я узналъ, что Вы страдали ревматизмомъ; что же касается Рафаэлизма, то это было бы уже слишкомъ много; и еслибъ я увлекся своимъ врожденнымъ добродушіемъ, наша всепресвѣтлѣйшая Государыня была бы осыпана всевозможными измами. Я освобожу Ваше Величество отъ Бомарше и его лотереи; но я хочу также, чтобъ Императрица вела жизнь христіанскую и тихую, чтобы она оставила предвѣчнаго Отца въ Его нишѣ[1]) и не заставляла его въ эти годы дѣлать такія огром-

---

1) Т. е. картину Рафаэля въ галереѣ его имени.

que quelques belles, bellissimes pierres antiques. Cela ne se trouve pas sous la main tout de suite à Rome, ou, si l'on veut être servi subito, on paie des prix fous. Or je ne veux pas que Votre Majesté paie davantage, comme elle a payé ce fameux Persée de Mengs. Si le bailli de Breteuil voulait nous permettre de choisir dans sa collection, notre choix serait bientôt fait, car son cabinet est surtout précieux par la beauté de la matière et des pierres; mais le bourreau ne veut vendre que tout ou rien. Enfin je lâcherai le divin, peut-être est-il déjà lâché, je ne dis pas tout; mais c'est pour la dernière fois. Tout ce que je comprends d'après la superbe description de Tsarsko-Sélo, c'est que si mon bon ange m'y ramenait, pressé comme je serais d'embrasser l'autel de la divinité tutélaire de ce lieu sacré, je me cognerais le nez à bien des portes, sans m'y reconnaître, avant de retrouver le sanctuaire qui recèle meiner Augen Weide, und meines Herzens Trost, und meines Sinnes Stolz, Rußlands Freude und Europens Hoffnung.

Je dirai à Votre Majesté pour nouvelle qu'on croit que l'Empereur viendra cette semaine passer deux jours avec la Reine, sa soeur, à Trianon. Ce sera vraisemblablement in ristretto et loin des profanes. Tant pis pour Joseph von Falkenstein s'il ne va pas à la piste du taudis du souffre-douleur: car avec qui parlera-t-il mieux qu'avec lui de son voyage de Mogilef et de Pétersbourg? et de quoi peut-on parler qui vaille ce sujet-là? J'ai vu une

---

ныя путешествія. Легко сказать: я требую нѣсколькихъ красивыхъ, наикрасивѣйшихъ античныхъ камней. Въ Римѣ этого не найдешь тотчасъ подъ рукой, а если угодно, чтобы оно представлено было скоро, то надобно платить безумныя цѣны. Но я не хочу, чтобъ Ваше Величесто платили столько, сколько заплачено было за знаменитаго Персея Менгса. Еслибы бальи де Бретёль позволилъ намъ выбирать изъ его коллекціи, нашъ выборъ остановился быскоро, потому что его кабинетъ главнымъ образомъ драгоцѣненъ по красотѣ какъ матерьяла, такъ и камней; но мучитель желаетъ продать или все, или ничего. Наконецъ я выпущу на добычу божественнаго, а можетъ быть онъ уже и выпущенъ, не договариваю; но это въ послѣдній разъ. Я понялъ изъ всего великолѣпнаго описанія Царскаго Села только одно: что если бы мой добрый геній возвратилъ меня туда, я стукался бы носомъ обо множество дверей, не находя дороги, пока отыскалъ бы святилище, скрывающее зеницу моего ока, утѣху моего сердца, гордость моихъ чувствъ, радость Россіи и надежду Европы.

Скажу Вашему Величеству за новость: думаютъ, что Императоръ пріѣдетъ на этой недѣлѣ провести два дня съ королевой, сестрою своей, въ Тріанонъ; это будетъ вѣроятно семейно и подальше отъ простыхъ смертныхъ. Тѣмъ хуже для Іосифа Фалькенштейна, если онъ не отъищетъ слѣда лачуги многострадальнаго: потому что съ кѣмъ иначе, какъ не съ нимъ, будетъ онъ бесѣдовать о своемъ путешествіи въ Могилевъ и Петербургъ? и можно ли говорить о чемъ

lettre de Vienne qui dit qu'un règne de 40 ans est si parfaitement oublié qu'on croirait qu'il y a quatre cents ans que Marie Thérèse a régné. Aber warum denn das? Das bitte ich Ihro Kaiserliche Majestät unterthänigst mir in die Ohren zu sagen. Aber ich weiß doch schon warum. Was aber Ihro Kaiserliche Majestät von dem alten Herrn von Sorgenfrey zu sagen belieben, das ist sehr lehrreich und merkwürdig, et Tacite n'aurait pas mieux dit. Celui-là, nämlich der alte Herr, n'a jamais dit à aucun de ses commensaux ce que l'Impératrice, sa haute Alliée, dit un jour à son souffre-douleur: savez-vous que vous m'étrillez prodigieusement aujourd'hui? ce qui fit faire un tel éclat de rire au dit souffre-douleur en présence de l'auguste étrillée, que je n'y saurais penser sans fondre en larmes d'attendrissement et de douleur, en m'écriant: quel temps c'était! quelles causeries, quel rêve incroyable! Or je veux faire un livre exprès pour prouver qu'un souverain qui ne se met pas à portée d'être étrillé journellement, ne peut pas être plus en valeur que la plus belle chemise qu'on ne blanchirait jamais. Mais je n'ai garde de commencer mon livre ici; je finis pour ne pas m'exposer au danger d'envoyer à Votre Majesté Impériale par le même délicieux courrier deux pancartes assommantes. Je finis en me prosternant devant mon immortelle souveraine, et ne me relève que pour lire mon pardon dans ses yeux, dans ce regard doux, redoutable et auguste, qui déconcerte et rassure en même temps.

нибудь болѣе достойномъ этого предмета? Я видѣлъ письмецо изъ Вѣны, гдѣ говорится, что сорокалѣтнее царствованіе совершенно забыто; и можно думать, что Марія Терезія царствовала четыреста лѣтъ тому назадъ. Но отчего же это? Прошу Ваше Императорское Величество объяснить мнѣ это на ухо. Впрочемъ я уже знаю отчего. А то, что Вашему Величеству угодно было сказать о старомъ господинѣ Беззаботномъ, то и Тацитъ сказалъ-бы не лучше того. Этотъ, именно старый господинъ, никогда не говорилъ ни одному изъ своихъ застольниковъ того, что Императрица, его высокая Союзница, сказала однажды своему многострадальному: «знаете ли вы, что вы ужасно отдѣлали меня сегодня? «и это заставило названнаго многострадальнаго такъ расхохотаться въ присутствіи августѣйшей отдѣланной, что я не могу вспомнить о томъ безъ слезъ умиленія и печали, восклицая: какое это было время! какая бесѣда, что за невѣроятный сонъ! Но я нарочно хочу напечатать книгу, чтобы доказать, что король, который избѣгаетъ быть ежедневно отдѣланнымъ, стóитъ можетъ-быть, не болѣе самой прекрасной сорочки, еслибъ её никогда не мыли. Но я и не подумаю начать свою книгу здѣсь; я заключаю письмо, чтобъ не подвергнуться опасности послать Вашему Величеству съ тѣмъ же прекраснымъ курьеромъ двѣ скучнѣйшія грамоты. Оканчиваю, повергаясь передъ моей безсмертной Монархиней, и подымаюсь только съ тѣмъ, чтобы прочитать въ ея взглядѣ мое помилованье, въ этомъ кроткомъ, грозномъ и августѣйшемъ взглядѣ, смущающемъ и ободряющемъ въ одно и то же время.

Je vais célébrer l'heureux avénement à Spa. Nous perdons toute la tribu Schouvalof tout de bon; elle retourne droit à Pétersbourg. Je conseille à Votre Majesté d'avoir beaucoup de respect pour son souffre-douleur. C'est le seul homme en France pour qui la princesse Daschkof ait daigné prendre une lettre de recommandation en Angleterre. Il est vrai qu'elle espère que je dirai beaucoup de bien de ses enfants devant le trépied impérial, et il est certain que ses enfants ont eu une approbation générale. Son fils paraît avoir beaucoup profité de son long séjour en Ecosse, et je suis toujours heureux quand je puis dire du bien d'un sujet de Votre Majesté Impériale.

P. S. Il est arrivé un cruel malheur à la ville de Gera, qui a été brûlée de fond en comble il y a environ trois ou quatre mois; il n'est pas resté une seule maison. Cette ville, située sur les confins de la Saxe, était très industrieuse et très commerçante, par conséquent remplie de la gloire de Catherine. Le comte Alexis Orlof, en allant de Pétersbourg dans la Méditerranée ou en revenant, s'y arrêtait toujours et commandait des ouvrages pour l'Impératrice. Je ne sais pourquoi le comte de Reuss, à qui cette ville infortunée appartenait, me donne la préférence pour porter sa supplique aux pieds de Votre Majesté Impériale. J'ai préalablement répondu par une question. Croyez-vous, ai-je demandé, si une ville de l'Empire de Russie

---

Я собираюсь праздновать счастливое восшествіе на престолъ въ Спа. Мы не на шутку теряемъ все племя Шуваловыхъ: они возвращаются прямо въ Петербургъ. Совѣтую Вашему Величеству имѣть большое уваженіе къ своему многострадальному. Это единственный человѣкъ во Франціи, къ которому княгиня Дашкова удостоила взять рекомендательное письмо изъ Англіи. Правда, она надѣется, что я скажу много хорошаго о ея дѣтяхъ передъ царскимъ треножникомъ, и въ самомъ дѣлѣ ея дѣти заслужили всеобщее одобреніе. Ея сынъ, кажется, очень воспользовался своимъ долгимъ пребываніемъ въ Шотландіи, и я всегда очень радъ, когда могу сказать что-нибудь хорошее о комъ-либо изъ подданныхъ Вашего Величества.

P. S. Съ городомъ Гера случилось жестокое несчастье: онъ сгорѣлъ до основанія, приблизительно три, четыре мѣсяца тому назадъ; не уцѣлѣло ни одного дома. Этотъ городъ, расположенный близъ границъ Саксоніи, былъ необыкновенно промышленный и торговый, слѣдовательно полонъ славы Екатерины. Графъ Алексѣй Орловъ, отправляясь изъ Петербурга въ Средиземное море, или возвращаясь оттуда, останавливался въ немъ постоянно и заказывалъ тамъ работы для Императрицы. Не знаю, почему графъ Рейсъ, которому принадлежалъ этотъ несчастный городъ, выбираетъ меня, чтобъ повергнуть его прошеніе къ стопамъ Вашего Величества. Я предварительно отвѣтилъ вопросомъ; «Думаете ли Вы, спросилъ я, что еслибъ какой-нибудь городъ Россійской Имперіи испыталъ на себѣ несчастіе,

éprouvait le malheur de la ville de Gera, qu'elle pût compter sur de grands secours et une assistance efficace de la part de l'empire d'Allemagne? Point de réponse. Alors j'ai dit: vous voulez apparemment me priver de mon titre de souffre-douleur, et que l'Impératrice m'appelle son porte-ennui.

24.

A Paris, ce 8 (19 auguste) 1781.

Madame. Je disais donç à Votre Majesté Impériale, en lui dépêchant le 9 juillet, c'est-à-dire le jour de l'anniversaire de la bienheureuse révolution, mon très humble et, à ce que j'espère, très lucide Rechnungs-Vortrag, que j'allais partir le soir même, pour me rendre à Spa, le Tsaritsina de ces pays-ci, en vertu d'une invitation formelle reçue du héros de la Prusse, qui a maintenu le nom de Henri dans tout le lustre dont il jouit en Europe depuis le Navarrois si tourmenté pendant sa vie, si exalté après sa mort. Or cette invitation s'est faite en forme de prière avec une discrétion et une délicatesse extrêmes, et Henri m'a demandé comme une grâce la faveur qu'il m'accordait. Voilà du tsarskosélique tout pur et à faire pitié. Combien de fois l'Impératrice ne m'a-t-elle pas impatienté avec ces tournures! On

---

случившееся съ городомъ Гера, онъ могъ бы расчитывать на большія пособія и дѣйствительную помощь отъ Нѣмецкой Имперіи? Отвѣта не было. Тогда я сказалъ: Вы вѣроятно хотите отнять у меня мое званіе многострадальнаго, и желаете чтобъ Императрица назвала меня своимъ надоѣдалою.

24.

Парижъ, 8 (19) августа 1781.

Государыня. Итакъ я говорилъ Вашему Императорскому Величеству, отправляя Вамъ 9-го іюля, то есть въ годовщину благополучной революціи, свою смиренную и, смѣю надѣяться, весьма ясную счетную грамоту, что я уѣзжаю въ тотъ же вечеръ въ Спа— Царицыно здѣшнихъ странъ, получивъ формальное приглашеніе отъ Прусскаго героя, поддержавшаго имя Генриха во всемъ блескѣ, какимъ оно пользуется въ Европѣ съ самаго Наварца, столь мучимаго при жизни, столь возвеличеннаго по смерти. Это приглашеніе сдѣлано было въ формѣ просьбы съ необыкновенной скромностью и деликатностью, и Генрихъ испрашивалъ у меня, какъ милости, позволенія удостоить меня этой любезности. Вотъ царскосельщина во всей чистотѣ и до жалости. Сколь-

dirait que j'ai fait le plus grand sacrifice en venant à Spa passer six semaines avec un des plus illustres personnages du siècle de la manière la plus intéressante et la plus agréable. Nun über dergleichen Zumuthungen zuckt man die Achsel. Si, en entreprenant ce charmant voyage, j'ai été trompé en quelque chose dans mon attente, c'est que tous les Tsaritsina ne mènent pas par Pétersbourg; la route du mien ne m'a conduit que tout platement par Bruxelles, où l'archiduchesse gouvernante avec son époux saxon avait fait la veille son entrée par le temps le plus triste et le plus pluvieux, tandis que Joseph était allé parcourir les sept provinces unies. Tout était en mouvement dans cette capitale par le plus vilain temps du monde; c'était pour moi une raison de plus d'en déguerpir au plus vite. J'espère que mon départ subit n'a influé en rien sur le malheur arrivé quelques jours après au feu d'artifice, mais je sais que je me trouvai fort bien le 13 aux pieds de mon protecteur. Dans le premier moment il y eut un peu de vacarme, de confusion et de désordre dans nos discours; c'était bien naturel après quatre années d'absence et de grands evénements. Les idées se pressaient, se heurtaient un peu les unes à côté des autres, et je ne réponds pas des contusions qu'il y eut par-ci par-là: car l'art de parler de dix choses à la fois et en même temps n'est pas encore perfectionné à un certain point, et le crible par où il faut passer est si étroit que je ne sais ce qui en serait arrivé,

---

ко разъ Императрица выводила меня изъ терпѣнія такими пріемами! Подумаешь, что я принесъ величайшую жертву, пріѣхавъ въ Спа провести шесть недѣль съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей своего вѣка, и провести ихъ самымъ интереснымъ и пріятнымъ образомъ. Ну, при такихъ любезностяхъ невольно пожимаешь плечами. Если я, предпринимая это прелестное путешествіе, былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, такъ только тѣмъ, что не во всѣ Царицыны ѣдутъ черезъ Петербургъ; моя дорога вела меня совершенно просто напросто черезъ Брюссель, гдѣ владѣтельная эрцгерцогиня съ своимъ супругомъ-Саксонцемъ наканунѣ имѣла въѣздъ въ самую печальную и дождливую погоду, тогда какъ Іосифъ отправился объѣзжать семь соединенныхъ провинцій. Все было въ движеніи въ этой столицѣ въ наискверніѣйшую погоду; для меня это было причиной тѣмъ скорѣе бѣжать оттуда. Я надѣюсь, что мой внезапный отъѣздъ не имѣлъ никакого вліянія на несчастіе, случившееся черезъ нѣсколько дней на фейерверкѣ; но я знаю, что былъ очень доволенъ очутиться 13-го у ногъ моего покровителя. Въ первую минуту разговоры наши были нѣсколько шумны, смутны и безпорядочны; это было весьма естественно послѣ четырехлѣтняго отсутствія и великихъ событій. Идеи мѣшались, сталкивались между собою, и я не отвѣчаю, если кое-гдѣ оказались контузіи: ибо, искусство говорить вдругъ и въ одно время о десяти предметахъ еще до нѣкоторой степени не выработано, а решето, черезъ которое приходилось процѣживать разговоръ, было такъ часто, что я не

si le nom de Catherine ne nous eût mis subitement à l'unisson après le premier choc. Je laisse aux savants critiques de la postérité à décider qui des deux, du héros ou du confident, prononça le premier ce nom auguste, tant prononcé depuis dix-neuf ans; je crois pourtant que ce fut Henri. Ce n'est pas sans une extrême confusion que j'appris que tout commerce de lettres avait cessé entre l'Impératrice des Grecs et lui. Comment lui avouer que j'étais plus heureux que lui et que j'avais conservé cet avantage inestimable? Il m'assura que ce n'était pas de prince à l'Impératrice qu'il regrettait de l'avoir perdu, et je l'assurai à mon tour que je le concevais d'autant plus facilement, que ce ne serait jamais de souffre-douleur à l'Impératrice que je m'affligerais de ce malheur, si j'étais réservé à en mourir. Mais que voulez-vous, ajoutai-je? autrefois c'était son passe-temps favori de griffonner des lettres, aujourd'hui le goût lui en a passé, parce qu'elle est accablée d'infirmités. Vous radotez, mon cher confident, me dit Henri; je sais qu'elle ne s'est jamais mieux portée. — Ja freylich, dem äußerlichen Ansehen nach, ai-je répondu; aber ich kenne den innerlichen Zustand, da siehts erbärmlich aus. Folianten und Quartanten, Juristerey, Normalschulmeisterey, das a, b, cediren, Einrichtungssucht und viele andere schwere Krankheiten hausiren im kaiserlichen Kopfe wie ein Regiment Cosaken; c'est une complication de maux où les Rogerson, Kelchen et compagnie perdent leur latin, leur grec, leur

---

знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ имя Екатерины вдругъ не привело насъ въ согласіе послѣ перваго столкновенія. Я предоставляю ученымъ критикамъ въ потомствѣ рѣшить, кто изъ двухъ, герой или повѣренный его, первый произнесъ это Августѣйшее имя, столько разъ произносившееся въ прошедшія 19 лѣтъ; я полагаю однако, что это былъ Генрихъ. Не безъ великаго смущенія узналъ я, что всякій обмѣнъ писемъ между Императрицей Греческой и имъ прекратился. Какъ сознаться ему, что я былъ счастливѣе его и сохранилъ это неоцѣненное преимущество? Онъ увѣрялъ меня, что сожалѣетъ о томъ, что потерялъ его, не какъ принцъ въ отношеніи къ Императрицѣ, а я убѣждалъ его, что я это понимаю, тѣмъ болѣе, что самъ огорчился бы этимъ несчастіемъ, не какъ многострадальный передъ Импоратрицей, если ужъ мнѣ суждено отъ этого умереть. Но что дѣлать, прибавилъ я. Прежде, любимымъ препровожденіемъ времени для нея было царапать письма, нынче вкусъ этотъ прошелъ, потому что она удручена недугами. Вы говорите вздоръ, любезный мой повѣренный, сказалъ мнѣ Генрихъ, никогда она не была такъ здорова. — Да, конечно, но только съ виду, отвѣчалъ я. Но мнѣ извѣстно внутреннее состояніе: тамъ все очень въ жалкомъ положеніи, фоліанты и квартанты, юриспруденція и нормальныя школы, азбуки, учредительная манія, и множество другихъ тяжкихъ недуговъ хозяйничаютъ въ Императорской головѣ какъ полкъ казаковъ; это такое усложненіе болѣзней, среди котораго Рожерсоны, Кельхены и компанія теряютъ свою латынь, свой греческій, ан-

anglais, leur allemand et le peu de russe qu'ils peuvent savoir. — Mais n'y a-t-il donc jamais de relâche avec ces accidents? demande Henri.—Je crois que si, répond le souffre-douleur; mais je présume que Messieurs Alexandre et Constantin s'emparent, tant qu'ils peuvent, de ces intervalles, et finalement les absents ont tort, dit le proverbe. Si je ne suis pas compris dans la réforme générale, c'est à la miséricorde impériale que j'en ai l'obligation; elle sait qu'il y va de ma peau: or la peau d'un souffre-douleur ne s'écorche pourtant pas aussi légèrement que celle d'un lapin. Sans compter qu'on a un peu besoin de lui pour les immenses provisions nécessaires à la gloutonnerie, et c'est ce qui vous le préserve miraculeusement de sa ruine. Aussi ma litanie n'a-t-elle qu'un verset: que Dieu conserve l'appétit glouton à Son ointe, et préserve du puits de l'oubli le souffre-douleur-fournisseur! Hospodi. pomilouï! — Nu, répond Henri, si vous m'assurez que son silence ne vient pas d'un changement de sentiments, je cesse de m'en plaindre, et je vous donnerai même une prise de tabac de cette tabatière tournée de ses propres mains à son tour de l'Hermitage. — Elle changer! ai-je fini, en baisant dévotement cette précieuse relique! Jamais, jamais! Felsen mögen brechen, Thürme können stürzen, aber der Kaiserin Herz kann nicht brechen und ihr Sinn kann sich nicht ändern: denn gut ist gut, und recht ist recht. Henri est convenu de ce principe, et la consolation a rempli son grand coeur. Mais pourquoi, reprend-il, m'avoir promis son portrait en grand et ne me l'avoir

---

глійскій, нѣмецкій языкъ и ту небольшую долю русскаго языка, которою обладаютъ. Но развѣ нѣтъ никогда роздыха между этими припадками, спросилъ Генрихъ. Я полагаю что да̀, но вѣроятно гг. Александръ и Константинъ овладѣваютъ сколько могутъ этими промежутками, и въ концѣ концовъ отсутствующіе виноваты, говоритъ пословица. Если я не подпалъ всеобщей реформѣ, то обязанъ этимъ Императорскому милосердію. Она знаетъ что тутъ рѣчь идетъ о моей шкурѣ: а шкура многострадальнаго не такъ легко сдирается, какъ шкура кролика. Да кромѣ того въ немъ нѣсколько нуждаються для громадныхъ запасо̀въ, необходимыхъ прихотливости, и вотъ что чудесно избавляетъ его отъ погибели. И потому моя молитва содержитъ только одинъ стихъ: чтобъ Господь сохранилъ прихотливые вкусы Своей помазанницы, и избавилъ бы отъ кладезя забвенія многострадальнаго-комиссіонера. Господи помилуй! Ну, отвѣчаетъ Генрихъ, если вы меня увѣряете, что ея молчаніе происходитъ не отъ перемѣны чувствъ, я перестану жаловаться, и даже дамъ вамъ понюхать табачку изъ этой табакерки, точеной ея руками на эрмитажномъ ея станкѣ. Она! перемѣниться! окончилъ я, цѣлуя эту драгоцѣнную святыню. Никогда, никогда! Скалы могутъ сокрушиться, башни могутъ рушиться, но сердце Екатерины никогда не можетъ сдѣлаться вѣроломнымъ и духъ ея не можетъ измѣниться: ибо хорошее — хорошо и правое — пра̀во. Генрихъ согласился съ этой истиной и утѣшеніе наполнило его великое сердце. Но за чѣмъ же, возразилъ онъ, обѣщать мнѣ свой портретъ въ

pas donné, tandis que sa place est marquée dans mon grand salon depuis nombre d'années? — Eh bien, la voilà, ai-je dit; je la reconnais: si vous saviez, Monseigneur, tout ce qu'elle m'a promis en ce genre et tout ce qui est encore à venir! Der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach, sagt der Apostel. Comment voulez-vous qu'au milieu de toutes les infirmités ci-dessus mentionnées, elle conserve la piste de tous ses engagements? Mais j'ai trouvé remède à cela. Je me ferai un ami solide de son grand moutardier, de son factotum, du général Bezborodka. Elle promettra, lui tiendra, et tout ira le mieux du monde. C'est bon pour un souffre-douleur, dit Henri; mais moi! qu'est-ce que cela m'avancera?

Voilà à peu près, Madame, comment s'est passé notre première soirée; et après beaucoup d'autres aussi belles choses dites de ma part, Son Altesse Royale m'envoya me coucher, afin de recommencer le lendemain. Denn, das weiß der lebendige Gott, der Kaiserin Name mischt sich in Brunnen-, Tisch- und Redouten-Gespräche, webt sich in alle Diskurse, sie mögen öffentlich oder inter privatos parietes gehalten werden; und paßt überall. On dirait que nous avons juré de la mettre à toute sauce, et il n'y en a a point à laquelle elle ne donne du ragoût.

Cinq ou six jours après mon arrivée est survenu un autre pélerin qui se nomme Joseph et qui, ni plus ni moins que Catherine, se prétend aussi second de son nom. Joseph entra dans Spa à pied, suivant en cela la cou-

---

большомъ видѣ и не прислать мнѣ его, тогда какъ его мѣсто назначено въ большой моей гостиной, вотъ уже много лѣтъ? — Ну вотъ, такова она, тутъ я узнаю её; еслибъ Ваше Высочество знали все, что она мнѣ обѣщала въ этомъ родѣ и что еще впереди! Духъ бодръ, но плоть немощна, говоритъ апостолъ. Какъ хотите Вы чтобъ среди всѣхъ недуговъ, здѣсь перечисленныхъ, она сохранила слѣдъ всѣхъ своихъ обѣщаній. Но я нашелъ отъ этого лѣкарство. Я сдѣлаю себѣ солиднаго друга изъ Ея великаго кухмистера, Ея фактотума, генерала Безбородка. Она будетъ обѣщать, онъ выполнять и все пойдетъ наилучшимъ образомъ. Это хорошо для многострадальнаго, говоритъ Генрихъ, но мнѣ-то какой прокъ отъ этого будетъ?

Вотъ, Государыня, почти такъ прошелъ нашъ первый вечеръ, и послѣ многихъ столь же прекрасныхъ вещей, сказанныхъ мною, Его Королевское Высочество велѣлъ мнѣ идти спать, чтобъ вновь начать назавтра. Ибо, то знаетъ всемогущій Богъ, имя Императрицы примѣшивается къ питью водъ, застольнымъ и клубнымъ бесѣдамъ, вплетается во всѣ пренія, будь они публичны, или при запертыхъ дверяхъ, и всюду оно кстати. Можно подумать, что мы поклялись подавать её подъ всѣми соусами, и подъ всякимъ она доставляетъ рагу.

Пять или шесть дней послѣ моего пріѣзда явился другой странникъ по имени Іосифъ, который, ни дать ни взять какъ Екатерина, претендуетъ быть вторымъ по своему имени. Іосифъ вступилъ въ Спа пѣшкомъ, слѣдуя въ этомъ обычаю нашего

tume de notre Seigneur et Sauveur, mais non pour la même raison: car un de ses chevaux de poste s'était abattu. Bientôt il se mit dans un fiacre, afin de ne pas copier notre divin Sauveur, qui dans ces occasions ne montait tout au plus qu'un âne, et vint tomber chez Henri comme une bombe. Je puis assurer Votre Majesté qu'à ma montre, qui ne court pas plus vite qu'une autre, ils restèrent deux heures et demie enfermés tête à tête. Joseph ne cacha pas même qu'il avait retardé son voyage de Spa exprès, pour être sûr d'y rencontrer Henri. Il dina ce jour chez le prince de Lichtenstein. Dès qu'il fut rentré dans son auberge, Henri y tomba comme une bombe à son tour; mais pour le coup je me trouvai à sa suite, et ce que je sais, c'est que ce n'est pas par ma faute ni par mon fait qu'en un clin d'oeil l'Impératrice se trouva encore mêlée dans nos caquets. So will ich mir also unterthänigst die Frage: ne pouviez-vous pas parler d'autre chose, verbeten haben. Joseph débuta par un éloge des comtes de Romanzof, avec qui il se rappela de m'avoir vu à Vienne, et faisant la transition des sujets à la Souveraine, il me demanda s'il y avait longtemps que je n'avais eu de ses nouvelles. C'était me dire de la manière la plus délicate qu'il connaissait l'excès des bontés de mon auguste Souveraine pour un vase d'argile de sa création. Il m'assura ensuite qu'il avait des nouvelles de plus fraîche date que les miennes. Cela me parut simple: car tout présomptueux qu'est un vase d'argile, quand il est de création impériale, il n'est pas dépourvu

---

Господа Спасителя; но не по той же причинѣ, а оттого что одна изъ его почтовыхъ лошадей пала. Скоро онъ взялъ фіакръ (чтобъ не быть подражателемъ нашего Божественнаго Спасителя, который въ этихъ случаяхъ садился только на осла) и влетѣлъ какъ бомба къ Генриху. Могу увѣрить Ваше Величество, что по моимъ часамъ, которые идутъ не скорѣе всѣхъ другихъ, они пробыли два съ половиной часа взаперти съ глазу на глазъ. Іосифъ не скрылъ даже, что онъ замедлилъ свое путешествіе въ Спа нарочно, чтобъ встрѣтить тамъ Генриха. Въ этотъ день онъ обѣдалъ у князя Лихтенштейна. Какъ только онъ возвратился въ свою гостинницу, Генрихъ въ свою очередь ввалился къ нему какъ бомба; но на этотъ разъ я очутился въ его свитѣ, и могу сказать, что вовсе не по моей винѣ Императрица въ одну секунду примѣшалась къ нашей болтовнѣ. Всеподданнѣйше прошу избавить меня отъ вопроса: можете ли вы говорить о чемъ-нибудь другомъ? Іосифъ началъ съ похвалы графовъ Румянцовыхъ, вспомнивъ что видѣлъ меня съ ними въ Вѣнѣ, и, сдѣлавъ переходъ отъ подданныхъ къ Государынѣ, спросилъ меня давно ли я имѣлъ отъ нея извѣстія. Это былъ самый деликатный способъ сказать мнѣ, что ему извѣстно, какъ чрезмѣрны милости моей Августѣйшей Государыни къ скудельному сосуду ея созданія. Онъ меня увѣралъ затѣмъ, что имѣетъ извѣстія свѣжѣе моихъ. Мнѣ это показалось очень просто: потому что какъ ни тщеславится скудельный сосудъ, когда онъ твореніе

de jugement. Mais lorsque Joseph m'apprit qu'il avait en sa possession le catéchisme composé pour Monsieur Alexandre, alors, je l'avoue, le courroux m'enflamma le sang et mes yeux étincelèrent de fureur. Voilà donc, m'écriai-je, le coup fatal que le sort me réservait! Il y a un siècle que je fais le mendiant pour arracher ce catéchisme à force d'importunités, et il faut que M. le comte de Falkenstein fasse le voyage de Spa tout exprès pour m'apprendre qu'il est possible de l'avoir ce catéchisme, sans que j'en aie tâté! Das ist zu fett! Joseph m'en fit un éloge à tour de bras. Etait-ce donc là le moyen de me calmer! Il m'avoua qu'il l'avait reçu en russe, et qu'il l'avait fait traduire en allemand chez son ministre. Belle excuse, ai-je dit! N'a-t-elle donc personne autour d'elle, pour me le faire aussi traduire en allemand? Ne peut-elle pas dire à son grand moutardier: factotum, fais-moi traduire cela pour mon souffre-douleur, et que je n'en entende plus parler? — Sur quoi nous nous mîmes à éplucher l'Impératrice grecque de la tête aux pieds, et Dieu sait comment elle fut accommodée entre Joseph, Henri et moi, vase d'argile indigné et fumant de colère. Après l'avoir tenue ainsi sur les fonts à peu près une heure et demie, Henri, pour m'apaiser, me dit: allons-nous en à la comédie. Joseph vint bientôt après dans la loge du prince se placer entre Henri et moi. Il se pria pour le lendemain, en sa qualité de comte de Falkenstein, à diner chez Henri, qui s'appelle à Spa

---

Императорское, онъ не лишенъ однако способности сужденія. Но когда Іосифъ сообщилъ мнѣ, что онъ обладаетъ катехизисомъ, составленнымъ для г. Александра, тогда, признаюсь, гнѣвъ зажегъ мнѣ кровь и глаза мои заблистали отъ ярости. Вотъ, воскликнулъ я, роковой ударъ, который судьба готовила мнѣ! Цѣлый вѣкъ я неотступно нищенствую, чтобъ исторгнуть этотъ катехизисъ, и вотъ надо графу Фалькенштейну пріѣхать въ Спа, будто нарочно, чтобъ сообщить мнѣ какъ можно получить этотъ катихизисъ номимо меня, такъ что я его не понюхалъ, это ужъ черезъ чуръ! Іосифъ расхваливалъ мнѣ его напропалую. Это ли было средство успокоить меня? Онъ увѣрялъ меня, что получилъ его на русскомъ языкѣ, и что велѣлъ перевести его на нѣмецкій языкъ у своего посланника. Хороша отговорка, сказалъ я! Развѣ около Нея нѣкому велѣть перевести его для меня по-нѣмецки? Развѣ Она не можетъ сказать своему оберъ-кухмистеру «фактотумъ, вели перевести это для моего многострадальнаго и чтобъ я объ этомъ больше не слыхала»? При этомъ мы начали по косточкамъ разбирать Греческую Императрицу съ ногъ до головы, и Богъ знаетъ, какъ Ей досталось отъ Іосифа, Генриха и меня, разгнѣваннаго и пылавшаго яростію, скудельнаго сосуда. Продержавъ её такимъ образомъ у купели крещенія почти полтора часа, Генрихъ, чтобъ успокоить меня сказалъ: отправимся въ театръ. Іосифъ прибылъ вскорѣ въ ложу Принца и сѣлъ между Генрихомъ и мною. Онъ назвался на другой день въ качествѣ графа Фалькенштейна обѣдать къ Генриху, ко-

le comte d'Oels; et il choisit pour convives, indépendamment de son compagnon, le général Terzy, et les personnes attachées au prince, le souffre-douleur gréco-impérial et Raynal le proscrit par Séguier, à qui Henri a rendu auprès de Joseph les services les plus essentiels, en lui procurant un asyle à Bruxelles avec tous les agréments possibles. Ce même besoin d'un grand coeur, d'une âme généreuse, d'inspirer à ses pareils les sentiments de bienveillance qu'on éprouve, a porté à coup sûr Henri à faire pour moi auprès de M. le comte de Falkenstein ce que l'Impératrice fit l'année dernière à Mogilef et à Pétersbourg; mais comme je ne m'y trouvai pas en tiers, je ne saurais en administrer les preuves à Votre Majesté. Nous nous trouvâmes donc le lendemain rangés autour d'une table de sept couverts, comme les sept sages, et il n'y manquait pour huitième que celui de Minerve l'hyperboréenne. L'on resta à cette table près de deux heures et demie, Joseph à la droite de Henri, et moi à la droite de Joseph; et le soir à la comédie, dans la loge du prince, même répétition; et la pièce était ce qu'on écoutait le moins, et l'on jasait de plus d'une chose, et Mogilef, Smolensk, Moscou, Pétersbourg, Tsarsko-Sélo s'y mêlaient à tort et à travers. Et les badauds de Spa, en regardant cette loge, disaient à leur bonnet: nun, wahrhaftig in Gott, ein griechisch-kaiserlicher Schmerzdulder muß doch ein vornehmes Thier seyn! Le surlendemain matin Joseph se trouva à toutes les fontaines; on dansait à la principale; il fut très aimable avec tout le monde; mais

---

торый носитъ въ Спа имя графа д'Эльса, и назначилъ къ приглашенію, независимо отъ своего спутника, генерала Терзи и особъ свиты принца — многострадальнаго греко-императорскаго, и Рейналя, изгнаннаго по приговору Сегье, которому Генрихъ испросилъ у Іосифа самыя важныя милости, доставивъ ему убѣжище въ Брюсселѣ со всевозможными пріятностями. Эта же потребность великаго сердца внушать себѣ подобнымъ чувства благоволенія, которыя оно испытываетъ, вѣроятно внушила Генриху сдѣлать для меня то же, что сдѣлала Императрица прошлаго года въ Могилевѣ и Петербургѣ; но такъ какъ меня не было при этомъ, то я и не могу привести тому доказательствъ Вашему Величеству. Итакъ мы очутились на другой день вокругъ стола въ семь приборовъ, какъ семь мудрецовъ, и недоставало только осьмого: Минервы Гиперборейской. За этимъ столомъ оставались около двухъ съ половиною часовъ, Іосифъ направо отъ Генриха, а я направо отъ Іосифа; а вечеромъ въ комедіи, въ ложѣ принца, повтореніе того же; пьесу же всего менѣе слушали, болтали о многомъ, а Могилевъ, Смоленскъ, Москва, Петербургъ, Царское Село упоминались вкривь и вкось. И зѣваки города Спа, глядя на ложу, бормотали въ тихомолку: ну ужъ, ей Богу, греко-императорскій многострадальный долженъ однако быть знатная тварь! На слѣдующій за тѣмъ день Іосифъ показывался у всѣхъ источниковъ; на главномъ были танцы. Онъ былъ со всѣми очень любезенъ; но наконецъ, поклонившись

enfin, après avoir salué la compagnie et embrassé Henri, il partit à dix heures du matin pour Bruxelles, d'où il s'est rendu depuis pour huit jours à Versailles. Si Votre Majesté Impériale se plaint d'un tintement d'oreilles insupportable survenu au tympan impérial les 19 et 20 juillet, nouveau style, ce ne sont pas mes affaires, je n'ai fait que me prêter à la démangeaison de Joseph et de Henri, et ce n'était pas à moi à leur dire: ah ça, en voilà assez, parlons d'autre chose. Et quant à nos promenades solitaires du matin, il nous est très à charge, à Henri et à son humble confident, qu'en dépit de nous l'Impératrice se mêle dans tous nos caquets, soit que nous grimpions les montagnes, soit que nous les descendions, tandis que nous aurions tant d'autres sujets à couler à fond. Au premier concile écuménique je proposerai que pour la tranquillité générale et pour la commodité de tout le monde, il soit défendu de parler de Catherine II comme de la bulle in coena Domini, et qu'on ne parle plus que de Catherine de Sienne.

Au reste, je suppose que Votre Majesté justement alarmée des effets de mon courroux, n'aura rien de plus pressé que de m'envoyer au plus tôt le catéchisme alexandrin en langue allemande: en ce cas il sera bon de mettre aussi dans le même paquet le panégyrique de Catherine II, prononcé et publié par les coquins favoris de Sa Majesté Impériale dans une langue qu'elle n'entend pas; moi qui l'entends un peu, j'ai grand désir de connaître le fumet de cette pièce curieuse par mon propre nez. Ceci me fournit

---

всему обществу и обнявъ Генриха, уѣхалъ въ десять часовъ въ Брюссель, откуда уже отправился на недѣлю въ Версаль. Если Ваше Величество жаловались на несносный звонъ, случившійся въ Императорскомъ слуховомъ барабанѣ 19 и 20 іюля, новаго стиля, это не мое дѣло. Я только подчинялся зуду, который чувствовали Іосифъ и Генрихъ, и не мнѣ было сказать имъ: ну, наконецъ довольно, поговоримъ о другомъ. А что касается нашихъ уединенныхъ утреннихъ прогулокъ, то намъ очень въ тягость — великому Генриху и его смиренному повѣренному — что противъ нашей воли Императрица примѣшивается ко всей нашей болтовнѣ, когда мы лазимъ по горамъ и сходимъ съ нихъ, тогда какъ мы могли бы исчерпать столько другихъ предметовъ. На первомъ вселенскомъ соборѣ я предложу, чтобъ для общаго спокойствія и удобства всѣхъ и каждаго, было запрещено говорить про Екатерину II, какъ про буллу о Тайной Вечерѣ, и чтобъ говорили только о Екатеринѣ Сіенской.

Впрочемъ, я полагаю, что Ваше Величество, справедливо испуганныя дѣйствіемъ моего гнѣва, порѣшите поскорѣе прислать мнѣ Александровскій катихизисъ на нѣмецкомъ языкѣ: въ такомъ случаѣ полезно будетъ вложить въ тотъ же пакетъ похвальное слово Екатеринѣ II, произнесенное и напечатанное плутами, любимцами ея Императорскаго Величества на незнакомомъ ей языкѣ; я, который нѣсколько его понимаю, имѣю великое желаніе узнать букетъ этого любопытнаго произведенія собственнымъ

un nouveau motif d'admirer la justice des souverains. Je voudrais bien voir qu'un des gens de Riga, de Narva ou de Grimma s'avisât de faire le panégyrique de Catherine II, et, qui pis est, de l'imprimer. Comme il serait bien reçu! comme le Jupiter de Tsarsko-Sélo en habit d'Amazone prendrait son foudre! comme il tonnerait! comme il pesterait! Mais aux coquins de la Russie Blanche tout est permis, tout est loisible; Dieu sait quels noms et surnoms ils ont donné ou n'ont pas donné à l'Impératrice, tandis que le pauvre maréchal Galitsine à la tête de sa clique a été renvoyé l'année dernière avec son surnom comme un morveux. Et puis, vantez, si vous pouvez, la justice des souverains.

Je conseille à papa Braschi, tandis qu'il en est temps encore, de mettre sa correspondance avec l'Empereur des Romains sur le même pied que celle avec l'Impératrice des Grecs, c'est-à-dire, de s'écrire en langue réciproquement inintelligible. Tout le mal dans ce monde vient de la rage qu'on a de s'expliquer; tant qu'on ne s'entend pas, tout va le mieux du monde et l'on reste toujours d'accord. Ceci est une de ces vérités éternelles dont la découverte m'est due. Je parie qu'il ne résultera jamais de tracasserie de la correspondance du chef de l'église grecque avec le saint père latin; beaucoup de flagorneries de part et d'autre, et puis c'est tout: au lieu que si papa Braschi continue à parler à son très cher fils en Dieu

---

носомъ. Это доставляетъ мнѣ новый случай подивиться справедливости государей. Я бы желалъ посмотрѣть, какъ кто-нибудь изъ Риги, Нарвы или Гриммы[1]) осмѣлился бы написать похвалу Екатеринѣ, и, что еще хуже, напечатать её. Какъ бы хорошо онъ былъ принятъ! Какъ Царскосельскій Юпитеръ въ платьѣ Амазонки вооружился бы своими перунами! Какъ бы онъ гремѣлъ! Какъ бы бранился! Но плутамъ изъ Бѣлоруссіи все позволено, все сходитъ съ рукъ; Богъ знаетъ какими именами они называли или не называли Императрицу, тогда какъ бѣдный фельдмаршалъ Голицынъ во главѣ своей клики былъ отосланъ прошлаго года со своимъ титуломъ какъ молокососъ. И послѣ этого восхваляйте, если можете, правосудіе государей.

Совѣтую папашѣ Браски, пока еще не поздно, поставить свою переписку съ Римскимъ Императоромъ на ту же ногу, какъ и съ Греческой Императрицей, то есть чтобъ они переписывались на языкѣ обоюдно непонятномъ. Все зло въ этомъ мірѣ происходитъ отъ страсти къ объясненіямъ; пока не понимаютъ другъ друга, все идетъ наилучшимъ образомъ и остаются постоянно въ согласіи. Это одна изъ вѣчныхъ истинъ, которыхъ открытіе принадлежитъ мнѣ. Бьюсь объ закладъ, что никогда не произойдетъ неудовольствія изъ за переписки главы греческой церкви со святымъ отцомъ латинскимъ; множество наушничества съ той и другой стороны, вотъ и все: тогда какъ если

---

[1]) Выраженіе часто употребляемое Гриммомъ: gens de Grimma, люди саксонскаго города Гриммы.

Joseph II en Pie et à lui écrire en langue vulgaire pour les enfants, je crains que son cher fils ne lui fasse voir plus de pays qu'il ne voudrait. Heureusement ce ne sont pas mes affaires; je m'en tiens à mon Luthéranisme, und singe mit der christlichen Kirche in aller Stille: vor dem Gräuel zu Polotzk und Mogilef, und des Papstes Mord behüte uns, lieber Herr Gott!

Nous possédons actuellement Madame la princesse d'Orange avec sa fille agée de près de onze ans. L'oncle n'ayant pas voulu faire le voyage de Hollande dans les circonstances présentes, la nièce ne voulant pas se refuser le plaisir de le revoir, est venue passer huit jours avec lui. Votre Majesté sait que cette nièce tient depuis longtemps le premier rang d'entre les princesses mes favorites; ce choix a même eu très particulièrement l'approbation impériale; ainsi point de querelle d'allemand là-dessus, c'est une affaire dite. Mais sous huit jours la princesse s'en retournera à la Haie, le souffre-douleur impérial à sa chaise de paille, et Henri dans sa retraite de Reinsberg, après avoir donné quelques jours à un autre de mes favoris, l'ex-prince héreditaire, aujourd'hui duc de Brunswik, qui, suivant ce que j'ai appris de son oncle à ma grande et plus douce satisfaction, est aussi excellent et parfait souverain qu'il était brillant et grand à la tête des guerriers.

папаша Браски будетъ говорить съ своимъ сыномъ въ Господѣ Іосифомъ II, какъ Пій [1]), и будетъ писать ему на языкѣ, понятномъ для маленькихъ дѣтей, я боюсь, что его возлюбленный сынъ выскажетъ ему гораздо болѣе чѣмъ онъ можетъ-быть желалъ бы. Къ счастью, все это не мое дѣло; я держусь своего Лютеранизма, и пою съ Христіанской церковью въ тишинѣ: отъ ужасовъ Полоцка и Могилева и убійства папы сохрани насъ, милосердый Господи Боже!

У насъ въ эту минуту гоститъ принцесса Оранская съ дочкой лѣтъ одиннадцати. Дядюшка не пожелалъ ѣхать въ Голландію въ настоящихъ обстоятельствахъ; племянница, не желая отказать себѣ въ удовольствіи его видѣть, пріѣхала провести недѣлю съ нимъ. Ваше Величество изволите знать, что эта принцесса занимаетъ первое мѣсто въ ряду принцессъ моихъ любимицъ; этотъ выборъ имѣлъ даже особенное одобреніе императорское, итакъ да не будетъ нѣмецкихъ ссоръ по этому поводу: это дѣло рѣшенное. Но чрезъ недѣлю принцесса возвратится въ Гагу, императорскій многострадальный — на свой соломенный стулъ а Генрихъ въ свое Рейнсбергское уединеніе, посвятивъ нѣсколько дней другому изъ любимцевъ моихъ, эксъ-наслѣдному принцу, нынѣ герцогу Брауншвейгскому, который, по тому что я узналъ отъ его дяди, къ великому и сладкому удовлетворенію моему, такой же прекрасный и превосходный государь, какъ онъ былъ блистательно великъ во главѣ воинства.

---

[1]) Въ подлинникѣ: en Pie, кажется, каламбуръ, такъ какъ нарицательное pie значитъ сорока. Браски—фамильное имя папы Пія VI (1775—1799).

Henri s'en va d'ici avec l'estime, la vénération et le suffrage des diverses nations qui composent le congrès très bigarré, très varié, très singulier de Spa et son train. Toutes les nations de l'Europe rassemblées ici et plus ou moins brouillées en ce moment, ont été unanimes dans leur sentiment sur lui et dans l'empressement qu'elles lui ont marqué. On ne connaît pas vers l'occident et le midi de l'Europe dans le premier rang ce talent d'être souverainement aimable avec un assemblage de grandes qualités, ni cette réunion de la plus haute réputation avec une simplicité et une politesse qui honore autant celui qui la possède, qu'elle flatte celui qui en est l'objet; on a été touché surtout de l'extrême sensibilité qu'on lui remarque pour toute espèce de mérite. Cette sorte de sensibilité dans les princes est vraiment le cachet de leur propre valeur; c'est dommage que la plupart oublient ce cachet en venant au monde. Quant à Joseph et à moi, nous avons retrouvé à Henri sa tête d'aigle telle que nous la lui connaissions; aussi toutes mes inquiétudes sur sa santé sont dissipées; d'ailleurs ces eaux lui feront sûrement du bien. L'impression qu'il aura laissée se communiquera cet hiver à Londres et à Paris, et couvrira un peu à Spa celle du neveu Haga de l'année passée. J'ai été un peu confus de tout ce que j'en ai entendu dire dans ce pays de Liège. Son oncle qui ne se croit pas obligé d'aimer tous ses neveux autant que celui de Brunswic, me dit à cela: mon cher

---

Генрихъ уѣзжаетъ отсюда, унося уваженіе, сочувствіе и одобреніе различныхъ націй, составляющихъ пестрый, разнообразный и странный конгрессъ Спа и его шумную жизнь. Всѣ національности Европы, соединенныя здѣсь, и болѣе или менѣе перессорившіяся въ эту минуту, были единодушны въ своемъ мнѣніи о немъ и во вниманіи, которое ему оказывали. Ни на Западѣ, ни на Югѣ Европы мы не знаемъ въ высшихъ сферахъ таланта быть любезнымъ при такихъ отличныхъ качествахъ, ни такого соединенія самой высокой репутаціи съ простотою и вѣжливостью, столько же приносящими чести ихъ обладателю, сколько лестныхъ тому, на кого они обращены; особливо же было оцѣнено его сочувствіе ко всякаго рода достоинствамъ. Это сочувствіе въ принцахъ и есть печать ихъ собственнаго достоинства; жаль что многіе забываютъ его, когда являются въ міръ. Что касается до Іосифа и до меня, мы нашли въ Генрихѣ его орлиную голову такою же, какъ мы привыкли её знать; поэтому всѣ мои опасенія на счетъ его здоровья исчезли; притомъ здѣшнія воды навѣрно ему принесутъ пользу. Впечатлѣніе имъ произведенное сообщится этой весной въ Парижъ и Лондонъ, и нѣсколько прикроетъ прошлогоднее впечатлѣніе, оставленное въ Спа племянникомъ Гага[1]). Я нѣсколько конфузился отъ всего, что слышалъ о немъ въ этой странѣ Люттиха. Его дядюшка, который

---

[1]) Густавомъ III.

confident, ne prends pas tant à coeur les faits et gestes d'un Nabob de ton Impératrice. Nun, bey dergleichen Tröstenden wird man stumm und spitzt die Ohren. Un autre fait que j'ai appris ici à ma grande surprise, et sur lequel l'opposition et le parti de la cour sont d'accord, c'est que le prince de Galles est perdu de débauche et de crapule, et qu'il y est plongé par dessus les oreilles. Das muß dem bürgerlichen und christlichen Herrn Papa sehr schwer fallen, und thut mir gutem Bürger auch weh.

Nous avons ici depuis quelques jours le comte et la comtesse de Bruce, qui sont venus avec le comte Michel de Romanzof d'Aix-la-Chapelle, de même qu'une comtesse de Soltikof de Moscou. Le comte Serge de Romanzof est pareillement arrivé de Londres et a réveillé en moi ce chien de faible que j'ai pour lui. Il n'a pas perdu l'année qu'il a passée en Angleterre, et si son père, avec l'agrément de Votre Majesté Impériale, lui donne encore une année pour la France et la Suisse, je suis persuadé que sa patrie aura en lui un sujet de grande distinction. On me mande de Gotha que le baron de Dimsdale y a passé, pour aller inoculer à Tsarsko-Sélo messieurs Alexandre et Constantin. Tous les papiers publics parlent d'un grand voyage de Monseigneur le Grand Duc et de Madame la Grande Duchesse. Tout cela s'arrange et se tripote à peu près à mon insu, sans me demander seulement: was meynt der Herr? Cependant en 1774 Monseigneur le Grand Duc m'a promis

---

не считаетъ себя обязаннымъ любить всѣхъ своихъ племянниковъ столько, сколько любитъ Брауншвейгскаго, сказалъ мнѣ на это: любезный повѣренный, не принимай такъ къ сердцу дѣла и поступки Набоба твоей Императрицы. Ну, на такія утѣшенія остается смолчать и навострить уши. Другой фактъ, который я къ великому моему удивленію узналъ здѣсь, и съ которымъ согласны и опозиція и партія двора, это поведеніе Принца Вельскаго, утопающаго въ распутствѣ и грязи и погруженнаго въ нихъ по уши. Это должно быть очень тяжело господину папашѣ—гражданину и христіанину, и мнѣ, доброму гражданину, также огорчительно.

Нѣсколько дней, какъ здѣсь появились графъ и графиня Брюсъ, пріѣхавшіе съ графомъ Михаиломъ Румянцовымъ изъ Ахена, также какъ нѣкая графиня Солтыкова изъ Москвы. Графъ Сергѣй Румянцовъ также пріѣхалъ изъ Лондона и пробудилъ во мнѣ эту слабую струну сочувствія, которую я къ нему имѣю. Онъ не потерялъ года прожитаго въ Англіи, и если отецъ его, съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, дастъ ему еще годъ для Франціи и Швейцаріи, я увѣренъ, что отечество будетъ имѣть въ немъ человѣка весьма замѣчательнаго. Мнѣ пишутъ изъ Готы, что баронъ Димсдэль тамъ проѣхалъ, отправляясь въ Царское Село прививать оспу гг. Александру и Константину. Всѣ газеты говорятъ о большомъ путешествіи Ихъ Высочествъ Великаго Князя и Великой Княгини. Все это устраивается и стряпается нѣсколько потихоньку отъ меня, не спросивъ меня даже: что вы думаете объ этомъ, милостивый государь? Однако въ 1774 г. Его Высочество Великій

formellement que s'il sortait jamais de Russie, ce serait pour me demander du café à la crême à Paris. Wie kann denn der gebrannt, gemahlen und parat seyn si je ne suis consulté sur rien?

En partant de France il y a six semaines, j'ai supplié Votre Majesté Impériale de modérer cet excès de générosité qui la portait à s'intéresser aux malheurs de l'auteur des Conversations d'Emilie auprès de la cour de France. J'avais lieu de craindre que cet intérêt si magnanime, si étranger aux souverains de la classe commune, ne fût envisagé comme l'effet de je ne sais quelles démarches concertées; je n'ai pas même voulu partir, sans en prévenir, à tout événement, M. de Vergennes. Je lui a fait part en peu de mots de la situation de Madame d'Epinay, et j'ai ajouté: n'allez pas chercher midi à quatorze heures; ni elle ni moi n'avons pu former le projet d'intéresser l'Impératrice à son sort; mais vous n'ignorez pas combien cette grande Princesse est tourmentée par sa bienfaisance habituelle, et qu'aucun objet digne de protection, qu'il soit près, qu'il soit loin, ne s'en trouve à l'abri. Eh bien, cette démarche de précaution a fait des merveilles; M. de Vergennes m'a dit: donnez-moi une note la-dessus; je la remettrai à M. de Fleury, et je lui dirai que l'Impératrice de Russie s'y intéresse. J'ai remis la note en partant; et bien loin d'arrêter, comme je l'ai fait, la généreuse intercession de Votre Majesté Impériale, je dirai à présent que son nom auguste, si elle daigne s'y employer, peut opérer les effets les

---

Князь формально обѣщалъ мнѣ, что если онъ когда-нибудь выѣдетъ изъ Россіи, то для того, чтобъ попросить у меня кофе со сливками въ Парижѣ. Когда же я успѣю его поджарить, смолоть и сварить, если со мной ни о чемъ не совѣтуются?

Уѣзжая изъ Франціи шесть недѣль тому назадъ, я умолялъ Ваше Императорское Величество умѣрить то чрезвычайное великодушіе, которое побуждало Васъ заинтересовать Французскій дворъ въ несчастіяхъ автора Разговоровъ Эмиліи. Я не безъ причины опасался, чтобъ это участіе столь милостивое, столь чуждое обыкновеннымъ государямъ, не было принято какъ послѣдствіе какого-нибудь предварительнаго соглашенія; я даже не хотѣлъ уѣхать, не предупредивъ о томъ на всякой случай г. де Верженна. Я ему въ немногихъ словахъ сообщилъ положеніе г-жи д'Эпинэ, прибавивъ: не ищите только ничего небывалаго; ни она, ни я не могли даже подумать о томъ, чтобъ заинтересовать въ ея судьбѣ Императрицу; но вамъ извѣстно, до чего эта великая Государыня мучима своей обычной благотворительностью, и что ни одно лицо, достойное ея покровительства вдали какъ и вблизи, не укроется отъ нея. И вотъ эта мѣра предосторожности сдѣлала чудеса; г. де Верженнъ сказалъ мнѣ: подайте мнѣ объ этомъ записку; я передамъ её г. Флёри и скажу ему, что Россійская Императрица ею интересуется. Я уѣзжая передалъ записку, и теперь не подумаю болѣе остановить великодушное посредничество Вашего Императорскаго Величества, а скажу, что Ваше Августѣйшее имя, если Вы удостоите вмѣшаться въ это дѣло, можетъ способство-

plus heureux pour le sort de Madame d'Epinay, supposé que son existence, qui paraît un miracle continuel, puisse se prolonger.

J'ai grande hâte de savoir qu'un bâtiment de Votre Majesté est venu à Lübeck, a enlevé la porte de Clérisseau, les Robinet et les Zuckmantel, et est arrivé au port de Pétersbourg avec sa proie. Tout cela peut être déballé à l'heure qu'il est et figurer à l'Hermitage et avoir éprouvé l'oeil sévère du censeur et l'indulgence de l'Impératrice. J'ai aussi conduit de l'oeil depuis Paris et Spa les frégates de l'escadre de l'amiral Borissof; je les ai vues entrer dans le Sund, et je les crois rendues à Cronstadt, envoyant pareillement à l'Hermitage les tributs de Rome et de son divin Reiffenstein, lesquels tributs ne sont pas des bénéfices simples.

Je ne sais si j'ai eu l'honneur de dire à Votre Majesté Impériale que M. de Buffon est dans ses terres en Bourgogne, et que je lui ai envoyé là la petite chaîne d'or renfermée dans le dernier paquet de mon auguste Souveraine. Deux jours avant de partir, j'ai diné encore avec M. Olivadès, et comme dans ce dernier paquet il est encore question de lui, je n'ai pu lui refuser la satisfaction de lui en faire part. Les plus douces consolations viennent du Nord. Il m'a conté qu'étant en Suisse, il n'a pas voulu se rendre à Paris sans avoir visité les saints lieux de Ferney, qu'il a été touché aux larmes de voir à quel point la mémoire du grand patriarche y était révérée, avec quel attendrissement et quel saint respect les habitants de cet asile

---

вать самому счастливому обороту въ судьбѣ г-жи д'Эпинэ, предполагая что ея существованіе, кажущееся постояннымъ чудомъ, еще продлится.

Мнѣ очень хотѣлось бы поскорѣе узнать, что корабль Вашего Величества пришелъ въ Любекъ и увезъ ворота Клериссо, Робинетовъ и Цукмантелей и прибылъ со своей добычей въ Петербургскую гавань. Можетъ быть, все это выгружено въ настоящую минуту и красуется въ Эрмитажѣ, испытавъ уже строгій взглядъ критика и снисходительность Императрицы. Я также проводилъ глазами изъ Парижа и Спа фрегаты адмирала Борисова; я видѣлъ какъ они вступили въ Зундъ, и полагаю, что они въ Кронштадтѣ, выгружая для Эрмитажа дары Рима и его божественнаго Рейфенштейна, — дары тоже не простые.

Не знаю, имѣлъ ли я уже честь сказать Вашему Величеству, что г. Бюффонъ находится въ своемъ помѣстьи въ Бургони и что я отправилъ ему туда маленькую золотую цѣпочку, доставленную въ послѣдней посылкѣ Августѣйшей Государыни. За два дня до отъѣзда, я еще обѣдалъ съ г. Оливадесомъ, и такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ еще говорится о немъ, я не могъ отказать ему въ удовольствіи сообщить ему это. Лучшія утѣшенія приходятъ съ Сѣвера. Онъ мнѣ разсказывалъ, что бывъ въ Швейцаріи, онъ не захотѣлъ уѣхать въ Парижъ, не посѣтивъ святыхъ мѣстъ Фернейскихъ, что онъ до слезъ былъ тронутъ, видя до какой степени память великаго патріарха тамъ чтима, съ какимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ жители

naguère fortuné se rappelaient sa bonté et ses bienfaits. Ce récit m'a aussi touché aux larmes, quoique je n'aie pas été victime de la sainte inquisition. Je suis avec le plus profond respect, Madame, de Votre Majesté Impériale le très humble et très obéissant serviteur

Grimm.

A Paris, à Spa ce 8 (19) août 1781.

Madame la princesse d'Orange a fait présent à son oncle d'une boite d'écaille noire très simple, mais ornée d'une miniature peinte par elle. C'est une copie de la Sibylle du Dominichino qui ne le cède en vérité en rien aux copies que Térésina de Maron fait pour le cabinet impérial. C'est dommage que cela ne soit pas le gagne-pain de cette charmante princesse; je l'aurais arrhée tout de suite, et je lui aurais dit: tout ce que vous ferez désormais, je m'en empare pour le compte de l'Impératrice et aux mêmes prix et conditions que j'ai avec Térésina. Cependant le succès général que l'ouvrage de la princesse a eu à Spa, lui a fait naître l'idée de travailler aussi pour Votre Majesté Impériale et de lui faire hommage d'un de ses tableaux. Qu'on ne me dise pas que c'est moi qui ai fait naître cette idée, car, Dieu merci, je n'y suis pour rien. La nièce fera le tableau, l'oncle fournira la boîte, qui pourra bien coûter quelques écus. Ce n'est pas un hommage qu'on se propose de faire à l'Impératrice, mais tout rondement

---

этого уголка, нѣкогда счастливаго, помнятъ его доброту и его благотворенія. Этотъ разсказъ тронулъ меня также до слёзъ, хотя я не былъ жертвою священной инквизиціи. Съ глубочайшимъ почтеніемъ Государыня, Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга

Гриммъ.

Въ Парижѣ, въ Спа 8 (19) августа 1781 г.

Госпожа принцесса Оранская подарила своему дядѣ черепаховую черную коробку, очень простенькую, но украшенную миніатюрой ея работы. Это копія съ Сивиллы Доминикино, которая въ вѣрности не уступаетъ копіямъ, сдѣланнымъ Терезиною Маронъ для Императорскаго Кабинета. Жаль, что это не ремесло для заработковъ этой прелестной Принцессы; я бы ей тотчасъ вручилъ задатокъ и сказалъ бы ей: все что вы впредь ни сдѣлаете, будетъ забрано мною для Императрицы по той же цѣнѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какія я заключилъ съ Терезиной. Однако всеобщій успѣхъ работъ принцессы въ Спа внушилъ ей мысль поработать и для Вашего Императорскаго Величества и поднести Вамъ одну изъ своихъ картинъ. Пусть не говорятъ мнѣ, что я далъ ей эту мысль, такъ какъ слаbу Богу я тутъ ни причемъ. Племянница нарисуетъ картину, дядя доставитъ табакерку, которая обойдется таки въ нѣсколько экю. Это не поднесеніе, которое собираются сдѣлать Императрицѣ, а просто напросто маленькій

un petit présent fait à Catherine, parce que les petits présents entretiennent l'amitié. Si Votre Majesté l'agrée sur ce pied, l'oncle enverra le petit présent à sa glorieuse destination accompagné de quelques lignes; si l'obligation d'une réponse l'importune, c'est le souffre-douleur qui sera chargé de l'expédition, et son auguste Souveraine lui dira sans aucun embarras: voilà qui est parfaitement bien; et comme le tableau ne sera commencé par la princesse peintresse qu'à son retour à la Haie, Votre Majesté Impériale aura le choix d'entre ces différentes façons et le temps de dire à son souffre-douleur celle qui lui sera la plus agréable.

P. S. Madame, Je rouvre mon paquet pour dire à Votre Majesté Impériale que j'ai eu l'indicible plaisir de recevoir coup sur coup par le courrier de Paris une amplissime pancarte tracée par une main sacrée le jour anniversaire de l'arrivée à Mogilef, suivie de deux autres de moindre taille, mais également divines. Il me prend envie de dépêcher un courrier à Joseph pour lui en notifier la date, et je parie qu'il me fera répondre qu'il en a eu de plus fraîches, car suivant mes nouvelles de France il en a eu de très fraîches à Trianon. Nun ich vergönne es ihm, et je vais sous trois jours à Paris comme un trait, pour exécuter les ordres de mon auguste Souveraine, et pour répondre aux pancartes divines.

Votre Majesté me demande ce qu'elle doit faire pour l'auteur des Con-

---

подарочекъ Екатеринѣ, ибо маленькіе подарки поддерживаютъ дружбу. Если Ваше Величество примете его въ этомъ смыслѣ, дядюшка отправитъ маленькій подарочекъ къ его славному назначенію съ прибавкою нѣсколькихъ строкъ; если необходимость отвѣчать Васъ затрудняетъ, то многострадальный возьметъ на себя отправку и его, Августѣйшая Государыня скажетъ ему безъ церемоніи: «очень хорошо»; и такъ какъ принцесса живописица начнетъ свою картину только по возвращеніи въ Гагу, то Ваше Императорское Величество имѣете свободный выборъ одного изъ этихъ двухъ способовъ передачи и время сказать многострадальному, который изъ нихъ ей пріятнѣе.

P. S. Государыня, я распечатываю пакетъ свой, чтобъ сказать Вашему Императорскому Величеству, что я имѣлъ несказанное удовольствіе получить съ парижскимъ курьеромъ обширнѣйшую грамоту, начертанную священной рукою въ день годовщины пріѣзда въ Могилевъ, а вслѣдъ за нею двѣ другія хотя меньшаго объема, но равно божественныя. Мнѣ хочется послать курьера къ Іосифу, чтобъ сообщить, отъ котораго онѣ числа, и бьюсь объ закладъ онъ отвѣтитъ мнѣ, что у него свѣжѣе, ибо по свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ изъ Франціи, онъ получилъ очень свѣжія извѣстія въ Тріанонѣ. Ну, я ему это прощаю и черезъ три дня лечу какъ стрѣла въ Парижъ, чтобъ исполнить приказанія моей Августѣйшей Государыни, и отвѣчать на божественныя грамоты.

Ваше Величество спрашиваете меня, что Вамъ сдѣлать для автора Разговоровъ

versations d'Emilie, après lui avoir déjà accordé Sa généreuse protection auprès du Roi très chrétien. Je réponds à cela, lire les Conversations, à commencer par la cinquième, car les quatre premières sont à peu près restées comme elles étaient; si elles ennuient, les jeter; si elles intéressent, continuer à une, ou à la moitié d'une par jour. Je crois, comme l'abbé Galiani, qu'il y a dans ce livre bien des choses et qu'il faut y lire aussi le blanc. Le nom de l'Impératrice s'y est fourré une ou deux fois d'une manière qui m'a plu.

Si Votre Majesté m'envoie deux médailles d'or pour ce charmant petit coquin d'abbé Galiani, peut-être Sa munificence ordinaire y joindra-t-elle une troisième pour M. Huber qui n'est pas le grand Huber de Genève, mais celui de Leipzig, traducteur de Winkelmann, pour qui Votre Majesté Impériale m'a permis de souscrire en Son nom auguste, et qui doit avoir expédié l'exemplaire ou les exemplaires de l'Impératrice (car je crois que la permission a été portée jusqu'à six) à M. de Stählin à Pétersbourg. Ce livre ne diminuera pas dans le palais impérial ni ce funeste Raphaélisme, noch die leidige Cameensucht die je länger je mehr um sich greift. Mais puisque l'Impératrice en est si cruellement atteinte, ne serait-il pas plus court, supposé que M. Olsoufief ou M. le procureur général ait quelque cadeau à lui faire pour sa fête, de lui acheter tout simplement, moyennant cent dix mille livres de France, le cabinet du bailli de Breteuil, plutôt que de risquer

---

Эмилія послѣ оказаннаго уже ей великодушнаго предстательства передъ христіаннѣйшимъ королемъ. Отвѣчаю на это: прочесть Разговоры, начавъ съ пятаго, такъ какъ первые четыре остались почти безъ измѣненія; если они скучны—бросить ихъ; если интересны — продолжать ихъ по одному или по половинѣ одного въ день. Я полагаю, какъ аббатъ Галіани, что въ этой книгѣ много хорошаго и надо читать ее также и между строкъ. Имя Императрицы попало туда раза два по способу, который мнѣ понравился.

Если Ваше Величество пришлете мнѣ двѣ золотыя медали, для милѣйшаго маленькаго плута аббата Галіани, можетъ-быть ваша обычная щедрость присоединитъ къ нимъ третью для г. Гюбера, не великаго Гюбера женевскаго, а того, что въ Лейпцигѣ, переводчика Винкельмана, на котораго Ваше Императорское Величество позволили мнѣ подписаться Вашимъ Августѣйшимъ именемъ, и который долженъ былъ послать экземпляръ или экземпляры Императрицы (мнѣ кажется, что позволеніе шло до шести) къ г. Штелину въ Петербургъ. Эта книга не уменьшитъ въ Императорскомъ дворцѣ ни злополучнаго Рафаелизма, ни страсти къ камеямъ, которая чѣмъ дальше, тѣмъ становится ненасытнѣе. Но ужъ если Императрица такъ жестоко ею одержима, не было ли бы короче, предполагая что г. Олсуфьевъ или г. генералъ-прокуроръ пожелали бы сдѣлать ей подарокъ къ именинамъ, просто купить за сто десять французскихъ ливровъ, кабинетъ бальи де Бретёля, чѣмъ подвергаться

de ramasser et de payer fort cher des choses peut-être suspectes. Bien entendu qu'en recevant ce cadeau, Sa Majesté Impériale donnerait ses reversales, comme quoi, à commencer de ce jour, elle renonce solemnellement au diable et à ses oeuvres, et déclare qu'elle n'aura plus de fantaisie et qu'elle retourne dès à présent à son innocence baptismale qui n'a besoin pour son salut ni de camée, ni de Père éternel. Das ist aber nur so ein unvorgreifliches Gutachten, qui ne retardera pas l'exécution des ordres précis de Votre Majesté. Il y a pour les pastes et les empreintes un artiste à Dresde qui s'appelle Lippert, qui a fait des collections admirables de ces empreintes faites avec le plus grand soin et qui en a fait la description dans un ouvrage très estimé.

Ce n'est pas seulement à Spa que Joseph a fatigué le tympan du souffre-douleur à force de lui parler de l'Impératrice de toutes les Russies. Il a rencontré à Aix-la-Chapelle une ancienne connaissance de France, M. Bertier, intendant de Paris, et il lui a aussi entonné cette litanie grecque. Je sais tout cela, dit M. Bertier. — Comment, dit Joseph, vous savez cela? — C'est que j'ai un ami intime, M. de Montyon, grand enthousiaste de l'Impératrice grecque, qui connaît son souffre-douleur qui réside à Paris, et quand celui-ci est de bonne humeur, il nous montre de temps en temps quelques frag-

---

опасности собирать и платить въ три-дорога за вещи можетъ-быть подозрительныя. Само-собою разумѣется, что получивъ этотъ подарокъ, Ея Императорское Величество съ своей стороны дала бы завѣреніе, что начиная съ этого дня, она торжественно отрекается отъ дьявола и всѣхъ дѣлъ его, и объявляетъ, что не будетъ болѣе позволять себѣ прихотей и съ этой минуты возвращаетса къ чистотѣ крещенія, не нуждающейся ни въ камеяхъ, ни въ предвѣчномъ Отцѣ [1]) для своего спасенія. Но это только безпритязательное мнѣніе, которое не помѣшаетъ исполнить приказанія Вашего Величества. Для слѣпковъ же и оттисковъ есть въ Дрезденѣ артистъ по имени Липпертъ, который дѣлалъ превосходныя коллекціи этихъ работъ самымъ тщательнымъ образомъ и составилъ описаніе ихъ въ очень уважаемой книгѣ.

Не въ одномъ только Спа Іосифъ утомлялъ слухъ многострадательнаго своими разговорами объ Императрицѣ всея Россіи. Онъ встрѣтилъ въ Ахенѣ стариннаго знакомаго француза, г. Бертье, градоначальника Парижа, и ему запѣлъ тотъ же греческій канонъ. — «Я все это знаю», отвѣчалъ г. Бертье. — Какъ, сказалъ Іосифъ, вы это знаете? — Да, у меня есть близкій другъ по имени Монтіонъ, великій поклонникъ Императрицы греческой, знакомый и съ многострадальнымъ проживающимъ въ Парижѣ, и когда послѣдній въ хорошемъ расположеніи духа, то онъ намъ время отъ

---

[1]) Картина изъ ложъ Рафаэля, находящаяся нынѣ на плафонѣ Рафаэлевской галереи въ Эрмитажѣ.

ments de lettres, qui nous émoustillent pour plusieures semaines; mais ce qu'il y a d'insupportable avec ce souffre-douleur, c'est qu'il n'en donne qu'à lèche-doigt. Eh bien, dit Joseph, vous la connaissez, ainsi je ne vous apprends rien de nouveau. M. Bertier est venu passer 24 heures à Spa pour me conter tout cela, dans l'espérance d'attraper encore quelque fragment avant de s'en retourner à Paris; mais je ne tenais pas encore mes divines pancartes, et il a été obligé de prendre la route de Paris à jeun. Nous avons ici le duc de Richmond, un des chefs de l'opposition, et une immensité d'Anglais et d'Irlandais; mais dans ce café général de l'Europe, tout le monde vit en frère, et c'est un plaisir de voir les dames de Paris, de Londres, de Dublin, d'Amsterdam, de la Haie, danser pêle-mêle et s'embrasser en soeurs.

Il faut fermer, si je ne veux pas encore manquer le courrier. God save our Emperor of all the Russias! J'apprends que le prince Orlof, après son malheur, a pris la route de Pétersbourg, et que les comtes Ivan et Alexis sont venus à sa rencontre.

A Paris, à Spa, ce 12 (23) auguste 1781.

времени показываетъ кое-какіе отрывки изъ писемъ, оживляющіе насъ на нѣсколько недѣль; но несносно то, что многострадальный этотъ даетъ намъ изъ нихъ ровно столько чтобъ полизать пальцы. Ну, такъ вы ее знаете, сказалъ Іосифъ, и я вамъ не сообщилъ ничего новаго. Г. Бертье пріѣхалъ на 24 часа въ Спа, чтобъ разсказать мнѣ все это, въ надеждѣ подцѣпить еще какой-нибудь отрывочекъ прежде чѣмъ онъ вернется въ Парижъ; но я еще не получалъ своихъ божественныхъ грамотъ, и онъ долженъ былъ направиться въ Парижъ съ тощимъ желудкомъ. У насъ здѣсь гоститъ герцогъ Ричмондскій, одинъ изъ начальниковъ оппозиціи, и множество Англичанъ и Ирландцевъ; но въ этой общей европейской кофейнѣ всѣ живутъ братьями, и пріятно видѣть дамъ изъ Парижа, Лондона, Дублина, Амстердама, Гаги танцующихъ вмѣстѣ и обнимающихся какъ сестры.

Надо запечатать письмо, если не хочу опять пропустить курьера. Боже храни Императора всея Россіи! Узнаю, что князь Орловъ, послѣ своего несчастія, направился въ Петербургъ, а графы Иванъ и Алексѣй выѣхали къ нему на встрѣчу.

Въ Парижѣ, въ Спа, сего 12 (23) августа 1781 г.

25 (№ 53).

Allerunterthänigster Vortrag.

A Paris, ce 8 (19) février 1785.

Madame. Les plus grands inconvénients de ce monde ne laissent pas de présenter aussi quelques avantages dont ils sont accompagnés; mais par la même raison les plus grands bonheurs ne sont jamais exempts de quelques inconvénients: telle est la loi immuable de la nature. Qui croirait que les bontés de Votre Majesté Impériale, qui font mon existence et le seul bonheur qui me reste sur la terre, puissent avoir des inconvénients pour moi? J'en éprouve cependant presque journellement. Il me pleut des importuns de presque tous les coins de l'Europe. Je les repousse, tant que je puis, avec politesse et quelquefois aussi un peu de rudesse, mais ce qu'il y a de cruel, c'est que ma vie se consume dans cette triste et pénible fonction, et bientôt il ne me restera plus de temps pour rien au monde hors pour faire des réponses rudes et polies aux importuns. A Dieu ne plaise que j'ennuie mon auguste Souveraine du détail de mes tribulations de ce genre; je dois me dire sans cesse qu'il n'y a personne sur la terre qui ne fût avide de mes tribulations au prix du bonheur dont je jouis. Aussi ce n'est pas

---

25 (№ 53).

Всеподданнѣйшій докладъ.

Парижъ, 8 (19) февраля 1781.

Государыня. Величайшія неудобства этого міра сопровождаются съ другой стороны нѣкоторыми преимуществами; но по той же причинѣ къ величайшему счастью примѣшиваются и нѣкоторыя неудобства: это неизмѣнной законъ природы. Кто повѣрилъ бы, чтобъ милости Вашего Императорскаго Величества, которыя поддерживаютъ мое существованіе и составляютъ мое единственное счастье на землѣ, могли имѣть неудобства для меня? Несмотря на это, я почти ежедневно испытываю ихъ. На меня падаютъ какъ дождь надоѣдалы со всѣхъ концовъ Европы. Я ихъ отстраняю, сколько могу, съ учтивостью, а иногда и съ нѣкоторою суровостью; но всего тяжелѣе то, что жизнь моя проходитъ въ этой печальной и трудной борьбѣ, и скоро у меня ни на что не останется времени, какъ только на учтивые или на суровые отвѣты надоѣдаламъ. Сохрани Богъ, чтобы я докучалъ моей августѣйшей Монархинѣ подробностями моихъ несчастій этого рода; я долженъ безпрестанно повторять себѣ, что нѣтъ никого на землѣ, кто бы не жаждалъ моихъ напастей за то счастье, которымъ я поль-

pour les détailler ni pour m'en plaindre, que j'en parle; la seule chose que je regrette, c'est qu'il ne me soit pas possible de les supprimer toutes et que des considérations trop puissantes me forcent d'en excepter deux ou trois, et de les porter à la connaissance de Votre Majesté Impériale.

Je dois d'abord me reprocher bien vivement d'avoir laissé pendant plusieurs mois sur ma table une lettre qu'un prince de Hesse Philipsthal m'a envoyée pour Votre Majesté. C'est le même qui a servi dans les armées du Roi de Prusse et qui s'est brouillé avec lui à la fin de la petite guerre en Bohême pour la succession bavaroise, et qui a quitté le service prussien; il s'est marié depuis. Je n'ai pas l'honneur de le connaître; ce sont les bontés de Votre Majesté qui me procurent celui qu'il me fait de me choisir pour l'organe auprès de notre auguste Impératrice, pour lui apprendre qu'il a osé prendre la liberté de la choisir pour marraine de son enfant premier né, qui est, je crois, un fils. Si Votre Majesté daigne honorer de semblables lettres d'une réponse de sa chancellerie, j'ose la supplier d'ordonner qu'elle me soit adressée, pour que je répare auprès de ce prince mon inexcusable inexactitude. Elle n'a pas été l'effet d'une négligence de ma part; mais cette lettre m'est parvenue à ce moment fatal où, accâblé par une funeste nouvelle, on m'aurait plutôt arraché la vie que de m'engager à distraire

---

зуюсь. Потому я и говорю объ этомъ вовсе не для того, чтобы исчислять ихъ въ подробности или жаловаться; я жалѣю только объ одномъ: что не могу умолчать обо всѣхъ и что слишкомъ важныя причины заставляютъ меня исключить два или три изъ нихъ и довести о нихъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества.

Прежде всего я живо долженъ упрекнуть себя въ томъ, что я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ держалъ у себя на столѣ письмо, которое принцъ Гессенъ-Филипстальскій прислалъ мнѣ для Вашего Величества. Это тотъ самый, который служилъ въ арміи Короля Прусскаго, и поссорился съ нимъ въ концѣ маленькой войны въ Богеміи за Баварское наслѣдство, и покинулъ прусскую службу; съ тѣхъ поръ онъ уже женился. Я не имѣю счастья съ нимъ быть знакомымъ; только благодаря милостямъ Вашего Величества я удостоенъ чести быть избраннымъ въ посредники, чтобъ доложить нашей августѣйшей Императрицѣ о его смѣломъ желаніи избрать ее крестной матерью для своего первенца, кажется сына.

Если Ваше Величество удостоиваете подобныя письма отвѣтомъ изъ своей канцеляріи, я осмѣлюсь покорно попросить Васъ повелѣть адресовать таковой на мое имя, чтобы я имѣлъ возможность загладить передъ этимъ принцемъ мою непростительную неаккуратность.

Она не была слѣдствіемъ моей небрежности, но это письмо дошло до меня въ ту роковую минуту, когда, подавленный ужаснымъ извѣстіемъ, я скорѣй лишился бы жизни, нежели осмѣлился бы чѣмъ либо обезпокоить Ваше Величество и тѣмъ болѣе

Votre Majesté par quoi que ce soit, encore moins par une lettre de cette espèce. J'espère que mon indulgente Souveraine me pardonnera ce retard.

L'accablement et l'abasourdissement que j'ai éprouvés l'été dernier à Lyon, lorsqu'on me porta un coup si mortel et si imprévu dans les manufactures où j'étais allé voir les ouvrages ordonnés par la Minerve du Nord, m'a fait dans cette ville parmi le commerce une réputation d'attachement pour celle que le commerce regarde comme sa divinité tutélaire, dont je recueille les fruits par la lettre dont on m'honore et que je suis forcé de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale. Si l'exposé en est exact, je ne dois pas être inquiet, puisque c'est M. le comte de Bezborodko qui est nanti de cette affaire et que certainement justice sera faite.

Il m'en coûte infiniment et je fais sur moi un effort bien pénible de parler à Votre Majesté d'une affaire plus délicate et qui ne me concerne en rien; mais après avoir esquivé depuis plus de dix-huit mois de m'en charger, j'ai jugé que les parties intéressées mêmes me sauraient gré de l'avoir portée à la connaissance de Votre Majesté, plutôt que de souffrir qu'elle y parvînt par un mémoire qu'on voulait présenter à M. de Vergennes à ce sujet; ce n'est que lorsque j'ai vu cette résolution prête à s'exécuter, que je l'ai arrêtée, en disant que je me chargeais de l'affaire. Votre Majesté n'ignore pas peut-être avec quel soin et quelle dépense

---

письмомъ такого рода. Я надѣюсь, что моя снисходительная Монархиня проститъ мнѣ эту неисправность.

Подавляющее чувство скорби и потрясеніе, которыя я испыталъ послѣднее лѣто въ Ліонѣ, когда мнѣ нанесенъ былъ такой смертельный и непредвидѣнный ударъ въ мануфактурахъ, куда я ходилъ смотрѣть работы, заказанныя Сѣверной Минервой, сдѣлалъ мнѣ въ торговомъ мірѣ этого города репутацію привязанности къ той, на которую торговые люди смотрятъ какъ на свое охраняющее божество. И плодомъ этого является письмо, которымъ меня удостоили и которое я долженъ повергнуть на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Если показанія его вѣрны, я могу быть спокоенъ, потому что графъ Безбородко будетъ имѣть въ рукахъ это дѣло и справедливость будетъ конечно оказана. Мнѣ стоитъ большаго усилія надъ собой начать съ Вашимъ Величествомъ разговоръ объ одномъ щекотливомъ дѣлѣ, которое вовсе меня лично не касается. Но послѣ того, что я 18 мѣсяцевъ избѣгалъ вмѣшательства въ него, я расчелъ, что сами заинтересованныя стороны будутъ мнѣ благодарны, если доведу это дѣло до свѣдѣнія Вашего Величества, что гораздо лучше, нежели допустить, чтобы оно дошло до Васъ посредствомъ мемуара, который хотѣли представить по этому случаю г-ну Верженну. Только увидѣвъ, что такое рѣшеніе близко къ исполненію, я остановилъ его, сказавъ, что беру на себя это дѣло. Ваше Величество знаете, можетъ быть, съ какою заботливостью и даже съ какими издержками 84 лѣтній

e maréchal duc de Biron, âgé de 84 ans, fait les honneurs aux étrangers de toutes les nations et particulièrement aux Russes. Le comte Pierre Razoumofski et sa femme ont été l'objet continuel de ses attentions pendant leur séjour en France, et ils n'auraient jamais pu quitter Paris sans un service signalé qu'il leur rendit. Il leur prêta sur leur parole 52 mille livres de France pour les mettre en état de payer leurs dettes et de regagner leur patrie. Il avait rendu un pareil service à l'amiral Rodney, que ses dettes auraient arrêté pendant toute la guerre en France sans le secours du maréchal, ce qui n'aurait pas été indifférent. Le maréchal ne reçoit jamais ni billet ni reconnaissance pour de pareils services; il en résulte une dette d'honneur d'autant plus sacrée. Quelque temps après le retour du comte Pierre, M. le maréchal Rasoumofski écrivit au maréchal de Biron pour le remercier du service signalé qu'il avait rendu à son fils, sans lequel il n'eût jamais pu se tirer de Paris, et promit de payer dès qu'il serait de retour à Pétersbourg. Six années se sont écoulées sans que le maréchal ait vu rentrer ses fonds, ce qui ne l'a pas empêché de faire à d'autres voyageurs russes des prêts d'argent, moins considérables à la vérité, mais qui n'ont pas été rendus non plus. Le maréchal prétend qu'à son âge on ne peut ni ne doit plus attendre, et il croit que l'Impératrice ne sera pas plustôt dans la confidence que ses fonds lui rentreront; et moi je le désire

---

маршалъ герцогъ Биронъ принимаетъ иностранцевъ всѣхъ націй, а особливо Русскихъ. Графъ Петръ Разумовскій и его супруга были постояннымъ предметомъ его вниманія во время ихъ пребыванія во Франціи и они никогда не могли бы покинуть Парижа безъ отмѣнной услуги, которую онъ имъ оказалъ. Онъ имъ повѣрилъ на слово 52 тысячи французскихъ ливровъ, чтобы дать имъ возможность заплатить свои долги и благополучно достигнуть отечества. Подобную же услугу онъ оказалъ адмиралу Роднею, долги котораго безъ помощи маршала задержали бы его во Франціи на все время войны, а это для него конечно не могло быть безразлично. Маршалъ за такія услуги никогда не получаетъ ни расписокъ, ни благодарности; выходитъ, что это долгъ чести ещё болѣе священный. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи графа Петра г. маршалъ Разумовскій письмомъ выразилъ маршалу Бирону благодарность за отмѣнную услугу, оказанную его сыну, безъ которой онъ никогда не вырвался бы изъ Парижа, и обѣщалъ заплатить тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ. Шесть лѣтъ прошло съ той поры и маршалъ не получилъ обратно своего капитала, что не помѣшало ему дѣлать другимъ русскимъ путешественникамъ денежныя ссуды, правда менѣе значительныя, но также не возвращенныя. Маршалъ говоритъ, что въ его годы нельзя и не надо ждать долѣе, и полагаетъ, что какъ только Императрицѣ будетъ сдѣлано это сообщеніе, онъ тотчасъ получитъ свои деньги; а я этого желаю изъ привязанности къ Русскому имени: мнѣ каждый

par mon attachement pour le nom Russe: on me donne un coup de poignard toutes les fois qu'on me conte des histoires de ce genre.

Je finis cette feuille en y joignant une lettre du bon Wagnière, que je ne désire pas de supprimer, et en portant au pied du trône de Votre Majesté Impériale l'hommage du plus profond respect.

26 (№ 54).

Allerunterthänigster Vortrag.

A Paris, 9 (20) fevrier 1785.

Madame. J'ai retrouvé dans mes paperasses la note précise de la place qui ferait le bonheur de la vie du sieur Bertin, et puisque Votre Majesté Impériale a laissé tomber une fois sur cet homme un regard de sa bienveillance, je ne puis me dispenser de mettre cette note sous ses yeux.

J'y joins aussi une ancienne lettre de Hardy également rétrouvée dans mes paperasses, qui peut servir de commentaire à ses autres lettres et mémoires annexés au Vortrag № 52.

Enfin voici une feuille du journal de Paris, dans lequel j'ai cru devoir faire

---

разъ вонзаютъ кинжалъ въ сердце, когда разсказываютъ исторіи такого рода. Я кончаю этотъ листъ, присоединяя къ нему письмо добраго Ваньера, которое я не хочу оставить безъ отправки и приношу къ подножію Вашего Императорскаго Величества выраженіе моего величайшаго благоговѣнія.

26 (№ 54).

Всеподданнѣйшій докладъ.

Парижъ, 9 (20) февраля 1785 г.

Государыня. Я отыскалъ въ своихъ бумагахъ точную записку о мѣстѣ, которое составило бы счастіе жизни г. Бертеня, и такъ какъ Ваше Императорское Величество разъ бросили на этого человѣка взглядъ благоволенія, я не могу не повергнуть эту записку на Ваше воззрѣніе.

Присоединяю къ этому старое письмо г. Гарди, также найденное въ моихъ бумагахъ, которое можетъ служить коментаріемъ къ его другимъ письмамъ и счетамъ, присоединеннымъ къ докладу № 52.

Наконецъ вотъ листокъ Парижскаго журнала, въ которомъ я счелъ нужнымъ помѣ-

insérer une lettre touchant M. Diderot. Ces messieurs avaient imprimé dans une feuille précédente un précis de la vie de ce philosophe, dans lequel la circonstance la plus intéressante avait été entièrement passée sous silence. J'ai cru devoir relever cet oubli, mais de la manière du monde la plus simple; encore n'ont-ils pas pu imprimer cette lettre sans y faire une faute grossière, en faisant donner à Diderot trente mille livres par les libraires, tandis qu'il n'en a reçu que vingt mille.

27 (№ 74).

Allerunterthänigster, eilfertiger Vortrag, welcher um eine noch eilfertigere Antwort flehet.

A Paris, 10 (21) septembre 1786.

Madame. J'attends toujours la manifeste des motifs qui ont pu porter Votre Majesté Impériale d'étouffer son souffre-douleur sous une marque visible de Sa bienveillance, comme s'il n'était pas assez écrasé depuis treize ans sous le poids de Ses bienfaits. J'ai demandé ce manifeste à M. le comte de Besborodka, lequel, si en sa qualité de Factotum impérial il a pris quelque

---

стить письмо, касающееся г. Дидро. Эти господа напечатали въ предыдущемъ листкѣ очеркъ жизни этого философа, въ которомъ самое интересное обстоятельство было совершенно пройдено молчаніемъ. Я счелъ обязанностью поправить эту забывчивость самымъ простѣйшимъ въ мірѣ способомъ; но и тутъ они не могли напечатать этого письма безъ грубой ошибки, сказавъ что Дидро получилъ тридцать тысячъ съ книгопродавцевъ, тогда какъ ему дали только двадцать тысячъ.

27 (№ 74).

Всеподданнѣйшій, поспѣшный докладъ, вымаливающій еще поспѣшнѣйшій отвѣтъ.

Парижъ, 10 (21) сентября 1786.

Государыня. Я все ожидаю манифеста, который бы объяснилъ причины, побудившія Ваше Величество задушить Вашего многострадальнаго видимымъ знакомъ Вашего благоволенія, какъ будто бы онъ не довольно уже подавленъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ бременемъ Вашихъ благодѣяній. Я просилъ этого манифеста у графа Безбородки, который въ своемъ качествѣ Императорскаго факто-

part à ce déploiement imprévu de la puissance impériale, doit se sentir un terrible poids sur la conscience; j'en ai demandé pareillement compte à M. le M-al prince Potemkine, mon bienfaiteur en musique. Ils sont tous deux trop près du trône pour souffrir qu'on soupçonne celle qui l'occupe depuis vingt-quatre ans assez passablement, de faire quoi que ce soit sans motifs; et moi j'ai tout à gagner à savoir ces motifs, parce qu'ils m'apprendront une infinité de belles choses que j'ai faites sans le savoir et dont Votre Majesté m'est redevable. J'observe seulement qu'il est très urgent de publier ce manifeste, pour prévenir une guerre de plume qui aurait peut-être autant d'éclat que celle de Messieurs de Gemmingen et Dohm et qui s'éleverait infailliblement entre les gens de Grimma et les Factotum de Votre Majesté Impériale. Dieses Uebel wolle der allmächtige Gott allergütigst abwenden, und alle Diener unserer großen Kaiserin, sie seyen Allesmacher oder Schmerzdulder, in seiner Gnade bewahren vor Streit und Fehde. Amen.

En attendant avec anxiété ce manifeste nécessaire, je ne dois pas négliger le service de mon auguste Souveraine, et lui confier tout le souci que me cause le devoir de veiller sur le sort de ce célèbre cabinet de pierres gravées dont le propriétaire est mort, il y a dix mois, et dont Votre Majesté possède la description en deux volumes in-folio. Ce cabinet est un effet de la succession du défunt, et le fils n'est pas le seul prétendant à la succession; il

---

тума могъ имѣть участіе въ этомъ неожиданномъ проявленіи Императорскаго могущества; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ чувствовать великую тягость на своей совѣсти; я также просилъ въ томъ отчета у маршала князя Потемкина, моего музыкальнаго благодѣтеля. Они оба, по близости своей къ престолу, конечно не допустятъ подозрѣнія, что та, которая занимаетъ его 24 года недурно, сдѣлаетъ что бы то ни было безъ причины; а мнѣ очень выгодно знать эти причины, потому что онѣ мнѣ откроютъ множество прекрасныхъ вещей, которыя я творилъ, самъ того не зная, и за которыя Ваше Величество мнѣ обязаны. Я замѣчу только, что очень важно напечатать этотъ манифестъ, чтобы предупредить войну на перьяхъ, которая пожалуй надѣлала бы столько же шуму, сколько и война господъ Геммингенъ и Домъ и возникла бы между людьми Гриммы и фактотумами Вашего Императорскаго Величества. Да отвратитъ милосердіе всемогущаго Бога это зло, и да сохранитъ Онъ отъ споровъ и раздора всѣхъ слугъ нашей великой Государыни, будь они дѣлатели на всѣ руки или многострадальные. Аминь.

Ожидая съ безпокойствомъ этотъ необходимый манифестъ, я не могу упускать службы моей всемогущей Монархини и долженъ сообщить ей какую заботу доставляетъ мнѣ обязанность слѣдить за судьбою этого знаменитаго кабинета рѣзныхъ камней, обладатель котораго умеръ десять мѣсяцевъ тому назадъ, и описаніе котораго Ваше Величество имѣете въ двухъ томахъ in-folio. Этотъ кабинетъ составляетъ часть наслѣдства умершаго и сынъ его не единственный претендентъ на наслѣдство: есть

y a aussi le gendre, du chef de sa femme, fille du défunt, qui a des reprises à faire, de sorte que pour liquider les droits réciproques, il faut vendre ce cabinet et tout le mobilier. Votre Majesté me dira que c'est ce que nous voulons; mais voici où commencent les soucis du souffre-douleur. Premièrement, le fils a fait maison nette, il n'a pas gardé un seul de ceux qui composaient le conseil de son père. Il s'est entouré de gens dont la réputation ne fleure pas comme baume, qui passent tous pour avoir l'âme financière, ce qui est d'une trempe dont on ne peut pas même donner une idée à notre auguste Souveraine, puisqu'il n'y a pas proprement de financier en Russie, et que les Juifs, qui en pourraient retracer un symbole, n'y sont pas même tolérés. C'est dejà un très grand malheur pour un souffre-douleur d'avoir à traiter avec de pareilles gens. Cependant j'avais des raisons de me tenir tranquille. Je savais que le catalogue était sous presse, qu'il allait être publié, et qu'on devait vendre le cabinet en détail au plus offrant au mois de janvier prochain. Je n'attendais que la publication de ce catalogue pour l'envoyer à mon auguste Souveraine et demander ses ordres; mais voici ce qui vient de déranger mon plan et troubler ma tranquillité. J'apprends ces jours passés qu'un brocanteur italien, et je ne doute pas que ce ne soit un certain Millioti, dans la probité et la droiture duquel je n'ai jamais pu prendre confiance, mais c'est ma faute peut-être; j'apprends, dis-je, que ce brocanteur a offert de payer quatre cent mille livres de France pour la

---

еще зять, который по полномочію своей жены, дочери умершаго, предъявляетъ притязаніе, такъ что для удовлетворенія взаимныхъ правъ, необходимо продать этотъ кабинетъ и всю домашнюю движимость. Ваше Величество мнѣ скажете, что этого-то мы и хотимъ: но вотъ гдѣ начинаются заботы многострадальнаго. Во-первыхъ, сынъ совершенно очистилъ домъ отъ всѣхъ тѣхъ, которые составляли совѣтъ его отца. Онъ окружилъ себя людьми, репутація которыхъ не благоухаетъ какъ бальзамъ, которые слывутъ всѣ за корыстолюбцевъ. Это люди такого закала, о которомъ нельзя дать даже и приблизительнаго понятія нашей Государынѣ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ настоящихъ финансистовъ, ибо жиды, могущіе представлять ихъ образъ, — нетерпимы въ ней. Уже и то — большое несчастіе для многострадальнаго, что надо вести переговоры съ подобными людьми. Все-таки я имѣлъ причины выжидать спокойно. Я зналъ, что каталогъ уже находился въ печати, и что кабинетъ продавался врозь въ январѣ мѣсяцѣ тому, кто больше дастъ. Я ждалъ только обнародованія этого каталога, чтобы послать его моей Всемогущей Монархинѣ и спросить ея приказаній; но вотъ что разстроило мой планъ и нарушило мое спокойствіе. Я узнаю на дняхъ, что одинъ итальянскій старьевщикъ, а я не сомнѣваюсь что это нѣкто Милліоти, въ честность и прямоту котораго я никогда не могъ вѣрить, хотя въ этомъ можетъ-быть моя же вина; итакъ я узнаю, что этотъ старьевщикъ предложилъ заплатить четыреста тысячъ

totalité de ce cabinet et que cette offre était sur le point d'être acceptée par les deux ayant droit à la succession. Sur quoi je m'adresse sur le champ au seul homme qui était resté du conseil du père, homme par parenthèse généralement estimé, mais qui vient aussi d'être congédié, et je lui demande la préférence sur le brocanteur, sous condition qu'on m'accorde deux mois pour recevoir mes ordres. Votre Majesté verra par sa réponse du 18 de ce mois, 1°: que les parties intéressées s'attendent à ce que je fasse une offre supérieure au brocanteur pour avoir la préférence. 2°: qu'on m'envoie, pour traiter de l'affaire, à un de ces messieurs de la nouvelle cuisine dont la réputation ne fleure pas comme baume. En conséquence je ne perds pas un instant pour lui demander un rendez-vous; on me répond chez lui qu'il est absent pour quinze jours. Je retourne à la charge auprès du premier; il me répond par sa seconde lettre que je ne puis traiter avec aucun autre qu'avec celui-là. Dans l'intervalle j'avais aussi chargé le garde de ce cabinet, l'abbé de Lachaud, de sonder le terrain; celui-là me répond crûment qu'on ne peut attendre le temps qu'il me faut pour avoir mes ordres. Je ne m'endormirai sûrement pas sur les démarches qui me paraîtront nécessaires pour parvenir à mon but; mais en attendant je supplie Votre Majesté Impériale de me donner des ordres précis, qui pourront être ici entre le 4 (15) et 9 (20) novembre, sur les points suivants: 1°. Puis-je couvrir l'offre du brocanteur et payer

---

французскихъ ливровъ за полный кабинетъ, и что это предложеніе почти принято обоими, имѣющими право на наслѣдство. Вслѣдъ за этимъ я тотчасъ же обращаюсь къ единственному человѣку, оставшемуся изъ совѣта отца, человѣку, въ скобкахъ, всѣми уважаемому, но который тоже теперь удаленъ, и прошу его предпочесть меня передъ старьевщикомъ, подъ условіемъ, чтобы мнѣ дали два мѣсяца для полученія приказаній. Ваше Величество увидите по его отвѣту отъ 18-го числа этого мѣсяца: 1°, что заинтересованныя стороны ожидаютъ, чтобы я возвысилъ цѣну противъ старьевщика, если хочу быть предпочтеннымъ. 2°, что меня посылаютъ для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ къ одному изъ господъ новой кухни, репутація которыхъ не благоухаетъ какъ бальзамъ. Вслѣдствіе этого я не теряю ни минутки, чтобы просить у него свиданія; у него въ домѣ мнѣ отвѣчаютъ, что онъ отлучился на двѣ недѣли. Я возвращаюсь на приступъ къ первому изъ нихъ: онъ мнѣ отвѣчаетъ во второмъ письмѣ, что я не могу вести переговоровъ ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ отсутствующимъ. Между тѣмъ я поручилъ также хранителю кабинета, аббату де Лашо́, поразвѣдать почву: этотъ отвѣчаетъ мнѣ рѣзко, что нельзя ждать пока я получу приказанія. Я конечно не отступлю ни передъ какими попытками для достиженія своей цѣли; но пока я умоляю Ваше Императорское Величество, дать мнѣ точныя приказанія, которыя могутъ прибыть сюда между 4 (15) и 9 (20) ноября, по слѣдующимъ пунктамъ: 1°. Могу ли я покрыть предложеніе старьевщика и запла-

400 mille livres pour cette acquisition? 2°. Si l'on demande que je fasse une offre supérieure, pour avoir la préférence, jusqu'où puis-je aller? En général, il faudra considérer que j'aurai à faire à des Juifs. Peut-être serai-je dans le cas d'offrir un pot de vin en particulier, de graisser la patte à ceux qui s'en mêleront etc. Le plus court serait que mon auguste Souveraine me fixât la somme au-delà de laquelle elle me défendrait d'aller, et dont je tâcherai de sauver ce que je pourrai de la main des corsaires. Il se peut que lorsque ces ordres arriveront, tout soit déjà consommé avec le brocanteur; alors je me désolerai. Il se peut que Votre Majesté, malgré sa terrible maladie, fasse un généreux effort sur elle et me dise: allez vous promener, vous et le cabinet; alors je ferai un double entrechat. Dans l'intervalle je tâcherai de découvrir si le brocanteur agit pour quelque puissance: car son offre de payer comptant me paraît forte. Dieu fasse la grâce à Bacchus de porter ce feuillet d'une main ferme au pied du trône de la gloire; et à l'Impératrice d'aimer et de protéger son souffre-douleur jusqu'à ce qu'il repose dans la tombe des Anderson! God save our Emperor!

A Paris, ce 10 (21) septembre 1786.

тить 400 тысячъ ливровъ за это пріобрѣтеніе? 2°. Если съ меня будутъ просить дороже, для того чтобы отдать мнѣ предпочтеніе, то до какой суммы могу я итти? Вообще надо принимать въ расчётъ, что я буду имѣть дѣло съ жидами. Можетъ-быть я буду принужденъ подпоить кого слѣдуетъ или подмазать тѣхъ, отъ которыхъ дѣло зависитъ и проч. Всего короче было бы, еслибъ моя Всемогущая Монархиня назначила мнѣ сумму, выше которой она запрещаетъ мнѣ итти, и изъ которой я постарался бы спасти, что̀ будетъ можно, отъ рукъ морскихъ разбойниковъ. Возможно, что когда эти приказанія дойдутъ, все уже будетъ кончено со старьевщикомъ; тогда я буду въ отчаяніи. Но можетъ статься, что и В. Величество, несмотря на свою ужасную болѣзнь, сдѣлаете великодушное усиліе надъ собой и скажете мнѣ: убирайся со своимъ кабинетомъ; тогда я сдѣлаю двойное антраша. Я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобъ постараться открыть не дѣйствуетъ ли старьевщикъ для какого-нибудь могущественнаго лица: ибо его предложеніе заплатить наличными деньгами мнѣ кажется смѣло. Да поможетъ Господь Бахусу доставить этотъ листокъ твердою рукой къ подножію престола славы; а Императрицѣ — любить и жаловать своего многострадальнаго, пока онъ не ляжетъ въ могилу Андерсоновъ! Боже храни нашего Императора!

Парижъ, 10 (21) сентября 1786 г.

28.

à Paris, ce 1 (12) auguste 1790.

Madame. Que je suis à plaindre! Quand je passe quelque temps sans apercevoir les caractères sacrés de cette main auguste qui dispose de ma destinée, ma vie s'eteint insensiblement et je n'ai plus l'air que d'une ombre ambulante; et lorsqu'un Pawlof tombe du ciel pour m'enrichir de tous les dons de l'immortelle et de l'année passée et de l'année présente, je succombe sous le poids de tant de bienfaits, et j'expire de bonheur et de reconnaissance. Comment donner à Votre Majesté Impériale une idée de la violence de mon état? Celle qui en est cause, devrait cependant bien le connaître, celle qui l'opère devrait m'apprendre le secret de le peindre. Jamais, madame, mon ménage intérieur ne s'est encore trouvé dans un tel désordre, quoique Votre Majesté n'ait cessé d'y porter le trouble et les insurrections depuis l'instant où mon destin m'a approché du pied de son trône. Il me faudra plus de quinze jours avant que le calme et la raison puissent reparaître dans ce ménage, avant que je puisse tenir la plume et balbutier quelques mots à mon immortelle et indéroutable bienfaitrice. Pour comble de malheur, au milieu de transports de joie au-dessus de mes forces, le prince de Nassau vient de me donner un coup d'assommoir, dont je

---

28.

Парижъ, 1 (12) августа 1790 г.

Государыня. Какъ я жалокъ! Когда я нѣсколько времени не вижу священныхъ буквъ той Августѣйшей руки, которая располагаетъ моею судьбой, жизнь моя незамѣтно угасаетъ и я имѣю видъ блуждающей тѣни; а когда какой нибудь Павловъ сваливается съ неба, чтобъ обогатить меня всѣми дарами безсмертной и за прошедшій годъ и за настоящій, я изнемогаю подъ бременемъ столькихъ благодѣяній, и задыхаюсь отъ счастія и признательности. Какъ дать Вашему Императорскому Величеству понятіе объ напряженности моего состоянія? Та, которая его причиняетъ, должна бы однако хорошо знать его, она должна бы также открыть мнѣ тайну, какъ изображать его. Никогда еще, Государыня, мое внутреннее хозяйство не находилось въ такомъ безпорядкѣ, хотя Ваше Величество не переставали вносить въ него смуту и волненія съ той минуты, какъ судьба приблизила меня къ подножію Вашего престола. Мнѣ необходимо будетъ болѣе двухъ недѣль, чтобъ спокойствіе и благоразуміе возвратились въ это хозяйство, чтобъ я могъ держать перо и пролепетать нѣсколько словъ моей безсмертной и не дающей сбить себя съ толку благодѣтельницѣ. Къ довершенію несчастія, среди восторговъ, превышающихъ мои силы, принцъ Нас-

ne sais si je pourrai me relever. Je ne suis pas encore bien instruit de ce qui s'est passé entre lui et celui dont le nom ne se trouvera plus jamais sur mes lèvres; mais le moindre succès de celui-ci est pour mon coeur un mortel poison, et la profanation du jour anniversaire du glorieux avénement aggrave encore mon mal. Ce succès me paraissait d'ailleurs impossible après tout ce qui s'était passé cinq ou six jours auparavant. Je ne crois pas qu'il influe sur le cours glorieux de la campagne, mais en attendant il m'a porté un coup d'autant plus affreux qu'il était inattendu. Enfin, madame, jamais on n'a éprouvé dans un si court espace tant de bien et tant de mal à la fois. J'étais allé vers la fin de juillet, style latin, à 25 lieues d'ici chez madame de Bueil passer une quinzaine de jours dans sa terre avec elle, 1° parce que les malheurs de la France et les siens ne lui ayant pas permis de venir cet hiver à Paris, il y avait plus de huit mois que je ne l'avais vue; 2° parce qu'elle devait accoucher et désirait que je fusse auprès d'elle; 3° enfin parce que je voulais essayer de respirer plus librement. Appuyé ainsi sur trois béquilles comme M. Pincé sur ses trois raisons, j'ai assez réussi en ce qu'ayant fait divorce avec mon écritoire et me promenant beaucoup en grimpant des montagnes, je me sentais considérablement soulagé; mais en rentrant dans Paris, mes étouffements m'ont repris. Et le moyen, Madame, qu'il en fût autrement au milieu de tant de bonheur qui m'y attendait entre

---

саускій ошеломилъ меня извѣстіемъ, отъ котораго не знаю оправлюсь ли я. Мнѣ еще не вполнѣ ясно, что случилось между нимъ и тѣмъ, чье имя никогда не будетъ болѣе на устахъ моихъ [1]); но малѣйшій успѣхъ послѣдняго есть смертельный ядъ для моего сердца, а оскверненіе дня славнаго воцаренія еще увеличиваетъ мою болѣзнь. Этотъ успѣхъ казался мнѣ впрочемъ невозможнымъ, послѣ всего что произошло пять или шесть дней передъ тѣмъ. Я не думаю, чтобъ это повліяло на славный ходъ кампаніи, но покамѣстъ оно нанесло мнѣ ударъ тѣмъ болѣе ужасный, что я не ожидалъ его. Наконецъ, Государыня, никогда я не испытывалъ въ такое короткое время столько добра и зла разомъ. Я поѣхалъ въ концѣ іюля латинскаго стиля, за 25 льё отсюда къ госпожѣ Бюэль провести съ нею недѣльки двѣ въ ея имѣньи: 1) потому что бѣдствія Франціи и ея собственныя не позволили ей эту зиму пріѣхать въ Парижъ и болѣе восьми мѣсяцевъ я не видалъ ея; 2) потому что она должна была родить и желала, чтобъ я находился при ней; 3) наконецъ, потому что я хотѣлъ попробовать не буду ли дышать свободнѣе. Опираясь такимъ образомъ на три костыля какъ г. Пинсэ на свои три причины, я имѣлъ довольно хорошій успѣхъ въ томъ что, разведясь съ своей чернильницей и погулявъ и полазивъ по горамъ, я почувствовалъ себя гораздо лучше; но по возвращеніи въ Парижъ удушье мое вернулось. Да и могло ли быть иначе, Государыня, среди того счастія, которое ожидало меня изъ рукъ господина Павлова, сча-

---

[1]) Густавомъ.

les doigts du Seigneur Pawlof depuis près de quinze jours, assaisonné de tant de soucis! Car, sans compter le déplaisir que je dois au prince de Nassau et sur lequel je ne suis pas encore bien éclairci, je ne le suis pas davantage sur l'arrangement signé par Léopold à Reichenbach, et tout cela me tourmente de façon qu'à compter du jour où la Newa s'est dégagée de ses glaces et où j'ai célébré l'anniversaire de la plus glorieuse et miraculeuse naissance, depuis celle de Minerve sortie toute armée du cerveau de son père, il ne s'en est pas passé un seul où je n'aie été travaillé par un accès de fièvre chaude. Si j'en crois le prince Henri, Votre Majesté fait un si grand cas du sieur de Hertzberg, comme il dit, qu'elle n'a pas seulement daigné avoir un ministre à Reichenbach. Ce sieur de Hertzberg est la bête noire du prince et l'a été de tout temps. On dit que désappointé dans toute sa politique, et ne pouvant avaler ni Danzig ni Thorn, pour lesquels il avait exercé la gueule de son auguste maître depuis un temps infini, il a pensé lui-même faire le saut périlleux du poste éminent, d'où il a rêvé qu'il gouvernerait l'Europe comme le Louvois du dix-huitième siècle. Mais en attendant que ce louveteau ait le temps de se réveiller de ses rêves, je dois penser que Léopold, qui a perdu Laudon si mal à propos, connaît les intentions de son alliée et qu'il n'a pu rien accorder ni contre ses interêts, ni contre sa propre gloire. Cette réflexion me soutient; mais cependant je ne dois pas laisser ignorer à Votre Majesté que je n'ai plus assez de force pour

---

стія, приправленнаго столькими заботами! Ибо, не считая неудовольствія, которое я испыталъ отъ принца Нассаускаго и которое для меня еще не разъяснилось, я тоже не болѣе знаю и о договорѣ, подписанномъ Леопольдомъ въ Рейхенбахѣ, и все это мучитъ меня такъ, что, начиная съ того дня какъ Нева освободилась отъ льда и я праздновалъ годовщину самаго славнаго и чудеснаго рожденія послѣ появленія на свѣтъ Минервы, вышедшей во всеоружіи изъ головы отца своего, не прошло ни одного дня, чтобъ я не страдалъ горячкой. Если вѣрить принцу Генриху, Ваше Величество по словамъ его такое придаете значеніе господину Герцбергу, что даже не удостоили послать уполномоченнаго въ Рейхенбахъ. Этотъ господинъ Герцбергъ — пугало князя, который всегда такъ понималъ его. Говорятъ, что, разочарованный во всей своей политикѣ и не будучи въ состояніи проглотить ни Данцига, ни Торна, на которые онъ уже съ давняго времени вострилъ зубы своего Августѣйшаго хозяина, онъ самъ чуть не сдѣлалъ отчаянный прыжокъ съ важнаго поста, откуда думалъ заправлять Европой, какъ Лувуа осмнадцатаго столѣтія. Но пока этотъ волченокъ успѣетъ проснуться отъ своихъ грезъ, я долженъ думать, что Леопольдъ, который потерялъ Лаудона такъ некстати, знаетъ намѣренія своей союзницы и вѣроятно ничего не уступилъ противъ своихъ интересовъ и собственной славы. Это размышленіе поддерживаетъ меня; но однако я не долженъ скрыть отъ Вашего Величества, что я уже не въ си-

soutenir une quatrième campagne. Mes Russes, invincibles sous l'égide de Minerve, auraient beau enchâiner la victoire sur leurs pas contre les infidèles et contre les traîtres et même contre les louveteaux, mes inquiétudes, mes soucis würden mich aufreiben; je n'ai plus même de quoi soutenir les accès de joie que me causeraient leurs succès. J'en préviens Votre Majesté, pour qu'elle m'accorde la paix avant la fin de cette année ou qu'en cas de refus, elle puisse préparer meine Ruhestätte dans le mausolée des Thomassins à Tsarsko-Sélo et qu'elle sache d'avance le genre de mort qui aura terminé les jours de son souffre-douleur.

En attendant mon arrêt, je vais partir immédiatement après le messager de l'immortelle, Pawlof, que M. de Simolin est pressé de renvoyer, pour me rendre aux eaux de Bourbonne, où les médecins s'obstinent de m'envoyer pour me gúerir de mes étouffements, qui, pour combler mes malheurs, m'empêchent absolument de griffonner. Ils m'assurent que ma guérison est là et que j'en reviendrai avec une respiration parfaitement libre; mais ces eaux ont la réputation d'être très fortes, elles me feront ou beaucoup de bien, ou beaucoup de mal. Si elles prennent ce dernier parti, je ne m'y obstinerai pas, et pour peu que mon cher Saint-Nicolas se rapproche des rives du Main et me donne signe de vie, je volerai dans ses bras et j'y trouverai peut-être ma guérison. Cela me donnera occasion d'assister au couronnement de Léopold comme j'ai assisté à celui de son père; mais il me faut

---

лахъ выдержать четвертую кампанію. Мои Русскіе, непобѣдимые подъ эгидою Минервы, какъ бы ни приковали къ стопамъ своимъ побѣду противъ невѣрныхъ, противъ измѣнниковъ и даже противъ волчатъ, — мои опасенія, мои заботы уничтожили бы меня; у меня нѣтъ даже силъ выдержать порывы радости, принесенные мнѣ ихъ успѣхами. Я предупреждаю о томъ Ваше Величество, чтобъ вы дали мнѣ миръ ранѣе конца этого года, а въ случаѣ отказа, приготовили бы мнѣ покоище въ мавзолеѣ Томасиновъ дни въ Царскомъ Селѣ, и чтобъ вы знали заранѣе, какого рода смертію окончилъ дни свои вашъ многострадальный.

Въ ожиданіи своего приговора, я уѣду тотчасъ вслѣдъ за вѣстникомъ безсмертной—Павловымъ, котораго г. Симолинъ спѣшитъ отправить, и поспѣшу къ водамъ Бурбонны, куда доктора упорно меня посылаютъ, чтобъ излѣчить меня отъ моего удушья, которое, къ довершенію моихъ несчастій, рѣшительно мѣшаетъ мнѣ царапать. Они увѣряютъ, что въ этомъ мое спасеніе и что я вернусь оттуда съ совершенно свободнымъ дыханіемъ; но эти воды слывутъ очень сильными: онѣ мнѣ принесутъ или большую пользу, или большой вредъ. Если онѣ рѣшатся на послѣднее, я не буду упорствовать, и только бы мой любезный Св. Николай приблизился къ берегамъ Майна, и далъ мнѣ признакъ жизни, я полечу въ его объятія и тамъ можетъ-быть найду исцѣленіе. Это дастъ мнѣ случай присутствовать при коронованіи Леопольда, какъ я присутствовалъ при коронованіи его отца; но мнѣ

pour cela des nouvelles de mon Saint-Nicolas. Il m'a écrit au moment de son départ de Pétersbourg en juin, depuis je ne sais ce qu'il est devenu. Il venait de quitter le séjour de l'immortelle, Tsarsko Sélo, il venait de recevoir d'elle ses instructions; il était frappé d'admiration de sa simplicité profonde et lumineuse, comme s'il l'eût approchée pour la première fois; il était plein de son génie, de son esprit divin, en m'écrivant. Ah! quel plaisir j'aurai de le serrer dans mes bras! Je lui enfoncerai mes regards dans ses yeux, pour en arracher, si je puis, l'image de l'immortelle qui s'y est projetée en juin et que j'espère y trouver encore toute entière en septembre. Je sais que j'en puis expirer de joie, mais ce sera la plus belle des morts. Si je puis exécuter ce projet, je crois que le prince Henri fera une course non pas à Francfort, mais à Wilhelmsbad près de Hanau pour y passer deux ou trois jours avec moi en retraite. Ce déplacement, dont il me menace parce qu'il sent qu'il ne peut me proposer de me retrouver dans les sables du Brandebourg, cette entrevue, dis-je, aura de quoi exercer les oisifs et les spéculateurs. Elle n'aura cependant pour objet que d'acquérir des notions justes sur l'état des affaires de la France, et j'aurai la douleur de lui prouver géométriquement que la France est perdue sans ressource, et qu'à moins qu'un dieu ne descende dans une machine pour la sauver, il n'en restera sur la carte que ce trou noir qu'Edmund Burke et moi ne sommes pas les seuls qui l'ayons aperçu dès le commencement de cette déplo-

---

нужны для этого извѣстія отъ Св. Николая. Онъ написалъ мнѣ въ минуту своего отъѣзда изъ Петербурга въ іюнѣ; съ тѣхъ поръ не знаю, что съ нимъ сталось. Онъ тогда только что покинулъ жилище безсмертной, Царское Село, получивъ отъ нея инструкціи. Онъ былъ пораженъ удивленіемъ передъ ея глубокой и свѣтлой простотой, какъ будто въ первый разъ приблизился къ ней; онъ былъ полонъ ея генія ея божественнаго духа, когда писалъ мнѣ. Ахъ, какое удовольствіе заключить его въ мои объятія! Я вперю свои взоры въ глаза его, чтобъ вырвать оттуда, если могу, образъ безсмертной, отразившійся въ нихъ въ іюнѣ и который надѣюсь еще въ цѣлости найти тамъ въ сентябрѣ. Я знаю, что могу умереть отъ радости, но это будетъ самая лучшая смерть. Если мнѣ удастся выполнить свой планъ, я думаю, что принцъ Генрихъ предприметъ поѣздку не во Франкфуртъ, а въ Вильгельмсбадъ возлѣ Ганау, чтобъ тамъ провести со мной два или три дня въ уединеніи. Это передвиженіе, которымъ онъ грозитъ мнѣ, потому что чувствуетъ что не можетъ предложить мнѣ возвратиться въ пески Бранденбурга, это свиданіе, говорю я, будетъ достаточно чтобъ доставить упражненіе празднымъ языкамъ и спекулянтамъ. Но цѣль его будетъ только пріобрѣсти вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи, и я буду имѣть горесть геометрически доказать ему, что Франція погибла безвозвратно, и если какой богъ не сойдетъ въ машинѣ чтобъ спасти её—то на картѣ останется только черная дыра, которую Эдмундъ Бурке и я не одни замѣтили съ самаго начала этой злопо-

rable révolution. Son état anarchique est tel qu'il est impossible qu'il subsiste encore quelque temps, et qu'il n'arrive quelque autre révolution impossible toutefois à prévenir, puisqu'on n'aperçoit nulle part des acteurs assez forts pour dénouer une pièce que des bandits et des polissons ont compliquée sans savoir ce qu'ils faisaient. Tout ce qu'il y a d'indubitable jusqu'à présent, c'est la banqueroute qui mûrit sous la main de la loyauté, proprement dite méchanceté et ineptie française, et qui devient de jour en jour plus inévitable.

Du 3 (14) auguste.

En m'acheminant vers Bourbonne, je porterai sur mon coeur ces deux cahiers précieux, l'un de 1789, l'autre de 1790, que je dois à Pawlof tombé du ciel. Je tâcherai de conjurer cette tourmente qu'ils ont excitée en moi; d'y rétablir, si je puis, le calme, de faire renaître un ordre quelconque du tumulte de mes idées et de mes sentiments, afin de pouvoir écrire à mon auguste Souveraine avec quelque suite, ce qui ne sera pas en mon pouvoir sitôt. En m'écrivant depuis le 21 jusqu'au 27 juin, tandis que le canon de la trahison et celui de la vengeance retentissaient à Tsarsko Sélo, tandis que les courriers se succédaient; en exerçant sa plume avant, pendant et après le dénoûment, avec un calme, une tranquillité supérieurs à tous les

---

лучной революціи. Анархія ея такова, что невозможно ей просуществовать даже нѣсколько времени безъ какой-нибудь новой революціи, которую впрочемъ невозможно предупредить, такъ какъ нигдѣ незамѣтно довольно хорошихъ актёровъ, чтобъ произвести развязку въ пьесѣ, усложненной бандитами и повѣсами, не вѣдавшими, что они творятъ. Всего неизбѣжнѣе до сихъ поръ — банкротство, зрѣющее подъ рукою честности, но, собственно говоря, злобы и безсмыслія французскаго, и становящееся день ото дня неизбѣжнѣе.

Отъ 3 (14) августа.

Направляясь къ Бурбоннѣ, я повезу на сердцѣ эти двѣ драгоцѣнныя тетради — одну отъ 1789 года, другую отъ 1790, которыми я обязанъ Павлову, упавшему съ неба. Я постараюсь утишить бурю, ими поднятую; возвратить, если могу, спокойствіе, возстановить порядокъ среди волненія мыслей и чувствъ, чтобъ мочь написать моей Августѣйшей Государынѣ съ нѣкоторою послѣдовательностью; но это не такъ скоро будетъ въ моей власти. Не переставая писать мнѣ отъ 21 до 27 іюня (въ то время какъ пушки измѣны и мщенія раздавались въ Царскомъ Селѣ, и курьеры скакали одинъ за другимъ), дѣйствуя перомъ прежде развязки, въ продолженіе ея

événements, Votre Majesté me donne un spectacle inoui, et je me trouve presque coupable d'en rester le seul dépositaire. Ce spectacle appartient de droit à l'humanité toute entière, et comme elle n'en a jamais vu un pareil, de quel droit puis-je l'en frustrer? Certes, il n'y a point de richesse connue au monde qui pût payer à mes yeux le prix de cette pancarte, et la sage assemblée nationale de France m'offrirait en vain le montant de tous les revenus dont elle a si habilement dépouillé le trésor de la nation, qu'elle avait été appelée à féconder, qu'elle n'en obtiendrait pas une ligne; mais je ne saurais me défendre d'un voeu secret et ardent, que sans connivence de ma part et sans qu'on m'enlève une syllabe de mes richesses, on parvienne à me les voler pour en enrichir le monde. Qu'il est loin de connaître cette Souveraine qui l'a rempli de sa renommée depuis vingt-huit ans! De tous les côtés on s'écrierait, comme je l'ai fait quelquefois, que c'est de tous les personnages du siècle la plus célèbre et la moins connue. De quel étonnement on serait saisi en la voyant, au milieu des exploits de ses flottes, dont les nouvelles se succèdent d'heure en heure, dont les coups retentissent jusques dans ses oreilles, occupée de quoi? A répandre des bienfaits, à s'occuper des risques de fortune et des chances de la situation d'un être mortel et obscur qui n'a d'autre titre au monde à ses bontés que sa passion pour l'immortelle. Mais les dieux ont-ils jamais tenu compte aux faibles

---

и послѣ, съ самообладаніемъ и спокойствіемъ, ставившими Васъ выше всѣхъ обстоятельствъ, Ваше Величество даете мнѣ невиданное зрѣлище, и я почти чувствую себя виновнымъ, оставаясь единственнымъ его свидѣтелемъ. Это зрѣлище принадлежитъ по праву всему человѣчеству, и такъ какъ люди никогда не видали подобнаго, съ какого права могу я отнимать его у нихъ? Конечно нѣтъ такого богатства въ мірѣ, которое въ глазахъ моихъ могло бы по цѣнѣ равняться этой грамотѣ, и мудрое французское національное собраніе напрасно предложило бы мнѣ сумму всѣхъ доходовъ, которыхъ оно такъ ловко лишило государственную казну, долженствовавшую оплодотвориться его стараніями: оно не получило бы ни строчки. Но я не могу воздержаться отъ тайнаго и страстнаго желанія, чтобъ безъ моего вѣдома и безъ похищенія у меня единой буквы изъ моихъ богатствъ, ихъ выкрали бы у меня чтобъ обогатить міръ. Какъ онъ далекъ отъ пониманія Государыни, которая наполняла его своей славой въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ. Со всѣхъ сторонъ восклицали бы, какъ и я иногда дѣлалъ, что изо всѣхъ дѣйствующихъ лицъ вѣка она — самое знаменитое и наименѣе извѣстное. Какимъ были бы поражены удивленіемъ, увидѣвъ Её, среди подвиговъ ея флота, изъ котораго вѣсти прилетаютъ каждый часъ, а громъ выстрѣловъ долетаетъ до ушей ея,— увидѣвъ занятою чѣмъ? Тѣмъ, чтобъ разсыпать благодѣянія, заботясь о денежныхъ затрудненіяхъ и перемѣнахъ въ положеніи темнаго смертнаго, который не имѣетъ на свѣтѣ другого права на Ея милости, какъ свою страсть къ безсмертной? Но развѣ боги были когда-нибудь признательны слабымъ смертнымъ за ихъ

mortels de leur passion pour eux? Ne l'ont-ils pas exigé comme un tribut naturel que la supériorité entraîne et provoque? Ah, Madame, ce lambeau de la divine pancarte m'a causé un étouffement qui eût été le dernier de tous, si d'abondants sanglots n'étaient pas venus à mon secours pour soulager un coeur, oppressé d'une manière si soudaine et si inattendue. Il ne m'a pas été possible d'achever la lecture de ce lambeau. Dieu sait quand j'oserai y porter les yeux.

Ce 4 (15) auguste.

Je fus obligé hier de quitter subitement la plume pour ne point étouffer, tant le simple souvenir de la première impression reçue par ce lambeau que je n'ai osé achever, encore moins recommencer à lire, me secoua violemment le coeur et les entrailles. Il est donc clair que mes étouffements me viennent de reconnaissance, que je les dois uniquement à Votre Majesté, et que si j'en expire, c'est uniquement à elle qu'il faudra s'en prendre; il ne sera donc pas étonnant que les eaux de Bourbonne n'y fassent rien du tout. Avant d'en mourir, je vais communiquer ce mal à Mad. de Bueil; puisqu'elle est aussi un objet de sollicitude pour son auguste protectrice, il n'est que trop juste qu'elle éprouve les angoisses de la reconnaissance avec moi. Elle est accouchée d'un troisième enfant et d'une seconde fille pendant que j'étais

---

страсть къ себѣ? Не требовали ли они её какъ естественную дань, которую ихъ превосходство увлекаетъ и вызываетъ? Ахъ, Государыня, этотъ клочекъ божественной грамоты причинилъ мнѣ припадокъ удушья, который былъ бы послѣднимъ, еслибъ обильныя рыданія не пришли ко мнѣ на помощь, чтобъ облегчить сердце, стѣсненное такъ внезапно и неожиданно. Мнѣ невозможно было кончить чтеніе этого клочка. Богъ знаетъ когда я осмѣлюсь взглянуть на него.

4 (15) августа.

Вчера я вынужденъ былъ внезапно покинуть перо, чтобъ не задохнуться, до того простое воспоминаніе о первомъ впечатлѣніи, полученномъ отъ того клочка, который я не смѣлъ кончить, еще менѣе перечитать, сильно потрясъ мнѣ сердце и всю внутренность. И такъ ясно, что мое удушье происходитъ отъ признательности, что я обязанъ имъ исключительно Вашему Величеству, и что если я умру отъ этого, то единственно Вы будете тому причиной; и такъ неудивительно будетъ если воды Бурбонны совсѣмъ не помогутъ. Прежде чѣмъ умру, я передамъ эту болѣзнь г-жѣ де Бюэль: такъ какъ и она — предметъ заботливости для своей Августѣйшей покровительницы, то слишкомъ справедливо, чтобъ она испытала муки благодарности вмѣстѣ со мною. У нея

chez elle. J'espère que sa fécondité s'en tiendra là; c'est plus qu'il n'en faut pour le temps qui court, sans compter que sa fille aînée est une petite merveille pour la figure et le caractère, qui n'aura jamais sa pareille dans la famille. Tous ceux qui la connaissent prétendent qu'elle a été douée par sa marraine en venant au monde, et qu'au fait la filleule d'une telle marraine ne peut pas ressembler à tout le monde. Quand on lui demande son nom, elle répond: on m'appelle madame Katinka, et ce petit monsieur, en montrant son frère, c'est Monsieur Kateau arrivé de Russie. Si jamais je peux mettre madame Katinka en possession de l'estampe que Votre Majesté me fait espérer pour elle, elle connaîtra en un tour de main toute la famille impériale et la fera connaître le lendemain à son frère avec la plus grande précision. Mon recueil à moi a été augmenté par une tête de Minerve, dont le Seigneur Millioti m'a fait présent et qu'il m'assure avoir copiée d'après un camée fait par madame la grande duchesse; mais ce surcroit de richesses ne peut ni ne doit me priver de celui que Votre Majesté me fait espérer; je suis même persuadé que M. Jarkoï est déjà guéri de son mal d'yeux, que mon portrait en émail est prêt et que M. de Maschkof pourra être chargé de me l'apporter.

Jusqu'à présent l'assemblée auguste n'a rien prononcé sur la pension de madame de Bueil, quoique M. de Wimpfen, un des membres du comité, en ait fait une mention particulière dans son rapport que je joins ici, où il a

---

родился третій ребенокъ и вторая дочь, покамѣстъ я былъ у нея. Надѣюсь, что ея плодородіе ограничится этимъ; это болѣе чѣмъ нужно въ такія времена, не считая того что старшая ея дѣвочка маленькое чудо и личикомъ и характеромъ, и подобной ей не будетъ въ семействѣ. Всѣ знающіе её увѣряютъ что ее одарила крестная мать съ самаго рожденія, и что въ самомъ дѣлѣ крестница такой крестной матери не можетъ быть похожа на другихъ. Когда у нея спрашиваютъ имя ея, она отвѣчаетъ: «меня зовутъ госпожа Катенька, а этотъ маленькій господинъ», указываетъ она на брата, «это господинъ Като, который пріѣхалъ изъ Россіи». Если я могу когда-нибудь надѣлить госпожу Катеньку картинкой, обѣщанной ей Вашимъ Величествомъ, она живо узнаетъ всю Императорскую фамилію, и — назавтра же познакомитъ съ нею брата въ величайшей точности. Мое собраніе увеличилось головой Минервы, которую синьйоръ Милліоти мнѣ подарилъ, и, какъ онъ меня увѣряетъ, снялъ съ камея, сдѣланнаго государыней Великой Княгиней. Но это увеличеніе богатствъ не можетъ и не должно меня лишить обѣщаннаго Вашимъ Величествомъ; я даже увѣренъ, что г. Жаркой уже исцѣлился отъ болѣзни глазъ, что мой эмалевый портретъ готовъ, и что г. Машкову можетъ быть поручено привезти мнѣ его.

До сихъ поръ августѣйшее собраніе ничего не рѣшило на счетъ пенсіи г-жи де Бюэль, хотя г. Вимпфенъ, одинъ изъ членовъ комитета, и упомянулъ о томъ

fourré un éloge de l'immortelle dans un goût analogue au lieu où il devait faire son effet. Je ne m'attendais ni à être nommé, ni à trouver cet éloge dans le rapport du baron de Wimpfen; mais il m'a mandé, en me l'envoyant, qu'il n'avait pu s'empêcher de louer celle qu'il admire depuis si longtemps. On m'assure que cet éloge a reçu de grands applaudissements dans l'antre des douze cents rois avocats et gilets, où je ne mets jamais les pieds, vu que le spectacle de la démence et de la méchanceté ne m'a jamais amusé. Ce sujet me ramène droit à cette remise d'argent et à d'autres arrangements incroyables en faveur de Madame de Bueil et de son tuteur, faits au milieu du ronflement du canon par cette bienfaisance inépuisable que ses soins pour la gloire et le bonheur du plus vaste empire ne contenteraient qu'imparfaitement, si elle ne s'occupait encore de deux atômes jetés par le sort loin d'elle. Ici, Madame, les sanglots recommencent, et ce que je puis faire de mieux, c'est de fermer ce paquet, de le remettre à M. Pawlof, de faire mes paquets pour Bourbonne et de partir. Dans mes accès de délire, j'en veux souvent à mon étoile de ne m'avoir pas fait naître vingt ans après Votre Majesté Impériale; j'aurais pu consacrer mes jours à son glorieux service, j'aurais passé ma vie à ses pieds; je n'aurais pas souffert une seule des cent mille égratignures qu'elle a faites à mon coeur, sans la lui reprocher en face. Que l'Eternel veille sur Son ointe, et qu'il me choie son bonheur et

---

особо въ рапортѣ, здѣсь прилагаемомъ, и куда онъ вплёлъ похвалу безсмертной во вкусѣ, соотвѣтствующемъ мѣсту, гдѣ она должна была произвести свое дѣйствіе. Я не ожидалъ, что меня назовутъ, ни что я найду эту похвалу въ рапортѣ барона Вимпфена; но онъ сообщилъ мнѣ, посылая его, что не могъ воздержаться, чтобъ не похвалить ту, которой онъ такъ давно удивляется. Увѣряютъ меня, что эта похвала покрыта была рукоплесканіями въ вертепѣ тысячи двухсотъ королей — адвокатовъ и жилетовъ, куда я никогда не ставлю ноги, такъ какъ зрѣлище безумія и злобы никогда не забавляло меня. Этотъ предметъ прямо возвращаетъ меня къ пожалованію денегъ и другимъ невѣроятнымъ распоряженіямъ въ пользу г-жи Бюэль и ея опекуна, сдѣланнымъ среди грома пушекъ тою неистощимою благотворительностью, которая не довольствовалась бы заботами о славѣ и счастіи самаго обширнаго изъ государствъ, еслибъ не занималась еще двумя атомами, брошенными судьбою далеко отъ нея. Здѣсь Государыня, рыданія повторяются, и всего лучше я сдѣлаю, если запечатаю пакетъ, отдамъ его г. Павлову, уложу свои вещи для поѣздки въ Бурбонну и уѣду. Въ моихъ припадкахъ безумія я часто сѣтую на свою звѣзду, что не родился двадцать лѣтъ позже Вашего Императорскаго Величества; я могъ бы посвятить дни свои Вашей славной службѣ, я провелъ бы жизнь у ногъ Вашихъ; я бы не подвергся ни одной изо ста тысячъ царапинъ, которыя Вы причинили моему сердцу, чтобъ не попенять Вамъ за то въ глаза. Да хранитъ Предвѣчный Свою помазанницу и да бережетъ онъ ея счастье и славу, какъ

sa gloire comme la prunelle de ses yeux! Si l'ointe accorde la paix de l'empire aux gens de Grimma, ils béniront éternellement son nom glorieux et auguste. Ils lui laissent le soin de s'arranger avec les infidèles; quant aux coeurs faux et perfides, ils ne doivent être honorés d'aucun ressentiment. Dieu merci, ils auront de quoi se souvenir le reste de leur vie de la belle équipée qu'ils ont faite, et avant qu'ils aient payé le quart de leurs dettes et réparé le quart de leur flotte détruite, ils auront tout le temps d'apprendre les sept psaumes de pénitence, et de les chanter dans les mines de Dalécarlie D'ailleurs le plan des gens de Grimma après le rétablissement de la paix est tout arrêté à l'égard de ce chanteur. Sans se mêler le moins du monde de son intérieur, qu'il s'est rendu si agréable, ils sont décidés à entretenir constamment dans la Finlande impériale un fonds de 30, 40, peut-être 50 mille hommes des forces de l'empire. Ils laissent à leur auguste Souveraine le soin de pourvoir à la subsistance de ces troupes, qui ne feront aucune démonstration offensive; ils ne se mêlent pas non plus de la flotte de Cronstadt, qui n'a pas besoin de la providence des gens de Grimma; mais ils seront très envieux de voir comment le chanteur éreinté se trouvera du séjour paisible de ces voisins, un peu nombreux à la vérité, mais qui, étant dans leurs foyers, ne sont pas obligés de le guérir de la folie si elle devenait sa maladie habituelle. Je recommande à M. le président du collége de la guerre le plan de campagne pacifique des gens de Grimma.

зѣницу ока! Если помазанница даруетъ миръ имперіи людямъ Гриммы, они вѣчно будутъ благословлять ея славное и Августѣйшее имя. Они предоставляютъ ей заботу управляться съ невѣрными; что касается до фальшивыхъ и вѣроломныхъ сердецъ, они не должны удостоиться мщенія. Слава Богу, имъ будетъ что вспоминать въ остальные дни свои о прекрасныхъ похожденіяхъ ими совершенныхъ, и прежде чѣмъ они уплатятъ четверть своего долга и возобновятъ четверть своего уничтоженнаго флота, они успѣютъ выучить шесть покаянныхъ псалмовъ и пропѣть ихъ въ рудникахъ Далекарліи. Впрочемъ планъ людей Гриммы по заключеніи мира уже составленъ относительно этого пѣвца. Не вмѣшиваясь нисколько въ его внутреннія дѣла, которыя онъ устроилъ такъ пріятно для себя, они рѣшились содержать постоянно въ императорской Финляндіи отрядъ изъ 30, 40, можетъ быть 50 тысячъ человѣкъ изъ военныхъ силъ государства. Они предоставляютъ своей Августѣйшей Монархинѣ заботу о продовольствіи этихъ войскъ, которыя не станутъ дѣлать никакой наступательной демонстраціи; они не мѣшаются также въ дѣла кронштадтскаго флота, которому не нужно промышленія людей Гриммы; но они съ любопытствомъ будутъ смотрѣть, какъ надорванный пѣвецъ будетъ чувствовать себя отъ мирнаго пребыванія сосѣдей своихъ, правда нѣсколько многочисленныхъ; но которые, будучи у себя дома, не обязаны лѣчить его отъ безумія, если оно сдѣлается его обычной болѣзнью. Я рекомендую г. президенту военной коллегіи планъ мирной кампаніи людей Гриммы.

Je suis si touché de tout ce que Votre Majesté me dit sur la Reine de France que je crois de mon devoir de chercher une occasion sûre pour le lui faire connaître. C'est une consolation qui ne doit pas lui être refusée. Malheureusement sa situation est telle que les démarches les plus innocentes ont leur délicatesse, et qu'il suffirait d'un chiffon de papier dont la remise serait remarquée et mal interprétée, pour fonder les soupçons les plus étranges et même les plus atroces. Je crois que nous touchons à une crise très violente et très prochaine: les finances aux abois et l'insurrection de toute l'armée prête à se débander sont deux symptômes précurseurs d'une prochaine dissolution.

J'ai mis dans le paquet remis à M. Pawlof deux brochures sur l'ordre de Malte, qui a reçu avec la plus profonde reconnaissance ce que je lui ai dit de la part de l'immortelle. Il presse en ce moment l'assemblée avec beaucoup de vigueur de décider son sort en France, afin de savoir à quoi s'en tenir et de prendre de son côté un parti après cette décision.

Inkle et Yariko est une traduction de M. de Meister; avant la révolution il avait commencé à traduire les contes de la bibliothèque des petits garçons de la marraine de Katinka. Nous voulions lui traduire toute la bibliothèque, et moi y mettre la rocambole, et publier le tout conjointement; mais cette malheureuse révolution a aussi détruit la librairie; on ne trouve plus d'imprimeurs que pour des sottises, des libelles, des calomnies atroces,

---

Я такъ тронутъ всѣмъ, что Ваше Величество говорите мнѣ о французской Королевѣ, что считаю себя обязаннымъ найти вѣрный случай довести это до ея свѣдѣнія. Это утѣшеніе не должно быть у нея отнято. Къ несчастію ея положеніе таково, что самыя невинныя сношенія представляютъ свою опасность, и что достаточно было бы клочка бумаги, котораго передача была бы замѣчена и худо объяснена, чтобъ породить самыя странныя и даже гнусныя подозрѣнія. Я полагаю, что мы приближаемся къ весьма скорому и насильственному кризису: финансы въ крайности и возстаніе цѣлой арміи, готовой разбѣжаться, вотъ два симптома, предвѣщающіе скорое разложеніе.

Я положилъ въ пакетъ, переданный г. Павлову, двѣ брошюры о Мальтійскомъ орденѣ; онъ принялъ съ глубочайшей признательностью то, что я сообщилъ ему отъ имени безсмертной. Онъ въ эту минуту энергически побуждаетъ собраніе рѣшить его судьбу во Франціи, чтобъ знать чего держаться и съ своей стороны принять мѣры послѣ этого рѣшенія.

Инкль и Ярико — переводъ г. Мейстера. До революціи онъ началъ переводить повѣсти изъ библіотеки маленькихъ мальчиковъ Катенькиной крестной маменьки. Мы хотѣли перевести ему всю библіотеку, а я положить дѣлу вѣнецъ и издать все вмѣстѣ; но эта несчастная революція уничтожила и книжную торговлю; можно найти типографщиковъ только на глупости, на пасквили, гнусныя клеветы, и ничего другого

et il ne paraît pas autre chose: cependant notre projet n'est pas abandonné. En attendant M. de Meister m'a dit qu'il employait ces contes dans sa Correspondance littéraire au grand contentement de ses lecteurs et qu'il en recevait des compliments de tous côtés. Dans les temps de disette, on emploie jusqu'à ses diamants pour se tirer d'affaire.

J'ai oublié de dire que M. et Madame de Bueil sont désignés dans le rapport de M. de Wimpfen sous le nom de Du Roux, qui est celui de M. de Bueil issu d'une ancienne maison d'Auvergne qu'on croit la même que celle de Ruffo de Naples. Il porte le nom de Bueil du chef de sa mère dont il l'a hérité. Mais Votre Majesté n'ignore pas que depuis deux mois il n'y a plus de noblesse en France, qu'il n'y a plus que des citoyens actifs, à commencer des frères du Roi jusqu'aux balayeurs des rues, attendu que tous les hommes naissent libres et égaux en droits suivant la déclaration des droits des Petites-Maisons de France.

Tandis que j'étais chez Madame de Bueil, un baron de Thurn a passé à ma porte et y a laissé une instruction avec un paquet que Votre Majesté trouvera ici tout entier. Je suis si religieux que je n'en garde pas même un exemplaire pour moi.

Je n'ai eu aucun signe de vie de M. Zawadofski au sujet de son pupille depuis dix-huit mois. Ce silence n'a pas empiré les choses, au contraire. Les propositions des propriétaires sont devenues beaucoup plus dou-

---

не является: однако нашъ проектъ не оставленъ. Покамѣстъ г. Мейстеръ сказалъ мнѣ, что онъ употребляетъ эти сказки въ своей Литературной корреспонденціи къ великому удовольствію своихъ читателей, и что онъ за нихъ получаетъ со всѣхъ сторонъ похвалы. Въ голодные годы пускаютъ въ ходъ и свои брильянты, чтобы только выйти изъ затрудненія.

Я забылъ сказать, что г-нъ и г-жа де Бюэль названы въ рапортѣ г. Вимпфена именемъ Дю-Ру, которое принадлежитъ г. де Бюэлю, ведущему свой родъ отъ стариннаго Овернскаго дома, одного происхожденія, какъ думаютъ съ домомъ Руффо изъ Неаполя. Онъ носитъ имя де Бюэль по матери, отъ которой онъ его наслѣдовалъ. Но Ваше Величество вѣроятно знаете, что уже два мѣсяца какъ нѣтъ болѣе дворянства во Франціи, что есть только дѣятельные граждане, начиная съ братьевъ Короля и кончая чернорабочими, метущими улицы, такъ какъ всѣ люди родятся свободными и равноправными, слѣдуя заявленію о правахъ изъ дома сумасшедшихъ во Франціи.

Пока я былъ у г-жи де Бюэль, баронъ Турнъ былъ у моихъ дверей и оставилъ мнѣ инструкцію съ пакетомъ, который Ваше Величество найдете здѣсь въ цѣлости. Я такъ добросовѣстенъ, что не оставляю себѣ даже ни одного экземпляра.

Я не имѣлъ ни малѣйшаго извѣстія отъ г. Завадовскаго насчетъ его воспитанника уже мѣсяцевъ съ десять. Это молчаніе не ухудшило дѣлъ, напротивъ. Предло-

ces et je crois qu'on pourrait s'en débarrasser avantageusement, surtout en empruntant à la banque à huit pour cent, ce qui diminuerait bien le revenu, mais non pas le fonds du pupille, qui se retrouverait en entier au bout de vingt ans, suivant une des belles institutions de ce mauvais règne de 28 ans.

Mais quoi que détermine le vénérable tuteur dans sa sagesse, je ne lui demande qu'un oui ou non sur la dernière proposition de ces écumeurs, pour m'en débarrasser une bonne fois.

J'observe, en finissant, que, si par un effet de cette bonté incommensurable qui me fait exister depuis dix-sept ans, un messager de l'immortelle s'approchait en septembre ou en octobre des rives de la Seine avec des paquets pour le souffre-douleur, il faudrait recommander à ce messager de s'informer, chemin faisant, à Francfort chez le comte de Romantsof de l'existence de ce souffre-douleur qu'il y trouverait peut-être en personne et qui y recevrait les dons de l'immortelle que sa bienfaisance lui destine.

29.

à Francfort, ce 7 (18) octobre 1790.

Madame. Il faut avant tout que je charge Votre Majesté Impériale de

---

женія владѣтелей сдѣлались гораздо болѣе мягкими, и я полагаю, что можно бы избавиться отъ нихъ съ выгодой, особливо занявъ въ банкѣ по осьми со ста, что конечно убавило бы доходъ, но не капиталъ опекаемаго, который остался бы цѣлымъ черезъ двадцать лѣтъ, благодаря одному изъ прекраснѣйшихъ учрежденій этого плохого 28 лѣтняго царствованія.

Но что бы ни рѣшилъ достопочтенный опекунъ въ своей премудрости, я прошу отъ него только да или нѣтъ на счетъ послѣдняго предложенія этихъ блюдолизовъ, чтобъ мнѣ отъ нихъ избавиться разъ навсегда.

Замѣчу, наконецъ, что еслибы по дѣйствію той неисчерпаемой благости, которая поддерживаетъ мое существованіе уже семнадцать лѣтъ, вѣстникъ безсмертной приблизился въ сентябрѣ или октябрѣ къ берегамъ Сены съ пакетами для многострадальнаго, надо бы предписать этому вѣстнику справиться дорогою во Франкфуртѣ у графа Румянцова о существованіи этого многострадальнаго, котораго онъ можетъ-быть застанетъ тамъ лицомъ къ лицу для врученія даровъ безсмертной, ему назначаемыхъ ея благотворительностью.

29.

Франкфуртъ, 7 (18) октября 1790 г.

Государыня. Прежде всего я долженъ поручить Вашему Императорскому Вели-

témoigner ma haute satisfaction à M. le contre-amiral Ouschakof des journées du 28 et 29 auguste. Nun deswegen deputiren mich denn die Leute von Grimma vor den allerhöchsten Thron unsrer glorreichen Kaiserin oder des ganzen Kerls der darauf sitzt, um ihre allerunterthänigste Gratulation abzustatten. So sagen die tollen Leute, und wenn ich ihnen einige Vorstellungen machen will, so schreien sie, sie ist's und bleibt's, und ich muß schweigen. Je supplie au moins Votre Majesté d'être persuadée que je ne partage pas leur égarement, et que je ne comprends pas même quel moyen de comparaison il peut exister entre le petit doigt de notre Impératrice et je ne sais quelle massue d'Hercule dont j'ai tout au plus une idée confuse d'avoir entendu parler le prince de Ligne.

J'ose me flatter que Bacchus, mon bienfaiteur, aura acueilli avec sa bonté ordinaire ma pancarte du 1 (12) septembre, quoique venant d'un séjour purement aquatique, et lui aura accordé le passage vers le trône de la gloire. Six jours après je me suis mis en route pour m'approcher de cette ville d'élection et de couronnement et surtout du grand Saint-Nicolas, que j'étais sûr d'y retrouver; je pouvais donc me flatter de jouir encore une fois d'un beau et doux moment avant d'étouffer tout de bon. En cheminant de Bourbonne vers Francfort, je me suis délicieusement occupé de cette paix si inopinément bâclée. Nun, sagte ich, en parlant à mon bonnet, das ist nun so ein Handwerksgriff von ihr, der wenig seines gleichen hat, und das werden

---

честву выразить мое высокое удовольствіе г. контръ-адмиралу Ушакову за дни 28 и 29 августа. Ну по этому случаю посылаютъ меня депутатомъ люди Гриммы къ высочайшему престолу нашей славнѣйшей Императрицы или достойнаго мужа, на немъ сидящаго, чтобъ передать ихъ всеподданнѣйшія поздравленія. Такъ говорятъ эти полоумные люди, и когда я хочу имъ сдѣлать нѣкоторыя представленія, то они кричатъ: «да, она такова, таковою и останется», и я долженъ замолчать. Умоляю по крайней мѣрѣ Ваше Величество быть увѣренной, что я не раздѣляю ихъ заблужденія и даже не понимаю, какая точка сравненія можетъ существовать между мизинцемъ Императрицы и какой-то Геркулесовой палицей, о которой я едва имѣю смутное понятіе изъ рѣчей принца де Линя.

Смѣю ласкать себя надеждой, что Бахусъ, мой благодѣтель, принялъ со своею обычной добротою мою грамоту отъ 1 (12) сентября, хотя пришедшую изъ жилища вполнѣ водянаго, и открылъ ей путь къ престолу славы. Шесть дней послѣ того, я пустился въ путь, чтобъ приблизиться къ этому городу избранія и коронованія и особливо къ великому Св. Николаю, котораго я увѣренъ былъ, что найду тамъ; итакъ я могъ льстить себя надеждой пережить еще одно прекрасное и сладкое мгновеніе прежде чѣмъ совсѣмъ задохнусь. Направляясь изъ Бурбонны во Франкфуртъ, я прелестно занимался этимъ миромъ, такъ неожиданно заключеннымъ. Ну, сказалъ я, разговаривая съ своей шапкой: эта такая мастерская штука съ ея стороны, которой

ihre neid- und gelbsüchtige Freunde mehr Mühe haben es ihr zu verzeihen, als wenn sie ihren Herrn Vetter, olim Falstaf Schlaf genannt, itzt aber gar ein aufrichtiger, zärtlicher und schätzbarer Freund, auf das Haupt geschlagen oder gar gefangen eingebracht. Et puis, Dieu seul connaît le fond du sac et le souffre-douleur n'a garde d'y fourrer son nez pour voir ce qui s'y mitonne. Moyennant ces interlocutoires du souffre-douleur et de son bonnet, je me suis trouvé insensiblement aux portes de Francfort, où, comptant me trouver dans les bras de l'amitié chez un ministre dont le caractère ne reprendrait son activité qu'après la bagarre de Francfort, je n'ai pas été peu étonné de descendre chez un ministre de mon auguste Souveraine, accrédité et en pleine représentation auprès du collége électoral. Je ne sais, Madame, à quel point sa délicatesse lui permettra de parler de ses succès, mais la mienne m'oblige de dire à Votre Majesté qu'il a rempli sa mission avec un éclat, une dignité, une considération et aussi une amabilité que peu de gens savent réunir et qui sied si bien au représentant de la plus auguste et la plus aimable Souveraine de l'univers. Je suis fâché qu'il n'y ait eu de succès que pour lui, et que mon ancien ami, Monsignor Caprara, nonce du pape, et même le marquis de Brème, ministre de Sardaigne, n'aient pas pu entrer avec lui en partage au moins pour quelques brins. Le premier a cependant porté son sanctissime maître à adoucir et supprimer dans son bref

---

мало подобныхъ, и ея завистливые и желчные друзья не такъ легко ей простятъ это, какъ то что она своего двоюроднаго брата нѣкогда называвшагося Фальстафъ Шлафъ [1]) а теперь искренній, нѣжный и дорогой другъ, разбила на голову или даже захватила въ плѣнъ. И потомъ одному Господу извѣстно, что таится въ глубинѣ мѣшка, и многострадальный не рѣшится сунуть туда свой носъ, чтобъ увидѣть, что тамъ творится. Благодаря этимъ разговорамъ г. многострадальнаго со своею шапкой, я незамѣтно очутился у воротъ Франкфурта. Здѣсь я надѣялся попасть въ объятія дружбы къ министру, дѣятельность котораго должна была возобновиться только послѣ Франкфуртской суматохи, и немало удивился найдя министра моей Августѣйшей Монархини аккредитованнымъ и въ полномъ представительствѣ при курфиршеской коллегіи. Не знаю, Государыня, до какой степени его деликатность дозволитъ ему говорить о своихъ успѣхахъ; но мое чувство вынуждаетъ меня сказать Вашему Величеству, что онъ исполнилъ свою миссію съ блескомъ, съ достоинствомъ, съ почетомъ а также и съ любезностью, которую немногіе умѣютъ соединить, и которая такъ пристала представителю Августѣйшей и наилюбезнѣйшей Государыни въ цѣломъ мірѣ. Я сожалѣю, что только онъ одинъ имѣлъ успѣхъ, и что мой старинный пріятель, монсиньйоръ Капрара, папскій нунцій, и даже маркизъ де Бремъ, сардинскій министръ, не могли получить на свою долю хоть нѣсколькихъ крохъ. Первый однако склонилъ

[1]) Шлафъ — имя секретаря шведскаго посольства. который былъ въ Петербургѣ, когда вспыхнула война. Въ подлинномъ нѣмецкомъ текстѣ этого мѣста слово Schlaf служитъ намекомъ на оплошность короля.

de créance plusieurs expressions usitées que les électeurs protestants ne goûtaient point, de sorte que moyennant ces changements, il est le premier nonce du pape qui ait été reconnu en cette qualité par tout le collége électoral; mais à cela près, il a fait, ainsi que le ministre de Sardaigne, de l'eau toute claire. Cela est venu, à ce que m'assurent mes amis du collége électoral, de ce que l'un et l'autre ont trop affiché de porter l'aigle noir dans leur livrée et de se faire précéder dans toutes leurs démarches par cette silhouette. Il me semble qu'on commence dans le Saint-Empire à se lasser et à se détacher un peu de cet aigle; on lui trouve l'air arrogant, le vol tortueux et pas la vue d'aigle, de sorte que sous l'ombre de ses ailes, mon pauvre nonce n'a pas pu obtenir un seul mot consolant ou simplement poli ni pour lui-même ni pour son saint père. Je n'ai cependant pu me dispenser de reprocher au représentant de mon auguste Souveraine, au milieu de ses succès, le faste qu'il a étalé dans le sein de toutes les magnificences électorales. Ses soupers, où régnait à côté de la magnificence le bon goût, étaient tout ce qu'il y avait de plus ambitionné et de plus à la mode; de tous côtés l'on me disait: o nein, denen soupers des Grafen Romanzof gleicht nichts. Si, en qualité de souffre-douleur impérial, ces o nein flattaient ma vanité, ils m'exposaient de l'autre côté à mille négociations de la part des ambassadeurs et des grandes et belles dames pour obtenir de mon hôte tantôt telle

---

своего святѣйшаго владыку смягчить и сократить въ своей ввѣрительной грамотѣ нѣсколько обычныхъ выраженій, которыя были не по вкусу протестантскимъ курфирстамъ, такъ что, благодаря этимъ перемѣнамъ, онъ первый изъ папскихъ нунціевъ былъ признанъ въ этомъ качествѣ всей курфиршеской коллегіей; но кромѣ этого онъ какъ и министръ сардинскій разводилъ только чистую водицу. Это произошло, какъ увѣряютъ меня друзья курфиршеской коллегіи, отъ того, что оба слишкомъ выказывали черного орла, котораго носятъ на своей ливреѣ и что они предпосылали этотъ силуэтъ всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Мнѣ кажется, что въ священной Имперіи начинаютъ утомляться этимъ орломъ и понемножку отдѣляться отъ него. Его находятъ дерзкимъ, полетъ его извилистымъ, взглядъ его не орлинымъ, такъ что подъ тѣнью его крыльевъ мой бѣдный нунцій не могъ добиться ни одного утѣшительнаго или просто учтиваго слова ни для себя, ни для своего святого отца. Впрочемъ я не могъ воздержаться, чтобъ не упрекнуть представителя моей Августѣйшей Государыни, среди успѣховъ его, въ той пышности, которую онъ развернулъ посреди всего курфиршескаго блеска. Приглашеніями на его модные ужины, гдѣ на ряду съ великолѣпіемъ царилъ хорошій вкусъ, болѣе всего дорожили. Со всѣхъ сторонъ говорили мнѣ: О нѣтъ, съ ужинами графа Румянцова ничто не можетъ сравниться. Если, въ качествѣ Императорскаго многострадальца, я чувствовалъ свое самолюбіе польщеннымъ этими: «О нѣтъ», съ другой стороны я долженъ былъ вести всевозможные переговоры съ посланниками, съ знатными и прекрасными дамами, чтобъ добиться у своего хозяина то одного приглашенія, то другого, въ честь того или

invitation, tantôt telle autre, en faveur de telle et telle coterie illustre, le tout parce qu'on n'était nulle part si bien que chez lui.

ce 8 (19) octobre 1790.

J'ai parlé jusqu'à présent à Votre Majesté de son représentant auprès de la diète d'élection et de couronnement; le souffre-douleur ne dispute point le pas au Saint-Empire; mais enfin dès les premiers embrassements ce représentant a déployé le caractère d'ambassadeur de Sa Majesté Impériale auprès de moi, et ne s'était guère informé si, sortant de tant d'étouffements, j'étais en état de soutenir une telle ambassade ou plutôt une telle bordée. Il est certain que Votre Majesté ne veut pas que son souffre-douleur reprenne haleine et qu'elle ne s'informe guère s'il est en état de soutenir coup sur coup tant d'assauts. Peu de temps avant mon départ de Paris, j'ai pensé toucher à ma dernière heure, en recevant une pancarte où la même plume qui dirigeait les opérations de l'armée de Finlande et des flottes de la Baltique, s'occupait encore, au milieu du ronflement du canon, qu'on devine de quoi... de mes intérêts, de ceux de ma pupille, mis en danger par la sagesse et la loyauté françaises! Puisque j'ai pu échapper à ce trait lancé à bout portant sur mon coeur, je voudrais le graver sur l'airain pour l'infor-

---

другого знаменитаго кружка; — только потому, что нигдѣ не было такъ хорошо какъ у него.

8 (19) октября 1790 г.

Я до сихъ поръ говорилъ Вашему Величеству о Вашемъ представителѣ при курфиршескомъ и коронаціонномъ сеймѣ; многострадальный не оспариваетъ первенство у священной Имперіи; но наконецъ съ первыхъ объятій этотъ представитель развернулъ передо мною свою роль посла ея Императорскаго Величества и вовсе не освѣдомился, въ силахъ ли я, послѣ стольких припадковъ удушья, выдержать подобное посольство или, лучше сказать, подобный залпъ. Навѣрное Вашему Величеству не угодно, чтобъ Вашъ многострадальный опомнился, и Вы не освѣдомляетесь вовсе, въ состояніи ли онъ выдержать столько натисковъ одинъ за другимъ. Незадолго до отъѣзда моего изъ Парижа, я полагалъ, что доживаю послѣдній часъ, получивъ грамоту, гдѣ то же самое перо, которое руководило военными дѣйствіями Финляндской арміи и Балтійскими флотами, занималось еще среди рева пушекъ,... пусть отгадаютъ чѣмъ.... моими интересами, дѣлами моей воспитанницы, разстроенными мудростью и честностью французскою! Такъ какъ я могъ ускользнуть отъ этого выстрѣла, пущеннаго въ упоръ въ самое сердце, я хотѣлъ бы вырѣзать его на мѣ-

mation de la postérité. Hélas, on ne le croira jamais, et à moins que je ne dépose l'original de cette pancarte entre les mains d'un notaire ou dans quelque greffe public, qui voudra se persuader que toute occupée à faire repentir un ennemi de la témérité de ses entreprises, Votre Majesté eût encore pu songer à régler mes interêts et ceux de ma pupille? Enfin, étouffé sous le poids de ce bienfait, le coeur atteint d'un trait mortel, je me rends aux eaux, je commence à respirer plus librement; une lettre de cinq lignes qui me fait part de la signature de la paix sans perdre une minute, m'étouffe de nouveau. J'échappe encore à ce trait et me rends ici, pour me livrer à la douceur d'embrasser un ami si tendrement et si justement chéri et de le questioner tout à mon aise sur tout ce qui intéresse mon coeur. Et cet ami m'étouffe de nouveau. Il se dit chargé d'une commission de Votre Majesté pour son souffre-douleur; il me dit mot pour mot ce que le coeur le plus généreux, le plus magnanime l'a chargé de transmettre au coeur le plus reconnaissant, le plus attendri; il me jure qu'il n'y ajoute pas une syllabe, qu'il me rend mot pour mot ce qui est sorti de la bouche de l'immortelle, et je suis moi-même obligé de convenir que les phrases qu'il me rapporte ne sont pas les siennes, et portent le cachet particulier de celle qu'il fait parler. Cependant je reste anéanti et lui dis: Répétez-moi cela, afin que j'aie la douceur de l'entendre encore une fois, et après l'avoir entendu une

---

ди въ поученіе потомству. Увы! этому никогда не повѣрятъ, развѣ я передамъ подлинникъ этой грамоты въ руки нотаріуса, или въ какую-нибудь общественную регистратуру, которая захочетъ удостовѣриться, что Ваше Величество, среди заботъ наказать врага и заставить его раскаяться въ дерзости своего предпріятія, могли еще думать объ устройствѣ денежныхъ дѣлъ моихъ и моей воспитанницы? Наконецъ, задыхаясь подъ бременемъ такого благодѣянія, съ смертельно пораженнымъ сердцемъ, я отправляюсь на воды, начинаю дышать свободнѣе; письмо въ пять строкъ, сообщающее мнѣ о подписаніи мира тотчасъ же, не теряя ни минуты, вновь меня удушаетъ. Я еще разъ спасаюсь отъ этого удара и пріѣзжаю сюда, чтобъ имѣть отраду обнять друга, такъ нѣжно и справедливо любимаго, и распросить его на свободѣ обо всемъ, что такъ занимаетъ мое сердце. И этотъ другъ опять меня уничтожаетъ. Онъ говоритъ, что ему дано порученіе отъ Вашего Величества къ многострадальному; онъ говоритъ мнѣ слово въ слово то, что̀ самое великодушное, самое высокое сердце поручило ему передать сердцу самому признательному, самому растроганному; онъ клянется мнѣ, что не прибавляетъ къ этому ни одной буквы, что онъ передаетъ слово въ слово то, что вышло изъ устъ безсмертной, и я самъ долженъ сознаться, что передаваемыя имъ рѣчи не его, а носятъ на себѣ особый отпечатокъ той, именемъ которой онъ говоритъ. Однако я остаюсь уничтоженъ и говорю ему: повторите мнѣ это, чтобъ я имѣлъ отраду слышать это еще разъ, и выслушавъ въ другой — я думалъ что нахожусь при послѣднемъ припадкѣ удушья.

seconde fois, j'ai pensé être arrivé à mon dernier étouffement. Depuis, Madame, je me le suis fait répéter tous les jours; tous les jours Votre ambassadeur est obligé de s'acquitter de nouveau de sa commission; tant que nous serons ensemble, il remplira ce devoir; en l'écoutant, mes yeux se remplissent de larmes et mon coeur a enfin appris à en être moins oppressé. Maintenant il faut bien que je réponde à cette ambassade. Non, Madame, jamais je n'ai cru les bontés de Votre Majesté affaiblies ou diminuées pour moi. Si cette funeste idée pouvait jamais entrer dans ma tête, Votre Majesté en aurait bientôt la certitude, parce que c'est le seul malheur auquel je ne pourrais survivre. Mais ma confiance dans ces bontés est aussi inébranlable que le trône de celle à qui je les dois, et la certitude de ne les perdre qu'avec ma vie, s'est identifiée avec mon existence. J'ai bien senti sans doute la différence des années de disette qui ont succédé aux années d'abondance; mais il ne m'était pas difficile d'en voir les véritables causes et de m'y soumettre sans murmure comme on se soumet à la nécessité, en espérant le retour du bonheur avec le retour de la paix pour laquelle je ne cesse de faire des voeux. Eh! ne suis-je pas assez riche de mon bonheur passé, et ces richesses ne sont-elles pas une jouissance continuelle? Je désire donc que mon auguste et immortelle bienfaitrice soit convaincue que rien ne manque à mon bonheur, parce que ses bontés me sont toujours présentes, que de tout temps je les ai cru inébranlables comme sa gloire, et qu'une fois ac-

---

Съ тѣхъ поръ, Государыня, я просилъ повторять мнѣ это ежедневно; ежедневно вашъ посолъ вынужденъ вновь выполнять свое порученіе; пока мы вмѣстѣ, онъ будетъ исполнять эту обязанность; слушая его, я чувствую, что глаза мои наполняются слезами, и наконецъ сердце мое отъ того облегчается. Теперь пора мнѣ отвѣчать на это посольство. Нѣтъ, Государыня, никогда я не думалъ, чтобъ благость Вашего Величества ко мнѣ ослабѣла или уменьшилась. Еслибъ эта роковая мысль могла когда-нибудь придти мнѣ въ голову, Ваше Величество скоро получили бы въ томъ увѣренность, потому что единственно только это несчастіе я не могъ бы пережить. Но довѣріе мое къ этой милости такъ же непоколебимо, какъ престолъ Той, отъ которой она исходитъ, и вѣра, что я не потеряю ея до конца жизни моей, сроднилась съ моимъ существованіемъ. Я конечно очень почувствовалъ разницу между неурожайными годами и предшествовавшими имъ годами плодородія; но мнѣ нетрудно было понять истинную причину этого, и подчиниться безропотно, какъ подчиняются необходимости, уповая на возвратъ счастія съ возвращеніемъ мира, о которомъ я не перестаю молиться. И развѣ я не довольно богатъ прошедшимъ счастьемъ, и эти богатства не доставляютъ ли постоянное наслажденіе? Итакъ я желаю, чтобъ моя Августѣйшая и безсмертная благодѣтельница была убѣждена, что нѣтъ ничего недостающаго моему счастію, такъ какъ милости ея всегда предо мною: издавна я ихъ считаю

quises, n'ayant jamais pu rien faire pour les mériter, je suis d'autant plus sûr de les conserver jusqu'à mon dernier étouffement. Tous les instants de mon existence lui sont consacrés, je ne la quitte pas plus que son ombre, mon amour, ma reconnaissance, mes voeux l'accompagnent, la poursuivent en tout lieu, et quelle belle place n'aurais-je pas à attendre dans le ciel si j'avais jamais pu vouer à mon Dieu la dixième partie de l'amour dont je brûle pour mon Impératrice! Ceci me rappelle que, je ne sais quel fatal contretemps ayant une fois retardé mes pancartes, l'Impératrice a poussé l'impiété jusqu'à accuser son souffre-douleur d'avoir été éclipsée dans son coeur par l'éclat de quelque prince allemand. Es ist nun freylich wohl wahr, große Genies habe ich unter den Fürsten und Mächten unseres Zeitalters gefunden, mit denen unsere Kaiserin gar in keinem einzigen Punkt sich vergleichen kann oder darf, und diese großen Genies vermehren sich allenthalben von Jahr zu Jahr zum Erstaunen, aber wenn man nun einmal gewohnt ist mit unserer Kaiserin von mittelmäßiger Statur vorlieb zu nehmen, so bleibt doch immer das Herz an sie gehängt, und die Augen werden zu kurzsichtig um die Größe der großen Genies, wenn sie auch Herkules-Keulen wären, zu umfaßen.

Ce 9 (20) octobre.

Je comptais, Madame, amasser peu à peu une pancarte énorme pour

---

непоколебимыми, подобно ея славѣ, и если я разъ пріобрѣлъ ихъ, ничего не сдѣлавъ чтобъ заслужить ихъ, то я тѣмъ болѣе увѣренъ, что сохраню ихъ до послѣдняго моего припадка удушья. Всѣ минуты моей жизни посвящены ей, я какъ тѣнь никогда не покидаю её, любовь моя, признательность, мои пожеланія сопровождаютъ её, преслѣдуютъ ее повсюду, и какого прекраснаго мѣста могъ бы я ожидать на небѣ, еслибъ я когда-нибудь могъ посвятить моему Господу хоть десятую часть любви, которой я горю къ моей Императрицѣ. Это напоминаетъ мнѣ, что когда разъ какое-то роковое препятствіе замедлило мою грамату, Императрица простерла нечестіе до обвиненія своего многострадальнаго въ томъ, что какой-то нѣмецкій принцъ затмилъ ее въ его сердцѣ. Оно конечно справедливо, что я нашелъ между князьями и властями нашего вѣка великихъ геніевъ, съ которыми наша Императрица даже ни въ одномъ пунктѣ не можетъ и не смѣетъ сравниться, и эти великіе геніи повсюду размножаются съ году на годъ; но привыкнувъ довольствоваться нашей Императрицей средняго роста, сердце остается къ ней привязаннымъ, а глаза становятся слишкомъ близоруки, чтобъ обнять величіе великихъ геніевъ, хотя бы то были Геркулесовы палицы.

9 (20) октября.

Я надѣялся, Государыня, по немножку собрать огромную грамоту, чтобъ обре-

en accabler mon auguste bienfaitrice à la première occasion sûre; mais mon Saint-Nicolas m'offre cette occasion dans l'instant même; je vais donc enfermer ce peu de lignes, et Votre Majesté pourra se vanter de l'avoir échappé belle et d'être quitte de moi à bon marché. Je ne dirai rien à Votre Majesté Impériale de Francfort; je suis bien sûr qu'à cet égard l'ambassadeur de l'Impératrice par excellence auprès de moi ne lui laisse rien à désirer. L'empereur Léopold, à qui, comme à toute la famille impériale et napolitaine, j'ai été présenté par le dit Saint-Nicolas comme chose appartenante à l'Impératrice par excellence, a eu la bonté de me traiter comme une ancienne connaissance. Le duc de Gotha a ensuite jugé à propos de profiter de mon séjour ici pour m'accréditer auprès de sa Majesté Impériale à l'effet de lui remettre sa lettre de félicitation sur son avénement à la dignité impériale. Cela m'a procuré une audience particulière, qui a duré une demi heure, et c'est beaucoup dans le tourbillon de Francfort. Les affaires de Gotha n'ayant disposé que de trois minutes, les affaires de France ont pris le reste du temps. Hélas, ce malheureux pays approche de jour en jour du terme de sa destruction, sans qu'on puisse apercevoir un signe de salut. M. Necker a fini sa carrière ministérielle, et sa réputation s'est enterrée sous les ruines de la monarchie. Je crains que M. de la Fayette ne finisse de même. Je ne vois partout que des gens qui ayant mis en mouvement une machine qu'ils n'avaient ni le talent ni la force de diriger, en

---

менить ею мою Августѣйшую благодѣтельницу при первой вѣрной оказіи; но мой святой Николай предлагаетъ мнѣ эту оказію тотчасъ же. Итакъ я запечатаю эти немногія строки, и Ваше Величество можете похвалиться, что Вы благополучно ускользнули и отдѣлались отъ меня дешево. Я ничего не скажу Вашему Императорскому Величеству о Франкфуртѣ; я вполнѣ увѣренъ, что въ этомъ отношеніи посланникъ Императрицы, преимущественно при мнѣ, не оставляетъ ничего желать. Императоръ Леопольдъ, которому я, какъ и всей Императорской и Неаполитанской семьѣ, былъ представленъ вышеупомянутымъ Святымъ Николаемъ, какъ вещь, принадлежащая болѣе всего Императрицѣ, милостиво обошелся со мною, какъ со старомъ знакомымъ. Потомъ герцогъ Готскій счелъ нужнымъ воспользоваться моимъ пребываніемъ здѣсь, уполномочивъ меня при его Императорскомъ Величествѣ, для врученія ему поздравительнаго письма по случаю возведенія его въ санъ Императорскій. Это доставило мнѣ особую аудіенцію, которая продолжалась полчаса, а это много значитъ во франкфуртской суматохѣ. Готскія дѣла взяли не болѣе трехъ минутъ, остальное время посвящено было дѣламъ Франціи. Увы! эта несчастная страна ежедневно приближается къ своему разрушенію и нѣтъ для нея ни малѣйшаго признака спасенія. Г. Неккеръ окончилъ свое министерское поприще и репутація его погребена подъ развалинами монархіи. Я опасаюсь, что Лафайэтъ кончитъ тѣмъ же. Со всѣхъ сторонъ вижу я людей, приведшихъ въ движеніе машину, для управленія которою нѣтъ у нихъ ни

ont été entraînés eux-mêmes et sont au moins la cause innocente de la perte de la France. C'est qu'il n'y a rien de plus coupable que des innocents qui se mêlent de grandes affaires, et pour la première fois peut-être la nécessité n'a pas créé les hommes qu'il fallait ou bien l'homme nécessaire pour sauver son pays. Tandis que les révolutions et les dissensions produisent naturellement une foule de caractères, il ne s'en est pas trouvé un seul dans ces temps calamiteux, et la France est devenue la proie d'un tas d'avocats, de têtes creuses se donnant pour philosophes, de polissons, de gredins, de jeunes freluquets n'ayant pas l'ombre de sens commun et jouets de quelques bandits, qui, tout criminels qu'ils sont, ne méritent pas même le titre d'illustres scélérats. Après avoir revu les cérémonies de l'élection et du couronnement d'un empereur des Romains avec le même plaisir d'enfant qu'elles m'ont fait il y a 45 ans, je vais m'arracher de l'ami de mon coeur et selon mon coeur, pour me replonger dans ce gouffre de Paris dont j'ai pour cet hiver plus mauvaise opinion que jamais; mais enfin il ne faut pas abandonner ceux à qui on a laissé, depuis qu'ils existent, le droit de compter sur nous, et puisqu'il ne dépend pas de moi d'enlever madame de Bueil avec ses enfants et son mari de la France, il faut y rentrer, et s'il est nécessaire, s'y enterrer avec elle ou à côté d'elle.

Je me sens de temps en temps le besoin de faire un petit don à mon auguste Souveraine pour preuve de ma bienveillance invariable. Cette fois

---

мѣнья, ни силъ и они, увлеченные ею, сами являются невинной причиной погибели Франціи. Но всего болѣе виноваты именно эти невинные, вмѣшивающіеся въ великія дѣла, и можетъ-быть въ первый разъ необходимость не создала нужныхъ людей или нужнаго человѣка, чтобъ спасти свою страну. Тогда какъ революція и раздоры естественно образуютъ много характеровъ, въ эти бѣдственныя времена не нашлось ни одного, и Франція сдѣлалась жертвою шайки адвокатовъ, пустыхъ головъ, выдающихъ себя за философовъ, также всякихъ повѣсъ, негодяевъ, молодыхъ франтиковъ, не имѣющихъ и тѣни здраваго смысла и являющихся игрушками въ рукахъ нѣсколькихъ бандитовъ, не заслуживающихъ, при всей своей преступности, даже имени знаменитыхъ злодѣевъ. Посмотрѣвъ вновь на церемонію избранія и коронованія Римскаго Императора съ тѣмъ же дѣтскимъ удовольствіемъ, съ какимъ я глядѣлъ на нихъ 45 лѣтъ тому назадъ, я вырвусь изъ объятій друга *моего сердца* и *друга по сердцу*, чтобъ опять окунуться въ омутъ, именуемый Парижемъ, о которомъ имѣю эту зиму худшее чѣмъ когда-либо мнѣніе; но что дѣлать? нельзя покинуть тѣхъ, кому мы отъ ихъ рожденія дали право на насъ опираться, и такъ какъ отъ меня не зависитъ увезти изъ Франціи г-жу Бюэль съ мужемъ и дѣтьми, то надо возвратиться туда, и, если нужно, лечь съ нею или возлѣ нея.

Я чувствую время отъ времени надобность сдѣлать маленькій подарокъ моей Августѣйшей Монархинѣ въ знакъ моего неизмѣннаго благоволенія. На этотъ разъ она

ci elle aura pour présent une production royale, un ouvrage du roi de Naples. Ce prince, qui a gagné ici la rougeole au moment où il devait repartir avec l'empereur pour la Bohême et la Hongrie, mais d'ailleurs sans aucun danger pour lui, a fondé près de Caserte une colonie appelée Santo Leucio, dont il s'occupe beaucoup et dont il a composé et fait publier l'institution, la législation et même le catéchisme politique. J'en ai demandé deux exemplaires, et les ai obtenus. Si Votre Majesté se croit obligée à un contre-présent au roi de Naples pour le sien, elle est assurément en fonds et en plus d'un genre de littérature. Ce qui me plaît de cette production royale, c'est qu'on dit que cette colonie est l'ouvrage du roi depuis son origine, ab ovo, jusqu'à son dernier développement. Ce roi, grand chasseur devant le Seigneur, s'occupe aussi beaucoup dans ses courses de la multiplication de l'espèce. Ayant pour principe de ne jamais toucher deux fois le même objet, il en est résulté un nombre considérable d'enfants; embarrassé des mères et de leur progéniture, il a marié les premières et les a réunies en famille dans cette colonie de Santo Leucio. Comme j'ai du faible pour les bâtards, je m'intéresse à la colonie et à la législation de cette population naissante, et j'espère que Votre Majesté accordera à cette production royale une place dans sa bibliothèque. Si l'abbé Galiani avait vécu, il aurait pu contribuer au lustre de cette population et comme prolificateur et comme législateur.

получить въ подарокъ королевское произведеніе, — работы Неаполитанскаго короля. Этотъ король, схватившій здѣсь корь въ то самое время какъ онъ долженъ былъ уѣхать съ императоромъ въ Богемію и Венгрію, но впрочемъ безъ всякой для себя опасности, основалъ возлѣ Казерты колонію по имени Santo Leucio, которою онъ много занимается, для которой составилъ и велѣлъ напечатать уставъ, законы и даже политическій катихизисъ. Я выпросилъ себѣ два экземпляра и получилъ ихъ. Если Ваше Величество считаете себя обязанной отдарить короля Неаполитанскаго за его подарокъ, то у Васъ конечно есть что дать въ разныхъ родахъ литературы. Мнѣ нравится въ этомъ королевскомъ произведеніи, что говорятъ будто это колонія — созданіе короля, отъ самаго начала, ab ovo, и до послѣдняго своего развитія. Этотъ король, исполинъ-ловецъ передъ Господомъ, много занимается также въ своихъ похожденіяхъ размноженіемъ рода. Такъ какъ онъ держится правила никогда не трогать два раза тотъ же предметъ, то отъ этого произошло значительное количество дѣтей; находясь въ затрудненіи съ матерями и ихъ потомствомъ, онъ выдалъ первыхъ замужъ и составилъ изъ нихъ семейство въ этой колоніи Santa Leucio. По слабости къ незаконнорожденнымъ, я интересуюсь колоніей и законодательствомъ этого нарождающагося народонаселенія, и надѣюсь, что Ваше Величество дадите этому королевскому произведенію мѣсто въ своей библіотекѣ. Еслибъ аббатъ Галіани былъ живъ, онъ могъ бы способствовать блеску этого населенія какъ размножитель и какъ законодатель.

Si Votre Majesté se croit aussi obligée à un contre-présent envers son souffre-douleur pour ce don vraiment royal, je lui demanderai un cordon de Saint-André, supposé qu'il y en ait un dont elle ne sache que faire, en faveur du premier ambassadeur de Saxe, comte de Schoenberg, jadis mon élève pendant quatre ans. Ce comte de Schoenberg, que nous appelons Schomberg en France, est d'une illustre naissance, se trouve à la tête du conseil d'état de Dresde, et pour avoir parcouru la même carrière que son père, il ne lui manque que la plus belle de toutes les décorations. Son père l'a reçue en 1745 après la diète d'élection où il était premier ambassadeur de Saxe, comme son fils l'est aujourd'hui. C'est à Votre Majesté à décider dans sa sagesse s'il est bon dans ces circonstances qu'il y ait dans le conseil de Dresde un membre principal à sa livrée; autrefois tout ce conseil la portait, aujourd'hui je crois qu'il n'y a plus dans cette cour que M. de Marcolini au bleu de Russie. Ce comte de Schoenberg a en France un frère aîné, lieutenant-général, qui a servi avec la plus grande distinction; c'est mon ami depuis l'âge de onze ans. Il risque aussi d'être ruiné de fond en comble par la sublime Assemblée nationale, ainsi que tout le militaire de France. Mais il est philosophe, et il n'a qu'une passion, c'est celle de la brave femme. C'est ainsi qu'il ose appeler ce que les gens de Grimma nomment den ganzen Kerl. Votre Majesté verra dans sa lettre ci-jointe du

---

Если Ваше Величество сочтете также обязанностью отдарить своего многострадальнаго за этотъ истинно царскій даръ, я попросилъ бы у Васъ Андреевской ленты, (предполагая, что есть лишняя, которую Вы не знаете куда помѣстить), для перваго Саксонскаго посланника, графа Шэнберга, нѣкогда ученика моего въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Этотъ графъ Шэнбергъ, котораго мы зовемъ Шомбергомъ во Франціи — изъ знаменитаго рода, находится во главѣ государственнаго совѣта въ Дрезденѣ, и чтобъ вполнѣ пройти карьеру своего отца ему недостаетъ только самаго лучшаго изъ орденовъ. Отецъ его получилъ этотъ орденъ въ 1745 г. послѣ курфиршескаго сейма, на которомъ онъ былъ первымъ саксонскимъ посланникомъ, какъ нынѣче сынъ его. Вашему Величеству предстоитъ рѣшить въ своей мудрости, хорошо ли въ настоящихъ обстоятельствахъ, чтобъ былъ въ дрезденскомъ совѣтѣ главный членъ въ Вашей ливреѣ; въ прежнія времена весь совѣтъ носилъ ее; нынѣче, я думаю, при этомъ дворѣ одинъ г. Марколини носитъ русскій голубой цвѣтъ. Этотъ графъ Шомбергъ имѣетъ во Франціи старшаго брата, генералъ-лейтенанта, служившаго съ величайшимъ отличіемъ; это другъ мой съ одиннадцатилѣтняго возраста. Онъ тоже въ опасности потерпѣть совершенное разореніе отъ высокаго національнаго собранія, также какъ и всѣ военные во Франціи. Но онъ философъ, и у него только одна страсть: это страсть къ достойной женщинѣ. Такъ осмѣливается онъ называть ту, которую люди Гриммы зовутъ «молодцомъ». Ваше Величество увидите

15 juin combien il était affligé alors de ce qui s'était passé à Friderikshamn et qu'il croyait un revers. Il aura été consolé depuis par la paix de Werela, et pour ne point diminuer sa joie, je lui cacherai soigneusement la découverte que j'ai faite ici et qui m'a été bien sensible. C'est que cette paix nous coûte plus cher que je ne comptais, puisqu'elle a occasionné à notre Impératrice une dépense de deux archines du plus beau velours bleu au profit du Monarque Suédois, naguère Falstaf Schlaf, aujourd'hui Vetter wach. Nun das ist freylich ein wenig theuer.

Suivant mes lettres de France le sort de l'ordre de Malte doit être décidé à l'heure qu'il est, et vraisemblablement l'auguste nation l'aura dépouillé de ses biens, pour être fidèle à ses principes et uniforme dans ses sublimes opérations. Das bitte ich unsere allergnädigste Kaiserin, qui est aussi uniforme, zu beherzigen. Puisque le comte de Romantsof me demande impitoyablement mon paquet sans aucun égard pour les besoins de mon coeur, qui exigeraient encore huit jours au moins de griffonnage, j'embrasse les genoux de mon auguste Souveraine, dont il n'est au pouvoir de personne de m'arracher, et je dépose à ses pieds l'hommage du plus profond respect; je dirais aussi du plus tendre, mais ceci est un secret.

изъ приложеннаго здѣсь письма отъ 15 іюня, сколько онъ былъ огорченъ тогда тѣмъ, что происходило въ Фридрихсгамѣ и что онъ считалъ неудачей. Онъ долженъ былъ съ тѣхъ поръ утѣшиться Верельскимъ миромъ, и чтобъ не уменьшить его радости, я отъ него тщательно утаю сдѣланное мною здѣсь открытіе, весьма для меня чувствительное. Миръ этотъ намъ стóитъ дороже, чѣмъ я расчитывалъ, такъ какъ онъ потребовалъ отъ Императрицы издержки двухъ аршинъ превосходнѣйшаго голубого бархата въ пользу Шведскаго монарха, нѣкогда Фальстафа соннаго, нынѣ двоюроднаго братца пробужденнаго [1]). Ну это, правда, немножко дорого.

По письмамъ ко мнѣ изъ Франціи судьба Мальтійскаго ордена должна быть рѣшена въ настоящую минуту и вѣроятно августѣйшая нація отобрала у него имущества, чтобъ быть вѣрной своимъ началамъ и однообразной въ своихъ великихъ операціяхъ. Это я прошу нашу милостивѣйшую Императрицу, которая также однообразна,—принять къ соображенію. Такъ какъ графъ Румянцовъ безжалостно требуетъ у меня пакета, безъ всякаго вниманія къ потребностямъ моего сердца, которое желало бы имѣть по крайней мѣрѣ еще недѣлю для царапанья, то я обнимаю колѣна Августѣйшей Монархини, отъ которыхъ никто не въ силахъ оторвать меня, и повергаю къ стопамъ ея выраженіе глубочайшаго почитанія; сказалъ бы также нѣжнѣйшаго, но это секретъ.

---

[1]) Игра словъ Falstaf Schlaf — Vetter wach. См. выше стр. 259.

30.

à Francfort, ce 1 (12) novembre 1790.

Madame. En m'arrachant des bras d'un ami si tendrement et si justement chéri, je perds la douce habitude contractée depuis près de deux mois, de parler matin et soir ou plutôt du matin au soir de l'objet auguste de ma passion et de mon culte, avec un homme capable et digne de m'entendre. Ce n'est pas ce moment pénible que je choisirai pour écrire à Votre Majesté Impériale. Elle trouverait avec raison que les lamentations du grand prophète Jérémie sont des bouffonneries auprès de celles du souffre-douleur impérial. Pour me calmer je cours tout droit me replonger dans le gouffre où règnent la méchanceté et la démence, et où les affaires empirent de jour en jour. Je n'y ai nulle affaire, et cependant j'y cours, je quitte le plus tendre ami, je résiste à ses instances, parce que, ne pouvant enlever ma petite pupille et ses enfants de la France, il est indispensable, puisque je l'ai accoutumée depuis qu'elle existe à compter sur moi, que j'aille la rassurer par ma présence et partager les dangers dont je ne puis la préserver.

Dès que je serai rentré dans ma solitude si peu sûre et rendu à moi-même, j'aurai recours à mon bienfaiteur Bacchus pour qu'il porte au pied

---

30.

Франкфуртъ, 1 (12) ноября 1790.

Государыня. Вырвавшись изъ объятій друга, столь нѣжно и справедливо любимаго, я теряю сладостную привычку, пріобрѣтенную въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, говорить утромъ и вечеромъ, или, лучше сказать, съ утра до вечера объ Августѣйшемъ предметѣ моей страсти и моего поклоненія, съ человѣкомъ способнымъ и достойнымъ меня слушать. Не эту трудную минуту изберу я, чтобъ писать Вашему Императорскому Величеству. Вы справедливо нашли бы, что жалобы великаго пророка Іереміи — шутки въ сравненіи съ жалобами Императорскаго многострадальнаго. Чтобъ успокоить себя я прямо лечу окунуться въ пучину, гдѣ царствуютъ злоба и безуміе и гдѣ дѣла день ото дня ухудшаются. Я не имѣю тамъ никакого дѣла, и однакоже бѣгу туда; я покидаю самаго нѣжнаго друга, я противлюсь его упрашиваньямъ, потому что, не будучи въ возможности увезти мою маленькую воспитанницу и ея дѣтей — изъ Франціи, но, разъ пріучивъ ее съ рожденія надѣяться на меня, я необходимо долженъ ѣхать её успокоить своимъ присутствіемъ и раздѣлить опасности, отъ которыхъ не могу уберечь её.

Только что я возвращусь въ свое уединеніе столь невѣрное и буду опять принадлежать себѣ, я прибѣгну къ моему благодѣтелю Бахусу, чтобъ онъ поднесъ

du trône la reconnaissance des gens de Grimma du dernier bienfait qu'ils doivent à leur auguste Souveraine. Je leur ai fait la morale de mon mieux sur leur ridicule conduite de Bourbonne. Ils n'ont pas manqué de répliquer, les si et les mais ne manquent jamais à ces gens-là; cependant ils m'ont promis de se taire provisoirement, et d'imiter le grand exemple de l'immortelle dans les grandes occasions comme le modèle le plus sublime en tout genre. J'ai prolongé ici mon séjour de huit jours, et certes je ne demandais pas mieux, dans l'espérance de voir arriver M. de Maschkof. C'est un lanternier, il n'a pas paru sur l'horizon de Francfort; je vais donc me rendre à Paris pour l'attendre de pied ferme et lui enlever la pancarte qu'il me retient.

Dans une course que j'ai faite à Gotha, j'ai trouvé qu'il y régnait un excellent esprit et que nos écrivains n'avaient pas gagné le mal français comme tant d'autres beaux-esprits de Germanie dans plus d'une contrée Nos plumes de Gotha ont efficacement contribué à éteindre le feu de la sédition dans la Saxe électorale, comme Votre Majesté verra par le „Rebellions-Fieber" et d'autres pamphlets ci-joints, que la cour de Dresde leur a demandés par milliers pour les répandre parmi ses sujets rebelles. Cette folie paraît entièrement assoupie. Dès que je serai à Paris, j'aurai l'honneur de parler à mon auguste Souveraine d'un livre intitulé das kleine Noth- und

---

къ подножію престола признательность людей Гриммы за послѣдніе благодѣянія, оказанныя имъ Августѣйшей Государыней. Я, какъ умѣлъ, прочелъ имъ мораль на счетъ ихъ смѣшного поведенія въ Бурбоннѣ. Они не преминули возражать, у этихъ людей никогда не выводятся: «если» да «но»; однако они мнѣ обѣщали предварительно помолчать и послѣдовать великому примѣру безсмертной въ важныхъ случаяхъ, какъ образцу всего высокаго во всѣхъ родахъ. Я продлилъ здѣсь свое пребываніе на недѣлю, и конечно ничего лучшаго желать не могъ въ надеждѣ дождаться Машкова. Это медлитель, онъ не явился на Франкфуртскомъ горизонтѣ; итакъ я ѣду въ Парижъ, чтобъ ожидать его твердою ногою и овладѣть тотчасъ грамотою, которую онъ у меня задерживаетъ.

Въ поѣздку, сдѣланную мною въ Готу, я нашелъ, что тамъ господствуетъ прекрасное настроеніе и что наши писатели не заразились французской болѣзнію, какъ столько другихъ умниковъ Германіи во многихъ частяхъ ея. Наши готскія перья положительно способствовали потушенію возстанія въ курфиршеской Саксоніи, какъ Ваше Величество увидите изъ «Горячки бунта» и другихъ памфлетовъ здѣсь прилагаемыхъ, которые Дрезденскій дворъ требовалъ у нихъ тысячами, чтобъ распространять ихъ между непокорными подданными. Это безуміе кажется совершенно прекратилось. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, буду имѣть честь говорить съ моей Августѣйшей Монархиней о книгѣ подъ заглавіемъ: Маленькая книжка для помощи въ нуждѣ

Hülfs-Büchlein, dont l'auteur établi à Gotha a, lui seul, vendu plus de cent mille exemplaires, quoique son livre ait été contrefait dans toutes les parties d'Allemagne.

Ma mauvaise plume et mes yeux humides et plus encore les chevaux de poste qui s'impatientent à ma voiture, m'imposent la nécessité de m'arracher du pied du trône de l'immortelle, comme je vais m'arracher des bras d'un ami irremplaçable pour moi. Je supplie Votre Majesté Impériale d'avoir pitié de son souffre-douleur, de lui conserver ses bontés inappréciables, et de trouver bon qu'il dépose à ses pieds l'hommage du plus profond respect.

Si Votre Majesté se rappelle les ordres qu'elle a donnés au comte de Romantsof pour moi au moment de son départ, elle doit bien croire qu'il n'y a pas un mot qui n'ait percé mon pauvre coeur d'outre en outre de reconnaissance, de tendresse et de cet amour dont Dieu veut être aimé par ses créatures.

31.

A Paris, ce 13 (25) novembre 1790.

Madame. Mon almanach, le seul véritable puisqu'il est luthérien, m'or-

---

(das kleine Noth- und Hülfs-Büchlein), которой авторъ, живущій въ Готѣ, одинъ продалъ болѣе ста тысячъ экземпляровъ, хотя книга его была перепечатана во всѣхъ частяхъ Германіи.

Мое дурное перо и влажные отъ слезъ глаза, а еще болѣе нетерпѣніе почтовыхъ лошадей моей кареты налагаютъ на меня необходимость оторваться отъ подножія престола безсмертной, какъ я собираюсь вырваться изъ объятій незамѣнимаго моего друга. Я умоляю Ваше Императорское Величество сжалиться надъ своимъ многострадальнымъ, сохранить ему свои неоцѣненныя милости и позволить ему повергнуть къ стопамъ Вашимъ выраженіе глубочайшаго благоговѣнія.

Если Ваше Величество помните приказанія, данныя графу Румянцову на мой счетъ въ минуту его отъѣзда, Вы должны вѣрить, что нѣтъ ни одного слова, которое бы не пронизало мое сердце насквозь признательностью, нѣжностью и тою любовью, какой Господь требуетъ отъ своихъ созданій.

31.

Парижъ, 14 (25) ноября 1790 г.

Государыня. Мой альманахъ, единственно вѣрный, такъ какъ онъ лютеранскій,

donne de célébrer aujourd'hui la fête de Sainte et Grande Catherine, deux dames qui ne se ressemblent guère, mais il convient et plaît à Votre Majesté Impériale de me renvoyer aux calendes grecques et de m'obliger à ne chômer cette fête que dans onze jours; je ne suis pas le plus fort, il faut le souffrir. Quand je dirai à mon auguste Souveraine, que je suis ici depuis cinq jours; que j'ai quitté Francfort le 1 (12), après avoir dépêché à Bacchus, mon protecteur, quelques élans pour l'immortelle; que je me suis arraché des bras de mon Saint-Nicolas en étouffant; que je suis rentré dans Paris avec le coeur navré, et que pour ma bienvenue on m'a donné pour spectacle national le saccage de l'hôtel de Castries, Votre Majesté me demandera: Eh, qui donc, imbécile, t'obligeait d'y revenir? Ah, qui m'y obligeait! Ce n'est, certes, ni mon plaisir, ni le voeu de mon coeur qui m'y ont ramené. J'aurais pu passer l'hiver le plus doux auprès de mon saint à Francfort; nos excursions continuelles à Tsarsko-Sélo, à Pétersbourg, à l'Ermitage, auraient trompé mon coeur, et je m'y serais cru transporté dans de certains moments. J'aurais pu m'établir à Lausanne auprès du maréchal de Castries, à qui je suis attaché depuis 40 ans, qui s'y est retiré dès le commencement de la régénération des Gaules, parce que dès le commencement il en a prévu toutes les bénédictions qui allaient fondre sur nous. J'aurais dû pour l'intérêt de ma santé détruite et que Paris achèvera promptement, chercher un ciel plus doux, celui de Nice ou de Pise ou de

---

велитъ мнѣ праздновать нынче день Святой и день Великой Екатерины, двухъ дамъ другъ на друга вовсе не похожихъ; но Вашему Величеству нужно и угодно отослать меня къ календарю греческому и заставить меня справлять этотъ праздникъ только чрезъ одиннадцать дней; сила не на моей сторонѣ, надо терпѣть. Когда я скажу Вашему Величеству, что я здѣсь уже пять дней, что я покинулъ Франкфуртъ 1 (12), отославъ Бахусу, моему покровителю, нѣсколько посланій къ безсмертной, что я вырвался изъ объятій моего Святого Николая задыхаясь, что я вступилъ въ Парижъ съ растерзаннымъ сердцемъ, и что пріѣздъ мой привѣтствованъ былъ народнымъ зрѣлищемъ грабежа отеля Кастри, Ваше Величество спросите меня: Да кто же, безумецъ, заставлялъ тебя туда возвращаться? Ахъ! кто заставлялъ? Конечно не удовольствіе, конечно не желаніе моего сердца возвратили меня сюда. Я могъ бы провести самую пріятную зиму возлѣ своего святого во Франкфуртѣ; наши безпрерывныя прогулки въ Царское село, въ Петербургъ, въ Эрмитажъ обманывали бы мое сердце, и я въ иныя минуты мечталъ бы, что перенесенъ туда. Я могъ бы расположиться въ Лозаннѣ, возлѣ маршала Кастри, къ которому я привязанъ уже 40 лѣтъ, который переѣхалъ туда со времени возрожденія Галліи, потому что онъ съ самого начала предвидѣлъ всѣ благословенія, которыя намъ готовились. Я бы долженъ былъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья, которое Парижъ быстро доконаетъ, поискать болѣе мягкаго неба, напр. Ниццы, Пизы или Неаполя, чтобъ дышать тамъ

Naples, pour pouvoir y respirer librement et sans étouffer. Mais Votre Majesté ne m'a-t-elle pas appris depuis longtemps par son glorieux exemple, qu'il y a une vertu cardinale sans laquelle les autres ne méritent pas leurs noms? Cette vertu est la constance. C'est à elle que le prince Potemkine a adressé son ode ou son cantique, entre toutes les qualités de l'immortelle. Ce cantique, pour le dire en passant, a été évidemment inspiré par la salutation de l'ange à Marie, et le prince prophète avait bien le droit de chanter à l'occasion de la paix de Wärela, *ave*, *Catherina*, *constans*, *invicta;* mais il ne fallait pas oublier *gratiae plena*, parce que premièrement cela est, en second lieu c'est l'essentiel d'une salutation angélique, et enfin parce que cette plénitude de grâces n'empêche pas un brin notre saluée d'être têtue autant qu'il faut et comme il faut. Or, puisque la constance est la première de ses vertus, comment son souffre-douleur oserait-il en manquer et ne point imiter de loin celle dont l'image rayonnant de gloire l'obsède jour et nuit? Je me suis donc dit qu'ayant accoutumé madame de Bueil depuis qu'elle existe à compter sur moi, ce n'était pas le moment de l'abandonner, et que, puisqu'elle était attachée à la glèbe par les petites possessions de son mari, et puisqu'avec trois enfants et une mince fortune aussi détruite que les plus considérables de la ci-devant France, il n'était pas en mon pouvoir de la tirer d'ici et de lui faire quitter sa triste patrie, comme ont fait tous ceux qui en avaient la possibilité, c'était à moi à revenir ici

---

свободно и незадыхаясь. Но Ваше Величество не научили ли меня давно своимъ славнымъ примѣромъ, что есть первостепенная добродѣтель, безъ которой другія не стòятъ своего имени? Эта добродѣтель постоянство. Ей-то преимущественно передъ всѣми качествами безсмертной — князь Потемкинъ посвятилъ свою оду или кантату. Эта кантата, скажемъ мимоходомъ, была явно внушена Ангельскимъ привѣтствіемъ Маріи, и князь пророкъ имѣлъ право пропѣть по случаю Верельскаго мира: ave Cathérina, constans, invicta; но не надо было забыть: gratiae plena потому что во 1-хъ оно такъ и есть, во 2-хъ это главная часть привѣтствія Ангельскаго; а наконецъ и потому что эта полнота благодати ни мало не мѣшаетъ нашей привѣтствуемой быть упрямой сколько нужно и гдѣ нужно. Итакъ если постоянство есть первая изъ ея добродѣтелей, какъ смѣлъ бы многострадальный не имѣть её и не подражать издали той, которой образъ сіяющій славою преслѣдуетъ его день и ночь. Поэтому я сказалъ себѣ, что пріучивъ госпожу де Бюэль расчитывать на меня, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ, въ такую минуту я не могу ее покинуть. И какъ она привязана къ почвѣ маленькимъ имуществомъ своего мужа, и потомъ съ тремя дѣтьми и скудными средствами, столь же разстроенными какъ и самыя большія имѣнія прежней Франціи, я конечно не былъ въ состояніи вывезти её отсюда и заставить её покинуть свое печальное отечество, какъ сдѣлали всѣ, имѣвшіе на то возможность. Стало быть, мнѣ

partager le sort de mon enfant adoptif, à la soutenir, quoiqu'à 25 lieues l'un de l'autre, autant qu'il dépendait de moi, et enfin à m'ensevelir auprès d'elle s'il le faut et si mes étouffements physiques, qui se sont déjà rétablis depuis mon retour, m'en font la loi. Cette nécessaire résolution a déjà eu sa récompense, car le ciel juste se plaît à encourager même le plus faible effort d'un souffre-douleur pour imiter die Mutter der unerschrockenen Standhaftigkeit, que les gens de Grimma appellent tantôt la mère remplie de grâce, ainsi que la salutation angélique l'ordonne, tantôt den ganzen Kerl, ayant recours à l'une ou l'autre de ces dénominations suivant que leur coeur est tourmenté ou leur tête renversée. Ainsi, rentré dans ce gouffre de Paris avec un coeur déchiré de mille manières et passant les trois premiers jours dans les plus épaisses ténèbres, la clémence du ciel a daigné les dissiper le quatrième en me faisant apparaître le messager céléste Maschkof que j'avais inutilement attendu à Francfort, et avec lui tous les dons de l'immortelle. Un frissonnement universel et pénétrant jusqu'à la moëlle des os m'a saisi à l'aspect de ces dons, parmi lesquels la pancarte brille d'un éclat qui a pensé me faire mourir de joie et de reconnaissance, ce qui est la plus douce à la fois et la plus violente manière de quitter ce monde. Il m'a fallu, depuis la réception de mes paquets, deux fois vingt-quatre heures de pourparlers avec les gens de Grimma, avant de pouvoir prendre la plume et tracer cette introduction historique à ma pancarte, qui partira pour le séjour de la

---

слѣдовало возвратиться сюда, чтобы раздѣлить судьбу моей питомицы, поддержать её, хотя насъ раздѣляло пространство въ двадцать пять миль, и наконецъ похоронить себя возлѣ нея, если надо, и если мои припадки удушья, возобновившіеся съ пріѣзда моего, потребуютъ того отъ меня. Это вынужденное рѣшеніе получило уже свою награду, ибо праведное Небо всегда любитъ поощрять даже самое слабое усиліе многострадальнаго къ подражанію матери неустрашимой твердости, которую люди Гриммы называютъ то матерью исполненною благодати, какъ велитъ Ангельское привѣтствіе, то молодцомъ, прибѣгая попеременно то къ одному, то къ другому названію, смотря по тому, мучится ли ихъ сердце или разстроена голова. Итакъ, вернувшись въ этотъ Парижскій омутъ съ сердцемъ растерзаннымъ всѣми способами, я провелъ три первые дня въ самой глубокой тьмѣ; но милосердое небо наконецъ разсѣяло эту тьму на четвертый день появленіемъ небеснаго вѣстника Машкова, котораго я напрасно ждалъ во Франкфуртѣ, а съ нимъ пришли и всѣ дары безсмертной. Повсемѣстная и потрясающая дрожь проняла меня до мозга костей при видѣ этихъ даровъ, между которыми грамота блистала такимъ сіяніемъ, что я чуть не умеръ отъ радости и благодарности, что было бы самымъ сладкимъ, но и самымъ насильственнымъ способомъ удаленія изъ этого міра. Мнѣ надо было по полученіи пакетовъ двое сутокъ переговоровъ съ людьми Гриммы, чтобъ быть въ состояніи взять перо и начертать это историческое вступленіе къ моей грамотѣ, которая поѣдетъ въ обитель славы, когда ми-

gloire quand il plaira au ciel miséricordieux de lui en ménager l'occasion. Il me faudra bien le double de ce temps pour remettre un peu d'ordre dans ma tête avant de griffonner autant que mes étouffements me le permettront. En attendant je dirai à Votre Majesté que l'image révérée et magnifiquement encadrée de mon auguste Souveraine que je dois à mon bienfaiteur Jarkoï, a été reçue avec les mêmes cérémonies et la même dévotion avec lesquelles mon protégé, le comte Souvarof Rymnikski reçut son cordon de Saint-André à Kinburn; excepté de n'avoir pas communié, je puis me vanter d'avoir ri, pleuré et eu, autant que lui, l'air d'un possédé. Il est cependant impossible que ce cordon de Saint-André lui ait causé le même mouvement de joie et de reconnaissance qu'à moi l'image révérée, parce que j'en suis épuisé, anéanti, et que chez lui ce mouvement a produit redoublement sur redoublement, dont les bons musulmans ont été obligés de payer toutes les façons. Ma joie n'extermine que moi, celle du héros, comte des deux empires, extermine les ennemis de notre Impératrice; ma joie est plus concentrée, la sienne plus excentrique: Que n'ai-je communié, comme lui, et sous les deux espèces, avant de toucher à l'image révérée. Cet acte de piété m'aurait peut-être donné la force de supporter ma joie et de ne pas succomber sous le poids de la reconnaissance. Nun gebenedeyet sey, allergnädigste Frau, die gratiae plena, auf Deutsch die huldreiche Mutter der Frucht ihrer unerschrocknen Standhaftigkeit, welche ihren Schmerzdulder mit diesem

---

лосердому Небу угодно будетъ доставить ей къ тому случай. Мнѣ же нужно будетъ вдвое болѣе времени, чтобъ привести въ нѣкоторый порядокъ мою голову, прежде чѣмъ я начну царапать насколько мое удушье мнѣ позволитъ. Покамѣстъ я скажу Вашему Величеству, что высокочтимое изображенiе въ великолѣпной рамѣ моей Августѣйшей Монархини, которымъ я обязанъ своему благодѣтелю Жаркому, было принято съ тѣми же обрядами и съ тѣмъ же благоговѣнiемъ, съ какими мой протеже графъ Суворовъ Рымникскiй получилъ свою Андреевскую ленту въ Кинбурнѣ; я только не причащался, но могу похвастать что смѣялся, плакалъ и не менѣе его имѣлъ видъ бѣсноватаго. Однакоже невозможно, чтобъ эта Андреевская лента причинила ему такое же движенiе радости и признательности, какъ мнѣ высокочтимое изображенiе, потому что я чувствую себя изнуреннымъ, уничтоженнымъ, а въ немъ это движенiе произвело повторенiе и повторенiе ударовъ, которое дорого обошлось Мусульманамъ. Моя радость уничтожаетъ только меня, радость героя-графа двухъ имперiй уничтожаетъ враговъ нашей Императрицы; моя радость сосредоточеннѣе, его радость эксцентричнѣе. Ахъ, зачѣмъ и я не причастился какъ онъ и еще въ двухъ видахъ, прежде чѣмъ прикоснулся къ высокочтимому изображенiю. Это благочестивое дѣйствiе можетъ-быть дало бы мнѣ силу перенести радость мою и не изнемочь подъ бременемъ признательности. Ну, да будетъ благословенна всемилостивѣйшая жена gratiae plena, по-нѣмецки милосердая мать плода ея неустрашимой твердости, которая жалуетъ своего много-

unschätzbaren Bilde der Unsterblichen begnadiget! Votre Majesté me dira peut-être que ceci n'est qu'une singerie de l'élan de génie du prince Potemkine le Taurien; mais j'en demande une traduction littérale en russe, et mon trait pourra peut-être se soutenir à côté du sien. Ah, si j'avais su faire des cantiques en russe, je ne serais pas où je suis! Il me sera bien dur, quand je serai à mon chant de cygne, de ne pouvoir le fredonner en russe, et d'être réduit à le chanter tout platement en latin, en allemand ou en français, comme Siméon dans son jargon juif: nunc dimittis servum tuum, domine: Seigneur, c'est actuellement que tu laisses mourir ton souffre-douleur en paix, car mes yeux ont vu ton ointe sortir triomphante de tous les malins vouloirs et de toutes les embûches de ses ennemis circoncis et non circoncis, lesquels, barbus ou rasés, beschnittene oder unbeschnittene, möchte doch, tutti quanti, alle und jede, der Teufel holen, pour les récompenser de l'ennui qu'ils m'ont causé! Amen!

Ce 24 novembre (5 décembre).

Pour le coup Votre Majesté ne peut empêcher que toute la synagogue du souffre-douleur ne soit illuminée à l'honneur de la patronne du jour, et son image révérée exposée dans son cadre magnifique. Pour solemniser

---

страдальнаго этимъ неоцѣненнымъ изображеніемъ безсмертной. Ваше Величество можетъ-быть скажете мнѣ, что это только обезъяничанье съ геніальнаго порыва князя Потемкина-Таврическаго; но я требую буквальнаго русскаго перевода, и мое изобрѣтеніе можетъ-быть устоитъ рядомъ съ его изреченіемъ. Ахъ, еслибъ я умѣлъ сочинять псалмы по-русски, я былъ бы не тамъ, гдѣ я теперь. Мнѣ будетъ очень тяжело, когда придетъ время пропѣть свою лебединую пѣснь, что нельзя будетъ напѣвать её по русски, а надо будетъ пѣть её весьма пошло по-латыни, по-нѣмецки или по-французски, какъ Симеонъ на своемъ іудейскомъ нарѣчіи: nunc dimittis servum tuum, Domine: Владыко, нынѣ отпускаешь Ты своего многострадальнаго въ мирѣ, ибо очи мои видѣли какъ помазанница Твоя вышла торжествующею изъ всѣхъ злыхъ замысловъ и козней враговъ своихъ, обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, бородатыхъ и бритыхъ, и чтобъ ихъ tutti quanti, всѣхъ и каждаго, взялъ дьяволъ, чтобъ вознаградить ихъ за огорченія, которыя они мнѣ причинили! Аминь!

24 ноября (5 декабря).

На этотъ разъ Ваше Величество не можете помѣшать, чтобъ вся синагога многострадальнаго не была иллюминована въ честь виновницы праздника, а ея высокочтимое изображеніе выставлено въ великолѣпной рамѣ. Чтобъ ознаменовать этотъ

cette fête, je vais d'abord lire la divine pancarte apportée par Maschkof, à haute et intelligible voix pour la vingtième ou trentième fois et d'un bout à l'autre, ce qui, comme Votre Majesté sait, n'arrive pas dans les premiers jours, où l'inquiétude de n'y pas trouver ce qu'il faut ou d'y trouver ce qu'il ne faut pas, vous fait attaquer une pancarte de l'immortelle par tous les bouts et la retourner et renifler en tout sens avant d'oser la lire méthodiquement depuis son commencement jusqu'à sa fin. Après cette lecture, qui tient ici la place du panégyrique prononcé dans la chapelle impériale, et qui la remplit parfaitement bien. parce que l'oeuvre loue bien mieux l'ouvrier, que tout ce que le grand Platon et l'apostolique archevêque de Pétersbourg ont pu débiter en chaire. à sa louange, je ferai un acte de pénitence pour n'avoir pas encore parlé à mon auguste Souveraine, au milieu des plus violents accès de ma reconnaissance, ni du profil des six têtes, ni des médailles grande et petite frappées à l'occasion de la paix de Wärela. Ces six profils ont fait tracer dans ma divine pancarte Maschkofienne six portraits d'une touche ferme et sûre qui peint pour la posterité à qui je les lèguerai, en les déposant avec les profils gravés dans le trésor de Katinka de Bueil. C'est lorsque ces enfants, élevés près du trône de la gloire, auront rempli en partie leurs hautes destinées, que le portrait de leur enfance et de ce qu'elle annonce, tel que je le possède et tracé par une telle main, paraîtra un véritable prodige; je n'ai donc pas le droit d'en priver la posterité. Quant à la

---

праздникъ, я прежде всего стану читать божественную грамоту, привезенную Машковымъ, громкимъ и внятнымъ голосомъ въ двадцатый или тридцатый разъ и отъ начала до конца, что́, какъ Ваше Величество знаете, невозможно въ первые дни. Тутъ безпокойство не отыскать въ ней то, чего хочется, или найти то, чего не нужно, заставляетъ васъ набрасываться на грамоту безсмертной со всѣхъ концовъ, вертѣть её и обнюхивать со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ рѣшишься прочесть её систематически отъ доски до доски. Послѣ этого чтенія, которое здѣсь заступаетъ мѣсто похвальнаго слова, произнесеннаго въ Императорской капеллѣ, и прекрасно выполняетъ эту задачу, такъ какъ твореніе гораздо лучше хвалитъ творца, нежели все то, что великій Платонъ и апостолическій архіепископъ Петербургскій могли произнести съ каѳедры въ похвалу ей, я приношу повинную въ томъ, что не говорилъ еще своей Августѣйшей Государынѣ, среди сильнѣйшихъ припадковъ признательности, ни о профилѣ шести головокъ, ни о двухъ медаляхъ, большой и малой, выбитыхъ по случаю Верельскаго мира. Эти шесть профилей вызвали въ моей божественной Машковской грамотѣ начертаніе шести портретовъ кистью твердою и вѣрною, рисующею для потомства, которому я оставлю ихъ въ наслѣдство, положивъ ихъ вмѣстѣ съ гравированными профилями въ хранилище Катеньки Бюэль. Когда всѣ эти дѣти, воспитанныя возлѣ престола славы, выполнятъ отчасти свое высокое призваніе, то портреты ихъ дѣтства и всего что оно обѣщаетъ, находящіеся въ моемъ обладаніи и начертанные такой

superbe médaille de la pacification bâclée entre les deux barons, je ne saurais disconvenir qu'elle ne soit bien placée dans le médailler du souffre-douleur: car il est aujourd'hui avéré que cette exécrable guerre finnoise, qu'il a aussi peu prévue que l'oeuvre de la démence et scélératesse gauloises, a été l'origine et la cause de ses étouffements, et il n'est pas moins certain que cette paix aussi inattendue que tout autre miracle ou prodige a pensé lui déranger entièrement la tête.

Le tourbillon du couronnement de Léopold m'a empêché de dire à Votre Majesté combien j'ai eu à souffrir des gens de Grimma pendant mon voyage de Bourbonne à Francfort, à l'occasion de cette paix. A mesure que cette paix se nichait dans leur tête, au lieu de les y accoutumer, elle augmentait leur folie. Je m'étais résigné à leur voir faire des gambades, à entendre leurs cris de l'autre monde. Nun das ist ein Meisterstück, das ist ein Kunstgriff, das ist ein Hauptstreich. De temps en temps je leur disais: Nun, ihr Narren, habt ihr denn von eurem ganzen Kerl etwas anderes als Hauptstreiche erwarten können? Ne voulaient-ils pas, Madame, me forcer le second jour de la route de dépêcher sans perte de temps tout exprès un courrier à Votre Majesté! Et pourquoi faire? C'est qu'il ne suffit pas, me dirent-ils, de s'être débarrassé d'un ennemi; il ne faut pas qu'elle reste en si beau chemin; il faut qu'elle oublie ses fredaines, et qu'elle s'en fasse un ami à pendre à dépendre.—

рукою, покажутся истиннымъ чудомъ. Итакъ лишить ихъ потомство я не имѣю права. Что касается до чудесной медали мира, заключеннаго между двумя баронами, я не отрицаю, что она будетъ весьма на мѣстѣ въ коллекціи медалей многострадальнаго. Теперь дознано, что эта отвратительная финская война, столь же мало предвидѣнная, какъ и дѣло безумія и злодѣйства гальскаго, была началомъ и причиною его удушья, и не менѣе достовѣрно, что этотъ миръ столь же неожиданный, какъ и всякое другое чудо, едва не разстроилъ окончательно его головы.

Вихрь коронаціи Леопольда помѣшалъ мнѣ сказать Вашему Величеству, какъ я долженъ былъ страдать отъ людей Гриммы во время моего путешествія изъ Бурбонны во Франкфуртъ, по случаю этого мира. По мѣрѣ того, какъ миръ этотъ забирался въ ихъ голову, вмѣсто того чтобъ пріучать ихъ къ этой мысли, онъ только увеличивалъ ихъ безуміе. Я уже готовился увидѣть ихъ прыжки, услышать ихъ оглушительные крики. Ну ужъ вотъ мастерское дѣло, вотъ ловкая штука, вотъ капитальный подвигъ. Время отъ времени я говорилъ имъ: ну вы, дураки, развѣ вы отъ своего молодца могли ожидать чего-нибудь иного, кромѣ капитальныхъ подвиговъ? Они даже было вздумали, Государыня, побуждать меня на второй день путешествія отправить, не теряя времени, нарочнаго къ Вашему Величеству! Да зачѣмъ же? А затѣмъ, говорили они мнѣ, что недостаточно отдѣлаться отъ врага, не надо ей оставаться на полудорогѣ, надо забыть его проказы и сдѣлать себѣ изъ него друга, готоваго идти за неё въ огонь и въ воду. — А какъ же за это взяться? — Нѣтъ

Et comment faut-il qu'elle s'y prenne pour cela?—Rien de si aisé. Elle n'a qu'a lui avouer confidentiellement qu'à la vérité son ressentiment a été bien grand, bien profond; mais qu'il n'a pu tenir contre l'admiration que sa valeur personnelle lui a inspirée; que ce sentiment l'a subjuguée et lui a fait oublier tout le passé. Don Quichotte, m'observèrent les gens de Grimma, n'a jamais aspiré à d'autre gloire que celle de l'intrépidité personnelle; à ce prix il consentait d'être moulu, roué de coups; et l'on sait du reste que le héros de la Manche est le modèle favori du héros dont nous voulons qu'elle fasse la conquête. Si une fois celui-ci se persuade qu'elle meurt d'admiration pour lui, il se rattachera à son char pour la vie. Ce qui n'empêche pas qu'on ne lui montre aussi dans le lointain quelque lucre, quelques petits profits pour lui, dans le cas où il marcherait droit et de manière à faire oublier toutes ses frasques déloyales: car nous nous rappelons très bien que si pour l'héroïsme il est de la famille du chevalier de la Manche, il est du côté des petits profits entièrement dans les principes du bon Sancho, qui pensait au solide. C'est ce que nous avons fort bien remarqué dans le temps de notre accointance avec lui, de même que l'aversion extrême qu'il avait pour les parents de sa mère et que nous supposons en ce moment plus forte que jamais. — Je demandais à ces radoteurs: quel parti tirera-t-elle donc d'un allié que vous voulez lui adosser et qu'elle a totalement éreinté en moins de trois campagnes? A cette question il faut convenir qu'ils m'ont fait des

---

ничего легче. Ей стóитъ только конфиденціально признаться ему, что правда гнѣвъ ея былъ очень великъ, очень глубокъ; но онъ не могъ устоять передъ удивленіемъ, внушеннымъ ей личною его храбростью; что это чувство покорило её и заставило её забыть все прошедшее. Донъ-Кишотъ, замѣтили мнѣ люди Гриммы, никогда не стремился къ другой славѣ, какъ къ репутаціи личной храбрости; за эту честь онъ соглашался быть измолотымъ, избитымъ; а вѣдь извѣстно, что Ламаншскій герой—есть любимый образецъ героя, котораго намъ желательно видѣть покореннымъ ею. Если разъ онъ удостовѣрится, что она до смерти имъ восхищается, то онъ на всю жизнь будетъ прикованъ къ ея колесницѣ. Не мѣшаетъ однако показать ему издали какую-нибудь прибыль, какія нибудь маленькіе барыши для него, если онъ станетъ ходить прямо и заставитъ забыть всѣ свои безчестныя проказы. Мы очень помнимъ, что если онъ по героизму и принадлежитъ къ семейству рыцаря Ламаншскаго, то въ отношеніи къ маленькимъ выгодамъ совершенно держится правилъ добраго Санхо, который думалъ о существенномъ. Это мы очень хорошо замѣтили во времена нашего съ нимъ сближенія, также какъ и его необыкновенное нерасположеніе къ роднымъ своей матери, что, какъ мы полагаемъ, въ настоящую минуту еще сильнѣе чѣмъ когда либо.—Я спрашивалъ у этихъ болтуновъ: какую выгоду извлечетъ она изъ союзника, котораго вы хотите прислонить къ ней и котораго она менѣе чѣмъ въ три компаніи окончательно надсадила? На этотъ вопросъ, надо сознаться, что они мнѣ сдѣлали

réponses très spécieuses. D'abord ils ont supposé que le Danemark ne pourra jamais marcher que droit et que s'il ne fait pas tout ce qu'il devra faire, on ne pourra du moins jamais le porter, quelques appâts qu'on lui offre, à faire ce qu'il ne doit pas. Il faut être juste, même envers les fous: ceci ne m'a pas paru sans vraisemblance; mais dès que je leur ai accordé cette vraisemblance, ils l'ont supposé comme infaillible, et m'ont montré une ligue entre les trois couronnes comme très aisée[1]) pour faire respecter la Baltique et la garantir de l'apparition de tout pavillon militaire inusité dans cette mer, ce qui, suivant eux, ne rendrait pas les plans de campagne du grand Hertzberg ni ses mesures offensives de plus facile exécution qu'il ne faudrait. Après m'avoir détaillé leurs idées avec une extrême chaleur et beaucoup plus de verbiage que je n'en mets ici, car Votre Majesté n'ignore pas combien ils sont verbeux et bavards, je leur demandai si c'est pour la communication de ce beau plan qu'ils voulaient me faire dépêcher un courrier à l'Impératrice, et les apostrophant comme ils le méritaient, je leur dis: nun, Ihr Erznarren, haltet ein für allemal's Maul zu, denn Euer Geschwätze ist unausstehlich. Habt Ihr denn vergessen, was Euch Euer ehmaliger

[1]) Il est clair que les bavards supposent que le génie est fait pour maîtriser et réunir autour de lui ceux qui ne demanderaient pas mieux que de se détester entre eux, et pour planer sur eux par son irrésistible influence. Comment opérera-t-il ce prodige? C'est son secret; mais le principe est d'une vérité éternelle et incontestable.

отвѣты весьма основательные. Прежде всего они предположилили, что Данія никогда не можетъ идти иначе, какъ прямо; если она не станетъ дѣлать того, что слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ никогда нельзя будетъ склонить её, какія бы ни предлагали ей выгоды, дѣлать то, чего не слѣдуетъ. Надо быть справедливымъ даже къ безумцамъ: это не показалось мнѣ несбыточнымъ, но едва я призналъ эту возможность, какъ они сочли её уже неоспоримою и показали мнѣ лигу между тремя коронами, какъ весьма легко исполнимую[1]), чтобъ заставить уважать Балтику и защитить ее отъ появленія всякаго военнаго флага, недозволеннаго въ этомъ морѣ, что по ихъ мнѣнію не сдѣлало бы кампанію Герцберга, ни его вызывающія дѣйствія болѣе легкими чѣмъ надо. Изложивъ мнѣ подробно свои мысли съ большимъ жаромъ и гораздо многословнѣе, чѣмъ я говорю здѣсь, ибо Вашему Величеству извѣстно ихъ многословіе и болтливость, я спросилъ ихъ, для того ли они желали заставить меня послать курьера Императрицѣ, чтобъ сообщить ей этотъ планъ. Обратившись къ нимъ, какъ они того заслужили, я сказалъ имъ: ну вы архи-дураки, держите разъ навсегда языкъ за зубами, ибо ваша болтовня несносна. Развѣ вы забыли,

[1]) Ясно, что болтуны предполагаютъ геній созданнымъ для того, чтобъ покорять и соединять вокругъ себя тѣхъ, кто склоненъ ненавидѣть другъ друга, и чтобы господствовать надъ ними своимъ неотразимымъ вліяніемъ. Какъ совершитъ онъ это чудо? Это его тайна; но этотъ принципъ — вѣчная и непреложная истина.

Gefährte, der große Major Thier, mehr als einmal gesagt, daß unsere Kaiserin gescheidter ist als alle Bücher, die je geschrieben worden, und wer kann sich denn so etwas Wahnsinniges träumen laßen und alberner Weise glauben, daß sie Euren Rath nöthig hat, um zu wissen was sie zu thun hat? Et quand elle vous mande que le jour de la pacification de Wärela il lui est tombé un grand cor du pied, vous croyez qu'elle ne saura que faire de son pied dégagé si vous ne lui baillez votre avis là-dessus! O, ihr Erztropfen und elende Schächer, Euer miserables Geschwätze soll nimmer mehr vor die Ohren unserer Kaiserin kommen. A ce refus sévère autre déluge de paroles. Ils m'observent que tout en voulant obtruder, comme disait le divin de Rome, à Votre Majesté, c'est-à-dire aufdringen ce nouvel allié, ils ne se fient pas beaucoup au pélerin. Notre idée, disent-ils, veut être conçue, pondue, couvée, soignée, remplumée, et peut-être notre Impératrice n'y attache-t-elle pas toute l'importance qu'elle mérite. Quand elle se sera emparée du pélerin, ce qui lui sera fort aisé, il faudra qu'elle ne le perde pas de vue; qu'elle le surveille sans cesse, ce qui est fort ennuyeux: car ceux à qui il vient d'échapper, regretteront de ne l'avoir pas mieux conservé. Ils feront des frais pour le regagner tout éreinté qu'il est, parce que dans leurs mauvais dessins, que Dieu confonde! tout est bon. Et lui qui est de la nature des anguilles, et pour la stabilité de système une espèce d'Honoré Mirabeau de l'Assemblée natio-

---

что́ вашъ бывшій товарищъ, великій майоръ Тиръ не разъ говаривалъ, что наша Императрица толковѣе чѣмъ всѣ книги, когда-либо писанныя, и кто же можетъ безумно вообразить себѣ, что ей нуженъ вашъ совѣтъ, чтобъ знать какъ поступать? А когда она вамъ сообщаетъ будто въ день Верельскаго замиренія у нея свалилась большая мозоль съ ноги, вы полагаете, что она не будетъ знать какъ поступить съ своей облегченной ногой, если вы ей не бросите своего совѣта на этотъ счетъ! О вы архиболваны и пустыя головы, ваша жалкая болтовня никогда болѣе не дойдетъ до слуха нашей Императрицы. На этотъ строгій отказъ — другой потокъ словъ. Они мнѣ возражаютъ, что желая навязать, какъ говорилъ божественный изъ Рима, Вашему Величеству, то есть насильно дать этого новаго союзника, они не очень довѣряютъ страннику. Наша мысль, говорятъ они, должна быть зарождена, высижена, взлелѣяна, выхолена, должна опериться, и можетъ-быть наша Императрица не придаетъ ей всей важности, какую она заслуживаетъ. Когда она овладѣетъ странникомъ, что́ будетъ ей весьма легко, ей надо будетъ не терять его изъ виду, непрерывно наблюдать за нимъ, что́ очень скучно, такъ какъ тѣ, отъ кого онъ бѣжалъ, будутъ сожалѣть, что не умѣли лучше сберечь его. Они употребятъ старанія, чтобъ возвратить его къ себѣ, какъ онъ ни надорванъ, ибо въ ихъ дурныхъ намѣреніяхъ, которыя да посрамитъ Господь! все пригодно. А онъ, будучи по свойствамъ угорь, а по стойкости системы — нѣкотораго рода Мирабо національнаго собра-

nale des Gaules, assailli par de nouvelles chimères, par de perfides insinuations, pourrait regretter d'avoir été aux abois au milieu de la campagne et se laisser entraîner dans de nouvelles démarches obliques. C'est par l'intérêt sincère que nous prenons à lui, que nous voulons qu'il soit sous la vigilante tutelle de notre Impératrice, afin de le préserver de nouvelles perfidies que nous ne pourrions lui pardonner ni à la vie ni à la mort. Votre Majesté remarquera du moins que ces bavards de Grimma sont au fond de bonnes gens. Ils ne veulent pas la mort du pécheur[1]), mais qu'il vive et qu'il se repente. En conséquence, disent-ils, il faut le promener dans les espaces imaginaires, lui faire voir des étoiles en plein midi, et rendre aux séducteurs tout nouvel escamotage impossible. Voilà, Madame, le dernier mot des bavards. Ils ont lu dans la gazette qu'il pouvait être question de convoquer une diète pour le printemps prochain. Or, c'est ce qu'ils ne veulent pas, parce qu'ils supposent que le pélerin est fort mal avec sa nation, puisqu'il s'est cru réduit à l'extrémité de faire sauter une tête pour effrayer. En se rendant aux états du royaume avec cette tête sur une pique, ses anciens amis, les Anglais, pourraient être tentés d'y faire rouler quelques guinées, et d'éreinté qu'il est, ils pourraient le rendre entièrement paralytique,

[1]) Ils ont même imité la magnanimité de leur Souveraine, en oubliant le passé en faveur de son repentir.

нія Галліи, когда явятся у него новыя мечтанія и коварные навѣты, пожалуй раскается въ неудачной кампаніи и дастъ увлечь себя на новыя кривыя затѣи. Изъ искренняго участія къ нему, желали бы мы видѣть его подъ бдительной опекой нашей Импéратрицы, чтобъ предохранить его отъ новыхъ коварныхъ поступковъ, которые мы не простили бы ему ни въ этой жизни, ни въ будущей. Ваше Величество по крайней мѣрѣ замѣтите, что эти болтуны Гриммы въ сущности добрые люди. Они не хотятъ смерти грѣшника[1]), но желаютъ чтобъ онъ жилъ и раскаялся. Вслѣдствіе того, говорятъ они, надо его устремить въ воздушныя пространства, показать ему звѣзды среди бѣлаго дня и сдѣлать обольстителямъ всякій новый обманъ невозможнымъ. Вотъ, Государыня, послѣднее слово болтуновъ. Они прочли въ газетахъ, что кажется идетъ рѣчь о созывѣ новаго сейма на будущую весну. А этого-то они и не хотятъ, полагая что странникъ въ худыхъ отношеніяхъ къ своему народу, если онъ дошелъ до крайности снести голову, чтобъ запугать. Когда онъ отправится на государственный сеймъ съ этой головой на пикѣ, то старые друзья его Англичане могутъ почувствовать искушеніе покатить туда нѣсколько гинеи, и изъ надорваннаго превратить

[1]) Они даже переняли великодушіе своей Монархини, забывъ прошедшее ради его раскаянія.

et ce n'est pas ce qu'il nous faut pour le moment, parce qu'ils voudraient ensuite lui fournir des béquilles.

Ce 1 (12) décembre 1790.

Le reste de mon voyage de Bourbonne à Francfort s'est passé un peu plus paisiblement. J'ai fait une pause à Metz pour voir le marquis de Bouillé, que je n'avais pas revu depuis la révolution et tous les risques qu'il a courus. C'est l'homme selon mon coeur, mais, à moins de quelque combinaison extraordinaire et imprévue, il sera aussi inutile au rétablissement de l'ordre que les autres, parce que la désorganisation de ce malheureux royaume est telle qu'il me paraît impossible de le garantir de sa dissolution. Votre Majesté a parfaitement raison: un homme à la tête de dix-huit mille homme deviendrait en ce moment, avec du caractère et de la résolution de conquérant et suivant la trempe de son caractère, ou le maître et le tyran, ou le sauveur de sa patrie; mais il lui faudrait dix-huit mille hommes sur lesquels il pût compter, et grâce à la profonde scélératesse de ceux qui ont conduit les choses au point où elles sont, tout est, d'un moment à l'autre et toujours à point nommé, en révolte, en insurrection, en défection. Rien ne me représente un image plus fidèle d'une armée turque

---

его въ разбитаго параличемъ, а намъ не это нужно въ настоящую минуту, такъ какъ они тотчасъ захотѣли бы доставить ему костыли.

1 (12) декабря 1790.

Остальная часть моего путешествія изъ Бурбонны во Франкфуртъ прошла нѣсколько спокойнѣе. Я пріостановился въ Мецѣ, чтобъ видѣть маркиза Буле, котораго не видалъ съ революціи послѣ всѣхъ угрожавшихъ ему опасностей. Этотъ человѣкъ мнѣ по сердцу, но, развѣ послѣдуетъ какое-нибудь необыкновенное и неожиданное стеченіе обстоятельствъ, онъ будетъ такъ же безполезенъ къ возстановленію порядка какъ и другіе, потому что неурядица въ этомъ несчастномъ королевствѣ такова, что мнѣ кажется невозможно уберечь его отъ разложенія. Ваше Величество вполнѣ правы: человѣкъ во главѣ осьмнадцати тысячъ войска, съ характеромъ и рѣшимостью завоевателя, можетъ сдѣлаться, смотря по складу и свойствамъ своимъ, или властителемъ и тираномъ, или избавителемъ своего отечества. Но ему необходимо было бы осьмнадцать тысячъ человѣкъ, на которыхъ онъ могъ бы расчитывать, и благодаря глубокому злодѣйству тѣхъ, кто привелъ дѣла въ то положеніе, въ которомъ они находятся, все постепенно и въ опредѣленную минуту оказывается взбунтовавшимся, возставшимъ, разстроеннымъ. Ничто не представляетъ мнѣ болѣе вѣрнаго изображенія

que l'état actuel de l'armée française, à la différence que ceux qui gouvernent ici font tout au monde pour exciter, encourager, récompenser les coupables et les criminels que le visir fait du moins étrangler ou empaler quand il le peut. Telle est la vicissitude des choses humaines qu'un instant de délire nous a mis de niveau avec les imbéciles et barbares ennemis de mon auguste Souveraine. Pour sauver la France, il faudrait une force étrangère pour noyau, autour de laquelle les forces nationales pussent se rallier, et cette force étrangère n'existe pas; un seul Français aurait aussi pu faire ce miracle vingt fois, cent fois, en un clin d'oeil; mais il ne le veut pas; ce Français est le roi.

En sortant de Metz j'étais pressé de détourner mes yeux du déplorable état de la France, et mes bavards de Grimma, dont il ne dépend pas de moi de me débarrasser, s'étant un peu calmés sur la paix bâclée par les deux barons ont tourné mes regards vers cette cour dictatoriale et polie qui, grâce aux inspirations du grand ministre qu'elle possède, fait, depuis qu'il règne, ses affaires avec tant de gloire et de profit pour elle, et celles des autres avec tant de justice et de loyauté. Sur ce chapitre il n'y eut pas beaucoup de train entre nous. Mes bavards soutinrent que la monarchie prussienne n'était pas d'une assiette assez forte pour comporter un mauvais règne; ils ne voulurent pas même accorder au grand Hertzberg plus de cinq

---

турецкой арміи, какъ настоящее состояніе арміи французской, съ тою разницей, что здѣшніе правители всячески стараются возбуждать, поощрять и награждать виновныхъ и преступныхъ, которыхъ визирь по крайней мѣрѣ велитъ душить или сажать на колъ, когда можетъ. Такова измѣнчивость всего человѣческаго, что минута безумія поставила насъ въ уровень съ безмозглыми и свирѣпыми врагами нашей Августѣйшей Государыни. Чтобъ спасти Францію, нужна бы чужеземная сила, способная послужить ядромъ, вокругъ котораго могли бы соединиться народныя силы, а этой чужеземной помощи не существуетъ; одинъ Французъ могъ бы также совершить это чудо двадцать разъ, сто разъ, во мгновеніе ока, но онъ этого не хочетъ. Этотъ Французъ — самъ король.

Покидая Мецъ, я спѣшилъ отвести глаза отъ плачевнаго состоянія Франціи. Мои болтуны изъ Гриммы, отъ которыхъ не въ моей власти освободиться, успокоившись нѣсколько на счетъ мира, заключеннаго двумя баронами, обратили мои взоры къ тому диктакторскому и учтивому двору, который, благодаря внушеніямъ великаго министра своего, съ тѣхъ поръ какъ онъ царствуетъ, обдѣлываетъ свои дѣла съ такою славой и выгодой для себя, а чужія съ такою справедливостью и прямодушіемъ. На этотъ предметъ между нами было не много споровъ. Мои болтуны утверждали, что прусская монархія не достаточно сильна для перенесенія дурного царствованія; они даже не захотѣли дать великому Герцбергу болѣе пяти

ans pour ruiner de fond en comble tout l'édifice que la grande paire de manches avait employé cinquante ans à élever avec tant de soins et de parcimonie. Moi de mon côté je leur confiai que le grand Hertzberg et le grand Necker, quoique ne se ressemblant guère, m'avaient fait prendre les ministres littérateurs en aversion. Si le pédant, à force de morgue, de faux calculs et de dissertations académiques et polémiques, est réservé par la Providence à perdre son pays, l'autre venait de finir son rôle et il pouvait se demander ce qu'était devenue entre ses mains cette France qu'il avait reçue toute entière en 1788. Il s'était flatté, comme un enfant, mais doué d'un orgueil de Lucifer et d'une parfaite ineptie pour diriger une grande machine, qu'il gouvernerait les états-généraux par la puissance de sa parole et de sa plume; il n'aspirait à rien de moins qu'à devenir le ministre de la nation pour ne plus dépendre des caprices de la cour; et la nation ou ceux qui s'en constituèrent les organes se moquèrent de lui et finirent par le bafouer. Il aimait les coups de théâtre, et en produisait de temps à autre à l'Assemblée nationale, ou y envoyait son roi pour en faire qui causaient à la sensible et douce nation un attendrissement de 24 heures, mais dont elle se moquait le surlendemain. Enfin il abandonne la partie. Les esprits justes, en attaquant sa capacité, rendront justice à son intégrité; en lui refusant les talents et les ressources d'un grand financier politique et

---

лѣтъ сроку, чтобъ разрушить до основанія все зданіе, которое большая пара манжетъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ воздвигала съ такими усиліями и скаредностью. Я съ своей стороны сообщилъ имъ, что великій Герцбергъ и великій Неккеръ, хотя вовсе не похожіе другъ на друга, заставили меня почувствовать отвращеніе къ министрамъ литераторамъ. Если этотъ педантъ своей спѣсью, ложными расчетами, академическими и полемическими диссертаціями обреченъ Провидѣніемъ погубить свою родину, другой, окончивши роль свою, могъ бы спросить себя, что сталось въ рукахъ его съ тою Франціей, которую онъ получилъ цѣлою въ 1788 г. Онъ, какъ ребенокъ, одаренный однако сатанинской гордостью и совершенною неспособностью сладить съ большой машиной, льстилъ себя надеждою подчинить себѣ государственные чины могуществомъ своего краснорѣчія и своего пера. Онъ мѣтилъ ни мало ни много — на то, чтобъ сдѣлаться министромъ націи, чтобъ болѣе не зависѣть отъ прихотей двора; а нація или лучше сказать тѣ, которые сдѣлались ея представителями, насмѣялись надъ нимъ и кончили тѣмъ, что отвергли его съ презрѣніемъ. Онъ любилъ театральные эффекты и производилъ ихъ время отъ времени въ національномъ собраніи, или посылалъ туда своего короля для той же цѣли, чтобъ привести чувствительную и кроткую націю на 24 часа въ умиленіе, надъ которымъ она черезъ день послѣ того смѣялась. Наконецъ онъ сошелъ со сцены. Умы безпристрастные, нападая на его способности, отдадутъ справедливость его честности; отказавъ ему въ дарованіяхъ и искуствѣ великаго финансиста-политика и особливо

surtout d'un homme d'état, ils ne le soupçonneront pas d'avoir rien projeté ni voulu de ce qui est arrivé, mais ils diront que puisque sous son ministère la France était tombée dans un état aussi déplorable, il fallait ou se sauver ou périr avec elle.

Votre Majesté m'a paru désirer de savoir quels sont les sentiments du prince Henri sur la conduite politique de Sa cour. Je ne puis mieux les faire connaître à mon auguste Souveraine qu'en tirant de sa correspondance depuis le commencement de 1790 tout ce qui y a rapport, et je tâcherai de continuer cet extrait jusqu'à ce qu'il plaise au ciel de m'accorder un messager de l'immortelle à qui je puisse confier cette pancarte. Les petites notes sont du souffre-douleur.

J'ai rencontré à Francfort un de ces hommes à qui les Italiens donnent le redoutable nom de seccatore ou de dessécheur. C'est M. Walpole, ministre d'Angleterre à la cour de Munich, que j'avais vu autrefois à Paris. Il s'occupait prodigieusement des affaires de Votre Majesté Impériale et de Sa situation à l'égard du cabinet britannique. Il m'exhortait toujours à lui faire quelque ouverture et m'insinuait qu'il en saurait faire usage. Je ne manquai jamais de me moquer de lui de ce qu'il me croyait le dépositaire des vues de Votre Majesté et assez fou pour lui faire, sans aucune mission, une ouverture quelconque; mais en revanche je ne manquai jamais

---

государственнаго человѣка, они не заподозрятъ его въ томъ, чтобъ онъ готовилъ или желалъ видѣть то что случилось; но они скажутъ, что если въ его министерство Франція впала въ такое плачевное состояніе, надо было или бѣжать или погибнуть вмѣстѣ съ нею.

Ваше Величество, какъ мнѣ казалось, желали знать мнѣніе принца Генриха на счетъ политическаго поведенія Вашего двора. Я не могу лучше передать ихъ моей Августѣйшей Государынѣ, какъ выписавъ изъ его корреспонденціи съ начала 1790 г. все что до этого касается, и я постараюсь продолжать эти выписки до тѣхъ поръ, пока Небу угодно будетъ даровать мнѣ вѣстника безсмертной, которому я могъ бы поручить эту грамоту. Маленькія примѣчанія принадлежатъ многострадальному.

Я встрѣтилъ во Франкфуртѣ одного изъ тѣхъ людей, которымъ Италіянцы даютъ ужасное имя seccatore или изсушителя. Это г. Вальполь, англійскій министръ въ Мюнхенѣ, котораго я нѣкогда видѣлъ въ Парижѣ. Онъ чрезвычайно занимался дѣлами Вашего Императорскаго Величества и Вашимъ положеніемъ въ отношеніи къ британскому кабинету. Онъ всегда уговаривалъ меня сдѣлать ему какое-нибудь откровеніе, внушая мнѣ что сумѣетъ имъ воспользоваться. Я никогда не пропускалъ случая посмѣяться надъ нимъ и надъ тѣмъ, что онъ считаетъ меня повѣреннымъ всѣхъ плановъ Вашего Величества, и довольно безумнымъ, чтобъ безъ всякаго порученія сдѣлать ему какое-либо откровеніе; но за то также никогда не упускалъ

non plus de lui confier tout ce que je pensais moi de la conduite politique et du système actuel du cabinet de Londres, et ne lui cachai pas le degré d'estime qu'il m'inspirait. Sur la fin du séjour de Francfort, il changea un peu de langage et me dit que nos affaires avec l'Angleterre étaient irraccomodables. Je ne fis pas grande attention à tout cela, ignorant à quel point le seccatore Walpole, qui n'avait pas été en Angleterre depuis longtemps, pouvait être dans la confidence des ministres ses supérieurs. Ce que je vis clairement dans ses attaques et ce que j'ai constamment remarqué dans tous les entretiens que le hasard m'a procurés avec des ministres britanniques, c'est que le grand grief de l'Angleterre contre la Russie, c'est l'établissement des principes aussi justes et modérés qu'évidents et inattaquables de la neutralité armée; ils n'ont jamais pu ni voulu le digérer. Et moi je leur ai constamment observé que cette doctrine ne pouvait être odieuse qu'aux tyrans de la mer et aux pirates, et que le grand Chatham, au milieu de la guerre la plus glorieuse, se piquait d'en pratiquer les principes envers les neutres, en disant: nous voulons bien être les maîtres, mais non pas les tyrans de la mer. Enfin s'il est écrit dans le livre des destinées que le grand avocat Hertzberg ne peut terminer sa glorieuse carrière sans se frotter contre nos cosaques, et si l'Angleterre se sent une démangeaison insurmontable de faire dans ce procès cause commune avec le grand avocat, les gens de Grimma disent que je ne puis me dispenser de fixer les regards de leur

---

случая сообщить ему все, что я думаю о политическомъ поведеніи и настоящей системѣ Лондонскаго кабинета, и не утаилъ отъ него, какую степень уваженія онъ мнѣ внушаетъ. Около конца пребыванія во Франкфуртѣ, онъ нѣсколько измѣнилъ тонъ и сказалъ мнѣ, что наши дѣла съ Англіей непоправимы. Я не обратилъ на все это большого вниманія, не зная въ какой мѣрѣ изсушитель Вальполь, который давно не былъ въ Англіи, могъ пользоваться довѣріемъ своихъ начальниковъ министровъ. Я увидѣлъ ясно изъ его нападковъ и постоянно замѣчалъ во всѣхъ разговорахъ съ англійскими министрами, которые случай доставлялъ мнѣ, — что великое неудовольствіе Англичанъ противъ Россіи исходитъ изъ установленія столь же справедливыхъ и умѣренныхъ, какъ и явно неоспоримыхъ началъ вооруженнаго нейтралитета; они никогда не могли и не хотѣли переварить его. А я имъ постоянно замѣчалъ, что эта доктрина можетъ быть противна только морскимъ тиранамъ и разбойникамъ и что великій Чатамъ, среди самой славной войны, хвалился соблюденіемъ этихъ началъ съ нейтральными, говоря: мы правда хотимъ быть хозяевами, но не тиранами на моряхъ. Наконецъ, если написано въ книгѣ судебъ, что великій адвокатъ Герцбергъ не можетъ покончить своей славной карьеры, чтобъ не посчитаться съ нашими казаками, и что если Англія чувствуетъ непреодолимый зудъ вступить въ этой тяжбѣ въ союзъ съ великимъ адвокатомъ, то люди Гриммы говорятъ, что я не

auguste Souveraine sur l'état où se trouve la Hollande. La puissance stathouderiene a trop abusé de la victoire pour que la nation oublie et pardonne jamais ces torts. Les Bataves conserveront à jamais le désir de se venger de leurs oppresseurs, d'exterminer, s'ils peuvent y contribuer, les Prussiens et de se soustraire au joug des Anglais. En cas de rupture ces Bataves pourraient tailler aux deux nouveaux aggresseurs de la Russie une besogne à laquelle ceux-ci ne s'attendraient guerre, surtout si Votre Majesté leur répondait des deux couronnes du Nord, et si Léopold, qui doit se souvenir de toutes les obligations qu'il a à la maison stathoudérienne pour les services qu'elle lui a rendus dans ses provinces belgiques pendant leur soulèvement, par une juste reconnaissance jugeait à propos de faire attention aux dispositions patriotiques des Hollandais! Il y aurait toujours cette différence qu'ici on favoriserait une nation libre injustement opprimée par une puissance illégitime, tandis que dans le cas opposé il s'agissait d'exciter des sujets soulevés contre leur souverain légitime. Ce que je sais, c'est que les Bataves sont très attentifs à la conduite de l'Angleterre et de la Prusse envers Votre Majesté, et qu'elle leur présente plus d'un objet de réflexion. Ce que je sais encore, c'est qu'ils fournissent aux emprunts ouverts pour la Russie tous les fonds qu'on leur demande, quoique le baron Sutherland, par des motifs personnels, ait ôté sa correspondance à une maison patriote et ait confié ces négociations d'emprunt à une maison qui est dans les inté-

---

могу не обратить взоры ихъ Августѣйшей Монархини на состояніе, въ которомъ находится Голландія. Власть штатгальтерская слишкомъ злоупотребляла побѣдой, чтобъ нація когда-нибудь забыла и простила эти проступки. Батавы всегда сохранятъ желаніе отомстить своимъ притѣснителямъ, уничтожить, если можно тому способствовать, Пруссаковъ и освободиться отъ ига Англіи. Въ случаѣ разрыва, эти Батавы могли бы обоимъ новымъ зачинщикамъ ссоры съ Россіей заварить такую кашу, которой тѣ вовсе не ожидали бы, особливо еслибъ Ваше Величество могли отвѣчать имъ за обѣ сѣверныя короны и если Леопольдъ, конечно помнящій всѣ одолженія и услуги оказанныя ему штатгальтерскимъ домомъ въ бельгійскихъ провинціяхъ во время ихъ возстанія, счелъ бы нужнымъ по долгу справедливой признательности обратить вниманіе на патріотическое настроеніе Голландцевъ! Здѣсь все-таки та разница, что была бы оказана помощь свободной націи, несправедливо угнетенной беззаконною силою, тогда какъ въ первомъ случаѣ рѣчь шла о возмущеніи подданныхъ противъ законнаго своего государя. Я знаю только, что Батавы внимательно слѣдятъ за поведеніемъ Англіи и Пруссіи въ отношеніи къ Вашему Величеству и оно представляетъ имъ предметъ для разнообразныхъ размышленій. Я знаю также, что они доставляютъ открытымъ для Россіи займамъ всѣ капиталы у нихъ требуемые, хотя баронъ Сутерландъ, по личнымъ побужденіямъ, прекратилъ свои сношенія съ патріотическимъ домомъ и поручилъ эти переговоры о займѣ

rêts de la maison stathouderienne, ce qui dans tout autre temps aurait fermé toutes les bourses patriotiques et par conséquent fait manquer la négociation, parce qu'il n'y a point de possibilité de faire une opération d'argent quelconque quand les bourses patriotiques s'y refusent, et qu'ici, malgré le déplaisir de traiter avec une maison qui a un autre symbole politique que le leur, les patriotes ont cru avoir des motifs trop puissants pour ne pas passer par-dessus ce petit désagrement, en favorisant de leurs ducats la cause qui est celle de la justice, de la gloire et de la dignité que toute puissance qui en a le sentiment respecte chez elle et dans les autres comme le premier besoin de l'existence politique.

Ce 20 (31) décembre.

Quelques jours après son retour, mon bienfaiteur Maschkof est arrivé chez moi tout courant, se reprochant d'avoir oublié une commission dont Votre Majesté Impériale l'avait chargé à son départ pour le comte de Romantsof et pour moi. Il s'en était acquitté à Francfort, il l'avait oubliée à Paris. Ce n'était rien moins qu'une prédiction prophétique: c'était de me dire que si la maladie déplorable qui vient de ravager la France pouvait gagner l'Europe, c'est aux Turcs qu'il faudrait en faire compliment, parce que rien ne les empêcherait alors de faire la conquête de l'Europe entière.

дому, раздѣляющему интересы дома штатгальтерскаго, чтó во всякое другое время закрыло бы всѣ патріотическіе кошельки и, стало быть, сдѣлало переговоры неудачными, ибо нѣтъ возможности совершить какую-либо денежную операцію, когда патріотическіе кошельки отъ нея отказываются. А здѣсь, несмотря на неудовольствіе сноситься съ домомъ, имѣющимъ другой политической символъ нежели они, патріоты считали, что имѣютъ слишкомъ могущественныя побужденія, чтобъ не посмотрѣть сквозь пальцы на эту маленькую непріятность, помогая своими червонцами той сторонѣ, которая представляетъ правосудіе, славу и достоинство; а эти начала всякое государство, признающее ихъ, уважаетъ у себя и у другихъ, какъ первую потребность политическаго существованія.

20 (31) декабря.

Нѣсколько дней послѣ своего возвращенія, мой благодѣтель Машковъ прибѣжалъ ко мнѣ бѣгóмъ, упрекая себѣ, что забылъ порученіе данное ему Вашимъ Величествомъ къ графу Румянцову и ко мнѣ. Онъ исполнилъ его во Франкфуртѣ, но забылъ въ Парижѣ. Это было не менѣе какъ пророческое предсказаніе: мнѣ велѣно было передать, что если злополучная болѣзнь опустошающая Францію распространится на Европу, надо будетъ поздравить съ этимъ Турокъ, ибо тогда ничто не помѣ-

Je tranquillisai mon pénitent Maschkof sur son péché d'omission, qui ne m'avait pas empêché de savoir depuis six mois ce qu'il venait de me dire. En effet, il y en a tout autant que l'immortelle me lança ce trait de lumière dans la tête, et il est du nombre de ses traits que je lâche quelquefois, comme sans dessein, sur les têtes qui m'environnent, pour juger de leur portée et de leur vue ou d'aigle ou de chouette. Suivant qu'un pareil trait saisit, frappe et pénètre, ou bien tombe à terre sans seulement effleurer le crâne, mon porteur de tête est jugé pour moi sans rémission. Dans l'audience que l'Empéreur m'accorda pour lui remettre la lettre de félicitation du duc de Gotha sur son avénement, ce monarque me parla d'abord de la révolution française, comme à un homme qui venait d'en être témoin. Il ne me jugea pas digne de m'en parler avec confiance sous des raports politiques, et le nom de sa soeur ne fut pas seulement prononcé; mais il s'en tint à des généralités philosophiques, et sur ce que je lui dis, que je craignais le retour de la barbarie, la destruction des arts et des lumières, il me répondit que le retour de la superstition et de l'empire des prêtres lui paraissait prochain et inévitable. Alors je lui dis la prédiction de Votre Majesté. Il me sembla qu'il craignait de me laisser apercevoir l'impression que cette prédiction fit sur lui; peut-être aussi imagina-t-il que je ne l'avais mise en avant que pour donner à la conversation une tournure politique. C'est sur quoi je le

---

шаетъ имъ завоевать всю Европу. Я успокоилъ моего кающагося Машкова въ его грѣхѣ упущенія, который не помѣшалъ мнѣ знать уже шесть мѣсяцевъ то, что онъ сказалъ мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, столько времени тому назадъ безсмертная бросила мнѣ этотъ лучъ свѣта, который озарилъ мою голову, и это одинъ изъ числа тѣхъ лучей, которые я иногда будто безъ намѣренія бросаю на окружающія меня головы, чтобъ судить о ихъ силѣ и проницательности взгляда, или орлиной или совиной. Смотря потому, поражаетъ ли и проникаетъ ли такой лучъ, или онъ падаетъ на землю, не коснувшись даже поверхностно черепа, мой носитель головы осужденъ мною безвозвратно. Въ аудіенцію, доставленную мнѣ у Императора, чтобъ передать ему поздравительное письмо герцога Готскаго по случаю его восшествія на престолъ, этотъ монархъ говорилъ со мною сначала о французской революціи какъ съ человѣкомъ, который только что былъ ея свидѣтелемъ. Онъ не счелъ меня достойнымъ того, чтобъ говорить со мною съ довѣріемъ въ политическомъ отношеніи, и имя сестры его не было произнесено имъ; но онъ ограничился философствованіями и общими мѣстами, и когда я сказалъ ему, что опасаюсь возвращенія варварства, уничтоженія искуствъ и просвѣщенія, онъ отвѣчалъ мнѣ, что возвращеніе суевѣрія и царства поповъ кажется ему близкимъ и неизбѣжнымъ. Тогда я сообщилъ ему предсказаніе Вашего Величества. Мнѣ показалось, что онъ опасался обнаружить передо мной впечатлѣніе, которое это предсказаніе произвело на него; можетъ-быть онъ вообразилъ, что я выставилъ его единственно съ тѣмъ, чтобъ дать разговору политическій оборотъ. Въ этомъ я его

rassurai très promptement en m'enfonçant dans les plus profondes conjectures philosophiques et générales. Ce qu'il y a d'indubitable, c'est que les Welches sont toujours Welches, que Voltaire les retrouverait comme il les a laissés, comme ils sont depuis deux mille ans, que par l'usage qu'ils ont fait de la liberté, ils ont prouvé qu'ils y étaient propres comme la vache à danser sur la corde, et qu'à leur extravagance actuelle ne peut succéder que le despotisme le plus rigoureux. Mon bon nonce Caprara, qui est un homme d'esprit, ce qui ne l'a pas empêché de faire de l'eau toute claire auprès de la diète d'élection, parce qu'il a voulu marcher sous l'égide de la Prusse et que le collége électoral n'aimait pas ce bouclier, me disait à l'occasion de la sagesse de l'Assemblée nationale: je n'ai pas peur pour l'autorité de l'église; nous sommes peut-être trop vieux, vous et moi, pour la voir renaître de sa cendre, mais elle renaîtra, vos Jacobins ont rendu ce miracle immanquable; mais convenez aussi qu'ils ont fait perdre un beau procès au genre humain, et que s'ils eussent été capables de conduire cette révolution avec modération et sagesse, ils auraient pu la rendre bien heureuse pour l'humanité entière. Certes, mon bon nonce a raison, la frénésie gauloise a fait en peu de mois l'ouvrage de plusieurs siècles d'une décadence progressive, et il n'y a pas jusqu'à la langue que cette frénésie ne corrompe avec une rapidité alarmante, de sorte que la langue des Racine et des Voltaire aura incessamment un air étranger. Lorsque l'abbé Galiani prophétisait que la langue

---

успокоилъ весьма скоро, погрузившись въ глубочайшія догадки философскаго и общаго характера. Неоспоримо только одно: что Волохи всегда остаются Волохами, что Вольтеръ нашелъ бы ихъ тѣми же, какими ихъ покинулъ, какими они были уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; по тому, какъ они воспользовались свободой, они доказали, что столько же способны обладать ею, какъ корова способна плясать на канатѣ, и что за ихъ настоящимъ сумасбродствомъ можетъ послѣдовать только самый суровый деспотизмъ. Мой добрый нунцій Капрара, человѣкъ умный, что не помѣшало ему разводить чистую водицу при курфиршескомъ сеймѣ, потому что онъ хотѣлъ идти подъ эгидой Пруссіи, а курфиршеская коллегія не любитъ этого щита, этотъ мой нунцій говорилъ мнѣ по поводу мудрости національнаго собранія: я не боюсь за авторитетъ церкви; мы оба съ вами можетъ-быть слишкомъ стары, чтобъ видѣть её возникающею изъ пепла, но она возродится. Ваши Якобинцы сдѣлали это чудо неизбѣжнымъ; но сознайтесь также, что они проиграли роду человѣческому превосходный процессъ, и что еслибъ они были въ состояніи руководить этой революціей съ умѣренностью и мудростью, они могли бы сдѣлать её благотворною для всего рода человѣческаго. Конечно мой добрый нунцій правъ, ярость Галловъ совершила въ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло нѣсколькихъ вѣковъ постепеннаго упадка и даже языкъ искажаетъ эта ярость съ ужасающею быстротою, такъ что языкъ Расиновъ и Вольтеровъ скоро будетъ казаться чужимъ. Когда аббатъ Галіани пророчествовалъ, что русскій языкъ сдѣлается

russe deviendrait celle des cours et la langue française la langue des savants [1]), il ne croyait pas toucher si près à cette révolution. Comme les temps désastreux sont des temps à prédictions, je vais aussi faire la mienne. Certes si le délire de la France n'est pas comprimé et ne cesse promptement, il pourra être plus ou moins fatal au noyau de l'Europe, parce qu'il est impossible que l'air pestilentiel ne ravage et ne détruise en proche. La destruction de la discipline militaire sera un des effets immédiats de cette contagion, de cette insubordination méthodique dont nous sommes ici en pleine jouissance. Dans cet état de choses le barbare et farouche musulman aurait sans doute beau jeu, et la prédiction de l'immortelle serait promptement accomplie, si l'aigle de la Russie n'était pas hors de l'atteinte du délire gaulois. Cet empire et la discipline de ses armées dompteront et anéantiront au besoin les barbares et préserveront de leur irruption ce noyau de l'Europe que d'épaisses ténèbres couvriront. Deux empires se partageront alors tous les avantages de la civilisation, de la puissance du génie, des lettres, des arts, des armes et de l'industrie: la Russie du côté de l'orient, et l'Amérique, devenue libre de nos jours, du côté de l'occident, et nous autres, peuples

[1]) Cette langue devenue tout à coup ancienne passera pour avoir cessé d'être écrite et parlée à peu près à la mort de Voltaire: ce n'est sûrement ni dans la rudesse de Camus, ni dans le verbiage civique d'un tas d'avocats et de polissons, ni dans le jargon de Mirabeau que la postérité reconnaîtra le caractère de la langue française.

языкомъ дворовъ, а французскій языкомъ ученыхъ [1]), онъ не думалъ, что такъ близка эта революція. Такъ какъ всякая бѣдственная эпоха подаетъ поводъ къ предсказаніямъ, я тоже выскажу свое. Безъ сомнѣнія, если безуміе Франціи не будетъ подавлено и быстро не прекратится, оно можетъ быть болѣе или менѣе пагубно для самаго ядра Европы, ибо невозможно, чтобы чумная зараза не опустошала и сосѣдство. Уничтоженіе военной дисциплины будетъ однимъ изъ прямыхъ послѣдствій этой заразы, этой методически развившейся разнузданности, которою мы здѣсь вполнѣ наслаждаемся. Въ этомъ порядкѣ вещей свирѣпымъ варварамъ мусульманамъ была бы легкая пожива и предсказаніе безсмертной очень скоро сбылось бы, еслибъ русскій орелъ не былъ недосягаемъ для французскаго изступленія. Эта имперія и дисциплина ея армій въ случаѣ надобности обуздаетъ и уничтожитъ варваровъ и предохранитъ отъ ихъ вторженія ядро Европы, которое покроется густымъ мракомъ. Два государства тогда подѣлятъ между собой всѣ преимущества образованности, всю силу генія въ литературѣ, искуствѣ, военномъ дѣлѣ и промышленности: Россія со стороны Востока, а освобожденная въ наши дни Америка со стороны Запада. А мы, народы ядра

[1]) Этотъ языкъ, вдругъ устарѣвшій, будетъ считаться окончившимъ свое существованіе въ живой рѣчи и на письмѣ около времени смерти Вольтера: конечно ни въ грубости Камю, ни въ гражданской болтливости шайки адвокатовъ и повѣсъ, ни въ говорѣ Мирабо потомству нельзя будетъ узнать характера французскаго языка.

du noyau, nous serons trop dégradés, trop avilis, pour savoir autrement que par une vague et stupide tradition ce que nous avons été. C'est sans doute sans exemple dans les fastes du monde qu'une grande nation ait pu subitement disparaître et être éffacée de la liste des nations par son propre fait, sans être accablée par aucun malheur que celui de sa propre démence. Quel sort déplorable d'être démolie par un tas de gueux et polissons, qui ne peuvent pas même se faire estimer par un grand caractère de scélératesse, qui trahissent dans la discussion des plus simples questions leur futilité, leur ignorance, leur ineptie, qui joignent à leur frénésie un caractère de puérilité et d'enfance qui les couvre de mépris, se croyant constamment la lumière des nations et l'exemple de l'univers, lorsqu'ils en sont devenus la risée. Je n'excepte aucun des trois ordres, et les vaincus et les vainqueurs sont également l'opprobre de l'humanité. Il ne s'est pas trouvé un seul grand caractère lorsque la nécessité en demandait impérieusement, voilà la plus grande marque de réprobation qu'une nation puisse étaler. Votre Majesté me demande ce que sont devenus ces chevaliers français d'une fierté et d'une valeur autrefois si brillantes. Avant la révolution ils s'étaient fait jokeys et palefreniers anglais; il est tout simple qu'après la révolution ils aient estimé à honneur et gloire d'être confondus avec la canaille. Ce sont eux qui, dans une séance du soir où ils étaient à moitié ivres, mirent sur le tapis la destruction de la noblesse, après avoir admis

---

Европы, окажемся слишкомъ развращенными, слишкомъ униженными, чтобъ иначе какъ только по глухому преданію сознавать чѣмъ мы были прежде. Конечно не было еще примѣра въ лѣтописяхъ міра, чтобъ великая нація могла внезапно исчезнуть и быть вычеркнута изъ списка народовъ по собственному своему хотѣнію и не испытавъ никакихъ другихъ бѣдствій, кромѣ собственнаго безумія. Какой печальный удѣлъ быть уничтоженной горстью мошенниковъ и повѣсъ, которые не умѣютъ внушить къ себѣ уваженія, хотя бы характеромъ величія въ своихъ злодѣйствахъ, которые во всякомъ спорѣ по поводу самыхъ простыхъ вещей обнаруживаютъ свою пустоту, свое невѣжество, свое безуміе, которые съ бѣшенствомъ характера соединяютъ мелочность и ребячество, покрывающія ихъ позоромъ, и при всемъ томъ постоянно воображаютъ себя свѣточемъ народовъ, тогда какъ они стали посмѣшищемъ для нихъ! Я не исключаю ни одного изъ трехъ сословій, и побѣжденные и побѣдители равно являются позоромъ для человѣчества. Не нашлось ни одного великаго характера, когда того настоятельно потребовала необходимость: вотъ величайшій признакъ упадка, какой можетъ обнаружить нація. Ваше Величество спрашиваете меня, куда дѣвались эти французскіе рыцари, нѣкогда блиставшіе гордостью и мужествомъ. Передъ революціей они сдѣлались англійскими жокеями и конюхами; понятно, что послѣ революціи они сочли честью и славой быть смѣшанными со сволочью! Они въ одномъ вечернемъ засѣданіи, полупьяные, возбудили вопросъ объ уничто-

à leur audience un tas de gueux habillés à l'opéra et payés sous le titre d'ambassadeurs des nations; les avocats ne firent alors que mettre le sceau à leur propre folie. Que penser d'une nation qui ignore ou semble ignorer que la noblesse est aussi inhérente à la nature d'une société et aux progrès de la civilisation que le développement de la beauté, des forces, et le progrès de la croissance à la nature des corps? C'est sans doute une faute impardonnable à M. Necker, non pas d'avoir accordé le doublement du tiers, qui était conforme à la justice et qu'il n'avait pas la puissance d'empêcher, mais d'avoir cru qu'un ministre pouvait convoquer les états-généraux, sans s'inquiéter de leur composition, sans avoir l'oeil sur les élections, sans y influer essentiellement, sans s'y ménager un parti prépondérant. Le roi était bien le maître alors d'exiger deux qualités préliminaires et essentielles dans un député, celle d'avoir 40 ans, parce qu'il est d'expérience que la raison et la réflexion mûrissent plus tard en France qu'ailleurs, et celle d'être propriétaire. Ces deux conditions nécessaires auraient suffi pour préserver la monarchie de tomber entre les mains des avocats et des gilets et écarter leurs sinistres et stupides travaux. Mais lorsque je consulte l'histoire et que je me rapelle ce que cette nation a été toutes les fois qu'elle a voulu se gouverner elle-même et diriger ses affaires, je suis tenté de croire que le malheur de la France était arrêté du jour où le mot

---

женія дворянства, принявъ на своей аудіенціи множество бездѣльниковъ, одѣтыхъ по оперному и подкупленныхъ изображать изъ себя посланниковъ націй; адвокаты такимъ образомъ довершили собственное безуміе. Что сказать о націи, которая не знаетъ, или представляется незнающею, что дворянское сословіе составляетъ такую же существенную принадлежность общества, такъ же необходимо для успѣховъ образованности, какъ развитіе красоты, силы и успѣхи роста присущи природѣ тѣла. Конечно со стороны Неккера не было непростительной ошибкой, что онъ удвоилъ среднее сословіе, что̀ было согласно со справедливостью и чему онъ былъ не въ силахъ помѣшать, но непростительно было вообразить, что министръ можетъ созывать государственные чины, не позаботясь о ихъ составѣ, не наблюдая зорко за выборами? не имѣя на нихъ положительнаго вліянія, не заручившись въ нихъ преобладающей партіей. Король конечно былъ въ своемъ правѣ, когда требовалъ двухъ предварительныхъ и существенныхъ качествъ въ депутатѣ: чтобъ онъ имѣлъ 40 лѣтъ, такъ какъ разсудокъ и размышленіе зрѣютъ во Франціи позже чѣмъ гдѣ-либо, и чтобъ онъ былъ собственникомъ. Эти два необходимыя условія достаточно предохранили бы монархію отъ опасности попасть въ руки адвокатовъ и блузниковъ, и спасли бы ее отъ ихъ тупоумныхъ и тёмныхъ происковъ. Но когда я заглядываю въ исторію и вспоминаю, чѣмъ была эта нація всякій разъ какъ она хотѣла сама управляться и вести свои дѣла, я невольно прихожу къ мысли, что бѣдствія Франціи были рѣшены въ тотъ день, какъ произ-

d'états-généraux fut prononcé. La nation imprudemment mise en jeu, a manifesté le même caractère d'emportement, de férocité, d'extravagance et de puérilité dont elle a fait profession dans toutes les occasions depuis qu'elle existe. C'est nous qui étions dans notre tort, en nous croyant à mille ans de ces symptômes de barbarie et de licence, parce qu'un siècle de prospérité, de frivolité et de corruption nationales ayant succédé a un règne brillant de succès, d'orgueil et de gloire, a masqué et dérobé à nos regards les pointes toujours subsistantes du caractère primitif. Lorsque dans l'hiver qui précéda l'ouverture des états-généraux je découvris, au milieu de l'effervescence des esprits, les premiers germes de la démence publique, j'osais bien leur dire quelquefois en badinant: «Je vois bien que vous voulez inventer la liberté et dépasser, à force de génie, les Anglais et les Américains, mais tâchez de ne pas rester derrière les Polonais». Je croyais alors faire une mauvaise plaisanterie; je ne fais pas aujourd'hui l'injure à une diète de Pologne de l'assimiler à l'Assemblée nationale des Welches. Il ne me vint pas dans la tête alors que lorsque la France pleine de force, de sève et de vigueur pouvait être portée par des règlements doux et modérés au plus haut degré de prospérité en moins de temps qu'il n'en a fallu pour démolir la Bastille, la furia francese, la fougue des avocats et des polissons entreprendrait de démolir la monarchie avec la même rapidité, et ne trouverait aucun obstacle dans cette criminelle entreprise.

несено было имя государственныхъ чиновъ. Нація, неосторожно вовлеченная въ дѣйствіе, обнаружила тотъ же характеръ запальчивости, звѣрства, необузданности и ребячества, которыми она отличалась при всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ. Мы сами жестоко заблуждались, почитая себя на тысячу лѣтъ удаленными отъ этихъ признаковъ варварства и распущенности, потому что вѣкъ счастія, легкомыслія и народной испорченности, наступивъ за вѣкомъ успѣховъ, гордости и славы, замаскировалъ и скрылъ отъ насъ неизгладившіяся черты первобытнаго характера. Когда зимою, передъ открытіемъ народнаго собранія, я подмѣтилъ среди возбужденія умовъ первые зародыши общественнаго безумія, я иногда осмѣливался имъ говорить шутя: «Вижу, что вы хотите выдумать свободу и превзойти своимъ геніемъ Англичанъ и Американцевъ; но постарайтесь не отстать отъ Поляковъ». Я тогда думалъ, что произношу злую шутку; теперь я не нанесу какому-нибудь Польскому сейму такого оскорбленія, чтобы приравнять его къ національному собранію Волоховъ. Мнѣ тогда не приходило въ голову, что если Франція, полная силъ, свѣжести и мужества, могла мягкими и умѣренными законами быть возведена на высшую степень благосостоянія въ гораздо меньшій срокъ, чѣмъ какой надобенъ былъ для разрушенія Бастильи, то фурія французская, ярость адвокатовъ и повѣсъ предприметъ разрушить монархію съ такою же быстротою, и не встрѣтитъ никакого препятствія своему преступному предпріятію.

Ce 10 (21) janvier 1791.

Dans l'incertitude si je suis encore assez cher à la divine Providence pour m'accorder dans le cours de cette année soit un messager de l'immortelle, soit une occasion quelconque, mais sûre pour lui faire parvenir cette pancarte, j'ai pris ces jours passés mon refuge sous la treille de mon protecteur le divin Bacchus, pour satisfaire au besoin impérieux de mon coeur de déposer une pancarte en miniature sur l'autel de l'immortelle, afin qu'au milieu de ses travaux, de ses succès, de sa gloire, de ses traductions de Plutarque, de ses Hand- und Kunstgriffe, elle n'oublie pas une circonstance très essentielle dans les fastes de son règne, c'est que son souffre-douleur ne respire que par elle et pour elle. Puisse le ciel propice accorder un heureux voyage à mon Pankärtchen en miniature et la grâce de trouver à son arrivée mon protecteur Bacchus assez à jeun pour pouvoir le porter d'un pas assuré aux pieds de l'immortelle. Quand le souffre-douleur dit qu'il respire, je conviens qu'il a un peu de fatuité dans son dire: car il est plus tourmenté d'étouffements que jamais, et la plupart du temps hors d'état de tenir la plume, ou lorsqu'il a écrit trois lignes, obligé de se lever et de faire faire à ses poumons plusieurs évolutions pour happer et se procurer l'air nécessaire, parmi ces manoeuvres, si sur six il en réussit une, il faut s'en féliciter. Il est aisé de comprendre le supplice d'un homme dont le devoir

---

10 (21) января 1791 г.

Въ неувѣренности, довольно ли я еще дорогъ Божественному Провидѣнію, чтобъ даровать мнѣ въ теченіе этого года либо гонца отъ безсмертной, либо какую-нибудь вѣрную оказію, чтобъ доставить ей эту грамату, я въ эти прошедшіе дни нашелъ убѣжище въ виноградникѣ моего покровителя, божественнаго Бахуса, чтобъ удовлетворить настоятельной потребности моего сердца и повергнуть грамоту въ миніатюрѣ на жертвенникъ безсмертной, дабы среди ея трудовъ, ея успѣховъ, ея славы и ея переводовъ Плутарха, также какъ ея мастерскихъ пріемовъ и уловокъ, она не забыла очень важнаго обстоятельства въ лѣтописи своего царствованія, что многострадальный дышитъ только ею и для нея. Да даруетъ милосердое Небо моей миніатюрной грамотѣ счастливый путь, и да поможетъ ей найти, въ минуту своего прибытія, моего покровителя Бахуса довольно трезвымъ, чтобъ твердымъ шагомъ донести её къ ногамъ безсмертной. Когда многострадальный говоритъ, что онъ дышитъ, я сознаюсь, что тутъ есть нѣкоторое хвастовство въ его рѣчахъ: потому что онъ хуже чѣмъ когда либо мучится отъ удушья, и по бóльшей части не въ состояніи держать перо, а когда онъ напишетъ три строчки, то вынужденъ встать и заставить свои легкія сдѣлать нѣсколько эволюцій, чтобъ схватить и вдохнуть необходимый для нихъ воздухъ; хорошо еще если изъ этихъ продѣлокъ хоть одна на шесть удастся. Легко понять мученіе человѣка, котораго обязанность и званіе требуютъ безпрерывнаго употребленія

et l'état demandent l'usage continuel de la plume, qui n'a d'autre bonheur au monde que d'écrire jour et nuit à Votre Majesté, et qui, réduit déjà par l'impossibilité physique à la nécessité de ne pas coucher sur le papier la centième partie de ce qu'il lui écrit jour et nuit dans sa tête, se trouverait encore menacé de l'impossibilité de satisfaire ce besoin irrésistible de son coeur dans les moments destinés au griffonnage. Déjà de toutes mes pensées, de toutes mes déclarations Votre Majesté ne connaît ni la centième, ni la meilleure, ni la plus belle part, attendu que tout cela sort de la tête et du coeur sous des formes trop profondes et trop fugitives pour pouvoir être traduit en paroles et fixé sur le papier; aussi ne suis-je jamais content de rien de ce que je dis à Votre Majesté; si cependant un arrêt du sort et de l'implacable nécessité me forçait à un silence total et me réduisait à la végétation, j'aimerais mieux renoncer à la vie. Est-ce pour me châtier de mon intempérance passée dont Votre Majesté a pardonné les excès avec tant de bonté et de générosité, mais dont le Juge Suprême ne veut pas négliger la punition; est-ce pour préserver désormais son ointe de toute nouvelle atteinte de ma part, que ce Juge Suprême a résolu de me paralyser les poumons quand je me mets en devoir de griffonner? Les médecins, qui ne sont pas dans le secret de Celui qui est là haut, suivant leur coutume ne connaissent rien à cet état; aussi je compte bien mourir de mon mal et non de leurs remèdes.

пера, не имѣющаго другого счастія въ мірѣ какъ писать день и ночь Вашему Величеству. Находясь уже и такъ въ физической невозможности класть на бумагу и сотую долю того, что онъ пишетъ Вамъ день и ночь въ головѣ своей, онъ подверженъ опасности вовсе не быть въ состояніи удовлетворять этой непреодолимой потребности своего сердца въ минуты, назначенныя для царапанья. Уже изо всѣхъ моихъ мыслей, изо всѣхъ моихъ изліяній Ваше Величество не знаете и сотой и лучшей ихъ части, такъ какъ все это выходитъ изъ головы и сердца въ формахъ слишкомъ глубокихъ и слишкомъ мимолетныхъ, чтобъ оно могло быть выражено въ словахъ и нанесено на бумагу. Я и такъ ужъ никогда не доволенъ тѣмъ, что говорю Вашему Величеству; но если бы приговоръ судьбы и неумолимой необходимости вынудилъ меня къ совершенному молчанію и осудилъ меня на прозябаніе, я предпочелъ бы отказаться отъ жизни. Для того ли, чтобъ покарать мою прошедшую неумѣренность, которой излишества Ваше Величество простилисъ такою добротою и великодушіемъ, а Верховный Судія не хочетъ оставлять безъ наказанія; или не для того ли, чтобъ впредь оградить свою помазанницу отъ всякаго новаго покушенія съ моей стороны, Верховный Судія рѣшилъ парализовать мои легкія, когда я принимаюсь царапать? Доктора, не посвященные въ тайны Всевышняго, по обыкновенію своему ничего не понимаютъ въ моемъ состояніи, и потому я расчитываю умереть отъ своей болѣзни, а вовсе не отъ ихъ лѣкарствъ.

Madame de Bueil, qui avait quitté Paris en 1789 six semaines avant la révolution, s'est enfin hasardée à rentrer dans le gouffre la surveille du jour de l'an selon la computation du calendrier Julien, auquel l'Impératrice des Grecs ne tient que par un penchant inexcusable pour son cousin germain Jules César. Elle prétend qu'elle a le droit d'écrire au moins une fois par an à son auguste bienfaitrice, et certes si la reconnaissance donne de grands droits, personne n'en a, après moi, d'aussi grands qu'elle, sur Votre Majesté. Sa première apparition à la cour a été cruelle et lui a porté un nouveau coup de massue. Tout le monde, en la voyant, s'est souvenu avec émotion et attendrissement de son frère massacré et mangé à Caen en auguste 1789. La reine s'est approchée d'elle, et les larmes roulant dans les yeux, elle lui a dit: «Madame de Bueil, je voudrais vous parler, mais cela m'est impossible»; les sanglots ont pensé suffoquer la petite protégée de Votre Majesté; toute la famille royale lui a témoigné un intérêt extrême. La reine se détournant d'elle et dévorant ses larmes, a continué à tenir sa cour avec l'apparence de la plus grande tranquillité; c'est un art qu'elle a eu tout le temps d'apprendre à l'école du malheur; je ne la vois jamais sans être frappé de sa contenance au milieu des dangers dont elle est environnée. Ce serait sans doute une grande consolation pour elle que de savoir l'intérêt qu'elle inspire à Votre Majesté Impériale, et si je vois jamais jour à pouvoir lui procurer cette consolation sans compromettre son repos, cela sera certaine-

---

Госпожа де Бюэль, покинувшая Парижъ въ 1789 году, за шесть недѣль до революціи, рискнула наконецъ возвратиться въ омутъ за день до новаго года, по счету Юліанскаго календаря, къ которому Греческая Императрица привязана только по непростительной склонности къ своему двоюродному братцу Юлію Кесарю. Госпожа де Бюэль воображаетъ, что она имѣетъ право писать хоть одинъ разъ въ годъ своей августѣйшей благодѣтельницѣ, и конечно, если признательность даетъ большія права, никто послѣ меня не имѣетъ на Ваше Величество такихъ правъ какъ она. Ея первое появленіе при дворѣ было крайне тяжело и нанесло ей новый жестокій ударъ. Увидѣвъ её, всякій вспомнилъ съ волненіемъ и состраданіемъ брата ея, убитаго и съѣденнаго въ Канѣ въ августѣ 1789 г. Королева подошла къ ней и со слезами на глазахъ сказала ей: «Госпожа де Бюэль, я хотѣла бы говорить съ Вами, но это невозможно»; рыданія едва не задушили маленькую протеже Вашего Величества; все королевское семейство показало ей необыкновенное участіе. Королева, отвернувшись и глотая слезы, продолжала исполнять дворскія обязанности съ видомъ величайшаго спокойствія; этому искуству она имѣла время научиться въ школѣ несчастія; я всегда, видя ее, бываю пораженъ ея достоинствомъ среди окружающихъ её опасностей. Конечно для нея было бы великимъ утѣшеніемъ, еслибъ она узнала какое участіе она внушаетъ Вашему Величеству, и если когда-нибудь мелькнетъ возможность доставить ей это утѣшеніе, не подвергая ея спокойствія опасности, то я ревностно это

ment fait avec zèle; mais en attendant la prudence ordonne trop impérieusement de ne rien risquer qui puisse fournir le plus léger prétexte pour aggraver les dangers de cette princesse infortunée.

32.

A Paris, ce 20 (31) janvier 1791.

Je crains que Votre Majesté ne soit aucunement frappée du mérite de la conduite des gens de Grimma depuis plusieurs jours que la prise d'Ismaïl est pour eux un fait avéré, sans tenir pour cela moins du miracle. Mes Russes ont résolu de me faire croire aux trompettes de Jéricho, rien n'est plus certain. Lorsque la trompette de la renommée a porté cette nouvelle dans le taudis du souffre-douleur, tous les fondements de ce taudis en ont été ébranlés. Eh bien, au milieu de cette terrible commotion, qu'y a-t-il à dire sur la contenance des gens de Grimma? Ont-ils, suivant leur coutume, obsédé, fatigué leur Souveraine de leurs cris de joie? Non. Ont-ils seulement songé à avoir recours à leur protecteur Bacchus, pour faire arriver leurs acclamations au pied du trône à peu près en même temps que les trophées d'Ismaïl? Non. Ils se sont tenus cois, en ensévelissant leurs cris de joie dans cette pancarte, dont le départ n'est encore aucunement

---

исполню; но покамѣстъ осторожность слишкомъ настоятельно требуетъ не пробовать ничего такого, что могло бы доставить хотя малѣйшій предлогъ къ увеличенію опасности, въ которой находится эта злополучная принцесса.

32.

Парижъ, 20 (31) января 1791.

Я боюсь, что Ваше Величество вовсе не поражены достойнымъ поведеніемъ обитателей Гриммы съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько дней тому назадъ взятіе Измаила сдѣлалось для нихъ достовѣрнымъ фактомъ, хотя и похожимъ на чудо. Мои Русскіе рѣшились заставить меня вѣрить въ трубы Іерихонскія, это положительно. Когда труба славы принесла это извѣстіе въ лачугу многострадальнаго, всѣ основанія этой лачуги поколебались. Среди этого ужаснаго потрясенія, что же сказать о поведеніи обитателей Гриммы? Надоѣдали ли они, утомляли ли по обыкновенію свою Монархиню криками радости? Нѣтъ. Подумали ли они прибѣгнуть къ своему покровителю Бахусу, чтобъ ихъ восклицанія достигли къ подножію престола почти въ одно время, съ трофеями Измаила? Нѣтъ. Они держали себя смирно, заключивъ свои радостные крики въ эту грамоту, которой отъѣздъ вовсе еще не предвидится. Ваше Величество

prévu. Votre Majesté les soupçonnera peut-être d'avoir eu dans les premiers jours de cette nouvelle la tête assez perdue pour être hors d'état de coudre ensemble trois lignes qui eussent le sens commun. Cela peut être, quoiqu'il ne soit pas bien de tout deviner. Mais la paix de Wärela les avait mis à peu près dans le même état. Cela les a-t-il empêchés d'étourdir leur Souveraine? Le babillage et les cris de Bourbonne n'ont-ils pas percé et retenti à Tsarsko-Sélo et pénétré jusques dans cet appartement dont mon saint m'a fait une description trop détaillée pour mon repos, puisqu'à chaque objet il me disait: c'est l'Impératrice qui me l'a montré elle-même, et moi j'ajoutais tout bas. Malheureux, tu ne connais rien de tout cela! Il faut donc, Madame, être juste et leur savoir gré de leur silence discret, d'autant plus que le diable n'y perd rien, et que cette prise d'Ismaïl, le plus incroyable fait de guerre qui existe, les a renversés à ne s'en pas relever peut-être de six mois. Ils s'en relèvront promptement si Votre Majesté fait succéder la paix à cet événement sans exemple. La paix: bien entendu qu'ils ne la veulent pas à tout prix, mais telle qu'il faut qu'elle soit, sans intervention aucunière de ganache étrangère à la matière, comme le fruit der Mutter der unerschrockenen Standhaftigkeit.

Aber, um tausend Gotteswillen, que dirai-je à Votre Majesté du prince de Ligne? Ist denn das erlaubt? Il laisse échapper une lettre de notre Impéra-

---

быть можетъ будете подозрѣвать ихъ, что они въ первые дни по полученіи этого извѣстія до того потеряли голову, что не были въ состояніи связать вмѣстѣ трехъ толковыхъ строчекъ. Это возможно, хотя не хорошо все отгадывать. Но Верельскій миръ привелъ ихъ почти въ то же состояніе. А помѣшало ли это имъ оглушить свою Монархиню? Болтовня и крики изъ Бурбонны не проникли ли въ Царское Село и не откликнулись ли тамъ, достигнувъ даже до тѣхъ комнатъ, которыя мой святой мнѣ описывалъ слишкомъ подробно для моего покоя, такъ какъ при всякомъ предметѣ онъ говорилъ мнѣ: Императрица сама мнѣ это показывала; а я прибавлялъ шопотомъ: Несчастный, ты ничего этого не знаешь! Итакъ надо, Государыня, быть справедливой и благодарить ихъ за ихъ скромное молчаніе, тѣмъ болѣе, что дьяволъ ничего отъ того не теряетъ, и что это взятіе Измаила, самый замѣчательный военный подвигъ изъ всѣхъ когда-либо бывалыхъ, свалилъ ихъ съ ногъ, такъ что они не подымутся можетъ-быть цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Но они скоро подымутся, если Ваше Величество заключите миръ вслѣдъ за этимъ безпримѣрнымъ событіемъ. Конечно, мы не желаемъ мира во что бы то ни стало, но пусть онъ будетъ такимъ, какимъ долженъ быть, и ни подъ какимъ видомъ не нужно вмѣшательства иностранной сволочи, чуждой этой матеріи, и пусть онъ будетъ плодомъ матери неустрашимой твердости.

Но, тысячу разъ Бога ради, что скажу я Вашему Величеству о князѣ де Линѣ? Развѣ это позволительно? Онъ выпускаетъ изъ рукъ письмо нашей Императрицы,

trice, il permet qu'on la lui vole, et de Vienne elle passe à Paris et parait imprimée dans une feuille archidémocratique, de sorte qu'en moins d'une de ses colonnes, le gazetier passe en revue la moitié de l'Asie et de l'Europe convenablement drapée au grand magasin de l'Ermitage de Pétersbourg. Nun, dit le souffre-douleur, das hätte ich armer Teufel mir sollen einfallen lassen und nur drey Zeilen von meiner Kaiserin entwischen lassen, so daß sie wären die Beute eines Zeitungsschmierers geworden, so wäre ich armer Schurk ohne Barmherzigkeit die Beute des Verderbens geworden, hätte mir die kaiserliche Ungnade auf den Hals gezogen und wäre mit Leib und Seele verloren gegangen. Il y a donc deux poids dans la balance de notre Impératrice: l'un pour le prince de Ligne, à qui tout est permis, pardonné d'avance; l'autre pour le souffre-douleur, à qui l'on ne passe rien? Il n'y a rien à dire, pourvu que cela soit connu et affiché pour l'instruction du monde littéraire. On n'est pas souffre-douleur dans ce monde pour ses aises ou ses privilèges à avoir. Moi, il faut que j'enfouisse impitoyablement tous mes trésors, le prince de Ligne les étale et n'aura pas seulement une semonce pour cette petite gentillesse, und so wird die Gerechtigkeit in dieser Welt gehandhabt. Au milieu de mes justes plaintes, je n'ai consulté que mon zèle et ma fidélité pour servir mon auguste Souveraine dans cette circonstance délicate. J'ai soutenu que cette lettre n'était pas d'elle, mais l'ouvrage d'un faussaire, d'un pseudonyme, qui a osé prendre un nom auguste pour faire plus commodé-

---

онъ позволяетъ украсть его, и изъ Вѣны оно переходитъ въ Парижъ и является напечатаннымъ въ листкѣ архидемократическомъ, такъ что менѣе чѣмъ въ одномъ столбцѣ газетчикъ дѣлаетъ обзоръ цѣлой половины Азіи и Европы, прилично драпируя ихъ вывѣской большого магазина «Петербургскаго Эрмитажа». Ну, сказалъ многострадальный, еслибъ я бѣднякъ вздумалъ совершить что-нибудь подобное и допустилъ утащить у себя хоть три строчки письма моей Императрицы, такъ что онѣ сдѣлались бы добычей газетнаго пачкуна, то я злополучный бездѣльникъ подпалъ бы безъ всякой жалости вѣчному осужденію, накликалъ бы себѣ на шею Императорскую немилость и погубилъ бы и тѣло и душу. Итакъ существуетъ два вѣса на вѣсахъ нашей Императрицы: одинъ для князя де Линя, которому все позволено, все заранѣе прощено; другой для многострадальнаго, которому ничего не спускаютъ? На это сказать нечего, лишь бы это было извѣстно и заявлено въ назиданіе литературному міру. Многострадальный живетъ на этомъ свѣтѣ не для удобствъ или пріобрѣтенія привилегій. Я долженъ безжалостно зарывать всѣ свои сокровища, князь де Линь ихъ выставляетъ на показъ и не получитъ даже замѣчанія за эту милую маленькую шалость, и вотъ каково правосудіе въ этомъ мірѣ. Среди моихъ справедливыхъ жалобъ, я руководствовался только своимъ усердіемъ и вѣрностью къ службѣ моей Августѣйшей Государыни въ этомъ деликатномъ обстоятельствѣ. Я утверждалъ что письмо это не ея, но подделка плута, псевдонима, который осмѣлился прикрыться

ment sous son égide sa revue politico-comico-pittoresquico-philosophique. J'ai voulu mieux faire: car que ne fait pas un souffre-douleur quand il s'agit de sauver sa Souveraine? J'ai voulu établir sur des arguments inattaquables, invincibles, que cette lettre ne pouvait pas être d'elle. J'ai dit aux plus obstinés: vous trouvez cette lettre spirituelle? Eh bien, l'Impératrice n'a point d'esprit; elle en convient toute la journée, et tout le monde le sait de reste. Vous trouvez cette lettre gaie? Eh bien, l'Impératrice est triste comme un bonnet de nuit, et n'a jamais ri de sa vie. A ces arguments sans réplique, on m'a dit: montrez-nous de ses lettres: nous les comparerons avec celle qui s'adresse au prince de Ligne, et nous jugerons par nous mêmes. Que faire dans ce défilé? J'ai beau dire que je ne pouvais me jouer, comme ce prince à qui tout réussit, d'une ukase qui me le défend impérieusement, impitoyablement; on me rit au nez et mes arguments se dissipent comme la poussière agitée par le vent; et tandis que je pérore, un de mes antogonistes tire de sa poche une lettre de Vienne où on lui dit qu'on a vu l'original de cette lettre, qu'on l'a tenu dans ses mains, et qu'on y a vu beaucoup d'autres traits de la même force et qu'on a retranchés de la lettre imprimée, de sorte que je ne désespère pas d'en voir paraître au premier jour une édition revue et augmentée d'après le manuscrit original. Je demande à Votre Majesté en sa conscience ce que pouvait faire de mieux un

---

Августѣйшимъ именемъ, чтобъ свободнѣе сдѣлать подъ ея щитомъ свое политико-комико-живописно-философическое обозрѣніе. Я хотѣлъ сдѣлать лучше: ибо чего не сдѣлаетъ многострадальный, когда рѣчь идетъ о спасеніи его Государыни? Я хотѣлъ основать на непреложныхъ, неотразимыхъ аргументахъ, что это не можетъ быть ея письмо. Я сказалъ самымъ упрямымъ: вы находите это письмо остроумнымъ? Ну, а Императрица вовсе не умна; она безпрестанно въ этомъ сознается, и всякій хорошо знаетъ это. Вы находите это письмо веселымъ? Но Императрица скучна, какъ ночной чепецъ, и никогда въ жизни не смѣялась. На эти неопровержимые доводы мнѣ сказали: покажите намъ что-нибудь изъ ея писемъ: мы сравнимъ ихъ съ письмомъ, адресованнымъ къ князю де Линю, и будемъ судить сами. Что дѣлать въ такомъ затрудненіи? Напрасно говорю я, что не могу, какъ этотъ князь де Линь, шутить съ указомъ, который мнѣ это воспрещаетъ повелительно, безжалостно; мнѣ смѣются въ лицо и мои доказательства разлетаются какъ пыль по вѣтру. А пока я разглагольствую, одинъ изъ моихъ противниковъ, вытаскиваетъ изъ кармана письмо изъ Вѣны, гдѣ говорится, что видѣли подлинникъ этого письма, что его держали въ рукахъ, что въ немъ прочли много другихъ выходокъ той же силы, опущенныхъ въ напечатанномъ письмѣ, такъ что я не отчаяваюсь видѣть вскорѣ новое изданіе, пересмотрѣнное и дополненное по подлинной рукописи. Спрашиваю Ваше Величество по совѣсти, что́ могъ сдѣлать лучшаго многострадальный въ этомъ непредвидѣнномъ и щекотливомъ случаѣ; а если онъ не имѣлъ успѣха, если онъ

souffre-douleur dans cette conjoncture imprévue et épineuse; et s'il n'a pas réussi, s'il a fait de l'eau toute claire, à qui en est la faute? Est-ce à celle qui écrit des lettres dans ce goût-là, ou à celui qui les reçoit et ne les montre qu'à cinq ou six amis qui ont bonne mémoire et les retiennent par coeur, ou enfin à celui qui s'égosille en pure perte pour en prouver et établir la supposition en dépit de sa propre conscience?

Ce qu'il y a de plus fâcheux, c'est qu'ayant travaillé sans relâche depuis quinze mois à faire une petite réputation à Votre Majesté Impériale dans cette auguste Assemblée de douze cents rois, ses frères; mon aide de camp, le baron Felix de Wimpfen, douze-centième partie de la royauté lui-même, leur ayant dit sans cesse et dans leurs comités et même en plein sénat de la tribune, que Votre Majesté depuis vingt-cinq ans n'avait été appliquée qu'à deviner leur secret, afin de verser sur l'empire de l'Aigle tous les dons, tous les bonheurs, tous les bienfaits qu'ils verseront bien plus immanquablement aujourd'hui ou demain ou après sur l'empire des Lys, puisqu'ils sont douze cents paires de mains contre une seule paire, j'ai trouvé tous mes travaux et ceux de mon aide de camp détruits en un clin d'oeil par l'apparition de cette lettre fatale. Que deviendra à présent la pension de madame de Bueil? Moi je leur prêchais que l'Impératrice ne manquerait pas de s'enorgueillir si, en considération de sa protection, l'auguste Assemblée daignait séparer cette pension par un décret solennel de

---

развелъ только чистую водицу, кто въ томъ виноватъ? Тотъ ли кто пишетъ письма въ подобномъ вкусѣ, тотъ ли кто ихъ получаетъ и показываетъ только пяти или шести друзьямъ у которыхъ хороша память и кто затверживаетъ ихъ наизусть, или наконецъ тотъ кто напрасно надрывается, чтобъ доказать и установить ихъ подложность вопреки собственной совѣсти.

Всего досаднѣе то, что я работалъ безъ отдыха пятнадцать мѣсяцевъ, чтобъ сдѣлать Вашему Величеству маленькую репутацію въ этомъ августѣйшемъ собраніи тысячи двухсотъ королей — Вашихъ братцевъ; адъютантъ мой, баронъ Феликсъ Виипфенъ, тысячадвухсотая часть королевской власти, твердилъ имъ безпрестанно въ ихъ комитетахъ и даже въ полномъ собраніи сената съ трибуны, что Ваше Величество уже двадцать пять лѣтъ занимаетесь разгадываньемъ ихъ тайны, чтобы излить на имперію Орла всѣ дары, всѣ благополучія и благодѣянія, которые они не преминутъ сегодня, завтра или когда-нибудь послѣ излить на королевство Лилія, такъ какъ у нихъ тысяча двѣсти паръ рукъ вмѣсто одной пары. И вотъ всѣ мои труды и труды моего адъютанта уничтожены во мгновеніе ока появленіемъ этого злополучнаго письма. Что теперь станется съ пансіономъ госпожи де Бюэль? Я имъ проповѣдывалъ, что Императрица конечно будетъ гордиться тѣмъ, что благодаря ея покровительству, августѣйшее собраніе удостоило бы отдѣлить эту пенсію торжественнымъ декретомъ ото всѣхъ другихъ пенсій покойной королевской щедрости

toutes les autres pensions de la défunte munificence royale et prononcer sa conservation; mon aide de camp Wimpfen qui connaît ses confrères et la nourriture qu'il leur faut, ayant lui-même une ancienne passion pour cette Impératrice, leur persuadait que l'objet de sa passion serait au comble de ses voeux si elle pouvait siéger au milieu de la plus auguste Assemblée de l'univers et occuper pendant une quinzaine le fauteuil de président. Madame de Bueil allait recueillir les fruits de notre apostolat. L'indomptable, l'inattendrissable Camus quittait son regard farouche, m'écoutait avec complaisance, prévoyait avec satisfaction la reconnaissance que sa clémence pour madame de Bueil inspirerait à sa protectrice, et oubliant un moment son rang auguste, me reconduisait jusqu'à son escalier, en m'accordant le titre d'excellence malgré les décrets de l'Assemblée, le tout pour me marquer les égards que les rois savent toujours réserver pour les représentants de ceux ou celles qui sont du même bois qu'eux. On voulait même, pour hâter cette décision, associer dans cette opération le comité diplomatique au comité des pensions et la faire prononcer par les deux, afin de la rendre plus imposante. Tout est fini, tout est détruit, la fatale lettre a tout anéanti. Comment oserais-je me présenter maintenant devant ce redoutable Camus à l'oeil farouche? D'un seul tour de ses bras nerveux il me ferait administrer cinquante coups de bâton, d'un seul de ses regards foudroyants il m'enterrerait aux entrailles de la terre. Car il ne faut pas croire que nos

---

и постановить ея сохраненіе; мой адъютантъ Вимпфенъ, зная своихъ собратій и какая имъ нужна пища, и чувствуя самъ давнишнюю страсть къ этой Императрицѣ, увѣрялъ ихъ, что предметъ его страсти былъ бы на верху желаній своихъ, еслибъ могъ сидѣть среди августѣйшаго изъ собраній въ мірѣ и занимать хоть двѣ недѣли кресло президента. Госпожа де Бюэль должна была пожать плоды нашего апостольства. Неукротимый, неумолимый Камю покидалъ свой свирѣпый взглядъ, слушалъ меня снисходительно, предвидѣлъ съ удовольствіемъ какую признательность его милосердіе къ госпожѣ де Бюэль возбудитъ въ ея покровительницѣ, и забывъ на минуту свой августѣйшій санъ, провожалъ меня до лѣстницы, давая мнѣ титулъ превосходительнаго, несмотря на декреты Собранія, все для того чтобъ оказать мнѣ уваженіе, всегда приберегаемое королями для представителей тѣхъ лицъ обоего пола, которыя изъ одного съ ними дерева. Думали даже, чтобъ ускорить это рѣшеніе, соединить въ этой операціи дипломатическій комитетъ съ комитетомъ пансіоновъ и потребовать приговора обоихъ, чтобъ это казалось величественнѣе. Все теперь кончено, все разрушено, роковое письмо все уничтожило. Какъ осмѣлюсь я предстать теперь передъ этимъ страшнымъ Камю съ свирѣпымъ взглядомъ? Однимъ движеніемъ своихъ жилистыхъ рукъ онъ велитъ наградить меня пятьюдесятью палками, однимъ молніеноснымъ взглядомъ — ввергнетъ меня въ преисподнюю. Ибо не

douze cents rois soient si aisés à vivre, ils ont assez prouvé le contraire. Ils s'enivrent tous les jours, que Dieu leur donne pour le bonheur de la France, à l'encens qu'ils se font administrer à l'ouverture de chaque séance, et afin de n'en pas manquer, ils font composer dans leur propre pharmacie les compliments et les adresses de remercîment qu'ils se font débiter et qu'ils avalent à longs traits. Par la même raison ils sont chatouilleux à l'excès et sensibles à la plus petite égratignure. Voilà donc la pension de madame de Bueil flambée. Il est vrai que M. de Montmorin m'a tranquillisé à ce sujet, il y a plus de six mois, comme Votre Majesté le verra par sa lettre du mois d'auguste 1790, que je joins ici. Il a été empressé de donner cette marque de zèle et de respect pour la protection de Votre Majesté; mais qui peut calculer toutes les chances qui peuvent s'élever contre cette lettre? L'Assemblée certes ne songe pas à se séparer, encore moins à prononcer sur les pensions une loi générale et équitable. Elle est prompte à détruire, sa cognée est toujours prête quand il s'agit de renverser, mais nos augustes sont un peu moins pressés lorsqu'il s'agit de rétablir. Il se passera des années avant qu'on prononce sur le sort des pensionnaires qui d'ailleurs sera sans difficulté le plus fâcheux possible, et pendant ce temps non seulement on reste en souffrance, mais la chance la plus sinistre et la moins incertaine, c'est que M. de Montmorin peut être renvoyé d'un mo-

---

надо думать, что наши тысяча двѣсти королей очень уживчивы: они достаточно доказали противное. Они каждый Божій день упиваются для благополучія Франціи фиміамомъ, который заставляютъ воскурять себѣ при открытіи каждаго засѣданія. А чтобъ въ похвалахъ не оказалось недостатка, они стряпаютъ въ собственной аптекѣ привѣтствія и благодарственныя адресы, которые заставляютъ произносить себѣ и медленно съ наслажденіемъ глотаютъ ихъ. По той же самой причинѣ они до крайности щекотливы и чувствительны къ малѣйшей царапинѣ. Вотъ уже пансіонъ госпожи де Бюэль провалился. Правда, что г. де Монморень уже болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ успокоивалъ меня по этому предмету, какъ Ваше Величество увидите изъ письма его отъ августа 1790 г., которое я здѣсь прилагаю. Онъ поспѣшилъ дать этотъ знакъ усердія и уваженія къ покровительству Вашего Величества; но кто можетъ расчесть всѣ случайности, которыя вызовутъ противъ себя это письмо? Собраніе конечно не думаетъ разойтись, но еще менѣе постановить общій и справедливый законъ о пенсіяхъ. Оно очень поспѣшно на разрушеніе, топоръ его всегда готовъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобъ опрокинуть, но наши августѣйшіе гораздо менѣе прытки, когда требуется возстановлять. Годы пройдутъ прежде чѣмъ рѣшатъ участь пансіонеровъ, которая впрочемъ безъ сомнѣнія будетъ самая плачевная, а покамѣстъ не только остаешься въ страдательномъ положеніи, но самая мрачная и наименѣе невѣроятная случайность — что г. де Монморень

ment à l'autre et par conséquent sa bonne volonté anéantie. Mais dans la dissolution universelle qui peut se permettre une plainte individuelle?

33 (№ 22).

Allerunterthänigster Vortrag oder viel mehr Brief-Vorrath von verschiedenen Gattungen und Gegenden und Farben.

Préface.

Si l'on veut regarder ces épîtres comme une suite nécessaire au nouveau Testament, il faut les intituler Epistolae diversorum Apostolorum ad Grimmenses, ou en langue vulgaire, Epîtres de divers apôtres aux gens de Grimma; et si le sieur Constantin veut prendre la peine de les traduire en grec, il leur donnera l'air sacré qui leur convient. Rien n'empêche non plus que Votre Majesté les traduise en russe, mais sans préjudice de la traduction de Plutarque qui a été mise sur le métier au bruit du canon ennemi et du tonnerre de l'immortelle qui l'a fait taire. Beaucoup de gens, car on ne peut pas cacher les faits et gestes de Votre Majesté à tout le monde,

---

можетъ каждую минуту быть удаленъ и стало-быть его добрая воля уничтожена. Но во всеобщемъ крушеніи кто можетъ позволить себѣ личную жалобу?

33 (№ 22).

Всеподданнѣйшій докладъ или вѣрнѣе запасъ писемъ различныхъ родовъ, странъ и цвѣтовъ.

Предисловіе.

Если смотрѣть на эти посланія какъ на необходимое продолженіе Новаго Завѣта, то надо ихъ озаглавить Epistolae diversorum Apostolorum ad Grimmenses или на общепонятномъ языкѣ: Посланія различныхъ апостоловъ обитателямъ Гриммы; и если господинъ Константинъ хочетъ взять на себя трудъ перевести ихъ по-гречески, то онъ имъ дастъ подобающій имъ священный характеръ. Ничто не мѣшаетъ также, чтобъ Ваше Величество перевели ихъ по-русски, но безъ ущерба переводу Плутарха, который былъ начатъ при громѣ непріятельскихъ пушекъ и перунахъ безсмертной, заставившей ихъ замолчать. Множество людей, ибо нельзя ото всѣхъ скрыть дѣянія и подвиги

ont trouvé cette traduction entreprise sous des auspices trop remarquables pour être abandonnée. Si le general Zoubof veut quitter son Polybe, pour se faire une réputation en aidant à la traduction de mes Epîtres, il en est bien le maître. Mon Saint-Nicolas n'a cessé de me parler de ce général Zoubof qu'il aime avec passion, et comme j'étais logé chez lui, il a bien fallu l'écouter pour ne pas manquer aux devoirs de l'hospitalité: car notre Impératrice veut que tout ce qui porte sa livrée soit poli, au point que le grand Hertzberg n'attend que la permission de la porter pour faire ses premières armes en politesse: sans la crainte d'être gauche dans un art tout nouveau pour lui, il aurait déjà risqué quelques essais. Pour revenir aux épîtres qui se trouveront à la suite de ce Vortrag, il suffit que les trois premières soient sorties de la plume du divin par excellence, pour qu'on ne s'avise pas de leur contester leur inspiration; et si Votre Majesté osait attaquer leur caractère sacré, j'en appellerais immédiatement au futur concile oecuménique.

Fin de la Préface.

Introït ou commencement du Vortrag et Allocution.

Madame. Je suppose qu'il sera assez doux à Votre Majesté Impériale

---

Вашего Величества, находили что этотъ переводъ предпринятъ при слишкомъ замѣчачельныхъ условіяхъ, чтобъ быть оставленнымъ. Если, генералъ Зубовъ хочетъ покинуть своего Полибія, чтобъ сдѣлать себѣ репутацію, помогая въ переводахъ моихъ посланій, то это въ его волѣ. Мой Святой Николай не переставалъ говорить мнѣ объ этомъ генералѣ Зубовѣ, котораго онъ страстно любитъ, а такъ какъ я жилъ у него, то надо было его слушать, чтобъ не нарушить обязанностей гостепріимства: ибо наша Императрица хочетъ, чтобъ все что носитъ ея ливрею было учтиво, до того что великій Герцбергъ ждетъ только позволенія надѣтъ её, чтобъ сдѣлать первыя упражненія въ учтивости: еслибъ онъ не боялся быть нѣсколько неловкимъ въ искуствѣ совершенно для него новомъ, онъ уже отважился бы на нѣкоторые опыты. Но возвратимся къ посланіямъ, сопровождающимъ эту грамоту. Довольно того, что три первыя вышли изъ подъ пера божественнаго по преимуществу: послѣ того уже нельзя смѣть оспаривать ихъ вдохновеніе; а еслибъ Ваше Величество дерзнули отрицать ихъ священный характеръ, я тотчасъ же перенесъ бы дѣло на рѣшеніе будущаго вселенскаго собора.

Конецъ предисловія.

Входная или начало доклада и обращеніе.

Государыня. Полагаю что Вашему Величеству довольно отрадно будетъ очутиться

de se trouver inopinément en jouissance de trois épîtres de son divin, dont la dureté des temps l'a privée jusqu'à présent. Si le besoin de les commenter se fait, comme ci-devant, sentir à Votre Majesté, il faudra bien que je le souffre. Des censeurs rigides diront peut-être que j'aurais bien dû retrancher de ces épîtres divines mon éloge, qui les allonge sans nécessité; mais sans compter qu'il est toujours doux, comme a dit cet autre, d'être loué *a viro laudato*, par quelqu'un qui est lui-même digne de louange, de quel front me serais-je donc permis de mutiler le texte sacré? il n'y a qu'un hérétique qui puisse porter une main sacrilége à l'intégrité du canon. Par la même raison, je n'ai pas pu toucher à l'article de la vive et trop juste reconnaissance du divin pour les bienfaits de l'immortelle auxquels il doit, comme tant d'autres, le soutien et la consolation de sa vieillesse. Je crois que la reconnaissance ne peut jamais être à charge, même aux immortels, qui n'en ont que faire. L'article de madame le Brun a été provoqué de ma part. C'est une aimable femme qui n'a pas un talent commun. La nuit du 5 au 6 octobre 1789, qui imprimera un opprobre éternel et égal à celui de la Saint-Barthélemi, à la nation française, lui fit une impression d'horreur si grande qu'elle se sauva de Paris subitement dans cette affreuse nuit, se mit avec sa palette et ses pinceaux dans une voiture publique et se rendit à Rome. J'étais curieux de savoir ce qu'on pensait de son talent à Rome. Quant au Saint-Michel, l'Archange de Térésina Mengs d'après le

---

внезапно обладательницей трехъ посланій своего божественнаго, которыхъ Вы были лишены въ нынѣшнія трудныя времена. Если Ваше Величество почувствуете попрежнему потребность ихъ коментировать, то я долженъ буду перенести это. Строгіе цензоры скажутъ можетъ-быть, что я долженъ бы исключить изъ этихъ божественныхъ посланій похвалу самому себѣ, которая безъ надобности ихъ удлинняетъ; но не считая того, что кѣмъ-то сказано, будто всегда пріятно быть предметомъ похвалы a viro laudato, похвалы того, кто самъ ея достоинъ, какимъ образомъ осмѣлился бы я искажать священный текстъ? Только еретикъ можетъ поднять святотатственную руку на цѣлость канона. По той же причинѣ я не могъ коснуться статьи, выражающей живую и слишкомъ справедливую признательность божественнаго за благодѣянія безсмертной, которымъ онъ, подобно стольким другимъ, обязанъ поддержкой и утѣшеніемъ въ старости. Я полагаю, что признательность никогда не можетъ быть въ тягость даже безсмертнымъ, которымъ нечего съ нею дѣлать. Работа госпожи Лебрэнь была вызвана мною. Это любезная женщина съ недюжиннымъ талантомъ. Ночь съ 5 на 6 октября 1789 г., которая, подобно Варфоломеевской ночи, запечатлѣетъ французскую націю, вѣчнымъ позоромъ поразила её такимъ ужасомъ, что она поспѣшно бѣжала изъ Парижа въ эту страшную ночь, сѣла съ своей палитрой и кистями въ общественную карету и уѣхала въ Римъ. Мнѣ любопытно было узнать, какъ смотрятъ въ Римѣ на ея талантъ. Что касается Св. Михаила Архангела, Терезины Менгсъ, копія

Guide, par où j'aurais dû commencer mon commentaire, il ne m'en reste rien à mentionner après tout ce que notre divin a dit dans ses trois lettres, si ce n'est qu'il est arrivé, à un verre cassé près, en parfaite santé de Rome à Paris, et que je me flatte que son voyage de Paris à Pétersbourg ne sera pas moins heureux, vu qu'en le confiant au fameux médecin Olaüs ou Ollaïas, que j'attends de retour de Madrid pour le charger aussi de toutes les pancartes possibles, je suis bien sûr qu'il lui fera voir en très peu de temps bien du pays. Si Votre Majesté est aussi contente de cet archange que son souffre-douleur, le divin sera au comble de ses voeux. Il plaira aussi à Votre Majesté de remarquer que M. le comte Factotum, ayant eu depuis quelque temps quelques petites affaires sur les bras et n'ayant pas trouvé le moment de régler et solder les comptes du seigneur Santini, celui-ci s'est trouvé hors d'état de faire de nouvelles avances; qu'en conséquence le divin, ayant trouvé dans un accès d'enthousiasme ce tableau allégorique, et pour en faire jouir d'autant plus promptement notre auguste Souveraine, l'a payé à Térésina de ses propres épargnes résultantes des bienfaits de l'immortelle, afin de pouvoir le faire expédier tout de suite. Or le souffre-douleur, qui a aussi ses accès d'enthousiasme, a mandé sur le champ au divin que cette auguste Souveraine ayant entre autres caprices le tic de ne pouvoir souffrir qu'on lui prête de l'argent et fasse des avances, il fallait se conformer à cette humeur massacrante; qu'en conséquence et pour le

---

съ Гвида, съ которой я долженъ бы былъ начать свой коментарій, то мнѣ ничего не остается сказать о немъ послѣ всего, что нашъ божественный сообщилъ въ своихъ трехъ письмахъ. Развѣ прибавлю, что онъ за исключеніемъ разбитаго стекла прибылъ вполнѣ здоровымъ изъ Рима въ Парижъ, и я льщу себя надеждой, что и путешествіе его изъ Парижа въ Петербургъ будетъ не менѣе счастливо. Поручая его знаменитому доктору Олаусу или Оллаіасу, котораго ожидаю изъ Мадрида, чтобъ передать ему всевозможныя грамоты, я увѣренъ, что въ короткое время онъ пролетитъ съ нимъ много странъ. Если Ваше Величество такъ же довольны этимъ Архангеломъ какъ Вашъ многострадальный, то божественный будетъ въ высшей степени счастливъ. Вашему Величеству благоугодно будетъ замѣтить, что графъ Фактотумъ, имѣвъ за послѣднее время нѣсколько маленькихъ дѣлъ на рукахъ, не нашелъ минуты, чтобъ повѣрить счеты синьйора Сантини и уплатить ихъ. И вотъ послѣдній оказался не въ состояніи дѣлать новыя выдачи впередъ; вслѣдствіе этого божественный, отыскавъ въ минуту вдохновенія эту аллегорическую картину, и желая чтобъ какъ можно скорѣе Императрица насладилась ею, заплатилъ Терезинѣ изъ собственныхъ сбереженій, сдѣланныхъ отъ щедротъ безсмертной, и тотчасъ отправилъ картину. А многострадальный, у котораго также бываютъ свои минуты вдохновенія, тотчасъ отписалъ божественному, что эта Августѣйшая Государыня между другими своими капризами имѣетъ болѣзнь не терпѣть, чтобъ ей давали деньги взаймы или впередъ.

préserver de toute incartade impériale, je le priais de tirer sur moi une lettre de change pour ces 80 sequins avancés par lui de ses épargnes, afin que je les rembourse des deniers de la caisse impériale confiée à mes soins, et que le tableau prophétique pour nos ennemis, se trouve payé lorsqu'il sera arrivé à sa glorieuse destination. J'espère que Votre Majesté approuvera cette détermination de son souffre-douleur, et lui passera dans ses comptes cet article, qui n'aurait aucun inconvénient si le change sur Paris n'était pas devenu d'un désavantage prodigieux depuis la sublime régénération qui a élevé ce royaume au faîte de la gloire et de la prospérité. Les Français ont sans doute raison de ne pas trouver trop cher ce qu'il en coûte pour jouir de tant de biens si inconnus et si incalculables; mais nous autres non régénérés qui ne prétendons à aucune part de leur gâteau, nous devrions, suivant le droit de l'homme, être exemptés aussi du tort que nous fait le change, que la façon qu'il leur en coûte pour la cuisson de ce gâteau a si incroyablement dérangé.

Il a été avancé plus haut que la reconnaissance n'est jamais à charge aux immortels, d'autant qu'il est d'expérience que les réconnaissants ne sont jamais assez nombreux pour faire foule et embarras autour des bienfaiteurs. En conséquence de cette observation, je fais entrer sans scrupule dans le canon de mes épîtres inspirées, celles que je reçois de temps en temps du fidèle Wagnière. Si on lui conteste d'être un grand Grec, on ne pourra pas

---

и надо подчиняться этому убійственному расположенію. Итакъ чтобъ спасти его отъ императорскаго выговора, я прошу его взять отъ меня вексель на эти 80 цехиновъ данные имъ впередъ изъ своихъ сбереженій, для того чтобъ я заплатилъ изъ денегъ порученной мнѣ императорской кассы; такимъ образомъ картина, пророческая для нашихъ враговъ, окажется уплаченною, когда прибудетъ къ своему славному назначенію. Надѣюсь, что Ваше Величество одобрите это рѣшеніе своего многострадальнаго, и пропустите ему въ его счетахъ эту статью, которая не имѣла бы никакого неудобства, еслибъ курсъ на Парижъ не сдѣлался удивительно невыгоденъ съ тѣхъ поръ, какъ дивное возрожденіе подняло это королевство на высоту славы и благоденствія. Французы конечно правы, что не находятъ слишкомъ дорогимъ то, во что имъ обходится наслажденіе благами столь неизвѣстными и неоцѣненными; но мы невозрожденные, не желающіе имѣть своей части въ ихъ пирогѣ, мы по естественному праву должны бы быть избавлены и отъ убытковъ, которые приноситъ намъ курсъ, разстроившійся отъ способа приготовленія этого пирога.

Выше было сказано, что признательность никогда не бываетъ въ тягость безсмертнымъ, тѣмъ болѣе, что какъ опытомъ дознано благодарные никогда не являются въ такомъ числѣ, чтобъ толпиться вокругъ благодѣтелей и затруднять ихъ. Вслѣдствіе этого замѣчанія, я безбоязненно влагаю въ канонъ моихъ вдохновенныхъ посланій тѣ, которыя я отъ времени до времени получаю отъ вѣрнаго Ваньера. Если

nier qu'il ne soit un bon Israélite. Le baron de Sutherland ne m'a pas encore fait la remise de sa pension; mais Votre Majesté trouvera dans les lettres du bon Israélite la raison pourquoi je lui ai demandé une lettre payable en Hollande et non à Paris. Si j'avais payé à Wagnière ses 1500 livres à Paris; il en résultait, vu le beau taux du change, une perte de onze pour cent soit pour lui, soit pour la caisse impériale de Paris. Pour prévenir cet inconvénient, comme j'avais quelque peu d'argent à Francfort, j'ai autorisé Wagnière de tirer sur Francfort au lieu de Paris, et de cette manière il n'y a eu du dommage pour personne si M. Sutherland me rembourse en Hollande, d'où je pourrai remplacer à Francfort sans perte ce que j'en ai tiré, au lieu que de Paris cela ne me serait pas également possible. Dès que le baron de Sutherland m'aura fait cette remise, je lui ferai passer le reçu du fidèle Wagnière pour sa décharge envers le cabinet impérial.

Je ne doute pas un instant que Votre Majesté, après avoir reçu mon humble requête dans ma dernière missive par le canal de Bacchus, n'ait daigné accorder une prolongation de congé jusqu'en automne à son président de Réval, Kotzebue, et ne lui ait fait annoncer cette faveur si indispensable au rétablissement de sa santé, par la régence du dit lieu mémorable dans les fastes de l'année dernière, et dont le souvenir a rendu mon protégé Tchitchagof si honteux en présence de son auguste Souveraine. S'il

---

можно оспаривать, что онъ великій Грекъ, нельзя отрицать, что онъ добрый Еврей. Баронъ Сутерландъ мнѣ не передалъ еще его пенсію; но Ваше Величество найдете въ письмахъ добраго Еврея причину, почему я требовалъ для него векселя на уплату въ Голландіи, а не въ Парижѣ. Еслибъ я заплатилъ Ваньеру его 1500 ливровъ въ Парижѣ, то по прекрасному состоянію курса послѣдовала бы потеря 11-и на сто или для него, или для Императорской кассы въ Парижѣ. Чтобъ предупредить это неудобство, имѣя нѣсколько денегъ во Франкфуртѣ, я дозволилъ Ваньеру взять вексель на Франкфуртъ вмѣсто Парижа, и такимъ образомъ никто не будетъ въ убыткѣ, если г. Сутерландъ уплатитъ мнѣ въ Голландіи, откуда я могу безъ потери перевести во Франкфуртъ то что взялъ тамъ, тогда какъ изъ Парижа я также не могъ бы этого сдѣлать. Только что баронъ Сутерландъ сдѣлаетъ мнѣ эту выдачу, я передамъ ему росписку вѣрнаго Ваньера для очистки своей передъ Императорскимъ Кабинетомъ.

Я ни минуты не сомнѣваюсь, что Ваше Величество по полученіи моей скромной просьбы въ послѣднемъ письмѣ, посланномъ черезъ посредство Бахуса, удостоили даровать продленіе отпуска до осени Вашему президенту въ Ревелѣ, Коцебу, и велѣли объявить ему эту милость, столь необходимую для возстановленія его здоровья, черезъ губернское правленіе названнаго города, столь прославленнаго въ лѣтописяхъ минувшаго года, и о которомъ воспоминаніе такъ пристыдило моего протеже Чичагова въ присутствіи его Августѣйшей Государыни. Еслибъ онъ подо-

se doutait du haut degré de faveur dont il jouit, ainsi que son bras droit Krouse et son bras gauche Powalichine, auprès du souffre-douleur, il ne se fourrerait pas derrière la porte quand sa Souveraine et la mienne paraît. Quant à M. de Kotzebue, je ne l'ai vu qu'environ une heure, mais j'ai déjà confié à Votre Majesté qu'il a fait ma conquête. Dieu sait combien je l'ai questionné sur cette fameuse journée de Réval dont les premiers bruits si contraires à la vérité m'ont accablé au point que j'ai pensé en étouffer sur la place, et dont les nouvelles postérieures m'apprenant le fait, m'ont causé une dilatation tout aussi redoutable que la contraction, de sorte qu'en deux fois vingt-quatre heures la même nouvelle a pensé me tuer deux fois par deux coups entièrement opposés; voilà au fond toute l'obligation que j'ai à la journée de Réval. Le président m'a écrit depuis son départ une épître de Mayence, dont l'original se trouve dans ce recueil d'épîtres sacrées. Quoiqu'elle ne soit pas courte, je ne peux pas dire qu'elle m'ait paru longue. J'espère qu'elle ne le paraîtra pas non plus à mon auguste Souveraine, car je ne cache pas que le voeu de mon coeur est qu'elle la lise d'un bout à l'autre. Je crois qu'un homme de cette trempe est digne de la servir efficacement, quel que soit le poste qu'elle lui assigne, et comme il paraît par sa lettre que son ambition est aussi grande ou aussi petite que Votre Majesté le voudra, je me fie avec toute la confiance possible à la décision souveraine qui saura bien lui trouver et fixer sa place.

зрѣвалъ, какою высокою степенью благоволенія онъ пользуется у многострадальнаго, также какъ и правая рука его Крузе и лѣвая рука Повалишинъ, онъ не прятался бы за дверь, когда его и моя Монархиня появляется. Что касается до г. Коцебу, я видѣлъ его только около часу; но я уже сознался Вашему Величеству, что онъ завоевалъ мое сердце. Богу извѣстно, сколько я его разспрашивалъ объ этомъ знаменитомъ Ревельскомъ днѣ, о которомъ первые слухи, такъ несогласные съ истиной, до того меня поразили, что я думалъ на мѣстѣ умереть отъ удушья, а позднѣйшія извѣстія, сообщившія мнѣ истину, произвели расширеніе легкихъ, столь же опасное какъ и сжатіе ихъ, такъ что въ двое сутокъ одно и то же извѣстіе чуть не убило меня два раза двумя противоположными ударами. Вотъ въ сущности какую благодарность долженъ я питать къ Ревельскому дню. Президентъ написалъ мнѣ со времени отъѣзда своего посланіе изъ Майнца, подлинникъ котораго находится въ этомъ собраніи священныхъ посланій. Хотя оно не коротко, но я не могу сказать, чтобъ мнѣ оно показалось длинно. Надѣюсь, что оно не покажется таковымъ и моей Августѣйшей Государынѣ, ибо я не скрою желанія моего сердца, чтобъ она прочла его отъ начала до конца. Я полагаю, что человѣкъ такого закала достоинъ служить ей дѣятельно, какое бы мѣсто она ему ни назначила, а такъ какъ изъ письма его видно, что его честолюбіе столь велико или столь мало, какъ Вашему Величеству будетъ угодно, то я со всѣмъ возможнымъ довѣріемъ уповаю на рѣшеніе Государыни, которая сумѣетъ найти и назначить ему мѣсто.

On ne peut se cacher que l'Impératrice de toutes les Russies et de tous les coeurs ne soit prodigieusement à la mode depuis six mois et que ses actions n'aient prodigieusement et incroyablement haussé dans cet intervalle. Non pas, à la vérité, au club des Jacobins ou des enragés, où l'on se doute d'abord confusément qu'elle n'a pas pour la régéneration gauloise tout le respect qu'elle mérite, et où la lettre qu'elle s'est permise d'écrire au prince de Ligne et que celui-ci s'est permis de laisser imprimer, a laissé de fâcheuses impressions. Ce club reçoit d'ailleurs ses impulsions par les fripons qui ont vendu les intérêts de leur patrie à l'étranger et font les patriotes, et par des émissaires anglais et prussiens qui ont pris à tâche de travailler ce malheureux pays en-dessous: or ces derniers ont pour système de calomnier auprès de l'auguste Assemblée nationale indirectement les desseins de l'Impératrice et directement ceux de la maison d'Autriche, et le club, pourvu que les émissaires lui montrent une grande admiration pour ses travaux, est assez inepte, assez ignare, assez étranger aux affaires, assez imbécile pour qu'on lui persuade qu'il fait nuit en plein midi. Mais depuis qu'on a vu l'Impératrice bâcler d'abord cette paix de Wärela, et puis, après la convention de Reichenbach, montrer le même calme qu'avant, recevoir les propositions dictatoriales avec une dignité tranquille et fière, les repousser avec une politesse parfaite, et tandis qu'on la croyait réduite à recevoir la loi, remporter sur ses ennemis victoire sur victoire, et par

---

Нельзя скрыть отъ себя, что Императрица всея Россіи и всѣхъ сердецъ очень въ модѣ послѣдніе шесть мѣсяцевъ и что акціи ея чрезвычайно и невѣроятно поднялись въ этотъ промежутокъ времени; но конечно не въ клубѣ Якобинцевъ или бѣшеныхъ, гдѣ прежде всего смутно подозрѣваютъ, что она не имѣетъ къ гальскому возрожденью всего того уваженія, какого оно заслуживаетъ, и гдѣ письмо, которое она позволила себѣ написать князю де Линю, а этотъ позволилъ себѣ напечатать, оставило дурное впечатлѣніе. Притомъ этотъ клубъ находится подъ вліяніемъ мошенниковъ, продавшихъ интересы своей родины иностранцамъ и разыгрывающихъ патріотовъ, а также подъ вліяніемъ англійскихъ и прусскихъ эмиссаровъ, которые задались тѣмъ, чтобъ тайно обработывать эту несчастную страну. Эти послѣдніе держатся системы возводить передъ августѣйшимъ народнымъ собраніемъ косвенныя клеветы на намѣренія Императрицы и прямыя клеветы на австрійскій домъ, а клубъ, подъ вліяніемъ расточаемыхъ ему этими эмиссарами высокихъ похвалъ, довольно нелѣпъ, довольно невѣжественъ, довольно несвѣдущъ въ дѣлахъ, довольно безуменъ, чтобъ признавать ночь среди дня. Но съ тѣхъ поръ, какъ Императрица заключила Верельскій миръ и послѣ конвенціи въ Рейхенбахѣ показала прежнее спокойствіе, приняла диктаторскія предложенія съ невозмутимымъ и гордымъ достоинствомъ и отклонила ихъ съ совершенной вѣжливостью, а въ то время какъ думали предписывать ей законы, одерживала надъ врагомъ побѣду надъ побѣдой не только

ses armes sur les bords du Danube, et par l'ascendant de son génie dans le cabinet, tout ce qui n'est pas club des Jacobins a été saisi d'une telle admiration, d'un tel enthousiasme, que partout où l'on va, dès qu'on peut se tirer du spectacle désolant qu'on a continuellement sous les yeux, on n'entend qu'un cri, qu'un choeur universel: *Non, il n'y a plus qu'un seul souverain en Europe. Quel génie! quel caractère! quel grand homme que cette femme!* Au milieu de ce tintamarre, on s'attend à me voir me rengorger d'avoir pu voir de près cette Souveraine unique et d'être un objet de bienveillance pour elle, et moi qui n'ai pas eu besoin du suffrage des badauds pour savoir six mois après son avénement au trône ce qu'il en fallait penser, je déclare que je n'estime pas ceux à qui il a fallu crever les yeux pour qu'ils aperçoivent enfin ce qui est grand et digne d'admiration; que je ne fais cas que de ceux qui savent deviner un grand caractère d'avance et qui n'attendent pas qu'il ait étalé sa marchandise et attaché à son char amis et ennemis, pour l'encenser et lui ériger l'autel qu'il mérite. De ce très petit nombre est mon comte de Schomberg, ancien lieutenant-général en France où il a servi avec distinction plus de 40 ans et aura dans la démolition universelle pour récompense la perte de son régiment et de son traitement. C'est le frère aîné de celui qui était premier ambassadeur de Saxe à Francfort et pour qui j'ai osé indiscrètement et témérairement solliciter le cordon bleu; c'est le plus ancien ami que j'aie au monde, puisque notre

---

оружіемъ своимъ на Дунаѣ, но и властительностью своего генія въ кабинетѣ, — съ тѣхъ поръ все что не принадлежитъ къ клубу Якобинцевъ было поражено такимъ удивленіемъ, такимъ энтузіазмомъ, что всюду, куда ни придешь, какъ скоро удалишься отъ горестнаго зрѣлища, которое постоянно на глазахъ, услышишь только одинъ крикъ, одинъ общій хоръ: *нѣтъ во всей Европѣ только, одинъ Государь. Какой геній, какой характеръ! Какой великій человѣкъ эта женщина!* Среди этого шума ожидаютъ, что я гордо подыму голову, отъ того, что видѣлъ вблизи эту единственную Государыню и сталъ предметомъ ея благоволенія. А мнѣ не нужно было одобренія зѣвакъ, чтобы знать черезъ полгода послѣ ея воцаренія, какъ надо было понимать её. Объявляю, что я вовсе не уважаю тѣхъ, кому надо было выколоть глаза, чтобы они наконецъ замѣтили то, что велико и достойно удивленія. Я уважаю только тѣхъ, кто заранѣе умѣетъ угадать великій характеръ и не дожидается чтобы онъ выложилъ свой товаръ и привязалъ къ своей колесницѣ друзей и враговъ, чтобъ воскурять ему фиміамъ и воздвигнуть жертвенникъ, котораго онъ достоинъ. Къ этому очень небольшому числу принадлежитъ мой графъ Шомбергъ, старый генералъ-лейтенантъ во Франціи, гдѣ онъ служилъ съ отличіемъ болѣе 40 лѣтъ и въ награду среди всеобщаго разрушенія потеряетъ свой полкъ и свое жалованье. Это старшій братъ того, который былъ первымъ посланникомъ Саксоніи во Франкфуртѣ и для котораго я осмѣлился нескромно и дерзко испрашивать синей ленты;

amitié date de l'âge de dix ans. Ce que tout le monde dit aujourd'hui de l'Impératrice, il l'a dit il y a vingt ans, lorsque personne ne le disait; voilà où est le mérite. N'ayant pas de plus douce jouissance que celle d'admirer, il ne l'a cependant jamais étendue au-delà de trois personnages de son siècle, l'Impératrice, la grande paire de manches Frédéric et Voltaire; c'est sur ces trois autels que son encens a constamment et exclusivement brûlé. C'est un tel dévot qui a le droit de s'enflammer et dont j'estime les accès d'enthousiasme, lorsque les grandes occasions développent et exposent en spectacle toute la grandeur de l'objet de son culte. Voilà, Madame, pourquoi je ne puis me dispenser de placer quelques-unes de ses épîtres dans ce recueil sacré d'épîtres inspirées que Votre Majesté ne peut se dispenser d'étudier pour sa propre édification. Fuyant les malheurs de la France, il est allé, il y a plus de dix-huit mois, se réfugier en Suisse à côté du maréchal de Castries, et c'est de Lausanne qu'il m'adresse ses hymnes à la gloire de son héroïne. Votre Majesté verra que dans un accès de son enthousiasme il pousse le délire jusqu'à lui demander effrontément son portrait. C'est ménager une nouvelle occasion à M. Jarkoï pour exercer son talent, si l'Impératrice daigne exaucer cette fervente et hardie prière: car il est bien démontré que le souffre-douleur n'a rien de trop et qu'il ne peut pas céder un des siens pour satisfaire son ami. J'ai d'ailleurs feuilleté et consulté les casuistes les plus célèbres et les plus accrédités sur ce cas tout

---

это старѣйшій другъ мой на этомъ свѣтѣ, такъ какъ дружба наша началась съ десятилѣтняго возраста. То, что всякій нынче говоритъ объ Императрицѣ, онъ говорилъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда никто этого не говорилъ; вотъ въ чемъ заслуга. Не имѣя бóльшаго наслажденія, какъ поклоняться прекрасному, онъ однако распространялъ это поклоненіе только на трехъ лицъ своего вѣка: Императрицу, пару большихъ манжетъ Фридриха и на Вольтера; на этихъ трехъ жертвенникахъ постоянно и исключительно горѣлъ его фиміамъ. Этотъ набожный человѣкъ имѣетъ право воспламеняться и я уважаю порывы его восторга, когда великія обстоятельства раскрываютъ и выставляютъ на глазахъ у всѣхъ высоту предмета его поклоненія. Вотъ почему, Государыня, я не могу воздержаться, чтобъ не помѣстить нѣкоторыхъ изъ его писемъ въ это священное собраніе вдохновенныхъ посланій, которыхъ изученіемъ Ваше Величество не можете пренебречь для собственнаго назиданія. Спасаясь отъ бѣдствій Франціи, онъ болѣе осмнадцати мѣсяцовъ какъ нашелъ убѣжище въ Швейцаріи, возлѣ маршала де Кастри и, изъ Лозанны обращаетъ ко мнѣ гимны во славу своей героини. Ваше Величество увидите, что въ припадкѣ энтузіазма онъ доводитъ безуміе до того, что имѣетъ дерзость просить у ней ея портрета. Это значитъ открывать г. Жаркому новый случай упражнять кисть свою, если Императрица удостоитъ услышать эту усердную и смѣлую просьбу: ибо вполнѣ доказано, что многострадальный не имѣетъ ничего лишняго и не можетъ уступить ни одного изъ своихъ портретовъ, чтобъ

particulier; ils décident tous unanimement qu'on ne peut refuser à un fidèle dont la haute dévotion est si notoire, l'image sacrée devant laquelle son encens brûle depuis tant d'années sans discontinuer, et qu'il a un droit acquis de la voir toujours exposée sur l'autel de son oratoire.

Je finis et je clos le canon de mon nouveau nouveau testament non pas par un apocalypse, mais par une épître fort courte et fort claire de mon Saint-Nicolas de Francfort écrite de Carlsruhe pour l'édification des gens de Grimma. Elle doit être comprise dans ce récueil d'épîtres inspirées, par la raison déjà ci-dessus alléguée que le culte et la reconnaissance des vrais dévots ne sauraient être à charge aux immortels, et que les effusions d'un coeur qui ne se croit pas en leur présence, ne peuvent leur être que d'autant moins suspects qu'on ne songe pas à les invoquer.

Non, je ne clos pas mon nouveau testament: car il est écrit dans le vieux testament là-haut, que je n'aurai jamais fini ni ne pourrai jamais finir lorsque je suis en présence du génie de mon auguste Souveraine. Ne voilà-t-il pas une épître de la duchesse de Saxe-Gotha qui me tombe des nues et que je ne puis me dispenser de comprendre dans mon canon! Je dois la croire aussi inspirée que les autres; si Votre Majesté la relègue parmi les apocryphes, je me réserve toujours le droit d'appeler au futur concile.

удовлетворить друга. Я впрочемъ перелистывалъ знаменитѣйшихъ и самыхъ уважаемыхъ казуистовъ, и совѣтовался съ ними объ этомъ особенномъ случаѣ; они всѣ единодушно рѣшаютъ, что нельзя отказать вѣрному, столь извѣстному своимъ глубокимъ благоговѣніемъ, въ томъ священномъ изображеніи, передъ которымъ его фиміамъ сожигается столько лѣтъ безпрерывно, и что онъ пріобрѣлъ право всегда видѣть его на жертвенникѣ своей молельни.

Кончаю и заключаю канонъ моего новаго завѣта не апокалипсисомъ, но посланіемъ весьма короткимъ и весьма яснымъ моего Св. Николая во Франкфуртѣ, писаннымъ изъ Карлсруэ въ назиданіе обитателямъ Гриммы. Оно должно быть включено въ это собраніе вдохновенныхъ посланій, по причинѣ здѣсь означенной, что поклоненіе и признательность настоящихъ поклонниковъ не могутъ быть въ тягость безсмертнымъ, и что заочныя изліянія сердца не могутъ имъ казаться подозрительными, тѣмъ болѣе, что къ нимъ не думаютъ обращаться съ просьбами.

Нѣтъ, я еще не заключаю своего новаго завѣта, ибо въ ветхомъ завѣтѣ Господнемъ написано, что я никогда не кончу и не могу кончить, когда я въ присутствіи генія моей Августѣйшей Монархини. Но вотъ является посланіе герцогини Саксенъ-Готской, свалившееся мнѣ съ облаковъ и которое я долженъ тоже включить въ мой канонъ! Я долженъ считать его столько же вдохновеннымъ, какъ и другія; если Ваше Величество его отнесете къ апокрифамъ, я всетаки оставляю за собой право перенести дѣло на рѣшеніе будущаго собора.

La dépêche de l'année dernière du comte de Riaucour, second ambassadeur de Saxe à la diète de Francfort, envoyée à sa cour pour lui faire connaître quelques apôtres de la régénération française qui se sentent de la vocation pour le martyre, n'est pas peut être inconnue de Votre Majesté Impériale. Je la joins ici à tout hasard, sans lui accorder les honneurs de l'inspiration, afin que si quelque apôtre y désigné ou tout autre prédicateur d'insurrections jugeait la Russie digne d'être travaillée dans le sens de ces principes, il puisse immédiatement parvenir aux honneurs de l'élévation qu'il mérite et ne soit pas obligé de mendier longtemps la récompense qui lui est due. Je ne crois pas tous les apôtres désignés ici, en mission; mais en revanche je crois le nombre des missionnaires moins connus et plus obscurs infiniment plus grand et digne de toute l'attention d'un gouvernement vigilant. Je crois M. de Riaucour absolument dans l'erreur sur ce qu'il dit de Gotha et de Weimar. Les marchands de venin ne sont pas assez bêtes pour s'établir dans de petites villes où ils séraient reconnus et démasqués dans la minute; il leur faut de grands théâtres pour leur métier. Au reste, je ne connais pas assez Weimar pour décider s'il n'y en a pas du tout; mais je suis bien sûr qu'il règne un excellent esprit à Gotha parmi ceux qui écrivent pour l'instruction publique. Ils sont dignes de servir de modèle à tous ceux qui, en quel pays que ce soit, se mêlent de ce métier. C'est

---

Депеша прошедшаго года графа Ріокура, второго посланника Саксонскаго на Франкфуртскомъ сеймѣ, присланная ко двору его, чтобы сообщить ему свѣдѣніе о нѣкоторыхъ апостолахъ французскаго возрожденія, которые чувствуютъ призваніе къ мученичеству, можетъ-быть не безызвѣстна Вашему Императорскому Величеству. Я здѣсь присоединяю её на всякій случай, не придавая ей чести большого вдохновенія, но для того, что еслибъ кто-нибудь изъ названныхъ въ ней апостоловъ, или какой либо другой проповѣдникъ революціи нашелъ Россію достойной быть обработываемой въ смыслѣ этихъ принциповъ, то чтобъ онъ могъ тотчасъ же достигнуть чести возвышенія имъ заслуживаемой и не былъ вынужденъ долго вымаливать слѣдующую ему награду. Я не думаю, чтобъ всѣ апостолы здѣсь поименованные были уже въ миссіи; но за то я полагаю, что число менѣе извѣстныхъ и болѣе тёмныхъ миссіонеровъ несравненно значительнѣе и достойно всякаго вниманія бдительнаго правительства. Я полагаю, что г. Ріокуръ въ совершенномъ заблужденіи на счетъ того, что́ онъ говоритъ о Готѣ и Веймарѣ. Торгующіе ядомъ не довольно глупы, чтобъ поселяться въ маленькихъ городахъ, гдѣ въ одну минуту ихъ узнáютъ и сорвутъ съ нихъ маску; имъ нужно широкое поприще для ихъ ремесла. Впрочемъ я не довольно знаю Веймаръ, чтобъ рѣшить, вовсе ли ихъ тамъ нѣтъ; но я очень увѣренъ, что въ Готѣ царствуетъ прекрасный духъ между тѣми, кто пишетъ для народнаго образованія. Они достойны служить образцомъ для всѣхъ тѣхъ, кто въ какой бы ни было странѣ занимается этимъ ремесломъ. Этимъ сочиненіямъ, вышедшимъ изъ типографіи Готы,

aux écrits sortis des presses de Gotha, que la Saxe électorale fut redevable l'automne dernier du prompt rétablissement de la tranquillité parmi les paysans soulevés qui, au dire des experts, ne furent pas gouvernés par les apôtres de la nouvelle doctrine française, mais par de savantes manoeuvres du docte Hertzberg, qui espérait par ce moyen débarrasser l'electeur du comte Marcolini, à qui il supposait du penchant pour la maison d'Autriche.

Je ne saurais mieux faire qu'enfermer ici une lettre pour le prince maréchal Tauricus, Ottomanicus, et une autre pour le prince de Nassau, et de les mettre sous la protection impériale.

En finissant ce Vortrag, je ne puis me dispenser de relever une des mille et une injustices dont je suis la victime. Il plaît à Votre Majesté de supposer que j'ai nagé dans le bonheur de me trouver à Francfort au milieu de cet océan de princes que la solennité du couronnement avait rassemblés. J'en appelle à mon saint si j'en ai cultivé, hanté un seul, si je les ai vus ailleurs qu'au cercle chez l'Empereur; mais je me réserve d'écrire un livre entier sur cette matière et de répousser victorieusement eine Aufbringung si hasardée, comme si mon coeur n'était pas suffisamment occupé et que j'y eusse beaucoup d'appartements vides pour le service des passevolants.

A Paris, 22 février (5 mars) 1791.

курфиршеская Саксонія обязана была въ прошлую осень быстрымъ возстановленіемъ спокойствія между возмутившимися крестьянами, которые, по словамъ экспертовъ, были руководимы не апостолами новой французской доктрины, а искусными продѣлками ученаго Герцберга, надѣявшагося такимъ образомъ избавить курфирста отъ графа Марколини, въ которомъ онъ подозрѣвалъ расположеніе къ Австрійскому дому.

Не могу не включить здѣсь письма къ князю Таврическому, Оттоманскому, а другого къ принцу Нассаускому и поручить ихъ Императорскому покровительству.

Оканчивая этотъ докладъ, я не умолчу объ одной изъ тысячи одной несправедливости, которыхъ являюсь жертвой. Вашему Величеству благоугодно предполагать, что я плавалъ въ счастіи, очутившись во Франкфуртѣ, среди океана принцевъ, которыхъ собрало торжество коронаціи. Ссылаюсь на своего святого: пусть онъ скажетъ, ухаживалъ ли я хоть за однимъ, посѣщалъ ли хоть одного изъ нихъ, видѣлъ ли ихъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ кромѣ кружка Императорскаго; но я еще собираюсь написать цѣлую книгу объ этой матеріи и побѣдоносно отразить столь неосновательное обвиненіе, какъ будто сердце мое не достаточно уже занято и какъ будто въ немъ много порожнихъ комнатъ для помѣщенія всякихъ случайныхъ проѣзжихъ.

Парижѣ, 22 февраля (5 марта) 1791.

34.

Première épître Schombergienne au souffre-douleur.

J'ai reçu ce matin, Monsieur, la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire de Francfort le 10. Vous avez ainsi exaucé un peu tard les voeux que je vous avais adressés chez votre banquier à Francfort en réponse à une lettre que vous m'aviez écrite de Bourbonne. Je n'ai pas eu non plus de nouvelles de mon frère depuis un temps infini; il est vrai que de mon côté aussi j'ai respecté des affaires et des fêtes; les unes et les autres m'auraient empêché de jouir de lui si j'avais été à Francfort; de fort bonnes raisons d'ailleurs y mettaient obstacle, et mon mariage n'a été fait que le 28 octobre. Ce n'est que ce jour-là que mon Xavier a épousé une jeune personne jolie, agréable, pleine de grâces, d'esprit et de raison, qu'il aime avec passion et dont il est aimé de même. J'ai joui aussi du spectacle le plus rare, unique même peut-être, celui de deux êtres parfaitement heureux. Vous retournez donc à Paris? Mais comment votre ami (mon Saint-Nicolas de Francfort) ne vous a-t-il pas rappelé ce que disait un de ses compatriotes:

«Adieu, je reviendrai quand ils seront changés?»

(Vers de Voltaire dans Le Russe à Paris.)

34.

Первое посланіе Шомберга къ многострадальному.

Милостивый государь, я получилъ сегодня утромъ письмо, которое вы благоволили написать мнѣ изъ Франкфурта, 10-го. Вы такимъ образомъ нѣсколько поздно исполнили желаніе, которое я выражалъ вамъ черезъ вашего Франкфуртскаго банкира въ отвѣтъ на письмо, написанное мнѣ вами изъ Бурбонны. Я безконечно давно не имѣлъ также извѣстій отъ брата; правда, что и я съ своей стороны уважилъ дѣла и праздники; тѣ и другіе помѣшали бы мнѣ насладиться имъ, еслибъ я былъ во Франкфуртѣ; впрочемъ весьма важныя причины полагали тому препятствіе, и моя свадьба была только 28 октября. Только въ этотъ день мой Ксавье женился на молодой дѣвушкѣ хорошенькой, пріятной, одаренной граціей, умомъ и благоразуміемъ, которую онъ страстно любитъ и также страстно ею любимъ. Я также наслаждался самымъ рѣдкимъ и единственнымъ зрѣлищемъ: я видѣлъ два существа вполнѣ счастливыя. Итакъ вы возвращаетесь въ Парижъ? Но какимъ образомъ другъ вашъ (мой франкфуртскій Св. Николай) не напомнилъ вамъ, что́ говорилъ одинъ изъ его соотечественниковъ:

«Прощайте, я пріѣду когда они перемѣнятся.»

(Стихъ Вольтера изъ «Русскаго въ Парижѣ»).

Vous aurez au reste pour distraction la gloire de votre amie, la plus brave femme de tous les temps, et qui pratique avec tant de noblesse et d'aisance le *debellare superbos et parcere victis* de Virgile. Quant à moi, l'Assemblée nationale m'a délivré de toutes les servitudes de ce monde, et avec mon Plutarque je suis parvenu à me rendre presque aussi heureux que si j'étais mort. Je ne fais pas encore de projet pour le printemps; c'est la saison où à mon âge l'on se fixe ordinairement à demeure, mais l'hiver je le passerai très certainement à Lausanne, c'est-à-dire dans un bon château chaud à un quart de lieue de la ville auprès de M. le maréchal (de Castries), qui se porte à merveille, ce qui est encore moins, à mon avis, l'effet de l'exercice qu'il se donne que de cette sagesse que vous lui connaissez. Je ne vous oublierai certainement pas auprès de la tribu, puisque j'ai toujours besoin de parler de vous; j'en ai un plus essentiel encore, qui est de savoir de vos nouvelles, et d'autant plus que vos étouffements me donnent beaucoup d'inquiétude. Vous avez à présent parfaitement mon adresse: veuillez donc bien, de temps en temps, écrire quelques lignes à votre ami le plus ancien, le plus fidèle et le plus tendre.

Lausanne, 17 novembre 1790.

Вы впрочемъ будете находить развлеченіе въ славѣ вашего друга, самой дивной женщины всѣхъ временъ, и которая съ такимъ благородствомъ и непринужденностью исполняетъ Виргиліево слово: «Воевать съ гордыми и щадить побѣжденныхъ». Что до меня касается, Національное собраніе избавило меня отъ всякаго порабощенія въ этомъ мірѣ, и со своимъ Плутархомъ я достигъ почти такого счастія, какъ еслибъ я умеръ. Я еще не дѣлаю плановъ на весну; это время года когда въ моемъ возрастѣ обыкновенно сидятъ на мѣстѣ; но зиму я конечно проведу въ Лозаннѣ, то есть въ хорошемъ тепломъ замкѣ, въ четверти льё отъ города, возлѣ маршала де Кастри, который вполнѣ здоровъ, что по моему мнѣнію происходитъ не столько отъ движенія, которое онъ себѣ доставляетъ, сколько отъ извѣстной вамъ мудрости его. Я конечно не забуду васъ передъ колоніей, такъ какъ мнѣ всегда хочется говорить о васъ; еще болѣе хочется имѣть отъ васъ извѣстія, и тѣмъ болѣе, что ваше удушье очень меня безпокоитъ. Вы теперь прекрасно знаете мой адресъ: благоволите же время отъ времени написать нѣсколько строчекъ вашему старѣйшему и вмѣстѣ самому вѣрному и самому нѣжному другу.

Лозанна, 17-го ноября 1790.

Seconde Epître Schombergienne au souffre-douleur.

J'ai reçu hier, Monsieur, la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire le 30 novembre au milieu de vos étouffements qui m'oppressent, et surtout m'inquiètent sûrement plus que vous. M. le maréchal (de Castries) a été on ne peut pas plus sensible à votre souvenir et à votre intérêt; mais comme il faut bien avoir un défaut, il a, au suprême degré, à la vérité, celui d'une modestie (c'est un vrai Tchitchagof) insupportable; il en résulte qu'on ne peut jamais lui dire ce qu'on pense sur son compte et ce que pensent de même les autres; il croit toujours qu'on veut le louer de ce qu'il respire: tant les vertus lui sont naturelles. Il disait à son fils (le duc de Castries après son affaire avec Charles Lameth), qui nous est enfin arrivé le lundi 6, qu'il honorait sa vieillesse. Bien d'autres choses encore l'honorent; si l'on peut toutefois parler de la vieillesse d'un homme qui a l'air d'avoir quarante ans au plus et en a la force physique et morale, ainsi qu'une élasticité bien rare déjà à cet âge. Cela me fait croire que les meilleurs ingrédients du beaume de la vie sont la raison, la sagesse, la constance, une résignation douce et facile aux événements auxquels l'on ne peut rien; c'est ce qui donne cette physionomie toujours la même, c'est ce qui compose tout l'homme d'Horace:

Второе Шомбергово посланіе многострадальному.

Я вчера получилъ, милостивый государь, письмо, обязательно написанное мнѣ вами 30-е ноября, не взирая на ваше удушье, которое меня тяготитъ и тревожитъ, болѣе чѣмъ васъ. Г. маршалъ (де-Кастри) былъ чрезвычайно тронутъ вашей памятью о немъ и участіемъ; но такъ какъ каждый долженъ имѣть свой недостатокъ, онъ въ высшей степени, и въ самомъ дѣлѣ несносно скроменъ. (Это настоящій Чичаговъ). Изъ этого слѣдуетъ, что ему никогда нельзя сказать того, что думаешь о немъ, что думаютъ о немъ другіе. Онъ всегда воображаетъ, что его хочешь хвалить за то, что онъ дышитъ, такъ естественны въ немъ добродѣтели. Онъ говорилъ своему сыну (герцогу де-Кастри послѣ дѣла его съ Карломъ Ламетомъ), который пріѣхалъ къ намъ наконецъ въ понедѣльникъ 6-го, что онъ чтить свою старость. Много другого можно бы еще чтить въ немъ; если можно говорить о старости человѣка, которому на видъ не болѣе сорока лѣтъ и въ комъ физическая и нравственная сила, также какъ и гибкость весьма рѣдкія въ этомъ возрастѣ. Это заставляетъ меня вѣрить, что лучшія составныя части жизненнаго бальзама суть: разумъ, мудрость, постоянство, кроткое и добродушное подчиненіе обстоятельствамъ, которыхъ не можешь измѣнить; вотъ что даетъ эту физіономію всегда одинакую, вотъ что составляетъ человѣка по Горацію:

Justum ac tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatiet solida.

Aussi sa santé est-elle excellente, et ces beaux bords du lac ne voient-ils pas d'hômme plus léger à pied et à cheval. Tout le château ne renferme aussi que des êtres bien portants, depuis le preux de Chauvigny jusqu'au chevalier Beauteville, qui à 87 ans ne se doute pas d'une infirmité; enfin tous ses habitants et habitantes vous remercient, vous aiment et vous disent mille choses tendres. Quant à moi, je veux tâcher aussi de suivre ce précepte:

Servetur ad imum
Qualis ab incepto processerit et sibi constet.

Je n'ai jamais dans mon état et dans mon métier rien demandé, ni rien refusé; je veux toujours faire de même. Je ne demanderai point d'être employé et ne le refuserai pas. Je sais bien que les généraux romains, qui étaient citoyens et respectaient les citoyens, n'étaient pas toutefois aux ordres d'une municipalité, mais à la bonne heure encore. J'ai su servir en Franche-Comté sous un comité; je servirais de même ailleurs, mais je ne

---

Справедливаго и непреклоннаго въ своихъ намѣреніяхъ мужа
Ни пылъ согражданъ, призывающихъ къ дурному,
Ни взглядъ грознаго тирана
Не заставятъ отказаться отъ твердаго образа мыслей.

Зато и здоровье у него прекрасное, и эти чудные берега озера не видали еще человѣка, который былъ бы такъ легокъ на ходу и верхóмъ. Весь замокъ впрочемъ наполненъ людьми здоровыми, начиная съ рыцаря Шовиньи и кончая кавалеромъ Ботвилемъ, который въ 87 лѣтъ не знаетъ ни одного недуга; наконецъ всѣ его обитатели благодарятъ васъ, любятъ васъ и просятъ передать вамъ тысячи нѣжностей. Что до меня, я тоже хочу послѣдовать слѣдующему правилу:

Сохраниться до конца
Какимъ выступилъ сначала и остаться себѣ вѣрнымъ.

Я никогда въ своемъ положеніи и въ своемъ ремеслѣ ничего не просилъ и ни въ чемъ не отказывалъ; я всегда хочу поступать такъ же. Я не стану просить, чтобъ меня употребляли и не стану отказываться отъ дѣла. Я знаю, что римскіе полководцы, которые были гражданами и уважали гражданъ, не были нисколько въ распоряженіи муниципалитета, но это еще пожалуй. Я умѣлъ служить въ Франшъ-

le solliciterai pas. S'il s'en suit que l'on continue à m'ôter, je me rappellerai que le grand Frédéric avait calculé qu'il vivrait avec trente sous par jour. Si, par une rare bienfaisance, on me laissait par hasard mille écus de rente, je vivrais le plus heureux du monde dans mon petit cabinet, lorsque toutefois on ne pillera ni n'égorgera plus dans Paris, ce qui pourrait être dans une dixaine d'années. Oh! combien de choses dont je n'ai nul besoin! Comme il faut néanmoins se faire une occupation dans sa retraite, et que de penser est aussi pénible que vain, je continuerai à apprendre des langues; je veux y joindre le russe. Mon admiration (et de tout temps d'admirer a été une de mes plus vives et plus douces jouissances) me fait un besoin de lire la traduction de votre amie (la traduction de Plutarque, faite pendant le ronflement du canon, apparemment que le souffre-douleur a eu l'indiscrétion d'en parler).

Voilà ce qu'eût fait Julien dans un camp. O la brave femme! Quelle Catau! la leçon des rois, des héros, des sages! Que vous êtes bon de toujours vous tourmenter de la fantaisie de mon frère! Il a cependant un titre qui dévrait être déterminant, le plaisir que cela vous ferait; j'en demande pardon au plus grand Souverain de la terre et le plus illustre à jamais: un ruban n'est pas trop pour cela, et pour éviter cependant qu'il ne tire à conséquence, ce sublime monarque n'a qu'à dire son motif. L'histoire dira

---

Конте подъ начальствомъ комитета; я такъ же сталъ бы служить и въ другомъ мѣстѣ; но просить объ этомъ не буду. Если изъ этого слѣдуетъ, что у меня будутъ и впредь все отнимать, я вспомню что великій Фридрихъ расчелъ, что онъ могъ бы жить тридцатью су въ день. Еслибъ по рѣдкой щедрости, мнѣ какъ-нибудь оставили тысячу экю дохода, я жилъ бы счастливцемъ въ моемъ маленькомъ кабинетѣ, когда впрочемъ не будутъ грабить и рѣзать въ Парижѣ, что будетъ развѣ черезъ десять лѣтъ. О, какъ многаго мнѣ вовсе не нужно! Такъ какъ однако надо создать себѣ занатіе въ уединеніи, а думать столько же тяжело, сколько напрасно, то я буду продолжать изучать языки; хочу присоединить къ этому русскій языкъ. Мое удивленіе (а во всѣ времена удивляться было однимъ изъ самыхъ живыхъ и отрадныхъ моихъ наслажденій) заставляетъ меня чувствовать потребность прочесть переводъ вашего друга. (Переводъ Плутарха, сдѣланный во время рева пушекъ; вѣроятно многострадальный имѣлъ нескромность говорить объ этомъ).

Вотъ что сдѣлалъ бы Юліянъ въ лагерѣ. О чудесная женщина! Какова Като! Вотъ образецъ королямъ, героямъ, мудрецамъ! Какъ вы добры, что все еще хлопочете о фантазіи моего брата! Онъ имѣетъ однако право, весьма рѣшительное: удовольствіе, которое это вамъ доставило бы; прошу въ этомъ прощенія у величайшаго изъ Государей земли и навсегда славнаго: ленточка не будетъ слишкомъ большая награда за это, а чтобъ этому не придавали слишкомъ большой важности, великому Монарху этому стóитъ только высказать свою причину. Исторія упомянетъ еще объ

encore cela, et certes ce ne sera pas un lieu commun. Mais voici bien autre chose: je demande son portrait positivement, fièrement, car il m'est dû. Si je n'ai pas combattu les Suédois et les Tartares, j'ai souvent combattu les barbares et les sots; je m'en suis fait des ennemis personnels comme autrefois pour le grand Frédéric. Et puis, à qui ce portrait pourrait-il faire plus de plaisir? Qui lui rendrait un culte plus constant? Et n'ai-je pas pour lui inventé ce vers:

Et l'Europe la compte au rang des plus grands hommes?

Oui, mon cher ami, je veux le portrait de votre sublime et belle amie, et je vous conjure de le lui demander de ma part par le premier courrier. Avant tout cependant, de vos nouvelles, car je vous suis plus tendrement attaché que personne.

Lausanne, ce 9 décembre 1790.

Troisième Epître Schombergienne au souffre-douleur.

Je viens, Monsieur, de recevoir la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire le 16; je la communiquerai tout de suite après le dîner, parce que

---

этомъ и конечно тутъ не будетъ общаго мѣста. Но вотъ что-то другое: я требую ея портрета положительно, назойливо, потому что это мнѣ слѣдуетъ. Если я не сражался съ Шведами и Татарами, я часто сражался съ варварами и глупцами; я сдѣлалъ себѣ изъ нихъ личныхъ враговъ, какъ нѣкогда за великаго Фридриха. И потомъ кому этотъ портретъ можетъ доставить болѣе удовольствія? Кто ему воздастъ болѣе постоянное чествованіе? И развѣ я не для него сочинилъ этотъ стихъ:

И Европа ставитъ ее на ряду съ величайшими людьми?

Да, милый другъ, я хочу имѣть портретъ вашего дивнаго и прекраснаго друга, и умоляю васъ вытребовать его у ней съ первымъ курьеромъ. Прежде всего однако извѣстій о васъ, ибо я вамъ болѣе чѣмъ кто-либо преданъ.

Лозанна, 9 декабря 1790 г.

Третье Шомбергово посланіе къ многострадальному.

Я только что, получилъ милостивый государь, письмо, которое вы были такъ добры и написали мнѣ 16-го. Я его сообщу тотчасъ же послѣ обѣда, ибо знаю до

je sais à quel point on en sera touché; mais je me hâte de profiter du départ de la poste pour y répondre, et surtout pour vous conjurer de me donner le plus souvent qu'il vous sera possible, mais seulement en très peu de lignes, des nouvelles de vos étouffements, qui m'oppressent, en vérité, autant et peut-être plus que vous. Je soupçonne qu'ils tiennent à un commencement d'asthme, avec lequel on vit fort longtemps et fort malheureux, ce qui au reste est parfaitement synonyme, n'en déplaise à l'abbé Girard.

Le pillage de l'hôtel de Castries est sans doute une petite tache dans la meilleure des constitutions possibles; mais le soleil n'a-t-il pas des taches aussi, lui qui donne la lumière, la vie et le bonheur à ce que nous appelons l'Univers?

M. le maréchal perd sans doute beaucoup sur ses brevets de retenue, 40,000 écus par exemple et même plus, mais enfin on voulait les détruire totalement et lui enlever par conséquent l'argent qu'il avait déposé; c'eût été un peu rigoureux, cela a répugné aussi à la justice et à la bonté de leurs excellences; ils ont décrété que les brevets de retenue accordés en raison d'une finance donnée ne seraient point totalement supprimés; mais ceux qui ont été accordés comme une pure grâce le sont décidément. Par conséquent je perds le mien, qui est de 40,000 livres; c'est par lui que je comptais après ma mort continuer quelques pensions à mes vieux domestiques et quelques charités à des malheureux: cela rendra la lie amère, car

---

чего имъ будутъ тронуты; но я спѣшу воспользоваться отъѣздомъ почты, чтобъ отвѣчать на него, а особливо чтобъ упросить васъ сообщать мнѣ какъ можно чаще и хоть въ нѣсколькихъ строкахъ о вашихъ припадкахъ удушья, которые для меня право такъ же тяжелы, какъ и для васъ, а можетъ-быть еще тяжелѣе. Я подозрѣваю, что это начало одышки, съ которой можно жить очень долго, но и очень несчастливо, что впрочемъ синонимъ, не во гнѣвъ будь сказано аббату Жирару.

Разграбленіе отеля Кастри есть конечно маленькое пятно на лучшей изъ конституцій въ мірѣ; но развѣ и въ солнцѣ также нѣтъ пятенъ, въ солнцѣ, дающемъ свѣтъ, жизнь и счастіе всему, что мы называемъ вселенной.

Г. маршалъ конечно много теряетъ отъ удерживаемыхъ у него денегъ, 40 т. экю напримѣръ и даже болѣе, но ихъ хотѣли уничтожить совершенно и стало быть отнять у него всю сумму, составляющую его вкладъ; это было бы слишкомъ жестоко; это показалось противно даже правосудію и благости ихъ превосходительствъ; они постановили, что выдачи, назначенныя въ слѣдствіе денежнаго вклада, не совсѣмъ будутъ уничтожены; но тѣ, которыя назначены какъ чистая милость, рѣшительно уничтожатся. Итакъ я теряю 40,000 ливровъ; этой суммой думалъ я послѣ моей смерти продолжать нѣкоторыя пенсіи своимъ слугамъ и нѣкоторыя благотворенія бѣднымъ: это будетъ горькая чаша, ибо при жизни мой вкладъ, имѣвшій такое священное назначеніе, былъ бы мнѣ

pendant ma vie mon brevet, qui avait cette destination sacrée, m'eût été inutile, n'ayant point de dettes et n'en voulant point faire. Si j'eusse vendu, ainsi que je l'aurais pu dix fois, mon régiment 400,000 livres, j'aurais vingt mille livres de rente à l'abri de tout; je n'y ai nul regret toute fois, d'abord parce que j'aurais mal fait, et puis parce que ces vingt mille livres de rente m'auraient rendu trop riche pour un philosophe; quinze cents livres (dans la comédie du Père de famille) de rente suffisaient au fils d'un philosophe, mais qui ne l'était pas lui-même, au contraire très amoureux.

Comme la bonté divine, qui gouverne tout si admirablement, ne néglige même aucun détail, j'ai eu pendant plusieurs jours la crainte que M. Gibbon (anglais établi à Lausanne, auteur de plusieurs ouvrages très estimés) ne mourût d'une attaque de goutte.

Cependant je jouis des nouvelles victoires, *per mare*, *per terras*, du grand homme qui s'est revêtu des grâces et des charmes d'une belle femme. O Mahomet, tu n'en rougis point, et ce n'est que dans ton paradis que tu aspirerais à en triompher!

Je dirai à madame de Blot que vous me l'avez nommée dans votre lettre; elle se plaignait l'autre jour du contraire avec tous les droits, à ce qu'elle prétendait, de l'amitie qu'elle a pour vous.

безполезенъ, такъ какъ я не имѣю долговъ и не хочу ихъ дѣлать. Еслибъ я, какъ разъ десять представлялся къ тому случай, продалъ свой полкъ за 400,000 ливровъ, то у меня было бы двадцать тысячъ самаго вѣрнаго дохода; но я объ этомъ не сожалѣю, прежде всего потому что поступилъ бы дурно, и потомъ эти двадцать тысячъ ливровъ дохода сдѣлали бы меня слишкомъ богатымъ для философа; полторы тысячи ливровъ (въ комедіи *Отецъ семейства*) достаточны были сыну философа, но который не былъ самъ таковымъ, а напротивъ очень влюбленъ.

Такъ какъ божественное милосердіе, такъ дивно всѣмъ управляющее, не пренебрегаетъ даже никакой подробностью, то я нѣсколько дней опасался, чтобы г. Гиббонъ (англичанинъ поселившійся въ Лозаннѣ, авторъ нѣсколькихъ весьма уважаемыхъ сочиненій) не умеръ отъ припадка подагры.

Однако я наслаждаюсь новыми побѣдами на морѣ и на сушѣ великаго человѣка, облекшагося граціей и прелестями красивой женщины. О Магометъ, ты отъ этого не краснѣешь и только въ раю своемъ ты стремился бы надъ этимъ восторжествовать!

Я скажу госпожѣ де Блотъ, что вы мнѣ назвали ее въ своемъ письмѣ; намедни она жаловалась, что вы ее забыли, несмотря на всѣ права, которыя, какъ она увѣряетъ, даетъ ей дружба ея къ вамъ.

Présentez, je vous prie, mes sincères hommages à madame Diodati qui a daigné se souvenir et parler de moi. Valeas meque ames, iterum atque iterum rogo.

Lausanne, ce 22 décembre 1790.

35.

A Paris, ce 15 (26) mars 1791.

Madame. Le contre-amiral Paul Jones m'a confié le paquet ci-joint. J'en ignore le contenu, mais autant que j'ai pu entrevoir, il renferme un projet ou un plan où il s'est sans doute réservé un rôle principal, mais qu'il croit d'une grande importance au cas que la guerre dût continuer, importance qui augmenterait si la cour de Londres s'abandonnait au point d'y prendre une part active. Autant que j'ai pu deviner, il s'agirait de l'inquiéter jusques dans la région de son coeur et de ses principes de vie, dans l'Inde. Le contre-amiral ose se flatter que Votre Majesté daignera me charger d'une résolution quelconque rélativement à son paquet.

Les autres paperasses doivent trouver le terme de leur existence dans la cheminée impériale.

Передайте пожалуйста мои искреннія привѣтствія госпожѣ Діодати, удостоившей вспомнить меня и говорить обо мнѣ. Будьте здоровы и любите меня, вотъ о чемъ прошу и не перестану просить.

Лозанна, сего 22 Декабря 1790.

35.

Парижъ, 15 (26) марта 1791 г.

Государыня, Контръ-адмиралъ Поль-Джонсъ поручилъ мнѣ пакетъ при семъ прилагаемый. Я не знаю его содержанія, но насколько могъ видѣть мелькомъ, въ немъ заключается проектъ или планъ, гдѣ онъ конечно приберегъ себѣ видную роль, планъ, которому онъ придаетъ большую важность въ случаѣ продолженія войны. Эта важность еще увеличилась бы, еслибъ Лондонскій дворъ увлекся на столько, что принялъ бы въ ней дѣятельное участіе. Насколько я могъ угадать, рѣчь идетъ о томъ, чтобъ тревожить Англію въ предѣлахъ самаго ея сердца и въ самомъ жизненномъ ея источникѣ—Индіи. Контръ-адмиралъ смѣетъ надѣяться, что Ваше Величество удостоите поручить мнѣ передачу какого-нибудь рѣшенія относительно его пакета.

Другія бумаги должны окончить свое существованіе въ императорскомъ каминѣ.

36.

A Paris, ce 20 (31) mars 1791.

Madame. Mon bon ange Ollaïas, après m'avoir à son passage en février accablé des bienfaits de l'immortelle, est de retour de Madrid depuis dimanche. Malgré son empressement à voler d'une extrémité de l'Europe à l'autre pour le service de Votre Majesté Impériale, il se résignerait à attendre ici mes paquets pendant des semaines entières; mais je n'ose le retenir; c'est déjà un assez grand chagrin pour lui d'être devancé par le courrier de la cour d'Espagne de quelques jours. Je lui donne tout ce que je puis expédier, M. de Maschkof le suivra de près et emportera le reste. Tant que le souffre-douleur ne sera pas à son dernier étouffement, il griffonnera. Ci-jointe la facture de ce que mon bon ange Ollaïas a emporté; si Votre Majesté lui permet de déposer ces paquets lui-même aux pieds de l'immortelle, elle aura fait un heureux, et je dois désirer ce bonheur aux bons anges à qui je dois le mien. S'il l'obtient, Votre Majesté trouvera tout à côté de lui son souffre-douleur, qui voudrait expirer à ses pieds d'attachement et de reconnaissance.

Le grand Mirabeau est à toute extrémité.

36.

Парижъ, 20 (31) марта 1791.

Государыня, Мой добрый ангелъ Оллаіасъ, при проѣздѣ своемъ въ февралѣ осыпавшій меня благодѣяніями безсмертной, возвратился изъ Мадрида въ воскресенье. Несмотря на его готовность летѣть изъ одного конца Европы въ другой для службы Вашего Величества, онъ рѣшился бы ожидать здѣсь моихъ пакетовъ цѣлыя недѣли; но я не смѣю удерживать его. Уже достаточное для него горе, что его опередилъ курьеръ испанскаго двора нѣсколькими днями. Я поручаю ему все, что могу отправить; г. Машковъ поѣдетъ вслѣдъ за нимъ и повезетъ остальное. Пока многострадальный не будетъ при послѣднемъ своемъ припадкѣ удушья, онъ все будетъ царапать. Здѣсь прилагаю списокъ того, что мой добрый ангелъ Оллаіасъ повезъ; если Ваше Величество дозволите ему самому повергнуть эти посылки къ стопамъ безсмертной, то Вы сдѣлаете его счастливцемъ, а я долженъ желать такого счастія добрымъ ангеламъ, которымъ я самъ обязанъ тѣмъ же. Если онъ удостоится этого, Ваше Величество найдете рядомъ съ нимъ своего многострадальнаго, который желалъ бы умереть у ногъ Вашихъ отъ привязанности и благодарности.

Великій Мирабо при смерти.

37 (№ 24).

Inventaire d'une partie de la friperie de mon bon ange Ollaïas sive Ollaüs.

J'ignore, à ma grande confusion, la véritable orthographe d'un nom si cher à mon coeur.

A Paris, ce 22 mars (2 avril) 1791.

Madame, C'est hier au soir que mon bon ange a pris la clef des champs après avoir reçu mes paquets et mille bénédictions de ma part pour son heureux voyage. Ce digne successeur du grand Thier n'ambitionne d'autre bonheur que de pouvoir étaler aux pieds de l'immortelle toute sa friperie ou plutôt la mienne, et je le crois bien: approcher de ses autels porte salut et pour moi aussi cette vision béatifique serait le suprême bonheur, et je ne sens que trop combien il serait consolant de reposer ses regards, même furtivement, sur ces traits augustes dont l'image voltige sans cesse autour de mes yeux.

Mais quel coup de lumière vient de me frapper! Je me rappelle distinctement que ma pancarte confiée à mon bon ange a été pliée, fermée, cachetée sans avoir été numérotée. Quel oubli! Il prouve que ma tête n'y est

---

37 (№ 24).

Инвентарь части хламá моего добраго ангела Оллаіáса или Оллауса.

Къ великому моему смущенію, настоящее правописаніе такого дорогого моему сердцу имени мнѣ неизвѣстно.

Въ Парижѣ, 22 марта (2 апрѣля) 1791 г.

Государыня, Вчера вечеромъ мой добрый ангелъ вырвался на волю, получивъ мои пакеты и тысячу напутственныхъ благословеній съ моей стороны. Этотъ достойный преемникъ великаго Тира, мечтаетъ единственно о счастіи разложить у ногъ безсмертной весь свой хламъ, или, лучше сказать, мой. Да и въ самомъ дѣлѣ: приближаться къ алтарямъ ея спасительно, и для меня—также это блаженное видѣніе было бы верхомъ счастія, и я слишкомъ хорошо чувствую, какъ утѣшительно было бы хоть украдкой отдохнуть взглядомъ на этихъ августѣйшихъ чертахъ лица, которыхъ образъ непрерывно носится передъ моими глазами.

Но какой лучь свѣта вдругъ озарилъ меня! Я помню ясно, что моя грамота, порученная моему доброму ангелу, была сложена, вложена въ пакетъ и запечатана, но я не выставилъ на ней номера. Какая забывчивость! Она доказываетъ, что голова

plus; elle est toujours si près de mon coeur quand j'écris à Pétersbourg, que je ne peux plus lui confier le plus petit détail de police, tant ce voisinage la rend imbécile. Je supplie Votre Majesté Impériale de me renvoyer ma pancarte au plus vite pour que j'y mette le № 23, qui lui était destiné et qui lui appartient de droit, car je ne pourrais commettre ce soin qu'à mon auguste Souveraine elle-même, et certainement je n'aurai pas cette impertinence; c'est bien assez qu'elle daigne supporter mes fautes, et je ne m'aviserai pas d'espérer qu'elle les répare.

Je joins ici une copie de la facture des effets confiés à mon bon ange, dont le nom me tracasse par son orthographe. J'ai épuisé tout ce qu'il y a à dire sur № 1. Je n'ai rien à dire sur № 2, mais il me reste à faire une revue importante, c'est celle de № 3. Ce paquet est partagé en trois portions. La première est dramatique et renferme quatre pièces patriotiques. Dans une des pancartes impériales dont j'ai été sevré pendant une année entière et dont je serais sans doute resté absolument frustré, si, ayant eu quelque soupçon de son existence, je n'avais pas opiniâtrement insisté sur son envoi; dans cette pancarte divine, qui me fut enfin délivrée sous le titre de moutarde après dîner, comme si la moutarde de l'immortelle pouvait jamais arriver trop tard, je rembourssai, au milieu de tant de bienfaits, un refus bien dur et bien sec. J'avais postulé, en toute humilité, un exemplaire des oeuvres dramatiques

---

моя отсутствуетъ; она всегда такъ близка къ сердцу, когда я пишу въ Петербургъ, что я не могу поручить ей самомалѣйшей полицейской подробности, до того сосѣдство это одуряетъ её. Умоляю Ваше Императорское Величество отослать мою грамоту какъ можно скорѣе, чтобъ я могъ поставить на ней № 23, ей назначенный и принадлежащій ей по праву, ибо я не могъ бы поручить этого никому, кромѣ самой моей Августѣйшей Государыни, и конечно этой дерзости я себѣ не позволю; довольно, что она удостоиваетъ переносить мои ошибки, и я не осмѣлюсь расчитывать, чтобъ она ихъ поправляла.

Прилагаю здѣсь копію со списка вещей, порученныхъ моему доброму ангелу, котораго имя безпокоитъ меня своимъ правописаніемъ. Я истощилъ все, что можно сказать о № 1. Мнѣ нечего сказать о № 2, но мнѣ остается сдѣлать важный обзоръ № 3-го. Этотъ пакетъ раздѣленъ на три части. Первая драматическая и заключаетъ въ себѣ четыре патріотическія пьесы. Въ одной изъ Императорскихъ грамотъ, которой я лишенъ былъ цѣлый годъ, и конечно остался бы лишенъ вовсе, еслибъ, подозрѣвая о ея существованіи, я не настаивалъ упорно на ея присылкѣ; въ этой божественной грамотѣ, которая наконецъ была мнѣ доставлена подъ именемъ горчицы послѣ ужина, какъ будто горчица безсмертной могла бы когда-нибудь прійти слишкомъ поздно, я проглотилъ среди столькихъ благодѣяній отказъ, весьма сухой и жесткій. Я смиренно домогался экземпляра драматическихъ сочиненій, на-

composées pour le théâtre de l'Ermitage, je comptais les commenter, les enrichir de mes notes. Refus net, sous prétexte d'une prétendue loi dont il n'était pas aisé de deviner l'existence et suivant laquelle, pour avoir droit à un exemplaire, il fallait envoyer une pièce afin d'en grossir le recueil, comme si le docte commentaire, que je me proposais de rendre très prolixe, n'eût pas beaucoup mieux rempli cet objet. C'est le propre des lois injustes de rendre opiniâtres ceux qui en sont les victimes. En conséquence je me consultai avec mes teinturiers, et je leur dis: vous voyez le dégoût qu'on me donne et que je ne prétends pas dévorer. D'abord je refuse net à ces oeuvres dramatiques le sceau de l'immortalité, puisque je renonce à les commenter: cependant je ne prétends pas moins les posséder; en conséquence et sans perte de temps évertuez-vous, mes chers teinturiers, et envoyons au plustôt une fournée de pièces à ce four redoutable de l'Ermitage, et nous verrons si l'on osera encore nous saluer d'un refus quand nous leur demanderons à notre tour de leur fournée. Aussitôt nous mettons la main à l'oeuvre, mes teinturiers à composer, moi à applaudir, et voilà qu'à la place d'une pièce exigée, j'en ai expédié trois, de sorte que j'ai acquis le droit incontestable à trois exemplaires des oeuvres dramatiques qui m'ont été si sèchement refusées, et ces trois exemplaires je les attends au plustôt, ne me souciant pas d'en faire crédit plus longtemps. Par le vent qui souffle dans les Gaules depuis deux ans, il faudra bien que Votre Majesté

писанныхъ для эрмитажнаго театра, я расчитывалъ объяснить ихъ и обогатить своими примѣчаніями. Отказано было наотрѣзъ, подъ предлогомъ будто бы имѣющагося закона, котораго существованіе трудно было бы угадать. По этому закону, чтобъ имѣть право на такой экземпляръ, надо было послать пьесу для увеличенія сборника, какъ будто ученый коментарій, который я предполагалъ сдѣлать весьма многословнымъ, не выполнилъ бы этого назначенія гораздо лучше. Таково свойство законовъ несправедливыхъ, что они дѣлаютъ упрямыми тѣхъ, кто становится ихъ жертвой. Въ слѣдствіе того я посовѣтовался съ моими красильщиками и сказалъ имъ: вы видите какое разочарованіе мнѣ доставляютъ, и я его проглотить не намѣренъ. Прежде всего я лишаю эти драматическія произведенія печати безсмертія, такъ какъ я отказываюсь пояснять ихъ. Однакожъ я имѣю тѣмъ не менѣе желаніе обладать ими; въ слѣдствіе того и не теряя времени усердствуйте, мои милые красильщики, и приготовимъ поскорѣе цѣлый запасъ пьесъ для этой грозной печи Эрмитажа и посмотримъ, осмѣлятся ли привѣтствовать насъ отказомъ, когда мы въ свою очередь потребуемъ у нихъ что-нибудь изъ ихъ печи. Тотчасъ мы принимаемся за дѣло, мои красильщики сочиняютъ, я рукоплещу, и вотъ, вмѣсто требуемой одной пьесы, я посылаю три, такъ что пріобрѣтаю неоспоримое право на три экземпляра драматическихъ твореній, въ которыхъ мнѣ такъ сухо отказали, и эти три экземпляра я поджидаю вскорѣ, не желая долѣе оставлять ихъ въ долгу. По вѣтру, дующему въ Галліи вотъ уже два года, надобно

trouve bon que mes teinturiers et moi nous nous soyons voués au genre patriotique, hors duquel et hors de la France point de salut: s'il y a tant d'émigrations, c'est que tout le monde aime à se damner, et voilà pourquoi le monde sera désormais clair-semé en France, parce qu'il n'y restera que les élus qui, comme on sait, ne sont pas en grand nombre. La première de mes pièces, que je m'approprie parce que les teinturiers ne comptent pas et que je ne connais pas seulement les miens, est la Journée des Dupes. Elle a été composée immédiatement après la nuit du 5 au 6 octobre 1789 d'exécrable mémoire, et si l'accès du théâtre de l'Ermitage fût resté pour moi aussi facile que dans les temps ordinaires il y a déjà plus d'un an que cette pièce eût obtenu les honneurs de la représentation. La seconde de mes pièces est dans le genre infernal qui règne aussi en France depuis deux ans; j'ai donc mis la scène dans un souterrain aux enfers. On appelle 1789 tout court un club qui s'est appelé le club de 1789 et qui cherche à lutter contre le détestable club des Jacobins; mais ce 1789 est lui-même inspiré et secrètement dirigé, même à son insu peut-être, par un des plus détestables esprits que la France si féconde en ce genre possède aujourd'hui, parce qu'il a la tête et le coeur également faussés et la coupable ambition de jouer un grand rôle dans le bouleversement général: ce génie infernal s'appelle Condorcet, et voilà pourquoi peut-être ce club est sévèrement

---

будетъ Вашему Величеству примириться съ тѣмъ, что я и мои красильщики посвятили себя патріотическому роду, внѣ котораго и внѣ Франціи нѣтъ спасенія: если у насъ столько эмиграцій, такъ это потому что люди склонны стремиться къ погибели, и вотъ почему общество съ этихъ поръ будетъ рѣдѣть во Франціи, ибо останутся только избранные, какъ извѣстно не многочисленные. Первая изъ моихъ пьесъ, которую я себѣ приписываю, потому что красильщиковъ можно и не брать въ расчетъ, тѣмъ болѣе, что я своихъ вовсе не знаю, озаглавлена *День обманутыхъ*. Она была сочинена тотчасъ послѣ ночи съ 5-го на 6-е октября ненавистой памяти 1789 г. и еслибъ доступъ въ эрмитажный театръ остался для меня такъ же легокъ, какъ въ обыкновенное время, то болѣе года, какъ эта пьеса уже удостоилась бы чести представленія. Вторая моя пьеса въ адскомъ вкусѣ, который также господствуетъ во Франціи уже два года; итакъ я поставилъ сцену въ подземельи ада. Именемъ 1789 безъ всякихъ прибавленій называютъ клубъ, присвоившій себѣ названіе клуба 1789 и ищущій бороться противъ ненавистнаго клуба Якобинцевъ; но этотъ 1789 самъ вдохновляемъ и тайно руководимъ, можетъ-быть безсознательно, однимъ изъ гнуснѣйшихъ умовъ, которыми Франція, столь богатая людьми этого рода, обладаетъ въ настоящую минуту, потому что у него голова и сердце равно извращены, и кромѣ того пагубное честолюбіе играетъ великую роль въ общемъ разрушеніи. Этотъ адскій геній носитъ имя Кондорсэ, и вотъ почему можетъ-быть къ этому

traité au tribunal de l'enfer, quoique les juges ne daignent seulement pas faire mention de Condorcet. Nous aimerions mieux, mes teinturiers et moi, voir jouer cette piece par des amateurs que par des acteurs de profession; dans ce cas je déclare que je destine le rôle de Minos à M. le grand écuyer Lof Alexandrowitsch, parce qu'il le jouera avec toute la Majesté dont ce rôle est susceptible. En reconaissance du succès que je lui procure sur le théâtre de l'Ermitage, j'espère qu'il m'obtiendra de son illustre historiographe un exemplaire de ses voyages par terre et par mer, dont on m'a sevré jusqu'à présent avec la même rigueur que des oeuvres dramatiques, parce qu'on ne veut absolument pas se ruiner en bienfaits littéraires envers le souffre-douleur. On m'assure que tout le texte de ce voyage est encore à faire, mais que l'inscription des différents chapitres en fait une production étonnante. C'était la manière de travailler de feu l'abbé Galiani. Le titre de l'ouvrage et celui des chapitres donnaient plus à penser que tout le remplissage qu'il dédaignait d'y faire. Quant à ma troisieme pièce du grand dénouement, les censeurs impériaux de l'Ermitage établis pour l'examen des pièces de ce théâtre trouveront peut-être qu'on y jure beaucoup et de toutes manières; mais ils doivent considérer que c'est le goût de la nation régénérée de jurer ab hoc et ab hae, et que dans cette pièce nous nous sommes surtout astreints au bon ton: or le bon ton de l'ère de la liberté

клубу строго относится адскій трибуналъ, хотя судьи не удостоиваютъ и поминать о Кондорсэ. Мы лучше желали бы, мои красильщики и я самъ, видѣть эту пьесу, разыгранною любителями нежели актерами по ремеслу; въ такомъ случаѣ я объявляю, что роль Миноса назначена мною г. оберъ-шталмейстеру Льву Александровичу[1]), потому что онъ сыграетъ эту роль со всѣмъ величіемъ ей свойственнымъ. Въ благодарность за успѣхъ, который я ему доставляю на Эрмитажномъ театрѣ, онъ, какъ я надѣюсь, выхлопочетъ мнѣ у своего знаменитаго исторіографа экземпляръ своихъ путешествій на сушѣ и на морѣ, котораго до сихъ поръ лишали меня съ тою же суровостью, какъ и драматическихъ сочиненій, потому что рѣшительно не хотятъ раззоряться на литературныя благодѣянія многострадальному. Меня увѣряютъ, что весь текстъ этого путешествія еще предстоитъ написать, но что наименованіе главъ, изъ которыхъ оно состоитъ, дѣлаетъ изъ него удивительное произведеніе. Такого пріема держался въ своихъ трудахъ покойный аббатъ Галіани. Заглавіе сочиненія и названіе главъ болѣе давали пищи для размышленія нежели самое содержаніе, которымъ онъ не удостоивалъ наполнять ихъ. Что касается до 3-ей моей пьесы съ великой развязкой, то цензорà императорскаго Эрмитажа можетъ-быть найдутъ, что тамъ слишкомъ часто употребляютъ всякаго рода бранныя слова, но они должны помнить, что во вкусѣ возрожденной націи браниться ab hoc и ab hac, и что въ этой пьесѣ мы особенно подчинили себя хоро-

---

[1]) Нарышкину.

serait bien fâché de ressembler au bon ton et à l'urbanité de l'ère du despotisme. J'en avertis charitablement messieurs les censeurs de l'Ermitage pour leur épargner la gaucherie de se formaliser de ce qu'il faut admirer, ne leur en déplaise. J'observerai, en quittant le cothurne infernal et civique, que je ne demande et n'attends que trois exemplaires du théâtre de l'Ermitage, parce que je n'ai fourni conjointement avec mes teinturiers que trois pièces, et que nous ne prétendons rien pour la quatrième pièce qui est dans le paquet № 3 et qui s'y est fourrée à notre insu. Toute patriotique qu'elle est, nous n'y avons ni ne prétendons y avoir aucune part, et la dame qui y joue le premier rôle, ayant déjà dans son portefeuille plusieurs tragédies de sa composition, peut bien être soupçonnée d'avoir elle-même célébré ses hauts faits par une comédie héroïque dans une occasion où son civisme a eu un si grand éclat et fait tant de bruit.

Les deux imprimés allemands que j'ai mis dans le paquet № 3 peuvent donner à votre Majesté Impériale une idée du bon esprit qui règne à Gotha parmi ceux qui se mêlent d'écrire, tandis que le mal français n'a pas laissé que d'infecter aussi plusieurs barbouilleurs de papier en Allemagne. Le parallèle qui se trouve dans le Zuruf an patriotische Schweizer entre la série des biens que les Suisses peuvent échanger contre un pareille série de maux que les Français, grâce à leur régénération, ont à revendre en ce moment à tous ceux qui pourront en être tentés, est très remarquable. Votre

---

шему тону: а хорошій тонъ эры свободы старается быть далекъ отъ хорошаго тона и вѣжливыхъ формъ эры деспотизма. Я милостиво предваряю объ этомъ гг. цензоровъ эрмитажа, чтобъ избавить ихъ отъ неловкости осудить то, передъ чѣмъ, не во гнѣвъ имъ, надо преклоняться. Замѣчу, покидая котурнъ адскій и гражданскій, что я требую только трехъ экземпляровъ эрмитажнаго театра, потому что я вмѣстѣ съ красильщиками доставилъ только три пьесы, и потому что мы ничего не ждемъ за четвертую пьесу, которая вложена въ пакетѣ № 3 и попала туда безъ нашего вѣдома. Какъ она ни патріотична, мы не претендуемъ имѣть въ ней никакого участія, и дама, которая играетъ въ ней первую роль, имѣя уже въ своемъ портфелѣ нѣсколько трагедій своего сочиненія, можетъ подвергнуться подозрѣнію, что она сама прославила свои подвиги героической комедіей при такомъ случаѣ, когда ея гражданская доблесть явилась въ полномъ блескѣ и надѣлала столько шуму.

Двѣ нѣмецкія брошюры, которыя я положилъ въ пакетъ № 3, могутъ дать Вашему Величеству понятіе о добромъ настроеніи, господствующемъ въ Готѣ въ средѣ пишущей братіи, тогда какъ французскимъ недугомъ заразились также нѣкоторые бумагомаратели въ Германіи. Въ высшей степени замѣчательна параллель, проведенная въ Воззваніи къ швейцарскимъ патріотамъ, между рядомъ благъ, которыя Швейцарцы могли бы промѣнять на такой же рядъ бѣдствій, находящихся въ распоряженіи Французовъ, благодаря ихъ возрожденію. Послѣдніе могли бы продать ихъ въ эту минуту

Majesté verra par les deux lettres que l'auteur m'a écrites et que j'envoie à mes archives de la cheminée impériale, combien les différents cantons ont été reconaissants de ce petit écrit qui m'a paru digne d'être honoré d'un regard de l'immortelle. L'autre écrit, das Rebellionsfieber a eu l'avantage d'avoir apaisé le soulèvement des paysans de Saxe, qu'on accusait le grand Hertzberg d'avoir excité et fomenté. Le gouvernement de Dresde en fit venir six mille exemplaires de Gotha qu'il voulait faire distribuer dans les campagnes. L'auteur déconseilla cette distribution, et dit qu'il allait au contraire les faire vendre au prix de quelques deniers, parce que l'acheteur aurait le double de confiance dans ce qu'il aurait acquis et payé volontairement. Cet auteur est celui du Noth-Hülfs-Büchlein,, sur le plan duquel je voulais, ainsi que mon saint, un tout pareil pour la Russie, et après avoir longuement entretenu le génie tutélaire de cet empire de mes balivernes, je vois par la gazette que dans le gouvernement d'Esthonie mon conseil est vraiment la moutarde après dîner, puisque ce livret y est déjà traduit et adapté au pays.

Ce 29 mars (9 avril).

Dans le Réveil de Suleau, lequel Suleau existe véritablement et est un

---

всѣмъ тѣмъ, кто ими соблазнится. Ваше Величество увидите изъ двухъ писемъ, написанныхъ мнѣ авторомъ и которыя я посылаю въ свой архивъ Императорскаго камина, насколько различные кантоны были признательны за эту маленькую статью, показавшуюся мнѣ достойной взгляда безсмертной. Другая брошюра: «Горячка возмущенія» имѣла то дѣйствіе, что усмирила возстаніе крестьянъ въ Саксоніи, которое великій Герцбергъ, какъ въ томъ обвиняли его, возбуждалъ и поддерживалъ. Дрезденское правительство выписало ихъ изъ Готы шесть тысячъ экземпляровъ, которые хотѣло велѣть раздавать по деревнямъ. Авторъ отсовѣтовалъ эту раздачу и сказалъ, что напротивъ станетъ продавать экземпляръ за нѣсколько полушекъ, потому что покупатель имѣетъ двойное довѣріе къ тому, что онъ добровольно пріобрѣлъ за свои деньги. Это авторъ книжки: «Помощь въ нуждѣ». По ея плану, я и мой святой хотѣли точно такой же для Россіи. Послѣ болтовни, которою я такъ долго занималъ генія хранителя этой державы, вижу что въ Эстляндской губерніи мой совѣтъ оказывается съ самомъ дѣлѣ горчицей послѣ ужина, такъ какъ книжка эта тамъ уже переведена въ примѣненіемъ къ мѣстности.

29 марта (9 апрѣля).

Въ журналѣ le Réveil Сюло, который Сюло дѣйствительно существуетъ на са-

drôle de corps, Votre Majesté trouvera un portrait de M. de la Fayette que je trouve malheureusement très ressemblant. On a toujours droit de reprocher à ceux qui n'ont pas su diriger et maîtriser une révolution si fatale, de s'en être mêlés et surtout de s'être emparés des premiers rôles et des plus importants pour n'y avouer que celui de valet de la canaille. J'espère que la prédiction de Suleau ne s'accomplira pas et que M. de la Fayette ne sera pas pendu par son peuple chéri; mais je ne serais pas étonné qu'il finît ses jours en Amérique, comme M. Necker en Suisse, et par-dessus le marché, débarrassé d'une grande fortune et ruiné, parce qu'il a joint un grand désintéressement et beaucoup de qualités romanesques à beaucoup d'idées métaphysiques et abstraites que d'autres mauvais ouvriers lui ont fourrées dans la tête, et dont l'amas indigeste dans des têtes creuses a produit autant de maux pour la France que la scélératesse de plusieurs factieux a causé de catastrophes. Suleau fait aussi le portrait de Mirabeau et l'appelle un homme colossal. Il faut lire: homme monstrueux. Il est impossible qu'un monstre lâché en liberté ne se rende même immortel par ses ravages, et qu'après avoir tout renversé, il ne croque par-ci par-là les méchants comme les bons, s'il en trouve dans son chemin; mais l'audace et la perversité portées au plus haut degré, qui étaient les qualités dominantes de Mirabeau, réunies à une versatilité et à une oblique de conduite incalculables ne peuvent entrer dans la composition d'un grand homme. Il

---

момъ дѣлѣ и смѣшной парень, Ваше Величество найдете портретъ г. Лафаета, на мой взглядъ къ несчастью очень похожій. Всякій справедливо можетъ упрекнуть тѣхъ, кто не сумѣлъ направить такую бѣдственную революцію и овладѣть ею, зачѣмъ они вмѣшивались въ дѣло, и особливо зачѣмъ захватили первыя и важнѣйшія роли, чтобъ заявить себя послѣ лакеями сволочи. Я надѣюсь что предсказаніе Сюло не исполнится и что г. Лафаетъ не будетъ повѣшенъ своимъ возлюбленнымъ народомъ; но я не удивлюсь, если онъ кончитъ свою жизнь въ Америкѣ, какъ г. Неккеръ въ Швейцаріи. Сверхъ того онъ лишится огромнаго состоянія и раззорится, такъ какъ онъ соединялъ великое безкорыстіе и много романическихъ качествъ со множествомъ метафизическихъ и отвлеченныхъ идей, которыми другіе плохіе работники начинили его голову; непереваренная же масса этихъ идей въ пустыхъ головахъ произвела столько же бѣдствій во Франціи, сколько злодѣйство нѣсколькихъ заговорщиковъ произвело катастрофъ. Сюло изображаетъ также портретъ Мирабо и называетъ его колоссальнымъ человѣкомъ. Читай: извергомъ. Невозможно, чтобъ чудовище, выпущенное на волю, не обезсмертило себя подвигами разрушенія, и опрокинувъ все, не проглотило койкакихъ злодѣевъ вмѣстѣ съ добрыми, попавшимися ему на пути. Но дерзость и развращенность, доведенныя до высшей степени, бывшія преобладающими свойствами Мирабо, соединенныя съ интригой и непостижимой фальшивостью поведенія, не могутъ входить въ составъ характера великаго человѣка. Онъ умеръ недѣлю тому назадъ,

est mort, il y a huit jours, à ce qu'il paraît, des suites d'une débauche et de l'agitation violente et continuelle dans laquelle il vivait depuis environ deux ans, et sa mort en ce moment est généralement regardée comme un malheur public, parce qu'après tous les maux qu'il avait causés à sa patrie on espérait qu'il la préserverait de ceux par lesquels les Lameth, les Barnave et quelques autres de la pire espèce du club des Jacobins, avec lesquels il s'était brouillé, se flattent de donner le coup de grâce à la monarchie. Il faudra voir si le ciel propice enverra quelque autre monstre pour la sauver et pour succéder à celui-là: car pour voir paraître quelque grand homme quelque grand caractère, quelque héros à qui la France doive son salut, je crois qu'il y faut renoncer. Rien ne caractérise mieux la démence de cette nation, rien ne prouve combien elle est loin de sa guérison que les honneurs incroyables rendus après sa mort à un homme généralement méprisé pendant sa vie et que sous plus d'un rapport on pouvait regarder comme un échappé de la potence. On vient de débaptiser entre autre jusqu'à la Chaussée d'Antin, sur laquelle il demeurait depuis quelque temps, pour l'appeler rue Mirabeau; comme c'est ma demeure depuis quatorze ans, c'est-à-dire depuis l'instant fatal qui m'a exilé du temple de la gloire où mon repos et mon coeur sont restés, je suis capable, si cette folie s'établit tout de bon, de quitter ma maison par la seule aversion de trouver sur l'adresse de mes lettres la rue Mirabeau.

какъ кажется, отъ послѣдствій кутежа и отъ сильнаго и непрерывнаго волненія, въ которомъ онъ жилъ около двухъ послѣднихъ лѣтъ. Смерть его въ эту минуту считается общественнымъ бѣдствіемъ, ибо послѣ всѣхъ золъ, причиненныхъ имъ своему отечеству, надѣялись, что онъ убережетъ его хоть отъ тѣхъ ударовъ, которыми Ламеты, Барнавы и нѣсколько другихъ людей худшаго разбора изъ клуба Якобинцевъ, бывшихъ съ нимъ въ ссорѣ, надѣются доконать монархію. Посмотримъ, не пошлетъ ли милостивое Небо какое-нибудь новое чудовище, чтобъ спасти её, или чтобъ быть преемникомъ предыдущему: но кажется, надо отложить всякую надежду, чтобъ какой-нибудь великій характеръ, какой-нибудь герой явился спасти Францію. Ничто не характеризуетъ лучше безумія этой націи, ничто не доказываетъ насколько она далека отъ своего исцѣленія, какъ невѣроятныя почести, возданныя послѣ смерти человѣку, вообще заслужившему презрѣніе при жизни, и на котораго во многихъ отношеніяхъ можно бы смотрѣть, какъ на сорвавшагося съ висѣлицы. Между прочимъ, только что перекрестили даже улицу Chaussée d'Antin, на которой онъ жилъ нѣкоторое время, въ улицу Мирабо. Такъ какъ я живу тутъ уже четырнадцать лѣтъ, то-есть съ той роковой минуты, которая изгнала меня изъ храма славы, гдѣ навсегда остались мой покой и мое сердце, то я готовъ, если это безуміе водворится на самомъ дѣлѣ, покинуть свой домъ по одному отвращенію видѣть на адресѣ моихъ писемъ улицу Мирабо.

Lorsque votre Majesté aura lu la petite brochure de la Coalition, je ne désespère pas que, vu la découverte de mes talents dramatiques, elle ne m'ordonne de faire avec mes teinturiers pour le théâtre de l'Ermitage une parade politique dont frère Ge et le comte de Redern seront les seuls acteurs. Mes teinturiers n'auront que la peine de copier ce que tout le corps diplomatique entend chaque jour de cercle à Saint-James. Il pourra être assez piquant de voir dans une farce copiée d'après nature le roi d'une monarchie limitée faire ce que les fous de France ont appelé aristocrate, et le ministre d'un roi très absolu faire le démocrate. Ici on est toujours très convaincu que les émissaires du roi absolu reçoivent de l'argent du roi limité par le canal de la princesse d'Orange, une des plus profondes politiques dans le sens du grand Hertzberg, pour perpétuer par la corruption les malheurs de la France, qui deviennent de jour en jour plus incurables. Ils voudraient surtout brouiller l'Empereur radicalement avec l'auguste Assemblée nationale et l'engager dans une querelle sérieuse à couteau tiré, et il ne faut pas être grand sorcier pour deviner ce qu'ils se promettraient de ce succès; mais, malgré la démence qui règne ici, réunie à l'ignorance parfaite du comité diplomatique, ce succès sera difficile à obtenir. Il y a huit jours que mon bon ange Ollaïus est en route, mais de ces huit jours ma mauvaise santé m'en a pris six, pendant lesquels j'étais à peu près hors

---

Когда Ваше Величество прочтете маленькую брошюру о Коалиціи, я не отчаяваюсь, что, открывъ мои драматическія способности, прикажете мнѣ сдѣлать съ моими красильщиками для эрмитажнаго театра политическій парадъ, въ которомъ братецъ Ге и графъ Редернъ будутъ единственными дѣйствующими лицами. Моимъ красильщикамъ будетъ предстоять только трудъ списать то, что дипломатическій корпусъ слышитъ всякій пріемный день въ Сенъ-Джемсѣ. Довольно забавно будетъ видѣть въ фарсѣ, скопированномъ съ натуры, короля ограниченной монархіи, разъигрывающаго то, что безумцы Франціи назвали аристократомъ, а министра весьма самодержавнаго короля—разъигрывающаго демократа. Здѣсь все еще очень убѣждены, что эмиссары короля самодержавнаго получаютъ деньги отъ короля ограниченнаго [1]) черезъ посредство принцессы Оранской,—одной изъ глубочайшихъ политиковъ въ смыслѣ великаго Герцбе́рга, чтобъ продлить посредствомъ подкупа бѣдствія Франціи, которыя день ото дня становятся непоправимѣе. Они хотѣли бы всего болѣе поссорить окончательно короля съ августѣйшимъ національнымъ собраніемъ и вовлечь его въ серьёзную ссору на ножахъ, и не надо быть особеннымъ волшебникомъ, чтобъ отгадать, что́ они себѣ обѣщаютъ отъ подобнаго успѣха; но несмотря на безуміе, здѣсь царствующее, соединенное съ совершеннымъ невѣжествомъ дипломатическаго комитета, такого успѣха будетъ трудно достигнуть. Съ недѣлю уже мой добрый ангелъ Оллаіусъ въ дорогѣ; но изъ этихъ восьми дней мое плохое здоровье унесло у

---

[1]) Пруссія отъ Англіи.

de combat. Mon autre bon ange Maschkof avait cependant eu la complaisance de m'accorder toute cette semaine et de différer son départ d'autant, pour accabler mon auguste Souveraine d'une nouvelle pancarte; mais les immortels, à qui son repos est cher, m'ont mis sur le grabat et réduit à lui écrire jour et nuit, suivant mon usage, dans ma tête, mais sans user mes plumes: si cela ne satisfait ni ne console mon coeur, au moins cela m'épargne le crime d'abuser de son indulgence sans bornes, comme de sa bonté. Quand je suis malade et livré à mes réflexions, alors je m'abandonne à mon talent pour les soupes à la purée de pois, et j'en porte sur la table de ma Souveraine à tout instant, avec le désespoir de ne pouvoir la lui servir. Le message de frère George à son parlement m'a reduit à cette occupation pendant toute cette semaine. J'avoue qu'un ancien reste de prévention pour William Pitt ne m'a jamais permis d'arrêter mon idée sur la possibilité d'une mesure véritablement hostile de la part de l'Angleterre contre l'empire de Russie. Son exécution me présentait pour les Anglais tant de désavantages et si peu de profits que je me disais: un ministre britannique n'est pas assez fou pour entreprendre une guerre si peu nationale et qui pourrait tourner contre lui comme très antinationale; il ne s'exposera jamais à augmenter la dette nationale si énorme, à aggraver le fardeau du peuple déjà si accablant pour un objet si chimérique. J'avoue que même après le

---

меня шесть, въ которые я былъ внѣ битвы. Другой добрый ангелъ мой Машковъ былъ однакоже такъ снисходителенъ, что пожертвовалъ мнѣ всей этой недѣлей и отсрочилъ свой отъѣздъ на столько же, чтобъ я могъ утрудить свою Августѣйшую Государыню новой грамотой; но безсмертные, которымъ дорогъ Ея покой, уложили меня на одръ болѣзни и предоставили мнѣ писать ей день и ночь, по обычаю моему, мысленно, не употребляя пера: если это не удовлетворяетъ и не утѣшаетъ моего сердца, то по крайней мѣрѣ избавляетъ меня отъ преступленія злоупотреблять ея безграничной снисходительностью и добротою. Когда я боленъ и предоставленъ своимъ размышленіямъ, тогда я предаюсь своей способности стряпать гороховые супы, и каждую минуту ношу ихъ на столъ моей Монархини, съ отчаяніемъ, что самъ не могу ей подавать ихъ. Посланіе братца Георга своему парламенту осудило меня на это занятіе на всю эту недѣлю. Признаюсь, что остатокъ стариннаго предубѣжденія въ пользу Вилліама Питта никогда не дозволялъ мнѣ останавливать мысль мою на возможности истинно враждебнаго шага со стороны Англіи противъ Россійской Имперіи. Его исполненіе представляло мнѣ столько невыгодъ и такъ мало пользы для Англіи, что я говорилъ самъ себѣ: британскій министръ не довольно безуменъ, чтобъ предпринять войну столь мало популярную и которая могла бы повернуться противъ него, какъ совершенно антинаціональная, и никогда онъ не подвергнетъ себя опасности увеличить національный долгъ, и безъ того огромный, и отягчить народное бремя уже весьма тяжелое для такой призрачной цѣли. Сознаюсь, что даже и послѣ

message de frère Ge, je ne saurais me le persuader, et si ces événements incroyables doivent se réaliser, je croirai qu'ils couvrent d'autres projets étrangers à l'empire de Russie: car il me répugne aussi de supposer qu'ils veulent jouer comme des enfants, dans l'espérance d'en imposer et de faire peur par leurs préparatifs; cette farce est plus digne du génie du grand Hertzberg qui, à force d'aimer les démonstrations hostiles, est toujours à peu près sûr d'entraîner son royal maître dans des mesures qu'il voulait lui faire éviter. Quoi qu'il en soit, après le message de frère Ge, je n'en ai pas moins travaillé toute cette semaine sur mon grabat à mon plan de campagne. Préalablement je crois le cabinet de mon auguste Souveraine obligé de fournir à l'opposition du parlement britannique, en lettres moulées, les éclaircissements sur l'état des négociations que les ministres de frère Ge lui ont refusés net; je veux ces éclaircissements dans ces principes de justice, de dignité et de mesure, auxquels mon cabinet impérial m'a accutumé, mais je les veux si pressants, si évidents, que les plus grands brouillons de Berlin et autres lieux en restent bègues pendant tout le cours du procès. Il faut ensuite que Votre Majesté me réponde absolument, entièrement, d'un acteur qui a débuté dans les rôles de trahison et de perfidie, et à qui j'ai pardonné l'année dernière, parce qu'il a senti qu'il n'y avait rien à gagner dans ces vilains emplois, et qu'il m'a paru vouloir sincèrement en changer et marcher désormais dans les voies de la justice, afin de me faire

---

посланія братца Ге, я не могу вѣрить этому, и если эти невѣроятныя событія должны осуществиться, я подумаю, что они прикрываютъ другіе планы, чуждые Россійской Имперіи: ибо мнѣ также непріятно предполагать, что они хотятъ играть какъ дѣти въ надеждѣ напугать своими приготовленіями; этотъ фарсъ достойнѣе генія великаго Герцберга, который такъ любитъ враждебныя демонстраціи, что всегда почти способенъ увлечь своего короля на такія мѣры, отъ которыхъ хочетъ его уберечь. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за посланіемъ братца Ге, я тѣмъ не менѣе всю эту недѣлю работалъ на своемъ одрѣ надъ своимъ планомъ кампаніи. Предварительно я считаю кабинетъ моей Августѣйшей Государыни обязаннымъ доставить оппозиціи британскаго парламента литыми буквами тѣ разъясненія касательно состоянія переговоровъ, въ которыхъ министры братца Ге отказали ему наотрѣзъ; я хочу этихъ разъясненій по тѣмъ началамъ справедливости, достоинства и мѣры, къ которымъ Императорскій кабинетъ пріучилъ меня; но я хочу видѣть ихъ до того рѣшительными, до того очевидными, чтобы величайшіе смутники Берлина и другихъ мѣстъ остались заиками во все продолженіе процесса. Надо потомъ, чтобъ Ваше Величество поручились мнѣ непремѣнно и вполнѣ за одного актера, который выступилъ въ роли измѣны и коварства, и котораго я простилъ въ прошедшемъ году, потому что онъ почувствовалъ, что ничего не выиграешь въ этихъ гадкихъ роляхъ, и мнѣ казалось что онъ искренно желаетъ перемѣнить ихъ и впредь ходить по стезямъ правды, чтобъ

oublier le passé. Cela dépend de lui, et sa conduite prochaine fixera mes sentiments; je ne m'oppose pas même à ce qu'il conçoive l'espérance de quelques avantages en Allemagne, qui lui ont été ci-devant enlevés, mais à condition qu'il marche droit, si par malheur pour l'humanité, il réussit aux brouillons de prolonger et d'étendre le fléau de la guerre. En échange de cette garantie que je demande à Votre Majesté de la conduite de celui à qui j'ai si noblement pardonné l'année dernière, je crois pouvoir répondre à mon tour de la Hollande à mon auguste Souveraine. J'ai toujours été à portée d'avoir des renseignements assez sûrs sur l'état des affaires de ce pays-là, et si le pavillon anglais doit décidément se hasarder dans la Baltique, je doute très fort, en dépit du despotisme de la princesse d'Orange et de l'entregent de milord Aukland, qui n'est pas le plus maladroit des ouvriers, qu'on réusisse à entraîner les Bataves de prime abord dans des démonstrations hostiles. Ce pays est dans un état de crise intérieure qui coupera même à ses tyrans les moyens de l'entraîner dans des mesures ambitieuses. Je pense au contraire que si la folie du grand Hertzberg gagne véritablement le ministère anglais, nous devons songer à tirer un grand parti de la situation de la Hollande et de la disposition des esprits de ce pays. Dans la supposition d'un éclat effectif des cours de Londres et de Berlin, il est impossible, suivant mes idées, que l'Empereur ne se trouve rengagé dans la guerre avant la fin de cette année. J'ai trop bonne opinion de Léopold

---

заставить меня забыть прошедшее. Это отъ него зависитъ, и его будущее поведенiе опредѣлитъ мои чувства; я не прочь даже дать ему надежду на какiя-либо выгоды въ Германiи, которыя были у него прежде отняты, лишь бы онъ ходилъ прямо, если къ несчастiю для человѣчества, смутникамъ удастся продлить и распространить бичъ войны. Въ замѣнъ этого ручательства, требуемаго мною у Вашего Величества, въ поведенiи того, кому я такъ благородно простилъ въ прошедшемъ году, я полагаю, что могу отвѣчать въ свою очередь за Голландiю своей Августѣйшей Государынѣ. Я всегда былъ въ состоянiи имѣть довольно вѣрныя свѣдѣнiя о положенiи дѣлъ въ этой странѣ, и если англiйскiй флотъ рѣшительно отважится вступить въ Балтiйское море, я сильно сомнѣваюсь, несмотря на деспотизмъ принцессы Оранской и смѣтливость милорда Окланда, который не самый неловкiй изъ работниковъ, чтобъ удалось легко увлечь Батавовъ во враждебныя демонстрацiи. Эта страна въ состоянiи внутренняго кризиса, который отниметъ даже у тирановъ ея возможность поднять ее на честолюбивыя попытки. Я думаю напротивъ, что если безумiемъ великаго Герцберга въ самомъ дѣлѣ заразится англiйское министерство, то мы должны подумать о томъ, чтобъ извлечь большiя выгоды изъ положенiя Голландiи и настроенiя умовъ въ этой странѣ. Въ предположенiи дѣйствительнаго разрыва съ дворами Лондонскимъ и Берлинскимъ, мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобъ Императоръ не былъ опять втянутъ въ войну до конца этого года. Я имѣю слишкомъ хорошее понятiе о Леопольдѣ,

pour croire qu'il veuille conserver le titre de pacifique à tout prix; ce serait un moyen infaillible d'avoir à faire la guerre pendant toute la durée de son règne. S'il reprend les armes, comme il y sera obligé par tous les motifs de justice et de prévoyance, c'est à lui à s'occuper principalement de la Hollande. Il doit beaucoup à la princesse d'Orange pour tous les soins qu'elle a pris de fomenter la révolte dans ses provinces belgiques. Il ne portera pas l'esprit de révolte chez les Bataves, mais il les aidera à rétablir leur gouvernement légitime, il les protègera contre les usurpations du stathoudérat, et de cette manière il en fera des amis éternels des deux cours impériales; de cette manière aussi la princesse d'Orange pourrait être la première à se repentir de la promenade anglaise dans la Baltique, et les possessions prussiennes en Westphalie pourraient se trouver très promptement fort mal à leur aise. Quant à la conduite de nos forces de terre sous nos braves généraux depuis la Livonie jusqu'en Ukraine, j'en abandonne le plan entièrement à mon auguste Souveraine. J'ai éte assez content de la manière dont elle a commandé nos armées en Finlande dans les campagnes précédentes, pour ne pas désirer une autre allure en Livonie contre qui il appartiendra. Je ne me réserve que le commandement des forces navales, et à cet égard j'observe à mes favoris Tchitchagof, Krouse, Powalischine et tutti quanti, que je borne leur gloire dans le cours de cette campagne, non à combattre le pavillon anglais, mais à s'embosser de façon

---

чтобъ подумать, что онъ захочетъ сохранить титулъ миролюбиваго во что бы ни стало; это было бы самымъ вѣрнымъ способомъ воевать во все продолженіе своего царствованія. Если онъ опять возьмется за оружіе, какъ будетъ къ тому вынужденъ всѣми побужденіями правосудія и предусмотрительности, то ему предстоитъ главнымъ образомъ заняться Голландіей. Онъ много обязанъ принцессѣ Оранской за всѣ ея старанія возбуждать мятежъ въ его бельгійскихъ провинціяхъ. Онъ не внесетъ духа революціи къ Батавамъ, но поможетъ имъ возстановить законное правительство; онъ защититъ ихъ отъ похищенія власти штатгальтерствомъ, и такимъ образомъ сдѣлаетъ ихъ вѣчными друзьями обоихъ императорскихъ дворовъ. Такимъ-то образомъ и принцесса Оранская могла бы первая раскаяться въ англійской прогулкѣ въ Балтійское море, и прусскія владѣнія въ Вестфаліи могли бы весьма скоро очутиться въ весьма худомъ положеніи. Что касается до распоряженія нашими сухопутными войсками подъ командой нашихъ храбрыхъ генераловъ отъ Ливоніи и до Украины, я вполнѣ предоставляю планъ кампаніи моей Августѣйшей Государынѣ. Я былъ изрядно доволенъ тѣмъ какъ она командовала нашими арміями въ Финляндіи въ предыдущихъ походахъ, такъ что не желаю другого поведенія въ Ливоніи противъ кого слѣдуетъ. Я себѣ предоставляю только командованіе морскими силами, и въ этомъ отношеніи предупреждаю своихъ любимцевъ Чичагова, Крузе, Повалишина и tutti quanti, что ограничиваю ихъ славу въ продолженіе этой кампаніи не битвами съ англійскимъ

à garantir Cronstadt et Réval de toute insulte. J'espère que des batteries bien rasantes et de ces places et d'autres points convenables donneront d'ailleurs aux chercheurs d'aventures toutes les leçons nécessaires pour s'en retourner chez eux en automne beaucoup plus instruits qu'ils n'étaient venus. Mais je déclare à mes favoris que je ne veux point de bataille navale en pleine mer, parce que je ne vois pas quel profit nous pourrions tirer de la victoire même la plus décidée. Notre rôle est de laisser se promener nos chercheurs d'aventures à leur gré et de chanter vers l'équinoxe: Jean s'en alla comme il était venu, mangeant son fonds avec son revenu. Je ne parle pas à Votre Majesté de la flotille, je la regarde comme appartenante à l'armée de terre, et comme telle je la renvoie sous les ordres immédiats de celle à qui j'en ai confié le commandement. Voilà, Madame, le plan en gros tel que je l'ai esquissé dans mon lit cette semaine, mais si Votre Majesté croit que tout cela ou autre chose pourra se mettre à exécution sans beaucoup d'insomnies de ma part, je dirai qu'elle ne connaît pas la pauvre tête de son souffre-douleur.

Ce 30 mars (10 avril) 1791.

Il faut fermer ce paquet que mon bon ange Maschkof va m'enlever

---

флагомъ, но такой постановкой кораблей, которая защищала бы Кронштадтъ и Ревель отъ всякого оскорбленія. Я надѣюсь, что батареи весьма разрушительныя и изъ этихъ мѣстъ и изъ другихъ приличныхъ пунктовъ дадутъ впрочемъ искателямъ приключеній всѣ нужные уроки для возвращенія осенью во-свояси, гораздо умнѣе чѣмъ они пришли. Но объявляю моимъ любимцамъ, что не хочу морского сраженія въ открытомъ морѣ, потому что не понимаю, какую бы мы извлекли пользу изъ самой рѣшительной морской побѣды. Наша роль—оставить гулять сколько угодно нашихъ искателей приключеній и пропѣть около осенняго равноденствія: «Jean s'en alla comme il était venu, mangeant son fonds avec son revenu»[1]). Не говорю Вашему Величеству о флотиліи: я смотрю на нее какъ на принадлежащую сухопутной арміи и, какъ таковую отсылаю ее подъ непосредственное личное начальство той, которой поручилъ ея командованіе. Вотъ, Государыня, въ крупныхъ чертахъ планъ, какъ я его набросалъ, лежа въ постели эту недѣлю. Но если Ваше Величество полагаете, что все это или что другое можетъ быть приведено въ исполненіе безъ большихъ безсонницъ для меня, я скажу, что Вы не знаете бѣдной головы своего многострадальнаго.

30 марта (10 апрѣля).

Надо запечатать этотъ пакетъ, который добрый ангелъ мой Машковъ сію минуту

---

[1]) Иванъ убрался съ чѣмъ пришелъ, скушавъ капиталъ вмѣстѣ съ доходомъ.

dans le moment. J'ai une pancarte de commencée depuis le mois de février; il faut qu'elle reste là jusqu'à la première occasion favorable que la clémence du ciel voudra me ménager pour l'envoyer en sûreté au pied du trône de la gloire. Ma misérable santé s'oppose au seul bonheur que j'ai, celui d'écrire à Votre Majesté et de lui dire tous les jours que je ne respire que pour l'aimer; c'est là le culte qu'on doit aux immortels. Si je dois espérer quelque soulagement, il faudra d'abord que je retourne le mois prochain aux eaux de Bourbonne. De là je compte aller en juin auprès de mon saint à Francfort, pour me secouer à côté de lui sur les grands chemins dans les différents points de sa mission. J'en préviens mon auguste bienfaitrice, afin que ses bienfaits puissent m'atteindre en tous lieux; mais ma maison à Paris reste toujours montée de façon que tout ce qui m'arrive, y est reçu comme quand j'y suis en personne. Je ne laisserai pas sortir mon bon ange Maschkof de ma maison sans le conduire chez madame de Bueil pour qu'elle le prie de la mettre aux pieds de l'immortelle. Il arrivera, à ce que j'espère, pour le 21 avril (2 mai) qui est un des plus grands jours de l'année dans le taudis du souffre-douleur; c'est l'anniversaire de la neuvième année qu'Emilie porte le chiffre glorieux dont la bonté souveraine l'a décorée et qui dans la destruction de toute chose en France a acquis, s'il était possible, un prix encore plus grand. Je suis fâché de ne pouvoir présenter aussi à mon partant Katinka et son frère Catau; mais ils sont

---

похитить у меня. У меня есть грамота, начатая съ февраля мѣсяца; она должна остаться у меня до первой благопріятной оказіи, которую небесное милосердіе захочетъ мнѣ приготовить, чтобъ безопасно доставить ее къ подножію престола славы. Мое плохое здоровье лишаетъ меня единственнаго счастья мнѣ доступнаго — счастья писать Вашему Величеству и ежедневно говорить Вамъ, что я дышу только для того, чтобъ любить Васъ; такое поклоненіе подобаетъ безсмертнымъ. Ежели есть для меня надежда на какое-нибудь облегченіе, то надо будетъ прежде всего возвратиться на воды въ Бурбонну. Оттуда я намѣренъ поѣхать въ іюнѣ къ моему святому во Франкфуртъ, чтобъ потрястись рядомъ съ нимъ по большимъ дорогамъ въ различныхъ пунктахъ его миссіи. Предупреждаю о томъ мою Августѣйшую Покровительницу, для того, чтобъ ея благодѣянія могли дойти до меня вездѣ; но домъ мой въ Парижѣ всегда остается такъ устроеннымъ, что все что приходитъ ко мнѣ, принято въ немъ такъ, какъ когда я самъ дома. Прежде чѣмъ выпущу моего ангела Машкова изъ своего дома, я завезу его къ госпожѣ де Бюэль, чтобъ она могла попросить его повергнуть ее къ стопамъ безсмертной. Онъ пріѣдетъ какъ я надѣюсь, къ 21 апрѣля (2 мая) — одному изъ важнѣйшихъ дней въ году въ лачугѣ многострадальнаго; это годовщина девятаго года, какъ Эмилія носитъ славный шифръ, которымъ украсила ее благость Государыни и который среди всеобщаго разрушенія во Франціи пріобрѣлъ, если это возможно, цѣну еще высшую. Сожалѣю, что не могу также представить моему

tous les deux en ce moment à une lieue de Paris dans le travail de l'inoculation. Je crains bien que la misère des parents ne m'oblige d'user de la permission que Votre Majesté daigna me donner l'année passée au fort de la campagne de Finlande, de puiser dans sa caisse pour venir au secours, en cas de besoin, d'Emilie et de Katinka et de Catau. Je m'en suis défendu longtemps, mais fallait-il exposer plus longtemps la beauté et peut-être la vie de Katinka à devenir victime d'une maladie cruelle? Certes, sa souveraine bienfaitrice ne me l'aurait pas pardonné. C'est avec le même esprit de soumission et de reconnaissance que je reçois pour elle ou pour sa mère les six mille roubles si généreusement placés aux enfants trouvés de Moscou. J'estime que dans quinze ou dix-huit mois la banqueroute totale de la France éclatera infailliblement. Si le souffre-douleur existe encore, il aura recours à la bonté souveraine pour la niche qui lui est promise, et si Emilie et Katinka ont la vie sauve au milieu de la destruction générale, elles devront la première planche sur laquelle elles pourront se sauver, à la même bonté souveraine. Je supplie Votre Majesté de croire que Katinka jouit déjà d'une très haute réputation à cause de sa beauté et de son amabilité. Elle ne peut se montrer nulle part sans attirer tous les regards, et ceux qui l'ont une fois fixée, ne peuvent plus s'en détacher; mais quand on sait de qui elle est filleule, tout le monde dit: c'est tout simple que ce ne soit pas un enfant ordinaire. Enfin elle fait un tort considérable à son

---

отъѣзжающему Катеньку и братца ея Като; но они оба въ эту минуту на разстояніи одной мили отъ Парижа для оспопрививанія. Боюсь очень, что бѣдность родителей вынудитъ меня воспользоваться разрѣшеніемъ, полученнымъ мной отъ Вашего Величества въ самую горячую пору Финляндскаго похода, обратиться къ Вашей кассѣ, чтобъ въ случаѣ надобности прійти на помощь Эмиліи, Катенькѣ и Като. Я долго воздерживался отъ этого, но возможно ли было долѣе подвергать красоту и жизнь Катиньки опасности сдѣлаться жертвою жестокой болѣзни? Конечно ея царственная благодѣтельница не простила бы мнѣ этого. Съ тѣмъ же духомъ смиренія и благодарности принимаю я для нея или матери шесть тысячъ рубл., такъ великодушно помѣщенные въ Московскомъ воспитательномъ домѣ. Я разсчитываю, что черезъ пятнадцать или осьмнадцать мѣсяцевъ полное банкротство Франціи разразится непремѣнно. Если многострадальный еще будетъ въ живыхъ, онъ прибѣгнетъ къ милосердію Государыни, чтобъ получить обѣщанное убѣжище, а если жизнь Эмиліи и Катеньки убережется среди всеобщаго разгрома, то онѣ будутъ обязаны первой доской спасенія той же царской милости. Прошу Ваше Величество вѣрить, что Катенька пользуется уже очень хорошей славой за свою красоту и любезность. Она нигдѣ не можетъ показаться, чтобъ не привлечь на себя всѣ взоры, и кто разъ взглянулъ на нее, не можетъ отвести отъ нее глазъ; но всякій, кто узнаетъ чья она крестница, говоритъ: очень просто, почему она необыкновенное дитя! Наконецъ она чрезвычайно остав-

frère Catau qui passerait pour un fort joli et aimable garçon, si l'on pouvait lui accorder un regard à côté de sa soeur. Elle n'avait que deux ans et quelques mois lorsqu'elle quitta Paris il y a deux ans, et elle n'a rien oublié de tout ce qu'elle y a vu ou fait. En entrant chez moi cette année la première fois, elle a couru baiser sa marraine et puis ses petits garçons; mais elle a remarqué que ces petits garçons n'avaient pas grandi; cela ne lui a pas fait plaisir, et j'ai été obligé de l'assurer que son parrain Alexandre était déjà fort grand, pour lui conserver ses droits de parrain. Lorsqu'elle a vu les nouveaux portraits de Votre Majesté, elle est restée fort interloquée. Elle sait bien que sa marraine est Impératrice; mais il n'est pas aisé de lui donner une idée nette de ce que c'est au juste qu'une Impératrice, et lorsqu'elle a vu mes nouveaux trésors, elle m'a demandé si sa marraine n'était pas marchande de tableaux. Sa question était même intéressée, parce que, me disait-elle, si cela est, je lui demanderais mon portrait. Je croyais, lui dis-je, que vous vouliez lui demander le sien, car elle ne peint pas des choux comme vous. Pour le sien, dit-elle, je n'en ai pas besoin; vous en avez assez pour m'en donner un; il faut lui demander ce que je n'ai pas. Quand il a fallu lui avouer que sa marraine n'était pas marchande de tableaux, je n'étais pas plus avancé, car elle voulait savoir ce que c'est qu'une Impératrice, et jamais je n'ai pu la contenter par mes dé-

---

ляетъ въ тѣни своего братца Като, который прослылъ бы за весьма хорошенькаго и любезнаго мальчика, еслибъ возможно было удѣлить ему взглядъ, когда онъ вмѣстѣ съ сестрой. Ей было только два года и нѣсколько мѣсяцевъ, когда она покинула Парижъ два года тому назадъ, и она ничего не забыла изъ того, что въ немъ видѣла и дѣлала. Войдя ко мнѣ въ этомъ году въ первый разъ, она побѣжала поцѣловать свою крестную маменьку и потомъ ея маленькихъ мальчиковъ; но она замѣтила, что эти маленькіе мальчики вовсе не выросли; это было ей непріятно и я принужденъ былъ увѣрять ее, что ея крестный отецъ Александръ уже очень великъ, чтобъ сохранить ему права крестнаго отца. Увидѣвъ новые портреты Вашего Величества, она была очень поражена. Она знаетъ очень хорошо, что ея крестная мать Императрица; но не легко дать ей ясное понятіе, что такое собственно Императрица, и когда она увидѣла мои новыя сокровища, то спросила, не продавщица ли картинъ ея крестная мать. Ея вопросъ былъ даже не безъ расчета, потому что, сказала она, если это такъ, то я попрошу у нея свой портретъ. Я думалъ, возразилъ я, что ты попросишь ея портрета, потому что она не рисуетъ такой мелюзги какъ ты. О, ея портрета мнѣ не нужно, отвѣчала она: у васъ довольно ихъ и вы можете мнѣ дать одинъ; надо просить у ней того, чего у меня нѣтъ. Когда надобно было ее разувѣрить, что ея крестная мать не торгуетъ картинами, это нисколько не подвинуло дѣла, потому что она непремѣнно хотѣла узнать, чтоже такое Императрица, и никакъ не могъ я удовле-

finitions. Cela ne l'empêche pas d'être tous les jours ornée des rubans de sa marraine; car je lui ai fait une rente de tous les rubans lilas qui enveloppent les envois de Votre Majesté, et au dernier il a fallu lui sacrifier même le grand cachet de la boîte. Elle le porte autour de son cou, pendu à son ruban lilas, et elle en prend le même soin que sa mère a de son chiffre.

O bénédiction divine! Voilà un bienfait qui m'arrive par la bonté de mon protecteur Bacchus! Votre Majesté en moins de trois pages coule à fond vingt points, et si je voulais seulement entamer une réponse, il me faudrait vingt feuilles, ce qui ferait 80 pages: heureusement pour Votre Majesté, il ne m'est plus permis d'en griffonner deux, tant je suis étouffant. Mais comme il ne serait pas bien et que ce n'est pas mon usage, de rien passer à Votre Majesté, je dois m'arrêter au quinzième point et lui observer très humblement qu'à la vérité je ne prétends pas nier que le maréchal prince Potemkine n'ait été, au départ des vingt points, depuis quatre jours à Pétersbourg, mais qu'il ne m'en est pas moins impossible de lui accorder le surnom de Tauricien, quoique sa marraine l'appelle ainsi et que lui-même signe ses lettres de cette manière. Tawritschesky en russe veut dire en latin Tauricus. Tauricus veut dire en français le Taurien. Ce n'est pas ma faute si ce nom n'est pas plus long; le Taurien peut me jeter un regard foudroyant, il peut m'allonger une mine à me faire rentrer sous

---

творить ее моими опредѣленіями. Это не мѣшаетъ ей быть ежедневно украшенной лентами своей крестной матери, потому что я ей уступилъ доходъ всѣхъ лиловыхъ лентъ, которыми обернуты посылки Вашего Величества, а при послѣдней надо было ей пожертвовать и большую печать съ ящика. Она носитъ ее вокругъ шеи, привѣшенную на ея лиловой лентѣ, и такъ же тщательно бережетъ ее, какъ мать ея—свой шифръ.

О благодать небесная! Вотъ на меня нисходитъ благодѣяніе по добротѣ моего покровителя Бахуса! Ваше Величество менѣе чѣмъ въ три страницы перебираете двадцать пунктовъ, и еслибъ я только захотѣлъ начать отвѣтъ, мнѣ нужно бы двадцать листовъ, что составило бы 80 страницъ: къ счастію для Вашего Величества, мнѣ не дозволено царапать даже и двухъ, до того я задыхаюсь. Но такъ какъ не хорошо было бы, да и не въ моемъ обычаѣ, что-либо спускать Вашему Величеству, я долженъ остановиться на пятнадцатомъ пунктѣ и замѣтить Вамъ очень смиренно, что въ самомъ дѣлѣ я не хочу отрицать что фельдмаршалъ князь Потемкинъ, при отъѣздѣ двадцати пунктовъ, былъ уже четыре дня въ Петербургѣ; но тѣмъ не менѣе мнѣ невозможно дать ему прозваніе Tauricien, хотя его крестная мать такъ называетъ его и онъ точно такъ же подписываетъ свои письма. Таврическій по-русски — будетъ по-латыни Tauricus. Tauricus значитъ по-французски le Taurien. Не моя вина, если это имя не длиннѣе. Таврическій можетъ мнѣ бросить убійственный взглядъ,

terre, mais il faut qu'il raccourcisse le nom que sa marraine lui a imposé. Et puis, il faut donc, que je reste tout ébahi de ce qu'il est arrivé beau, spirituel, aimable, brillant et de bonne humeur? Ce n'est pas d'aujourd'hui qu'on sait que la victoire embellit, et après une belle et glorieuse campagne devait-il arriver triste, maussade, hébété, et songe creux? Ja, wenn ich sagen darf, die Mutter, allergnädigste Frau, die Frucht der wahren Standhaftigkeit macht unser einem zuweilen außerordentliche Zumuthungen. (Ce passage prouvera à Votre Majesté que je commence à savoir écrire en russe.) Le duc de Tronsac, aujourd'hui de Richelieu, à son retour d'Izmaïl ne m'a pas dit que le prince maréchal Taurien ne fût pas brillant, mais il m'a bien parlé de son extrême regret de ce que la mort de son père qui, par parenthèse, n'est pas une perte, l'ait obligé de revenir ici en toute hâte et empêché de suivre le prince brillant à Pétersbourg et de se mettre aux pieds de la marraine du Taurien et de Katinka de Bueil. Il se flatte bien que ce qui est différé n'est pas perdu. Au reste j'ai écrit au bras droit du prince de bonne humeur, pour proposer à son Altesse deux officiers généraux de France, qui, ayant servi avec distinction et, dégoûtés du service militaire qui n'existe plus en France, veulent se vouer au service qui a pris la victoire à sa solde. Le bras droit, M. de Bühler, me mande de Iassi que ma lettre est arrivée le lendemain du départ du prince brillant pour le trône rayonnant,

---

онъ можетъ сдѣлать такое лицо, которое заставитъ меня скрыться въ преисподнюю; но надо чтобы онъ укоротилъ имя, данное ему крестной матерью.

И притомъ надо же было поразить меня тѣмъ, что онъ пріѣхалъ красивый, умный, любезный, блестящій и въ хорошемъ расположеніи духа. Не со вчерашняго дня извѣстно, что побѣда заставляетъ хорошѣть, и послѣ блестящей и славной кампаніи не пріѣхать же ему было печальнымъ, скучнымъ, поглупѣвшимъ и принужденно задумчивымъ? Да, смѣю ли я сказать: милостивѣйшая Государыня матушка плода неустрашимой твердости иногда удивительно много отъ нашего брата ожидаетъ. . — (Эта рѣчь докажетъ Вашему Величеству, что я начинаю умѣть писать по-русски). Герцогъ Тронсакъ, нынѣ Ришельё, по возвращеніи своемъ изъ Измаила, не сказалъ мнѣ, чтобъ князь фельдмаршалъ Таврическій не былъ блестящъ, но онъ мнѣ много говорилъ о своемъ сожалѣніи, что смерть его отца, которая въ скобкахъ, не потеря, заставила его наскоро возвратиться сюда и помѣшала сопровождать блестящаго князя въ Петербургъ и повергнуться къ стопамъ крестной матери Таврическаго и Катеньки де Бюэль. Онъ очень ласкается надеждой, что отложить не значитъ еще отмѣнить. Впрочемъ я писалъ къ правой рукѣ веселаго духомъ князя, чтобъ предложить его свѣтлости двухъ французскихъ генераловъ, которые, прослуживъ съ честью и получивъ отвращеніе отъ военной службы, не существующей болѣе во Франціи, хотятъ посвятить себя той службѣ, у которой побѣда завербована. Правая рука, г-нъ Бюлеръ, пишетъ мнѣ изъ Яссъ, что письмо мое пришло на другой день послѣ отъѣзда

et qu'il n'en sera que plus à portée de prendre les ordres de sa marraine sur l'objet de ma lettre. Je puis donc confier à Votre Majesté que l'un de ces officiers dont j'ai donné le signalement dans ma lettre est le cadet des Viomenil qui a le grand cordon rouge, l'autre est le comte de Vauban. Si cela devait avoir quelque suite, il faudrait marquer les conditions auxquelles on les établirait et fixerait dans le service qu'ils ambitionnent et qui est aujourd'hui le seul à ambitionner.

Je n'apprends pas à Votre Majesté que le comte de Ségur est nommé à l'ambassade de Rome; s'il quitte le chef de l'église grecque pour celui de l'église romaine, ce n'est pas sans un extrême regret. Il prétend que dans deux ou trois ans il aura sa liberté, et le premier usage qu'il en fera, sera de se mettre aux pieds du chef de l'église grecque. On dit beaucoup de bien de son successeur, M. d'Osmond, que je ne connais que de vue. Il a déjà passé deux fois chez moi depuis sa nomination, mais ma maladie m'a empêché de le recevoir.

Douzième point. Je joins à la protection immédiate du grand Zimmermann la protection médiate du souffre-douleur pour implorer l'indulgence du sénat en faveur de Kotzebue. Ce qu'il y a de sûr, c'est que sans le malheur cruel qu'il a eu de perdre sa femme, il n'aurait jamais demandé une prolongation de congé, et qu'il sera sûrement à sa place immédiatement après la saison des eaux. Je ne sais pas seulement où le prendre pour l'aver-

---

блестящаго князя къ сіяющему престолу, и что онъ тѣмъ легче можетъ получить приказанія своей крестной матери по предмету моего письма. Итакъ я могу сообщить Вашему Величеству, что одинъ изъ этихъ офицеровъ, котораго примѣты я описалъ въ письмѣ моемъ, есть младшій Віомениль, имѣющій большую красную ленту; другой — графъ де Вобанъ. Еслибъ это должно было имѣть какія-либо послѣдствія, надо бы назначить условія, на какихъ они будутъ опредѣлены и утверждены на службѣ, къ которой они стремятся и которая нынче одна можетъ быть предметомъ желаній.

Я не извѣщаю Ваше Величесто, что графъ де Сегюръ назначенъ въ посольство въ Римъ; если онъ покинетъ главу греческой церкви для главы римской церкви, то не безъ большаго сожалѣнія. Онъ увѣряетъ, что черезъ два, три года освободится и первымъ употребленіемъ свободы для него будетъ поспѣшить къ стопамъ главы греческой церкви. Говорятъ много хорошаго о его преемникѣ Осмондѣ, котораго я знаю только съ виду. Онъ уже былъ у меня два раза послѣ своего назначенія, но болѣзнь моя помѣшала мнѣ принять его.

Двѣнадцатый пунктъ. Я присоединяю къ прямому покровительству великаго Циммермана косвенное покровительство многострадальнаго, чтобы ходатайствовать предъ сенатомъ о снисхожденіи въ пользу Коцебу. Вѣрно то, что еслибъ онъ не имѣлъ великаго несчастія лишиться жены, онъ никогда не просилъ бы о продленіи отпуска, и навѣрно будетъ на мѣстѣ тотчасъ послѣ курса водъ. Я только не знаю гдѣ разыскать

tir du danger qu'il court, ne l'ayant jamais vu que pendant une matinée chez moi.

Vingtième et dernier point, en attendant la réponse aux autres. Que toutes les bénédictions du ciel environnent son ointe! Que tous les infidèles avec ou sans prépuce tombent à ses pieds, soit pour lui rendre un hommage libre et sincère, soit par le glaive qu'elle n'a jamais tiré que malgré elle, lorsqu'on l'y a forcée! Que dans sa miséricorde elle n'oublie jamais son souffre-douleur qui ne respire que par elle et pour elle et qui porte au pied de son trône glorieux l'hommage du plus tendre amour et du plus profond respect! Amen.

38 (№ 25).

Allerunterthänigster, höchst eilfertiger und unvermutheter Vortrag.

A Paris, ce 19 (30) avril 1791.

Madame. Depuis le départ du grand messager Ollaïas ou Ollaus (dont l'orthographe me chiffonne toujours) et du petit messager Maschkof (que Dieu conduise et prenne en sa sainte garde!) j'ai presque toujours été malade, et il ne me reste plus d'autre parti que de partir incessamment pour les eaux de

---

его, чтобъ увѣдомить объ угрожающей ему опасности, видѣвъ его у себя только одно утро.

Двадцатый и послѣдній пунктъ, въ ожиданіи отвѣтовъ на прочіе. Пусть всѣ благословенія Господни окружаютъ Его помазанницу! Пусть всѣ невѣрные, обрѣзанные и необрѣзанные падутъ къ ногамъ ея, или чтобъ воздать ей свободное и искреннее поклоненіе, или отъ силы меча ея, котораго она никогда не извлекала иначе, какъ противъ воли, когда ее къ тому принуждали! Пусть въ своемъ милосердіи она никогда не забываетъ своего многострадальнаго, ибо онъ дышетъ только ею и для нея, и повергаетъ къ подножью ея славнаго престола дань нѣжнѣйшей любви и глубочайшаго почтенія! Аминь.

38 (№ 25).

Всеподданнѣйшій, наипоспѣшнѣйшій и неожиданный докладъ.

Въ Парижѣ, 19 (30) апрѣля 1791 г.

Государыня. Съ отъѣзда великаго гонца Оллаіаса или Оллауса, (котораго правописаніе всегда смущаетъ меня) и маленькаго гонца Машкова (котораго Господь да направитъ и сохранитъ подъ Своимъ покровомъ!), я почти все былъ

Bourbonne, de passer de là en Allemagne me rendre auprès de mon saint et d'aller de là vers la fin de juillet aux eaux d'Aix-la-Chapelle essayer si elles voudront mettre le sceau à un soulagement quelconque de mes étouffements. Au milieu de mes infirmités, ma tête et mon coeur sont restés entiers. Pour celui-ci, c'est tout simple: habité, comme il est, par l'immortelle, il doit être hors de toute atteinte; quant à la première, je crains que Votre Majesté Impériale ne me demande un certificat en forme de la part de la Faculté, pour être sûre qu'elle ne m'a point tourné, quand elle saura la démarche à laquelle je vais me porter. C'est que je vais tout uniment dépêcher un exprès à mon protecteur et bienfaiteur Bacchus, pour qu'il porte cette pancarte en forme de Vortrag aux pieds de Votre Majesté Impériale. Je ne lui ferai pas donner la patente de courrier, mais je lui ferai recommander d'aller aussi vite qu'un courrier. Je lui donnerai l'argent nécessaire pour aller. Lorsqu'il aura remis mon paquet à Bacchus, celui-ci lui remettra avec la réponse l'argent nécessaire pour son retour: bien entendu que si mon auguste Souveraine désapprouve la démarche que je vais faire, sans rien perdre de ses bontés, j'en serai puni et condamné à payer les frais de l'envoi et du renvoi de cet exprès, sans miséricorde aucune ou aucunière, comme il plaira de dire à mon auguste Souveraine. Voici, Madame, ce qui m'a déterminé à expédier cet exprès.

боленъ и мнѣ болѣе нечего дѣлать, какъ отправиться тотчасъ же на воды въ Бурбонну, проѣхать оттуда въ Германію къ моему святому, а въ концѣ іюля пуститься къ Ахенскимъ водамъ, попробовать, не довершатъ ли онѣ хоть сколько-нибудь облегченіе моего удушья. Среди моихъ недуговъ, голова моя и сердце остались цѣлы. Съ послѣднимъ не можетъ и быть иначе: постоянно обитаемое безсмертною, оно должно быть защищено отъ всякаго поврежденія; что касается до первой, я боюсь, чтобъ Ваше Величество не потребовали у меня форменнаго свидѣтельства со стороны факультета, чтобъ удостовѣриться, не рехнулся ли я, когда Вы узнаете, на какой шагъ я рѣшился. Я просто хочу послать нарочнаго къ моему покровителю и благодѣтелю Бахусу, чтобъ онъ отвезъ эту грамоту въ формѣ доклада и повергъ её къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Я не дамъ ему курьерскаго патента, но велю наказать, чтобъ онъ ѣхалъ со скоростью курьера. Я дамъ нужныя на дорогу деньги. Когда онъ передастъ мой пакетъ Бахусу, тотъ вручитъ ему вмѣстѣ съ отвѣтомъ сумму, необходимую на обратный путь: само собою разумѣется, что если моя Августѣйшая Государыня не одобритъ шага, предпринимаемаго мною, то я, не потерявъ за то ея благоволенія, буду наказанъ тѣмъ что заплачу стоимость посылки этого нарочнаго туда и обратно, безъ всякой или всяческой милости, какъ угодно будетъ сказать моей Августѣйшей Монархинѣ. Вотъ, Государыня, что́ заставило меня послать этого нарочнаго.

Je n'ai pas besoin de dire à Votre Majesté ce que c'est que le marquis de Bouillé. Il a commandé les forces françaises pendant la dernière guerre aux Antilles de la manière la plus brillante; c'est le seul homme de guerre qui se soit montré dans cette époque parmi les acteurs des différents partis. Ses talents militaires, son activité, son coup d'oeil, son intrépidité, sa détermination, prompte comme l'éclair et toujours sage, l'ont porté au plus haut degré de réputation dans sa patrie et lui ont attiré la plus haute considération de la part des ennemis de la France. Ses vertus particulières ont ajouté un nouveau lustre à ses succès militaires. Le plus noble désintéressement, la générosité qui l'a toujours accompagné dans la victoire, ont rappelé et fait revivre en lui ces qualités touchantes des anciens chevaliers. Aussi lorsqu' après la guerre il se montra en Angleterre, il reçut de cette nation, peu disposée à gâter les étrangers, des hommages si brillants que je ne crois pas que jamais général ennemi et surtout français en ait reçu de pareils. Ce fut bien pis en Hollande où il fut reçu comme un dieu, pour avoir fait rendre aux propriétaires, après la reprise brillante de Saint-Eustache, avec la plus scrupuleuse exactitude, tout ce qu'il put recouvrer du pillage scandaleux exercé par les chefs anglais lors de la prise. Durant la paix le marquis de Bouillé alla presque tous les ans assister aux revues de Joseph et de Frédéric, et fut constamment traité dans les deux camps et par les deux souverains avec la plus grande distinction. Depuis la malheureuse révolution qui

---

Мнѣ не нужно говорить Вашему Величеству, чтó такое маркизъ де-Буйе. Онъ командовалъ французскими силами во время послѣдней войны на Антильскихъ островахъ самымъ блестящимъ образомъ; это единственный военный человѣкъ, который выдался въ это время между дѣятелями различныхъ партій. Его военные таланты, его дѣятельность, его взглядъ, его храбрость, его рѣшимость, быстрая какъ молнія, и всегда мудрая, поставили его на высшую ступень славы въ отечествѣ и пріобрѣли ему высокое уваженіе со стороны враговъ Франціи. Его частныя добродѣтели прибавили новый блескъ къ его военнымъ успѣхамъ. Самое благородное безкорыстіе, великодушіе, которое всегда сопровождало его побѣды, напомнили и воскресили въ немъ трогательныя добродѣтели древняго рыцарства. Зато, когда послѣ войны онъ явился въ Англіи, онъ получилъ отъ этой націи, мало расположенной баловать иностранцевъ, такія блестящія почести, что никогда, я полагаю, непріятельскій, а особливо французскій генералъ, не получалъ подобныхъ. Еще лучше было въ Голландіи, гдѣ его приняли какъ бога, оттого что онъ велѣлъ возвратить владѣльцамъ, послѣ блестящаго отнятія Сентъ-Эсташа, съ самой величайшею добросовѣстностью все, что могъ спасти отъ постыднаго грабежа, произведеннаго при взятіи этого города англійскими военачальниками. Во время мира маркизъ де-Буйе почти каждый годъ ѣздилъ на смотры Іосифа и Фридриха и былъ постоянно принимаемъ въ обоихъ лагеряхъ и обоими государями весьма почетно. Съ тѣхъ поръ, какъ

a anéanti la France, Votre Majesté n'ignore pas le rôle qu'il a joué. C'est le seul homme qui ait montré du caractère, et s'il avait été soutenu le moins du monde, il aurait sauvé la France; mais que peut-on pour ceux qui ne savent ni ne veulent s'aider? Il a souvent risqué depuis deux ans d'être massacré, assassiné, mis à la lanterne; son intrépidité et sa sagesse ont toujours déconcerté ces horribles projets, et en dépit des forcenés et des factieux, il a maintenu son autorité et fait respecter son nom au point que les Jacobins même n'ont pas osé murmurer lorsqu'en dernier lieu le roi lui confia une des quatre armées qu'ils veulent mettre sur pied, tant il s'était rendu inattaquable pendant tout le temps de son commandement à Metz. Voilà l'homme qui me détermine à dépêcher un exprès à mon protecteur Bacchus.

Ces jours passés je vis entrer chez moi à l'improviste le général de Heymann, qui a toujours été en second sous M. de Bouillé depuis la révolution et l'instant où il a pris le commandement de Metz. Lorsque je passai à Metz il y a sept mois, M. de Bouillé, en me parlant de ce général, me dit: je ne voudrais pas garder mon commandement 24 heures, si je n'avais pas cet homme avec moi. Heymann est un excellent officier de cavalerie. Il a suivi cette carrière avec passion. Il allait aussi tous les ans aux revues du roi de Prusse. En qualité d'Alsacien ou d'Allemand des bords du Rhin, il avait l'avantage de la langue avec les généraux Prussiens qui ne se piquent

---

несчастная революція уничтожила Францію, Вашему Величеству извѣстно, какую роль онъ игралъ. Это единственный человѣкъ, показавшій характеръ, и если бы онъ имѣлъ хоть малѣйшую поддержку, то спасъ бы Францію; но что можно сдѣлать для тѣхъ, кто самъ не хочетъ помочь себѣ? Онъ часто подвергался въ эти два года опасности быть убитымъ, зарѣзаннымъ, или вздернутымъ на фонарь; его храбрость и мудрость всегда разстраивали эти ужасныя намѣренія, и вопреки бѣшенымъ и заговорщикамъ онъ сохранялъ свой авторитетъ и заставлялъ уважать свое имя до того, что даже якобинцы не осмѣливались роптать, когда въ послѣднее время король ввѣрилъ ему одну изъ четырехъ армій, которыя они хотятъ поставить на ноги, до того онъ умѣлъ сдѣлать себя неуязвимымъ во все время своего командованія Мецомъ. Вотъ человѣкъ, который побуждаетъ меня послать нарочнаго моему покровителю Бахусу.

На этихъ дняхъ ко мнѣ неожиданно вошелъ генералъ Гейманъ, бывшій всегда вторымъ послѣ г. Булье, со времени революціи и съ той минуты, какъ тотъ принялъ начальство надъ Мецомъ. Когда я проѣзжалъ черезъ Мецъ, семь мѣсяцевъ тому назадъ, г. де-Булье, говоря мнѣ объ этомъ генералѣ, сказалъ мнѣ: я не захотѣлъ бы и сутки сохранить свое командованіе, еслибъ не имѣлъ при себѣ этого человѣка. Гейманъ, превосходный кавалерійскій офицеръ. Онъ страстно полюбилъ эту карьеру. Онъ также ежегодно ѣздилъ на смотры короля Прусскаго. Въ качествѣ Эльзасца или Нѣмца береговъ Рейна, онъ имѣлъ преимущество знанія языка, необходимаго съ

pas de savoir d'autre idiôme. Il a connu Seidlitz et ce Wackenitz regardé par Seidlitz comme un officier de cavalerie du premier mérite, qu'une injustice de Frédéric éloigna de son service et donna à celui de Hesse. Heymann a aussi voyagé en Pologne avec M. de Conflans; il y a vu des troupes russes. Dans des temps plus paisibles il m'en parlait toujours avec passion quand je le rencontrai; et en homme toujours passionné pour le service de la cavalerie, il vous faisait partager son ivresse quand il vous parlait de ce qu'on pourrait faire des cosaques et avec dés cosaques. Il me disait quelquefois: donnez-moi un corps de six mille Russes, et si je ne vous remets pas l'ordre partout en un clin d'oeil, vous me ferez mettre à la lanterne. Voilà, Madame, quelques traits caractéristiques pour reconnaître M. Bouillé et son ambassadeur auprès de moi, M. de Heymann.

Cet ambassadeur, après m'avoir remis sa lettre de créance, me dit qu'il arrivait de Metz, qu'il ne serait à Paris qu'un instant; que le prétexte de ce voyage était de conférer de la part du général avec le ministre de la guerre sur plusieurs objets importants et urgents, mais que le véritable objet de cette course était de conférer avec moi et de me faire de la part de M. de Bouillé une ouverture qui me prouverait sa confiance, mais à laquelle il espérait que je répondrais aussi avec la plus grande franchise. La lettre de M. de Bouillé me priait simplement d'ajouter une foi entière à ce que me

---

прусскими генералами, которые гордятся, что не знаютъ другихъ языковъ. Онъ зналъ Зейдлица и того Ваupеница, на котораго Зейдлицъ смотрѣлъ, какъ на первостепеннаго кавалерійскаго офицера, удаленнаго отъ службы только по несправедливости Фридриха и перешедшаго въ Гессенъ. Гейманъ также путешествовалъ въ Польшѣ съ г. Конфланомъ; онъ видѣлъ тамъ русскія войска. Въ болѣе спокойныя времена когда мы съ нимъ встрѣтились, онъ всегда отзывался мнѣ о нихъ съ восхищеніемъ и какъ человѣкъ, всегда страстный къ кавалерійской службѣ, онъ заставлялъ васъ раздѣлять свой восторгъ, когда говорилъ, что́ можно сдѣлать изъ казаковъ и съ казаками. Онъ мнѣ говорилъ иногда: дайте мнѣ корпусъ изъ шести тысячь Русскихъ — и если я не возстановлю вездѣ порядка мигомъ, велите повѣсить меня. Вотъ, Государыня, нѣсколько характеристическихъ чертъ, чтобъ дать понятіе о г. Булье, и его посланникѣ при мнѣ г. Гейманѣ.

Этотъ посланникъ, передавъ мнѣ свою кредитивную грамоту, сказалъ мнѣ, что пріѣхалъ изъ Меца въ Парижъ на самый краткій срокъ; что́ предлогомъ къ этому путешествію послужили нѣкоторые переговоры генерала съ военнымъ министромъ обо многихъ важныхъ и настоятельныхъ нуждахъ; но что настоящею цѣлью этой поѣздки было переговорить со мною и передать мнѣ порученіе отъ г. де-Булье, доказывающее его довѣріе ко мнѣ и на которое, какъ онъ надѣется, я буду отвѣчать съ величайшею откровенностью. Въ письмѣ г. де-Булье проситъ меня вполнѣ

dirait le général de Heymann de sa part. Je jugeai aisément d'après ces préliminaires que M. de Bouillé ne croyait plus sa place tenable et qu'il désespérait du salut de la France: car je le connaissais pour trop attaché à son pays pour abandonner son poste s'il pouvait conserver le plus léger espoir pour le retour d'un ordre quelconque. Je ne me trompai point.

Avant d'exposer ici les propositions qui m'ont été faites de sa part, je dois dire quelle est sa position. M. de Bouillé a tout au plus 60 ans. Ses succès lui ont procuré le grade de lieutenant-général de très bonne heure. A la paix en 1782 il eut le cordon bleu et toutes les distinctions que ses services et sa réputation devaient lui attirer. L'année dernière, après l'expédition de Nancy, qui prévint un embrasement général, tandis que la canaille des rues qu'on appelle aujourd'hui la nation, hurlait aux Tuileries pour demander sa tête, l'Assemblée nationale, en dépit de tous les enragés et tous les Jacobins, fut obligée de lui décerner des remercîments, et le roi lui fit offrir le bâton de maréchal de France à cause de l'importance de ce service. M. de Bouillé se contenta de l'approbation civique de l'Assemblée et refusa le bâton, disant qu'il serait sans doute bien glorieux d'obtenir pour un fait militaire cet honneur suprême; mais qu'il ne croyait pas le mériter pour avoir rétabli l'ordre dans une ville. Cependant il n'avait certes jamais couru autant de dangers qu'à la journée de Nancy, ni déployé dans aucune affaire plus de nerf, de sagesse, de présence d'esprit, d'intrépidité et de mesure.

вѣрить всему, что скажетъ мнѣ г. Гейманъ его именемъ. Я легко могъ заключить изъ этихъ предварительныхъ рѣчей, что г. де Буйле находитъ уже свое мѣсто невозможнымъ и отчаявается въ спасеніи Франціи: ибо я зналъ, что онъ слишкомъ преданъ своей странѣ, чтобъ покинуть свое мѣсто, еслибъ могъ сохранить малѣйшую надежду на возвращеніе какого-либо порядка. Я не ошибся.

Прежде чѣмъ изложу здѣсь предложенія, сдѣланныя мнѣ отъ его имени, я долженъ представить его положеніе. Г-ну де-Буйле никакъ не болѣе 60 лѣтъ. Его успѣхи доставили ему чинъ генералъ-лейтенанта очень рано. При заключеніи мира 1782 года онъ получилъ голубую ленту и всѣ отличія, которыя его служба и репутація должны были снискать ему. Прошедшій годъ, послѣ экспедиціи въ Нанси, которая предупредила всеобщее возстаніе, и когда уличная сволочь, называемая ныньче націей, ревѣла въ Тюильри, требуя его головы, національное собраніе, вопреки всѣмъ бѣшенымъ и всѣмъ якобинцамъ, было вынуждено ему поднести благодарность, а король предложилъ ему жезлъ маршала Франціи за такую важную услугу. Г. де-Буйле удовольствовался гражданскимъ одобреніемъ собранія и отказался отъ жезла, говоря, что конечно счелъ бы для себя лестнымъ удостоиться этой высшей чести за военный подвигъ; но не признаетъ достаточной для того заслугой возстановленіе порядка въ городѣ. Однако онъ, конечно, никогда не подвергался такой опасности, какъ въ день усмиренія Нанси и ни въ какомъ дѣлѣ не показалъ болѣе энергіи, мудрости, присутствія

Le Roi lui fit donc présent d'un cheval de ses écuries et l'Assemblée lui diminua ses appointements: car c'est un des grands moyens de l'auguste nation assemblée de donner à toutes les premieres places un traitement d'une mesquinerie tout à fait édifiante. Le sien fut réduit à 40 mille livres que sa table seule doit absorber, et lorsqu'il y a quelques mois, on exigea de lui de faire plusieurs centaines de lieues pour visiter tous les postes de son gouvernement, on lui refusa jusqu'à cent louis pour les chevaux de poste, tandis que sous l'ancien détestable régime du despotisme et de l'oppression, un simple maréchal de camp inspecteur avait huit mille livres. Depuis l'expédition de Nancy, qui aurait suffi pour rétablir l'ordre dans le royaume si l'Assemblée nationale n'avait pas jugé à propos d'abolir toutes les informations contre les coupables et d'encourager le crime par l'impunité solennellement prononcée, les choses n'ont cessé d'empirer de mois en mois, de semaine en semaine; les restes de la discipline militaire ont été anéantis et toutes les troupes désorganisées à un tel point par les principes de l'égalité et les droits de l'homme, qu'on peut assurer qu'il n'existe plus d'armée en France. M. de Bouillé, qui a prévu ce malheur de loin, a bien promis de tenir bon dans son commandement le plus longtemps qu'il lui serait possible, mais il a aussi exigé et obtenu pour condition qu'il serait le maître de quitter son commandement d'un moment à l'autre, dans les 24 heures, de le remettre au plus ancien de ses officiers, et de quitter même la France, s'il

---

духа, отваги и такта. Итакъ, король подарилъ ему лошадь съ своей конюшни, а собраніе уменьшило его жалованье: ибо одно изъ великихъ средствъ августѣйшаго собранія націи — давать на высшихъ мѣстахъ жалованье изумительно скудное. Его содержаніе было уменьшено до 40 тысячъ ливровъ, которыя одинъ его столъ долженъ поглощать, а когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отъ него потребовали, чтобъ онъ проѣхалъ сотни миль для осмотря военныхъ пѡстовъ, находящихся подъ его управленіемъ, ему отказали даже во сто луи на почтовыхъ лошадей, тогда какъ въ прежній гнусный режимъ деспотизма и угнетенія, простой маршалъ инспекторъ лагерей получалъ восемь тысячъ ливровъ. Послѣ экспедиціи въ Нанси, которой достаточно было бы для возстановленія порядка въ государствѣ, еслибъ національное собраніе не нашло нужнымъ прекратить всѣ слѣдствія противъ виновныхъ, и не поощрило преступленія торжественно объявленною безнаказанностью, дѣла не переставали ухудшаться отъ одного мѣсяца до другого, отъ одной недѣли до другой; остатки военной дисциплины были уничтожены и всѣ войска до такой степени разстроены принципомъ равенства и правами человѣка, что можно съ достовѣрностью сказать: нѣтъ болѣе арміи во Франціи. Г. де-Булье, давно предвидѣвшій это несчастіе, обѣщалъ какъ можно долѣе держаться на своемъ мѣстѣ, но за то выговорилъ себѣ условіе, что будетъ имѣть право покинуть свое командованіе во всякую минуту, въ 24 часа передать его старшему изъ своихъ офицеровъ, и даже оставить Францію,

jugeait ne pouvoir plus remplir ses devoirs dans le poste où il a tenu depuis près de deux ans comme par miracle. Dans ces derniers temps l'Espagne a voulu l'attacher à son service sous les conditions les plus avantageuses. L'Angleterre lui a fait faire les offres les plus séduisantes, mais la seule probabilité d'être dans le cas, en acceptant, de porter les armes contre son pays, les lui a fait rejeter. Il n'a pas été aussi négatif envers l'Espagne, mais, Madame, le voeu de son coeur, son goût, l'intérêt de sa gloire seraient de se vouer au service de Russie. Il prétend qu'il n'y a plus que là qu'il existe une tête souveraine, et ce dogme devient de plus en plus celui de l'église universelle; il croit que c'est un plaisir de se sacrifier pour elle, et moi, je dis: heureux, trois fois heureux celui dont c'est la glorieuse destinée! Il va jusqu'à se flatter qu'en cas de rupture avec les Anglais, il serait assez heureux pour rendre à cette Souveraine immortelle des services essentiels. Toute sa carrière militaire l'a obligé d'étudier le fort et le faible des ennemis qu'il avait toujours en tête; toutes ses expéditions ont toujours été moitié de terre, moitié maritimes, et le succès qui les a presque toutes couronnées prouve que ses observations n'ont pas manqué de justesse. Il ne demande certainement pas un commandement maritime sur les flottes de Votre Majesté, mais il ose présumer qu'embarqué avec ses amiraux, ayant un commandement quelconque sur des troupes de transport ou marines, il ren-

---

если онъ увидитъ, что не въ состояніи исполнять своихъ обязанностей на мѣстѣ, которое онъ по какому-то чуду занималъ болѣе двухъ лѣтъ. Въ это послѣднее время Испанія хотѣла привлечь его къ своей службѣ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Англія предлагала ему самыя заманчивыя условія, но одна возможность быть вынужденнымъ, давъ на это согласіе, поднять оружіе противъ отечества, заставила его отвергнуть ихъ. Онъ не такъ рѣшительно отказалъ Испаніи, но Государыня, желаніе его сердца, его вкусъ, интересъ его славы,—все располагаетъ его посвятить себя службѣ Россіи. Онъ утверждаетъ, что только тамъ существуетъ царственная голова, и этотъ догматъ становится все болѣе и болѣе догматомъ вселенской церкви; онъ думаетъ, что пріятно жертвовать собою для Нея, а я говорю: «счастливъ, трикраты счастливъ тотъ, кому выпадетъ на долю эта славная судьба». Онъ даже надѣется, что въ случаѣ разрыва съ Англіей, онъ будетъ имѣть счастіе оказать этой безсмертной Государынѣ существенныя услуги. Вся его воинская карьера обязывала его изучать силу и слабость врага, котораго онъ имѣлъ всегда въ мысляхъ; всѣ его экспедиціи были на половину сухопутныя, на половину морскія, и успѣхъ, который почти всегда увѣнчивалъ ихъ, доказываетъ, что его наблюденія были вѣрны. Онъ, конечно, не требуетъ командованія надъ морскими силами Вашего Величества, но смѣетъ предполагать, что, сѣвъ на корабль съ Вашими адмиралами, получивъ какую-нибудь команду надъ дессантными войсками или морскими, онъ, мо-

drait peut-être des services très essentiels; il se flatte que connaissant l'allure et les manoeuvres des Anglais, il pourrait leur faire porter des coups dont ils seraient loin de se douter, et que la guerre de la plus juste défense pourrait en quelques occasions devenir offensive d'une manière très sensible pour les aggresseurs. Tout ce que je me permets de croire sur ces objets, c'est que l'Impératrice ne trouverait pas un Paßgänger dans M. de Bouillé. Il prétend que par la même raison le général de Heymann serait excellent à employer dans l'armée de Livonie contre les Prussiens, parce qu'il connaît la machine de leur cavalerie, son fort et son faible, au bout des doigts, et il soutient, non sans beaucoup de raison suivant mes faibles lumières, qu' à la guerre rien ne donne de plus grands moyens de succès que de posséder parfaitement la connaissance de la composition, des pratiques et de l'allure de l'armée qu'on doit combattre, arrêter ou ruiner.

Maintenant je supplie mon auguste Souveraine de se mettre un instant à la place de son souffre-douleur et de juger de sa perplexité. Je reçois cette ouverture au moment même où la levée de bouclier de M. Pitt rend la rupture de l'Angleterre et de la Prusse avec la Russie imminente et inévitable. Toutes les lettres d'Allemagne s'accordent sur ce point. Votre Majesté verra quel est le sentiment du prince Henri et à quel point il croit la démarche anglaise décisive et irracommodable. Je sais par une voie authentique qu' à l'office de la cour de Danemark, qui est, je crois, du 8 mars, le ministère

---

жеть статься оказалъ бы важныя услуги; онъ льститъ себя надеждой, что, зная пріемы и маневры Англичанъ, онъ могъ бы нанести имъ непредвидѣнные удары, и что война самой справедливой обороны могла бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлаться наступательной весьма чувствительнымъ для нападающихъ образомъ. Позволяю себѣ думать объ этомъ предметѣ только одно: что Императрица не нашла бы иноходца въ г. Булье. Онъ увѣряетъ, что по той же причинѣ генералъ Гейманъ могъ бы быть прекрасно употребленъ въ лифляндской арміи противъ Пруссаковъ, потому что онъ знаетъ по пальцамъ механизмъ ихъ кавалеріи, ея силу и слабость, и утверждаетъ не безъ основательныхъ причинъ, какъ мнѣ кажется по моимъ скуднымъ свѣдѣніямъ, что на войнѣ ничто не даетъ бóльшихъ средствъ къ побѣдѣ, какъ полное знаніе состава, привычекъ и пріемовъ арміи, съ которой приходится сражаться, которую надо задержать или разстроить.

Теперь я умоляю свою августѣйшую Монархиню поставить себя на минуту на мѣсто многострадальнаго и посудить о его затруднительномъ положеніи. Я получаю это сообщеніе въ ту минуту, какъ, въ слѣдствіе воинственнаго настроенія г. Питта, разрывъ Англіи и Пруссіи съ Россіей становится близкимъ и неизбѣжнымъ. Всѣ письма изъ Германіи въ этомъ согласны. Ваше Величество увидите, какъ на это смотритъ принцъ Генрихъ и до какой степени онъ считаетъ выходку Англіи рѣшительною и непоправимою. Я изъ вѣрнаго источника знаю, что на отношеніе Датскаго

britannique s'est contenté de répondre qu'il était fâché de ne l'avoir pas reçu plus tôt, mais qu'actuellement c'était trop tard. Tout annonce qu'avant la fin du mois où nous allons entrer, le pavillon anglais flottera dans la Baltique et l'armée prussiene se sera mise en mouvement. Dans cette circonstance m'arrive l'ambassade de M. de Bouillé. Lui seul a le droit de me rendre perplexe; tout autre ne m'aurait pas fait sortir de mon assiette, et j'aurais attendu sans impatience le premier messager de l'immortelle pour lui rendre compte paisiblement de ma commission. Je suis loin de présager si Votre Majesté Impériale pourra ou voudra accueillir la proposition de M. de Bouillé et agréer ses services. Je conçois que la justice et la sagesse souveraines peuvent trouver des obstacles insurmontables à placer un étranger au milieu ou, comme j'aime à croire, à la fin d'une guerre que la victoire a constamment secondée et où par conséquent tant de généraux russes ont acquis des droits à sa bienveillance et aux récompenses. Plus la réputation du général étranger est brillante, plus il peut être difficile dans ce moment de lui trouver sa place. D'un autre côté, si l'explosion annoncée de toutes parts doit avoir lieu, et qu'il plaise à l'immortelle d'agréer les services de M. de Bouillé, ce n'est pas à la fin de la campagne, c'est dans six semaines au plus tard que lui et son bras droit Heymann doivent être rendus à leur destination et à portée de commencer leur service. C'est donc la seule possibilité que Votre Majesté agrée la proposition, quand elle serait même dé-

---

двора, какъ кажется, отъ 8 марта, британское министерство ограничилось отвѣтомъ, что оно жалѣетъ, что не получило его ранѣе; но что теперь слишкомъ поздно. Все предвѣщаетъ, что въ концѣ наступающаго мѣсяца англійскій флагъ будетъ развѣваться въ Балтійскомъ морѣ, а прусская армія выступитъ въ походъ. Въ этихъ обстоятельствахъ приходитъ ко мнѣ посольство г. де-Булье. Онъ одинъ можетъ имѣть право меня поставить въ затрудненіе; всякій другой не вывелъ бы меня изъ нормальнаго состоянія, и я терпѣливо дождался бы вѣстника безсмертной, чтобъ спокойно дать ей отчетъ въ своемъ порученіи. Я никакъ не могу предвидѣть, можете ли и захотите ли Ваше Величество принять предложенія г. де-Булье и взять его на службу. Я понимаю, что справедливость и мудрость Вашего Величества могутъ найти непреодолимыя препятствія дать мѣсто иностранцу въ срединѣ или, какъ я желалъ бы думать, къ концу войны, которую побѣда постоянно сопровождала и за которую столько русскихъ генераловъ пріобрѣли право на Ваше благоволеніе и награды. Чѣмъ болѣе репутація иностраннаго генерала блестяща, тѣмъ можетъ-быть труднѣе въ эту минуту найти ему мѣсто. Съ другой стороны, если взрывъ отовсюду ожидаемый послѣдуетъ, и безсмертной угодно будетъ принять услуги г. де Булье, то не въ концѣ кампаніи, а самое позднее, черезъ шесть недѣль онъ и его правая рука г. Гейманъ должны явиться къ своему назначенію и быть готовы начать свою службу. Итакъ только возможность того, что Ваше Величество примете предложеніе, хотя бы это было бы даже

pourvue de toute vraisemblance, qui me dicte le parti auquel je m'arrête. Ne pouvant lui faire par la poste une ouverture qui exige le plus grand secret, ainsi que la réponse impériale, ne pouvant non plus la retarder sans la rendre inutile, je me détermine à adresser ce paquet à mon protecteur Bacchus. Le général de Heymann, qui va repartir, le portera à Metz. Il dira à M. de Bouillé qu'il ne m'appartient pas de lui faire aucune réponse à sa proposition, mais que je la crois assez importante pour qu'elle arrive au pied du trône sans délai et par une voie sûre. En conséquence M. de Heymann choisira à Metz un officier de hussards de confiance, parlant l'allemand, qui portera ce paquet à Pétersbourg en toute diligence et le remettra à mon protecteur Bacchus avec une tendre lettre de ma part. Il sortira du royaume sous prétexte d'aller acheter des chevaux. Arrivé à Francfort, je lui ferai compter l'argent nécessaire pour faire sa course à Pétersbourg. Bacchus, en lui remettant en réponse les ordres de Votre Majesté pour son souffre-douleur, lui donnera l'argent nécessaire pour son retour. Bien entendu, comme il est dit ci-dessus, que si la volonté souveraine condamne cette mission comme téméraire, déplacée, étourdiment consentie de la part du souffre-douleur, le dit soit irrévocablement condamné à payer et à rembourser l'allée et le retour de cette course par forme d'amende; il est assez riche des bienfaits de sa suprême bienfaitrice pour pouvoir être rappelé à l'ordre

---

лишено вѣроятія, внушаетъ мнѣ рѣшеніе, на которомъ я останавливаюсь. Находя неудобнымъ передать Вамъ по почтѣ сообщеніе, которое, такъ же какъ и отвѣтъ Императорскій, требуетъ величайшей тайны, и не считая также возможнымъ задержать его, не сдѣлавъ его безполезнымъ, я рѣшаюсь адресовать этотъ пакетъ моему покровителю Бахусу. Генералъ Гейманъ который уѣзжаетъ обратно, отвезетъ его въ Мецъ. Онъ скажетъ г. Булье, что я не въ правѣ дать ему какой-либо отвѣтъ на его предложеніе, но что оно въ моихъ глазахъ довольно важно, чтобъ быть представленнымъ къ подножію престола безотлагательно и черезъ вѣрныя руки. Въ слѣдствіе того г. Гейманъ выберетъ въ Мецѣ довѣреннаго гусарскаго офицера, говорящаго по-нѣмецки, который отвезетъ этотъ пакетъ въ Петербургъ со всею поспѣшностью и передастъ его моему покровителю Бахусу съ нѣжнымъ письмомъ отъ меня. Онъ выѣдетъ изъ королевства подъ предлогомъ покупки лошадей. Я распоряжусь, чтобъ по пріѣздѣ его во Франкфуртъ ему была отсчитана сумма, необходимая на поѣздку его въ Петербургъ. Бахусъ, передавая ему въ отвѣтъ приказанія Вашего Величества къ своему многострадальному, дастъ ему деньги, нужныя для его возвращенія. Само собою разумѣется что, какъ было уже сказано прежде, если высочайшая воля осудитъ это порученіе, какъ слишкомъ отважное, неумѣстное, легкомысленно принятое со стороны многострадальнаго, то послѣдній будетъ безусловно приговоренъ заплатить проѣздъ туда и обратно въ видѣ пени; онъ достаточно богатъ милостями своей высокой благодѣтельницы,

et fixé dans sa sphère de nullité par une forte correction. Il sera enjoint au hussard officier, voyageur et porteur, de me porter la réponse de mon protecteur Bacchus à Francfort, soit chez le comte Nicolas de Romantsof, soit chez messieurs les frères Bethmann. Quand même je ne serais pas à Francfort, il y trouvera des renseignements pour me remettre mon paquet en toute sûreté. Je me trouverai vraisemblablement déjà en Allemagne à son retour, après avoir donné trois semaines aux eaux de Bourbonne. Il ne serait pas impossible que M. de Bouillé fût aussi déjà rendu à Francfort pour y attendre les résolutions suprêmes à son sujet: un décret rendu hier par l'auguste Assemblée autorise tous les soldats d'assister aux assemblées des clubs de constitution; c'est le coup de grâce porté à la discipline et qui rendra désormais tout commandement militaire impossible. Je crois que M. de Bouillé usera de son droit de quitter le sien dans les 24 heures.

Je termine cette dépêche par l'original de la lettre de créance que M. de Bouillé a donnée à son ambassadeur près de moi, et par l'original aussi des conditions sous lesquelles il ambitionne de servir Votre Majesté Impériale. Cette dernière pièce ne devait pas m'être montrée, et ne devait que servir de direction à l'ambassadeur négociateur dans ses conférences avec moi; mais je m'en suis emparé, parce qu'il faut aller au fait, surtout dans une négociation aussi pressée que celle-ci. Il résulte de cette négociation que

---

чтобъ быть призваннымъ къ порядку и возвращеннымъ въ свою сферу ничтожества сильной исправительной мѣрой. Гусарскому же офицеру-путешественнику, ѣдущему съ порученіемъ, будетъ приказано привезти мнѣ отвѣтъ моего покровителя Бахуса во Франкфуртъ, или къ графу Николаю Румянцову, или къ гг. братьямъ Бетманъ. Хотя бы меня и не застали во Франкфуртѣ, онъ найдетъ тамъ указанія куда мнѣ всего вѣрнѣе доставить мой пакетъ. Я вѣроятно уже буду въ Германіи къ его возвращенію, посвятивъ недѣли три Бурбонскимъ водамъ. Не невозможно, что и г. Булье будетъ уже находиться во Франкфуртѣ и ждать тамъ высочайшаго рѣшенія своей судьбы. Декретъ, изданный вчера августѣйшимъ собраніемъ дозволяетъ всѣмъ солдатамъ присутствовать на собраніяхъ конституціонныхъ клубовъ; это послѣдній ударъ, нанесенный дисциплинѣ и долженствующій сдѣлать всякое военное командованіе невозможнымъ. Я полагаю, что г. Булье воспользуется своимъ правомъ покинуть свой постъ въ 24 часа.

Оканчиваю эту депешу приложеніемъ подлинника кредитивной грамоты, данной г-мъ де Булье своему посланнику при моемъ лицѣ, а также подлинника условій, на которыхъ онъ домогается служить Вашему Императорскому Величеству. Этого послѣдняго документа не предполагалось показывать мнѣ, онъ долженъ былъ только служить руководствомъ повѣренному въ переговорахъ его со мною; но я овладѣлъ имъ, потому что надо приступать къ дѣлу, особливо въ столь спѣшныхъ перегово-

c'est en qualité de général en chef que M. de Bouillé prétend débuter, et je ne fais nul doute que s'il acceptait les propositions de l'Espagne, on ne lui accordât dans ce service le grade de capitaine général qui équivaut à celui de maréchal. Je suppose que le général Heymann voudrait débuter dans le grade de lieutenant-général; nous n'avons pas encore traité ce dernier point explicitement, mais en se vouant au service de Votre Majesté, il prendrait dès à présent l'engagement d'y rester toute sa vie. M. de Bouillé conserve peut-être au fond de son coeur une faible espérance du rétablissement d'un ordre quelconque en France et de la possibilité d'y reprendre un service militaire. Il n'y a que cette illusion, bien frivole en ce moment, qui puisse l'empêcher de prendre un engagement irrévocable et de l'étendre au delà de la guerre présente. J'ai gardé, Madame, pour la fin le point le plus difficile à arranger. En quittant la France, M. de Bouillé voudrait faire honneur à ses affaires, payer ses dettes etc. J'ai donc dû demander à quoi devait monter cette gratification honnête dont il est question dans l'instruction secrète, pour remplir tous les objets y spécifiés; et il m'a été repondu: à 150 mille livres de France. J'ai fait pareille demande sur la gratification du général ambassadeur, et il m'a répondu: a 80 mille livres de France. Le tout pour pouvoir finir tout ici en peu de jours et arriver à tire d'ailes au séjour où la gloire les attend. S'il était dans la volonté suprême d'accorder

---

рахъ, какъ эти. Изъ этихъ переговоровъ оказывается, что г. Буле желаетъ перейти въ качествѣ генералъ-аншефа, и я нисколько не сомнѣваюсь, что еслибъ онъ принялъ предложенія Испаніи, ему тотчасъ дали бы на этой службѣ титулъ генералъ-капитана, который соотвѣтствуетъ титулу маршала. Я полагаю, что г. Гейманъ желалъ бы выступить въ чинѣ генералъ-лейтенанта; мы еще не обговорили окончательно этого послѣдняго пункта, но посвящая себя службѣ Вашего Величества, онъ теперь же обязался бы вступить въ нее на всю жизнь. Г. де Буле сохраняетъ можетъ-быть въ глубинѣ своей души слабую надежду на возстановленіе какого-нибудь порядка во Франціи и на возможность опять вступить здѣсь въ военную службу. Только эта мечта, весьма обманчивая въ настоящую минуту, можетъ помѣшать ему принять безповоротное обязательство и продлить его далѣе срока настоящей войны. Я приберегъ, Государыня, самый трудный предметъ переговоровъ къ концу. Покидая Францію, г. де Буле желалъ бы привести въ порядокъ свои дѣла, уплатить долги и проч. Итакъ мнѣ слѣдовало спросить, до чего должно бы простираться почетное вознагражденіе, о которомъ идетъ рѣчь въ секретной инструкціи, чтобъ покрыть всѣ предметы тамъ перечисленные; мнѣ отвѣчали: 150 тысячъ французскихъ ливровъ. Я сдѣлалъ тотъ же вопросъ о вознагражденіи генерала посланника, и онъ отвѣчалъ мнѣ: 80 тысячъ французскихъ ливровъ. Все это съ тѣмъ, чтобъ онъ могъ покончить здѣсь свои дѣла въ немного дней и быстрымъ полетомъ перенестись въ обитель, гдѣ слава ихъ ожидаетъ. Еслибъ была высочайшая воля на дарованіе этихъ суммъ, слѣдовало бы на-

ces sommes, il faudrait me les assigner à ma disposition à Francfort sur le Mayn, car c'est là le centre où je me réunirais avec ma pacotille de héros et d'où ils partiraient pour la gloire. M. de Bouillé mènerait, comme de raison, son fils avec lui pour le faire débuter dans le métier des armes. Je pense que sa femme resterait préalablement en France. Quant aux officiers de toute arme qu'il propose de mener avec lui, il plairait sans doute à Votre Majesté de s'expliquer sur ce point et sur leur nombre, si le point est agréé. Le général Heymann a été fort content de mon plan de campagne contre les Prussiens, et pense comme moi que, sans verser le sang en bataille rangée, il doit exister un moyen infaillible dans la guerre qu'ils entreprennent, de ruiner leur armée en lui coupant les vivres et les subsistances, et il s'en fie à cet égard à ses cosaques. Nous pensons aussi que la flotille dont j'ai abandonné le commandement à Votre Majesté par ma derniere pancarte, pourra être de la plus grande importance tant contre les Anglais que contre les Prussiens. Ah, si je ne craignais pas ce que mon auguste Souveraine appelait dans le temps de ma prospérité l'hommerie, en amalgamant pendant la campagne le marquis de Bouillé avec le prince de Nassau, quel bien ne pourrait-il pas résulter pour les armes de la Souveraine immortelle! Et certes, la moisson de gloire pourrait être plus que suffisante pour l'ambition de deux grands coeurs.

значить ихъ въ мое распоряженіе во Франкфуртѣ на Майнѣ, такъ какъ это центръ, въ которомъ я съѣдусь съ моей партіей героевъ и откуда они поспѣшать къ славѣ. Г. де Булье, разумѣется, захватилъ бы съ собою сына, чтобъ онъ началъ свои упражненія въ военномъ ремеслѣ. Полагаю, что жена его осталась бы на первый случай во Франціи. Что касается до офицеровъ всякаго рода оружія, которыхъ онъ предлагаетъ привезти съ собой, Вашему Величеству конечно благоугодно будетъ объясниться насчетъ этого пункта и ихъ количества, если этотъ пунктъ будетъ принятъ. Генералъ Гейманъ былъ очень доволенъ моимъ планомъ кампаніи противъ Пруссаковъ, и думаетъ какъ я, что не проливая крови въ регулярныхъ сраженіяхъ существуетъ средство самое вѣрное въ этой предпринимаемой ими войнѣ разстроить ихъ армію, отрѣзывая имъ припасы и продовольствіе; онъ надѣется въ этомъ случаѣ на своихъ казаковъ. Мы полагаемъ также, что флотилія, начальство надъ которой я предоставилъ Вашему Величеству въ послѣдней моей грамотѣ, можетъ оказать великую пользу столько же противъ Англичанъ, сколько и противъ Пруссаковъ. Ахъ, еслибъ я не боялся того, что моя Августѣйшая Государыня въ періодъ моего благополучія называла людкостью, я бы слилъ во время кампаніи маркиза де Булье съ принцемъ Нассаурскимъ, и какая бы польза вышла изъ этого для оружія безсмертной Монархини! И конечно жатва славы была бы болѣе чѣмъ достаточна для честолюбія двухъ великихъ сердецъ.

Ce 21 avril. (2 mai).

C'est aujourd'hui la plus grande de toutes les fêtes du taudis du souffre-douleur. Tout était préparé pour la célébrer avec le plus grand éclat. Katinka et son frère M. Catau, heureusement rétablis de leur inoculation, s'étaient présentés avec leur mère dès le matin au lever du dit souffre-douleur en grand gala pour lui rendre leurs hommages et chanter un hymne à la gloire de leur auguste marraine. Les symptômes de paix qui m'étaient venus depuis deux jours d'Angleterre et d'Allemagne, ne contribuaient pas peu à rendre la joie et la pompe de cette fête complètes; l'envoi de M. Fawkener me paraissait le plus heureux présage pour l'accomplissement de mes voeux. La lettre du 17 avril, qui m'arrive en ce moment de Reinsberg, et dans cette lettre une seule ligne, comme Votre Majesté pourra voir, a tout détruit en un clin d'oeil, et changé mes cris d'allégresse dans un morne silence. Si cette ligne se vérifie, tous les maux dont mon auguste Souveraine m'avait si efficacement guéri l'été dernier, vont me reprendre et achèveront promptement de me conduire à mon dernier étouffement. Je vais copier ces fragments de Reinsberg et puis fermer mon paquet et le remettre au général Heymann pour le faire porter au plus vite par Bacchus au pied du trône. Ma taciturnité subite ne m'empêche pas d'unir mes voeux silencieux en ce grand jour aux cris de Katinka et de son frère Catau pour la gloire et la per-

---

21 апрѣля (2 мая).

Сегодня величайшій изъ праздниковъ въ лачугѣ многострадальнаго. Все было приготовлено, чтобъ отпраздновать его съ величайшимъ блескомъ. Катенька и братецъ ея г. Като, благополучно оправившіеся отъ оспопрививанія, явились съ своей маменькой къ вставанью помянутаго многострадальнаго въ полномъ парадѣ, чтобъ принести ему поздравленія и спѣть гимнъ во славу ихъ Августѣйшей крестной матери. Признаки мира, пришедшіе ко мнѣ за послѣдніе два дня изъ Англіи и Германіи, не мало способствовали къ довершенію веселости и пышности этого праздника. Присылка г. Фокнера казалась мнѣ счастливѣйшимъ предзнаменованіемъ для исполненія моихъ желаній. Письмо отъ 17 апрѣля, прибывшее ко мнѣ въ эту минуту изъ Рейнсберга, и въ этомъ письмѣ одна строчка, какъ Ваше Величество можете увидѣть, все разрушили во мгновеніе ока и превратили мои радостныя клики въ мрачное молчаніе. Если эта строчка оправдается, то всѣ недуги, отъ которыхъ моя Августѣйшая Монархиня такъ дѣйствительно исцѣлила меня прошедшимъ лѣтомъ, возвратятся и быстро и окончательно приведутъ меня къ послѣднему моему припадку удушья. Я перепишу эти рейнсбергскіе отрывки и передамъ ихъ генералу Гейману, чтобъ онъ какъ можно скорѣе доставилъ ихъ черезъ Бахуса къ подножію престола. Моя внезапная молчаливость не мѣшаетъ мнѣ присоединить въ этотъ великій день мои безмолвныя пожеланія къ крикамъ Катиньки и ея братца Като, во славу и постоянное довольство

manente satisfaction de leur imperturbable marraine. Ce n'est pas ma faute, si le grand pâtissier, en pétrissant mon âme immortelle, a oublié d'y mettre quelques drachmes de cette pâte imperturbable. On dit qu'occupé déjà alors de la création qu'il projetait pour l'année 1729 à Stettin, il a été pendant les dix annés qui ont précédé son année merveilleuse, très chiche de tous ses bons ingrédiens, afin de les entasser et pétrir tous dans ce moule unique, et quand il s'est aperçu que son succès surpassait encore son attente, il a dans le premier accès de joie étourdiment cassé son moule, de sorte qu'onques depuis il n'a plus rien fait qui vaille, et voilà la véritable clef que peu de gens connaissent, de ces années de disette qui ont précédé et si longuement suivi le grand phénomène de Stettin.

Tout le monde me demande s'il est vrai que M. Sénac de Meilhan, ex-intendant de Valenciennes, et voyageant depuis la révolution en Italie, a passé au service de Votre Majesté en qualité d'historiographe avec cinq mille roubles d'appointements. Je réponds que je n'en sais rien, mais qu'en tout cas, il a là un emploi bien oiseux, parce que c'est l'Imperatrice qui depuis 29 ans écrit tous les jours son histoire sans user ses plumes et son papier. On me demande si c'est sur de l'airain. Je réponds que je n'en sais rien, mais ce que je crois, c'est que le style dont elle se sert, grave pour l'immortalité. Il est très déplaisant d'être toujours questionné et d'avoir toujours à répondre: je n'en sais rien.

ихъ невозмутимой крестной маменьки. Не моя вина если великій пекарь, готовя мою безсмертную душу, забылъ положить въ нее нѣсколько драхмъ этого тѣста невозмутимаго спокойствія. Говорятъ, что занятый уже тогда созданіемъ, которое онъ предполагалъ на 1729 годъ въ Штетинѣ, онъ былъ въ теченіе десяти лѣтъ, предшествовавшихъ этому чудесному году, очень скупъ на всѣ хорошія приправы, чтобъ ихъ соединить и вложить въ эту единственную форму, и когда онъ замѣтилъ, что успѣхъ превзошелъ его ожиданія, то въ первомъ движеніи радости необдуманно разбилъ свою форму, такъ что съ тѣхъ поръ онъ ничего не создалъ годнаго, и вотъ истинный и немногимъ извѣстный ключъ къ пониманію того, почему такіе долгіе годы неурожая предшествовали и послѣдовали за великимъ штетинскимъ чудомъ.

Всѣ меня спрашиваютъ, правда ли, что г. Сенакъ де Мельянъ, валансьенскій эксъ-интендантъ, путешествовавшій съ начала революціи по Италіи, перешелъ на службу къ Вашему Величеству исторіографомъ съ пятью тысячами рублей жалованья. Я отвѣчаю, что ничего объ этомъ не знаю, но что во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ должность весьма пустую, потому что Императрица сама уже 29 лѣтъ ежедневно пишетъ свою исторію, не портя ни перьевъ ни бумаги. Меня спрашиваютъ, не на мѣди ли она пишетъ. Я отвѣчаю, что мнѣ это неизвѣстно, но я полагаю, что рѣзецъ, который она употребляетъ, начертываетъ навѣки. Очень непріятно когда васъ безпрестанно спрашиваютъ, а вамъ постоянно приходится отвѣчать: «не знаю».

M. de Kotzebue me mande qu'il a reçu par le canal du grand Zimmermann la prolongation de son congé. Il en bénit le ciel et l'immortelle qui a fléchi la rigueur du sénat.

Le comte de Forstenbourg, frère naturel de feu Zelmire, me fut recommandé par son père, qui l'aime plus que tous ses enfants légitimes, il y a plusieurs années. Je le plaçai dans le régiment de Schomberg, corps de la plus grande réputation. C'est un sujet charmant, dont je n'ai jamais entendu parler sans éloge. Il devait rester au service de France, et tous ceux qui le connaissaient lui prédisaient une carrière brillante. L'année dernière, dégoûté de tout ce qui se passait ici, il alla en Allemagne dans l'espérance de guerroyer. Son père lui défendit d'approcher ni de la Silésie ni de Berlin, et lui signifia qu'il ne voulait pas qu'il tâtât du service prussien. Il resta plusieurs mois à se morfondre à Dresde, mais toujours obsédé de l'idée de servir en Russie où, si je l'avais cru, je l'aurais proposé du moment où la guerre avec les infidèles éclata. Enfin au commencement de l'hiver il me mande qu'il a demandé et obtenu de son père la permission d'aller en Russie et d'y servir s'il en peut obtenir l'agrément. Il prend son recours à la protection du tout-puissant souffre-douleur. Tandis que je lui fais déconseiller ce voyage, que je le désapprouve, que je lui fais entendre, le mieux que je puis, que la circonstance la plus favorable à le faire remarquer, celle d'être

---

Г. Коцебу извѣщаетъ меня, что онъ получилъ, черезъ посредство великаго Циммермана, продленіе своего отпуска. Онъ за это благословляетъ небо и безсмертную, которая смягчила суровость сената.

Графъ де Форстенбургъ, незаконный братъ покойной Зельмиры, былъ мнѣ рекомендованъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отцомъ своимъ, любящимъ его болѣе всѣхъ законныхъ дѣтей своихъ. Я помѣстилъ его въ полкъ Шомберга, пользовавшійся самой лучшей репутаціей. Это прекрасный молодой человѣкъ, о которомъ я всегда слышалъ только однѣ похвалы. Онъ долженъ былъ оставаться на службѣ во Франціи, и всѣ кто зналъ его предсказывали ему блестящую карьеру. Въ прошедшемъ году, получивъ отвращеніе ко всему что здѣсь происходило, онъ поѣхалъ въ Германію въ надеждѣ повоевать. Отецъ запретилъ ему приближаться къ Силезіи и къ Берлину, и объявилъ ему, что онъ не желаетъ чтобъ онъ даже отвѣдалъ прусской службы. Онъ остался нѣсколько мѣсяцевъ, скучая, въ Дрезденѣ, но все занятый мыслью служить въ Россіи гдѣ, еслибъ я зналъ это, я предложилъ бы его съ той минуты какъ возгорѣлась война съ невѣрными. Наконецъ въ началѣ зимы онъ извѣстилъ меня, что просилъ и получилъ разрѣшеніе отца ѣхать въ Россію служить, если можетъ получить на то согласіе. Онъ прибѣгаетъ къ покровительству всемогущаго многострадальнаго. Пока я ему отсовѣтываю это путешествіе, не одобряю его, даю ему почувствовать, какъ могу, что обстоятельство, самое благопріятное чтобъ быть замѣ-

fils de son père, pourrait bien ne pas lui être fort avantageuse en ce moment, il était déjà en route et mes sages conseils arrivèrent comme moutarde après dîner. Très heureusement pour lui: car sa premiere lettre de Pétersbourg porte qu'il a débuté sous les auspices les plus favorables; qu'il a été au bal chez M. le vice-chancelier, que le prince de Nassau lui a demandé s'il voulait servir; que le prince maréchal Potemkine Taurien, et non Tauricien, l'avait placé dans son régiment des cuirassiers avec le grade de major; que son ami et compagnon, Charles Schweizer, aussi du régiment de Schomberg, avait eu la même faveur et le même grade; que le prince le traitait à merveille; qu'il devait être présenté le surlendemain à l'Impératrice, et qu'on l'avait assuré que Sa Majesté était favorablement prévenue en sa faveur. Et puis, avisez-vous, monsieur le souffre-douleur, d'étaler votre profonde sagesse vis-à-vis d'un rejeton d'un amour illégitime qui, pour toute réponse, peut vous rire au nez: en vérité, cela dégoûte du rôle d'oracle si recherché autrefois. Je suis obligé de prévenir mon auguste Souveraine que je ne pourrai me dispenser de recommander à sa haute bienveillance le jeune prince de Craon, qui va aussi faire ses premières dévotions au temple de la gloire et suivant les circonstances, si elles lui sont favorables, chercher à débuter dans le service de l'immortelle. C'est l'unique rejeton d'une illustre maison. Je ne le connais point, mais je suis attaché depuis 35 ans à son

---

ченнымъ, — именно что онъ сынъ своего отца, можетъ быть не очень выгоднымъ для него въ настоящую минуту, онъ уже пускается въ путь и мои мудрые совѣты приходятъ какъ горчица послѣ ужина. Большое счастье для него: ибо первое письмо его изъ Петербурга сообщаетъ, что онъ началъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; что онъ былъ на балѣ у г. вице-канцлера, что принцъ Нассаускій спросилъ его, хочетъ ли онъ служить; что князь фельдмаршалъ Потемкинъ Таврическій (Taurien, а не Tauricien), принялъ его въ свой кирасирскій полкъ въ чинѣ майора; что его товарищъ и другъ Карлъ Швейцеръ, тоже изъ Шомбергова полка, удостоился той же милости и того же чина; что князь обходится съ нимъ превосходно, что онъ черезъ день послѣ того долженъ былъ представляться Императрицѣ, и что его увѣряли, что ея Величество весьма предупреждена въ его пользу. И послѣ того смѣйте, господинъ многострадальный, выказывать вашу глубокую мудрость передъ отпрыскомъ незаконной любви, который въ отвѣтъ можетъ надъ вами только насмѣяться; право, это отнимаетъ охоту играть роль оракула, нѣкогда столь желанную. Я вынужденъ предупредить мою Августѣйшую Государыню, что мнѣ нельзя будетъ не поручить ея высокому благоволенію молодого князя Краона, который тоже будетъ въ первый разъ говѣть въ храмѣ славы и, смотря по обстоятельствамъ, смотря по тому будутъ ли они ему благопріятны, постарается поступить на службу къ безсмертной. Это единственная отрасль знаменитаго дома. Я его не знаю, но я уже 35 лѣтъ питаю привязанность

oncle, le maréchal prince de Beauvau qui, n'ayant pas vu les choses de près, s'imagine qu'un souffre-douleur impérial sey gar ein großes und ansehnliches Thier am griechisch-kaiserlichen Hof. Ce n'est pas à moi de le désabuser, les faits parleront de reste.

Nous avons possédé ici le duc de Würtemberg pendant plusieurs semaines. Il faut qu'il ait aussi une haute idée d'un souffre-douleur impérial, car il lui prodigue les soins les plus recherchés. Il me fait souvent demander audience et ne se paie pas de refus; il faut l'admettre bon gré mal gré. Dans une de ces audiences il m'a notifié formellement que le Pape a reconnu son mariage pour très bon et très canonique, et j'en suis d'autant plus charmé pour le Saint-Père, que j'ai toujours aimé, et pour moi, que l'épouse canonique a, je crois, son premier mari vivant, et qu'elle est de la communion luthérienne comme moi, c'est-à-dire de la seule à qui les joies du ciel soient exclusivement réservées.

Le duc de Richelieu, dont le nom ismaïlitique était Fronsac, et qui vient de faire une course à Londres, a la tête tournée de sa croix de Saint-George, il en a une joie d'enfant. Il ne tardera pas longtemps à se mettre en route pour Iassi. Il dit que le peuple anglais ne veut pas entendre parler de la guerre avec la Russie et qu'il l'affiche en gros caractères à tous les coins des rues, afin que le ministère n'en prétende pas cause d'ignorance.

къ его дядѣ маршалу князю де Бово, который, не видѣвъ дѣла вблизи, воображаетъ что императорскій многострадальный большой и знатный звѣрь при греческо-императорскомъ дворѣ. Не мнѣ его разочаровывать, факты будутъ говорить сами за себя.

Здѣсь пробылъ нѣсколько недѣль герцогъ Виртембергскій. Должно быть, онъ также имѣетъ высокое мнѣніе объ императорскомъ многострадальномъ, потому что самымъ предупредительнымъ образомъ за нимъ ухаживаетъ. Онъ часто испрашиваетъ у меня аудіенціи и не получаетъ отказовъ; надо его принимать поневолѣ. Въ одной изъ этихъ аудіенцій онъ формально мнѣ заявилъ, что папа призналъ его бракъ за весьма законный и весьма каноническій, и я тѣмъ болѣе доволенъ этимъ и за святого отца, котораго я всегда очень любилъ, и за себя, что каноническая супруга кажется имѣетъ живого мужа, и также какъ я лютеранскаго исповѣданія, то есть того, для котораго исключительно уготовано блаженство небесное.

Герцогъ Ришельё, котораго измаильское имя было Фронсакъ, недавно побывалъ въ Лондонѣ. Его Георгіевскій крестъ свернулъ ему голову и онъ радуется ему какъ ребенокъ. Онъ не замедлитъ пуститься въ путь въ Яссы. Онъ говоритъ, что народъ англійскій не хочетъ слышать о войнѣ съ Россіей и заявляетъ объ этомъ крупными буквами на углахъ всѣхъ улицъ, чтобъ министерство не отговаривалось потомъ невѣдѣніемъ.

30 avril (11 mai).

Voilà donc encore un Te Deum dont le souffre-douleur est obligé de faire les frais dans sa chapelle, et que Katinka et son frère Catau et leur mère Emilie vont brailler avec lui en actions de grâces de la victoire du prince Galitsine et de la courtoisie de Hassan-Samsondgi-Bacha, bras droit du foudre de guerre Jussuf-Pacha, qui a bien voulu procurer au prince Galitsine l'occasion de lui présenter quelques rafraîchissements. Je supplie Votre Majesté de considérer que je me suis assez enroué à chanter des Te Deum pour victoires et conquêtes, et que si cela ne finit point, il ne me restera plus un filet de voix pour le Te Deum de la paix après lequel je soupire jour et nuit.

Le général Heymann a été retenu ici par le ministre de la guerre jusqu'à ce moment, mais enfin il part demain. Rien n'ayant changé depuis douze jours, et les apparences de guerre étant les mêmes, je donne ce paquet au général à emporter et persiste dans mon projet de le faire porter à Bacchus par un exprès. Je sais même de très bonne part que le comte de Schulenbourg, qui est, à ce qu'on m'assure, ce qu'ils ont de mieux à Berlin, après avoir dans une effusion de coeur envers quelqu'un, déploré la manière dont les affaires politiques de son maître avaient été conduites depuis le commencement de son règne, a ajouté avec chagrin: «Telle est au-

---

30 апрѣля (11 мая).

Такъ вотъ еще молебенъ, который многострадальный долженъ отслужить въ своей часовнѣ, а Катенька, ея братецъ Като и ихъ маменька Эмилія проревѣть вмѣстѣ съ нимъ въ знакъ благодарности за побѣду князя Голицына и вѣжливость Гассана-Самсонджи-паши, правой руки громоноснаго Юсуфа-паши, который благоволилъ доставить князю Голицыну случай подать ему нѣсколько прохладительныхъ напитковъ. Умоляю Ваше Величество взять во вниманіе, что я уже достаточно охрипъ отъ пѣнія молебновъ за побѣды и завоеванія, и что если это не кончится, то у меня не останется ни одной струйки голоса, чтобъ пропѣть молебенъ по случаю мира, о которомъ я вздыхаю денно и нощно.

Генералъ Гейманъ былъ задержанъ здѣсь военнымъ министромъ до настоящей минуты, но наконецъ завтра ѣдетъ. Такъ какъ ничего не измѣнилось въ эти двѣнадцать дней и признаки войны все тѣ же, то я отдаю этотъ пакетъ генералу для доставленія и настаиваю на своемъ намѣреніи отправить его Бахусу съ нарочнымъ. Я знаю даже изъ весьма хорошаго источника, что графъ Шуленбургъ, который, какъ меня увѣряютъ, лучшій человѣкъ въ Берлинѣ, въ откровенномъ изліяніи кому-то выразившій сожалѣніе о томъ какъ велись политическія дѣла его государя съ самаго начала его царствованія, прибавилъ съ огорченіемъ: «Таково нынѣ положеніе, въ которое

jourd'hui la position où l'on nous a précipités que si nous ne faisons pas la guerre, c'en est fait de la réputation et de l'existence prussienne». Il estimait donc la guerre inévitable. On dit aussi qu'on a trouvé dans les papiers du feu roi un mémoire où il recommande sur toutes choses de ne jamais entreprendre une guerre pareille à celle qu'on projette, et où il donne cependant le seul plan de campagne praticable si l'on était réduit à la nécessité de la faire, et que c'est ce plan qu'on se propose de suivre. Dans cette position de choses je persiste à penser que ce n'est pas à un chétif souffre-douleur à décider si la proposition d'un homme tel que M. de Bouillé, qui connaît parfaitement et profondément les Anglais et la machine prussienne, et de son bras droit Heymann, qui possède aussi cette dernière à fond, mérite ou non l'attention de l'immortelle, et je ne peux m'en assurer que moyennant un exprès. J'exige que ma souveraine dominatrice me dise: souffre-douleur, *j'approuve* ou bien je *désapprouve* ta conduite. Cela suffira pour la faire juger par les gens de Grimma en dernier lieu et sans appel. Quant aux deux sommes ci-dessus indiquées, je viens de m'en expliquer avec M. de Heymann; il suffirait qu'ils pussent en disposer entre mes mains dans tout le courant de l'année. Je ne leur paierais d'abord que ce qu'il faudrait pour les frais de leur équipage et de leur voyage, et successivement ils m'assigneraient, après leur arrivée à leur glorieuse destination, ceux à qui ils doivent en France et je les paierais. Je n'aurais donc be-

---

ввергли насъ, что если мы не будемъ воевать, то репутація и существованіе Пруссіи погибли.» Онъ считалъ стало-быть войну неизбѣжною. Говорятъ также, что нашли въ бумагахъ покойнаго короля записку, въ которой онъ болѣе всего совѣтуетъ никогда не предпринимать войны, подобной той, которую затѣваютъ, и гдѣ онъ излагаетъ однако единственный исполнимый планъ кампаніи, еслибъ необходимость вынудила къ войнѣ, и этому плану собираются послѣдовать. Въ этомъ положеніи вещей я твердо вѣрю, что не ничтожному многострадальному рѣшать, заслуживаютъ ли или нѣтъ вниманія безсмертной предложенія человѣка, какъ г. Буйе, отлично и глубоко знающаго Англичанъ и прусскую машину, и его правой руки г. Геймана, который также основательно изучилъ послѣднюю, и я могу удостовѣриться въ этомъ только съ помощью нарочнаго. Я требую, чтобъ моя верховная владычица сказала мнѣ: многострадальный я одобряю или порицаю твое поведеніе. Этого достаточно будетъ, чтобъ его обсудили рѣшительно и безповоротно обитатели Гриммы. Что касается до двухъ здѣсь означенныхъ суммъ, я только что объяснился объ нихъ съ г. Гейманомъ; было бы достаточно еслибъ онѣ были переданы въ мои руки чтобъ они могли располагать ими на весь годъ. Я сначала вручилъ бы имъ только издержки, необходимыя на ихъ обмундированіе и дорогу, а по пріѣздѣ своемъ къ славному назначенью, они указывали бы мнѣ постепенно тѣхъ, кому они должны во Франціи, и я бы имъ уплачивалъ. И

soin que d'une lettre de crédit à Francfort sur les sommes en question, et je ne les toucherais que successivement par portion sur les mandats des deux généraux. Je suis au bout de mon temps, de mes forces et de mon papier; mais mon coeur n'est pas soulagé. Il faut que j'expire victime de ma passion et de ma dévotion pour l'immortelle; c'est une mort bien violente et bien douce.

Instruction de M. le marquis de Bouillé à son ambassadeur M. de Heymann.

Je demande un grade supérieur à celui que j'ai dans le commandement d'un corps en activité, une pension quelconque assurée après la fin de la guerre, ou à mon fils, si je meurs pendant la guerre, une gratification honnête pour l'arrangement de mes affaires, mes frais de voyage et mon équipage.

Un grade supérieur pour l'officier général et les officiers que je mènerai avec moi, et les mêmes avantages dans la proportion.

C'est dans le cas de guerre, qu'on propose de servir en Russie, et d'y mener de bons officiers de toute arme. Quand elle sera finie, il me sera libre de rester au service de Russie ou de la quitter. Et dans le premier cas, il me sera donné un commandement assorti à mon grade.

такъ мнѣ нуженъ только вексель на Франкфуртъ на вышеупомянутыя суммы, и я бралъ бы ихъ только постепенно, частями, по ассигновкамъ двухъ генераловъ. Я чувствую истощеніе своего времени, силъ и бумаги; но сердце мое не облегчилось. Я долженъ умереть жертвой своей страсти и своей благоговѣйной преданности безсмертной: это смерть самая насильственная и самая сладкая.

Инструкція г. маркиза де Буйе его посланнику г. Гейману.

Я прошу высшаго, противъ моего настоящаго, чина при командованіи дѣйствующимъ корпусомъ, какой-нибудь пенсіи по окончаніи войны, или моему сыну, въ случаѣ моей смерти въ продолженіе войны, испрашиваю приличное пособіе для устройства моихъ дѣлъ, издержки моего путешествія и экипажъ. Высшіе чины для генерала и для офицеровъ, которыхъ я привезу съ собой, и тѣ же преимущества въ соразмѣрности. Предложеніе служить въ Россіи и привезти туда хорошихъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія дѣлается на случай войны. Когда же война будетъ окончена, я буду воленъ остаться на службѣ въ Россіи, или покинуть её. И въ первомъ случаѣ мнѣ будетъ дано командованіе, соотвѣтствующее моему чину.

39.

Extraits de la correspondance de Reinsberg avec le souffre-douleur, relatifs à un seul objet.

PRÉFACE.

Pour pouvoir juger équitablement ces différents fragments, il sera nécessaire de se replacer dans le moment que leurs dates respectives indiquent.

Année 1790.

Du 22 janvier.

Oui, mon ami, il est très possible que le feu de la guerre s'allume, dans les commencements point en Allemagne; mais si les événements sont contraires, cela pourrait bien finir en Allemagne. Ce feu de discorde nous vient d'un favori ultramontain du feu Roi[1]). La paix avec les Turcs et la mort de l'Empereur qu'on regarde comme certaine, pourraient conserver la paix. Certaine grande dame d'ailleurs, si elle voulait un peu, assoupirait facilement ces troubles. Je ne suis point mêlé dans tout cela, Dieu merci.

[1]) Le marquis de Lucchesini.

39.

Выписки изъ Рейнсбергской корреспонденціи съ многострадальнымъ, относящіяся къ одному предмету.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобъ судить правильно объ этихъ разнородныхъ отрывкахъ, необходимо перенестись въ тѣ минуты, на какія указываютъ ихъ числа.

Годъ 1790.

Отъ 22 января.

Да, другъ, мой, возможно, что пламя войны вспыхнетъ вначалѣ не въ Германіи; но если событія будутъ неблагопріятны, это можетъ кончиться и въ Германіи. Это пламя раздора происходитъ у насъ отъ ультрамонтанскаго любимца покойнаго короля[1]). Миръ съ Турками и смерть Императора, которую считаютъ неизбѣжною, могли бы сохранить миръ. Нѣкоторая знатная дама однако, еслибъ немножко того захотѣла, легко успокоила бы эти волненія. Я, слава Богу, ни во что подобное не замѣшанъ.

[1]) Маркизъ Луккезини.

Du 6 février.

Un voyage de six jours à Berlin m'a empêché de vous écrire. Quoique le Roi ait de bons procédés et tout l'extérieur de l'amitié pour moi, j'ai été néamoins très content de revenir dans mon ermitage. Je suis trop vieux pour me traîner là où je ne suis ni utile ni nécessaire; d'ailleurs la société a si fort changé que sur dix personnes que je rencontre, à peine en connais-je une. J'ai vu Nesselrode, sans beaucoup lui parler; mais j'ai pu un peu plaisanter. Je souhaite qu'il fasse un long séjour à Berlin. Au reste j'ignore si nous aurons guerre ou paix, et je crois que tout le monde l'ignore. Ce que je sais pour sûr, c'est qu'en cas de guerre, on ne songera pas à moi. Je n'en suis nullement affligé; je le serais si j'étais obligé de m'embarquer dans un mauvais navire.

Du 18 février.

Quand on a joué 64 ans la comédie sur le théâtre de ce monde[1]), on fait bien de tirer le rideau, avec d'autant plus de raison qu'on ne m'offrira jamais un rôle à jouer, et que c'est encore un bonheur de pouvoir se retirer d'une troupe composée de tant de mauvais acteurs.

[1]) A propos de son 64 anniversaire.

Отъ 6 февраля.

Шестидневное путешествіе въ Берлинъ помѣшало мнѣ писать вамъ. Хотя король хорошо поступаетъ со мною и внѣшнимъ образомъ показываетъ мнѣ дружбу, я однако былъ очень доволенъ, что возвратился въ свое уединеніе. Я слишкомъ старъ, чтобъ тащиться туда, гдѣ я вовсе не могу быть ни полезенъ, ни нуженъ; къ тому же общество такъ измѣнилось, что изъ десяти лицъ, которыя мнѣ попадаются, я едва знаю одно. Я видѣлъ Нессельроде и немного говорилъ съ нимъ, но могъ немножко пошутить. Желаю, чтобъ его пребываніе въ Берлинѣ было продолжительно. Впрочемъ я не знаю будетъ ли у насъ война или миръ, и полагаю, что никто этого не знаетъ. Одно я знаю навѣрное, что, въ случаѣ войны, ко мнѣ не обратятся. Я этимъ вовсе не огорченъ; я болѣе бы огорчился, когда бы долженъ былъ пуститься въ море на плохомъ суднѣ.

Отъ 18 февраля.

Когда 64 года приходилось играть комедію на сценѣ этого міра[1]), хорошо задернуть занавѣсъ, и это тѣмъ болѣе разумно, что мнѣ не предложатъ роли, и что наконецъ большое счастіе, когда можешь удалиться отъ труппы, составленной изъ столькихъ плохихъ актеровъ.

[1]) По случаю 64 лѣтней годовщины его рожденія (Примѣч. Гримма).

Du premier mars.

Mes craintes de la guerre s'affaiblissent de jour en jour. Je n'y ai jamais trop cru, et je suis très content de ne m'être point trompé dans mon calcul, parceque c'eût été un grand malheur pour ce pays-ci. Ajoutez à cela ce que vous saurez à l'heure qu'il est, que Joseph est mort le 20 du mois passé. On assure que son successeur est très pacifique, mais ces messieurs, héritiers de couronnes, changent quelquefois avec leur fortune. Je veux le voir assis sur son trône d'Hongrie et de Bohême avant de le juger. Il aime l'argent, à ce qu'on dit, autant que feu son frère. On ne croit pas qu'il veuille rester lié étroitement avec les amis de feu son frère; on dit ici que ces derniers recherchent l'amitié d'Albion. Je vous conte toutes ces fadaises politiques, auxquelles je n'ai aucune part.

Du 7 mars.

Nous sommes encore dans l'incertitude sur la paix et la guerre. Je n'en sais autre chose que ce que le public et quelques anciens amis m'apprennent. C'est notre grand Hertzberg qui met les fer dans la forge. Il serait digne d'une place parmi les enragés; son éloquence, à la vérité, céderait à celle des Barnave et des Mirabeau; mais en revanche personne ne dirait plus noble-

---

От первагo марта.

Мои опасенія насчетъ войны уменьшаются со дня на день. Я всегда не слишкомъ то въ неё вѣрилъ, и очень доволенъ, что не ошибся въ своемъ расчетѣ, потому что это было бы великимъ бѣдствіемъ для страны. Прибавьте то, что̀ вамъ теперь конечно уже извѣстно, что Іосифъ умеръ 20 числа прошедшаго мѣсяца. Увѣряютъ, что его преемникъ весьма миролюбивъ, но эти господа, наслѣдники коронъ, измѣняются иногда вмѣстѣ съ своей фортуной. Я желаю его видѣть на его Венгерскомъ и Богемскомъ престолѣ, прежде чѣмъ буду судить о немъ. Онъ, говорятъ, любитъ деньги, столько же сколько покойный братъ его. Не думаютъ, чтобъ онъ захотѣлъ остаться въ тѣсной дружбѣ съ друзьями его покойнаго брата; здѣсь говорятъ, что эти послѣдніе ищутъ дружбы Альбіона. Я вамъ разсказываю всѣ эти политическія пошлости, въ которыхъ самъ не принимаю никакого участія.

Отъ 7-го марта

Мы еще въ неизвѣстности насчетъ мира и войны. Я не знаю объ этомъ ничего иного, кромѣ того, что̀ говоритъ мнѣ публика и нѣкоторые старые друзья. Нашъ великій Герцбергъ подкладываетъ желѣзо въ кузницу. Онъ былъ бы достоинъ занять мѣсто между бѣшеными [1]). Правда, что въ краснорѣчіи онъ уступилъ бы Барнавамъ и

---

[1]). Намёкъ на Француз. Assemblée nationale.

ment des injures. J'espère que, malgré tout son venin, la tranquillité se rétablira. Puisse votre santé en faire de même!

Du 22 mars.

Je ne crois nullement à la guerre. Je n'y ai jamais cru. Il est vrai qu'il se fait des choses si extraordinaires dans ce petit coin du monde que je suis trop téméraire peut-être de prononcer si hardiment mon opinion sur un contingent futur; mais je raisonne d'après la position actuelle. Elle n'est pas telle que nous puissions guerroyer, à moins de prendre un grain d'ellébore de plus: car nous sommes à la mode, et nous avons aussi nos enragés.

Du 29 mars.

Je crains que mes conjectures ne se vérifient pas. Depuis qu'un Italien [1]) s'est mis dans la politique, et qu'il vise continuellement au même but, quoiqu'il ait été souvent contrarié dans ses entreprises, il ne faut jurer de rien. Il paraît par mes dernières lettres qu'il a envoyé un grimoire de conséquence; et s'il est signé, vous jugerez vous-même combien les difficultés deviendront

[1]) Le marquis Lucchesini.

Мирабо; но за то никто не говорилъ бы дерзостей такъ благородно. Надѣюсь, что несмотря на его ядовитость, спокойствіе возстановится. Да будетъ также и съ вашимъ здоровьемъ:

Отъ 22 марта.

Я вовсе не вѣрю войнѣ. Я никогда ей не вѣрилъ. Правда, что въ этомъ уголкѣ происходятъ такія необыкновенныя вещи, что я можетъ-быть слишкомъ смѣло произношу свое мнѣніе о будущей случайности; но я разсуждаю на основаніи настоящаго положенія. Оно не таково, чтобъ мы могли воевать, развѣ примемъ лишнее зернышко белены: потому что мы живемъ по модѣ и имѣемъ также своихъ бѣшеныхъ.

Отъ 29 марта.

Я боюсь, что мои догадки не оправдаются. Съ тѣхъ поръ, какъ Итальянецъ [1]) замѣшался въ политику, и постоянно мѣтитъ въ ту же цѣль, хотя и часто встрѣчалъ противорѣчія своимъ предпріятіямъ, нельзя ни за что ручаться. По моимъ послѣднимъ письмамъ кажется, что онъ послалъ тарабарскую грамоту въ этомъ смыслѣ; и если она подписана, вы сами можете судить насколько затруднится возстановленіе по-

[1]) Маркизъ Луккезини.

plus grandes pour remettre l'ordre et l'harmonie sur ce vilain tas de boue qu'on appelle le monde, et où il y a depuis un an tant de troubles et de désordres, tandis que le bonheur n'est nulle part. Nous pourrons nous adresser des jérémiades réciproquement.

P. S. Dieu sait où j'établirai mon séjour; car ce qui est certain, c'est que je n'entre pour rien dans tout ce qui se fait, et que, si la barque se met en mer, les pilotes sont déjà choisis.

Du 2 avril.

Je ne suis pas joyeux et n'ai nul sujet de l'être. Je crois que les orages éclateront de tous côtés. Il est impossible de se former une idée des choses d'ici; cela ressemble à une assemblée nationale; dans le moment je ne puis trouver une comparaison qui me paraisse pire. Pensez un peu, mon cher ami, à quelque endroit où nous puissions réunir quelques amis et passer quelques mois tranquillement ensemble. Il faut que je sorte d'ici. Le soupçon seul que je puisse savoir quelque chose et opiner du bonnet me blesse. Cela est si peu vrai que l'on ne m'écrit ni ne me dit rien. Un Italien, un fou de ministre[1]), un bon homme[2]) brassent tout entre eux; c'est une affaire

[1]) Le grand comte de Herzberg.
[2]) Fr. Gu.

рядка и гармоніи на этой дрянной кучѣ грязи, именуемой міромъ, и гдѣ вотъ уже съ годъ такія волненія и безпорядки, тогда какъ счастія нѣтъ нигдѣ. Мы будемъ взаимно обращать другъ къ другу іереміады.

P. S. Богъ знаетъ гдѣ осную я свое мѣстопребываніе; ибо вполнѣ вѣрно, что я не вхожу нисколько во все что дѣлается и что если барка пускается въ море, то кормчіе уже выбраны.

Отъ 2-го апрѣля.

Я вовсе не веселъ и не имѣю никакой причины къ веселью. Я думаю, что гроза грянетъ со всѣхъ сторонъ. Невозможно составить себѣ понятіе о здѣшнихъ дѣлахъ; это походитъ на національное собраніе; въ эту минуту я не могу найти сравненія, которое казалось бы мнѣ хуже. Подумайте только, любезный другъ мой, о такомъ мѣстечкѣ, гдѣ мы могли бы соединить нѣсколько друзей и провести спокойно нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ. Я долженъ удалиться отсюда. Одно подозрѣніе, что я могу что-нибудь знать и всему поддакивать, оскорбляетъ меня. Это такъ мало справедливо, что мнѣ не пишутъ и не говорятъ ничего. Итальянецъ, безумный министръ[1]), простачокъ[2]) все стряпаютъ между собою; это ужасно. Однимъ словомъ, мнѣ надо удалиться

[1]) Великій графъ Герцбергъ.
[2]) Братецъ Густавъ (Frère Gu).

horrible. Enfin, il faut que j'en sorte; mais comme par cet événement mes finances pourraient se trouver étrangement dérangées, il faudrait faire tomber le choix sur un petit endroit où l'on vivrait à bon marché.

Du 5 avril.

Que ne puis-je soutenir vos espérances à l'égard de la paix! Je raisonnais d'après le peu de bon sens que la nature m'a départi, et d'après quelques légères connaissances que mon expérience me donne; mais la politique entre certaines mains devient un vrai labyrinthe, et nous sommes à cet égard en aussi grande confusion qu'on l'est en France, avec la différence que chez vous c'est presque toute la nation qui a pris de l'ellébore, tandis que chez nous des gens de toute espèce en ayant pris une bonne dose, bouleversent tout. Je me trouve au milieu de tout cela, sans qu'on me demande mon avis sur la moindre chose, et j'avoue que je le dois envisager relativement à moi comme un bonheur; écarté comme je suis, le blâme ne peut tomber sur moi. Si je devais être consulté par ces ligueurs, je les quitterais bien vite, et la partie la moins saine, qui est la multitude, m'accuserait d'abandonner les intérêts de la patrie. Une lueur reste encore: on prétend que les Anglais veulent la paix, et je crois que Léopold ne sera nullement difficile, mais je crains un peu votre grande amie, laquelle est d'une roi-

---

но такъ какъ это обстоятельство необыкновенно разстроитъ мои финансы, нужно бы выбрать мѣстечко, гдѣ жилось бы дешево.

Отъ 5 апрѣля.

Отчего не могу я поддержать ваши надежды на миръ! Я разсуждалъ съ помощью того небольшого здраваго смысла, которымъ надѣлила меня природа, и по нѣкоторымъ легкимъ познаніямъ, которыя дала мнѣ опытность; но политика въ извѣстныхъ рукахъ становится настоящимъ лабиринтомъ, и мы въ этомъ отношеніи въ такомъ-же великомъ хаосѣ, какъ и Франція, съ тою разницей, что у васъ вся нація объѣлась белены, тогда какъ у насъ нѣкоторые люди изо-всѣхъ классовъ приняли порядочное количество этого зелья и все перевертываютъ вверхъ дномъ. Я нахожусь посреди всего этого и у меня не спрашиваютъ совѣта даже въ малѣйшемъ дѣлѣ; но, признаюсь, я долженъ смотрѣть на это въ отношеніи къ себѣ какъ на счастье; я такъ въ сторонѣ отъ всего, что на меня не можетъ пасть никакого нареканія. Еслибъ со мной должны были совѣтоваться эти заговорщики, я скоро бы ихъ покинулъ; и наименѣе здравая часть общества, которая есть толпа, обвинила бы меня въ томъ что я покидаю интересы родины. Еще остается лучъ надежды: говорятъ, что Англичане хотятъ мира, и я полагаю, что Леопольдъ вовсе не будетъ требователенъ: но я боюсь немножко вашей большой пріятельницы, которая чрезвычайно неподат-

deur extrême: enfin il faut attendre. Le duc[1]) a été appelé pour une couple de jours. S'il avait autant de force d'esprit dans la discussion sur des objets graves qu'il a de courage vis-à-vis d'une batterie de canons, tout serait bien; mais c'est là le grand mais... Le reste est —

Un tas de gens sans nom,
Qui, lâchement flatteurs etc.

Un ministre[2]) parmi eux, qui se dit homme de lettres. Je ne sais si vous l'en croyez sur sa parole, car vous aurez lu ses contes bleus.

Du 16 avril,

Mais je m'occupe de ce qui se passe chez vous, tandis que les papillons noirs voltigent autour de moi: non que je sois occupé par des affaires; je les sais toutes à la vérité, mais ceux qui auraient pu me les dire il y a plusieurs mois, me les cachent jusqu'à ce moment. On distribue le commandement des troupes, on arrange, dérange, on fait du fracas; je dois même vous avouer que dans l'état des choses je suis très content de me

[1]) de Brunswic.
[1]) Hertzberg.

лива: словомъ надо подождать. Герцогъ[1]) былъ вызванъ дня на два. Еслибъ онъ имѣлъ столько же силы ума въ обсужденіи важныхъ дѣлъ, сколько у него храбрости передъ пушечной батареей, все было бы хорошо; но въ этомъ-то и заключается большое но...... Остальное —

Толпа людей безъ имени,
Которые подло льстивы и проч.

Одинъ министръ[2]) среди нихъ, выдающій себя за литератора. Не знаю, вѣрите ли вы ему на слово, ибо вы конечно читали его сказки.

Отъ 16 апрѣля.

Но я занимаюсь тѣмъ что у васъ дѣлается, тогда какъ черныя бабочки летаютъ вокругъ меня: не то, чтобъ я былъ занятъ дѣлами; правда, я всѣ ихъ знаю; но тѣ, кто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ могли бы мнѣ разсказать ихъ, скрываютъ ихъ отъ меня до этой минуты. Распредѣляютъ начальствованіе войсками, устраиваютъ, разстраиваютъ, шумятъ; я долженъ признаться вамъ, что въ та-

[1]) Брауншвейгскій.
[2]) Герцбергъ.

trouver hors de cour et de procès. L'armée entière avec armes et bagages sera prête à marcher le 16 du mois prochain. Je crois qu'on transportera même une partie de cette armée en Silésie, et qu'y fera-t-on? Je réponds la paix. Je ne puis juger que d'après mes lumières et avec les données que j'ai, et j'en conclus la paix. L'homme qui était fou lorsque j'étais à Paris, ou pour mieux dire, son grand homme d'affaires[1]) s'y emploie tout entier, et à moins que votre grande amie, la Catau de Voltaire, ne s'y oppose, elle se fera, et c'est encore pour d'autres que pour nous-mêmes que notre argent aura été dépensé. Ce tableau doit m'obtenir mon pardon, si je vous parais avoir de l'humeur.

Du 30 avril.

Je n'ai pu, mon cher ami, vous écrire plus tôt. Les maux domestiques m'affligent. Quoique je n'entre pour rien ni politiquement ni militairement dans le désordre politique et militaire de ce pays, j'en sens encore le poids, et comme les suites en pourraient être fâcheuses, je me prépare à l'éprouver encore davantage. A la fin de ma carrière je me trouve dans le cas des Danaïdes: car à quoi me sert-il d'avoir exposé mes jours pendant onze campagnes, d'avoir fait deux voyages en Russie, d'avoir passablement réussi

[1]) Frère George et M. Pitt.

комъ положеніи вещей я даже очень доволенъ, что не играю роли при дворѣ и въ дѣлахъ. Вся армія съ оружіемъ и обозами будетъ готова выступить 16-го будущаго мѣсяца. Я полагаю, что даже перевезутъ часть этой арміи въ Силезію; но что станутъ тамъ дѣлать? Отвѣчаю: заключать миръ. Я могу судить только по своему разуму и тѣмъ даннымъ, которыя имѣю, и мое заключеніе — это миръ. Человѣкъ, сошедшій съ ума когда я былъ въ Парижѣ, или, лучше сказать, его великій дѣлецъ[1]) совершенно себя этому посвятили, и только бы ваша великая пріятельница, Като Вольтера, тому не воспротивилась, этотъ миръ будетъ заключенъ, и опять наши деньги будутъ истрачены для другихъ, а не для насъ. Эта картина должна мнѣ заслужить ваше прощеніе, если вамъ покажется, что я не въ духѣ.

Отъ 30 апрѣля.

Я не могъ, любезный другъ, написать вамъ ранѣе. Домашнія невзгоды меня огорчаютъ. Хотя я ни политически, ни по дѣламъ военнымъ нисколько не вмѣшиваюсь въ политическій и военный безпорядокъ этой страны, я все-таки испытываю его тягость, и такъ какъ послѣдствія могутъ быть бѣдственны, я приготовляюсь къ испытанію еще болѣе тяжелому. Въ концѣ своей карьеры я нахожусь въ положеніи Данаидъ: ибо къ чему служитъ то, что я подвергалъ жизнь свою опасности въ одиннадцати походахъ, что я сдѣлалъ два путешествія въ Россію, что имѣлъ изряд-

[1]) Братецъ Георгъ и г. Питтъ.

à Versailles en 1784? Tout est détruit, et comment? et par qui? Ah, il y a des démagogues partout! Cependant il reste encore une lueur d'espérance, mais elle est faible; d'ailleurs l'ineptie engage une discorde qu'il sera difficile par la suite de terminer.

Du 3 mai.

La situation de la France est affligeante, mais sous d'autres formes nous serons ici peut-être très mal aussi. Ce n'est pas qu'on ne pût encore très bien se tirer du labyrinthe où l'on s'est engagé; mais avec les ouvriers qui sont en place, on ne peut rien espérer de bon. L'armée avec armes et bagages pourra entrer vers la fin du mois en campagne; au moins elle fera une promenade en Silésie, et cet intervalle pourrait encore devenir utile. Il est douloureux de voir dépérir autour de soi l'édifice auquel on a travaillé; mais quand on n'a aucun reproche à se faire, quand on n'a aucun moyen pour l'empêcher, il faut se résigner.

Du 6 mai.

Nous sommes ici entre le ziste et le zeste. Si la raison, le bon sens, la saine politique nous gouvernaient, je vous dirais: nous conserverons la paix;

ный успѣхъ въ Версали въ 1784 г.? Все уничтожено, но какъ? и кѣмъ? Ахъ, вездѣ есть демагоги! Однакоже остается еще лучъ надежды, но слабый; впрочемъ неспособность начинаетъ распрю, которую впослѣдствіи трудно будетъ окончить.

Отъ 3 мая.

Положеніе Франціи печально; но подъ другими формами и намъ можетъ-быть здѣсь будетъ очень худо. Не то, чтобъ было совершенно невозможно выпутаться изъ лабиринта, въ который мы попали; но съ тѣми работниками, которые на мѣстахъ, нельзя ожидать ничего путнаго. Армія съ боевыми припасами и обозами можетъ къ концу мѣсяца выступить въ походъ; по крайней мѣрѣ она сдѣлаетъ прогулку въ Силезію, и этотъ промежутокъ времени можно бы еще употребить съ пользою. Тяжело видѣть, какъ вокругъ насъ рушится зданіе, за которымъ мы работали; но когда не въ чѣмъ себя упрекнуть, когда нѣтъ средствъ помѣшать тому, надо покоряться.

Отъ 6 мая.

Мы здѣсь въ неопредѣленномъ положеніи. Еслибъ разсудокъ, здравый смыслъ, здравая политика управляли нами, я сказалъ бы вамъ: мы сохранимъ миръ; но такъ

mais comme les têtes ches nous sont d'une nature nullement surprenante, que la cervelle n'est pas placée dans des organes très élastiques; que le gros bon sens que les Allemands ont quelquefois, a été confondu par du jus sarmate[1]); que ces têtes ont donné dans un labyrinthe, et que lorsqu'elles ne sauront comment en sortir, elles s'en reposeront sur leurs bras, pour frapper à droite, à gauche, même au vent, tout ce beau raisonnement me fait connaître que je ne suis qu'un sot, car je ne comprends rien à leur sublime conduite. Dans une couple de semaines on dit que toute l'armée se mettra en marche. Je crois qu'on tirera à la courte paille paix ou guerre, car la raison est logée très loin de là. Vous voyez, mon cher ami, que je vous rends folies pour folies. Les vôtres vous viennent d'esprits exaltés; des nôtres il faut rayer le mot esprit totalement.

Du 17 mai.

(48-e anniversaire de la premiere bataille à laquelle j'assistai).

Mais je raisonne sur les affaires de France, et ne suis rien moins qu'un aigle dans mon pays. Il est impossible d'y porter un jugement. Plus il se-

[1]) Cette expression, qui ne présente pas un sens bien déterminé, n'est pas autrement lisible dans l'original.

какъ головы у насъ вовсе не удивительнаго устройства, такъ какъ мозгъ не находится въ особенно гибкихъ оболочкахъ, и тяжелый здравый смыслъ, которымъ иногда обладаютъ Нѣмцы, былъ разбавленъ сарматскимъ сокомъ[1]); такъ какъ головы эти запутались въ лабиринтѣ, изъ котораго выпутаться могутъ только съ помощію рукъ, хлопая направо и налѣво, даже по воздуху, все это прекрасное разсужденіе показываетъ мнѣ, что я глупецъ, ибо вовсе не понимаю ихъ высокаго образа дѣйствія. Недѣли черезъ двѣ, говорятъ, вся армія выступитъ въ походъ. Я думаю, что станутъ бросать соломенками жеребій, миръ или война, потому что разумъ очень далекъ ото всего этого. Вы видите, милый другъ, что я вамъ плачу дурачествами за дурачества. Ваши происходятъ отъ разгоряченныхъ умовъ; изъ нашихъ надо вычеркнуть слово умъ совершенно.

Отъ 17 мая.

(48-я годовщина перваго сраженія, на которомъ я присутствовалъ).

Но я разсуждаю о дѣлахъ Франціи, и менѣе всего могу быть орломъ въ своей странѣ. Невозможно произнести о ней сужденія. Чѣмъ болѣе правильно оно было бы,

[1]) Это выраженіе, не представляющее вполнѣ опредѣленнаго смысла, не иначе читается въ подлинникѣ. (Примѣч. Гримма).

rait dans les règles, plus il serait trompeur; et comme les bases qu'on a voulu établir pour faire la guerre sont mauvaises, il s'en suit que tout ce qui se fait est versatile. Je vouś jure que dans ce moment personne ne peut assurer si la guerre se fera ou si l'on conservera la paix. Je penche pour la dernière de ces opinions, point du tout parce que c'est sans contredit le parti le plus sage, mais par un motif fondé sur les petites causes[1]) qui influent sur les grandes; et il est certain que si ces petites causes nous conservent la paix, les Prussiens leur devront un temple: car un ministre impudent et vain nous a jetés dans un cercle de contradictions dont il serait d'ailleurs difficile de se tirer. Mille remercîments de l'éclaircissement sur Luc. Si le Luc de Voltaire eût pu mentir, la comparaison eût été encore plus juste; car il n'est pas possible de trouver plus de mensonges rassemblés que dans l'Histoire de la guerre de sept ans par Luc.

---

[1]) Les sorciers disent qu'il pourrait bien être question ici de la femme du Roi qui n'est pas Reine; mais lorsque quelques lignes plus bas il est question d'un ministre impudent où il y a eu peut-être une *r* d'oubliée, les sorciers n'y sont plus: car, disent-ils, ce ne peut être le grand Hertzberg, attendu que le gazetier politique du Mercure de France, qui est lui même un très grand homme, nous certifie régulièrement tous les huit jours que ce grand ministre est l'arbitre de l'Europe.

тѣмъ болѣе вышло бы обманчиво, и такъ какъ основанія, на которыхъ затѣяли воевать, дурны, то изъ этого слѣдуетъ, что все дѣлается легкомысленно. Клянусь вамъ, что въ эту минуту никто не можетъ сказать достовѣрно, будетъ ли война, или миръ сохранится. Я склоняюсь къ послѣднему изъ этихъ мнѣній, вовсе не потому чтобъ это было навѣрно самое мудрое изъ рѣшеній, но по причинѣ основанной на томъ, что мелкія обстоятельства[1]) вліяютъ на крупныя; и вѣрно, что если эти маленькія причины сохранятъ намъ миръ, Пруссаки должны будутъ воздвигнуть имъ храмъ: потому что безстыдный и тщеславный министръ бросилъ насъ въ кругъ противорѣчій, изъ которыхъ впрочемъ трудно выпутаться. Тысяча благодарностей за объясненіе о Лукѣ. Еслибъ Лука Вольтера могъ лгать, сравненіе было бы еще справедливѣе; потому что невозможно найти болѣе лганья, собраннаго воедино, какъ въ исторіи семилѣтней войны Луки.

---

[1]) Колдуны говорятъ, что здѣсь рѣчь можетъ итти о женѣ короля, которая не королева; но когда нѣсколько строчекъ ниже рѣчь идетъ о безстыдномъ министрѣ, гдѣ можетъ быть одно *r* было забыто *), колдуны становятся въ тупикъ: ибо, говорятъ они, это не можетъ быть великій Герцбергъ, такъ какъ газетчикъ-политикъ Французскаго Меркурія, который самъ очень великій человѣкъ, увѣряетъ насъ акуратно каждую недѣлю, что этотъ великій министръ — рѣшитель судебъ Европы.

---

*) impudent — imprudent.

Du 27 mai.

Ici on nous a engagés, et pour parler clair, c'est le fameux Herzberg qui par tout plein de traités incohérents pour la Prusse, nous a placés dans un labyrinthe. On attend un courrier le 29 de Vienne. Je crois que l'on pourra après l'arrivée de ces dépêches se tirer encore tant bien que mal d'affaire; mais l'article des vivres forcera les troupes d'aller en Silésie pour y subsister. Enfin si sur toute cette affaire je pouvais parler, on verrait qu'une tête épuisée, allemande, vandale et gothique, peut faire autant de mal qu'en fait quelquefois une tête légère. J'ai toujours abhorré ce Hertzberg. Du vivant du feu Roi je le tenais serré, mais à présent il peut s'échapper. Cet homme vain, glorieux, rempli de tous les défauts les plus bas, ignorant, écrivant comme un cochon, était autrefois appelé le ministre patriote; je n'étais du nombre de ceux qui faisaient son éloge; à présent il est connu, honni et on l'abhorre[1]). Si la guerre se fait, il n'y aura guère d'événements cette année; la position des Autrichiens est telle qu'on ne leur fera guère de mal. Voilà ce qui me rendit la guerre en 1778 si odieuse, voilà ce qu'un ministre prussien ne devrait pas ignorer. Les bras me tombent quand je réfléchis sur tout cela.

[1]) Les sorciers ne se doutaient guère de toucher de si près au panégyrique complet de l'arbitre de l'Europe; il faut qu'ils ne soient pas grands sorciers.

Отъ 27 мая.

Здѣсь насъ запутали, и чтобъ говорить ясно, это знаменитый Герцбергъ, разными безсмысленными для Пруссіи трактатами завелъ насъ въ лабиринтъ. Ожидаютъ курьера изъ Вѣны 29-го числа. Я думаю, что и по прибытіи этихъ депешъ еще можно будетъ выпутаться кое-какъ изъ бѣды; но вопросъ о продовольствіи заставитъ войска итти въ Силезію, чтобъ тамъ существовать. Наконецъ, еслибъ я могъ говорить объ этомъ дѣлѣ, то открылось бы что истощенная голова, нѣмецкая, вандальская и готическая, можетъ столько же надѣлать зла, сколько и голова легкомысленная. Я никогда терпѣть не могъ этого Герцберга. При жизни покойнаго короля я его держалъ въ тискахъ, но теперь онъ можетъ ускользнуть. Этотъ человѣкъ тщеславный, надменный, исполненный всѣхъ недостатковъ самыхъ низкихъ, невѣжественный, пишущій какъ свинья, нѣкогда слылъ министромъ патріотомъ; я не былъ въ числѣ тѣхъ, кто восхвалялъ его; теперь онъ узнанъ, его проклинаютъ и ненавидятъ[1]). Если будетъ война, то не будетъ никакихъ событій въ этомъ году; положеніе Австрійцевъ таково, что имъ никакъ не повредятъ. Вотъ почему война 1778 года была мнѣ столь ненавистна, вотъ что прусскій министръ долженъ бы знать. Руки опускаются, когда я обо всемъ этомъ думаю.

[1]) Колдуны вовсе не подозрѣвали, что они такъ близки къ полнѣйшему панегирику рѣшителя судебъ Европы; видно, что они не великіе колдуны.

Suite des Fragments de la correspondance de Reinsberg avec le souffre-douleur de S. M. I.

enrichis de quelques notes par l'éditeur.

Année 1791.

Du 9 avril.

Les Anglais causent tout le mal, nous étions devenus fort raisonnables; mais on ne sait comment s'arranger avec un allié aussi exigeant et qui, comme le lion, garde tous les morceaux pour lui. Dans l'état où je me trouve, fort incommodé, j'ai pourtant écrit une lettre, laquelle passera par différentes mains, par celles de douze cents rois peut-être, tout comme chez vous. J'ignore si elle produira ce qu'elle doit produire; mais je vais toujours mon chemin, car c'est un grand bonheur de remplir ses devoirs, même incognito. Ce que j'augure de tout ceci, c'est: ou la Russie s'engagera dans une guerre fort désastreuse, car son ami le roi de Suède ne restera pas neutre, et les Anglais envoient 60 vaisseaux, 40 dans la Baltique, 20 dans la mer Noire; ou bien elle acceptera le statu quo: nous sommes dans tous les cas les nigauds de la fête. Recevez embrassements et tendresses. Je n'en puis plus.

Продолженіе отрывковъ изъ Рейнсбергской корреспонденціи съ многострадальнымъ Ея И. В.

обогащенныхъ нѣкоторыми замѣтками издателя.

ГОДЪ 1791.

Отъ 9-го апрѣля.

Англичане во всемъ виноваты, мы сдѣлались было очень разумны; но какъ сговориться съ союзникомъ столь требовательнымъ и который, какъ левъ, оставляетъ всѣ куски добычи себѣ. Въ моемъ положеніи, и при моемъ нездоровьи, я однако написалъ письмо, которое пройдетъ черезъ множество рукъ, можетъ-быть черезъ руки тысячи двухъ-сотъ королей, такъ какъ и у васъ. Я не знаю какое оно произведетъ дѣйствіе, но я все-таки иду своей дорогой, потому что нахожу большое счастіе въ исполненіи своихъ обязанностей, даже incognito. Я заключаю по всему, или что Россія вступитъ въ весьма бѣдственную войну, ибо другъ ея король Шведскій не останется нейтральнымъ, а Англичане посылаютъ 60 кораблей, — 40 въ Балтійское море, 20 въ Черное; или она приметъ statu quo: мы во всякомъ случаѣ остались при этомъ въ дуракахъ. Примите привѣтствія и ласки. Не могу писать болѣе.

Du 11 avril.

Je voudrais pouvoir vous donner des nouvelles agréables, mais je me trouve dans le cas du proverbe: en lavant la tête d'un âne, on y perd sa lessive. Les Anglais, ces insulaires tant prônés, les plus fourbes alliés de l'Europe, les plus rapaciers à suivre leur intérêt et à sacrifier celui de leurs soi-disants alliés sont venus à bout, malgré la raison, malgré les lumières qu'on ne peut ni ne pouvait méconnaître, de nous forcer à donner la main à toutes leurs entreprises. Il ne s'agit plus que d'une réponse de l'Impératrice, laquelle ne viendra même pas avant que la flotte anglaise soit arrivée dans la Baltique, ce qui sera vers la fin de ce mois. Il serait inutile de vous dire combien cela m'afflige. Si vous avez vos chapeliers, vos Lameth, vos Barnave, nous avons nos illuminés, nos illuminés et encore nos illuminés. Tout le monde crie, tout le monde a parlé haut; mais l'idole est de bois, et tous les sons frappent en vain ses oreilles. En voilà assez sur la politique. Je me lave les mains sur ce qui en peut résulter, ayant pour principe qu'après qu'on a hardiment rempli son devoir et qu'on a parlé avec liberté et force, on doit envisager les événements sans crainte ni trouble. Au moins votre grande amie saura combien j'ai été contraire à tout ce qui est arrivé jusqu'à présent et à ce qui peut arriver encore, et vous voyez aussi combien j'ai de bonnes et de légitimes raisons, en me retirant tout à fait d'un séjour où

Отъ 11 апрѣля.

Я хотѣлъ бы сообщить вамъ пріятныя извѣстія, но нахожусь въ положеніи, какъ говорится по пословицѣ: Мыть голову осла, значитъ тратить мыло попусту. Англичане, эти столь хваленые островитяне, самые коварные союзники въ Европѣ, самые хищные на преслѣдованіе собственныхъ интересовъ, съ пожертвованіемъ интересами своихъ мнимыхъ союзниковъ, достигли того, что вопреки разуму, вопреки просвѣщенію, котораго нельзя и не было возможно не признавать, вынудили насъ подать имъ руку во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Рѣчь идетъ только объ одномъ отвѣтѣ Императрицы, который даже не можетъ придти прежде нежели англійскій флотъ вступитъ въ Балтійское море, что̀ будетъ въ концѣ этого мѣсяца. Излишне говорить вамъ, какъ это меня огорчаетъ. Если у васъ есть ваши шляпные мастера, ваши Ламеты, Барнавы, у насъ есть свои иллюминаты, свои иллюминаты и еще свои иллюминаты. Всѣ кричатъ, всѣ говорятъ громко; но идолъ деревянный, и всѣ звуки напрасно поражаютъ его слухъ. Но довольно о политикѣ. Я умываю руки въ томъ, что можетъ случиться, имѣя правиломъ, что кто смѣло исполнилъ свой долгъ и высказался свободно и энергически, тотъ можетъ ожидать событій безъ страха и смущенія. По крайней мѣрѣ ваша большая пріятельница узнаетъ, что я былъ противникомъ всего что до сихъ поръ случилось и можетъ еще случиться и вы видите также сколько у меня хорошихъ и законныхъ причинъ удалиться совсѣмъ изъ мѣстопребыванія, гдѣ я могъ

je serais dans le cas de passer ou pour coopérateur aux infamies et aux bêtises, ou pour un homme nul. Mais en voilà déjà trop sur ce triste et vilain sujet.

Du 17 avril.

Toute la politique a été dans la plus forte crise. Personne ne voulait qu'on suivît les ordres de M. Pitt venus de Londres. Un seul homme a tout déterminé, et cet homme n'est ni roi, ni prince, ni Prussien [1]). Dirigé par l'abominable cabinet de Saint-James, on a envoyé le courrier avec l'ultimatum à Pétersbourg. Les gens honnêtes et éclairés espèrent encore dans l'intervention de l'Espagne et du Danemark, et les dernières lettres de Londres assurent, à ce qu'on prétend, que quoique Pitt ait le parlement pour lui, il ne laisse pas que de voir une disposition peu favorable dans le peuple, et que cela pourra encore l'amener à des moyens plus doux. Le bon roi de

[1]) Ce signalement ne peut convenir qu'à Bischofswerder que je croyais par d'autres raisons dans des dispositions tout pacifiques; mais qui peut vouloir calculer et assujettir à des règles la marche versatile et tortueuse d'un illuminé? D'après les assurances réitérées qu'on m'a données, je suis obligé de croire que sa prétendue disgrâce et l'absence qui s'en est suivie n'ont servi que de voile à un voyage mystérieux qu'il a fait à Vienne pour sonder l'empereur sur des moyens de tout pacifier aux dépens des Turcs et des Polonais, les amis de coeur de son maître écolier.

бы прослыть или сотрудникомъ въ низостяхъ и глупостяхъ, или ничтожнымъ человѣкомъ. Но уже довольно объ этомъ печальномъ и гадкомъ предметѣ.

Отъ 17 апрѣля.

Вся политика находилась въ сильнѣйшемъ кризисѣ. Никто не хотѣлъ допустить, чтобы слѣдовали приказаніямъ г. Питта изъ Лондона. Одинъ человѣкъ все рѣшилъ и этотъ человѣкъ не король, не принцъ и не Пруссакъ [1]). Руководимые отвратительнымъ Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ, послали курьера съ ультиматумомъ въ Петербургъ. Люди честные и просвѣщенные надѣются еще на посредничество Испаніи и Даніи, и послѣднія письма изъ Лондона увѣряютъ, какъ ходитъ слухъ, что хотя Питтъ имѣетъ за себя парламентъ, онъ однако замѣчаетъ неблагопріятное расположеніе въ народѣ, и это можетъ еще привести его къ болѣе мягкимъ мѣрамъ. Добрый Швед-

[1]) Подъ эти примѣты подходитъ только Бишофсвердеръ, котораго по другимъ причинамъ я считалъ въ совершенно миролюбивомъ расположеніи; но кто можетъ расчесть и подчинить законамъ легкомысленные и извилистые пути иллюмината? По даннымъ мнѣ многократнымъ увѣреніямъ я вынужденъ полагать, что мнимая его немилость и отсутствіе за нею послѣдовавшее, послужили только завѣсою таинственному путешествію, предпринятому имъ въ Вѣну, чтобъ развѣдать у Императора какими средствами все успокоить на счетъ Турокъ и Поляковъ, сердечныхъ друзей его господина-ученика [1]).

[1]) Бишофсвердеръ или, правильнѣе, Бишофвердеръ, родившійся въ 1738 г. въ Саксоніи, вступилъ въ 1760 въ прусскую службу и сдѣлался любимцемъ Фридриха Вильгельма II, котораго, будучи самъ иллюминатомъ, вовлекъ въ мистицизмъ. Одно время, до 1794, онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Ум. въ 1803 г.

Suède se range du parti anglais[1]). Les Polonais aboieront à leur manière. Il est certain que si tout cela se met en jeu, l'Impératrice pourra courir de grands risques; mais il n'en est pas moins vrai que tout ce tapage n'a d'autre objet que celui d'étendre prodigieusement le commerce anglais au Le-

[1]) Il faut observer qu'en trois fragments de Reinsberg le souffre-douleur reçoit trois fois cette sinistre assertion et qu'à force de se répéter, elle fait enfin son effet et reproduit en lui tous les maux dont la bonté souveraine l'avait guéri l'année dernière. Ce qui les aggrave, c'est qu'il a observé que c'est après avoir reçu la veille un courrier de Stockholm, que le ministère britannique a porté le message guerroyant au parlement. Ceux qui seraient tentés d'accuser le pauvre souffre-douleur de faiblesse et de pusillanimité, n'exigeront pas de lui apparemment d'avoir, à la distance où il se trouve, la fermeté et la tranquillité der gebenedeyten Mutter der unerschrockenen Standhaftigkeit. C'est tout au plus, s'il avait le bonheur de se trouver à ses pieds, d'arranger quelques chapitres de la traduction de Plutarque sous sa dictée, qu'il pourrait espérer de gagner quelque chose de cette Unerschrockenheit, parce que la proximité des qualités sublimes est bien aussi contagieuse que celle des maux les plus redoutables; mais éloigné, livré à lui-même et à toutes les fausses nouvelles qui se répandent avant qu'on sache la vérité, je voudrais bien voir ses censeurs à sa place pendant toute une campagne et juger de leur contenance. Ce n'est pas sa faute si la trahison et la perfidie lui sont mortelles. Sie vergiften ihn, und da er schon bey der ersten Verrätherey fast sein Leben eingebüßt, c'est fait de lui s'il en survient une seconde. Nun der Herr der Heerschaaren ersticke die Treulosen et les gens à double profil! M. Eden, ministre anglais à Dresde et frère de milord Auckland, ambassadeur à la Haie, a été à Gotha pour porter au duc la Jarretière presque 20 ans après la mort de son père qui l'avait, et sans que lui, autant que je sache, l'ait demandée. On mande de Gotha du 23 avril: «quelqu'un croit qu'on aura Gustave pour 4 millions d'écus, pour qu'il fasse faux bond à sa «cousine». M. Eden dit: «si Gustave tient bon pour sa cousine, le Danemark se joindra à eux «pour défendre l'entrée de la Baltique aux escadres étrangères

скій король становится на сторону Англичанъ[1]). Поляки будутъ лаять по своему. Навѣрно если все это поднимется, Императрица будетъ въ большой опасности; но тѣмъ неменѣе вѣрно, что весь этотъ шумъ направленъ только къ тому, чтобы какъ можно болѣе расши-

[1]) Надо замѣтить, что въ трехъ отрывкахъ изъ Рейнсберга многострадальный три раза получаетъ это мрачное увѣреніе и чѣмъ упорнѣе оно повторяется, тѣмъ вѣрнѣе производитъ въ немъ возвратъ всѣхъ страданій, отъ которыхъ верховная благость излѣчила его прошлаго года. Еще увеличиваетъ ихъ его наблюденіе, что Британскій министръ внесъ свое воинственное предложеніе въ парламентъ послѣ прибытія къ нему наканунѣ курьера изъ Стокгольма. Тотъ, кто былъ бы расположенъ обвинять бѣднаго многострадальнаго въ слабости и трусости, вѣроятно не станетъ требовать отъ него, чтобъ онъ имѣлъ на томъ разстояніи, на которомъ онъ находится, твердость и спокойствіе «благословенной Матери неустрашимой твердости»*). Еслибъ онъ имѣлъ счастіе находиться у ногъ ея, и подъ диктовку ея обработывать переводъ нѣсколькихъ главъ изъ Плутарха, то развѣ тогда могъ бы надѣятся пріобрѣсти хоть малую долю этой неустрашимости, ибо близость высокихъ свойствъ также заразительна, какъ и сообщеніе съ самыми ужасными болѣзнями; но я удаленъ, предоставленъ самому себѣ и всѣмъ ложнымъ слухамъ, распространяющимся прежде чѣмъ узнáешь правду; желалъ бы я видѣть своихъ цензоровъ на моемъ мѣстѣ во все время компаніи и судить о ихъ состояніи. Я не виноватъ въ томъ, что измѣна и коварство для меня смертельны. Это отравляетъ меня и такъ какъ я уже при первой измѣнѣ почти положилъ свою жизнь, то конецъ мнѣ, если явится вторая. Ну Господь воинствъ пусть задушитъ измѣнниковъ и людей съ двойнымъ профилемъ! Г. Эденъ, англійскій министръ въ Дрезденѣ и братъ милорда Окланда, посланника въ Гагѣ, былъ въ Готѣ, чтобъ отвезти герцогу Подвязку, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти его отца, который имѣлъ ее, и тогда какъ сколько мнѣ извѣстно онъ вовсе не просилъ о томъ. Пишутъ изъ Готы отъ 23 апрѣля «кто то полагаетъ, что Густава закупятъ 4-ми милліонами экю, чтобъ измѣнить своей кузинѣ». Г. Эденъ говоритъ: если Густавъ будетъ твердо стоять за свою кузину, Данія къ нимъ присоединится, чтобъ воспретить входъ въ Балтійское море иностраннымъ эскадрамъ.

*) Слова Потемкина.

vant, en Pologne et en Russie. La Prusse y perd en tout sens. Trésor employé sans bénéfice pour elle. Considération: qui en aurait pour les esclaves de l'Angleterre? Troupes: car le militaire, sans motifs et sans raison, est traîné d'un lieu dans un autre, se dérange, sans qu'humainement il puisse prévoir pour lui ni gloire ni profit. Voilà, mon cher ami, le tableau d'un autre pays malheureux au milieu duquel je me trouve, sans que mon expérience et quelques lumières soient de la moindre utilité à ceux qui en ont tant besoin. Le Hertzberg, celui qui dès l'origine a le plus contribué à nos maux politiques, convient à présent de ses torts et pleure; il pleure toute la journée. Ah, tout ceci vaut bien une Assemblée nationale, et je crois que je préférerais encore d'en avoir une, à l'état désolant où je me trouve.

Du 7 juin.

Notre thermomètre hausse et baisse alternativement. Les troupes iront en Silésie, on y tiendra un congrès, et vraisemblablement tout sera pacifié. Le roi d'Hongrie doit avoir de justes appréhensions; on ne veut le couronner dans ce royaume que sous des conditions qui le replacent dans la position où étaient ses prédécesseurs, il y a trois ou quatre siècles. Tout est une vraie bagarre. J'ai mauvaise grâce d'en parler; il serait croyable que n'étant

---

рить англійскую торговлю въ Левантѣ, въ Польшѣ и въ Россіи. Пруссія теряетъ тутъ во всѣхъ отношеніяхъ. Казна ея тратится безъ выгоды для нея. Уваженіе: но кто станетъ уважать рабовъ Англіи? Войско: но военныхъ безъ повода и причины гоняютъ изъ одного мѣста въ другое и тревожатъ, тогда какъ ни по какимъ человѣческимъ расчетамъ нельзя предвидѣть для нихъ ни славы ни выгоды. Вотъ, любезный другъ, картина другой несчастной страны, въ которой я живу, тогда какъ ни моя опытность, ни кое-какія познанія мои не могутъ принести ни малѣйшей пользы тѣмъ, кто въ нихъ такъ нуждается. Герцбергъ, тотъ который съ самого начала болѣе всего способствовалъ нашимъ политическимъ бѣдствіямъ, сознается теперь въ своихъ ошибкахъ и оплакиваетъ ихъ; онъ плачетъ весь день. Ахъ, все это стóитъ національнаго собранія и мнѣ думается, что я даже предпочелъ бы его тому печальному положенію, въ которомъ нахожусь.

Отъ 7 іюня.

Нашъ термометръ подымается и опускается поперемѣнно. Войска пойдутъ въ Силезію; тамъ будетъ конгрессъ, и вѣроятно все будетъ улажено. Король Венгерскій долженъ чувствовать справедливыя опасенія: его не хотятъ короновать въ этомъ королевствѣ иначе, какъ подъ условіемъ поставить его въ положеніе, въ какомъ были его предшественники тому три, четыре столѣтія назадъ. Все это настоящая путаница. Мнѣ какъ-то неловко объ этомъ говорить; можно бы подумать, что я, за то что не приглашенъ на пиръ, усиливаюсь отыскать въ немъ глупости; но я высказываю

pas de la fête, je fais mes efforts pour y trouver des sottises; mais je parle d'après les moins clairvoyants: tant les choses qu'on fait sont palpables. Enfin, une sotte paix vaut toujours mieux qu'une sotte guerre. J'attends avec impatience l'alternative que nous aurons. Vous voyez par cette lettre que l'amour-propre a toujours une grande force sur l'homme; je commence par vous parler de mes intérêts, mais ceux de la France me touchent bien autant etc.

Du 21 juin.

Mais le mieux, mon ami, c'est qu'il n'y aura point de guerre, et comme on en est certain et qu'on en est convenu de part et d'autre, cela n'empêche pas qu'on ne soit couru en Silésie avec toutes les troupes, pour y tenir un congrès. Dans deux mois tout cela sera de retour. Le pays n'en sera pas plus heureux; les affaires externes comme les internes n'en iront pas mieux; qu'y faire? Je suis moins que rien dans ce pays des aveugles. Au moins auraient-ils pu connaître qu'un pauvre borgne, comme moi, voit plus loin qu'eux: c'est une petite et chétive vanité qui m'échappe.

Du premier juillet.

Quoique toutes nos troupes soient actuellement en Silésie, on peut encore

---

мнѣніе самыхъ недальновидныхъ: до того осязательно все происходящее. Наконецъ, глупый миръ лучше глупой войны. Я съ нетерпѣніемъ жду рѣшенія событій. Вы видите изъ этого письма, что самолюбіе всегда имѣетъ большую силу надъ человѣкомъ. Я напередъ говорю вамъ о томъ, что меня интересуетъ, но дѣла Франціи столько же меня занимаютъ и проч.

Отъ 21 іюня.

Всего лучше, любезный другъ, что войны не будетъ, и такъ какъ въ этомъ увѣрены и уже условились съ обѣихъ сторонъ, то это не помѣшало бѣжать въ Силезію со всѣми войсками, чтобъ тамъ устроить конгрессъ. Черезъ два мѣсяца все это воротится. Страна отъ этого не будетъ счастливѣе; дѣла внѣшнія и внутреннія не пойдутъ отъ того лучше. Что тутъ дѣлать? Я менѣе чѣмъ ничего въ этой странѣ слѣпыхъ. По крайней мѣрѣ могли бы они знать, что кривой бѣднякъ, подобный мнѣ, видитъ далѣе чѣмъ они: вотъ маленькое и жалкое тщеславіе, которое вырвалось у меня.

Отъ 1 іюля.

Хотя всѣ наши войска въ настоящую минуту въ Силезіи, можно еще побиться

parier pour la paix. Elle est presque sûre avec le roi d'Hongrie, et il y a à parier qu'il fera sa paix particulière avec la Porte. L'Impératrice ne veut entendre à rien, elle fera sa paix elle-même. Voilà, mon cher ami, l'extrait de la politique; elle se trouve dans un si grand désordre qu'il n'est guère possible de se tirer de ce labyrinthe. Le résultat en sera des sommes immenses que nous aurons dépensées et dont nous ne tirerons pas le moindre profit, si ce n'est la gloriole d'un ministre poméranien relativement aux cessions que fera le roi d'Hongrie aux Turcs, en rendant ou tout ou la plus grande partie de ses conquêtes. Un M. de Spielmann, premier commis des affaires étangères, se trouve en Silésie, et il est plus qu'apparent qu'il finira cette affaire. Ce que deviendront les Russes, est leur affaire, trop heureux si nous tirons notre épingle de ce maudit jeu.

Du 11 juillet.

Il est très apparent que le Roi d'Hongrie fera sa paix séparée avec les Turcs: l'étoile de la Prusse nous tire pour le moment du labyrinthe; mais avec la sage conduite que nous tenons et avec les pertes réelles que nous causera ce petit brin de vanité, on peut calculer qu'à moins qu'on ne se corrige, notre grand Hertzberg engagera folies sur folies. Je crois que l'Impératrice fera sa paix également, mais sans y faire intervenir Hertzberg. C'est pour com-

---

объ закладъ, что будетъ миръ. Онъ почти обезпеченъ съ королемъ Венгерскимъ и можно биться объ закладъ, что онъ заключитъ отдѣльный миръ съ Портой. Императрица ни на что не соглашается, она заключитъ миръ сама. Вотъ, любезный другъ, эссенція политики; она находится въ такомъ великомъ хаосѣ, что невозможно выпутаться изъ этого лабиринта. Результатомъ будутъ громадныя суммы нами истраченныя, изъ которыхъ мы не извлечемъ ни малѣйшей выгоды, кромѣ развѣ то, что Померанскій министръ будетъ кичиться уступками, которыя Венгерскій король сдѣлаетъ Туркамъ, возвративъ имъ или всѣ или бóльшую часть своихъ завоеваній. Нѣкто г. Шпильманъ, первый прикащикъ иностранныхъ дѣлъ, находится въ Силезіи, и по всѣмъ признакамъ онъ все окончитъ. Что станется съ Русскими — это ихъ дѣло, мы же будемъ счастливы, если выпутаемся изъ этого скверннаго дѣла.

Отъ 11 іюля.

Весьма вѣроятно, что Венгерскій король заключитъ особый миръ съ Турками: звѣзда Пруссіи въ эту минуту выводитъ насъ изъ лабиринта; но при умномъ нашемъ поведеніи и существенныхъ убыткахъ, которые причинитъ намъ это маленькое тщеславіе, можно расчитывать, что если не послѣдуетъ исправленія, нашъ великій Герцбергъ надѣлаетъ глупостей. Я думаю, что Императрица также заключитъ свой миръ, но безъ посредничества Герцберга. Вся армія собрана въ Силезіи, единственно для

plaire à sa vanité que toute l'armée se trouve rassemblée en Silésie. Il a annoncé un congrès; mais il ne s'y trouve que le premier commis du bureau du prince de Kaunitz. C'est un homme qu'on loue infiniment; mais ce n'est pas ainsi que notre fou de ministre l'entendait. L'Impératrice n'envoie personne, ce qui rend ce soi-disant congrès un peu mesquin: car le ministre d'Angleterre et celui d'Hollande, qui y sont allés de Berlin, n'ont rien à prétendre pour leurs cours respectives.

Du 20 juillet.

La meilleure nouvelle que je puisse vous donner, c'est que la paix est comme faite. Léopold rend toutes ses conquêtes sur les Turcs; mais il n'a voulu entrer en rien de toutes les autres propositions du sieur de Hertzberg, et j'aurais fait comme lui. La cour de Vienne assure que celle de Pétersbourg sera tout aussi équitable. On enverra des plénipotentiaires anglais et prussiens à Bucharest ou Iassi, et c'est par où se terminera cette sotte pièce qui nous coûte des sommes immenses, sans que nous en recueillions le moindre avantage réel. L'Impératrice ne négocie point du tout avec le sieur de Hertzberg et consorts; c'est par le roi Léopold qu'on apprend à connaître ses sentiments.

удовлетворенія его тщеславія. Онъ заявилъ о конгрессѣ; но тамъ отыскался только первый прикащикъ конторы князя Кауница. Этого человѣка очень хвалятъ, но не на то расчитывалъ нашъ безумный министръ. Императрица никого не посылаетъ, отъ чего этотъ мнимый конгрессъ выходитъ нѣсколько жалкимъ: ибо министры Англіи и Голландіи, туда поѣхавшіе, ничего не могутъ требовать для своихъ дворовъ.

Отъ 20 іюля.

Лучшая новость, которую могу сообщить вамъ—это близкое заключеніе мира. Леопольдъ уступаетъ всѣ свои турецкія завоеванія; но онъ не захотѣлъ принять никакихъ другихъ предложеній г. Герцберга, и я поступилъ бы такъ же какъ онъ. Вѣнскій дворъ увѣряетъ, что петербургскій кабинетъ будетъ такъ же умѣренъ. Пошлютъ уполномоченныхъ англійскихъ и прусскихъ въ Бухарестъ или Яссы, и вотъ чѣмъ кончится эта глупая комедія, которая стóитъ намъ громадныхъ суммъ, изъ чего мы не извлечемъ никакой существенной выгоды. Императрица вовсе не переговаривается съ г. Герцбергомъ и компаніей; ея мысли узнаю́тъ черезъ короля Леопольда.

Du 2 auguste.

Les préliminaires sont signés. Le roi des Romains fera sa paix particulière avec les Turcs. Il leur rend toutes ses conquêtes à l'exception d'Orsowa et d'un district de six milles, qu'il voudrait conserver si les Turcs y consentent. Si l'Impératrice ne consent point à la paix qui doit se traiter à Bucharest, le roi d'Hongrie fera sa paix particulière, et voilà tout. Il enverra librement des troupes en Flandre pour reconquérir ces provinces. Et voilà nos millions au diable sans un sou de profit, tandis qu'on aurait pu obtenir les mêmes choses par la négociation. Ce vilain roi de Suède a eu du bonheur. A quoi pense donc la Providence?

Du 22 auguste.

Je ne vous dis rien d'ici. La paix faite, ce pays n'offre que des misères. Trop heureux, devant y vivre, d'y avoir un petit coin isolé où j'entends parler le moins que je puis, de nos misères.

Du 30 auguste.

La paix est faite; mais le roi de Suède vient de manquer à ses pro-

---

Отъ 2 августа.

Предварительныя условія подписаны. Императоръ Римскій заключитъ отдѣльный миръ съ Турками. Онъ уступаетъ имъ всѣ свои завоеванія за исключеніемъ Орсовы и округа въ шесть миль, который онъ желалъ бы сохранить, если Турки на то согласятся. Если Императрица не пойдетъ на миръ, который долженъ быть заключенъ въ Бухарестѣ, Венгерскій король заключитъ свой отдѣльный миръ, вотъ и все. Онъ свободно пошлетъ свои войска во Фландрію, чтобъ отвоевать эти провинціи. И вотъ наши милліоны полетятъ къ чорту, безъ копейки прибыли, тогда какъ всего этого можно было бы достигнуть одними переговорами. Этому гадкому Шведскому королю посчастливилось. Чего же смотритъ Провидѣніе?

Отъ 22 августа.

Я ничего не говорю вамъ про здѣшнее. По заключеніи мира эта страна представляетъ жалкое зрѣлище. Считаю себя особенно счастливымъ что, будучи вынужденъ въ ней жить, имѣю маленькій уединенный уголокъ, гдѣ могу какъ можно менѣе слышать о нашемъ жалкомъ положеніи.

Отъ 30 августа.

Миръ заключенъ, но король Шведскій измѣнилъ обѣщаніямъ, сдѣланнымъ Пруссіи

messes faites à la Prusse et à l'Angleterre en faisant sa paix particulière avec l'Impératrice. Si c'est un petit traitre, j'avoue qu'on reçoit ici ce qu'on mérite. Pourquoi se faire un allié de ce misérable Suédois et de ces chétifs Polonais? Basta. Je finis par mes voeux pour votre santé.

Du 8 septembre.

Vous ne me parlez jamais de votre héroïne; mais ce que vous pouvez me dire, c'est un mot: suis-je sur le livre noir ou sur le livre blanc? Je ne mérite pas d'être sur le premier, mais si cela était, il faudrait bien se soumettre. Il m'est arrivé plus d'une fois dans ma vie d'être rongé par le venin de la calomnie; mais ici il m'est essentiel de le savoir: car cela peut influer sur ma marche et la régler dans le cas où nous nous rapprocherions de cet horizon. Je suis comme le philosophe marié à l'égard de Céliante, et je lui dirais volontiers:

Malgré tous vos défauts, je vous aime à la rage.

Je trouve toute sa conduite dans ces dernières affaires noble et grande. Elle a su persuader au roi de Suède de faire sa paix particulière. Elle seule a une conduite parfaite, pourvu qu'elle ne pousse pas la fermeté au-delà

и Англіи, заключивъ отдѣльный миръ съ Императрицей. Если онъ маленькій измѣнникъ, признаюсь что здѣсь досталось по дѣломъ. Зачѣмъ брать себѣ въ союзники этого жалкаго Шведа и этихъ тщедушныхъ Поляковъ? Баста. Кончаю пожеланіями вамъ здравія.

Отъ 8 сентября.

Вы никогда не говорите мнѣ ничего о своей героинѣ; но вы можете сказать мнѣ одно слово: въ черной ли я, или въ бѣлой книгѣ? Я не заслуживаю быть записаннымъ въ первую, но еслибъ и такъ было, надобно покориться. Мнѣ случалось не разъ въ жизни быть заѣденнымъ ядомъ клеветы; но тутъ мнѣ важно узнать это: ибо оно можетъ имѣть вліяніе на мой образъ дѣйствій и опредѣлить его, въ случаѣ, еслибъ мы приблизились къ этому горизонту. Я какъ женатый философъ въ отношеніи къ Селіантѣ, и охотно сказалъ бы ей:

Не смотря на всѣ ваши недостатки, люблю васъ бѣшено,

Я нахожу ея поведеніе во всѣхъ этихъ послѣднихъ дѣлахъ благороднымъ и великимъ. Она сумѣла убѣдить короля Шведскаго заключить съ ней особый миръ. Она одна ведетъ себя превосходно, лишь бы не перешла границъ въ твердости: ибо мудрость

des bornes: car sagement elle doit faire sa paix, en rendant ses conquêtes aux Turcs, sans quoi elle ne serait pas à la fin de ce galimathias politique.

Du 10 octobre.

Vous n'ignorez pas tous les nuages qui obscurcissent notre horizon. L'histoire de tout ce qui s'est passé chez nous depuis huit mois en politique est très curieuse. Les hommes qui n'ont jamais manié les grandes affaires, croient, lorsqu'ils sont bornés, que rien n'est plus facile; ils les traitent en conséquence, et sont les derniers à s'apercevoir qu'ils sont dans un cul-de-sac, terme très propre pour rendre mon idée; s'il était question d'une rue, j'aurais dit, par respect pour Voltaire, dans un impasse.

Du 17 octobre.

Je n'ai jamais été anglomane. J'estime leur constitution, les philosophes, quelques historiens et beaux-esprits que cette nation a donnés à l'Europe, mais elle est la plus glorieuse et dans les affaires la plus perfide de toutes les nations. Si l'on ne s'était pas embarqué si avant avec eux, je suis sûr qu'on ne le ferait plus. On en est bien las, et ils commencent à se faire détester par le peu de gens éclairés que nous avons; les sots mêmes

---

требуетъ чтобъ она заключила миръ, отдавъ свои завоеванія Туркамъ, безъ чего не будетъ конца этой политической галиматьѣ.

Отъ 10 октября.

Вамъ извѣстно какія тучи омрачили нашъ горизонтъ. Повѣсть обо всемъ случившемся у насъ въ политикѣ за послѣдніе восемь мѣсяцевъ очень любопытна. Люди, которые никогда не имѣли въ рукахъ важныхъ дѣлъ, думаютъ по своей ограниченности, что ничего нѣтъ легче какъ справиться съ ними; они и поступаютъ въ этомъ смыслѣ и послѣ всѣхъ замѣтятъ, что стали въ тупикъ, выраженіе весьма наглядно передающее мою мысль; еслибъ рѣчь шла объ улицѣ, я сказалъ бы изъ уваженія къ Вольтеру: попали въ безвыходное положеніе.

Отъ 17 октября.

Я никогда не былъ англоманомъ. Я уважаю ихъ конституцію, философовъ, нѣсколькихъ историковъ и замѣчательныхъ умовъ, данныхъ этой націей Европѣ, но это самая высокомѣрная и въ дѣлахъ самая коварная изъ націй. Еслибъ съ ними не зашли такъ далеко, я увѣренъ, что это уже не повторялось бы. Они сильно надоѣли и начинаютъ возбуждать къ себѣ ненависть въ немногихъ просвѣщенныхъ лю-

ne les aiment plus. Tout dépend de l'Orient. Si la paix se conclut, on peut même alors concevoir quelque espérance pour le salut de la France. Six mois que nous avons par devers nous, pendant lesquels on ne peut faire autre chose que négocier, me font espérer qu'on parviendra sinon à éteindre, au moins à assoupir pour quelques années les troubles du Nord.

Du 8 novembre.

Je reviens au livre noir et au livre blanc, au sujet desquels vous ne m'avez pas répondu. Si je suis sur le premier, j'aurai toujours le droit de m'étonner qu'un esprit si fort au-dessus du commun, si éclairé et qui affectionnait un objet qu'il croyait et devait connaître, se laisse en imposer par des insinuations malignes; cela ne lui est pas si pardonnable qu'au commun des rois, que la nature a fait à moitié imbéciles, lorsque leurs entours empoisonnent leur esprit par des calomnies contre les gens de mérite qu'ils ont intérêt à écarter.. Malgré cela, si j'avais du pouvoir, j'en aurais usé bien autrement; le livre noir n'eût plus existé, et la Prusse s'en serait bien trouvée.

дяхъ, которыхъ мы имѣемъ; глупцы даже ихъ болѣе не любятъ. Все зависитъ отъ Востока. Если миръ будетъ заключенъ, тогда можно еще будетъ получить нѣкоторую надежду на спасеніе Франціи. Шесть мѣсяцевъ, которые мы имѣемъ впереди и въ которые только и можно будетъ вести переговоры, заставляютъ меня надѣяться, что удастся, если не погасить, то по крайней мѣрѣ усыпить на нѣсколько лѣтъ волненія на Сѣверѣ.

Отъ 8 ноября.

Я возвращаюсь къ черной книгѣ и къ бѣлой, насчетъ которыхъ вы мнѣ не дали отвѣта. Если я нахожусь въ первой, то всегда буду въ правѣ удивляться что умъ, столь возвышающійся надъ общимъ уровнемъ, столь просвѣщенный и любившій предметъ, который онъ полагалъ, что знаетъ, и долженъ былъ знать, даетъ вѣру злымъ внушеніямъ; это ему не такъ простительно, какъ обыкновеннымъ королямъ, которыхъ природа создала на половину слабоумными, особливо когда умъ ихъ отравляется клеветами противъ достойныхъ людей, которыхъ окружающимъ ихъ выгодно отстранить. Несмотря на то, еслибъ я имѣлъ власть, я не такъ воспользовался бы ею; черная книга не существовала бы и Пруссіи это послужило бы во благо.

Du 19 novembre.

N'oubliez pas, mon cher ami, le reclus de Reinsberg. Quoique je sois absolument inutile au monde, je ne regrette pas de n'être pas au nombre des députés de l'Assemblée nationale, ni de n'être pas le ministre qui fait alliance avec les Polonais, les Suédois et les Anglais, ni de n'avoir pu signer le traité de Reichenbach, ou celui que l'Espagne vient de signer, encore moins celui du roi de Suède. Il y a des époques dans la vie où celui qui n'est rien, vaut les grands faiseurs.

Du 15 décembre.

Je suis sûr, mon cher ami, que vous aurez de la charité pour moi et que vous en trouverez le moyen de dire à votre respectable héroïne, que je suis moins que rien dans ce pays-ci, que mon jugement est compté pour zéro, qu'on ne cherche pas même à le savoir, quoique je ne le cache à personne. Qu'à commencer par les affaires de la Hollande en 1786 et en y comprenant tout ce qui s'est fait en politique jusqu'à ce jour, on ne trouverait que beaucoup d'entreprises la plupart contradictoires et sans le moindre avantage pour ce pays-ci. Que j'ai toujours été d'avis et le suis encore, qu'il est absolument nécessaire pour le bonheur de ce pays et même de celui qui est

---

Отъ 19 ноября.

Не забывайте, любезный другъ, Рейнсбергскаго затворника. Хотя я совершенно безполезенъ на свѣтѣ, я не сожалѣю, что не состою депутатомъ въ національномъ собраніи, что я не министръ, заключающій союзы съ Поляками, Шведами и Англичанами, что я не подписалъ Рейхенбахскаго трактата, или того, чтò Испанія только что подписала, еще менѣе того, который заключилъ король Шведскій. Есть эпохи въ жизни, когда тотъ, кто ничего не значитъ, стóитъ великихъ дѣльцовъ.

Отъ 15 декабря.

Я увѣренъ, любезный другъ, что вы будете имѣть ко мнѣ сострадание, и что вы найдете средство сказать вашей почтенной героинѣ, что я ровно ничего не значу въ этой странѣ, что мое сужденіе считается нулемъ, что не стараются даже узнать его, хотя я его ни отъ кого не скрываю. Начиная съ голландскихъ дѣлъ въ 1786 г. и включая въ нихъ все что дѣлалось въ политикѣ до сего дня, видны одни предпріятія по большей части противорѣчащія другъ другу, и весьма невыгодныя для страны. Я всегда былъ того мнѣнія и остаюсь при немъ, что необходимо, для счастія этой страны, какъ и для счастія той, которая въ двадцать разъ болѣе нашей, быть

vingt fois plus grand que le nôtre, d'être en bonne intelligence, et quand même l'intérêt de l'un ou de l'autre exigerait un écart, qu'il fallait néanmoins entretenir la bonne harmonie, et tâcher autant qu'il serait possible, d'accorder ces intérêts ensemble. Telle a été ma doctrine qui n'a point varié. Je ne suis point anglomane, et NB. je ne reçois point de guinées. J'aime la princesse d'Orange, mais je ne suis pas partisan du stathoudérianisme. Je désirerais le bonheur des Flamands et que les pauvres Liégeois pussent exister sans se voir régir par leur importun evêque; mais j'aurais laissé les Polonais, sans entrer avec des gens si peu dignes de foi dans aucun arrangement. Je me serais abstenu de toutes les petites vues partielles et de toutes ces velléités de petites acquisitions qui irritent les esprits sans qu'aucun grand avantage en puisse résulter; mais si j'avais porté mes vues sur des objets, c'eût été en formant un plan étendu et grand dont le résultat aurait servi à l'affermissement d'une paix perpétuelle. Voilà ma confession politique, et en qualité d'un homme qui peut dire avec Piron:

Je ne suis rien, pas même académicien,

je ne crains pas de la faire, dût-elle être connue de toute l'Europe.

въ доброй дружбѣ между собой, и хотя бы интересы той или другой требовали отступленія отъ правила, всетаки надо бы стараться поддерживать согласіе, и, сколько возможно, соглашать эти интересы. Таково было мое ученье и оно не измѣнилось. Я не англоманъ и NB не получаю гиней. Я люблю принцессу Оранскую, но я не сторонникъ штатгалтеріанизма. Я желалъ бы счастья Фламандцамъ и чтобъ бѣдные Люттихцы могли существовать безъ управленія своего несноснаго епископа; но я покинулъ бы Поляковъ, и не входилъ бы съ людьми столь вѣроломными ни въ какія сдѣлки. Я воздержался бы ото всѣхъ частныхъ видовъ и ото всѣхъ поползновеній къ маленькимъ пріобрѣтеніямъ, которыя раздражаютъ умы, не принося никакой важной выгоды; но еслибъ я направлялъ свои виды на что-либо, я составилъ бы планъ обширный и великій, котораго исполненіе послужило бы къ утвержденію постояннаго мира. Вотъ моя политическая исповѣдь, и въ качествѣ человѣка, который можетъ воскликнуть съ Пирономъ:

Я ничто, даже не академикъ,

я не боюсь высказать её, хотя бы она сдѣлалась извѣстна цѣлой Европѣ.

Du 28 décembre.

Vous savez que les Anglais menacent la Russie. Personne ne verrait avec plus de plaisir que moi la paix rétablie. Qu'en pensez-vous? Ce pays-ci est parsemé de pavots. Les actions qu'on y fait éveillé sont si plates que les spectateurs s'endorment.

Année 1792.

Du 10 janvier.

Les affaires du Nord m'inquiètent plus que jamais. Elles ne seraient point dans cette position si, depuis quatre et même cinq ans, j'eusse pu faire agir comme je le croyais utile. L'expérience me prouve que je ne me suis trompé dans aucun de mes calculs.

Du 24 janvier.

La politique me paraît aussi bien organisée que votre Assemblée nationale. La grande question, y aura-t-il paix ou guerre? sera résolue par les Anglais et par l'Impératrice de Russie. Il se trouve derrière tout cela des comparses qui font un plat rôle; au moins est-il sûr qu'en jouant le jeu des

---

Отъ 28 декабря.

Вы знаете, что Англичане грозятъ Россіи. Никто не встрѣтитъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ чѣмъ я возстановленіе мира. Что вы объ этомъ думаете? Эта страна усѣяна макомъ. Дѣла, которыя здѣсь творятся на яву, такъ пошлы, что зрители засыпаютъ.

Годъ 1792.

Отъ 10 января.

Дѣла Сѣвера безпокоятъ меня болѣе чѣмъ когда-либо. Они не были бы въ этомъ положеніи, еслибъ, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, я могъ заставить дѣйствовать, какъ считалъ то полезнымъ. Опытъ доказываетъ мнѣ, что я не ошибся ни въ одномъ изъ своихъ расчетовъ.

Отъ 24 января.

Политика кажется мнѣ такъ же хорошо организованною, какъ ваше національное собраніе. Великій вопросъ, быть ли миру или войнѣ, будетъ рѣшенъ Англичанами и Русской Императрицей. Позади всего этого стоятъ нѣмыя лица, которыя играютъ роль пошлую; по крайней мѣрѣ вѣрно, что играя въ чужую игру, они ни-

autres, ils n'y gagneront rien. J'ai passé mon hiver ici. Heureusement qu'on peut voir distinctement que je ne suis pas mêlé même dans la moindre petite chose; c'est à quoi se borne toute mon ambition.

Du 31 janvier.

On compte beaucoup sur la paix entre la Russie et la Porte, et malgré tout le bruit que font Messieurs les Anglais, il est à croire que si l'Impératrice se contente d'Otchakof et restitue le reste de ses conquêtes, la paix se fera. C'est un bien, mais qui ne sera pas de durée; car il y a des hommes qui croient qu'il faut tout embrouiller, et que c'est là le plus sûr moyen pour être rangé parmi les grands hommes.

Du 23 février.

Mais je ne vous entretiendrai point, mon cher ami, de ce qui se passe sous vos yeux; je vous rendrai en revanche mon opinion avec ma franchise sur les affaires du Nord. Je commence par mon admiration pour la conduite noble et sage de l'Impératrice. Sacrifier son ressentiment, faire sa paix avec ce roi de Suède qui méritait si bien d'être fouetté, est un coup de parti qui ne peut être conçu que par une âme grande et forte. Je conviens encore

---

чего при этомъ не выиграютъ. Я провелъ зиму здѣсь. Къ счастію можно ясно видѣть, что я не замѣшанъ ни въ малѣйшемъ дѣлѣ, и этимъ ограничивается мое честолюбіе.

Отъ 31 января.

Расчитываютъ сильно на миръ между Россіей и Портой, и, несмотря на весь шумъ, производимый господами Англичанами, надо полагать, что если Императрица удовольствуется Очаковомъ и возвратитъ свои остальныя завоеванія, миръ будетъ заключенъ. Это благо, но которое будетъ непродолжительно; ибо есть люди думающіе, что надо все запутать, и что въ этомъ вѣрнѣйшее средство быть причислену къ великимъ людямъ.

Отъ 23 февраля.

Но я не буду говорить съ вами, любезный другъ, о томъ, что происходитъ у васъ на глазахъ; я передамъ вамъ зато откровенно мое мнѣніе о дѣлахъ Сѣвера. Я прежде всего преклоняюсь передъ благороднымъ и мудрымъ образомъ дѣйствія Императрицы. Пожертвовать своимъ мщеніемъ, заключить миръ съ этимъ Шведскимъ королемъ, который такъ заслуживалъ быть поколоченнымъ, это такое внезапное рѣшеніе, которое можетъ возникнуть только въ душѣ великой и сильной. Я признаюсь еще, что Ея

que sa fermeté à l'égard d'une paix forcée est du même caractère, qui mérite toute admiration: mais comme elle a sacrifié son ressentiment en faisant la paix avec la Suède, elle pèsera dans sa sagesse si elle doit continuer la guerre au risque qu'une flotte anglaise vienne faire du tapage dans la Baltique. Pour juger ce que la raison demande, il faudrait que je susse bien exactement l'état de ses forces maritimes, et j'avoue que je ne pense pas qu'elles puissent résister aux Anglais. Ces derniers font du bruit; mais je crois que si les Turcs cèdent Otchakof, et que l'Impératrice, comme elle l'assure, s'en contente, la paix finira tout ce grabuge. Je ne dis mot sur la Prusse, j'en pourrais trop dire; mais ce qui est certain, c'est que celui qui sera toute sa vie couvert par un nuage[1]), est fort innocent, tout en se laissant entraîner par la foule d'intrigants qui l'environnent. Je gémis de tout cela, mais dans l'impossibilité d'y remédier, je me tiens enfermé avec mes livres et me promène dans mes bois.

De Berlin, du 10 mars.

Depuis huit jours que mon sort m'a conduit ici, j'ai toujours été occupé

[1]) Le savant commentateur, en perçant ce nuage, prétend s'être cogné le nez contre Fr. Gu, dont le corps n'est pas aérien.

твердость, по отношенію къ вынужденному миру, носитъ тотъ же характеръ, заслуживающій всякаго удивленія; но такъ какъ она пожертвовала своимъ мщеніемъ, заключивъ миръ съ Швеціей, она взвѣситъ въ своей мудрости, должна ли она продолжать войну съ опасностію, что англійскій флотъ надѣлаетъ шуму въ Балтійскомъ морѣ. Чтобъ судить о томъ, чего требуетъ разсудокъ, я бы долженъ былъ знать въ точности положеніе ея морскихъ силъ, и сознаюсь, я не думаю, чтобъ онѣ могли устоять передъ Англичанами. Эти послѣдніе шумятъ, но я полагаю, что если Турки уступятъ Очаковъ, и Императрица, какъ она увѣряетъ, удовольствуется этимъ, то миръ закончитъ всю эту распрю. Я ни слова не говорю о Пруссіи, я слишкомъ много могъ бы о ней сказать; но вѣрно что тотъ, кто всю жизнь будетъ закрытъ облакомъ[1]), весьма невиненъ, хотя и даетъ увлечь себя толпѣ окружающихъ его интригановъ. Я все это оплакиваю, но нахожусь въ невозможности помочь и запираюсь со своими книгами и гуляю въ своихъ лѣсахъ.

Изъ Берлина отъ 10 марта.

Съ недѣлю, какъ судьба моя привела меня сюда и меня все занимало желаніе

[1]) Ученый комментаторъ, увѣряетъ, что прорываясь черезъ это облако, стукнулся носомъ о братца Гю (Густава), котораго тѣло не воздушно.

du désir de répondre à votre lettre du 14 du mois passé; mais de ma vie je n'ai été plus recherché par tout plein de monde. Des conversations particulières très longues, plusieurs même avec celui qui est le soi-disant chef du royaume. Je ne sais si mes discours feront du bien; au moins je n'ai pas à me reprocher d'avoir dissimulé mes pensées, et j'espère que si tout le bien que je désire ne s'en suit pas, au moins j'aurai fait que le plus grand mal qui nous pressait, sera évité. Je retourne demain dans mon ermitage. J'en loue le ciel. Chacun sait que ceci n'est pas tolérable, et qu'à la longue je perdais tout le fruit de mes peines. Tout ce que j'ai pu faire, je l'ai fait; c'est de donner une rude secousse.

De Reinsberg, du 14 mars.

Me voilà rendu à mes Pénates et sorti du trouble dont j'étais entouré; ma dernière lettre a dû vous prouver que, dans quelle situation que je me trouve, je ne saurais oublier mes amis. Et vous, mon ami, dont la santé m'intéresse si fort, qu'avez-vous dit en recevant ma dernière lettre? Je crains que vous n'ayez pensé que j'avais perdu la tête. Non, pardieu, je ne l'ai point perdue, mais elle était continuellement occupée par de grands intérêts. Après cela vous croirez peut-être que mon triomphe est complet. Il le serait s'il ne s'agissait que de se contenter d'un peu de gloriole; mais

---

отвѣчать на письмо ваше отъ 14 числа прошедшаго мѣсяца; но въ жизнь свою я не былъ такъ взысканъ вниманіемъ столькихъ людей: частные, весьма продолжительные разговоры, нѣсколько разъ даже съ тѣмъ кто выдаетъ себя за главу королевства. Не знаю принесутъ ли пользу мои рѣчи; по крайней мѣрѣ я не могу упрекнуть себя въ томъ, чтобъ скрывалъ свои мысли, и я надѣюсь, что если не послѣдуетъ изъ этого всей ожидаемой мною пользы, то я по крайней мѣрѣ достигъ того, что величайшее зло, насъ тяготившее будетъ устранено. Я завтра возвращаюсь въ свое уединеніе. Благодарю за то небо. Всякій знаетъ, что это невыносимо, и что въ концѣ концовъ я потеряю весь результатъ моихъ трудовъ. Все, что я могъ сдѣлать—я сдѣлалъ; то есть далъ сильный толчокъ.

Изъ Рейнсберга, отъ 14 марта.

Вотъ я возвратился къ своимъ Пенатамъ и вышелъ изъ смутъ, которыми былъ окруженъ. Послѣднее письмо мое должно было доказать вамъ, что въ какомъ бы положеніи я ни находился, я не могу забыть своихъ друзей. А вы, другъ мой, чье здоровье меня такъ интересуетъ, что сказали вы, получивъ мое послѣднее письмо? Боюсь, не подумали ли вы, что я потерялъ голову. Нѣтъ, никакъ, я не потерялъ ее, но она была постоянно занята великими интерессами. Послѣ того вы можетъ-быть подумаете, что торжество мое полно. Это было бы такъ, еслибъ требовалось только доволь-

comme je suis très convaincu que des discours ne suffisent pas, je crains très fort que nos affaires n'en aillent pas mieux. Au moins j'ai l'avantage d'avoir fait convenir que si l'on avait pris extérieurement après la mort du feu Roi les mesures que j'avais indiquées, on aurait mieux fait et nous ne serions pas dans un labyrinthe duquel, quelle tournure que prennent les choses, les fruits seront pour d'autres, les peines pour nous. J'espère que le grand orage s'apaisera. Cela dépendra beaucoup de l'Impératrice. Si sa modération et sa sagesse la dirigent, elle pourra sortir honorablement de tous ces embarras. Enfin si je travaillais à ces affaires, j'aurais pu mieux faire; mais comme le travail est soumis à d'autres et que ce n'est que par mon impertinence que je me suis immiscé dans tout cela, je ne saurais répondre de ceux qui n'ont pas deux idées de suite, et qui font des dépêches dans un sens contraire à celui qu'ils assurent adopter. Je n'emporte d'autre consolation que celle d'avoir rempli mon devoir; je ne pouvais faire davantage, et ma tâche remplie, j'étais trop heureux de me retrouver dans ma solitude.

Fin

des Extraits de cette correspondance, lesquels sont un monument indélébile de la confiance sans bornes que le souffre-douleur a dans son auguste

---

ствоваться маленькой славой; но такъ какъ я слишкомъ увѣренъ, что однихъ рѣчей недостаточно, я сильно боюсь, что дѣла наши не пойдутъ оттого лучше. По крайней мѣрѣ я имѣлъ одинъ успѣхъ: вынудить сознаніе, что еслибъ приняли во внѣшнихъ дѣлахъ по смерти покойнаго короля тѣ мѣры, на которыя я указывалъ, то лучше бы сдѣлали и мы не очутились бы въ лабиринтѣ, гдѣ, какой бы оборотъ ни приняли дѣла, плоды достанутся другимъ, а непріятности намъ. Надѣюсь что великая буря утихнетъ. Это много будетъ зависѣть отъ Императрицы. Если ею будетъ руководить умѣренность ея и мудрость, то она выйдетъ съ почетомъ изо всѣхъ этихъ затрудненій. Наконецъ, еслибъ я производилъ всю эту работу, я бы могъ лучше сдѣлать; но такъ какъ она поручена другимъ и я только по своей дерзости вмѣшался во все это, то не могу отвѣчать за тѣхъ, кто не имѣетъ двухъ связныхъ мыслей въ головѣ, и пишетъ депеши въ смыслѣ противоположномъ тому, какой хотятъ дать ей. Я уношу только одно утѣшеніе: это сознаніе исполненнаго долга. Я не могъ сдѣлать болѣе и когда задача моя была осуществлена, я былъ вполнѣ счастливъ возвратившись въ свое уединеніе.

Конецъ

выписокъ изъ этой корреспонденціи. Вотъ несокрушимый памятникъ безпредѣльнаго довѣрія, которое многострадальный питаетъ къ своей Августѣйшей Монархинѣ,

Souveraine, comme c'est son devoir: car la confiance est comme la foi, elle ne se donne ni ne s'obtient comme on veut, il faut qu'elle soit inspirée, et tandis que je ne la borne pas à l'égard de l'immortelle à mes propres pensées qui, comme tout mon moi, lui appartiennent, et que je la mets dans la confidence des plus intimes pensées de l'ermite de Reinsberg sans en retrancher une syllabe, il s'en faut bien que cet ermite ait jamais vu une ligne de tout ce que je possède par la bienfaisance de l'immortelle. Tout le reste de sa correspondance roule sur les tristes affaires de la France, auxquelles il a toujours pris le plus vif intérêt, ainsi qu'au sort d'une infinité de personnes que ses deux voyages en ce pays-ci lui ont fait connaître. Les deux derniers extraits de très fraîche date sont les plus remarquables et donneraient le droit de s'attendre à un changement non seulement dans les mesures, mais encore parmi les acteurs du cabinet de Berlin, si l'on ne savait que la raison seule, quelles secousses qu'elle donne, ne produit que des impressions momentanées sur l'inertie et la faiblesse, et qu' auprès des caractères indécis, inappliqués et faibles, jouets habituels des intrigants qui les entourent, une intrigue ne peut être déjouée que par une autre intrigue et que le résultat de tous ces combats ténébreux est en dernière analyse honte, dommage et ruine entière. Je n'espère donc rien du coup de collier de l'ermite de Reinsberg, quelque vigoureux qu'il ait été, et je ne serais pas trop étonné que le lendemain de son départ tous les intrigants divisés

---

какъ и велитъ ему долгъ его: ибо довѣренность, какъ вѣра, не дается и не получается по хотѣнію; надо чтобъ она была внушена. И въ то время, какъ я въ отношеніи къ безсмертной не ограничиваю это довѣріе собственными мыслями, которыя какъ и все мое существо принадлежатъ ей, въ то время какъ я сообщаю ей самыя задушевныя мысли Рейнсбергскаго пустынника, не выбрасывая изъ нихъ ни одного слога, этотъ пустынникъ еще никогда не удостоился видѣть ни одной строчки изъ того чѣмъ я обладаю, благодаря щедротамъ безсмертной. Все остальное въ перепискѣ касается дѣлъ Франціи, въ которыхъ онъ всегда принималъ живое участіе, также какъ и въ судьбѣ множества лицъ, съ которымъ два путешествія его въ эту страну познакомили его. Двѣ послѣднія выписки, очень недавняго времени, всего замѣчательнѣе и давали бы право ожидать перемѣны не только въ мѣрахъ, но и въ дѣйствующихъ лицахъ Берлинскаго кабинета. Но слишкомъ извѣстно, что одинъ разумъ, какіе-бы толчки онъ ни давалъ, производитъ только минутныя впечатлѣнія на косность и слабость. Характеры нерѣшительные, недѣятельные и слабые, обыкновенно бываютъ игрушкою интригановъ ихъ окружающихъ; интрига можетъ быть уничтожена только другой интригой, а результатъ всей этой темной борьбы въ концѣ концовъ есть посрамленіе, потери и полное разрушеніе. Итакъ я ничего не ожидаю отъ отчаяннаго усилія Рейнсбергскаго пустынника, какъ бы энергично оно ни было, и не очень удивлюсь, если на другой день послѣ его отъѣзда всѣ интриганы, обыкновенно разроз-

ordinairement d'intérêts et de vues, se fussent rêunis pour effacer sur la cire molle jusqu'au souvenir de l'impression qu'elle avait reçue.

Après cet extraits il convient de lire l'imprimé qui se trouve dans le paquet № 3 sous le titre: *le secret de la coalition des ennemis de la révolution française*. L'auteur, sous le masque de démocrate qu'il prend, paraît fort instruit de ce qui se passe, et démasque plusieurs enragés et plusieurs ressorts cachés qui perpétuent ici les malheurs de l'anarchie. Il y a plus de dix-huit mois que ceux qui se trouvaient dans la bouteille à l'encre m'assuraient que l'Angleterre dépensait beaucoup d'argent pour fomenter en France les désordres dont nous étions témoins. J'avoue que j'avais de la répugnance à le croire, et que j'ai résisté longtemps à ces insinuations. Votre propre démence, leur disais-je, joue si bien le jeu de l'Angleterre qu'elle serait bien folle de dépenser une guinée pour cela. Mais quand je vois que cette démence subsiste toujours et que les enragés, à force d'avoir démoli et détruit leur pays, ont amassé une fortune immense et regorgent de richesses, il faut bien que je me rende à l'évidence. D'ailleurs c'est le génie *du grand Hertsberg*, de troubler par ces moyens tous les états qu'il juge dignes de son attention. Depuis son avénement au ministère, depuis la suprême dictature qu'il exerce en qualité de souverain arbitre avec tant de gloire et de succès sur toutes les puissances de l'Europe, il n'a jamais connu

---

ненные интересами и видами, соединятся, чтобъ изгладить на мягкомъ воскѣ самый слѣдъ полученнаго имъ впечатлѣнія.

Послѣ этихъ выписокъ слѣдуетъ прочесть печатный листокъ находящійся въ пакетѣ № 3 подъ заглавіемъ: *тайна коалиціи враговъ французской революціи*. Авторъ, подъ принятою имъ маскою демократа, кажется очень свѣдущъ въ томъ, что происходитъ, и срываетъ личину со многихъ бѣшеныхъ, открываетъ много тайныхъ пружинъ, поддерживающихъ здѣсь бѣдствія анархіи. Болѣе полутора года, какъ близкіе къ чернильной бутылкѣ увѣряли меня, что Англія тратитъ много денегъ для возбужденія во Франціи безпорядковъ, которыхъ мы были свидѣтелями. Признаюсь, мнѣ было тяжело повѣрить этому, и я долго противился такимъ инсинуаціямъ. Ваше собственное безуміе, говорилъ я имъ, такъ хорошо играетъ роль Англіи, что послѣдняя была бы слишкомъ глупа, еслибъ тратила на это хотя гинею. Но когда я вижу, что это безуміе продолжается, и что бѣшеные, разоривъ и уничтоживъ свою страну, накопили огромныя состоянія и пресыщены богатствами, надо сдаться передъ очевидностью. Къ тому же и геній *великаго Герцберга* состоитъ въ томъ, чтобъ возмущать подобными средствами всѣ страны, которыя онъ считаетъ достойными своего вниманія. Со вступленія его въ министерство, со времени верховной диктатуры, которую онъ присвоилъ себѣ въ качествѣ властителя и рѣшителя судебъ съ такою славой и успѣхомъ надо-всѣми государствами Европы, онъ зналъ

que l'art de fomenter des troubles pour se faire admirer. Par une modestie rare dans les grands hommes, il ne joue pas seulement ce jeu pour son compte, mais encore pour celui de ses amis il se fait le chat avec les pattes duquel ils tirent leurs marrons du feu. Pour sa propre satisfaction il a pensé soulever la Galicie avec le plus grand succès contre l'Empereur, a travaillé longtemps la Hongrie dans le même sens et la travaille encore; il a étendu ses soins bienfaisants jusques sur la Lombardie autrichienne, et quoique je n'aie aucun droit de l'en soupçonner, comme les grands génies embrassent tout, je jurerais qu'on trouvera des traces de ces soins jusqu'en Livonie, de sorte que je souhaite avec passion la couronne du martyre à ses apôtres et qu'aucun n'échappe à cette récompense. Dans les Pays-Bas autrichiens ses faits et gestes ont eu toute l'Europe pour témoin. En entrant à Liège à main armée, il pouvait finir toute querelle en 24 heures, et grâce à ses soins les troubles ont été prolongés pendant 18 mois. Ici, tandis qu'il lit à l'Académie de Berlin de savantes dissertations contre la révolution française, ses émissaires sont affiliés au club des Jacobins et travaillent pour les Anglais. Il avait d'abord envoyé ici le comte de Redern, ministre de Prusse à Londres, l'été dernier, auquel a succédé le juif Ephraïm lorsque sa mission à Bruxelles n'était plus tenable pour lui. On m'assure que depuis le retour du comte de Redern à Londres la conversation publique entre Fr. Ge et lui, toutes les fois qu'il y a cercle à la cour, roule sur les affaires

---

только одно искуство: производить замѣшательства, чтобъ заслужить удивленіе. По скромности, рѣдкой въ великихъ людяхъ, онъ не для себя только играетъ въ эту игру, но и для друзей своихъ онъ играетъ роль кошки, лапами которой они вытаскиваютъ изъ огня каштаны. Для собственнаго удовольствія онъ чуть не поднялъ Галицію съ величайшимъ успѣхомъ противъ Императора, долго работалъ въ Венгріи въ этомъ же смыслѣ и теперь въ ней работаетъ. Онъ распространилъ свою благодѣтельную заботливость и на Австрійскую Ломбардію; и такъ какъ великіе геніи все обнимаютъ, то я клянусь, хотя и не имѣю права подозрѣвать его въ этомъ, что можно найти слѣды этихъ заботъ и до Ливоніи, такъ что я страстно желаю мученическаго вѣнца его апостоламъ и чтобъ ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ отъ этой награды. Въ Австрійскихъ Нидерландахъ вся Европа была свидѣтельницей его дѣлъ и подвиговъ. Вступая въ Люттихъ вооруженною рукою, онъ могъ кончить всю ссору въ сутки, а благодаря его стараніямъ волненія продолжались 18 мѣсяцевъ. Здѣсь, между тѣмъ, какъ онъ читаетъ въ Берлинской Академіи ученыя диссертаціи противъ Французской революціи, его эмиссары втерлись въ клубъ Якобинцевъ и работаютъ на Англичанъ. Онъ сначала прислалъ сюда прошедшимъ лѣтомъ графа Редерна, прусскаго министра въ Лондонѣ, котораго смѣнилъ жидъ Ефраимъ, когда его миссія въ Брюсселѣ стала для него невыносима. Увѣряютъ меня, что съ возвращенія графа Редерна въ Лондонъ всякій разъ на придворныхъ собраніяхъ открытые разговоры между братцемъ Ге (Георгомъ)

de France. Frère George fait l'aristocrate, le prussien le démocrate, et sous ces deux accoutrements ils se chamaillent très ostensiblement. Les faits et gestes du juif Ephraïm se trouvent dans la Coalition. L'argent anglais passe par le canal de la princesse d'Orange dans les mains du juif. Le génie de cette princesse paraît digne de celui du grand Hertzberg. En ce moment, comme l'Empereur a fait marcher une poignée de troupes dans les états de l'évêque de Bâle pour finir les désordres, le juif et consorts font les plus grands efforts pour engager quelques municipalités des frontières d'aller attaquer les impériaux à Porentruy. Ils croiraient sans doute d'avoir bien mérité auprès du grand Hertzberg, s'ils parvenaient à embarquer Léopold dans une querelle ouverte et directe avec l'Assemblée nationale ou le club des Jacobins.

40.

Allerunterthänigste Zulage zu dem Brosinischen Geschmier.

Madame. Mon paquet était fermé et remis à mon délicieux M. Brosine, à qui je souhaite bon voyage, santé et toutes sortes de prospérités, lorsque j'ai reçu la lettre ci-jointe de mon ami Haller, fils d'un grand homme et cependant pas du genre des nigauds, comme l'ordre des choses semblerait

---

и имъ вертятся на дѣлахъ Франціи. Братецъ Георгъ разъигрываетъ аристократа, пруссакъ демократа, и подъ этими костюмами они очень чувствительно задѣваютъ другъ друга. Подвиги еврея Ефраима входятъ въ коалицію. Англійскія деньги проходятъ черезъ посредство принцессы Оранской въ руки жида. Геній этой принцессы кажется достоинъ генія великаго Герцберга. Въ эту минуту, такъ какъ Императоръ послалъ горсть войска во владѣнія епископа Базельскаго, для прекращенія безпорядковъ, жидъ съ компаніей дѣлаютъ величайшія усилія, чтобъ увлечь нѣкоторыя пограничные муципалитеты сдѣлать нападеніе на императорскія войска въ Порентрюи. Они безъ сомнѣнія полагали бы выслужиться у великаго Герцберга, еслибъ имъ удалось втянуть Леопольда въ открытую и прямую ссору съ Національнымъ собраніемъ или съ Якобинскимъ клубомъ.

40.

Всеподданнѣйшее приложеніе къ Брозинскому[1]) маранью.

Государыня. Пакетъ мой былъ запечатанъ и переданъ моему прелестному г. Брозину, которому желаю счастливаго пути, здоровья и всевозможныхъ благъ, когда я получилъ прилагаемое здѣсь письмо отъ друга моего Галлера, сына великаго человѣка и однакоже не изъ числа неумѣлыхъ, какъ того казалось требовалъ порядокъ

---

[1]) Посланному съ курьеромъ Брозинымъ.

l'exiger. Comme cette lettre est plus pour Votre Majesté Impériale que pour son souffre-douleur, je la dépose vite à ses pieds, je m'y prosterne et me sauve en grande diligence: car Dieu seul et moi nous savons combien l'Impératrice doit être excédée d'entendre parler de moi ou de voir mon écriture.

Ne voilà-t-il pas une lettre de M. Necker qui m'arrive au moment où je tiens ce cachet redoutable qui élève une barrière entre mon auguste Souveraine et son plus fidèle serviteur. Qu'elle aille donc aussi cette lettre, et qu'elle soit plus heureuse que moi. On dit en ce moment que le comte de Grasse a battu sir Samuel Hood dans les mers de la Martinique. Au moins on ne dira pas que le marquis de Castries n'ait pas envie de se battre, car voilà en moins de six mois qu'il est ministre, le troisième combat. God save the Emperor of all the Russias! Amen!

41.

Nota. Il faut réserver la lecture de ce chiffon pour la bonne bouche, c'est- à-dire pour la fin.

P. S. Le porteur de ce paquet ne m'est pas connu, mais ce sera un officier de confiance, particulièrement connu de mes deux généraux, et si

---

вещей. Такъ какъ письмо это писано болѣе для вашего Императорскаго Величества, чѣмъ для Вашего многострадальнаго, то я поспѣшаю повергнуть его къ стопамъ Вашимъ, самъ припадая къ нимъ и бѣгу опрометью, потому что одинъ Господь и я знаемъ сколько Императрицѣ должно наскучить обо мнѣ слышать и видѣть мой почеркъ.

А вотъ и еще приходитъ ко мнѣ письмо г. Неккера въ ту минуту, какъ я держу эту страшную печать, которая воздвигаетъ преграду между Августѣйшей моей Государыней и ея вѣрнѣйшимъ слугою. Пусть же и оно идетъ, это письмо, и пусть будетъ счастливѣе меня. Въ эту минуту ходитъ слухъ, что графъ де-Грассъ разбилъ сира Самуэля Гуда въ моряхъ Мартиники. По крайней мѣрѣ не скажутъ, что у маркиза де-Кастри нѣтъ охоты сражаться, ибо вотъ менѣе чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ его министерства третья битва. Боже храни Императора всея Россіи! Аминь [1]).

41.

Примѣчаніе. Надо приберечь чтеніе этаго лоскутка на закуску, т. е. къ концу.

P. S. Податель этого пакета мнѣ незнакомъ; но это конечно вѣрный офицеръ, хорошо извѣстный моимъ двумъ генераламъ, и еслибъ Императрица заблагоразсудила

---

[1]) Это письмо, какъ видно изъ содержанія его, очевидно пренадлежитъ къ болѣе раннему времени, и именно, кажется, къ 1781 году, но, не имѣя никакой помѣты, пропущено было въ своемъ мѣстѣ.

l'Impératrice jugeait à propos de le voir et de lui parler, il serait en état de lui rendre un compte véridique de la situation actuelle des choses.

Comme il faut tout prévoir dans la crise où nous sommes, il se pourrait que M. de Bouillé jugeât nécessaire de sortir de France sous très peu de jours: car si l'on en doit venir aux coups de fusil, il faut qu'il quitte son poste, avant que le premier soit *tiré*, attendu qu'un homme d'honneur ne quitte pas après; il se pourrait encore qu'on exigeât des officiers sous très peu de jours un serment que M. de Bouillé ne jugerait pas de son honneur de pouvoir prêter, et alors il abandonnerait encore sa patrie et son poste sur-le-champ. Dans ce cas lui et le général Heymann pourraient se trouver à Francfort aussi vite que mon paquet, et ils prendraient alors sans balancer la résolution de le porter eux-mêmes; comme simples voyageurs, ils mettraient Votre Majesté à portée de les juger par elle-même. Elle n'aurait pas la peine de les appeler au risque de ne les pas trouver au gré de ses désirs. Dans le cas où leurs offres seraient agréées, ils se trouveraient tout naturellement à leur place dès le commencement de la campagne. Dans le cas contraire personne ne saurait qu'ils sont venus offrir leurs services; ils s'en retourneraient au bout d'un certain séjour, et si Votre Majesté jugeait de sa générosité de les dédommager des frais d'un voyage entrepris avec l'espérance de la servir, l'Impératrice n'aurait fait qu'une chose de

---

принять его и поговорить съ нимъ, онъ былъ бы въ состоянiи дать ей правдивый отчетъ о настоящемъ положенiи дѣлъ.

Такъ какъ надо все предвидѣть въ переворотѣ, среди котораго мы находимся, возможно что г. Буйе сочтетъ необходимымъ покинуть Францiю черезъ нѣсколько дней: ибо если дѣло дойдетъ до ружейныхъ выстрѣловъ, то онъ долженъ покинуть свой постъ ранѣе перваго выстрѣла, такъ какъ человѣкъ дорожащiй честью не уходитъ послѣ. Возможно также, что черезъ нѣсколько дней потребуютъ отъ офицеровъ присяги, которой по чувству чести г. Буйе счелъ бы невозможнымъ дать, и тогда опять таки онъ покинетъ отечество и свой постъ тотчасъ же. Въ этомъ случаѣ онъ и генералъ Гейманъ могли бы очутиться во Франкфуртѣ такъ-же скоро, какъ мой пакетъ, и тогда они не колеблясь примутъ рѣшенiе отвезти его сами, какъ простые путешественники: они этимъ дали бы Вашему Величеству возможность судить о нихъ самой. Ей не надо бы приглашать ихъ, подъ опасенiемъ что они окажутся несоотвѣтствующими ея желанiямъ. Въ случаѣ еслибъ ихъ предложенiя были приняты, они очутились бы весьма естественно на мѣстахъ своихъ съ самаго начала компанiи. Въ противномъ случаѣ никто не зналъ бы, что они прiѣхали предлагать свои услуги: они вернулись бы послѣ краткаго пребыванiя, и еслибъ Ваше Величество сочли нужнымъ по своей щедрости вознаградить ихъ за издержки путешествiя, предпринятаго въ надеждѣ послужить Вамъ, то Императрица поступила бы только еще одинъ

plus dans son genre, et mes généraux s'en retourneraient au moins avec l'avantage de l'avoir vue et d'en être personnellement connus, et choisissant ensuite un autre service, ils n'auraient plus à se dire avec regret qu'ils auraient pu servir Votre Majesté. De façon ou d'autre tout serait au mieux. Au reste, je ne sais si le souffre-douleur s'abuse, mais il est très convaincu dans son for intérieur que ces deux généraux feront dans un degré très éminent la conquête de la conquérante des coeurs et qu'elle les trouvera d'un bois propre à plus d'une chose grande, utile et digne d'elle.

Le comte d'Osmond, successeur de M. de Ségur, ne tardera pas beaucoup à partir pour se rendre à son poste avec un grand désir de mériter les bontés de Votre Majesté Impériale. C'est à cette ambition que doit se borner provisoirement un ministre dont le souverain est frappé de nullité. Pour le comte de Ségur, il partait pour Rome, mais les scrupules du Saint-Père ont au moins reculé son voyage.

42.

Sa Majesté Impériale est sans doute instruite par les dépêches de M. de Simolin de la première lettre que j'ai reçue de M. le maréchal de Cas-

---

разъ сообразно съ своимъ характеромъ, а мои генералы вернулись бы по крайней мѣрѣ съ тѣмъ преимуществомъ, что лицезрѣли бы её и лично стали бы ей извѣстны. Выбирая тогда другую службу, они не имѣли бы причины сожалѣть, что могли бы послужить Вашему Величеству. Тѣмъ или другимъ способомъ все будетъ къ лучшему. Впрочемъ не знаю ошибается ли многострадальный, но онъ очень убѣжденъ самъ въ себѣ, что его два генерала одержатъ въ значительной степени побѣду надъ побѣдительницей сердецъ и что она найдетъ ихъ годными для многихъ дѣлъ, великихъ, полезныхъ и ея достойныхъ.

Графъ Осмондъ, преемникъ г. Сегюра, не замедлитъ долго выѣздомъ, чтобъ отправиться къ своему посту съ великимъ желаніемъ заслужить милости Вашего Императорскаго Величества. Однимъ этимъ честолюбіемъ долженъ покуда довольствоваться министръ, котораго государь пораженъ ничтожествомъ. Что касается графа Сегюра, онъ собирался въ Римъ, но сомнѣнія святого отца по крайней мѣрѣ отдалили его путешествіе.

42.

Ея Императорское Величество конечно извѣщены депешами г. де-Симолина о

tries. En voici une seconde pour tenir Sa Majesté au courant de cette affaire[1]).

---

[1]) Seconde lettre de M. le maréchal de Castries.

Je reçois, Monsieur le Baron, la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, par laquelle je vois que M. le prince de Nassau a négligé de faire passer des ordres à M. de Simolin pour justifier ma démarche et autoriser celle que j'ai faite d'une lettre de crédit. Je joins ici la lettre en original de M. de Nassau, que je vous prie de me renvoyer après en avoir donné connaissance à M. de Simolin. Depuis ma lettre écrite, j'ai fait partir pour Pétersbourg un officier distingué qui est celui qui doit être à la tête de ceux qui y passeront; il connaîtra par lui-même les genres différents de talents qui lui sont nécessaires; et à quelques uns près déjà prévenu, j'attendrai de ses nouvelles pour aller en avant sur les autres.

Je suis confirmé dans ce retard par les bruits qui annoncent la paix entre la Russie et la Porte; je pourrais en douter puisque vous ne m'en dites rien. Ces bruits sont cependant si grands, et l'escadre anglaise n'étant pas entièrement armée, que je crois qu'il n'y aura rien de perdu par un retard de quinze jours ou de trois semaines. En attendant, il est inutile que M. de Simolin voie M. de Fleurien. Je dois vous accuser la réception de la lettre de crédit de 15,000 que vous avez fait si promptement expédier. Jusqu'à présent je n'ai fait d'autres avances que celle qui a été nécessaire à un capitaine de vaisseau, M. le marquis de Traversay, pour se rendre d'ici à Pétersbourg avec un aide-de-camp de M. de Nassau. Lors même que la paix serait faite, il sera utile pour bien des établissements de paix. Malgré tous les préparatifs de guerre, l'objet auquel l'Impératrice se réduit est si modéré d'après ses succès; elle appuie la possession d'Otchakow de tant de bonnes raisons, d'après la déclaration de guerre qu'elle a eue de la part des Turcs, que tous les gens impartiaux seront pour elle etc. etc. etc.

Lausanne, ce 21 avril 1791.

первомъ письмѣ, полученномъ мною отъ маршала Кастри. Вотъ другое, по которому Ея Величество будетъ имѣть возможность прослѣдить за этимъ дѣломъ[1]).

---

[1]) Второе письмо отъ г. маршала де-Кастри.

Я получилъ, г. Баронъ, письмо, которымъ вы меня почтили. Изъ него я вижу, что принцъ Нассаусскій не послалъ приказанія г. де-Симолину, чтобъ оправдать мой поступокъ и уполномочить меня на выдачу векселя. Я прилагаю здѣсь подлинное письмо Нассаусскаго, которое прошу васъ возвратить мнѣ, сообщивъ содержаніе его г. Симолину. Послѣ моего письма, я отправилъ въ Петербургъ отличнаго офицера, долженствующаго быть во главѣ переселяющихся туда; онъ самъ узнаетъ различные роды талантовъ для него нужные; и кромѣ нѣкоторыхъ. о коихъ я уже предупрежденъ, я дождусь извѣстій отъ него, чтобъ устроиться съ остальными.

Въ этой медлительности подкрѣпляютъ меня слухи, возвѣщающіе миръ между Россіей и Портой; я могъ бы сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ вы мнѣ объ этомъ ничего не говорите. Эти слухи однако сильно распространены и такъ какъ Англійская эскадра не вполнѣ вооружена, то я полагаю, что ничего не будетъ потеряно отъ замедленія недѣльки на двѣ, на три. Покамѣстъ же безполезно, чтобъ г. де-Симолинъ видѣлся съ г. Флёріенемъ. Я долженъ извѣстить васъ о полученіи векселя въ 15 тысячъ, который вы такъ поспѣшно распорядились отправить. До сихъ поръ я не дѣлалъ другихъ выдачъ, какъ на необходимыя издержки капитану корабля, г. маркизу де-Траверсе, на поѣздку отсюда въ Петербургъ съ адъютантомъ Нассаусскаго принца. Еслибъ даже миръ былъ заключенъ, онъ будетъ полезенъ для многихъ мирныхъ учрежденій. Несмотря на всѣ военныя приготовленія, требованія которыми ограничивается Императрица такъ умѣренны по ея успѣхамъ; она подкрѣпляетъ обладаніе Очаковымъ такими основательными доводами, при объявленіи ей войны самими Турками, что всѣ безпристрастные люди будутъ за неё, и проч. и проч. и проч.

Лозанна, 21 апрѣля 1791 г.

43.

Courtes observations sur la facture ci-incluse.

Sa Majesté Impériale lira avec édification la Journée du 18 avril 1791. C'est une des plus belles journées de l'histoire de France. Il n'y a rien qui lui soit comparable, si ce n'est peut être la Nuit de Versailles du 5 au 6 octobre 1789.

Sa Majesté Impériale est suppliée de lire avec beaucoup de recueillement le chapitre 261 des actes des apôtres. Elle verra à quelles tribulations son souffre-douleur se trouve exposé à propos de bottes. Tout n'est pas profit dans les grandes places, surtout lorsqu'elles sont uniques, et c'est en vain qu'on voudrait échapper à l'envie et à la jalousie sous le manteau de son obscurité personnelle.

Le navire dont le connaissement est ci-joint porte deux tableaux à sa Majesté Impériale.

Le premier est celui que M. de Calonne m'envoya sur la fin de l'année dernière de Londres, pour me donner une idée du talent de ce peintre son protégé, si passionné pour la gloire de faire un tableau pour l'Impératrice. Ce tableau d'essai est trop grand pour trouver place dans le palais du souffre-douleur, qui s'est vu obligé de le renvoyer au taudis de l'Ermitage impé-

---

43.

Краткія замѣчанія на прилагаемый здѣсь счетъ.

Ея Императорское Величество прочтетъ съ пользою описаніе дня 18 апрѣля 1791 г. Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней французской исторіи. Ничто не можетъ съ нимъ сравниться, развѣ только Версальская ночь съ 5 на 6 октября 1789 г.

Умоляю Ея Величество прочесть съ большимъ благоговѣніемъ главу 261 изъ дѣяній Апостоловъ. Она увидитъ, какимъ испытаніямъ ея многострадальный подвергается изъ за пустяковъ. Не однѣ выгоды представляетъ высокое положеніе, особливо когда оно единственное, и напрасно хотѣлось бы освободиться отъ зависти и ревности подъ щитомъ своего личнаго ничтожества.

Корабль, котораго коносаментъ при семъ приложенъ, везетъ Ея Императорскому Величеству двѣ картины.

Первая та самая, которая прислана мнѣ г. Калонномъ въ концѣ прошедшаго года изъ Лондона, чтобъ дать мнѣ понятіе о талантѣ покровительствуемаго имъ живописца, столь страстно стремящагося къ славѣ написать картину для Императрицы. Эта пробная картина такъ огромна, что не можетъ умѣститься во дворцѣ многострадальнаго, который и былъ вынужденъ отослать ее въ лачугу Императорскаго эрмитажа. Онъ ве-

rial. Il l'a fait ôter de son cadre qui est emballé à part, parce que les tableaux encadrés paient à leur entrée et sortie d'énormes droits en France. Si M. de Calonne, qui devait connaître les lois fiscales de son pays, avait bien voulu s'en souvenir, il m'aurait épargné le paiement de ces gros droits à l'entrée de son tableau protégé à Calais, et s'il en avait voulu garder le cadre à Londres, ce tableau n'aurait été ni plus ni moins beau. Au reste, cet ancien ministre ayant quitté l'Angleterre immédiatement après l'envoi de ce tableau, je présume que le peintre passionné, son protégé, pourra attendre la résolution impériale jusqu'après le rétablissement de la paix avec les infidèles avec et sans prépuce.

Le second tableau est de Robert, peintre de l'académie. Il représente une vue de Tsarsko-sélo, et ce mot a suffi pour me donner une terrible palpitation en le regardant. Robert m'assure que ce tableau lui a été commandé de la part de Sa Majesté Impériale par M. le comte de Strogonof. Son prix est 50 louis ou 1200 livres de France, à payer par le comte de Strogonof ou par le souffre-douleur; mais celui-ci ne le peut sans un ordre exprès de l'Impératrice, sa Souveraine ordonnatrice. On doit présumer que Robert, dont le principal talent est de peindre des ruines, doit se trouver en ce moment comme coq en pâte dans sa patrie. De quel côté qu'il se tourne, il trouve son genre au pinacle et les plus belles et les plus fraîches ruines du monde.

лѣлъ вынуть ее изъ рамы, уложенной отдѣльно, потому что картины въ рамахъ платятъ при ввозѣ и вывозѣ огромныя пошлины во Францiи. Еслибъ г. Калоннъ, который долженъ былъ знать фискальные законы своей страны, захотѣлъ объ нихъ вспомнить, онъ избавилъ бы меня отъ платежа этихъ огромныхъ пошлинъ при ввозѣ покровительствуемой имъ картины въ Калэ, и еслибъ онъ вздумалъ оставить раму въ Лондонѣ, картина отъ этого не сдѣлалась бы ни лучше, ни хуже. Впрочемъ, такъ какъ этотъ бывшiй министръ покинулъ Англiю тотчасъ послѣ отправки картины, я полагаю, что страстный живописецъ, его протеже, можетъ подождать Императорскаго рѣшенiя до заключенiя мира съ невѣрными, обрѣзанными и необрѣзанными.

Вторая картина — Робера, академическаго живописца. Она представляетъ видъ Царскаго Села, и одного этого слова было достаточно, чтобъ заставить мое сердце страшно забиться глядя на нее. Роберъ увѣряетъ меня, что эта картина была ему заказана отъ имени Вашего Имп. Величества графомъ Строгоновымъ. Цѣна ей 50 луи или 1200 французскихъ ливровъ, которые должны быть уплачены или графомъ Строгоновымъ, или многострадальнымъ; но послѣднiй не можетъ этого сдѣлать безъ особаго приказанiя Императрицы — его Царственной повелительницы. Надо полагать, что Роберъ, который отличается особено талантомъ рисовать развалины, долженъ въ эту минуту находиться въ своей стихiи у себя въ отечествѣ. Въ какую бы сторону онъ ни повернулся, онъ видитъ свой родъ живописи торжествующимъ и самыя прекрасныя и свѣжiя развалины въ мiрѣ.

Depuis le mois de janvier la mort a enlevé successivement Rulhière, Falconet et Gillet, dont la première pancarte parlera plus amplement.

La marquise de la Ferté Imbault, fille de Madame Geoffrin, se meurt en ce moment, victime de la révolution. Car quoiqu'on ne soit plus jeune à 76 ans, elle aurait certainement poussé sa carrière beaucoup plus loin; mais sa tête trop aisée à s'embraser n'a pu résister à la continuité des horreurs et des atrocités qui nous ont environnés depuis deux ans.

Il y a des avis d'Hannover qui parlent avec inquiétude de la santé de frère Ge. Quelques lettres de Londres disent qu'il n'est pas menacé d'une rechute de son précédent mal, mais qu'il penche vers l'imbécillité.

Facture du 1 (12) mai 1791.

Pour Sa Majesté Impériale Feuilles et Brochures remportées par l'exprès du souffre-douleur et ci incluses.

La Journée du 18 avril 1791.

Actes des apôtres № 261.

Mémoire de M. de Calonne contre le décret du 14 février 1791 de l'Assemblée se disant nationale.

Съ января мѣсяца смерть унесла постепенно Рюльера, Фалконэ, Жиллэ, о которыхъ въ первомъ письмѣ будетъ говорено подробнѣе.

Маркиза де-ла-Ферте-Имбо, дочь госпожи Жофрень, умираетъ въ эту минуту, жертвой революціи; ибо хотя въ 76 лѣтъ мы уже не молоды, однако она конечно прожила бы гораздо долѣе; но голова ея, слишкомъ легко воспламеняющаяся, не могла выдержать непрерывныхъ ужасовъ и неистовствъ, которые насъ окружали эти два года.

Есть извѣстія изъ Ганновера, весьма тревожныя о здоровьи братца Ге. Нѣкоторыя письма изъ Лондона говорятъ, что ему не грозитъ возвращеніе прежней его болѣзни, но что онъ обнаруживаетъ наклонность къ сумасшествію.

Счетъ отъ 1 (12) мая 1791.

Для Ея Императорскаго Величества листки и брошюры, порученныя нарочному многострадальнаго и здѣсь приложенные.

День 18 апрѣля 1791.

Дѣянія Апостоловъ № 261.

Записка г. Калонна противъ декрета отъ 14 февраля 1791 собранія мнимо національнаго.

Lettre de M. Burke à un membre de l'Assemblée nationale de France.

Le connaissement du capitaine de l'Aimable Céleste de Rouen sur deux tableaux embarqués à bord de son navire à l'adresse de sa Majesté Impériale.

44.

Allerunterthänigster Rechnungs-Vortrag.

A Gotha, ce lundi, 17 (28) novembre 1796.

Madame, Votre Majesté Impériale n'ignore pas qu'elle est depuis plusieurs mois menacée d'une reddition de compte de ma part, et il n'y a que ma mauvaise santé et mes griffonnages interminables qui aient pu me faire différer, car je n'aime jamais attendre plus de dix ou onze mois pour rendre compte de ma gestion, et cette fois-ci ce terme a été poussé à quatorze. Il est vrai qu'il y a eu un peu de politique dans mon fait. J'ai dit, si je tombe avec mon compte au milieu des fêtes occasionnées par la présence des comtes de Haga et de Wasa, mon auguste Souveraine ne manquera pas de jeter les hauts cris. Gebranntes Kind fürchtet das Feuer. Ich erinnere mich noch immer des harten Standes den ich aushalten mußte, parce qu'un de mes malheureux comptes, sans que j'aie pu prévoir ni le calculer d'avance, tomba dans la semaine de

---

Письмо г. Борка къ члену Національнаго собранія во Франціи.

Коносаментъ капитана корабля (Aimable Céleste) изъ Руана на двѣ картины, отправленныя съ нимъ и адресованныя Ея Императорскому Величеству.

44.

Всеподданнѣйшій счетный докладъ.

Въ Готѣ, понедѣльникъ, 17 (28) ноября 1796.

Государыня. Вашему Императорскому Величеству не безызвѣстно, что Вамъ уже нѣсколько мѣсяцевъ угрожаетъ съ моей стороны присылка счетовъ, и только мое плохое здоровье и нескончаемое царапанье могли вызвать отсрочку, такъ какъ я никогда не люблю ждать долѣе десяти, одиннадцати мѣсяцевъ, чтобъ отдать отчетъ въ моемъ дѣлопроизводствѣ, а на этотъ разъ срокъ былъ отодвинутъ до четырнадцати мѣсяцевъ. Правда что была нѣкоторая политика въ моемъ поступкѣ. Я сказалъ: если явлюсь съ моимъ счетомъ среди празднествъ, вызванныхъ присутствіемъ графовъ Гага и Вазы, то Августѣйшая моя Государыня не преминетъ предаться громкимъ восклицаніямъ. Обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду. Я все еще помню, какой жестокій урокъ я получилъ, когда одинъ изъ моихъ несчастныхъ счетовъ попалъ на сырной недѣлѣ, чего

beurre. Combien d'exclamations: c'est dur, cela! un compte à examiner pendant la semaine de beurre, c'est bien dur! et autres propos n'ai-je pas eu à avaler? Celui-ci trouvera votre Majesté en plein repos, et au lieu de reproches et de sarcasmes, je n'aurai que des compliments à rembourser d'avoir su briser l'uniformité de la journée impériale par une distraction si agréable.

Pour plus grande clarté, j'ai partagé mon compte en № 1 et № 2, comme il m'arrive toutes les fois qu'il s'étendrait au-delà d'une page, si je n'y faisais pas une séparation. Moyennant cette précaution, un coup d'oeil suffit pour embrasser chaque numéro, et pour connaître la situation de la caisse impériale.

Observation préliminaire. Comme il y a longtemps que je n'ai comparu en l'auguste présence de ma Souveraine avec mon portefeuille de finance sous le bras, je vais lui rappeler que depuis que je ne puis plus compter en livres tournois, mes comptes ont été rendus en florins et kreuzer au cours de Francfort, et que je m'y tiendrai, non seulement parce qu'il ne faut pas à tout moment changer de gamme comme une girouette, mais parce que la plus grande partie des articles pour le service de Votre Majesté Impériale se payant effectivement à Francfort, je n'éviterais pas la bigarrure dans mes comptes, si je voulais compter en écus et gros suivant l'usage de ce pays-ci.

я не могъ ни предвидѣть, ни расчитать заранѣе. Сколько восклицаній: какъ это жестоко! разсматривать счетъ на сырной недѣлѣ, это очень жестоко! такія и другія подобныя рѣчи долженъ былъ я проглотить. Этотъ счетъ застанетъ Ваше Величество въ полномъ покоѣ[1]), и вмѣсто упрековъ и насмѣшекъ, мнѣ придется услышать только похвалы, что я сумѣлъ нарушить однообразіе императорскаго дня такимъ пріятнымъ развлеченіемъ.

Для бо̀льшей ясности, я раздѣлилъ свой счетъ на № 1-й и № 2-й, какъ случается со мною всякій разъ, когда онъ долженъ бы перейти на другую страницу, еслибъ я не сдѣлалъ этого раздѣленія. Посредствомъ такой предосторожности достаточно одного бѣглаго взгляда, чтобъ обозрѣть каждый номеръ и узнать положеніе императорской кассы.

Предварительное замѣчаніе. Такъ какъ я очень давно не являлся въ августѣйшее присутствіе моей Государыни съ моимъ финансовымъ портфелемъ подъ мышкой, я напомню ей, что съ тѣхъ поръ какъ не могу болѣе расчитывать ливрами турнуа, счеты мои были ведены на флорины и крейцеры по франкфуртскому курсу, и я буду этого держаться не только потому, что не надо каждую минуту измѣнять гамму какъ флюгеръ, но потому что бо̀льшая часть предметовъ къ услугамъ Вашего Величества уплачивается дѣйствительно во Франкфуртѣ и такимъ образомъ я не избѣжалъ бы пестроты въ моихъ счетахъ, еслибъ хотѣлъ считать на экю и гроши, сооб-

---

[1]) По числу, писано уже послѣ смерти Императрицы.

Je passe aux observations particulières qui ne seront ni abstraites, ni profondes, ni lumineuses, comme autrefois, la matière ne comportant rien de tout cela.

№ 1. Je n'ai rien à observer sur l'article № 1 du compte № 1, si ce n'est que Votre Majesté m'ayant ordonné expressément de payer les frais d'auberge de ses courriers pendant leur séjour ici, et de les lui porter en compte, je me suis conformé à cet ordre. Ils dînent régulièrement chez moi en famille, mais la soirée et la nuit étant consacrées à mon griffonnage, je ne puis leur offrir à souper.

№ 2. Tout ce qu'il y a à dire sur cet article, a été si souvent dit dans les comptes précédents, qu'il faut le passer en silence.

№ 3. Il faut lui appliquer ce que je viens de dire sur № 1.

№ 4. J'apprends par une voie indirecte que le chevalier d'Augard est arrivé à Pétersbourg le premier novembre, nouveau style. Je souhaite vivement que ses communications soient dignes de fixer l'attention de Votre Majesté sur un objet qu'il croit si important pour l'empire.

Observations sur le compte № 2.

№ 1. Je renvoie sur cet article au № 1 et au № 3 ci-dessus du compte № 1.

разуясь съ нравами этой страны. Перехожу къ частнымъ замѣчаніямъ, которыя не будутъ ни отвлеченны, ни глубоки, ни ярки, какъ нѣкогда, ибо матерія не допускаетъ ничего подобнаго.

№ 1. Я ничего не могу замѣтить на статью № 1 счета № 1, кромѣ того что получилъ отъ Вашего Величества точный приказъ платить за содержаніе Вашихъ курьеровъ въ гостиницахъ, во время ихъ пребыванія здѣсь, ставя это на счетъ, и я твердо держался этого приказанія. Они постоянно обѣдаютъ у меня за семейнымъ столомъ, но такъ какъ ночь я посвящаю бумагомаранью, то не могу предложить имъ ужинать.

№ 2. Все что сказать можно объ этой статьѣ было такъ часто говорено въ предыдущихъ счетахъ, что надо пройти ее молчаніемъ.

№ 3. Надо приложить къ нему то, что я только что сказалъ о № 1.

№ 4. Я узнаю косвеннымъ путемъ, что кавалеръ Огаръ прибылъ въ Петербургъ перваго ноября, новаго стиля. Я искренно желаю, чтобъ его сообщенія были достойны привлечь вниманіе Вашего Величества по предмету, который онъ считаетъ столь важнымъ для имперіи.

Замѣчанія о счетѣ № 2.

№ 1. Отсылаю по этому параграфу къ № 1 и № 3 счета № 1.

№ 2. M. le comte de Bezborodko n'ayant pas fait payer à M. de Schoulepof à son départ, le montant de la totalité de sa course, et S. E. lui ayant dit de me demander ce supplément pour son retour de Gotha à Pétersbourg, j'en ai fait d'autant moins de difficulté, que la même chose m'est déjà arrivée avec plusieurs autres courriers, et que Votre Majesté l'a approuvée chaque fois. D'ailleurs M. de Schoulepof ne m'a demandé que 25 ducats, et cette demande m'a paru infiniment discrète.

№ 3. Mes pancartes ont déjà amplement parlé des talents de M. Wiebeking et du mérite de ses cartes topographiques.

№ 4. Je renvoie sur cet article au № 1 du compte № 2, lequel renvoie, à son tour, aux № 1 et 3 du compte № 1, et voilà comme dans un système de finances bien lié, tout se tient et s'éclaircit mutuellement.

№ 5. Quant à cet article, je renvoie au № 2 du compte № 1, toujours pour prouver la bonté de mon système lié.

№ 6. Sur cet article il faut consulter № 4 de ce compte et tous les articles auxquels ce № renvoie. M. de Nelcken porte à l'Académie impériale des sciences plusieurs instruments précieux pour l'astronomie, qui ont été ou inventés ou perfectionnés ici par M. de Zach, membre de l'Académie impériale et un des premiers astronomes de l'Europe. Pendant son long séjour ici, M. de Nelcken s'est beaucoup appliqué à l'astronomie. Il est parfaitement en état de montrer aux académiciens de Pétersbourg l'usage des instruments qu'il

---

№ 2. Графъ Безбородко не распорядился уплатой г. Шулепову, при его отъѣздѣ, полной суммы на его поѣздку, и его сіятельство велѣлъ ему потребовать это дополненіе у меня на обратный путь его изъ Готы въ Петербургъ; я этимъ не затруднялся, тѣмъ болѣе, что это случалось со многими другими курьерами и что Ваше Величество каждый разъ одобряли это. Впрочемъ г. Шулеповъ просилъ у меня только 25 дукатовъ, и это требованіе показалось мнѣ чрезвычайно скромнымъ.

№ 3. Мои грамоты уже пространно говорили о талантахъ г. Вибекинга и о достоинствѣ его топографическихъ картъ.

№ 4. Отсылаю и по этой статьѣ къ № 1 счета № 2, который въ свою очередь отсылаю къ № 1 и 3 счета № 1, и вотъ какъ въ хорошо установленной финансовой системѣ все взаимно вяжется и поясняется.

№ 5. Что касается до этой статьи, отсылаю къ № 2 счета № 1, все для того, чтобъ доказать достоинство моей связной системы.

№ 6. На счетъ этой статьи, надо справиться съ № 4 этого счета и со всѣми статьями, на которыя этотъ номеръ ссылается. Г. Нелькенъ везетъ въ Императорскую Академію Наукъ нѣсколько драгоцѣнныхъ инструментовъ для астрономіи, изобрѣтенныхъ или усовершенствованныхъ здѣсь г. Цахомъ, членомъ Императорской Академіи и однимъ изъ первыхъ астрономовъ въ Европѣ. Г. Нелкенъ въ продолженіи своего долгаго пребыванія здѣсь, очень прилежно занимался астрономіей. Онъ вполнѣ въ состояніи показать петербургскимъ академикамъ употребленіе привезенныхъ имъ

porte, ainsi que la manière de les monter et de les démonter. M. de Zach, qui n'est pas louangeur de son métier, lui a trouvé beaucoup de dextérité dans les mains et une grande intelligence pour deviner et comprendre l'usage d'un instrument et pour le manier avec sûreté. Les connaissances qu'il a cherché à acquérir peuvent être aussi d'une grande utilité aux militaires, à la guerre, et pour la science de placer et d'asseoir les camps, de prendre la hauteur exacte des villes etc. On ne peut pas dire précisément que le ciel ait favorisé M. de Nelcken du côté de la figure; mais il m'a paru qu'il l'a dédommagé de cet avantage d'une autre manière qui n'est rien moins qu'indifférente.

№ 7. Tout ce que j'ai à observer sur ma dépense particulière, c'est que depuis que M. le directeur général de la Banque impériale a quitté son poste de Francfort, l'acticle des ports de lettres a augmenté chez moi d'une manière à faire trembler. Tous les émigrés m'ont choisi de leur chef pour son successeur et m'accablent de lettres, de requêtes, de mémoires, dont je prends rarement sur moi de parler à mon auguste Souveraine. Il en reste toujours un grand nombre dont je ne puis me dispenser de faire mention pour l'entretien de l'exercice de sa patience et de sa sensibilité.

№ 8. Il y a déjà deux feuilles d'imprimées, et le sage Reichard promet le premier volume pour la foire de Pâques de l'année prochaine.

Et voilà mes deux comptes, n'en faisant qu'un, coulés à fond. Ils prouvent que votre Majesté Impériale me doit 1635 florins 27 kreuzers, que le

---

инструментовъ, также какъ и способъ ихъ складывать и разбирать. Г. Цахъ, который не охотникъ хвалить, нашелъ у него большую ловкость въ рукахъ и большое умѣнье отгадывать и понимать употребленіе инструмента и владѣть имъ. Знанія, которыя онъ старался пріобрѣсти, могутъ быть также весьма полезны на войнѣ, для искусства располагать лагери, и вѣрно снимать высоту городовъ. Нельзя именно сказать, чтобъ Небо поблагопріятствовало г. Нелькену со стороны его наружности; но мнѣ показалось, что оно вознаградило его за это съ другой стороны, которая не можетъ считаться маловажною.

№ 7. Могу замѣтить въ отношеніи къ моимъ особымъ издержкамъ, что съ тѣхъ поръ какъ г. главный директоръ Императорскаго Банка покинулъ свой постъ во Франкфуртѣ, статья вѣсовыхъ за письма увеличилась у меня ужасающимъ образомъ. Всѣ эмигранты сами отъ себя выбрали меня его преемникомъ и надоѣдаютъ мнѣ письмами, просьбами, промеморіями, о которыхъ я рѣдко позволяю себѣ говорить своей Августѣйшей Государынѣ. Всетаки остается много такихъ, о которыхъ я не могу не упоминать ей, чтобъ поддерживать упражненіе ея въ терпѣніи и чувствительности.

№ 8. Уже два листа напечатано, и мудрый Рейхардъ обѣщаетъ первый томъ къ пасхальной ярмаркѣ будущаго года.

И вотъ мои два счета, составляющіе одинъ, очищены. Они доказываютъ, что Ваше Величество должны мнѣ 1635 флориновъ 27 крейцеровъ, которые Импера-

cabinet impérial aura la bonté de me faire payer par mes protecteurs Livio, que je dirigerai sur la remise. God save our Emperor of all the Russias in saecula saeculorum. Amen.

Compte courant № 1. Première section.

Doit 1795 Sa Majesté.

Octobre.

	fl.	Kr.
Suivant mon compte arrêté, rendu et approuvé par S. M. I. le 30 septembre 1795, il m'était dû pour solde	442	39
Novembre.		
Ce 26. Payé pour logement et frais à l'auberge pour M. de Garikhvostof, courrier de S. M. I., pendant le séjour qu'il a fait près de moi. Voyez № 1	59	45
1796. Janvier.		
Ce 22. Les six derniers mois 1795 de la pension de Corilla à Florence. Voyez № 2	272	32
Mai.		
Ce 1. Payé pour logement et frais à l'auberge pour M. de Manitscharof, courrier de S. M. I., pendant le séjour qu'il a fait près de moi. Voyez № 3	82	26
	857	22

торскій кабинетъ соблаговолитъ велѣть уплатить мнѣ черезъ моихъ покровителей Ливіо, которыхъ я буду руководить въ выдачѣ. Храни Боже нашего Императора Всероссійскаго во вѣки вѣковъ. Аминь.

Текущій счетъ № 1. Первый отдѣлъ.

Долгъ въ 1795 г. Ея Величества.

Октября.

	Фл.	Кр.
По условленному и представленному счету, одобренному Е. И. В. 30 сентября 1795 г., мнѣ остались должны	442	39
Ноябрь.		
Сего 26. Заплачено за помѣщеніе и содержаніе въ гостинницѣ г. Горихвостова, курьера Ея И. В., въ продолженіе его пребыванія у меня. См. № 1	59	45
1796. Январь.		
Сего 22. Шесть послѣднихъ мѣсяцевъ 1795 г. пенсіи Кориллы во Флоренціи См. № 2	272	32
Май.		
Сего 1-го. Уплачено за помѣщеніе и содержаніе въ гостинницѣ г. Манычарова, курьера Е. И. В., въ пребываніе его при мнѣ см. № 3	82	26
	857	22

Pour mémoire.

Arrêté sauf erreur où Messieurs les frères Livio et C. m'ont aussi fait toucher en Juin 1796, chez Messieurs Dufour frères à Leipzig, par ordre du cabinet impérial, la somme de trois cents ducats en espèces que S. M. I. m'a ordonné de remettre à M. le chevalier d'Augard, ancien officier de marine en France, émigré à Erfort, pour les frais de son voyage à Pétersbourg, où il a été appelé par ordre de S. M. Sa quittance ajoutée aux pièces justificatives prouve que je me suis acquitté de ces ordres. Voyez № 4.

1796.

Janvier.

	fl.	Kr
Ce 4. Par ordre du cabinet impérial Messieurs les frères Livio et C. m'ont fait payer par Messieurs les frères Bethmann à Francfort, pour rembourser le solde ci-contre résultant de mon compte arrêté le 30 septembre 1795, la somme de .	442	39
Juin.		
J'ai payé en novembre 1795, janvier et mai 1796 pour le service de S. M. I.	414	43
	857	22

Mission à Gotha, ce 19 (30) juin 1796.

Grimm.

Промеморія.

Гг. братья Ливіо и К° также передали мнѣ въ іюнѣ 1796, у гг. Дюфуръ братьевъ въ Лейпцигѣ, по приказанію Императорскаго кабинета, сумму въ триста дукатовъ деньгами, которую Е. И. В. приказали мнѣ передать г. кавалеру Огару, бывшему морскому офицеру во Франціи, эмигрировавшему въ Эрфуртъ, на издержки его путешествія въ Петербургъ, куда онъ былъ призванъ по повелѣнію Е. В. Его квитанція, приложенная къ объяснительнымъ документамъ, доказываетъ что я исполнилъ это приказаніе. См. № 4.

1796.

Январь.

	Фл.	Кр.
Сего 4. По приказанію Императорскаго кабинета гг. братья Ливіо и К° выплатили мнѣ черезъ братьевъ Бетманъ во Франкфуртѣ, чтобъ восполнить сумму, показанную въ моемъ счетѣ отъ 30 сентября 1795	442	93
Іюнь.		
Я заплатилъ въ ноябрѣ 1795, январѣ и маѣ 1796 по порученіямъ Е. И. В.	414	43
	857	22

Миссія въ Готѣ, сего 19 (30) іюня 1796 г.

Гриммъ.

45.

Ces deux lettres me sont arrivées le printemps dernier pendant ma maladie, et je les sépare d'une foule d'autres, foule innombrable dont je suis journellement accablé, et dont il m'est impossible d'importuner la plus indulgente comme la plus généreuse des Souveraines. Je me reproche d'avoir oublié jusqu'à ce moment la lettre de M. de Juigné qui cet été, à l'approche des bandits républicains, s'est enfui de Constance, en Suisse, avec son frère, l'archevêque de Paris. Mais ce péché d'omission obtiendra son pardon des interessés même, s'ils peuvent se figurer combien je suis tiraillé, persécuté, tourmenté sans relâche, et considérer que chaque homme ne reçoit de la nature qu'une certaine dose de forces physiques qu'il ne peut outre-passer.

A Gotha, ce 19 (30) novembre 1796.

45.

Эти два письма пришли ко мнѣ прошедшую весну во время моей болѣзни, и я отдѣляю ихъ отъ множества другихъ, которыми я ежедневно задавленъ, и которыми мнѣ невозможно безпокоить самую снисходительную какъ и самую щедрую изъ Монархинь. Я упрекаю себя, что забылъ до этой минуты письмо г. Жюинье, который это лѣто, во время приближенія республиканскихъ бандитовъ, бѣжалъ изъ Констанца въ Швейцарію съ братомъ своимъ архіепископомъ Парижскимъ. Но этотъ грѣхъ упущенія, получитъ прощеніе отъ самихъ заинтересованныхъ, если они будутъ въ состояніи представить себѣ какъ меня тормошатъ, преслѣдуютъ, мучаютъ безпрерывно и примутъ во вниманіе, что всякій человѣкъ получаетъ отъ природы только извѣстную долю физическихъ силъ, которыхъ не можетъ превысить.

Въ Готѣ, сего 19 (30) ноября 1796 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ письмамъ Гримма къ Императрицѣ[1]).

I.

Post-scriptum[a]).

Il y a déjà quelques mois qu'on m'a assuré que des bien-intentionnés ont tenté de faire un feu de joie de la flotte de Cronstadt, dont heureusement nous voyons le pavillon se déployer avec un applaudissement universel. Je suis persuadé que cette attention de la part des bien-intentionnés n'est pas perdue avec l'Impératrice: en certaines occasions la bonne volonté vaut le fait.

Je crois que mon ami de Sans-Souci n'est pas de trop bonne humeur de la vocation subite qui est venue à l'archiduc Mayel, qu'on archifiait différem-

[a]) Къ письму отъ 18 (29) августа 1780 г. (См. стр. 50).

I.

Приписка

къ письму отъ 18 (20) августа 1780. (См. стр. 50.)

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ меня увѣряли, что благонамѣренные люди пытались сдѣлать фейерверкъ изъ Кронштадтскаго флота, котораго флагъ къ счастью развѣвается при общихъ рукоплесканіяхъ. Я увѣренъ, что это вниманіе со стороны благонамѣренныхъ, не пропадетъ даромъ для Императрицы: въ нѣкоторыхъ случаяхъ добрая воля стоитъ самаго дѣла.

Я думаю, что другъ мой изъ С. Суси не очень-то въ духѣ отъ внезапнаго назначенія, полученнаго эрцгерцогомъ Максомъ, котораго, въ бытность его во Франціи, про-

[1]) Здѣсь помѣщается прежде всего приписка къ одному изъ довольно раннихъ писемъ Гримма къ императрицѣ, пропущенная въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ на ней въ подлинникѣ нѣтъ никакой помѣты. За нею слѣдуютъ записки педагогическаго содержанія, которыя Гриммъ представлялъ государынѣ по ея желанію, и наконецъ два письма его — одно къ Потемкину, другое къ служившему при князѣ Таврическомъ барону Бюлеру. Эти два письма могутъ дать понятіе о содержаніи довольно обширной переписки, которую Гриммъ велъ съ Потемкинымъ относительно прежнихъ французскихъ подданныхъ, желавшихъ перейти на службу въ Россію. Собраніе этихъ писемъ Гримма составляетъ порядочную тетрадь, хранящуюся, въ Московскомъ Главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

ment pendant son séjour en France, pour l'état ecclésiastique. Mais mon ami de Sans-Souci a tort. Pourquoi n'est-il pas resté éveillé, après que Minerve son amie lui eût procuré le repos par son puissant tripotage de Teschen? Il faut se reposer, mais non pas s'endormir. Mon ami Taschenspieler n'a pas perdu la tête, et a arrangé ses gobelets d'une autre manière. Je ne crois pas qu'on raffole ici précisément de la vocation subite; mais il est fort différent de prévenir doucement une chose ou de s'y opposer durement quand elle est arrangée. Mon ami de Sans-Souci a tort; il fallait veiller, et avoir de l'huile dans sa lampe, pour les chanoines qui aiment la salade.

Je ne sais si votre Majesté a toujours conservé l'insoutenable et orgueilleuse présomption de ressembler à feu Loius XV, un des plus grands philosophes de son temps.

Du moins du côté de la piété il faut baisser pavillon. Ce grand homme n'aurait jamais fait le badaut ni à une messe grecque, ni à un sermon luthérien, il aurait fait le signe de la croix devant ces abominations. J'ai appris depuis peu un trait unique de lui, qui caractérise bien la scrupuleuse délicatesse de sa conscience royale.

J'attendrai par la première occasion opportune, deux médailles d'or pour Salomon Gessner de Zürich: car comme il a réussi de faire placer deux tableaux dans les cabinets de votre Majesté Impériale j'estime qu'il sera

---

чили иначе въ духовное званіе. Но другъ мой изъ Санъ-Суси неправъ. Зачѣмъ не былъ онъ на сторожѣ, послѣ того какъ пріятельница его Минерва доставила ему покой своей могущественной Тешенской стряпней? Надо отдыхать, но не засыпать. Другъ мой фокусникъ не потерялъ головы, и размѣстилъ свои стаканчики другимъ образомъ. Я не думаю, чтобъ и здѣсь на самомъ дѣлѣ безумно радовались внезапному назначенію; но большая разница тихонько предупредить дѣло, или противиться ему съ жесткостью, когда оно уже сдѣлано. Другъ мой Санъ-Суси неправъ; надо быть бдительнымъ и имѣть масло въ своемъ свѣтильникѣ для канониковъ любящихъ салатъ.

Я не знаю, сохранили ли Ваше Величество несносную и гордую мечту походить на покойнаго Людовика XV, одного изъ величайшихъ философовъ своего времени.

По крайней мѣрѣ со стороны благочестія надо опустить флагъ. Этотъ великій человѣкъ никогда не простоялъ бы зѣвакой ни за греческой обѣдней, ни на лютеранской проповѣди, онъ перекрестился бы передъ этими ужасами. Я узналъ недавно единственный случай объ немъ, характеризующій прекрасно добросовѣстную деликатрость его королевской совѣсти.

Я буду ожидать при первомъ удобномъ случаѣ двѣ золотыя медали для цюрихскаго Соломона Гесснера: такъ какъ ему удалось поставить двѣ картины въ кабинеты Вашего Императорскаго Величества, я полагаю, что онъ съ гордостью повѣ-

orgueilleux de suspendre deux médailles dans sa bibliothèque, ornées du buste sacré que l'univers révère.

II.

Les idées de M. Schaden me paraissent d'un homme de sens et de mérite.

1.

L'idée d'élever dans les écoles non seulement des écoliers, mais en même temps des sujets capables d'instruire les autres, et appliqués à toutes sortes d'enseignement public, me paraît excellente et entièrement conforme aux vues de Sa Majesté Impériale, qui, voulant multiplier les écoles dans son empire, a surtout besoin de personnes en état de bien enseigner la jeunesse.

M. Schaden propose pour cet effet un séminaire d'étudiants qui seraient enployés à l'office de répétiteurs et qui auraient l'inspection des écoliers hors le temps des classes dans leurs chambrées etc. Il en fait un corps qui en cas de maladie peut suppléer les professeurs, et dont on en peut tirer en cas de vacance pour remplacer ceux qui manquent et recruter les colléges de sujets capables et tout dressés.

сить двѣ медали въ свою библіотеку, украшенную священнымъ бюстомъ, который чтитъ вся вселенная.

II.

Мысли г. Шадена, кажется мнѣ, обнаруживаютъ въ немъ человѣка разумнаго и достойнаго.

1.

Мысль воспитывать въ школахъ не только учениковъ, но въ то же время людей способныхъ учить другихъ и готовящихся къ разнородному публичному преподаванію, кажется мнѣ прекрасною и вполнѣ соотвѣтствующею видамъ Ея Императорскаго Величества, которая, желая распространять школы въ своей имперіи, особенно нуждается въ людяхъ, способныхъ хорошо обучать юношество.

Г. Шаденъ предлагаетъ для этого семинарію студентовъ, которые служили бы репетиторами и имѣли бы присмотръ за учениками внѣ класснаго времени въ ихъ комнатахъ и пр. Онъ составляетъ изъ нихъ корпорацію, которая въ случаѣ болѣзни можетъ замѣнять профессоровъ и изъ которой въ случаѣ открывающихся вакансій можно пополнять мѣста выбывающихъ и снабжать школы лицами способными и совершенно подготовленными.

J'ajoute qu'il serait peut-être conforme aux vues de Sa Majesté que les meilleurs écoliers d'une classe supérieure fussent choisis pour être les répétiteurs de la classe inférieure qu'ils auraient quittée. Un jeune homme écolier dans sa classe et répétiteur dans la classe inférieure non seulement s'imprimerait mieux ce qu'il y aurait appris, mais se rendrait l'enseignement familier, ce qui contribuerait infiniment à lui donner des idées nettes et précises et la facilité de les communiquer. Il faudrait attacher une grande distinction au titre et aux fonctions de répétiteur et ne les accorder qu'à ceux des écoliers qui dans les exercices publics auraient surpassé leurs camarades, et lorsqu'ensuite en qualité de répétiteurs ils auraient montré de la capacité et de l'application, il faudrait aussi à tous les exercices publics leur décerner en cette qualité des récompenses honorables. On sait que ces récompenses sont aussi idéales que celles des grands enfants, mais qu'un écolier est peut-être plus fier de son petit bout de ruban chiffonné qu'un maréchal de ses cordons.

2.

M. Schaden veut qu'on établisse dans les colléges une classe particulière pour donner à la jeunesse les premières notions de la nature, des arts, de la morale, des lois les plus générales et les plus nécessaires tant naturelles que celles de la patrie, pour former aux écoliers l'esprit et le coeur, et pour

---

Прибавлю, что можетъ-быть было бы согласно съ видами Ея Величества, чтобъ лучшіе ученики старшаго класса были избираемы въ репетиторы къ младшимъ классамъ, черезъ которые сами прошли. Молодой человѣкъ, ученикъ въ своемъ классѣ и репетиторъ въ младшемъ, не только усвоилъ бы себѣ тверже то, что тамъ выучилъ, но и ознакомился бы съ преподаваніемъ, что чрезвычайно способствовало бы къ полученію имъ ясныхъ и точныхъ понятій и легкости ихъ сообщенія. Надо бы присвоить особенное отличіе титулу и званію репетитора и давать ихъ только такимъ ученикамъ, которые на публичныхъ испытаніяхъ превзошли бы своихъ товарищей, и когда они позже, въ качествѣ репетиторовъ, покажутъ способность и прилежаніе, слѣдовало бы также на всѣхъ публичныхъ испытаніяхъ давать имъ за эту заслугу почетныя награды. Извѣстно, что эти награды такъ же мечтательны, какъ награды взрослыхъ дѣтей, но ученикъ можетъ-быть болѣе будетъ гордиться кончикомъ своей измятой ленты, чѣмъ маршалъ своими лентами черезъ плечо.

2.

Г. Шаденъ желаетъ, чтобъ въ школахъ былъ отдѣльный классъ, въ которомъ сообщались бы юношеству первыя познанія о природѣ, искуствѣ, нравственности и самыхъ общихъ и необходимыхъ законахъ какъ естественныхъ, такъ и отечествен-

élever non seulement des savants, mais aussi des citoyens. Cette vue me paraît excellente.

3 et 4.

Ces deux paragraphes regardent la police et l'inspection du collége. L'auteur voudrait que l'inspection du collége de Moscou fût exercée par les professeurs à tour de rôle, et ne fût pas un office permanent. Je trouverais ce qu'il dit à ce sujet très plausible, pourvu qu'il puisse me garantir la stabilité du plan général de l'enseignement, sans quoi je craindrais que chaque inspecteur, pendant son année, sous prétexte d'améliorer les études ne fît des innovations pour le plaisir et la gloriole d'en faire, que son successeur supprimerait ensuite en leur en substituant d'autres qui ne vaudraient pas mieux. D'où il resulterait une fluctuation de méthode très nuisible aux écoliers et capable de donner les professeurs au diable.

Dans les écoles protestantes en Allemagne les inspecteurs s'appellent Scholarques ou Ephores „Vorsteher, et sont tirés de la magistrature; on leur adjoint ordinairement le Surintendant ou chef du clergé. Ces personnages sont respectés des professeurs et en grande vénération auprès de la jeunesse.

J'estime qu'il sera conforme aux vues de Sa Majesté Impériale que les professeurs des écoles et universités jouissent d'une grande considération, non par

---

ныхъ, чтобъ образовать умъ и сердце учениковъ и воспитать не только ученыхъ, но и гражданъ. Этотъ взглядъ кажется мнѣ превосходнымъ.

3 и 4.

Эти два параграфа касаются полиціи и инспекціи школы. Авторъ хотѣлъ, чтобъ инспекція Московскихъ школъ была поручена профессорамъ по очереди, и не была бы постоянной должностью. Я нашелъ бы мнѣніе его по этому предмету весьма основательнымъ, еслибъ только онъ поручился мнѣ за постоянство общаго плана преподаванія, безъ чего я бы боялся, что всякій инспекторъ въ теченіе своего года, подъ предлогомъ улучшенія въ преподаваніи, будетъ дѣлать нововведенія для своего удовольствія и изъ тщеславія, а преемникъ его будетъ уничтожать ихъ, замѣняя новыми, которыя будутъ не лучше, изъ чего слѣдовали бы безпрерывныя перемѣны методы, весьма вредныя для учениковъ и способныя навлечь проклятіе на профессоровъ.

Въ протестантскихъ школахъ въ Германіи инспекторы называются Школархами или Эфорами и берутся изъ магистратуры, а имъ придаютъ обыкновенно Суперъ-интендента, или начальника духовенства. Эти лица уважаются профессорами и пользуются большимъ почтеніемъ со стороны юношества.

Я убѣжденъ, что будетъ согласно съ видами Вашего Императорскаго Величества, чтобъ профессора школъ и университетовъ пользовались большимъ почетомъ,

la décoration et d'autres titres, mais par leur seul office de professeur, afin qu'on tienne à grand honneur d'exercer un métier très pénible en lui-même. Sans doute, pour seconder cette vue, le Gouverneur ou Représentant de Sa Majesté dans les gouvernements se fera un devoir d'assister aux exercices publics des écoles, de traiter les professeurs avec une grande distinction et de les payer avec une monnaie qui, sans épuiser le trésor public, sait produire des effets surprenants, lorsqu'elle est judicieusement distribuée.

L'auteur voudrait qu'on enseignât dans les écoles les premiers principes fondamentaux et élémentaires de nos sciences et de nos actions. Il dit qu'il ne faut pas pour cela un professeur exprès, mais que le Recteur ou un autre peut réunir cette tâche à la sienne, d'où il résulterait une variété et par conséquent un agrément de plus pour lui et pour les écoliers.

Je désirerais aussi qu'on n'envoyât pas les jeunes gens du collége à l'université sans leur avoir donné les premières notions de l'histoire littéraire.

6.

Il attaque la division établie au Collége de Moscou in Sprachen und Real-Wissenschaften. Il dit qu'il y a de la différence entre un maître de langue et un professeur de langue. Que celui-ci ne peut enseigner à la jeunesse

---

не за свои ордена и титулы, но единственно по своему званію профессора, чтобъ считали большой честью заниматься ремесломъ весьма труднымъ по своему существу. Конечно, чтобъ способствовать этой мысли, губернаторъ или представитель Ея Величества въ губерніяхъ долженъ считать своей обязанностью присутствовать на публичныхъ испытаніяхъ школъ, обращаться съ профессорами съ величайшимъ почетомъ и платить имъ такія деньги, которыя, не истощая государственной казны, могли бы производить удивительное дѣйствіе, когда бы они раздавались съ разборомъ.

Авторъ желалъ бы, чтобъ обучали въ школахъ первымъ элементарнымъ основаніямъ нашихъ наукъ и нашихъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что для этого не надо особаго профессора, но что ректоръ, или кто другой изъ преподавателей можетъ соединить этотъ предметъ со своимъ, что̀ производило бы разнообразіе, стало-быть доставляло лишнее удовольствіе и ему и ученикамъ.

Онъ желалъ бы также, чтобъ не посылали молодыхъ людей изъ школы въ университетъ не давъ имъ первоначальныхъ познаній въ исторіи литературы.

6.

Онъ нападаетъ на существующее въ Московской Коллегіи раздѣленіе на языки и реальныя науки. Онъ говоритъ, что есть разница между учителемъ языка и профессоромъ языка; что послѣдній не можетъ преподавать юношеству грамматику языка, не по-

la grammaire d'une langue sans songer en même temps à former l'entendement et même le coeur des jeunes gens, au lieu que le maître de langue est content quand il a farci leur mémoire de mots. Il soutient qu'il est impossible et pernicieux d'assujettir un professeur d'enseigner quatre heures de suite même chose, et je le crois.

7.

Il voudrait qu'il y êut au collége un théâtre et que les écoliers fussent accoutumés à jouer la tragédie et la comédie pour apprendre à avoir du maintien, une contenance aisée, une élocution facile, de la grâce. Malgré ces avantages, qui ne sont certes pas à négliger, j'estimerais qu'il ne faudrait pas trop multiplier ces exercices dramatiques, qui sont précédés de longues distractions et déroutent de l'application journalière: une ou deux fois par an tout au plus.

III.

Les deux brochures, l'une sur les Trivial- und Real-Schulen de Mayence, l'autre sur les Lateinischen Schulen du même pays me paraissent dictées par un excellent esprit, et il serait difficile, je crois, de faire un meilleur choix

---

мышляя въ то же время о томъ, чтобъ образовать сужденіе и даже сердце молодыхъ людей, тогда какъ учитель языка довольствуется тѣмъ, что наполнилъ ихъ голову словами. Онъ утверждаетъ, что невозможно и вредно осудить профессора на преподаваніе въ продолженіе четырехъ часовъ сряду одного и того же, и я съ этимъ согласенъ.

7.

Онъ желалъ бы, чтобъ въ школѣ былъ театръ и чтобъ ученики пріучались играть трагедіи и комедіи, дабы пріобрѣсть умѣнье держать себя непринужденно, выражаться свободно, имѣть грацію и пр. Несмотря на эти преимущества, которыми нельзя пренебрегать, я нахожу, что не надо бы злоупотреблять этими драматическими представленіями, которымъ предшествуютъ долгія развлеченія, отрывающія отъ вседневнаго труда: разъ или два въ годъ не болѣе.

III.

Двѣ брошюры: одна о низшихъ и реальныхъ школахъ Майнца, другая—о латинскихъ школахъ въ той же странѣ, какъ кажется мнѣ, внушены прекраснымъ духомъ, и я полагаю, что трудно было бы сдѣлать лучшій выборъ предметовъ обученія и

d'études et de trouver une méthode plus sage pour l'enseignement. Dans la dernière brochure où il est question d'ordonner un gymnasium où une école moyenne, on prescrit d'enseigner les langues allemande, latine, française et grecque, cette dernière plus superficiellement que les autres. En Russie il faudrait sans doute enseigner de la même manière les langues russe, latine, allemande et grecque, et laisser à chacun le soin d'apprendre chez lui la langue française, ou dans des écoles à part qui n'auraient pas besoin de l'appui immédiat du guvernement pour se soutenir.

Il y a à la fin de la brochure sur les Real-Schulen une liste de livres classiques tous remarquables, mais dont j'ai marqué avec un crayon ceux qu'il faudrait examiner préférablement. Il y a aussi dans le texte deux autres brochures de citées qui méritent grande attention: Anweisung zum Gebrauche des A. B. C. Buches. Celle-ci paraît contenir la méthode qu'on se proposait de rendre générale à Mayence et d'appliquer à tous les objets d'instruction. Nachricht wie die Beschäftigungen der Kurfürstlichen Schullehrer-Akademie in dem neuangehenden Lehrjahre werden fortgesetzet werden 1773. Il paraît par ce titre qu'on avait élabli à Mayence une académie pour former des précepteurs pour les écoles, et il serait intéressant de savoir comment on s'y est pris.

найти болѣе умную методу преподаванія. Въ послѣдней брошюрѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ учрежденіи гимназій или среднихъ школъ, предписывается преподавать языки: нѣмецкій, латинчкій, французскій и греческій: послѣдній поверхностнѣе прочихъ. Въ Россіи слѣдовало бы также преподавать языки: русскій, латинскій, нѣмецкій и греческій и предоставить каждому учиться языку французскому у себя или въ особыхъ школахъ, которыя не нуждались бы въ прямой поддержкѣ правительства.

Въ концѣ брошюры о реальныхъ школахъ приложенъ списокъ классныхъ пособій, все замѣчательныхъ, но изъ нихъ я отмѣтилъ тѣ, которыя надо бы предпочтительно разсмотрѣть. Въ текстѣ приведены еще двѣ брошюры, заслуживающія большаго вниманія: Указаніе объ употребленіи азбуки. Здѣсь, кажется, изложена метода, которую хотѣли принять за общую въ Майнцѣ и примѣнить ко всѣмъ предметамъ обученія. «Извѣстіе о томъ какъ будутъ продолжать занятія въ Курфиршеской академіи школьныхъ учителей въ наступающемъ учебномъ 1773 г.». Кажется, по этому заглавію, что въ Майнцѣ учредили академію для образованія школьныхъ учителей, и интересно было бы знать какъ взялись за это.

Versuch eines Schulbuches für Kinder der Landleute und zum Gebrauch in Dorfschulen.

Cet ouvrage est destiné à l'instruction de la dernière classe des citoyens. La religion en occupe une partie; le reste est employé à donner des ideés justes et précises aux enfants des paysans des choses désirables pour leur instruction. Mais cet essai ne me paraît pas aussi heureux qu'il pourrait l'être. Le chapitre Von der Gesellschaft und der Obrigkeit, von Gesetzen und Soldaten m'a paru un des meilleurs.

Der Freund junger Leute.

Cela est traduit du français de je ne sais quel rapsodiste. L'ami des hommes de M. de Mirabeau a fait faire l'ami des femmes, et puis l'ami des jeunes gens. Cela est dans la règle. Il y a beaucoup de lieux communs et beaucoup de très bonnes idées dans l'ami des jeunes gens, compilées d'après Locke et d'autres excellents écrivains. Mais l'auteur n'a rien pensé, n'a rien senti, n'est pénétré de rien, et n'a par conséquent ni sève ni nerf.

Peut-être, la lecture de tels livres est-elle propre pour une certaine classe de têtes, mais celles qui ont apporté avec elles leur propre substance ne sauraient se nourrir de pareilles productions.

Опытъ учебника для дѣтей поселянъ и для употребленія въ сельскихъ школахъ.

Это сочиненіе назначено для образованія низшаго сословія. Здѣсь религія занимаетъ часть книги. Въ остальной части сообщаются крестьянскимъ дѣтямъ вѣрныя и точныя понятія о предметахъ, полезныхъ для ихъ просвѣщенія. Но этотъ опытъ не кажется мнѣ настолько удачнымъ, насколько могъ бы быть. Глава объ обществѣ и властяхъ, о законахъ и солдатахъ показалась мнѣ одною изъ лучшихъ.

Другъ молодыхъ людей.

Это переводъ съ французскаго какого-то рапсодиста: «Другъ человѣка» г. Мирабо заставилъ написать: «Другъ женщинъ», а потомъ и «Другъ молодыхъ людей». Такъ водится. Есть много общихъ мѣстъ, но много и хорошихъ мыслей въ этомъ «Другѣ молодыхъ людей», мыслей заимствованныхъ у Локка и другихъ превосходныхъ писателей. Но авторъ самъ ничего не продумалъ, ничего не прочувствовалъ, ничѣмъ не проникнутъ, и стало-быть въ немъ нѣтъ ни живости ни силы.

Можетъ-быть чтеніе такихъ книгъ и пригодно для нѣкотораго разряда головъ, но тѣ, кто приноситъ съ собою собственное содержаніе, не могутъ питаться подобными произведеніями.

IV.

Das in Dessau errichtete Philanthropium.

C'est toujours en dernière analyse une exhortation pathétique à toutes les âmes charitables pour secourir de leur bourse un établissement qui me paraît conçu sur un plan trop vague, trop vaste et chimérique, quoique son exécution, quelque imparfaite qu'elle soit, doive produire plusieurs changements avantageux dans l'éducation commune.

Trois brochures concernant l'établissement des écoles normales et triviales ou communes en Autriche.

La première est l'Edit de l'Impératrice Reine apostolique en date du 6 décembre 1774, sous le titre: Allgemeine Schulordnung. La seconde—Nachricht von der gegenwärtigen Beschaffenheit der Normalschule und einiger andern deutschen Schulen in und bey der Kaiserlich-Königlichen Residenzstadt Wien, contient, outre un précis historique sur ces écoles et la liste de leur nombre à Vienne, les instructions respectives pour le Surintendant, les Directeurs, les Précepteurs et les Ecoliers de ces écoles.

IV.

Филантропинъ учрежденный въ Дессау.

Въ послѣднемъ выводѣ это все-таки чувствительная реклама ко всѣмъ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли своимъ кошелькомъ заведенію, которое по мнѣнію моему задумано на основаніи слишкомъ неопредѣленномъ, слишкомъ широкомъ и мечтательномъ, хотя его исполненіе, какъ бы ни было несовершенно, должно произвести нѣсколько благотворныхъ перемѣнъ въ общемъ воспитаніи.

Три брошюры касающіяся учрежденія нормальныхъ и низшихъ школъ въ Австріи.

Первая есть: эдиктъ Императрицы-королевы апостолической отъ 6 декабря 1774, подъ заглавіемъ: «Общій училищный уставъ». Вторая — «Извѣстіе о настоящемъ состояніи нормальной школы и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ училищъ въ императорско-королевской резиденціи городѣ Вѣнѣ», содержитъ кромѣ историческаго очерка этихъ школъ и перечисленія всѣхъ находящихся въ Вѣнѣ, общія инструкціи для суперъ-интендента, директоровъ, преподавателей и учениковъ этихъ школъ.

La troisième brochure, Entwurf zur Einrichtung deutscher Schulen, est la plus considérable et la plus remarquable. Elle mérite d'être lue avec réflexion, surtout par ceux qui se destinent à l'instruction de la jeunesse. La méthode adoptée dans ces écoles consiste en tables où sur chaque objet et sur chaque science la génération et l'enchaînement des idées sont représentés comme dans les tables généalogiques les générations successives. Je crois cette méthode excellente, non seulement pour imprimer la suite des idées relatives à chaque science dans la mémoire des enfants avec solidité, mais aussi pour les accoutumer à la netteté et à la précision des idées sans laquelle il vaudrait mieux se passer de connaissances. La confection de ces tables ne peut être que l'ouvrage d'un très bon esprit, et je crois l'auteur anonyme de cette brochure très capable d'en avoir fait de bonnes. Il faudrait les faire venir de Vienne. J'ai marqué dans la brochure même quelques endroits qui m'ont paru dignes d'attention. Ce que l'auteur appelle Buchstabenmethode pour faciliter aux écoliers les moyens d'apprendre par coeur, consiste à écrire sur une table la lettre initiale de chaque mot du discours qu'ils doivent retenir, en y ajoutant les points et virgules et autres signes qui servent à fixer le sens des paroles. Je conçois que cette méthode peut abréger beaucoup la peine d'apprendre par coeur et qu'un exercice continuel doit donner aux jeunes gens une grande facilité pour perfectionner leur mémoire.

Третья брошюра: «Начертаніе для учрежденія нѣмецкихъ школъ» самая значительная и замѣчательная изъ нихъ. Ее стоитъ прочесть со вниманіемъ, особливо тѣмъ, кто себя посвящаетъ обученію юношества. Метода, принятая въ этихъ школахъ, заключается въ таблицахъ, на которыхъ для каждаго предмета и каждой науки показана послѣдовательность и связь мыслей, какъ на генеалогическихъ таблицахъ последовательность поколѣній. Я считаю эту методу прекрасною, не только чтобъ связь идей, относящихся къ каждой наукѣ, запечатлѣлась въ памяти дѣтей прочно, но чтобъ они пріучились также къ отчетливости, къ ясности и точности мышленія, безъ которыхъ лучше и не пріобрѣтать познаній. Составленіе этихъ таблицъ можетъ быть только дѣломъ, отличнаго ума, и я считаю безъименнаго автора этой брошюры способнымъ составить очень хорошія таблицы. Надо бы выписать ихъ изъ Вѣны. Я отмѣтилъ въ самой брошюрѣ нѣкоторыя мѣста, показавшіяся мнѣ достойными вниманія. То, что авторъ называетъ азбучною методой и что должно облегчать ученикамъ затверживанье наизусть, заключается въ слѣдующемъ пріемѣ: на таблицѣ пишется заглавная буква каждаго слова рѣчи, которую они должны запомнить, прибавляя къ тому точки, запятыя и другіе знаки, служащіе для опредѣленія смысла словъ. Я понимаю, что такая метода можетъ чрезвычайно сократить трудъ заучиванья наизусть и что постоянное упражненіе должно много облегчать молодымъ людямъ усовершенствованіе памяти.

En général tout ce plan d'instruction me paraît plein de bon sens et excellent à consulter et à suivre dans un établissement d'écoles.

V.

Письмо Гримма къ князю Потемкину-Таврическому [1]).

(помѣтка полученія) 9 sept. 1790.

Monseigneur, A peine avais-je remis à M. le comte Roger Damas ma lettre du 19 (30) avril, que M. de Lambsdorf m'a remis celle dont V. A. m'a honoré le 14 mars.

Cet officier s'en est rapporté à moi pour le choix des ouvrages de littérature et des arts, et je l'ai borné à ce qui a paru de plus intéressant depuis deux ans. J'ai été sobre sur ce qui regarde le triste bouleversement de la France dont nous sommes témoins, parce que toutes les innombrables

[1]) Въ Московскомъ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится цѣлая тетрадь подлинныхъ писемъ Гримма къ Потемкину, въ которыхъ рѣчь идетъ преимущественно о разныхъ лицахъ, французскихъ подданныхъ, желавшихъ перейти на службу въ Россію, и объ условіяхъ ихъ перехода. Здѣсь прилагаются два письма Гримма (изъ которыхъ одно такого же содержанія), обязательно доставленныя намъ директоромъ помянутаго архива, барономъ Ф. А. Бюлеромъ, съ примѣчаніями, здѣсь же помѣщаемыми.

Вообще весь этотъ планъ обученія кажется мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и прекраснымъ для соображеній и введенія при основаніи школъ.

V.

Получено 9-го сентября 1790 г.

Ваша Свѣтлость! Только что я передалъ графу Роже-Дама письмо мое отъ 19 (30) апрѣля, какъ г. Ламздорфъ [1]) передалъ мнѣ то, которымъ Ваша Свѣтлость изволили почтить меня 14 марта.

Этотъ офицеръ положился на меня въ выборѣ сочиненій по литературѣ и искуствамъ, и я ограничился тѣмъ, что вышло самаго замѣчательнаго въ продолженіе двухъ лѣтъ. Я былъ воздерженъ на счетъ того, что касается печальныхъ переворотовъ во Франціи, которыхъ мы были свидѣтелями, потому что всѣ безчисленныя

[1]) Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ, впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, андреевскій кавалеръ и членъ Государственнаго совѣта, умеръ въ С.-Петербургѣ, 1828 г. (См. *Россійск. Родосл. Книга*, кн. П. В. Долгорукова, ч. II, стр. 232).

brochures qui paraissent journellement sur ce sujet ne sont pas intelligibles hors de Paris, et où il faut connaître les acteurs, dont la plupart ne méritent pas qu'on s'occupe d'eux, pour saisir le sel des allusions et des applications.

Comme il m'était encore resté quelque argent de la remise qui m'avait été faite il y a deux ans par ordre de V. A., M. de Lambsdorf n'a eu rien à débourser pour cet objet. Je profite de son départ pour adresser à M. le baron de Bühler mes comptes avec toutes les pièces justificatives. Je le prie, Monseig-r, de les mettre sous vos yeux dans un moment favorable et de me procurer ma décharge. Je traite aussi avec lui le chapitre du graveur en paysage et je le supplie de prendre les ordres de V. A. et de me les transmettre.

Le chapitre que je voudrais traiter directement, Monseig-r, c'est celui de la paix. Je vous supplie de me l'accorder parce que j'en ai besoin autant que ces bons Musulmans, quoique par des motifs différents. Depuis que la perfidie s'en est mêlée du côté de la Finlande, je n'ai pas fait une bonne goutte de sang. J'en suis à la troisième campagne, et il est temps que cela finisse. Je veux que l'Impératrice, après vous avoir couronné de lauriers,

---

брошюры, которыя ежедневно являются по этому предмету, непонятны внѣ Парижа: въ нихъ надо знать дѣйствующія лица, изъ которыхъ большая часть не заслуживаютъ вниманія, а безъ того пропадаетъ соль намековъ и примѣненій.

Такъ какъ у меня оставалось еще нѣсколько денегъ изъ выданныхъ мнѣ тому назадъ два года по приказанію Вашей Свѣтлости, то г. Ламздорфъ не истратилъ ничего на этотъ предметъ. Я пользуюсь его отъѣздомъ, чтобъ адресовать г. барону Бюлеру [1]) счеты мои со всѣми объяснительными документами. Я прошу его представить ихъ на усмотрѣніе Вашей Свѣтлости въ благопріятную минуту и переслать мнѣ расписку въ ихъ полученіи. Я веду съ нимъ также переговоры на счетъ гравера ландшафтовъ и умоляю его получить приказанія Вашей Свѣтлости и передать ихъ мнѣ.

Предметъ, о которомъ я желалъ бы вести прямые переговоры съ Вашей Свѣтлостью, это — дѣло мира. Умоляю Васъ даровать мнѣ его, потому что я въ немъ столько-же нуждаюсь, сколько и эти добрые мусульмане, хотя по различнымъ причинамъ. Съ тѣхъ поръ какъ вѣроломство замѣшалось въ это дѣло со стороны Финляндіи, у меня не выработалось ни одной капли здоровой крови. Я слѣжу за третьимъ походомъ, и пора этому кончиться. Я желаю чтобъ Императрица, увѣнчавъ Васъ лав-

---

[1]) Баронъ Карлъ Яковлевичъ Бюлеръ (къ которому адресована слѣдующее за симъ письмо Гримма отъ 20 (31) декабря 1790 года) управлялъ тогда дипломатическою канцеляріей главнокомандовавшаго и полевыми почтами; впослѣдствіи былъ русскимъ уполномоченнымъ при Тарговицкой конфедераціи и на Гродненскомъ сеймѣ, посланникомъ при дворахъ Баварскомъ и Виртембергскомъ и на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, сенаторомъ и членомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, умеръ въ С.-Петербургѣ, 1811 г. (Тамъ-же, ч. III, стр. 315 и 316).

vous dépêche incessamment le bouquet d'olive, pour avoir couronné l'oeuvre de vos exploits militaires. Quant à la France, elle est menacée d'une dissolution prochaine, et à moins d'un miracle, je doute qu'elle résiste aux atteintes de douze cents médecins qui la travaillent jour et nuit.

Agréez l'hommage du profond respect avec lequel je suis, Monseig-r, de V. A. le très humble et très obéissant serviteur le baron de

Grimm.

à Paris, le 3 (14) juillet 1790.

Je suis, Monseig-r, une de ces grandes âmes qui oublient aisément les actes de générosité qu'elles exercent. Un peintre qui ne doit pas vous être inconnu, vient de faire terminer ici une estampe en commémoration du voyage de l'Impératrice dans les provinces dont vous portez le glorieux surnom. J'ai été au nombre des souscripteurs pour cette estampe, et j'ai l'honneur d'en offrir une épreuve à V. A. en pur don. L'artiste vient de

---

рами, тотчасъ же прислала Вамъ оливковую вѣтвь за довершеніе военныхъ подвиговъ. Что касается Франціи, то ей грозитъ скорое разложеніе и если не совершится надъ нею чуда, сомнѣваюсь чтобъ она не избѣгла погибели отъ двѣнадцати тысячъ докторовъ, работающихъ надъ нею денно и нощно.

Примите выраженіе глубокаго уваженія, съ которымъ имѣю честь быть Вашей Свѣтлости всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою баронъ Гриммъ.

Парижъ, 3 (14) іюля 1790.

Ваша Свѣтлость, я обладаю одною изъ тѣхъ великихъ душъ, которыя легко забываютъ свои доблестныя дѣла. По заказу живописца, который долженъ быть Вамъ извѣстенъ, только что окончена здѣсь гравюра въ память путешествія Императрицы въ области, которыхъ славное имя вы носите[1]). Я былъ въ числѣ подписчиковъ на эту гравюру и имѣю честь принести одинъ оттискъ въ даръ Вашей Свѣтлости. Ху-

[1]) Художникъ, о которомъ говоритъ здѣсь Гриммъ, былъ Фердинандъ Мейсъ (Meijs). Картина, аллегорически изображающая торжественную встрѣчу Екатерины II въ Тавридѣ, написана была имъ въ Москвѣ, въ 1787 году, а выгравирована въ Парижѣ Жанъ-Жакомъ Авриллемъ въ 1790 г.

Императрица изображена на великолѣпной колесницѣ, везомой вправо четырьмя конями. Держа въ правой рукѣ скипертъ, а въ лѣвой, поднятой къ верху, пламенникъ, Монархиня благосклонно и кротко смотритъ на толпу, ее окружающую. Передъ колесницею стоитъ множество мужчинъ, съ поднятыми вверхъ шапками; впереди ихъ представлены три женщины: старушка съ костылемъ, другая молодая, наклонившаяся надъ грудою цвѣтовъ, и третья, держащая лѣвой рукой подъ мышкой корзину съ цвѣтами и плодами, а въ правой гирлянду изъ цвѣтовъ. Ближе къ колесницѣ еще двѣ женщины, стоящія на колѣнахъ со своими приношеніями, а впереди ихъ, покрытая длиннымъ покрываломъ, женщина подводитъ къ Императрицѣ свою маленькую дочь, держащую въ рукахъ корзинку съ плодами. У самой колесницы одинъ мужичекъ отдаетъ Императрицѣ земной поклонъ, другой стоитъ на колѣняхъ, съ воздѣтыми къ небу руками, а за ними духовное лицо съ четками въ правой рукѣ. За колесницею, по воздуху летитъ геній со свиткомъ въ рукѣ. Вверху надъ Императрицею изображена побѣда, возлагающая вѣнецъ на ея голову;—два генія правятъ конями, а впереди послѣднихъ летитъ слава съ трубою.

reprendre la route de Pétersbourg avec sa planche et ses épreuves, et moi j'allais oublier de me vanter de la générosité que j'exerce envers le preneur des villes, la terreur et l'amour de bons Musulmans.

VI.

Письмо Гримма къ барону К. Я. Бюлеру.

(помѣтка) Reçu ce 12 février 1791.

M-r, Vous trouverez, M-r le baron, que je vous importune bien souvent; mais je me trouve si bien de vous avoir pour interprète auprès du prince grand hetman qu'il faut vous en prendre à votre complaisance si j'en abuse.

Vous ne serez pas fort étonné, dans l'état où sont les affaires en France, de voir beaucoup de militaires distingués dégoûtés du service et se tournant vers la puissance dont les armes jouissent depuis longtemps de tant de gloire. Si vous saviez, M-r le baron, combien je suis tourmenté et assailli de requêtes, vous me plaindriez un peu; mais enfin en voici une que je ne saurais vous epargner. Un officier général qui n'a pas servi obscurément et qui a mérite des décorations militaires, dégoûté de tout ce qui arrive ici, tourne ses regards vers la Russie et veut absolument quitter

---

дожникъ только что направился обратно въ Петербургъ съ своей доской и своими оттисками а я чуть не забылъ похвастаться своимъ великодушіемъ къ завоевателю городовъ, внушающему ужасъ и любовь добрымъ мусульманамъ.

VI.

Получено 12 февраля 1791.

М. г. Вамъ покажется, баронъ, что я слишкомъ часто васъ безпокою; но мнѣ такъ удобно имѣть въ васъ посредника при его свѣтлости великомъ гетманѣ, что вы должны винить свою собственную обязательность, если я ею злоупотребляю.

Васъ конечно не особенно удивитъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ во Франціи, многіе замѣчательные военные люди, наскучивъ службою, обращаются къ той державѣ, оружіе которой давно пользуется такою славой. Еслибъ вы знали, баронъ, какъ меня безпокоятъ и преслѣдуютъ просьбами, вы бы немного пожалѣли обо мнѣ; но что дѣлать, вотъ одна изъ нихъ, отъ которой не могу васъ избавить. Генералъ, служившій съ честью и награжденный многими военными орденами, гнушаясь всѣмъ что здѣсь происходитъ, обращаетъ взоры свои къ Россіи и хочетъ непремѣнно покинуть

sa patrie. Il a commencé sa carrière militaire avec la guerre de sept ans en 1756 en Allemagne; il a fait cette guerre toute entière et passé par tous les grades toujours avec distinction. Il a ensuite fait en Amérique toute la guerre contre les Anglais et enfin depuis la paix il a commandé dans les colonies françaises. Il est plus avancé dans le service qu'en âge et jouit d'une santé à toute épreuve. Il passe pour avoir, avec beaucoup d'intelligence, aussi beaucoup de nerf et d'activité. Sa fortune est très médiocre. Je ne me permets pas d'offrir ses services à l'Impératrice, mais je désirerais de savoir par votre canal, si le prince grand hetman serait tenté de faire une pareille acquisition pour la Russie et à quelles conditions. Je ne vous demande qu'une grâce, c'est de me répondre d'une manière affirmative ou négative, afin que surtout dans le dernier cas je puisse fixer son incertitude d'une manière positive.

Si vous voulez, M. le baron, faire d'une pierre deux coups, je vous proposerai encore un autre sujet. Celui-là est héritier d'un nom illustre dans les fastes militaires de France. Il n'est pas aussi avancé dans le service que le premier; mais il a longtemps commandé un régiment avec beaucoup de réputation, et il meurt d'envie de s'attacher au service de Russie.

Daignez me favoriser d'une réponse quelconque et faire agréer au prince maréchal avec mon respect mes félicitations sur les nouveaux exploits

---

свое отечество. Онъ началъ свое военное поприще вмѣстѣ съ семилѣтнею войною въ 1756 году въ Германіи; онъ прослужилъ всю эту войну и прошелъ черезъ всѣ чины, постоянно съ отличіемъ. Потомъ онъ, въ Америкѣ, участвовалъ отъ начала до конца въ войнѣ противъ Англичанъ, а напослѣдокъ, по заключеніи мира, состоялъ командиромъ во французскихъ колоніяхъ. Онъ въ службѣ опередилъ свой возрастъ и пользуется несокрушимымъ здоровьемъ. Его считаютъ человѣкомъ чрезвычайно умнымъ, энергическимъ и дѣятельнымъ. Состояніе у него очень скудное. Я не позволяю себѣ предложить его услуги Императрицѣ, но желалъ бы чрезъ ваше посредство узнать, не заблагоразсудитъ ли его свѣтлость великій гетманъ сдѣлать такое пріобрѣтеніе для Россіи и на какихъ условіяхъ. Прошу у васъ только одной милости,—отвѣчать мнѣ въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ, для того чтобы я особенно въ послѣднемъ случаѣ, могъ рѣшительнымъ образомъ прекратить его неизвѣстность.

Если вамъ угодно, баронъ, сдѣлать разомъ два дѣла, то я предложу вамъ еще одно лицо. Этотъ наслѣдовалъ знаменитое въ лѣтописяхъ Франціи имя. Онъ не такъ выдвинулся на службѣ какъ первый; но за то онъ долго командовалъ полкомъ съ блестящимъ успѣхомъ, и у него смертельная охота поступить на службу въ Россію.

Удостойте меня какимъ-нибудь отвѣтомъ и передайте князю фельдмаршалу вмѣстѣ съ моимъ почтеніемъ поздравленія мои съ новыми славными подвигами оружія Ея

glorieux des armes de S. M. I. et recevez, avec toutes mes importunités, l'hommage de l'attachement inaltérable et sans bornes avec lequel j'ai l'honneur d'être, M. le baron, votre très humble et très obéissant serviteur

Grimm.

à Paris. Ce 20 (31) décembre 1790.

Императорскаго Величества; сами же примите, вмѣстѣ съ причиняемымъ вамъ безпокойствомъ, увѣреніе въ неизмѣнной и безграничной привязанности, съ какою имѣю честь быть вашимъ, баронъ, покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою.

Гримъ.

Парижъ, 20 (31) декабря 1790 года.

ПИСЬМА Э. БИРОНА ПОСЛАННИКУ ГЕРМАНУ КЕЙЗЕРЛИНГУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сообщенныя здѣсь, доселѣ еще не обнародованныя письма Бирона написаны въ 1734—1737 годахъ тогдашнему русскому посланнику въ Варшавѣ Кейзерлингу. Подлинныя письма хранятся подъ рубрикою: Раутенбургскія бумаги графа Кейзерлинга въ архивѣ курляндскаго дворянства въ Митавѣ. Первоначально они принадлежали къ письменному наслѣдству частной переписки, фамильнымъ бумагамъ и другимъ документамъ вышеупомянутаго русскаго посланника, графа Германа Карла фонъ Кейзерлинга; бумаги эти были собраны и приведены въ порядокъ сыномъ его, графомъ Генрихомъ Христіаномъ фонъ Кейзерлингомъ, умершимъ въ 1787 году, и до настоящаго времени находятся въ маіоратномъ имѣніи графа Кейзерлинга, въ Раутенбургѣ, въ восточной Пруссіи. Изъ этого собранія, сообщенныя здѣсь письма, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими письменными актами, по причинѣ ихъ спеціально для исторіи Курляндіи интереснаго содержанія, недавно обязательно переданы были въ архивъ Курляндскаго дворянства.

Они вопервыхъ касаются избранія Бирона герцогомъ Курляндіи, и въ особенности предшествовавшихъ тому переговоровъ между русскимъ и польскимъ дворами, но кромѣ того содержатъ еще политическія данныя, имѣющія всеобщій историческій интересъ. Въ бумагахъ этихъ, наконецъ, встрѣчаются часто очень откровенныя сообщенія подробностей объ отношеніяхъ Бирона и политическихъ разговорахъ его съ нѣкоторыми извѣстными личностями того времени.

Здѣсь должно кстати замѣтить, что относительно послѣдовавшаго въ 1737 году избранія Бирона герцогомъ распространилось ошибочное преданіе,

удержавшееся у историковъ новѣйшаго времени, будто курляндское дворянство, занятіемъ Митавы русскими войсками и угрожающимъ выставленіемъ оныхъ передъ церковью, гдѣ по преданію будто бы происходило избраніе — что впрочемъ также ошибочно, — было вынуждено къ этому недобровольному и непріятному для дворянства избранію. Такъ описываетъ это напр. Германъ въ своей извѣстной исторіи Россіи, томъ IV стр. 589, и еще другіе. Этотъ разсказъ уже находится въ запискахъ генерала Манштейна (стр. 254 французскаго изданія, Амстердамъ 1771 г.), который вѣроятно служилъ источникомъ, откуда новѣйшіе историки почерпнули это свѣдѣніе. Манштейнъ дѣйствительно былъ современникомъ Бирона, и онъ при паденіи Бирона арестовалъ его по приказанію Миниха, какъ онъ самъ обстоятельно разсказываетъ это въ своихъ запискахъ; но онъ не зналъ доподлинно Курляндскихъ дѣлъ и происшествій при избраніи Бирона герцогомъ и потому не можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтелемъ этого избранія. Тогдашнее положеніе дѣлъ въ Курляндіи было впрочемъ такого рода, что избраніе Бирона, уже заранѣе совершенно обезпеченное, не имѣло болѣе нужды въ какомъ либо внѣшнемъ принужденіи. Все повѣствованіе о военныхъ понудительныхъ мѣрахъ опровергается находящимися по сіе время въ архивѣ курляндскаго дворянства подлинными актами о всемъ касающемся предварительныхъ переговоровъ и самаго избранія; кромѣ того есть еще много другихъ обстоятельствъ, подтвержденныхъ также документами, о кандидатурѣ Бирона, добровольно ему предложенной и имъ принятой, которыя противорѣчатъ этимъ разсказамъ. Въ этомъ отношеніи въ предлагаемыхъ письмахъ содержится различнаго рода интересныя цѣнныя разъясненія этого вопроса.

Доселѣ вѣрили еще и другому преданію (зап. Манштейна стр. 425 и ист. Германа томъ IV стр. 634 и слѣд.) будто бы честолюбивые планы Бирона простирались до надеждъ возвести свое потомство на русскій императорскій престолъ тѣмъ, что онъ старался сочетатать бракомъ принцессу Анну Мекленбургскую, позднѣе супругу герцога Антона Ульриха Брауншвейгскаго и правительницу Россіи, съ своимъ старшимъ сыномъ. Если не прямое опроверженіе, то все таки нѣкоторое основаніе для невѣроятности этого показанія находимъ мы въ письмѣ за № 13, гдѣ Биронъ разсказываетъ въ какомъ побужденіи и намѣреніи сдѣлалъ ему однажды подобныя внушенія прусскій посланникъ фонъ Мардефельдтъ, но что онъ, провидя коварное намѣреніе и неискренность его предложеній, надлежащимъ образомъ уклонилъ оныя отъ себя.

Достойно замѣчанія также и то, въ письмѣ за № 3, съ какимъ рвеніемъ защищаетъ Биронъ своего позднѣе столь ожесточеннаго врага и губителя фельдмаршала графа Миниха отъ упрековъ, которые были сдѣланы ему,

какъ кажется, со стороны Саксоніи за медленность и проволочки при осадѣ Данцига.

Считаемъ не безполезнымъ еще сообщить слѣдующія затѣмъ замѣтки о личности Кейзерлинга, къ которому обращены эти письма.

Германъ Карлъ фонъ Кейзерлингъ (возведенный съ 1741 года въ графское достоинство) родился въ Курляндіи въ 1696 году. Въ юности своей, въ 1716 году, онъ вступилъ —равно какъ нѣсколько лѣтъ позже Биронъ— камеръ-юнкеромъ на службу вдовствующей герцогини Курляндской, бывшей потомъ императрицею русской, Анны Іоанновны; затѣмъ онъ назначенъ былъ курляндскимъ герцогскимъ начальникомъ въ Кандау. Посланный въ 1730 году какъ делегатъ курляндскаго дворянства въ Москву ко двору Императрицы Анны, онъ былъ приглашенъ Императрицею на русскую государственную службу, и около 1731 года опредѣленъ сначала вице-президентомъ юстицъ-коллегіи, а затѣмъ въ 1733 году президентомъ Академіи Наукъ. Съ этого года начинаются его близкія, дружественныя отношенія къ Бирону, существовавшія также и въ позднѣйшее время. Въ 1734 году Кейзерлингъ вступилъ на дипломатическое поприще, и не покидалъ его до своей смерти, послѣдовавшей въ 1764 г. Назначенный въ 1734 году русскимъ посланникомъ къ польскому и курсаксонскому двору, онъ, отправляясь въ Варшаву, посланъ былъ и съ порученіями къ графу Миниху, который осаждалъ тогда Данцигъ. Графъ Кейзерлингъ оставался на своемъ постѣ въ Варшавѣ и Дрезденѣ впродолженіе всего времени польскихъ смутъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы утвердить короля Августа III на Польскомъ престолѣ противъ его соперника Станислава Лещинскаго, и примирить Польскія сословія, поссорившіяся вслѣдствіе этого спора о тронѣ, что было наконецъ достигнуто посредствомъ мирнаго сейма 1736 г.

При этомъ случаѣ Кейзерлингъ между прочимъ имѣлъ порученіе отъ своего правительства ввести касающуюся Курляндіи конституцію сейма 1736 г., и отмѣнить прежнюю конституцію сейма 1726 года, которая предписывала, что по кончинѣ герцога Фердинанда Курляндскаго, какъ послѣдняго леннаго наслѣдника Готгардъ Кетлерскаго поколѣнія, Курляндія, какъ упраздненное ленное владѣніе, должна достаться коронѣ и республикѣ Польши и быть непосредственно подчиненною и присоединенною къ ней. Императрица Анна обнадежила Курляндію въ этомъ отношеніи своимъ особеннымъ покровительствомъ, и благодаря ея мощному ходатайству упомянутая конституція была введена на сеймѣ 1736 года, послѣ чего Курляндія и на будущее время должна была оставаться подъ управленіемъ герцога непосредственно подчиненной польской верховной ленной власти.

Между тѣмъ переговоры о кандидатурѣ Бирона на Курляндскій гер-

цогскій престолъ достигли уже окончанія, Кейзерлингъ, который велъ эти переговоры, прибылъ въ началѣ 1737 года въ Митаву, чтобы дѣйствовать тамъ въ пользу Бирона и избраніе его совершилось въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года на всеобщемъ собраніи дворянства, безъ противорѣчія и единогласно.

Кейзерлингъ оставался затѣмъ на своемъ постѣ, попеременно въ Варшавѣ и Дрезденѣ; въ 1743 году былъ назначенъ посломъ при особѣ Императора Карла VII, послѣ его кончины былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ на имперскій выборъ Франца I въ 1745 году во Франкфуртъ на Майнѣ, а въ 1746 году на сеймъ въ Регенсбургѣ. Послѣ того онъ назначенъ былъ въ 1747 году посланникомъ въ Берлинъ, а оттуда въ 1749 снова къ Дрезденскому двору. Тамъ онъ оставался до 1752 года. Потомъ онъ прибылъ посланникомъ въ Вѣну, а въ 1762 году былъ снова отправленъ посломъ въ Варшаву. Онъ дожилъ до помилованія и возвращенія Бирона изъ ссылки въ его герцогство, въ избраніи котораго онъ принималъ когда-то горячее участіе. Кейзерлингъ скончался въ Варшавѣ 30-го сентября 1764 года. Такимъ образомъ онъ втеченіи послѣдовавшихъ царствованій: Императрицы Анны Іоанновны, регентши Анны Леопольдовны, Императрицы Елисаветы Петровны, Императора Петра III и Императрицы Екатерины II, былъ непрерывно аккредитуемъ русскимъ посланникомъ и посломъ при различныхъ иностранныхъ дворахъ.

Въ заключеніе должно замѣтить слѣдующее о помѣщенныхъ ниже письмахъ Бирона.

Это все — подлинныя письма, писанныя собственноручно Бирономъ на толстой золотообрѣзной бумагѣ in folio. Только № 1, 2 и 5 писаны чужою рукою но подписаны Бирономъ. Два письма найдены пока только въ отрывкахъ; при № 3 недостаетъ заключенія, а при № 4 начала.

Копіи этихъ писемъ сняты вполнѣ вѣрно, безъ пропусковъ и измѣненій въ текстѣ. Мѣстами сбивчивыя и неполныя предложенія оставлены безъ всякаго измѣненія, только иногда разъяснены, гдѣ это казалось нужнымъ, разстановкою знаковъ препинанія. Частью устарѣлое, частью неправильное правописаніе сохранено вездѣ и только измѣнено въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это казалось необходимымъ для уразумѣнія значенія слова.

Германъ графъ Кейзерлингъ.

Митава,
1-го Марта 1877 года.

ПИСЬМА БИРОНА ПОСЛАННИКУ КЕЙЗЕРЛИНГУ.

I.

Hochwohlgeborener Herr, Hochzu Ehrender Herr Envoyé,

Ew. Hochwohlgeboren letzteres Schreiben habe zwar erhalten, muss aber Ew. Hochwohlgeb. darbei vermelden, dass Ihro Kaiserl. Mayt. Unserer Allergnädigsten Souverainin an einer deutlichen und zuverlässigen Nachricht, von Anlangung unserer dorthin gesandten schweeren Artillerie, ein recht

Письма Э. Бирона посланнику Кейзерлингу.

I.

Высокоблагородный Господинъ, Высокопочтенный господинъ посланникъ[1])!

Я хотя и получилъ послѣднее письмо вашего высокоблагородія, но долженъ увѣдомить притомъ ваше высокоблагородіе, что для ея Императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, весьма важно получить точное, достовѣрное извѣстіе о прибытіи посланной туда нашей тяжелой артиллеріи; таковое же послѣднее

[1]) Въ переводѣ сохранены въ точности выраженія Э. Бирона въ письмахъ его къ Кейзерлингу: «высокоблагородный, высокоблагородіе» вмѣсто нынѣ принятаго «ваше превосходительство.»

vieles gelegen, solche Ew. Hochwohlgeb. davon letztgeschehene Meldung hingegen gantz undeutlich und aequivoc, dass man daraus nicht weiss, ob die Artillerie in Pillau angekommen oder nicht, wie viel, und so weiter; Ihro Kaiserl. Mayt. also darüber höchs misvergnügt. Relationes sollen deutlich und nicht so kurz abgebrochen noch aequivoc, seyn, dass man nicht nöttig habe, um den sensum daraus zu finden, es oft zu überlesen müssen, wozu bei Einlaufung derer vielen und mannigfaltigen rapports und Relationen nicht viel Zeit übrig; Dergleichen Discourse habe nun öfters so anhören müssen, dennoch aber nicht davon schreiben mögen, Bis da mir solches anitzo expresse von Ihro Kaiserl. Mayt. anbefohlen worden, Habe also an Ew Hochwohlgeb. als einen guten Freund darüber etwas ausführlich geschrieben, lasse es inzwischen dahingestellt seyn, wie Ew. Hochwohlgeb. es künftig damit halten wollen; Da der Cop. Junker in Pillau, so sollte meinen, dass er ja wohl ausführlich von allem und jedem, betreffend die Artillerie werde geschrieben haben, empfehle mich im übrigen und bin Ew. Hochwohlgeb. gantz Ergebener Freund

E. J. G. Biron.

Petersburg, den 16 April 1734.

о томъ увѣдомленіе вашего высокоблагородія напротивъ того совершенно неясно и неопредѣленно, такъ что изъ него нельзя узнать, прибыла ли артиллерія въ Пилау или нѣтъ, сколько ея, и прочее, такъ что ея императорское величество крайне недовольна этимъ. Реляціи должны быть ясны, а не такъ кратки и отрывисты, а еще менѣе двусмысленны, чтобы не имѣли нужду для отысканія въ нихъ смысла, часто перечитывать, для чего нѣтъ лишняго времени при поступленіи многихъ и различныхъ рапортовъ и реляцій. Подобныя рѣчи приходилось часто выслушивать, но все же я не желалъ писать о нихъ, пока оное не было мнѣ теперь нарочно приказано ея императорскимъ величествомъ; то я и написалъ о томъ нѣсколько подробно вашему высокоблагородію, какъ доброму другу, предоставляя впрочемъ на будущее время на усмотрѣніе ваше высокоблагородія, какъ Вамъ впредь угодно будетъ поступить. Такъ какъ коп. Юнкеръ находится въ Пилау, то полагаю что онъ конечно подробно написалъ обо всемъ касающемся артиллеріи. Въ прочемъ препоручая себя и пр. остаюсь вашего высокоблагородія вполнѣ преданный другъ

Э. Биронъ.

Петербургъ, 16-го апрѣля 1734 года.

II.

Hochwohlgebohrener Herr, Hoch zu Ehrender Herr Envoyé,

Ew. Hochwohlgeb. Zuschrift aus Berlin habe zwar gantz richtig erhalten, von einer von Ew. Hochwohlgeb. aber eingesandten relation, aus Stolpe datirt, nicht das geringste gesehen, und ist davon allhier ganz nichts eingekommen, dass also folglich Ew. Hochwohlgeb. mich excusiren werden, wenn solcher Gestalt nicht im Stande, Ihnen darinn meine Dienstgefälligkeit zu erweisen; Dass der Feld M. Excell. den von Ew. Hochwohlgeb. gegebenen Rath[1]) nicht gefolgt, darinn gebe dem Herrn Feld Marschall ganz gleich (sic); es wäre solches ein pas gewesen, der gewiss nicht schlimmer sein, und von uns sobald nicht wieder redressirt werden mögen, es würden auch der H. Feld M. Excell. Solches bei Ihro Kaiserl. Mayt. Unserer Allergnädigsten Souverainin schwerlich haben verantworten können, ist also sehr gut dass es nicht geschehen.

Sonst wenn Ew. Hochwohlgeb. worinn dienen kann, so wollen Sie im

[1]) *Anmerkung:* Dieser Rath bestand darin: Münich sollte die Belagerung von Danzig wegen seiner geringfügigen Macht vorläufig aufgeben und erst nach erhaltener Verstärkung wiede aufnehmen. Cf. die folgende № III.

II.

Высокорожденный господинъ, Высокопочтенный господинъ посланникъ.

Я, хотя получилъ въ совершенной исправности письмо вашего высокоблагородія изъ Берлина, но не видалъ реляціи, посланной вашимъ высокоблагородіемъ и помѣченной изъ Стольпы, она сюда не дошла, и слѣдовательно ваше высокоблагородіе извините меня, если я такимъ образомъ не въ состояніи доказать вамъ въ томъ свою услужливость. Что его сіятельство фельдмаршалъ не послѣдовалъ совѣту, данному вашимъ высокоблагородіемъ, то я въ этомъ согласенъ съ генераломъ фельдмаршаломъ, (sic) это было бы поступкомъ, хуже котораго быть не могло, и который намъ невозможно было бы скоро исправить; дѣйствуя такъ, его сіятельство фельдмаршалъ едва ли могъ бы оправдать себя предъ ея императорскимъ величествомъ нашей всемилостивѣйшей государыней, слѣдовательно очень хорошо, что это не случилось.

Въ прочемъ, если могу въ чемъ служить вашему высокоблагородію, то благово-

Примѣчаніе: Этотъ совѣтъ состоялъ въ томъ: что Минихъ долженъ былъ отказаться на время отъ осады Данцига по причинѣ своихъ ничтожныхъ силъ, и снова предпринять ее послѣ полученнаго подкрѣпленія. См. слѣдующее письмо № III.

übrigen glauben, dass noch allemahl bin Ew. Hochwohlgeb. gantz Ergebener Diener

E. J. G. Biron.

Petersburg, d. 1. Juny 1734.

III.

Hochwohlgebohrner H. Envoyé Hochzuehrender H. Würklicher Stats-Raaht.

Ew. Hochwollgebohr. Schreiben per Staveta über Berlin, habe vorgestern erhalten, woraus mit villem chagrin ersehe, die übele und unfondirte Meinungen, welche man da ihnen hat zu erkennen geben wollen, über die Conduite des Graffen von Münich. Ich weiss gar nicht was mit fundament ihnen hiezu Anlass geben kann, indem er genug gezeigt, mit welchem Eifer er zu Werk geht, und dass er alles in der Welt gethan, was man von einem ehrlichen Mann nur pretendiren kann. Gleich bei seiner Ankunft hat er die Stadt best möglichst eingeschlossen, ihre kleinen Schanzeu und Vorder Werke genommen, ohne groben Geschütz, so vill wie möglich sich der Stadt selbsten genehrt, der Pohlen unterschiedlich vorgenommenen Secours schlagen und verjagen lassen; die Francoisen selbsten zurückgeschlagen, ohne dass er hiezu gnuck Leute gehabt, und Sie selber werden sich ihres Rathes

---

лите вѣрить, что навсегда пребываю вашего высокоблагородія вполнѣ преданный слуга

Э. Биронъ.

Петербургъ, 1-го іюня 1734 года

III.

Высокорожденный господинъ посланникъ, Высокопочтенный господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Я получилъ третьяго дня письмо вашего высокоблагородія эстафетою черезъ Берлинъ; изъ него усматриваю съ премногою печалью дурныя и неосновательныя мнѣнія, которые желали вамъ внушить тамъ о поведеніи графа Миниха. Не знаю, что за основаніе могло дать имъ къ тому поводъ, потому что онъ достаточно показалъ съ какимъ рвеніемъ онъ дѣйствуетъ, и сдѣлалъ все возможное на свѣтѣ, чего только можно требовать отъ честнаго человѣка. Тотчасъ по прибытіи своемъ, онъ окружилъ городъ возможнолучшимъ образомъ, взялъ его малыя шанцы и передовыя укрѣпленія безъ тяжелыхъ орудій; приблизился насколько возможно къ самому городу, приказалъ разбить и разогнать подходившія польскія различныя подкрѣпленія; а самъ отбилъ Французовъ, не имѣя даже къ тому достаточно людей; и вы сами вспомните вашъ

zu entsinnen wissen, welchen Sie dem Feldtmarschall gegeben, sich von Danzig ab zu ziehen und unter dessen Verstärkung abzuwarten, welches Sie auch hieher gemeldet, dass Sie vor gefährlich hielten die Stadt zu atequiren, denen Pohlen welche wieder in der Mengen ankommen, und die Francoisen auch da sind, tête zu machen; Dennoch er allein die Sache glücklich soutenirt, Nun da bald alles zu Ende geht, soll dieses des ehrlichen Mannes Belohnung sein, welches Ihro K. M. sich niehmahlen haben vorstellen können, Und ist desto mehr zu bewundern, dass Ew. Hochwolgb. hierauf keine Gegenvorstellungen haben machen können. Die Weisselmünde ist mit doppeltem Graben umgeben, hat eine erdene und steinerne Mauer mit groben Geschütz und Ammunition gnuck versehen, an Proviant und Lebensmittel keinen Mangel, wird von 2600 Mann sutenirt, sind auch noch eines starken secours von 8 Batalion vermuthen, auch zugleich einer starken Flotte, der unsere nicht hätte können tête machên, Ob nicht die Münde sich leicht 2 oder 3 Wochen hätte wehren können, und zuletzt die Disperation ergriffen, welches gewiss gar leicht etliche 1000 Menschen kosten können, Und da die Sachsen so schwach, dass sie alleine nicht im Stande gewest sind, die kleine Schanze zu atequiren, und haben wir müssen 1200 Mann ihnen geben, umb die Trenjés (tranchées) zu öffnen, so wär doch die grösste Last und Verlust auf unser Leute gefallen, Noch mehr so hätte die Atolerie, vieles verschiessen müssen, welches anitzo gnuck gegen der Stadt

---

совѣтъ, данный вами фельдмаршалу — удалиться отъ Данцига и дождаться тѣмъ временемъ подкрѣпленія, о чемъ вы сообщили также сюда; вы считали опаснымъ атаковать городъ, дать отпоръ подступающимъ снова во множествѣ полякамъ, и находящимся тамъ также французамъ; не смотря на все это, онъ одинъ счастливо дѣйствовалъ; теперь тамъ все скоро приходитъ къ благополучному концу; это и должно служить воздаяніемъ честнаго человѣка. Ея императорское величество никогда не могла себѣ представить такого исхода, и тѣмъ болѣе должно радоваться, что ваше высокоблагородіе не могли сдѣлать на то никакихъ возраженій. Вейксельмюнде окружена двойнымъ рвомъ, имѣетъ земляную и каменную стѣну, достаточно снабжена тяжелымъ орудіемъ и аммуниціей, въ провіантѣ и жизненныхъ припасахъ недостатка нѣтъ, защищается 2.600 человѣками; разсчитываютъ также на сильную помощь 8 батальоновъ, равно какъ и на сильный флотъ, которому нашъ не могъ бы противустоять. Мюнде могла легко обороняться 2 или 3 недѣли, ими овладѣла бы отчаянная рѣшимость отъ которой была бы потеря въ нѣсколько 1000 человѣкъ. Саксонцы такъ слабы, что не въ состояніи одни были атаковать даже малыя шанцы, и мы вынуждены были дать имъ 1200 человѣкъ для открытія траншей, то наибольшее бремя и потеря падаетъ на нашихъ людей. Кромѣ того и артиллерія должна бы была много изстрѣлять снарядовъ которые употребляются теперь съ пользою противъ города. Изъ Саксоніи

zu Nutzen kommt, aus Sachsen hat man doch leider nichts zu hoffen, denn bis dato haben sie noch nicht ausfinden können, ihre Atolerie wegzuschaffen, ihre Infanterie ist in solchem Stande, dass sie kaum 1000 Mann gebrauchen können, ihre Dragoner gehen nicht in die aprochen, und Alles zusammen so sind sie kaum 4000 Mann stark, dass also bis dato wir noch allein die Last tragen müssen, Wenn Ihro Ma. der König selbsten bei der Armee gewest wäre so hätten Sie besser Ihre mesures nehmen können, nun aber da Sie abwesend, so glaube nicht, dass man pretendiren wird, dass der Feldmarschall unter eines Anderen Commando stehen soll, Und dass Ihro K. M. sich nicht resolviren, zur armee sich zu begeben, müssen wir uns gefallen lassen, wer aber am meisten mit der Zeit dabei leiden wird, muss der Ausschlag zeigen. Es ist nicht zu leugnen, dass der gemachte accord ebenmässig Ihro K. M. unser allergnädigsten Souverain aprobation nicht erworben hat, dennoch ist er in solchen Terminis abgefasst, die noch explication gnuck unterworfen sind. Dass unsere Fregatte nebst Pakeht-Böte genommen sind, hat der Feldmarschall in der Zeit nicht wissen können, und man sich auch einer solchen Feindseligkeit von Frankreich nicht vermuthet, nachdem sie dem Ruschen Reich keinen Krieg angekündigt, Russland auch so wenig Gelegenheit gegeben, denn man hat keine Francoisen aus dem Lande gejagt, noch den Verbot auf ihre Waaren legen lassen, sondern in allen Städten und Häfen handelt Frankreich vor wie nach, indem sie noch

---

же теперь къ сожалѣнію нечего ожидать, ибо доселѣ они не могли ничего придумать для доставленія своей артиллеріи, ихъ пѣхота въ такомъ состояніи, что они едва располагаютъ 1000 человѣкъ, ихъ драгуны не ходятъ въ подкопы, а всѣ вмѣстѣ они едва ли составляютъ 4000 человѣкъ, такъ что слѣдовательно до сихъ поръ мы еще одни должны были выносить бремя войны; если бы его величество король самъ находился при арміи, то онъ могъ бы лучше принять свои мѣры, но такъ какъ онъ отсутствуетъ, то я не думаю, чтобы и могли имѣть претензію на то, что бы фельдмаршалъ состоялъ подъ начальствомъ другаго; а что его величество король не рѣшается отправиться къ арміи, то мы съ тѣмъ должны помириться; а кто наиболѣе пострадаетъ притомъ, то покажетъ современемъ исходъ дѣла. Нельзя отрицать, что состоявшееся соглашеніе не пріобрѣло равно одобренія ея императорскаго величества нашей всемилостивѣйшей государыни, кромѣ того оно составлено въ такихъ выраженіяхъ, которыя еще достаточно требуютъ разъясненія. Что нашъ фрегатъ взятъ вмѣстѣ съ пакетъ-ботами, о томъ фельдмаршалъ не могъ знать во время, да и не ожидали также подобнаго враждебнаго дѣйствія отъ Франціи до объявленія ею войны русскому государству; Россія не подала къ тому никакого повода, ибо французовъ не изгнали изъ страны, не наложили запрещенія на ихъ товары, но во всѣхъ россійскихъ городахъ и гаваняхъ Франція торгуетъ какъ и прежде, къ тому же она еще

dies Jahr aus Riga Holz bekommen haben, zu ihrem Schiffbau; dass also dieses Beginnen wider alles Fölkerrecht vorgenommen ist, und also wir nicht anders als represalien brauchen müssen, auf aller Art und Weise, wie sie uns zu Händen kommen werden. Noch mehr hat expré der Feldtmarschall in der Capitulation sich vorbehalten, die Auslieferung aller Ihro K. M. Deserteurs. Da nun der Capitain, welcher auf der Fregatte nicht anders als ein Schelm und Deserteur anzusehen ist, dieweil es weltkundig, dass er ohne Noth gerade auf denen Francoisen zugesegelt, seine Seegel streichen lassen und sich als Gefangener ergeben, ohne einen Schuss noch gethan oder bekommen zu haben, als ist nicht anders als billig selbigen nebst allen Leuten und equipage zu extradiren, weil dieses Alles als. . . . .

Anmerkung des Herausgebers: Der Schluss fehlt, das Datum dieses Briefes muss wohl zwischen 24. und 30. Juny 1734 sein, wenn man das hier Erwähnte mit den bekannten Ereignissen der Belagerung von Danzig, das 30. Juny 1734 capitulirte, vergleicht.

IV.

. . . . Als eine expedition anzusehen ist, und die unpartheiische Welt wird es nicht verdenken können, dass man in so lange zurück halten wird bis man in Allem folckommene satisfaction erhält. Und glaub ich mein

---

въ этомъ году получила изъ Риги лѣсъ для своего кораблестроенія; и такъ это дѣйствіе совершено противъ всякаго народнаго права, и слѣдовательно мы можемъ употребить репресаліи всякаго рода и вида, какія представятся намъ. Кромѣ того фельдмаршалъ нарочно предоставилъ себѣ въ капитуляціи выдачу всѣхъ дезертировъ ея имп. величества; но такъ какъ и на капитана бывшаго на фрегатѣ должно смотрѣть не иначе какъ на шельму и бѣглеца, потому что извѣстно, что онъ безъ нужды прямо направился къ французамъ, опустилъ парусъ и сдался плѣнникомъ, не сдѣлавъ и не получивъ ни одного выстрѣла, то справедливость требуетъ выдать его вмѣстѣ со всѣми людьми и экипажемъ, ибо все это какъ . . . .

Примѣчаніе издателя: Окончанія нѣтъ; число этого письма должно приходиться между 24-мъ и 30 іюня 1734 года, если сравнить упоминаемое здѣсь съ извѣстными случаями осады Данцига, который сдался 30 іюня 1734 года.

IV.

. . . . . . Ибо на все это должно смотрѣть какъ на экспедицію, и безпристрастные люди не могутъ принять это въ худую сторону, если будемъ до тѣхъ поръ удерживаться, пока не получимъ во всемъ совершеннаго удовлетворенія. Я не повѣрю во

Lebtage nicht dass man, in Sachsen eine so schlechte opinion von uns haben kann, das wir sogleich die Francoisen nach dem Sund transportiren werden, umb dass sie sich mit dem neuen Secours conjugiren könnten, Vor diese glaub ich ist schon gesorgt, und sollt ein anderer kommen, dem würd es nicht besser gehen, Zu mehrer Ueberzeugung der falschen Meinungen die sie alldort vom Feldmarschall hegen, lege ich dessen Schreiben hiebei, welches Sie aufzeigen können, wo Sie es vor nöttig finden. Von diesen meinen Brief, bitte einen extract an Ihro Excellenz den Grafen von Wrateslaw zu geben, indem ich in meinem Schreiben darauf beziehe. Ferner so haben wir weiter keine importanten Nachrichten, ausser dass der Kaiserl. Gesandte in Stockholm bis dato noch keine audience hat erhalten können, und dahero enstanden, dass er declarirt, wie er den Grafen Horn nicht: «Ihro Excellence» beilegen könnte, so gern wie er es vor seine Person thäte, es wäre aber in seiner Instruction expré verbothen. Ob es anitzo die Gelegenheit ist, lass ich dahin gestellt, dieses ist aber gewiss dass die Francoisen wider alles Vermuhten viel sich zum Nutzen machen von dieser Begebenheit; womit mich empfehle und bin Ew. Hochwohlg. ganz ergebener Diener

E. J. G. Biron.

P. S. Weilen die Seeofficier, die auf der fregatte die anitzo unter

---

всю свою жизнь, что въ Саксоніи могутъ имѣть о насъ такое дурное мнѣніе, будто мы тотчасъ перевеземъ Французовъ за Зундъ, дабы они могли соединиться съ новымъ подкрѣпленіемъ; я думаю уже позаботились объ этомъ, и если придетъ другое, ему не будетъ лучше. Для лучшаго опроверженія ложныхъ мнѣній, которыя они имѣютъ о фельдмаршалѣ, я прилагаю при семъ письмо его, которое вы можете предъявлять, гдѣ сочтете это за нужное. Изъ этого моего письма прошу доставить извлеченіе его сіятельству графу фонъ Вратиславу, потому что я ссылаюсь на то въ моемъ письмѣ къ нему. Затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ важныхъ извѣстій, кромѣ того, что императорскій посолъ въ Стокгольмѣ не могъ получить еще доселѣ аудіенціи а это случилось, вслѣдствіе его заявленія, что онъ не можетъ придать графу Горну титулъ «Ваше сіятельство», хотя лично онъ охотно то сдѣлалъ бы, но это именно ему запрещено въ инструкціи. Умѣстно ли это нынѣ, я оставляю нерѣшеннымъ, но вѣрно то, что Французы, противъ всякаго ожиданія, извлекаютъ для себя много пользы изъ этого происшествія. За симъ поручаю себя и пр. и пребываю вашего высокоблагородія вполнѣ преданный слуга

Э. І. Биронъ.

P. S. Такъ какъ морскіе офицеры на фрегатѣ, который находится теперь ниже

Weichsel-Münde ist, sich der Capitulation auch zu Nutze machen, so kann von allen also die Flotte in nichts sich ausschliessen.

Anmerkung. Es ist oben die Rede von dem französischen Hülfscorps, das unter dem General La Motte-Perouse sich am 24. Juny 1734 an Münich ergab, und auf der russischen Flotte zunächst nach Cronstadt und sodann nach Livland abgeführt worden, von wo es ihnen nach einigen Monaten gestattet wurde, nach Frankreich zurückzukehren. — Den 25. Juny capitulirte Weichselmünde.

Dieses Bruchstück kann keinen Theil des vorigen Briefes ausgemacht haben, weil das Papier ein grösseres Format hat; jener Brief muss daher einige Tage vor diesem geschrieben sein.

V.

Hochwolgeborener Herr Hochzuehrender Herr Envoyé extraordinaire.

Bei Abgang der heutigen Staffette wess Ew. Hochwohlg. sonst nichts Besonderes zu benachrichtigen, ausser was wir zuletzt aus Constantinopel erhalten, nämlich dass der Vezier öffentl. Conseil gehalten, und darinnen ihren schlechten Zustand in Persien vorgestellet, mit dem Zusatze, wie die Türkischen Commandeurs in Persien verlangten, dass er, der Vezier selbst dahin kommen möchte; Dass er nicht allein selbst und vor seine Person, sondern sogar der Sultan dahin zu gehen bereit wäre, wenn solches nur vor

---

Вейксельмюнде также пользуются капитуляціею, то слѣдовательно и флотъ не можетъ выключить себя.

Примѣчаніе: Выше идетъ рѣчь о французскомъ вспомогательномъ корпусѣ, который подъ начальствомъ генерала Ла-Моттъ-Перуза сдался Миниху 24 Іюня 1734 года и былъ отвезенъ на русскихъ судахъ сперва въ Кронштадтъ, а потомъ въ Лифляндію, откуда французамъ было предоставлено, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, возвратиться во Францію; 25-го іюня сдалась Вейксельмюнде.

Этотъ отрывокъ не можетъ составлять части предъидущаго письма, потому что бумага имѣетъ большій форматъ, и потому то письмо должно быть написано за нѣсколько дней до этого.

V.

Высокоблагородный господинъ Высокопочтенный господинъ чрезвычайный посланникъ.

При отправленіи сегодняшней эстафеты, я не могу сообщить вашему высокоблагородію чего либо особеннаго, кромѣ того, что мы получили наконецъ изъ Константинополя извѣстіе, а именно, что визирь собралъ открытый совѣтъ и представилъ на немъ дурное состояніе ихъ дѣлъ въ Персіи, прибавивъ, что турецкіе командиры желали, чтобы онъ визирь прибылъ туда, заявивъ при томъ, что не только онъ лично, но даже и султанъ былъ бы готовъ отправиться туда, если бы только оное было сочтено

gut gefunden würde. Das Conseil habe darauf geantwortet, dass sie seine und des Sultans Entfernung aus Constantinopel gar nicht approbiren könnten, wegen der Persianischen Provinzien aber der Meinung wären, dass man selbige gänzlich verwüsten und sich nach seinen alten Grenzen ziehen, daselbst gegen die Persianer in guter Bereitschaft stehen und mittlerweile Frieden suchen sollte. Der Vezier aber habe gesagt, dass der Sultan in Abtretung gedachter Provinzien in Ewigkeit nicht willigen würde, und man also den Krieg mit mehrerer Force führen müsste. Worauf der Schluss gefallen 40 M. Mann, halb Infanterie halb Cavallerie dahin zu schicken. — Die Persianischen Nachrichten würden sehr cachirt, es soll aber sehr schlecht daselbst mit den Türken stehen, und könne auch die geringste Apparence sein, dass gegen Europa etwas von ihnen vorgenommen werden könnte, ehe die Sachen in Persien geendigt worden.

Sonst haben mir Ew. Hochwohlg. vor einiger Zeit den Gmelin anrecommandirt, ich habe seinetwegen mit dem H. Kammerherren von Korff gesprochen, der mir aber gesagt, dass derselbe derjenigen Function bei der Academie, wovon er bisher den Namen geführt, ganz und gar nicht fähig wäre vorzustehen; darauf selbigen beim H. Grafen Ostermann, als Courier zu gebrauchen anrecommandiren wollen, alleine die Antwort war, dass hier schon mehr als 7 bis 8 dergl. Personen übrig zum Verschicken parat und fertig lägen, man also keine mehr benöthiget. Weiss demnach ferner nicht, wo man gedachten Gmelin wird lassen sollen; Er soll vor 14 Jahren Ihro

---

полезнымъ. Совѣтъ отвѣчалъ на то, что они отнюдь не могутъ одобрить удаленіе его и султана изъ Константинополя; относительно же персидскихъ провинцій они того мнѣнія, что ихъ слѣдуетъ совсѣмъ разорить, направиться къ своимъ прежнимъ границамъ, быть тамъ на готовѣ противъ Персовъ, а между тѣмъ искать мира. Но визирь сказалъ, что султанъ во вѣки не согласится на уступку означенныхъ провинцій, слѣдовательно должно вести войну съ бо̀льшею силою. На это послѣдовало заключеніе: послать туда 40 тысячь человѣкъ, половину пѣхоты и половину кавалеріи. Персидскія извѣстія тщательно скрываются, но должно быть тамъ обстоитъ очень плохо съ Турками, и есть нѣкоторое вѣроятіе, что ими не можетъ быть что либо предпринято противъ Европы прежде, чѣмъ будутъ окончены дѣла въ Персіи.

Нѣкогда ваше высокоблагородіе отрекомендовали мнѣ Гмелина; я говорилъ по поводу его съ г. камергеромъ фонъ-Корфомъ, который сказалъ мнѣ, что онъ совершенно не способенъ управлять той должностью при Академіи, которую онъ исправлялъ до сихъ поръ; затѣмъ онъ просилъ рекомендовать его графу Остерману, чтобъ быть отправленнымъ въ качествѣ курьера; послѣдовалъ отвѣтъ, что здѣсь находится уже болѣе 7 или 8 подобныхъ лицъ, способныхъ и готовыхъ къ отправкѣ, что слѣдовательно не нуждаются болѣе въ нихъ; потому не знаю причемъ должно будетъ оставить означеннаго Гмелина; онъ получалъ жалованье отъ ея величества впродол

Mayt. Gage gezogen haben, niemals aber wozu employirt oder gebraucht worden sein, sondern er soll jederzeit als ein blosser Domestique beim D. Blumentrost sicht aufgehalten haben. — Im übrigen so empfehle mich und bin vor allemahl unverändert Ew. Hochwohlgeb. ganz ergebener Diener

E. J. G. Biron.

VI.

Hochwohlgebohrner H. Hoch zuehrender H. envoyé, werter H. Bruder.

Ich habe das Vergnügen gehabt, dero angenehmes Schreiben v. 5. Jan. S. N. woll zu erhalten, und ersehe daraus, wie der H. Graf Lynar, wegen meiner inquietude, die ich wegen der Curländischen Angelegenheit auf Ew. Hochwohlgb. Bericht geäussert hätte, Nun hätte gern gewünscht wenn Sie mir einige Umbstände von seiner relation hätten communiciren wollen; da Ew. Hochwgb. es aber vor gut befunden, hievon en général die Erwähnung zu thun, so habe nicht umhin sein können, den ganzen wahren Umbstand zu melden.

Der Graf Lynar ist zu mir gekommen, und discoursive sich verlauten lassen, dass der H. Obrister Buttler seine Dimission nicht gebührend gesuchet, er hoffe auch dass man nicht Difficultäten machen wird ihm selbiges

---

женіи 14 лѣтъ, никогда не исправлялъ никакой должности и ничего ему не было поручено, но говорятъ пребывалъ простымъ слугою при докторѣ Блументростѣ. Поручаю себя въ остальномъ и пр. пребываю навсегда неизмѣнно Вашего высокоблагородія вполнѣ преданный слуга Э. І. Биронъ.

VI.

Высокоблагородный Господинъ, Высокопочтенный Господинъ Посланникъ и дорогой братъ!

Я имѣлъ удовольствіе въ исправности получить ваше пріятное письмо отъ 5-го января нов. стиля и усматриваю изъ него, какъ высказался графъ Линаръ на донесеніе вашего высокоблагородія, относительно моего безпокойства по поводу курляндскихъ дѣлъ. Теперь весьма желалъ бы, чтобъ вы соизволили сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности изъ его реляціи, но такъ какъ ваше высокоблагородіе сочли полезнымъ, вообще упомянуть о ней, то я не преминулъ сообщить вамъ вполнѣ и въ точности обстоятельства дѣла. Графъ Линаръ пришелъ ко мнѣ и въ разговорѣ сказалъ, что полковникъ Бутлеръ не надлежащемъ образомъ искалъ своей отставки, онъ надѣется также, что не затруднятся дать ему оную. Это выраженіе показалось мнѣ нѣсколько

zu geben. Diese Expression kam mir ein wenig zu hoch vor, nicht um des H. von Butler, sondern in Consideration der hohen Recommendation, die er von Ihro Kaiserl. Majest. gehabt hat; und zum zweiten wegen das hohe Wort Ihro Majest. des Königs, da man ihm versichert, das erste Regiment zu geben. Worauf ich geantwortet, ich bedauere das Schicksal des H. von Buttler, nachdem er bei die etliche 20 Jahre treu und redlich Ihro Majest. dem Gottseeligen Könige und der Respublike gedient, dass er auf eine solche Art ist zurückgesetzt, und noch mehr dass man Ihro Koenigl. Majest. incommodirt hat, mit Ihro Kaiserl. Vorwort. — Graf Lynar replicirte, man solle es nicht so nehmen, er glaubte dass volkommen sein Herr bei den importenten Chargen gezeigt hätte, was er auf Russlands Recommendation gethan. Ich antwortete: es ist wahr dass Ihro Königl. Myst. den grossen Siegel, auf Russlands Vorstellung am Grafen Saluski gegeben, der auch schon schriftlich vom Gottseeligen Könige die Versicherung aufzuweisen hat, und durch dieses hätten doch Ihro Majest. selbsten den grossen Nutzen, weil ohnstreitig der itzige Gross-Kanzler alle Qualiteten besitzt, die einem so grossen Mann zukommen, und die Vergebung der übrigen Chargen sind so vergeben wie Ihro Majest. selbst incliniret haben; Man hat den Unter-Kanzler von Lithauen gehofft als Gross-Canzler zu sehen, dieses wäre aber auch nicht geschehen.

Nachdem sagte mir der H. Graf Lynar, das es sehr ville Mühe dem

---

рѣзко, не въ отношеніи къ господину Бутлеру, но въ разсужденіе высокаго покровительства, которымъ онъ пользовался отъ ея императорскаго величества, и во вторыхъ, по причинѣ высочайшаго обѣщанія его величества короля, которымъ его обнадежили, дать ему первый полкъ. На это я отвѣтилъ: я сожалѣю о судьбѣ г. фонъ-Бутлера, послѣ того, какъ онъ около 20 лѣтъ служилъ вѣрно и честно его величеству покойному королю и республикѣ, что онъ отставленъ такимъ образомъ, а еще болѣе, что утруждали его королевское величество заступничествомъ ея императорскаго величества. Графъ Линаръ возразилъ: не должно принимать это такъ, онъ полагаетъ, что его государь вполнѣ показалъ распредѣленіемъ важныхъ должностей свое уваженіе къ ходатайству Россіи. Я отвѣчалъ: правда, что его королевское величество поручилъ большую печать (т. е. канцлерство) по представленію Россіи *графу Залусскому*, который кромѣ того имѣлъ уже письменное обѣщаніе покойнаго короля, и чрезъ это ихъ величества сами имѣютъ пользу, ибо безспорно нынѣшній великій канцлеръ обладаетъ всѣми качествами, которыя приличествуютъ столь знатному сановнику; распредѣленіе прочихъ должностей было такъ какъ ея величество сами желали того; надѣялись видѣть литовскаго подканцлера великимъ канцлеромъ, но этого не случилось.

Потомъ графъ Линаръ сказалъ мнѣ, что королю стоило очень много труда дове-

Koenige gekostet, die Curländische affaire so weit zu bringen wie es aus dem Concluso des Senats zu sehen. Meine Antwort war, dass Ihro Kaiserl. Majest. es nicht anders als lieb sein könnte, indem es der Anfang sei, worin Ihro Königl. Maj. zeigen wollen, dass sie ihrem Bündnisse, in Allem nachleben wollten. Dass es eine so grosse Mühe gegeben, kann man aus dem diario nicht ersehen, indem die Magnaten von sich selbst hiezu incliniret und diese affaire selbsten in Bewegung gebracht. — Es wäre genug dass der Hof viel Mühe hätte gehabt. — Meine Antwort war, es sei auch also, so glaube nicht dass die Mühe ihres Hofes so gross gewest sein wird, als diejenige die wir Zeit hero gehabt haben, um solche Mühe vor Ihro K. M. zu erhalten. — Hierauf wandt er ein, dass Curland schon mit Allem zufrieden sein könnte was geschehen, und er glaube es auch von mir. — Ich sagte ihm, dass mein Vaterland und ich in einigen Stücken getrennt sind, nämlich sie müssen Alles wünschen und bitten; das letztere habe nicht von Nöthen; gewünscht hätte gern dass die Curländische Sache deutlich wäre exprimirt, nämlich dass man uns bei unserm wohlhergebrachten Rechten und Freiheiten lassen wollte, und ohne Anstand nach Ableben des *abgelebten alten Herren*[1]), ohne Hinderniss zur neuen Wahl zu schreiten, nun aber steht es, dass man uns bei der formula Regiminis lassen wollte, und könnte

[1]) D. h. des Herzogs Ferdinand von Curland.

сти дѣло Курляндіи такъ далеко, какъ это видно изъ заключенія сената. Мой отвѣтъ былъ, что ея императорскому величеству это могло быть не иначе какъ пріятно, потому что служитъ началомъ, которымъ его королевское величество желаетъ показать, что хочетъ держаться всего, согласнаго своему союзному договору. Что это причинило такъ много труда, нельзя усмотрѣть изъ протокола засѣданія, потому что магнаты сами отъ себя склонились къ тому и сами привели въ движеніе это дѣло. Достаточно сказать, что дворъ приложилъ много старанія въ этомъ дѣлѣ. Мой отвѣтъ былъ: буде это такъ, то я не думаю, что старанія ихъ двора были такъ велики, какъ тѣ, которыя мы прилагали донынѣ, дабы получить ихъ отъ его королевскаго величества. На это онъ возразилъ, что Курляндія можетъ уже быть довольна всѣмъ, что случилось, и онъ думаетъ тоже обо мнѣ. Я сказалъ ему, что мое отечество и я различествуемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а именно: они должны всего желать и просить; я же не имѣю надобности въ послѣднемъ; я охотно желалъ бы, чтобы Курляндское дѣло было точнѣе разъяснено, именно, что намъ обѣщали оставить насъ при обычныхъ правахъ и льготахъ, и безъ замедленія, по кончинѣ стараго герцога [1]) безпрепятственно предоставили приступить къ новому выбору, но теперь дѣло заключается въ томъ, что насъ желаютъ оставить при прежней формѣ правленія, и наконецъ сюда должно от-

[1]) Т. е. герцога Фердинанда Курляндскаго.

auch der *obtrudirte Plan*[2]) ebenmässig hiemit verstanden sein, welcher doch mein Lebelang von keinem treuen Patrioten verlangt ist, noch Zeitlebens von uns wäre angenommen worden, als zu der Zeit, wie die Gewalt bei uns Ueberhand hätte. — Er sagte mir, selbige Gewalt wäre noch da, und er glaube nicht dass Curland zulänglich sein wird, sich gegen die Respublick zu setzen, noch einen Krieg anzufangen. — Dieses ist wahr, die Respublick hat Denkmale genug, was sie sich vor Schaden gethan, durch unbefugte Gewalt, hat hiedurch grössere Länder verloren, und ob zwar Curland klein, so wäre es doch nicht rathsam, dass man es zur Desperation bringen möchte.— Was sie denn mit ihrer Desperation anfangen würden? — Dieses, dass sie sich hinwenden würden, wo sie alle Protection vollkommen zu erhalten hätten und fernerhin vor der Respublick gesichert genug sein würden. Ob dieses dem Könige einigen Nutzen oder Liebe im Reiche zutragen würde, lasse ich dahin gestellt sein. Dass ich aber nur von mein Particulier spreche, dieses habe ihm auch dabei gesagt.

Weiter fiel der Discours auf den ehrlichen doch unglücklichen Fürsten Radziwill, dessen Zustand ich höchtens bedauerte, apart da er alles in der Welt vor dem König gethan, hernach auch die Recommendation meiner Allergnädigsten Kaiserin vor sich gehabt; Alles dieses hat ihm 3000 Ducaten zu Wege gebracht. Hiemit schlossen wir unsern discours; dass ich aber ein Wort von Ew. Hochwolgb. Relation gedacht, noch sonsten jeman-

---

нести и навязываемый намъ планъ, котораго однако не пожелаетъ во всю мою жизнь ни одинъ изъ вѣрныхъ патріотовъ, который и не будетъ принятъ нами во всю жизнь, развѣ только тогда, когда насиліе получитъ у насъ перевѣсъ. Онъ сказалъ мнѣ, что сила еще находится тамъ, и онъ не думаетъ, что Курляндія будетъ достаточно сильною, чтобы противустоять республикѣ и начать войну.— Это правда, республика имѣетъ достаточно доказательствъ, какой вредъ причинила она себѣ, чрезъ насиліе беззаконное, она потеряла большія земли, и хотя Курляндія не велика, все таки не было бы полезнымъ, довести ее до отчаянія? Что бы сдѣлала она съ своимъ отчаяніемъ? — То, что обратились бы туда, гдѣ получили бы полное покровительство и впредь были бы достаточно обезпечены отъ республики. — Принесло ли бы это королю какую либо пользу, или привязанность народа въ государствѣ, я оставляю нерѣшеннымъ. Но что я говорю это только отъ себя лично, это я также прибавилъ при этомъ.

Далѣе разговоръ перешелъ на честнаго но несчастнаго князя Радзивилла, о положеніи котораго я крайне сожалѣлъ, особенно потому, что онъ сдѣлалъ для короля все на свѣтѣ, онъ же также пользовался покровительствомъ моей всемилостивѣйшей государыни: все это принесло ему только 3000 дукатовъ. Симъ заключили мы нашъ разговоръ, но я даже не упоминалъ никому о реляціи вашего высокоблагородія, ни

dem, ist nicht geschehen, und hat er was Mehres berichtet, so ist solches eine Unwahrheit, Alles aber was ich erwähnt, traue mir alle Zeit zu verantworten, mit der allergrössten Raison. Denn ehr wir in Curland unter einem solchen Joch, wie uns durch den *Plan* zugedacht ist, so halte davor dass ein jeder ehrliche und brave Mann alles risquiren wird, was nur möglich. Und wenn wir auch unter einer anderen Protection gezwungen würden aus Noth zu treten, so steht uns offen, eben solche Condition mit denen zu machen, wie unsere Vorfahren es mit der Respublicke gemacht. Ich gedenke aber dass Gott es nicht dazu wird kommen lassen, dass wir es werden von Nöthen haben, und Ihro K. M. König sind allzu gerecht, dass sie uns nicht bei unserer Freiheit conserviren werden. Und endlich hat Russland einen König von Polen allein suteniren koennen, so wird es auch mit der Curländischen Sache schon auskommen.

Sonsten hab auch zu unterschiedenen Mahlen abnehmen können, dass man mich sondirt, ob ich bei der Curischen affaire, nicht particuler Absicht hätte. Nun wissen Ew. Hochwolg. am besten, wie wenig ich mein Lebtage hiezu inclinirt, oder auch noch ferner bin, Denn ich bin mit meinem Zustand zufrieden, und wenn Gott uns nur einen Herren geben will, so soll es mir gleich sein, wer es auch immer wäre, nur wenn das Land man mit ihm glücklich sein möchte.

Ew. Hochwolgb. melden neulich, dass dort in Warschau gesprochen

---

теперь ни прежде, а если онъ (Линаръ) доноситъ еще что либо, такъ это ложь; а все о чемъ я упоминаю, въ томъ готовъ дать отчетъ во всякое время на наилучшихъ основаніяхъ. Ибо прежде чѣмъ мы въ Курляндіи должны подпасть подъ такое иго, какое намъ назначается помянутымъ планомъ, я держусь того мнѣнія, что каждый честный и мужественный человѣкъ будетъ рисковать всѣмъ, чѣмъ только возможно. И если мы принуждены будемъ вступить изъ нужды подъ другое покровительство, то намъ дозволено будетъ заключить съ ними точно такія же условія, какъ это сдѣлали наши предки съ республикою. Но я думаю, что Богъ не допуститъ до того, чтобы мы имѣли въ семъ нужду, а его величество король слишкомъ справедливъ, чтобы не сохранить насъ при нашей свободѣ, и наконецъ если Россія могла одна поддержать короля польскаго, то, конечно, справится и съ дѣломъ Курляндіи.

Кромѣ того я могъ заключить неоднократно, что отъ меня вывѣдываютъ, не имѣю ли я особой какой либо цѣли въ Курляндскомъ дѣлѣ. Ваше высокоблагородіе знаете, какъ нельзя лучше, какъ мало я былъ склоненъ къ тому во всю мою жизнь, а тѣмъ болѣе на будущее время, ибо я доволенъ своимъ положеніемъ, и если только Богу угодно даровать намъ герцога, то мнѣ должно быть все равно, кто бы онъ ни былъ, только бы страна могла быть счастлива съ нимъ.

Ваше высокоблагордіе сообщили недавно, что тамъ въ Варшавѣ было говорено

wird wegen denen grossen Revenüen des Herzog in Curland. Ich denke dass es nicht schaden möchte allda eine Idee zu geben, dass anitzo aus allen Zöllen und Aemtern der Herzog und Regierung kann 40000 Rth. Alb. Revenien haben, solche reichen aber nicht zu dass die officianten können besoldet werden, was bleibt also vor dem Herzoge? Die übrigen fürstlichen Domens sind alle so hoch verpfändet, dass wie billig der zukünftige Herzog sie einlösen will, er gewiss so viel wird geben müssen, als wenn er sie erblich kaufen müsste, geschweige alle noch ausländische grosse und hohe Pretensiones. Der Graf Belek hat 100/m Rthl. Alb. Capitall und bei 2 mal altrum tantum. Kein fürstlich Haus ist in ganz Curland nicht zu finden, wo ein Herr standmässig eine Nacht logiren könnte. Nun bei diesen Umbständen, so wüsste nicht, was einer, der nicht Millionen zu disponiren hätte, vor Vergnügen haben würde Herzog zu sein. Ich halte davor, dass es der Weg zum immerwährenden Chagrin und baldigem Tode sein müsste. Wollte man nun auf seine Nachkommen sehen, so kämen dieselbigen in dem Laberinte, wo ihr antecessor gewest. Ich vor mein part hingegen, kann aus Gnade Gottes und meiner aller gnädigsten Kaiserin Gnade, standmässig mein Leben enden, es sei auch an einem Orte wo es wolle, dass also mit des zukünftigen Hertzogs Vergnügen nicht tauschen will.

Ich hab Schwitten auch gekauft, und lasse kommenden Sommer in Ru-

---

относительно огромныхъ доходовъ герцога курляндскаго. Я думаю, что не можетъ повредить провести тамъ мысль, что нынѣ со всѣхъ таможенъ и удѣловъ герцогъ и правительство могутъ имѣть только 40,000 альбертинскихъ рейхсталеровъ, но они недостаточны, чтобы должностныя лица могли получать свое содержаніе; что же слѣдовательно остается герцогу? Прочія княжескія владѣнія всѣ заложены за такую высокую цѣну, что когда будущій герцогъ захочетъ выкупить ихъ, то непремѣнно долженъ будетъ дать такъ много, какъ при покупкѣ ихъ въ свою собственность; я умалчиваю еще обо всѣхъ лежащихъ на нихъ иностранныхъ значительныхъ долгахъ. Претензія графа Белека доходитъ до 100 тысячъ альбертинскихъ рейхсталеровъ капиталу, другіе же — вдвое того. Во всей Курляндіи нельзя найти ни одного княжескаго помѣщенія, гдѣ герцогъ могъ бы помѣститься на одну ночь, сообразно своему положенію. При этихъ обстоятельствахъ не знаю, что за удовольствіе быть герцогомъ могъ бы имѣть тотъ, кто не располагаетъ милліонами. Я держусь того мнѣнія, что это должно быть ему причиной постоянной печали и путемъ къ скорой смерти. Что же касается до его наслѣдниковъ, то они попали бы въ лабиринтъ, гдѣ пребывалъ ихъ предшественникъ. Я же съ своей стороны, напротивъ, могу по милости Божіей и по милости моей всемилостивѣйшей государыни окончить жизнь свою сообразно состоянію и въ какомъ бы мѣстѣ ни пришлось, такъ что слѣдовательно не желаю мѣнять ее на удовольствіе быть герцогомъ въ будущемъ.

Я купилъ также Швиттенъ и прикажу будущимъ лѣтомъ выстроить въ Руэн-

henthal ein Haus von 100 Zimmer bauen, gedenke es auf dem Herbste unter Dach zu haben. Wenn ich reussire so glaube dass es gut auskommen wird.

Nun weiss nichts Neues zu melden sondern empfehle mich und bin M. H. Bruders ganz ergebener Diener

E. J. G. Biron.

Peterb. d. 6. Ja. Ao. 1736.

Ich schreibe nicht dieses umb dem Grafen Lynar tort zu thun, sondern zu dero Notice.

---

[2]) Anmerkung. Unter diesem «obtrudirten Plan» ist gemeint die u. A. auch bei Dogiel Cod. Dipl. Polon. T. V. № 293 abgedruckte «Ordinatio futuri Regiminis Curlandiae», welche von der in Mitau 1727 niedergesetzten Polnischen Commission entworfen war, in Folge der Grodnoschen Reichstags-Constitution von 1726, die verordnet hatte, dass nach dem zu erwartenden Aussterben der Kurländischen, Kettlerschen Herzogsfamilie, dies Herzogthum als vacant gewordenes Lehn der Republik Polen heimfallen, und mit derselben incorporirt werden sollte.

VII.

Hochwollgebohrener Herr Hochzuehrender H. Envoyé.

Ew. Hochwollgebohr. beide Briefe durch den ankommenden Courir habe woll erhalten, wie auch das Königl. Diplomate. Ich bin denenselben

---

талѣ домъ въ 100 комнатъ, думаю осенью имѣть его крытымъ. Если поспѣю, то полагаю, что постройка хорошо удастся. Не имѣю сообщить чего либо новаго, поручаю себя и пр. и пребываю милостиваго государя, брата моего, вполнѣ преданнымъ слугою

Э. І. Биронъ.

Петербургъ, 6-го января 1736 года.

Пишу это не для того, чтобы досадить графу Линару, но къ вашему свѣдѣнію.

Примѣчаніе. Подъ этимъ «навязываемымъ планомъ» подразумѣвается «Ordinatio Futuri Regiminis Curlandiae» отпечатанное между прочимъ и у Догіеля «Codex dipl. polon», томъ V. № 293. начертанное польскою коммиссіею, составленною въ Митавѣ въ 1727 году, вслѣдствіе конституціи Гродненскаго сейма 1726 года, которая предписывала, что послѣ, *ожидаемаю* вымиранія Курляндской Кеттлерской герцогской фамиліи, это герцогство, сдѣлавшееся вакантнымъ ленными владѣніемъ, должно возвратиться республикѣ Польшѣ и быть присоединено къ ней.

VII.

Высокоблагородный господинъ, Высокопочтенный Господинъ Посланникъ.

Я получилъ чрезъ прибывшаго курьера оба письма вашего высокоблагородія, равно какъ и королевскую утвердительную грамату. Безконечно обязанъ, что вы по-

unendlich verbunden dass Sie sich so viel Mühe haben geben wollen, versichernd dass es bei mir nicht aus Vergessenheit kommen soll. Ich bitte bei gelegener Zeit, Ihro Konigl. Majest. meine unterthänige Danksagung abzustatten; und ob zwar dieses mir nicht éher Nutzen schaffen kann, als bis es in eine Constitution gebracht wird, so sehe doch die Gnade Ihro Königl. Majest. vollkommen hieraus. An denen beiden Cabinets-Ministern bitte ebenmässig, von mir ein Compliment zu machen.

Was ferner Ew. Hochwohlgeb. weiter mir eröffnen wollen, wegen Curland, so nehme es nicht anders auf als eine Marcke dero mir beständigen Wollwollens, weilen ich aber von Jugendt auf immer meinem innerlichen Trieb gefolgt, und es auch bis dato, Alles noch ziemlich gelungen, so glaub auch dass in dieser affere es dabei bewenden lasse, indem ich aufrichtig sagen kann, dass keinen Trieb bei mir empfinde, au contraire vielmehr ein Scheuen. Genug ich bin zufrieden wenn ich nur mein Vaterland beglückt sehe.

Was weiter Ew. Hochwollg. erwähnen wollen, wegen Ihrer Negoce, so habe immer geglaubt, dass es Difficulteten setzen wird, und dass sie ihre gemeinte pretensions nicht so umbsonst fahren lassen, obwohl an und vor sich selbsten, sie nicht fundamentell sind, welches ich jeder Zeit hier sutenirt; und da heute ohne Zweifel der Graf Gogosinscky (d. i. Jaguschski) sterben wird, Graf Ostermann aber noch immer zu Hause sitzt, so hat keine

---

желали приложить такъ много старанія, увѣряю васъ при томъ, что это не исчезнетъ у меня изъ памяти. Прошу воздать при удобномъ случаѣ мою всепокорнѣйшую благодарность его королевскому величеству; и хотя это (избраніе) не можетъ доставить мнѣ пользы прежде, чѣмъ оно будетъ введено въ конституцію, все же я вполнѣ усматриваю изъ этого милость его королевскаго величества. Прошу равномѣрно засвидѣтельствовать мою признательность обоимъ кабинетъ-министрамъ.

Что ваше высокоблагородіе желаете открыть мнѣ далѣе, относительно Курляндіи, то я приму оное не иначе, какъ за знакъ вашего постояннаго ко мнѣ благоволенія; но такъ какъ я съ юности слѣдовалъ своему внутреннему влеченію, и все доселѣ прекрасно удавалось мнѣ, то думаю, что и въ этомъ дѣлѣ поступлю также, ибо могу откровенно сказать, что не чувствую въ себѣ никакого влеченія, напротивъ, скорѣе робость. Но довольно — я радуюсь, если только вижу счастливымъ свое отечество.

Что ваше высокоблагородіе изволили упомянуть далѣе по поводу вашихъ переговоровъ, то я всегда думалъ, что затрудненія будутъ, и что они не откажутся такъ даромъ отъ своихъ задуманныхъ притязаній, хотя они сами по себѣ неосновательны, что я во всякое время утверждалъ здѣсь; и такъ какъ безъ сомнѣнія графъ Ягужинскій умретъ сегодня, а графъ Остерманъ все еще сидитъ дома, то дальнѣйшаго

fernere Antwort nicht expedirt werden können, soll aber mit ehestem folgen. So viel kann aber melden, dass vielleicht eher zu resolviren sein wird, ein Stück Geldes auszuwerfen, als das Strich Landes, welches nach dem ewigen Frieden wüst sein soll, denn soll das Land ihnen gelassen werden, so gehen die Menge Russische Unterthanen täglich dahin, wie nun in diesen Zeiten schon geschehen, bleibt es aber leer, so wird kein Ueberläufer, in der Wüste sich 3 oder 4 Tage wagen. Das ist die Haupt-Raison, sonst so muss es Polen genug bekannt sein, dass es Russland an wüsten Ländern nicht abgehet.

Die Aliantze mit Preussen, so ist selbige vor 4 Tagen völlig in höflichen terminis abgeschlagen. Es ist aber dieses wohl zu bedenken, dass es der Respublicke mehr mit einem tractat mit uns vortheilen kann, als sonsten mit jemand. Was Ew. Hochwollg. melden, als wenn man der Freundschaft der Respublicke nicht versichert wäre, so müsste eine Armee gegen Polen stehen bleiben, die sonsten mit Nutzen wider die Pforte könnte gebraucht werden. Defensive wider Polen zu agiren ist eben nicht viel nöthig, indem von der Ukraine an, überall so viele Truppen sind, in allen Zeiten, die genug ihnen tête machen können; denn die Ukrainschen Kosaken sind so brav, wie die Polen. Derer können in 14 Tagen 70 M. beisammen sein, vier oder 5 Infanterie-Regimenter aus dasigen Garnisons können mit 2 oder

---

отвѣта не могли отправить, но онъ долженъ послѣдовать въ скорѣйшемъ времени. Могу сообщить только, что можетъ быть скорѣе рѣшено будетъ истратить извѣстную сумму денегъ, чѣмъ пожертвовать участкомъ земли, который по вѣчному миру долженъ остаться ненаселеннымъ, ибо если онъ долженъ быть оставленъ имъ, то туда ежедневно будетъ отправляться множество русскихъ подданныхъ, какъ уже случилось въ эти времена, если же полоса эта останется необитаемою, то ни одинъ бѣглецъ не отважится пробыть въ этой пустынѣ даже 3 или 4 дня. Вотъ это и есть главная причина; а впрочемъ Польшѣ должно быть достаточно извѣстно, что въ Россіи недостатка нѣтъ въ необитаемыхъ земляхъ.

Что же до союза съ Пруссіею, то оный совершенно отклоненъ въ учтивыхъ выраженіяхъ, 4 дня тому назадъ. Но объ этомъ должно хорошенько подумать, чтобы республикѣ было болѣе прибыли договариваться съ нами, чѣмъ съ кѣмъ либо. Ваше высокоблагородіе извѣщаете, будто нельзя быть увѣреннымъ въ дружбѣ республики, и потому должно оставить армію въ Польшѣ, которая могла бы быть съ пользою употребленною противъ Порты. Дѣйствовать оборонительно противъ Польши не очень трудно, потому что начиная отъ Украйны повсюду, такъ много войскъ которыя во всякое время, вполнѣ могутъ противустоять имъ, ибо украинскіе козаки также храбры, какъ Поляки. Они могутъ собраться въ 14 дней въ количествѣ 70 тысячъ, четыре и 5 пѣхотныхъ полковъ изъ тамошняго горнизона могутъ быть усилены

3 Dragoner Garnison-Regimenter verstärkt werden, die in allen Kriegen nicht gebraucht sind; so wird es genug vor denen Polen sein. Dieses Corps kann die ganze Grenze überflüssig decken bis Schmolensko, und der Schmolenskische Adel nebst dasiger Garnison dects es bis in Lifflandts; in Lifflandt stehen beständig etliche Feldregimenter, wie anitzo auch 3 dahin defiliren werden, und über See, müssen sie durch transport der Schwäne und wilden Gänse kommen, als will diese Gefahr nicht viel sagen.

Sie verlangen zu wissen wie es mit denen Türken stehet; so kann Ihnen dieses melden, dass 19. Mertz St. V. Asoff hat sollen berannt werden, und man wird auch gleich suchen so nahe wie es sein kann anzurucken und posto zu fassen, damit an der Circumvallations-Linie kann gearbeitet werden, denn so bald die grosse Atolerie ankommt, dass sie aufgeführt werden kann. Der Feldmarschall Münich wird nicht dabei bleiben, sondern macht die Disposition und giebt das Commando dem General Lewaschoff, so lange bis der Feldmarschall Lacy ankommt; er aber wird mit ein Corps regulere und irregulere bis auf 90 M. Mann, unter Begleitung Gottes nach der Crim fortsetzen, und wird d. 7 Aprill S. V. das Türkische teritorium betreten. Der Kaiserliche will auf alle Art Mediator abgeben; wir lassen es dabei dies Jahr bewenden, weil er nichts thun kann. In denen Operations müssen wir fortfahren, der grosse Gott gebe Glück.

двумя, или тремя драгунскими гарнизонными полками, которые не употреблялись въ войнахъ, и такъ этого будетъ достаточно противъ Поляковъ. Этотъ корпусъ можетъ съ избыткомъ прикрывать всю границу до Смоленска, а смоленское дворянство, вмѣстѣ съ тамошнимъ гарнизономъ защитить его до Лифляндіи; въ Лифляндіи стоятъ постоянно нѣсколько армейскихъ полковъ, и нынѣ также будутъ направлены туда 3 полка, а моремъ онъ (непріятель) долженъ будетъ прибыть способомъ лебедей и дикихъ гусей, слѣдовательно эта опасность не велика.

Вы желаете знать, какъ обстоятъ дѣла съ турками, я могу увѣдомить васъ о томъ, что 19-го марта ст. ст. Азовъ долженъ быть осажденъ, и тотчасъ же будутъ стараться подойти такъ близко, насколько это можно, и укрѣпиться, чтобы можно было устроить циркумваллаціонную линію, ибо какъ скоро прибудетъ тяжелая артиллерія, линія должна быть сооруженною. Фельдмаршалъ Минихъ не останется тутъ, но дѣлаетъ распоряженія и передастъ временно начальство генералу Левашеву, пока не прибудетъ фельдмаршалъ Ласи; а самъ онъ съ корпусомъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, доходящихъ до 90 тысячъ человѣкъ, съ помощію Божіей будетъ продолжать путь къ Крыму, и 7-го апрѣля ст. ст. вступить на турецкую территорію. Имперскій (дворъ) желаетъ всякимъ способомъ быть посредникомъ, мы въ настоящемъ году допускаемъ это, потому что онъ не можетъ ничего сдѣлать. Мы должны продолжать эти военныя дѣйствія, да подастъ намъ счастіе Всемогущій Богъ.

Der Baron Marderfeldt hat heute hinterbracht, dass der francoische Minister in Wien Ordre erhalten, sich vor dem Könige von Preussen zu interponiren, dass im Friedenschluss man Elbing vor ihm besorgen wollte; bat also dass unser Minister möchte beordert werden es zu unterstützen. Ich habe ihm hierauf gesagt, dass es wider den tractat wäre, den wir mit der Respublicke hätten, indem wir in allen Begebenheiten uns obligiren, sie bei ihren Freiheiten zu schützen, welches Frankreich auch selbst haben will, dass alle Städte und Orte unter Polen bei ihren Rechten und Freiheiten bleiben sollen etc. — Hin gegen wollte der König von Preussen, dem Könige Auguste gleich (an) erkennen, wenn nur Ihro Kaiserl. Maj. hier oder in Berlin darum ihm ersuchen liessen. Worauff ich geantwortet, Ihro Kaiserl. Maj. nehmen viel Antheil an Allem (was) Ihro K. M. von Polen vergnügen könnte, sie glaubten aber dass der König von Preussen es ohne Russlands Vorsprache thun könnte. Erstlich bekleidet er seinen Thron rechtmässig, und zum andern, wird nunmehro ganz Ehropa kein ferneres Bedenken tragen, nachdem Frankreich es schon selbsten, wie der gewesene stärkste Contrepart, es thut. Wenn diese offerte vor 2 Jahren geschehen wäre, so hätte es billig Russland zu Danke angenommen, nun ist aber alles Gottlob zu Ende, so ist nicht hier zu glauben, dass Ihro Majest. gedenken können, Russland hierin ein Gefallen zu erweisen.

Es haben Ew. Hochwollg. voriges Jahr mir zu erkennen gegeben, dass

---

Баронъ Мардефельдтъ донесъ сегодня, что французскій министръ въ Вѣнѣ получилъ приказъ дѣйствовать въ пользу короля прусскаго, чтобы при заключеніи мира доставить ему Эльбингъ, и просилъ чтобы нашему министру приказано было поддержать это. Я сказалъ ему на то, что оное было бы противно договору, который мы имѣемъ съ республикою, потому что мы обязались во всѣхъ случаяхъ сохранять ихъ права, чего желаетъ также и сама Франція, а именно, чтобы всѣ города и мѣстечки, подвластныя Польшѣ, оставались при своихъ правахъ и льготахъ и проч. Король Прусскій съ своей стороны хочетъ тотчасъ признать короля Августа, если только ея императорское величество попроситъ его о томъ здѣсь или въ Берлинѣ. На что я отвѣчалъ: ея императорское величество принимаетъ большое участіе во всемъ, что можетъ доставить удовольствіе его королевскому польскому величеству, но думаетъ, что король Прусскій могъ бы сдѣлать это безъ ходатайства Россіи. Во первыхъ, онъ законно занимаетъ свой тронъ, а во вторыхъ, вся Европа теперь не будетъ болѣе колебаться признать его послѣ того, какъ уже это сдѣлала сама Франція, бывшая его упорнѣйшимъ противникомъ. Если бы это предложеніе сдѣлано было 2 годами раньше, то Россія навѣрное приняла бы это съ благодарностью, но теперь тамъ все слава Богу приходитъ къ концу и мы не можемъ полагать, чтобы его величество король Прусскій могъ думать оказать этимъ удовольствіе Россіи.

Ваше высокоблагородіе дали мнѣ понять въ прошедшемъ году, что вы охотно

Sie wieder gern bei uns sein wollten. Sind Sie noch von denen Gedanken, so melden Sie es nur treuherzig. Gogosinscki (Jaguschinski) stirbt noch die Nacht, und wir müssen wieder Leute im Cabinet haben; ich meine aber nicht eher bis die polnische troublen völlig zum Ende. Ostermann liegt von 18. Febr. an, hat sich in der ganzen Zeit ein Mal den Bart scheeren lassen, klagt über Ohrenweh, hat sich Gesicht und Kopf verbunden; nun hat dieses nachgelassen, findet sich wieder Podegra ein, dass also er nicht aus dem Hause kombt. Die ganze Krankheit möchte wohl diese sein, erstlich, denen Preussen keine schlechte Antwort zu geben, und da es nun geschehen, so wird es heissen: meine Krankheit lässt nicht zu, dass ich was besseres ausrichten kann, zum andern, der Türkenkrieg; geht es nicht so wie man es gern hätte, denn heist, wie diese operations geschehen, bin ich krank gewest, und das lässt man denn unter der Nation gehen, wie er es vor 2 Jahr that, da die Flotte mit der atolerie ausging, da war er auch krank; Wie die Nachricht kam dass die eine Fregatte nebst den 3 Paketböten genommen waren, und die ausländischen Schiffer noch viele Zeitungen hätten, so hiess es eben wie ich oben meldete. Da aber die Flotte gloriösse zurück kam, so war er gut und nahm Theil daran: haben wir nicht eine gute resulution gehabt? und was dergleichen mehr.

Bei allen solchen Umbständen so können Ew. Hochwohlgb. wahrneh-

---

желали бы снова быть у насъ. Если вы еще остались при этихъ мысляхъ, то извѣстите о томъ, только чистосердечно. Ягужинскій умретъ вѣроятно въ эту ночь [1], и мы должны стараться замѣстить его въ кабинетѣ; но я думаю, что это будетъ сдѣлано не ранѣе совершеннаго окончанія польскихъ смутъ. Остерманъ лежитъ съ 18-го февраля, и во все время одинъ только разъ брился; жалуется на боль въ ушахъ, обвязалъ себѣ лицо и голову, какъ только получитъ облегченіе въ этомъ, онъ снова подвергается подагрѣ, такъ что слѣдовательно не выходитъ изъ дому. Вся болѣзнь можетъ быть, пожалуй, такого рода: во-первыхъ, чтобы не давать Пруссіи неблагопріятнаго отвѣта, а такъ какъ это теперь случилось, то навѣрное скажетъ: моя болѣзнь не допускала совершить мнѣ что либо лучшее; во вторыхъ, турецкая война идетъ не такъ, какъ того охотно желали бы, значитъ, когда происходили эти военныя дѣйствія я былъ боленъ, и это распространяется между народомъ, какъ это самое сдѣлано было имъ 2 года тому назадъ: когда выходилъ флотъ съ артиллеріею, тогда онъ также былъ боленъ. Когда пришло извѣстіе, что взятъ фрегатъ съ 3 пакетботами и иностранныя корабельщики имѣли еще много подобныхъ извѣстій, то онъ говорилъ точно также, какъ я упомянулъ выше. Но когда флотъ возвратился со славою, то онъ былъ здоровъ и принималъ участіе въ томъ: не хорошее ли рѣшеніе приняли мы? говаривалъ онъ и тому подобное.

При всѣхъ таковыхъ обстоятельствахъ ваше высокоблагородіе можете себѣ пред-

---

[1]) Ягужинскій умеръ 6-го Апрѣля 1736 г.

men, wie mir zu Muthe sein muss, anitzo da täglich Orders Expeditions ausgefertigt werden müssen, geht man so zu Werke. Ich muss den ganzen Tag bei Ihro Kaiserl. Majest. sein, und dennoch muss ein jedes Wesen seinen Fortgang haben. Leider seit 3 Wochen haben sich Ihro Kaiserl. Majest. nicht wohl befunden, bis es auch dahin kam, dass sie d. 31. Mertz sich niederlegen müssen, und zwar mit einer sehr grossen Hitze. Dieses hat gedauert bis zum 3 Aprill, da es sich Gottlob brach, dass sie nunmehro schon wieder auf sind. Wie mir hiebei muss zu Muthe gewest, brauch nicht zu erwähnen. Gott ist mein Zeuge, dass ich auch nunmehro mein Leben so satt bin, wie es einer immer sein kann. Jahre, Krankheiten und stetige Sorge, Mühe und Arbeit vermehren sich von Zeiten zu Zeiten, und sehe kein Ende ab erlöst zu werden als durch den Tod. Ich hab mir getröstet dass wenn wir aus der Polnischen affaire kommen, so werde einigermaassen Ruhe haben; es schlägt fehl, nun haben wir was Neues, was noch delicater ist. Ich will mich nicht weiter aufhalten, sondern versichere dass jeder Zeit mit aller Ergebenheit bin Ew. Hochwollgebohr. ganz ergebener Diener

E. I. G. Biron.

D. 5. Aprill A. 1736.

Wegen der 500 Rubel, so wollen Sie kein wesen machen, sondern nur ihr Geld vollkommen heben lassen, wir werden ausser diesem schon unsere Rechnung machen.

ставить каково мнѣ на душѣ такъ какъ теперь приходится мнѣ ежедневно изготовлять и отправлять ордеры и повелѣнія, когда поступаютъ такимъ образомъ. Я долженъ быть цѣлый день у ея императорскаго величества, и, не смотря на то, всякое дѣло должно идти своимъ чередомъ. Къ сожалѣнію уже 3 недѣли какъ ея императорское величество не хорошо себѣ чувствовала, дѣло дошло до того, что 31-го марта въ сильнѣйшемъ жару она должна была слечь въ постель. Это продолжалось до 3-го апрѣля, когда, слава Богу, произошла перемѣна, такъ что въ настоящее время она уже снова здорова. Каково мнѣ было на душѣ я не долженъ и упоминать. Богъ мнѣ свидѣтель, что я теперь такъ пресыщенъ своею жизнью, какъ только кто либо можетъ быть. Лѣта, болѣзни, постоянныя заботы, труды и занятія умножаются съ годами и я не вижу конца всему этому, развѣ смерть освободитъ меня. Я утѣшался тѣмъ, что съ окончаніемъ польскихъ дѣлъ, буду имѣть нѣкоторый покой, но это не сбылось, теперь у насъ имѣется нѣчто новое, еще болѣе чувствительное. Я не хочу распространяться далѣе, но увѣряю, что во всякое время, со всею преданностью пребываю вашего высокоблагородія вполнѣ преданный слуга Э. I. Г. Биронъ.

5-го апрѣля, 1736 года.

Относительно 500 рублей, вы не должны слишкомъ безпокоиться возьмите спокойно ваши деньги, а мы ужъ сочтемся.

P. S. Die Frau Hofmeisterin Reckin, meint dass sich der junge H. von Fircks ohnmöglich in Lesten wird suteniren können, weil 53 M. Fl. fremde Schulden darauf sein sollen, und Ihr *Heern Schwäger*[1]) werdet auch das Eurige haben wollen, als wird er es verkaufen müssen. Die wahre Ergebenheit, die ich vor. Ew. Hochwolgeb. trage, veranlasst mir, dass im Fall Ihr H. Schwager verkauffen müsste, Sie es nicht aus Händen liessen, ich weiss wohl dass Sie anitzo ebenmässig sich nicht suteniren können, ich glaube aber dass Gott helfen wird, bis dahin aber offerire ich meine Dienste, dass wenn ich dienen kann, mit einer Summa von 40 M. Fl., so bitte zu melden. Wegen deren interessen werden wir uns schon einigen, und werde Sie auch nicht übereilen wegen des Capitals. Man kann nicht wissen, wie lang man dienen kann, alsdann dass man doch weiss, wohin wir zu Hause sein können. Ich habe keine andere Absicht als nur Ihnen zu dienen, welches Sie auch von mir glauben können.

---

[1]) Anmerkung: Keyserling, an den der Brief gerichtet, war mit einer Schwester dieses Herrn von Fircks, Besitzer von Lesten, vermählt.

P. S. Гофмейстерина Рекина полагаетъ, что молодому фонъ-Фирксу невозможно будетъ удержаться въ Лестенѣ, ибо на немъ должно быть 53 тысячи флориновъ чужихъ долговъ, а шуринъ вашего высокоблагородія пожелаетъ также получить свое, слѣдовательно онъ долженъ будетъ продать его. Истинная преданность, съ какою я отношусь къ вашему высокоблагородію побуждаетъ меня въ случаѣ, если шуринъ вашего высокоблагородія долженъ будетъ его продать, чтобы вы не выпустили его изъ рукъ, — я хорошо знаю, что въ настоящее время равно и вы не можете имѣть его но думаю, что Богъ поможетъ вамъ, а до тѣхъ-поръ, — предлагаю свои услуги, если могу служить суммою въ 40 тысячъ флориновъ, то прошу увѣдомить. Мы ужъ согласимся относительно процентовъ, и я не буду также торопить васъ отдачею капитала. Нельзя знать, какъ долго можно быть полезнымъ, хотя все же знаемъ куда мы придемъ подъ конецъ. Я не имѣю другаго намѣренія, какъ только служить вамъ, чему вы можете вполнѣ вѣрить.

Примѣчаніе: Кейзерлингъ, къ которому обращено письмо, былъ женатъ на сестрѣ вышеупомянутаго фонъ Фиркса, владѣльца Лестена.

VIII.

Dieser Brief beginnt mit einem Bericht über die Einnahme von Perekop.

„Mündlicher Rapport des Generalsadjutanten Ferbers". (?)

1. Hat man eine starke falsche atacke gemacht auff den linken Flügel; in aller Stille des Nachts sich auf den rechten gezogen; die Nacht ist so dunkel gewest, dass man nicht 2 Schritt vor sich hat sehen können.

2. Wie man am Graben gekommen, so hat man gemessen dass er bei 4 Faden tief herunter gewest, da denn alsbald die Commandirten sich hineingelassen, aber gleich bemerkt, dass der Wall noch über der Erden bei 4 Faden hoch, da denn keine Leitern helfen konnten, sind die Spanischen Reiter angetragen worden, welche man angelegt, und also 2 ein auf einander, und in den anderen Wall die Zacken eingesetzt, und so hinauf geloffen; und da unsere Armee sehr lange Pieken anitzo führt, so haben sie etliche bei und an einander gebunden und von Stricken Leitern gemacht. Der Wall soll 8 Faden hoch sein, von unten aus dem Graben zu rechnen sein, und der Graben an sich 25 Faden breit.

3. Wie unsere Leute gestürmt, so haben die andern allemal im starken Feuer sie gedecket, dass fast nicht möglich gewest dass ein Tatter (Tartar) sich hat weisen dürfen. Der ganze Sturm hat kaum 1 Stunde gedauert.

VIII.

Это письмо начинается донесеніемъ о взятіи Перекопа.

«Изустный рапортъ генералсъ-адъютанта Фербера». (?)

1) На лѣвый флангъ сдѣлана была сильная ложная аттака, въ тишинѣ ночи двинулись на правый, ночь была такъ темна, что нельзя было видѣть на 2 шага передъ собой.

2) Когда подошли ко рву, то измѣрили, что онъ былъ глубиною въ 4 сажени, когда же потомъ отряженные спустились внизъ, то тотчасъ замѣтили, что насыпь была еще въ 4 сажени вышины надъ землею; такъ какъ никакія лѣстницы не могли помочь, то были предложены испанскія рогатки, которыя и приложили по двѣ одна на другую, а въ другомъ валу были вставлены зубцы, и такимъ образомъ вбѣжали вверхъ; такъ какъ наша армія вооружена весьма длинными пиками, то связали ихъ нѣсколько одну съ другою, а изъ веревокъ сдѣлали изъ нихъ лѣстницу. Валъ полагаютъ въ 8 саженъ вышины, считая снизу изо рва, а ровъ имѣетъ въ себѣ 25 саженъ ширины.

3) Когда наши люди шли на приступъ, то часть ихъ всякій разъ прикрывала ихъ, поражая непріятеля сильнымъ огнемъ, такъ что почти невозможно было, чтобы хотя одинъ татаринъ осмѣлился показаться. Весь штурмъ продолжался едва ли съ часъ времени.

4. 26 Regimenter haben au front gestürmt. Des Chan seine 2 Wagens, Zelt, Bette etc. etc. ist da geblieben. Er selber hat sich kaum reteriren können.

5. Die Thürme sind mit Janitscharen besetzt gewest, und darnach der Thurm gross, ist auch die Besatzung. 4 grosse Thürme sind mit Sturm übergegangen, einer hat sich ergeben, darin sind 140 Janitscharen gewest. Die kleinen sind gleich beim ersten Sturm übergegangen. Noch ein Thurm ist noch nicht übergewest, wie auch das Castell, ist aber so eingeschränkt, dass man gedacht hat, in selbiger Stunde es zu erhalten.

6. Die ganze Equipage nebst Atolerie ist auch schon hinter der Linie gewest, und denselben Tag hat der Feldmarschall weiter rucken wollen, nachdem er Garnison und Commandanten drin gelegt wird haben.

7. Kein fester Ort soll allda nicht mehr vorhanden sein, das noch was sagen will; und zu Wasser sich zu reteriren, wird auch schwer fallen.

8. Vieh soll allda in der Menge sein, Hirsengrütze soll auch im Ueberfluss vorhanden sein, und wenn man weiter kommen wird, wird es auch nicht an Proviant fehlen, woran auch ausser diesem keine Noth ist, sondern beständig aus der Ukraine nachgesandt wird.

9. Der Courrier hat noch 13 Feldregimenter mit neun Regimenter Landmiliz unterwegs begegnet, die dahin marchiren. Die Regimenter aus Polen sind noch nicht auf der Grenze, nämlich die 4 letzten.

---

4) 26 полковъ штурмовали съ фронта. Ханъ оставилъ тамъ свои двѣ повозки, палатки, кровать и проч. и проч. Самъ онъ едва успѣлъ удалиться.

5) Башни были заняты янычарами; величинѣ башни соотвѣтствовала и величина гарнизона. 4 большія башни взяты штурмомъ, одна сдалась, въ ней было 140 янычаръ. Малыя башни сдались тотчасъ же при первомъ штурмѣ. Еще одна башня не сдалась, равно какъ и замокъ, но онъ такъ тѣсно обложенъ, что надѣются овладѣть ими тотчасъ.

6) Вся прислуга вмѣстѣ съ артиллеріею находится за линіею, и фельдмаршалъ хотѣлъ въ тотъ же день двинуться далѣе, но не иначе какъ оставивъ тамъ гарнизонъ и коменданта.

7) Полагаютъ что тамъ не должно быть болѣе укрѣпленнаго мѣста, сколько нибудь значущаго, а удалиться водой будетъ также трудно.

8) Скота должно быть тамъ во множествѣ, проса также въ изобиліи, и если пойдутъ дальше, то въ провіантѣ не будетъ недостатка, въ которомъ и безъ того нѣтъ нужды, такъ какъ постоянно онъ присылается изъ Украйны.

9) Курьеръ встрѣтилъ на дорогѣ еще 13 армейскихъ полковъ съ 9 полками ополченія, которые идутъ туда. Полковъ изъ Польши еще нѣтъ на границѣ, а именно 4 послѣднихъ.

10. Ihr Vieh sollen sie auf auf den kleinen Inseln gesetzt haben, welches man schon in Gesicht gehabt, in Hoffnung dass unsere Leute nicht anschwimmen können; sie irren aber, die Donschen Kosacken schwimmen so gut wie sie reiten können.

11. Dieser Courrier ist nur 4 Stunden nach dem Sturm allda gewest, und ist nicht möglich gewest Alles was vorgegangen oder geht zu wissen, wir hoffen aber in etlichen Tagen umständlichre Nachricht einzuholen, wird also nicht manquirt werden zu berichten.

Wie nun die gute und glückliche Zeitung in Polen gegen den Reichstag nicht ohne Nutzen sein kann, so hat man vor nöthig gefunden, sie durch einen Rittmeister von der Garde, den H. Baron von Taube, Ihro Königl. Maj. zu hinterbringen.

Mit dem Kammerjunker, Grafen von Münich, habe vergessen Ew. Hochwollgeboren zu antworten, auf dero Verlangen, wie nämlich das Sächsische Ministerium Ihnen zu erkennen gegeben, wie gern Ihro Königl. Majest. sich mit Ihro Kaiserl. Maj. unser allergnädigsten Kaiserin näher und bündtlicher setzen wollten; so versichere, dass ich meines Theils Alles mit plaisir beitragen will, was Ihro Königl. Majest. nur immer angenehm sein kann, wenn nur weiss, was und wie es sein soll.

Der Woiwode Potocki ist endlich von hier gereist, nachdem man ihm

---

10) Они поставили свой скотъ на маленькихъ островкахъ, (что уже подмѣчено), въ надеждѣ, что наши люди не умѣютъ плавать; но они ошибаются, донскіе козаки также хорошо плаваютъ, какъ и ѣздятъ верхомъ.

11) Этотъ курьеръ былъ тамъ только 4 часа спустя послѣ штурма и невозможно было узнать всего, что произошло или еще происходитъ; но мы надѣемся черезъ нѣсколько дней получить болѣе обстоятельныя извѣстія, и слѣдовательно непремииемъ донести о томъ.

Такъ какъ теперь хорошія, благопріятныя и счастливыя извѣстія могутъ быть не безъ пользы въ Польшѣ для сейма, то нашли нужнымъ донести оныя его королевскому величеству черезъ ротмистра гвардіи барона фонъ Таубе.

Я забылъ отвѣтить вашему высокоблагородію, при отправленіи камеръ-юнкера графа фонъ Миниха, на ваше заявленіе, состоящее именно въ томъ, что Саксонское министерство дало вамъ замѣтить, съ какою охотою его королевское величество желаетъ ближе и тѣснѣе соединиться союзомъ съ ея императорскимъ величествомъ нашей всемилостивѣйшей государыней; на это имѣю вамъ сообщить, что я съ своей стороны съ удовольствіемъ хочу способствовать всему, что только можетъ быть пріятно его королевскому величеству, если только узнаю, въ чемъ и какимъ образомъ это должно быть исполнено.

Воевода Потоцкій наконецъ отправился отсюда, послѣ того, какъ приказали ему

5 M. Rubel hat auszahlen lassen. Er ist alle Nacht beim Marderfeldt gewest, und das in der Mütze und Mantel. So sieht man was er vor ein Patriot sein kann. Er klagt sehr dass der Grosscanzler ein grosser Freund vom Confoederations-Marschall sein soll, und wenn der Reichstag nicht bestehen sollte, wird keiner nicht Schuld sein als der Grosscanzler und dessen Anhang.

Ich habe dero Staffette nebst beigelegtes infames Buch erhalten. Es ist schon allhier bekannt. Dieses Buch ist nicht anders als in Koenigsberg concipirt, mit monsieur Potocki zugleich. Ich finde darin dieselbigen expressions, die die Potockische Familie in Wolhynien und Podolien heraus lauffen liessen, auch unseren Gefangenen etliche Exemplarien gegeben, sie sollten es allhier unter der Nation austheilen. Dieses wird mir so wenig beunruhigen als einen jeden ehrlichen Menschen. Und sollte diese meine Meinung falliren, so muss es aus Holstein herkommen; ich bleibe aber bei ersteren.

Der Preussische Minister geht herumb, als wenn ihm was auf der Nase gelegt, und kann sich gar unmöglich bergen, wie gern er auch wollte; denn ihre Hoffnung war sehr gross, dass unsere entreprisen schweerlich angehen werden, apart vor der Crim; und soll das seinem Hofe versichert haben, dass wir so zurückkommen würden, wie der seelige Kaiser vom Pruth, und alsdann uns selber anbieten werden neue Tractaten zu machen.

выдать 5 тысячъ рублей. Онъ проводилъ ночи у Мардефельдта, отправляясь къ нему тайно, въ шапкѣ и шинели. Изъ этого видно какой онъ патріотъ. Онъ очень сѣтуетъ, что великій канцлеръ большой другъ маршала конфедераціи, и если сеймъ не состоится, то никто другой не будетъ виноватъ въ томъ, какъ великій канцлеръ и его приверженцы.

Я получилъ вашу эстафету вмѣстѣ съ прилагаемымъ гнуснымъ пасквилемъ. Онъ уже извѣстенъ здѣсь. Эта книга написана не иначе какъ въ Кенигсбергѣ и притомъ съ помощью г. Потоцкаго. Я нахожу въ ней тѣ же выраженія, которыя распространяло семейство Потоцкаго въ Волыни и Подоліи, оно же дало нѣсколько экземпляровъ нашимъ плѣннымъ, которые должны были раздать эту книгу здѣсь между народомъ. Все это такъ мало безпокоитъ меня, какъ и всякаго честнаго человѣка. Если это мнѣніе мое ошибочно, то думаю, что книга эта вышла изъ Голштиніи, но я остаюсь при первомъ мнѣніи.

Прусскій министръ ходитъ повѣся носъ и почти не въ состояніи скрыть свое неудовольствіе, какъ бы охотно онъ этого не желалъ; ибо они питали большія надежды, что наши предпріятія едва-ли удадутся, особенно въ Крыму, и должно быть онъ увѣрилъ свой дворъ въ томъ, что мы вернемся такъ, какъ покойный императоръ вернулся съ Прута, и тогда они сами будутъ предлагать заключать съ нами новые трактаты.

Der Kaiserl. Gesandte fing auch auf Wienerische Art gross zu thun; da ich den vor 2 Tagen mit selbigem in einen ziemlich deutlichen Discours verfiel, dabei ihm zu verstehen gab, dass diese eine alte Gewohnheit vom Wienerischen Ministerio wäre, sobald es ihnen etwas nach Wunsch geht, so denken sie dass alle Welt sie vor ein Orakel halten müsste; er könnte aber glauben dass sie irren, wenn sie gedachten Russland so zu begegnen. Einmal ist offenbar, dass die Macht und Gewalt so gross von Russland ist, als sich der Römische Kaiser von sich zwar einbildet, gewiss aber darin fehlt, und auch bei diesem Kriege werden wir ihnen (d. h. sie) nicht bitten. Wollen sie ihre Dankbarkeit der Welt zeigen, die sie an uns schuldig sind, so können sie dabei profitiren. Wir werden zu aller Zeit schon zurechtkommen. Er ging endlich auch so weit, dass ich Alles ihm ohne Zurückhalt gesagt, was man nur einem sagen kann. Und wegen seiner eigenen Conduite hab ihm nichts zurückgehalten. Mit dem Mann kann man sich nicht anders nehmen. Ich schlisse und bin Ew. Excelenz ganz ergebener Diener

E. J. G. Biron.

Meine confusse Schreibart bitte nicht zu verübeln, ich hab wenig Zeit. Von Asoff wird Taube mündlich sagen können.

Anmerkung. Dieser Brief hat kein Datum. Da Perecop den 20. Mai erstürmt wurde, so muss dieser Brief Ende Mai 1736 geschrieben sein.

Имперскій посолъ началъ также хвастать на вѣнскій маперъ; когда же я вступилъ съ нимъ въ довольно искренній разговоръ, спустя два дня, то далъ ему замѣтить, что это вообще старая привычка вѣнскаго министерства: какъ скоро что либо идетъ согласно ихъ желанію, то они думаютъ, что весь свѣтъ долженъ считать ихъ за оракула, но пусть онъ будетъ увѣреннымъ, что они ошибаются, если думаютъ такъ обходиться съ Россіею; прежде всего извѣстно, что могущество и сила Россіи такъ велики, какъ Римскій императоръ, воображаетъ, конечно ошибочно о себѣ, но, и въ этой войнѣ мы также не будемъ просить ихъ. Если они желаютъ заявить свѣту, что въ нихъ есть чувство признательности, которую они намъ должны, то могутъ воспользоваться настоящимъ случаемъ. Мы и одни всегда справимся. Онъ зашелъ наконецъ такъ далеко, что я высказалъ ему, не скрывая, все, что только можно сказать кому либо; относительно его собственнаго поведенія, я также ничего не скрылъ отъ него. Съ подобнымъ человѣкомъ нельзя было поступить иначе. Оканчиваю, и пребываю вашего превосходительства вполнѣ преданный слуга

Е. І. Г. Биронъ.

Прошу не взыскать за мой запутанный слогъ, у меня мало времени. Объ Азовѣ Таубе скажетъ изустно.

Примѣчаніе. Это письмо безъ числа. Такъ какъ Перекопъ былъ взятъ приступомъ 20-го мая, то письмо это вѣроятно написано въ концѣ мая 1736 года.

IX.

Hochwollgeborener Herr Hochzuverehrender Herr Geheime Rath.

Durch den H. Baron von Taube, als auch den Cabinets-Courier Golowin habe das Vergnügen gehabt, beide Ew. Excellenz Zuschriften allhier woll zu erhalten. Auf dasjenige was durch den H. Grafen von Münich mir eingehändigt, habe auf Dresden schon beantwortet und will glauben, dass Ew. Excellence selbiges vor sich werden gefunden haben. Aus Ew. Excellence vom 25. Juli, ersehe die besondere Gnade Ihro Königl. Majest. welche sich durch dero geheimen Cabinets-Minister, den von Brühl Excellence, mir haben versichern wollen. Wie nun ich selbige niemals verdient, so hoffe nicht so glücklich zu werden selbige noch weiter verdienen zu können, ausser Ihro K. M. Grossmuth, die in Gnadenausübungen kein Ziel haben, und nachdem meine jederzeit beständige treue Zéle, die ich jederzeit gehabt und ferner behalten werde, vor das hohe Interesse so eng verbundener Höfen, welche auch Gottlob so glücklich floriren, dass mit Wahrheit kann gesagt werden: es sind die beide nur, die in diesem Kriege, ihr Ziel und Zweck erhalten haben. Dieses ist nun heilig die ganze Belohnung, die ich mich jeder Zeit von Gott ausgebeten habe. Sonsten so bin von allen Nebenabsichten

---

IX.

Высокоблагородный господинъ, Высокопочтенный г. тайный совѣтникъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить здѣсь въ исправности оба письма вашего высокоблагородія, доставленныя барономъ фонъ Таубе, равно какъ и кабинетъ-курьеромъ Головинымъ; на то письмо, которое передано мнѣ графомъ Минихомъ, я уже отвѣчалъ въ Дрезденъ, и полагаю, что ваше высокоблагородіе нашли его у себя. Изъ письма вашего превосходительства отъ 25 іюля усматриваю особую милость его королевскаго величества, которую угодно было объявить мнѣ, чрезъ своего тайнаго кабинетъ-министра, его сіятельства фонъ Брюля. Такъ какъ я никогда не заслуживалъ таковую, то не надѣялся быть столь счастливымъ, чтобы заслужить ее когда либо и въ будущемъ, безъ великодушія его королевскаго величества, не имѣющаго предѣловъ въ изъявленіяхъ своей милости, и безъ моего всегдашняго, постояннаго и вѣрнаго усердія, которое я всегда имѣлъ и сохраню на будущее время къ высокимъ интересамъ столь тѣсно соединенныхъ дворовъ, такъ счастливо слава Богу, процвѣтающихъ, что по справедливости можно сказать: это только два двора, имѣвшіе задачу и цѣль, достигнутую ими въ этой войнѣ. Вотъ вся награда, которую я постоянно,

frei und ledig gewest. Nun soll mir ein Glück werden, das ich aus angeborener Liebe jeder Zeit meinem armen Vaterland gewünscht ohne mir darin zu verstehen; und ob zwar, wie Ew. Excell. bekannt Ihro K. M. hohe Gnade vor geraumer Zeit, eine gnädige Reflection auf mich haben machen wollen, es auch declariren lassen, so habe selbige angenommen, wie eine Sache die Gelegenheit und Zeit determiniren können. Weil nun vor 2 Tage der Graf von Lynar abermals ein gnädiges Rescript in Originall mir gezeigt, das noch weiter geht wie ohne Zweiffel Ew. Excellenz davon belehrt sein werden, nämlich recto es an Ihro Kaiserl. Majest. zu bringen, so habe denselben erbeten, aus nachfolgenden Raisons zurück zu halten.

Ew. Excell. ist bekannt wie ich allhier stehe, und auch zugleich wie höchst nöthig, mit der grossen Gnade grosser Herrschaften umbzugehen, damit nicht ein unglückseeliger Wechsel erfolget. Nun befürchte, wenn ein solcher Vortrag auf ein Mal käme, dass Ihro Kaiserl. Majest. nicht leicht darauf verfallen möchten, es wäre ein heimliches Suchen von mir; zum andern dass diese Hoffnung mich so sehr atachirt an das Interesse Ihro Königl. Majest., 3-ten ob ich nicht hiedurch das Mittel gefunden haben, meinen bisherigen Dienst zu erledigen. Würde nun eins von Obigem Platz finden, so sehe nicht ab, dass ich oder das arme Land glücklich sein könnte, denn ohne der grossen Gnade Ihro K. M. meiner allergnädigsten Souveraine ver-

---

по совѣсти, испрашивалъ себѣ отъ Бога. Кромѣ этого я не имѣлъ никакой посторонней цѣли. Теперь я достигъ счастія, котораго я всегда желалъ своему бѣдному отечеству изъ врожденной любви къ нему, хотя и мало мною постигаемаго; и хотя, какъ извѣстно вашему сіятельству, высокая особа его королевскаго величества съ нѣкотораго уже времени благоволила обратить на меня милостивое вниманіе, даже объявили оное, но я принялъ все это, какъ дѣло, которое окончательно могутъ рѣшить случай и время. Но такъ какъ два дня тому назадъ графъ Линаръ снова показалъ мнѣ въ подлинникѣ высочайшій рескриптъ, еще болѣе милостивый, о чемъ безъ сомнѣнія и ваше сіятельство извѣщены, а именно, чтобы поднести его прямо ея императорскому величеству, то я просилъ не представлять его по слѣдующимъ причинамъ:

Вашему сіятельству извѣстно, какъ я поставленъ здѣсь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ крайне необходимо осторожно обращаться съ великими милостями великихъ особъ, чтобы не воспослѣдовало злополучной перемѣны. Я опасаюсь теперь, что если подобное поднесеніе и докладъ случатся вдругъ, то ея императорскому величеству легко можетъ прійдти мысль: не было ли то тайнымъ домогательствомъ съ моей стороны; во вторыхъ, чтобы эта милость не слишкомъ сильно привязала меня къ интересамъ его королевскаго величества, въ 3-хъ, не нашелъ ли я этимъ путемъ средства освободиться отъ моей нынѣшней службы. Если хоть одно изъ этихъ предположеній будетъ допущено, то я не постигаю, чтобъ можно быть счастливымъ мнѣ и

lange ich nicht eine Stunde zu leben, und dem Lande könnte es eben so wenig zuträglich sein; und bekenne Ew. Excell. dass nach meiner unterthänigen Erkenntlichkeit, kein Königreich hinlänglich sein würde, mich resolviren zu machen, dero Kaiserl. Gnade zu resquiren.

Nun sind wir in dem grossen Krieg und obwohl derselbe bis dato glücklich geht, so haben wir doch alle Tage so viel zu schaffen, dass wenig an andere Geschäfte zu denken ist.

Ew. Excell. relation ist vorgetragen worden Ihro K. M. Der Vorschlag, den Sie wegen Curland thun, nämlich wegen den Candidaten sich zu vereinigen, ist ausgelassen. Hieraus können Sie leicht abnehmen aus was vor Raison. Ich habe mich hierüber nichts merken lassen. Meine wenigen Gedanken gehen dahin, dass Ew. Excell. hiemit noch continuiren, und der H. Graf Lynar darüber auch einen Antrag thäte. Man müsste also den Candidaten nennen, oder es in Ihro K. Majest. von Polen Willkühr lassen; einen Candidaten von hieraus zu benennen möchte wohl nicht gehen, ausser einen Preussischen, würde man es nicht gern thun, selbiger aber möchte von Ihro Kaiserl. Majest. nicht approbirt werden; und alsdann, glaub ich, wird es gesucht werden zu trainiren, oder das Ministerium wird von Ihro Königl. Majest. erstlich vernehmen wollen, wohin dero Intention gehet; doch glaub

---

моему несчастному отечеству; ибо я не желаю прожить одного часа безъ великой милости ея императорскаго величества, моей всемилостивѣйшей государыни, а странѣ это также могло бы принести мало выгоды; признаюсь вашему превосходительству, что, по моей всеподданнѣйшей признательности, никакое королевство не было бы достаточнымъ, чтобы заставить меня рѣшиться рисковать милостью ея императорскаго величества.

Теперь мы ведемъ большую войну, и хотя она доселѣ идетъ счастливо, но все таки у насъ такъ много дѣла каждый день, что мало времени думать о другихъ дѣлахъ.

Реляція вашего сіятельства была доложена ея императорскому величеству. Предложеніе, которое вы дѣлаете относительно Курляндіи, а именно условиться о кандидатѣ, выпущено. Вы легко можете усмотрѣть отсюда по какой именно причинѣ. Я не далъ замѣтить, что мнѣ что либо извѣстно объ этомъ. Мои скромныя желанія клонятся къ тому, чтобы ваше сіятельство продолжали еще заниматься этимъ дѣломъ, а графъ Линаръ также сдѣлалъ бы предложеніе о томъ. И такъ, должно избрать кандидата, или предоставить это на волю его величества короля Польскаго; избрать же кандидата отсюда, неудобно, развѣ кого либо изъ Пруссіи, и безъ того это не охотно сдѣлаютъ, а послѣдній можетъ быть легко не одобренъ ея императорскимъ величествомъ; и затѣмъ, думаю, что будутъ стараться медлить, или же министерство пожелаетъ услышать предварительно отъ его королевскаго величества, къ чему клонятся

ich das Erstere. Und werde darinnen bestärkt, wie vor 2 Jahren der Baron von Marderfeldt mir ein gnädiges Compliment von seinem Könige machte, wegen der Eroberung von Azoff, welches mit aller Submission entgegennahm. Er continuirte weiter: ich hab nicht anders als lauter Gratulationen vorzubringen, die mir mein Herr auflegt. Worauf replicirte, dass sie mir alle mal angenehmer sein werden, als Condulation. Es war nun zum Bestand des Reichstages (sc. die Rede), in Weiterem terminis aber wegen Curland, worin der König so grossen Theil nehme, als wenn in seinen Ländern er einige avantage erhalten hätte; frug dabei gleich, ob denn bald zur eventuellen Wahl würde geschritten werden. Welches ich mit der Unwissenheit beantwortete. So meinte er, seine Gedanken, en particuler gingen dahin, dass es woll nicht allzu rathsam wäre, hiemit zu eilen, denn der Successor würde viel Chagrin erdulden müssen, noch vor der Zeit, ehe er noch in Possession käme, welches doch nicht anders als nach des H. Herzogs Tode geschehen könnte. Er der Herzog (d. h. Ferdinand) seinem Naturell nach, würde auf nichts mehreres denken, als auf allerhand Critiken, und könnte sich also leicht dahin wenden, wo er glauben würde, dass er sutenirt. Die grossen ausser Landes seiende Schulden würden auch nicht stille sitzen, sondern noch bei Lebzeiten sich mit ihm setzen; und zu glauben ist es doch natürlich, dass wenn ein Fremder ihm succediren sollte, er lieber seinen Blutsfreunden die avantage gönnen würde, in Aemter (d. h. Domainengüter) sie

---

его намѣренія, впрочемъ, я думаю что сбудется первое. И я утверждаюсь въ этой мысли еще и тѣмъ, что два года тому назадъ баронъ Мардефельдтъ передалъ мнѣ милостивое привѣтствіе отъ своего короля, по поводу покоренія Азова, что я и принялъ со всею покорностью. Онъ продолжалъ далѣе: я могу только приносить одни искреннія поздравленія, которыя возлагаетъ на меня мой государь. На что я возразилъ, что онѣ будутъ мнѣ всегда пріятнѣе чѣмъ сожалѣнія. Потомъ говорили о состояніи сейма, далѣе о Курляндіи, въ которой король принимаетъ столь большое участіе, какъ будто идетъ дѣло о благосостояніи его собственныхъ земель; притомъ тотчасъ спросилъ: скоро ли приступятъ къ предварительному выбору; на что я возразилъ, что не въ состояніи дать отвѣта. Затѣмъ онъ продолжалъ, что его личное мнѣніе клонится къ тому, что не было бы полезно спѣшить съ этимъ дѣломъ, ибо преемникъ долженъ будетъ терпѣть много горя еще ранѣе того времени, когда вступитъ во владѣніе страною, что можетъ случиться не иначе, какъ послѣ смерти герцога. Онъ же герцогъ (т. е. Фердинандъ) по своему нраву не сговорчивъ и думаетъ только о всякаго рода возраженіяхъ и можетъ быть обратится туда, гдѣ предположитъ, что будетъ поддержанъ. Внѣшніе огромные долги также не уменьшатся, но будутъ существовать и при жизни его; и естественно предположить, что если ему долженъ наслѣдовать чужой, то онъ скорѣе пожелаетъ выгоды своимъ кровнымъ родственникамъ, распредѣлитъ и припишетъ имъ округи (т. е. доменныя владѣнія), а наклонностями

einsetzen oder zu verschreiben, und laut seiner Inclination noch grössere Verwirrung anrichten. — Ich habe nichts weiteres mit Fleiss einwenden wollen: dass ich glaube, wie der grosse Gott so weit vor das arme Land gesorgt, er würde es noch weiter thun. Zu dem so haben wir einen grossmüthigen König und Oberherren, der so weit seine Gnade erwiesen, der wird auch schon Mittel ferner finden, vor Gewaltthaten uns zu schützen.— Er meinte des Königs Majest. Gnade vor Curland ist genug abzunehmen, hingegen so wäre dieses auch gewiss, dass die Respublick, an und vor sich selbsten, vor Curland wenig thun würde, apart wenn ihnen in ihrer Oberherrschaft nicht Eindrang geschiehet, sondern können es als eine particulair domestique affaire ansehen. Um aller hieraus zu besorgender Begebenheiten, so müsste ein Herzog genommen werden, der von sich, alle diese Suiten vorkehre und sich mit Allen abfinde. — Ich antwortete es sollte mir lieb sein, wenn es nur mit dem Wohl meines Vaterlandes übereinkäme. Hierüber könnten sichere Mesures und Garantieen genommen werden.—Er bemerkte dass ich soupçonnirte, dass sein König seinen 2-ten Printzen gern alldort etablirt sähe.

Nun müsse er gestehen, dass sein Herr es gern wünschte, allein umb zu zeigen, dass er auch diese soupçon aus dem Wege räumte, so hätte er mir zu sagen, dass Ihro K. M. ihm anbefohlen, ich könnte glauben dass Ihro Majest. auf nichts so bedacht sein wären, als in werkthätigen Proben seine

---

своими причинить еще бóльшее замѣшательство. Я не желалъ болѣе возражать нарочно, и сказалъ только: думаю, что милостивый Господь, какъ прежде заботился о бѣдной странѣ, такъ будетъ дѣлать и впредь; къ тому же мы имѣемъ великодушнаго короля и государя, который такъ далеко простеръ на насъ свою милость, и найдетъ впредь средства оградить насъ отъ насилій. На что онъ возразилъ: что можно достаточно убѣдиться въ милости его величества короля къ Курляндіи, и вѣрно также и то, что республика не будетъ дѣйствовать противъ Курляндіи, если не усмотритъ посягательствъ на свою верховную власть, и будетъ смотрѣть на это какъ на частное дѣло, относящееся до Курляндіи. Для устраненія могущихъ произойти изъ всего этого опасныхъ послѣдствій долженъ быть избранъ такой герцогъ, который самъ по себѣ принялъ мѣры противъ всѣхъ затрудненій и удовлетворилъ бы всѣхъ. Я отвѣчалъ: это мнѣ будетъ пріятно, если только будетъ согласно съ благосостояніемъ моего отечества. По этому вопросу должны быть приняты надежныя мѣры и гарантіи. Онъ замѣтилъ, будто я подозрѣваю, что его король весьма желалъ бы видѣть назначеннымъ туда своего втораго принца (сына).

Наконецъ онъ долженъ былъ сознаться, что его государь охотно желаетъ этого; но только для того, дабы по возможности уничтожить это подозрѣніе онъ сказалъ мнѣ далѣе то, что приказалъ ему его величество: я могу вѣрить, что его величество ни о чемъ такъ ни заботится, какъ подтвердить на дѣлѣ свое особенное ко мнѣ уваже-

besondere Consideration vor mir zu bezeugen, ich sollte nur helfen überall getreulich arbeiten, dass der Markgraf Carl, welcher ausserdem aus dem Curischen Geblüth entsprossen, diese Fürstenthümer bekäme; und sowohl Ihro Kaiserl. Majest. seiner am besten gedenken, als auch mein Credit im Lande anzuwenden, dass sie die unnöthige Ombrage, die sie vor einem Preussischen Prinzen führen, fahren lassen. Sie würden ihr Conto gewünscht bei ihm antreffen. Er kenne sein Gemüth welches nicht zu verbessern, weil er ihn gezogen und als Hofmeister gewest. — Ich glaube dieses alles, wäre auch bereit als schuldig, auf sein Verlangen Ihro Kaiserl. Majest. es vorzutragen, müsste ihm aber dabei sagen, dass die Furcht bei uns im Lande so gross vor einen Preussischen Prinzen sei, dass nicht allein mein Credit, den ich alldort habe zulänglich wäre durch zu kommen, sondern alle Insinuation, sie kämen auch von so hohen Ortern wo sie wollten, würden nicht zulänglich sein, es sei denn die grosse Macht und Gewalt, wowider sie sich nicht setzen können. Umb aber seinen Vortrag hierüber an Ihro Kaiserl. Majest. förmlicher zu machen, so könnte er sich am Ministerio wenden; welches er zu thun auch beordert sein soll, hätte mir aber vorher hievon die Communication machen wollen. Nun kommt es auf der Beilage, die ich von Ew. Excellenz erhalten überein. Den Discours, den unser Landsmann allda auf mein sujet gehalten ist falsch, und mit einem Wort, nicht wahr.

ніе; я долженъ только помогать и повсюду добросовѣстно стараться, чтобы маркграфъ Карлъ, который и безъ того происходитъ отъ Курляндской крови, получилъ это княжество; и какъ ея императорское величество о немъ наилучшаго мнѣнія, равно какъ и принимая во вниманіе примѣненіе моей власти въ странѣ, имъ можно было бы отказаться отъ безполезнаго подозрѣнія, какое они имѣютъ къ прусскому принцу. Они надѣются найти поддержку съ его стороны. Ему извѣстенъ его нравъ, который трудно исправить, (это онъ хорошо знаетъ) такъ какъ онъ воспитывалъ его и былъ у него гофмейстеромъ. Я вѣрю всему этому, и былъ бы даже готовъ по его требованію доложить оное какъ должное ея императорскому величеству, но притомъ обязанъ былъ сказать ему, что страхъ къ прусскому принцу такъ великъ у насъ въ странѣ, что не только моей власти, которую я имѣю тамъ, было бы недостаточно для того, чтобы имѣть успѣхъ, но и всѣ внушенія, изъ какихъ бы высшихъ мѣстъ они не исходили, были бы недостаточны; развѣ только достигнуть сего великой силой и властью, противъ чего они не могутъ бороться. Но для того, чтобы свое донесеніе о томъ ея императорскому величеству сдѣлать формальнѣе, онъ можетъ обратиться къ министерству, что ему и приказано сдѣлать, но онъ хотѣлъ прежде сообщить мнѣ объ этомъ. Теперь дѣло это идетъ согласно съ изложеннымъ въ приложеніи, которое получено мною отъ вашего превосходительства. Рѣчь, которую держалъ тамъ мой соотечественникъ на мой счетъ, ложна и, словомъ, несправедлива. Этотъ

Dieser Mann kam im vorigen Frühjahr mit seinem Bruder anhero, vorgebend seinem Bruder in dem Process, welchen er schon etliche Jahre mit der Stadt Riga gehabt zu assistiren, auch zugleich Jhro K. Maj. zu danken, dass sie wegen seiner Kirchensache sich hätten angenommen, kam fleissig zu mir, wollte ohngefähr sondiren, wen man gern hätte zum Herzoge; zog aber stark auf Preussen los, mit dem Zusatze, ich möchte doch Sorge tragen, das wir keinen Preussischen Prinzen bekommen; wie aber ich schon benachrichtigt, dass er des Nachts, in der Stille, beständig mit dem Preussischen Minister zusammen war, so hielt mich geschlossen mit der Antwort, dass Ihro Kaiserl. Maj. (wie auch wirklich andehme ist) keinen Candidaten hätten, und ich würde jederzeit denjenigen verehren, den Gott hiezu ersehen.

Nach Verfliessung etlicher Tage hat er mir umb Recommendation am Gross. Canzler, wegen Starostey Berwalde (?), gelegen im Marienburgschen, dass man ihm erlauben möchte allda zwei Evangelische Kirchen zu bauen, anstatt dessen wollte er die 2 Curischen, nämlich die Ilmagsche und Altenburgsche, ohne weiter sich zu setzen, der katholischen Geistlichkeit einräumen. Wie fein er nun sein wollte, gab er klar zu erkennen was er vor ein starker Patriot sein müsse. Ich offerirte mich das verlangte Schreiben vor Ihro K. M. zu besorgen, die benannten expressionen und offerte konnten hier nicht eingesetzt werden, sondern es sollte en general abgefasst werden, welches auch geschah.

человѣкъ прибылъ сюда прошедшею весною съ своимъ братомъ, предлагая послѣднему содѣйствовать въ процессѣ, который тотъ велъ уже нѣсколько лѣтъ съ городомъ Ригою, и притомъ поблагодарить ея имп. величество, что она вступилась за его дѣло съ церковью; онъ усердно посѣщалъ меня, желая вывѣдать: кого охотнѣе хотѣли бы имѣть герцогомъ, и сильно возставалъ противъ Пруссіи, присовокупивъ, что я долженъ позаботиться о томъ, чтобы мы не имѣли герцогомъ прусскаго принца; но какъ я уже увѣдомлялъ, что онъ ночью бывалъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ прусскимъ министромъ, то я и былъ сдержанъ въ отвѣтахъ; а именно я только сказалъ: ея императорское величество (какъ это и дѣйствительно было) не имѣетъ кандидата, и я предпочелъ бы всегда того, котораго Господь изберетъ къ тому.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ просилъ у меня рекомендаціи къ великому канцлеру по поводу староства Бервальде, (?) находящагося въ Маріенбургскомъ округѣ, чтобы ему дозволили выстроить тамъ двѣ евангелическія церкви, вмѣсто того онъ хотѣлъ 2 курляндскія церкви, а именно Ильмагскую и Альтенбургскую, безпрекословно уступить католическому духовенству. Какъ онъ не желалъ хитрить, все таки далъ ясно замѣтить, какимъ онъ былъ пламеннымъ патріотомъ. Я предложилъ позаботиться о доставленіи письма ея императорскому величеству; вышеупомянутыя же выраженія и предложенія не могутъ быть помѣщены въ немъ, но оно должно быть составлено въ общихъ выраженіяхъ, что и было исполнено.

Seine Versicherungen gingen täglich weiter, bis ein Mal er auch herausbrach: Er hätte zum öftern, wegen Meiner im Lande Disput gehabt. Es wäre hierin bestanden, dass viele von den Brüdern resolvirt, wenn die freie Wahl dem Lande nachgegeben, so wollten sie auf meinen ältesten Sohn votiren. Er hat aber widersprochen, mit diesen expressions, wer den Sohn haben wollte müsste den Vater nicht evitiren, glaubte also meine approbation zu erhalten, nun ist meine Explication gewest, dass ich sowohl einen wie den anderen Dank schuldig bin. Ich könnte ihm sagen dass ich erstlich keinen darum in als ausser Landes ersuchen lassen. Ich bin aus Gnade Ihro K. M. so wohl in Allem versorgt, dass mit plaisir mit meinem itzigen Stande zufrieden bin, mein Sohn ist ein Kind, wird ihn Gott leben lassen, so gedenke ihm erstlich was rechtes zu lehren, auch so nachzulassen, dass er genug erkennen wird meine Vorsorge. Ich, noch mein Sohn sind Candidaten, nicht aus der Ursache dass es an Ambition abgehe. Oh nein, sondern weil ich zufriedener sein kann, wie ein armer verschuldeter Herzog. Sollte es einer aus unseren Mitbrüdern sein, so denke dass ich gewiss den grössten Vorzug pretendiren könnte, weil meine Bemühung dem ganzen Lande bekannt sein müssen. Dennoch aber wünsche demjenigen 1000 Glück, der diese Ehre, es sei auch wer es wolle, erhält. Hiemit endigte sich unsere Unterredung, in Beisein des Kammerherren v. Korff, dessen guten Freundes Bruder, und Mannrichter Gös, welche alle noch leben, und ist dessen Anbringen desto

---

Его завѣренія съ каждымъ днемъ усиливались, и онъ наконецъ высказалъ однажды, что имѣлъ въ странѣ частые споры по поводу меня; они состояли въ томъ, что многіе изъ его соотечественниковъ рѣшили, если странѣ предоставлена будетъ свобода выбора, то они хотятъ подать голоса за моего старшаго сына. Онъ самъ же противорѣчилъ этому подобными выраженіями: кто желаетъ имѣть сына, тотъ не долженъ избѣгать и отца, думая такимъ образомъ получить мое одобреніе; но мое заявленіе на то было: что я одинаково благодаренъ и доволенъ какъ тѣмъ такъ и другимъ. Прежде всего я долженъ ему сказать, что не просилъ о томъ кого либо въ странѣ и внѣ страны. Я по милости ея императорскаго величества такъ хорошо обезпеченъ всѣмъ, что вполнѣ доволенъ моимъ настоящимъ положеніемъ; а мой сынъ еще дитя, если Господь продлитъ его жизнь, то думаю прежде всего, научить его чему либо основательному и по смерти своей оставить его такимъ, чтобы онъ достаточно могъ сознавать мое попеченіе о немъ. Я и сынъ мой избраны кандидатами не по той причинѣ, будто не достаетъ честолюбивыхъ, о нѣтъ! но потому, что я могу быть довольнѣе этимъ чѣмъ какой нибудь бѣдный и обремененный долгами герцогъ. Если же герцогомъ долженъ быть одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, то думаю, что я, конечно, могъ бы требовать бо̀льшаго предпочтенія, ибо мои старанія должны быть извѣстны всей странѣ. Не смотря на это, я желаю премного счастія тому, кому достанется эта честь, кто бы онъ ни былъ. Симъ окончился нашъ разговоръ въ присутствіи камергера фонъ

unredlicher. Ew. Excellence können feste glauben, dass er nicht von sich selbsten hier gewest ist, sondern wurde gesandt, umb allhier was zu entdecken, und kann seine Hoffnung die Anwesenheit seines Vetters bestärkt haben, von dem was zu entdecken, der aber so wenig umb meine Geheimnisse weiss, wie er. Dieses ist nun der wahre Umbstand, als ersuche Ew. Excellence, dem dasigen Hofe von diesem Allem Umbständlich die Erleuterung zu geben.

Dass ich nun weiter entrire, so bekenne frei, dass es eine grosse Gnade Gottes Ihro Königl. Majest. ist, mich hiezu zu destiniren. Wenn aber ich betrachte, in was vor einer Sorge, chagrin und Kummer ich mich setze, ein Land anzutreten, welches überhäuft mit grossen Schulden und Pretensions, so weiss nicht ob es zuträglich vor mich und die Meinigen sein kann. Der König von Preussen wird Himmel und Hölle erregen, wider mir und dem ganzen Lande. So lange wie Gott Ihro Russische Ka. Majest. erhält, könnte noch auszukommen sein; da Gott aber behüte, wenn so was arrivirte, würde ich nicht völlig unglücklich sein; apart wenn der itzige Herzog noch beim Leben sein würde, so würde ich mit dem itzigen Grafen von Sachsen in einem cas mich befinden. Ferner meine Dienste zu quittiren, könnte üble Suiten nach sich ziehen. Und (in) Abwesenheit zu regiren, nach den Gesetzen ist nicht erlaubt; der Regierung es zu überlassen, so haben wir ein schönes Exempell anitzo vor Augen, und zudem ist auch keine Möglichkeit,

---

Корфа, брата того добраго друга, и судьи Гёза, которые всѣ еще живы, и слѣдовательно его предложенія тѣмъ болѣе нечестны. Ваше превосходительство можете быть твердо увѣреннымъ, что онъ прибылъ сюда не самъ отъ себя, но былъ посланъ, чтобы разузнать здѣсь кое-что, и эту надежду можетъ подтвердить присутствіе его двоюроднаго брата, отъ котораго онъ хотѣлъ узнать что либо, но тотъ знаетъ мою тайну также мало какъ и онъ самъ. Это только есть истинное положеніе дѣла; прошу ваше превосходительство дать тамошнему двору обстоятельное объясненіе обо всемъ этомъ.

Когда я вникаю далѣе, то откровенно признаюсь, что это великая милость Божія и его королевскаго величества назначить меня къ тому; но когда разсматриваю въ какія заботы, скорбь и печаль я погружаюсь, вступая въ страну, обремененную огромными долгами и требованіями, то не знаю можетъ ли это быть выгодно мнѣ и моему дому. Король Прусскій возбудитъ небо и преисподнюю противъ меня и всей страны. До тѣхъ поръ, пока Богъ хранитъ ея величество императрицу русскую еще можно выйти изъ затрудненія, но когда, сохрани Боже, что случится, не буду ли я вполнѣ несчастливъ? особенно если теперешній герцогъ будетъ еще въ живыхъ, тогда я въ такомъ же положеніи какъ нынѣшній графъ Саксонскій. Оставленіе мною службы можетъ повлечь за собою дурныя послѣдствія. Управлять же, отсутствуя — не дозволяется по законамъ; предоставить оное правительству — мы имѣемъ теперь хорошій

dass ein Herzog subsistiren kann, wenn gleich auch Ihro Kaiserl. Majest. mir alle Aemter eingeben; die alle tragen 36,000 Rthl. Alb., wovon doch noch alle Jahr viel abgeht. Mit was wollte man die verpfändeten Aemter einlösen. Hingegen, wenn ich meine Dienste continuire, so kann die dasigen Gefälle zur Erbauung etlicher Häuser und Einlösung der Aemter gebrauchen; und allhier leb ich nach meinen Servituren. Denn ausser das Mitausche Haus, ist nicht ein einziges, wo ein Mensch eine Nacht schlafen kann, geschweige ein Fürst wohnen. — Der Cedirung an meinen Sohn, so wissen Ew. Excellence dass er erstlich in's 12-tes Jahr geht. Was Rechtes muss er noch lernen, lebte er, reisen muss er auch, hierzu gehört Zeit, und endlich, wenn ich es auch sthun wollte, wovon könnte er standesmässig leben, oder sich aus Schulden setzen. Ich bekenne Ihnen frei dass, so wahr wie mir Gott hilft, ich nicht 50,000 Rthl. an Baarschaft habe. Rechnen Ew. Excellence nach, wo meine Gelder hingekommen sind, und was anitzo mir der Bau (d. i. von Ruhenthal) kostet, so werden Sie leicht das facit ausmachen. Wenn ich auf mein Gewissen Ihnen frei bekennen soll, so ist mein tägliches Wünschen, der ganzen Welt zu entsagen, und die wenige Zeit meines Lebens in der Stille zuzubringen. Die beständige und ohnaufhörliche Sorge, Chagrin und Arbeit hat mich so zugerichtet, dass ich sagen kann, es ist nichts gesundes an mir von Haubt bis an die Fuss-Sohlen. Von meiner Jugend

---

примѣръ тому передъ глазами, и сверхъ того нѣтъ возможности, чтобы герцогъ вообще могъ существовать; еслибъ даже съ помощью ея величества я получилъ бы тотчасъ всѣ удѣлы, которыя приносятъ 36,000 альбертинскихъ рейхсталеровъ, изъ которыхъ еще ежегодно не достаетъ многаго. Чѣмъ же хотѣли бы выкупить заложенные удѣлы? Напротивъ того, если я продолжаю свою службу, то могу употребить тамошніе доходы на постройку нѣсколькихъ домовъ и на выкупъ удѣловъ, а здѣсь я живу своею службою. Ибо, кромѣ Митавскаго дома нѣтъ ни одного, гдѣ бы простой человѣкъ могъ провести ночь, не говоря уже о томъ, чтобы тамъ могъ жить герцогъ. Что же касается до избранія моего сына, то ваше превосходительство знаете, что, во первыхъ, онъ вступаетъ въ 12-й годъ; долженъ многому учиться, если будетъ живъ, также долженъ и путешествовать, на что нужно время, и, наконецъ, если бы даже я на то и согласился, такъ изъ чего могъ бы онъ жить, сообразно своему состоянію, или выпутаться изъ долговъ. Признаюсь вамъ откровенно, что, ей Богу, не имѣю и 50,000 рейхсталеровъ наличныхъ денегъ. Сосчитайте, ваше превосходительство, куда дѣвались мои деньги, и что стоитъ мнѣ постройка (т. е. Руэнталя) и тогда вы легко подведете итогъ. Если я долженъ признаться вамъ по совѣсти, то мое постоянное желаніе — отказаться отъ всего свѣта и короткое время моей жизни провести въ спокойствіи. Постоянныя и безпрерывныя заботы, печаль и труды такъ ослабили меня, что могу сказать: во мнѣ нѣтъ ничего здороваго съ головы до ногъ. Я довольно также

hab auch ziemlich — doch leider—profitiret, welches anitzo nachempfinde. Nun bin nicht derjenige, der von seinen Bemühungen ein Ansehen suchet, sondern wenn ich nur zum Dienst meiner allergnädigsten Kais. reussire, so lass gern andere damit prangen. Ew. Excellence ist bekannt, in dero Hiersein, wie ich mit der grossen Mühe und chagrin in denen Polnischen Sachen habe durchdringen müssen. Da sie nun Gottlob glücklich sich geendigt, so nehmen Andere so viel Theil, und machen sich auch durch eine besondere Art gross damit, dass der etwas kundig, wie die affairen geführt sind, erstaunen mag.

Nun liegt die ganze Last wieder aufs neue wegen dem Türkenkrieg auf mir. Der H. Graf Ostermann Ex. sind seit 6 Monat bettlägerig. Den Fürsten Cerskaski kennen Sie. Unterdessen muss alles doch gehen. Mit 4 Corps ist bis dato agirt; nämlich eines in der Crim, das andere an den Dniepr, das 3-te unter Asoff, das 4-te in den Cuban. Zu Unterhaltung derer muss Alles herbeigeschafft werden. Hièr muss Proviant sein, dort muss Mundirung hin, da Amunition, dort Geld und alles was dergleichen mehr; die Grenze muss auch in Sicherheit gesetzt werden. Das bringt Sorgen; Ausländische, so wohl Persianische als Ehropäische Sachen kommen auch ein. Vortragen muss ich Alles, es sei gut oder böse, resulutions müssen genommen werden. Alle solche Begebenheiten können nicht allein einen kränklichen Cörper sondern auch den allerstärksten darniederlegen. Bei allen diesen Umbständen, was

---

и пользовался своею юностью — къ несчастью — что и чувствую нынѣ. Теперь я не тотъ, кто ищетъ славы отъ своихъ трудовъ, но если я только успѣваю на службѣ моей всемилостивѣйшей государыни, то охотно допускаю другихъ щеголять ею. Вашему превосходительству извѣстно съ какимъ великимъ трудомъ и горемъ, я, во время вашего пребыванія здѣсь, долженъ былъ вести польскія дѣла. Такъ какъ они, слава Богу счастливо окончились, то другіе присвоиваютъ себѣ теперь такое большое участіе въ нихъ и такъ важничаютъ тѣмъ, что тотъ, кому нѣсколько извѣстно, какъ велись дѣла, долженъ удивляться.

Теперь вся тяжесть по поводу турецкой войны лежитъ снова на мнѣ. Его сіятельство графъ Остерманъ уже 6 мѣсяцевъ лежитъ въ постелѣ. Князя Черкасскаго вы знаете. Между тѣмъ все должно идти своимъ чередомъ. Доселѣ дѣйствовали съ 4-мя корпусами, а именно: одинъ въ Крыму, другой на Днѣпрѣ, третій подъ Азовомъ а четвертый въ Кубанской области. Для ихъ содержанія все должно быть доставлено. Здѣсь долженъ быть провіантъ, тамъ обмундировка, тутъ аммуниція, тамъ деньги и все тому подобное; границы должны быть также вполнѣ обезпечены. Все это причиняетъ заботы. На очереди иностранныя, персидскія и вообще европейскія дѣла. Я долженъ обо всемъ докладывать, будь то хорошее или худое, на нихъ должны быть приняты рѣшенія. Всѣ подобныя хлопоты могутъ побороть не только болѣзненное тѣло но и самое сильное. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, чего могу я желать

könnte ich mehr wünschen, als eine einsame Ruhe, und wenn auch allhier kein Krieg vorhanden, so wird, nach der Grösse dieses Reiches, gewiss niemahl an Sorge und Arbeit fehlen.

Was die Hannöversche Allianz anbetrift so hat der Graf Lynar selbiges auch vorgetragen, welches ich denn Ihro Kaiserl. M. gebührend referirt, die hiebei nichts auszusetzen wissen, sondern wünschen Ihro Königl. Maj. viel Glück hiezu. Nach dem Inhalt des Tractats welches in extenso der H. Graf von Lynar mir communicirt, finde, dass er uns was Nutzen schaffen könnte, und es ist eine Clausel darin welche lautet, dass wenn zu diesem Tractat sich noch mehrere Reichsstände finden würden beizutreten, so soll alsdann darüber verabredet werden. Nun hat Russland nichts im Reiche, und könnte also von Hannover diese question eingewandt werden, weil bis dato Hanover sich im Geringsten mit uns nicht hat einlassen wollen, da wir beim Anfang der Polnischen Troubeln, gern mit ihnen entrirt hätten. Finden aber Ihro Majest. von Polen, dass es ihnen wozu dienen könnte, so werden auch hierin Ihro Kaiserl. Majest. dero wahre und aufrichtige Freundschaft nicht unterlassen. Der H. Graf Lynar will umb Permission anhalten, nach Sachsen zu gehen. Ew. Excell. Reisen anbetreffend, so würde dieses nur ein gross Aufsehen machen, indem man glauben könnte, dass welche heimliche Negotiation vorhanden wäre; und I. K. M. intention geht dahin, bis der

---

болѣе, какъ ни уединеннаго покоя, и если даже здѣсь не будетъ войны, то все таки, по величинѣ этого государства, конечно уже никогда не будетъ недостатка въ заботахъ и трудахъ.

Что касается до Ганноверскаго союза, то графъ Линаръ также доложилъ тоже самое, что донесъ и я надлежащимъ образомъ ея императорскому величеству, которая не имѣла ничего противъ этого, и желаетъ притомъ много счастія его королевскому величеству. По содержанію трактата, сообщенному мнѣ въ главнѣйшихъ чертахъ графомъ фонъ Линаромъ, я нахожу, что онъ могъ бы принести намъ нѣкоторую пользу, въ немъ есть оговорка, гласящая, что если къ сему трактату еще желаютъ присоединиться и другіе члены имперіи, то тогда и должно уговариваться о томъ. Теперь Россія не имѣетъ никакихъ дѣлъ въ Имперіи, слѣдовательно Ганноверъ могъ именно указать на это въ своемъ возраженіи, ибо доселѣ Ганноверъ ни въ чемъ не желалъ соглашаться съ нами, когда мы при началѣ польскихъ смутъ охотно вступили бы въ союзъ съ ними. Но если его величество король Польши находитъ, что это могло бы служить ему къ чему либо, то и въ этомъ случаѣ ея императорское величество явитъ свою истинную и искреннюю дружбу. Графъ Линаръ хочетъ просить позволенія ѣхать въ Саксонію. Что касается до путешествія вашего превосходительства, то оное произведетъ много толковъ, такъ какъ могутъ подумать, что будутъ вестись какіе либо тайные переговоры, а намѣреніе ея императорскаго величества состоитъ въ томъ

Turkenkrieg dauert, sich, so viel möglich, geschlossen zu halten. Ob nun dies Schreiben Ihnen ein Bischen incommodiren wird, so habe doch nöthig erachtet, Ew. Excellenz part zu geben, auch dabei zu versichern, dass ohne Ausnahme bin Ew. Excellence ganz gehorsamster Diener

E. J. G. Biron.

Petterhoff d. 31 August A. 1736.

X.

Hochwollgebohrener Herr Hochzuehrender H. Geheimer Rath.

Ew. Excellence gütige Zuschrift vom 4. September S. W. habe woll erhalten, und sowohl daraus wie auch aus dero Relation und ihnen zukommendes Memorial von den Herren Cabinetsministers mit plaisir ersehen, die Gesinnung Ihro Königl. Myest. wegen unseres Vaterlandes. Wie ich nun niemahlen einen Zweifel gehabt, dass Ihro K. Majest. wie ein grosser Herr, uns wie dero ganzem Reiche seine Gerechtigkeit und Grossmuth werden angedeihen lassen, so trift es auch völlig ein, indem man dem Lande seine ganz freie Wahl nachgeben will, wobei wir Alles erhalten, was unsere einzige Sorge gewest. Ew. Excellence Relation ist endlich Ihro Kaiserl.

чтобы держать себя насколько возможно сдержаннѣе во все время продолженія Турецкой войны. Хотя это письмо и обезпокоитъ васъ нѣсколько, но я счелъ нужнымъ сообщить все это вашему превосходительству и увѣрить притомъ, что неизмѣнно пребываю вашего превосходительства вполнѣ покорнѣйшій слуга Э. І. Биронъ.

Петергофъ, 31-го августа 1736 года.

X.

Высокоблагородный господинъ, Высокопочтенный господинъ тайный совѣтникъ.

Я получилъ въ исправности пріятное письмо вашего превосходительства отъ 4-го сентября ст. ст., и съ удовольствіемъ усматриваю изъ него, равно какъ изъ вашей реляціи и дошедшаго до васъ меморіала господина кабинетъ-министра намѣреніе его королевскаго величества, относительно нашего отечества. Какъ я никогда не сомнѣвался въ томъ, что его королевское величество, какъ великій государь, окажетъ намъ, равно всему своему государству свое правосудіе и великодушіе, такъ это и сбывается теперь вполнѣ, потому что странѣ желаютъ предоставить совершенно свободный выборъ, при чемъ мы получаемъ все, о чемъ только заботились. Реляція

Majest. vorgetragen worden; das memorial welches sie beigelegt ist aber nicht zum Vorschein kommen, obwohl in dero Instruction, welche vor 3 Tagen mit dem H. Grafen von Lynar abgegangen es touchirt wird. Diese Instriction ist wohl bei 3 Malen corrigirt worden, weil Ihro Kaiserl. Majest. abgenommen, dass es mit zweideutigen terminis untermilirt war. Nun ist man mehr wie jemals embrassirt, was mit Curland passiren soll; und gehen alle Sorgen dahin, nur es zu trainiren, dadurch Zeit zu erlangen. Wie ich glaube ist das der Trost: erstlich unser Türkenkrieg, und hernach, das Ihro Königl. Majest. aus dem Reiche sind, und also nichts ordiniren können, und so wie zu glauben die Retour nicht eher als im kommendem Mai sein soll. Weil aber Ew. Excellence nunmehro völlig Plein pouvoir haben, so werden Sie alldort am besten Alles überlegen und stellen können. Ich sehe selbsten nicht ab, warumb man auch so sehr eilen sollte.

Unsern Krieg anlangend, so wird wohl keiner in Abrede sein können, dass Krieg und Friede zu haben, von hier dependirt. — Die Armee ist d. 23. Augusti S. W. 160 Werst von Perekop gewest am Dniepr, bei einem Ort, den man auf Russisch Kamene-Saton nennt. Der Feldmarschall hat laut Ordres alles demolirt und die Atolerie mitgenommen, marchirt, nachdem er Proviant genug hat mit aller Comodité. Der Feind will aber nicht vom Dniepr noch von der Crim sich sehen lassen, wagt auch keine Partey

---

вашего превосходительства доложена наконецъ ея императорскому величеству, но приложенный къ ней меморіалъ еще не сдѣлался извѣстнымъ, хотя его касаются въ вашей инструкціи, отправленной за три дня съ графомъ Линаромъ. Эта инструкція была исправляема до трехъ разъ, потому что ея императорское величество усмотрѣла, что въ ней находились двусмысленныя выраженія. Теперь озабочены, болѣе чѣмъ когда либо, тѣмъ что должно произойти съ Курляндіею, и всѣ старанія клонятся къ тому, чтобы медлить этимъ и чрезъ то выиграть время. Я полагаю, вотъ на чемъ основываются ихъ надежды: во первыхъ, на нашей турецкой войнѣ, за симъ, что его королевское величество выѣхалъ изъ государства, и слѣдовательно ничего не можетъ приказывать, и наконецъ, можно полагать, возвращеніе его должно состояться не ранѣе будущаго мая. Но такъ какъ ваше превосходительство имѣете теперь неограниченное полномочіе, то и можете тамъ все какъ нельзя лучше обдумать и устроить, Я вообще не понимаю, зачѣмъ должно такъ спѣшить.

Касательно нашей войны, никто не можетъ оспаривать, что вести войну или имѣть миръ зависитъ отъ насъ. Армія находилась 23-го августа ст. ст. за 160 верстъ отъ Перекопа, на Днѣпрѣ у мѣста, называемаго по русски Каменнымъ Затономъ. Фельдмаршалъ разрушилъ все, согласно приказу, а артиллерію взялъ съ собою, и идетъ со всѣми удобствами, послѣ того какъ получилъ достаточно провіанту. Непріятель не показывается ни со стороны Днѣпра ни—Крыма, и не отваживается

überzusetzen, St. W. Weil wir nun vom 29. Juli aus des Feindes Lager genaue Nachrichten haben, dass sie nicht im Stande sind, eine action zu liefern; weil der Vezier am selbigen dato noch bei Bagdad gestanden; man an Geld und Brod nebst Lebensmitteln grossen Mangel haben soll, dass täglich die Armee abnimmt. Und die Wallachei, wo nur die Truppen marchirt sind, totaliter ruinirt ist, auch keine Magazins zu machen, so sollen allbereits viele Truppen unter der Hand nach Hause gelassen werden. In der Crim soll der Chan melden, dass er ebenmassig grosse Noth an Lebensmitteln leidet; man sollte ihm helfen und über See senden. Weil die heurige Früchte alle auf dem Felde ruinirt sind, sowohl von uns als von ihnen selber. Die alten Provisionen die sie in denen Gruben gehabt sind in den letzten Orte aufgesucht von unserer Armee, dass wenn nicht bald ihm Hülfe, sie vor Hunger crepiren müssten. Alle diese Umbstände sollen eine ohnmenschliche Unruhe im dasigen Ministerio verursachen, und die bei uns gewesenen gefangenen Türken, sollen bei der Armee angekommen sein, sind aber nicht geblieben, und überall raisonirt, dass die Tattern hätten Schuld, und die mögen büssen; si wollten sich aber ihretwegen nicht aufopfern lassen, welches auch bei dem gemeinen Mann solchen Ingress gefunden, dass ihre Befehlshabers ihnen nichts sollen sagen dürfen. 2 gefangene Dragoner von uns hat der Tatter-Chan dem Gross-Vezier zugesandt. Nachdem der Gross-Vezier sie verhören lassen, hat er sie an unseren Residenten extra-

---

переправить ни одного отряда. Мы имѣемъ отъ 29-го іюля стар. ст. точныя свѣдѣнія изъ непріятельскаго лагеря, что они не въ состояніи дать сраженія, ибо визирь того же числа еще стоялъ у Багдада; въ деньгахъ, хлѣбѣ и съѣстныхъ припасахъ должны имѣть большой недостатокъ, отчего армія ежедневно убываетъ. А Валахія, куда отправились войска, совершенно разорена, и какъ нельзя устроить магазиновъ, то много войска уже должно быть тайно отпущено домой. Ханъ въ Крыму извѣщаетъ, что онъ также терпитъ большую нужду въ съѣстныхъ припасахъ, проситъ помочь ему и переслать ихъ моремъ. Хлѣбъ нынѣшняго года весь уничтоженъ на поляхъ, какъ нами такъ и ими самими. Прежніе запасы, которые они хранили въ ямахъ, отысканы тамъ нашею арміею, такъ что если ему (Хану) не скоро окажутъ помощь, то они должны будутъ околѣвать съ голоду. Всѣ эти обстоятельства должны причинять ужасныя безпокойства тамошнему министерству; турки, бывшіе у насъ плѣнными, прибыли въ свою армію, но не остались тамъ, и повсюду разсуждаютъ, что виноваты Татары, а они должны нести наказаніе за то; они же не желаютъ жертвовать собою для нихъ, это нашло такое сочувствіе въ простыхъ солдатахъ, что ихъ начальники не осмѣлились ничего сказать имъ противъ этого. Татарскій ханъ прислалъ двухъ нашихъ плѣнныхъ драгуновъ великому визирю. Послѣ того, какъ великій визирь ве-

dirt, mit den Worten: er wolle keine Russische Gefangene haben; selbige Leute sind auch bei ihm.

Wenn M. Talmon sich nicht als mediateur aufgeworfen und so viel Versicherungen der Pforte gethan, wie sein Hof völlig mit dem hiesigen disponiren könnte, so versichere, dass wir schon längst auf der Grenze Turkische Minister gehabt. Ihm haben wir Alles zu danken.

Wie nun bei allen diesen Umbständen nicht abgesehen ist, was unsere Armee weiter dies Jahr ins Feld machen soll, als ist die iterirte order ergangen, dass gegen den letzten Tagen dieses, die Armee, nachdem die Grenze wohl besetzt würde, nach ihre Winterquartiere marchiren soll.

Ihro Kaiserl. Majest. befinden sich Gottlob wohl, und ich hingegen habe das Vergnügen zu sein Ew. Excellence ganz ergebener Diener

E. J. G. Biron.

Gestern morgen haben wir allhier ziemlich gross Wasser gehabt, doch ohne Schaden.

Pettersburg, d. 11. September A. 1736.

Den Lieutenant, welchen Ew. Excellence recommandirt, ist heute zur Armee expedirt worden, mit avancement, weil er Ihro Exc. dem H. Geheimen Rath von Brühl anverwandt sein soll.

лѣлъ допросить ихъ, онъ выдалъ ихъ нашему резиденту со словами: онъ не желаетъ имѣть русскихъ плѣнныхъ; эти люди находятся также при немъ.

Если бы г. Тальмонъ не выступилъ бы въ качествѣ посредника и не сдѣлалъ бы такъ много завѣреній Портѣ, что его дворъ можетъ вполнѣ располагать здѣшнимъ, то увѣряю, мы давнимъ давно видѣли бы на границѣ Турецкаго министра: его должны мы благодарить за все.

Какъ при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ не видно, что должна предпринять далѣе наша армія въ этомъ году на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, то былъ повторенъ приказъ, что около послѣднихъ дней этого мѣсяца, армія должна отправиться на свои зимнія квартиры, послѣ того какъ граница будетъ повсюду занята войсками.

Ея императорское величество, слава Богу, здорова, а я съ своей стороны имѣю удовольствіе пребывать и пр. вашего превосходительства вполнѣ преданный слуга

Э. І. Биронъ.

Вчера утромъ у насъ была довольно высока вода, однако безъ причиненія вреда.

Петербургъ, 11 сентября 1736 года.

Поручикъ, отрекомендованный вашимъ превосходительствомъ, отправленъ сегодня въ армію съ производствомъ въ чинъ, онъ должно быть родственникъ тайнаго совѣтника фонъ Брюля.

XI.

Monsieur mon trés chere frere.

Indem wir in voller Lustbarkeit uns befinden, kommt eine Staffette an mir unter Couvert des Grafen Poniatowski, von der Herzogin von Curland, die Ihro Kaiserl. Majest. auch eigenhändig notificirt, wie der Herzog d. 3 Mai S. N. in der Nacht, ohne eine Krankheit, dieses Zeitliche verlassen, bittet in Allem die Protection sich aus.

Nun hat dieser Todesfall uns übereilet, weswegen man sich noch in der Eile nicht so nehmen kann. Es ist aber Ordre gestellt, die Grenzen wohl zu besetzen, und muss das Cürassier-Regiment wieder zurück. Ich sollte glauben dass es nicht übel wäre in Schrunden was zu postiren, auch in Grobin, da könnten sie observiren was allda passiren wird.

Es kommt noch weiter an, wie der Landtag wird können ausgeschrieben werden, ob nicht die Oberräthe es anitzo —, als Regenten aus dem Lande—, in Ihro Namen expediren wollten oder könnten. Dies wäre das leichteste und beste Mittel; ich glaub aber schwerlich, dass sich selbige hiezu resolwiren werden; und bis es vom Könige wird ausgefertigt, so wird viel Zeit dahingehen, und könnte von übeln Folgen sein. Apart muss man sorgen,

---

XI.

Милостивый государь, дорогой братъ мой!

Между тѣмъ какъ мы вполнѣ предавались веселью, ко мнѣ пришло письмо, эстафетой, въ конвертѣ графа Понятовскаго, отъ герцогини Курляндской, которая собственноручно извѣщаетъ ея имп. величество, что герцогъ въ ночь на 3-го мая нов. стиля скончался безъ страданій, и она испрашиваетъ себѣ во всемъ покровительства.

Эта кончина застала насъ теперь врасплохъ, и потому нельзя приняться за что либо въ торопяхъ. Но вышелъ приказъ занять границу войсками, а кирасирскій полкъ долженъ возвратиться назадъ. Я полагаю, что не худо было бы поставить часть войска въ Шрунденѣ, а также и Гробинѣ, тогда они могли бы наблюдать, что происходитъ тамъ. Далѣе, исходъ дѣла зависитъ еще оттого, когда можетъ быть созванъ ландтагъ; не пожелаютъ ли верховные совѣтники въ качествѣ управителей страны созвать его нынѣ отъ своего имени. Это было бы легчайшее и лучшее средство, но мнѣ трудно вѣрить, что они рѣшатся на это; а до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ созванъ королемъ, пройдетъ много времени и это можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Осо-

dass die Geistlichkeit[1]) nicht Intriguen in der Menge machen könnte. Eine brüderliche Conference, oder sämmtlich Zusammenkunft, glaub ich, würde nicht thunlich sein, auch nicht von dem Valeur, indem die Polen allbereits dem Heiking vorgeworfen, wie er von keinem ordentlichen Landtage abgesandt wäre. Der Graf Ostermann, ist davor, das Land, durch Berufung der Regierung, soll wählen ohne Anstand. Dieses wäre zwar das leichteste Mittel, wenn es nur in der Respublick approbation finden würde. Der H. Bruder wird es mit den Oberräthen überlegen, was sie meinen. Es ist aber zu bedauern, ob sie gleich die Zeitung anitzo schon haben müssen, dass sie nicht in Mitau beisammen kommen werden; und ich denke gar mit Willen, damit sie keine Propositions bekommen mögen. Unterdessen wird man hier solche Precaution nehmen, wie es sich immer thun lässt. Der König muss aber nicht trainiren. Weiter kann nichts melden, sondern bin Monsieur mon frére trés humble serviteur

E. J. G. Biron.

Pettersbourg, d. 30. Aprill A. 1737.

Die Herzogin meldet mir dass sie an den Landrath Medem (sc. geschrieben) er möchte laut Königl. Order die Ämter, die der seelige Herzog ge-

---

[1]) D. h. die katholische Geistlichkeit, die allerlei Praetensionen auf Curland hatte, besonders wegen des Bisthums Pilten.

бенно должно заботиться о томъ, чтобы духовенство[1]) не могло вести интригъ въ народѣ. Братская конференція или всеобщее собраніе, какъ я полагаю, не можетъ быть удобною а также и имѣть вѣсъ, потому что поляки уже упрекали Гейкинга, будто онъ былъ посланъ не отъ законнаго ландтага. Графъ Остерманъ стоитъ на томъ, что страна, приглашенная временнымъ правительствомъ, должна приступить къ избранію безъ замедленія. Это было бы, правда, легчайшее средство, если бы только оно было одобрено республикою. Вы, братъ мой, обсудите съ верховными совѣтниками что они объ этомъ думаютъ. Но жаль, что они не соберутся вмѣстѣ въ Митавѣ, о чемъ уже должно быть вы получили извѣстіе, и я думаю даже съ намѣреніемъ, чтобы не получить тамъ какихъ нибудь предложеній. Между тѣмъ здѣсь примутъ такія предосторожности, какія только возможны будутъ. Король же не долженъ медлить. Не могу сообщить ничего болѣе, но пребываю, милостивый государь, братъ мой, покорнѣйшій слуга

Э. І. Биронъ.

Петербургъ, 30-го апрѣля 1737 года.

Герцогиня сообщаетъ мнѣ, что написала ландрату Медему, что онъ можетъ тотчасъ, въ силу королевскаго приказа, взять во владѣніе всѣ удѣлы, которыми пользо-

---

[1]) Т. е. католическое духовенство, имѣвшее разнаго рода притязанія въ Курляндіи, въ особенности по поводу епископства Пильтенъ.

nützt, alsbald in Possess nehmen. Ich sollte glauben dass man es geschehen lässt, denn man kann nicht wissen, ob die Herzogin von Meiningen [1]), auch nicht hiezu Lust hat. Es ist sehr zu verhüthen, dass keine Preussischen Officiers noch Soldaten sich in die Herzogin ihre Aemter einsetzen. Wenn welche Preussische Officiere oder Soldaten hinein wollten, wird das ein guter Vorwand sein, sie nicht zu passiren weil man besorgen müsste, sie kämen um wieder welche Leute zu débauchiren von den Reitern, wie sie es in Lithauen schon gethan. Der General Bismarck muss lauter schlechte Leute an der dasigen Grenze commandiren, sonsten gewiss sie würden probirt werden.

XII.

Hochwollgeborener H. Geheimer Rath.

Ew. Excellence 3 Schreiben, nebst allen Beilagen, sind mir durch den

[1]) Sie, Elisabeth Sophie, Tochter des Kurfürsten Fried. Wilhelm v. Brandenburg, war 1691 mit dem Herzog von Curland Friedrich Casimir verheirathet gewesen, und hatte nach dessen Tode, zunächst 1703 den Markgrafen Christian Ernst v. Baireuth, und nach dessen Tode zum 3. Mal 1714 den Herzog von Meiningen, Ernst Ludwig, geheirathet.

вался покойный герцогъ. Я думаю, что это можно допустить, ибо нельзя знать, не имѣетъ ли къ тому также желанія и герцогиня Мейнингенская [1]). Должно очень остерегаться, чтобы прусскіе офицеры или солдаты не заняли удѣловъ герцогини и должностей. Если нѣкоторые прусскіе офицеры или солдаты пожелаютъ прибыть туда, то будетъ хорошій предлогъ не пропускать ихъ: ибо должно опасаться, что они снова придутъ для того, чтобы сманить нѣкоторыхъ людей изъ кавалеріи, какъ они уже сдѣлали это въ Литвѣ. Генералъ Бисмаркъ, надо полагать, командуетъ на тамошнихъ границахъ плохимъ войскомъ, иначе они, вѣроятно, были бы уже испытаны.

XII.

Высокоблагородный господинъ тайный совѣтникъ!

Три письма вашего превосходительства, вмѣстѣ со всѣми приложеніями, исправно

[1]) Елизавета Софія, дочь курфирста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго, была замужемъ за герцогомъ Курляндскимъ Фридрихомъ Казиміромъ, по смерти котораго, около 1703 г., вышла за маркграфа Христіана Эрнеста Байрейтскаго, а послѣ его смерти, въ третій разъ, вышла за мужъ за герцога Мейнингенскаго Эрнеста Людвига.

expedirten Lieutenant Arsenieff aus *Fraustadt* vom 20-sten dieses woll zu Händen gekommen.

Ich statte denenselben vielfältigen Dank vor der besondern grossen Bemühung, die sie sich wegen meiner, und zugleich des Vaterlandes haben geben wollen; bedauere nur aber höchlichst dass Ew. Excellence dabei nicht ohne grosse incomodité, ja gar chagrin haben sein müssen. Mein dankbarliches und erkenntliches Gemüth ist Ihnen vollkommen bekannt, und werde auch nicht aufhören hiemit zu continuiren. Ob nun zwar meine Hoffnung nicht eingeschlagen, *in Erlangung der Investitur*, so lebe gesichert, dass Ihro Königl. Majest. dero huldreiche Gnade und Protection, mir auch hierin werden angedeihen lassen.

Mich schmerzt nichts mehr, als dass ich den Canzler Fink dahin gesandt, weil dieses Ursach giebt den Neidern zu frohlocken; wie denn der Baron Marderfeldt mit der letzten Post auch diese Nachricht erhalten und sich mit diesen Worten herausgelassen: er hätte dieses zum voraus sagen können, und ehe die ganze Sache noch zu Stande kommen würde, würde sein Hof nicht schlafen, sondern genuck zu schaffen machen.—Der Primas wäre aus keiner anderen Ursache, wie auch seine ganze Familie weggeblieben von Fraustadt, als der Curländischen Angelegenheit wegen, und des Königs eigene Confidenten hätten öffentlich protestirt, welches aber mit Willen in dem Resultat (d. h. das Senatusconsilium) nicht angeführt. Un-

---

дошли до меня, чрезъ поручика Арсеньева, отправленнаго изъ Фрауштадта 20-го числа этого мѣсяца.

Приношу многократную благодарность за особыя великія старанія, какія вы благоволили приложить ради меня и моего отечества; крайне сожалѣю только, что ваше превосходительство должно быть не обошлись при томъ безъ великихъ безпокойствъ, даже печали. Вамъ вполнѣ извѣстно мое благодарное и признательное сердце, и оно не перестанетъ быть таковымъ. Хотя, правда, моя надежда на *пріобрѣтеніе инвеституры* не сбылась, но пребываю увѣреннымъ, что его королевское величество окажетъ мнѣ также и въ этомъ свое милостивое благоволеніе и покровительство.

Ничто не печалитъ меня болѣе какъ то, что я послалъ туда канцлера Финка, ибо это дѣло даетъ завистникамъ поводъ къ ликованію; а какъ баронъ Мардефельдтъ также получилъ это извѣстіе съ послѣднею почтою, то высказался слѣдующими словами: онъ могъ уже напередъ сказать это, но прежде чѣмъ все дѣло будетъ приведено въ исполненіе, его дворъ не будетъ дремать, но усердно дѣйствовать.

Примасъ, равно какъ и всѣ его родные, не по какой либо другой причинѣ неявился изъ Фрауштадта, какъ изъ за Курляндскаго дѣла, и собственные наперсники короля открыто протестовали, что однако съ намѣреніемъ не приведено въ заключительномъ актѣ (т. е. въ сенатскомъ постановленіи). Между тѣмъ это будетъ все же

terdessen wird es doch bekannt werden. Auf der Commission (d. h. in Danzig) wurden solche Propositions hervorkommen, die mir und dem Lande genuck zu erkennen geben werden, nicht zu glauben, dass sein König ohne influence bei der Respublicke sei. Er versichert, dass er mehr als jemahls gute Freunde in Polen hätte, und ob zwar der König in den deliberatorien setzen lassen, *wegen der* Werbungen, um dadurch die Gemüther aufzubringen, so hat er sehr schlecht hierin reüssirt.

Der Kaiserl. Resident Hogenholzer hat mir ein Schreiben von ihrem Residenten aus Berlin gezeigt, darin meldet er, wie der König im Beisein vieler Leute gesagt, wenn nur die Russische Kaiserin bei die Götter wäre, ich wollte bald mit dem neuen Herzog ein Ende in Curland machen; der König in Polen sollte ihn wahrlich nicht protegiren.

Nun aber soll die ganze Hoffnung hierauf ruhen, erstlich mich suchen vom Hofe zu eloigniren, und zum andern, abwesend keine Regierung im Lande zu führen. Wie aber dieses Alles mein wenigster kummer ist, so kann ihnen das Vergnügen gönnen um sich mit Gedanken zu divertiren.

Meine meiste Sorge gehet nun wegen der Commission, wie dass selbige nichts verhängen möchte, welches zu mein und des Landes Prejudice sein könnte. Zum 2-ten wen ich alldort aus dem Lande hinsenden soll zu tractiren, 3-tens ob einer vom Lande (d. h. ein Deputirter des Adels) auch nicht zugegen

---

извѣстно. Въ коммиссіи сеймика (т. е. въ Данцигѣ) были представлены такія предложенія, которыя послужили достаточнымъ поводомъ мнѣ и моему отечеству не вѣрить, будто его король безъ всякаго вліянія въ республикѣ. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ болѣе, чѣмъ когда либо добрыхъ друзей въ Польшѣ, и хотя король на совѣщаніяхъ приказалъ обсудить статью о вербованіи, чтобы чрезъ то возбудить умы, но онъ весьма мало успѣлъ въ этомъ.

Имперскій резидентъ Гогенгольцеръ показывалъ мнѣ письмо отъ имперскаго резидента изъ Берлина; онъ сообщаетъ въ немъ, что король сказалъ въ присутствіи многихъ, что если бы только русская Императрица отошла въ вѣчность, то я положилъ бы скорый конецъ новому герцогу въ Курляндіи; король Польскій по истинѣ не долженъ бы покровительствовать ему.

Теперь вся ихъ надежда заключается въ томъ, чтобы, во первыхъ, стараться удалить меня отъ двора, а во вторыхъ, меня отсутствующаго не допустить къ управленію страною. Но какъ все это весьма мало печалитъ меня, то я могу доставить имъ удовольствіе забавлять себя этими мечтами.

Моя величайшая забота теперь обращена на коммиссію, чтобы оная не могла постановить что либо, могущее служить ко вреду моему и страны. Во 2-хъ, кого я долженъ послать туда (т. е. въ Данцигъ) изъ герцогства для переговоровъ; въ 3-ихъ, не можетъ ли также присутствовать кто либо изъ страны (т. е. депутатъ дво-

sein könnte, worüber mich Ew. Excellence Rath ausbitte, weil Sie doch alle Leute bei uns am besten kennen. Ferner wie es mit der Investitur wird gehalten werden. Soll ich selber in Warschau erscheinen, so gedenken Ew. Excellence dass diese Reise nicht in 2 Monaten sein kann, zum andern: der grossen Kosten, die ich hiezu anwenden muss, 3-tens wird ein jeder von mir Presente haben wollen. Den 2-ten und 3-ten Punct lass noch passiren, so lange aber vom Hofe zu sein, würde mir wahrlich keinen Nutzen bringen, indem ich befürchten muss, dass ich die Ungnade Ihro Kaiserl. Majest. auf mir laden müsste; und sollte der Krieg noch weiter seinen Fortgang gewinnen, so ist es ausserdem eine völlige Ohnmöglichkeit, dass ich 3 Tage mir absentiren kann.

Kann ich von der persönlichen Investitur nicht anders als durch einen reichstäglichen Schluss dispensirt werden, weiss Gott wenn nunmehro wieder ein Reichstag bestehen wird; also ist mein embarras, worin mich sehe, wahrlich sehr betrübt. Unterdessen mag Gott es fügen, wie er es will, die Gnade aber Ihro Kaiserl. M. vergessen! und ich würde auch der strafbarste Mensch in der Welt sein, wenn ich meine Angelegenheit dero Kaiserlichen wollte vorziehen. Ich bin auch ferner allhier, wegen der Curlaendischen Angelegenheiten, so miserabel versehen, dass keinen Menschen habe, mit wem oder von wem, einige Nachricht holen kann. Der Kammerherr Korff

---

рянства), на что испрашиваю совѣта вашего превосходительства, потому что вы знаете какъ нельзя лучше всѣхъ людей у насъ. Далѣе укажите, какъ поступить съ инвеститурою. Если я долженъ самъ явиться въ Варшаву, то подумайте, ваше превосходительство, на это путешествіе потребуется не менѣе двухъ мѣсяцевъ, во вторыхъ, подумайте объ огромныхъ издержкахъ, которыя долженъ буду употребить на то, въ 3-хъ, каждый пожелаетъ получить отъ меня подарокъ; 2-ой и 3-й пункты я еще допускаю, но быть такъ долго въ отсутствіи отъ двора не принесло бы мнѣ, по истинѣ, никакой пользы, потому что я долженъ опасаться, что навлеку на себя этимъ немилость ея императорскаго величества; а если война будетъ еще продолжаться, то кромѣ того представится полная невозможность отлучиться мнѣ даже на 3 дня.

Если я могу быть уволенъ отъ личной инвеституры не иначе, какъ чрезъ сеймовое заключительное постановленіе, то Богъ знаетъ, когда теперь состоится новый сеймъ, слѣдовательно вотъ въ чемъ состоятъ мои затрудненія, отъ которыхъ я предвижу себѣ по истинѣ весьма много огорченій. Между тѣмъ, да устроитъ Богъ все такъ, какъ Ему угодно, но забыть милость ея императорскаго величества! я сдѣлался бы тогда человѣкомъ, достойнымъ всякаго наказанія въ свѣтѣ, если бы захотѣлъ предпочесть свое дѣло императорскому. Далѣе, въ отношеніи Курляндскихъ дѣлъ я нахожусь здѣсь въ такомъ печальномъ положеніи, что не имѣю человѣка, отъ котораго могу получить хотя бы какія либо свѣдѣнія. Камергеръ Корфъ претендовалъ прежде,

hat viel vorhero pretendirt zu wissen, nun aber ist er so wenig mit Fundament informirt, wie ich selber. Aus dem Lande kann auch nichts haben, in dem sie vorschützen, die Archive wären weg. Ich habe den Fiscal auch den Hartmann beordert anhero zu kommen.

Die errichtete Convention, die habe 4 Tage lang nicht zeigen wollen, wie auch die Wahl nicht acceptiren wollen, allein Ihro Kaiserl. Majest. haben mir expré es anbefohlen, bei Verlust dero Gnade mich nicht hiewider zu setzen. Um die Convention zu (unter-) zeichnen hat so wohl der Kammerherr Buttler, Envoyé Kaiserling, auch der Advocat Hartmann, feierlich angerathen, hart contestirend dass es mir nicht prejudiciren könnte.

Nun, was diese Convention anbetrifft, so sollte fast glauben, dass es nicht viel sagen will; Denn ich kann keinem kein besseres Recht, es sei in Allem was es auch wäre, ertheilen, als er wirklich hat. Die commissorialischen Decisionen, so lange sie nicht vom Könige confirmirt, können ihren völligen Endzweck nicht erhalten, sobald wie aber eins oder das andere geschieht, so hat die Sache ihre Endschaft; und da diese Commissions-Verhängniss, einzig wegen der Halsstarrigkeit des Herzogs herrühren, der nicht compariren wollte, so glaube nicht dass ich es werde büssen müssen, sondern die Gnade des Königs wird hierin laut der Gerechtigkeit sorgen. So wenig wie meine Intention dahin gehet, im geringsten dem Lande in ihren Freiheiten

---

что знаетъ многое, теперь же онъ имѣетъ такъ же мало основательныхъ свѣдѣній какъ и я самъ. Изъ своей страны я также не могу ничего имѣть, такъ какъ они отговариваются отсутствіемъ архивовъ. Я приказалъ прибыть сюда фискалу, а также Гартману.

Я не хотѣлъ показывать въ теченіе 4-хъ дней установленную конвенцію, равно какъ не желалъ принять избранія, но ея императорское величество нарочно приказала мнѣ оное, и не противиться тому, грозя мнѣ утратою своей милости въ противномъ случаѣ. Для того, чтобы я подписалъ конвенцію каммергеръ Буттлеръ, посланникъ Кейзерлингъ, а также адвокатъ Гартманъ торжественно заявили и завѣряли, что въ этомъ не можетъ быть ничего предосудительнаго для меня.

Что же касается до этой конвенціи, то я право долженъ полагать, что она не много значитъ, ибо я не могу прибавить къ правамъ кого либо и въ чемъ бы то ни было болѣе того, чѣмъ онъ въ дѣйствительности уже пользуется. Постановленія коммиссіи не могутъ войти въ окончательную силу до тѣхъ поръ, пока не будутъ утверждены королемъ, но какъ скоро случится то или другое, то дѣло тѣмъ и окончится; и какъ это опредѣленіе коммиссіи проистекало единственно изъ за упрямства герцога, который не хотѣлъ ничего взять во вниманіе, то не думаю, что я долженъ буду терпѣть за это, но король по милости и справедливости позаботится объ этомъ. Такъ какъ мое намѣреніе отнюдь не клонится къ тому, чтобы какимъ либо

und Rechten auf keinerlei Art zu gefährden, so verspreche mich auch meines Theils I. K. M. Protection.

Ferner bitte Ew. Excellence mir in Zeiten wissen zu lassen, wie viel sie ohngefähr glauben, dass ich Geld nach Danzig remittiren sollte, bei ereignendem Fall, bei den H. Commissarien sich zu bedienen; denn ohne dises Mittel wird nicht allein die Sache lange trainirt werden, sondern alle Condition werden besser durchdringen; Ew. Excellence werden aber die Liebe haben und hierüber disponiren.

Ich wollte auch noch weiter erinnern, ob es bei der Commission nicht einzuleiten wäre, dass dieselbe den König anginge oder anrathe, dass ich die Investitur per Mandatariam könnte empfangen lassen.

Sonsten so muss auch Ew. Excellence melden, dass die Nachricht aus Curland einbekommen, wie die Revenüen worüber die Oberräthe zu disponiren haben, nicht so viel austragen sollen als den Officianten zu bezahlen, noch die angelegte Trauer wegen des Herzogs, welches auf Credit genommen ist. Die Herzogin nimmt die Revenüen vom Libauschen Zoll, vom Amte Rutzau und von den Gütern die der Oberhauptmann Offenberg hat. Der Libausche Zoll hat vor einem Jahr 60,000 fl. courant getragen.

Nach dem Archiv werde aus Curland wem von (d. h. irgend einen) Cava-

---

образомъ повредить въ чемъ либо странѣ своей въ ея льготахъ и правахъ, то я надѣюсь также съ своей стороны на покровительство его королевскаго величества.

Далѣе прошу ваше превосходительство заблаговременно дать мнѣ знать, сколько, полагаете вы, долженъ я переслать денегъ въ Данцигъ при настоящемъ случаѣ, дабы заслужить себѣ расположеніе господъ коммиссаровъ, если это окажется нужнымъ и удобнымъ, ибо безъ этихъ средствъ, не только дѣла будутъ долго тянуться, но и съ ними легче будетъ провести всѣ условія; ваше превосходительство будете имѣть милость распорядиться этимъ.

Я хотѣлъ также напомнить вамъ еще, нельзя ли внушить коммиссіи, чтобы она обратилась къ королю съ просьбою или ходатайствомъ, дабы я могъ получить инвеституру чрезъ повѣреннаго.

Я долженъ также сообщить вашему превосходительству о полученномъ извѣстіи изъ Курляндіи, что доходы, которыми распоряжаются верховные совѣтники простираются не болѣе какъ на столько, чтобы заплатить служащимъ, и за наложенный по случаю смерти герцога трауръ, который также взятъ былъ въ кредитъ. Герцогиня беретъ доходы съ либавской таможни, съ удѣла Руцау, и съ помѣстьевъ, которыя имѣлъ оберъ-гауптманъ Оффенбергъ. Либавская таможня принесла за одинъ годъ 60.000 флориновъ.

За архивомъ я пошлю кого нибудь изъ Курляндіи, (т. е. какого нибудь) кава-

lier und den Fiscal senden, und so mit einem hiesigen Pakettbot nach Libau bringen lassen, wenn es uns wird abgefolget werden.

Ich überlasse alle Sorge Ew. Excellence, wie Sie es angefangen haben, so bitte zu continuiren, und ich werde dagegen wieder vor Ihnen sorgen.

Weil Geld doch überall obsiegt, apart in Polen, so bitte Ew. Excellence bei der Commission nichts anzusehen.

Denn wie länger diese affaire trainirt wird, wie difficiler kann sie gemacht werden, wobei ich den grössten chagrin empfinde. Sie kennen mein Natürell, dass mir es auf etliche 1000 Ducaten nicht ankombt, und ich glaube, dass die Commissarien kein Gräuel vor selbigen nicht haben werden, gebräuchlicher Gewohnheit nach.

Man sagt mir dass die Könige von Polen allezeit den Herzögen von Curland «Durchlaucht» gegeben haben, ich habe aber ein, sonst sehr gnädiges Schreiben aus Fraustadt von Ihro Königl. Majest. erhalten, darinne bekomme ich nur Hochgeboren. Ew. Excellence melde es nur zu dero Notice; ich hoffe dass die Gnade Ihro Majest. mich nichts berauben werden, was meine Antecessores gehabt haben.

Den neuen fürstlichen Siegel erwarte mit Verlangen, damit ich an ausländische Höfe die gewöhnliche Notice ergehen kann lassen.

лера и фискала, и такимъ образомъ съ здѣшнимъ пакетботомъ доставлю архивъ въ Либаву, если онъ только будетъ отпущенъ намъ.

Представляю всѣ заботы вашему превосходительству; какъ вы начали, такъ прошу и продолжать, а я съ своей стороны буду заботиться о васъ.

Такъ какъ деньги всюду имѣютъ верхъ, а особенно въ Варшавѣ, то прошу ваше превосходительство, не смотрѣть на затраты для членовъ коммиссіи.

Ибо чѣмъ долѣе будетъ тянуться это дѣло, тѣмъ и встрѣтится болѣе затрудненій для его окончанія, для меня же будетъ оттого бóльшая печаль. Вы знаете мой нравъ, я не обращаю вниманіе на расходъ нѣсколькихъ 1000 дукатовъ, и я полагаю, что коммиссары не возъимѣютъ къ нимъ ужаса, согласно вкоренившемуся обычаю.

Мнѣ сказываютъ, что польскіе короли давали всегда герцогамъ Курляндіи титулъ «свѣтлость»; я же получилъ, впрочемъ, очень милостивое письмо отъ короля изъ Фрауштадта, гдѣ меня называютъ только «высокородіе». Я сообщаю это только къ свѣдѣнію вашего превосходительства; надѣюсь, что милость его величества не лишитъ меня ничего того, что имѣли мои предшественники.

Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю княжеской печати, чтобы я могъ послать къ иностраннымъ дворамъ обычныя извѣщенія.

Von unseren Armeen ist nichts Näheres eingekommen.
Womit verbleibe Ew. Excellence wahrer Freund und Diener

E. I. H. I. Curland.

Petterhof d. 26. Juli A. 1737.

N. B. Biron war bereits Herzog von Curland.

XIII.

Hochwollgebohrener H. Geheimer Rath.

So viel die eilige Retour des, gestrigen Tages angekommenen, Courriers erlaubt, hab nicht anstehen können in Kurzem zu melden, dass der Preussische Minister alles in der Welt versucht, umb einen neuen Tractat zu erhalten. Wie aber alle seine Vorstellungen nicht anschlagen wollen, hat er gesucht durch mein particuler Interesse was zu obtiniren; und hat mich von seinem Könige Hoffnung gemacht die *Brandenburgsche Forderung* auf solche Art zu betreiben, dass ich völlig content und zufrieden sein würde; ich möchte ihm aber assistiren in seiner Negoce. Mein Antwort war, dass ich diese meine affaire, könnte ich nicht mit dieser Reichsangelegenheiten combiniren;

Изъ нашей арміи не получено никакихъ подробностей. Пребываю, вашего превосходительства истинный другъ и слуга

Э. I. герцогъ [1]) Курляндіи.

Петергофъ, 26 Іюля 1737 года.

[1]) N. B. Биронъ былъ уже герцогомъ Курляндскимъ.

XIII.

Высокоблагородный господинъ тайный совѣтникъ!

Поспѣшное возвращеніе курьера, прибывшаго вчерашній день, позволяетъ мнѣ сообщить вкратцѣ вашему превосходительству лишь о томъ, что прусскій министръ прилагаетъ все возможное на свѣтѣ стараніе для полученія новаго трактата. Но какъ всѣ его представленія не удались, то онъ старался получить что либо, сообразуясь съ моимъ частнымъ интересомъ, и обнадеживалъ меня, отъ имени своего короля, повести дѣло о *Бранденбургскомъ требованіи* такимъ образомъ, что я буду совершенно доволенъ, но я долженъ буду содѣйствовать ему въ его переговорахъ. Мой отвѣтъ былъ таковъ: что я не могу соединять свое частное дѣло съ этими государственными дѣлами; на-

ich hoffte dass alle Creditores oder Pretendenten werden zufrieden sein mit der gerechten Decision Ihro Königl. Majest. als Oberrichter.

Hierauf hat er einige Zeit nichts weiter vorgetragen, am vorigen Sonnabend aber kam er zu mir und meldete, er hätte reiterirte Ordres von seinem Hofe erhalten, welches aber das äusserste Geheimniss erforderten. Ich überliess es seiner Willkühr. Worauf er denn ausbrach: der König sorgte vor Ihro Majest. unserer Kaiserin Interesse, so unermüdet wie vor sein eigenes; könnte also nicht umbhin Ihro Kais. Maj. durch mich vors erste vorstellen zu lassen; das die Gloire dieses Reiches hätte die grösste Stuffel (sic) erreicht. Schmertzlich würde es sein, wenn es sich auch mit kommenden Zeiten, nicht dabei menteniren sollte; weswegen denn umb der künftigen Succession zu sorgen wäre, auch zugleich dabei Ihro Majest. Zufriedenheit, dass hernach man nicht Ursach, das Geschehene zu bereuen. Ihro (Nichte) dieses ist ausgestrichen, und statt dessen) *Prinzessin*[1]), die hiezu ausersehen, müsste an solchem Prinzen vermählt werden, der nichts anders al einzig und allein, von dem Willen und Winken Ihro Kaiserl. Majest. dependirt. Bei allen ausländischen Prinzen, wird es sich nicht finden lassen, denn es wird an Intriguen nicht fehlen. Räth also wohlmeinend, dass Ihro Kaiserl

[1]) D. i. die Princessin Anna v. Meklenburg.

дѣюсь, что всѣ кредиторы или истцы будутъ довольны справедливымъ рѣшеніемъ его королевскаго величества, какъ верховнаго судьи.

Послѣ этого, нѣкоторое время онъ ничего не высказывалъ болѣе, но въ прошедшую субботу пришелъ ко мнѣ и сообщилъ, что получилъ вторичный приказъ отъ своего двора, требующій соблюденія крайней тайны; я предоставилъ это на его усмотрѣніе. На это онъ сказалъ: король заботится объ интересахъ ея величества нашей императрицы такъ же неусыпно, какъ о своихъ собственныхъ, слѣдовательно, принужденъ представить черезъ меня ея императорскому величеству, что слава ея государства достигла высшей степени. Прискорбно было бы, если бы оно не удержалось бы на этой высотѣ и на будущее время; почему должно заботиться о предстоящемъ престолонаслѣдіи, которое должно совершиться, согласно желаніямъ ея императорскаго величества, чтобы потомъ не имѣть причины раскаиваться въ совершонномъ. Ея племянница (это вычеркнуто и вмѣсто того написано) *принцесса*[1]), избранная для сего, должна сочетаться бракомъ съ такимъ принцемъ, который не иначе какъ исключительно и вполнѣ будетъ зависѣть отъ воли и желаній ея императорскаго величества. Изо всѣхъ иностранныхъ принцевъ не найдется ни одного, ибо небудетъ недостатка въ интригахъ. И такъ онъ съ доброжелательствомъ совѣтовалъ, чтобы ея им-

[1]) Т. е. принцесса Анна Мекленбургская.

Maj. auf *meinen Erbprinzen reflectiren möchten,* wo alle diese Besorgnisse hinwegfielen. Ging denn alles nicht nach Ihro Majest. Intention, so wäre doch die Prinzess ebenmässig wohl versorgt, indem nunmehro keine Prinzen vorhanden, die Land und Leute hätten. Ferner so könnte auch diesem Reiche eine grosse Avantage zuwachsen, indem Curland alsdann ein feudum von Russland werden könnte, weil es doch beständig von Polen incommodirt werden wird, wie auch die Religion zu Leiden kommt. Wie ich nun Alles von ihm vernommen, so hab gebräuchlich dem Könige vor seine gute Intention gedankt; gab aber zu erkennen dass ich nicht von das Eine noch das Andere profitiren könnte. Vors Erste stellte ihm vor, dass all mein Thun nichts anderes zum Augenmerk gehabt, als einzig und allein das Interesse Ihro Kaiserl. Majest. welches selbige auch erkannt; sobald aber wie ich hierin entriren wollte, so fiel es weg, und andere Raisons mehres. Das zweite, mich von Polen abzureissen, wäre wider mein honneur und Gewissen. Ich habe einmal Ihro K. M. von Polen und der Respublick die Treue versprochen, selbiges werde ich sowohl als meine Nachkommen halten. Ich wäre völlig anitzo auseinander mit der Respublick; nach Maasgebung meiner getroffenen Convention ich bin feste persuadirt, dass man mich nichts obtrudiren wird.

Nun werden Sie leicht urtheilen können, wohin dieser Versuch gegan-

---

ператорское величество *соизволила подумать при томъ о моемъ наслѣдномъ принцѣ,* а этимъ отстраняются всѣ опасенія. Ибо если все пойдетъ хотя и не вполнѣ согласно намѣренію ея величества, то принцесса все таки была бы хорошо пристроена, потому что теперь не находится принцевъ, которые имѣли бы государства и людей. Далѣе россійское государство могло бы получить большія выгоды, потому что Курляндія сдѣлалась бы въ послѣдствіи удѣломъ ея; иначе она все таки будетъ постоянно тревожима Польшею, равно какъ и религія ея будетъ терпѣть притѣсненія. Послѣ того, какъ все услышалъ отъ него, я по обычаю просилъ благодарить короля за его доброе намѣреніе, но притомъ далъ замѣтить, что не могу воспользоваться ни тѣмъ ни другимъ. На первое я представилъ ему, что всѣ мои поступки не имѣли другой цѣли, какъ единственно и исключительно интересъ ея императорскаго величества, что она сама также признаетъ; но какъ скоро я пожелаю участвовать въ помянутомъ (дѣлѣ), то все измѣнится, и прибавилъ къ сему другіе доводы, на второе, — отторгнуться отъ Польши было бы противъ моей чести и совѣсти. Я однажды присягалъ въ вѣрности его величеству королю Польскому и респубдикѣ, и сохраню клятву, равно какъ и мои потомки. Теперь я вполнѣ покончилъ дѣла съ республикою; смотря по мѣрѣ установленной мною конвенціи, я твердо убѣжденъ, что мнѣ ничего новаго не навяжутъ.

Теперь вы легко можете судить, куда клонились эти попытки; и такъ сообщаю

gen; melde also Ew. Excellence, wenn was von hier alldort oder in Polen sollte debitirt werden, dass Sie hierauf umbständlich repliciren können. Es ist arg und Gottlos. Nur sein Fuchs soll meine Gans nicht beissen, womit bin dero Freund und Diener

E. Johann H. I. C.

D. 29. December. A. 1737.

все это вашему превосходительству, чтобы въ случаѣ разпространенія отсюда какихъ либо слуховъ тамъ (въ Курляндіи) или въ Польшѣ, вы могли бы обстоятельно возражать на нихъ. Все это злобно и безбожно. Но только его лиса не схватитъ моего гуся. Пребываю вашъ другъ и слуга

Э. I. герцогъ Курляндіи.

29 Декабря 1737 года.

LETTRES DE DIDEROT A L'IMPÉRATRICE CATHERINE II*).

I.

Madame. Vous m'avez défendu les adieux. Il faut se conformer à vos ordres, et vous épargner le spectacle d'une grande peine. Oui, madame, d'une grande peine; car une chose que je puis assurer à Votre Maj., parce que je la sens, c'est que je ne me suis point arraché du sein de ma famille, pour venir lui présenter ma reconnaissance et mon hommage, avec plus de

*) C'est en se préparant à quitter St.-Pétersbourg au mois de février 1774 que Diderot entra en correspondance avec l'Impératrice. Les lettres que Catherine II lui adressa n'ont pas été retrouvées jusqu'à présent; quant à celles de Diderot, nos archives d'état en conservent sept, que nous reproduisons ici d'après des copies tirées sur les originaux autographes.

J. Grot.

ПИСЬМА ДИДРО КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II*).

I.

Государыня. Вы запретили мнѣ проститься съ Вами. Надо сообразоваться съ Вашею волей и избавить Васъ отъ зрѣлища великой скорби, да великой скорби, ибо я въ одномъ могу увѣрить Ваше Величество, такъ глубоко я это чувствую, что не легче было мнѣ, когда я разставался съ своей семьей, отъѣзжая для выраженія Вамъ моего благо-

*) По случаю отъѣзда Дидро изъ Петербурга въ февралѣ 1774 года начинается его переписка съ Императрицей; но ея письма къ нему до сихъ поръ нигдѣ не найдены; изъ его же писемъ къ Екатеринѣ II сохранилось въ Государственномъ Архивѣ семь, которыя и помѣщаются здѣсь по изготовленнымъ съ подлинниковъ копіямъ. Я Гротъ.

douleur que je n'en éprouve à m'éloigner d'elle. Non, jamais des parents et des amis n'ont obtenu et n'obtiendront une marque plus forte d'attachement et de tendresse que celle que je donne aux miens, en retournant à eux.

Je m'en retourne comblé des bontés de votre Maj. et rempli d'admiration pour ses rares qualités. Combien je serais vain de l'accueil dont elle m'a honoré si je ne le rapportais tout entier à ce caractère d'indulgence propre à la divinité, qui juge moins les hommes sur ce qu'ils sont que sur ce qu'ils voudraient être, et devant laquelle les vertus du coeur sont aussi précieuses que les dons du génie.

Toute ma vie, je me féliciterai du voyage de Pétersbourg. Toute ma vie, je me rappellerai ces moments où Votre Maj. oubliait la distance infinie qui me séparait d'elle, et ne dédaignait pas de s'abaisser jusqu' à moi pour me dérober ma petitesse. Je brûle du désir d'en entretenir mes compatriotes; et ce plaisir dont je jouis par anticipation tempère un peu l'amertume de ce moment pour me consoler. Je me dis: «si tu cesses de voir la grande souveraine, tu auras du moins la satisfaction d'en parler souvent», et il me semble en effet que je souffre moins.

Mais après avoir parlé de vous, Madame, Votre Maj., qui est la justice même, ne me pardonnerait pas de garder le silence sur les politesses sans nombre que j'ai reçues de presque tous les seigneurs de sa cour. Lors-

---

говѣнія и признательности, чѣмъ теперь, когда я удаляюсь отъ Васъ. Нѣтъ, никогда нельзя дать роднымъ и друзьямъ, болѣе сильнаго доказательства привязанности и нѣжности, какъ я теперь даю своимъ, возвращаясь къ нимъ.

Я возвращаюсь, осыпанный милостями Вашего Величества, и уношу съ собою удивленіе, внушенное Вашими рѣдкими качествами. Какъ бы я тщеславился пріемомъ, которымъ Вы меня почтили, еслибъ я не приписывалъ его вполнѣ особенной снисходительности, сродной божеству, которое менѣе судитъ людей по тому что они есть, нежели по тому чѣмъ они стремятся быть, и передъ которымъ добродѣтели сердца такъ же драгоцѣнны, какъ и дары генія.

Всю жизнь буду я почитать себя счастливымъ что совершилъ путешествіе въ Петербургъ. Всю жизнь буду я помнить тѣ минуты, когда Ваше Величество забывали неизмѣримое разстояніе насъ раздѣлявшее и не пренебрегали снизойти ко мнѣ, чтобъ скрыть отъ меня самого мое ничтожество. Я горю желаніемъ сообщить это своимъ соотечественникамъ; и то удовольствіе, которое я уже предвкушаю, нѣсколько услаждаетъ горечь настоящей минуты и утѣшаетъ меня. Я говорю себѣ: если ты перестанешь видѣть великую монархиню, ты по крайней мѣрѣ будешь имѣть удовольствіе часто говорить о ней, — и тогда мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что я менѣе страдаю.

Но послѣ рѣчи о Васъ,—Ваше Величество, какъ олицетвореніе справедливости, не простили бы мнѣ, еслибъ я умолчалъ о безчисленныхъ любезностяхъ, оказанныхъ мнѣ

qu'on m'aura entendu, peut-être soupçonnera-t-on que celui qui, de retour dans ses foyers, médit de cette contrée n'avait aucune des vertus qui pouvaient le recommander à vos sujets. Pour moi, j'avoue que l'on m'a rendu, partout où je me suis montré, fort au-delà du peu que je valais; et s'il m'arrive de changer de discours, je consens d'être rangé dans la dernière classe des ingrats.

Je réitère à Votre Maj. mes voeux les plus ardents pour sa santé et pour sa prospérité: puisse-t-elle n'aller causer avec son ami César qu'à l'âge de quatre-vingts ans, comme elle me l'a promis; elle a d'autant moins de raison de se presser que César ne lui apprendra rien.

Je ne demande pour elle au destin qu'un peu d'équité. S'il m'exauce, l'histoire, qui ne nous offre dans le passé aucune femme aussi surprenante que Catherine, n'offrira à nos neveux l'exemple d'aucune souveraine plus heureuse qu'elle.

Madame, ne vous y trompez pas: vous valez infiniment mieux que votre héros. Vous avez tout son génie, et lui n'a rien de votre bonté. La postérité, qui parlera de tous deux, vous admirera et vous louera sans restriction; et son éloge est dès à présent accompagné et flétri d'une longue suite de mais.

Si l'on savait en quel endroit réside la couvée des Frédérics, l'homme

---

почти всѣми вельможами Вашего Двора. Когда меня услышатъ, то можетъ-быть заподозрятъ, что тотъ кто, вернувшись къ себѣ, худо говоритъ объ этой странѣ, самъ не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ достоинствъ, которыя могли бы дать ему право на вниманіе Вашихъ подданныхъ. Что касается до меня, то признаюсь, что вездѣ, гдѣ я ни показывался, мнѣ воздавали гораздо болѣе, чѣмъ заслуживало мое скромное достоинство, и если я когда-нибудь заговорю инымъ языкомъ, то согласенъ, чтобъ меня поставили въ послѣдній разрядъ неблагодарныхъ.

Возобновляю Вашему Величеству самыя горячія пожеланія здравія и благоденствія. О, когда бы Вы не ранѣе осьмидесяти лѣтъ удалились бесѣдовать съ другомъ Вашимъ Кесаремъ, какъ сами Вы мнѣ обѣщали! Вамъ тѣмъ менѣе причины торопиться, что Кесарь ничему не научитъ Васъ.

Молю судьбу, чтобъ она оказала Вамъ хоть нѣкоторую справедливость. Если я буду услышанъ, то исторія, которая не представляетъ намъ въ прошедшемъ женщины болѣе изумительной, чѣмъ Екатерина, врядъ ли представитъ внукамъ нашимъ примѣръ государыни болѣе ея счастливой.

Не заблуждайтесь, Ваше Величество: Вы несравненно превосходите достоинствомъ своего героя. Вы обладаете вполнѣ его геніемъ; а у него нѣтъ ни капли Вашей доброты. Потомство, говоря о васъ обоихъ, будетъ удивляться Вамъ и хвалить Васъ безъ всякихъ ограниченій, а похвалы ему уже теперь сопровождаются и умаляются длиннымъ рядомъ *но*.

Еслибъ можно было знать, въ какомъ мѣстѣ обрѣтается гнѣздо Фридриховъ,

de bien en irait casser tous les oeufs, et il se presserait de faire éclore les Catherines.

J'avais l'espérance de revoir Votre Maj. dans cinq ou six ans au plus tard; mais cet honnête homme qui, entre mille excellentes qualités, a le défaut, si c'en est un, d'osciller sans cesse entre le oui et le non, n'y consent pas, et nous lui devrions tous les deux un remerciement: Votre Maj, dont il refuse un présent de quarante mille roubles; moi, à qui il restitue l'offre d'un travail de douze ans. L'Encyclopédie ne se refera pas, et ma belle dédicace restera dans ma tête; car quelle apparence que votre Sphinx [1]) et moi, n'ayant pu nous arranger en cinq mois de temps, l'un à côté de l'autre, nous nous arrangions mieux à la distance de huit-cents lieues?

J'en dis ce mot à Votre Maj., à qui je ne veux pas laisser le moindre soupçon défavorable. J'ai senti toute l'étendue de ma promesse. Je la sens, et je persiste. Ma pyramide, qui est tout à fait sur le côté, se relèvera au moindre signe de Votre Maj.

Je passerai trois mois à la Haye auprès du prince Dimitri [2]), votre ministre et mon ami. Ces trois mois seront employés à publier les règlements de ce grand nombre d'établissements dont la création sera aussi honorable à votre règne que la durée en serait utile à tout votre empire.

[1]) Betski. [2]) Golitsine.

всякій честный человѣкъ охотно пошелъ бы туда, разбилъ бы всѣ яица и поспѣшилъ бы развести Екатеринъ.

Я имѣлъ надежду увидѣться съ Вашимъ Величествомъ не позже какъ черезъ пять или шесть лѣтъ, но тотъ честный человѣкъ, который, среди тысячи прекрасныхъ свойствъ, страдаетъ недостаткомъ безпрерывно колебаться между да и нѣтъ, не соглашается на это, и мы оба обязаны ему благодарностью: Ваше Величество — за отказъ отъ подарка въ сорокъ тысячъ; я — за то что онъ возвращаетъ мнѣ предложеніе двѣнадцатилѣтняго труда. Энциклопедія не передѣлается, и мое прекрасное посвященіе останется въ моей головѣ, ибо есть ли возможность чтобы Вашъ Сфинксъ [1]) и я, не сговорившись ни въ чемъ въ теченіе пятимѣсячнаго срока пребыванія бокъ о бокъ, сговорились бы лучше на разстояніи восьмисотъ лье?

Я говорю это слово Вашему Величеству, не желая чтобъ осталось малѣйшее неблагопріятное предположеніе. Я чувствую все значеніе своего обѣщанія. Чувствую его и упорствую. Пирамида моя, лежащая совсѣмъ на боку, поднимется при малѣйшемъ знакѣ Вашего Величества.

Я проживу три мѣсяца въ Гагѣ близь князя Димитрія [2]), Вашего министра и моего друга. Эти три мѣсяца употреблю я на напечатаніе уставовъ того множества заведеній, которыхъ созданіе будетъ такъ же достославно для Вашего царствованія, какъ существованіе ихъ будетъ полезно всей Вашей имперіи.

[1]) Бецкій. [2]) Кн. Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ.

Votre Maj. ne me chargera-t-elle de lui représenter que le prince Dimitri est un de ses sujets les plus zélés et de ses plus fidèles serviteurs; qu'il n'a pas une goutte de sang dans les veines qu'il ne répandît volontiers pour son service; qu'il lui a donné en toute circonstance les marques les moins équivoques de son entier dévouement; qu'il est actif, intelligent, laborieux et honnête; qu'il a des enfants et qu'il n'est pas riche, et qu'il espère de sa bienveillance qu'elle le mettra au niveau des autres ministres, et de mon amitié que j'oserai l'en solliciter.

Madame, et mon pauvre Narichkine? Et cette dette que Votre Maj. m'a si positivement promis d'acquitter?

Et puis je demande mille pardons à Votre Maj. de l'opiniâtreté inouie avec laquelle je lui ai fait éprouver, depuis que je suis à Pétersbourg, les inconvénients de la bonté.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Maj. Imp. le très humble et le plus devoué serviteur Diderot.

à St. Pétersb. 22 (11) février 1774.

Ваше Величество не поручите ли мнѣ представить Вамъ, что князь Дмитрій одинъ изъ самыхъ ревностныхъ Вашихъ подданныхъ и одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ Вашихъ слугъ; что каждую каплю крови въ жилахъ своихъ онъ охотно прольетъ за службу Вашему Величеству; что при каждомъ случаѣ онъ давалъ самыя несомнѣнныя доказательства полнѣйшей преданности; что онъ дѣятеленъ, уменъ, трудолюбивъ и честенъ; что у него есть дѣти, что онъ не богатъ и уповаетъ на благоволеніе государыни, которая уравняетъ его съ другими министрами, а отъ моей дружбы ожидаетъ что я осмѣлюсь ходатайствовать объ этомъ.

Государыня, а бѣдный мой Нарышкинъ? а долгъ, который Ваше Величество такъ положительно обѣщали уплатить?

И затѣмъ тысячу разъ прошу прощенія у Вашего Величества, что я такъ упорно давалъ Вамъ испытывать въ Петербургѣ всѣ неудобства, соединенныя съ благостію.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю честь быть Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою Дидро.

С.-Петербургъ, (22) 11 февраля 1774 г.

II.

Madame. Je souhaite que tout réussisse aussi parfaitement à Votre Maj. Imp. que le soin qu'elle n'a pas dédaigné de prendre pour le succès de notre voyage. Partis de St. Pétersbourg le cinq du mois de mars, au soir, nous sommes arrivés à la Haye le cinq du mois d'avril, au matin. Nous avons eu le temps le plus favorable, les plus beaux chemins, et nous jouissons de la meilleure santé. Nous n'aurions pas arrangé la saison autrement qu'elle s'est arrangée d'elle-même, quand elle aurait été soumise à nos ordres. Un froid très vif et des neiges très abondantes jusqu'à Riga. De Riga jusqu'ici des nuits sévères et des journées plutôt d'été que de printemps; et ce dont je remercierais presqu'aussi volontiers la Providence, si elle se souciait un peu de nos remerciements, assez de ces événements fâcheux qui font les beaux règnes et les voyages intéressants, comme des trous où l'on tombe et où l'on est menacé de passer la nuit; des hôtes maussades, de mauvais gîtes, des voitures fracassées; de temps en temps de ces pas dangereux où l'on apprend à se connaître soi-même, et où l'on peut montrer une âme grande et forte, quand on l'a reçue de la nature. Il est si doux d'en être sorti; on s'en souvient avec tant de plaisir; on en parle si longtemps et avec tant de satisfaction, qu'à regarder les choses de près, les moments périlleux de notre

---

II.

Государыня. Я желалъ бы, чтобы все такъ же удавалось Вашему Императорскому Величеству, какъ хлопоты объ успѣхѣ нашего путешествія, которыя Вы соблаговолили взять на себя. Выѣхавъ изъ Петербурга 5-го марта вечеромъ, мы прибыли въ Гагу 5-го апрѣля утромъ. Погода была самая благопріятная, дороги великолѣпныя и мы находимся въ наилучшемъ здравіи. По нашему заказу время года не могло бы быть лучше, чѣмъ это устроилось само собой. Сильный холодъ и обильный снѣгъ до Риги. Отъ Риги досюда ночи суровыя, а дни скорѣй лѣтніе чѣмъ весенніе; главное же, за что бы я почти такъ же охотно благодарилъ Провидѣніе, еслибъ оно нуждалось въ нашей благодарности, — довольно было такихъ непріятныхъ событій, безъ которыхъ не обходятся прекрасныя царствованія и интересныя путешествія, каковы напримѣръ: ямы, куда случается провалиться съ опасностью провести тамъ ночь, ворчливые хозяева, плохіе ночлеги, сломанные экипажи; время отъ времени критическіе случаи, въ которыхъ познаёшь самого себя и имѣешь возможность выказать возвышенность и силу души, если она дана природой. Такъ пріятно чувствовать все это за спиной; вспоминаешь объ этомъ съ такимъ удовольствіемъ, пересказываешь столько разъ и съ такимъ наслажденіемъ, что выходитъ на повѣрку будто всего менѣе захотѣлось бы вычеркнуть изъ жизни самыя опасныя ея минуты.

vie ne sont presque jamais ceux que nous en voudrions effacer. Je suis bien sûr d'écrire ici l'histoire de l'âme de Votre Majesté. C'est l'aventure de Miltinkruck qui m'a valu l'admiration de monsieur Bala. Il s'est bien promis d'entretenir Votre Majesté Imp. de l'héroïsme que je montrai au moment de la rupture de cette belle et commode voiture que vous aviez ordonnée, et au passage à jamais mémorable de la Dwina, moment où la voix harmonieuse du poète se mêla au fracas de la glace à demi-fondue qui s'entrouvrait sous ses pas. J'ai moi-même chanté ce moment; et voici mon chant:

O toi dont le cri poétique,
perçant la profondeur des flots,
dans les gouffres de la Baltique
arracha Neptune au repos,
Muse, d'une gloire immortelle
si ce grand jour te couronna,
viens, un nouveau laurier t'appelle
au trajet de la Dwina.
Mais ce ton pompeux t'en impose;
eh bien, Muse, plus simplement
daigne me dicter seulement

Я увѣренъ въ томъ, что пишу тутъ исторію души Вашего Императорскаго Величества. Именно приключеніе въ Мильтинкрукѣ снискало мнѣ удивленіе со стороны г. Бала́. Онъ собирался непремѣнно занять Ваше Величество разсказомъ о героизмѣ, выказанномъ мною въ ту минуту, какъ сломалась прекрасная и удобная карета, которую Вы благоволили для меня заказать. Это было при незабвенномъ для меня переѣздѣ черезъ Двину, въ ту самую минуту, когда гармоническій голосъ поэта смѣшался съ трескомъ почти растаявшаго льда, разверзавшагося подъ нимъ. Я самъ воспѣлъ эту минуту, и вотъ моя пѣснь:

О ты, чей гласъ поэтическій,
проникая въ глубь волнъ,
въ пучинахъ водъ Балтійскихъ
нарушилъ покой Нептуна,
Муза, если безсмертной славой
великій день сей тебя вѣнчалъ:
приди, новые лавры тебя призываютъ
къ переправѣ черезъ Двину.
Но торжественный тонъ тебя устрашаетъ;
итакъ, Муза, попроще
соблаговоли мнѣ шепнуть

quelques vers qui peignent la chose,
mais si bien, mais si fortement
que l'amitié frissonne pour ma vie;
que de ses bras je me sente pressé,
et qu'en m'écoutant, elle oublie
qu'il s'agit d'un péril passé.

J'allais continuer, mais je me suis rappelé que Votre Majesté n'aimait pas les vers, à moins qu'ils ne fussent de Racine ou de Voltaire; et qui est-ce qui en sait faire comme cela? Je préviens Votre Maj. Imp. que le secret en est perdu en France.

J'ai mille remerciements à faire à Votre Maj. du conducteur qu'elle a bien voulu me choisir. C'est un très galant homme, très aimable, très indulgent et très instruit, avec lequel on peut causer histoire, politique, gouvernement, lois, póesie, comme nous avons fait, et puis beaucoup d'amour et un peu de religion. Il est jeune, et je ne le suis plus, aussi j'en étais réduit à payer ses folies d'hier en vieille monnaie. Il me disait hier: le chemin m'a paru si court que j'ai toute la peine du monde à me persuader que nous soyons arrivés. Là-dessus Votre Maj. Imp. jugera que monsieur Bala n'est pas homme à se lasser promptement d'avoir des attentions et qu'il ne lui en a pas beaucoup coûté pour pardonner au vieil en-

---

нѣсколько стиховъ рисующихъ событіе,
но такъ хорошо, такъ сильно,
чтобъ дружба затрепетала за жизнь мою;
чтобъ я почувствовалъ ея объятія
и чтобъ, слушая меня, она забыла
что рѣчь идетъ объ опасности уже миновавшей.

Я только что хотѣлъ продолжать, но вспомнилъ, что Ваше Величество не любите стиховъ, если они не написаны Расиномъ или Вольтеромъ; а кто же сумѣетъ такъ написать? Предупреждаю Ваше Императорское Величество, что тайна ихъ потеряна во Франціи.

Я тысячу разъ благодарю Ваше Величество за проводника, котораго Вы соизволили мнѣ избрать. Это очень образованный человѣкъ, весьма любезный, снисходительный и съ большими познаніями, съ которымъ можно говорить объ исторіи, политикѣ, правительствѣ, законахъ, поэзіи, чтó мы и дѣлали; много также о любви и немножко о религіи. Онъ молодъ, а я нѣтъ, и потому принужденъ былъ платить за его вчерашнія шалости старой монетой. Онъ говорилъ мнѣ вчера: мнѣ дорога показалась такъ коротка, что какъ-то не вѣрится будто мы ужъ пріѣхали. Поэтому Ваше Императорское Величество можете судить, что г. Бала не принадлежитъ къ числу людей, которые скоро утомляются отъ постояннаго вниманія, и что ему не трудно

fant sa pétulance. Mr. Bala est peut-être un ami solide que je devrai à Votre Majesté. Je serais très flatté qu'il lui parlât de moi, comme je pense et lui parle de lui.

Chemin faisant, j'ai perdu mon Horace et ma verve; c'est, je crois, dans la Courlande; sans cet accident, Votre Maj. aurait pardonné à mes mauvais vers, en faveur de la morale charmante de l'ami du mieux et du plus dangereux courtisan d'Auguste; et elle aurait eu en entier la pièce dont voici le commencement:

J'ai fait des voeux aussi, mais ils étaient bornés,
un jardin, un ruisseau, quelques champs terminés
par un bout de forêt, et mon âme remplie
cédait avec dédain le reste à la folie.
Les dieux m'ont exaucé. Catherine et les dieux
m'accordèrent un jour ces biens et beaucoup mieux.
S'il arrive, ô Destin, que ma voix t'importune,
C'est pour me conserver ma petite fortune.
Laisse-moi ce que j'ai. C'est assez si j'ai vu
Le dernier de décembre à mon dernier écu.

Les moments où monsieur Bala dormait, ont fait éclore beaucoup

---

было простить старому ребенку его рѣзвость. Г. Бала можетъ-быть навсегда сдѣлается для меня другомъ, которымъ я буду обязанъ Вашему Величеству. Очень буду польщенъ, если онъ будетъ говорить Вамъ обо мнѣ, какъ я теперь думаю и говорю о немъ.

По дорогѣ я потерялъ, кажется въ Курляндіи, своего Горація и свой лирическій жаръ; если бы не это приключеніе, то Ваше Величество простили бы мнѣ дурные стихи ради прелестной морали того, кто былъ другомъ *лучшаго* и самымъ опаснымъ царедворцемъ Августэ, и Вы получили бы въ цѣлости пьесу, которой начало слѣдуетъ:

И я въ душѣ питалъ желанья, но они были умѣренны:
Садъ, ручеекъ, поля, кончавшіяся
клочкомъ лѣса, и удовлетворенная душа
съ презрѣньемъ уступала остальное — глупости.
Боги меня услышали. Екатерина и боги
однажды даровали мнѣ эти блага и еще лучшія.
Если случится, о Судьба, что гласъ мой тебя обезпокоитъ,
То причина тому — желаніе сохранить свое маленькое состояніе.
Оставь мнѣ то, что я имѣю. Довольно
если я въ послѣдній день декабря увижу свой послѣдній экю.

Минуты, когда г. Бала спалъ, вызвали на свѣтъ много другихъ мелочей,

d'autres bagatelles que je n'ai garde d'envoyer à Votre Maj. Imp. Je suis sûr qu'elle ne me pardonnerait jamais le parallèle de César et de Frédéric.

J'attends avec impatience notre bagage que nous avons envoyé à Amsterdam par le chariot de poste, pour me livrer sérieusement à l'édition des Règlements de ces sages établissements dont la durée changera nécessairement la face de l'empire en préparant aux époux des moitiés, et aux femmes des maris qui sentiront les avantages de la bonne éducation qu'ils auront reçue et qui désireront que leurs enfants soient élevés comme eux.

Sorti de cette occupation, je tâcherai de satisfaire de mon mieux aux différentes commissions dont votre Maj. Imp. m'a honoré.

Au moment ou j'allais fermer ma lettre, j'en reçois une du docteur Clerc, qui me ferait presqu' espérer le bonheur que je désirais, de consacrer à Votre Maj. Imp. le reste de ma vie, en préparant une nouvelle édition de l'Encyclopédie; ainsi soit-il.

Je suis encore à trois mois de ma patrie, et c'est un long intervalle pour un homme qu'on accablera de questions, auxquelles il aura tant de plaisir à répondre. Eh bien, vous avez donc eu l'honneur d'aprocher Sa Maj. Imp? . . Très assurément . . . De la voir beaucoup? . . . Beaucoup . . . C'est une grande souveraine? . . . Très grande . . . Et la figure? et l'esprit? et l'âme? et le caractère? . . . Jugez, Madame, jusqu'où ce texte me

---

которыя я не рѣшаюсь послать Вашему Императорскому Величеству. Я увѣренъ, что Вы никогда не простили бы мнѣ сравненіе между Кесаремъ и Фридрихомъ.

Съ нетерпѣніемъ жду нашего багажа, посланнаго въ Амстердамъ съ почтовой повозкой, чтобы серьезно заняться изданіемъ регламентовъ тѣхъ мудрыхъ учрежденій, существованіе которыхъ неминуемо измѣнитъ многое въ государствѣ, приготовляя супругамъ достойныхъ подругъ, а женамъ мужей; послѣдніе, почувствовавъ преимущества полученнаго ими хорошаго воспитанія, захотятъ чтобы и дѣти ихъ были такъ же образованы, какъ они.

Окончивъ этотъ трудъ, я постараюсь исполнить какъ можно лучше порученія, которыми Ваше Императорское Величество меня почтили.

Въ ту минуту, какъ я собирался запечатать мое посланіе, мнѣ принесли письмо отъ доктора Клерка, почти позволяющее мнѣ надѣяться на счастье, о которомъ я мечталъ, счастье — посвятить Вашему Императорскому Величеству остатокъ моей жизни, занявшись изготовленіемъ новаго изданія Энциклопедіи. Аминь.

Мнѣ осталось еще три мѣсяца до возвращенія на родину; это долгій промежутокъ времени для человѣка, ожидающаго, что его засыплютъ вопросами, на которые ему такъ пріятно будетъ отвѣчать. Итакъ, вы имѣли честь быть близкими къ Ея Императорскому Величеству? . . . . Совершенно вѣрно . . . . И часто ее видѣли? . . . Часто . . . Это великая монархиня? . . . Весьма великая . . . А лицо? а умъ? а душа, а характеръ? . . . Посудите сами, Государыня, до чего бы меня довелъ

mènera. Ah, si je pouvais me rappeler tout ce que la présence de Votre Majesté m'a fait sentir! Mais je ferai de mon mieux; pour les émerveiller il ne s'agit que d'être vrai, et j'en ai l'habitude.

J'oubliais de dire à Votre Majesté que j'ai été un peu piqué que mon compagnon de voyage vous connût aussi bien que moi, et parlât de vous avec la même chaleur; c'est un déplaisir que j'aurai souvent et auquel je ne me ferai jamais. Toute ma vie, je serai jaloux de celui qui aura la prétention de parler de vous mieux que moi.

Je me prosterne d'ici vers le nord; je réitère à votre Maj. Imp. mon action de grâce de toutes ses bontés; et je mouille encore sa main de mes larmes.

Je suis avec le respect le plus profond de Votre Majesté Imp. le plus humble et le plus devoué serviteur Diderot.

à la Haye, ce 8 avril 1774.

Votre Maj. Imp. aurait-elle la bonté d'ordonner à Grimm de me dire un mot de sa santé?

подобный разговоръ. Ахъ, если бы я могъ вспомнить все то, что Ваше присутствіе заставило меня перечувствовать! Постараюсь, какъ сумѣю, удивить ихъ; слѣдуетъ только быть правдивымъ, а я къ этому привыкъ.

Я забылъ сказать Вашему Императорскому Величеству, что мнѣ было не совсѣмъ пріятно, что мой спутникъ знаетъ Васъ такъ же хорошо какъ я, и говоритъ о Васъ съ тѣмъ же жаромъ; эту непріятность я буду часто испытывать, но не привыкну къ ней никогда. Всю жизнь я буду ревновать Васъ къ тому, кто будетъ имѣть притязаніе говорить о Васъ лучше меня.

Я преклоняюсь отсюда по направленію къ сѣверу; возобновляю Вашему Императорскому Величеству свою усерднѣйшую признательность за всѣ Ваши щедрѡты и еще разъ орошаю Вашу руку слезами.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Дидро.

Гага, 8-го апрѣля 1774 г.

Не будете ли Ваше Императорское Величество столь милостивы, не прикажете ли Гримму дать мнѣ вѣсточку о Вашемъ здоровьи?

III.

Madame. Quelle paix! Quelle glorieuse paix! Vous l'avez faite telle que l'âme fière de Votre Majesté la voulait, la pointe de l'épée sur la gorge d'un ennemi réduit à accepter ou vos conditions, ou son entière défaite. Le meilleur de vos sujets, le plus zélé pour votre gloire ne s'en réjouit pas plus sincèrement que moi. Je m'en réjouis comme homme, comme philosophe et comme Russe, car je le suis devenu par l'ingratitude de mon pays et par vos bontés. Ce n'est point au moment où cette nouvelle allongeait les physionomies de quelques ministres, que j'aurais désiré d'être présent à votre cour; c'est lorsque Mr. le prince Repnine est arrivé, précédé de ses courriers et de ses cors; c'est lorsque Mr. le maréchal Roumiantsof arrivera; c'est au milieu des fêtes et des acclamations de vos sujets, que je regrette d'être absent. Voilà, Madame, une grande époque dans votre règne. Vous en serez plus redoutable à vos voisins, plus importante dans l'Europe, et plus auguste aux yeux de vos sujets. Les victoires en imposent au-dedans et au-dehors. Il semble que ce soit le caractère de ces grandes destinées sous lesquelles le ciel nous avertit de plier. Sans compter qu'il se mêle de la reconnaissance pour un souverain qui nous illustre. On peut être malheureux sous un prince guerrier; mais on est fier.

III.

Государыня. Какой миръ! какой славный миръ! Вы сдѣлали его такимъ, какимъ хотѣла Ваша гордая душа, приставивъ конецъ шпаги къ горлу врага, вынужденнаго принять либо Ваши условія, либо свое совершенное пораженіе. Самый лучшій изъ Вашихъ подданныхъ, самый ревностный къ Вашей славѣ не радуется этому искреннѣе меня. Я радуюсь какъ человѣкъ, какъ философъ и какъ Русскій, потому что я сталъ такимъ по неблагодарности своей страны и по Вашему милосердію. Не въ то время желалъ бы я присутствовать при Дворѣ Вашемъ, когда при этомъ извѣстіи вытянулись лица нѣкоторыхъ министровъ[1]); но тогда, когда прибылъ князь Репнинъ, предшествуемый своими курьерами и трубачами, тогда когда прибудетъ князь Румянцовъ; среди празднествъ и восклицаній Вашихъ подданныхъ: вотъ когда меня къ сожалѣнію не будетъ. Это, Государыня, великая эпоха Вашего царствованія. Вы будете теперь страшнѣе для сосѣдей, значительнѣе въ Европѣ и достойнѣе благоговѣнія Вашихъ подданныхъ. Побѣды внушаютъ уваженіе и у себя и внѣ страны. Кажется, онѣ составляютъ принадлежность великихъ избранниковъ, передъ которыми Небо заставляетъ насъ преклоняться. Не говорю ужъ о томъ, что къ этому всегда примѣшивается признательность къ монархамъ, насъ прославляющимъ. Можно быть несчастнымъ при государѣ воинственномъ, но зато гордишься имъ.

---

[1]) т. е. иностранныхъ посланниковъ.

Je fais des voeux pour que Votre Majesté s'occupe plus de la durée de la paix que de tout autre avantage. Il est temps que Votre Majesté achève de se couvrir d'une gloire qui émane d'elle seule et qu'elle ne doit qu'à son génie. Le sang de mille ennemis ne peut lui rendre la valeur d'une goutte de sang russe. Les triomphes réitérés font sans doute les règnes brillants. Mais les font-ils heureux? Grâce aux progrès de la raison, c'est à d'autres vertus que celles des Alexandres et des Césars que notre admiration est réservée. On a trouvé qu'il était plus glorieux et plus doux de faire des hommes que d'en tuer. Votre Majesté Impériale me permettra-t-elle de lui représenter que les bons réformateurs, toujours rares, le sont particulièrement dans les contrées où ils sont le plus nécessaires et que les hommes capables de changer en bien la face des empires ne se montrent qu'à de longs intervalles.

Catherine Seconde est venue après Pierre Premier; mais qui remplacera Catherine Seconde? Cet être extraordinaire peut ou lui succéder immédiatement, ou se faire attendre des siècles.

Salluste, l'historien le plus profond après Tacite, dit: «J'ai beaucoup lu; j'ai beaucoup écouté; j'ai longtemps médité sur ce que les nations avaient achevé de grand soit pendant la paix, soit pendant la guerre. Je me suis interrogé sur les moyens qui avaient mis à fin tant d'étonnantes entreprises, et il m'a été démontré que toute la besogne avait été le produit de quelques

---

Горячо желаю, чтобъ Ваше Величество занялись упроченіемъ мира, болѣе чѣмъ какимъ-либо другимъ полезнымъ дѣломъ. Пора Вашему Величеству покрыться славою, исходящею изъ Васъ одной, и которою Вы обязаны только своему генію. Кровь тысячи враговъ не можетъ возвратить Вамъ цѣну одной капли русской крови. Изъ повторяющихся торжествъ слагаются конечно блестящія царствованія. Но создаются ли тѣмъ царствованія счастливыя? Благодаря успѣхамъ разума, другія добродѣтели, чѣмъ Александровы и Кесаревы, снискиваютъ наше удивленіе. Убѣдились, что гораздо славнѣе и гораздо отраднѣе образовать людей, чѣмъ убивать ихъ. Ваше Императорское Величество позволите ли мнѣ предложить Вашему вниманію, что хорошіе преобразователи, всегда рѣдкіе, особенно рѣдки въ странахъ гдѣ они всего необходимѣе, и что люди, способные измѣнить къ лучшему порядокъ вещей въ государствахъ, являются послѣ долгихъ промежутковъ времени.

Екатерина Вторая явилась послѣ Петра Перваго; но кто замѣнитъ Екатерину Вторую? Это необыкновенное существо можетъ либо тотчасъ за ней послѣдовать, либо заставить ждать себя цѣлые вѣка!

Саллюстій, самый глубокій историкъ послѣ Тацита, говоритъ: «Я много читалъ, я много слушалъ; я долго размышлялъ надъ тѣмъ, что̀ народы совершили великаго какъ во время мира, такъ и во время войны. Я спрашивалъ себя о средствахъ, которыми приведено въ исполненіе столько удивительныхъ предпріятій, и пришелъ къ убѣ-

hommes. Ce ne sont pas les grands corps, ce sont les grands hommes qui font de grandes choses.»

Les peuples faibles deviennent forts sous des chefs illustres. Les peuples forts se réduisent à rien sous des maîtres stupides et fainéants.

Vous avez une jeune nation à former; nous en avons une vieille à rajeunir. Notre tâche est peut-être impossible. La vôtre est sûrement très difficile; puisse le ciel ne vous en pas distraire un moment, et vous accorder dans une parfaite tranquillité ces trente-six années que Votre Majesté s'est engagée, parole d'honneur, à garder le trône de la Russie.

Mais, à propos de parole d'honneur, Votre Majesté a un peu ébranlé la confiance que j'avais dans la sienne. Elle n'avait pas dédaigné de souscrire un traité qu'un certain philosophe avait eu la hardiesse de lui proposer. Eh bien, ce traité a été violé dans tous ses points, précisément comme un traité de souverain à souverain. Ah, si les Turcs savaient cela! Il était dit par ce traité que Sa Maj. Imp. restituerait ce philosophe dans ses foyers, tel qu'il était lorsqu'il s'en éloigna. Tout le contraire s'est fait. Il est allé, il a séjourné, il est revenu, sans bourse délier. On a même réparé jusqu'aux petits dommages qu'il a soufferts sur les grands chemins; ce conducteur très aimable et très instruit qu'on lui a donné s'est moqué de ses réclamations; et voilà, Madame, comme dans ce pacte, ainsi que dans tous les

---

жденію, что всѣ эти результаты были дѣломъ нѣсколькихъ лицъ. Не громадныя корпораціи, а великіе люди создаютъ великія дѣла».

Народы слабые становятся сильными подъ руководствомъ знаменитыхъ вождей. Народы сильные впадаютъ въ ничтожество при правителяхъ глупыхъ и лѣнивыхъ.

Вамъ предстоитъ воспитать молодую націю; намъ — обновить старую. Наша задача можетъ-быть невозможна. Ваша — конечно очень трудна; да не отвлекаетъ Васъ Небо отъ нея ни на минуту и да даруетъ Вамъ полное спокойствіе на тѣ тридцать-шесть лѣтъ, въ которыя Ваше Величество честнымъ словомъ обязались занимать престолъ Россіи.

Но кстати, по поводу честнаго слова: Ваше Величество нѣсколько поколебали довѣріе, какое я имѣлъ къ Вашему слову. Вы не погнушались подписать договоръ, который нѣкій философъ осмѣлился Вамъ предложить. И что же? этотъ договоръ былъ нарушенъ по всѣмъ пунктамъ, точь въ точь какъ бываетъ съ договорами между государями. Ахъ, еслибъ Турки узнали объ этомъ! Въ этомъ договорѣ было сказано, что Императрица возвратитъ этого философа подъ кровъ его такимъ, какимъ онъ былъ, когда оттуда выѣхалъ. Случилось совершенно противоположное. Онъ поѣхалъ, погостилъ, вернулся, не раскрывъ своего кошелька. Даже всѣ маленькіе убытки, которые онъ потерпѣлъ въ пути, были покрыты; весьма любезный и образованный проводникъ, котораго ему дали, смѣялся надъ его протестами; и вотъ, Государыня,

autres, il n'y a rien eu de sacré et que le plus fort a, selon l'usage, donné la loi au plus faible.

Lorsque je pris congé de Votre Majesté, je lui prédis que j'étais encore à six mois de mon pays. Je ne me suis trompé que d'un mois. Je cours le septième.

Les plans et les statuts de vos établissements sont imprimés et sur le point de paraître. Incessamment on lui présentera un des plus beaux et des plus utiles ouvrages qui existent, du moins pour ceux qui savent peser les productions de l'esprit humain dans la balance de la raison. Cet ouvrage est le vôtre. J'espère que Votre Maj. Imp. trouvera fort bonne grâce à la sagesse russe habillée à la française.

Je répéterai à Votre Maj. ce que j'en écris à Mr. le général Betski. Il est impossible qu'on ne bénisse pas, et dans l'empire et chez les autres nations, la souveraine qui a ordonné ces instructions. Si sa constance parvient à les consolider, elle s'immortalisera par le bien qu'elle aura fait. Si des obstacles, qui sont quelquefois au-dessus de la puissance des rois, s'y opposent, elle s'immortalisera par le bien qu'elle aura voulu faire.

A l'occasion des honneurs que le sénat a descernés, avec votre agrément, à Mr. le général Betski, et cela pour vous avoir dignement secondée, j'ai imprimé que, lorsque le temps et le courage de Votre Maj. auraient con-

---

какимъ образомъ въ этомъ договорѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ничего не оказалось священнаго, и сильнѣйшій, по обычаю, предписалъ свой законъ слабѣйшему.

Прощаясь съ Вашимъ Величествомъ, я предсказалъ Вамъ, что меня еще шесть мѣсяцевъ отдѣляютъ отъ моей страны. Я ошибся только на одинъ мѣсяцъ, я разъѣзжаю уже седьмой.

Планы и уставы Вашихъ заведеній напечатаны и скоро появятся. Въ непродолжительномъ времени Вамъ будетъ представлено одно изъ превосходнѣйшихъ и полезнѣйшихъ произведеній, когда-либо существовавшихъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто умѣетъ взвѣшивать произведенія человѣческаго ума на вѣсахъ разума. Это произведеніе — Ваше. Надѣюсь что Вашему Величеству полюбится русская мудрость во французскомъ костюмѣ.

Повторю Вашему Величеству то, чтó пишу объ этомъ генералу Бецкому. Невозможно, чтобъ не благословляли и въ имперіи, и среди другихъ народовъ, государыню, давшую такіе уставы. Если она упрочитъ ихъ своимъ постоянствомъ, то обезсмертитъ себя тѣмъ, что сдѣлала столько добра. Если же встрѣтятся препятствія, иногда непреодолимыя даже для могущества царей, она обезсмертитъ себя тѣмъ, что желала сдѣлать это добро.

По случаю почестей, возданныхъ съ Вашего соизволенія сенатомъ генералу Бецкому за то, что онъ достойно содѣйствовалъ Вамъ, я напечаталъ: что если время и твердость Вашего Величества доведутъ учрежденія Ваши до возможной для нихъ степени

duit vos établissements au degré de perfection dont ils étaient tous susceptibles et que la plupart avaient atteint, comme on visitait autrefois Lacédémone, l'Egypte et la Grèce, on visiterait la Russie, mais par une curiosité et mieux fondée et mieux récompensée; et je ne m'en dédis pas. Lycurgue fit des moines armés; sa législation fut un sublime système d'atrocité. L'humanité sert de base à la vôtre. Il forma des bêtes féroces très formidables. Vous travaillez à former des citoyens honnêtes et des défenseurs de la patrie qui se feront craindre dans les camps et chérir dans la société.

Au milieu du renversement général de notre ministère, j'ai senti combien ma présence pouvait servir à mes enfants, mais j'ai tenu ferme. Je n'ai redouté qu'un reproche de Votre Majesté, qui n'en sera point surprise. A présent que j'ai vu la fin de ma tâche, je vais les retrouver; je vais me réinstaller dans mon foyer, au milieu de ces livres dont je dois la possession à votre bienfaisance. Mes concitoyens auront peu de questions à me faire; car je n'ai pas attendu jusqu'à ce moment pour les entretenir de Votre Majesté.

Elle a reçu le petit code moral dont je lui avais parlé. Je souhaite qu'elle n'en ait pas été mécontente. Il y a de la simplicité dans le style et de la suite dans les idées. Il est fondé sur l'existence d'un Être qu'elle reconnaît. Votre Majesté veut un grand spectateur qui s'incline vers la

---

совершенства, которой они большею частью уже и достигли, то подобно тому какъ нѣкогда посѣщали Лакедемонію, Египетъ и Грецію, станутъ посѣщать Россію, но любопытство при этомъ будетъ и законнѣе и лучше вознаграждено, и я не отрекаюсь отъ этихъ словъ. Ликургъ образовалъ вооруженныхъ монаховъ; его законодательсто было дивной системой жестокости. Ваше—основано на человѣколюбіи. Онъ образовалъ грозныхъ дикихъ звѣрей. Вы стараетесь образовать честныхъ гражданъ и защитниковъ отечества, которые будутъ страшны на войнѣ и любезны въ обществѣ.

Среди всеобщаго разрушенія нашего министерства, я почувствовалъ какъ мое присутствіе могло быть полезно дѣтямъ моимъ, но я выдержалъ характеръ. Я боялся только одного упрека со стороны Вашего Величества, чему Вы не удивитесь. Теперь, исполнивъ свою задачу, я вернусь къ нимъ; я опять расположусь подъ своимъ кровомъ, окруженный тѣми книгами, которыми обязанъ благодѣяніямъ Вашего Величества. Мои сограждане не о многомъ могутъ меня спрашивать, потому что я не дождался этой минуты, чтобъ бесѣдовать съ ними о Вашемъ Величествѣ.

Вы получили маленькій нравственный кодексъ, о которомъ я говорилъ Вамъ. Желаю, чтобъ Вы не были имъ недовольны. Онъ отличается простотою слога и послѣдовательностью мыслей. Онъ основанъ на существованіи Божества, въ которое Вы вѣрите. Ваше Величество желаете, чтобъ былъ великій Зритель,

terre et qui la regarde marcher. Elle ambitionne au haut de l'atmosphère un approbateur digne d'elle. Pour moi, chétive créature, je m'esquive; et je vais comme si personne ne me regardait. Si je manquais à remplir quelques-unes des commissions qu'elle m'a données, ce ne serait pas par oubli. Elle a désiré, je crois, que je lui ébauchasse le plan de deux comédies de caractère, que je lui arrangeasse un petit théâtre honnête, à l'usage de ses enfants; que je lui fisse passer les règlements de notre justice consulaire, notre code criminel, nos lois sur les eaux et forêts, et ce qu'on peut savoir de notre police; et Sa Maj. perdra bientôt un de ses plus fidèles serviteurs, ou cela sera fait.

Si Votre Maj. n'a pas jugé à propos d'agréer les services de notre anatomiste Mlle. Bicheron, je ne pense pas qu'elle ait été blessée de ses propositions.

Par une lettre datée du 9 de mai de cette année, Mr. le général Betski, que vous m'avez permis d'appeler votre grand Sphinx, s'est expliqué nettement sur la refonte de l'Encyclopédie. Il m'apprend que c'est un projet arrêté par Votre Maj. Je m'en réjouis. Je pourrai donc réparer les sottises de monsieur l'abbé Chappe et de Mr. le chevalier de Jaucourt; conformer cet ouvrage à la hauteur de son premier plan et substituer le nom d'une grande et digne souveraine à celui d'un ministre commun qui me priva de

---

наклоняющійся надъ землею, чтобъ слѣдить за ея движеніемъ. Вы желаете на небесахъ — одобрителя Васъ достойнаго. Я, ничтожное созданье, укрываюсь и иду какъ будто бы никто не глядѣлъ на меня. Еслибъ я не выполнилъ нѣкоторыхъ порученій, данныхъ мнѣ Вами, то виною была бы не забывчивость. Вы желали, кажется, чтобъ я начерталъ Вамъ планъ двухъ характерныхъ комедій, чтобъ я устроилъ Вамъ приличный маленькій театръ для дѣтей; чтобъ я Вамъ прислалъ уставъ нашей консультаціонной юстиціи, нашъ уголовный кодексъ, наши водяные и лѣсные уставы и что́ можно собрать о нашей полиціи, и развѣ Ваше Величество потеряете одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ, это будетъ сдѣлано.

Если Ваше Величество не нашли нужнымъ принять услуги нашего анатома дѣвицы Биширонъ, то я не думаю чтобъ Вы были оскорблены ея предложеніями.

Письмомъ отъ 9-го мая этого года генералъ Бецкій, котораго Вы позволили мнѣ называть Вашимъ великимъ Сфинксомъ, объяснился вполнѣ опредѣлительно о передѣлкѣ Энциклопедіи. Онъ сообщилъ мнѣ, что это планъ рѣшенный Вашимъ Величествомъ. Радуюсь тому. Итакъ мнѣ можно будетъ исправить дурачества г. аббата Шаппа и г. кавалера Жокура, поднять это произведеніе на высоту первоначально задуманнаго плана и замѣнить именемъ великой и достойной монархини имя обыкновеннаго министра, лишившаго меня свободы чтобъ исторгнуть у меня

la liberté pour m'arracher un hommage auquel il ne pouvait prétendre par son mérite.

Votre Maj. dira peut-être que j'ai une cruelle mémoire; car je me rappelle très bien la permission qu'elle m'a accordée de lui envoyer les petits ouvrages, bons ou mauvais, qui me restaient encore à faire. Ils auront l'air un peu vieillots, mais n'importe.

Il y en aura quelques-uns datés de la Haye; tandis qu'on y imprimait vos statuts, je m'occupais de la lecture de Tacite; et il en est resulté un pamphlet intitulé: notes marginales d'un souverain sur l'histoire des empereurs.

J'ai relu l'instruction que vous avez adressée aux commissaires assemblés pour la confection des lois; et j'ai eu l'insolence de la relire, la plume à la main.

Et puis, pour rentrer bien vite dans mon école, j'ai ébauché un petit dialogue entre la maréchale de *** et moi. Ce sont quelques pages, moitié sérieuses et moitié gaies.

J'ai bien peur que ma prédiction ne se soit accomplie; que je n'aie repris à Riga la méchante petite âme pusillanime que j'y avais laissée; et que je ne sois devenu lâche, à mesure que je m'éloignais de votre palais et que je m'approchais de l'hôtel de Mr. le procureur-général.

Je me souviens d'avoir dit à Votre Majesté que j'avais l'âme d'un

---

знакъ уваженія, на который онъ не могъ расчитывать по своему достоинству.

Ваше Величество можетъ-быть скажете, что у меня жестокая память, потому что я твердо помню данное мнѣ позволеніе прислать Вамъ маленькія сочиненія, худы ли, хороши ли они будутъ, которыя мнѣ оставалось написать. Они покажутся немножко запоздалыми, но не бѣда.

Нѣкоторые изъ нихъ будутъ изъ Гаги; пока тамъ печатались Ваши статуты, я занимался чтеніемъ Тацита; и изъ этого вышелъ памфлетъ подъ заглавіемъ: маргинальныя замѣтки государя на исторію императоровъ.

Я перечиталъ Вашъ наказъ, данный собранію депутатовъ для составленія законовъ; и я имѣлъ дерзость прочесть его съ перомъ въ рукахъ.

И вотъ, чтобъ скорѣе возвратиться къ своей школѣ, я набросалъ маленькій разговоръ между маршальшею и мною. Это нѣсколько страницъ на половину серьезныхъ, на половину веселыхъ.

Очень боюсь, что мое предсказаніе исполнилось, что у меня въ Ригѣ снова явилась та жалкая, робкая душонка, которую я было оставилъ тамъ, и что я снова становился подленькимъ по мѣрѣ того, какъ удалялся отъ Вашего дворца и подъѣзжалъ къ дому г. генералъ-прокурора.

Помню, сказанное мною Вашему Величеству, что я имѣлъ душу раба въ странѣ име-

esclave dans le pays de ceux qu'on appelle libres, et que j'avais trouvé l'âme d'un homme libre dans le pays de ceux qu'on appelle des esclaves. Ce n'était pas le mot d'un courtisan, c'était celui de la vérité, et je m'en aperçois dès ici.

Je demande mille pardons à Votre Majesté de la longueur de ma lettre. J'oublie que le temps du repos pour ses armées va devenir le commencement de ses véritables travaux.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale le très humble, très obéissant et très dévoué serviteur Diderot.

à la Haye, le 13 septembre 1774.

Votre Maj. Imp. me permettra-t-elle de lui rappeler Mr. de Narichkine, le procureur aux mines? C'est une dette que j'ai laissée à Pétersbourg, à l'acquit de Sa Maj. Imp.

IV.

A Paris, ce 17 octobre 1774.

Madame. C'est du sein de ma famille que j'ai l'honneur d'écrire à Votre Majesté! Pères, mères, frères, soeurs, enfants, petits-enfants, amis, connais-

---

нующихся свободными и обрѣлъ душу свободнаго человѣка въ странѣ называемыхъ рабами. Это не было слово придворнаго льстеца, это было слово правды, и я уже здѣсь это замѣчаю.

Тысячу разъ прошу прощенія у Вашего Величества въ томъ, что мое письмо такъ длинно. Я забываю, что время отдыха для Вашихъ армій сдѣлается началомъ Вашихъ настоящихъ трудовъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюсь Вашего Императорскаго Величества всепокорный, всепослушный и преданнѣйшій слуга Дидро.

Гага, 13-го сентября 1774 г.

Ваше Величество не дозволите ли мнѣ напомнить Вамъ о Нарышкинѣ, прокурорѣ горнаго вѣдомства. Это долгъ, оставшійся за мною въ Петербургѣ, на счету Вашего Императорскаго Величества.

IV.

Парижъ, 17-го октября 1774.

Изъ среды своего семейства имѣю честь писать Вашему Величеству! Отцы, матери, братья, сестры, дѣти, внуки, друзья, знакомые, припадаютъ къ стопамъ

sances, se précipitent à ses pieds, et la remercient de toutes les bontés dont elle m'a honoré à sa cour. Comme ils ont partagé mon bonheur, il est juste qu'ils partagent aussi ma reconnaissance. J'oserai le dire à Votre Majesté, parce que je lis au fond de mon coeur, que je mérite l'éloge que je vais faire de moi-même; voilà l'avantage des souverains, lorsqu'ils laissent tomber leurs regards sur l'homme de bien: ils répandent la joie dans le coeur d'un grand nombre d'autres. Les talents et les vertus de Votre Majesté sont devenus l'entretien de nos soirées. On veut tout savoir. Aucune circonstance ne paraît minutieuse ni à l'orateur, ni à ses auditeurs. On me fait recommencer dix fois les mêmes choses, et je ne me lasse pas de les redire, ni eux de les entendre. Elle a donc bien de la noblesse dans sa physionomie? . . . On ne saurait davantage... Mais vous dites qu'elle est pleine de grâce et d'affabilité? .. Tous ceux qui l'ont approchée vous le diront comme moi... Et vous ne trembliez point en entrant chez elle? .. Je vous demande pardon, mais cela durait peu; car, ne se souvenant jamais ni de son rang, ni de sa grandeur, elle faisait oublier l'un et l'autre en un moment. . . . . A-t-elle de la fermeté? . . Elle m'a dit elle-même que c'était dans les moments de péril qu'elle retrouvait son âme . . Aime-t-elle la vérité? . . Tant que je condamne au mortier d'Amurat ceux qui n'oseraient pas la lui dire . . . Est-elle instruite? . . . Mieux de son empire, tout vaste qu'il est, que vous ne l'êtes de vos petites affaires domestiques! . . . A-t-elle des con-

---

Вашимъ и благодарятъ за всѣ милости, оказанныя мнѣ при Вашемъ Дворѣ. Они дѣлили со мной счастье мое; справедливо, чтобъ они раздѣлили и признательность. Осмѣлюсь сказать Вашему Величеству, такъ какъ я могу читать въ глубинѣ своего сердца, что я достоинъ похвалы, которую произнесу самому себѣ: государи обладаютъ тѣмъ преимуществомъ, что когда они бросаютъ взоръ на человѣка преданнаго добру, то они разливаютъ радость въ сердцахъ многихъ другихъ подобныхъ ему людей. Дарованія и добродѣтели Вашего Величества сдѣлались предметомъ нашихъ вечернихъ бесѣдъ. Все хотятъ знать. Нѣтъ ни одного обстоятельства, которое казалось бы мелкимъ оратору или его слушателямъ. Десять разъ заставляютъ меня повторять одно и то же, и я не устаю разсказывать, а они — меня слушать. И такъ у нея много достоинства въ чертахъ лица? . . . Какъ нельзя болѣе. . . Но вы говорите, что она исполнена граціи и любезности? . . . Всѣ, кто ее видѣлъ, засвидѣтельствуютъ вамъ то же. . . А вы не дрожали, входя къ ней? . . . Напротивъ, но это продолжалось недолго, потому что она сама забывала свое высокое положеніе, свое величіе, и въ одну минуту заставляла забывать его . . . . . Есть ли у нея твердость характера? . . . . Она сама говорила мнѣ, что въ минуты опасности всего болѣе познаетъ свою душу . . . . Любитъ ли она правду? . . . . До того, что я осудилъ бы на казнь Амуратову тѣхъ, кто побоялся бы высказать ей правду . . . Учена ли она? . . . Она лучше изучила свое государство, какъ оно ни обширно, чѣмъ вы свои маленькія домашнія

naissances agréables? . . Elle parle ma langue du moins aussi bien que nous, et nos bons auteurs lui sont aussi familiers . . Et qui est-ce qui l'a instruite? . . . Je lui ai fait cette question, et voici sa réponse: deux grands instituteurs sous lesquels on fait bien du chemin, et sous lesquels elle a vécu pendant vingt ans, le malheur et la retraite . . . Permet-elle qu'on la contredise? . . . Tant qu'on veut . . . L'avez-vous contredite? . . . Assurément.... Mais vous faisiez une sottise!... Elle dirait à cela: est-ce qu'on fait des sottises entre hommes? . . . Cela est charmant. Elle doit tourner la tête à tous ceux qui ont l'avantage de la voir . . . Aussi fait-elle . . . Et comment avez vous fait pour nous revenir? . . Ma foi, je n'en sais rien . . . A-t-elle de la chaleur? . . Beaucoup; mais c'est un secret qu'elle m'a confié; je n'ai jamais aperçu que son profond jugement et sa pénétration singulière . . . Elle vous saisissait donc bien promptement? . . . Si promptement qu'aux premiers mots elle avait vu la fin d'une discussion quelquefois difficile . . . Est-elle bonne? . . . Trop, et c'est peut-être là son défaut . . . Il n'est pas trop commun... Et despote?... Si peu que je me souviens de lui avoir fait une fois grand plaisir, en lui avouant que je m'étais trouvé l'âme d'un esclave dans le pays qu'on appelle des hommes libres, et l'âme d'un homme libre dans le pays qu'on appelle des esclaves . . . Croit-elle en Dieu? . . . Oui . . . Et elle vous pardonnait de n'y pas croire? . . . Pourquoi

---

дѣла! . . . Есть ли у нея пріятныя знанія? . . . Она говоритъ на нашемъ языкѣ по крайней мѣрѣ такъ же хорошо какъ мы, и съ нашими лучшими писателями такъ же хорошо знакома . . . . А кто же образовалъ ее? . . . Я сдѣлалъ ей этотъ вопросъ, и вотъ отвѣтъ ея: два великіе учителя, съ которыми можно уйти далеко и съ которыми она прожила двадцать лѣтъ: несчастіе и уединеніе . . . . . Позволяетъ ли она, чтобъ ей противорѣчили? . . . . Сколько угодно . . . . Противорѣчили ли вы ей? . . . . Конечно . . . . Но вы тогда сдѣлали глупость? . . . На это она отвѣчала бы: развѣ что-нибудь можетъ считаться глупостью между мужчинами? . . . . Это прелестно. Она должна кружить головы всѣхъ, кто имѣетъ счастье ее видѣть. . . . Такъ и бываетъ . . . . А какъ же вамъ удалось къ намъ вернуться? . . . А право я самъ не знаю . . . . Есть у нея горячность души? . . . Чрезвычайная. Но это тайна, которую она мнѣ повѣрила; я всегда замѣчалъ только ея глубокую разсудительность и удивительную проницательность . . . . Итакъ она быстро понимала васъ? . . . . Такъ быстро, что съ первыхъ словъ уже схватывала конецъ разсужденія, иногда очень труднаго . . . . Добра ли она? . . . . Слишкомъ, и это можетъ быть ея главный недостатокъ . . . . Онъ не такъ обыкновененъ . . . . А есть ли въ ней деспотизмъ? . . . Такъ мало что я помню какъ я ей разъ доставилъ удовольствіе, признавшись что я чувствовалъ въ себѣ душу раба въ странѣ, именуемой страною людей свободныхъ, и обрѣлъ душу человѣка свободнаго въ странѣ, которую называютъ страною рабовъ . . . . Вѣритъ ли она въ Бога? . . . Вѣритъ . . . .

non?.. Vous êtes arrivé dans un moment bien orageux: une guerre qui n'était pas heureuse; une révolte sur la frontière? .. Eh bien, je vous jure que je ne me suis jamais aperçu que sa tranquillité en fût altérée. Elle était bien résolue de donner la paix à son ennemi; et elle ne voyait dans le rebelle qu'un sot qui attendait son supplice ... L'événement a fait voir qu'elle avait raison ... Et puis viennent ensuite les questions sur le climat, sur les moeurs, sur le gouvernement, sur les lois, les ministres, les prêtres, les sciences, les arts, vos académies, le prodige de l'éducation de vos écoles. Que sais-je, quoi encore? Depuis mon retour j'ai été l'objet de la curiosité d'une infinité de personnes de toutes sortes de rang; et je puis assurer à Votre Maj. Imp. que je n'ai encore trouvé que deux incrédules: une vieille femme de mauvaise tête et un homme d'un esprit faux; et cette France sur laquelle Votre Maj. Imp. me permettra de lui dire qu'elle n'est pas sans prévention, est pourtant l'endroit du monde où elle est regardée le plus universellement comme un grand homme et comme un de ces souverains dont le ciel fait si rarement présent aux nations ... Aime-t-elle la gloire? ... C'est sa passion .. En ce cas elle doit être satisfaite ... Elle devrait, mais...j'allais me rengager dans les questions et les réponses ...

Je sais bien que Votre Maj. Imp. m'a permis de lui envoyer tous les petits ouvrages qui me restaient à faire; et je me suis bien proposé de

---

И она прощала вамъ ваше невѣріе? ... Отчего же нѣтъ?...Вы пріѣхали въ самое бурное время: несчастная война, бунтъ на границѣ? ... Ну, а я васъ увѣряю, что я ни разу не замѣтилъ, чтобъ ея спокойствіе было чѣмъ-нибудь возмущено. Она совершенно рѣшилась даровать миръ врагу, а въ бунтовщикѣ видѣла только глупца, ожидавшаго казни .... Событія доказали, какъ она была права. Потомъ задавались вопросы о климатѣ, нравахъ, образѣ правленія, законахъ, министрахъ, духовенствѣ, наукахъ, искуствахъ, вашихъ академіяхъ и чудесахъ воспитанія въ вашихъ школахъ. Что же сказать болѣе? Съ возвращенія своего я былъ предметомъ любопытства безчисленнаго множества лицъ всѣхъ классовъ, и могу увѣрить Ваше Императорское Величество, что я нашелъ только двухъ невѣрующихъ: одну глупую старую барыню, да господина съ кривымъ умомъ; и въ этой Франціи, на счетъ которой, да позволено будетъ мнѣ высказать это, Вы питаете нѣкоторыя предубѣжденія — болѣе чѣмъ гдѣ либо въ мірѣ большинство смотритъ на Васъ какъ на великаго человѣка и на одного изъ тѣхъ государей, которыми Небо такъ рѣдко даритъ народы ..... Любитъ ли она славу? ... Это ея страсть .... Въ такомъ случаѣ она должна быть довольна .... Да, она должна бы быть довольна, но... я чуть было опять не запутался въ вопросахъ и отвѣтахъ ....

Очень знаю, что Ваше Императорское Величество дозволили мнѣ прислать Вамъ всѣ маленькіе труды, которые мнѣ оставалось написать, и я не на шутку собирался

mettre son indulgence à l'épreuve, mais je dois la prévenir que cette pauvre petite âme, bien faible, bien mesquine que j'avais laissée à Riga, je l'y ai retrouvée et que j'ai fait la sottise de la reprendre.

Il est arrivé bien des révolutions dans notre ministère: ce sont les économistes, les disciples de la Rivière qui tiennent le timon de nos finances. Votre Maj. Imp. n'en aura pas meilleure opinion, mais nous nous sommes si mal trouvés des Maltotiers et des Robins, que je défie les gens d'esprit de faire pis. Au moins ceux-ci sont justes, instruits et désintéressés, et l'expérience des choses les défera peut-être un peu de la morgue de l'école, et de la folie du système. L'économiste est en administration ce qu'est le stoïcien en morale. Ils ne sont supportables que dans le moment du malheur.

On se flatte ici que Votre Maj. Imp. va reprendre son projet de législation. Cela m'a fait relire votre instruction, et j'ai eu la hardiesse de l'apostiller de quelques réflexions.

A présent que Catherine Seconde n'a plus besoin de l'illustration des armes, elle me permettra de lui souhaiter une paix qui dure aussi longtemps que son règne. Après s'être acquis le nom que donnent les victoires, puisse-t-elle jouir de celui qui imprime moins de terreur, qui produit des fruits plus durables et plus doux et qui est béni dans tous les siècles, celui de grande législatrice. Vous voilà à côté de César, votre ami, et un peu au-

---

испытать Ваше терпѣніе, но я долженъ предупредить Васъ, что та бѣдная мелкая душонка, слабая, жалкая, которую я оставилъ въ Ригѣ, опять тамъ отыскалась и я имѣлъ глупость принять ее обратно.

Въ нашемъ министерствѣ произошло столько переворотовъ: теперь экономисты, ученики Ла Ривьера, держатъ кормило нашихъ финансовъ. Ваше Императорское Величество не лучшаго объ нихъ мнѣнія, но намъ такъ было плохо при Мальтотьерахъ и Робинахъ, что умнымъ людямъ невозможно сдѣлать хуже. По крайней мѣрѣ эти справедливы, образованы и безкорыстны, а опытность въ дѣлахъ можетъ быть нѣсколько сшибетъ съ нихъ спесь школы и дурачество экономической системы. Экономистъ въ администраціи то же, что стоикъ въ морали. Они сносны только въ минуты бѣдствій.

Здѣсь льстятъ себя надеждой, что Ваше Величество возвратитесь къ своему проекту законодательства. Это заставило меня перечесть Вашъ наказъ, и я осмѣлился набросать къ нему нѣсколько примѣчаній.

Теперь, когда Екатерина Вторая не нуждается уже въ славѣ военной, она позволитъ мнѣ пожелать ей мира, который продолжался бы во все ея царствованіе. Стяжавъ имя, даруемое побѣдой, да увѣнчается она другимъ, внушающимъ менѣе страха, производящимъ плоды болѣе прочные и болѣе отрадные, благословеннымъ во всѣхъ вѣкахъ именемъ великой законодательницы. Вотъ Вы стоите на ряду съ Вашимъ

... de Frédéric, votre dangereux voisin. Il reste une place à prendre à ... de Lycurgue ou de Solon; et Votre Majesté s'y assoiera. C'est le souhait ... lui présenter le philosophe gallo-russe, au renouvellement de cette année.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale le très humble et très soumis serviteur Diderot.

V.

Madame. J'ai remis, il y a quatre à cinq mois, à Mr. Grimm le Plan d'une Université ou d'une école d'enseignement public des sciences et des arts libéraux, auquel Votre Maj. Imp. nous avait proposé de travailler l'un et l'autre. Je commencerai par lui rendre grâces de la marque d'estime qu'elle nous a donnée à tous deux, en nous supposant le talent et des connaissances qui correspondissent à l'étendue et la difficulté de l'objet. Je doute que les circonstances fâcheuses où mon ami s'est trouvé lui aient permis de remplir sa tâche; car, ayant eu entière et franche communication de mon ouvrage, ce serait pour la première fois de sa vie qu'il aurait négligé mon jugement et mon éloge, au point de me céler le sien.

другомъ Кесаремъ и немножко повыше Фридриха — опаснаго сосѣда Вашего. Остается теперь занять мѣсто возлѣ Ликурга или Солона, и Ваше Величество тамъ сядете. Это желаніе осмѣливается Вамъ выразить философъ галлорусскій къ наступающему новому году.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Дидро.

V.

Государыня. Я передалъ, четыре или пять мѣсяцевъ тому назадъ, г. Гримму *планъ университета или школы публичнаго преподаванія наукъ и свободныхъ искуствъ,* надъ которымъ Ваше Величество предложили намъ обоимъ поработать. Начну съ выраженія признательности за то, что Вы оказали намъ обоимъ довѣріе, предположивъ въ насъ способности и познанія, соотвѣтствующія обширности и трудности предмета. Сомнѣваюсь, чтобы грустныя обстоятельства, въ которыхъ другъ мой находился, позволили ему исполнить свою задачу; потому что, получивъ отъ меня полное и откровенное сообщеніе моего труда, онъ первый разъ въ жизни пренебрегъ бы моимъ сужденіемъ и моей похвалой, скрывъ отъ

Quant à moi, j'ai fait ce que je pouvais faire de mieux; ce qui ne m'empêchera point d'invoquer votre indulgence et de rappeler à Votre Majesté que cette hommerie qu'elle reconnaît dans nos actions et qu'elle nous pardonne, se glisse aussi dans nos écrits. En confiant mon manuscript à Mr. Grimm, j'ai exigé qu'il vous fût envoyé tel qu'il était, sans addition et sans retranchement; et c'est ce qu'il n'aura pas manqué de faire.

Les deux grands obstacles à la prompte exécution de ce plan, sont la disette de livres classiques et le manque de maîtres.

J'y ai réfléchi, et j'ai vu qu'un de ces obstacles levé, l'autre ne subsistait plus.

J'oserai donc exhorter encore Votre Majesté à employer ses académiciens et les savants du reste de l'Europe à la composition des livres classiques. C'est un service qu'elle rendra à toutes les contrées policées, et qui la comblera d'honneur. C'est un point essentiel à la perfection de l'enseignement public, dont aucun souverain ne s'est avisé. C'est une des premières causes de la durée de la barbarie de nos écoles, et tant que cette cause subsistera, nos écoles seront barbares.

Les livres classiques bien faits et traduits en langue vulgaire, Votre Majesté ne sera plus dans le cas d'appeler des maîtres étrangers. Ils se

---

меня свой трудъ. Съ моей стороны я сдѣлалъ что̀ могъ лучшаго, но это не помѣшаетъ мнѣ умолять Васъ о снисходительности и напомнить Вашему Величеству, что та человѣчность, которую Вы находите въ нашихъ дѣлахъ и которую Вы намъ прощаете, проскальзываетъ и въ наши писанія. Поручая свою рукопись г. Гримму, я потребовалъ, чтобъ она была послана Вамъ какъ есть, безъ прибавленій и сокращеній, и я надѣюсь, что онъ именно такъ и поступилъ.

Есть два великія препятствія къ скорому исполненію этого плана — это отсутствіе учебныхъ книгъ и недостатокъ въ учителяхъ.

Я размышлялъ объ этомъ и убѣдился, что если одно изъ этихъ препятствій будетъ устранено, другое само собой изчезнетъ.

Итакъ, осмѣлюсь еще разъ умолять Ваше Величество употребить своихъ академиковъ и ученыхъ остальной Европы на составленіе учебныхъ книгъ. Это будетъ услуга, оказанная всѣмъ образованнымъ странамъ, и она покроетъ Васъ славой. Это важнѣйшее условіе для усовершенствованія общественнаго образованія и еще ни одинъ государь не обратилъ на то вниманія. Вотъ одна изъ первыхъ причинъ продолжительнаго варварскаго состоянія нашихъ школъ, и пока эта причина будетъ существовать, наши школы останутся варварскими.

Когда явятся хорошо составленныя и переведенныя разговорнымъ языкомъ учебныя книги, Вашему Величеству не будетъ надобности выписывать учителей иноземн-

trouveront parmi ses propres sujets. Tout homme capable d'entendre un livre classique est capable de l'enseigner à des enfants.

J'ai proposé de joindre à l'enseignement de la science ou de l'art l'histoire de ses progrès. Mais je crois que cet historique doit former les dernières leçons; sans cette attention, les élèves ou n'entendront rien, ou entendront mal.

Il serait très sage d'ordonner aux professeurs de théologie de terminer l'enseignement de la religion par un traité de la tolérance.

Si, parmi les ouvrages que j'ai cités, Votre Majesté ne trouve point le cours d'éducation de Mr. l'abbé de Condillac, c'est que cet excellent ouvrage d'un excellent instituteur, qui n'a pourtant fait qu'un sot élève, n'avait point encore paru.

Je serais aussi trop ingrat si j'avais oublié les différentes commissions dont Votre Majesté m'a honoré. Je n'ai rien de mieux à faire que de lui consacrer ce qui me reste d'années et de sens commun, et je la supplie d'en disposer.

Se ressouviendra-t-elle qu'au défaut de Mr. de Gribeauval, elle m'avait demandé un de ses bâtards? Je lui en propose deux. Votre Majesté trouvera sur un feuillet ci-joint quelques questions auxquelles ils désireraient des réponses.

ныхъ. Учителя́ найдутся между Вашими собственными подданными. Всякій, кто способенъ понять учебную книгу, способенъ и преподавать по ней дѣтямъ.

Я предлагалъ присоединить къ обученію каждой науки или искуства исторію ихъ успѣховъ. Но я думаю, что историческая часть должна составлять послѣдніе уроки; если не принять этого за правило, то ученики ничего не будутъ понимать или будутъ понимать плохо.

Очень было бы разумно внушить профессорамъ богословія, чтобъ они оканчивали религіозное обученіе разсужденіемъ о терпимости.

Если между сочиненіями мною названными Ваше Величество не изволите найти курса воспитанія аббата Кондильяка, то причина та, что это прекрасное сочиненіе превосходнаго педагога, воспитавшаго однако глупаго ученика, тогда еще не явилось.

Я былъ бы также слишкомъ неблагодаренъ, еслибъ забылъ порученія, которыхъ Ваше Величество удостоили меня. Я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ посвятить Вамъ остатокъ своихъ лѣтъ и своего здраваго смысла, и умоляю Васъ располагать ими.

Вспомните ли Вы, что за невозможностью получить г. Грибоваля Вы желали имѣть одного изъ его незаконныхъ дѣтей? Я предлагаю Вамъ двухъ. Ваше Величество найдете на прилагаемомъ листкѣ нѣсколько вопросовъ, на которые они желаютъ получить отвѣты.

Un artiste de cette ville a fait une pendule qui montre tous les mouvements du système planétaire. Cette machine, en mettant sous les yeux les corps célestes et leurs phénomènes, en facilite beaucoup l'intelligence. Elle serait bien placée à côté de ce beau globe que j'ai vu dans le cabinet de Votre Majesté, mieux encore dans une de ses maisons d'éducation. D'ailleurs, l'artiste qui l'a inventée propose d'envoyer avec sa belle pendule l'ouvrier même qui l'a executée sous sa direction; et cet ouvrier s'établirait à demeure à Pétersbourg.

Je n'ai point envoyé à Votre Majesté le ciment d'un certain Picot; parce que les essais qu'on en a faits n'ont pas répondu aux effets merveilleux qu'on en attendait.

Les comédies pour les jeunes demoiselles se feront; et cela, sans m'engager d'atteindre le long âge de Voltaire.

J'ai bien résolu de m'acquitter de tous mes engagements avec une nation dont la souveraine m'a comblé de bienfaits dans ma patrie, d'honneurs dans ses états, et où les grands m'ont fait un accueil que je ne puis reconnaître qu'en ne l'oubliant jamais.

Nos Français ne sont pourtant pas aussi frivoles que Votre Majesté les imagine; car l'exposition de ses établissements et de leurs constitutions en a été reçue avec un applaudissement général. Ah, Madame, il

---

Одинъ здѣшній механикъ изобрѣлъ стѣнные часы, которые показываютъ всѣ движенія планетной системы. Этотъ механизмъ, представляя глазамъ нашимъ всѣ небесныя тѣла и явленія ихъ, весьма облегчаетъ ихъ пониманіе. Эти часы были бы очень умѣстны рядомъ съ превосходнымъ глобусомъ, который я видѣлъ въ кабинетѣ Вашего Величества, а еще болѣе въ одномъ изъ воспитательныхъ заведеній Вашихъ. Впрочемъ изобрѣтатель ихъ предлагаетъ прислать вмѣстѣ съ часами мастера ихъ дѣлавшаго подъ его руководствомъ, и этотъ мастеръ могъ бы остаться на жительствѣ въ Петербургѣ.

Я не послалъ Вашему Величеству цемента нѣкоего Пико, потому что произведенные надъ нимъ опыты не соотвѣтствовали чудесному дѣйствію, какого отъ него ожидали.

Комедіи для дѣвицъ будутъ написаны, и притомъ прежде чѣмъ я достигну преклоннаго возраста Вольтера.

Я совершенно рѣшился исполнить всѣ свои обѣщанія по отношенію къ странѣ, которой Монархиня осыпала меня благодѣяніями въ моемъ отечествѣ, почестями въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ лица высокопоставленныя сдѣлали мнѣ такой пріемъ, за который я могу возблагодарить ихъ только тѣмъ, что никогда его не забуду.

Наши Французы однако не такъ легкомысленны, какъ Ваше Величество ихъ представляете себѣ: отчетъ о Вашихъ заведеніяхъ и ихъ уставы были приняты со всеобщимъ одобреніемъ. Ахъ, Ваше Величество, только отъ управляющихъ нами

ne dépend que de ceux qui nous gouvernent, de faire encore une grande et belle nation de nous. L'étincelle sacrée qui reste d'un grand brasier n'a besoin que d'un souffle.

Les nouvelles publiques nous confirment la grossesse de Madame la grande duchesse. Permettez que je prenne aussi quelque part à un événement qui remplit votre âme de joie. Puisse Votre Majesté être incessamment et heureusement grand-méritée; et puis grand-méritée et regrand-méritée cinq ou six fois de suite.

Les pères, les mères, les enfants et les petits-enfants, tous ceux qui m'entourent et qui vous doivent leur bonheur, renouvellent au commencement de cette année les voeux qu'ils font tous les jours pour Votre Majesté. Nous disons tous en choeur: puissent toutes les années de Catherine Seconde être aussi glorieuses que les précédentes; après avoir donné à ses ennemis des marques de sa puissance, puisse le reste de son règne n'être employé qu'a donner à ses sujets des marques de sa bonté, et à tous les souverains présents et à venir, un exemple dans le grand art de régner.

Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale le très humble, très dévoué et très obéissant serviteur Diderot.

à Paris, ce 6 octobre 1775.

зависитъ сдѣлать изъ насъ націю великую и прекрасную. Священная искра, остающаяся отъ великаго пламени, нуждается только въ одномъ: чтобъ ее раздули.

Газетныя извѣстія подтверждаютъ намъ беременность Ея Высочества Великой Княгини. Позвольте мнѣ также принять нѣкоторое участіе въ событіи, которое наполняетъ душу Вашу радостью. Желаю Вашему Величеству скоро и счастливо сдѣлаться бабушкою; а потомъ еще разъ, и затѣмъ еще пять или шесть разъ сряду бабушкою.

Отцы, матери, дѣти и внуки, всѣ меня окружающіе Вамъ обязанные своимъ счастіемъ, возобновляютъ въ началѣ этого года свои ежедневныя молитвы за Ваше Величество. Всѣ мы говоримъ хоромъ: — да будутъ всѣ годы Екатерины II столь же славны, какъ и предыдущіе. О, когда бы, давъ врагамъ доказательства своего могущества, она могла употребить остальные годы своего царствованія на то, чтобъ дать подданнымъ своимъ доказательства милосердія, а всѣмъ государямъ, настоящимъ и будущимъ, образецъ въ великомъ искуствѣ правленія.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій, преданнѣйшій и послушнѣйшій слуга

Дидро.

Парижъ, сего 6-го октября 1775 г.

Je dois à Sa Majesté Imp. et à son artiste Falconnet un compliment sur le succès de la fonte du monument de Pierre 1-er.

VI.

Madame. Monsieur Grimm m'a remis les deux mille roubles que j'avais osé solliciter de Votre Majesté Impériale dans une de ces circonstances urgentes qui contraignent les âmes les plus honnêtes à s'écarter des lois rigoureuses de la pudeur. En lui rendant grâces de ses bontés récentes, je lui demande encore pardon de ma témérité. Elles m'ont appris qu'il y avait une souveraine au monde à qui l'on pouvait rappeler ses promesses sans 'offenser, et qui savait toujours mettre aux grâces qu'elle accordait une délicatesse qu'on trouverait à peine dans une simple particulière, dont les services peuvent être utiles, mais n'honorent jamais. Votre bienfaisance se serai dérobée à la connaissance de mon ami, si je ne l'en avais instruit. Il vous a bien reconnue, et ne m'a pas désapprouvé. L'avouerai-je à Votre Majesté? à en juger par la sensibilité que j'éprouve dans ce moment, il fallait que l'importunité de l'indigence me fût moins pénible que celle d'un créancier; il est moins dur de manquer que de devoir. Je tenais de Votre

---

Я долженъ принести Вашему Императорскому Величеству и Вашему художнику Фальконету свои поздравленія съ успѣшнымъ вылитіемъ статуи Петра І-го.

VI.

Государыня. Господинъ Гриммъ передалъ мнѣ двѣ тысячи рублей, которыхъ я осмѣлился просить у Вашего Императорскаго Величества въ одномъ изъ самыхъ крайнихъ обстоятельствъ, вынуждающихъ самыя благородныя сердца отступить отъ строгихъ законовъ стыдливости. Воздавая Вамъ должную признательность за недавнія Ваши милости, прошу еще разъ прощенія за мою дерзость. Эти милости открыли мнѣ, что есть на свѣтѣ монархиня, которой можно напоминать ея обѣщанія, не оскорбляя ее, монархиня, умѣющая придавать милостямъ ею оказываемымъ, столько деликатности, что едва найдешь подобную въ простомъ частномъ лицѣ, услуги котораго могутъ быть полезны, но не могутъ доставить почета. Ваша благотворительность осталась бы сокрытою и отъ друга моего, еслибъ я его о томъ не увѣдомилъ. Онъ Васъ узналъ въ этомъ случаѣ, и не осудилъ. Признаться ли Вашему Величеству? Судя по чувствительности, которую я испытываю въ эту минуту, казалось бы, что настоятельность нужды мнѣ менѣе тягостна, чѣмъ чувство должника: гораздо менѣе мучительно быть неимущимъ, чѣмъ должнымъ. Я получилъ отъ Вашего Величества

Majesté le bonheur de vivre en repos; et je tiendrai d'elle celui de mourir en paix.

Je suis avec la plus vive reconnaissance et le respect le plus profond son très humble et très obéissant serviteur Diderot.

à Paris, ce 29 juin 1779.

VII.

Madame. Les mots les plus simples de Votre Majesté ne sont pas de nature à se laisser oublier par l'homme doué d'un sens même ordinaire, qui a eu le bonheur de vous approcher et de les entendre.

Je me souviens qu'entre les motifs qu'elle employait pour m'attacher à sa personne, elle me disait que le courant des affaires journalières consumait tout son temps, et qu'en me fixant auprès d'elle, elle m'occuperait à méditer sur différents textes relatifs à la législation. Malgré la profonde connaissance qu'elle a des talents et des esprits, je crois sincèrement, et j'oserai lui dire qu'elle avait trop bonne opinion de moi, et que la tâche qu'elle se

---

возможность жить безъ заботъ; буду теперь имѣть возможность умереть спокойно.

Съ живѣйшей признательностью и глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшій и всепреданнѣйшій слуга

Дидро.

Парижъ, 29-го іюня 1779 г.

VII.

Государыня. Самыя простыя слова Вашего Величества не таковы, чтобы ихъ могъ забыть человѣкъ даже обыкновеннаго разсудка, имѣвшій счастье быть близкимъ Вамъ и услышать ихъ.

Помню, что между побужденіями, посредствомъ которыхъ Вы старались удержать меня при своей особѣ, Вы представляли мнѣ, что вседневныя текущія дѣла поглощаютъ все Ваше время, и Вы занимали бы меня обсужденіемъ различныхъ предметовъ по части законодательства. Несмотря на глубокое Ваше умѣнье оцѣнивать умы и способности, я въ душѣ убѣжденъ, и осмѣлюсь Вамъ это высказать, что Вы имѣли обо мнѣ слишкомъ хорошее мнѣніе, и что задача, которую Вы предполагали

proposait de m'imposer aurait exigé tout le génie d'un Montesquieu. Quel autre que cet homme était capable de concevoir une idée digne de la réflexion de Catherine Seconde! Mais il n'est plus, ce Montesquieu, et son successeur se fera attendre longtemps. Que pensera donc de moi Votre Majesté si, au défaut d'un penseur aussi rare, j'avais la témérité de lui proposer un sujet autant au-dessus de moi qu'au-dessous de l'auteur de votre bréviaire? C'est un jeune homme; il a des parents honnêtes, et il n'est pas sans ressource. Rien ne l'attache à son pays: ni passion ni intérêt, il désire d'être utile; il a profondément étudié nos lois, nos usages, nos coutumes, les progrès successifs de notre civilisation, il a le sens juste, le caractère doux et simple, des moeurs pures, des lumières sans prétention; avec de la modestie les connaissances qu'une souveraine qui songe la nuit et le jour au bonheur de ses sujets, ne saurait manquer d'ambitionner. Pour qu'elle jugeât elle-même de son talent, il m'a permis de mettre sous ses yeux les premiers cahiers d'un ouvrage auquel il a été conduit par les études de la profession d'avocat. Si elle daignait l'appeler, il irait sans faste; il reviendrait comme il serait allé, et il aurait trop de vanité s'il était humilié de n'avoir pas su répondre aux vues de Votre Majesté: il est et je suis à ses ordres. Que je serais satisfait si j'avais trouvé par hasard une occasion de lui témoigner ma reconnaissance!

возложить на меня, потребовала бы по крайней мѣрѣ генія Монтескье. Въ комъ, кромѣ его, могла бы зародиться мысль достойная соображеній Екатерины II! Но его уже нѣтъ, этого Монтескье, и преемникъ его долго заставитъ себя ждать. Что же подумали бы Вы обо мнѣ, Ваше Величество, если бъ, за недостаткомъ такого рѣдкаго мыслителя, я возымѣлъ смѣлость предложить Вамъ человѣка, стоящаго настолько же выше меня, насколько онъ ниже автора Вашей настольной книги? Это молодой человѣкъ, сынъ честныхъ родителей и не безъ состоянія. Ничто не привязываетъ его къ родинѣ: ни страсть, ни выгода — онъ желаетъ быть полезенъ. Онъ глубоко изучалъ наши законы, нравы, обычаи, постепенные успѣхи нашей образованности и у него вѣрное сужденіе, характеръ кроткій и простой; съ безукоризненнымъ образомъ жизни и большою скромностью соединяетъ онъ свѣдѣнія, которыми государыня, денно и нощно помышляющая о счастіи своихъ подданныхъ, не можетъ пренебрегать. Чтобы В. В. сами могли судить о его способностяхъ, онъ позволилъ мнѣ повергнуть на Ваше воззрѣніе первыя тетради сочиненія, явившагося результатомъ его знакомства съ званіемъ адвоката. Еслибъ Вы удостоили призвать его, онъ поѣхалъ бы безъ притязаній и вернулся бы такъ же, какъ отправился. Онъ показалъ бы слишкомъ много тщеславія, еслибъ обидѣлся въ томъ случаѣ, когда бы не сумѣлъ отвѣчать видамъ Вашего Величества: и онъ и я въ Вашемъ распоряженіи. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ такимъ образомъ нашелъ случай доказать Вамъ свою признательность!

C'est avec le sentiment qui ne pourrait s'affaiblir que dans une âme ingrate, et avec le plus profond respect que je suis et serai toute ma vie de Votre Majesté le très humble et le plus obéissant serviteur

Diderot.

à Paris, ce 25 août 1781.

Съ чувствами, которыя могли бы ослабѣть развѣ только въ душѣ неблагодарной, и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюсь и на всю жизнь, Вашего Императорскаго Величества всепокорный и всепреданный слуга

Дидро.

Парижъ, 25-го августа 1781 г.

Примѣчанія къ письмамъ Дидро.

Стр.

509. Г. Бала́ сопровождалъ Дидро по повелѣнію императрицы. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о немъ никакихъ подробностей.

519. Г-жа Біэронъ (Biheron [1]), весьма набожная старая дѣвица, была сосѣдкою Дидро, и онъ часто говоритъ о ней въ своихъ письмахъ къ Фальконету. Ея анатомическіе препараты были очень замѣчательны.

— Труды, которые Дидро сбирался предпринять, остались, повидимому, невыполненными.

520. «Замѣтки государя на исторію императоровъ» напечатаны во II-мъ томѣ, стр. 459, изданія «Oeuvres complètes de Diderot».

— Мастерской «Разговоръ философа съ маршальшею» былъ издаваемъ нѣсколько разъ; въ «Oeuvres complètes de Diderot» см. томъ II, стр. 503.

525. О Ла Ривьерѣ, въ свое время знаменитомъ экономистѣ, см. *Сборникъ Историч. Общества* т. X, стр. 240 и 279.

533. Молодой человѣкъ, котораго Дидро ставилъ выше Монтескьё, былъ Pierre Chabrit, совѣтникъ верховнаго совѣта въ Бульйонѣ (въ Люксембургѣ) и адвокатъ парижскаго парламента. Это письмо было напечатано впереди его книги: «De la monarchie française et de ses lois» и въ изданіяхъ сочиненій Дидро [2]).

---

[1]) Не Бишронъ, какъ ошибочно напечатано въ текстѣ писемъ.

[2]) За это разъясненіе приношу благодарность г. Турнӭ (Tourneux), издателю полнаго собранія сочиненій Дидро.

Errata.

Page 519. Lisez: **Biheron** au lieu de: Bicheron.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Августа, принцесса брауншвейгская, супруга принца Фридриха, впослѣдствіи короля виртембергскаго, называемая въ письмахъ барона Гримма, постоянно, Зельмирой. Уп. незаконный братъ ея, графъ Форстенбургъ, 367.

Августъ III, король польскій. Уп., 443, 450; уп. литовскій подканцлеръ его, 456, 459, 462, 465, 471; уп. великій канцлеръ его, 472, 474—476, 485, 486, 491, 493; уп. его примасъ, 494, 496, 497, 501.

Августъ-Вильгельмъ, принцъ прусскій, сынъ короля Фридриха-Вильгельма I. Уп., 478,

Авриль, Жанъ-Жакъ, гравёръ. Уп., 436.

Адольфъ, принцъ гесенъ-филипстальскій, 235. (Ср. Oeuvres de Frédéric II. t. V, p. 277, 278, Berlin, 1788. и I. D. E. Preuss; Friedrich der Grosse, t. IV, p. 106).

Аламберъ. Уп., 57.

Альбертъ - Казиміръ - Августъ, герцогъ саксенъ-тешенскій. Уп. 215.

Александръ III Александровичъ, Императоръ Всероссcійкій, Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Разрѣшаетъ Обществу издать собраніе писемъ барона Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II, I.

Александръ I Павловичъ, Императоръ Всероссійскій. Уп. какъ великій князь, 30, 33, 42, 88, 137, 164, 170, 190, 217, 220, 226, 347.

Алкидъ. Уп., 144, 205.

Амуръ. Уп., 16, 50.

Андромеда, картина писанная Менгсомъ, сюжетъ миѳологическій. Уп., 13, 31, 34, 36.

Анна Іоанновна, Императрица Всероссійская. Уп., 443, 447, 450, 456, 460, 465, 467, 475, 476, 480, 481, 494, 495, 501.

Анна Леопольдовна, принцесса мекленбургъ-шверинская. Уп., 442, 444, 500.

Антонъ Ульрихъ, герцогъ брауншвейгскій, 442.

Аполлонъ. Уп., 16, 29, 31, 34, 35, 120, 160, 181.

Армфельдъ, баронъ Густавъ Маврикій, генералъ финскихъ войскъ. Уп., 279, 285.

Артабанъ (?). Уп., 147.
Артуа, де, графъ, впослѣдствіи король Карлъ X. Уп., 123, 128, 256.
Арсеньевъ, поручикъ. Уп., 493.
Базедовъ, педагогъ. Уп., 432.
Базельскій епископъ. Уп., 407.
Бала, Аѳанасій Ѳедоровичъ, чиновникъ канцеляріи опекунства иностранцевъ, президентомъ которой былъ князь Г. Г. Орловъ; въ 1782 году онъ перешелъ на должность совѣтника при переводахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Уп., 509; сопровожд. Дидро, по повелѣнію импер. Екатерины II, 535.
Барнавъ, Пьеръ Жозефъ Мари, депутатъ національнаго собранія. Уп., 338, 375, 386.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, членъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, редакторъ журнала «Русскій Архивъ». Содѣйствуетъ сообщенію писемъ бар. Гримма, хранящ. въ Воронцовскомъ архивѣ Русскому Историческому Обществу, I.
Барятинскій, князь Иванъ Сергѣевичъ, полномочленный министръ Россіи въ Парижѣ. Уп., 18, 26, 31, 36, 42, 48, 50, 64, 65, 106, 163.
Бахусъ (Глутоновичъ, см. по указ. XXIII т. Сборника И. Р. И. О.), неизвѣстное лицо. Доставляетъ письмо Гримма импер. Екатеринѣ II, 243; уп., 258, 270, 273, 297, 300, 312, 348, 352, 354, 361, 362, 365.
Безбородко, князь Александръ Андреевичъ, канцлеръ. Уп., 12, 21, 34, 114, 162, 176, 181, 218, 236, 239, 310, 418.
Белекъ, графъ. Уп., 460.
Бельзэнсъ, Эмилія, внучка д'Эпинэ. Уп., 48, 125.
Берни, де, Франсуа Іоахимъ де Пьеръ, кардиналъ, французскій посланникъ въ Римѣ. Уп., 8.
Бертенъ, чиновникъ французской службы. Уп., 178, 182, 238.
Бертье, градоначальникъ Парижа. Уп., 232.
Бетманъ, банкиры во Франкфуртѣ. Уп., 362, 421.
Бецкій, Иванъ Ивановичъ, дѣйс. тайн. сов. Уп., 41, 506, 519.
Бибиковъ, Александръ Ильичъ, генералъ-аншефъ. Уп., 145.
Биронъ, Петръ, сынъ Эрнеста-Іоганна, потомъ герцогъ курляндскій. Уп. 481, 483.
Биронъ, Эрнестъ Іоганнъ, герцогъ курляндскій. Уп., 237, 441, 445, 447, 448, 453, 455, 461, 469, 474, 486, 490, 492, 499.
Бисмаркъ, прусскій генералъ. Уп., 492.
Бишофсвердеръ, Іоганнъ Рудольфъ, прусскій госуд. дѣятель. Уп., 387.
Біэронъ (Biheron), сосѣдка Дидро. Уп. ея анатомич. препараты, 519, 535.
Блотъ, де. Уп., 327.
Блументростъ, Лаврентій, докторъ первый президентъ Академіи Наукъ. Уп., 455.
Бобринскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ. Названъ «воспитанникомъ» Завадовскаго, который былъ опекуномъ его. (См. Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII, стр. 404, пр. 5); уп. также и кредиторы Бобринскаго (см. тамъ же, стр. 405), 257.
Бодуэнъ (Baudouin), графъ. Уп. коллекція картинъ его, 91.
Бово, де, князь, маркизъ. Уп., 369.
Бокъ, баронъ, родомъ лифляндецъ. Уп., 83, 89, 101, 108, 139, 198.
Бомарше, Пьеръ Огюстенъ Карронъ де, писатель. Уп., 132, 173, 179, 210.
Борисовъ, Иванъ Антоновичъ, контръ-адмиралъ. Пріѣзжаетъ въ Лиссабонъ съ эскадрой, 82, 111, 228.
Боркъ (Burke), Эдмондъ, англійскій ораторъ. Уп., 248, 415.

Ботвиль, кавалеръ. Уп., 323.
Браски, см. Пій VI, папа Римскій.
Брауншвейгскій, герцогъ, см. Карлъ-Вильгельмъ-Фридрихъ, герцогъ Брауншвейгскій.
Бремъ, де, маркизъ, сардинскій министръ. Уп., 25.
Бретель, баронъ или бальи. Извѣстія о кабинетѣ его антиковъ и рѣдкостей, 42, 61—63, 208, 211, 231.
Брозинъ, курьеръ. Уп., 180, 198, 206, 407.
Броліо, Викторъ Франсуа, маршалъ. Уп., 154.
Броль. Уп., 438.
Брюль, графъ Генрихъ, фонъ, министръ. Уп., 462, 474, 486, 489.
Брюсъ, графиня Прасковья Александровна. Уп., 226.
Брюсъ, графъ, Яковъ Александровичъ. Уп., 12, 226.
Булье, де, маркизъ. Уп., 284, 358, 364, 408, 409.
Буонафини, пѣвица. Уп., 69.
Бутлеръ, полковникъ, камергеръ. Уп., 455, 496.
Бюель. Предпол., что фамилія его происход. изъ дома Руффо, изъ Неаполя, 256.
Бюэль, Екатерина. Уп., 245, 251, 252, 256, 261—266, 270, 274, 290, 304, 345, 365, 370.
Бюлеръ, баронъ Карлъ Яковлевичъ, управляющій дипломатической канцеляріею и полевыми почтами при главнокомандующемъ и впослѣдствіи уполномоченымъ, сенаторъ. Уп., 349, 423, 435.
Бюлеръ, Ѳедоръ Андреевичъ, баронъ, гофмейстеръ, директоръ Москов. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Уп., 434.
Бюффонъ, графъ, де, естествоиспытатель. Уп., 26—38, 167, 171, 172, 198, 228.
Вакеницъ. Уп., 355.
Вальполь, Горасъ, министръ Англіи, въ Мюнхенѣ, 287, 288.
Вандёль (Vandeul), дочь Дидерота. Названа «эксъ-дѣвченка», 141.
Ваньеръ, секретарь Вольтера. Уп., 42, 119, 132, 238, 311.
Ведеръ, Іоганнъ, художникъ. Уп., 120, 160, 170, 181. (О немъ уп. Гете въ біографіи художн. Гакерта).
Верженъ, графъ, министръ Франціи. Уп., 14, 39, 85, 101, 103, 126, 130, 147, 148, 227, 236.
Верракъ, маркизъ, полномочный министръ при русскомъ дворѣ. Уп., 201.
Вестрисъ, балетмейстеръ. Уп., 203.
Вибекингъ, типографщикъ. Уп., 418.
Викторъ-Амедей III, король сардинскій. Уп., 110.
Вимпфенъ, баронъ Феликсъ. Уп., 252, 304.
Винкельманъ, Іоганнъ Іоахимъ, археологъ. Уп., 231.
Виргилій. Уп., 321.
Віоменилъ, младшій, офицеръ. Уп., 350.
Вобанъ, де, графъ. Уп., 350.
Вольтеръ, писатель. Уп., 27, 32, 42, 57, 68, 94, 101; путешествуетъ въ Парижъ, 119, 127; извѣстіе о статуѣ его, 131, 135, 147, 158, 171, 172, 188, 199, 228, 292, 293, 316, 320, 380, 383, 395, 510; уп. преклонный возрастъ его, 529.
Воронцовъ, графъ Александръ Романовичъ, президентъ коммерцъ-коллегіи. Уп., 80.
Воронцовъ, свѣтлѣйшій князь Семенъ Михаиловичъ, генералъ-адъютантъ. Передаетъ для напечатанія, Импер. Русскому Истор. Общес. письма бар. Гримма къ импер. Екатеринѣ II, хранящихся въ Воронцовскомъ архивѣ его, I.
Вратиславъ, фонъ, графъ. Уп., 452.
Вяземскій, князь Александръ Алексѣевичъ, генералъ-прокуроръ. Уп., 25,

Дашкова, княжна Анастасія Михаиловна, въ замужествѣ за Андреемъ Евдокимовичемъ Щербининымъ. Уп., 126.

Дашкова, княжна Екатерина Романовна, президентъ академіи наукъ. Уп., 126, 213.

Дашковъ, князь Павелъ Михаиловичъ, генералъ. Уп., 126.

Делормъ, укладчикъ антиковъ, картинъ, состоявшій при Гриммѣ. Уп., 208.

Дени (Denis), племянница Вольтера. Уп., 42.

Де-Сметъ, Раймондъ и Теодоръ, банкирскій домъ, въ Амстердамѣ. Уп., 114, 162.

Джонъ-Поль-Джонсъ (Iohn-Paul-Jons), извѣстный американскій корсаръ, потомъ контръ-адмиралъ. Уп., 328.

Дидро (Denis Diderot), извѣстный французскій писатель и философъ. Дочь его названа «эксъ дѣвченка»; она замужемъ была за Ванделемъ, 141; письма его къ импер. Екатеринѣ II, 503—528; сопровождаетъ его, по повелѣнію импер. Екатерины II, Бала, 538; уп, сосѣдка его г. Біэронъ, 535; уп., 100, 239, 514; полное собран. сочиненій его издалъ Турне, 535, прим. 2.

Димсдаль, баронъ Ѳома, лейбъ-медикъ. Уп., 226.

Діодати, госпожа. Уп., 328.

Добервалъ, актеръ. Уп., 203.

Догель (Dogiel), Матвѣй, ученый. Уп. его «Codex dipl. polon.», 461.

Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичъ, писатель. Уп., его: «Росс. родосл. книга», 434.

Доменикино, Цампіери, живописецъ. Уп., его картина «Сивилла», 152, 229.

Домъ (Dohm), Христіанъ Вильгельмъ, фонъ, писатель-публицистъ. Уп., 240.

Дювивье, см. Дени.

Дени, племянница Вольтера. Уп. мужъ ея Дювивье, 42.

Дюмарсе. Уп. его изрѣченіе, 74.

Дю-Ру, см. Бюель.

Дюфуръ, братья. Уп., 421.

Евардъ, Іосифъ, посланникъ Англіи, на рейхенбахской конференціи. Уп., 392.

Екатерина II Алексѣевна, Императрица Всероссійская. Уп., что она занимается «Плутархомъ», 297, 307, 388; письма къ ней Гримма, 1, 2, 4—422; приложенія къ письмамъ Гримма, 423—439; письма къ ней Дидро, 503—

Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, гофмейстеръ и сенаторъ. Уп., 145.

Елизавета Петровна, Императрица Всероссійская. Уп. милости, оказанныя ею гр. Ал. Гр. Разумовскому, 40, 179; уп., 444.

Елизавета-Софія, герцогиня мейнингенская, супруга герцога курляндскаго. Уп., 492.

Ефраимъ, еврей. Уп., 406.

Жарковъ, Петръ Герасимовичъ, живописецъ-миньятюристъ. Уп., 252, 276, 316.

Женкинсъ, Ѳома, живописецъ. Покупаются у него картины, 113, 116.

Жилле (Gillet), Николай-Франсуа, скульпторъ. Обѣщаетъ ему импер. Екатерина II послать 6 т. ливровъ, 41; уп., 75, 81, 103, 188, 202, 210; уп. о смерти его, 414.

Жираръ, аббатъ. Уп., 326.

Жиркуръ (Girecourt), графъ де. Подноситъ импер. Екатеринѣ II сочиненіе свое «Исторія Австрійскаго дома», 175; уп., 179.

Жокуръ, де, кавалеръ. Уп., 519. (См. о немъ въ XVII т. Сборника Импер. Рус. Ист. Общества, по указателю).

Жоффренъ (M-me Geoffrin), госпожа. Уп., 6, 30; извѣстіе о дочери ея, 414.

Жюинье (Juigné), маркизъ де, французск. уполн. министръ при русскомъ дворѣ. Уп., 122, 200, 422.

Завадовскій, графъ Петръ Васильевичъ, впослѣд. министръ народнаго просвѣщенія. Уп., 256; названъ опекуномъ гр. Бобринскаго, 257.

Залусскій, графъ. Уп., 456.

Зейдлицъ, Фридрихъ Вильгельмъ, прусскій генералъ отъ кавалеріи. Уп., 355.

Зельмира, см. Августа, принцесса браунштейгская.

Зубовъ, графъ Платонъ Александровичъ, генералъ. Гриммъ желаетъ, чтобъ онъ помогалъ въ переводахъ «посланій» его, 308.

Игельстромъ, баронъ Осипъ Андреевичъ, генералъ-поручикъ. Уп., 279, 285.

Іоанна Магдалина, принцесса саксенъ-вейсенфельская, супруга (1730 г.) герцога курляндскаго Фердинанда, вдова съ 3 мая 1737, † 25 января 1760. Упом. 490, 491, 497.

Іоаннъ-Морицъ, принцъ нассау-зигенъ (нассау-зигенскій). Уп., 150, 245, 246, 319, 364, 368, 411.

Іосифъ II, императоръ римскій (графъ Фалькенштейнъ). Уп. портретъ его, писанный Козетомъ, 152; пріѣзжаетъ въ Парижъ, 211, 215; пріѣзжаетъ въ Спа, 218; извѣстіе о смерти его, 373, 374; уп., 18, 43—46, 51—54, 56, 58, 59, 64, 67—80, 99, 100, 110, 131, 157, 170, 202, 205, 220, 225, 230, 232, 353.

Каліостро (Іосифъ Бальзамо). Уп., 186.

Каллонъ, де, Шарлъ-Александръ, министръ финансовъ во Франціи. Уп. записка его противъ декрета національнаго собранія, 414; уп., 412.

Кампе, маіоръ. Уп., 19.

Камю, Арманъ Гастонъ, членъ національнаго собранія и конвента. Уп., 293. 305.

Капланъ-Гирей, ханъ крымскій, братъ хана Менгли-Гирея. Уп., 470, 488.

Капрара, папскій нунцій. Уп., 259, 292.

Кардель (Cardel), наставница имиер. Екатерины II. Уп., 47.

Карлъ III, король испанскій, Уп. посланникъ его, 9.

Карлъ VI, императоръ римскій. Уп. посланникъ его въ Стокгольмѣ, 452, 473.

Карлъ VII, императоръ римскій. Уп., 444.

Карлъ, маркграфъ, бранденбургъ-анспахскій. Уп., 478.

Карлъ-Евгеній, герцогъ виртембергскій. Первая супруга его маркграфиня Фридерика Софія Вильгельмина бранденбургъ-байрейтская, съ которою онъ развелся; 2-я супруга Тереза Франциска Бернардинъ, графиня Гогенгеймъ. Уп., 369.

Карлъ (Richmond Lennox), герцогъ ричмондскій. Уп., 233.

Карлъ - Вильгельмъ - Фердинандъ, герцогъ браунштейгскій. Уп. побочный сынъ его, 367; уп., 224, 226, 379.

Карно (?) Названъ военнымъ министромъ во Франціи, 355.

Кастри (Castries), маркизъ, де. Назначается морскимъ министромъ, 85, 87, 88; разграбляется отель его, 273; уп., 71, 121, 316, 321, 322, 408, 411.

Катонъ. Уп., 48

Кауницъ - Ритбергъ, князь Венцель Антонъ, австрійскій канцлеръ. Уп., 44, 246, 392.

Кейзерлингъ, фонъ, графъ Генрихъ Христіанъ. Уп., 441.

Кейзерлингъ, фонъ, графъ Германъ Карлъ, посланникъ. Письма къ нему герцога Эрнеста Бирона, 442—502.

Кейзерлингъ, графъ Германъ. Сообщаетъ Импер. Русс. Истор. Обществу письма

посланника гр. Германа Карла фонъ Кейзерлинга, 444.

Квльхенъ, Иванъ Захарьевичъ, лейбъ-хиругъ вел. кн. Павла Петровича. Уп., 216.

Клериссо (Clérisseau), Карлъ Луи, живописецъ и архитекторъ. Уп., 17, 24, 31, 35, 73, 76, 105, 114, 155, 169, 170, 181, 188, 207, 228.

Киджи (Chigi), аббатъ въ Римѣ. Уп., 25.

Клеркъ, докторъ. Уп., 512.

Козетъ, главный директоръ королевской гобеленевой фабрики. Уп., 152, 153 и сл.

Кондильякъ, Этьенъ Бонно де Мабли, аббатъ. Уп., 528.

Кондорсэ, Мари Жанъ Антуанъ Никола Карита, маркизъ, философъ. Уп., 334.

Кондэ, Луи Жозефъ, принцъ. Уп., 154.

Константинъ Павловичъ, великій князь. Уп., 99, 170, 217, 226, 307, 347.

Конфланъ, де Бріенъ, маркизъ, маршалъ Франціи. Уп., 355.

Корилла. Производится ей пенсія; находится во Флоренціи, 420.

Корнель, Пьеръ, франц. писатель. Уп., 77.

Корреджіо, Антоніо Алегри, извѣстный живописецъ. Уп., 105, 189.

Корфъ, баронъ Іоганъ Альбрехтъ, посланникъ въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ, президентъ Импер. Академіи Наукъ, камергеръ. Уп., 454, 482, 495.

Коцебу, Августъ Фридрихъ Фердинандъ. Уп., 312, 313, 350, 367.

Коцебу, Фридерика, урожд. Фонъ-Эссенъ. Уп., смертъ ея, 350.

Кошенъ, Карлъ Николай II, франц. художникъ. Уп., 143.

Кравнъ, принцъ изъ дома Бово. Уп., 368.

Крузе, Самуилъ Карловичъ, адмиралъ. Уп., 313, 343.

Ламздорфъ, графъ Матвѣй Ивановичъ; впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи членъ Государ. Совѣта. Уп., 434.

Ламетъ, Карлъ, депутатъ. Уп., 322, 338, 386.

Ла - Моттъ - Перузъ (La-Motte-Perouse), генералъ. Французскій корпусъ подъ командою его сдается гр. Миниху, 453.

Ла-Ривьеръ, писатель, финансистъ. Уп., ученики его, 525.

Ласси, графъ Францъ Маврикій, посланникъ въ Испаніи. На его мѣсто назначается маркизъ де-ла-Торре, 123.

Ласси, графъ Петръ Петровичъ, фельдмаршалъ. Ожидается пріѣздъ его къ арміи, 464.

Лафайэтъ. Отзывъ, что онъ окончитъ свое поприще, какъ Неккеръ, 265; уп., 337.

Лашо (La Chau), аббатъ, хранитель музея герцога орлеанскаго. (Издалъ вмѣстѣ съ аббатомъ Леблондомъ (Le Blond): Description des principales pierres gravées du cabinet du duc d'Orléans. Paris, 1780—1784. 2 vol., pet. in-fol., figures), 19, 33, 34, 240, 241, 242.

Лебренъ (Le Brun Vigée), извѣстная портретистка. Отзывъ о ней, 309.

Левашовъ, Василій Яковлевичъ, генералъ. Передается ему временно команда надъ арміею, 464.

Ле-Паонъ (Louis Le Paon), батальный живописецъ, умершій въ Парижѣ около 1790 г. Отзывъ о немъ и о женѣ его, 153—155.

Леопольдъ II, императоръ римскій, младшій братъ импер. Іосифа II. Уп., 99, 246, 247, 265, 279, 289, 291, 295, 342, 378, 387, 389, 393, 407.

Лещинскій, Станиславъ. Уп. какъ соперникъ польскаго короля Августа III, 443.

Ливіо, братья и К°. Уп., 420—421.

Ликургъ, законодатель Спарты. Отзывы о его законахъ, 518, 526.

Линаръ, графъ Морицъ Карлъ, саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ.

Уп., 455, 456, 459, 461, 475, 485.
Линь, де, принцъ Карлъ Іосифъ. Уп., 157, 258, 301, 314.
Липпертъ (Lippert), Филиппъ, Даніилъ, художникъ-лѣпщикъ. Отзывъ о его работахъ, 232.
Лихтенштейнъ, князь. Уп. 219.
Лобковичъ, князь. Покидаетъ Парижъ и очутился «въ лондонской свалкѣ», 45; желаетъ находиться въ свитѣ гр. Фалькенштейна, 56.
Локкъ, писатель. Уп., 431.
Ломанъ (Lohmann). Возвращается изъ Лиссабона, 169, 170; уп., 175, 177, 179, 180.
Луи-Филиппъ, герцогъ орлеанскій. Уп., 19, 33, 34.
Луккезини, Гіеронимъ, маркизъ, дипломатъ. Уп., 373, 376, 377.
Людовикъ IX, ландграфъ гессенъ-дармштадтскій. Уп., 134.
Людовикъ XV, король Франціи. Уп., 38, 39, 424, 465.
Людовикъ XVI, король Франціи. Уп., 10, 15, 20, 38, 85, 102, 118, 196, 231, 283—286, 354.
Людовикъ XVIII, король, а прежде графъ прованскій. Уп., 256.

Максимиліанъ, Эрцгерцогъ, братъ им. Іосифа II, коадъюторъ, а потомъ курфирстъ кёльнскій. Прочатъ его въ духовное званіе, 423.
Мальтотьеръ (Maltotiers). Уп., что при немъ было «плохо», 525.
Манштейнъ, Христофоръ Эрнестовичъ, генералъ, писатель. Арестуетъ Бирона; уп. записки его, 442.
Манычаровъ, курьеръ. Уп., 420.
Мардефельдтъ, Аксель, баронъ, прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. Уп. донесеніе его, 442, 465; проводитъ у него ночи воев. Потоцкій, 472; передаетъ отъ имени короля своего привѣтствіе герцогу Бирону, 477; уп., 493, 499, 500.
Марія Антуанета, королева французская. Уп., 152, 255, 291, 299, 300.
Марія Терезія, императрица австрійская. Уп., 27, 69, 92, 102, 176, 432.
Марія-Христина-Іоанна, эрцгерцогиня австрійская, дочь императрицы Маріи Терезіи. Уп. супругъ ея, см. Альбертъ Казиміръ Августъ, герцогъ саксонскій, 215.
Марія Ѳеодоровна, великая княгиня, впослѣдствіи императрица. Уп. камеи ея работы, 252; уп. беременность ея, 530.
Марколини, графъ Камилло, саксонскій д. ст. сов. и министръ. Уп., 268, 319.
Маронъ, Терезина. Уп. миніатюры ея, 36, 74; уп. копіи, сдѣланныя ею для эрмитажа, 229.
Мартинелли. Уп., 75.
Махмутъ I, султанъ турецкій. Уп. визирь его, 453, 488.
Машковъ, курьеръ. Уп., 252, 271, 275, 278, 290, 329, 340, 344, 351.
Медемъ, ландратъ. Уп., 491.
Мейстеръ, секретарь бар. Гримма въ Парижѣ. Уп., 81, 255.
Мейсъ (Meijs), Фердинандъ, художникъ. Отзывъ о его аллегорической картинѣ, 436.
Мелиссино, Иванъ Ивановичъ, кураторъ московск. университета. Уп. пребываніе его заграницею, 156.
Менгсъ, Антонъ Рафаэль, живописецъ. Извѣстіе о кончинѣ его, 7—9; свѣд. о картинѣ его «Персей и Андромеда», 13; уп., 31, 34, 36, 113, 116, 211.
Менгсъ, Терезина, художница. Уп. копія ея съ картины Гвидо, 309, 310. См. Терезина Маронъ, † въ Римѣ, 1806 г.
Метастазіо, классическій итальянскій поэтъ. Уп. о его твореніяхъ, 21, 25, 36, 73, 74, 82, 164.
Миллiотти. Уп., 241, 252.
Минихъ, графъ Бурхардъ-Христіановичъ,

фельдмаршалъ. Уп., 442, 447, 448, 453, 464, 470, 487.
Мирабо, графъ, Оноре Габріэль, Рикетти. Извѣстіе о предсмертной болѣзни его, 329, 337, 375, 431; уп., 282, 293.
Мишель, лекарь—крестьянинъ, швейцарецъ. Уп., 100, 101.
Мого (Moheau), писатель. Уп. сочиненіе его о народонаселеніи Франціи, 128, 129. (Ср. I. M. Quérard «les Supercheries littéraires»., T. III., p. 282).
Монморэнъ, графъ, министръ иностр. дѣлъ, во Франціи. Уп. 306.
Монтемурли. Желаетъ основать въ Россіи колонію на берегахъ Чернаго моря, 177.
Монтескье. Названъ геніемъ, 533, 534; Дидро сравниваетъ его съ молодымъ Pierre Chabrit, 535.
Монтіонъ (Montyon), совѣтникъ и канцлеръ гр. д'Артуа. Уп., 122, 123 128, 232.
Морепа (Maurepas), Jean-Frédéric Phélippeaux, графъ, министръ. Уп., 85.
Морицъ, графъ саксонскій. Уп., 482.
Моро (Moreau) Jean Michel le jeune, род. 1741, граверъ. Уп., 174, 179.
Муловскій, капитанъ корабля. Извѣстіе о поѣздки его изъ Петербурга въ Ливорно, Парижъ и обратно, 121; уп. 139.
Мюллеръ, кавалеръ. Уп., 48, 81, 110, 112.
Мятлевъ. Уп., 19

Нарышкинъ, Алексѣй Васильевичъ, камергеръ. Дидро, въ сопровожденіи его, отправился, въ 1773 г., изъ Гаги, въ Петербургъ, 507.
Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ. Уп., 334.
Нарышкинъ, Семенъ Васильевичъ, прокуроръ бергъ коллегіи. Уп., 507, 521.
Нассау-Зигенскій, принцъ, см. Іоаннъ-Морицъ, принцъ нассау-зигенъ.
Неккеръ, Жакъ, министръ Франціи. Уп., 38, 39, 40, 85, 107, 118, 194, 265, 286, 295, 337, 408.
Неккеръ (Necker, née Suzanne Curchod de la Nasse). Уп. отчетъ ея, о богадѣльни, ею основ. въ Парижѣ, въ 1778 г., 127.
Нелькенъ. Везетъ изъ Готы въ Импер. Академію Наукъ астрономическіе инструменты, 418, 419.
Нессельроде, графъ Вильгельмъ, чрезвычайный посланн. и уполном. министръ въ Лиссабонѣ, потомъ въ Берлинѣ. Уп., 28.
Нивелонъ, состоялъ при парижской балетной трупѣ. Уп., что онъ безъ занятій, 203.
Ноайль, маршалъ. Уп., 14, 123, 200.

Огаръ (Augard), морской офицеръ, кавалеръ. Уп., 417, 421.
Огюстъ (Auguste), золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Парижѣ. Работаетъ для им. Екатерины II, 65.
Одэ (Audet). Пользуется милостями импер. Екатерины II и отзывъ ея объ императрицѣ, 50.
Окландъ, лордъ, посланникъ Англіи въ Гагѣ. Уп. смѣтливость его, 342; уп.. 388.
Олавидесъ (Olavidès), генералъ-интендантъ Андалузіи. Упом., 200, 228. (Оцѣнка его госуд. дѣятельности см. въ Ист. XVIII вѣка Шлоссера, т. III., стр. 90—94, нѣмец. изд.).
Олаусъ (Олехасъ), курьеръ. Уп., 28, 310, 329, 330, 339 351.
Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, сенаторъ. Уп., 42, 60, 63, 231.
Орлеанскій герцогъ, см. Луи-Филиппъ, герцогъ орлеанскій.
Орлова, княгиня Екатерина Николаевна, урожденная Зиновьева. Уп., 100, 187.

Орловъ, князь Григорій Григорьевичъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-адъютантъ. Извѣстіе о женѣ его, 71, 100, 178, 187, 233.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ, генералъ-адъютантъ. Уп. о его путешествіяхъ въ Средиземное море, 203, 233.

Осмондъ, графъ. Назначается посланникомъ въ Россію, на мѣсто гр. Сегюра; отзывъ о немъ, 350; уп. отъѣздъ его, 410.

Остерманъ, графъ Иванъ Андреевичъ, вице-канцлеръ, впослѣд. канцлеръ. Уп., 368, 454, 462, 466, 484, 491.

Оффенбергъ, оберъ-гауптманъ. Уп. помѣстья его, 497.

Павловъ, курьеръ. Уп., 244, 247, 249, 253.

Павелъ I, Императоръ Всероссійскій. Уп., 194.

Пай, Ричъ и Вилькисонъ, банкирскій торговый домъ, въ Амстердамѣ. Уп., 114.

Паизіелло, Джіованни, композиторъ. Уп., 14, 50, 57, 69, 144, 148, 167, 205.

Панинъ, графъ Никита Ивановичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Уп., 91, 163.

Парижскій архіепископъ, братъ Маркиза де Жюинье. Уп., 422.

Паули, коммиссіонеръ. Уп., 14, 156, 188, 206.

Персей. Уп. изображеніе его на знаменитомъ камеѣ; уп. въ письмѣ Гримма, 14, 31, 34.

Петръ I Великій, Императоръ Всероссійскій. Уп., 6, 472, 515; Дидро поздравляетъ Фальконета съ успѣшнымъ вылитіемъ статуи его, 531.

Петръ III, Императоръ Всероссійскій. Уп., 444.

Пій VI, папа римскій. Уп., 9, 49, 111, 112, 157, 205, 223, 260, 369.

Пико, изобрѣтатель цемента. Уп., что опыты надъ цементомъ не соотвѣтствовали чудесному дѣйствію, какого ожидали отъ него, 529.

Пиронъ, Алексисъ, французскій писатель. Уп., 398.

Питтъ, Вилліамъ, англійскій министръ. Уп., 340, 359, 380, 387, 388.

Пиѳія, пророчица. Уп. ея треножникъ, 148.

Платонъ (Левшинъ), митрополитъ Московскій, законоучитель вел. кн. Павла Петровича. Уп., 278.

Плиній, римскій писатель. Уп., 171, 172.

Плутархъ, греческій философъ и историкъ. Уп. его творенія, 135, 297, 307, 321, 388.

Повалишинъ, Иларіонъ Аѳанасьевичъ, адмиралъ. Уп., 313, 343.

Полетика, Григорій Ивановичъ, совѣтникъ посольства, въ Вѣнѣ, канцеляріи совѣтникъ. Упом., 22.

Полибинъ, морякъ. Извѣстіе о его крейсерствѣ у Канарскихъ островов, 82.

Понятовскій, см. Станиславъ Августъ IV Понятовскій, король польскій.

Порція, неизвѣстное лицо. Названа оно въ письмѣ Гримма «дочерью Катона» 48.

Потемкинъ-Таврическій, князь Григорій Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ. Уп. искренность писемъ импер. Екатерины II къ нему, II; уп., 240, 254, 274, 277, 348, 368, 388, 423 434, 437, 438.

Потоцкій, графъ Игнатій, воевода. Уп., 471.

Принчипати, неизвѣстное лицо. Такъ оно прозвано Гриммомъ; привозитъ письмо импер. къ бар. Гримму, 92—94, 101, 105, 107, 108.

Прозоровскій, князь Александръ Александровичъ, генералъ-поручикъ. Уп., 44.

Пуссенъ, живописецъ. Уп., 25, 101.
Пухкельбергъ. Ходатайство бар. Гримма о назнач. его консуломъ, 163.
Пэнсэ. Уп. 245.

Радзивилъ, князь Антоній. Уп., 458.
Разумовскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ, оберъ-егермейстеръ. Уп. милости, оказанныя ему импер. Елисаветою, 40.
Разумовскій, графъ Кириллъ Григорьевичъ, фельдмаршалъ. Письменно благодаритъ герцога Бирона за ссуду, сдѣланную сыну его, графу Петру, въ Парижѣ, 237.
Разумовскій, графъ Петръ Кириловичъ. Герцогъ Биронъ оказываетъ ему и его женѣ особенное вниманіе во время пребыванія ихъ во Франціи, 237.
Расинъ (Jean Racine), поэтъ Франціи. Уп., 292, 510.
Рафаэль Санціо, живописецъ. Уп. его картины, 16, 210, 232.
Редернъ, графъ, прусскій министръ въ Лондонѣ. Уп., 339, 406.
Рейналь (Raynal. Guill. Thom. Fr.), аббатъ, писатель. Уп. его исторія обѣихъ Индій, 19, 221.
Рейсъ, графъ, владѣтель сгорѣвшаго города Гера, въ Саксоніи. Уп., 213.
Рейфенштейнъ, коммиссіонеръ импер. Екатерины II въ Римѣ, называемый бар. Гриммомъ «божественнымъ». Уп., 21, 34, 43, 48, 78, 79, 80, 105, 109, 116, 120, 130, 159, 162, 165, 187, 189, 190, 209, 228, 282, 308.
Рейхардъ. Упом., 419.
Реке (Reckin), гофмейстерина. Уп., 468.
Рембрандтъ, живописецъ. Уп., 152.
Ренье. Уп., что онъ другъ Сенъ-При, 146.
Репнинъ, князь Николай Васильевичъ, генералъ-аншефъ. Уп., 514.
Ривьеръ, ла, знаменитый экономистъ. Извѣстіе о немъ, 335.
Риде (Reede), баронъ Арентъ-Виленъ, посланникъ нидерландскій на рейхенбахской конференціи. Уп., 392.
Ричмондскій, герцогъ, см. Карлъ, герцогъ ричмондскій.
Ришельё, Арманъ Эммануэль, дюкъ де Фронсакъ, герцогъ. Уп., 349, 369.
Ріокуръ, графъ, посланникъ саксонскій на франкфуртскомъ сеймѣ. Уп., 318.
Роберъ, Гюберъ, живописецъ. Извѣстіе о картинѣ его, 413.
Робертъ и Жанъ Гай, коммиссіонеры. Уп. 27.
Робертсонъ, Виліамъ, англійскій историкъ. Уп. «пріемы» его, 19.
Ровинъ. Уп., что при немъ было «плохо», 525.
Робинэ Уп. картины его и коллекціи, купленныя для им. Екатерины II, 76, 131, 188, 192, 194, 206, 207, 228.
Роднэй, лордъ, англійскій адмиралъ. Уп., 237.
Рожэ-Дама, графъ. Уп., 434.
Роджерсонъ (Рожерсонъ), Иванъ Самойловичъ, лейбъ-медикъ импер. Екатерины II. Уп., 186, 216.
Росслинъ, Александръ, шведскій живописецъ. Уп., 146.
Румянцовъ-Задунайскій, графъ Петръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ. Уп., 514.
Румянцовъ, графъ Михаилъ Петровичъ, оберъ-шенкъ при импер. Александрѣ I. Уп. 226.
Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ, называемый Гриммомъ Св. Николай, полномочный мин. и посланникъ во Франкфуртѣ. Уп., 106, 219, 247, 248, 257, 259, 260, 261, 265, 269, 272, 290, 301, 308, 317, 320, 352, 362.
Румянцовъ, графъ Сергѣй Петровичъ. Уп. 226.
Рюльеръ (Rulhiere), Клодъ-Карломанъ,

французскій писатель. Извѣстіе о смерти его, 414.

Саллюстій, римскій историкъ. Уп., 515.
Салтыкова, графиня. Уп., 226.
Санадонъ, іезуитъ. Переводитъ юбилейную пѣснь, сочиненн. Филидоромъ, 89.
Сангушко, князь. Разводится съ женою, которая извѣстна подъ именемъ Годской, 150.
Сантини, Каспаръ, римскій банкиръ. Уп., 21, 48, 78, 79, 113; уп. болѣзнь его, 161, 163, 310.
Седенъ (Sedaine, Michel Jean), французскій писатель комедій и оперъ. Отзывъ, что онъ скоро появится «на горизонтѣ Минервы Гиперборейской», 49; бар. Гриммъ комедію его посылаетъ импер. Екатеринѣ II, 123; отзывъ о его трагедіи «Спасенный Парижъ», 124; извѣстія о его супругѣ и дѣтяхъ 199; уп. 139, 197.
Сегюръ, графъ Луи Филиппъ, французскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Уп., 350, 410.
Сегье, Антонъ Луи. Уп., 221.
Селимъ III, султанъ турецкій. Уп., 393.
Сенъ-При, графъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ. Уп., 146.
Сенакъ де Мельянъ, валенсьенскій эксъ-интендантъ. Поступаетъ на службу въ Россіи, 366.
Симолинъ, Иванъ Матвѣевичъ, полномочный министръ въ Парижѣ. Уп., 247, 410, 411.
Слитцовъ, гувернеръ. Уп., 36.
Солано, Іосифъ, донъ. Уп., 211.
Софія-Антуанета, герцогиня саксенъ-готская. Уп. 317.
Станиславъ Августъ IV Понятовскій, король польскій. Уп., 490.
Строгоновъ, графъ, Александръ Сергѣевичъ, сенаторъ. Уп. картины, принадлежащія ему, 26; уп., 413.
Суворовъ, Александръ Васильевичъ, князь италійскій, графъ рымникскій. Уп., 276.
Сутерландъ, баронъ Ричардъ, банкиръ импер. Екатерины II. Уп., 114, 162, 289, 312.
Сюло (Suleau). Уп., 337.

Тальманъ, баронъ Михаилъ, австрійскій уполномоченный. Уп., 489. (Ср. Zinkeisen. Gesch. des osm. R. T. V. p. 675 и слѣд.).
Таубе, баронъ, ротмистръ. Уп., 471, 473.
Тацитъ, римскій историкъ. Уп., 212, 515.
Тейсоньеръ, кавалеръ. Уп., 26.
Терзи, австрійскій генералъ-фельдцейхмейстеръ. Уп., 221.
Террэ, министръ короля Людовика XV, аббатъ. Уп., 38, 39.
Тессе, графиня, дочь маршала Ноайля. Уп., 15.
Тиръ, (Thier), Георгій, подполковникъ, для курьерскихъ посылокъ, состоящій при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Бар. Гриммъ въ шутку называетъ его «своимъ гувернеромъ», 6, 33, 68, 91, 180, 282, 330.
Тома, Антонъ Леопардъ, писатель. Уп., 6.
Томасъ (Андерсонъ), кличка любимой собаки импер. Екатерины II. Уп., 6, 184, 243.
Торре, маркизъ де ла, испанскій министръ при русскомъ дворѣ. Уп., 123.
Траверсе, маркизъ. Уп., 411.
Траэтта, Ѳома, композиторъ. Уп. «Амуръ и Психея», его, 50; уп. «Антигона» его, 144.
Тромбара, Джакомо, италіанскій архитекторъ. Уп., 11, 12.
Троншенъ, Теодоръ, медикъ. Уп., 75, 77, 87, 92, 93, 187.
Троншенъ. Назнач. ему 1500 флориновъ, 75; уп., 77, 78; извѣстія о его коллекціи картинъ, 84, 88, 193.

Турне (Tourneux), издатель соч. Дидро. Изявляется благодарность ему, 535.

Турнъ, баронъ. Уп., 256.

Тэодоръ, танцовщица. Уп. о легкости ея, 203.

Уанъ-Уангъ, см. Гриммъ, баронъ Мельхіоръ.

Унтербергеръ, Христофоръ, живописецъ. Уп., 181.

Ушаковъ, Өеодоръ Өедоровичъ, контръ-адмиралъ. Уп., 258.

Фальконетъ, Этьенъ Морисъ, французскій скульпторъ. Уп., 12; Дидро поздравляетъ его съ успѣшнымъ вылитіемъ статуи Петра I, 531; уп., 535.

Ферверъ, генералъ. Уп. рапортъ его о взятіи Перекопа, 469.

Фердинандъ, герцогъ курляндскій, послѣдній потомокъ гермейстера Кетлера, † 3 мая н. ст. 1737. Уп., 443, 457, 477, 490, 491, 497; уп. супруга его Іоанна Магдалина, 490, 491, 497.

Фердинандъ, IV, король испанскій. Уп., 267.

Фертэ-Имбо, (De la Ferté Imbault), маркиза, дочь Жоффренъ. Уп., 414.

Факнеръ (Фалькенеръ), секретарь англійскаго королевскаго кабинета. Уп., 365.

Филидоръ, Франсуа Андре, композиторъ. Уп. его партитура въ 2 т. «Carmen Saeculare», 29, 33; уп., 75, 89, 139, 141, 143.

Финкъ, курляндскій дворянинъ. Уп., 493.

Флеммингъ, министръ саксонскій. Уп.. 462, 486.

Флёри, аббатъ. Уп., 227.

Флёріенъ. Уп., 411.

Форстенбургъ, графъ. Уп., 367.

Францъ I, Стефанъ, германо-римскій императоръ. Уп., 247, 266, 444.

Францъ II, императоръ римскій (императоръ австрійскій), сынъ Леопольда II, племянникъ Іосифа II. Уп., 19.

Фридерика-Луиза, дочь принцессы оранской, см. Фридерика-Софія Вильгельмина, принцесса оранская.

Фридерика-Софія-Вильгельмина, принцесса оранская, дочь прусскаго принца Августа Вильгельма, сестра короля прусскаго Фридриха Вильгельма II, супруга Вильгельма V, штатгальтера соед. нидерландовъ. Уп. о ея дядѣ принцѣ Генрихѣ и дочери принцессѣ Фридерикѣ Луизѣ-Вильгельминѣ, 224, 229, 339, 342, 398, 407.

Фридрихъ-Вильгельмъ I, король прусскій. Уп., 465, 477, 478, 482, 492, 494, 499, 500, 501.

Фридрихъ-Вильгельмъ II, король прусскій, племянникъ короля Фридриха II. Въ письмахъ Гримма названъ «Прусскій принцъ, Бранденбургскій маркизъ, господ. Бранденбургъ»; уп. 45, 69, 70; названъ высокимъ союзникомъ импер. Екатерины II, 80—82; уп. какъ кронъ-принцъ, 98, 99; уп. его сочиненія, 129, 205; названъ «sans souci», 212; названъ «большой парой манжетъ», 286; бар. Гриммъ назыв. его «мой другъ изъ санъ-суси», 423, 424; уп., 235, 316, 324, 353, 354, 384, 387, 392, 512, 526.

Фридрихъ Казиміръ, герцогъ курляндскій, † 12 января 1698. Упом., 492.

Фридрихъ II, король прусскій. Упом. 512, 526.

Фридрихъ, герцогъ іоркскій, князь, епископъ оснабрюкскій, второй сынъ короля Георга II. Названъ пасторомъ Оснабрюкскимъ, 98.

Фридрихсъ, баронъ, банкиръ. Названъ «дороднѣйшимъ покойнымъ барономъ», 113.

Хотъ, банкиръ. Уп., 113.

Хризологъ, капуцинъ. Представляетъ,

черезъ бар. Гримма, «планиферу» вел. кн. Александру Павловичу, 30, 33.
Христіанъ VII, король датскій. Уп., 359, 360.
Христіанъ-Эрнестъ, маркграфъ байрейтскій. Уп., 492.

Цахъ, баронъ Францъ Ксаверій. Извѣстія объ астрономическихъ инструментахъ, изобрѣтенныхъ и усовершенствованныхъ имъ, 418.
Циммерманъ, Іоаннъ Георгъ, извѣстный медикъ и философъ. Уп., 350, 367.
Цукмантель. Извѣстіе о кабинетѣ картинъ и рѣдкостей его, 115, 131; уп., 176, 156, 188, 193, 206, 228.

Чатамъ, графъ Вильямъ Питтъ, лордъ. Уп. его слова по поводу вооруженнаго нейтралитетъ, 288.
Черкаскій, князь Алексѣй Михаиловичъ, канцлеръ. Уп., 484.
Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, контръ-адмиралъ. Уп., 312, 322, 343.

Шабритъ (Chabrit Pierre), Петръ. Дидро сравниваетъ его дѣятельность съ Монтескье, 535.
Шаденъ, Уп., мысли его воспитаніи. 425, 426.
Шаппъ (Chappe d'Auteroche Jean), аббатъ. Уп., 519.
Шателэ (Du Châtelet), г-жа. Живетъ въ ея замкѣ, въ Лотарингіи, Вольтеръ, 173.
Швейцеръ, Карлъ. Уп., 368.
Шлаффъ, секретарь шведскаго посольства. Уп., 259, 269.
Шовиньи. Уп., 323.
Шомбергъ (Шёнбергъ) графъ, Адольфъ Генрихъ, состоявшій во главѣ государс. совѣта въ Дрезденѣ. Уп., 268, 315, 320—323, 325, 367.
Шпильманъ, баронъ, австрійскій дипломатъ, уполномоченный на рейхенбахскомъ и пильницкомъ конгрессахъ. Уп., 391, 392.
Штелинъ, Яковъ. Уп., 231.
Шуазель, Амбуазъ, Этьенъ - Франсуа, герцогъ, министръ. Уп., 20.
Шуваловъ, графъ Андрей Петровичъ, директоръ банковъ. Уп., 117, 125.
Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, оберъ камергеръ. Уп., 8, 25, 199, 203, 213.
Шуленбургъ, графъ. Уп., 370.
Шуленовъ, курьеръ. Уп., 418.

Эденъ, англійскій министръ въ Дрезденѣ, братъ лорда Окланда. Уп. 388.
Экъ, Матвѣй Матвѣевичъ, почтъ-директоръ въ С.-Петербургѣ. Уп., 12.
Эльсъ, графъ, см. Генрихъ, принцъ прусскій.
Эннери, антикварій. Уп., 61—63.
Эпинэ (d'Epinay). Импер. Екатерина II покупаетъ у нее бриллянты, 37, 38, 39, 227; упом. ее сочиненіе «Conversation d'Emilie, 231.
Эриксонъ, Виргилій, живописецъ. Уп. портретъ импер. Екатерины II, написанный имъ, 145, 164.
Эрнестъ Людвигъ, герцогъ мейнингенскій. Уп., 492.
Эрнестъ II Людовикъ, герцогъ Готскій Уп., 265, 291.
Эссенъ, фонъ, Фридерика, см. Коцебу.

Юлій Кесарь. Уп., 299, 505, 512, 526.
Юнкеръ, капитанъ. Уп., 446.
Юсуфъ, паша. Уп., 370.

Ягужинскій, графъ Сергѣй Павловичъ, генералъ - поручикъ, оберъ - камергеръ. Уп., 462, 466.

Ѳалестра, царица амазонокъ. Уп., 179.

